

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Бутеев Д.В. Неофициальные гидронимы Смоленска.....	7
Быкова А.С. Иноязычные инфокоммуникативные умения студентов университета.....	12
Волохова В.В. Проектная работа на занятиях иностранного языка в строительном вузе.....	16
Воробьева Н.С. Взаимосвязь психологических факторов и личностных особенностей у женщин с раком молочной железы.....	20
Гавронова Ю.Д., Иванова Ю.В. Перевод научных медицинских текстов: лингвистический аспект.....	25
Грубин И.В., Оганесян Е.А., Плужникова И.И. Влияние развития цифровых технологий на процесс обучения иностранному языку в университете.....	30
Даценко С.В. «Фунт мяса»: социальный эксперимент.....	33
Зейнутдинова Э.Ш., Дриженко М.А. Дидактический потенциал аутентичных аудиоматериалов в обучении иностранному языку.....	37
Зеркина Н.Н., Чусавитина Г.Н., Костина Н.Н., Омеленчук К.А. Искусственный интеллект в преподавании иностранных языков.....	42
Грубин И.В., Юдина И.И., Плужникова И.И. Возможность использования виртуальной реальности в преподавании иностранного языка в университете.....	47
Иванова О.В. Важность формирования осознанного отношения к окружающей среде на занятиях по английскому языку у студентов строительных специальностей.....	50
Карцева Е.В. Инновационные технологии в иноязычном образовательном пространстве высшей школы студентов технических специальностей в современном мире.....	56
Кобзева О.В., Федорова Е.Л. Лексико-грамматические особенности научного текста: категории проспекции и ретроспекции в русском и французском языках.....	59
Иванова С.С. «Ничто» как языковой конструкт: логико-семантический механизм репрезентации абстрактного объекта (на материале текстов Чеслава Милоша).....	64

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, профессор Московского педагогического университета, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор действительный член РАЕН; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникации и медиаобразования, член Союза журналистов России; **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Института социологии и регионалистики, ЮФУ; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, действительный член Академии литературы, почетный доктор Института социологии РАН; **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой по научной работе, МГУ им. М.В. Ломоносова; **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник, ИСПИ РАН; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Польша); **Кривоусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления; **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института Высшей школы (Беларусь); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета; **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии РАН; **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, заведующий кафедрой гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, член международной федерации журналистов, профессор Московского педагогического государственного университета, почетный работник Высшего профессионального образования РФ; **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, Президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского университета; **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры Корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО; **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной социологии факультета социологии, декан Факультета социологии СПбГУ, директор Центра изучения Германии и Европы; **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы.

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.01.2025 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

<i>Коваль О.П., Звягинцева Е.П.</i> Ценностно-ориентационная основа современной молодежи как базис развития гибких навыков будущих специалистов... 67	<i>Шкарин В.В., Доница А.Д., Ковалева М.Д.</i> Институт семьи в социокультурных экспектациях будущего врача 150
<i>Костюкович Е.Ю.</i> Международная академическая мобильность в современных реалиях 72	<i>Юденкова О.В.</i> Использование постулатов восточной философии как средства мотивации студентов инженерных специальностей к изучению иностранных языков 154
<i>Лысова О.В., Абдуллина А.Ш., Нигматуллина Л.А.</i> Актуальные тенденции в развитии индустрии туризма и гостеприимства Республики Башкортостан: на основе анализа концепта «Башкортостан» 77	СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
<i>Маркунайте С.К.</i> Описание семантики кратких параметрических прилагательных широк и узок (лингводидактический аспект)..... 81	<i>Васильев В.В.</i> Методологические подходы к изучению скулшутинга в образовательных организациях на межпредметном и социологическом уровнях..... 157
<i>Масленникова Е.Г., Тараненко О.Н., Романько И.Е.</i> Применение инновационных образовательных технологий при подготовке будущих специалистов сферы туризма..... 83	<i>Гололобова Т.А.</i> Социально-экономическая эффективность медицинских услуг: ресурсный подход..... 163
<i>Костюкович Е.Ю.</i> Приемы отработки лексики на занятиях английского языка в строительном вузе 87	<i>Виноградов М.Ю., Джигбилова Е.Г., Побываев Н.С.</i> ИИ как политический консультант: сценарии будущего России по версии ChatGPT 167
<i>Матросов А.А., Ваторопин А.С.</i> Дефицит педагогических кадров в системе среднего профессионального образования: проблемы и решения 92	<i>Дмитриева И.С.</i> Влияние цифровизации на формирование социальных отношений и социального капитала 173
<i>Метелькова Л.А., Салихова О.К., Зайцева Е.Л.</i> Стилистический подход к определению оценки..... 97	<i>Игумнов О.А.</i> Социально ориентированное управление и человекоцентричная организация в контексте «субъектизации» объекта управления..... 177
<i>Петраш Н.Д.</i> Влияние культурной атмосферы в обществе на производство кино 101	<i>Мирошниченко М.А., Петрова Т.Э.</i> Теоретический подход к управлению развитием киберспортивных мероприятий..... 183
<i>Роот Э.В.</i> Мотивация как инструмент формирования междисциплинарных иноязычных компетенций..... 107	<i>Новиков С.М., Фомичева Т.В.</i> Социальная политика как фактор развития экологической сознательности у российской молодежи: управленческий аспект..... 187
<i>Рябова Н.М., Кобзева О.В., Тюфанова А.А.</i> Использование корпоративных вебсайтов компаний для обеспечения разноуровневого обучения студентов неязыкового вуза..... 112	<i>Ревенко Н.В., Сережко Т.А., Михалев Е.А.</i> Концептуализация теории мотивации государственных служащих 193
<i>Прокофьева Е.А., Левченкова Т.А., Симонова М.М.</i> Социальный облик московской буржуазии рубежа XIX–XX веков 116	<i>Ходжатов К.Б.</i> Российские жители, выходцы из Средней Азии в зеркале миграционных исследований 198
<i>Чупахина Т.И., Стебляк В.В.</i> Возможности социально-культурного проектирования 120	<i>Яковко Т.В., Орлова О.Н.</i> Активная гражданская позиция как гвоздь времени и осознание своего вклада в развитие государства 203
<i>Тарабарина Ю.А.</i> Академическое мошенничество студентов с использованием нейросетей..... 123	ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ
<i>Третьякова А.А.</i> Социология кино: направления, подходы и перспективы 131	<i>Андреевская Ж.В.</i> Конструирования социальной идентичности в дихотомии «Свой – Чужой»: на примере общественного сознания россиян 209
<i>Федоренко А.А.</i> Цифровое представление истории автомобильного чемпионата «Формула-1»: сравнительный анализ 135	<i>Артемьев А.А.</i> Актуальные проблемы духовной безопасности в современном российском обществе..... 212
<i>Фонова Е.Г., Васильева В.О.</i> Роль искусственного интеллекта «twee» в развитии навыков творческого письма на занятиях английского языка 143	<i>Бабанин В.Д.</i> Диалектика универсального и особенного: цивилизационный подход в постмодернистской перспективе 217
<i>Черкашина Е.Л., Али Лин.</i> Профессиональная коммуникация на русском языке иностранных магистрантов, обучающихся по направлению «управление проектами в строительстве»: проблемы и пути их решения..... 146	<i>Захаров М.Ю., Шишкова А.В.</i> Техносоциальные вызовы цифровой трансформации науки 222

<i>Кафтан В.В., Кафтан В.В.</i> Концепция меметической войны в военных информационно-коммуникативных операциях современности.....	227
<i>Примаков Н.А.</i> Антииерархизм в современном либерализме.....	233
<i>Романов Д.Д., Сурова Е.Д.</i> Социальный миф: проблемы исследования	236
<i>Тазов П.Ю.</i> Цифровая идентичность в пространстве цифровых коммуникаций.....	241
<i>Урсул В.И., Костарев Г.П.</i> Информационное управление социумом.....	244
<i>Шамилева Р.К., Даулеткериев А.Р.</i> Идеал равенства в современной социальной теории: истоки и реалии	248

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Мамедов А.А., Картунов В.В., Панюков А.И.</i> Арабская наука в контексте научных знаний эпохи Средневековья	252
--	-----

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Арутюнян А.Г.</i> Возможности национально-культурных автономий в реализации «публичной дипломатии 2.0»	256
<i>Ежов Д.А.</i> Дистанционное электронное голосование в современной России: от апробации к электоральной реальности.....	260
<i>Кулакова Н.Н., Анисимов В.В.</i> Истоки формирования украинского радикального национализма: история и характеристика.....	265
<i>Мамаева Ю.А.</i> Экономический суверенитет и технологическое лидерство России на современном этапе политического развития страны.....	270
<i>Скрябин Д.И.</i> Роль нормативно-правовых актов в формировании общероссийской гражданской идентичности.....	275

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Бельский В.А.</i> Взаимодействие правоохранительных органов США и Мексики в области противодействия торговли людьми и использования рабского труда.....	280
--	-----

<i>Жиряков И.Г.</i> Участие австрийских СМИ в формировании негативного внешнеполитического имиджа СССР «постбрежневских» лет.....	285
<i>Юлова А.А.</i> Политические права саамов: реформа Закона о саамском округе	291

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Евсеева Н.В., Скоробогатый П.В.</i> Формирование общероссийской идентичности молодежи новых субъектов РФ	297
<i>Тан Цзинцзин.</i> Экономическая дипломатия Китая через электронные торговые платформы: современные тенденции и перспективы	303
<i>Чжао Даньян.</i> Влияние противоречий между Китаем и США на развитие различных интеграционных объединений: Евразийский союз, ШОС, БРИКС, ЕС	308
<i>Яо Линдун.</i> TSMC и геополитические риски Тайваня.....	313

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ван Ли.</i> Анализ современного образовательного взаимодействия между Китаем и государствами АСЕАН	317
<i>Карташова М.Н.</i> Деятельность С.Ю. Витте в Российско-Китайских отношениях	321
<i>Кравченко А.И.</i> Досуг, отдых и свободное время	326
<i>Микрюков В.О.</i> Эффективная SMM-стратегии для продвижения прикладной литературы: опыт и рекомендации для издательства «АСТ»	333
<i>Рязанцева М.В.</i> Влияние цифровизации на поведение и этику молодежи.....	337
<i>Чжан Ифэй, Малаховский А.К.</i> Сравнительное исследование образа женщины в китайских и российских новостях о домашнем насилии.....	342
<i>Исаева М.А., Дриженко М.А.</i> Рефлексия на профессионально-ориентированных занятиях по иностранному языку	346
<i>Кудряшова Ю.А.</i> Политика «мягкой силы» Китая в Казахстане и Узбекистане на современном этапе	354
<i>Юсупова С.Н.</i> Из опыта анализа остаточных знаний по русскому языку у российских студентов (на материале письменных работ студентов 1 курса бакалавриата НИУ МГСУ)	359
<i>Соколова А.Г., Девятникова К.Г., Конькова А.А.</i> Технология перевернутого класса в контент-ориентированном преподавании иностранного языка ...	363

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

<i>Buteev D.V.</i> Unofficial hydronyms of smolensk.....	7
<i>Bykova A.S.</i> Foreign language info-communication Skills of university students.....	12
<i>Volokhova V.V.</i> Project work in foreign language classes at a university of civil engineering.....	16
<i>Vorobyeva N.S.</i> The relationship between psychological factors and personality traits in women with breast cancer...	20
<i>Gavronova Y.D., Ivanova Y.V.</i> Translation of scientific medical texts: Linguistic aspect.....	25
<i>Grubin I., Oganessian E., Pluzhnikova I.</i> The impact of the development of digital technologies on the process of teaching a foreign language at the university	30
<i>Datsenko S.V.</i> "A Pound of Flesh": a social experiment	33
<i>Zeynutdinova E.S., Drizhenko M.A.</i> The didactic potential of utilising authentic audio materials in the teaching of a foreign language.....	37
<i>Zerkina N.N., Chusavitina G.N., Kostina N.N., Omelenchuk K.A.</i> Artificial intelligence in foreign languages teaching	42
<i>Grubin I., Yudina I., Pluzhnikova I.</i> The possibility of using virtual reality in teaching a foreign language at the university	47
<i>Ivanova O.V.</i> The Importance of Developing Environmental Awareness in English Language Classes for Construction Students.....	50
<i>Kartseva E.V.</i> Innovative technologies in the foreign language educational space of higher education for students of technical specialties in the modern world	56
<i>Kobzeva O.V., Fedorova E.L.</i> Lexical and grammatical features of scientific text: categories of prospect and retrospection in Russian and French.....	59
<i>Iwanowa S.S.</i> «Nothing» as a linguistic construct: logico-semantic mechanism of abstract object representation (on the material of texts by Czesław Miłosz).....	64
<i>Koval' O.P., Zvyagintseva E.P.</i> Value-orientation basis of contemporary youth as foundation for development of soft skills with specialists-to-be	67
<i>Kostiukovich E.Y.</i> International academic mobility in modern realities	72
<i>Lysova O.V., Abdullina A.Sh., Nigmatullina L.A.</i> Current trends in the development of the tourism and hospitality industry of the republic of Bashkortostan: based on the analysis of the concept of «Bashkortostan»	77
<i>Markunaitė S.K.</i> The description of the semantics of short parametric adjectives широк and узок (linguodidactic aspect)	81

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Mironov Anatoly Vasilievich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Moscow Pedagogical University, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section)

Avanesova Galina Alekseevna – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences; **Balbeko Anatoly Mikhailovich** – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia; **Volkov Yuri Grigorievich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Doctor of Philosophy, Professor, Full Member of the Academy of Literature, Honorary Doctor Institute of Sociology RAS; **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Deputy Head of the Department for Scientific Work, Moscow State University. M.V. Lomonosov; **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Doctor of Chemical Sciences, Professor, Chief Researcher, ISPI RAS; **Kefeli Igor Fedorovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Sociology, Baltic State Technical University; **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Institute of Sociology (Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor at the State University of Management; **Makarov Anatoly Vasilievich** – Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Head. Department of Design of Educational Systems of the Republican Institute of Higher School (Belarus); **Matyukhin Andrey Viktorovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head. Department of Philosophy and History of Moscow Financial and Industrial University; **Mikhailenok Oleg Mikhailovich** – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for the Study of Socio-Political Relations of the Center for Political Science and Political Sociology of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna** – Doctor of Philosophy, Head of the Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilievna** – deputy editor-in-chief, candidate of philosophical sciences, professor, member of the International Federation of Journalists, professor of Moscow Pedagogical State University, honorary worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich** – Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor of St. Petersburg University; **Subochev Nikolay Sergeevich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Corporate Governance at RANEPa, Honorary Worker of Higher Professional Education; **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Comparative Sociology of the Faculty of Sociology, Dean of the Faculty of Sociology of St. Petersburg State University, Director of the Center for the Study of Germany and Europe; **Khaziev Valery Semenovich** – Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Research Center for the Development of Islamic Education of the BSPU named after. M. Akhmedov .

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.01.2025. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Maslennikova E.G., Taranenko O.N., Romanko I.E.</i> The use of innovative educational technologies in the training of future specialists in the field of tourism.....	83	<i>Igumnov O.A.</i> Socially oriented management and person-centered organization in the management object «subjectization» context.....	177
<i>Kostiukovich E.Y.</i> Techniques for practicing vocabulary in english classes at a construction university.....	87	<i>Miroshnichenko M.A., Petrova T.E.</i> Theoretical approach to managing the development of eSports events management.....	183
<i>Matrosov A.A., Vatoropin A.S.</i> Shortage of teaching staff in the secondary vocational education system: problems and solutions	92	<i>Novikov S.M., Fomicheva T.V.</i> Social policy as a factor in the development of environmental awareness among Russian youth: the management aspect	187
<i>Metelkova L.A., Salikhova O.K., Zaytseva E.L.</i> Stylistic approach to defining evaluation	97	<i>Revenko N.V., Serezhko T.A., Mikhalev E.A.</i> Conceptualization of the theory of motivation of civil servants	193
<i>Petrash N.D.</i> The influence of the cultural atmosphere in society on film production	101	<i>Hojatov K.B.</i> Russian residents, natives of Central Asia in the mirror of migration research	198
<i>Root E.V.</i> Motivation as a tool for developing interdisciplinary foreign language competencies.....	107	<i>Yakovko T.V., Orlova O.N.</i> Active citizenship as a highlight of time and awareness of your contribution to the development of the state	203
<i>Ryabova N.M., Kobzeva O.V., Tufanova A.A.</i> Using corporate websites to provide multi-level learning for students at a non-linguistic university	112	PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY	
<i>Prokofieva E.A., Levchenkova T.A., Simonova M.M.</i> Social appearance of the Moscow bourgeoisie at the turn of the 19th – 20th centuries	116	<i>Andrievskaya Zh.V.</i> Construction of social identity in the dichotomy “Friend – Alien”: on the example of the public consciousness of Russians	209
<i>Chupakhina T.I., Stebliak V.V.</i> Possibilities of social and cultural design	120	<i>Artemyev A.A.</i> Current problems of spiritual security in modern Russian society	212
<i>Tarabarina Y.A.</i> Students’ academic fraud using neural networks	123	<i>Babanin V.D.</i> The dialectic of the universal and the special: the civilizational approach in a postmodern perspective	217
<i>Tretiakova A.A.</i> Sociology of Cinema: Trends, Approaches, and Perspectives.....	131	<i>Zakharov M.Yu., Shishkova A.V.</i> Technosocial challenges of digital transformation of science.....	222
<i>Fedorenko A.A.</i> Digital representation of the history of the «Formula 1» championship: comparative analysis	135	<i>Kaftan V.V., Kaftan V.V.</i> The concept of memetic warfare in modern military information and communication operations	227
<i>Fonova E.G., Vassilieva V.O.</i> Exploring the role of AI-driven “twee” in fostering creative writing skills in the english classroom.....	143	<i>Primak N.A.</i> Anti-Hierarchism in modern Liberalism.....	233
<i>Cherkashina E.L., Ali Leen.</i> Professional communication in russian for foreign undergraduates studying project management in construction: problems and ways to solve them	146	<i>Romanov D.D., Surova E.D.</i> Social myth: research problems.....	236
<i>Shkarin V.V., Donika A.D., Kovaleva M.D.</i> Institute of family in sociocultural expectations of the future doctors ...	150	<i>Tazov P.Yu.</i> Digital identity in the digital communications space	241
<i>Yudenkova O.V.</i> Using the postulates of Eastern philosophy as a means of motivating engineering students to study foreign languages	154	<i>Ursul V.I., Kostarev G.P.</i> Information Management of Society.....	244
SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES		<i>Shamileva R.K., Dauletkeriev A.R.</i> The ideal of equality in modern social theories: origins and realities	248
<i>Vasiliev V.V.</i> Methodological approaches to the study of schoolshooting in educational institutions at the interdisciplinary and sociological levels.....	157	PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE	
<i>Gololobova T.A.</i> Socio-Economic Efficiency of Medical Services: Resource Approach.....	163	<i>Mamedov A.A., Kortunov V.V., Panukov A.I.</i> Arabic science in the context of medieval scientific knowledge.....	252
<i>Vinogradov M.Yu., Dzibilova E.G., Pobyvaev N.S.</i> AI as a Political Consultant: Future Scenarios for Russia According to ChatGPT.....	167	POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES	
<i>Dmitrieva I.S.</i> Influence of digitalization on the formation of social relations and social capital.....	173	<i>Arutyunyan A.G.</i> Opportunities for national-cultural autonomies in the implementation of “Public Diplomacy 2.0”	256

<i>Ezhov D.A.</i> Remote electronic voting in modern Russia: from approbation to electoral reality.....	260
<i>Kulakova N.N., Anisimov V.V.</i> Ukrainian radical nationalism: history and characteristics	265
<i>Mamaeva Yu.A.</i> Russia's economic sovereignty and technological leadership at the current stage of the country's political development	270
<i>Skryabin D.I.</i> The role of normative legal acts in the formation of all-Russian civil identity	275

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Belsky V.A.</i> Interaction between law enforcement agencies of the USA and Mexico in the fight against human trafficking and forced labor.....	280
<i>Zhiryakov I.G.</i> The participation of the Austrian media in shaping the negative foreign policy image of the USSR in the “post-Brezhnev” years.....	285
<i>Yulova A.</i> Sami political rights: reform of the Sami District Act.....	291

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

<i>Evseeva N.V., Skorobogaty P.V.</i> Formation of the all-Russian identity of the youth of the new subjects of the Russian Federation	297
<i>Tang Jingjing.</i> China's Economic Diplomacy through Electronic Commerce Platforms: Current Trends and Prospects.....	303
<i>Zhao Danyang.</i> Influence of Contradictions Between China and the Usa on the Development of Various Integration Associations: Eurasian Union, SCO, BRICS, EU	308

<i>Yao Lingdong.</i> The company TSMC and Taiwan's geopolitical risks.....	313
--	-----

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Wang Li.</i> Analysis of Modern Educational Interaction between China and ASEAN States	317
<i>Kartashova M.N.</i> The activities of S. Yu. Witte in Russian-Chinese relations	321
<i>Kravchenko A.I.</i> Leisure, recreation and free time	326
<i>Mikryukov V.O.</i> Effective SMM Strategies for Promoting Applied Literature: Experience and Recommendations for AST Publishing House	333
<i>Ryazantseva M.V.</i> The Impact of Digitalization on Youth Behavior and Ethics	337
<i>Zhang Yifei, Malakhovsky A.K.</i> A comparative study of the image of a woman in Chinese and Russian news about domestic violence	342
<i>Isaeva M.A., Drizhenko M.A.,</i> Reflection in professionally-oriented foreign language classes.....	346
<i>Kudryashova Y.A.</i> China's “Soft Power” Policy in Kazakhstan and Uzbekistan at the Present Stage	354
<i>Yusupova S.N.</i> From the experience of analyzing the residual knowledge of the Russian language among Russian students (based on the material of written works by 1st year undergraduate students of the national research university MGSU)	359
<i>Sokolova A.G., Deviatnikova K.G., Konkova A.A.</i> Flipping the classroom in content-oriented foreign language courses.....	363

Неофициальные гидронимы Смоленска

Бутеев Дмитрий Валерьевич,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств»
E-mail: boutya@mail.ru

Цель исследования: собрать неофициальные гидронимы Смоленска, предпринять первичное изучение и обобщение выявленного языкового материала. Гипотеза исследования: неофициальные гидронимы как пласт неофициальной региональной топонимии представляет собой лингвокультурологический феномен, изучение которого имеет важное краеведческое, историческое, социологическое и филологическое значение.

Методы исследования: полевые (сбор материала, различные пути), анализ и систематизация собранных слов, сравнение смоленских неофициальных гидронимов с неофициальными топонимами других регионов. Результаты исследования: введение в поле научных исследований нового лингвистического материала, осуществлено его первичные анализ и систематизация.

Ключевые слова: неофициальный топоним, неофициальные, гидроним, Смоленск, краеведение.

Введение

При сборе неофициальных топонимов Смоленска, начатом ещё на исходе XX века (живое общение; изучение художественной, научной, мемуарной литературы, СМИ, Интернет), был выявлен обширный пласт гидронимов – наименований водных объектов.

Их можно классифицировать географически (реки, озёра, пляжи, места рыбалки, колодцы, родники, бассейны), исторически (эпоха возникновения и бытования), социологически (кем и как широко используются), лингвистически (способ образования, стилистическая окраска). В статье обзор собранного материала (более 50 гидронимов с учётом синонимов и вариантов) систематизирован по географическому признаку.

Методология исследования

Цель исследования: собрать неофициальные гидронимы Смоленска, предпринять первичное изучение и обобщение выявленного языкового материала.

Методы исследования: полевые (сбор материала, различные пути), анализ и систематизация собранных слов, сравнение смоленских неофициальных гидронимов с неофициальными топонимами других регионов.

Наряду с общенаучными методами (наблюдение, анализ, синтез, сравнение, систематизация, аналогия, выдвижение гипотез) в исследовании использовались специализированные методы лингвистической науки – метод стратификации (социальный аспект при анализе играет важную роль), описательный метод (в сочетании со структурным во всех его разновидностях – дистрибутивном, трансформационном, методом непосредственных составляющих), типологический метод, метод компонентного анализа, метод формализации, метод логического сопоставления.

Использовалась специальная ономастическая методика, предложенная профессором И.А. Королёвой [1; 87].

Основным материалом для статьи послужил «Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска» (2014 г.) [2], который вобрал в себя сведения, полученные как традиционными полевыми методами, так и новыми «интернетными».

Результаты и выводы

Многим смолянам приходилось «кривить нос», проходя по мостикам через речку Ясенную. Неудивительно, что она получила неблагозвучное прозвище **Говнянка** (в интеллигентных кругах, дабы не оскорблять слух, употребляется вариант **Вонючка**). Свои **Говнянки**, как это ни печально, есть и во многих других регионах (например, в Перми, Ржеве, под Киевом и т.д.). Но наша острее своих тёзок взывает к людям о необходимости задуматься над экологическими проблемами. Ведь речка с таким неблагозвучным прозвищем официально называется Ясенная. Ещё в середине 1950-х гг. в её чистой и ясной воде водились раки. Информанты сообщили нам ещё о семи водных объектах в границах города, называемых смоля-

нами так же неблагозвучно – Кармановке в Красном Бору, Большой Рачевке, Чуриловке, Шклянной и др. Отовсюду взывают к экологической совести смолян **Говнянки**, источающие смрад там, где не так давно радовали глаз чистые речушки и водоёмы.

По одной из версий неприятный смердящий запах мотивировал и один из древнейших смоленских неофициальных топонимов **Смядынь** (от слова «смердячий» – сильно и дурно пахнувший [3; 99]). Так ныне называют место, где, согласно русским летописям, в 1015 году был убит один из сыновей киевского князя Владимира-Крестителя благоверный князь Глеб. Убийцы, подосланные его братом Святополком Окаянным, совершили злодеяние на речке Смядыни, неподалёку от её впадения в Днепр. Имея возможность сопротивляться, князь Глеб не захотел проливать кровь соплеменников и единоверцев. Добровольно и смиренно отдав себя в руки убийц, он стяжал мученический венец, став одним из первых русских национальных святых.

На **Смядыни** в первой половине XII века возник Борисоглебский монастырь (смоляне его называли **Глебоборисовским**, ставя впереди младшего брата), был вырыт колодец, вода которого приобрела целебную силу. По преданию, омывшись ею, прозрели ослеплённые в междоусобице рязанские князья Мстислав и Ярополк. Сюда начали стекаться тысячи паломников, монастырь стал крупным духовным центром. Сегодня на его месте сохранились только остатки каменных фундаментов. Речка Смядынь пересохла, святой колодец тоже канул в Лету. В 1991 году на **Смядыни** был установлен камень с высеченным на нём крестом и текстом, повествующим о трагических событиях далёкого прошлого. К 1000-летней годовщине убийства Бориса и Глеба на Смядыни возвели деревянный храм с колокольней.

Вообще больше всего неофициальных смоленских гидронимов – это названия озёр. Некоторые из них не имеют официального аналога. Например, два озера в верховьях речки Дресны. Верхнее маленькое дачники прозвали по-сказочному **Белым копытцем**, возможно, отсылая к Алёнушкиному предупреждению («Не пей из копытца – козлёночком станешь»). Второе, что побольше (около открывшегося в 2009 г. гостиничного комплекса «Дворянское гнездо», м-н Южный, 40), называют **Детдомовкой**. В советскую эпоху на месте «Дворянского гнезда» находился лагерь, в котором летом проживали воспитанники детского дома. Можно считать неофициальным гидронимом и ещё одно озеро на Дресне – **ТЭЦ**. Это сокращённое «бесциферное» название известного всем жителям города пруда-охладителя Смоленской ТЭЦ-2.

Обычно пополнили коллекцию смоленских неофициальных топонимов **Анастасинские озёра** (собирательное название для целого комплекса озёр и прудов в районе Анастасина – посёлка, входящего в состав Смоленска) – **Гришанка**, **Дашка**, **Любительские**, **Поднизовка (Прядёхино)**, **Утятник**, **Восьмёрка**, **Девятка**.

Эти озёра были выкопаны после Великой Отечественной войны и получили официальные наименования. Ныне озеро «№ 8» стало **Восьмёркой**, «№ 9» – **Девяткой** (продуктивный словообразовательный способ – суффикс -к- переводит слово из официально-делового в разговорный стиль). Другие озёра со временем приобрели «нецифровые» прозвища. **Гришанка** стала называться по фамилии хозяина дома (Гришан), стоявшего неподалёку. Подобным же образом от фамилии Прядёхин обрело имя **Прядёхино озеро** (оно находится около самой городской черты, но уже за городом). Этот водоём, находящийся в ложбине, называют также **Поднизовкой**. **Дашино озеро (Дашка)** – (тоже располагается за городской чертой города) названо по имени

утонувшей в нём в 1960-е гг. девочки. На **Утятнике** всегда было много уток, а на двух соседствующих Анастасинских озёрах, получивших название **Любительские**, с 1980-х гг. разрешалось рыбачить. Этим планировали снизить браконьерство на находящимся рядом водоёмах, где осуществлялось разведение рыбы.

Вторая обширная группа неофициальных озёрных гидронимов – **Гнёздовские карьеры** – искусственные озёра в Гнёздове около поста ГИБДД, появившиеся благодаря **Керамке** (Смоленскому керамическому заводу, ныне – ООО «Гнёздово»). Был основан в 1953 г.). Среди них **Старый Земснаряд**, **Сказка**, **Четвёрка**.

Сказку раньше называли **Новым Земснарядом** или **Земиком** (сокращение с суффиксацией). Как и **Старый Земснаряд**, водоём был вырыт земснарядом (судном технического флота, добывающим нерудные строительные материалы) При номинации произошёл метонимический перенос с средства создания на сам создаваемый объект. В 1990-е гг. неизвестно по какой причине озеро стали называть **Сказкой**. В результате топонимы **Новый Земснаряд** и **Земик** перешли в разряд устаревших, а топоним **Старый Земснаряд** (название в современном виде возникло после появления **Нового Земснаряда**) утратил оппозиционность.

Четвёркой или **Лягушатником** (типичное для обозначения неглубоких водоёмов слово) называли небольшое и неглубокое озеро, находившееся напротив **Шманцаревской автобазы** через шоссе. В нём любили купаться гнёздовские ребятишки в 1970–1990-е гг. Озеро было окружено лесом. Торфяные пожары на рубеже XX–XXI веков уничтожили лес, и озеро высохло.

Сразу за городской чертой северо-западнее Смоленска, по правую сторону дороги Гнёздово-Ольша расположены **Ольшанские карьеры**, которые также называют **Десять-десять**. Название возникло от номера располагавшейся неподалёку воинской части ПВО, ныне изменившей номер и сократившей штат. Это родниковое озеро на месте старых песчаных карьеров – своеобразная смоленская Ибица с цивилизованным пляжем на одном берегу и диким (но не менее интересным) на противоположном. Среди местных услуг – прокат гидроциклов, воздушные полёты на параплане с мотором. По пляжу, как и на южных курортах, носят пиво, сладости и нехитрую снедь. Проводятся дискотеки на песке. Если на вопрос: «Как провёл лето?», отвечают: «На **Ольшанских карьерах...**», то следует понимать: «Дела не очень, денег на отдых за границей не хватает».

Небольшое озеро у подножия Гнёздовского городища называют **Квадратным** или **Бездонным** (используется также вариант **Бездонка**). Геометрический топоним мотивирован соответствующей формой водоёма. Некоторые учёные предполагают, что озеро является искусственно созданной в IX–X вв. гаванью (соединялась с Днепром его притоком Свинцом или **Свинкой**) для ремонта судов, следующих по пути «Из Варяг в Греки».

Топоним **Бездонка (Бездонное)** указывающий на значительную глубину водоёма, активно используют археологи в научных публикациях. Глубина озера делает его привлекательным для поклонников дайвинга. Среди местных жителей распространено предание, что озеро находится на месте затонувшего монастыря. Водоём с подобным названием упоминается в рассказе Анатолия Алексина «Поздний ребёнок» («А мне хочется поехать с ребятами за город, на озеро **Бездонку**, где все загорают и плавают, а не только с утра до вечера тонут, как считают мои домашние»). В Белоруссии одно из озёр с таким именем считается местными жителями воротами в загробный мир. В связи с этим следует вспомнить, что смоленская **Бездонка** находится рядом

с самым большим древним кладбищем восточных славян – Гнёздовскими курганами.

Озеро Ключевое в Красном Бору имеет разговорные имена **Ключка** и **Ключевуха**. Первый топоним образован сокращением с прибавлением суффикса -к-, второй без сокращения с помощью суффикса -ух-. Оба слова имеют грубоватый, пренебрежительный оттенок.

Озеро в Соловьёной Роще (ещё совсем недавно парк называли **Питомником**) в 1970–1980-х гг. называли **Огурцовкой**. Название, по словам информанта, было дано по сходству форм водоёма и овоща: «длинное, узкое, как огурец, и цветет». Возможно, на возникновение топонима повлияла Огурцовая река носовского Цветочного города, которая получила название из-за обилия огурцов, произрастающих по её берегам.

Искусственное озеро в парке им. 1100-летия Смоленска до появления торгового центра «Макси» называли **Поповским** (от полуофициального названия микрорайона, в котором оно находилось – **Поповки**). Было вырыто в начале 1960-х гг. Очищено и благоустроено в 2008–2010 гг. Официального имени водоём не получил. С появлением «Макси» об озере стали говорить **У Макси** и **За Макси**. «Пойду порыбачу **За Макси**».

Небольшое озеро на **Поляне** (рядом с остановкой городского транспорта), в котором кто-то утопился из-за несчастной любви в начале 1970-х гг., местные жители называли **Озером Любви**. Озеро, окружённое дачами, за **Питомником**, рядом с ППО «СпецАТХ по уборке города» (пос. Тихвинка, 65 Б), смоляне, не мудрствуя лукаво, называли **Дачкой**. Употреблялся топоним в основном детишками, купающимися в этом пруде.

Не имеющий официального имени водоём между танцзалом «Молодость» и Копытенскими воротами называют **Собачкой**. До революции вход в расположенный за крепостной стеной Лопатинский сад с собаками был воспрещён и хозяева вынуждены были выгуливать питомцев рядом с ним.

Так же нет официального имени у пруда, расположенного во дворах 27-ой школы и Военной комендатуры (Запольный пер., д. 2). Информанты упоминают варианты, которые широкого хождения не имеют – **Комендатское озеро**, **Двадцать седьмое озеро**, **Школьный пруд**. Выдвигалась версия, что водоём выкопали советские военные. Но изображение водоёма было обнаружено ещё на плане города 1817 года. Возможно, горькие уроки пожаров 1812 года учли и водоём выкопали для защиты от пожаров Офицерской слободы. В конце 1970-х, начале 80-х взрослые категорически запрещали ходить туда детям. «За школой был пруд, в котором летом ловили рыбу и купались. Своими руками мы делали нырялки и тарзанки, а зимой устраивали каток для всего района. Как-то здесь провалились под лёд сразу три школьника. Это была настоящая трагедия. Их хоронили всем районом, в шоке были и взрослые и дети» [4].

Любопытный сюжет связан с озером в **Заднепровье**, к которому можно спуститься Госпитальным переулком или от ул. Валентины Гризодубовой со стороны Королёвки. Находится оно в русле речки Городянки. На Топонимической комиссии, заседавшей 31 марта 2021 года вторым пунктом обсуждался следующий вопрос: «Утверждение наименования нового парка в Заднепровском районе города Смоленска (прежнее название “Скворцова дача” или же современное название “Солдатское озеро”)». Большинство проголосовало за **Скворцову Дачу**, несмотря на противодействие председателя комиссии, главного архитектора города Н.Б. Васнецова (потомка известных художников), ратовавшего за обозначенный армейский вариант. Топоним **Скворцова Дача** (**Скворцово озеро**) возник ещё в дореволюционное

время [5; 278]. В наши дни на карте города существует Скворцова улица, которая начинается от улицы Нижне-Лермонтовской и, поднимаясь параллельно ей, разветвляется затем влево и вправо. «На картах начала XX века это место обозначено как **Скворцова дача**. Кем был Скворцов, никто теперь не знает. Фамилия превратилась в звучный, легко запоминающийся топоним» [6; 228]. Более молодое наименование озера **Солдатское** связано с тем, что неподалёку находилось сразу несколько ныне расформированных воинских частей, обслуживавших военный аэродром. Находящиеся по соседству военных городок лётчиков и госпиталь существуют и сейчас.

Не только древняя речка **Смядынь** и **Четвёрка-Лягушатник** не дожили до наших дней, есть и другие утраты. Например, ныне закопанные озёра **Байкал** и **Хасан**. **Байкалом** (или производным от него разговорным словом **Байдик**) называли водоём на месте карьера, который находился в районе автоколонны на ул. Воробьёва, 17.

Хасаном (раньше использовался также вариант **Хасан-озеро**) до сих пор называют сквер, в 2010 году получивший официальное имя «Первопроходцев» (располагается перед домом № 14/2 по проспекту Гагарина; в сквере планировали установить памятник смолян-путешественникам Н.М. Пржевальскому, П.К. Козлову и С.С. Четыркину, об этом намерении ныне забыли). Раньше здесь находилось озеро. Старожилы связывают происхождение топонима с событиями 1938 г., когда на Дальнем Востоке у озера Хасан были разгромлены вторгшиеся на территорию СССР японские войска. Во время довоенных военных игр смоленские мальчишки, находившиеся под сильным впечатлением широко освещаемой победы советского оружия над «самураями», стали называть городской водоём на дальневосточный манер. Придуманное детьми название вскоре стало общепотребительным и живёт по сей день, несмотря на то что озеро давно уже засыпали (в 1950-е гг., после того, как в водоёме утонул школьник).

Подобный топонимический сюжет присутствует и в соседнем Брянске. Там есть местность, прозванная в конце 1930-х гг. **Абиссинией**. В 1935 г. фашистская Италия напала на независимое африканское государство Эфиопию (до 1945 г. её в Европе чаще называли Абиссинией). Началась итало-абиссинская война, завершившаяся победой войск Муссолини в 1936 г. Советский Союз осудил итальянских фашистов за агрессию. Не сходявшее с газетных страниц название далёкой страны стало прозвищем «столь» же удалённых выселок по правую сторону дороги на Орёл около Брянска-I I.

Целая группа неофициальных гидронимов связана с местами купания и рыбалки на Днепре. **Быстряной** (продуктом коллективного словотворчества смолян-рыбаков стало красивое динамичное слово) прозвали самое узкое место Днепра в черте города, которое находится приблизительно напротив **Чулочки** (Чулочной фабрики). Течение реки в этом месте в соответствии с законами физики быстрее, нежели в других. До революции, а также некоторое время после неё здесь располагалась пристань, и рачевские мальчишки даже на рубеже 1960–1970-х гг. специально ходили сюда нырять. Их добычей становились старинные монеты, крестики, товарные пломбы и т.п.

Небольшой песочный пляж на левом берегу Днепра в районе **Рачевки** называют **Золотым**. Топоним звучит заманчиво, поэтому, вероятно, «Золотые пляжи» встречаются повсеместно, где есть морские побережья, на которые требуется привлечь туристов. Смоленский **Золотой пляж** заметно уступает своим тёзкам в известности,

что неудивительно – купание в Днепре в пределах города небезопасно для здоровья.

Рыбачье место на Днепре, чуть ниже ул. Большой Краснофлотской вниз по течению именуют **Камнями**. «Где рыбачил? – На **Камнях**». От названия рыбы образован топоним **Лещовка** – место на левом берегу Днепра между **Дзержинским** и **Ваничкиным мостами** (ближе к **Дзержинскому**), где хорошо «брал» лещ (во 2-й половине XX в.). Сейчас лещ уже «не берёт», а топоним в рыбацкой среде продолжает использоваться. И наконец, место на крутом повороте Днепра напротив конечной автобусной остановки по ул. Малой Краснофлотской, где в период судоходства (запрещено в 1977 году) стояли бакены называли **Бакенщиками**. Люди, следящие за их состоянием, жили поблизости, служа ориентиром: «Пойдём искупаемся (порыбачим) у **Бакенщиков**».

Место пересечения Днепра с Карачевским переулком в середине XX века носило название **Перевоз**. «Карачевский переулок затем под девяносто градусов уходит к **Лесухе**, а прямо находился **Перевоз** – паром. Большая деревянная лодка и трос через Днепр!.. Мы на **Перевозе** всегда купались. Крупный песок был... На моей памяти был он где-то до начала 60-х годов» (Евгений Полулихов, Одноклассники. 31.01.2019). «Да, там клёвый пляж был, чуть выше **Говнянки** (речка Шклянная – Д.Б.) (Ирина Гвоздева (Сорокина), Одноклассники. 31.01.2019). Во время войны в этом месте располагался деревянный мост через Днепр, названный немцами **Западным** [7; 267].

В коллекцию-словарь неофициальных топонимов Смоленска попали под разрядом «устаревшие» несколько гидронимов-колодцев. Они были обнаружены в мемуарной и историко-краеведческой литературе. Колодец, «вода из которого протекала (в 1920-е годы) по Казанской горе», назвали **Дубовым** [8; 27].

Один из самых известных смоленских колодцев, находившийся в **Заднепровье** и функционировавший ещё в 1920-е гг. («<...> Располагался выше пивоваренного завода, и вода из него шла самотёком в красивый бассейн, находившийся на нижнем базаре» [8; 27]) прозвали **Здоровцом**. Колодец, находившийся в районе Резницкого оврага получил имя **Смолигов**. С этим топонимом, активно использовавшемся смолянами с древнейших времён до XIX в., связана выдвинутая в XVIII в. одним из первых историков города иеромонахом Шупинским, «патронимическая» версия происхождения названия Смоленска. В соответствии с ней наш город, подобно Риму и Киеву, получил имя от легендарного отца-основателя, некоего Смолига, предводителя одного из славянских племён. Согласно преданиям, тысячу лет назад Смолиг вырыл колодец, вода в котором обладала целебными свойствами, поэтому люди из его племени отличались завидным здоровьем и долголетием. Либо в честь Смолига, либо в честь его колодца (Шупинский обе версии считает равноправными) и был назван Смоленск. Из Смолигова колодца вытекал Смолигов ручей, который впоследствии стали называть Резницким по ближайшей улице (ныне – ул. Парижской коммуны). Ещё одно дореволюционное название ручья – Оленинский.

Топоним, выйдя из активного употребления в связи с исчезновением колодца, приобрёл статус одной из определяющих сознание смоленского этноса мифологем. См., например, фрагмент из стихотворения В. Сухановой «Взращённые веком...»:

Взращённые веком
Великих речей,
Наследуем только
Названья святынь:
Где **Смолигов колодец?**

Где Кловский ручей?
Речка Рачевка?
Речка Смядынь?
Где криница,
Которую выкопал дед?
Думал: вдосталь пребудет
Целебной воды
Потомкам его,
До скончания лет,
От хвори любой
И любой беды.

Водителям-дальнобойщикам всей страны (да и шофёрам-иностранцам, едущим по Москва-Минке) хорошо известен **Наполеоновский родник (Родник Наполеона)**. Он находится по левой стороне Московского шоссе при движении из города в середине Гедеоновской горки. По легенде в этом месте император Наполеон I в 1812 году останавливался на водопой для своего коня. Большинство смолян и водителей называют этот гидроним просто **Родником**.

Среди неофициальных смоленских топонимов есть и социально-заострённый гидроним **Долина гейзеров**. Так иронично смоляне называют улицу Кашена и разворотный круг трамвая перед церковью Петра и Павла. Подземные линии теплоцентралей, отходящие от ТЭЦ-1, сформировали «очертания» этой «долины». Приехав в Смоленск и перейдя через пешеходный мост в сторону Кашена, порой приходится проходить «обряд возвращения» в родной город, дефилируя через «фонтаны» пара, вырывающиеся то здесь, то там из-под земли. За последние годы данный топоним стал применяться и ко всему городу. Тому виной – регулярные многочисленные прорывы изношенных тепло-водосетей города. Фонтан кипятка может поджидать вас в любом районе. «Смоленская народная газета» (21.07.2015 г.) опубликовала статью с броским заголовком «Смоленск – долина гейзеров». «...Вопреки ожиданиям геологов Смоленск вряд ли станет географической столицей гейзеров, но занять второе место после Камчатки городу-герою вполне по силам». Смоленск уже сравнивают с «Сайлент Хиллом» (Канадский фильм ужасов, созданный на основе одноимённой компьютерной игры).

Говоря о неофициальных смоленских гидронимах, следует упомянуть и апеллатив **Сажелка (Сажалка)**. Так смоляне называют маленькие пруды. В них «сажали» (помещали) рыбу, лён, коноплю (для вымачивания и т.п.).

Изучение смоленских неофициальных гидронимов продолжается. При сборе сведений возникают вопросы, на которые пока ещё не удалось ответить. Например, почему Реадовское озеро в 1970-е годы называли **Лечебным**.

Заключение

Подытожим. Неофициальная гидронимика Смоленска, являясь составной частью региональной неофициальной топонимии, представляет собой лингвокультурологический феномен, изучение которого имеет важное краеведческое, историческое, социологическое и филологическое значение.

Литература

1. Королёва И.А. Неофициальные топонимы в языке современного города и их изучение [Электронный ресурс] // Социолингвистика. 2022. № 3 (11). С. 86–94.

2. Бутеев Д.В., Никифорова В.В., Сергеев В.Ю. Словарь неофициальных топонимов г. Смоленска. Смоленск, 2014. 336 с.
3. Картавенко В.С. Смядынь: загадка названия // Русский язык в школе. 2009. № 4. С. 98–100.
4. Соловьяненко А. Детство на смоленских задворках // Рабочий путь. 07.04.2017.
5. Лапикова А.В. Свидание с городом. Смоленск, 2009.
6. Перлин Б.Н. Смоленск и его улицы. Смоленск, 2002.
7. Амелин С.А., Ивочкин Д.А., Трапезников И.А. Смоленск в оккупации. Фотоальбом. СПб., 2015. 430 с.
8. Борисюк В.А. Солдатская слобода от начала и до исчезновения. Смоленск, 2002. 112 с.

UNOFFICIAL HYDRONYMS OF SMOLENSK

Buteev D.V.

Smolensk State Institute of Arts

The purpose of the study: to collect unofficial hydronyms of Smolensk, to undertake an initial study and generalization of the identified linguistic material. Research hypothesis: unofficial hydronyms as a layer of unofficial regional toponymy is a linguistic and cultural phenomenon, the study of which has important local history, historical, sociological and philological significance. Research methods:

field (collection of material, various ways), analysis and systematization of collected words, comparison of Smolensk unofficial hydronyms with unofficial toponyms of other regions. Research results: the introduction of new linguistic material into the field of scientific research, its primary analysis and systematization were carried out.

Keywords: unofficial toponym, unofficial, hydronym, Smolensk, local history.

References

1. Koroleva I.A. Unofficial toponyms in the language of a modern city and their study [Electronic resource] // Sociolinguistics. 2022. No. 3 (11). P. 86–94.
2. Buteev D.V., Nikiforova V.V., Sergeev V. Yu. Dictionary of unofficial toponyms of Smolensk. Smolensk, 2014. 336 p.
3. Kartavenko V.S. Smyadyn: the mystery of the name // Russian language at school. 2009. No. 4. P. 98–100.
4. Solovyanenko A. Childhood on the outskirts of Smolensk // Rabochiy put. 04/07/2017.
5. Lapikova A.V. Date with the city. Smolensk, 2009.
6. Perlin B.N. Smolensk and its streets. Smolensk, 2002.
7. Amelin S.A., Ivochkin D.A., Trapeznikov I.A. Smolensk under occupation. Photo album. St. Petersburg, 2015. 430 p.
8. Borisyuk V.A. Soldiers' settlement from the beginning to its disappearance. Smolensk, 2002. 112 p.

Быкова Анастасия Сергеевна,

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, Оренбургский государственный университет
E-mail: anastasya.skriabina@yandex.ru

В статье рассматриваются иноязычные инфокоммуникативные умения студентов университета как тип недостаточно изученного феномена. Автором была проведена работа по изучению содержания иноязычных инфокоммуникативных умений. Теоретическое изучение и анализ научной литературы позволил установить, что в основе данных умений лежат культурологический, информационный и лингвистически компоненты. Отмечено, что иноязычные инфокоммуникативные умения базируются на взаимодействии в процессе иноязычного общения, которое реализуется в стенах образовательного учреждения и в виртуальной информационно-образовательной среде. Сделаны выводы, что иноязычные инфокоммуникативные умения студентов университета выражены следующим набором умений: умение осуществлять устную и письменную иноязычную коммуникацию с применением информационных технологий, критическое и аналитическое мышление, умение работать с аудиовизуальной информацией на иностранном языке и интерпретировать ее, умение находить и выделять значимую социокультурную информацию в иноязычных Интернет-источниках и многие другие.

Ключевые слова: инфокоммуникативные умения, иноязычные инфокоммуникативные умения, информация, взаимодействие, коммуникативно-речевые ситуации.

Введение

Динамичные изменения в сфере высшего образования в России, вызванные потребностями современного общества, обусловили формирование нового ориентира в рамках образовательной деятельности: развитие инфокоммуникативных умений студентов университета. Выпускнику высшей школы необходимо быть конкурентноспособным за счет умений построения эффективной коммуникации, выражения культурных установок и ценностей, успешно осваивать значительный объем информации, а также умений осуществлять поиск, оценку, отбор, создание данных по какой-либо теме.

Инфокоммуникативные умения как малоизученный феномен имеет собственную структуру и содержание. Одним из типов таких умений являются иноязычные инфокоммуникативные умения [4].

Методология исследования

Цель исследования: выявление содержания иноязычных инфокоммуникативных умений студентов университета на основе изучения трудов ученых в рамках заявленной темы исследования.

Труды следующих ученых: А.В. Гагарин, Л.К. Раицкая, О.Г. Ефимова, М.А. Исайкина, Е.В. Корсакова, А.А. Максаев, О.В. Перлова, Е.В. Полукеева, Т.А. Поскребышева, О.А. Обдалова, Н.В. Янкина и др. являются теоретической базой исследования [5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 15].

Методологической базой являются труды ученых, посвященные проблеме

понимания иноязычных умений как структурной составляющей групп универсальных умений, среди которых фундаментальными для исследования являются работы Л.Ю. Айснер, Н.М. Андронкиной, Э.В. Бурцевой, А.В. Соболевой, Ю.Ю. Тимкиной [1, 2, 3, 4, 13, 14].

Результаты и выводы

Одной из задач современной системы образования становится развитие у субъектов образовательного процесса умения анализировать, систематизировать, осмысливать и оценивать постоянно поступающую информацию и получаемые знания [15, с. 110], поскольку образование начинает базироваться на информационном обмене обучающихся [1, с. 201]. В связи с вышесказанным, инфокоммуникативные умения приобретают особую актуальность, а рассмотрение каждого типа таких умений становится обязательным условием для понимания возможных способов формирования инфокоммуникативных умений с целью приобретения студентами востребованности, конкурентоспособности и адаптации к динамично меняющемуся миру.

С развитием информационных технологий взаимодействие между студентами и преподавателями находит свое отражение в двух вариантах, которые постоянно пересекаются и взаимопроникают друг в друга:

- среда образовательного учреждения, т.е. среда осуществления непосредственно учебной деятельности;
- виртуальная информационно-образовательная среда (социальные сети, образовательные платформы и другие возможности сети Интернет) [5, с. 11].

Взаимодействие, которое осуществляется в процессе иноязычного общения, способствует интеграции личности студента в систему социальных взаимоотношений и социальных ролей [2, с. 172]. Более того, в процессе каждодневного взаимодействия и сотрудничества, в частности, во время совместного выполнения какой-либо деятельности студенты приобретают умения эффективно установления личных взаимоотношений и распределения обязанностей в зависимости от интересов и способностей [12, с. 294].

Согласно исследованию Е.В. Корсаковой, иноязычная информационная компетенция как специфический набор информационных умений помогает личности взаимодействовать с информационными потоками в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией. Наряду с этим выделяют особенности такой компетенции: динамический характер (состав компонентов может меняться, а умения – развиваться), имплицитный характер (активизация необходимых умений происходит в подходящее для этого время), комплексный характер (в составе находятся различные компоненты), культурно-связанный характер (все данные наделены культурной обусловленностью), релятивный характер (отсутствие границ данных приводит к невозможности определить набор умений в полном объеме) [8, с. 391]. Исходя из представленного материала, следует, что данными особенностями обладают иноязычные инфокоммуникативные умения, поскольку они равным образом базируются на информации.

Рассматривая иноязычные инфокоммуникативные умения как способ выполнения определенных действий для успешного выполнения какой-либо деятельности, важно упомянуть иноязычную деятельность студентов. В рамках деятельностного подхода основными компонентами такой деятельности, по мнению исследователя Е.В. Полукевой, выступают:

- мотивационный компонент, который охватывает сформированность мотивационной сферы на основе потребностей и интересов студентов принимать участие в данном виде деятельности;
- когнитивно-деятельностный компонент, включающий в себя коммуникативные, информационно-аналитические, логико-композиционные и речевые умения;
- оценочно-рефлексивный компонент, содержащий способности осуществлять оценку своего овладения умениями [11, с. 34].

Другая классификация, предложенная Л.Ю. Айснер, содержит следующие компоненты: лингвистический компонент (владение средствами речевой коммуникации), информационный компонент (умения работать с информацией на профессиональном уровне), культурологический компонент (наличие фоновых знаний о партнерах по коммуникативной ситуации и культуре, к которой они принадлежат) [1, с. 201]. Данная классификация наиболее точно описывает содержание иноязычных инфокоммуникативных умений студентов университета.

Стоит отметить, что культурологический компонент предполагает приобщение студентов к культуре и общечеловеческим ценностям с целью создания у них целостного образа культуры, формирования у них социокультурных знаний и развития гуманного отношения к другим культурам [1, с. 202].

С целью более подробного раскрытия лингвистического компонента, мы рассмотрим использование иноязычных инфокоммуникативных умений студентов университета в коммуникативно-речевых ситуациях, которые имеют следующие отличительные характеристики:

- субъекты взаимодействия, обладающие индивидуальным набором целей и коммуникативных намерений, мотивов, интересов и опыта;
- предмет или тема общения, например, совместная работа над международным языковым культуроведческим проектом [9];
- знания студентов коммуникативно-речевой ситуации по теме будущего проекта – примерно один уровень знаний и умений студентов одного университета, разный личный опыт;
- форма и способ взаимодействия (в парах или в группах, при помощи информационных технологий или прямое общение в аудиториях) и информационная связь;
- отношения субъектов коммуникативно-речевой ситуации и социальный ситуационный контекст – межличностные отношения между студентами;
- предметно-лингвистический ситуационный контекст – тема общения ведет к выбору определенных языковых средств;
- речевые и экстралингвистические условия – вербальные и невербальные средства, которые обеспечивают уровень эффективности взаимодействия во время коммуникативно-речевой ситуации;
- внешнее окружение – обстоятельства, оборудование, объекты внешней действительности [14, с. 265].

Исследователь М.А. Исайкина полагает, что иноязычные умения невозможны без аналитического мышления, которые способствуют пониманию структуры языка. Аналитическое мышление охватывает следующие способности: обрабатывать данные, подразделять их на группы и изучать каждый тип информации отдельно; осуществлять поиск новых данных, сопоставлять факты и делать выводы на их основе; работать с большими массивами информации и выделять необходимый материал согласно заданным критериям; расставлять приоритеты и отделять главное от второстепенного; последовательно представлять информацию [7, с. 201]. Так, аналитическое мышление напрямую связано с инфокоммуникативными умениями студентов.

Дополнительный тип мышления, который помогает раскрыть содержание иноязычных инфокоммуникативных умений – это критическое мышление. Поскольку вышеперечисленные умения напрямую связаны с культурой изучаемого иностранного языка, целесообразно отметить, что критическое мышление как часть обозначенных умений будет способствовать пониманию студентов о необходимости справляться с предрассудками и стереотипами, чтобы эффективно контролировать свою коммуникативную деятельность и речевое поведение, особенно в непростых ситуациях межкультурного взаимодействия. Студенты начинают «осознавать, как различные культуры влияют на их собственное понимание реальности» [15, с. 111].

Поскольку информационный компонент выражается во всех видах работы с информацией, целесообразно отметить умения воспринимать, понимать и грамотно интерпретировать аудиовизуальную информацию как преобладающую в Интернет-пространстве. Ученый О.Г. Ефимова выделяет умения по типам аудиовизуализации: умения ознакомительной аудиовизуализации, умения обзорной аудиовизуализации, умения изучающей аудиовизуализации, умения критической аудиовизуализации, умения информационно-поисковой аудиовизуализации [6, с. 175].

Из вышесказанного следует, что иноязычные инфокоммуникативные умения студентов университета включают в себя:

- умение высказывать свое мнение, отстаивать его, развивать свои или поддерживать идеи партнеров в процессе иноязычного общения;
- умение критически определять достоверность информации на иностранном языке;
- умение преодолевать межличностные конфликты в процессе иноязычного общения;
- умение осуществлять устную и письменную коммуникацию с применением информационных технологий;
- умение находить и выделять значимую социокультурную информацию в иноязычных Интернет-источниках;
- творческий подход к поиску и использованию данных на иностранном языке;
- умение взаимодействовать с преподавателями и студентами посредством информационных технологий на иностранном языке;
- умение ориентироваться в информационно-коммуникативных сетях и материалах на иностранном языке;
- умение выстраивать процесс коммуникации с использованием различных иноязычных коммуникативных средств в зависимости от ситуации и условий общения;
- знание особенностей письменной речи на иностранном языке и умение их учитывать при осуществлении письменной коммуникации с применением информационных технологий;
- умение корректно истолковывать социокультурные феномены, которые содержатся в иноязычных текстах Интернет-источников;
- умение работать с аудиовизуальной информацией на иностранном языке и интерпретировать ее;
- умение взаимодействовать с представителями разных культур на иностранном языке;
- умение с уважением воспринимать культурные особенности представителей других национальностей [2, 3, 10, 13].

Заключение

Таким образом, иноязычные инфокоммуникативные умения студентов университета сопряжены с неотъемлемой частью становления личности студента как профессионала в связи с растущими объемами информационных потоков, в которых студенты permanently находятся. Проведенное автором исследование раскрывает содержание иноязычных инфокоммуникативных умений студентов на основе их характеристик и компонентов.

Литература

1. Айснер, Л.Ю. Роль иностранного языка в формировании профессиональной компетентности будущего специалиста / Л.Ю. Айснер // Вестник КрасГА У. – 2012. – № 3. – С. 201–203.
2. Андронкина, Н.М. Формирование интерактивных умений иноязычного общения в языковой группе / Н.М. Андронкина // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2008. – № 4 (18). – С. 170–184.
3. Бурцева, Э.В. Деятельностный компонент содержания иноязычной информационной компетенции студентов / Э.В. Бурцева // Вестник БГУ. – 2012. – № 15. – С. 102–106.
4. Быкова, А.С. Структура инфокоммуникативных умений в контексте развития надпрофессиональных компетенций / А.С. Быкова, Н.С. Сахарова //

- Вестник Оренбургского Государственного Университет, 2023. – № 2 (238). – С. 6–11.
5. Гагарин, А.В. Развитие информационной личности в деятельности: энвайронментальная составляющая / А.В. Гагарин, Л.К. Раицкая // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. – 2013. – № 3. – С. 5–13.
 6. Ефимова, О.Г. Об опыте формирования иноязычных аудиовизуальных умений у студентов неязыкового вуза / О.Г. Ефимова // Московский педагогический журнал. – 2023. – № 3. – С. 171–179.
 7. Исайкина, М.А. Развитие аналитических способностей студентов на занятиях по иностранному языку / М.А. Исайкина // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. – 2020. – № XII. – С. 200–204.
 8. Корсакова, Е.В. Иноязычная информационная компетенция как цель обучения взрослых слушателей языковых курсов / Е.В. Корсакова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 67. – С. 390–393.
 9. Максаев, А.А. Этапы развития социокультурных и иноязычных речевых умений учащихся в процессе их участия в международных языковых культуроведческих проектах / А.А. Максаев // Вестник ТГУ. – 2014. – № 6 (134). – С. 63–74.
 10. Перлова, О.В. Развитие исследовательских умений изучения иностранного языка и иноязычной культуры в профессиональных целях / О.В. Перлова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2021. – № 3 (840). – С. 121–128.
 11. Полукеева, Е.В. Педагогическая диагностика развития у студентов умений профессионально-иноязычной деятельности / Е.В. Полукеева // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2010. – № 4. – С. 34–39.
 12. Поскребышева, Т.А. Иноязычная деятельность как средство развития у студентов умений успешного корпоративного взаимодействия / Т.А. Поскребышева // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72–3. – С. 293–295.
 13. Соболева, А.В. Развитие иноязычных умений межкультурной коммуникации студентов на основе коммуникативно-когнитивного подхода / А.В. Соболева, О.А. Обдалова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2024. – № 1. – С. 121–136.
 14. Тимкина, Ю.Ю. Формирование иноязычных навыков и умений в квазипрофессиональной деятельности / Ю.Ю. Тимкина // АНИ: педагогика и психология. – 2017. – № 3 (20). – С. 263–267.
 15. Янкина, Н.В. Развитие критического мышления студентов для формирования межкультурной компетентности / Н.В. Янкина // Вестник ОГУ. – 2021. – № 2 (230). – С. 109–114.

FOREIGN LANGUAGE INFO-COMMUNICATION SKILLS OF UNIVERSITY STUDENTS

Bykova A.S.
Orenburg State University

The article considers foreign-language info-communication skills of university students as a type of the insufficiently studied phenomenon. The author carried out the work on studying the content of foreign-language info-communication skills. Theoretical study and analysis of scientific literature have established that these skills are based on cultural, informational and linguistic components. It is noted that foreign-language info-communication skills are based on interaction in the process of foreign-language communication, which

is realised within the walls of an educational institution and in a virtual information and educational environment. It is concluded that foreign language info-communication skills of university students are expressed by the following set of skills: the ability to carry out oral and written foreign language communication with the use of information technologies, critical and analytical thinking, the ability to work with audiovisual information in a foreign language and interpret it, the ability to find and highlight significant socio-cultural information in foreign-language Internet sources and many others.

Keywords: info-communication skills, foreign-language info-communication skills, information, interaction, communicative situations.

References

1. Aisner, L.Y. The role of a foreign language in the formation of professional competence of a future specialist / L.Y. Aisner // *Vestnik KrasGA U.* – 2012. – № 3. – PP. 201–203.
2. Andronkina, N.M. Formation of interactive skills of foreign language communication in a language group / N.M. Andronkina // *Vestnik of A.S. Pushkin LSU.* – 2008. – № 4 (18). – PP. 170–184.
3. Burtseva, E.V. Activity component of the content of foreign language information competence of students / E.V. Burtseva // *Vestnik BSU.* – 2012. – № 15. – PP. 102–106.
4. Bykova, A.S. Structure of info-communication skills in the context of the development of supraprofessional competences / A.S. Bykova, N.S. Sakharova // *Vestnik of Orenburg State University*, 2023. – № 2 (238). – PP. 6–11.
5. Gagarin, A.V. Information personality development in activity: environmental component / A.V. Gagarin, L.K. Raitskaya // *Vestnik RUDN. Series: Psychology and Pedagogy.* – 2013. – № 3. – PP. 5–13.
6. Efimova, O.G. On the experience of formation of foreign-language audiovisual skills in students of a non-language university / O.G. Efimova // *Moscow Pedagogical Journal.* – 2023. – № 3. – PP. 171–179.
7. Isaikina, M.A. Development of students' analytical abilities in foreign language classes / M.A. Isaikina // *Foreign languages in the context of intercultural communication.* – 2020. – NO. XII. – PP. 200–204.
8. Korsakova, E.V. Foreign-language information competence as a goal of training adult students of language courses / E.V. Korsakova // *Izvestiya RGPU named after A.I. Herzen.* – 2008. – № 67. – PP. 390–393.
9. Maksaeв, A.A. Stages of development of sociocultural and foreign language speech skills of students in the process of their participation in international language cultural projects / A.A. Maksaeв // *Vestnik TSU.* – 2014. – № 6 (134). – PP. 63–74.
10. Perlova, O.V. Development of research skills of learning a foreign language and foreign language culture for professional purposes / O.V. Perlova // *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences.* – 2021. – № 3 (840). – PP. 121–128.
11. Polukeyeva, E.V. Pedagogical diagnostics of students' development of skills of professional and linguistic activity / E.V. Polukeyeva // *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics.* – 2010. – № 4. – PP. 34–39.
12. Poskrebysheva, T.A. Foreign language activity as a means of developing students' skills of successful corporate interaction / T.A. Poskrebysheva // *Problems of modern pedagogical education.* – 2021. – № 72–3. – PP. 293–295.
13. Soboleva, A.V. Development of foreign language skills of intercultural communication of students on the basis of communicative-cognitive approach / A.V. Soboleva, O.A. Obdaloва // *Vestnik PNIPU. Problems of linguistics and pedagogy.* – 2024. – № 1. – PP. 121–136.
14. Timkina, Yu.Yu. Formation of foreign-language skills and abilities in quasi-professional activity / Yu.Yu. Timkina // *ANI: Pedagogy and Psychology.* – 2017. – № 3 (20). – PP. 263–267.
15. Yankina, N.V. Development of students' critical thinking for the formation of intercultural competence / N.V. Yankina // *Vestnik OGU.* – 2021. – № 2 (230). – PP. 109–114.

Волохова Вера Васильевна,

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: volokhovavv@yandex.ru

В статье объясняется важность проектной работы в современном образовательном пространстве с упором на развитие таких навыков, как самостоятельность и способность работать в команде. Проектная работа является идеальным методом создания аутентичной и практичной среды обучения, с помощью которой могут быть достигнуты такие цели обучения, как содействие самостоятельности студентов, развитие социокультурных, коммуникативных навыков и языковой компетенции. Пошаговые инструкции по проведению проектной работы на занятиях иностранного языка, от подготовки до оценки, позволяют обеспечить прямую или косвенную подготовку студентов к карьере.

Ключевые слова: проектная работа, коммуникативная компетентность, языковая компетентность, этапы проектной работы, фазы дискурса.

Введение

В связи с быстрыми изменениями в информационном обществе как никогда важно развивать у студентов такие навыки, как гибкость, решительность, организаторский талант и способность работать в команде, которые необходимы в их будущей профессиональной жизни. Грамотное проведение проектной работы на занятиях по иностранному языку позволяет развивать такие качества, как способность к сотрудничеству, медиакомпетентность и личная ответственность [3]. Проектная работа в образовательных учреждениях рассматривается как форма обучения, при которой конкретная задача выполняется в течение заданного времени. Решение или отдельные шаги должны планироваться и выполняться независимо. Во многих проектах работа распределяется между разными проектными группами [8].

Как показал анализ теоретической литературы, проектная работа снова стала часто обсуждаемой темой с 1970-х годов как в нашей стране, так и за рубежом [7, 4]. В настоящее время она стала определяющим направлением в высшей и средней школе. Ежегодно публикуются новые исследования о проектной деятельности студентов. Однако эмпирические данные о том, как часто и как на самом деле практикуется проектная работа, в значительной степени отсутствуют, как и общая теория проектной работы. Термины, используемые в обсуждении, также не являются однородными. Так, например, используются такие понятия как «проектное обучение», «проектный метод», «проектно-ориентированное обучение» и т.д. [5, 6]. Большинство авторов понимают это как форму обучения, «для которой в первую очередь характерны характеристики «самостоятельного обучения», т.е. применяются «максимально независимое планирование», «совместное обучение» и «производство продукта» [6].

Ситуация с занятиями по иностранному языку несколько иная: публикаций сравнительно мало. Но и здесь почти полное отсутствие единой терминологии и теории, а также эмпирических данных об ее использовании в педагогической практике [5].

Опираясь на рабочую программу по изучению иностранного языка НИУ МГСУ, целью занятий является развитие языковых навыков, т.е. осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах. Для достижения этой цели изучающему иностранный язык необходимо достичь, согласно РП, различные индивидуальные компетенции, а именно, 1. чтение и понимание на слух информации делового и профессионального характера на иностранном языке, и 2. владение языковым материалом (лексическими единицами и грамматическими структурами), необходимым для осуществления деловой и профессионально-ориентированной коммуникации на иностранном языке [1].

Таким образом, изучение иностранного языка направлено на развитие 1) социокультурной компетентности в различных языковых сферах деятельности, например, иметь возможность провести общение по телефону, разговор между заказчиком и подрядчиком, написать электронное сообщение, мотивационное письмо и резюме, прочитать инструкцию по технике безопасности или объявление о работе в профессиональном секторе

и выступить с деловой презентацией; 2), коммуникативной компетентности, т.е. сознательно, намеренно и целенаправленно, со знанием или использованием коммуникативных стратегий, различных элементов дискурса иметь, например, способность инициировать и структурировать разговор или убедить кого-то в своем мнении по темам «Высшее строительное образование в России и за рубежом», «Специалисты в строительной отрасли», «Типы жилых домов в разных странах», «Строительные материалы, их виды и свойства», «Основные конструктивные элементы зданий и сооружений», «Безопасность на строительной площадке. Средства индивидуальной защиты», «Современные информационные технологии и их применение в строительной отрасли», «Инновационные технологии в строительстве: энергосберегающие технологии, зеленое строительство» [1]; 3) развитие языковой структурной компетенции, т.е. уметь понимать компоненты языковой системы (лексику, грамматику, произношение, орфографию) на уровне текста и правильно ими пользоваться.

Исходя из вышеизложенных компетенций, мы считаем, что, прежде всего, социокультурная и коммуникативная компетентность может быть повышена за счет использования проектной работы.

В связи с этим, цель данной статьи – показать, как проектная работа может быть использована на занятиях иностранного языка в строительном вузе, продемонстрировать ее преимущества и доказать ее актуальность для изучения иностранного языка. Если проектная работа развивается шаг за шагом то, таким образом, выравниваются требования к данной работе. Это основано на интегрированной модели, в которой незначительные по объему темы курса постоянно сопровождают заключительную работу над проектом. В соответствии с этим каждым этапам проектной работы определяются примерные цели обучения как на продвинутом, так и на элементарном уровне.

Результаты и обсуждение

Исходя из практического опыта работы в строительном вузе, преподаватели иностранного языка часто отвергают проектную работу, аргументируя это тем, что студенты не привыкли к этой форме самостоятельной работы из-за своей традиции обучения. Многие преподаватели, во-первых, не могут этого сделать из-за ограниченного времени изучения данных тем. Во-вторых, если говорить об изучении иностранного языка с нуля, языковые навыки и проектную работу на элементарном уровне трудно себе представить. По этой причине преобладают те методы работы, которые требует РП по иностранному языку в вузах. Представленное здесь предложение направлено на то, чтобы шаг за шагом, лингвистически и методически, направить обучающихся как на продвинутом, так и на начальном уровне обучения, незнакомых с проектной работой по предложенным темам, к успешному освоению сложного, обширного по содержанию проекта.

Так как проектная работа рассматривается в первую очередь как самостоятельная работа группы над задачей или проблемой, от планирования до реализации и представления результата, независимо от длительности выполнения проекта, мы предлагаем следующие этапы проектной работы [7]: 1. Инициатива проекта: предлагается тема – 2. Планирование проекта: поиск тем; согласование графика презентаций – 3. Образование групп – 4. Формулирование темы группы, кто, с кем, что и когда делает – 5. Реализация проекта в свободное от занятий время – 6. Презентация проекта – Обсуждение презентации проекта.

Как видно из предлагаемых нами этапов работы над проектом, каждый проект начинается с проектной инициативы преподавателя, основанной на реальных, текущих проблемах, с которыми сталкиваются студенты. Инициатива проекта формирует базовую тему, которая на втором этапе разбивается обучающимися на подробные темы. Обучающиеся сами выбирают тему, над которой хотят работать. Методически можно использовать набор возможных отдельных тем, например, посредством мозгового штурма. Рассмотрим первую тему РП «Обучение в университете» в качестве примера. По данной теме можно предложить следующие вопросы для обсуждения: Отличие обучения в вузе, на примере НИУ МГСУ, от учебы в школе. Высшее образование в России и за рубежом. Перспективы получения диплома строительного вуза. Проживание в общежитие. Интервью со старшекурсниками. Рекомендации будущим первокурсникам. Только после сбора тем происходит деление студентов на группы. В данном случае, предполагается подход, при котором выбранная проблемная область имеет личное значение для учащихся. Таким образом можно достичь высокую мотивацию к обучению [2]. Обучающиеся также могут поделиться своими предыдущими знаниями и опытом.

Работа над проектом происходит в группах примерно из трех-четырёх человек, поэтому можно учитывать индивидуальные интерпретации, а общение в группе вносит значительный вклад в достижение целей обучения. В проектной работе преподаватели играют преимущественно консультативную роль. Работа студентов над проектом в первую очередь означает обучение через действие, т.е. получение информации посредством собственных исследований, например, посредством опросов однокурсников, старшекурсников, поиском информации в интернете. В группах начального изучения иностранного языка также применяется проектная работа по приведенной схеме продолжительностью несколько дней, которые в основном работают над темами своих проектов визуально. Для таких студентов предлагается тема «Студенческая и школьная жизнь». Так, например, создаются фотоколлажи, в которых фотографии или рисунки повседневной жизни студентов НИУ МГСУ сочетаются с рисунками о жизни в их родном городе, при этом обсуждаются такие вопросы в сравнении сейчас и тогда, как распорядок дня, изучающие предметы, свободное время и т.д.

По завершению этапа подготовки проектной работы проводится презентация работы в группе. На наш взгляд, следует уделять достаточно внимания не только презентации проектной работы, но и ее рефлексии, т.к. она не менее важна для самого процесса обучения. Такое отражение может, например, содержать следующие вопросы: Почему я выбрал эту тему? Чему я научился? Чему еще хотелось бы научиться? Что мне (не) понравилось? Какова была моя доля работы в группе? Какую разницу я вижу между проектной работой и обычными занятиями?

Ввиду того, что результаты проектной работы должны быть представлены в виде наглядной короткой лекции продолжительностью от трех до пяти минут, необходимы простые знания риторики презентации (структура, средства речи, жесты, мимика, поза), которые необходимо развить на протяжении всего этапа обучения. В данном случае речь идет о презентации проектных работ в Powerpoint, которые распространены на занятиях в НИУ МГСУ.

Работа над проектом требует много времени. Именно поэтому здесь предлагается в принципе независимая подготовка, презентация проекта планируется на от-

веденное время в конце изучения темы. В тоже самое время на занятиях проводятся лексико-грамматические упражнения, содержание которых взаимосвязано с общей темой. Когда речь идет о теме «Учеба в университете», процесс подготовки проектной работы не вызывает никаких проблем, потому что все обычные учебники охватывают эту тему. Проектная работа может оказаться целесообразным дополнительным материалом, более глубоко изложением определенной проблемы данной темы.

На наш взгляд, все этапы проектной работы важны до и во время реализации проекта. Преподаватель рассказывает соответствующей группе о процедуре и любых возникающих проблемах и, при необходимости, вмешивается, чтобы направить их. Так как проектная работа проводится с группой обучающихся, преподавателю необходимо задуматься над тем, какие цели обучения могут быть достигнуты в реализации проектной работы. Конкретные цели обучения зависят от уровня успеваемости соответствующего студента.

Перед началом презентации проекта рекомендуется ознакомить студентов со структурой презентации и речевыми высказываниями, используемые во время презентации. Это необходимо использовать и на элементарном уровне владения иностранным языком. Основываясь на опыт проведения проектных работ в НИУ МГСУ, следует выделить следующие предлагаемые фазы дискурса: 1. Приветствие, анонс темы и структуры презентации; 2. Введение: почему выбрана данная тема, при необходимости информация об источниках; 3. Сообщение информации проектной работы; 4. Заключение: подведение итогов, выводы; 5. реакция слушателей. Невербальное овладение (поза, зрительный контакт, жесты, мимика и т.д.), в котором культурное поведение играет важную роль, не менее важно, чем вербальное изложение презентации. Такой тип проекта требует рефлексии.

Основная цель в этом сценарии – проинформировать студентов или убедить их в обсуждаемой проблеме. Требуемые области грамматики зависят от соответствующей темы. Даже простые темы в исследовательском проекте можно реализовать, обладая небольшими знаниями. После каждой презентации проводится короткая фаза размышления всей группы обучающихся над содержанием выступления, презентацией и риторикой выступления.

Фазы дискурса включают в себя: 1. инициировать/ начать разговор, спросить мнение, выразить и обсудить мнения; 2. заключение: подводятся итоги, при необходимости дается совет; 3. вывод: закончить разговор

Дискурсивные стратегии, которые могут вступить в игру: 1. смена говорящего (ввести высказывание, уступить роль говорящего, перебить, предотвратить перебивание); 2. привести примеры, уточнить высказывание, выделить что-то конкретное.

Элементами дискурса могут быть: ссылки, сигналы слушателя, риторические приемы, такие как риторические вопросы, встречный вопрос, повторение.

Заключение

Проведенное исследование проектной работы в строительном вузе позволяет сделать вывод, что шаги и этапы проектной работы могут быть разработаны аналогично предложению, приведенному выше, но темы проектов могут носить иной характер. Работа над проектом должна быть сосредоточена на проблемных, актуальных темах студентов. Правильное планирование, организация и реализация проекта играют важную роль в достижении поставленных целей. Безусловно, проектная работа в со-

ответствии с описанным предложением является важной целью обучения при преподавании иностранного языка начального и продвинутого уровня в вузе, позволяющая применить теоретические знания на практике. Постепенное развитие навыков позволяет обучающимся попрактиковать важные социокультурные и коммуникативные навыки. Проектная работа на занятиях по иностранному языку может обеспечить прямую или косвенную подготовку к карьере. Поэтому знание проектной работы является обязательным для будущих инженеров-строителей и других специалистов из различных профессиональных областей.

Литература

1. Волохова В.В., Дриженко М.А., Костюкович Е.Ю., Метелькова Л.А. Рабочая программа «Иностранный язык» 08.03.01. Бакалавриат // НИУ МГСУ, 2022. – 24 с.
2. Волохова В.В. Мотивация как один из способов освоения дисциплины «Иностранный язык» в строительном вузе // Современное педагогическое образование, 2024. – № 1. – С. 193–197.
3. Гусева Т.И. Организация проектной деятельности на занятиях иностранным языком. В сборнике: VI-II Педагогические чтения, посвященные памяти профессора С.И. Злобина. Сборник материалов. В 2-х томах. Пермь, 2022. С. 51–54.
4. А. С. Дроздецкая, Г.С. Яценко. Проектная технология на занятиях по иностранному языку как часть практико-ориентированного обучения в вузе. В сборнике: Традиции и инновации в преподавании иностранного языка. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, 2024. С. 32–39.
5. И. А. Зимняя. Проектная методика обучения иностранному языку / И.А. Зимняя // Иностранные языки в школе. – 2001. – № 3. – С. 12–20.
6. Е. С. Полат. Метод проектов / Е.С. Полат // Методика обучения иностранным языкам: традиции и современность: коллективная монография / под ред. А.А. Миролюбова. – Обнинск: Титул, 2010. – 464 с.
7. <https://link.springer.com/chapter/10.37307/b.978-3-503-21108-1.06> (Дата обращения 26.10.2024)
8. http://www.unikoeln.de/ewfak/konstrukt/didaktik/projekt/frameset_projekt.html (Дата обращения 03.11.2024)

PROJECT WORK IN FOREIGN LANGUAGE CLASSES AT A UNIVERSITY OF CIVIL ENGINEERING

Volokhova V.V.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

This article explains the importance of project work in the modern educational environment, with an emphasis on developing skills such as independence and teamwork. Project work is an ideal method for creating an authentic and practical learning environment through which such learning objectives as promoting student independence, developing socio-cultural, communicative skills and language competence can be achieved. Step-by-step instructions for conducting project work in foreign language classes, from preparation to assessment, allow for direct or indirect preparation of students for their careers.

Keywords: project work, communicative competence, stages of project work, phases of discourse, discursive strategies.

References

1. Volokhova V.V., Drizhenko M.A., Kostyukovich E.Yu., Metelkova L.A. Work program “Foreign language” 03/08/01. Bachelor’s degree // NRU MGSU, 2022. – 24 p.

2. Volokhova V.V. Motivation as one of the ways to master the discipline "Foreign Language" in a construction university // Modern pedagogical education, 2024. – No. 1. – P. 193–197.
3. T.I. Guseva. Organization of project activities in foreign language classes. In the collection: VIII Pedagogical Readings dedicated to the memory of Professor S.I. Zlobin. Collection of materials. In 2 volumes. Perm, 2022. Pp. 51–54.
4. A. S. Drozdetskaya, G.S. Yatsenko. Project technology in foreign language classes as part of practice-oriented learning at the university. In the collection: Traditions and innovations in teaching a foreign language. Proceedings of the XIII All-Russian scientific and practical conference with international participation. Kazan, 2024. Pp. 32–39.
5. Zimnyaya I.A. Project methods of teaching a foreign language / I.A. Zimnyaya // Foreign languages at school. – 2001. – No. 3. – Pp. 12–20.
6. Polat E.S. Project method / E.S. Polat // Methods of teaching foreign languages: traditions and modernity: collective monograph / edited by A.A. Mirolyubov. – Obninsk: Titul, 2010. – 464 p.
7. <https://link.springer.com/chapter/10.37307/b.978-3-503-21108-1.06> (Accessed 26.10.2024)
8. http://www.unikoeln.de/ewfak/konstrukt/didaktik/projekt/frame-set_projekt.html (Accessed 03.11.2024)

Взаимосвязь психологических факторов и личностных особенностей у женщин с раком молочной железы

Воробьева Наталья Сергеевна,

магистрант кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, Московский гуманитарный университет

Данное исследование посвящено анализу взаимосвязи психологических факторов и личностных особенностей у женщин, страдающих раком молочной железы. Актуальность темы обусловлена высокой распространенностью данного заболевания и необходимостью разработки эффективных стратегий психологической поддержки пациенток. Цель работы – выявить ключевые психологические предикторы качества жизни и адаптации женщин с диагнозом рака молочной железы. Задачи включают: 1) оценку уровня тревожности, депрессии и стресса; 2) анализ копинг-стратегий и механизмов психологической защиты; 3) изучение самооценки и образа тела; 4) выявление связи между психологическими факторами и клинико-демографическими характеристиками. Методы исследования: психодиагностическое тестирование с использованием стандартизированных опросников (HADS, COPE, BIQLI, MBSRQ), клиническое интервью, методы описательной и инференциальной статистики (корреляционный, кластерный, регрессионный анализ). Выборка составила 120 женщин в возрасте от 28 до 72 лет (средний возраст – $51,2 \pm 10,8$ лет) с верифицированным диагнозом рака молочной железы I–III стадии. Результаты показали, что 48% женщин имеют клинически выраженную тревогу, у 32% выявлена депрессия. Преобладающими копинг-стратегиями являются поиск социальной поддержки (72%) и избегание (41%). Большинство женщин демонстрируют негативный образ тела и низкую самооценку, что связано с худшим психологическим состоянием и качеством жизни ($p < 0,01$). Регрессионный анализ показал, что предикторами адаптации являются возраст ($\beta = -0,32$; $p < 0,05$), стадия заболевания ($\beta = -0,41$; $p < 0,01$), уровень тревоги ($\beta = -0,54$; $p < 0,001$) и характер копинга ($\beta = 0,38$; $p < 0,01$). Полученные данные имеют теоретическое и практическое значение для разработки моделей психологического сопровождения женщин с раком молочной железы. Перспективы исследования связаны с лонгитюдной оценкой динамики психологического статуса и валидизацией программ психологической помощи.

Ключевые слова: рак молочной железы, психологические факторы, личностные особенности, тревога, депрессия, копинг-стратегии, образ тела, качество жизни.

Введение

Рак молочной железы является наиболее распространенным онкологическим заболеванием у женщин, оказывающим значительное влияние на физическое и психологическое благополучие [1]. Согласно последним эпидемиологическим данным, в 2023 году в мире зарегистрировано около 2,3 млн новых случаев рака молочной железы, что составляет 11,7% всех злокачественных новообразований [2]. Несмотря на совершенствование методов диагностики и лечения [18], сохраняется высокий уровень смертности и инвалидизации в связи с данной патологией [3]. Наряду с клиническими аспектами [19], все большее внимание уделяется психосоциальным факторам, определяющим адаптацию женщин к заболеванию [4]. Диагноз рака молочной железы сопряжен с интенсивным эмоциональным стрессом, требующим мобилизации психологических ресурсов личности [5]. В ряде исследований показана высокая распространенность тревожно-депрессивных расстройств, нарушений образа тела, снижения самооценки и качества жизни у данной категории пациенток [6]. В то же время отмечается недостаточная концептуализация психологических параметров в контексте индивидуальных траекторий совладания с болезнью [7]. В литературе прослеживаются разночтения в определении понятия «психологической адаптации» при раке молочной железы [20]. Наиболее обоснованным представляется трактовка адаптации как динамического процесса, отражающего взаимодействие когнитивно-аффективных, мотивационных и поведенческих паттернов реагирования на стрессовые условия болезни [8]. При этом качество адаптации опосредуется как объективными клиническими параметрами, так и субъективными оценками и психологическими характеристиками пациентки [9]. Систематический анализ литературы позволяет выделить ряд нерешенных вопросов в изучении психологических аспектов рака молочной железы. Во-первых, основной массив данных получен на выборках пациенток европеоидной расы, проживающих в развитых странах, что ограничивает экстраполяцию результатов на другие социокультурные контексты [10]. Во-вторых, большинство исследований носят кросс-секционный характер, не позволяя проследить динамику психологических изменений на разных этапах заболевания [11]. В-третьих, доминируют работы, посвященные изучению отдельных психологических конструктов (тревога, депрессия, копинг) без учета их системного взаимодействия [12]. Настоящее исследование направлено на преодоление обозначенных лакун и предлагает комплексный анализ психологических факторов и личностных особенностей у женщин с раком молочной железы в контексте специфики медицинской ситуации [14–17]. Научная новизна работы определяется интеграцией клинико-эпидемиологических и психодиагностических данных на репрезентативной выборке пациенток, верификацией психологических предикторов адаптации к заболеванию, разработкой практических рекомендаций по оптимизации психологического сопровождения больных раком молочной железы.

Методы

В основу методологии исследования положена биопсихосоциальная модель здоровья и болезни, позволяющая анализировать клинические, психологические и социальные факторы в их динамическом взаимодействии [13]. Реализован комплексный дизайн, сочетающий методы психодиагностики, клинического интервью и объективной оценки медицинских данных. Выбор психодиагностического инструментария обусловлен его надежностью, валидностью и адаптированностью для использования в онкологической клинике [14]. На первом этапе проведено психодиагностическое обследование пациенток с применением Госпитальной шкалы тревоги и депрессии (Hospital Anxiety and Depression Scale, HADS), опросника проактивного совладающего поведения (Proactive Coping Inventory, PCI), Краткого опросника качества жизни Всемирной организации здравоохранения (WHOQOL-BREF), Многомерной шкалы отношения к собственному телу (Multidimensional Body-Self Relations Questionnaire, MBSRQ). Данные методики позволяют получить количественные показатели уровня тревоги, депрессии, стресса, особенностей копинга, самооценки, образа тела, удовлетворенности различными аспектами жизни. На втором этапе проводилось полуструктурированное клиническое интервью, направленное на сбор анамнестических сведений, уточнение медицинских параметров (стадия заболевания, протокол лечения, функциональный статус), оценку субъективного восприятия болезни и лечения. Интервью строилось по принципу «воронки»: от открытых вопросов к более конкретным, что обеспечивало естественность и непринужденность беседы. Третий этап включал анализ медицинской документации (истории болезни, результатов обследований) для объективизации клинических данных и сопоставления с субъективными оценками пациенток. Исследование проводилось на базе онкологических отделений г. Москвы в период с марта 2022 г. по февраль 2023 г. Выборку составили 120 женщин в возрасте от 28 до 72 лет (средний возраст – 51,2±10,8 лет) с верифицированным диагнозом рака молочной железы I–III стадии. Критерии включения: добровольное информированное согласие, отсутствие тяжелых когнитивных нарушений и психических расстройств, владение русским языком. Все пациентки проходили лечение согласно утвержденным протоколам (оперативное вмешательство, химио- и лучевая терапия). Анализ данных проводился с помощью статистического пакета SPSS 23.0. Применялись методы описательной статистики (средние, стандартные отклонения, частоты), сравнительной статистики (t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна-Уитни), корреляционный анализ (r-Пирсона), множественный регрессионный анализ. Уровень статистической значимости устанавливался на уровне $p < 0,05$. Для снижения размерности данных использовался метод главных компонент. Надежность опросников оценивалась с помощью коэффициента α -Кронбаха (0,72–0,89). Размер выборки рассчитывался исходя из ожидаемой силы эффекта ($f^2 = 0,15$) и мощности исследования (0,90). Соблюдение этических стандартов обеспечивалось анонимностью участия, конфиденциальностью данных, возможностью отказа от исследования на любом этапе. Протокол исследования был одобрен Этическим комитетом Московского научно-исследовательского онкологического института имени П.А. Герцена.

Результаты

Проведенное исследование позволило получить комплексную характеристику психологического статуса жен-

щин с раком молочной железы и идентифицировать ключевые предикторы их адаптации к заболеванию. Многоуровневый анализ эмпирических данных обнаружил ряд значимых закономерностей и тенденций.

Анализ показателей тревоги и депрессии по шкале HADS выявил высокую распространенность эмоциональных нарушений у обследованных пациенток. Клинически выраженная тревога (≥ 11 баллов) зафиксирована у 48,3% женщин, субклинически выраженная (8–10 баллов) – у 32,5%. Средний уровень тревоги составил $10,4 \pm 4,2$ балла, что значительно превышает нормативные значения ($p < 0,001$). Распространенность депрессии оказалась несколько ниже: клинически выраженная (≥ 11 баллов) – у 26,7%, субклиническая (8–10 баллов) – у 35,8% больных. Средний показатель депрессии – $9,1 \pm 3,8$ балла, что также значительно выше популяционной нормы ($p < 0,001$). Корреляционный анализ показал тесную связь тревоги и депрессии между собой ($r = 0,64$; $p < 0,01$), а также с клиническими параметрами: стадией заболевания ($r = 0,42$; $p < 0,01$ и $r = 0,37$; $p < 0,01$ соответственно) и функциональным статусом ($r = -0,51$; $p < 0,001$ и $r = -0,48$; $p < 0,001$) (табл. 1).

Таблица 1. Уровень тревоги и депрессии у женщин с раком молочной железы ($n = 120$)

Показатель	M±SD	Min-Max	Норма	p
Тревога	10,4±4,2	1–20	0–7	$p < 0,001^{**}$
Депрессия	9,1±3,8	0–18	0–7	$p < 0,001^{**}$

*M – среднее, SD – стандартное отклонение, Min – минимум, Max – максимум, p – уровень значимости ** – значимые различия с нормативными данными

Изучение копинг-стратегий по опроснику PCI продемонстрировало преобладание социально-ориентированных форм совладания. Наиболее часто пациентки прибегали к поиску социальной поддержки (72,5%), планированию решения проблем (58,3%), избеганию (40,8%). В то же время значительно реже использовались активное совладание (25,0%), принятие (23,3%), юмор (18,3%). Попарное сравнение частот копинг-стратегий с помощью критерия χ^2 Пирсона подтвердило статистически достоверные различия между активными проблемно-ориентированными и пассивными эмоционально-ориентированными стратегиями совладания ($\chi^2 = 28,4$; $p < 0,01$) (табл. 2).

Таблица 2. Относительная частота копинг-стратегий у женщин с раком молочной железы ($n = 120$)

Копинг-стратегии	Частота, %
Поиск социальной поддержки	72,5
Планирование решения проблем	58,3
Избегание	40,8
Активное совладание	25,0
Принятие	23,3
Юмор	18,3

Показатели качества жизни по опроснику WHOQOL-BREF обнаружили наибольшее снижение в сферах физического ($51,2 \pm 14,8$) и психологического ($54,6 \pm 16,4$) благополучия. В то же время социальные отношения

(62,7±19,5) и окружающая среда (58,4±17,2) оценивались пациентками сравнительно выше, однако все равно значимо уступали нормативным значениям ($p < 0,05$). Общий показатель качества жизни составил 56,7±18,8 балла, что соответствует умеренному снижению. Регрессионный анализ идентифицировал тревогу ($\beta = -0,41$; $p < 0,01$), депрессию ($\beta = -0,37$; $p < 0,01$) и избегающий копинг ($\beta = -0,29$; $p < 0,05$) в качестве негативных предикторов качества жизни с совокупным коэффициентом детерминации $R^2 = 0,46$.

Согласно опроснику MBSRQ, большинство обследованных женщин характеризовались негативным образом тела и низкой самооценкой. Особенно низкие баллы отмечались по шкалам оценки внешности (2,1±0,9), ориентации на внешность (2,4±1,1) и удовлетворенности параметрами тела (2,2±0,8). При этом показатель самооценки составил 2,5±1,2 балла. Корреляционный анализ показал значимые обратные связи между параметрами образа тела и эмоциональным состоянием пациенток: с тревогой (от $r = -0,47$ до $r = -0,54$; $p < 0,01$) и депрессией (от $r = -0,39$ до $r = -0,51$; $p < 0,01$). Также обнаружены прямые корреляции с качеством жизни (от $r = 0,34$ до $r = 0,62$; $p < 0,05$) (табл. 3).

Таблица 3. Показатели образа тела и самооценки по опроснику MBSRQ ($n = 120$)

Параметры	M±SD	Min-Max
Оценка внешности	2,1±0,9	1–5
Ориентация на внешность	2,4±1,1	1–5
Удовлетворенность телом	2,2±0,8	1–5
Самооценка	2,5±1,2	1–5

*M – среднее, SD – стандартное отклонение, Min – минимум, Max – максимум

Качественный анализ данных клинического интервью выявил ряд общих тем в субъективных переживаниях пациенток:

1. Чувство неопределенности и тревоги в связи с заболеванием: «Я постоянно думаю, что будет дальше, смогу ли я победить болезнь» (Пациентка А., 41 год). «Рак – это как грозная туча, которая висит над тобой и в любой момент может разразиться громом» (Пациентка Л., 54 года).
2. Страх рецидива и генерализации процесса: «Самый большой страх – это то, что болезнь может вернуться или дать метастазы» (Пациентка И., 49 лет). «Я боюсь, что недолечилась, и клетки опухоли еще остались в организме» (Пациентка Н., 56 лет).
3. Изменение телесного образа Я и снижение самооценки: «После операции я не могу смотреть на себя в зеркало, мое тело изуродовано» (Пациентка К., 38 лет). «Я чувствую себя неполноценной, ущербной, непривлекательной для своего мужа» (Пациентка Е., 44 года).
4. Трансформация социальных ролей и отношений: «Я больше не могу быть сильной и независимой, мне приходится во всем полагаться на близких» (Пациентка Р., 52 года). «Болезнь отдала меня от друзей, я стала изгоем» (Пациентка В., 47 лет).

Контент-анализ транскриптов интервью по категориям эмоций показал преобладание негативных переживаний (78,4%) над позитивными (21,6%). В спектре негативных эмоций доминировали тревога (42,5%), страх (31,7%), печаль (28,2%), в то время как среди позитивных – надежда (48,6%) и принятие (24,3%) (табл. 4).

Таблица 4. Частотный контент-анализ эмоциональных категорий в транскриптах интервью ($n = 120$)

Эмоциональные категории	Частота, %
Тревога	42,5
Страх	31,7
Печаль	28,2
Надежда	48,6
Принятие	24,3

Интегральный анализ эмпирических данных в сопоставлении с теоретическими моделями совладания с хроническим заболеванием [13] позволяет концептуализировать основные психологические проблемы женщин с раком молочной железы:

1. Интенсивный эмоциональный стресс, проявляющийся высоким уровнем тревоги, депрессии и доминированием негативных переживаний. Это согласуется с представлением о раке как о витальной угрозе, активирующей экзистенциальные страхи смерти и страдания [14].
2. Трансформация Я-концепции, редукция самооценки и негативизация образа тела. Обнаруженные нарушения телесного образа Я соответствуют типичным психологическим реакциям на калечащие операции и подтверждают центральную роль физической целостности в самовосприятии женщины [15].
3. Преобладание социально-зависимых и пассивных копинг-стратегий над активным проблемно-ориентированным совладанием. Это может объясняться как объективной ограниченностью контроля над ситуацией болезни, так и недостаточной личностной зрелостью пациенток [16].
4. Снижение субъективного качества жизни, обусловленное как объективными симптомами болезни и лечения, так и субъективной оценкой своего физического, психологического и социального функционирования. Выявленные предикторы качества жизни подчеркивают решающую роль психологических факторов в адаптации к раку молочной железы [17].

Сопоставление полученных данных с результатами зарубежных исследований демонстрирует сходную картину психологического неблагополучия у женщин с раком молочной железы. Метаанализ 18 публикаций ($n = 1427$) показал распространенность тревожных расстройств на уровне 32,2%, депрессивных – 28,4% [18], что незначительно уступает нашим данным. Кросскультурное исследование образа тела у пациенток из 6 стран ($n = 534$) обнаружило негативные изменения у 68,3% женщин [19], в сравнении с 76,7% в нашей выборке. В то же время разрыв в относительной частоте использования проблемно-ориентированного и эмоционально-ориентированного копинга оказался более выражен в нашем исследовании (32,5% vs 51,7% соответственно), в сравнении с 41,6% vs 48,2% в международной выборке [20].

Результаты исследования должны интерпретироваться с учетом ряда ограничений. Во-первых, одномоментный срез данных не позволяет делать однозначные выводы о причинно-следственных связях между переменными. Во-вторых, использование самоотчетных методик создает риск искажения данных вследствие феноменов социальной желательности и самопрезентации. В-третьих, в исследовании не проводился углубленный анализ индивидуальной истории болезни, типов лечения и социально-демографических характеристик пациен-

ток, которые также могут вносить вклад в психологическую адаптацию.

Тем не менее, полученные результаты значительно расширяют понимание психологических аспектов рака молочной железы в контексте российской популяции и позволяют сформулировать ряд практических рекомендаций:

1. Необходимость регулярного скрининга психоэмоционального состояния женщин на всех этапах диагностики и лечения рака молочной железы с целью своевременного выявления дезадаптивных психологических реакций.
2. Проведение дифференцированной психологической коррекции и обучение эффективным стратегиям совладания с учетом индивидуального профиля личностных особенностей, копинг-стиля и психосоциальных ресурсов пациентки.
3. Включение работы с образом тела и самооценкой в протоколы психологической реабилитации на всех этапах континуума болезни и выздоровления.
4. Интеграция психологической помощи с программой медицинской и социальной поддержки для обеспечения целостного биопсихосоциального подхода к улучшению качества жизни женщин с раком молочной железы.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на изучение динамики психологических параметров в процессе лечения, оценку эффективности различных методов психологической помощи, кросс-культурный анализ копинг-стратегий, а также идентификацию психологических предикторов выживаемости и риска рецидива у женщин с раком молочной железы. Только многоаспектное изучение психологических факторов, ассоциированных с раком молочной железы.

Системный анализ копинг-стиля пациенток выявил преобладание эмоционально-ориентированных стратегий совладания над проблемно-ориентированными. Наибольшую частоту продемонстрировали неадаптивные стратегии избегания и поиска социальной поддержки, в то время как активное совладание и когнитивная переоценка использовались значительно реже. Полученные данные свидетельствуют о недостаточной сформированности конструктивных копинг-ресурсов у женщин с раком молочной железы и указывают на необходимость психологической интервенции, направленной на расширение репертуара эффективных стратегий совладания со стрессом заболевания.

Инновационным компонентом исследования является многомерная оценка качества жизни пациенток, интегрирующая объективные клинические параметры и субъективное благополучие. Выявленное снижение физического, психологического и социального функционирования не только подтверждает комплексный негативный эффект онкологического заболевания, но и ставит вопрос о необходимости биопсихосоциального подхода к проблеме рака молочной железы. Обнаруженные предикторы качества жизни, включающие как клинические (стадия заболевания), так и психологические (тревога, депрессия, копинг) факторы, открывают перспективы для разработки дифференцированных программ медико-психологической реабилитации данной категории пациенток.

Качественный анализ субъективного опыта болезни позволил выявить общие закономерности в переживании экзистенциальной угрозы, трансформации идентичности, изменении социальных ролей и отношений. Доминирование негативных эмоций тревоги, страха и печали, наряду с высокой представленностью надежды, отражает сложный полимодальный характер реагиру-

вания на онкологический диагноз. Полученные результаты не только углубляют феноменологическое понимание внутренней картины болезни при раке молочной железы, но и подчеркивают значимость экзистенциально-гуманистического подхода в психологическом сопровождении пациенток.

Заключение

Резюме результатов:

1. Высокая распространенность клинически выраженной тревоги (48,3%) и депрессии (26,7%) у женщин с раком молочной железы.
2. Преобладание эмоционально-ориентированного копинга (51,7%) над проблемно-ориентированным (32,5%).
3. Снижение качества жизни в сферах физического ($51,2 \pm 14,8$) и психологического ($54,6 \pm 16,4$) благополучия.
4. Нарушения образа тела и низкая самооценка у 76,7% пациенток.
5. Доминирование негативных эмоций (78,4%) в субъективном опыте болезни.

Теоретический синтез: Результаты исследования вносят значимый вклад в развитие концепции психологической адаптации к хроническому заболеванию. Высокая выраженность эмоционального дистресса и дезадаптивных копинг-стратегий у женщин с раком молочной железы свидетельствует о недостаточной разработанности проблемы психологических ресурсов совладания в отечественной медицинской психологии. Полученные данные не только подтверждают правомерность распространения западных объяснительных моделей на российский социокультурный контекст, но и ставят вопрос о необходимости их адаптации и модификации с учетом кросскультурной специфики.

Выдвинутый в исследовании интегративный подход к оценке качества жизни онкологических больных открывает новые перспективы в понимании биопсихосоциальной природы адаптации к хроническому заболеванию. Концептуализация качества жизни как многомерного конструкта, опосредованного сложным взаимодействием объективных и субъективных факторов, создает основу для разработки комплексных программ медико-психологической реабилитации, ориентированных на улучшение физического, психического и социального функционирования пациенток. Феноменологический анализ субъективного опыта болезни позволил эксплицировать ключевые экзистенциальные проблемы женщин с раком молочной железы, связанные с переживанием витальной угрозы, трансформацией идентичности и изменением жизненного мира. Полученные результаты углубляют понимание внутренней картины болезни как сложного полимодального образования и актуализируют значимость экзистенциально-феноменологической методологии в исследовании психологических аспектов онкологических заболеваний.

Таким образом, проведенное исследование не только расширяет эмпирическую базу медицинской психологии, но и вносит значимый вклад в развитие фундаментальных представлений о психологических механизмах адаптации к хроническому заболеванию. Интеграция количественных и качественных методов в рамках биопсихосоциальной парадигмы открывает новые горизонты в изучении психологических факторов рака молочной железы и создает концептуальный фундамент для разработки научно-обоснованных программ психологической помощи данной категории пациенток.

Литература

1. Абрамова А.А. Психологические особенности женщин, больных раком молочной железы. Дисс. канд. психол. наук. М., 2005.
2. Блинов Н.Н., Чулкова В.А. Психологическая реабилитация онкологических больных // Практическая онкология. 2019. Т. 6. № 1. С. 75–81.
3. Вассерман Л.И., Трифонова Е.А., Щелкова О.Ю. Психологическая диагностика и коррекция в соматической клинике: научно-практическое руководство. СПб.: Речь, 2011.
4. Гнездилов А.В. Психические изменения у онкологических больных // Практическая онкология. 2017. Т. 2. № 1. С. 5–11.
5. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология: учебник для вузов. СПб.: Питер, 2010.
6. Менделевич В.Д., Соловьева С.Л. Неврология и психосоматическая медицина. М.: МЕДпресс-информ, 2016.
7. Сидоров П.И., Парняков А.В. Клиническая психология: учебник для вузов. 3-е изд. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018.
8. Тарабрина Н.В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001.
9. Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
10. Чулкова В.А., Пестерева Е.В. Системный подход в реабилитации онкологических больных // Современная онкология. 2015. Т. 2. № 3. С. 57–62.
11. Шац И.К. Психологическое сопровождение тяжело больного. СПб.: Речь, 2010.
12. Holland J.C. Psycho-Oncology. Oxford University Press, 2010.
13. Moorey S., Greer S. Cognitive Behaviour Therapy for People with Cancer. Oxford University Press, 2002.
14. Spiegel D., Classen C. Group Therapy for Cancer Patients: A Research-Based Handbook of Psychosocial Care. Basic Books, 2000.
15. Watson M., Kissane D.W. Handbook of Psychotherapy in Cancer Care. Wiley-Blackwell, 2011.
16. Бехер О.А. Социально-психологические аспекты женщин с раком молочной железы // Сибирский онкологический журнал. 2007. № S2. С. 23–24.
17. Хритинин Д.Ф., Цыганков Б.Д. Психопатологические особенности женщин, страдающих раком молочной железы // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2008. № 3(50). С. 35–36.
18. Шарова О.Н., Вазенин А.В. Особенности психических расстройств у женщин после радикального лечения рака молочной железы и формирование при них механизмов психологической защиты // Паллиативная медицина и реабилитация. 2001. № 2–3. С. 56.
19. Галиуллина С.Д., Ганцев Ш.Х., Юлдашев В.Л., Ханов А.М. Личностные реакции женщин, больных раком молочной железы // Тюменский медицинский журнал. 2000. № 2. С. 20–21.
20. Мензул Е.В., Рязанцева Н.М., Кувшинова Н.Ю. Психологическая характеристика больных раком молочной железы (РМЖ) // Медсестра. 2017. № 1. С. 63–67.

THE RELATIONSHIP BETWEEN PSYCHOLOGICAL FACTORS AND PERSONALITY TRAITS IN WOMEN WITH BREAST CANCER

Vorobyeva N.S.

Moscow Humanitarian University

This study analyzes the relationship between psychological factors and personality traits in women with breast cancer. The relevance of the topic is due to the high prevalence of this disease and the need to develop effective strategies for psychological support for patients. The purpose of the work is to identify key psychological

predictors of the quality of life and adaptation of women diagnosed with breast cancer. The objectives include: 1) assessment of the level of anxiety, depression and stress; 2) analysis of coping strategies and psychological defense mechanisms; 3) study of self-esteem and body image; 4) identification of the relationship between psychological factors and clinical and demographic characteristics. Research methods: psychodiagnostic testing using standardized questionnaires (HADS, COPE, BIQLI, MBSRQ), clinical interview, methods of descriptive and inferential statistics (correlation, cluster, regression analysis). The sample included 120 women aged 28 to 72 years (mean age – 51.2 ± 10.8 years) with a verified diagnosis of breast cancer stages I–III. The results showed that 48% of women have clinically expressed anxiety, 32% have depression. The predominant coping strategies are the search for social support (72%) and avoidance (41%). Most women demonstrate a negative body image and low self-esteem, which is associated with a worse psychological state and quality of life ($p < 0.01$). Regression analysis showed that predictors of adaptation are age ($\beta = -0.32$; $p < 0.05$), stage of the disease ($\beta = -0.41$; $p < 0.01$), level of anxiety ($\beta = -0.54$; $p < 0.001$) and nature of coping ($\beta = 0.38$; $p < 0.01$). The obtained data have theoretical and practical significance for the development of models of psychological support for women with breast cancer. Prospects for the study are associated with a longitudinal assessment of the dynamics of psychological status and validation of psychological assistance programs.

Keywords: breast cancer, psychological factors, personality traits, anxiety, depression, coping strategies, body image, quality of life.

References

1. Abramova A.A. Psychological characteristics of women with breast cancer. Diss. Cand. Psychol. Sci. (2005).
2. Blinov N.N., Chulkova V.A. Psychological rehabilitation of cancer patients // Practical oncology. 2019. Vol. 6. No. 1. Pp. 75–81.
3. Wasserman L.I., Trifonova E.A., Shchelkova O. Yu. Psychological diagnostics and correction in a somatic clinic: a scientific and practical guide. St. Petersburg: Rech, 2011.
4. Gnezdilov A.V. Mental changes in cancer patients // Practical oncology. 2017. Vol. 2. No. 1. Pp. 5–11.
5. Karvasarsky B.D. Clinical Psychology: a textbook for universities. SPb.: Piter, 2010.
6. Mendeleevich V.D., Solovieva S.L. Neurology and psychosomatic medicine. M.: MEDpress-inform, 2016.
7. Sidorov P.I., Parnyakov A.V. Clinical Psychology: a textbook for universities. 3rd ed. M.: GEOTAR-Media, 2018.
8. Tarabrina N.V. Practical training in the psychology of post-traumatic stress. SPb.: Piter, 2001.
9. Tkhostov A. Sh. Psychology of corporeality. M.: Smysl, 2002.
10. Chulkova V.A., Pestereva E.V. Systems approach to the rehabilitation of cancer patients // Modern oncology. 2015. Vol. 2. No. 3. P. 57–62.
11. Shats I.K. Psychological support of the seriously ill. SPb.: Rech, 2010.
12. Holland J.C. Psycho-Oncology. Oxford University Press, 2010.
13. Moorey S., Greer S. Cognitive Behaviour Therapy for People with Cancer. Oxford University Press, 2002.
14. Spiegel D., Classen C. Group Therapy for Cancer Patients: A Research-Based Handbook of Psychosocial Care. Basic Books, 2000.
15. Watson M., Kissane D.W. Handbook of Psychotherapy in Cancer Care. Wiley-Blackwell, 2011.
16. Bekher O.A. Social and psychological aspects of women with breast cancer // Siberian oncological journal. 2007. No. S2. P. 23–24.
17. Khritinin D.F., Tsygankov B.D. Psychopathological characteristics of women with breast cancer // Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology. 2008. No. 3(50). P. 35–36.
18. Sharova O.N., Vazhenin A.V. Characteristics of mental disorders in women after radical treatment of breast cancer and the formation of psychological defense mechanisms // Palliative medicine and rehabilitation. 2001. No. 2–3. P. 56.
19. Galiullina S.D., Gancev Sh.Kh., Yuldashev V.L., Khanov A.M. Personal reactions of women with breast cancer // Tyumen Medical Journal. 2000. No. 2. P. 20–21.
20. Menzul E.V., Ryazantseva N.M., Kuvshinova N. Yu. Psychological characteristics of patients with breast cancer (BC) // Nurse. 2017. No. 1. P. 63–67.

Гавронова Юлия Дмитриевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук, Смоленский государственный институт искусств
E-mail: kozadereza2@yandex.ru

Иванова Юлия Витальевна,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических наук, Смоленский государственный институт искусств
E-mail: juliva979@mail.ru

Вряд ли какая-либо другая специализированная область является настолько деликатной и требует столь же тщательного подхода, как перевод для медицинского сектора. Одной из основных целей нашей статьи является обозначить ряд ведущих лингвистических трудностей перевода медицинской научной литературы с английского на русский язык, так как специализированные переводы требуют особенно высокой степени точности и строгого соответствия национальным и международным стандартам. Всё вышеизложенное, на наш взгляд, и определяет необходимость не только высокой квалификации переводчика, но и его глубокой информированности в избранной медицинской области, то есть гармоничного сочетания переводческой компетенции и компетентности специалиста. Также нами предложен ряд возможных путей работы с подобными текстами.

Ключевые слова: медицинский перевод, научный перевод, переводоведение, переводческая компетенция, переводческая компетентность, лингвистика текста.

Введение

Вряд ли какая-либо другая специализированная область является настолько деликатной и требует столь же тщательного подхода, как перевод для медицинского сектора. И это неудивительно, ведь любые ошибки или неточности в медицинских текстах могут, в худшем случае, пагубно сказаться на самом ценном, что есть у человека – его здоровье. Сложность заключается ещё и в том, что наряду с базовыми переводческими знаниями существует также и много достаточно противоречивой информации, которую необходимо учитывать. Так быстрый рост знаний, динамика развития сфер науки и технологий и требования целевой группы затрудняют перевод новых материалов из области медицины. Следующая трудность: этимологические характеристики не всегда совпадают со значением структурных единиц термина, поскольку семантика и содержание в зависимости от области контекста могут меняться со временем. Медицинские переводчики также должны обладать обширными знаниями в области анатомии, физиологии, патологии, фармацевтики и смежных отраслей (биохимии, физики, микробиологии, радиологии и др.), а также информированностью в сфере функционирования медицинского оборудования, и, безусловно, разбираться в лингвистических особенностях научных текстов. Помимо точной формулировки и точного воспроизведения содержания использование правильных медицинских и фармацевтических понятий также имеет решающее значение для качества и понятности перевода. Поэтому профессиональное декодирование всегда включает в себя проверку и правильное использование соответствующей терминологии. Безошибочное научное преобразование с одного языка в другой имеет решающее значение для исследований. Из одной лаборатории или университета в другой нужно передавать не только простые цифры. Ученым нужен контекст. Неопытные или неподготовленные переводчики иногда упускают из виду тонкие идеи и сложные детали. Некачественный перевод в итоге может привести к провалу исследовательской работы, а сотрудники могут потерять финансирование и/или потратить сотни часов работы.

Методология исследования

Одной из основных целей нашей статьи является обозначить ряд ведущих лингвистических трудностей перевода медицинской научной литературы с английского на русский язык, так как специализированные переводы требуют особенно высокой степени точности и строгого соответствия национальным и международным стандартам. Также мы попытаемся обозначить пути преодоления возникающих препятствий.

Лингвистические особенности перевода медицинских текстов в научных исследованиях включают разные аспекты: способы достижения высокой адекватности в сфере медицинского перевода (Т.Е. Жакова), структурная организация медицинских научных статей (И.И. Торубарова, А.О. Стеблецова), жанровая дифференциация медицинского дискурса (Ф.Л. Косицкая, М.В. Матюхина), композиционно-речевые формы англоязычного медицинского письменного научного текста (Л.В. Ягенич) [5, 14, 8, 17]. Исследователи уделяют значительное вни-

мание переводу медицинских терминов: передача в медицинском дискурсе неологизмов, возникших во время пандемии коронавируса (В.В. Катермина, С.Х. Липириди), перевод интернациональных и псевдоинтернациональных медицинских терминов (Е.В. Павлова, Т.Г. Лаптева) синонимические ряды медицинских терминов в английском языке (В.М. Хантакова, С.В. Швецова, Ц.Д. Бидагаева), особенности перевода аббревиатур, эпонимов (А.Т. Высочанская, Д.В. Пересторонина; Е.В. Павлова, Т.Г. Лаптева), использование метафор и эвфемизмов в медицинском дискурсе на английском языке (А.А. Губанов; М.С. Медведева; Д.Д. Мустафина, В.Ю. Полякова), перевод многокомпонентных атрибутивных словосочетаний (Т.Л. Мошанова, С.А. Еремеева, А.Н. Зарипова) [3, 4, 7, 9, 12, 13, 16].

Материалом исследования послужили выдержки из научных справочников по клинической медицине и примеры перевода медицинских текстов из справочника Харрисона и открытых курсов по медицинскому переводу Ольги Гиляревой [1, 21]. При изучении лингвистических особенностей медицинского перевода использовались следующие методы: 1) анализ научной литературы по проблеме исследования; 2) метод произвольной выборки (для отбора примеров); 3) словообразовательный анализ; 4) метод сопоставительного анализа перевода; 5) описательный метод.

Результаты исследования

В рамках данного исследования представим краткий анализ текста на примере медицинского перевода и сопоставим его с оригинальным текстом. Из-за значимых различий в грамматике и синтаксисе английского и русского языков приходится прибегать к различным видам переводческих трансформаций: грамматические, лексические, лексико-грамматические, а чаще всего к нескольким межязыковым преобразованиям одновременно, иными словами, сложным, комплексным трансформациям.

Одна из первых сложностей перевода медицинского текста – это достаточно высокая насыщенность в подобных материалах слов похожих по звучанию или со схожим морфемным составом и семантикой, но с разным лексическим значением, **т.е. паронимов**. Во многом это обусловлено тем, что медицинские термины содержат латинские и греческие корни. Во избежание подобных ошибок, прежде всего, необходимо проверить смысловое значение слов в англоязычных толковых словарях, в медицинских справочных изданиях или научных источниках.

Для начала укажем использование паронимов из нейтральной лексики в медицинском тексте. Проиллюстрируем на особенностях функционирования в тексте «*efficacy vs effectiveness*» – «эффективность и клиническая польза». Прежде всего, необходимо разобраться в определениях данных терминов.

Приведём практические примеры:

1) «*During the period of active treatment (the first 6 months), there were no significant differences in efficacy endpoints between treatment groups*» [18].

2) «*One review focused on quantitative data on the effectiveness (benefits and harms) of physical, psychological and pharmacological interventions for chronic pain in children*» [20].

Соответственно перевод будет звучать нижеприведённым образом:

1) «*В период активного лечения (первые 6 месяцев) не было достоверных различий в наиболее значимых критериях эффективности при оценке результатов в экспериментальных группах*».

2) «*В одном обследовании основное внимание уделялось количественным данным о клинической пользе (пользе и вреде) физических, психологических и фармакологических вмешательств при хронической боли у детей*».

Следующим препятствием может быть перевод **омонимичных медицинских терминов**:

- *nephritis* от гр. «nephros» (почка) и суффикс «-itis» (воспаление), т.е. «нефрит, воспаление почки»;
- *neuritis* от гр. «neuron» (нерв) и суффикс «-itis» (воспаление), т.е. «неврит, воспаление нерва».

Теперь посмотрим употребление данных медицинских терминов в контексте.

«*Allergic interstitial nephritis, usually due to antibiotics (e.g., penicillins, cephalosporins, sulfa drugs, quinolones, and rifampin), or NSAIDs, may also be responsible*» [21].

Вариант перевода: «*Аллергический интерстициальный нефрит, обычно вызванный антибиотиками (например, пенициллинами, цефалоспоридами, сульфаниламидными препаратами, хинолонами и рифампином) или нестероидными противовоспалительными препаратами (НПВС), также может быть причиной*».

«*Acute brachial neuritis consists of acute onset of severe shoulder or scapular pain followed over days by weakness of proximal arm and shoulder girdle muscles innervated by the upper brachial plexus*» [21].

Вариант перевода: «*Острый плечевой невррит характеризуется острым началом сильной боли в плече или лопатке, за которой через несколько дней следует слабость проксимальных мышц плеча и плечевого пояса, иннервируемых верхним плечевым сплетением*».

Как видно из этимологии и контекста, паронимы «nephritis» и «neuritis» совсем не связанные друг с другом понятия и с разным смысловым значением.

Следующая сложность состоит в существовании лингвистической подсистемы, включающей, в том числе и **терминологический аппарат**.

Пример 1: «*Data from a report of 72,314 cases published by the Chinese Center for Disease Control and Prevention has revealed that the severity of clinical symptoms can vary between individuals*» [18].

Перевод: «*Данные отчёта о 72314 случаях, опубликованного Китайским центром по контролю и профилактике заболеваний, показали, что у разных пациентов может различаться тяжесть клинических проявлений*».

В данном случае при передаче на русский язык медицинского термина «*the severity of clinical symptoms*» была использована такая лексико-семантическая замена, как логическая синонимия «*тяжесть клинических проявлений*», а не «симптомов». Также следует обратить внимание на особенности написания числительных: в английском тексте («72,314») тысячи отделяются запятой, а в русском тексте («72314») – пробелом. Кроме того, в названиях зарубежных организаций часто каждая лексема прописывается с большой буквы («the Chinese Center for Disease Control and Prevention»), в русском языке с заглавной буквы следует написать только первое слово («Китайский центр по контролю и профилактике заболеваний»). При переводе придаточного предложения («that the severity of clinical symptoms can vary between individuals» / «что у разных пациентов может различаться тяжесть клинических проявлений») был использован такой лексический приём, как перестановка, т.е. был изменён порядок следования лексических единиц, что соответствует синтаксическим нормам языка перевода.

Пример 2: «*81% of cases were described as mild (i.e. non-pneumonia and mild pneumonia). 14% of cases were severe (i.d. dyspnea, respiratory frequency ≥ 30 /min, blood*

oxygen saturation $\leq 93\%$, and/or lung infiltrates $>50\%$ within 24 to 48 hours), and 5% were critical (i.e. respiratory failure, septic shock, and/or multiple organ dysfunction or failure)» [18].

Перевод: «В 81% случаев заболевание было слабовыраженным (т.е. без пневмонии или с лёгкой формой пневмонии), в 14% были тяжёлыми (т.е. отмечалась одышка, частота дыхания ≥ 30 /мин, насыщение крови кислородом $\leq 93\%$ и (или) инфильтраты в лёгких $>50\%$ через 24–48 часов), а 5% были критическими (т.е. наблюдалась дыхательная недостаточность, септический шок и (или) полиорганная недостаточность)».

При сравнении оригинала и перевода сразу можно заметить, что английское предложение начинается с числительного, но в русском языке начинать предложение с числительного нежелательно, т.е. необходимо перестроить фразу. Такие термины как «*dyspnea*» (одышка), «*respiratory frequency*» (частота дыхания), «*respiratory failure*» (дыхательная недостаточность), «*septic shock*» (септический шок) имеют полные эквивалентные соответствия в русском языке и не представляют трудности. В термине «*non-pneumonia*» (отсутствие пневмонии) приставка «non-» означает «отрицание» или «отсутствие», поэтому переводчику пришлось использовать такой лексический приём, как добавление, т.е. в данном случае была использована дополнительная лексическая единица «отсутствие» для передачи имплицитного элемента смысла оригинала. А при обозначении названия другого вида пневмонии «*mild pneumonia*» (пневмония лёгкой степени тяжести) был использован не только лексический приём «добавление», но и лексико-семантическая замена «семантическое развитие (модуляция)». Сложности при декодировке может вызвать термин «*multiple organ dysfunction or failure*» (полиорганная недостаточность). При его переводе использовались следующие межязыковые преобразования: лексический приём «опущение» или «сокращение», т.е. отказ от передачи в языке перевода семантически избыточных слов и лексико-семантическая замена «генерализация», т.е. «недостаточность», а не «дисфункция и недостаточность». Предлог «to» (within 24 to 48 hours) нужно опустить, используя вместо него дефис (через 24–48 часов).

Пример 3: «*Right-Sided Cardiac Chambers receive deoxygenated, or venous, blood. RA receives blood from 3 veins: inferior vena cava, superior vena cava, coronary sinus. Venous blood is then pumped into the pulmonary trunk from the RV. From there it flows through the pulmonary arteries to the lungs, where it becomes oxygenated and releases carbon dioxide*» [21].

Перевод: «Правые камеры сердца получают венозную, насыщенную углекислым газом кровь. В правое предсердие кровь поступает из трёх вен: нижней полой вены, верхней полой вены, венечного синуса. Далее венозная кровь из правого желудочка выталкивается в лёгочный ствол. Отсюда по лёгочным артериям кровь поступает в лёгкие, где углекислый газ в крови замещается кислородом».

Прежде всего, чтобы правильно передать смысл этого высказывания, необходимо разобраться, что означает анатомический термин «камера сердца». Камера включает в себя и предсердие, и желудочек. Для передачи сокращений RA (right atrium) и RV (right ventricle) используется описательный перевод, т.е. их расшифровка «правое предсердие» и «правый желудочек». Термины «*inferior vena cava*» (нижняя полая вена) и «*superior vena cava*» (верхняя полая вена) – заимствования из латинского языка. А такие понятия как «*pulmonary trunk*» (лёгочный ствол) и «*pulmonary arteries*» (лёгочные артерии) передаются с помощью калькирования и трудностей не вы-

зывают. Для термина «*coronary sinus*» от лат. sinus coronaries в словарях приводится два эквивалента: «венечный синус» и «коронарный синус» При переводе текста по анатомии внимательного отношения требуют глаголы. В данном примере это глаголы «receive» (получать), «pump into» (перекачивать в ...), «flow» (течь), «release» (выделять) на русский язык в контексте они переведены как «кровь поступает» (RA receives blood), «кровь выталкивается» (blood is then pumped), «поступает» (it flows), «замещается» (releases carbon dioxide). Иными словами, для передачи данных глаголов используется смысловое развитие или модуляция. При декодировании наречия «oxygenated» использована грамматическая трансформация частеречной замены (прилагательное «oxygenated» – существительное «кислород»).

Следует обратить внимание, что в английском предложении пишем цифры, в русском по литературной норме все числительные до десяти прописываются. В соответствии с коммуникативной задачей придаточного предложения «where it becomes oxygenated and releases carbon dioxide» в тексте делается акцент на том, что именно углекислый газ замещается кислородом, поэтому с этой целью производится перестановка, иными словами, изменение порядка следования лексических единиц в предложении.

Заключение

Вышеприведённый анализ показывает, что тексты по клинической медицине содержат большое количество специальных терминов, для адекватного перевода которых необходимо не только хорошо знать английский и русский языки, но и латинский. Кроме того, изначально необходимо понимать весь текст целиком, что требует достаточно широкого спектра знаний в специальных областях, таких как анатомия, физиология и ряда других. Во избежание ошибок и лексической интерференции особого внимания требует вопрос перевода «ложных друзей переводчика», в том числе и паронимов. Немалую роль при достижении высокой адекватности в переводе играют лексико-семантические и грамматические трансформации, что обусловлено значительными расхождениями в структуре и стиле английского и русского научного языка. Необходимо учитывать такие лингвистические особенности, как структура предложения, передача чисел и числительных, перевод медицинских учреждений, использование тире и дефиса в русском тексте и его отсутствие в английском и наоборот. Была предпринята попытка обозначить лишь ряд основных трудностей, возникающих при работе со столь сложным материалом – научный медицинский текст. Всё вышеизложенное, на наш взгляд, и определяет необходимость не только высокой квалификации переводчика, но и его глубокой информированности в избранной медицинской области, то есть гармоничного сочетания переводческой компетенции и компетентности специалиста. Также нами предложен ряд практических рекомендаций при работе с подобными текстами.

Литература

1. Бесплатный онлайн-курс. Основы медицинского перевода – URL: <https://med.apschool.ru/base-med> (дата обращения 17.11.2024)
2. Василькова А.П., Рудакова Л.Е. Особенности адекватного перевода медицинских текстов (на примере англоязычного академического дискурса) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № . 8–1. – С. 55–59.

3. Высочанская А.Т., Пересторонина Д.В. Особенности медицинского перевода: проблемы и пути их решения // Филологический аспект. – 2020. – № 9. – С. 163–170.
4. Губанов А.А. Особенности перевода медицинских текстов // Инновационная наука. – 2022. – № 7–1. – С. 82–84.
5. Жакова, Т.Е. Проблема перевода специальных (медицинских) текстов // Известия Смоленского государственного университета. – 2018. – № 1(41). – С. 83–96.
6. Еремеева С.А., Зарипова А.Н. Синтаксический способ образования терминов кардиологии в английском и немецком языках // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2020. – Т. 10. – № 3. – С. 54–67.
7. Катермина В.В., Липириди С.Х. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2020. – № 4(147). – С. 170–175.
8. Косицкая Ф.Л., Матюхина М.В. Английский медицинский дискурс в сфере профессиональной коммуникации // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 6(183). – С. 44–48.
9. Медведева М.С. Особенности перевода медицинской терминологии // Гуманитарные и социальные науки. – 2022. – Т. 92, № 3. – С. 63–68.
10. Мoshанова Т.Л. К вопросу о переводе атрибутивных словосочетаний модели N+Nm (на примере англоязычных медицинских текстов) // Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: сборник статей по материалам 9й Международной научно-практической и образовательной конференции, Тверь, 08–09 апреля 2021 года. – Тверь: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Тверская государственная медицинская академия Министерства здравоохранения Российской Федерации, 2021.
11. Мустафина Д.Д., Полякова В.Ю. Эвфемия в профессиональной коммуникации (на примере медицинского дискурса современного английского языка) // Язык науки и профессиональная коммуникация. – 2021. – № 3. – С. 4.
12. Павлова Е.В., Лаптева Т.Г. Специфика передачи терминов различных типов при переводе с английского языка на русский // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2014. – Т. 6. – № 2. – С. 59–63.
13. Торубарова И.И., Стеблецова А.О. Научная медицинская статья: проявления национальной специфики в универсальном жанре академического дискурса // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2020. – Т. 4. – № 67. – С. 145–153.
14. Торубарова И.И. Языковые особенности научных статей по эпидемиологии // Иностранные языки в медицинском вузе: проблемы и перспективы: сборник материалов конференции, Воронеж, 17 марта 2023 года. Том Вып. 2. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. – С. 94–102.
15. Хантакова В.М., Швецова С.В., Бидагаева Ц.Д. Хаос в синонимических рядах (на материале медицинских терминов) // Мир науки, культуры, образования. – 2023. – № 1(98). – С. 377–383.
16. Ягенич, Л.В. Композиционные формы речи англоязычного письменного научного медицинского текста // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 3(24). – С. 84–87.
17. Dodick D.W., Turkel C.C., DeGryse R.E., Diener H.C., Lipton R.B., Aurora S.K., Nolan M.E., Silberstein S.D. Assessing clinically meaningful treatment effects in controlled trials: chronic migraine as an example. *J Pain*. 2015 Feb;16(2):164–75. doi: 10.1016/j.jpain.2014.11.004. Epub 2014 Nov 15. PMID: 25464159.
18. Gartlehner G, Hansen RA, Nissman D, et al. Criteria for Distinguishing Effectiveness From Efficacy Trials in Systematic Reviews. Rockville (MD): Agency for Healthcare Research and Quality (US); 2006 Apr. (Technical Reviews, No. 12.) Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK44029/>
19. Guidelines on the management of chronic pain in children. Geneva: World Health Organization; 2020. Licence: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.
20. Harrison's manual of medicine. 20e Eds. J. Larry Jameson, et al. McGraw-Hill Education, 2020. 1275 pp.

TRANSLATION OF SCIENTIFIC MEDICAL TEXTS: LINGUISTIC ASPECT

Gavronova Y.D., Ivanova Y.V.
Smolensk State Institute of Arts

Hardly any other specialised field is as delicate and requires such a meticulous approach as translation for the medical sector. One of the main aims of our article is to outline some of the key linguistic challenges in translating medical scientific literature from English into Russian, as specialised translations require a particularly high degree of accuracy and strict adherence to national and international standards. In our opinion, all of the above points to the need not only for a highly qualified translator, but also for an in-depth knowledge of the chosen medical field, i.e. a harmonious combination of translation skills and expertise. We also offer a number of practical recommendations for working with such texts.

Keywords: medical translation, scientific translation, translation studies, translation skills, translation expertise, text linguistics.

References

1. Free online course. Fundamentals of Medical Translation – URL: <https://med.apschool.ru/base-med> (date of access 11/17/2024)
2. Vasilkova A.P., Rudakova L.E. Features of adequate translation of medical texts (on the example of English-language academic discourse) // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. – 2022. – No. 8–1. – P. 55–59.
3. Vysochanskaya A.T., Perestoronina D.V. Features of medical translation: problems and solutions // *Philological aspect*. – 2020. – No. 9. – P. 163–170.
4. Gubanov A.A. Features of translation of medical texts // *Innovative science*. – 2022. – No. 7–1. – P. 82–84.
5. Zhakova, T.E. The problem of translation of special (medical) texts // *Bulletin of Smolensk State University*. – 2018. – No. 1(41). – P. 83–96.
6. Eremeeva S.A., Zaripova A.N. Syntactic method of formation of cardiology terms in English and German // *Bulletin of the South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogy*. – 2020. – Vol. 10. – No. 3. – P. 54–67.
7. Katerina V.V., Lipiridi S. Kh. Features of the reflection of the coronavirus pandemic in the vocabulary of medical discourse (based on English neologisms) // *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*. – 2020. – No. 4(147). – P. 170–175.
8. Kositskaya F.L., Matyukhina M.V. English medical discourse in the field of professional communication // *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. – 2017. – No. 6(183). – P. 44–48.
9. Medvedeva M.S. Features of the translation of medical terminology // *Humanities and social sciences*. – 2022. – Vol. 92, No. 3. – P. 63–68.
10. Moshanova T.L. On the issue of translating attributive phrases of the N+Nm model (using English-language medical texts as an example) // *Medical discourse: issues of theory and practice: collection of articles based on the materials of the 9th Interna-*

- tional scientific-practical and educational conference, Tver, April 08–09, 2021. – Tver: State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Tver State Medical Academy of the Ministry of Health of the Russian Federation, 2021.
11. Mustafina D.D., Polyakova V. Yu. Euphemism in professional communication (on the example of medical discourse of modern English) // Language of science and professional communication. – 2021. – No 3. – P. 4.
 12. Pavlova E.V., Lapteva T.G. Specifics of transmitting terms of various types when translating from English into Russian // Inter Expo Geo-Siberia. – 2014. – V. 6. – No. 2. – P. 59–63
 13. Torubarova I.I., Stebletsova A.O. Scientific medical article: manifestations of national specificity in the universal genre of academic discourse // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. – 2020. – V. 4. – No. 67. – P. 145–153.
 14. Torubarova I.I. Language features of scientific articles on epidemiology // Foreign languages in medical universities: problems and prospects: conference proceedings, Voronezh, March 17, 2023. Vol. Iss. 2. – Voronezh: Publishing and printing center “Scientific book”, 2023. – P. 94–102.
 15. Khantakova V.M., Shvetsova S.V., Bidagaeva Ts.D. Chaos in synonymous rows (based on medical terms) // World of science, culture, education. – 2023. – No. 1 (98). – P. 377–383.
 16. Yagenic, L.V. Compositional forms of speech in English-language written scientific medical text // Baltic Journal of the Humanities. – 2018. – Vol. 7, No. 3(24). – P. 84–87.
 17. Dodick D.W., Turkel C.C., DeGryse R.E., Diener H.C., Lipton R.B., Aurora S.K., Nolan M.E., Silberstein S.D. Assessing clinically meaningful treatment effects in controlled trials: chronic migraine as an example. J Pain. 2015 Feb;16(2):164–75. doi: 10.1016/j.jpain.2014.11.004. Epub 2014 Nov 15. PMID: 25464159.
 18. Gartlehner G, Hansen RA, Nissman D, et al. Criteria for Distinguishing Effectiveness From Efficacy Trials in Systematic Reviews. Rockville (MD): Agency for Healthcare Research and Quality (US); 2006 Apr. (Technical Reviews, No. 12.) Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK44029/>
 19. Guidelines on the management of chronic pain in children. Geneva: World Health Organization; 2020. License: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.
 20. Harrison’s manual of medicine. 20e Eds. J. Larry Jameson, et al. McGraw-Hill Education, 2020. 1275 pp.

Влияние развития цифровых технологий на процесс обучения иностранному языку в университете

Грубин Илья Валентинович,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранный язык», Академия базовой подготовки РУТ (МИИТ)
E-mail: grubin.ilya@yandex.ru

Оганесян Елена Айказовна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: oganeselen@mail.ru

Плужникова Ирина Ивановна,

старший преподаватель кафедры «Иностранный язык», Академия базовой подготовки РУТ (МИИТ)
E-mail: pluzh.ira@yandex.ru

Данная статья посвящена вопросу применения современных цифровых технологий в процессе обучения иностранному языку в высшем учебном заведении. В статье авторами приводятся основные моменты использования цифровых технологий в учебном процессе, представлено сравнение достоинств и недостатков их использования. В статье авторами также указывается необходимость обучения использованию цифровых технологий, как студентов, так и преподавателей. Представлены основные типы цифровых технологий, которые могут использоваться в обучении иностранному языку.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, цифровые технологии, образование в университете, виртуальная реальность.

Введение

На сегодняшний день можно смело утверждать, что цифровые технологии прочно вошли практически во все сферы жизнедеятельности человека. Медицина, транспорт, промышленность, экономика, оборона – во всех этих сферах, в той или иной степени, применяются цифровые технологии в различных формах и видах. Естественно, цифровые технологии не обошли стороной и сферу образования. В условиях создания цифрового общества происходит и процесс массового внедрения цифровых технологий в систему образования. В первую очередь, это касается университетов, так как у высших учебных заведений есть все возможности и условия для использования этих технологий в процессе обучения. Многие исследователи считают, что именно за цифровыми технологиями в образовании будет будущее, поскольку оно основано на других, ранее не существовавших подходах к восприятию, мышлению и воспроизведению, получаемых в ходе образовательного процесса информации и знаний.

Результаты и обсуждение

Говоря о применении цифровых технологий в университете, можно выделить три основных направления:

во-первых, разработка и развитие онлайн-обучения (дистанционного обучения). Пандемия корон вируса в 2019–2021 годах явилась мощным толчком к развитию такой формы обучения. За этот период увеличилось число различных онлайн курсов, программ по изучению иностранного языка. Многие университеты разработали учебные программы, направленные на обучение иностранному языку, в первую очередь, с применением современных цифровых технологий.

во-вторых, разработка и развитие смешанного формата обучения, который включает в себя как традиционные виды занятий, так и занятия в дистанционном формате. Сейчас многие университеты стараются проводить занятия по иностранному языку в смешанном формате (аудиторные занятия и занятия в дистанционном формате). Особенно часто смешанная форма обучения иностранному языку применяется во время обучения иностранному языку в магистратуре.

в-третьих, создание и развитие виртуального образования. Это является сейчас самой передовой цифровой технологией, которая начинает применяться и внедряться в процесс образования. Сегодня технология виртуальной реальности применяется в основном для обучения пилотов, врачей, машинистов. Для обучения иностранному языку она также может использоваться, в первую очередь, благодаря тому, что с помощью нее можно погружать студентов в смоделированную языковую среду.

К достоинствам современных цифровых технологий, которые используются в процессе обучения иностранному языку в университете можно отнести:

- больший процент участия учащихся в учебном процессе;
- больший доступ учащихся к информации;
- возможность неоднократно демонстрировать учебный материал;

- возможность строить более гибкие траектории образования;
- возможность общаться с носителями языка и оказываться в моделируемой языковой среде;
- выход общения преподаватель-студент на новый уровень..

Но необходимо также отметить и недостатки, которые возникают при использовании современных цифровых технологий в обучении иностранному языку в университете. По мнению авторов, недостатками являются:

- обилие непроверенной и недостоверной информации, с которой могут столкнуться студенты;
- изменения форм и содержания обучения;
- увеличение количества работ с высокой долей плагиата;
- благодаря развитию современных цифровых технологий работы (курсовые, дипломы) могут выполняться не студентом, а нейронной сетью;
- сокращение аудиторных занятий;
- изменения отношений преподаватель-студент;
- необходимость дорогостоящего оборудования.

Как видно из приведенных выше списков, в использовании цифровых технологий в обучении иностранному языку наблюдается приблизительно одинаковое количество плюсов и минусов. Это объясняется тем, что их развитие за последние десятилетия происходит слишком бурно и система образования просто не успевает к ним адаптироваться и полностью применить их. Преподаватели иногда просто не понимают, как можно и нужно использовать ту или иную технологию в своей работе, как подстроить их под учебную программу или, наоборот, учебную программу подстроить под цифровые технологии. Именно с такой проблемой столкнулись практически все университеты во время пандемии. Из гуманитарных предметов именно иностранный язык оказался той учебной дисциплиной, где применение различных цифровых технологий является наиболее развитой и успешной.

Примерами наиболее эффективных современных цифровых технологий, которые могут применяться для обучения иностранному языку в университете могут быть: **LMS- цифровые платформы (Learning Management System)**, чат боты, виртуальная реальность, обучающие программы с использованием искусственного интеллекта или нейронной сети. Использование этих технологий в обучении иностранному языку предоставляет новые возможности для повышения уровня знаний студентов, общего процесса обучения и улучшения профессионально-ориентированной языковой подготовки студентов. Но для того, чтобы добиться этого, необходимо правильно пользоваться цифровыми технологиями, правильно включать их в процесс обучения. Исходя из этого, применение современных цифровых технологий в процессе обучения иностранному языку должно проходить только после обучения преподавателей и студентов тому, как пользоваться этими технологиями. Процесс цифровизации оказывает сильное влияние и на студентов, и на преподавателей, что требует соответствующего приспособления к подобным процессам.

Современные цифровые технологии позволяют вывести преподавание иностранного языка в университете на совершенно другой уровень. Благодаря цифровым технологиям учебные программы и сам процесс обучения можно сделать не просто профессионально-ориентированным, но и сделать его профессионально-ориентированным с погружением в языковую среду без нахождения в стране изучаемого языка. Это, соответственно, улучшит навыки студентов и повысит их мотивацию к изучению иностранного языка.

Заключение

В качестве заключения можно сделать следующие выводы:

во-первых, процесс внедрения цифровых технологий в обучения является своевременным и необходимым в современных условиях развития общества;

во-вторых, внедрение цифровых технологий в обучение иностранному языку станет ключевым моментом в дальнейшем развитии процесса обучения студентов иностранному языку и всего образования в целом;

в-третьих, внедрение цифровых технологий в процесс обучения должно быть только вместе с обучением этим технологиям, как студентов, так и преподавателей;

в-четвертых, применение цифровых технологий в обучении иностранному языку может тормозиться из-за отсутствия необходимого технического оборудования.

Литература

1. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А. Критерии для рейтингования уровня и качества цифровизации процесса образования в вузах РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, 2019 История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 2. С. 268–283.
2. Клочкова Е.Н., Садовникова Н.А. Трансформация образования в условиях цифровизации // Открытое образование. 2019. Т. 23. № 4. С. 13–23.
3. Минина В.Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 84–101.
4. Ракитов А.И. Высшее образование и искусственный интеллект: эйфория и алармизм // Высшее образование в России. Научно-педагогический журнал. 2018. № 6. С. 41–49.
5. Прохорова М.П., Минеева О.А., Благодинова В.В. Изучение отношения обучающихся вуза к цифровизации образования // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 № 2,
6. Стрекалова Н.Б. Риски внедрения цифровых технологий в образовании // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 84–88.

THE IMPACT OF THE DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT THE UNIVERSITY

Grubin I., Oganessian E., Pluzhnikova I.

Academy of Basic Training RUT (MIIT), National Research Moscow State University of Civil Engineering

This article is devoted to the issue of the use of modern digital technologies in the process of teaching a foreign language at a higher educational institution. In the article, the authors present the main points of the use of digital technologies in the educational process; a comparison of the advantages and disadvantages of their use is presented. The authors also point out in the article the need to teach the use of digital technologies in the studies of both students and teachers. The main types of digital technologies that can be used in teaching a foreign language are presented.

Keywords: foreign language teaching, digital technologies, university education, virtual reality.

References

1. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Pyрма R.V., Azarov A.A. Criteria for rating the level and quality of digitalization of the education process in Russian universities // Bulletin

- of Volgograd State University. Series 4, 209History. Regional Studies. International Relations. 2020. Vol. 25, No. 2. Pp. 268–283.
2. Klochkova E.N., Sadovnikova N.A. Transformation of Education in the Context of Digitalization // Open Education. 2019. Vol. 23. No. 4. Pp. 13–23.
 3. Minina V.N. Digitalization of Higher Education and Its Social Results // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2020. Vol. 13. Issue. 1. Pp. 84–101.
 4. Rakitov A.I. Higher education and artificial intelligence: euphoria and alarmism// Higher education in Russia. Scientific and pedagogical journal. 2018. No. 6. Pp. 41–49.
 5. Prokhorova M. P., Mineeva O.A., Blagodinova V.V. Studying the attitude of university students towards the digitalization of education // World of Science. Pedagogy and Psychology, 2020, No. 2,
 6. Strekalova N.B. Risks of introducing digital technologies in education // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2019. Vol. 25. No. 2. Pp. 84–88.

«Фунт мяса»: социальный эксперимент

Даценко Сергей Витальевич,

старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы

В статье анализируется спектакль «Фунт мяса» как социальный эксперимент, посвященный исследованию подверженности общества влиянию авторитетов. Рассматриваются факторы, обуславливающие тот или иной выбор индивида в ситуации внутреннего конфликта, а также воздействие манипуляций на процесс принятия решений.

Ключевые слова: социум, социальный эксперимент, авторитет, внутренний конфликт, манипуляции.

Зал полон, сцена сияет, раздаются аплодисменты. С первых же секунд спектакля становится понятно, что декорации и персонажи Шекспира здесь условны. Да и называется постановка вовсе не «Венецианский купец», а «Фунт мяса». Вокруг этого «фунта мяса» и разворачивается все действие.

Итак, мы оказались в условной Венеции – в развеле кабаре, где хозяином Бальтазар (в исполнении Анвара Либабова), «самый незначительный» из всех героев шекспировской пьесы. Он и напоминает ее сюжет: купец Антонио берет в долг у старого ростовщика Шейлока крупную сумму денег с условием: если купец не вернет деньги в срок – ростовщик вырежет из его тела фунт мяса [7].

Бальтазар весело и задорно демонстрирует зрителям, как именно будет происходить экзекуция: одну из танцовщиц кабаре укладывают на больничную каталку, а затем вслух описывают различные части тела, откуда можно было бы вырезать тот самый фунт. Остановившись на «филейной части», девушку закрывают шторкой, потрясают в воздухе бензопилой – и через миг на белую занавеску брызжет «кровь».

Публика в восторге, кто-то смеется, кто-то несколько шокирован, самые чувствительные отворачиваются.

И вот начинается суть. На сцену выбегают две девушки, их Бальтазар представляет как Порцию и Джессику. Героини становятся по разные стороны сцены – намечается противостояние. Каждая рассказывает о себе в соответствии с шекспировской пьесой. Порция – богатая наследница, которая, переодевшись законоведом, является на суд и с помощью хитрой риторики спасает своего жениха Бассанио. А Джессика – дочь еврея-ростовщика Шейлока, главного антагониста «Венецианского купца». Персонажи Шекспира в духе всей постановки обрастают современным контекстом: Порция – феминистка, выступающая за равенство с мужчинами, самостоятельность и независимость, в то время как Джессика представляет патриархальный уклад – с ее точки зрения, главное предназначение женщины заключается в том, чтобы жить интересами мужчины. Дамы вступают в дебаты или по-нынешнему «баттл».

А правила, сообщает зрителям Бальтазар, просты – кто победит, решаем мы. Для этого только нужно громче аплодировать, кричать, свистеть, выражая свою поддержку и одобрение.

В конце победительница получит право вырезать у проигравшей фунт мяса – 453 грамма.

Порция и Джессика спорят. Бальтазар подначивает. Зрители бьют в ладоши. Побеждает Порция и, под шквал аплодисментов, Джессика отправляется на каталку. Брызжет «кровь».

Следующая сцена – и вот уже дебатировать новые персонажи. Бальтазар напоминает, что правила просты. Суд зрителя – мы выбираем, кто прав, а кому умирать. На каталку отправляется еще один герой.

И так далее. Зрители аплодируют...

Эксперимент Милгрэма

А теперь на время отвлечемся от спектакля и перенесемся в Йельский университет, где в 1963 году американский психолог Стэнли Милгрэм начал ряд экспериментов, ис-

следующих подчинение человека власти. Участникам сообщали, что изучается, как наказания влияют на обучение человека. Испытуемые становились учителями, которые должны были обучать учеников (заранее обученные подставные лица).

Учителям давали задачу – заставить ученика запомнить списки слов. Если ответы оказывались неверными, учителя должны были наказывать учеников ударом тока.

Испытуемые полагали, что эксперимент проводится над учениками, в то время как на самом деле проверяли их самих – как далеко зайдет каждый, посылая разряды в живого человека за стенкой, кто остановится, а кто нет.

В процессе эксперимента ученик намеренно совершал ошибки по определенной схеме (в действительности он не получал никаких ударов током). Экспериментатор призывал испытуемого увеличивать напряжение до тех пор, пока ученик не выполнит задание без ошибок.

Перед началом эксперимента всем участникам показали, что ученик в соседней комнате крепко привязан к стулу и деться ему некуда. Более того – каждый учитель получил демонстрационный разряд, позволяющий оценить силу удара и отметить, что все происходит на самом деле.

Также во время эксперимента учителя слышали реакции «жертвы» (записанные на диктофон). После 120В звучали крики «мне больно!», после 180В – «Я не могу выносить эту боль!», после 300В ученик отчаянно вопил, а после 330 – замолкал.

В результате абсолютно все испытуемые дошли до категории «сильный удар» – 285В. Вплоть до 300В все участники безоговорочно слушались экспериментатора. На различных этапах от 300 до 360В остановилось 35% участников.

Остальные же 65% испытуемых дошли до конца и послали в уже давно не подающего признаков жизни ученика разряды в 435 и 450В. Эти категории на панели управления были помечены «XXX».

Кто были эти 65 процентов – может быть, преступники или люди с отклонениями? Нет, в эксперименте принимали участие самые разные категории населения – от выпускников школ до докторов наук, от рабочих до преподавателей.

Разумеется, участники по мере увеличения мощности ударов все больше беспокоились и обращались за советом к экспериментатору. Однако тот оставался невозмутимым и подталкивал испытуемых к дальнейшим действиям фразами типа «эксперимент требует, чтобы вы продолжали», «абсолютно необходимо, чтобы вы продолжали», «у вас нет выбора, вы должны продолжать» [1, с. 282] ...

Изменились ли люди со временем? Стали ли гуманнее?

Из соображений этики эксперимент Милгрэма долгие годы фактически был под запретом, однако в 2006 году одну из его версий (1974) повторил психолог Джерри Бергер из Университета Санта-Клары. Чтобы согласовать исследование с этическим комитетом университета, Бергер принял ряд ограничений и изменений по сравнению с экспериментом Милгрэма. В частности, организаторы прекращали эксперимент после удара в 150В (хотя переключатели были представлены вплоть до 450В). Также испытуемым неоднократно сообщалось, что даже если они откажутся от продолжения эксперимента, то все равно получат вознаграждение в 50 долларов.

Начиная с 75В «ученик» начинал демонстрировать дискомфорт, а на удар в 150В реагировал криком, просьбами его выпустить и жалобами на проблемы с сердцем.

Тем не менее, 70% участников не только увеличивали мощность разряда вплоть до 150В, но и изъявляли готовность продолжить, когда (после 150В) их остановили экспериментаторы [3].

«У вас нет выбора» (эксперимент Милгрэма) или «правила просты» (Бальтазар/А.Либабов). Ошибка – разряд тока. Аплодисменты – экзекуция одного из персонажей.

Вернемся на сцену Каменноостровского театра.

Нам сказали выбирать, кто победит, а кто умрет – и мы выбирали. Нам сказали, что мы судьи – и мы судили. Как легко мы приняли правила игры!

Конечно же, голосовали мы не против кого-то – мы голосовали за! За идеи, которые нам близки, за правду. Мы были так увлечены возможностью высказаться, что не заметили «один маленький нюанс»: своими аплодисментами мы раз за разом отправляли кого-то на плаху.

Вот так, играючи, в режиме реального времени мы превратились в палачей. Да-да, условных, конечно же. Смеясь и улюлюкая, мы нажимали на кнопку подачи тока.

Нам дали свободу высказать свое мнение, и мы его высказали. Полная свобода. Эксперимент удался.

А судьи кто?

Почему так вышло?

Весь спектакль представляет собой эксперимент, построенный на манипуляции и в то же время абсолютной свободе зрителя.

Зритель волен делать, что хочет. В отличие от исследования Милгрэма, описанного выше, «экспериментатор» в театральном зале никому не указывал, как поступать – не говорил про отсутствие выбора, не диктовал, кого выбирать, и даже прямо заявлял, что тот, кому не нравится, может уйти.

В самом начале на сцене за пару минут пересказали содержание «Венецианского купца» и сообщили, что пришедшие за Шекспиром, могут покинуть зал. Все остались.

Спектакль (и это не случайность!) успешно смещает зрительский фокус с осознания происходящего. На внешнем уровне отвлекающими факторами выступают гротеск, громкая тревожная музыка, яркие огоньки, праздничная обстановка, танцы вызывающе одетых сотрудников кабаре. Все это наглядно демонстрирует манипуляцию, часто применимую сегодня в жизни, – яркими, не несущими никакой сути событиями, наше внимание пытаются отвлечь от действительно важного, того, над чем стоило бы подумать, что могло бы на самом деле иметь смысл для каждого из нас.

На внутреннем уровне отвлекающим маневром становится судейство. Диалоги между персонажами поданы в форме «баттлов» – увлекшись судом и собственной ролью в нем, публика не замечает истинной коллизии: отправлять или не отправлять кого-то на смерть. Выбор здесь – манипуляция, «дымовая завеса».

И темы «баттлов» подобраны одна злободневнее другой – так, чтобы на каждого зрителя наверняка нашлась хоть одна «цепляющая». Кто-то может отказаться от обсуждения равенства полов, но точно поучаствует в споре о проблеме отцов и детей. Кто-то будет спокоен во время дебатов о разнице поколений, но обязательно захочет высказать свое отношение к патриотизму и т.д. Всех затронет разное, но равнодушным не останется никто.

На принятие решений в зале влияет и еще один фактор – мы не сами по себе, а в социуме. Нами движет

не только собственное мнение, но и конформность, желание быть причастным. Некоторые зрители начинали аплодировать не сразу или даже со второго «баттла» – но, тем не менее, начинали, видя, что другие хлопают. Приглашение голосовать за персонажей звучит по несколько раз (случайно ли?). У каждого есть возможность оглянуться вокруг и посмотреть, за кого большинство. И, порой, на втором круге аплодисментов к этому большинству присоединяются новые голоса.

Ведущий, Бальтазар, в ходе дебатов комментирует происходящее, склоняет аудиторию на сторону того или иного героя. И делает это настолько эффективно, что многие зрители действительно меняют свою точку зрения в процессе. Однако опять – люди готовы отказаться от своего изначального мнения по вопросу, но отказаться от роли судей – нет!

В то же время Бальтазар призывает зрителей задуматься. Бальтазар – шут, трикстер, и сам прямо говорит об этом. А роль шута (он же дурак, он же юродивый), в том числе и архетипическая, – ему дозволено говорить правду. Об этом пишет Кэрл Пирсон, писатель и педагог, создательница архетипических систем:

«И, наконец, всякому Правителю нужен Дурак (например, шуты у Шекспира), чтобы развлекать, приносить радость в замок и еще говорить Правителю то, за что любой другой может быть повешен. Дурак зачастую слышит и знает то, что скрыто от любого другого, принимающего мир более серьезно. И, самое важное, Дурак может смеяться над Правителем и тем самым пробивать пузырь растущей самовлюбленности, напыщенности и выскомерия» [2, с. 53].

Именно из уст Шута, Бальтазара- А.Либабова, звучит вопрос: почему мы решили, что имеем право судить?

«Кто мы такие, чтобы судить?» – спрашивает Бальтазар прямо. Но и после этого мы не останавливаемся.

То есть с одной стороны, спектакль манипулирует зрителем, предлагает ему роль судьи и окутывает «дымовой завесой» ложного выбора, а с другой – дает свободу встать и выйти, свободу отказаться от судейства, встретить молчанием призыв к определению «победителя». Ведущий, Бальтазар, также одновременно подталкивает публику к голосованию и призывает одуматься, увидеть истинную дилемму, которая стоит перед аудиторией.

Для всех присутствующих эксперимент проходит по-разному. После спектакля мы с коллегами обсуждали увиденное – я порадовался, что многие остановились, перестали голосовать – судить, пусть и не сразу. Некоторые прекратили аплодировать после третьего поединка, кто-то позже. Одна из коллег поделилась, что продолжала воспринимать все исключительно как голосование вплоть до предпоследнего «баттла»:

«Мне казалось очень важным высказать свое мнение. Именно это, как я думала, и есть главная задача спектакля. Но ближе к концу на сцене появились отец-еврей и его дочь. Бальтазар сообщил, что зрители должны послушать их и решить, кто из кого будет вырезать фунт мяса – отец из дочери или дочь из отца. В этот момент мне стало очень некомфортно, и я впервые решила, что такой выбор делать не буду».

То есть отказ от роли судьи произошел не сразу, а с появлением неких триггеров, которые заставили как бы очнуться и увидеть происходящее другими глазами.

Спектакль дает зрителям свободу – эксперимент в том, как ею распоряжаются. Актеры во время одного из «баттлов» рассуждают о том, что означает свобода. Я тоже задаю себе этот вопрос.

Свобода ли, когда мы высказываем свое мнение, но при этом оно ущемляет других людей? В данном случае – отправляет их на казнь. Мы отстаиваем свои идеалы, а в результате – у кого-то «вырезают фунт мяса». И если бы это происходило лишь условно, в спектакле! Ведь так в реальной жизни уже не раз бывало и так происходит прямо сейчас.

Например, в наши дни в соответствии со своими конституционными свободами одни граждане имеют право публично сжечь Коран – священную книгу других граждан [6]. Казалось бы, прекрасно, каждый может заявить о себе. Но в итоге концепция «всем всё можно» приводит к размыванию ценностей, стиранию национальных, культурных, религиозных различий, отмене уважения к ним.

Стремясь таким образом проявить индивидуальность, мы все равно возвращаемся к состоянию толпы – становимся одинаковыми, словно бильярдные шары, у которых нет границ и особенностей. «Нет большего одиночества, чем одиночество одинаковых бильярдных шаров. Они одинаковые, они заменяют друг друга, и они абсолютно друг другу не нужны. Им не о чем говорить между собою. Между тем, люди потому и нуждаются в общении, что они разные. И должны быть разными» – говорит в одной из своих лекций Ю.М. Лотман. И добавляет: «...мне нужен другой, потому что он другой. И когда я уважаю эту разницу. Я признаю в другом не только право быть на меня непохожим, но для меня пользу – в том, что он на меня не похож».

Когда я сегодня слышу призывы «к свободе, равенству и братству» (читай: стиранию различий), невольно возникает ощущение, что я перенесся в прошлое, на сто лет назад. Тогда, как и теперь, были популярны именно такие лозунги. И к какой крови, боли и человеческим трагедиям эта свобода привела.

В спектакле пример доведен до высшей точки: здесь последствием нашего свободного выбора становится не просто несвобода других людей, а их физическое уничтожение.

Нет, я не призываю отказаться от стремления к свободе. Я предлагаю всегда задумываться о том, к каким последствиям наша свобода приводит. И можно ли быть истинно свободным, когда это состояние достигается ценой лишения свободы других людей.

Для завершения, наверное, не найти лучших слов нежели «не судите, да не судимы будете» (Матф.7,1) [5]

Литература

1. Милгрэм С. Подчинение авторитету: Научный взгляд на власть и мораль. Пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016. – 282 с.
2. Пирсон К. Пробуждение внутренних героев. Двенадцать архетипов нам в помощь: найти себя и изменить свой мир/ Пер. с англ. О. Редько. С. 53
3. “Replicating Milgram: Would People Still Obey Today?” Jerry M. Burger, PhD, Santa Clara University, American Psychologist, Vol. 64, No. 1.
4. Лотман Ю.М. Цикл лекций «Беседы о русской культуре»//Лекция № 17. Ступени культурного развития. Дата выпуска: 21.05.1988. URL: <https://arzas.academy/special/lotman-lectures/17>
5. Долженко А.Г. Нагорная проповедь. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/nagornaja-propoved/106>
6. РБК//Полиция Швеции разрешила акцию с сожжением Корана.28.06.2023. Автор: Юлия Волкова. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2023/649c01e19a7947179186fd54>
7. Сайт Большого драматического театра. URL: <https://bdt.spb.ru/spektakli/funt-myasa/>

“A POUND OF FLESH”: A SOCIAL EXPERIMENT

Datsenko S.V.

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social

The subject of the article is the play “A Pound of Flesh”, viewed here as a social experiment which studies society’s susceptibility to the influence of authority. It considers the factors that determine this or that choice of an individual in a situation of internal conflict, as well as how people’s decision-making process is impacted by manipulation.

Keywords: society, social experiment, authority, internal conflict, manipulation.

References

1. Milgram S. Submission to Authority: A Scientific View of Power and Morality. Translated from English. – Moscow: Alpina Non-Fiction, 2016. – 282 p.
2. Pearson K. Awakening the Heroes Within. Twelve Archetypes to Help Us: Find Yourself and Change Your World/ Translated from English. O. Redko. P. 53
3. “Replicating Milgram: Would People Still Obey Today?” Jerry M. Burger, PhD, Santa Clara University, American Psychologist, Vol. 64, No. 1.
4. Lotman Yu.M. Lecture Series “Conversations on Russian Culture”/Lecture No. 17. Stages of Cultural Development. Release Date: 21.05.1988. URL: <https://arzamas.academy/special/lotman-lectures/17>
5. Dolzhenko A.G. Sermon on the Mount. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/nagornaja-propoved/106>
6. RBC//Swedish police allowed the action with the burning of the Koran. 06/28/2023. Author: Yulia Volkova. URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/06/2023/649c01e19a7947179186fd54>
7. Website of the Bolshoi Drama Theater. URL: <https://bdt.spb.ru/spektakli/funt-myasa/>

Дидактический потенциал аутентичных аудиоматериалов в обучении иностранному языку

Зейнутдинова Эльвира Шамиловна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии и востоковедения, АНОВО «Московский международный университет»

Дриженко Мария Александровна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»

В статье рассматривается дидактический потенциал применения аутентичных аудиоматериалов в обучении иностранному языку. Авторы подробно анализируют понятия «аутентичный аудиоматериал», «аудирование» и их роль в формировании и совершенствовании навыков говорения у обучающихся. Отмечается, что использование аутентичных аудиоматериалов на занятиях по иностранному языку является необходимым условием для полноценного погружения в иноязычную среду и овладения звуковой стороной изучаемого языка.

В работе представлена методология исследования, включающая в себя изучение педагогической и методической литературы, раскрытие понятий «навык говорения» и «аутентичные аудиоматериалы», а также выявление особенностей формирования иноязычных навыков говорения с использованием аутентичных аудиоматериалов. Авторы подробно описывают структуру занятия по иностранному языку с применением аутентичных аудиоматериалов, состоящую из трех основных этапов: предтекстового, текстового и послетекстового.

В заключение делается вывод о том, что для эффективного формирования навыков говорения и улучшения уровня владения коммуникативными навыками на иностранном языке с использованием аутентичных аудиоматериалов необходимо придерживаться определенных методических этапов, учитывая как положительные, так и отрицательные аспекты данного метода.

Ключевые слова: аутентичные аудиоматериалы, аудирование, навыки говорения, иностранный язык, методика преподавания, дидактический потенциал.

Введение

На протяжении всего времени обучения процесс изучения иностранных языков совершенствуется. В связи с появлением новых технологий, появляются новые способы их использования в обучении. Некоторые из этих технологий имеют отношение к решению одной из основных целей в изучении иностранных языков – развитию и реализации коммуникации на иностранном языке, что означает развитие и совершенствование у обучающихся навыков устного общения.

Как известно, говорение является двусторонним процессом, включающим в себя не только воспроизведение иностранной речи на слух, но и восприятие ее на слух. Проводится аудирование как процесс восприятия иностранной речи, при этом оно включает в себя ее прослушивание, интерпретацию и осмысление. В результате можно сделать вывод, что аудирование и говорение являются важнейшими видами речевой деятельности в процессе общения на иностранном языке, они взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга.

Важно отметить, что использование аутентичных аудиоматериалов при формировании навыка говорения на занятиях по иностранному языку является непреложной необходимостью. Оно позволяет обучающимся в полноценно погрузиться в иноязычную среду и овладеть звуковой стороной изучаемого языка, а именно его фонемным составом, интонацией, ритмом, ударением и мелодикой.

Использование аутентичных аудиоматериалов на занятиях по иностранному языку в целях формирования навыков актуально по многим причинам, но главной из них является то, что применение аудиотекстов – это возможность услышать иноязычную речь, воспроизводимую самим носителем языка, что повышает у обучающихся интерес к дальнейшему изучению иностранного языка.

Методология исследования

Цель исследования: изучение педагогической и методической литературы по теме исследования, раскрытие понятий «навык говорения», «аутентичные аудиоматериалы», выявление особенностей формирования иноязычных навыков говорения обучающихся на занятиях по иностранным языкам и раскрытие дидактического потенциала аутентичных аудиоматериалов в развитии иноязычных навыков говорения обучающихся.

Основной целью при обучении любого иностранного языка является формирование и развитие коммуникативной компетенции у обучающихся, т.е. развитие способностей решать языковыми средствами те или иные коммуникативные задачи в разных сферах и ситуациях общения [1].

Для достижения этой цели необходимо использовать методы, приемы и технологии, позволяющие создать ситуации, стимулирующие изучение того или иного иностранного языка.

В данной работе рассматривается аутентичный аудиоматериал как один из эффективных средств при формировании навыков говорения у обучающихся.

Рассмотрим толкование словосочетанию «аутентичный аудиоматериал». Аутентичным аудиоматериалом называется аудиоматериал, характеризующийся воспроизведением оригинальных текстов и реплик носителями иностранного языка, использующих различные лексические и грамматические формы [15]. К данным аудиоматериалам относятся радио, телепередачи, интервью, фильмы и т.п.

В роли средства обучения оригинальные аудиозаписи позволяют научить обучающихся слышать иноязычную речь носителя языка, уловить интонацию и ее мелодику [2]. Однако при использовании аудиозаписей преподавателю также необходимо выполнить ряд задач, а именно предварительно вызвать мотивацию к обучению иностранному языку: целесообразно выбирать аутентичные и адаптированные тексты, содержащие некоторые трудности для самостоятельного их преодоления обучающимися.

Для эффективного использования аутентичного аудиоматериала в качестве средства обучения преподавателю следует применять различные методы и способы обучения. Самыми актуальными считаются аудиальные, аудиолингвальные, визуальные и аудиовизуальные [12].

Среди перечисленных способов обучения аудиолингвальный является наиболее эффективным при формировании навыка говорения, т.к. при обучении иностранному языку звуковой строй языка играет одну из основных ролей при формировании навыка говорения. При аудиолингвальном способе обучения происходит частое повторение лексических единиц, словосочетаний и предложений, что приводит к автоматизации и их правильному произношению [13].

При формировании и развитии навыков говорения на иностранном языке у обучающихся выделяются разные средства и способы обучения, при которых аутентичный аудиоматериал является одним из наиболее эффективных и часто используемых в работе преподавателя. Однако без применения разнообразных способов и методов обучения трудно добиться желаемого результата.

Дидактический потенциал подразумевает собой совокупность методов и возможностей, форм и способов обучения, обеспечивающих эффективность достижения целей обучения с учетом содержания, закономерностей и принципов.

В основе аутентичного аудиоматериала обычно лежит заимствование из оригинальных источников, при этом он характеризуется естественной лексикографией и грамматикой, а также использованием в речи современных языковых средств, показывающих примеры применения аутентичных слов. Этот материал можно использовать в учебном процессе, хотя он и не предназначен специально для этих целей [3].

Термин «аудирование» был впервые ввел как понятие в научный оборот американский психолог Дон Браун в 1930 г. Он считал, что процесс аудирования включает в себя слушание, распознавание речи на слух, интерпретацию услышанного и придание значения словам, которые используются в речи, а также осознание скрытых смыслов, гипотез, фактов и предположений [4].

Не смотря на это, в настоящее время лингвисты-исследователи предлагают различные определения этого понятия. Например, при помощи терминологии, которая представлена в словаре методических терминов по иностранным языкам, Т. Жарковой и Г. Сороковой, можно найти несколько определений аудирования. Данная ситуация показывает, что не существует единого общепризнанного определения данного понятия, и это

также означает то, что некоторые методисты могут и интерпретируют его по-разному.

В.В. Сафронова определяет аудирование как инструмент межкультурного общения, способ ознакомления с разнообразной иноязычной средой устной коммуникации с целью ориентации в ней, инструмент получения необходимой информации для выполнения других видов речевой и неречевой деятельности (в т.ч. образовательной и самообразовательной), а также как средство оценки/самооценки готовности к речевому общению [9]. На сегодняшний день не существует единого определения понятия «аудирование», поэтому отечественные и зарубежные методисты имеют различные точки зрения на этот вопрос.

Следует упомянуть, что такие понятия как «аудирование» и «слушание» не являются синонимами. Слушание представляет собой лишь восприятие звучащей речи на слух, в то время как аудирование подразумевает под собой понимание содержания, т.е. того, что говорит собеседник [14].

До недавнего времени многие методисты и преподаватели предполагали, что аудирование является легко приобретаемым умением. Обосновывали они это тем, что обучающиеся должны понимать иностранную речь «стихийно», т.е. без какого-либо специализированного обучения. Также считалось, что при условии, если преподаватель направит все свои силы на обучение говорения, то это обеспечит овладением понимать речь на слух. Например, Н.Д. Гальскова утверждает, что многие методисты рассматривали аудирование как невыраженный процесс, поэтому в течение длительного времени в истории развития методики аудирования не считали самостоятельным видом речевой деятельности, а пассивным процессом и «побочным продуктом говорения» [7].

Результаты и выводы

Статистика показывает, что чаще всего преподаватели игнорируют использование аудирования при обучении какому-либо иностранному языку, что является причиной недостаточно сформированных аудитивных навыков. В свою очередь, это ведет к трудностям при формировании навыка говорения и подтверждается высказываниями самих обучающихся о том, что в большинстве случаев они не могут понять обращенные к ним вопросы. Это можно считать свидетельством того, что пониманию речи на иностранном языке необходимо обучать целенаправленно и специально.

Необходимость использования аутентичных аудиоматериалов при обучении иностранному языку при формировании навыка говорения у обучающихся обусловлена тем, что слухо-речемоторные образы входят во все виды речевой деятельности. Соответственно, нельзя научить другим видам речевой деятельности без развития слухового анализатора. Также важно отметить, что без развития слуховой памяти невозможна успешная учебная деятельность (И.Л. Бим) [8].

К тому же, аутентичные тексты при аудировании делают возможным реализовать воспитательные, образовательные и развивающие цели. Благодаря оригинальным аудиозаписям на разных информационных носителях обучающиеся учатся вслушиваться в звучащую речь, формировать умение предугадывать смысловое содержание высказывания и таким образом приобретать культуру слушания не только на иностранном, но и на родном языке [10].

Также аудиоматериалы позволяют услышать иноязычную речь от самих носителей языка, тем самым об-

учающиеся могут изучить фонетические (смысловое ударение, произношение отдельных слов и предложений и т.д.), лексические (употребление слов в контексте) и грамматические (строение предложений) особенности изучаемого языка [16].

Рассматривая формы и содержание работы с аутентичным аудиоматериалом, можно говорить о том, что его использование в различных видах упражнений и разработок не только приемлемо, но и обязательно. Как говорилось ранее, на всех уровнях владения языком необходимо учитывать такой компонент как аудирование.

При формировании данного потенциала у обучающихся, от педагога требуется иметь высокий уровень квалификации и наличие определенных навыков и умений, которые он должен применять на занятиях с использованием аутентичных аудиозаписей.

Таким образом, мы можем говорить о том, что при изучении иностранного языка необходимо использовать аутентичные аудиоматериалы, которые включают в себя процесс погружения в иноязычную среду, а также прослушивание и понимания оригинальных текстов, воспроизводимых носителями языка.

Использование аудиоматериалов помогает обучающимся понимать не только языковые нюансы, но и развить в них чувство предугадывания содержания. Например, при воспроизведении аудиозаписи, содержащей в себе звуки школьного звонка, смеха детей, и т.п., это наводит обучающихся на мысли о том, где будут происходить действия, и кто примет участие в диалоге.

Также, аутентичные аудиоматериалы могут помочь в общении с носителями языка. Оригинальные аудиозаписи позволяют обучающимся услышать иноязычную речь во всех ее проявлениях: мелодичность, ударение, интонация, сокращения слов, выпадения некоторых звуков и т.д. В дальнейшем, обучающиеся могут подражать услышанным персонажам, которых они услышали в монологах или же диалогах.

Таким образом, компоненты методического использования аутентичных аудиоматериалов обеспечивают широкое усвоение коммуникативных навыков на иностранном языке.

Занятие по иностранному языку с использованием аутентичного аудиоматериала характеризуется достаточно высокой степенью мотивированности и вовлеченности обучающихся и предполагают наиболее высокий результат [11]. Структуру занятия по иностранному языку с использованием аутентичных аудиоматериалов можно разделить на 3 основных этапа:

1. Предтекстовый этап.

Предтекстовый этап (до прослушивания аудиотекста) характеризуется подготовкой обучающихся к текстовому этапу. На данном этапе преподаватель вводит обучающихся в тему занятия, предоставляет список лексических единиц и фраз-клише, повторяет совместно с обучающимися произношение трудных слов. Следующие действия предтекстового этапа могут помочь обучающимся в преодолении некоторых трудностей во время текстового этапа.

а) Преподаватель предлагает обучающимся составить ассоциограмму. Суть данного упражнения заключается в повторении обучающимися некоторой изученной ранее лексики по той или иной теме. Данную ассоциограмму студенты могут произвольно изобразить в любой форме. Чаще всего ассоциограмма изображается в виде солнца или дерева. Если рассматривать ассоциограмму в виде солнца, то само солнце – это тема занятия. Задача обучающихся состоит в том, чтобы дорисовать этому солнцу «лучики», где каждый «лучик» – это либо лексическая, либо грамматическая единицы.

б) Преподаватель может использовать различные упражнения для повторения ранее изученного материала. Что касается лексических упражнений, то преподаватель может дать обучающимся толкование какого-либо слова на русском языке, затем попросить их назвать данное слово на иностранном языке. Что касается грамматических упражнений, то преподаватель может предложить обучающимся сыграть в мини-игру, где один из них будет показывать какое-либо действие, а задача остальных будет состоять в том, чтобы назвать данный глагол на иностранном языке. Преподаватель также может использовать раздаточный дидактический материал с упражнениями на повторение некоторых грамматических конструкций, переводные упражнения, где обучающимся необходимо верно определить время и предлог.

Данный этап занимает от 10 до 15 мин. Все это выполняется для того, чтобы «освежить» у обучающихся лексические и грамматические знания и, чтобы впоследствии у них не возникало трудностей при понимании речи на слух.

2. Текстовый этап.

Текстовый этап характеризуется использованием отработанных знаний, а именно при прослушивании той или иной аудиодорожки, где минимальное количество прослушивания должно быть не менее 2-х раз. На данном этапе у обучающихся проверяется умение понимать и находить нужную информацию в аудиотексте.

Преподаватель может предложить обучающимся следующие задания:

- упражнения на соотнесение (например, соотнести имя участника диалога с его описанием или характером и т.д.);
- упражнения на заполнение пропусков (например, прослушать текст и заполнить пропуски недостающими словами / предлогами и т.д.);
- упражнения на расстановку событий и изображений в правильной последовательности;
- подтвердить ложность или правильность утверждения.

3. Послетекстовый этап.

Послетекстовый этап – контроль преподавателем понимания услышанной речи и дальнейшее выполнение различных упражнений на формирование и развитие навыков говорения у обучающихся. Преподавателю следует выбрать упражнения, направленные на совершенствование, расширение языкового материала, а также на активизацию у обучающихся навыков говорения. Существует несколько типов понимания аудиоматериала (ознакомительное, детальное, выборочное) и в зависимости от конкретного типа преподавателю следует выбрать то или иное упражнение. Помимо перечисленных типов, можно выделить также творческое понимание прослушанного, т.е. выполнение обучающимися творческих и креативных упражнений:

а) Преподаватель может предложить обучающимся выполнить творческие упражнения, т.к. известно, что задания такого типа положительно влияют на воображение и когнитивные процессы у обучающихся. Например, обучающиеся могут придумать и написать биографию говорящего, дальнейшую его судьбу, продолжение истории по прослушанному аудиотексту, другую развязку услышанной истории, представить себя на месте главного героя и составить монолог или диалог с другим героем из аудиозаписи и т.д.

б) Преподаватель также может использовать упражнения личностного типа, где обучающиеся смогут вступить в диалоги друг с другом, обсудить прослушанный текст, высказать свое мнение по поводу решений главного героя, быть согласными или несогласными с авто-

ром, к тому же, обучающиеся могут вступать в споры, ответить на вопросы и тому подобное.

Рассматривая вопрос о том, какие особенности существуют в формировании навыков говорения и их дальнейшем совершенствовании с применением аутентичных аудиоматериалов на занятиях иностранного языка, можно выделить несколько как положительных, так и отрицательных аспектов.

Положительные стороны:

- обучающиеся получают навыки восприятия иноязычной речи на слух;
- после прослушивания аудиотекста обучающиеся могут коммуницировать, обсуждать материал на иностранном языке;
- обучающиеся могут услышать новые слова и грамматические конструкции, тем самым могут пополнить свой лексический запас и закрепить грамматические конструкции;
- возможность полноценного погружения обучающихся в иноязычную среду.

Отрицательные стороны:

- аутентичный аудиоматериал может стать слишком сложным для обучающихся с плохо развитыми аудитивными навыками;
- применение может занять слишком много времени;
- требует тщательной подготовки как у преподавателя иностранных языков, так и у обучающихся.

Заключение

В результате проведенной работы можно сделать вывод, что для эффективного формирования навыков говорения и улучшения уровня владения коммуникативными навыками на иностранном языке с использованием аутентичных аудиоматериалов необходимо придерживаться определенных этапов. Важно также учитывать как положительные, так и отрицательные аспекты данного метода и по возможности снижать его недостатки.

Литература

1. Владимирова, Е.Н. Памятка как средство приобретения универсальных и предметных учебно-речевых действий при овладении школьниками иноязычным аудированием / Е.Н. Владимирова, С.С. Кукулина // Совершенствование преподавания иностранных языков в школе и в вузе: сб. науч.-метод. тр. (Вятка, 16 дек. 2016 г.) / редкол.: С.С. Кукулина (отв. ред.), В.С. Гуляева, Т.А. Лопарева, М.Н. Татарина. – Вятка: Радуга-ПРЕСС, 2017. – Вып. 19. – С. 25–31. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28080528_90209481.pdf.
2. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студентов учреждений высш. проф. образования / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – 7-е изд., стер. – Москва: Академия, 2013. – 334 с.
3. Гез, Н.И. Взаимоотношение между устной и письменной формами коммуникации / Н.И. Гез. – Москва: Высш. шк., 2011. – 96 с.
4. Кулешова, А.В. Особенности восприятия информации современными школьниками / А.В. Кулешова, А.В. Овчаренко // Социальные отношения. – 2018. – № 2 (25). – С. 22–31. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35090340_67510354.pdf.
5. Краснова, А.Н. Роль и место аудирования в современных подходах обучения иностранному языку / А.Н. Краснова // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 11–15 (79). –

С. 113–117. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47571461_23801247.pdf.

6. Кутечко, А.А. К вопросу об обучении аудированию на среднем этапе / А.А. Кутечко, И.А. Андреева // Актуальные проблемы лингводидактики и методики организации обучения иностранным языкам: сб. науч. ст. – Чебоксары, 2015. – С. 143–147.
7. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: [учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» / Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий, А.А. Миролубов и др.]. – Москва: Высш. шк., 1982. – 373 с.
8. Миньяр-Белоручев, Р.К. Методика обучения французскому языку: [учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.»] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – Стер. изд. – Москва: Альянс, 2016. – 224 с.
9. Павловский, Д. Об одном приеме обучения аудированию / Д. Павловский // Учитель. – 2000. – № 4. – С. 61–62.
10. Перова, Д.В. Способы развития коммуникативных навыков школьников на уроках иностранного языка / Д.В. Перова // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее: сб. материалов XVII Регион. науч.-практ. конф. магистрантов, аспирантов и мол. ученых (Тула, 3–19 марта 2021 г.). – Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2021. – С. 187–190. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46495219_77880074.pdf.
11. Туркина, Л.В. Французский язык: тесты для контроля навыков аудирования: [учеб. пособие] / Л.В. Туркина. – Москва: Высш. шк., 2005. – 135 с.
12. Хабибуллина, Ф.Я. Использование дифференцированных заданий по формированию навыков аудирования на основе французских аутентичных видеороликов / Ф.Я. Хабибуллина, Е.А. Жданова // Актуальные проблемы лингводидактики и методики организации обучения иностранным языкам: сб. науч. ст. – Чебоксары, 2015. – С. 180–185.
13. Atmaca, E. Un Aperçu Général des Méthodes de FLE: De la Méthode Audio-Orale Jusqu'à L'Approche Communicative / E. Atmaca // International Journal of Languages' Education and Teaching. – 2017. – № 5(4). – P. 367–377.
14. Bablon, F. Enseigner une langue étrangère à l'école / F. Bablon. – Paris: Éditions Hachette, 2004. – 158 p.
15. Peltier, C. Usage des podcasts en milieu universitaire: une revue de la littérature / C. Peltier // Revue internationale des technologies en pédagogie universitaire. – 2016. – Vol. 13, № 2–3. – P. 17–35.
16. Sancler, J. Le podcast, un outil favorisant les compétences orales en FLE / J. Sancler // Synergies Venezuela. – 2012. – № 7. – URL: <https://gerflint.fr/Base/venezuela/sancler.pdf>

THE DIDACTIC POTENTIAL OF UTILISING AUTHENTIC AUDIO MATERIALS IN THE TEACHING OF A FOREIGN LANGUAGE

Zeynutdinova E.S., Drizhenko M.A.

Moscow International University, National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article deals with the didactic potential of utilising authentic audio materials in the teaching of a foreign language. The authors provide a comprehensive analysis of the concepts of 'authentic audio material', 'listening' and their role in the development and enhancement of students' speaking skills. It is noted that the incorporation of authentic audio materials in foreign language classes is a crucial element for achieving full immersion in a foreign language environment and mastering the aural aspects of the language.

The paper presents the research methodology, which includes an analysis of pedagogical and methodological literature, an examina-

tion of the concepts of “speaking skill” and “authentic audio materials,” as well as identification of the peculiarities of formation of foreign language speaking skills with the use of authentic audio materials.

The authors provide a detailed description of the structure of a foreign language class utilising authentic audio materials, which consists of three principal stages: pre-textual, textual and post-textual. It can be concluded that in order to effectively develop speaking skills and enhance communicative abilities in a foreign language through the utilisation of authentic audio materials, it is essential to follow certain methodological stages, taking into account both positive and negative aspects of this method.

Keywords: authentic audio materials, listening, speaking skills, foreign language, teaching methodology, didactic potential

References

1. Vladimirova, E.N. A reminder as a means of acquiring universal and subject-specific educational and speech actions in mastering foreign language listening by schoolchildren / E.N. Vladimirova, S.S. Kuklina // Improving the teaching of foreign languages at school and university: collection of scientific and methodological papers (Vyatka, December 16, 2016) / editorial board: S.S. Kuklina (editor-in-chief), V.S. Gulyaeva, T.A. Lopareva, M.N. Tatarinova. – Vyatka: Raduga-PRESS, 2017. – Issue 19. – Pp. 25–31. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_28080528_90209481.pdf.
2. Gal'skova, N.D. Theory of teaching foreign languages. Linguodidactics and methodology: a textbook for students of higher vocational education institutions / N.D. Gal'skova, N.I. Gez. – 7th ed., reprinted – Moscow: Academy, 2013. – 334 p.
3. Gez, N.I. The relationship between oral and written forms of communication / N.I. Gez. – Moscow: Higher. school, 2011. – 96 p.
4. Kuleshova, A.V. Features of information perception by modern schoolchildren / A.V. Kuleshova, A.V. Ovcharenko // Social relations. – 2018. – No. 2 (25). – P. 22–31. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_35090340_67510354.pdf.
5. Krasnova, A.N. The role and place of listening in modern approaches to teaching a foreign language / A.N. Krasnova // Current scientific research in the modern world. – 2021. – No. 11–15 (79). – P. 113–117. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47571461_23801247.pdf.
6. Kutechko, A.A. On the issue of teaching listening at the intermediate stage / A.A. Kutechko, I.A. Andreeva // Current problems of linguodidactics and methods of organizing teaching foreign languages: collection of scientific articles. – Cheboksary, 2015. – P. 143–147.
7. Methods of teaching foreign languages in secondary school: [textbook for ped. in-ts on the special. “Foreign language” / N.I. Gez, M.V. Lyakhovitsky, A.A. Mirolyubov, et al.]. – Moscow: Vyssh. shk., 1982. – 373 p.
8. Minyar-Beloruhev, R.K. Methods of Teaching the French Language: [a textbook for pedagogical institutes in the specialty “Foreign Language”] / R.K. Minyar-Beloruhev. – Stereotype ed. – Moscow: Alliance, 2016. – 224 p.
9. Pavlovsky, D. On One Method of Teaching Listening / D. Pavlovsky // Teacher. – 2000. – No. 4. – P. 61–62.
10. Perova, D.V. Methods of Developing Schoolchildren's Communicative Skills in Foreign Language Lessons / D.V. Perova // Research potential of young scientists: a look into the future: collection of materials of the XVII Regional. scientific-practical. conf. of master's students, postgraduates and youth scientists (Tula, March 3–19, 2021). – Tula: TGPU named after L.N. Tolstoy, 2021. – Pp. 187–190. – URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_46495219_77880074.pdf.
11. Turkina, L.V. French language: tests for monitoring listening skills: [study guide] / L.V. Turkina. – Moscow: Higher. school, 2005. – 135 p.
12. Khabibullina, F. Ya. Use of differentiated tasks for the formation of listening skills based on authentic French videos / F. Ya. Khabibullina, E.A. Zhdanova // Current issues of linguodidactics and methods of organizing foreign language teaching: collection of scientific articles. – Cheboksary, 2015. – P. 180–185.
13. Atmaca, E. Un Aperçu Général des Méthodes de FLE: De la Méthode Audio-Oral Jusqu'à L'Approche Communicative / E. Atmaca // International Journal of Languages' Education and Teaching. – 2017. – No. 5(4). – P. 367–377.
14. Bablon, F. Enlighten a language learned at a school / F. Bablon. – Paris: Éditions Hachette, 2004. – 158 p.
15. Peltier, C. Usage des podcasts en milieu universitaire: une revue de la littérature / C. Peltier // Revue internationale des technologies en pédagogie universitaire. – 2016. – Vol. 13, no. 2–3. – P. 17–35.
16. Sancler, J. Le podcast, un outil favorisant les compétences orales en FLE / J. Sancler // Synergies Venezuela. – 2012. – No. 7. – URL: <https://gerflint.fr/Base/venezuela7/sancler.pdf>

Искусственный интеллект в преподавании иностранных языков

Зеркина Наталья Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент, завкафедрой иностранных языков по техническим направлениям, МГТУ им. Г.И. Носова

Чусавитина Галина Николаевна,

кандидат педагогических наук, профессор, завкафедрой бизнес информатики и ИТ, МГТУ им. Г.И. Носова

Костина Наталия Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент, преподаватель английского языка, ГБПОУ «МПК»

Омеленчук Кристина Александровна,

преподаватель английского языка, ГБПОУ «МПК»

Статья дает краткий исторический обзор подходов преподавания иностранного языка, определяет границы понятия «искусственный интеллект» для данного исследования, освещает возможности применения технологий искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков, а также отвечает на некоторые вопросы, затрагивающие проблему рисков использования искусственного интеллекта в преподавании иностранного языка. В статье приводятся результаты мини опроса студентов-информатиков на данную проблематику, так же констатируются педагогические условия применения системы автоматического распознавания речи, как примера искусственного интеллекта, а также отмечается, что использование искусственного интеллекта в образовании неизбежно, должно быть, мотивированным и дозированным, на основе тщательных научных исследований.

Ключевые слова: современное образовательное пространство, подходы к преподаванию иностранного языка, иностранный язык, методика преподавания иностранных языков, искусственный интеллект, ИИ, машинное обучение, нейронные сети, чат-боты с искусственным интеллектом.

Эволюция методики преподавания иностранного языка имеет долгую историю, каждый этап которой, основывается на определенном подходе. Человечество с Библейских времен существует в полилингвальном пространстве. Изучение иностранных языков во все времена представляло собой не только освоение лингвистических и коммуникативных навыков, но и являлось проводником «чуждой» культуры, традиций, образа жизни, своеобразным «руководством» к мирному сосуществованию, уважению многообразия культур и образов жизни, осознанию, самооценки человека в оппозиции «свой – чужой». Таким образом, представители «учительского ремесла» во все времена накапливают эмпирические знания на вопрос обучения языкам, а со временем, превращают их в рациональные подходы преподавания, масштабируют и трансформируют их под преподавание разных языков.

Анализируя работы отечественных и зарубежных исследователей [3,9,13,17], можно выделить следующие подходы к преподаванию иностранного языка: биохевиористический; когнитивный; гуманистический; коммуникативный; личностно-ориентированный; глобальный подход, гештальт – стиль, изучение языка «сверху вниз» (whole language approach, Gestalt stile, top-down approach) подход к обучению, ориентированный на результат обучающей и учебной деятельности (product – oriented approach); подход к обучению, ориентированный на процесс формирования знаний, навыков и умений (process-oriented approach), а также ряд классических общенаучных подходов: дедуктивный, индуктивный, структурный, лексический, эклектический, интегрированный[13]. Методика преподавания иностранных языков за века претерпела колоссальные изменения, каждый век добавил свои тренды, развитие науки и техники (печатный станок – аудиофиксация звука – видео – ИКТ-Интернет – компьютеры/ PDA и т.д.) качественно меняют процесс преподавания иностранного языка. Чем техничнее становится мир, тем актуальнее становятся вопросы гуманизации образования: нарушение баланса между «техническим» и «гуманитарным» приводит к конфликтам и столкновениям. Именно язык, как социальное явление, играет важную роль в соблюдении и удержании баланса, определяя этническую, социальную, идеологическую принадлежность человека.

Современный мир со своим «информационным перегрузом», пандемией задал новый и сильный импульс использования цифровых технологий, в том числе и технологий искусственного интеллекта (ИИ), в сфере образования в целом, и в преподавании отдельных дисциплин, в частности.

В след за Сыроевым П.В., под термином «искусственный интеллект» мы понимаем «ряд современных технологий, позволяющих компьютеру на основе сбора и анализа больших объемов данных и алгоритмов выявления паттернов речевого поведения разрабатывать и реализовывать методики обучения языку по индивидуальной траектории, имитировать иноязычную речемыслительную деятельность человека для решения коммуникативных задач, осуществлять автоматизированный контроль иноязычных умений и навыков обучающихся, предоставлять им обратную связь и осуществлять аналитическую работу» [16, с.8].

На текущий момент образовательное пространство активно «осваивает» ИИ и одновременно выступает проводником технологий ИИ в повседневную жизнь. В преподавании иностранных языков активно применяются различные технологии ИИ, которые помогают улучшить процесс обучения, сделать его более персонализированным и эффективным. [19] Технологии ИИ используются в рекомендательных системах, применяемых при изучении иностранного языка. Базовые технологии данных в системах это: машинное обучение (ML – «Машинное обучение – machine learning): Процесс автоматического обучения и совершенствования поведения системы искусственного интеллекта на основе обработки массива обучающих данных без явного программирования» [2]; нейронные сети и глубокое обучение Deep Neural Networks (DNNs), рекуррентные нейронные сети (RNNs) и Long Short-Term Memory (LSTM), методы кластеризации, обработка естественного языка (NLP) и гибридные подходы. Данные системы изучают и анализируют привычки и интересы человека, далее подбирают подходящие ресурсы, упражнения, методики изучения, а также создают индивидуальные траектории обучения, основываясь на актуальных показателях навыков и результатов обучения студента.

Технологии машинного обучения широко применяются для индивидуализации обучения иностранному языку. Они представляют собой подмножества ИИ, которые используют языковые данные для нахождения определенных языковых закономерностей и построения моделей, прогнозирования или принятия решений. Данные технологии в современных интеллектуальных обучающих системах (ITS= Intelligent Tutoring Systems) помогают кумулировать и анализировать информацию о достижениях студента в изучении иностранного языка (например, отметить присутствие на занятиях и выполнение заданий, систематизировать ошибки, и др.), а также позволяют автоматически проверять и оценивать ряд выполненных студентами заданий: орфографию, пунктуацию, грамматику и др., что ускоряет процесс обратной связи со студентами, мотивирует их на дальнейшее изучение языка и экономит время преподавателя на проверке заданий. Более того данные системы позволяют подстроить процесс обучения под индивидуальные потребности и возможности студента. Например, система может подобрать набор упражнений на конкретные ошибки студента (грамматические, лексические, стилистические, синтаксические и др.), а также набор упражнений на формирование определенных языковых навыков. Модели машинного обучения могут также прогнозировать положительные результаты в обучении студента на базе предыдущих результатов и поведения. Преподаватели и сами студенты могут предвидеть возможные сложности в освоении учебного материала и принять соответствующие меры для их преодоления.

Многие приложения для изучения иностранного языка используют технологию – анализа и распознавание речи. В данном контексте технологии полезны в распознавании речи студента и оценки его фонетических навыков, артикуляции. Голосовые ассистенты, такие как Google Assistant или Amazon Alexa, широко используются в образовании и самообразовании для практики фонетики и навыков аудирования.

Интересным представляется исследование посвященные применению технологий распознавания речи для развития устно-речевых умений. [1,15] Так, Рудинский И.Д., Абдулхамид Т. определяют подмножества педагогических условий применения системы автоматического распознавания речи, среди которых, на наш взгляд, особого внимания заслуживают: «наличие сформиро-

ванной информационно-образовательной среды, лицензированного программного обеспечения, аппаратных и программных средств», а также тот момент, что «ASR-система должна стимулировать и мотивировать обучающихся к изучению иностранного языка». Авторы правомерно выделяют ряд дидактических условий: методическое обеспечение, регламентирующее действия, как преподавателя, так и студента; необходимость разъяснения преподавателем подлежащих решению задач, демонстрация необходимых режимов работы и конкретизация критериев оценки качества получаемых результатов; и др.[15, С. 1–5].

Интеграция ИИ в процесс преподавания иностранных языков по средствам чат-ботов (программ на основе ИИ, имитирующая диалог через текстовые и голосовые сообщения) очень популярна, востребована и мотивирована. Чат-боты, такие как ChatGPT (разработанный компанией OpenAI,) SberGPT (чат-бот, созданный компанией Sber, построен на основе нейросети GigaChat, создан командой Sber AI), Alicia (голосовой помощник от Яндекс); VK Capability (разработан VK) и др., работая в диалоговом режиме, поддерживают запросы на естественных языках.

О возможном использовании чат-ботов с ИИ в обучении иностранным языкам идут дискуссии в профессиональных кругах. Отмечается как их преимущества, так и недостатки. [8,11,13]. Как отмечает Харламенко И.В. «К преимуществам чат-ботов в образовании относятся: а) круглосуточная доступность; б) отсутствие уста­лов, раздражения, забывчивости, которые, как правило, возникают у человека при выполнении монотонных действий; в) низкая финансовая затратность, поскольку в отличие от сотрудника-человека, боту не нужно платить зарплату, оплачивать больничные и отпускные; г) доступность из любой точки мира при условии доступа к интернету; д) высокая скорость обработки запросов пользователя; е) разнообразие представленного контента и др.» [17, с. 57]. Автор также отмечает недостатки чат-ботов такие как: недолговечность, ограничение доступа к мессенджерам по разным причинам, но, на наш взгляд самый «опасный» недостаток из этого ряда, что «человеческие пороки», «когда пользователи, реплики которых вносятся в базу, намерено включают ненормативную лексику либо проявляют неоправданную агрессию [17, с. 57].

Онлайн переводчики активно используются студентами, часто подменяя полноценное изучение языка. Переводчики на базе ИИ (например, Yandex Переводчик, PROMT, Translate.Ru, ABBYY Lingvo и др.) могут служить только вспомогательным инструментом при изучении иностранного языка, их полно масштабное использование предполагается только специалистами – лингвистами. Данные системе не учитывают реалий как языковых, так и экстралингвистических. [5]

В преподавании иностранных языков широко применяется геймификация. Игры, созданные с помощью ИИ-технологий, могут генерировать новые уровни сложности и задачи, исходя из успехов игрока. Студенты могут погружаться в культуру и повседневную жизнь стран, где говорят на изучаемом языке, что существенно повышает мотивацию и эффективность обучения. [18]

С одной стороны, технологии ИИ преобразуют процесс изучения иностранного языка, делают его более доступным, интересным и эффективным, позволяя каждому студенту двигаться в своем темпе и получать необходимую поддержку, но с другой стороны академическое сообщество, как и общество в целом, выражает полный оценочный диапазон от крайнего «восторга» до ультимативного неприятия ИИ в обучении в целом, и в препода-

вании иностранных языков в частности. «ИКТ предоставляют неограниченные ресурсы для изучения языка. Современные преподаватели должны поощрять студентов к поиску подходящих видов деятельности с помощью компьютерных технологий, чтобы добиться успеха в изучении языка. Молодое поколение уже не представляет свою жизнь без компьютеров, планшетов и телефонов, поэтому использование ИКТ в процессе обучения не вызывает у студентов негатива, а скорее наоборот, мотивирует их к учебе» [10, с.151], [7, 17]. В отечественных образовательных кругах все чаще появляются опасения и критические взгляды на применение новых технологий в образовании. «Использование цифрового инструментария может создать риски недостаточного изучения иностранного языка на морфологическом, грамматическом, лексикологическом, стилистическом и др. уровнях языка, поверхностного владения и неадекватного применения. Если студенты полагаются исключительно на цифровые инструменты и не занимаются достаточно традиционной практикой и углублением своих знаний, их языковой рост может замедлиться или ограничиться только базовым уровнем. Более того, наличие постоянного доступа в Интернет, доступность справочного материала уводит от системной качественной подготовки, расхолаживает студентов, и провоцирует их не запоминать основательно материал на длительное время, современные студенты «грешат поверхностными знаниями» [6, с.398]. Таким образом, отсутствие единого или преобладающего мнения на вопрос применения ИИ, побуждает современное образовательное сообщество к проведению ряд серьезных и разносторонних научных исследований на тему ИИ в образовании.

В реальности, перед преподавателем иностранного языка стоит дилемма: использовать традиционные методики преподавания, проверенные временем и дающие ожидаемые результаты или экспериментировать с новыми технологиями. Как остаться современным, компетентным педагогом, «который уверенно демонстрирует знания в своем предмете, искренне увлечен им, с легкостью добивается признания у студентов уважения, инспирирует их не только на изучение своей дисциплины, но и корректировке отношения к самому себе и окружающему миру» [4, с. 9]. Современному преподавателю иностранного языка целесообразно рассмотреть уместность и мотивированность использования ИИ в преподавании иностранного языка. Чего мы больше получаем плюсов или минусов? Где ИИ уместен, а где должен быть ограничен. ИИ выступает и как инструмент обучения и как инструмент изучения иностранного языка. ИИ дает не только безграничные возможности в изучении иностранного языка, но и создает новые риски и проблемы. [22] В форме свободной дискуссии был проведен опрос студентов – информатиков на ряд вопросов, обобщенный ответ приведен ниже.

1. *Как вы думаете, каким образом ИИ может быть полезен для студентов при изучении иностранного языка?*

Студенты, главным образом, констатируют «коммерческие», рекламные факты, облегчающие им процесс подготовки к занятиям. Они не учитывают надежность и глубину формирования языковых знаний и умений. Было отмечено, что ИИ-помощники могут подобрать учебные материалы, отследить прогресс, дать персонально-ориентированные рекомендации, а также помогают студентам писать грамотно стилистически и грамматически сочинения на иностранном языке. Студенты искренне полагают, что такой способ выполнения заданий улучшит их языковые навыки, сэкономит время и сделает процесс обучения гибким и динамичным.

2. *Как часто вы используете технологию ИИ для изучения и выполнения заданий по иностранному языку?*

Студенты в своем большинстве достаточно часто используют технологии ИИ для изучения и выполнения заданий по иностранному языку. Онлайн-переводчики и словари, такие как Google Translate или Yandex, используют практически все опрошенные студенты. Для проверки своих письменных работ часть студентов используют такие программы как LanguageTool для анализа текста, выявления и исправления ошибок в грамматике, пунктуации и стиле. Чтобы улучшить произношение, навыки говорения, правильно прочитать текст, студенты пользуются разными приложениями на основе ИИ для распознавания речи, диктуют свои ответы, и система оценивает правильность произношения.

3. *Экономит ли ИИ время и ресурсы в формировании языковых навыков?*

Если для преподавательского сообщества это вопрос спорный, с одной стороны ответ очевиден, что «да», но с другой стороны никто не подчитывал затраты на цифровое образование преподавателя и студента, техническое сопровождение, обеспечение и пр., то для студенчества однозначный ответ «да».

4. *Цифровая форма подачи материала более приемлема, знакома и интересна современному студенчеству?*

В подавляющем большинстве случаев студенты отвечают «да». Это скорость распространения, воспроизводимость, эстетичность. Но есть единичные ответы, которые говорят об одновременном появлении рисков зависимости от технических средств, желания не запоминать «на всю жизнь», а при необходимости обратиться к цифровому ресурсу, развивается прокрастинация, что совсем не способствует развитию памяти, мышления, повышению уровня образования.

5. *Какие у вас есть опасения по поводу использования ИИ в образовании?*

Злоупотребление студентами ИИ заставляет преподавателя пересмотреть традиционную методику преподавания, приемы и способы подачи материала, а главное, контроля. ИИ выполняет задания за студента, которые они получают на занятиях, и в реальности получается, что преподаватель проверяет ИИ, а не знания студентов. Так, например, задания творческого уровня «Составь, напиши сочинение на тему..., приготовь высказывание, переведи текст» и т.д. очень часто выполняются ИИ, а не студентом!

Из наиболее частых случаев студенческого академического мошенничества при изучении иностранного языка можно отметить следующие:

- студенты, чтобы не изучать весь материал через поисковик находят ответ;
- студенты не учат орфографию, а пользуются текстовым редактором для проверки правописания;
- студенты делают перевод через онлайн переводчики, без учета лингвистических и экстралингвистических особенностей текста, дискурса;
- студенты не используют лексику урока для составления ответов, а просто переводят онлайн свой ответ, что не расширяет их вокабуляр;
- студенты находят ответы в интернете, спрашивают у ИИ;
- студенты не слушают аудирование, а скачивают текст или подключают систему распознавания звуков и др.

6. *Какую роль, по вашему мнению, технология ИИ будет играть в будущем при изучении иностранных языков образования?*

Данные технологии имеют все шансы стать неотъемлемой частью образовательного процесса в будущем, особенно при изучении иностранных языков. В целом и общем, студенты видят в цифровых технологиях помощника, который помогает эффективнее изучать иностранный язык, экономить время и получать удовольствие от обучения. (Результаты мини опроса студентов направления подготовки: 09.03.03 «Прикладная информатика» «МГТУ им. Г.И. Носова»)

Суммируя вышесказанное, очевидно, что ИИ изменил образовательную реальность практически так же, как её изменило появление Интернета и поисковых систем. «Мир науки и образования никогда не будет прежним». Эти слова часто приходилось слышать последние несколько лет, сначала во время и после пандемии, а теперь с появлением ChatGPT. И, конечно, так говорили каждый раз при появлении революционной технологии – от телевидения до массовых открытых онлайн-курсов.» [8, с. 16].

Проведенное нами исследование, наш личный педагогический опыт показывает, что использование цифровых технологий в преподавании, в том числе и иностранных языков, может не только мотивировать учащихся, но и демотивировать: доступность технологий приводит к «цифровому иждивенчеству». Важно сбалансированно подходить к внедрению этих технологий, учитывая их ограничения и риски. Преподаватели должны продолжать играть ключевую роль в образовательном процессе, дополняя, а не заменяя, их ИИ-инструменты.

Современное педагогическое, академическое сообщество не может ни изолироваться, ни отрицать, ни игнорировать присутствие ИИ в образовании: наша задача на современном этапе направить этот процесс в «мирное русло», просчитать максимальные риски и получить максимальный положительный эффект.

Литература

1. Авраменко А.П., Тарасова А.А. Технология распознавания речи искусственным интеллектом для развития устно-речевых умений при подготовке к ЕГЭ. Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 60–67
2. ГОСТ Р 59895–2021 Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200181910> (дата обращения 15.11.2024)
3. Гусевская Н.Ю. Теория и методика обучения языкам. Ученые записки ЗабГУ. 2013. № 6(53) С. 167–171
4. Дубских А.И., Зеркина Н.Н. Роль преподавателя в процессе обучения профессионально ориентированному иностранному языку в техническом вузе // В сборнике: Современные тенденции развития системы образования. Сборник статей. Чувашский республиканский институт образования. Чебоксары, 2018. С. 108–110.
5. Зеркина Н.Н. Машинный перевод, или его роль в закреплении одной переводческой ошибки В сборнике: Проблемы лингвистики и лингводидактики в неязыковом вузе. 5-я Международная научно-практическая конференция: сборник материалов конференции. В 2-х томах. Москва, 2023. С. 3–11.
6. Зеркина Н.Н. Цифровой инструментарий в преподавании иностранного языка и в техническом переводе // Современное инженерное образование: вызовы и перспективы. Материалы III национальной научно-практической конференции. Магнитогорск, 2024. С. 397–401.
7. Зеркина Н.Н. Современные процессы глобализации и трансформации коммуникации // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. тезисы докладов 81-й международной научно-технической конференции. Магнитогорск, 2023. С. 102.
8. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? *Vysshее obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2023, vol. 32, no. 4. С. 9–22.
9. Инженерная педагогика: современные технологии инженерного образования: учебник для вузов/ Н.Ш. Ватолкина, В.Я. Горбунов, Е.А. Губарева [и др.] – СПб: Лань, 2022. – 232с.
10. Кисель О.В., Зеркина Н.Н., Босик Г.А. Применение икт при обучении различным аспектам иностранного языка // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 68–1. С. 151–155.
11. Коган М.С. О возможном использовании нейросети CHATGPT в обучении иностранным языкам. Иностранные языки в школе. 2023. № 3. с. 31–38
12. Кравцова А.Г. Chatgpt-3: перспективы использования в обучении иностранному языку. Мир науки, культуры, образования. № 3 (100) 2023 с 33–35
13. Кшина Е.Г. Традиции и инновации в методике преподавания иностранного языка: учеб. пособие для студентов филологических факультетов университетов\ Е.Г. Кашина; отв. ред. А.С. Гринштейн.- Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006. – 75 с.
14. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года (утверждена указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»). URL: <https://base.garant.ru/72838946/#friends> (дата обращения 15.11.2024)
15. Рудинский И.Д., Абдулхамид Т. Педагогические условия применения системы автоматического распознавания речи при изучении иностранного языка // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2016, Т. 2, № 4 С.1–5
16. Сысоев П.В. Технологии искусственного интеллекта в обучении иностранному языку. Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 6–16
17. Харламенко И.В. Чат-боты в обучении английскому языку. Иностранные языки в школе. 2023. № 3. С. 55–59
18. Chusavitina G.N., Zerkina N.N. Gamification in training and teaching of university IT-students // eLearning sustainment for never-ending learning. Bucharest, 2020. С. 519–532
19. Kolegova I.A., Levina I.A. Using artificial intelligence as a digital tool in foreign language teaching. Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences. 2024;16(1):102–110. DOI: 10.14529/ped240110
20. Mokrova, N.I., Savinova, Y.A. Use of e-learning resources in foreign language teaching process at technical university. eLearning and Software for Education Conference, 2020, P. 470–475.
21. Savinova, Y., Pozdnyakova, S., Kostina, N. Digital technologies for foreign language teaching at technical universities: testing a new reality. eLearning and Software for Education Conference, 2021, P. 376–383.
22. Zerkina N.N., Chusavitina G.N., Kostina N.N. Academic cheating: coronavirus pandemic negative impact on higher education // eLearning and Software for Education Conference. 17th. Сер. «Education and Technology in (Post)pandemic times – 17th International Scientific Conference on eLearning and Software for Education, eLSE 2021» 2021. С. 330–335.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FOREIGN LANGUAGES TEACHING

Zerkina N.N., Chusavitina G.N., Kostina N.N., Omelenchuk K.A.

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk Pedagogical College

The article provides a brief historical overview of foreign languages teaching approaches, defines the boundaries of the “artificial intelligence” concept for this study, and also answers some questions concerning the risks of using artificial intelligence in foreign languages teaching. The article, cites the results of a mini-survey of computer science students on this issue, also it states the pedagogical conditions for the use of an automatic speech recognition system as an example of artificial intelligence, and also underlines that the use of artificial intelligence in education is inevitable. It should be motivated and dosed, based on thorough scientific research.

Keywords: modern educational environment, foreign languages teaching approaches, foreign language, methods of teaching foreign languages, artificial intelligence, AI, machine learning, neural network, chat-bots with AI.

References

1. Avramenko A.P., Tarasova A.A. Speech recognition technology using artificial intelligence for the development of oral speech skills in preparation for the Unified State Exam. Foreign languages at school. 2023. No. 3. P. 60–67
2. GOST R 59895–2021 Artificial intelligence technologies in education. General provisions and terminology URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200181910> (accessed 11/15/2024)
3. Gusevskaya N. Yu. Theory and methods of teaching languages Scientific notes of ZabS U. 2013. No. 6 (53) P. 167–171
4. Dubskikh A.I., Zerkina N.N. The Role of the Teacher in the Process of Teaching a Professionally Oriented Foreign Language in a Technical University// In the collection: Modern Trends in the Development of the Education System. Collection of Articles. Chuvash Republican Institute of Education. Cheboksary, 2018. Pp. 108–110.
5. Zerkina N.N. MACHINE TRANSLATION, OR ITS ROLE IN CONSOLIDATING ONE TRANSLATION ERROR In the collection: Problems of Linguistics and Lingvodidactics in a Non-Linguistic University. 5th International Scientific and Practical Conference: Conference Proceedings. In 2 volumes. Moscow, 2023. Pp. 3–11.
6. Zerkina N.N. Digital Tools in Teaching a Foreign Language and in Technical Translation // Modern Engineering Education: Challenges and Prospects. Proceedings of the III National Scientific and Practical Conference. Magnitogorsk, 2024. P. 397–401.
7. Zerkina N.N. Modern processes of globalization and transformation of communication// Actual problems of modern science, technology and education. abstracts of reports of the 81st international scientific and technical conference. Magnitogorsk, 2023. P. 102.
8. Ivakhnenko E.N., Nikolsky V.S. ChatGPT in higher education and science: a threat or a valuable resource? Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia. 2023, vol. 32, no. 4. P. 9–22.
9. Engineering pedagogy: modern technologies of engineering education: a textbook for universities / N. Sh. Vatolkina, V. Ya. Gorbunov, E.A. Gubareva [et al.] – St. Petersburg: Lan, 2022. – 232 p.
10. Kisel O.V., Zerkina N.N., Bosik G.A. Application of ICT in teaching various aspects of a foreign language // Problems of modern pedagogical education. 2020. No. 68–1. P. 151–155.
11. Kogan M.S. On the possible use of the CHATGPT neural network in teaching foreign languages. Foreign languages at school. 2023. No. 3. P. 31–38
12. Kravtsova A.G. Chatgpt-3: prospects for use in teaching a foreign language. The world of science, culture, education. No. 3 (100) 2023 P. 33–35
13. Kshina E.G. Traditions and innovations in methods of teaching a foreign language: a textbook for students of philological faculties of universities \ E.G. Kashina; ed. A.S. Grinshtein.- Samara: Publishing house “Univers-group”, 2006. – 75 p.
14. National strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030 (approved by the Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 “On the development of artificial intelligence in the Russian Federation”). URL: <https://base.garant.ru/72838946/#friends> (date of access 11/15/2024)
15. Rudinsky I.D., Abdulhamid T. Pedagogical conditions for the use of an automatic speech recognition system in learning a foreign language // Bulletin of science and education of the North-West of Russia. 2016, Vol. 2, No. 4 Pp. 1–5
16. Sysoev P.V. Artificial intelligence technologies in teaching a foreign language. Foreign languages at school. 2023. No. 3. P. 6–16
17. Kharlamenko I.V. Chatbots in Teaching English. Foreign Languages at School. 2023. No. 3. P. 55–59
18. Chusavitina G.N., Zerkina N.N. Gamification in Training and Teaching of University IT-Students // eLearning Sustainment for Never-Ending Learning. Bucharest, 2020. P. 519–532
19. Kolegova I.A., Levina I.A. Using Artificial Intelligence as a Digital Tool in Foreign Language Teaching. Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences. 2024;16(1):102–110. DOI: 10.14529/ped240110
20. Mokra, N.I., Savinova, Y.A. Use of e-learning resources in foreign language teaching process at technical university. eLearning and Software for Education Conference, 2020, pp. 470–475.
21. Savinova, Y., Pozdnyakova, S., Kostina, N. Digital technologies for foreign language teaching at technical universities: testing a new reality. eLearning and Software for Education Conference, 2021, pp. 376–383.
22. Zerkina N.N., Chusavitina G.N., Kostina N.N. Academic cheating: coronavirus pandemic negative impact on higher education // eLearning and Software for Education Conference. 17th. Ser. “Education and Technology in (Post)pandemic times – 17th International Scientific Conference on eLearning and Software for Education, eLSE 2021” 2021. pp. 330–335.

Возможность использования виртуальной реальности в преподавании иностранного языка в университете

Грубин Илья Валентинович,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранный язык», Академия базовой подготовки РУТ (МИИТ)
E-mail: grubin.ilya@yandex.ru

Юдина Ирина Ивановна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: tutor.yudina@mail.ru

Плужникова Ирина Ивановна,

старший преподаватель кафедры «Иностранный язык», Академия базовой подготовки РУТ (МИИТ)
E-mail: pluzh.ira@yandex.ru

Современное развитие цифровых технологий все больше проникает в образовательный процесс практически на всех уровнях. На сегодняшний день применение современных технологий является не сколько вопросом моды, сколько вопросом конкурентоспособности, как самих университетов, так и их выпускников в будущем. В данной статье авторами рассматривается возможность использования такой современной цифровой технологии как виртуальная реальность в процессе обучения студентов дисциплине «иностранный язык» в университете. Представлены проблемы и задачи, возникающие во время обучения иностранному языку у студентов, которые могут быть решены с помощью виртуальной реальности, в первую очередь, погружением в профессионально-ориентированную языковую среду.

Ключевые слова: виртуальная реальность, иностранный язык, обучение в университете, современные технологии.

Введение

На нынешний день можно смело утверждать, что одной из самых стремительно развивающихся цифровых технологий является виртуальная реальность. Данная технология применяется во многих областях человеческой жизнедеятельности, в таких как строительство, транспорт (в первую очередь в авиации), очень широко используется в области развлечений, в медицине и в образовании. Такое большое количество областей применения технологии виртуальной реальности обусловлено главной способностью виртуальной реальности, а именно созданием интерактивной среды. Устройства виртуальной реальности, которые сегодня создаются, позволяют пользователям практически полностью погрузиться в нужную моделируемую среду. В связи с этим, авторы статьи ставят своей задачей рассмотреть такой вопрос, как применение виртуальной реальности в образовательном процессе, а именно, использование виртуальной реальности в обучении студентов технического университета иностранному языку.

Актуальность статьи состоит в том, что, во-первых, вопрос использования виртуальной реальности в образовательной сфере, в частности, в области обучения иностранному языку не до конца изучен, во-вторых данная технология является достаточно новой и постоянно развивающейся, что накладывает отпечаток на ее использование в различных областях, в том числе и в образовании.

Результаты и обсуждение

Вопрос о том, как можно использовать виртуальную реальность в области образования появился практически сразу с появлением этой цифровой технологии. Сегодня виртуальная реальность широко применяется в процессе обучения пилотов самолетов как военных, так и гражданских, машинистов поездов, автогонщиков, с помощью моделирования различных ситуаций происходит обучение врачей-хирургов, спасателей. Соответственно, если можно использовать эту технологию для обучения таким серьезным специальностям, от которых напрямую зависит жизнь людей, то почему нельзя использовать ее для обучения более простым вещам. Неоспоримым преимуществом технологии виртуальной реальности по сравнению с другими технологиями, используемыми в обучении, является то, что студент является «не наблюдателем со стороны экрана», а находится в самой моделируемой ситуации, становясь частью ее.

Если говорить о применении виртуальной реальности в процессе обучения иностранному языку, то здесь необходимо отталкиваться от следующего момента.

Общеизвестно, что наиболее продуктивным способом изучения иностранного языка является способ, при котором обучаемый полностью погружается в языковую среду изучаемого языка на постоянной основе. Это значит, что если необходимо выучить иностранный язык, то нужно жить в стране изучаемого языка. Но, к сожалению, большинство изучающих иностранный язык не имеют возможности на то, чтобы жить и учиться за грани-

цей. Следовательно, необходимо искать альтернативные варианты погружения в языковую среду. До появления технологии виртуальной реальности для решения указанной выше задачи на занятиях использовались различные способы, как например, видео, геймификация, деловые игры, моделирования ситуаций в диалогах для отработки лексики. Стоит отметить, что, благодаря, этим способам студенты достаточно хорошо изучают иностранный язык. Однако, к сожалению, полной замены погружения в языковую среду они не дают. Стандартное обучение иностранному языку с использованием только учебника и различных аудио и видео материалов ограничено по своему содержанию и функционалу.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что именно технология виртуальной реальности позволяет решить проблему погружения в языковую среду во время обучения иностранному языку. Во многих университетах таких стран как Китай, Япония и США занятия по иностранному языку уже проходят с применением виртуальной реальности. В России технологию виртуальной реальности также начинает широко применяться в образовательной сфере, в первую очередь, для подготовки специалистов медицинской и транспортной областей. Но, к сожалению, использование данной технологии не является обязательным и, зачастую, носит дополнительный характер к основным способам обучения.

Как сказано было выше в статье, технология главным преимуществом технологии виртуальной реальности в обучении иностранному языку является то, что с помощью нее обучаемый может находиться в языковой среде. С помощью специальных загружаемых программ и оборудования студент может оказаться внутри моделируемой ситуации и полностью использовать полученные знания по иностранному языку. В первую очередь, это позволяет отработать речевые и коммуникационные навыки и профессионально-ориентированную лексику. Благодаря виртуальной реальности, такой педагогический принцип, как наглядность, выходит на совершенно другой уровень. Высокая степень детализации, в совокупности с теоретическими сведениями, дает больше возможностей для успешного усвоения материала. Стоит также отметить тот факт, что в процессе работы можно моделировать различные ситуации и изменять их в ходе работы, что также является немаловажным преимуществом. В результате, в процессе обучения с применением технологии виртуальной реальности студенты получают точно такой же опыт и повышают уровень своих навыков (визуальных, аудиальных, речевых, коммуникативных), как если бы они по-настоящему находились в языковой среде. Особенно это важно при изучении профессионально-ориентированной лексики, так как виртуальная реальность позволяет смоделировать именно ту среду, которая связана со специальностью студента. В случае с обучением студентов иностранному языку в техническом вузе строительной или транспортной направленности виртуальная реальность является отличным инструментом для проведения междисциплинарных занятий с направленностью на будущую профессию. Например, преподаватель может смоделировать ситуацию работы на стройке, работы депо, встречи в аэропорту или в ресторане. Студенты в такой смоделированной ситуации отрабатывают не только лексику и речевые навыки, но и возможные действия. Виртуальное пространство может быть смоделировано под конкретных студентов с учетом их специализации, уровня владения языком, личных качеств и количества. С помощью моделирования ситуаций в виртуальной реальности студенты могут глубже изучать случаи употребления тех или иных терминов и выражений в зависимости

от конкретных задач и запросов.[4] Преподаватель с помощью виртуальной реальности может быть как простым наблюдателем, корректирующим и исправляющим ошибки студентов, так и непосредственным участником смоделированной ситуации. Сейчас технологии виртуальной реальности позволяют не просто смоделировать ту или иную языковую ситуацию, но и сделать это с учетом социокультурных особенностей, что, в свою очередь, позволяет студентам лучше понять изучаемый языковой материал и, следовательно, лучше его знать. Это в свою очередь повышает мотивацию студентов к изучению предмета.

К сожалению, необходимо отметить тот факт, что несмотря на то, что виртуальная реальность является передовой технологией, которая постоянно развивается, и возможности ее применения в образовательной сфере практически безграничны, тем не менее, данная технология мало где используется массово. Одним из факторов, влияющих на это, является то, что это дорогостоящая технология, которая требует больших затрат на оборудование, программное обеспечение и обучение. Не до конца также изучен вопрос о влиянии виртуальной реальности на процесс обучения, на восприятие и на поведение студентов в условиях обучения с применением виртуальной реальности. Еще одной из немаловажных проблем является вопрос содержания, то есть чем и как будет наполнена виртуальная среда, используемая для обучения иностранному языку.

Заключение

В качестве заключения, на основании выше изложенного материала, авторами предлагаются следующие выводы:

Во-первых, технология виртуальной реальности является передовой, однако ее возможности при использовании в обучении иностранным языкам в университете не до конца раскрыты;

Во-вторых, с помощью виртуальной среды можно решить одну из самых главных проблем в обучении иностранному языку, а именно, погружение студента в языковую среду;

В-третьих, правильное использование виртуальной реальности повышает уровень знаний и мотивацию студентов;

В-четвертых, так как эта технология является достаточно новой, то она является дорогостоящей и следовательно мало применяется;

В-пятых, с технологическим развитием общества и образования применение виртуальной реальности в области образования, в частности, для обучения иностранному языку станет более массовым.

Литература

1. Добрава В. В., Лабзина П.Г. Виртуальная реальность в преподавании иностранных языков // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2016 № 4 (32). С. 13–20.
2. Котенко В.В. Проблемы и возможности применения технологий дополненной и виртуальной реальности в преподавании иностранного языка // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 3 (181). С. 252–257.
3. Рольгайзер А.А., Павлов С.О. Возможности применения электронных образовательных ресурсов при обучении иностранному языку в вузе // Мир педагогики и психологии. 2021. № 8 (61). С. 64–70.

4. Семенова Г.В. Использование преимуществ технологии дополненной реальности в процессе обучения иностранному языку студентов неязыкового вуза // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5, № 1. С. 128–133.
5. Стародубцева Е.А. Использование технологии виртуальной реальности в обучении иностранным языкам в вузе. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022;12(c):110–113.
6. Alfadil M. Effectiveness of Virtual Reality Game in Foreign Language Vocabulary Acquisition // Computers & Education. 2020. Vol. 153. P. 103893.
7. Chien S.Y., Hwang G.J., Jong M.S. Effects of Peer Assessment Within the Context of Spherical Video-Based Virtual Reality on EFL Students' English-Speaking Performance and Learning Perceptions // Computers & Education. 2019. Vol. 146. P. 103751.

THE POSSIBILITY OF USING VIRTUAL REALITY IN TEACHING A FOREIGN LANGUAGE AT THE UNIVERSITY

Grubin I., Yudina I., Pluzhnikova I.

Academy of Basic Training RUT (MIIT), National Research Moscow State University of Civil Engineering

The modern development of digital technologies is increasingly penetrating the educational process at almost all levels. Today, the use of modern technologies is somewhat a matter of fashion, as much as a matter of competitiveness, both of the universities themselves and their graduates in the future. In this article, the authors consider the possibility of using such modern digital technology as virtual reality in the process of teaching students the discipline “foreign language” at the university. The problems and tasks that arise during

the teaching of a foreign language to students, which can be solved using virtual reality, primarily by immersion in a professionally oriented language environment, are presented.

Keywords: virtual reality, foreign language, university education, modern technologies.

References

1. Dobrova V. V., Labzina P.G. Virtual reality in teaching foreign languages // Bulletin of Samara State Technical University. Series “Psychological and pedagogical sciences”. 2016 No. 4 (32). P. 13–20.
2. Kotenko V.V. Problems and possibilities of using augmented and virtual reality technologies in teaching a foreign language // Scientific notes of P.F. Lesgaft University. 2020. No. 3 (181). P. 252–257.
3. Rolgaizer A. A., Pavlov S.O. Possibilities of using electronic educational resources in teaching a foreign language at a university // The world of pedagogy and psychology. 2021. No. 8 (61). P. 64–70.
4. Semenova G.V. Using the Advantages of Augmented Reality Technology in Teaching Foreign Languages to Students of a Non-Linguistic University // Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2020. Vol. 5, No. 1. P. 128–133.
5. Starodubtseva E.A. Using Virtual Reality Technology in Teaching Foreign Languages at a University. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2022; 12 (c): 110–113.
6. Alfadil M. Effectiveness of Virtual Reality Game in Foreign Language Vocabulary Acquisition // Computers & Education. 2020. Vol. 153. P. 103893.
7. Chien S.Y., Hwang G.J., Jong M.S. Effects of Peer Assessment Within the Context of Spherical Video-Based Virtual Reality on EFL Students' English-Speaking Performance and Learning Perceptions // Computers & Education. 2019. Vol. 146. R. 103751.

Важность формирования осознанного отношения к окружающей среде на занятиях по английскому языку у студентов строительных специальностей

Иванова Ольга Всеволодовна,

преподаватель, Национальный исследовательский
Московский государственный строительный университет
E-mail: helga_jiff@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению актуальной проблемы современного образования – формированию экологических компетенций студентов и, прежде всего, студентов строительных специальностей. Цель исследования: рассмотреть возможности формирования экологических компетенций студентов на занятиях по иностранным языкам, в том числе, на занятиях по английскому языку, а также измерить уровень экологического сознания и выявить особенности поведения студентов строительных специальностей в Национальном исследовательском Московском государственном строительном университете (НИМУ МГСУ). Методы исследования: анализ документов (различных источников информации об экологическом и климатическом состоянии планеты, способов формирования экологического сознания студенческой молодежи). Результаты исследования: установление связи между экологическим образованием и воспитанием, выявление роли занятий по изучению иностранных языков в формировании ответственного отношения к сохранению окружающей среды, измерение уровня экологического сознания и поведения у студентов НИУ МГСУ. Вывод автора: необходимо расширение экологических тем, используемого словаря экологических терминов, обращение к практическим примерам экологизации строительства, введение активных методов изучения (в частности, практических кейсов и геймификации аудиторных занятий).

Ключевые слова: экологическая безопасность, изменение климата, устойчивое развитие, проэкологическое поведение, эколингвистика, социологический опрос.

Введение

Изменение климата является одной из наиболее существенных проблем, с которыми сегодня сталкивается наша планета. Строители, ведущие деятельность по возведению зданий и сооружений, градостроители, занимающиеся проектированием и развитием городов, играют важную роль в сохранении окружающей среды, приспособлении к изменению климата и снижении его негативных последствий. Углеродный след, который остается в результате осуществления строительных работ, количество выброса парниковых газов строительной отраслью продолжает увеличиваться. Город, строительство дают более 50% экологического загрязнения. Нужны новые экологически чистые технологии строительства, связанные с использованием экологических строительных материалов, возобновляемых источников энергии и энергоэффективностью.

С этой точки зрения экологическое образование студентов, обучающихся по направлениям, связанным со строительством, формирование у них проэкологического и климатического сознания и поведения становится чрезвычайно актуальной задачей.

Основную роль в экологизации строительства должны сыграть профессионалы – выпускники строительных и архитектурных факультетов вузов, владеющие новыми технологиями строительства и производства строительных материалов, архитектурно-градостроительного проектирования.

Работу по формированию экологических компетенций: знакомству с экологической и климатической информацией, умений и навыков по применению экологических знаний можно вести на занятиях по разным предметам, в том числе, на занятиях по изучению иностранных языков.

Обсуждению данной проблемы посвящено много исследований. Прежде всего, проводятся исследования, выявляющие уровень экологического сознания жителей городов и поселений в разных странах, рассматриваются типы экологического поведения, модели бережливого поведения. [1, 2, 3, 4]. Подобные исследования проводятся и в России. Обзор 49 эмпирических исследований проэкологического поведения в России, проведенных в период с 1999 по 2021 год, приведен в работе группы авторов из НИУ «Высшая школа экономики». Авторы выявили, что проэкологическое поведение находится под влиянием психологических, социальных, политических, культурных, демографических факторов. Рассматриваются зависимости от пола и возраста, уровня образования и дохода. Бережливая, ресурсосберегающая или затратная модель поведения зависят от принадлежности к культуре, традиционных ценностей народа [5].

В процессы экологического образования и воспитания включились и лингвисты. Ряд интересных работ, обобщающих опыт воспитательной работы на занятиях по иностранным языкам освещены в работах российских исследователей [6,7]. Сегодня Эколингвистика выделяется как раздел языкознания [8], само «понятие «эко-

лингвистика» используется в качестве охватывающего обозначения «все научные области исследования, которые связывают экологию с лингвистикой». При этом следует особо отличать языковую экологию, которая занимается исследованием взаимосвязей между языком и экологическими вопросами, например, биоразнообразием и проблемами окружающей среды, от экологии языков, которая посвящает себя взаимодействию между языками, в частности сохранению языкового многообразия» [9].

Следует отметить также исследования, посвященные характеристике экологического сознания и поведения студентов, в частности, студентов Национально-исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ), целенаправленно готовящего специалистов для строительной отрасли [10].

Цель данной статьи – 1) рассмотреть связь образования и экологического воспитания, сделав акцент на занятиях по языковому образованию, 2) измерить уровень экологического сознания и выявить особенности поведения студентов строительных специальностей НИУ МГСУ, а также выявить их предложения по формированию экологических компетенций на занятиях по английскому языку.

Методы исследования:

- 1) анализ документов: различных источников информации об экологическом и климатическом состоянии планеты, нормативных документов в области экологии, материалов международных научных конференций, научных статей специалистов разных профилей о формировании экологического сознания;
- 2) социологический опрос студентов 1-го курса Национального исследовательского Московского государственного строительного университета по вопросам экологического сознания и поведения.

Перечисленные методы являются наиболее эффективными с точки зрения анализа специфики использования занятий по иностранному языкам для углубленного изучения экологических тем, а также для определения уровня экологического сознания студенческой молодежи, в том числе как результата занятий по английскому языку.

Результаты исследования

Сегодня уже не вызывает сомнения тот факт, что непосредственно деятельность человека оказывает огромное влияние на окружающую среду. К сожалению, это влияние по большей части негативное. Не каждый гражданин осознает свою личную ответственность за сохранение экологического баланса. «Любая профессия требует своей реализации при условии понимания каждым человеком собственного единения с природной средой. Проблема стоит таким образом, что экологическую грамотность сегодня должны получать студенты всех факультетов» (11). Именно поэтому крайне важно заложить основы экологического сознания в студентах до того, как они начнут свою профессиональную деятельность.

При формировании экологического сознания, важно донести до студентов, что проблемы загрязнения окружающей среды – это те проблемы, которые нельзя решить вне международного содействия и межкультурной коммуникации, вне переговоров и договоренностей, потому что халатное отношение к природе в одной стране влечет за собой глобальные проблемы для всей планеты. «С одной стороны, в условиях современного международного сообщества, казалось бы, народам ми-

ра легче договориться о единых принципах отношения к природе. И это должно было бы способствовать формированию единого экологического дискурса. С другой стороны, современное человечество все еще к этому консенсусу не пришло, и использование природы осуществляется не на основе единой воли к ее сохранению, а на основе отдельных единичных или групповых волей, ориентированных на прагматическое отношение к ней, на выгоду, которую она может принести» (11). Одновременно с этим стоит подчеркнуть разобщенность, присутствующую в последнее время нашему мировому сообществу, что подчеркивает необходимость непрерывного диалога.

Говоря о возможностях межкультурного диалога, стоит остановиться на языковых возможностях формирования экологического сознания у молодых людей при изучении иностранного языка в целом и, в частности, английского языка как основного языка международного общения. «Вербальное проговаривание воздействует на сознание и поведение человека, и если это действительно так, то лексика, которую использует человек, непосредственно оказывается связанной с его ментальностью» (11).

Важно помнить, что образование невозможно без воспитания. Мало получить знания, важно использовать их в конструктивном ключе. «Гуманистическая задача системы образования – формирование личностного сознания, ориентированного на общечеловеческие ценности, ответственность, соблюдение моральных норм и принципов жизни» (11). Включение воспитательного аспекта, особенно экологического воспитания, в образовательные программы вузов является важнейшим шагом к подготовке ответственных специалистов, способных справляться с глобальными вызовами современности.

Согласно исследованию, опубликованному на платформе MDPI ((Multidisciplinary Digital Publishing Institute) [12], экологическое образование способствует развитию у студентов ключевых навыков, таких как критическое мышление, междисциплинарный подход и осознание своей роли в глобальной экологической системе. Оно помогает формировать ценности и ответственность, направленные на защиту окружающей среды и устойчивое развитие общества.

Кроме того, сотрудники Национальной академии наук США отмечают, что интеграция устойчивого развития в университетские программы способствует улучшению междисциплинарного взаимодействия и формированию у студентов способности понимать экологические, социальные и экономические аспекты устойчивости (13). Такой подход позволяет будущим специалистам принимать более обоснованные и экологически ответственные решения в своей профессиональной деятельности.

Чарли Флетчер – независимый писатель из американского города Бойсе (штат Айдахо) добавляет, что экологическое образование не только даёт студентам понимание механизмов изменения климата, но и развивает у них чувство экологического долга (14). Образовательные программы, фокусирующиеся на устойчивом развитии, помогают студентам глубже осознать влияние их будущей профессиональной деятельности на окружающую среду и мотивируют их участвовать в инициативах, направленных на защиту природы.

Таким образом, включение экологического воспитания в образовательные программы вузов не только способствует профессиональному и личностному развитию студентов, но и играет важную роль в решении глобальных экологических проблем, обучая будущих специали-

стов более ответственному отношению к ресурсам планеты и устойчивому развитию общества.

Изучение иностранного языка расширяет коммуникативные возможности и оказывает влияние на формирование мировоззрения и восприятие окружающего мира. Процесс изучения терминов и концепций на другом языке способствует развитию более глубокого осознания глобальных проблем, включая вопросы экологии. Например, такие термины, как «sustainability» (устойчивое развитие), «carbon footprint» (углеродный след) или «biodiversity» (биоразнообразие), которые широко используются в международной экологической дискуссии, часто вводят студентов в новый контекст мышления и показывают глобальный масштаб экологических вызовов.

Исследования показывают, что изучение языка способствует когнитивным изменениям, заставляя нас смотреть на мир с различных точек зрения. Лингвистическая относительность, описанная в гипотезе Сепира-Уорфа, подчёркивает, что язык влияет на наше восприятие реальности (15). Идея заключается в том, что структура языка, на котором человек говорит, влияет на то, как он воспринимает реальность и строит ментальные модели мира. Уорф проводил сравнительные исследования разных языков, чтобы показать, как грамматика и лексика формируют восприятие времени, пространства и причинности.

Так, понимание терминов на английском языке, которые связаны с защитой окружающей среды, может сформировать у студентов более экологически ориентированное мышление и подчеркнуть важность участия в глобальных инициативах по защите природы. Кроме того, владение языком помогает строить международные связи и дает доступ к большему объёму информации. Изучение иностранных языков способствует интеркультурному обмену, позволяя студентам лучше понимать культурные подходы к решению экологических проблем в разных странах. Это расширяет их перспективы и может вдохновить на внедрение более устойчивых практик как в личной жизни, так и в профессиональной деятельности. В программе «Образование для устойчивого развития» ЮНЕСКО подчеркивается, что экологическое образование должно стать неотъемлемой частью системы образования для обучения навыкам, знаниям и ценностям, направленным на создание устойчивого будущего (16).

Таким образом, изучение языка становится не только инструментом коммуникации, но и средством формирования глобального экологического сознания. Оно позволяет интегрировать мировые экологические концепции в профессиональные подходы, делая студентов более осведомленными и мотивированными участвовать в защите окружающей среды.

В ноябре-декабре 2024 г. автором статьи был проведен социологический опрос студентов Московского государственного строительного университета по теме «Важность формирования осознанного отношения к окружающей среде на занятиях по английскому языку у студентов строительных специальностей». В опросе участвовали студенты 4-х групп первого курса, обучающиеся по направлению «Строительство» и изучающие английский язык.

Опрос был направлен на определение уровня экологического сознания студентов, степени личной ответственности за состояние окружающей среды, осознание важности постановки экологических проблем на занятиях по иностранным языкам и выявление предложений студентов по формам проведения занятий по английскому языку.

Согласно результатам опроса, 63% респондентов в целом свой уровень знаний в области экологии пре-

имущественно оценивают, как средний. Большинство студентов слышали о концепции устойчивого развития, но мало знакомы с деталями.

Самыми значительными экологическими проблемами в строительной отрасли студенты считают: использование невозобновляемых ресурсов, загрязнение воздуха и строительные отходы, при этом недооценивают проблемы избыточного энергопотребления и негативное воздействие на биосистемы (рис. 1).

Какие экологические проблемы, на ваш взгляд, наиболее актуальны в строительной отрасли? (Выберите не более 3-х вариантов), в %

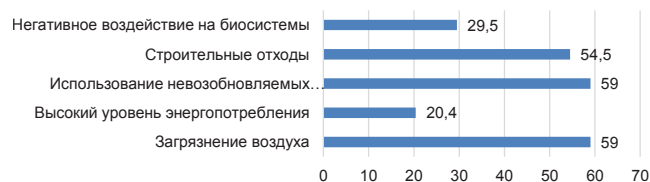

Рис. 1

В области использования экологических строительных материалов и энергоэффективных технологий студенты осведомлены, в первую очередь, об использовании солнечных панелей (68%) и утеплителей из переработанных материалов (66%). Ограниченность знаний студентов подчеркивает тот факт, что респонденты делали выбор из предложенного списка, но на предложение «Назовите другие меры» не смогли что-либо добавить (рис. 2).

Какие экологичные строительные материалы и энергоэффективные технологии вы знаете? (в %)

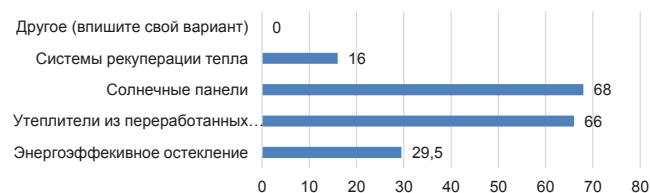

Рис. 2

Большинство опрошенных студентов (61%) не слышали об экологических стандартах и сертификации в строительстве (например, об имеющихся национальных стандартах сертификации, зарубежных LEED, BREEAM), 32% респондентов отмечают, что слышали, но не разбираются в деталях. Возможно, незнание связано с тем, что у студентов первого курса в учебном плане пока мало специализированных строительных дисциплин, тем не менее, необходимо иметь этот факт в виду при разработке учебных планов. Сегодня именно экологические знания будут содействовать тому, что студенты станут востребованными специалистами на международном уровне и включатся в глобальный рынок труда.

На фоне предыдущих ответов студентов стал неожиданным тот факт, что большинство студентов отметило личную ответственность за сохранение окружающей среды. Многие респонденты сортируют отходы (54,5%), а часть из них избегает использования одноразовых предметов (54%). Сегодня во многих опросах сортировка мусора является популярным ответом, однако если учесть, что в реальности возможности отдельного сбора мусора ограничены даже в Москве, то такой выбор, скорее всего, свидетельствует о желании сортировать мусор, чем иметь возможность это делать (табл. 1).

Высокий уровень личной ответственности (63,6%) студентов говорит о готовности действовать в соответствии с экологическими принципами. Однако ответы 13% респондентов, редко ощущающих или совсем

не ощущающих личной/индивидуальной ответственности, свидетельствуют о необходимости дополнительной мотивации и воспитательных мер в процессе учебы.

Таблица 1

Чувствуете ли вы личную ответственность за сохранение окружающей среды?	%
1) Да, всегда	63,6
2) Иногда	22,7
3) Редко	6,8
4) Нет, не чувствую	6,8

Готовность студентов уделять внимание экологическим вопросам в профессиональной деятельности была нами расценена как скорее положительная: большинство ответов «да» (45,4%) или «скорее да» (43%). На вопрос о том, что важнее: удешевить строительство, чтобы сделать жильё более доступным для людей, или использовать более дорогие технологии и материалы, чтобы сделать жильё более экологичным, с меньшим вредным воздействием, только 11% опрошенных сочли, что важнее удешевить строительство.

Роль специалиста в области строительства по мнению студентов заключается в создании экологически безопасных проектов (63,6%) а также в минимизации отходов строительства (50%). Однако мало участников опроса посчитали важными создание энергоэффективных технологий (38,6%). Это может быть связано с менталитетом российского народа, ведь энергия достаётся простым обывателям легко и относительно недорого, а большие лесные просторы страны дают ощущения отсутствия проблем экологии.

Таблица 2

Ваши предложения относительно углублённого изучения экологической тематики на занятиях по английскому языку (можно выбрать несколько вариантов)	%
1) Расширить изучаемый терминологический словарь	36,3
2) Переводить научные тексты с информацией об использовании экологических технологий в процессе строительства	13,6
3) Изучать международные нормы по строительной экологии	34
4) Знакомиться с конкретными примерами экологических и климатосберегающих зданий	47,7
5) Проводить деловые игры с обсуждением экологической тематики и введением экологических терминов	34
6) проводить викторины на экологические темы	27,6
7) рассматривать конкретные примеры экологических мероприятий в зарубежных (в т.ч. английских и американских) городах	47,7

Большинство студентов хотело бы узнать больше о проблемах экологии на занятиях английского языка и считает, что для изучения данной проблемы было бы полезно проводить деловые игры с обсуждением экологической тематики и введением экологических терминов, рассматривать конкретные примеры экологических мероприятий в зарубежных (в т.ч. английских

и американских) городах, изучать международные нормы по строительной экологии и проводить викторины на экологические темы (табл. 2).

Ответы на данный вопрос свидетельствуют о неравнодушии студентов к вопросам экологии, а также желании сочетать языковое и экологическое образование.

Исходя из предложений студентов можно сделать подборку полезных текстов об охране окружающей среды и примеров применения экологических технологий в производстве и строительстве.

В частности, мы предлагаем небольшой список материалов на английском языке, которые можно читать и обсуждать на занятиях. Они помогут студентам расширить словарный запас и обсудить глобальные экологические проблемы:

1. The Climate Crisis: A Race We Can Win" (UN Environment Programme).

Это программа ООН об изменении климата, его последствиях и возможных решениях. Она написана относительно простым языком и подходит для обсуждения на занятиях (<https://www.unep.org>).

2. Научно-популярные материалы на портале «National Geographic».

В материалах портала часто рассматриваются вопросы, связанные с изменением климата, устойчивостью, защитой биоразнообразия и многим другим проблемам (<https://www.nationalgeographic.com>).

3. Научно-популярные материалы на портале BBC «Earth Articles».

Раздел BBC Earth содержит множество статей о природе, биоразнообразии и изменении климата, написанных доступным языком (<https://www.bbcearth.com>).

4. Новостной портал «The Guardian: Environment Section»

Раздел об экологии в The Guardian включает множество статей об изменении климата, устойчивости, энергии и экосистемах (<https://www.theguardian.com/environment>).

5. Документальные материалы:

- Документальный фильм «Our Planet» (Netflix) с визуализацией и объяснениями о влиянии человеческой деятельности на природу. Серил можно обсудить на основе его эпизодов.
- Автобиографический фильм-обращение легендарного натуралиста Дэвида Аттенборо о будущем нашей планеты «A Life on Our Planet» (David Attenborough).
- Eco-Schools International. Портал Экошколы для молодежи публикует много полезных материалов на тему экологии и устойчивого развития. (<https://www.ecoschools.global>)

Использование предлагаемых материалов поможет не только улучшить уровень английского языка, но и углубить понимание экологических вопросов.

Выводы

1. Строители имеют возможность внести значительный вклад в устойчивое будущее нашей планеты. Они могут проектировать устойчивые города, разрабатывать и внедрять экологические стандарты, применять экологические строительные технологии и материалы. Однако для достижения целей необходимо глубокое экологическое образование будущих строителей. Занятия по иностранному языку являются отличным местом для получения информации о проблемах экологии, а также дают широкие возможности для обсуждения глобальных мировых проблем и способов их решения с использованием полезного словаря. Знание иностранных языков, и, прежде всего,

английского языка, открывает путь к участию в экологическом дискурсе на международном уровне.

2. По результатам опроса 63% студентов первого курса оценивают свои знания как «средние». Это может быть связано с недостаточной интеграцией экологических вопросов в школьные программы. Пробелы в знаниях можно ликвидировать посредством включения в учебные планы младших курсов строительных вузов и факультетов вводные лекции или модули по экологическим основам, адаптированные под строительные специальности.

3. Социологический опрос показал заинтересованность студентов к экологической тематике на занятиях по английскому языку и осознание её значимости как в личной, так и в профессиональной сфере. Преподавателям рекомендуется внедрять больше практических кейсов, интерактивных форматов (элементов геймификации: викторин, конкурсов на экологические темы) и международных примеров, чтобы мотивировать студентов и привить им навыки экологической ответственности.

Литература

1. Casaló L.V., Escario J.-J., Rodriguez-Sanchez C. Analyzing differences between different types of pro-environmental behaviors: Do attitude intensity and type of knowledge matter? *Resources, Conservation and Recycling*. – 2019. – 149. – P. 56–64. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2019.05.024>
2. De Groot J.I.M., Steg L. Relationships between value orientations, self-determined motivational types and pro-environmental behavioural intentions. *Journal of Environmental Psychology*. – 2010. – 30 (4) – P. 368–378.
3. Ivanova Z., Naimavičienė Ju. Climate Change and Behavior Patterns of Urban Residents. *E3S Web Conf.* 2021. – № 263. – 05031.
4. Иванова З.И. Исследование поведения горожан, связанного с энергоэффективностью и изменением климата. *Экономика и предпринимательство*, 1921. – № 6 (131). С. 1208–1213
5. Сауткина Е.В., Агисова Ф.Б., Иванова А.А., Иванде К.С., Кабанова В.С. Проэкологическое поведение в России. Систематический обзор исследований. *Экспериментальная психология*. – 2022. – Т. 15. – № 2.
6. Голомидова М. В., Гладий А.Е. Экологический дискурс и аспекты его изучения в российской лингвистике. *Russian Linguistic Bulletin*. – 2024. – вып. 5 (53). <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.15>
7. Павленко В.А. Экологическое воспитание студентов на уроках английского языка. *Территория науки*. – 2014. – № 1. – С. 32–35.
8. Баребина Н. С., Глызина В.Е., Пашаева И.В. Предпосылки формирования экологических подходов в лингвистике. *Russian Linguistic Bulletin*. – 2023. – вып. № 4 (40). DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.43>
9. Нурушева Д.А. Эколингвистика как раздел языкознания // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 5–4. – С. 890–893; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34018>
10. Ivanova Z., Yudenkova O. Climate consciousness and behaviour of students of a civil engineering university: problems of education. *E3S Web of Conferences*. –2023. – № 389. 08005.
11. Гураль С.К., Петрова Г.И., Головки О.С. Лингвистические аспекты формирования профессионального экологического дискурса и экологического сознания в системе высшего образования. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. – 2018. – № 3. – С. 127–138. DOI: 10.15593/2224-9389/2018.3.11
12. Begum, A.; Liu, J.; Marwat, I.U.K.; Khan, S.; Han, H.; Ariza-Montes, A. Evaluating the Impact of Environmental Education on Ecologically Friendly Behavior of University Students in Pakistan: The Roles of Environmental Responsibility and Islamic Values. – *Sustainability*. – 2021. – № 13. 10188. <https://doi.org/10.3390/su131810188>
13. *A Framework for K-12 Science Education*. ISBN 978-0-309-21441-4. 400 p. DOI 10.17226/13165
14. Fletcher Ch. *The Importance of Environmental Education for a Sustainable Future*. *Earth.Org*. – 2023. URL: <https://earth.org/environmental-education/>
15. Кравченко А.В. Гипотеза Сепира-Уорфа в контексте биологии познания. *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2007. – № 1 (010). – С. 5–14.
16. «Education for Sustainable Development: A roadmap» (2020). URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374802>

THE IMPORTANCE OF DEVELOPING ENVIRONMENTAL AWARENESS IN ENGLISH LANGUAGE CLASSES FOR CONSTRUCTION STUDENTS

Ivanova O.V.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

This article addresses a pressing issue in modern education: the development of environmental competencies among students, particularly those specializing in construction. Research Objective: To explore opportunities for fostering environmental competencies in students during foreign language classes, including English, and to assess the level of environmental awareness and identify behavioral characteristics of construction students at the National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MGSU). Research Methods: Document analysis (examining various sources of information on the environmental and climatic state of the planet and methods for shaping environmental consciousness among university students). Research Results: The study establishes the connection between environmental education and upbringing, highlights the role of foreign language classes in promoting responsible attitudes toward environmental preservation, and measures the level of environmental awareness and behavior among NRU MGSU students. Author's Conclusion: It is necessary to expand the range of environmental topics, enrich the vocabulary of ecological terms, address practical examples of construction ecologization, and implement active learning methods (including practical case studies and gamification in classroom activities).

Keywords: environmental safety, climate change, sustainable development, pro-environmental behavior, ecolinguistics, sociological survey.

References

1. Casaló L.V., Escario J.-J., Rodriguez-Sanchez C. Analyzing differences between different types of pro-environmental behaviors: Do attitude intensity and type of knowledge matter? *Resources, Conservation and Recycling*. 2019, Vol. 149, pp. 56–64. <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2019.05.024>
2. De Groot J.I.M., Steg L. Relationships between value orientations, self-determined motivational types and pro-environmental behavioural intentions. *Journal of Environmental Psychology*. 2010, Vol. 30(4), pp. 368–378. <https://doi.org/10.1016/j.jenvp.2010.04.002>
3. Ivanova Z., Naimavičienė Ju. Climate Change and Behavior Patterns of Urban Residents. *E3S Web Conf.* 2021, No. 263, 05031. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202126305031>

4. Ivanova Z.I. Urban residents' behavior related to energy efficiency and climate change. *Economics and Entrepreneurship*. 1921, No. 6 (131), pp. 1208–1213.
5. Sautkina E.V., Agisova F.B., Ivanova A.A., Ivande K.S., Kabanova V.S. Pro-environmental behavior in Russia: A systematic review of studies. *Experimental Psychology*. 2022, Vol. 15, No. 2. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150213>
6. Golomidova M.V., Gladij A.E. Environmental discourse and aspects of its study in Russian linguistics. *Russian Linguistic Bulletin*. 2024, Issue 5 (53). <https://doi.org/10.60797/RULB.2024.53.15>
7. Pavlenko V.A. Environmental education of students in English classes. *Territory of Science*. 2014, No. 1, pp. 32–35.
8. Barebina N.S., Glyzina V.E., Pashaeva I.V. Preconditions for the formation of ecological approaches in linguistics. *Russian Linguistic Bulletin*. 2023, Issue 4 (40). <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.40.43>
9. Nurusheva D.A. Ecolinguistics as a branch of linguistics. *Fundamental Research*. 2014, No. 5–4, pp. 890–893. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=34018>
10. Ivanova Z., Yudenkova O. Climate consciousness and behaviour of students of a civil engineering university: problems of education. *E3S Web of Conferences*. 2023, No. 389, 08005. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202338908005>
11. Gural S.K., Petrova G.I., Golovko O.S. Linguistic aspects of the formation of professional environmental discourse and environmental awareness in higher education. *PNRPU Bulletin. Problems of Linguistics and Pedagogy*. 2018, No. 3, pp. 127–138. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2018.3.11>
12. Begum A., Liu J., Marwat I.U.K., Khan S., Han H., Ariza-Montes A. Evaluating the Impact of Environmental Education on Ecologically Friendly Behavior of University Students in Pakistan: The Roles of Environmental Responsibility and Islamic Values. *Sustainability*. 2021, No. 13, 10188. <https://doi.org/10.3390/su131810188>
13. National Research Council. *A Framework for K-12 Science Education*. 400 p. ISBN: 978-0-309-21441-4. <https://doi.org/10.17226/13165>
14. Fletcher Ch. The Importance of Environmental Education for a Sustainable Future. *Earth.Org*. 2023. URL: <https://earth.org/environmental-education/>
15. Kravchenko A.V. Sapir-Whorf Hypothesis in the Context of Biology of Cognition. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2007, No. 1 (10), pp. 5–14.
16. UNESCO. *Education for Sustainable Development: A Roadmap*. 2020. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374802>

Инновационные технологии в иноязычном образовательном пространстве высшей школы студентов технических специальностей в современном мире

Карцева Елена Вячеславовна,

доцент кафедры иностранных языков, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет (ННГАСУ)
E-mail: ekartseva@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы использования инновационных технологий в иноязычном образовательном пространстве высшей школы в условиях современного мира. Автор убедительно доказывает, что эта тема крайне важна и имеет практическое значение. В статье отмечается, что в эпоху глобализации и цифровой трансформации образовательного процесса особое значение приобретает формирование иноязычного образовательного пространства в высшей школе. Это пространство становится ключевым инструментом в подготовке специалистов, способных адаптироваться к быстро меняющимся реалиям. В исследовании особое внимание уделяется использованию современных цифровых инструментов и методов обучения, которые помогают повысить эффективность преподавания иностранных языков и лучше интегрировать их в образовательный процесс. Однако автор также поднимает проблему недостаточной практической направленности обучения и ограниченного применения современных технологий. Автор подчеркивает, что для решения этих проблем необходим комплексный подход. По мнению автора, важно помнить, что английский язык – это не просто средство общения, но и ключ к международной профессиональной арене. Поэтому изучение английского языка становится необходимым условием для успешной карьеры студентов-архитекторов.

Ключевые слова: английский язык, интонационные технологии, иноязычное образовательное пространство, высшее образование, цифровизация, языковая подготовка, обучение, виртуальные платформы, межкультурная коммуникация, глобализация.

Введение

На сегодняшний день, можно смело утверждать, что в условиях глобализации и цифровизации, для работы в международной среде, специалисты разных уровней должны обладать серьезными знаниями в иностранных языках, вследствие чего, изменились требования к образованию в вузах. Наиболее важно владение английским языком для студентов технических вузов.

Современное развитие цифровых технологий активно внедряется в образовательный процесс, и их применение становится вопросом конкурентоспособности университетов и выпускников [1]. Вследствие этого, автор статьи ставит своей целью рассмотрение такого вопроса, как применение инновационных технологий в образовательном процессе. Актуальность данной темы состоит в том, что, вопрос использования инновационных технологий в области обучения иностранному языку не до конца изучен, так как является достаточно новой и постоянно развивающейся.

Результаты и обсуждение

Внедрение инновационных технологий влияет на все аспекты обучения, включая преподавание иностранных языков. В последние десятилетия, достижения в области образовательных технологий расширились, предлагая множество ресурсов для преподавания и изучения иностранных языков, в частности английского языка [2].

При этом, новейшие цифровые технологии играют важную роль в изучении английского языка. Широким спектром технологических инструментов для поддержки обучения, обладают также преподаватели. Ввиду обозначенных обстоятельств, иноязычное образовательное пространство становится инструментом подготовки студентов к работе в международной профессиональной среде.

В процессе обучения студентов иностранному языку стало возможным использование инновационных технологий и виртуальной реальности, которые помогают решить проблемы и задачи, связанные с данным обучением. Погружение в профессионально-ориентированную языковую среду является одним из преимуществ виртуальной реальности. Инновационные технологии в обучении (онлайн-курсы, виртуальные классы, мобильные приложения, ИИ, адаптивное обучение) меняют традиционные методы преподавания. В иноязычном образовании эти технологии повышают мотивацию студентов, улучшают языковые навыки и готовят к межкультурной коммуникации [3].

Интерактивные онлайн-курсы и платформы предоставляют доступ к материалам на иностранных языках, работу с международными примерами и обратную связь от преподавателей.

Следует отметить, что английский язык важен для студентов технических, в частности архитектурных направлений, так как освоение английского языка включает изучение базовой грамматики, лексики и специализированной терминологии. Для будущего специалиста важно уметь читать, переводить и использовать англий-

ский для представления проектов, переговоров, обсуждений и научных работ.

Обучение английскому языку архитекторов должно учитывать их профессиональные особенности. Традиционные подходы к обучению должны быть дополнены практическими занятиями, которые могут включать перевод архитектурных чертежей, подготовку презентаций и участие в дискуссиях.

Как мы уже отмечали, архитектурные чертежи и спецификации требуют глубокого понимания терминологии. Существуют специализированные приложения для освоения архитектурной терминологии на английском языке.

Такие системы искусственного интеллекта, как машинный перевод, могут быть полезны при переводе. В связи с чем, преподаватели должны интегрировать инструменты ИИ в учебный процесс для обучения критическому анализу текстов. Также использование искусственного интеллекта дает возможность для создания персонализированных образовательных маршрутов [4].

Виртуальная реальность в обучении имеет преимущество перед другими технологиями, так как студент становится частью моделируемой ситуации. Виртуальные классы и онлайн-курсы позволяют университетам создавать разные направления на иностранных языках. Coursera, edX и Moodle – примеры таких курсов. Применение виртуальной реальности в обучении иностранному языку требует погружения в языковую среду на постоянной основе, и является наиболее продуктивным способом изучения иностранного языка.

Мобильные приложения и геймификация процесса обучения помогают студентам практиковать язык в интерактивной форме и облегчают усвоение материала. AI-программы анализируют ошибки студентов и предлагают дополнительные материалы для устранения пробелов.

Отметим, что на сегодняшний день, организация образовательного процесса основана на смешанном обучении, сочетающем традиционное образование и онлайн-обучение. Смешанное обучение имеет ряд преимуществ, включая гибкость, контакт с людьми, инструменты для автономного обучения и моделирование ситуаций, связанных с работой. Учебные заведения должны предоставлять студенту возможность самостоятельно формировать образовательный маршрут и изучать любой материал или курс.

Если говорить о применении инновационных технологий в процессе обучения иностранному языку, то здесь необходимо брать за основу следующий момент.

Применение инновационных технологий в обучении иностранным языкам в технических вузах открывает невероятные возможности для повышения эффективности и погружения в языковую среду [5]. В случае с обучением иностранному языку в техническом вузе, студенты, используя такие технологии, получают опыт, практически идентичный реальному пребыванию в стране изучаемого языка. Это касается не только восприятия (визуального, аудиального), но и активного использования языка: речевых навыков, умения вести диалог, работать в команде, решать коммуникативные задачи [6]. Такой эффект погружения особенно важен при освоении узкоспециальной лексики, характерной для будущей профессии. Инновационные технологии позволяют моделировать различные сценарии, включая нестандартные ситуации и неожиданные проблемы. Это значительно эффективнее, чем традиционные методы обучения, которые часто ограничиваются чтением, письмом и формальными упражнениями.

Так, образовательные порталы оптимизируют учебный процесс между преподавателями и студентами для продолжения образования на дому и развития знаний. Дистанционное обучение используется по каждому предмету на всех специальностях, позволяя преподавателям размещать материалы, давать задания и проводить тесты.

Однако несмотря на то, что потенциал инновационных технологий в образовании практически безграничен, надо признать и тот факт, что он не полностью реализован и данная технология массово не используется. Многие технические вузы сталкиваются с рядом препятствий на пути внедрения подобных инноваций [7]. Прежде всего, это финансовые затраты на приобретение необходимого оборудования (мощные компьютеры, специализированное программное обеспечение) и подготовку преподавателей. Требуются дополнительные инвестиции в разработку качественного образовательного контента, адаптированного к специфике разных специальностей. Кроме того, необходимо учитывать эргономические аспекты использования инновационных технологий.

Заключение

В качестве заключения, на основании вышеизложенного материала, можно сделать следующие выводы.

Важно и целесообразно разрабатывать учебные программы, предусматривающие интеграцию инновационного обучения в существующую систему образования. Часто английский язык преподается как отдельная дисциплина, не связанная с профессиональной подготовкой. Необходимо пересмотреть учебные планы, встроить инновационные технологии в междисциплинарные курсы, чтобы студенты применяли изучаемый язык в контексте своей специальности. Для этого требуется сотрудничество преподавателей разных дисциплин, разработка совместных учебных планов и материалов. Также важно обеспечить доступ студентов к качественным интернет-ресурсам, необходимым для работы с инновационными платформами и дополнительными образовательными материалами.

Внедрение инновационных технологий требует не только финансовых инвестиций, но и систематической работы по повышению квалификации преподавателей. Им необходимо освоить новые методы преподавания, научиться использовать инновационные инструменты и разрабатывать эффективные учебные программы. Постоянное обновление и совершенствование образовательных материалов также является необходимым условием успешного применения инновационных технологий в образовании. Только комплексный подход, включающий в себя технологические, педагогические и организационные аспекты, позволит полностью раскрыть потенциал инновационных технологий в обучении иностранным языкам в технических вузах.

Литература

1. Дьяченко, Н.А. Инновационные технологии в образовании: теоретические и практические аспекты. – М.: Владос, 2019.
2. Громова, М.А. Современные технологии в обучении иностранным языкам в высшей школе. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2017.
3. Кириллова, Е.С. Иноязычное образовательное пространство в условиях глобализации. – М.: Наука, 2020.

4. Волкова, Н.А. Иноязычное образование в университетах: тенденции и инновации. – М.: КНОРУС, 2021.
5. Маркова, М.А. Иноязычное образовательное пространство в высшей школе в условиях международной интеграции. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2019.
6. Соколова, Н.П. Модернизация образовательного процесса с использованием инновационных технологий. // Проблемы образования (журнал), 2021. – № 5.
7. Чернова, Н.В. Цифровизация образовательной среды: инновационные технологии и новые подходы. – М.: Высшая школа экономики, 2020.
8. Blin, F., & Munoz, C. (2008). "Using Information and Communication Technologies for Language Learning: A Review of the Literature." *Computers & Education*, 50(3), 1033–1053.
9. Hockly, N. "Digital Literacies." *ELT Journal*, 72(3), 2018, 294–303.
10. Godwin-Jones, R. "Emerging Technologies: Language Learning and the Internet of Things." *Language Learning & Technology*, 22(3), 2018, 3–17.

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE FOREIGN LANGUAGE EDUCATIONAL SPACE OF HIGHER EDUCATION FOR STUDENTS OF TECHNICAL SPECIALTIES IN THE MODERN WORLD

Kartseva E.V.

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering

This article highlights important issues related to the use of innovative technologies in the study of foreign languages in higher education institutions in the modern world. The author convincingly demonstrates that this topic has not only theoretical but also practical significance. In the era of globalization and digital transformation of the educational process, special attention is paid to the formation of a foreign language educational space in higher education institutions. This space is becoming a key tool in training specialists who

are able to adapt to rapidly changing realities. The study focuses on modern digital tools and teaching methods that help improve the effectiveness of teaching foreign languages and more effectively integrate them into the educational process. However, the author also draws attention to the problem of insufficient practical focus of training and limited use of modern technologies. A comprehensive approach is required to solve these problems.

Keywords: intonation technologies, foreign language educational space, higher education, digitalization, language training, virtual platforms, intercultural communication, globalization.

References

1. Dyachenko, N.A. Innovative technologies in education: theoretical and practical aspects. – М.: Vados, 2019.
2. Gromova, M.A. Modern technologies in teaching foreign languages in higher education. – St. Petersburg: Publishing House of RSPU, 2017.
3. Kirillova, E.S. Foreign language educational space in the context of globalization. – М.: Nauka, 2020.
4. Volkova, N.A. Foreign language education at universities: trends and innovations. – М.: KNORUS, 2021.
5. Markova, M.A. Foreign language educational space in higher education in the context of international integration. – St. Petersburg: Publishing House of RSPU, 2019.
6. Sokolova, N.P. Modernization of the educational process using innovative technologies. // *Problems of education (journal)*, 2021. – No.5.
7. Chernova, N.V. Digitalization of the educational environment: innovative technologies and new approaches. – М.: Higher School of Economics, 2020.
8. Blin F., Munoz K. (2008). "The use of information and communication technologies for language learning: a literature review". *Computers and education*, 50 (3), 1033–1053.
9. Hockley, N. "Digital literacy". *ELT Magazine*, 72(3), 2018, 294–303.
10. Godwin-Jones R. "New technologies: language learning and the Internet of Things". *Learning languages and technology.*, 22(3), 2018, 3–17.

Лексико-грамматические особенности научного текста: категории проспекции и ретроспекции в русском и французском языках

Кобзева Ольга Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации НИУ МГСУ
E-mail: fleurka2008@yandex.ru

Федорова Елена Леонидовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина
E-mail: elfedor2016@yandex.ru

Анализ категорий проспекции и ретроспекции в научных текстах имеет важное значение для понимания научной коммуникации. Рассматривая специфические выражения времени, влияющие на структуру и восприятие научной информации, можно понять структуру научного текста. Анализ лексических и грамматических элементов способствует выявлению временных связей в текстах. Указанные категории освещаются с точки зрения характерных особенностей лексики: временные маркеры, синтаксис. Данный анализ позволяет выявить особенности научного дискурса в двух языках. Основываясь на полученных выводах можно говорить о том, что в обоих языках используются похожие лингвистические механизмы для передачи временных отношений, а также экстралингвистические средства. Полученные результаты могут быть интересны лингвистам, занимающимся типологией текста, а также оказаться важными при изучении иностранного языка, написания научных статей учащимися.

Ключевые слова: проспекция, сравнительный анализ, лексические маркеры, ретроспекция, научная коммуникация, языковые характеристики, типология текста.

В последнее время растет интерес к изучению таких категорий как проспекция и ретроспекция, это может быть связано с вниманием к средствам передачи временных отношений в текстах, способствующих выстраиванию научного текста. Четкая структура высказывания, представленная определенной последовательностью, способствует ясному и понятному представлению результатов научного исследования. Связь прошлых исследований с новыми, полученными в ходе экспериментов, опросов, способствует установлению прочных связей в текстах научной коммуникации.

Русский и французские языки представляют собой разные грамматические языковые системы, однако изучение категорий в проспекции и ретроспекции с точки зрения наполненности лексическими средствами, способствуют более точному пониманию научных исследований. Также создает возможность обмена научными знаниями между двумя странами.

Целью данного исследования является анализ лексических и грамматических особенностей проспекции и ретроспекции в русском и французском научном дискурсе. В данной работе используется метод сравнительного анализа, который позволяет выявить общие характеристики и специфические различия в культурно-коммуникативных доминантах двух лингвокультур.

Актуальность данной темы определена необходимостью в теоретических знаниях, связанных с проспекцией и ретроспекцией в научном дискурсе (русский и французский языки). Практическая база позволяет совершенствовать навыки в научной лингвосреде и межкультурной коммуникации. Результаты работы могут быть использованы как исследователями и лингвистами, так специалистами в теории языка, занимающихся переводом научных статей. Таким образом, данное исследование позволит внести огромный вклад в развитие научной коммуникации в контексте разносистемных лингвокультур.

В работе были применены следующие методы исследования:

1. Сравнительный анализ: Этот метод позволил сопоставить использование лексико-грамматических средств проспекции и ретроспекции в обоих языках. Были выявлены как общие черты, так и специфические различия в их функционировании.

2. Дискурс-анализ: Исследование текста как целостного дискурса привело к пониманию, как проспекция и ретроспекция функционируют в рамках большей текстовой структуры.

3. Синтаксический анализ: Детальный анализ синтаксической структуры предложений, содержащих выражения временных отношений, выявил грамматические конструкции, которые используются для выражения проспекции и ретроспекции в каждом из языков.

4. Лексический анализ: Исследование значений и употребления ключевых слов и фраз, связанных с временными аспектами, позволил выявить специфические лексические особенности функционирования проспекции и ретроспекции в обоих языках.

Интерес к разным стилям текста, проблемам текстовых исследований в последнее время очень высок.

Проблемами функционально-стилевой типологии занимались следующие ученые: И.Р. Гальперин «Текст как объект лингвистического исследования» [1], В.К. Гречко «Синтаксис немецкой научной речи: элементарное предложение» [2], М.Н. Кожина «Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста» [3], [4], [5], М.П. Котюрова «Культура научной речи: текст и его редактирование» [6], Л.М. Майданова «Речевая интенция и типология вторичных текстов» [7], Т.В. Матвеева «Функциональные стили в аспекте текстовых категорий» [8], Л.А. Метелькова «Лексические и синтаксические особенности жанра научного доклада (на примере французского языка)» [9], З.Я. Тураева «Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика)» [10] и многие другие.

Я.А. Чиговская-Назарова в статье, посвященной изучению категорий проспекции и ретроспекции отмечает, что они «выступают в текстообразующей функции, поскольку без опоры на них не может происходить вербализация научной мысли автора, т.е. сам процесс развертывания (динамики) целого научного произведения, в котором каждый элемент структуры рассматривается ретроспективно и проспективно». Исследователь отдельно выделяет экстралингвистические основания, называя их фундаментом научной речи, категоризации понятий [11].

Указанные выше категории являются результатом мыслительного процесса исследователя, стремящегося в тексте зафиксировать полученные результаты, делегировать им определенный семантический функционал:

«— *содержательно-смысловой* (глубинный), тесно связанный с когнитивной деятельностью автора/ученого; — *композиционно-структурный* (поверхностный), являющийся собственно коммуникативным, направленным на читателя» [11].

Для формулирования понятий проспекции и ретроспекции в научном тексте необходимо включить еще одно понятие функционально-семантических стилей коммуникации, которое способствует пониманию логической структуры текста.

Таким образом, под понятием проспекции нами понимается: развития авторской мысли, обусловленное четкой структурой текста, плавным переход от одного аргумента к другому, позволяющее читателю ориентироваться в структуре и логике изложения. Она включает в себя ссылки на предшествующий контекст, а также на уже известную информацию, что помогает лучше понять авторскую концепцию. Ретроспекция – это процесс осмысления автором исследования предшествующего опыта, знаний или информации, который позволяет установить связь между уже известными данными и текущей концепцией. Она может служить средством для обоснования новых идей, создавая связь прошлого и нового опыта, позволяя увидеть полный контекст исследуемой проблемы.

В обоих языках для обозначения проспекции и ретроспекции используются разнообразные лексико-грамматические конструкции:

1. Использование временных форм

Русский язык: Применяются формы будущего времени (В исследовании подробно рассмотрим...) для проспекции, тогда как ретроспекция часто оформляется прошедшими временами (В выводе выделено два важных аспекта, влияющие на ..., В заключении были отмечены следующие особенности категории времени глагола) с акцентом на аспекты действия.

Стоит отметить, что, как правило, проспекция будет связана в структуре научного текста с введением, моделированием результата, постановкой задач и цели,

а также методологией исследования. Ретроспекция может быть связана со следующими частями: введение, где, как правило размещена апелляция к ранее изученному, в промежуточных выводах, а также итоговых полученных результатах.

Таким образом, структура научного текста требует четкого обозначения временных отношений, что позволит легко понимать последовательность исследований и результатов.

2. Лексические маркеры

Под лексическими маркерами нами понимаются слова и выражения, которые помогают обозначить временные отношения в языке. Выделены следующие словесные маркеры:

Например: «предстоит», «планируется», «в перспективе» и др.:

В последующих исследованиях следует учесть факторы...Предстоит изучить дополнительные источники...В перспективе данная тема будет рассмотрена с точки зрения...

Маркеры ретроспекции, например: «в итоге», «исходя из результатов», «в соответствии с предыдущими данными», «на основании проведенных исследований», «анализ данных», «согласно данным» и др.

В соответствии с предыдущими полученными результатами можно сделать следующий вывод...Анализ данных позволяет сделать следующие выводы...Исходя из полученных результатов фонематические исследования являются...

Эти маркеры создают четкие временные ориентиры и помогают уточнить контекст высказывания. Четко определить логическую последовательность развития научной мысли.

3. Синтаксические структуры

Синтаксические структуры русского языка также играют важную роль в выражении проспекции и ретроспекции. К основным структурным особенностям можно отнести:

Преобладание в тексте сложносочиненных и сложноподчиненных предложений: В таких структурах временные отношения могут быть более явно выражены. Например:

Хотя предыдущие исследования не учитывали этот аспект, новые данные позволяют предположить, что он играет значимую роль в выявлении общей картины (ретроспекция)

Поскольку основной вопрос исследования оставался нерешённым, авторы решили провести дополнительные эксперименты, которые должны были дать более точные результаты (ретроспекция).

Анализ семантической структуры предложений позволяет выявить скрытые смысловые отношения, и это открывает новые горизонты для всех, кто интересуется когнитивными аспектами языка (проспекция).

Лексикографы стремятся обновлять словари в соответствии с динамикой языка, и этот процесс требует обширного анализа новых слов и фраз, которые появляются в речевом употреблении (проспекция).

Лексико-грамматические особенности проспекции и ретроспекции во французском языке

В научном дискурсе французского языка проспекция и ретроспекция играют ключевую роль в организации и интерпретации текста. Эти два аспекта временной структуры не только помогают структурировать инфор-

мацию, но и позволяют читателю лучше понять логику изложения. В языке проспективные и ретроспективные значения выражаются с помощью различных временных форм, лексических единиц и синтаксических структур. Эти аспекты позволяют говорящему четко передавать временные отношения между событиями. Рассмотрим каждую категорию подробнее.

Использование временных форм

Во французском языке существует несколько временных форм, которые активно используются для обозначения будущего (проспекция) и прошлого (ретроспекция).

- Настоящее время (le présent): используется для выражения, как текущих действий, так и фактов, которые могут подразумевать будущее. Например: «*Nous pouvons conclure que les données sont fiables afin de les utiliser ultérieurement comme matériel pratique*». (Можно сделать вывод, что данные достоверны, чтобы в дальнейшем использовать их в качестве практического материала) – действие, которое подразумевает будущее, но выражается в настоящем.
- Прошедшее время (le passé): Для ретроспекции используются различные формы прошедшего времени:
 - Passé composé: указывает на завершенные действия в прошлом, часто используется в устной речи. Например: «*L'étude a été réalisée en 2020*» (Исследование было проведено в 2020 году) указывает на завершенное действие, которое необходимо для понимания текущего контекста.
 - Imparfait: используется для описания действий в научном тексте, происходивших в прошлом, в течение определенного времени или для обозначения фона. Р.е.х. «*Bien que les moyens de verbalisation des facteurs cinétiques ont déjà été envisagés à partir de diverses positions, mais les questions liées aux aspects pragmatiques n'ont pas été abordées ou restaient controversées*. (Хотя способы вербализации кинетических факторов уже анализировались с различных позиций, но, вопросы, связанные с прагматическими аспектами, не рассматривались или остаются спорными).
 - Plus-que-parfait: указывает на действие, которое произошло до другого действия в прошлом. Р.е.х.: «*Il convient de souligner qu'un certain nombre de principes méthodologiques sont mentionnés dans la littérature scientifique, mais le principe de l'éducation bilingue avait déjà été envisagé par les scientifiques précédemment*». (Следует подчеркнуть, что ряд методических принципов упоминался в научной литературе, однако принцип билингвального образования уже рассматривался учеными ранее).
- Будущее время (le futur): Основные формы будущего времени включают:
 - Futur simple: обозначает действия, которые произойдут в будущем. Р.е.х.: «*Nous examinerons les résultats de l'étude*» (Мы рассмотрим результаты исследования), где глагол «*examiner*» стоит в будущем времени, указывая на предстоящее действие. Кроме того, использование модальных глаголов, таких как «*devoir*» (должен) и «*pouvoir*» (мочь), также являются характерным для проспекции. Например, фраза «*Cette recherche devra apporter des réponses*» (Это исследование должно дать ответы) демонстрирует ожидание будущих результатов.
 - Futur antérieur: используется для выражения действия, которое будет завершено до определенного момента в будущем. Р.е.х. «*Quand tu décriras les méthodes de recherche, j'aurai déjà examiné les résultats*

de l'étude. (Когда ты опишешь методы исследования, я уже изучу результаты работы).

Лексические маркеры

Лексические маркеры не просто структурируют информацию, но формируют осмысленность и восприимчивость научного текста. Правильное использование этих элементов способствует более эффективной коммуникации научных идей и результатов, демонстрируя богатство и разнообразие языка, используемого в научном дискурсе. Лексические единицы также играют важную роль в обозначении временных отношений:

- Слова и выражения, указывающие на будущее:
 - Временные маркеры, такие как «*dans le futur*» (в будущем), «*prochainement*» (в ближайшее время), «*à venir*» (предстоящий), «*ultérieurement*» (в дальнейшем) активно используются для обозначения временной перспективы. Эти маркеры помогают читателю ориентироваться в структуре текста и понимать, какие аспекты будут рассмотрены в дальнейшем и создают проспективный контекст, помогая определить, что речь идет о будущем. Р.е.х.:
 - *Ultérieurement nous considérerons l'essence de la compétence interculturelle, sa spécificité par rapport à divers contextes ethnoculturels*. (В дальнейшем, мы рассмотрим сущность межкультурной компетенции, ее специфику применительно к различным этнокультурным контекстам);
 - *Prochainement, nous analyserons la fréquence de fonctionnement de la kinésique en russe et en français*. (В ближайшее время мы проанализируем частотность функционирования кинесики в русском и французском языках).
 - Слова и выражения, указывающие на прошлое:
 - временные маркеры, такие как «*auparavant*» (ранее), «*dans le passé*» (в прошлом) и «*précédemment*» (ранее). Эти выражения помогают создать временной контекст, который необходим для правильной интерпретации текста. Например, предложение «*Auparavant, nous avons observé que...*» (Ранее мы наблюдали, что...) подчеркивает, что выводы следуют из предшествующих работ, а значит, зависят от установленной базы знаний. Это не только демонстрирует уважение к предшественникам в научной области, но и подтверждает актуальность рассматриваемых вопросов.
 - *Auparavant, les moyens de verbaliser les facteurs cinétiques avaient déjà été envisagés à partir de différentes positions et en utilisant le matériel de différentes langues*. (Ранее, средства вербализации кинетических факторов уже рассматривались с различных позиций и на материале различных языков).

Таким образом, временные маркеры не просто логические конструкции, но и важные инструменты для создания аргументированной научной работы, которые подготавливают читателя к обсуждению предыдущих результатов и выводов, и добавляют ретроспективный фокус в научный дискурс.

Синтаксические структуры

Синтаксис во французском языке также может изменять временные отношения. Он помогает создать логическую последовательность и делает текст более понятным. Например, использование союзов, таких как: «*d'abord*» (сначала), «*ensuite*» (затем) и «*finalement*» (в конечном итоге), помогает структурировать информацию и направляет читателя по логической линии рассуждений. В простых предложениях научного дискурса, можем наблюдать проспекцию. Р.е.х.: *D'abord, l'auteur souligne l'ignorance*

des traditions d'autres cultures... ensuite, les spécialistes ont de grandes difficultés à comprendre le sens de la communication interculturelle... et, finalement, on a des échecs de communication... (Во-первых, автор подчеркивает незнание традиций других культур... затем, специалисты испытывают большие трудности с пониманием смысла межкультурной коммуникации... и, наконец, имеются коммуникативные неудачи...).

В сложных предложениях можно отметить следующие союзы:

- *quand, lorsque (когда)* указывают на будущее время, а также его использование выражается через глагольные формы, что может создавать дополнительный уровень сложности при переводе с французского языка: «*Lorsque nous analyserons les données, nous verrons que...*» (Когда мы проанализируем данные, мы увидим, что...).
- употребление косвенной речи, при передаче мыслей о будущем или прошлом. Р.ех.: «*J. Walsh a souligné que la personnalité universelle possède des caractéristiques qui implique une compréhension des pensées, des sentiments et des croyances des représentants d'autres cultures*» (Дж. Уолша подчеркнул, что универсальная личность обладает характеристиками, которая предполагает понимание мыслей, чувств и верований представителей других культур). Здесь сам процесс передачи мысли имеет проспективный смысл.
- Условные предложения с *Si (если)*, которые могут связывать гипотетические ситуации с реальными событиями в прошлом. Р.ех.: «*Si les chercheurs avaient suivi cette méthode, ils auraient obtenu des résultats différents*» (Если бы ученые следовали этому методу, они получили бы другие результаты). Здесь конструкция «*Si... avaient suivi*» указывает на действие, которое не произошло в прошлом, и его возможные последствия демонстрирует ретроспективный анализ.

Кроме того, синтаксические структуры, отражающие временные отношения, включают в себя различные грамматические конструкции, такие как сложноподчиненные предложения, которые позволяют авторам связывать события в прошлом с настоящим или будущим. Например, использование прошедшего времени (*passé composé, imparfait*) в сочетании с настоящим временем (*présent*) позволяет автору указать на то, что определенное событие произошло в прошлом, но его последствия актуальны в настоящем. В научных текстах это может выглядеть следующим образом: Р.ех. «*Les résultats de l'expérience ont montré que...*», где «*ont montré*» указывает на завершённое действие, а «*que*» вводит новое утверждение, актуальное в настоящем дискурсе.

Также стоит отметить, что в научном дискурсе часто используются сложные предложения, в которых комбинируются элементы проспекции и ретроспекции с использованием сослагательного наклонения *Subjonctif*. Это позволяет автору более глубоко анализировать данные и делать выводы на основе как прошлых, так и будущих исследований. Например, предложение «*Bien que l'étude précédente ait montré des résultats significatifs, nous devons explorer de nouvelles avenues de recherche*» (Хотя предыдущее исследование показало значительные результаты, мы должны исследовать новые направления) демонстрирует сочетание ретроспекции и проспекции, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований.

Таким образом, можно сделать заключение, что грамматические особенности проспекции и ретроспекции во французском языке хорошо отделяют временные

уровни, позволяя говорящим точно передавать временные отношения между событиями. Использование различных временных форм, лексических маркеров и синтаксических структур способствует более глубокому пониманию и осмыслению временных аспектов в коммуникации.

Аналогичные функции выполняют французские лексические маркеры, такие как «*d'abord*», «*cependant*», «*par conséquent*», «*en conséquence*». Например: «*D'abord, les résultats de l'expérience confirment l'hypothèse, cependant des recherches supplémentaires sont nécessaires*» (Во-первых, результаты эксперимента подтверждают гипотезу, однако необходимы дальнейшие исследования).

Французский научный дискурс, в свою очередь, может демонстрировать большую гибкость в использовании синтаксических структур и лексических форм. Например, конструкции с «*en outre*» или «*par ailleurs*» могут выступать не только как маркеры, но и как средства расширения темы, что позволяет французским авторам более изысканно и детально подходить к исследуемым вопросам. В итоге, понимание этих нюансов в использовании лексических маркеров способствует более точному восприятию научных текстов и их глубокому анализу. Изучение и сопоставление этих аспектов помогает повышать эффективность научной коммуникации и улучшать навыки критического мышления у исследователей разных культур.

Научные тексты русского языка чаще используют прошедшее время для описания завершённых экспериментов и исследований, а также настоящее время для описания общепринятых фактов. Например: «*В нашем исследовании мы выявили, что...*»

Во французском языке также преобладает использование прошедших временных форм в сочетании с настоящим временем. Однако более формальная структура, как правило, включает использование *passé composé* и *imparfait* для различения между завершёнными и продолжающимися действиями. Пример: «*Dans notre étude, nous avons découvert que les méthodes composantes, contextuelles et de linguistique mathématique ont également été utilisées*» (В нашем исследовании мы обнаружили, что также использовались методы компонентной, контекстуальной и математической лингвистики).

Сравнение показывает, что оба языка стремятся обеспечить понятность и последовательность научной речи, но показывают различия во временных формах, что связано с грамматическими особенностями двух языков. В русском языке предложения чаще имеют свободный порядок слов, что позволяет акцентировать важные элементы. Часто используются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения для выражения сложных идей, например: «*Полученный результат исследования показал, что... и это может свидетельствовать о том, что...*»

В отличие от свободного порядка слов в русском языке, во французском используются более жесткие синтаксические структуры, где порядок слов играет ключевую роль. Сложные структуры тоже распространены, например: «*L'analyse des données a montré que... et cela peut indiquer que...*»

- *L'analyse des textes littéraires a montré que dans la fiction russe, les plus représentatifs sont les VRK complexes (gestes, expressions faciales, mouvements corporels) 42,4%*. (Анализ художественных текстов показал, что в русской художественной литературе наиболее репрезентативными являются комплексные ВРК (жесты, мимика, телодвижения) 42,4%).

Таким образом, хотя оба языка используют сложные синтаксические структуры для формулировки научных

выводов, их порядок и предпочтения различаются, что влияет на восприятие текста. Проведенный анализ демонстрирует, что русский и французский языки, несмотря на различия в лексических маркерах, временных формах и синтаксических структурах, стремятся к ясности и логичности в научной речи. Исследование этих аспектов позволяет лучше понимать не только язык, но и культурные различия в восприятии научной информации.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука, 1981. – 139 с.
2. Гречко В.К. Синтаксис немецкой научной речи: элементарное предложение / В.К. Гречко. Ленинград: ЛГУ, 1985. – 160 с.
3. Кожина М.Н. Пути развития стилистики русского языка во второй половине XX в. // *Stylistyka VI*. Opole, 1997. – 356 с.
4. Кожина М.Н. Смысловая структура текста в аспекте стилистики научного текста // *Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв.* / Под ред. М.Н. Кожинной. Т. 2, ч. 1. Пермь, 1996. – 420 с.
5. Кожина М. Н. О диалогичности письменной научной речи. Пермь, 1986. – 244 с.
6. Котурова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование: учебное пособие. Москва, 2008. – 297 с.
7. Майданова Л.М. Речевая интенция и типология вторичных текстов // *Человек. Текст. Культура*. Екатеринбург, 1994. – С. 81–90.
8. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1990. – 170 с.
9. Метелькова Л. А., Яландаева А.О. Лексические и синтаксические особенности жанра научного доклада (на примере французского языка) // *Юность Большой Волги: сб. статей.* – Чебоксары: Бюджетное образовательное учреждение Чувашской Республики дополнительного образования «Центр молодежных инициатив» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, 2019. – С. 183–184.
10. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): Учеб. пособие для пед. ин-тов. Москва. Просвещение, 1986. – 121 с.
11. Чиговская-Назарова Я.А. Категории проспекции и ретроспекции в русских научных текстах // [Электронный источник] URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/56.html> (дата обращения: 01.11.2024).

LEXICAL AND GRAMMATICAL FEATURES OF SCIENTIFIC TEXT: CATEGORIES OF PROSPECT AND RETROSPECTION IN RUSSIAN AND FRENCH

Kobzeva O.V., Fedorova E.L.

National Research University Moscow State University of Civil Engineering, State Institute of the Russian Language named after A.S. Pushkin

The analysis of the categories of propection and retrospection in scientific texts is important for understanding scientific communication. By considering specific expressions of time that affect the structure and perception of scientific information, one can understand the structure of a scientific text. The analysis of lexical and grammatical elements helps to identify temporal relationships in texts. These categories are covered from the point of view of the characteristic features of vocabulary: temporal markers, syntax. This analysis allows us to identify the features of scientific discourse in the two languages. Based on the findings, we can say that both languages use similar linguistic mechanisms to convey temporal relations, as well as extralinguistic means. The results may be of interest to linguists involved in text typology, and may also be important in studying a foreign language, writing scientific articles by students.

Keywords: propection, comparative analysis, lexical markers, retrospection, scientific communication, linguistic characteristics, text typology.

References

1. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka, 1981. – 139 p.
2. Grechko V.K. Syntax of German scientific speech: elementary sentence / V.K. Grechko. Leningrad: LSU, 1985. – 160 p.
3. Kozhina M.N. Paths of development of stylistics of the Russian language in the second half of the 20th century // *Stylistyka VI*. Opole, 1997. – 356 p.
4. Kozhina M.N. Semantic structure of the text in the aspect of stylistics of the scientific text // *Essays on the history of the scientific style of the Russian literary language of the 18th-20th centuries* / Ed. M.N. Kozhina. Vol. 2, part 1. Perm, 1996. – 420 p.
5. Kozhina M.N. On the dialogic nature of written scientific speech. Perm, 1986. – 244 p.
6. Kotyurova M. P., Bazhenova E.A. Culture of scientific speech: text and its editing: study guide. Moscow, 2008. – 297 p.
7. Maidanova L.M. Speech intention and typology of secondary texts // *Man. Text. Culture*. Ekaterinburg, 1994. – P. 81–90.
8. Matveeva T.V. Functional styles in terms of text categories. Sverdlovsk: Publishing house of the Ural University, 1990. – 170 p.
9. Metelkova L. A., Yalandaeva A.O. Lexical and syntactic features of the scientific report genre (on the example of the French language) // *Youth of the Bolshoi Volga: collection of articles.* – Cheboksary: Budget educational institution of the Chuvash Republic of additional education 'Centre for Youth Initiatives' of the Ministry of Education and Youth Policy of the Chuvash Republic, 2019. – С. 183–184.
10. Turaeva Z. Ya. Text linguistics: (Text: structure and semantics): Study guide for ped. inst. Moscow. Education, 1986. – 121 p.
11. Chigovskaya-Nazarova Ya.A. Categories of propection and retrospection in Russian scientific texts // [Electronic source] URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2014/8-1/56.html> (date accessed: 01.11.2024).

«Ничто» как языковой конструкт: логико-семантический механизм репрезентации абстрактного объекта (на материале текстов Чеслава Милоша)

Иванова Светлана Сергеевна,

доцент кафедры русского языка как иностранного,
Национальный исследовательский Московский
государственный строительный университет
E-mail: svetlana-ivanowa@yandex.ru

В рамках представленной статьи рассматривается лингво-семиотический механизм отображения / конструирования абстрактного объекта *Ничто* (*Nic, piscość*). Мы исходим из положения о том, что язык есть «творящий конструктор» (термин Станислава Лема), способный «создавать» объекты, отсутствующие в границах эмпирического опыта человека. Языковое / текстовое отображение таких абстракций, как *Ничто*, *вечность*, *Бог* и др. осуществляется одновременно как их конструирование в текстовом пространстве, и текст выступает возможным миром, обеспечивающим «существование» такого рода предметов.

Ключевые слова: репрезентация, знак, семиозис.

Введение

Язык, будучи знаковой системой, способен отображать объекты, имеющие различный онтологический статус. Так, с одной стороны, он репрезентирует онтологическую реальность: как природные объекты, так и артефакты. Они составляют эмпирически данную (чувственно воспринимаемую) реальность и доступны аудиальному, визуальному, тактильному и др. восприятию. С другой же стороны, в языке наличествуют инструменты и для репрезентации таких «предметов», которые постижимы лишь посредством разума. Такие объекты можно назвать абстрактными, «фиктивными», воображаемыми, поскольку они образуют ментальные миры. Они часто «настолько абстрактны, что их невозможно идентифицировать с реально существующими предметами и явлениями» [5].

Актуальность представленной работы заключается в том, что в ней предпринимается попытка осмысления лингво-семиотического механизма репрезентации абстрактного объекта *Ничто* в текстовом / возможном мире. Исследование входит в парадигму междисциплинарных когнитивно-семиотических исследований, анализирующих взаимодействие говорящего субъекта с языком и реальностью (как онтологической, так и семиотической).

Мы рассмотрим, как происходит языковая и текстовая репрезентация абстрактного объекта *Ничто*, на материале текстов польского поэта и философа, лауреата Нобелевской премии по литературе (1980 г.) Чеслава Милоша (1911–2004) [6]. Выбор текстов также является актуальным, поскольку творческое наследие Ч. Милоша, малоизвестного российской аудитории, изучено недостаточно. Подчеркнем, что тексты Ч. Милоша в данной статье представлены в нашем переводе.

Результаты и обсуждение

Сущности, которые имеют идеальную, недискретную природу и которые, как следствие, не могут быть доступны органам чувств, мы в рамках данной работы будем называть абстрактными. Таковы, например, *Ничто*, *Бог*, *вечность*, *красота*, *бесконечность* и др.

Их онтологическая природа такова, что они не дают нам возможности острого указания, *ad oculos*. Об этом говорит, в частности, Г.Л. Тульчинский: человек никогда не видел «истину, свободу, красоту, добро, идею как таковые», так же как никто не видел вселенную или первопричину ее возникновения (*bora*) [3]. В контексте философских взглядов Чеслава Милоша такие сущности составляют «*podszewkę świata*», его экзистенциальное основание [6].

Язык, репрезентируя мир, конструирует семиотическую реальность, которая является относительно изоморфной реальности. По существу, онтологическая и семиотическая реальность существуют как взаимодополняющие. В случае же с репрезентацией абстрактных объектов мы можем говорить лишь о том, что их существование всецело обеспечивается языковыми структу-

рами. В этом смысле язык не столько отображает их, сколько конструирует, создает в текстовом пространстве. И текст выступает в качестве возможного мира, «поддерживающего» существование такого рода объектов.

Таким образом, в процессе языковой / текстовой репрезентации абстрактных объектов реализуется принцип *esse est representari*: быть, существовать – значит быть отображенным / сконструированным языковыми средствами [1]. Как отмечал польский писатель и философ Станислав Лем, язык является своего рода «генератором» метафизического мира. По его мнению, язык – это такой же инструмент для научных изысканий, как и любые другие, с ним мы тоже можем ставить опыты. А создание особой, абстрактной реальности является одним из таких опытов [2].

В основание механизма лингвистического конструирования / репрезентации абстрактного объекта *Ничто* в корпусе текстов Чеслава Милоша мы положим концепцию Ю.С. Степанова о таких операциях, которые приводят в действие систему языка, а именно номинации, предикации, локализации.

Номинация – это процесс называния, именования референта. В процессе предикации осуществляется наделение референта свойствами, качествами (так называемые внутренние предикаты), также описание отношений между данным референтом и его окружением (так называемые внешние предикаты). Локализация – это «размещение» абстрактного объекта в возможном мире текста [4].

Механизмы номинации, предикации и локализации соотносимы с тремя «измерениями» семиозиса, о которых говорил Ч.У. Моррис, а именно семантикой, синтактикой, прагматикой [4].

Семантика представляет собой семиотическое измерение, в котором репрезентируется отношение знака к отображаемому им референту; оно основано на номинации объекта.

Синтактика есть измерение семиозиса, представляющее отношение знака к контексту, в котором последний функционирует. Синтактика основывается на такой операции, как предикация.

Наконец, прагматика показывает отношение знака к говорящему субъекту; она основывается на такой операции, как локализация референта в рамках языка / текста.

Итак, в качестве инструмента номинации абстракции в текстах Чеслава Милоша выступают лексемы *Nic*, *nicość*.

С точки зрения морфологии, *Nic* представляет собой местоимение с субстантивной семантикой. В польском языке суффикс *-ość* (*nicość*) имеет «вещное» значение. Благодаря такому факту данная сущность мыслится говорящими в качестве некоей субстанции, то есть наделяется чертами именно предмета реальности. В пространстве текстов Чеслава Милоша *Ничто* репрезентируется как индивидуальное имя (не случайно в этом смысле его написание с заглавной буквы). Как ни парадоксально, но, отрицая существование *Ничто*, язык при этом конструирует его как «нечто».

С лингвосемиотической точки зрения, лексема *Ничто* представляет собой символический знак, обладающий множественностью интерпретаций. Отсюда, однозначная интерпретация невозможна, и это хорошо видно в процессе анализа философских текстов, обращенных к осмыслению такой категории. У каждого философа (а также и у Чеслава Милоша как поэта-философа) своя семантическая нагруженность этого знака.

Мысль о том, что благодаря языковым инструментам то, что, казалось бы, не существует, писатель может «вызвать к жизни», неоднократно звучит у Ч. Милоша. Будучи поэтом-философом, он неоднократно обращается к осмыслению лингвистической проблематики. Так, в тексте «Встреча» он констатирует:

To było dawno. Dzisiaj już nie żyją

Ni zając, ani ten, kto go wskazywał...

(Это было давно. Сегодня уже не живы

Ни заяц, ни тот, кто на него указывал...) [6]

Несмотря на то что человек или животное уже ушли из этого мира, они остаются как в сознании говорящего субъекта, так и в мире текстов о них. Так же происходит и с абстракцией *Ничто*, которую «вызывают к жизни» тексты поэта.

Вслед за номинацией объекта автор наделяет его качествами, свойствами, характеристиками. В текстах Ч. Милоша к абстракции *Ничто* приписываются как внутренние, так и внешние предикаты.

Так, внутренние репрезентируют такие свойства объекта, как способность порождать нечто:

Nicość ... zrodzić może tylko nicość...

(Ничто... породить может только ничто...) [6]

Кроме того, *Ничто*, по мысли Ч. Милоша, может иметь цвет и способность к перемещению:

A jednak nisko, w samym poszyciu istnienia, jak w kurzeni lasu... pełnie rozpoznawalna tylko trzepotliwym łęku małych stworzeń nieprzeblądana stalowoszara nicość... *(Однако низко, у самого истока бытия, словно возле лесных корней... ползет, опознаваемая лишь по трепещущему ужасу маленьких созданий недостойное прощенья несуществование серо-стального цвета...)* [6]

Наделяя метафизическую сущность свойствами и качествами эмпирически данного нам мира, поэт-философ, по существу, «приближает» абстракцию к человеку, делает ее более доступной для постижения.

Следующая операция, завершающая процесс репрезентации абстракции, – это операция локализации. Автор помещает ее в пространство текста. Так, в приведенном выше фрагменте *Ничто* находится *низко, у самых истоков бытия словно у корней деревьев*. Тем самым автор показывает всю непостижимость объекта, скрытого у истока самого мироздания.

В другом тексте *Ничто* локализуется относительно самого человека:

Spotkałoby tam tylko nicość: siebie...

(Они встретили бы там только ничто: себя...)

В данном тексте автор отождествляет *Ничто* как отсутствие чего бы то ни было с духовно «пустым» человеком. Можно говорить о том, что в такой трактовке *Ничто* как метафизическая абстракция становится более доступным для понимания интерпретатором. В этом смысле *Ничто* как языковой знак приобретает иконический компонент. Отображение по иконическому типу предполагает визуализированность референта. Именно это и происходит в текстах Ч. Милоша: абстракция становится «зримой», «вещной».

Заключение

Подведем итоги данной работы. Механизм репрезентации абстрактного объекта *Ничто* в текстах включает такие лингвосемиотические операции, как номинация, предикация, локализация. Благодаря им объект получает свойства физической реальности. Языковой субъект может осмыслять его по аналогии с тем миром, который он видит, слышит и т.д. По существу, с логико-семантических позиций, знак *Ничто* является символическим знаком с иконическим («визуальным») компо-

нением. Семантическая многогранность символа отчасти нивелируется иконической составляющей. В этом заключается значимость философско-художественных текстов, философской поэзии для читателя: они открывают возможность хотя бы прикоснуться к постижению метафизического мира.

Литература

1. Анкерсмит Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
2. Лем С. Философия случая. М., 2005. 768 с.
3. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / Под ред. Г.Л. Тульчинского, М.С. Уварова. СПб.: Алетейя, 2000. 415 с.
4. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). М.: Издательство ЛКИ, 2007. 360 с.
5. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. 208 с.
6. Miłosz Cz. Wiersze wszystkie. Kraków: Znak, 2011. 1406 s.

«NOTHING» AS A LINGUISTIC CONSTRUCT: LOGICO-SEMANTIC MECHANISM OF ABSTRACT OBJECT REPRESENTATION (ON THE MATERIAL OF TEXTS BY CZESŁAW MIŁOSZ)

Iwanowa S.S.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

This article deals with the linguosemiotic mechanism of displaying / constructing the abstract object (*Nic, nicość*). We proceed from the position that language is a «creative constructor» (Stanislaw Lem's term), capable of «creating» objects that do not exist within the boundaries of human empirical experience. The linguistic/textual representation of such abstractions as *Nothingness, eternity, God*, etc. is simultaneously realized as their construction in the textual space, and the text acts as a possible world that ensures the «existence» of such objects.

Keywords: representation, sign, semiosis.

References

1. Ankersmit F. Narrative Logic. Semantic Analysis of the Language of Historians. Moscow: Idea-Press, 2003. 360 p.
2. Lem S. Philosophy of Chance. Moscow, 2005. 768 p.
3. Prospects of Metaphysics: Classical and Non-Classical Metaphysics at the Turn of the Century / Ed. G.L. Tulchinsky, M.S. Uvarov. St. Petersburg: Aleteya, 2000. 415 p.
4. Stepanov Yu.S. Names, Predicates, Sentences (Semiological Grammar). Moscow: LKI Publishing House, 2007. 360 p.
5. Ufimtseva A.A. Types of Verbal Signs. Moscow: Science, 1974. 208 p.
6. Miłosz Cz. Wiersze wszystkie. Kraków: Znak, 2011. 1406 s.

Ценностно-ориентационная основа современной молодежи как базис развития гибких навыков будущих специалистов

Коваль Ольга Петровна,

социолог, Научно-исследовательский институт
эффективности и безопасности горного производства
(НИИОГР)
E-mail: koval_op@mail.ru

Звягинцева Елена Петровна,

к.пед.н., доцент, доцент кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации, Финансовый университет
при Правительстве РФ
E-mail: EZvyagintceva@fa.ru

В статье рассматриваются вопросы ценностных ориентаций молодежи на основе сравнительного анализа данных, полученных в ходе анкетирования молодых специалистов промышленных предприятий России в возрасте до 30 лет и студентов 3–4 курсов бакалавриата столичного и регионального вуза. Исследование, которое проводилось с использованием методики М. Рокича, показало, что в терминальных и инструментальных ценностях работающей молодежи и студентов есть как совпадения, так и различия. Так же по некоторым элементам анкеты наблюдается конгруэнтность и разнородность ответов студентов разных вузов, что помогает лучше понять мировоззренческие позиции российской молодежи. Результаты мониторинга ценностных ориентаций студентов предлагается использовать для разработки программ профессиональной подготовки будущих специалистов и отдельных дисциплин гуманитарного цикла, которые способствуют формированию и развитию человеческих ценностей.

Ключевые слова: ценностные ориентации, молодежь, студенты, сравнение, профессия, ценности.

Введение

Ценностные ориентации являются отражением значимости для человека того или иного явления социальной действительности [8]. Выстраивание системы ценностных ориентаций происходит в процессе социализации, освоения новых социальных ролей [5]. В современных условиях, характеризующихся высоким уровнем неопределенности и непредсказуемости, для человека становится важно иметь высокую адаптивную способность [2], развитый социальный интеллект, толерантность к изменяющимся обстоятельствам. Ценностные ориентации в этом смысле играют ключевую роль – они задают направление в формировании личностных качеств, развитии профессиональных навыков, выстраивании моделей поведения. Особенно актуально это для поколения современной молодежи [4], [7].

Ценностные ориентации, основанные на характеристиках и свойствах объекта, отражают важность, значимость, полезность для человека этих характеристик и свойств его личности. С одной стороны, ценности отражают степень социализации человека – его интеграцию в систему групповых норм и требований. С другой стороны, через спектр ценностей можно определить потребности человека, наименее удовлетворенные в данный момент, но имеющие значения для формирования жизненной стратегии.

В диспозиционной концепции саморегуляции и прогнозирования социального поведения личности В.А. Ядов относит ценностные ориентации к высшему уровню развития личности, регулятору поведения и деятельности. В ценностных ориентациях выражается отношение личности к целям жизнедеятельности и к средствам достижения этих целей, предрасположенности личности к определенному восприятию существующих условий и к поведению в предлагаемых условиях в долгосрочной перспективе [10]. Аксиологический подход, которой лежит в основе образовательной доктрины России, ориентирован на развитие ценностей как личностных, так и коллективных [6]. Таким образом, через ценностные ориентации проявляется внутренняя структура личности, а также внешнее проявление отношения к социальной действительности.

Ценностные ориентации определяют сферу интересов личности. Иерархическая структура расположения ценностей и их корреляция у студентов и молодых специалистов может говорить о проявлении осознанности у тех, кто только осваивает теоретические основы профессии, о выстраивании модели в сфере выбранной специализации, формировании механизмов личностного роста. Понимание профессиональных ценностей, которые важны для реализации себя как профессионала, способствует грамотному выстраиванию и образовательной траектории, и формированию будущей экспертности.

Несмотря на подвижность системы ценностей современной молодежи, «студенческая среда четко копирует и зеркальным образом отражает в себе как наиболее значимые происходящие в российском обществе изменения, так и сложившуюся ситуацию в современном образовании» [3]. С одной стороны, у общества и системы высшего образования России есть запрос на высококвал-

лифицированных и конкурентоспособных специалистов (см. Антропов) с развитыми «гибкими» навыками (от англ. soft skills), о чем свидетельствуют регулярно изменяющиеся требования ФГОС ВО. С другой стороны, наблюдается снижение качества подготовки выпускников высших учебных заведений, в частности тех, кто получил степень бакалавра. Вместе с тем не формирование нравственных ориентиров молодежи продолжает оставаться востребованным элементом государственной политики Российской Федерации [9].

Методология исследования

Актуальность проведенного исследования, которое легло в основу данной статьи, обусловлена вышеуказанными противоречиями и необходимостью определения ценностных ориентиров молодежи. Цель исследования заключается в определении тех ценностных ориентиров, которые бы способствовали ускоренной адаптации и освоению норм профессионального поведения у молодых специалистов. Для достижения поставленной цели применялись методы сбора данных и их систематизации, опрос среди обучающейся на очном отделении вузов, а также среди работающей молодежи в разных регионах России.

В исследовании ценностных ориентаций приняли участие 100 студентов московского и челябинского вузов, обучающихся на 3–4 курсе бакалавриата, а также 100 молодых специалистов промышленных предприятий России в возрасте до 30 лет, как наиболее близкой категории к будущим выпускникам бакалавриата. Выбор данных категорий обусловлен следующими факторами: во-первых, выявлением особенностей ценностного самоопределения студентов и молодых специалистов, во-вторых, сравнением структуры и характера терминальных и инструментальных ценностей студентов и молодых специалистов разных регионов.

Исследование ценностных ориентаций проводилось с использованием методики М. Рокича: иерархия ценностей определялась путем их ранжирования, а направленность деятельности устанавливалась путем группировки ценностей в содержательные блоки. Так, в списке терминальных ценностей выделены блоки конкретных (материальных) и абстрактных (духовных) ценностей, ценностей профессионального и личного развития. В списке инструментальных ценностей выделены блоки: ценности дела, общения, самоутверждения, ценности принятия других людей, индивидуалистические, этические, конформистские и альтруистские ценности.

При обработке и анализе полученных данных ранги, присвоенные каждым участником исследования конкретной ценности, были переведены в балльную систему, где числовое значение показывает степень проявления оцениваемого качества. Полученная оценка ценностей каждой категории участников была разделена на три равные группы: значимые ценности (степень важности от 18 до 13 баллов), ценности среднего значения (степень важности от 12 до 7 баллов) и малозначимые ценности (степень важности от 6 баллов до 1 балла).

Результаты и выводы

Анализ полученных данных показал, что самой важной терминальной ценностью как для молодых специалистов, так и для студентов является здоровье. Существенное различие значимых ценностей в этих группах проявляется в важности для молодых специалистов счастливой семейной жизни и жизненной мудрости, тогда как студенты большее значение придают активной деятельной жизни и наличию хороших и верных друзей (рис. 1).

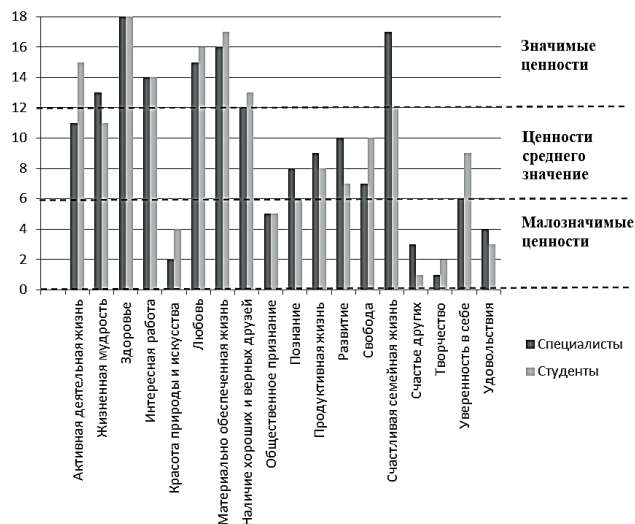

Рис. 1. Структура терминальных ценностей молодых специалистов и студентов вузов

Выявленные отличия в структуре терминальных ценностей в наблюдаемых группах характеризует направленность специалистов на создание и укрепление семейных отношений, а также на принятие рациональных решений, основанных на зрелости суждений и имеющемся опыте. Основные потребности студентов – иметь полную и эмоционально насыщенную жизнь с наличием хороших и верных друзей. Разница приоритетов связана, с одной стороны, с изменением образа жизни: студентам присущи активная жизненная позиция, поиск новых ощущений и формирование социальных связей для построения на этом фундаменте будущей карьеры и системы взаимодействия в социуме. С другой стороны, уделяя большее внимание интеллектуальному развитию и работе над собой, молодые специалисты осознают, что процесс обучения не заканчивается после окончания вуза, а является непрерывным движением к профессиональному успеху, повышению социального статуса.

При сравнении структуры терминальных ценностей студентов столичного и регионального вузов основное различие наблюдается в важности для московских студентов счастливой семейной жизни, тогда как студенты г. Челябинск большее значение придают наличию интересной работы (рис. 2).

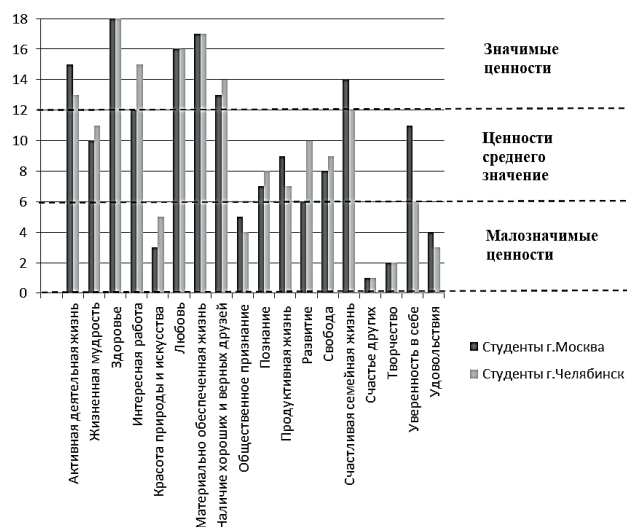

Рис. 2. Структура терминальных ценностей студентов г. Москва и г. Челябинск

Исходя из структуры терминальных ценностей студентов, можно предположить, что студенты г. Челябинск в большей степени нацелены на самостоятельность и независимость, значимость интересной работы и постоянного совершенствования у них выше, чем у студентов г. Москва. В свою очередь, студенты московского вуза большее внимание уделяют внутренней гармонии, полноте и эмоциональной насыщенности жизни. Подобные отличия могут быть вызваны социально-культурной традицией, касающейся взаимодействия центра и регионов. Так, традиционные ценности регионов – достойный труд, развитая система социальных связей – противопоставляются альтернативной модели успеха столицы – разнообразие, самореализация и свобода от сомнений.

При группировке терминальных ценностей в содержательные блоки – конкретные (материальные) и абстрактные (духовные) ценности, ценности профессионального и личного развития – существенного различия в исследуемых группах не выявлено. Участникам исследования важнее всего достигать реально измеримых целей: материально обеспеченная жизнь, интересная работа, здоровье, максимально полное использование своих возможностей и т.д.

Структура инструментальных ценностей, которые характеризуют способы достижения целей, а также приемлемые формы поведения имеет существенные отличия в исследуемых группах (рис. 3).

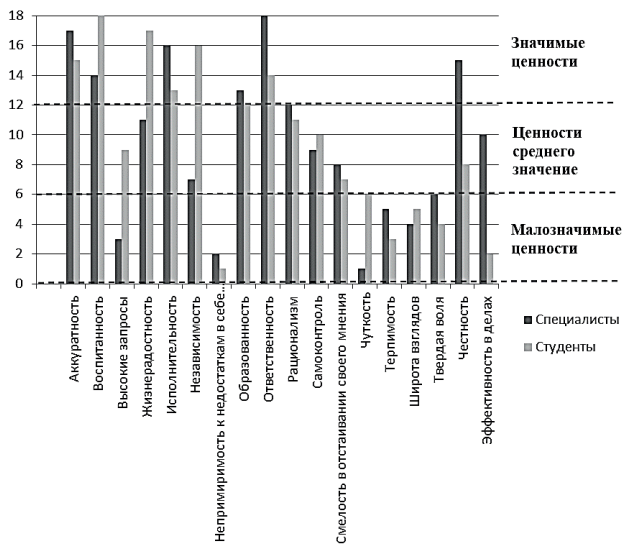

Рис. 3. Структура инструментальных ценностей молодых специалистов и студентов вузов

Молодые специалисты большее значение придают ответственности, исполнительности, аккуратности, честности и эффективности в делах. Студенты, в свою очередь, нацелены на умение вести себя в соответствии с нормами поведения, жизнерадостность, независимость и предъявление высоких запросов к жизни. Если ценности, доминирующие у молодых специалистов, связаны с конкретной практической деятельностью, как существенным исполнением трудовых обязанностей, то доминанта студенчества остается неизменной на протяжении многих лет – это юношеский оптимизм, обусловленный в большей мере отсутствием негативного социального опыта.

При сравнении структуры инструментальных ценностей студентов г. Москва и г. Челябинск видно, что студенты столичного вуза большее значение придают аккуратности, ответственности, рационализму, смелости в отстаивании своего мнения (рис. 4). Студенты г. Челябинск, в свою очередь, чаще обозначают значимость

независимости и чуткости. Опираясь на мотивационно-ценностной подход, можно предположить, что челябинским студентам больше присуща низкая самооценка и ожидание (оказание) помощи. Поэтому в системе инструментальных ценностей большее значение для студентов имеют высокие требования к жизни, способности действовать самостоятельно и в проявлении заботы.

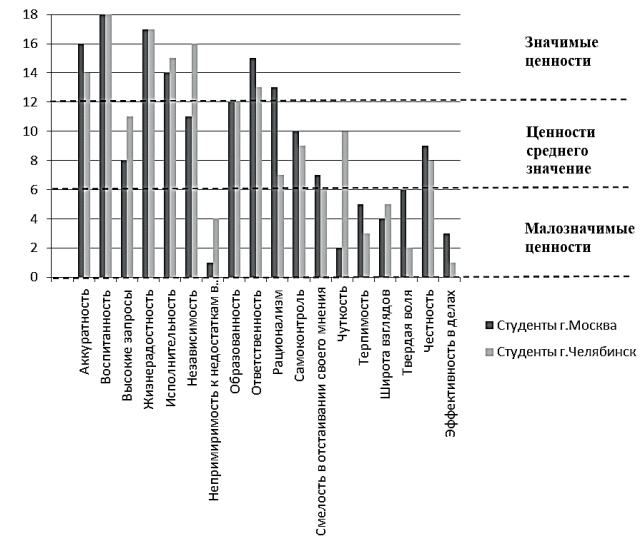

Рис. 4. Структура инструментальных ценностей студентов г. Москва и г. Челябинск

При группировке инструментальных ценностей в содержательные блоки видно, что ведущим средством достижения целей молодых специалистов является качественное вовлечение в практическую деятельность, тогда как у студентов наблюдается стремление соблюдать собственные морально-этические принципы и следование традиционным правилам. Наименее значимыми для обеих групп оказались альтруистические ценности (рис. 5).

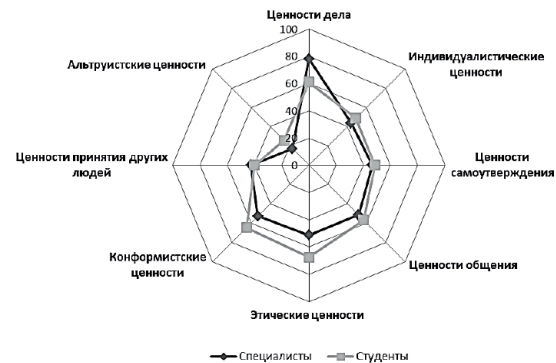

Рис. 5. Содержательные блоки инструментальных ценностей молодых специалистов и студентов вузов

Несмотря на прогрессивность взглядов, что является одной из характеристик студенческой молодежи, в модели поведения этой социальной группы ведущее направление задают морально-этические нормы и традиционные правила. Это можно объяснить тем, что при поиске своего места в жизни, находясь в процессе осмысления своих идеалов, студентам необходимы традиционные правила и нормы, которые являются для них ведущими принципами, задающими границы и направление развития. Важно отметить, что бескорыстная помощь другому человек для студентов имеет большее значение, чем для молодых специалистов. Вероятно, это связано с отсутствием разочарования в людях, большей степенью доверчивости и открытости как к другим, так и к миру.

Однако, при сравнении модели поведения студентов столичного и регионального вуза, видно, что альтруизм больше присущ студентам г. Челябинск, что может говорить о наличии социальной ответственности как важного направления в выстраивании взаимодействия в обществе, готовности к волонтерской деятельности (рис. 6). Студентам г. Москва, в свою очередь, в большей степени свойственно достигать поставленных целей через качественное исполнение в ходе практической деятельности.

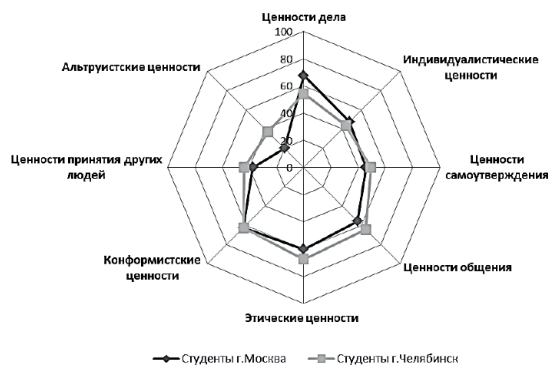

Рис. 6. Содержательные блоки инструментальных ценностей студентов г. Москва и г. Челябинск

Различия в блоках индивидуалистических ценностей, ценностей общения и ценностей принятия других людей говорят о большем значении традиционных правил и норм для студентов региональных вузов. Им в большей степени присущи ориентация на мнение других, соблюдение традиций, более тесное социальное взаимодействие.

Заключение

Проведенное исследование показало, что, несмотря на отличие в ценностных ориентациях между разными группами, существуют совпадающие качества. Одним из таких направлений является здоровье. Для молодых специалистов сохранение здоровья – это сохранение своей работоспособности, возможности материального обеспечения, благосостояния семьи. Для студентов здоровье – это образ жизни, который насыщен разного рода активностями, принципами правильного питания и т.д.

Вторым конгруэнтным элементом в системе ценностей является аккуратность. Если для молодых специалистов аккуратность имеет значение в четкости ведения профессиональной деятельности, то для студенчества, на наш взгляд, аккуратность идентифицируется с чистоплотностью, что напрямую связано с комфортом окружающей их среды.

Наименее важными ценностями для участников исследования являются следующие компоненты: красота природы и искусства, удовольствия, счастье других и творчество. В процессе накопления материальных благ, определения и закрепления собственного места в социальной иерархии молодому поколению приходится, с одной стороны, откладывать удовлетворение духовных потребностей на более зрелый период своей жизнедеятельности, но с другой стороны – сформированы ли потребности высокого духовного порядка, как у молодых специалистов, так и у студентов?

В качестве вывода можно отметить, что система ценностей претерпевает изменения на протяжении всей жизни человека. Несмотря на то, что, ценностные ориентиры закладываются в раннем возрасте, студенческий период является наиболее благоприятным для формирования этих ориентиров: человек учится самостоятель-

ности, обретает профессиональные навыки, отстаивает свою индивидуальность. Понимание своей системы ценностей – это первый шаг на пути к зрелости.

Мониторинг ценностных ориентаций студентов может служить основой для разработки программ профессиональной подготовки будущих специалистов, где на первый план выйдет не только формирование и освоение «твердых» и «гибких» навыков будущих специалистов, но и осмысление личных ценностных ориентаций каждым студентом.

Литература

1. Антропов, Д.И. Ценностные ориентации студентов старших курсов как фактор повышения конкурентоспособности / Д.И. Антропов // Проблемы и перспективы современной науки. – 2016. – № 11. – С. 63–69.
2. Аскарлов, Р.Р. Молодежь как социально-демографическая группа и её ценностные ориентации / Р.Р. Аскарлов, Т.В. Коротаева // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 1(77). – С. 263–267.
3. Банникова, Л.Н. Динамика ценностных ориентаций и установок будущих инженеров / Л.Н. Банникова, Л.Н. Боронина, Ю.Р. Вишневский [и др.] // Дискуссия. – 2013. – № 9(39). – С. 123–132.
4. Гадзаова, Л.П. Гуманистическое предназначение ценностных ориентаций студентов вуза / Л.П. Гадзаова, З.К. Каргиева // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2018. – № 5. – С. 49–53.
5. Гуркина, А.Л. Основы формирования ценностных ориентаций / А.Л. Гуркина // Молодой ученый. – 2016. – № 26(130). – С. 648–651.
6. Колбасин, В.Н. Аксиологический подход в формировании карьерно-ценностных ориентаций специалистов социальной сферы / В.Н. Колбасин // Современный ученый. – 2023. – № 6. – С. 188–193.
7. Михайлова, И.В. Особенности ценностных ориентаций поколения Y и Z / И.В. Михайлова, Л.И. Игсанова // Симбирский научный вестник. – 2023. – № 1(47). – С. 91–98.
8. Умарова, З.Я. Особенности формирования ценностных ориентаций молодежи / З.Я. Умарова // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2024. – № 6. – С. 10–13. – DOI 10.20339/AM.06–24.010.
9. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192>.
10. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. – М.: ЦСПИМ, 2013.

VALUE-ORIENTATION BASIS OF CONTEMPORARY YOUTH AS FOUNDATION FOR DEVELOPMENT OF SOFT SKILLS WITH SPECIALISTS-TO-BE

Koval' O.P., Zvyagintseva E.P.

Research Institute of Efficiency and Safety of Mining Production (NII OGR), Financial University under the Government of the Russian Federation

The article deals with the issues of value orientations with the young based on a comparative analysis of the data obtained in the course of survey. It was done among young specialists of industrial enterprises of Russia under the age of 30 as well as students of 3–4 years of bachelor's degree courses both metropolitan and regional universities. The study, which was conducted using M. Rokic's methodology, showed that there are both coincidences and differences in the terminal and instrumental values of employed youth and students. In some elements of the questionnaire there is also congruence and heterogeneity in the answers of students from different universities,

which helps to better understand the attitudinal positions of Russian youth. The results of monitoring devoted to students' value orientations are proposed to be used for the development of programs for professional training with specialists-to-be and some humanitarian disciplines, which contribute to the formation and development of human values.

Keywords: value orientations, the youth, students, comparison, profession, values.

References

1. Antropov, D.I. Value orientations of senior students as a factor in increasing competitiveness / D.I. Antropov // Problems and prospects of modern science. – 2016. – No. 11. – P. 63–69.
2. Askerov, R.R. Young people as a socio-demographic group and their value orientations / R.R. Askerov, T.V. Korotaeva // Skif. Issues of student science. – 2023. – No. 1 (77). – P. 263–267.
3. Bannikova, L.N. Dynamics of value orientations and attitudes of future engineers / L.N. Bannikova, L.N. Boronina, Yu.R. Vishnevsky [et al.] // Discussion. – 2013. – No. 9 (39). – P. 123–132.
4. Gadzaova, L.P. Humanitarian purpose of value orientations of university students / L.P. Gadzaova, Z.K. Kargieva // Economic and humanitarian studies of regions. – 2018. – No. 5. – P. 49–53.
5. Gurkina, A.L. Fundamentals of formation of value orientations / A.L. Gurkina // Young scientist. – 2016. – No. 26 (130). – P. 648–651.
6. Kolbasin, V.N. Axiological approach to the formation of career and value orientations of specialists in the social sphere / V.N. Kolbasin // Modern scientist. – 2023. – No. 6. – P. 188–193.
7. Mikhailova, I.V. Features of value orientations of generations Y and Z / I.V. Mikhailova, L.I. Igsanova // Simbirsk Scientific Bulletin. – 2023. – No. 1 (47). – P. 91–98.
8. Umarova, Z. Ya. Features of the formation of value orientations of young people / Z. Ya. Umarova // Alma Mater (Higher School Bulletin). – 2024. – No. 6. – P. 10–13. – DOI 10.20339 / AM.06–24.010.
9. Federal Law of December 30, 2020 No. 489-FZ “On Youth Policy in the Russian Federation” [Electronic resource] – Access mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192>.
10. Yadov V.A. Self-regulation and forecasting of social behavior of an individual: Dispositional concept. 2nd expanded ed. – M.: TsSPiM, 2013.

Костюкович Елена Юрьевна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский московский государственный строительный университет
E-mail: KostyukovichEY@gic.mgsu.ru

Статья посвящена изучению трендов и перспектив международной академической мобильности с учетом особенностей современных международных отношений, в том числе ассоциированных пандемией и геополитическим конфликтом. Автор обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Дается краткая феноменологическая характеристика международной академической мобильности. Акцентируется на неоднозначности интерпретации содержания и значения категории «международная академическая мобильность», предлагает емкая авторская трактовка. Уточняются виды международной академической мобильности. Проводится обзор современных международных (межстрановых) академических «потоков», выделяются ключевые страны-доноры и страны-реципиенты. Отдельное внимание уделяется стратегическим ориентирам Российской Федерации в направлении формирования и развития международного студенческого и кадрового обмена. Выделяются основные причины «академической эксклюзии». В контексте постпандемических и геополитических реалий оценивается перспективность инициативы ЕАЭС о запуске Евразийской программы академической мобильности, как гармонизирующего межгосударственные отношения решения. Автором заключается о перспективах развития международной и глобальной академической мобильности, и миграции как инструмента «мягкой силы» и фактора регуляции геодинамики.

Ключевые слова: международная академическая мобильность, геополитический конфликт, пандемия COVID-19, Евразийская программа академической мобильности, академическая инклюзия, академическая эксклюзия.

Современное мета-индустриальное общество (с греч. *μετά*– «между, после, через») находится под влиянием так называемых *i*-факторов – интернационализации, интеграции, информатизации и инноватизации; в своей совокупности они составляют феномен, называемый **глобализацией** [7]. Обуславливая трансформационные процессы различной силы и вектора действия, он оказывает системное влияние на современную [неолиберальную] модель мироустройства, преобразуя ее в **полицентричную (синергетическую)**, – а, вместе с тем, составляющие ее концепции, элементы и большие управляемые системы. Данная модель, согласно мнению профессора Е.М. Бабосова, является интегрирующей и ориентирована на «многообразие горизонтальных связей между странами и континентами – экономических, политических, информационных, социокультурных, научных и проч. – при акценте на сохранении самобытности различных народов, их национальных культур и суверенных государств» [2, с. 123].

В данном случае особый интерес представляет тезис профессора Дж. Найт (Канада) о том, что «глобализация выступает не столько непосредственной силой влияния, сколько индуктивной формой взаимодействия цивилизаций, вызовом современности, стимулирующим выход экономики знаний за пределы национальных границ, представляя межгосударственному взаимодействию новый экстраспективный фокус» [21]. В качестве примера такого фокуса мы рассматриваем **академическую инклюзию** (от лат. *includo* – включение); выступая предметом межнациональной коллаборации в научно-образовательной сфере, она обуславливает равный доступ внешних [академических] групп к участию в сохранении, производстве и воспроизводстве **знаниевого продукта**, конечное потребление которого позволит обеспечить полный переход к технократическому (4.0) и далее к посттехнократическому (человекоцентричному) (5.0) развитию [14]. Одной из крупнейших (по масштабам влияния) субстратных основ разворота данной деятельности являются **институт высшей школы**, выступающий главным субъектом глобальной экосистемы – оптическим центром, где знаниевый продукт проходит все стадии своего жизненного цикла, в том числе **[академический] обмен** (информацией, компетенциями, опытом и проч.).

В настоящее время инициативы и программы, направленные, в том числе на перспективу, на создание и укрепление взаимных целевых контактов государств, независимо от их глобального социально-экономического статуса, в области образования и науки признаются приоритетным инструментом гармоничного, сбалансированного развития и реализации «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех» (согласно ЦУР ООН до 2030 года). Контекстуально, оптика данных контактов имеет самые широкие рамки – от традиционных обменов студентами, аспирантами, преподавателями, молодыми учеными и проч., до прогностических соглашений о признании дипломов, патентов или иных видов интеллектуальной собственности, являющихся результатом прикладных изысканий. Действительно, **международная академическая мобильность** на протяжении многих веков рассматривалась как фактор установления и гармонизации межгосударственных отношений

[9], выполняя одну из важнейших ролей в усилении эффективности и результативности политик «мягкой силы» крупнейших государств [1]. В условиях постпандемических реалий, а также по-прежнему турбулентной ситуации на международной политической арене, рассмотрение международной академической мобильности в указанном значении особо актуально [11, 15]. Вместе с тем, предметный «корпус» данного феномена, на наш взгляд, имеет значительно более широкие границы.

Как правило, категория «международная академическая мобильность» употребляется в значениях «ограниченного во времени периода обучения студента в стране, гражданином которой он не является» [13] или «перемещения обучающихся <...> в другое учебное заведение, расположенное как Российской Федерации [или другой стране], так и за рубежом» [4, 16]. С нашей точки зрения, рассмотрение академической мобильности сквозь предметную призму одного субъекта отраслевой экосистемы нецелесообразно, поскольку подход не раскрывает ее институциональный смысл (замысел) в контексте международных отношений (гуманитарных и (или) иных). В этой связи интерес представляет позиция авторов, которые дополняют перечень участников данной экосистемы другими субъектами. Так, например, С.В. Рязанцева и соавт. предлагают рассматривать [международную] академическую мобильность как «совокупность установок и готовности к перемещению (то есть потенциала), а также собственно территориальное перемещение (то есть академическую миграцию) с целью получения образования, повышения квалификации и научно-образовательной деятельности как **студентов**, так и **профессорско-преподавательского состава** в системе образования и науки» [17, с. 423]. Вместе с тем, и данный подход видится узким.

Так, полагаем, целесообразно также говорить об **административно-управленческом персонале** университета, который, совместно со студентами и преподавателями, как отмечает М.А. Егорова, «передвигается из одного ВУЗа в другой для знакомства с образовательными технологиями и материалами других ВУЗов и последующего их исполнения с целью формирования международного образовательного опыта или как отличительную черту сетевой формы образовательной программы» [6, с. 76]. Кроме того, мы также разделяем, а точнее выделяем в приоритет, позицию С.О. Сергеева о том, что академическая мобильность – это в первую очередь, «про **ученых**», поскольку «именно они становятся локомотивом в процессе формирования нового образа государства [России]» [1, с. 200]. По мнению автора, она, как инструмент «мягкой силы», в первую очередь базируется на научном потенциале государства [России], правильное использование которого властью способно повысить престиж страны: «Исследования становятся известными благодаря участию российских ученых в зарубежных конференциях, форумах и обменных визитах, так как непосредственное представительство ученых за рубежом является одним из основных ресурсов влияния академической мобильности как источника «мягкой силы» науки» [18, с. 200].

Таким образом, суммируя вышесказанное, мы предлагаем для целей настоящего и будущих исследований, рассматривать **международную академическую мобильность** как явление, (1) выражающее потенциал государства (союза государств, региона, муниципального образования, университета или другой организации высшего образования) к трансграничному перемещению (2) с целью получения нового (образование, повышение квалификации и проч.) или передачи (конференции, форумы, обменные визиты и проч.) имеющегося

знания и (или) практического опыта (стажировка, участие в научном, инновационном и проч. проекте и т.д.) (3) для улучшения и кристаллизации положительного имиджа субъекта-донора, а также, в конечном итоге, обеспечения прогностического развития образования и науки на благо глобального общества. Данное определение позволяет уточнить цели, а также виды международной академической мобильности (см. **рисунок 1**). **Субъектами международной академической мобильности** являются студенты, аспиранты, кандидаты наук (в том числе, как молодые ученые) [10], члены профессорско-преподавательского, административно-управленческого состава, а также другие представители университетских (например, сотрудники научных/учебных лабораторий и центров, входящих в состав ВУЗа – НИУ ВШЭ и др.) и научно-исследовательских (ученые) когорт.

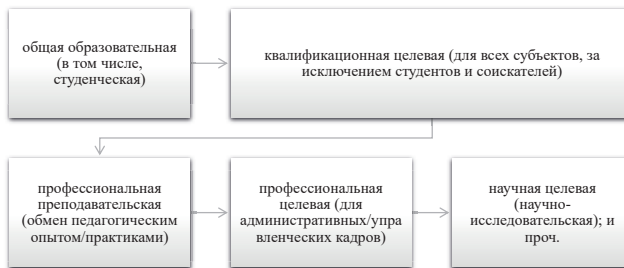

Рис. 1. Варианты видов международной академической мобильности

Источник: составлено автором

В настоящее время отсутствуют актуальные комплексные статистические данные, которые могли бы отразить состояние процессов, осуществляющихся в экосистеме международной академической мобильности (в том числе, с учетом всех или большинства ее субъектов), и их результаты. Большинство аналитических исследований проводится исключительно в разрезе одного из ее видов – международной студенческой мобильности, что, по мнению экспертов, обусловлено доминанцией **эксклюзивных факторов**, имеющих ретроспективную природу происхождения и усиливающихся в условиях нарушения гео-баланса (под влиянием эпидемиологического, политического кризисов и смежных деструктурирующих «сил») [20]. Вместе с тем, в качестве основных барьеров расширения субъективных границ международной академической мобильности остается перманентный **недостаток финансирования** и, как следствие, **невозможность создания программ для других субъектов-стейкхолдеров**. Для снижения данных и иных барьеров и создаются объединения ВУЗов, а также различные сетевые формы образовательных программ, упомянутых выше (например, Сетевой университет СНГ, Университет ШОС, Евразийский сетевой университет и проч.). Вместе с тем, в современных реалиях, несмотря на свою перспективность, данное решение оказываются неспособным стимулировать статистически значимые потоки массовых академических обменов таким образом, чтобы снизить отрицательную динамику. Стагнирующий тренд стал особенно очевидным для стран – участников ЕАЭС; согласно данным аналитического отчета Евразийского банка Развития (2024), динамика академической мобильности в рамках Союза в 2022/2023 оценивалась как слабо-отрицательная, имеющая признаки скрытого вялотекущего кризиса [5] (см. **рисунок 3**).

Как показывают социологические исследования в рамках Интеграционного барометра ЕАБР (2015–2017), население государств – участниц ЕАЭС (целевые

МAM-когорты) предпочитало получить образование (повышать квалификацию и проч.) в странах дальнего зарубежья; основными **странами-реципиентами** в 2010-х гг. стали США, Германия, Великобритания (основные **страны – доноры** – Армения, Беларусь, Россия, Казахстан). В начале 2020-х гг., несмотря на кризис-обусловленные тренды, данная ориентация сохраняется; например, в 2023 г. основными (ведущими) ВУЗами-партнерами России в части академического обмена являлись университеты КНР, Кореи и Японии (из более, чем 20 страниц участников МAM-инициатив¹). Однако, по мнению экспертов, подавляющее большинство межвузовских обменов ретроспективно построено с Европой и США [8], что, в том числе, несмотря на вероятность разрешения геополитического конфликта в краткосрочной перспективе, истребует реинжиниринг действующей модели (системы) международной академической модели.

- отсутствие механизмов материальной поддержки прибывающих и выезжающих студентов, преподавателей и проч. участников МAM-процессов в большинстве ВУЗов и на федеральном уровне (поддержка государства);
- неразработанность целевых методов и механизмов международного академического обмена, профильной нормативно-правовой базы, обеспечивающей эффективный обмен с учетом различий в системах образования, преподавания, управления ОО и проч. разных стран;
- недостаточное знание обучающихся, преподавателей и проч. участников МAM-процессов иностранного (английского) языка для участия в образовательных, профессиональных и проч. коммуникационных процессах;
- ограниченность мест в общежитиях, кампусах и других локациях размещения участников МAM-процессов и (или) их недостаточная готовность в приеме иностранных субъектов в рамках программ академической мобильности;
- общая низкая информированность участников МAM-процессов, в том числе в плане получения "целевых" (учебных и проч.) виз в страны-реципиенты; и проч.

Рис. 2. Эксклюдирующие факторы развития международной академической мобильности (МAM) в странах-донорах

Источник: составлено автором

■ в ЕАЭС из других стран ЕАЭС ■ в ЕАЭС из других стран СНГ (кроме ЕАЭС) ■ в ЕАЭС из других стран мира

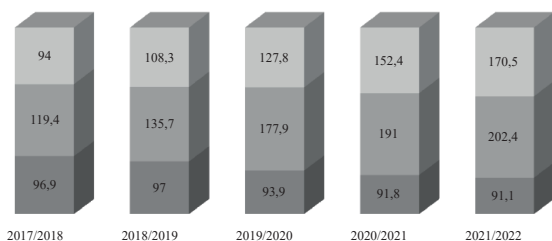

Рис. 3. Численность обучающихся в ВУЗах стран – участниц ЕАЭС, прибывших из других стран мира, 2017–2022 гг., тыс. чел.

Источник: ЕЭК, расчеты [4]

Анализ лучших практик, а именно европейского опыта реализации крупных (различной срочности) международных программ «Erasmus+», позволил экспертам Европейского банка развития разработать проект большой **Евразийской программы академической мобильности**. Решения данной программы ориентированы на достижение нескольких крупных «мишенных» целей, предполагающих перспективное вовлечение студентов, аспирантов, преподавателей и молодых ученых в STEAM-сегмент, однако с акцентом на инженерно-технологическое направление (железнодорожное и иное транспортное машиностроение, электрические сети, нефтегазовых сектор и прочие трансгранично-

инфраструктурные «сектора»), что, как отмечается, обусловлено глобальным дефицитом отраслевых кадров [3]. Следует отметить, что кейс «Erasmus+» также поддерживает проекты, ориентированные на профессиональное обучение сотрудников ВУЗов, что, очевидно, создает прецедент концентрации на «слепых зонах» экосистемы академической мобильности. Согласно концепции Европейской комиссии, сотрудничество в ее (экосистеме) рамках предполагается задействование более 30 игроков, включая страны – участницы ЕАЭС, а также Латинской Америки, Африки и Карибского бассейна. Согласно актуальным данным, ежегодно участниками «Erasmus+» становится в среднем 700 тыс. человек [5].

Программу планируется организовывать с задействованием **smart-модели грантов**, которая полностью или частично будет покрывать расходы на обучение (1–2 семестра). Нормированию МAM-бюджета также будет способствовать предлагаемая **мультипликативная финансовая модель**, предполагающая оптимальное распределение расходов между семьей обучающегося (стажирующегося), ВУЗом и государством в зависимости от доходов домохозяйства и направления академической мобильности. По предварительным оценкам, на 1 тыс. участников Программы бюджетные расходы составляют 3,9 млн долл. Как бюджетные, так и общеорганизационные положения (в том числе, касающиеся перемещения (в том числе, визы) размещения, передвижения, питания и проч.) ее реализации предлагается закрепить в отдельном **Межправительственном соглашении**. Однако, поскольку образовательное сотрудничество не входит в перечень компетенций наднационального регулирования ЕАЭС, данный документ не будет ограничен рамками Союза. Решение задачи в области признания на всем МAM-пространстве документов, подтверждающих квалификацию (дипломы, сертификаты и проч.), предполагается путем разработки системы грейдов и закрепления в Соглашении критериев (проходной балл) их присвоения по результатам испытаний (экзаменов или иных форм проверки знаний по завершении обучения, стажировки и проч.). Информирование всех участников МAM-процессов планируется организовать через **целевую цифровую платформу**.

С нашей точки зрения, учитывая широкие рамки географии Программы (весь Европейский регион, с захватом стран – участниц ЕАЭС, СНГ и иных заинтересованных государств Большого Евразийского пространства), предлагаемые Европейским банком развития инициативы имеют широкие перспективы в направлении **восстановления и дифференциации академических обменов (потоков)**, а также стимулирования **научно-технических, торгово-экономических и иных значимых связей** и, безусловно, гуманитарного сотрудничества, в частности, сотрудничества в области науки и образования. Достижение успеха в направлении академической инклюзии может стать предиктором снижения напряженности и, в последующем, восстановления процессов в экосистеме международных отношений, в том числе, путем усиления эффективности и результативности политик «мягкой силы» крупнейших государств.

Литература

1. Алиева Л.Р., Амбарцумян К.Р. Роль международной академической мобильности в усилении эффективности политики «мягкой силы» современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 197–216

¹ Тема «международная академическая мобильность». – 24.10.2024 // НИУ ВШЭ. – URL: <https://lang.hse.ru/cafi/news/keywords/149042117?ysclid=m419215yel184082683> (дата обращения: 15.11.2024)

2. Бабосов Е.М. Структурные модели мироустройства в XXI в // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 2. С. 118–128.
3. Болаев А.В. Инвестиционная активность Китая в проекте «Один пояс и один путь» // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 4. С. 1825–1834.
4. Варламова А.В. Академическая мобильность обучающихся российских вузов (на примере ФГБОУ ВПО «РГУТиС») // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2014. № 1. С. 74–79.
5. Винокуров Е., Перебоев В. Программа развития академической мобильности. Доклады и рабочие документы 24/1. – Алматы: ЕБР, 2024. – 37 с.
6. Егорова М.А. О формах виртуальной академической мобильности // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 72–2. С. 76–79.
7. Игнатъев В.П., Варламова Л.Ф. «И» глобализации высшего образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2021. № 2 (42). С. 13–19.
8. Исайкина Д.А. Анализ моделей управления образовательными комплексами при реализации программ международной академической мобильности // Вестник науки. 2024. № 2 (71). С. 237–247.
9. Кузьмина Е.С. Международная академическая мобильность как фактор гармонизации межгосударственных отношений // Теория и практика общественного развития. 2017. № 5. С. 55–57.
10. Международная мобильность ученых: угроза или благо?: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) международ. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / М.А. Гершман, Л.М. Гохберг, А.В. Демьянова и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг, Е.А. Стрельцова. – М.: ИД ВШЭ, 2022. – 46 с.
11. Минаков А.В., Лапина С.Б. Обеспечение экономической безопасности государства в условиях санкций западных стран // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 305–312
12. Нефедова А.И., Дьяченко Е.Л. Эффекты участия в международной мобильности для российских ученых // Социологический журнал. 2024. № 30(1). С. 113–142.
13. Останина Е.А. Академическая мобильность как важнейшая составляющая часть высшего образования // Мир образования – образование в мире. 2016. № 2. С. 142–150.
14. Розанова Н.М. Индустрия 5.0: золотой век или прыжок в темноту? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 61–77.
15. Ростовская Т. К., Скоробогатова В.И., Васильева Е.Н. Образовательная миграция в контексте геополитических вызовов: монография / отв. ред. Т.К. Ростовская. – М.: Проспект, 2023. – 128 с.
16. Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Краснова Г.А. Основные тенденции академической мобильности в мире // ЦИТИСЭ. 2020. № 1. С. 280–289.
17. Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Скоробогатова В.И., Безвербный В.А. Международная академическая мобильность в России: тенденции, виды, государственное стимулирование // Экономика региона. 2019. № 2. С. 420–435.
18. Сергеев С.О. Академическая мобильность как инструмент мягкой силы науки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 198–201.
19. Трофимова И.Н. Исследовательские университеты и перспективы международной академической мобильности в условиях пандемии COVID-19 // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 2. С. 89–99.
20. Шахрай С.М., Чжан Чжань Новые тенденции академической мобильности в треугольнике Китай – Россия – США // ДЕМИС. Демографические исследования / DEMIS. Demographic Research. 2022. № 4. С. 70–80.
21. Knight J. Internationalization Remodeled: Definition, Approaches, and Rationales // Journal of Studies in International Education. 2004. Vol. 8 (1). P. 5–31.

INTERNATIONAL ACADEMIC MOBILITY IN MODERN REALITIES

Kostiukovich E.Y.

National research university, Moscow State University of Civil Engineering

The article is devoted to the study of trends and prospects of international academic mobility, considering the specifics of modern international relations, including those associated with the pandemic and geopolitical conflict. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief phenomenological description of international academic mobility is given. The emphasis is placed on the ambiguity of interpretation of the content and meaning of the category “international academic mobility”, and the author offers a capacious interpretation. The types of international academic mobility are specified. A review of modern international (intercountry) academic “flows” is provided, key donor and recipient countries are identified. Special attention is paid to the strategic guidelines of the Russian Federation in the direction of the formation and development of international student and personnel exchange. The main reasons for “academic exclusion” are highlighted. In the context of post-pandemic and geopolitical realities, the prospects of the EAEU initiative to launch the Eurasian Academic Mobility Program are assessed as a solution harmonizing interstate relation. The author concludes on the prospects for the development of international and global academic mobility, and migration as a tool of “soft power” and a factor in regulating geodynamics.

Keywords: international academic mobility, geopolitical conflict, COVID-19, Eurasian Academic Mobility Program, academic inclusion, academic exclusion.

References

1. Alieva L.R., Ambartsumyan K.R. The Role of International Academic Mobility in Strengthening the Effectiveness of the Soft Power Policy of Modern Russia // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2022. Vol. 15. Issue 2. Pp. 197–216
2. Babosov E.M. Structural Models of World Order in the 21st Century // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2011. No. 2. Pp. 118–128.
3. Bolaev A.V. China’s Investment Activity in the One Belt, One Road Project // Issues of Innovative Economics. 2023. Vol. 13. No. 4. Pp. 1825–1834.
4. Varlamova A.V. Academic mobility of students of Russian universities (on the example of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “RSUTIS”) // Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. 2014. No. 1. P. 74–79.
5. Vinokurov E., Pereboev V. Academic mobility development program. Reports and working documents 24/1. – Алматы: ЕБР, 2024. – 37 p.
6. Egorova M.A. On the forms of virtual academic mobility // Problems of modern pedagogical education. 2021. No. 72–2. P. 76–79.
7. Ignatiev V.P., Varlamova L.F. “I” of globalization of higher education // Professional education in Russia and abroad. 2021. No. 2 (42). P. 13–19.
8. Isaykina D.A. Analysis of management models of educational complexes in the implementation of international academic mobility programs // Science Bulletin. 2024. No. 2 (71). P. 237–247.

9. Kuzmina E.S. International academic mobility as a factor in the harmonization of interstate relations // *Theory and practice of social development*. 2017. No. 5. P. 55–57.
10. International mobility of scientists: a threat or a blessing?: report to the XXIII Yasinskaya (April) international. scientific. conf. on the problems of economic and social development, Moscow, 2022 / M.A. Gershman, L.M. Gokhberg, A.V. Demyanova et al.; scientific editors L.M. Gokhberg, E.A. Streltsova. – M.: HSE ID, 2022. – 46 p.
11. Minakov AV, Lapina SB Ensuring the economic security of the state in the context of sanctions from Western countries // *Bulletin of Economic Security*. 2021. No. 2. Pp. 305–312
12. Nefedova AI, Dyachenko EL Effects of participation in international mobility for Russian scientists // *Sociological journal*. 2024. No. 30(1). Pp. 113–142.
13. Ostanina EA Academic mobility as the most important component of higher education // *The world of education – education in the world*. 2016. No. 2. Pp. 142–150.
14. Rozanova NM Industry 5.0: Golden Age or a Leap into the Dark? // *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*. 2023. No. 6. P. 61–77.
15. Rostovskaya TK, Skorobogatova VI, Vasilyeva EN Educational Migration in the Context of Geopolitical Challenges: monograph / ed. T.K. Rostovskaya. – M.: Prospect, 2023. – 128 p.
16. Rostovskaya TK, Skorobogatova VI, Krasnova GA Main Trends in Academic Mobility in the World // *CITISE*. 2020. No. 1. P. 280–289.
17. Ryazantsev SV, Rostovskaya TK, Skorobogatova VI, Bezverbyny VA. International academic mobility in Russia: trends, types, government incentives // *Regional Economy*. 2019. No. 2. Pp. 420–435.
18. Sergeev S.O. Academic mobility as an instrument of soft power of science // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2015. No. 6. Pp. 198–201.
19. Trofimova I.N. Research universities and prospects for international academic mobility in the context of the COVID-19 pandemic // *Social and humanitarian knowledge*. 2022. No. 2. Pp. 89–99.
20. Shakhrai S.M., Zhang Zhan New trends in academic mobility in the China-Russia-USA triangle // *DEMIS. Demographic Research*. 2022. No. 4. pp. 70–80.
21. Knight J. Internationalization Remodeled: Definition, Approaches, and Ration-ales // *Journal of Studies in International Education*. 2004. Vol. 8 (1). P. 5–31.

Актуальные тенденции в развитии индустрии туризма и гостеприимства Республики Башкортостан: на основе анализа концепта «Башкортостан»

Лысова Ольга Васильевна,

к.п.н., доцент, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий

E-mail: lysova_olga@inbox.ru

Абдуллина Амина Шакирьяновна,

д.ф.н., доцент, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий

E-mail: aminaabdullina@mail.ru

Нигматуллина Лейсан Андерзяновна,

к.ф.н., доцент, Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий

E-mail: nigm4tullina.laysan@yandex.ru

Статья посвящена вопросам изучения актуальных тенденций развития индустрии туризма и гостеприимства в Республике Башкортостан с точки зрения исследования материалов, связанных с ассоциативно-семантическим полем концепта «Башкортостан». На основе анализа полученных ассоциаций определены предпосылки и дальнейшие возможности развития новых направлений туризма в Республике Башкортостан. Особое внимание в статье уделено развитию культурно-исторического туризма, в том числе перспективным видам туризма наследия, определенных на основе языкового анализа на слово-стимул, выражающего обобщенные социокультурные и ментальные стереотипы определенных социальных и возрастных групп российского общества: «культурные ландшафты», «местные традиции, традиционные события». В ходе написания статьи определены негативные факторы, влияющие на инвестиционный потенциал республики, предложены направления совершенствования имиджевой политики региона с целью развития индустрии туризма и гостеприимства республики, как одной из наиболее динамично развивающихся отраслей региона.

Ключевые слова: развитие индустрии досуга и гостеприимства, Республика Башкортостан, ассоциативный эксперимент, туризм наследия, **брендинг территории.**

Введение

Современное социально-экономическое развитие страны требует новых подходов к развитию его регионов и территорий. Маркетинг территорий – новое и бурно развивающееся в России направление креативного управления городами и регионами. Здесь учитываются, прежде всего, внеэкономические факторы развития, которые затем начинают влиять и на экономику города или региона. Основные тенденции – это создание мира образов вместо мира фактов, репутация места, его имиджевая составляющая, управление созданием впечатления, которое становится впоследствии экономической составляющей территории, культура, как градообразующая система. Брендинг города или региона строится на чем-то уникальном и неповторимом, как, например, Лохнесское чудовище, прославившее озеро Лох-Несс на весь мир, город Великий Устюг – родина Деда Мороза, Кострома – родина Снегурочки, Казань – третья столица России и др.

Анализ материалов глобальной сети «Интернет», имеющиеся данные существующих ассоциативных словарей, а также ответы респондентов, полученные нами в ходе ассоциативного эксперимента, свидетельствуют о том, что уровень узнаваемости Башкортостана среди жителей других регионов нашей страны остается недостаточно высоким.

Как отмечают авторы статьи «Ассоциативный словарь в системе языковой картине мира (на примере ассоциативно-семантического поля концепта «Башкортостан»): «В последние годы в Башкортостане активно ведутся разговоры о туристическом потенциале республики, но развитие туристической инфраструктуры включает не только улучшения финансирования, но и правильной организацией рекламной политики с целью привлечения разнообразных социальных групп и возрастов» [8, с. 113].

В Стратегии развития Республики Башкортостан до 2030 года среди приоритетных направлений указывается продвижение региона, его потенциала в образовательном, культурном, туристическом аспектах.

Аналитики, рассматривая в 2023 году доходность в расчете на наличный номер (RevPAR) – это один из ключевых показателей индустрии, учитывающий уровень загрузки гостиниц и дохода на номер, относят инвестиционный потенциал сферы туризма Башкортостана к 49 субъектам Российской Федерации, показатель которых находится на уровне менее 1 000 рублей [2].

С одной стороны, по данным 2024 года Башкирия демонстрирует рост инвестиционной активности в туротрасли: «В минувшем году турпоток в Башкирию превысил два миллиона поездок. Это третий по величине показатель в Приволжском федеральном округе. Также объем платных услуг в туристической отрасли увеличился на 20,8 процента по сравнению с тем же временем 2022 года и составил 14,5 миллиарда рублей» [1].

С другой стороны, регион, имея уникальнейшие природные объекты, историческое, этнокультурное наполнение, использует не все направления для развития сферы туризма. В последние годы в республике Башкортостан, благодаря уникальным природным памятникам, широ-

ко развиваются ставшие уже традиционными направления туризма – экологически-спортивный и лечебно-оздоровительный.

В Инвест-буклете, выпущенном в рамках участия Республики Башкортостан в Международной выставке «Россия» на ВДНХ с 4 ноября 2023 по 8 июля 2024 года, представлены самые значимые достижения региона в разных областях – от сельского хозяйства до высокотехнологичных производств, отражены уникальность региона, его экономический, инвестиционный и туристический потенциал, а также многовековая история, культурное и природное богатство [3].

Характеризуя туристический потенциал Башкортостана, в Инвест-буклете представлены лишь традиционные, успешно развивающиеся формы туризма (рис. 1).

Рис. 1. Скриншоты страниц Инвест-буклета

Как видим, в Башкортостане активно ведется работа по развитию туристического потенциала республики, но для привлечения инвестиций и увеличения турпотока, необходимо в дальнейшем расширять спектр туристических направлений, качество услуг и создание современной инфраструктуры. Дальнейшее развитие данной отрасли в регионе включает не только увеличение финансирования, но разработку новых интерактивных экскурсионных маршрутов, соответствующих современным требованиям инновационных моделей в сфере туризма, но и проведение правильной рекламной политики с целью привлечения туристов разнообразных социальных групп и возрастов.

В результате исследования материалов, связанных с ассоциативно-семантическим полем концепта «Башкортостан», можно получить глубокие и уникальные знания о регионе, его культуре, истории, традициях и восприятии. Это может быть полезно для развития региональной лингвистики, культурологии и других областей науки, а также для практического применения в образовании, туризме и региональном развитии.

В ходе проведенного ассоциативного эксперимента среди жителей России нами в рамках исследования выявлено большое количество понятий, ассоциирующихся со словом «Башкортостан», на основе анализа которых будут выявлены наиболее популярные места, связанные со следующими направлениями туризма:

- экологически-спортивного;
- лечебно-оздоровительного;
- культурно-познавательного;
- религиозного;
- событийно-экскурсионного и др.

Используя потенциальные возможности представленных в ходе свободного ассоциативного эксперимента понятий, аккумулирующих культурный, экономический, географический, национальный потенциал, нами планируется предложить рекомендации по потенциальным туристическим направлениям с целью повышения узнаваемости Башкортостана среди российских и зарубежных туристов.

Основная часть

Метод ассоциативного эксперимента (АЭ) активно применяется в психолингвистических исследованиях для всестороннего изучения и анализа языкового (вербального) сознания, его структуры и моделирования. Этот метод является одним из наиболее эффективных источников информации в современных психолингвистических исследованиях. Он позволяет лучше понять такие важные концепции, как языковая картина мира, языковая личность, рабочая вербальная память, национальное языковое/коммуникативное сознание, социокультурные стереотипы, ментальный лексикон и другие.

Башкортостан – высокоразвитый, стабильный один из крупных регионов России, являющийся опорной точкой роста экономики страны. Но, к сожалению, уровень узнаваемости Башкортостана среди жителей других регионов нашей страны остается недостаточно высоким. Об этом свидетельствуют и результаты ассоциативного эксперимента, проведенного нами в рамках исследования. Так, жители г. Москва, принявшие участие в ассоциативном эксперименте, среди вариантов ответов предложили следующие ассоциации к понятию «Башкортостан»: «неизведанное место», «точка, которую не знаю», «неизвестное место».

В «Русском ассоциативном словаре» (<http://thesaurus.ru/dict/>) не оказалось ни одной реакции на предложенные стимулы «Башкортостан/Башкирия». На электронном ресурсе «Словарь ассоциаций русского языка» (<https://sinonim.org/as>) по запросу найдено 7 ассоциаций (рис. 2).

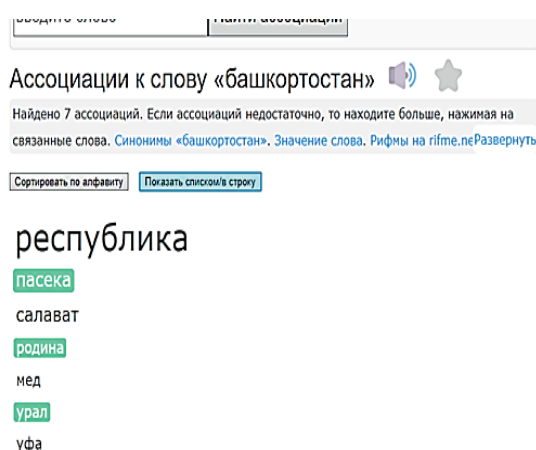

Рис. 2. Скриншоты страницы электронного ресурса «Словарь ассоциаций русского языка»

Анализируя полученные ассоциации к понятию «Башкортостан» в глобальной сети Интернет, мы можем констатировать, что Республика Башкортостан там представлена только как административный регион Российской Федерации. Приведем примеры данных ассоциаций: *федеральные округа, регионы страны, целевые программы, парад суверенитетов, субъекты федерации, полномочный представитель президента, региональная политика, газовая промышленность, административные границы и др.* Лишь незначительная часть связана с культурными, природными туристическими особенностями республики: *песека, Салават, мед и др.*

Среди жителей России Башкортостан ассоциируется с большим количеством понятий, в ходе свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2021–2022 гг., опрошено 215 респондентов, на основе ответов которых получено 339 реакций-ответов на слово-стимул «Башкортостан».

Ассоциативный эксперимент проводился методом письменного анкетирования среди населения от 14 до 60 лет в трех регионах нашей страны: г. Москва, Республике Башкортостан, г. Новый Уренгой (ЯНАО):

- студенты 1–3 курсов Бирского филиала Уфимского университета науки и технологий;
- учащиеся и родители МАОУ СОШ № 4 ЯНАО г. Новый Уренгой (13–48 лет);
- жители г. Москва (25–60 лет).

Ассоциативный эксперимент проводился методом письменного анкетирования на родном языке испытуемых. Каждый испытуемый получал бланк анкеты и должен был отвечать на предложенное слово-стимул «Башкортостан» 5 возможными реакциями, приходящими первыми в голову. Кроме того, испытуемый должен был сообщить о себе следующие сведения: пол, возраст и регион. Наличие этих данных позволяет исследовать особенности ассоциативных полей в зависимости от пола, возраста и региона проживания.

Количественные показатели на стимул БАШКОРТОСТАН: всего получено 339 ответов, среди которых разных слов или словосочетаний – 280; 59 реакций встретились только однажды.

Представим упорядоченный список ассоциаций, составленный нами на основе ответов-реакций, расположенных по мере убывания частоты их употребления. При каждой реакции (или группе ассоциаций, имеющих синонимичное значение), указывается отдельно каждый из элементов синонимического ряда через запятую, в скобках дается цифра, указывающая на частоту ее (их) появления в ответах испытуемых.

Башкортостан:

мед **62** (мед **59**; башкирский мед **2**; медовый край **1**); курай **25**; природа **21** (природа **20**, живая природа **1**); горы **19** (горы **16**, гора Куштау **1**, гора Шихан; чак-чак **19**; Салават Юлаев **16**; Уфа **14**; хоккей **10**; Земфира **10** (Земфира **9**, Зимфира **1**); лошади **8**; родина **8** (родина **8**, родина моего отца **1**); река **7**; степь **6**; кумыс **6**; дом **6**; нефть **5**; республика **5**; татары **4**, башнефть **4**; красота **3**; Урал **3** (дорога на Урал **2**, Урал **1**); FACE **3**, куница **3**, озера **3**; акбарс **2**, аул **2**, бедность **2**, восторг **2**, далеко **2**, дорога на Урал **2**, желание поехать туда **2**, засушливость **2**, зелень **2**, казанский рубин **2**, кони **2**, красивый город **2**, куница **2**, Максим Чудов **2**, меховая шапка **2**, музыканты **2**, народная одежда **2**, национальный костюм **2**, народные танцы **2**, национальная еда **2**, национальная культура **2**, национальная кухня **2**, неизведанное место **2**, неизвестное место **2**, орел **2**, осел **2**, пчелы **2**, разруха **2**, родной край **2**, Рудольф Нуриев **2**, симпатичное название **2**, со-

да **2**, соколиная охота **2**, тепло **2**, тёплый край **2**, точка **2**, которую не знаю **2**, тубетейка **2**, ФК Уфа **2**, чай **2**, шапка национальная **2**, юрта **2**; Абзаково **1**, «Акбузат» **1**, Аксаков **1**, БашГУ – БГУ (анкета лето 2022 г – до объединения) **1**, Березовый лист **1**, Бишбармак **1**, баурсак **1**, башкирский язык **1**, башкиры **1**, вода **1**, вкусные блюда **1**, воздух **1**, гостеприимство **1**, деревня **1**, добрые люди **1**, живая природа **1**, заповедник Нугуш **1**, зеленый цвет **1**, Зайнаб Бишшева **1**, кочевники **1**, красивые девушки **1**, любовь **1**, маленькая Швейцария **1**, Нефтекамск **1**, отдых **1**, песека **1**, перспективы **1**, Россия **1**, свобода **1**, сила **1**, солнце **1**, субъект **1**, травы **1**, хорошие люди **1**, лимонад «Шихан» **1**, Ляйсан Утяшева **1**, многонациональный народ **1**, музыка **1**, Назар Наджми **1**, невинность **1**, очарование – красота **1**, санатории **1**, Спиваков **1**, толерантность **1**, традиции **1**, Уральские горы **1**, уют **1**, Ф. Гаскаров **1**, цветок курая **1**, цветущий край **1**, чистота **1**, чистый воздух **1**, Шульган-Таш-Шульганташ **1**, эстетика **1**, Ю. Шевчук **1**.

Результаты ассоциативного эксперимента к понятию «Башкортостан» позволяют сделать вывод о том, что, с одной стороны, среди жителей России Башкортостан ассоциируется с большим количеством понятий, позволяющих выявить наиболее популярные места, и способствовать развитию и популяризации нескольких видов туризма.

Во-первых, хорошо зарекомендовавшее себя традиционное направление, включающие лечебно-оздоровительный туризм. Многие респонденты, люди разного возраста и места жительства, указали достаточно много слов-реакций, связывающих представление о регионе как месте, обладающем природными ресурсами для отдыха и восстановления здоровья (*мед, санатории, чистый воздух, кумыс, леса, природа, озера, горы; заповедник Нугуш и т.д.*).

Во-вторых, наиболее перспективным для дальнейшего развития региона в плане туризма становится культурный туризм, который обусловлен возрастающим интересом людей к истории и общечеловеческим культурным ценностям.

Данный вид туризма включает такое направление как туризм наследия, или культурно-исторический. Анализ ассоциаций позволяет выделить перспективные, на наш взгляд, виды туризма наследия в Республике Башкортостан, определенные на основе языкового анализа на слово-стимул представлений о мире, отражающих социокультурные и ментальные стереотипы, которые были предложены респондентами в ходе опроса:

- 1) «культурные ландшафты» (места, ассоциирующиеся с историческими личностями или событиями): *Урал Батыр, М. Карим, В. Спиваков, Зайнаб Бишшева, С. Аксаков, Рудольф Нуриев, Ляйсан Утяшева, Элвин Грей, столица рэпа и др.*;
- 2) «местные традиции, традиционные события»: *сабантуй, юрта, чак-чак, мед, кумыс, курай, баурсак, национальный костюм, народные танцы, национальная еда, национальный костюм народные танцы, национальная культура, национальная кухня и др.*

Рассматривая возможности модернизации индустрии туризма и гостеприимства в Республике Башкортостан, необходимо рассмотреть возможные направления **брендинга территории**, включающего **создание и продвижение уникального и привлекательного образа региона**, с целью повышения конкурентоспособности на рынке туризма среди мероприятий

Для создания положительного имиджа региона, его привлекательности необходимо обратить внимание на ряд негативных ассоциаций, полученных в ходе исследования (*разруха, самогон, бедность, неизведанное место, неизвестное место*). Для изменения обществен-

ного мнения о Республике Башкортостан и привлечения туристов из других регионов Российской Федерации необходимо строить рекламную политику, ориентируясь на имиджевое представление региона, основанного на следующих визуальных и вербальных образах, представленных среди ассоциаций для формирования положительного имиджа и позитивных эмоций (*березовый лист, столица рэпа, цветущий край, цветок курая, толерантность, многонациональный народ, гостеприимство, красивые девушки, любовь, маленькая Швейцария и др.*).

Выводы

Подводя общий итог, еще раз необходимо отметить, что анализ ассоциативного материала предоставляет возможности для объективного анализа языкового сознания носителей того или иного языка, выявляя реально существующие связи между ментальными единицами, а также степень значимости концептов в языковой картине мира.

На наш взгляд, результаты работы позволяют систематизировать представления участников ассоциативного эксперимента и описать потенциальные возможности полученных понятий, аккумулирующих культурный, экономический, географический, национальный потенциал определенной группы людей, отражающей образ языкового сознания, представления о мире носителей языка.

Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного нами в рамках исследования, свидетельствуют о том, что среди жителей России Башкортостан ассоциируется с большим количеством разнообразных понятий, изучение которых позволит, на наш взгляд, совершенствовать имиджевую политику региона с целью развития индустрии туризма и гостеприимства республики, как одной из наиболее динамично развивающихся отраслей региона.

Литература

1. Башкирия демонстрирует рост инвестиционной активности в туротрасли // <https://ufa.mk.ru/economics/2024/04/18/bashkiriya-demonstriruet-rost-investicionnoy-aktivnosti-v-turotrasli.html> (дата обращения 05.01.2025).
2. CMWP: Инвестиционный потенциал сферы туризма в России составляет 2,45 трлн. Рублей // <https://cre.ru/analytics/91308> (дата обращения 05.01.2025).
3. Инвестиционный буклет Республика Башкортостан – территория будущего // <https://bashkortostan-vdnh-russia.ru/> https://disk.yandex.ru/d/EJH-Hk9-p5KqI_g
4. Русский ассоциативный словарь // <http://thesaurus.ru/dict/>
5. Саликаева Д.Е., Шарипова А.И. Ассоциативный словарь в системе языковой картине мира (на примере ассоциативно-семантического поля концепта «Башкортостан»). Материалы межрегиональной научно-практической конференции, (15 сентября 2022). Выпуск 2. 2022. С. 71–76.

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE TOURISM AND HOSPITALITY INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: BASED ON THE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «BASHKORTOSTAN»

Lysova O.V., Abdullina A.Sh., Nigmatullina L.A.

Birsk Branch of the Ufa University of Science and Technology

The article is devoted to the issues of studying the current trends in the development of the tourism and hospitality industry in the Republic of Bashkortostan from the point of view of the study of materials related to the associative-semantic field of the concept "Bashkortostan". Based on the analysis of the obtained associations, the prerequisites and further possibilities for the development of new tourism areas in the Republic of Bashkortostan are determined. Particular attention in the article is paid to the development of cultural and historical tourism, including promising types of heritage tourism, determined on the basis of linguistic analysis of the word-stimulus expressing generalized socio-cultural and mental stereotypes of certain social and age groups of Russian society: "cultural landscapes", "local traditions, traditional events". In the course of writing the article, negative factors influencing the investment potential of the republic were identified, directions for improving the image policy of the region were proposed in order to develop the tourism and hospitality industry of the republic, as one of the most dynamically developing industries in the region.

Keywords: development of leisure and hospitality industry, Republic of Bashkortostan, associative experiment, heritage tourism, territory branding.

References

1. Bashkiriya demonstrates growth of investment activity in the tourism industry // <https://ufa.mk.ru/economics/2024/04/18/bashkiriya-demonstriruet-rost-investicionnoy-aktivnosti-v-turotrasli.html> (date of access 05.01.2025).
2. CMWP: Investment potential of the tourism sector in Russia is 2.45 trillion rubles // <https://cre.ru/analytics/91308> (date of access 05.01.2025).
3. Investment brochure Republic of Bashkortostan – territory of the future // <https://bashkortostan-vdnh-russia.ru/> https://disk.yandex.ru/d/EJH-Hk9-p5KqI_g
4. Russian associative dictionary // <http://thesaurus.ru/dict/>
5. Salikaeva D.E., Sharipova A.I. Associative dictionary in the system of the linguistic picture of the world (on the example of the associative-semantic field of the concept "Bashkortostan"). Proceedings of the interregional scientific and practical conference, (September 15, 2022). Issue 2. 2022. Pp. 71–76.

Описание семантики кратких параметрических прилагательных *широк* и *узок* (лингводидактический аспект)

Маркунайте Станислава Кестутисовна,

магистр филологических наук, преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: markunaitesk@mgsu.ru

В статье описывается семантика кратких форм параметрических прилагательных *широкий* и *узкий*. В рамках анализа языкового материала выявляются дополнительные собственно параметрические, не указанные в словарях лексико-семантические варианты, актуальные для полных и кратких форм рассматриваемых прилагательных. Проводится попытка связать выделенные лексико-семантические варианты прилагательных *широк* и *узок* с речевыми темами, актуальными для обучения иностранцев русскому языку.

Ключевые слова: параметрические прилагательные, краткие прилагательные, лексико-семантические варианты, русский язык как иностранный.

Прилагательные *широкий* и *узкий* относятся к лексико-семантической группе параметрических прилагательных. Данные прилагательные обозначают размер, длину, ширину, высоту. Они характеризуют мир в различных измерениях и являются результатом восприятия мира человеком.

Иностранные учащиеся, изучающие русский язык, знакомятся с параметрическими прилагательными в полной форме на элементарном уровне (Гос. стандарт по РКИ. Элементарный уровень). На первом сертификационном уровне учащиеся знакомятся с краткой формой прилагательного (Требования по РКИ. Первый уровень), а на втором сертификационном уровне учащиеся должны освоить употребление кратких форм прилагательных в функции предиката и их управление в речи (Гос. стандарт по РКИ. Второй уровень). Употребление кратких форм прилагательных (в том числе параметрических) является для иностранных учащихся огромной трудностью и всегда вызывает множество вопросов.

Во время анализа словарных статей различных параметрических прилагательных в «Малом академическом словаре» под редакцией А.П. Евгеньевой было выявлено, что значения параметрических прилагательных представлены очень широко. Так, например, основным параметрическим значением прилагательного *широкий* является 'Имеющий большую протяженность в поперечнике'. В это значение в рамках словарной статьи включается пример *широк в плечах* (Словарь русского языка: том IV, с. 717). Однако в лингводидактической функционально-коммуникативной модели языка такое объяснение слова *широкий* не является достаточным, более того, может вызвать дополнительные вопросы, поэтому нами совершенно попытка выделить актуальные лексико-семантические варианты для кратких прилагательных *широк* и *узок*. В классификации мы основываемся на анализе словарных статей «Малого академического словаря» под редакцией А.П. Евгеньевой, анализе примеров из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ), сопоставлении лексико-семантических вариантов (далее ЛСВ) рассматриваемых прилагательных в рамках антонимических пар и в рамках лексико-семантической группы параметрических прилагательных.

Рассмотрим собственно параметрические значения прилагательных *широкий* и *узкий*, актуальные для их кратких форм.

Были выделены следующие собственно параметрические (не переносные) ЛСВ прилагательного *широк*:

- 1) 'Имеющий большую протяженность в поперечнике': *Атлантический океан ... довольно широк.* (НКРЯ);
- 2) 'Не стесняющий движений (об одежде); свободный, просторный'. *Шаровары ... были так широки, что какой бы большой ни сделал он шаг, ног было ... не заметно.* (МАС);
- 3) 'Большой по ширине, чем требуется': *Пальто широко в плечах...* (МАС);
- 4) 'Занимающий большое пространство, обширный': *Да, товарищ, велика наша Родина и широки ее просторы...* (МАС);
- 5) 'Размашистый, свободный, крупный (о движениях рук, походке, шагах и т.п.)': *Но слишком широк оказался шаг, Анисимов пошатнулся, ... упал...* (НКРЯ).

6) 'Описание внешности человека':

- 1) описание тела человека: *Крысобо́й был ... настолько широк в плечах, что ... заслони́л ... солнце.* (НКРЯ);
- 2) описание лица человека: *Длинно ... лицо, широки глаза, длинны ... ресницы.* (НКРЯ).

Такие конструкции как *широк в плечах* встречаются в «Малом Академическом Словаре» в качестве примера ЛСВ 'Имеющий большую протяженность в поперечнике'. Однако мы в рамках своего исследования выделяем подобные конструкции в отдельный ЛСВ, так как, во-первых, конструкций, описывающих внешность человека много (*широк в плечах, широк в груди, широк в кости, человек широк* (в значении «крупный, коренастый»), и другие; во-вторых, подобные ЛСВ встречаются и у других кратких параметрических прилагательных (длинн: *лапца длинна, шея длинна, коса длинна, ноги длинны, руки длинны*; короток: *волосы коротки*; велик: *голова велика, ростом велик* и другие). В-третьих, конструкции *широк в плечах, широк в груди, широк в кости* и прочие не просто характеризуют тело человека как объект, 'имеющий большую протяженность в поперечнике', а описывают большого, крупного, широкоплечего, сильного человека с развитым плечевым поясом, с сильным физически развитым туловищем.

7) 'Описание анатомического строения животного': *Череп ирбиса относительно широк и короток ...* (НКРЯ);

8) 'Большой в диаметре': *Их вон десятки стоят вдоль бульвара. Разве что широк необычайно. Обхвата в два с половиной.* (НКРЯ) По контексту понятно, что дерево имеет большой обхват в диаметре.

Были выделены следующие собственно параметрические (не переносные) ЛСВ прилагательного *узок*:

- 1) 'Имеющий малую протяженность в поперечнике': *... уж очень узок проход.* (НКРЯ);
- 2) 'Облегающая, обтягивающая одежда, обувь': *Джинсы узки ...* (НКРЯ);

3) 'Меньший по ширине, чем требуется': *В самом деле тулуп, из которого успел и я вырасти, был немножко для него узок.* (МАС);

4) 'Описание внешности человека':

- 1) описание тела человека: *Гражданин ... в плечах узок ...* (НКРЯ);
- 2) описание лица человека: *... челюсти слишком узки и зубы сдавлены.* (НКРЯ);

5) 'Маленький в диаметре': *Просвет одной из труб делался особенно узок.* (НКРЯ) По контексту понятно, что диаметр трубки маленький.

Значение, связанное с диаметром сосуда / горлышка / трубок, мы не встречаем в словарях, однако, находим его при анализе языкового материала. Считаем необходимым выделять подобное значение в отдельный ЛСВ и обращать внимание иностранных учащихся на то, что в таких предложениях речь идёт именно о вытянутых (круглых) ёмкостях, а узки они в том смысле, что имеют малый диаметр.

Параметрические прилагательные ни в полной, ни в краткой форме не изучаются системно в рамках об-

учения русскому языку как иностранному. Краткие формы параметрических прилагательных обычно они даются разрозненно списком в ряде других прилагательных. Анализ семантики параметрических прилагательных (и ЛСВ, актуальных для кратких форм) помогает связать данные прилагательные с определенным набором речевых тем: характеристика одежды / обуви и соответствие размера одежды / обуви человеку (например, тема «В магазине», «Покупка одежды и обуви»); характеристика внешности человека («Внешность человека»); характеристика объектов физического мира, пространства («Моя страна»).

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
2. Словарь русского языка: том IV; Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Изд-во «Русский язык», 1988.
3. Национальный корпус русского языка
4. Государственный стандарт по русскому языку как иностранному. Элементарный уровень. М. – СПб., 2001.
5. Государственный образовательный стандарт по русскому языку как иностранному. Второй уровень. Общее владение. М. – СПб., 1999.
6. Требования по русскому языку как иностранному. Первый уровень. Общее владение. Второй вариант. М. – СПб., 2009.

THE DESCRIPTION OF THE SEMANTICS OF SHORT PARAMETRIC ADJECTIVES *ШИРОК* AND *УЗОК* (LINGUODIDACTIC ASPECT)

Markunaite S.K.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The current work describes the semantics of short forms of parametric adjectives *широкий* and *узкий*. As part of the analysis of the linguistic material, additional parametric lexico-semantic variants are identified, which are not specified in the dictionaries and which are relevant for the full and short forms of the adjectives. New selected lexico-semantic variants of adjectives *широк* and *узок* are linked with speech topics relevant for teaching Russian to foreigners.

Keywords: parametric adjectives, short form of adjectives, lexico-semantic variant, Russian as foreign language.

References

1. Arutyunova N.D. Language and the World of Man. Moscow, 1999.
2. Dictionary of the Russian Language: Volume IV; Ed. by A.P. Evgenyeva. – Moscow: Russian Language Publishing House, 1988.
3. National Corpus of the Russian Language
4. State Standard for Russian as a Foreign Language. Elementary Level. Moscow – St. Petersburg, 2001.
5. State Educational Standard for Russian as a Foreign Language. Second Level. General Proficiency. Moscow – St. Petersburg, 1999.
6. Requirements for Russian as a Foreign Language. First Level. General Proficiency. Second Option. Moscow – St. Petersburg, 2009.

Применение инновационных образовательных технологий при подготовке будущих специалистов сферы туризма

Масленникова Елена Геннадьевна,

к.с.н., доцент Высшей школы туризма и гостеприимства
ФГБОУ ВО «Российский государственный университет
туризма и сервиса»
E-mail: maslennikovaeg@yandex.ru

Тараненко Оксана Николаевна,

к.п.н., доцент ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский
государственный университет», Пятигорский институт
(филиал)
E-mail: ok-tar@mail.ru

Романько Ирина Евгеньевна,

к.и.н., доцент кафедры экономики, менеджмента
и государственного управления ФГБОУ ВО «Северо-
Кавказский государственный университет», Пятигорский
институт (филиал)
E-mail: ieromanko@ncfu.ru

В статье авторы рассматривают аспекты применения инновационных образовательных технологий при подготовке будущих специалистов в сфере туризма. Дается определение понятия «инновационные образовательные технологии». Авторы отмечают, что необходим переход к инновационным подходам, которые развивают не только фундаментальные знания, но и ключевые компетенции: коммуникативные навыки, творческое мышление, способность к самостоятельному решению профессиональных задач. Среди наиболее перспективных технологий авторы выделяют виртуальную реальность (VR), геймификацию и искусственный интеллект (ИИ). В результате исследования делается вывод о том, что применение инновационных педагогических технологий в образовании специалистов туристической отрасли – это не просто модернизация учебного процесса, а стратегическое вложение в будущее индустрии. Они не только повышают эффективность обучения, но и способствуют формированию целостной личности студента, готовности к вызовам современного мира и успешной профессиональной реализации.

Ключевые слова: инновационные образовательные технологии, сфера туризма, будущие специалисты, подготовка кадров.

Туристическая индустрия, находящаяся в условиях жесткой конкуренции, испытывает острую необходимость в инновациях. Завоевание лидирующих позиций на рынке и увеличение прибыли напрямую зависят от способности турфирмы предложить уникальный продукт и высококачественное обслуживание. Однако достичь этого без профессионально подготовленных кадров практически невозможно. Именно здесь первостепенными представляются инновационные образовательные технологии, формирующие специалистов нового поколения для туристической сферы.

Современный рынок предъявляет высокие требования к специалистам в туризме. Это не просто знание географических особенностей и умение бронировать билеты. Это глубокое понимание психологии клиента, умение строить долгосрочные отношения, решать нестандартные ситуации, использовать современные технологии маркетинга и продаж. Более того, успешный специалист должен быть готов к постоянному самообразованию и адаптации к изменяющимся условиям рынка.

Традиционные методы обучения часто оказываются недостаточными для подготовки таких специалистов. Необходим переход к инновационным подходам, которые развивают не только фундаментальные знания, но и ключевые компетенции: коммуникативные навыки, творческое мышление, способность к самостоятельному решению профессиональных задач. Именно здесь заключается роль образовательных технологий.

Под образовательными технологиями в данном контексте понимается систематический набор методов, форм, способов и инструментов обучения, направленных на формирование необходимых компетенций у будущих специалистов туристической индустрии. Это может включать в себя:

- 1) использование интерактивных методик: ролевые игры, симуляции, кейс-стади, групповые проекты, позволяющие студентам отрабатывать практические навыки в реалистичных условиях;
- 2) внедрение цифровых технологий: онлайн-платформы для обучения, виртуальные туры, программное обеспечение для анализа рынка, использование больших данных для прогнозирования спроса;
- 3) обучение на основе проектов: студенты берут на себя решение реальных задач туристических компаний, разрабатывая маркетинговые стратегии, создавая туристические продукты и продвигая их на рынке;
- 4) фокус на развитии мягких навыков: коммуникация, работа в команде, решение конфликтных ситуаций, креативность, стрессоустойчивость [2, с. 223].

Применение инновационных образовательных технологий при подготовке будущих специалистов туристической отрасли – это не просто модернизация учебного процесса, а стратегическое вложение в будущее туристической индустрии. Выпускники, оснащенные необходимыми компетенциями, станут движущей силой развития туристического бизнеса, способствуя его конкурентоспособности на глобальном уровне. Инвестиции в современное образование – это инвестиции в успех целой отрасли. И только такой подход позволит российским турфирмам занять лидирующие позиции на мировом рынке туризма.

Современный рынок туристского бизнеса предъявляет высокие требования к специалистам. Выпускник профильного учебного заведения должен не просто обладать теоретическими знаниями, но и быть конкурентоспособным, востребованным, легко адаптироваться к меняющимся политико-экономическим условиям и обладать комплексом профессиональных компетенций. Достижение этой цели невозможно без перехода к компетентностному подходу в образовании и внедрения инновационных методов обучения. Традиционная система, ориентированная на передачу знаний, уже не отвечает требованиям современного времени. Компетентностный подход, в свою очередь, фокусируется на формировании практических навыков и умений, необходимых для успешной работы в сфере туризма. Это означает сдвиг от пассивного усвоения информации к активной деятельности студента, к его вовлечению в процесс обучения. Ключевые аспекты компетентностного подхода в образовании специалистов туристского бизнеса должны быть ориентированы на требования рынка. Таким образом, образовательная программа должна постоянно обновляться, отражая актуальные потребности работодателей. Это требует тесного взаимодействия с профессиональными сообществами, участия представителей индустрии в разработке учебных планов и проведении практических занятий [7, с. 37].

Необходимо применение деятельностного подхода в образовательном процессе высшей школы. Знания не должны оставаться абстрактными. Обучение должно строиться на решении реальных задач, моделировании ситуаций, характерных для профессиональной деятельности. Студенты должны учиться применять свои знания на практике, развивать навыки анализа, принятия решений и работы в команде.

Также следует повышать роль самостоятельной работы студентов. Самостоятельное изучение материалов, выполнение проектов, работа над индивидуальными исследованиями – все это способствует развитию самостоятельности, ответственности и творческого мышления. Преподаватель в этом случае выступает в роли наставника и консультанта, направляющего и поддерживающего студентов.

Актуальным представляется использование инновационных методов и технологий обучения. Интерактивные формы проведения занятий (семинары-дискуссии, деловые и ролевые игры, компьютерные симуляции, кейсы, тренинги) позволяют студентам активно участвовать в учебном процессе, развивать коммуникативные навыки и умение работать в команде. Использование современных технологий (онлайн-платформы, виртуальные туры, программное обеспечение для управления гостиницами) делает обучение более эффективным и интересным.

Присутствует необходимость и в применении инновационных методов обучения. К одному из таких методов следует отнести разбор реальных кейсов. Анализ успешных и неудачных примеров из практики позволит студентам изучать различные подходы к решению профессиональных задач. Ролевые игры позволяют отработать навыки общения с клиентами, решения конфликтных ситуаций, работы в команде. В настоящее время присутствует необходимость и в компьютерном моделировании. Использование специализированного программного обеспечения для управления гостиничным бизнесом или моделирования туристических маршрутов позволяет студентам получить практический опыт работы с профессиональными инструментами. Онлайн-курсы и вебинары расширяют доступ к образовательным ре-

сурсам и позволяют студентам обучаться в удобном для них темпе [5, с. 10].

Такие инновации в сфере высшего образования как виртуальная реальность, геймификация и искусственный интеллект меняют подготовку кадров для туристической индустрии. Национальный проект «Туризм и гостеприимство» ставит перед страной амбициозные цели по развитию туристической отрасли. Ключевым элементом успеха является повышение качества подготовки кадров. Третий федеральный проект, направленный на «Совершенствование управления в сфере туризма», акцентирует внимание на повышении качества сервиса и кадрового потенциала, включая разработку и внедрение инновационных образовательных программ. В этой связи использование передовых технологий становится не просто желательным, а необходимым условием конкурентоспособности будущих специалистов в сфере туризма. Традиционные методы обучения уже не способны в полной мере удовлетворить потребности динамично развивающейся индустрии [4, с. 165].

Современный турист – это информированный и требовательный потребитель, ожидающий от персонала высокого уровня профессионализма и знания современных технологий. Поэтому образовательные учреждения активно внедряют инновационные педагогические технологии, которые делают обучение более эффективным, интересным и приближенным к реальным условиям работы.

Среди наиболее перспективных технологий можно выделить следующее.

1. Виртуальную реальность (VR): VR-технологии позволяют создавать иммерсивные обучающие среды, погружая студентов в реальные ситуации, с которыми они могут столкнуться на рабочем месте. Например, студенты могут виртуально посетить отели разных категорий, практиковаться в общении с гостями на разных языках, решать проблемы с бронированием и т.д. Это позволяет отработать навыки в безопасной и контролируемой среде, минимизируя риски, связанные с практикой в реальных условиях.

2. Геймификация: использование игровых элементов в обучении повышает мотивацию студентов и делает процесс обучения более занимательным. Квесты, симуляции, викторины и другие игровые механики помогают закрепить теоретический материал и отработать практические навыки. Например, симуляция работы фронтальной стойки регистрации в отеле позволяет студентам быстро научиться эффективно общаться с гостями и решать различные проблемы.

3. Искусственный интеллект (ИИ): ИИ может использоваться для персонализации обучения, адаптации образовательного контента к индивидуальным потребностям студентов, а также для автоматизации процессов оценки знаний. Например, интеллектуальные системы могут анализировать прогресс студентов и предлагать им дополнительные упражнения или материалы для более глубокого понимания темы [3, с. 622].

В качестве примера успешного внедрения инновационных технологий можно привести использование сервиса LearningApps. Этот сервис позволяет создавать интерактивные упражнения различных форматов, включая поддержку видео, аудио и озвучки текста. Возможность копирования заданий в виде ссылки или QR-кода обеспечивает удобство использования при дистанционном обучении. Создание интерактивных упражнений не заменяет традиционные лекции и практические занятия, а дополняет их, повышая эффективность усвоения материала [1, с. 187].

Однако, необходимо отметить, что внедрение инновационных технологий требует не только приобретения необходимого оборудования и программного обеспечения, но и профессиональной подготовки преподавательского состава. Педагоги должны быть готовы к работе с новыми технологиями и уметь эффективно использовать их в образовательном процессе. Только комплексный подход, объединяющий инновационные технологии и высококвалифицированных преподавателей, позволит подготовить конкурентоспособных специалистов для российской туристической индустрии.

Современное образование стремительно интегрирует инновационные подходы. Цель – не просто передача знаний, а развитие целостной личности студента, обладающей критическим мышлением, коммуникативными навыками и готовностью к решению реальных профессиональных задач. Среди наиболее эффективных методов выделяются кейс-стади, деловые игры и педагогика удивления.

- Метод кейс-стади, или метод анализа конкретных ситуаций, активно внедряется в образовательный процесс не случайно. Он напрямую отвечает на вызовы современной образовательной парадигмы. Кейс-стади – это не просто разбор готовых решений, а глубокий анализ реальной или смоделированной ситуации, требующий от студента критического мышления, способности синтезировать информацию из различных источников, выдвигать гипотезы и обосновывать свои выводы. В процессе работы над кейсом студенты учатся эффективно работать в команде, аргументировано отстаивать свою позицию и учитывать мнения других. Важно отметить, что метод кейс-стади перестал быть исключительной прерогативой учебного процесса. Он широко используется в научных исследованиях, позволяя глубоко анализировать сложные социальные и экономические явления. Развитие навыков составления кейсов также является неотъемлемой частью обучения, позволяя студентам перевести теоретические знания в практическую плоскость и понять сущность процесса исследования. В целом, метод направлен на развитие общего интеллектуального и коммуникативного потенциала как студентов, так и преподавателей, способствуя более глубокому взаимодействию и пониманию [8, с. 9].
- Следующим инновационным методом являются деловые игры и тренинги. Они позволяют имитировать реальные профессиональные ситуации, формируя и закрепляя необходимые умения и навыки. Особую актуальность этот метод приобретает в сферах, требующих высокого уровня межличностного взаимодействия, таких как сфера гостеприимства. Ролевые игры в этом контексте позволяют отработать коммуникативные навыки, научиться эффективно взаимодействовать с коллегами, клиентами и партнерами, совершенствовать организационные способности и стрессоустойчивость. Более того, деловые игры способствуют развитию навыков командообразования, самоорганизации и стремления к самообучению и саморазвитию – ключевых компетенций для успешной карьеры в любой сфере.
- Педагогика удивления – это относительно новый подход, ориентированный на стимулирование когнитивной активности студентов через нестандартные методы преподавания и необычные задания. В основе этого метода лежит принцип «эффекта неожиданности», который позволяет пробудить интерес и заинтересованность в изучаемом материале. Это может проявляться в использовании интерактивных

технологий, нестандартных форм представления информации, включении элементов игры и творчества. Главная цель – перевести образовательный процесс из рутины в область живого интереса, побуждая студентов к самостоятельному поиску знаний и активному участию в образовательном процессе [6, с. 8].

Таким образом, современное образование все активнее использует инновационные методы обучения, такие как кейс-стади, деловые игры и педагогика удивления. Эти методы не только повышают эффективность обучения, но и способствуют формированию целостной личности студента, готовности к вызовам современного мира и успешной профессиональной реализации. Комбинация традиционных и инновационных методов позволяет добиться оптимальных результатов и подготовить конкурентоспособных специалистов для туристической отрасли.

Литература

1. Кашлев С.С. Технология интерактивного обучения: учебно-методическое пособие. Москва: ИНФРА-М, 2024. 239 с.
2. Лазарева Л.В. Применение инновационных технологий и ресурсов // при подготовке кадров туристского и гостиничного бизнеса // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. Том 17. 2023. № 2. С. 215–226.
3. Лобышева Т.М. Педагогические условия эффективного формирования профессиональных компетенций у будущих специалистов туристической индустрии // Фундаментальные исследования. 2012. № 9–3. С. 619–624.
4. Мандель Б.Р. Инновационные технологии педагогической деятельности: учебное пособие. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 260 с.
5. Перова Т.В. Способы повышения конкурентоспособности специалистов сферы гостеприимства // Вестник евразийской науки. 2015. № 5. С. 1–11.
6. Перова Т.В., Закирова О.В. Использование тренинговых технологий в процессе подготовки специалистов сферы туризма // Вестник Мининского университета. 2016. № 4. С. 1–9.
7. Степичев П.А. Педагогика удивления: новая парадигма образования в XXI веке // Paradigmata Poznani. 2015. № 4. С. 35–38.
8. Троянская С.Л. Основы компетентностного подхода в высшем образовании: учебное пособие. Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2016. 176 с.

THE USE OF INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE TRAINING OF FUTURE SPECIALISTS IN THE FIELD OF TOURISM

Maslennikova E.G., Taranenko O.N., Romanko I.E.

Russian State University of Tourism and Service, North Caucasus State University Pyatigorsk Institute (branch)

In this article, the authors consider aspects of the application of innovative educational technologies in the training of future specialists in the field of tourism. The definition of the concept of “innovative educational technologies” is given. The authors note that it is necessary to switch to innovative approaches that develop not only fundamental knowledge, but also key competencies: communication skills, creative thinking, and the ability to independently solve professional problems. Among the most promising technologies, the authors highlight virtual reality (VR), gamification and artificial intelligence (AI). As a result of the research, it is concluded that the use of innovative pedagogical technologies in the education of specialists in the tourism industry is not just a modernization of the educational process, but a strategic investment in the future of the industry.

They not only increase the effectiveness of learning, but also contribute to the formation of a holistic student's personality, readiness for the challenges of the modern world and successful professional realization.

Keywords: innovative educational technologies, tourism, future specialists, personnel training.

References

1. Kashlev S.S. Technology of interactive learning: an educational and methodological guide. Moscow: INFRA-M, 2024. 239 p.
2. Lazareva L.V. The use of innovative technologies and resources // in the training of personnel in the tourism and hotel business // Bulletin of the Association of Universities of Tourism and Service. Volume 17. 2023. No. 2. pp. 215–226.
3. Lobysheva T.M. Pedagogical conditions for the effective formation of professional competencies among future specialists of the tourism industry // Fundamental research. 2012. No.9–3. pp. 619–624.
4. Mandel B.R. Innovative technologies of pedagogical activity: a textbook. Moscow; Berlin: Direct Media, 2019. 260 p
5. Perova T.V. Ways to increase the competitiveness of hospitality professionals // Bulletin of Eurasian Science. 2015. No. 5. pp. 1–11.
6. Perova T.V., Zakirova O.V. The use of training technologies in the process of training specialists in the field of tourism // Bulletin of the Minin University. 2016. No. 4. pp. 1–9.
7. Stepichev P.A. Pedagogy of surprise: a new paradigm of education in the XXI century // Paradigmata Poznani. 2015. No. 4. pp. 35–38.
8. Troyanskaya S.L. Fundamentals of the competence approach in higher education: a textbook. Izhevsk: Publishing Center «Udmurt University», 2016. 176.

Приемы отработки лексики на занятиях английского языка в строительном вузе

Костюкович Елена Юрьевна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский московский государственный строительный университет
E-mail: KostyukovichEY@gic.mgsu.ru

Статья посвящена изучению новых методологических направлений отработки лексики на занятиях английского языка в строительном ВУЗе с использованием различных приемов. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Высказывается предположение о том, что профессиональная компетентность специалиста «будущего» – мульти-структурное аддитивное образование, каркас которого составляют три классические группы навыков (скилл-кейсы) – жестких, мягких и навыков самосовершенствования. Вместе с тем, по мнению автора, их функциональный баланс обеспечивают дополнительные скилл-боксы, одним из которых является иноязычный (иноязычная компетенция). Уточняется дефиниция понятия «иноязычная компетенция». Акцентируется на том, что иноязычная компетентность будет считаться сформированной настолько, насколько развита способность специалиста строительной сферы мыслить и действовать в той или иной профессиональной ситуации (бытовой, проблемной, прогностической и проч.). Исходя из классического знания о структуре иноязычной компетенции, заключается об образующей роли лексического навыка в воспроизводстве данной способности. Дается его характеристика, предлагается авторская тематически согласованная трактовка. Изучается имеющийся опыт применения инновационных методологических направлений отработки лексики на занятиях иностранного (английского) языка, как процесса преобразования соответствующих знаний и умений в навык. Отдельное внимание уделено методу «направленного открытия», доказана его теоретическая и практическая эффективность в иноязычном обучении студентов строительных специальностей с учетом тренда экстернализации профильного образования. Заключено о необходимости развития опыта применения различных инновационных методов и приемов отработки STEM-профессиональной лексики, в том числе в рамках комплексного подхода к обучению будущих специалистов.

Ключевые слова: отработка лексики, лексический навык, профессионально-ориентированное обучение, английский язык, строительный ВУЗ, критическое мышление, метод «направленного открытия».

Получение и развитие **новых навыков** в настоящее время является главной «экзистенциальной» метазадачей (с греч. μετά – «между, после, через») специалиста независимо от области его профессиональной деятельности [1, 9, 12]. Формирование **знания и умения**, собственно, получения, развития и в последующем полезного использования таких навыков осуществляется, как правило, на этапе обучения в высшей школе и последующих ступенях образования (дополнительной профессионального образования), что предопределено не только базисными положениями прикладных ФГОС, но и в целом новой парадигмой прогностического воспитания так называемого «универсального» участника трудовых отношений, или в более привычной терминологии – **«специалиста будущего»** [14].

Действительно, современные геополитические тренды, разнонаправленно влияя на абсолютное большинство общественных институтов, создают все новые, практические не подлежащие предсказанию условия и перспективы профессиональной жизнедеятельности человека, находящегося на старте своего карьерного пути. Особенно остро это проявляется в **строительной и смежных отраслях**; после событий 2020 (пандемия COVID-19) и 2022 гг. (СВО на Украине) отдельные отраслевые кадровые сектора стали испытывать кадровый дефицит высококвалифицированного персонала [4]. Так, например, согласно мнению директора по персоналу Группы ЦДС Юлии Девяткиной, наиболее сложной остается ситуация с инженерно-техническими кадрами, специалистами проектно-конструкторских бюро, в ИТ, управлении недвижимостью и проч. Аналогичного мнения придерживаются HR-руководители других крупных строительных объединений (групп, консорциумов)¹.

В своих предыдущих исследованиях мы неоднократно делали акцент на том, что компетентностный фундамент инженерно-технического специалиста имеет сложную структуру и включает отнюдь не только базовые профессиональные компетенции – жесткие навыки (англ. hard skills), но также гибкие (англ. soft skills) навыки и навыки самосовершенствования (англ. self-skills) [10, 11]. Их функциональная гармония и корреляционный эффект зависит от наличия (сформированность) у такого специалиста набора дополнительных скилл-боксов. Так, например, высказано предположение о том, что **профессиональная культура** (skill box of professional culture), выполняя симбиотическую и, вместе с тем, каталитическую роль в работе перечисленных фундаментальных навыков, способствует достижению инженерно-техническим специалистом уровня мастерства в трудовой деятельности [6, 10, 15].

Полагаем, аналогичным образом действует и другая группа субнавыков – скилл-кейс, компоненты которого составляют **иноязычную компетенцию** (англ. foreign language skill box). Основной функцией (ролью) данной компетенции является дифференциально-дескриптивная; в буквальном понимании, владение

¹ От сварщика до айтишника: какие кадры нужны строительным компаниям и где их брать. – 29.06.2023 // Фонтанка.ру. – URL: <https://www.fontanka.ru/2023/06/29/72445850/?ysclid=izv2uyngcb411832094> (дата обращения: 25.07.2024)

иностранным языком позволяет определить (от лат. *describere*) положение конкретного специалиста, в нашем случае – специалиста строительной сферы, – на определенной ступени его профессионального развития. Опираясь на положения, высказанные Е.А. Пушкаревой, мы предлагаем рассматривать **иноязычную компетенции** такого **специалиста** как органичную совокупность знаний, умений, опыта и экспертизы, выражающих его компетентность в области коммуникации и комфортном функционировании в мультикультурной профессиональной среде (проектной, информационной, цифровой) [13].

Мы исходим из того, что иноязычная компетентность будет считаться сформированной настолько, насколько развита способность специалиста строительной сферы мыслить и действовать в той или иной профессиональной ситуации (бытовой, проблемной, прогностической и проч.). Данная способность является воспроизводимой и является результатом накопления специального знания, получаемого в процессе обучения иностранному языку в результате прохождения соответствующих уровней. Согласно классическому знанию, иноязычная компетенция представляет собой структуру, которую составляют таких уровня: лингвистический, речевой и профессиональный. Каждый из них, в свою очередь, подразделяется на подуровни. Как видно на рисунке 1, базисный уровень формирования изучаемой компетенции составляет лингвистический уровень, основу которого, в свою очередь составляет **лексический подуровень**.

Рис. 1. Простейшая структура иноязычной компетенции [5]

Согласно мнению А.С. Даниленко, данный уровень включает в себя наличие (обладание, знание) словарного запаса и умение уместно использовать те или иные речевые единицы касательно контекста речи» [5, с. 189]. Для образования **прикладного лексического навыка** требуется апробация (отработка) данных умений, применение на практике имеющихся вокабулярных знаний. В данном случае следует согласиться с мнением Н.К. Сулеймановой о том, что формирование лексической компетенции, – многоступенчатый процесс; среди прочего в нем также задействуются *способности* обучающегося решать коммуникативные задачи, связанные с практическим использованием иноязычной лексики в речевой деятельности на основе приобретенных знаний, умений и навыков [16]. Исходя из этой мысли, можно заключить о том, что **лексический навык специалиста строительной сферы** – это функциональная (активная) совокупность знаний о специальных (профессиональных) лексических единицах одной или нескольких профессиональных групп (профессионализмах) и умений их применять в условиях деловой коммуникации (бытовой, проблемной, прогностической и проч.) на иностранном (английском) языке, для комфортного функционирования в мультикультурной профессиональной среде (проектной, информационной, цифровой).

По достижении в результате **отработки лексического навыка** (англ. *lexical skill*) определенной степени ав-

томатизма и, в последующем, образования симбиотических мыслительных связей – в действиях по выбору лексической единицы одной или нескольких профессиональных групп (включая профессионализмы) согласно ситуации (см. рисунок 2), в том числе в «сочетании с другими единицами в продуктивной речи (говорение и письмо), а также в восприятии и ассоциировании со значением в рецептивной речи (аудирование, чтение)» [19, с. 19] – можно будет говорить о прохождении первой фазы формирования лексической компетенции и, таким образом, первой ступени соответствующего уровня компетенции иноязычной [3].

Простые термины: *aspect* (ракурс), *balcony* (балкон), *balustrade* (балюстрада), *basket* (боскет), *colour* (колер), *dome* (купол), *gabarit* (габарит), *gallery* (галерея), *interior* (интерьер), *lucarne* (люкарна), *lunette* (люнет), *panel* (панель), *parquet* (паркет), *pergola* (пергола), *pile* (свая), *relief* (рельеф), *reveal* (откос), *rhythm* (ритм), *rotunda* (ротонда), *sand* (песок), *square* (площадь), *timber* (лесоматериалы), *veranda* (веранда) и проч.

Производные термины: *adhesion* (адгезия), *baluster* (стойка), *foundation* (фундамент), *hardness* (твёрдость), *humidity* (влажность), *impost* (импост), *incrustation* (инкрустация), *pavement* (тротуар), *plancer* (софит), *plaster* (штукатурка), *reconstruction* (реконструкция), *restoration* (реставрация), *underlayment* (стяжка) и проч.

Сложные термины: *breathability* = *breath* + *ability* (водонепроницаемость); *break + stone/rock + stone* (щебень); *concrete + finisher* (бетонщик); *forehall* = *fore* + *hall* (аванзал); *notchboard* = *notch* + *board* (косоур); *plattband* = *plat* + *band* (наличник); *resistibility* = *resist* + *ability* (прочность); *satellite-city* = *satellite* + *city* (город-спутник); *skirting-board* = *skirting* + *board* (плинтус); *staircase* = *stair* + *case* (лестница) и проч.

Рис. 2. Примеры групп профессиональных лексических единиц

В настоящее время существует множество актуальных и функциональных методов, подходов, приемов и проч. отработки лексики на занятиях иностранного (английского) языка. В последнее время научное знание активно пополняется новыми методологическими направлениями, в том числе ориентированными на коммуникативный подход к обучению, например: лингвокультурный (*linguocultural*), лексический (*lexical approach*), холистический (*language awareness*), обучение на основе задач (*task-based learning*), обучение на основе содержания (*content-based instruction*), *dogme*-подход, «требуй больше» (*demand high*) и других [2]. Нужно сказать, что многие из них в российских педагогических реалиях (вышая школа) практически не разработаны. Аналогичная ситуация имеется и в отношении альтернативных методов иноязычного обучения, например, метод полной физической реакции (*total physical response*), метод сценария (*story line method*), структурный метод (*structural method*), метод *presentation*, дедуктивный метод (*practice and production*), функциональный метод (*functional approach*) и проч. [8].

Анализ международного педагогического опыта позволил нам среди прочих выделить **метод «направленного открытия»** (англ. *guided discovery*) [8, 20, 23]; в русскоязычном знаниевом сегменте он также известен как индуктивный метод, метод управляемых открытий или направляющий метод. Изначально он использовался исключительно для формирования грамматических навыков обучающихся. Согласно Дж. Скривенеру, овладение соответствующим материалом предполагает, во-первых – объяснение преподавателем грамматического правила, во-вторых, непрямо́я помощь обучающимся в понимании этого правила, в-третьих, постижение его смысла обучающимися самостоятельно [24, р. 267]. Таким образом, очевидно, что основная идея метода заключается в том, что преподаватель принимает участие в формировании грамматических знаний и лишь косвенно грамматических умений, тогда как отработка правила на практике (формирование навыка) вменяется самому

обучающемуся [18]. Имеются эмпирические исследования, доказывающие эффективность индуктивного метода в преподавании иностранного языка обучающимся независимо от возраста и уровня знаний [21].

С введением дистанционного обучения «guided discovery» стали применять и для формирования других лингвистических и речевых навыков [7]. В свою очередь переориентация образовательных организаций на парадигму непрерывного образования способствовала кристаллизации данной методологической практики и в других предметных областях. Так, например, в результате проведенного эмпирического исследования, Шри Хастути Ноер заключает о том, что использование метода «направленного открытия» в преподавании математических и естественнонаучных дисциплин более эффективно в сравнении с традиционными, что, среди прочего, выражается в качественном улучшении навыков критического мышления обучающихся [22]. Контекстуально данные результаты вызывают определенный интерес, поскольку, как было указано выше, основу иноязычной компетентности специалиста строительной сферы в том числе составляют мыслительные процессы, требующие образования символических мыслительных связей на определенном уровне освоения иностранного языка.

В качестве примера кейса отработки лексики на занятиях иностранного (английского) языка в строительном ВУЗе можно привести следующий фрагмент лекции: преподаватель в рамках темы *Building Materials* дает обучающимся необходимый вокабуляр терминов, необходимых для целей профессиональной коммуникации, затем дает упражнения (например, *read international words and guess about their meanings, mind the stress; match the synonyms; match the adjectives to the nouns; match the words to make phrases; match the words with their definitions* и проч.), текст (письменный и аудиальный) для самостоятельного изучения в группе и ответа на краткие вопросы, выполнения задания «true & false» или другие (*translate into Russian the words and phrases from the text; translate into English the words and the phrases from the text* и проч.).

К следующей лекции обучающиеся готовят интерактивный проект (например, *summary*) на свободную отраслевую тему, в соответствии с их интересами (например, «*Egyptian Pyramid Construction Techniques*», «*The profession of a builder in British cinema*», «*The World's Worst Architectural Disasters*» и проч.), с задействованием всех или нескольких терминов, изученных на занятии, используя, в том числе аутентичный исследовательский материал. Таким образом, задействуются все единицы виды продуктивной речевой деятельности. На завершающем этапе преподаватель проводит ССQ-опрос (англ. concept checking question) для выявления уровня усвоения обучающимися изученных языковых единиц (вокабуляр, устойчивое выражение и проч.) [17].

Индуктивный метод предполагает использование приемов, заимствованных из других перспективных подходов иноязычного обучения: деловые игры, командные игры, кейсы (разбор проблемной профессионально-ориентированной ситуации), разработка сценария, тематические исследования, проектирование, сторителлинг (метод TPRS), дискуссия и проч. [7, 8, 11, 23]. Таким образом, отработка англоязычной профессиональной лексики на лекциях в строительном ВУЗе предполагает также использование иных приемов и методов обучения иностранного языка, что позволяет повысить эффективность достижения предметных и метапредметных результатов, в том числе, условиях экстернализованного режима получения иноязычного знания.

Так, как указывает Д.А. Зейналова, «guided discovery» рекомендуется использовать в комплексе с методом TPR (англ. total physical response – «полная физическая реакция») и функциональным методом [8]. Эмпирических доказательств комбинаторной методологии обучения нами обнаружено не было, равно как и педагогического опыта и результатов опытно-экспериментальных исследований в российском научном сегменте относительно изученного метода или его элементов (приемов). Учитывая описываемые в зарубежной литературе успешные практики применения метода «направленного открытия», существует необходимость в развитии опыта его применения, а также иных инновационных методов и приемов, их комбинаций для отработки STEM-профессиональной лексики, в том числе в рамках комплексного подхода к обучению будущих специалистов строительной и смежных отраслей.

Литература

1. Байер Е.А., Залужная М.В., Горбаткова О.И., Илларионова А.Ю. Проектирование персональной модели развития профессиональной жизнестойкости специалиста в области социального сиротства // *Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология*. 2023. № 1. С. 94–107.
2. Боголепова С.В. Современные подходы к обучению иностранному языку: общее и частное // *Лингвистика и методика преподавания иностранных языков*. 2020. Т. 13. № 2. С. 168–189.
3. Гайдаренко В.А. Использование метода TPRS для развития профессионально-ориентированной лексической компетенции у обучающихся неязыковых вузов // *Социально-гуманитарные знания*. 2023. № 12. С. 5–9.
4. Гилева К.В. Особенности реализации концепции управления условиями достойного труда на малых и средних предприятиях строительной отрасли // *Управленческие науки*. 2024. № 1. С. 133–148.
5. Даниленко А.С. Структура иноязычной коммуникативной компетенции // *Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева*. 2016. № 1 (35). С. 187–189. С. 189.
6. Жиляева О.А. Содержание профессиональной культуры личности // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. 2008. № 63–1. С. 105–109.
7. Жукова И.А. К вопросу о применении технологии Guided Discovery на практических занятиях по второму иностранному языку (английский) // *Материалы ежегодной научной конференции преподавателей и аспирантов университета, 18–19 апреля 2019 г.: в 5 ч.* – Минск: МГЛУ, 2019. – Ч. 1. – С. 92–93.
8. Зейналова Д.А. Реализация инновационных методик преподавания английского языка // *Педагогический журнал*. 2020. Т. 10. № 2А. С. 533–540.
9. Кобелева Е.П., Матвиенко Е.Н., Комкова А.С. формирование экзистенциальных навыков студентов в процессе иноязычной подготовки в ВУЗе // *Современные проблемы науки и образования*. 2022. № 6–1. 9 с.
10. Костюкович Е.Ю. Влияние гуманитарных дисциплин (на примере дисциплины «иностранное языки») на формирование профессиональной культуры студентов технических вузов // *Современное профессиональное образование*. 2023. № 5. С. 103–108.
11. Костюкович Е.Ю. Кейс-метод в обучении английскому языку в строительном ВУЗе // *Современное педагогическое образование*. 2023. № 1. С. 158–161.
12. Попова Т.А., Попова К.В. Экзистенциальная исполненность и профессиональная мотивация у субъ-

ектов помогающих профессий // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки. 2022. № 3. С. 36–51.

13. Пушкарева Е.А. Формирование профессионально-деловой иноязычной компетенции будущих инженеров-строителей с применением средств цифровых технологий: дисс. ... канд. педагог. наук: 5.8.7. – Воронеж, 2023. – 227 с.
14. Работа с Будущим в контексте непрерывного образования: сборник научных статей по материалам II Международной научно-практической конференции (г. Москва, Россия, 18–19 апреля 2019 года). – М.: МГПУ, ООО «А-Приор», 2019. – 245 с.
15. Светличный Е.Г. Формирование профессиональной культуры будущих юристов на основе контекстного обучения: дисс. ... канд. педагог. наук: 13.00.08. – Ялта, 2018. – 227 с.
16. Сулейманова Н.К. Формирование профессионально-ориентированной лексической компетенции у курсантов, изучающие иностранные языки // Экономика и социум. 2021. № 10 (89). С. 1402–1405.
17. Тарасова Е.В. Метод управляемых открытий (guided discovery) в обучении иностранному языку // Преподавание иностранных языков в поликультурном мире: традиции, инновации, перспективы: Сборник статей V Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию кафедры иностранных языков, Минск, 23–24 марта 2023 года / Редколлегия: В.Д. Стариченок (отв. ред) [и др.]. – Минск: Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», 2023. – С. 220–222.
18. Тимохина О.Б. Использование метода «направленное открытие» (guided discovery) при объяснении грамматического материала изучаемого иностранного языка // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. – Москва, 2017. – С. 212–217.
19. Шамов А.Н. Лексические навыки устной речи и чтения – основа семантической компетенции обучаемых // Иностранные языки в школе. 2007. № 4. С. 19–25. С. 19.
20. Germain, Jesse L. 2012. Guided discovery: A Twentieth Century Model Proves useful in the Twenty-First Century Classroom. United States Military Academy. Vol. 20 (12).
21. Hasanvand M., Mohammadian A. The Effects of Guided Discovery Learning on the Development of Iranian Teenage and Adult EFL Learners' Syntactic Structures // Applied Research on English Language. 2022. Vol. 11(2). P. 73–92.
22. Noer S. Guided discovery model: An alternative to enhance students' critical thinking skills and critical thinking dispositions // Journal Riset Pendidikan Matematika. 2018. Vol. 5(1). P. 108–115.
23. Rafiq R., Sabil M., Aswad M. How to Implement Discovery Learning in English Language Teaching at Indonesia Higher Education? // IDEAS: Journal on English Language Teaching and Learning, Linguistics and Literature. 2023. Vol. 11(1). P. 36–50.
24. Scrivener J. Learning Teaching. – MacMillan, 2011. – 416 p.

TECHNIQUES FOR PRACTICING VOCABULARY IN ENGLISH CLASSES AT A CONSTRUCTION UNIVERSITY

Kostiukovich E.Y.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article is devoted to the study of new methodological directions for practicing vocabulary in English classes at a construction uni-

versity using various techniques. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. It is suggested that the professional competence of a specialist of the “future” is a multi-structural additive formation, the framework of which consists of three classical groups of skills (skill cases) – hard, soft and self-improvement skills. At the same time, according to the author, their functional balance is provided by additional skill boxes, one of which is a foreign language (foreign language competence). The definition of the concept of “foreign language competence” is clarified. It is emphasized that foreign language competence will be considered formed to the extent that the ability of a specialist in the construction sphere to think and act in a particular professional situation (everyday, problematic, prognostic, etc.) is developed. Based on classical knowledge about the structure of foreign language competence, it is concluded about the forming role of lexical skill in the reproduction of this ability. Its characteristics are given, the author's thematically consistent interpretation is proposed. The existing experience of applying innovative methodological directions of vocabulary development in foreign (English) language classes is studied, as a process of transforming relevant knowledge and skills into a skill. Special attention is paid to the method of “directed discovery”, its theoretical and practical effectiveness in foreign language teaching of students of construction specialties is proven, taking into account the trend of externalization of specialized education. It is concluded about the need to develop experience in applying various innovative methods and techniques for practicing STEM professional vocabulary, including within the framework of an integrated approach to training future specialists.

Keywords: vocabulary development, vocabulary skill, professionally oriented training, English language, construction university, critical thinking, “di guided discovery” method.

References

1. Bayer E.A., Zaluzhnaya M.V., Gorbatkova O.I., Illarionova A. Yu. Designing a personal model for the development of professional resilience of a specialist in the field of social orphanhood // Innovative science: Psychology, Pedagogy, Defecology. 2023. No. 1. P. 94–107.
2. Bogolepova S.V. Modern approaches to teaching a foreign language: general and specific // Linguistics and methods of teaching foreign languages. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 168–189.
3. Gaidarenko V.A. Using the TPRS method to develop professionally oriented lexical competence in students of non-linguistic universities // Social and humanitarian knowledge. 2023. No. 12. P. 5–9.
4. Gileva K.V. Features of the implementation of the concept of managing decent work conditions at small and medium-sized enterprises in the construction industry // Management Sciences. 2024. No. 1. P. 133–148.
5. Danilenko A.S. The structure of foreign language communicative competence // Bulletin of KSPU named after V.P. Astafiev. 2016. No. 1 (35). P. 187–189. P. 189.
6. Zhilyaeva O.A. The content of the professional culture of the individual // Bulletin of the RSPU named after A.I. Herzen. 2008. No. 63–1. P. 105–109.
7. Zhukova I.A. On the Application of Guided Discovery Technology in Practical Classes in a Second Foreign Language (English) // Proceedings of the Annual Scientific Conference of University Teachers and Postgraduates, April 18–19, 2019: at 5 o'clock. – Minsk: Moscow State Linguistic University, 2019. – Part 1. – Pp. 92–93.
8. Zeynalova D.A. Implementation of Innovative Methods of Teaching English // Pedagogical Journal. 2020. Vol. 10. No. 2A. Pp. 533–540.
9. Kobeleva E.P., Matvienko E.N., Komkova A.S. Formation of Students' Existential Skills in the Process of Foreign Language Training at a University // Modern Problems of Science and Education. 2022. No. 6–1. 9 p.
10. Kostyukovich E. Yu. The Impact of Humanities (using the Foreign Language Discipline as an Example) on the Formation of Professional Culture of Students of Technical Universities // Modern Professional Education. 2023. No. 5. pp. 103–108.
11. Kostyukovich E. Yu. Case Method in Teaching English at a Construction University // Modern Pedagogical Education. 2023. No. 1. pp. 158–161.

12. Popova T.A., Popova K.V. Existential Fulfillment and Professional Motivation in Subjects of Helping Professions // Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences. 2022. No. 3. pp. 36–51.
13. Pushkareva E.A. Formation of Professional and Business Foreign Language Competence of Future Civil Engineers Using Digital Technologies: Diss. ... Cand. pedagog. sciences: 5.8.7. – Voronezh, 2023. – 227 p.
14. Working with the Future in the Context of Continuous Education: a collection of scientific articles based on the materials of the II International Scientific and Practical Conference (Moscow, Russia, April 18–19, 2019). – M.: MGPU, OOO “A-Prior”, 2019. – 245 p.
15. Svetlichny E.G. Formation of the professional culture of future lawyers based on contextual learning: diss. ... Cand. pedagog. sciences: 13.00.08. – Yalta, 2018. – 227 p.
16. Suleimanova N.K. Formation of professionally oriented lexical competence in cadets studying foreign languages // Economy and Society. 2021. No. 10 (89). P. 1402–1405.
17. Tarasova E.V. Guided discovery method in teaching a foreign language // Teaching foreign languages in a multicultural world: traditions, innovations, prospects: Collection of articles from the V International scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Department of Foreign Languages, Minsk, March 23–24, 2023 / Editorial board: V.D. Starichenok (editor) [et al.]. – Minsk: Educational institution “Belarusian state pedagogical university named after Maxim Tank”, 2023. – P. 220–222.
18. Timokhina O.B. Using the guided discovery method in explaining the grammatical material of the studied foreign language // Modern problems of the humanitarian and natural sciences. – Moscow, 2017. – P. 212–217.
19. Shamov A.N. Lexical skills of oral speech and reading are the basis of semantic competence of learners // Foreign languages at school. 2007. No. 4. P. 19–25. P. 19.
20. Germain, Jesse L. 2012. Guided discovery: A Twentieth Century Model Proves useful in the Twenty-First Century Classroom. United States Military Academy. Vol. 20 (12).
21. Hasanvand M., Mohammadian A. The Effects of Guided Discovery Learning on the Development of Iranian Teenage and Adult EFL Learners' Syntactic Structures // Applied Research on English Language. 2022. Vol. 11(2). P. 73–92.
22. Noer S. Guided discovery model: An alternative to enhance students' critical thinking skills and critical thinking dispositions // Journal Riset Pendidikan Matematika. 2018. Vol. 5(1). P. 108–115.
23. Rafiq R., Sabil M., Aswad M. How to Implement Discovery Learning in English Language Teaching at Indonesia Higher Education? // IDEAS: Journal on English Language Teaching and Learning, Linguistics and Literature. 2023. Vol. 11(1). P. 36–50.
24. Scrivener J. Learning Teaching. – MacMillan, 2011. – 416 p.

Дефицит педагогических кадров в системе среднего профессионального образования: проблемы и решения

Матросов Антон Алексеевич,

аспирант кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: 9222223118@list.ru

Ваторопин Александр Сергеевич,

д.с.н., профессор кафедры управления персоналом и социологии, Уральский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: vatoropin-as@raepa.ru

Статья посвящена одной из важнейших проблем в сфере среднего профессионального образования – дефициту педагогических кадров. В статье обосновывается необходимость устранения последнего для преодоления кризисных явлений в СПО. Целью статьи является выявление релевантных проблем, которые не позволяют преодолеть дефицит педагогов в системе среднего профессионального образования, и предложение рекомендаций для разрешения указанных проблем.

Для реализации поставленной цели было проведено эмпирическое социологическое исследование, в ходе которого методом полуструктурированного интервью были опрошены работники сферы СПО. На основе их ответов были выявлены основные проблемы (факторы), обуславливающие существование дефицита педагогических кадров, и разработаны соответствующие предложения.

Ключевые слова: среднее профессиональное образование, дефицит педагогических кадров, эмпирическое социологическое исследование, факторы дефицита педагогических кадров; решение проблемы дефицита педагогических кадров.

Введение

Система среднего профессионального образования (СПО) в России играет ключевую роль в подготовке специалистов для различных отраслей экономики. Она обеспечивает рынок труда кадрами, обладающими практически всеми навыками и теоретической подготовкой, необходимыми для выполнения задач на современных предприятиях. В условиях увеличения числа абитуриентов, поступающих на программы СПО, возрастает потребность в квалифицированных педагогах, которые могут обеспечивать высокий уровень подготовки и адаптировать студентов к быстро меняющимся требованиям рынка.

Однако на сегодняшний день существует серьезная проблема нехватки педагогических кадров в системе СПО. Острая нехватка квалифицированных преподавателей в колледжах и техникумах ограничивает возможности качественного развития системы СПО и ставит под угрозу её способность готовить специалистов, соответствующих современным профессиональным стандартам.

Целью данной статьи является выявление проблем (факторов), обуславливающих дефицит педагогических кадров в системе СПО, и разработка рекомендаций, направленных на решение этих проблем.

Материалы и методы

Проблема дефицита педагогических кадров в системе среднего профессионального образования (СПО) уже привлекала внимание исследователей. Они рассматривали причины, последствия и возможные пути преодоления кадрового дефицита в образовательной сфере. Так, Н.В. Зубаревич исследовала социально-экономические факторы, влияющие на распределение кадров и отток квалифицированных специалистов из образования, включая региональные различия и их влияние на кадровый дефицит [11]. Исследователи (Т.М. Резер, Я.А. Григоренко) подчеркивают влияние демографической ситуации на формирование кадрового дефицита, в частности отмечают значимую для промышленного региона неравномерность демографического развития населения в Курганской, Свердловской и Челябинской областях. Резер, Т.М. Государственное управление демографической ситуацией в Уральском федеральном округе / Т.М. Резер, Я.А. Григоренко // Вопросы управления. – 2023. – № 1(80). – С. 75–89. – DOI 10.22394/2304–3369–2023–1–75–89. – EDN QTGAKS. [12]. Ю.Р. Вишневецкий и С.Ю. Рощин занимались вопросами профессиональной ориентации и карьерных ожиданий студентов, изучая, почему выпускники педагогических направлений не всегда возвращаются в образовательную систему после обучения [13]. И.Н. Молчанов подчеркивает значимость оценки образовательных достижений учащихся в развитии системы профессиональной ориентации школьников. Молчанов, И.Н. Интеллектуальный капитал школьников в зеркале международных сопоставлений / И.Н. Молчанов // Вопросы управления. – 2022. – № 4(77). – С. 31–45. – DOI 10.22394/2304–3369–2022–4–31–45. – EDN OJYICZ. [14]. О.Г. Филатова сосредоточила внимание на анализе соци-

альной поддержки и карьерного сопровождения молодых специалистов, которые могут способствовать уменьшению оттока педагогических кадров из учреждений СПО [13]. Н.С. Калмыкова изучала удовлетворенность трудом среди педагогов и факторы их профессионального выгорания, что важно для удержания специалистов в системе СПО [14]. И.Г. Ткаченко рассматривала влияние материального вознаграждения и нематериальных стимулов на мотивацию педагогов, работая над темой укрепления престижа педагогической профессии [15].

Также проводились эмпирические социологические исследования по проблеме дефицита педагогических кадров, но в основном они касались системы образования в целом, включая начальное, среднее и высшее образование. Исследования, посвященные только системе СПО, проводились реже. Например, ВЦИОМ проводил исследования, связанные с удовлетворенностью трудом педагогических работников, мотивацией и барьерами в образовательной сфере [16]. Фонд «Общественное мнение» изучал вопросы престижа профессии преподавателя, социальной поддержки и барьеров для работы в образовательных учреждениях, включая аспекты, связанные с условиями работы и оплатой труда [17].

Отметим, что именно эмпирические исследования помогают глубже понять факторы, влияющие на дефицит педагогических кадров, и раскрыть причины, по которым образовательные учреждения в системе СПО сталкиваются с трудностями в привлечении и удержании квалифицированных преподавателей. Эти исследования выявляют основные барьеры для молодых специалистов, такие как низкий уровень заработной платы, отсутствие перспектив карьерного роста, недостаточная социальная поддержка, а также высокие нагрузки и бюрократизация работы.

Однако, ситуация с дефицитом педагогических кадров в системе СПО по-прежнему остается сложной, не меняется в лучшую сторону. Это требует продолжения исследований, тем более что необходимо учитывать такие факторы, как быстрое изменение технологического уклада российской экономики, импортозамещение и др.

В рамках нашего исследования был проведен опрос методом полуструктурированного интервью, направленный на изучение проблемы дефицита педагогических кадров в системе среднего профессионального образования. В качестве респондентов выступили 20 человек: это преподаватели, представители администрации колледжа 10 мужчин из них 9 преподавателей и 1 заведующий кафедрой и 10 женщин из них 9 преподавателей и 1 заведующая кафедрой в возрасте от 21 года до 75 лет. Участники имели различный профессиональный опыт, варьирующийся от 2 до 40 лет.

Результаты исследования

В ходе опроса преподавателей колледжа Екатеринбургского института физической культуры (филиала) Уральского государственного университета физической культуры были выявлены ключевые проблемы, влияющие на кадровый дефицит в системе среднего профессионального образования, а также предложены возможные пути их решения.

Одной из основных причин нехватки кадров в системе СПО является низкий уровень заработной платы преподавателей. По данным Росстата, средняя заработная плата преподавателей колледжей Свердловской области составляет около 35–40 тысяч рублей, что значительно ниже средней заработной платы в промышленности (70–80 тысяч рублей по Свердловской области)

[21] Это делает работу в колледжах менее привлекательной для молодых людей, которые часто выбирают другие профессиональные сферы.

Подавляющее большинство респондентов отметили, что уровень их заработной платы не соответствует ни трудозатратам на выполнение их запланированной нагрузки, ни текущим экономическим условиям. Преподаватели с опытом (мужчина, 33 года, стаж 12 лет и женщина, 35 лет, стаж 9 лет) заявили, что текущий уровень зарплаты не позволяет им обеспечить стабильную жизнь. По их мнению, для более или менее комфортного уровня жизни и для привлечения молодых специалистов зарплата должна быть не менее 60 тыс. рублей.

Кроме того, преподаватели считают, что для улучшения ситуации требуется государственное регулирование заработной платы, чтобы устранить значительные различия между регионами. Как отметил один из респондентов, «государство должно установить фиксированную минимальную ставку для преподавателей, чтобы профессия стала привлекательнее по всей стране» (мужчина, 28 лет, стаж 5 лет).

Преподаватели также предложили усилить социальные гарантии для молодых специалистов и создать больше льгот. Один из них считает, что необходимо ввести государственную систему грантов для преподавателей СПО, которые могли бы покрывать их обучение, аренду жилья или переезд в другие регионы (мужчина, 28 лет, 5 лет).

Следующая проблема, на которую обращают внимание преподаватели различных возрастных групп – нехватка современных и актуальных программ повышения квалификации. Несмотря на наличие доступных курсов, респонденты (мужчина, 33 года, стаж работы 5 лет и женщина, 30 лет, стаж работы 7 лет), отметили, что курсы зачастую устарели и не отвечают требованиям быстро развивающихся технологий и рынков. Им бы хотелось видеть больше практических тренингов и мастер-классов, которые готовили бы их к работе в современных условиях.

Один из респондентов выразил желание проходить курсы по современным технологиям и психологии работы с молодежью, чтобы эффективнее взаимодействовать с учениками. Он подчеркнул: «Курсов много, но хотелось бы больше практических мастер-классов и технологий» (мужчина 21 год, стаж работы 2 года). Другой респондент отметил необходимость курсов по методам вовлечения студентов в образовательный процесс. Это может включать повышение их интереса к учебе, активное участие в занятиях, взаимодействие с преподавателем и друг с другом, а также использование современных технологий и методик для поддержания мотивации в обучении и использованию цифровых технологий в образовательном процессе: «Необходимы современные тренинги», – считает респондент. Среди тем, которые бы заинтересовали респондента, он указал: «Основы IT, методы вовлечения студентов, работа с мотивацией» (женщина 24 года, стаж 6 лет). Он также выразил заинтересованность в стажировках на реальных предприятиях для лучшего понимания требований рынка труда: «Да, интересна сфера психологии и педагогики в условиях реального бизнеса».

Среди других ключевых проблем, которые приводят к уходу молодых педагогов из системы СПО, респонденты обратили внимание на следующие.

Отсутствие карьерного роста

Как отметил один из участников опроса: «Перспектив мало, нужно внедрить четкие карьерные пути и повысить

оплату за старшинство» (мужчина, 28 лет, стаж 5 лет). Другой респондент подчеркнул: «Перспективы роста не развиты, нужны карьерные консультации» (женщина, 24 года, стаж 6 лет).

Избыточная бумажная нагрузка

Серьезной проблемой, выявленной в ходе опроса, является значительный объем бюрократической работы, который отвлекает педагогов от их основной деятельности – преподавания. Один из респондентов предложил: «Снизить бумажную работу и внедрить новые технологии для упрощения процесса преподавания» (мужчина, 35 лет, стаж 8 лет) Участники опроса подчеркивают, что чрезмерные административные обязанности, связанные с составлением отчетов, документацией и планированием, существенно увеличивают рабочую нагрузку, снижая качество подготовки и проведения занятий. Это, в свою очередь, создает дополнительный стресс и приводит к профессиональному выгоранию, особенно у молодых специалистов. Решением, по их мнению, может стать оптимизация документооборота и активное внедрение цифровых технологий.

Отсутствие поддержки для молодых специалистов

Одной из проблем, выявленных в ходе исследования, является недостаточная материальная и социальная поддержка молодых педагогов. Респонденты указывают на необходимость внедрения мер, направленных на улучшение жилищных условий. В частности, предлагаются субсидии на аренду жилья, а также программы льготного кредитования и государственные субсидии на приобретение жилья: «Молодым педагогам необходима поддержка в решении жилищных вопросов, например, субсидии на аренду жилья или льготное кредитование на приобретение собственного жилья», – отмечают респонденты (мужчина 28 лет, стаж работы 5 лет).

Старение кадров

Еще одной значимой проблемой, выявленной в ходе опроса, является старение кадров. Более 55% преподавателей старше 50 лет, тогда как доля специалистов моложе 35 лет составляет лишь 8%. Этот дисбаланс создает значительные риски для системы СПО, поскольку многие педагоги старших возрастных групп вскоре выйдут на пенсию, а привлечение молодых специалистов остаётся на низком уровне: «Старение кадров становится серьёзной проблемой: большинство преподавателей – это специалисты старших возрастных групп, а молодых специалистов практически нет. Нужно привлекать молодежь в профессию, иначе через несколько лет возникнет дефицит кадров», – подчеркнул один из респондентов (мужчина 45 лет, стаж работы 15 лет)

Обобщая предложения респондентов, высказанные в ходе проведенного нами опроса, можно сформулировать следующие рекомендации для решения проблемы дефицита педагогических кадров в системе СПО.

1). Повышение заработной платы и социальная поддержка:

- увеличить базовый уровень заработной платы педагогов, что позволит повысить привлекательность профессии;
- ввести программу субсидирования аренды жилья и льготного ипотечного кредитования для преподавателей.

2). Снижение бюрократической нагрузки:

- провести аудит управленческих процессов с целью оптимизации объема используемой документации;
 - внедрить современные цифровые технологии для автоматизации рутинных задач, чтобы сократить время педагогов для основной деятельности.
- 3). Создание условий для профессионального роста:
- разработать и внедрить новые программы повышения квалификации, включая стажировки, курсы и обмен опытом;
 - организовать доступ к ресурсам для самостоятельного обучения и профессионального развития.
- 4). Поддержка молодых специалистов:
- разработать систему мотивационных мер для привлечения молодежи в сферу СПО в качестве преподавателей, которая включала бы повышенные стипендии для студентов, наставничество, гранты;
 - разработать привлекательные карьерные треки, включающие четкие перспективы карьерного и профессионального роста, учитывающие достижения молодых педагогов и их вклад в модернизацию образовательного процесса в учреждениях СПО.
- 5). Создание центров карьерного консультирования для педагогов, где они смогут получить рекомендации по развитию своей профессиональной траектории.
- 6). Повышение престижа педагогической профессии, в том числе в сфере СПО.

Выводы

В ходе проведенного нами интервью с работниками сферы среднего профессионального образования были выявлены проблемы, которые обусловили дефицит педагогических кадров указанной сфере. Основные проблемы, на которые указали респонденты: низкий уровень материального обеспечения; нехватка современных программ повышения квалификации; отсутствие карьерного роста; избыточная бюрократическая нагрузка; отсутствие поддержки для молодых преподавателей; старение педагогических кадров.

Предложенные респондентами и авторами статьи рекомендации направлены на решение выявленных в ходе конкретно-социологического исследования проблем.

Литература

1. Иванов И.И. Проблемы нехватки кадров в системе среднего профессионального образования // Образование и общество. 2021. № 3. С. 45–52.
2. Петров А. В., Сидорова Л.Н. Социально-экономические аспекты профессионального образования в России. М.: Наука, 2019. 220 с.
3. Григорьев М.В. Система среднего профессионального образования: состояние и перспективы // Вестник образования. 2020. № 4. С. 31–38.
4. Социологические исследования: Кадровый дефицит в системе СПО / под ред. С.П. Кузнецова. СПб.: Питер, 2020. 345 с.
5. Егорова Т. В., Савельев Н.А. Анализ возрастного состава преподавателей системы СПО // Педагогика и образование. 2022. № 2. С. 68–74.
6. Ларионов В.К. Проблемы привлечения молодых специалистов в образовательные учреждения // Социология труда. 2020. № 5. С. 14–19.
7. Статистический сборник: Среднее профессиональное образование в России. М.: Росстат, 2021. 156 с.
8. Концепция развития системы среднего профессионального образования на период до 2030 года: Утв. распоряжением Правительства Российской Феде-

- рации от 16.07.2020 № 1730-р // Официальные документы в образовании. 2020. № 24. С. 15–22.
9. Панов А.С. Молодежь и педагогическая деятельность: современные тенденции // Вопросы образования. 2021. № 6. С. 102–108.
 10. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования: Приказ Минпросвещения РФ от 12.11.2019 № 840 // Официальные документы в образовании. 2019. № 46. С. 5–12.
 11. Зубаревич Н.В. Социально-экономические факторы, влияющие на распределение кадров и отток квалифицированных специалистов из образования // Региональные исследования. 2021. Т. 12. № 3. С. 45–58.
 12. Резер Т. М., Григоренко Я.А. Государственное управление демографической ситуацией в Уральском федеральном округе // Вопросы управления. 2023. № 1(80). С. 75–89. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-1-75-89. EDN: QTGAKS.
 13. Вишневский Ю. Р., Рошин С.Ю. Профессиональная ориентация и карьерные ожидания студентов: почему выпускники педагогических направлений не всегда возвращаются в образовательную систему после обучения // Вопросы образования. 2020. Т. 28. № 4. С. 90–104.
 14. Молчанов И.Н. Интеллектуальный капитал школьников в зеркале международных сопоставлений // Вопросы управления. 2022. № 4(77). С. 31–45. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-4-31-45. EDN: OJYICZ.
 15. Филатова О.Г. Социальная поддержка и карьерное сопровождение молодых специалистов как способ уменьшения оттока педагогических кадров в СПО // Педагогическое образование в России. 2022. Т. 15. № 2. С. 25–38.
 16. Калмыкова Н.С. Удовлетворенность трудом среди педагогов и факторы выгорания как аспект удержания специалистов в системе СПО // Психология труда и организации. 2021. Т. 10. № 1. С. 67–82.
 17. Ткаченко И.Г. Влияние материального вознаграждения и нематериальных стимулов на мотивацию педагогов: укрепление престижа педагогической профессии // Социально-экономическое развитие общества. 2023. Т. 9. № 5. С. 15–28.
 18. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Удовлетворенность трудом педагогических работников, мотивация и барьеры в образовательной сфере. Москва: ВЦИОМ, 2021. 45 с.
 19. Фонд «Общественное мнение». Престиж профессии преподавателя: социальная поддержка и барьеры для работы в образовательных учреждениях. Москва: ФОМ, 2022. 52 с.
 20. Исследования по проблеме дефицита педагогических кадров в системе образования: начальное, среднее и высшее образование // Образование и общество. 2020. Т. 15. № 3. С. 112–126.
 21. Социологический анализ условий работы и оплаты труда педагогов в России // Общественные науки и современность. 2021. Т. 27. № 2. С. 98–113.
 22. Исследования, посвященные системе среднего профессионального образования: эмпирический подход // Среднее профессиональное образование в России. 2022. Т. 5. № 1. С. 43–57.
 23. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 15.12.2024).

SHORTAGE OF TEACHING STAFF IN THE SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM: PROBLEMS AND SOLUTIONS

Matrosov A.A., Vatoropin A.S.

Ural Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to one of the most important problems in the field of secondary vocational education – the shortage of teaching staff. The article substantiates the need to eliminate the latter in order to overcome the crisis phenomena in the PDF.

The purpose of the article is to identify relevant problems that do not allow overcoming the shortage of teachers in the secondary vocational education system, and to propose recommendations for solving these problems.

To achieve this goal, an empirical sociological study was conducted, during which employees of the vocational education sector were interviewed using a semi-formal interview method. Based on their responses, the main problems (factors) causing the shortage of teaching staff were identified and appropriate proposals were developed.

Keywords: secondary vocational education, shortage of teaching staff, empirical sociological research, factors of shortage of teaching staff; solving the problem of shortage of teaching staff.

References

1. Ivanov I.I. Problems of personnel shortage in the system of secondary vocational education // Education and society. 2021. No. 3. pp. 45–52.
2. Petrov A.V., Sidorova L.N. Socio-economic aspects of vocational education in Russia. Moscow: Nauka, 2019. 220 p.
3. Grigoriev M.V. The system of secondary vocational education: state and prospects // Bulletin of Education. 2020. No. 4. pp. 31–38.
4. Sociological research: Personnel shortage in the vocational education system / edited by S.P. Kuznetsov. St. Petersburg: Peter, 2020. 345 p.
5. Egorova T. V., Savelyev N.A. Analysis of the age composition of teachers of the vocational education system // Pedagogy and education. 2022. No. 2. pp. 68–74.
6. Larionov V.K. Problems of attracting young specialists to educational institutions // Sociology of labor. 2020. No. 5. pp. 14–19.
7. Statistical collection: Secondary vocational education in Russia. Moscow: Rosstat, 2021. 156 p.
8. The concept of the development of the secondary vocational education system for the period up to 2030: Approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated 07/16/2020 No. 1730-r // Official Documents in Education. 2020. No. 24. pp. 15–22.
9. Panov A.S. Youth and pedagogical activity: current trends // Educational issues. 2021. No. 6. pp. 102–108.
10. Federal State educational standard of secondary vocational education: Order of the Ministry of Education of the Russian Federation dated 12.11.2019 No. 840 // Official documents in Education. 2019. No. 46. pp. 5–12.
11. Zubarevich N.V. Socio-economic factors affecting the distribution of personnel and the outflow of qualified specialists from education // Regional studies. 2021. Vol. 12. No. 3. pp. 45–58.
12. Rezer T. M., Grigorenko Ya.A. State management of the demographic situation in the Ural Federal District // Management issues. 2023. No. 1(80). PP. 75–89. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-1-75-89. EDN: QTGAKS.
13. Vishnevsky Yu. R., Roshchin S.Y. Professional orientation and career expectations of students: why graduates of pedagogical fields do not always return to the educational system after studying // Educational issues. 2020. Vol. 28. No. 4. pp. 90–104.
14. Molchanov I.N. Intellectual capital of schoolchildren in the mirror of international comparisons // Management issues. 2022. No. 4(77). PP. 31–45. DOI: 10.22394/2304-3369-2022-4-31-45. EDN: OJYICZ.
15. Filatova O.G. Social support and career support for young professionals as a way to reduce the outflow of teaching staff to vocational schools // Teacher education in Russia. 2022. Vol. 15. No. 2. pp. 25–38.
16. Kalmykova N.S. Job satisfaction among teachers and burnout factors as an aspect of retaining specialists in the vocational ed-

- education system // *Psychology of Labor and Organization*. 2021. Vol. 10. No. 1. pp. 67–82.
17. Tkachenko I.G. The influence of material remuneration and non-material incentives on the motivation of teachers: strengthening the prestige of the teaching profession // *Socio-economic development of society*. 2023. Vol. 9. No. 5. pp. 15–28.
 18. The All-Russian Center for the Study of Public Opinion (VTsIOM). Satisfaction with the work of teaching staff, motivation and barriers in the educational field. Moscow: VTsIOM, 2021. 45 p.
 19. The Public Opinion Foundation. The prestige of the teaching profession: social support and barriers to work in educational institutions. Moscow: FOM, 2022. 52 p.
 20. Research on the problem of shortage of teaching staff in the education system: primary, secondary and higher education // *Education and society*. 2020. Vol. 15. No. 3. pp. 112–126.
 21. A sociological analysis of the working conditions and remuneration of teachers in Russia // *Social Sciences and Modernity*. 2021. Vol. 27. No. 2. pp. 98–113.
 22. Research on the system of secondary vocational education: an empirical approach // *Secondary vocational education in Russia*. 2022. Vol. 5. No. 1. pp. 43–57.
 23. The average monthly nominal accrued salary of employees of organizations by type of economic activity in the Russian Federation. Rosstat. URL: <https://rosstat.gov.ru> (date of request: 12/15/2024).

Стилистический подход к определению оценки

Метелькова Лилия Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: lilia.metelkova@gmail.com

Салихова Оксана Константиновна,

старший преподаватель кафедры Высшей школы европейской лингвистики и межкультурной коммуникации, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: oksalikhova@yandex.ru

Зайцева Елена Львовна,

доцент кафедры иностранных языков № 2, ФБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
E-mail: 917elena@mail.ru

Данная статья продолжает логику начатого ранее исследования информационно-аналитического текста французской прессы в свете его интерпретационного и воздействующего потенциала и ставит перед собой цель исследование прилагательного как одного из основных языковых средств выражения оценки, а также анализа функционирования оценочных прилагательных в языке современных СМИ. В основе данной работы лежит функционально-семантический подход.

Ключевые слова: информационно-аналитический текст, оценка, лингвистические средства, качественные прилагательные.

Введение

Категория оценки является ключевой в ценностной картине мира, выделяющейся, в свою очередь, в языковой картине мира. Система ценностей, присущая каждой культуре, т.е. представления народа о хорошем и плохом, добре и зле, красивом и безобразном, выражается в оценках и включается в общую картину мира. Вследствие этого наравне с оценочными признаками в семантике языковых единиц отражаются также социальные, культурные, исторические, географические, общественно-политические особенности картины мира.

Методология исследования

Современный подход к оценке в области стилистики предполагает анализ функциональных стилей с точки зрения оценочных средств в них. Поскольку такие тексты публицистического стиля, как информационно-аналитические, новостные, комментарии, очерки и реклама, передовая статья, являются субъективно-авторскими, а оценка сама по себе всегда субъективна [9], интерес представляет использование оценочных средств в этих текстах. Отличительной лингвистической особенностью таких текстов является преобладающее количество атрибутивных (N + A, A + N) и адвербиальных (Adv + Adj) словосочетаний в состав которых входит имя прилагательное (далее – ИП).

Лингвистическая категория оценки привлекает внимание большого ряда ученых (Н.Д. Арюнова, Е.М. Вольф, Т.Г. Добросклонская, Е.Ю. Комарова, Ю.В. Вельдина, Е.А. Нелюбина, Ю.Р. Антякина, Calas F., Uzor Ogechukwu C et Ubajaka, Onyinye D.), которые рассматривали ее с точки зрения семантики, психологии, прагматики, философии [1, 3, 6, 8, 11, 14, 15].

Так, Е.М. Вольф рассматривает прилагательное как основной носитель оценки в языке [3]. Анализ научной литературы, посвященной средствам оценки в показывает, что, будучи семантической категорией, оценка реализуется на разных уровнях языка с помощью соответствующих им средств: интонационных, графических, словообразовательных, лексических и синтаксических (Н.Д. Арутюнова [1], Е.М. Вольф [3], З.К. Темригазина [13]). Несомненно, что для стилистического подхода именно выбор средств выражения, то есть лексический уровень выражения оценки, когда слово не просто имеет значение, а еще выражает оценку, является основным.

Результаты и выводы

Категория оценки свойственная человеческой природе и является одним из способов отражения его взаимоотношений с окружающим миром. Оценка задана физической и психической природой человека, его жизнью и чувствами, она задает мышление и деятельность [1].

Как философская и лингвистическая категория, оценка универсальна, так как понятия «хорошо и плохо» свойственны любому языку. Человек сам формулирует свое мнение об окружающем мире, таким образом он окружающий мир общие и свои собственные представления о хорошем и плохом [1].

Согласно Ш. Балли, «любая категория оценочных слов ведёт своё происхождение от прилагательных».

Имя прилагательное обозначает признак, свойство, качество предмета. Категориальная семантика качества выявляет способность имен прилагательных определять существительные, которые выражают оценочную характеристику [2]. Лексико-семантический ряд качественных прилагательных является основным инструментом выражения мнения о лице или предмете. Если для семантики качественных прилагательных основным является «мнение субъекта (коллективного или индивидуально-го)», то относительные прилагательные выражают «знание концептуального признака объекта того или иного класса» [12].

Качественные и относительные прилагательные различаются по способу характеристики, который носит субъективный характер у качественных прилагательных, т.к. предполагает участие говорящего и его оценки; и объективный у относительных, т.к. отражает знания говорящего о признаках предмета данного класса [7, 10]. Под оценочными именами прилагательными нами понимаются качественные имена прилагательные, отличающиеся субъективным способом характеристики и служащие в контексте для выражения оценки говорящего.

Источником языкового материала для исследования оценочной лексики, послужили передовые статьи (à la une) из французской газеты *Libération* [4].

Анализ исследуемого материала строился на основании следующего алгоритма:

1) На основе словарных значений – выявление количества и соотношения качественных и относительных прилагательных с целью установления степени оценки (эксплицитная оценка – на основе качественных оценочных прилагательных, имплицитная оценка – на основе других средств);

2) выявление преобладающего значения имен прилагательных (то есть сводимость их значения к общему предикату «плохо / хорошо»);

В анализируемом материале были выявлены 446 качественных прилагательных и 352 относительных прилагательных. Данное соотношение представлено на рис. 1.

Как видно на диаграмме, из общего количества всех имен прилагательных 56% относится к качественным, остальные 44% относятся к относительным именам прилагательным. Выражая оценочное значение с помощью оценочных прилагательных, журналист усиливает субъективный характер статьи.

Приведем примеры употребления качественных и относительных прилагательных в контексте.

Так, например, в статье «Iran: des missiles contre la détente» автора Jean-Pierre Perrin речь идет о конфликте между Тегераном и ООН из-за испытания баллистических ракет, что вызывает беспокойство США и иностранных инвесторов.

«Après les élections du 26 février, qui ont donné une majorité moins radicale au Parlement, et fort de son succès avec l'accord sur le nucléaire, il pouvait espérer se consacrer à améliorer la désastreuse situation économique et être ainsi en bonne position pour remporter la présidentielle dans un an».

В словосочетание *une bonne position* подразумевается, что позиция правильно выбрана, и она приведет к желаемому результату.

В статье «Air du temps» речь идет о незащищенности и недостоверности информации, которая попадает в интернет *C'est un mal étrange, répandu parmi des esprits crédules et souvent juvéniles, alimenté pour l'essentiel par le Net / Это странное заболевание, встречается среди доверчивых и часто юных умов, просвещающихся в основном в Сети*. Рассмотрим имена прилагательные: в слово-

сочетании *un mal étrange* – *странная болезнь* автор дает собственную оценку сложившейся ситуации, о которой сказано в примере, называя ее «странной болезнью», прилагательное *étrange/странный* объективирует авторское впечатление неизученного и неопознанного. Далее, с помощью именного словосочетания *des esprits crédules / доверчивые умы* и адъективного словосочетания *souvent juvéniles / часто молодые*, автор характеризует публику, подвергшуюся этой «болезни», как достаточно юную, неопытную и доверчивую, высказывая собственное мнение к этому факту.

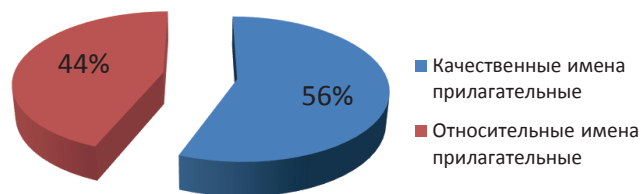

Рис. 1. Соотношение качественных и относительных прилагательных в информационно-аналитическом тексте

В значении прилагательных, согласно классификации В.Г. Гака, выделяются следующие пять категорий:

- прилагательные, передающие внутренние и внешние свойства;
- прилагательные, характеризующие форму, цвет и величину;
- прилагательные, вызывающие ощущения и впечатления [5].

На основании этой классификации в исследуемом материале нами было выявлено следующие соотношения (рис. 2).

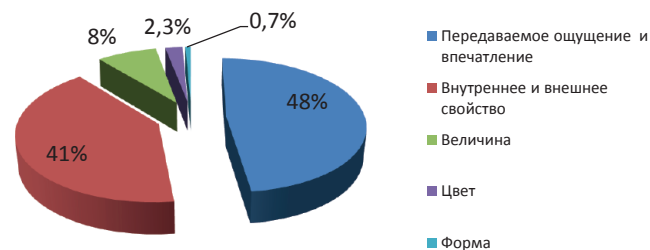

Рис. 2. Значения прилагательных в передовых статьях

Таким образом, в исследуемом типе текста отмечается преобладание прилагательных, передающих ощущение и впечатление, над остальными прилагательными. Этот факт может быть объяснен желанием журналистов передать, прежде всего личную оценку описываемых фактов и событий. Такие прилагательные занимают 48% из всех выявленных нами примеров качественных прилагательных. Процентное соотношение, приведенное на рис. 2 наглядно демонстрирует данную тенденцию.

В результате из 100% (44 прилагательных) 44% (19 прилагательных) выражают внешние и внутренние свойства, 11% (5 прилагательных) передают величину, из них прилагательное *grand* повторяется 4 раза, 45% (20 прилагательных) выражают личные отношения авторов. Заметим, что в ходе анализа полностью отсутствовали прилагательные, выражающие форму и цвет, что позволяет нам сделать вывод о преобладании прилагательных, передающих чувства, настроения, ощущения журналистов. Такой выбор средств выражения обязательно оказывает воздействие на читателя и объясняется целью как автора статьи, так и непосредственно всего издания имплантировать нужную оценку в сознании читателя.

Что касается сводимости оценочных значений к общим предикатам «хорошо / плохо», это соотношение можно увидеть на рис. 3.

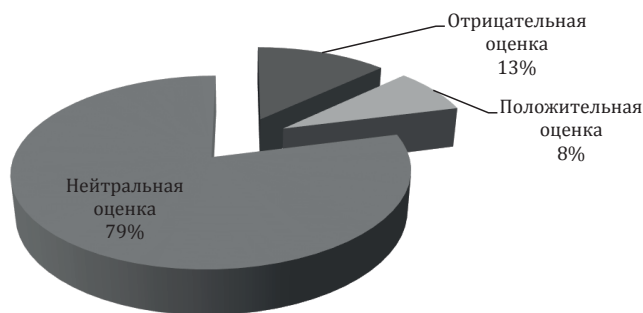

Рис. 3. Соотношение положительной и отрицательной оценки в передовой статье

Из 100% примеров отобранных нами, 13% составляют прилагательные, отрицательно-оценочное значение которых зафиксировано в словаре, 8% составляют положительно-оценочные прилагательные и 79% – прилагательные с нейтральной оценкой.

Следовательно, в современных французских передовых статьях адресаты склонны эксплицитно негативную оценку, а не положительную, что может быть связано с такими экстралингвистическими факторами, как социальные и политические события во Франции (пенсзионная реформа, иммиграционная политика и т.д.), негативные природные явления.

Заключение

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

- семантика прилагательных позволяет им быть основными маркерами оценки;
- качественные прилагательные выполняют в тексте субъективно-характеризующую функцию, относительные прилагательные не выражают оценку в прямом значении, но могут быть носителями имплицитной оценки за счет контекстуального окружения.
- Употребление качественных имен прилагательных в информационно-аналитическом тексте более часто чем имен относительных, что обуславливает субъективный тон данного вида текстов.
- Из реализуемых в контексте значений качественных имен прилагательных самым частотным является значение, передающее ощущение и впечатление, что позволяет журналистам передать оценку.
- Реализация аксиологического аспекта оценки в информационно-аналитическом тексте характеризуется преобладанием выражения негативной оценки над мелиоративной.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с. – ISBN: 5–8360–0407–2
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
4. Газета Libération [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.liberation.fr> [Дата обращения 7.11.2024].
5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис / В.Г. Гак – М.: Высшая Школа, 1986. – 219 с.
6. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т.Г. Добросклонская – М.: Флинта, 2008. – 203 с.

7. Зайцева Е.Л. Выражение отрицательной оценки в политическом дискурсе: опыт сравнительно-сопоставительного исследования российских и французских печатных средств массовой информации: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.20 / Зайцева Елена Львовна / Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2006. – 24 с.
8. Комарова, Е.Ю. Оценочная лексика в политическом дискурсе на примере англоязычных медиатекстов / Е.Ю. Комарова, Е.А. Нелюбина, В.Ю. Мягкова // Вестник филологических наук. – 2023. – Т. 3, № 8. – С. 77–82.
9. Лингвистический энциклопедический словарь. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/303b.html> / [Дата обращения 7.11.2024].
10. Метелькова Л.А. Языковые средства оценки общественно-политической жизни в России (на материалах французских политических дискурсов) / Л.А. Метелькова // Современная политическая коммуникация: Материалы Международной научной конференции, Екатеринбург, 21–24 сентября 2009 года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2009. – С. 71–74.
11. Способы выражения отрицательной оценки в англоязычном дискурсе / Е.Ю. Комарова, Ю.В. Вельдина, Е.А. Нелюбина, Ю.Р. Антяскина // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13, № 3.
12. Сулименко Н.Е. Современный русский язык: К изучению семантики имён прилагательных: Учебное пособие. – СПб., 2008. 241 с.
13. Темиргазина З.К. Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Учебное пособие. – Изд. 3-е, дополн. – Павлодар: ПГПУ, 2009. – 135 с.
14. Calas F. Chapitre 1. Méthode du commentaire stylistique. Leçons de stylistique – 2021.4e éd. <https://shs.cairn.info/lecons-de-stylistique-9782200631741-pa-ge-11?lang=fr>.
15. Uzor Ogechukwu C et Ubajaka, Onyinye D. Evolution de la stylistique: de l'analyse linguistique au regard sur la créativité littéraire // Nnadiabube Journal of Languages and Literature (NJLL). Vol. 2, No.1 (2024). p. 56–66.

STYLISTIC APPROACH TO DEFINING EVALUATION

Metelkova L.A., Salikhova O.K., Zaytseva E.L.

Moscow State University of Civil Engineering, Pacific State University, Uliyanov Chuvash State University

This article continues the logic of the earlier research of the information and analytical text of the French press in the light of its interpretative and influencing potential and aims to study the adjective as one of the main linguistic means of expressing evaluation, as well as the analysis of the functioning of evaluative adjectives in the language of modern media.

Keywords: informational and analytical text, evaluation, linguistic means, qualitative adjectives.

References

1. Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact. – M.: Science, 1988. – 341 p.
2. Bally Sh. French stylistics. 2nd ed., stereotyped. – M.: Editorial URSS, 2001. – 392 p. – ISBN: 5–8360–0407–2
3. Wolf E.M. Functional semantics of evaluation. – M.: Editorial URSS, 2002. – 280 p.
4. Libération newspaper [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.liberation.fr> [Accessed 7.11.2024].

5. Gak V.G. Theoretical grammar of the French language. Syntax / V.G. Gak – M.: Higher School, 1986. – 219 p.
6. Dobrosklonskaya T.G. Media linguistics: a systems approach to studying the language of the media / T.G. Dobrosklonskaya – M.: Flinta, 2008. – 203 p.
7. Zaitseva E.L. Expression of negative assessment in political discourse: experience of comparative-contrastive study of Russian and French print media: abstract of dis. ... candidate of philological sciences: 10.02.20 / Zaitseva Elena Lvovna /
16. Chuvash. state University named after I.N. Ulyanov. – Cheboksary, 2006. – 24 p.
8. Komarova, E. Yu. Evaluative vocabulary in political discourse on the example of English-language media texts / E. Yu. Komarova, E.A. Nelyubina, V. Yu. Myagkova // Bulletin of philological sciences. – 2023. – Vol. 3, No. 8. – P. 77–82.
9. Linguistic encyclopedic dictionary. [Electronic resource] – Access mode: <http://tapemark.narod.ru/les/303b.html> / [Accessed 7.11.2024].
10. Metelkova L.A. Linguistic means of assessing socio-political life in Russia (based on French political discourses) / L.A. Metelkova // Modern political communication: Proceedings of the International Scientific Conference, Ekaterinburg, September 21–24, 2009. – Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2009. – P. 71–74.
11. Ways of expressing negative assessment in English-language discourse / E. Yu. Komarova, Yu.V. Veldina, E.A. Nelyubina, Yu.R. Antyaskina // The world of science. Sociology, philology, cultural studies. – 2022. – Vol. 13, No. 3.
12. Sulimenko N.E. Modern Russian language: On the study of the semantics of adjectives: A tutorial. – St. Petersburg, 2008. 241 p.
13. Temirgazina Z.K. Modern theories in domestic and foreign linguistics. A tutorial. – 3rd ed., supplemented. – Pavlodar: PSPU, 2009. – 135 p.
14. Calas F. Chapitre 1. Méthode du commentaire stylistique. Leçons de stylistique – 2021.4e éd. <https://shs.cairn.info/lecons-de-stylistique-9782200631741-page-11?lang=fr>.
15. Uzor Ogechukwu C et Ubajaka, Onyinye D. Evolution de la stylistique: de l'analyse linguistique au regard sur la créativité littéraire // Nnadiesube Journal of Languages and Literature (NJLL). Vol. 2, No.1 (2024). p. 56–66.

Влияние культурной атмосферы в обществе на производство кино

Петраш Николай Дмитриевич,

аспирант Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: nick.petraш@gmail.com

В сфере киноискусства современное культурное пространство играет ключевую роль, формируя тенденции и раскрывая новые горизонты для творчества. Культурный контекст определяет не только тематику и стиль кинематографических проектов, но и выбор актеров для главных ролей, предоставляя широкие возможности для создания не только новых, но и истинно значимых кинопроизведений. В настоящее время наблюдается ориентир кинематографии преимущественно не на развитие отечественной культуры и формирование духовно-нравственных ценностей, а на мировые тренды и достижение коммерческого успеха. Представлено исследование влияния глобализации на отражение российской культуры и ценностей в кинематографе. Сформулированы уточненные определения категорий «культура», «культурная атмосфера». Определен механизм влияния культурной атмосферы на кинематографию, элементы кино. Разработаны рекомендации по снижению влияния глобализации на кинематографию и русскую культуру.

Ключевые слова: культура, культурная атмосфера, кино, кинематография, глобализация, ценности, рецензия.

На наше мышление, взаимодействие и поступки в значительной степени оказывают влияние сформированные веками ценности и традиции, которые передаются из поколения в поколение. Это наследие определяет структуру и направление развития общества, а также оказывает влияние на личностное самоопределение каждого человека. Особая атмосфера, создаваемая под влиянием культуры, играет ключевую роль в формировании общественных и личных эмоций, и поведенческих реакций, и именуется как культурная атмосфера. Культурное пространство выходит за рамки обычаев и традиций. Оно включает в себя базовые представления общества о мире, оказывая широкое влияние на массы как внутри, так и за пределами географических границ. Разнообразные аспекты культурной жизни и их воздействие на социальные аспекты общества играют важную роль в формировании идентичности народа. Культурный контекст включает в себя язык, традиции, искусство, веру и другие элементы, которые создают общее настроение и атмосферу в культуре отражают ее эмоциональную составляющую.

Сущностное содержание категории «культура» является предметом обсуждений разных авторов и исследователей. Рассмотрим наиболее, на наш взгляд, содержательные определения данного понятия, отражающие разные аспекты понятия и рассматривающие культуру как системную категорию с определенным набором характеристик. Наиболее содержательные дефиниции представлены авторами – Л.А. Скороходом, А.Я. Флиером, Л.Г. Ерекшевой.

По мнению Л.А. Скорохода, культура объединяет в себе множество идей, обычаев, взглядов и знаковых систем, которые обеспечивают передачу знаний и ценностей между поколениями, способствуя таким образом уникальному социальному развитию и взаимодействию. В основе этого динамичного процесса лежит набор основополагающих ценностей, которые играют роль повседневного ориентира для людей и формируют их взаимоотношения с миром в аспектах работы, общения и творчества. Принимая формы культурных творений, научных достижений и инновационных решений, эти ценности и правила становятся ключевыми элементами социального прогресса и передаются посредством символических действий, что обеспечивает постоянное обновление и развитие культурных процессов [11]. В рамках толкования, представленного Л.А. Скороходом, культура рассматривается как динамичная категория. Автор отражает наличие влияния культуры на общество, на обеспечение социального прогресса, при этом не рассматриваются механизмы воздействия культуры на общество, не рассматривается влияние культурной атмосферы на развитие социальной сферы.

По мнению А.Я. Флиера, культура стоит в центре социальных связей, выступая не просто как набор правил поведения и стандартов, но и как глубоко укоренившаяся система, которая развивалась веками, и основывается на традициях. Она играет ключевую роль в определении образа жизни общества, создавая уникальные формы взаимоотношений между людьми на основе общих принципов и норм, что способствует их гармоничному существованию вместе [12]. Данный подход к определению категории отражает значимость культуры в разви-

тии общества, выделяя принцип действия механизма через стандартизацию поведения. Но, как и предыдущий исследователь, А.Я. Флиер не рассматривает аспект формирования фонового механизма, образуемого в виде культурной атмосферы, влияющей на образ мышления в обществе без непосредственного взаимодействия с культурными объектами.

По мнению Л.Г. Ерекешевой, в рамках социальных систем, понятие «культура» включает в себя не только разнообразные подходы и техники, применяемые людьми или группами, но и результаты этих действий, включая возникающие между ними отношения. В этом контексте культура не просто считается набором инструментов, но и отражает эволюцию основных человеческих характеристик, выступая местом их развития и проявления. Таким образом, она превращается в маркер развития человечества, где процессы, не имеющие прямого отношения к оценкам ценностей, рассматриваются как важная составляющая. В общественном контексте, культура выступает как фундаментальное свойство, определяющее значимость личности и её творческий потенциал, а также способность к сбалансированному развитию. В свою очередь, во взаимоотношениях с окружающей природной средой, она служит средством обеспечения гармонии и баланса между человечеством и природой [4]. В данном случае автор отражает фоновое влияние культуры на построение взаимоотношений в обществе, определяет значимость данных процессов, но не рассматривает механизм, не уделяется внимание формированию и значению культурной атмосферы в системе управления общественным мышлением.

Дополняя рассмотренные подходы сформулируем следующее определение: культура – это система формирования ценностей и знаний народа, образуемых в системе творческих и инновационных процессов, влияющих на мышление индивидов, совершение ими выбора в различных ситуациях, на их мировоззрение через культурные объекты, через формирование культурной атмосферы, пронизывающей все направления и аспекты деятельности членов соответствующего общества.

Вопросам формирования и значения культурной атмосферы в системе общественного развития значительное внимание уделяют исследователи П.С. Куприянов, М.Л. Лурье [8], Б. Андерсон [17], Г. Бёме [3], Т. Гриффоро [18], М. Питерсон [19] и др. Как отмечают данные исследователи, взаимодействие между объектом и субъектом порождает некое особенное пространство, которое выходит за рамки обычного сочетания [18]. Г. Бёме характеризует это пространство как уникальную зону перехода между объектом и субъектом. Эта зона позволяет размыть установленные границы, как указывает М. Петерсон, и предоставляет возможность пересмотреть или даже отказаться от дуалистического разделения мира, как отмечает Т. Гриффоро [18].

П.С. Куприянов, М.Л. Лурье, рассматривая данный вопрос, акцентируют внимание на том, что люди, взаимодействуя с культурными объектами, посещая места культурного наследия, независимо от того, приходят ли они в качестве гостей или служат персоналом, часто выражают мысль о том, что значение этих пространств простирается далеко за рамки конкретных событий или местоположений. Они делают акцент на специфической атмосфере, характерной для мест, таких как музеи, театры, фестивали или городские парки, подчеркивая, что она порождает уникальные чувства и воспоминания, которые не ограничиваются только качеством представлений или пищей. Эти ощущения, как отмечают посетители и сотрудники, тесно связаны с личным опытом взаимодействия с культурным пространством, что делает эти

моменты поистине неповторимыми и выделяет их среди других культурных впечатлений [8].

Как отмечает П.И. Касаткин, культурное пространство обогащает взаимодействие и восприятие, создавая уникальную атмосферу, в которой центральную роль играют не только радость и впечатления от контакта с культурными аспектами, но и сам процесс восприятия. В этой среде, физическое наличие культурных объектов отходит на второй план перед эмоциональной насыщенностью и сосредоточенностью внимания, что делает каждый опыт уникальным и незабываемым. Тем самым, автор отражает не только наличие фонового влияния культуры на индивидов и общество, но и также выделяет эмоциональный аспект, через который, следует отметить, также оказывается влияние на все сферы жизни людей [5].

Таким образом, на основе рассмотренного определим содержание категории «культурная атмосфера»: под данным термином следует понимать неосознаваемую среду, информационное поле, формируемое в процессе создания и взаимодействия индивидов с элементами культуры, в результате которых образуется эмоциональная отдача, определенное восприятие человеком реальности, которые оказывают влияние на его образ мыслей, выбор, определение его принадлежности к социуму, его места в жизни. Культурная атмосфера влияет на многие аспекты жизни в обществе, включая образование, воспитательные мероприятия, мировоззрение и поведение людей. Видимым отражением этого являются архитектурные особенности городов, местные традиции, национальные праздники и музыкальные стили, делая каждое место уникальным и неповторимым благодаря его культурному наследию.

К актуальным факторам формирования культуры следует отнести: природные и климатические условия, географическое положение, историю, традиции, религию, политический строй, влияние отдельных людей, язык, разнообразие этнических групп в обществе, социальные и экономические проблемы общества, народное творчество, влияние культуры других стран (рис. 1).

Согласно рисунку 1, на формирование культурной атмосферы влияют сама культура и факторы ее распространения, в частности, праздники, мероприятия, организации и сообщества, способствующие распространению культуры, архитектура, живопись, плотность населения, развитие образования в сфере искусства, творчества, продвижение культуры через разные коммуникации, в том числе кинематограф. Культурная атмосфера представляет собой результат влияния широкой совокупности детерминант и определяется не только культурой как таковой, но и коммуникативными аспектами, способствующими ее распространению. Одним из таких инструментов является кинематограф. Культура и культурная атмосфера оказывают влияние на кинематограф, который, в свою очередь, влияет на формирование культурной атмосферы:

- в первом случае культурная среда влияет на интересы общества. С целью расширения аудитории просмотра фильмов режиссеры выбирают актуальные темы, соответствующие культурной атмосфере и интересам широкой публики. Это, в свою очередь, способствует отражению культурной атмосферы в кино;
- во втором случае кинематограф влияет на формирование культурной атмосферы через СМИ, а также эмоциональный фон, создаваемый зрителями.

Влияние культурной атмосферы на творческие направления и темы, избранные для фильмов, неоспоримо: социокультурные тренды и обсуждения в обществе, особенно когда они касаются актуальных вопросов, не-

изменно отражаются в производстве кино. Это позволяет кинематографу служить зеркалом современности, выделяя проблемы, которые волнуют общество, вызывая резонанс среди зрителей. Кроме того, предпочте-

ния публики, включая любимые жанры и стили, также играют ключевую роль в определении направлений для кинопроизводителей, желающих отвечать на запросы аудитории.

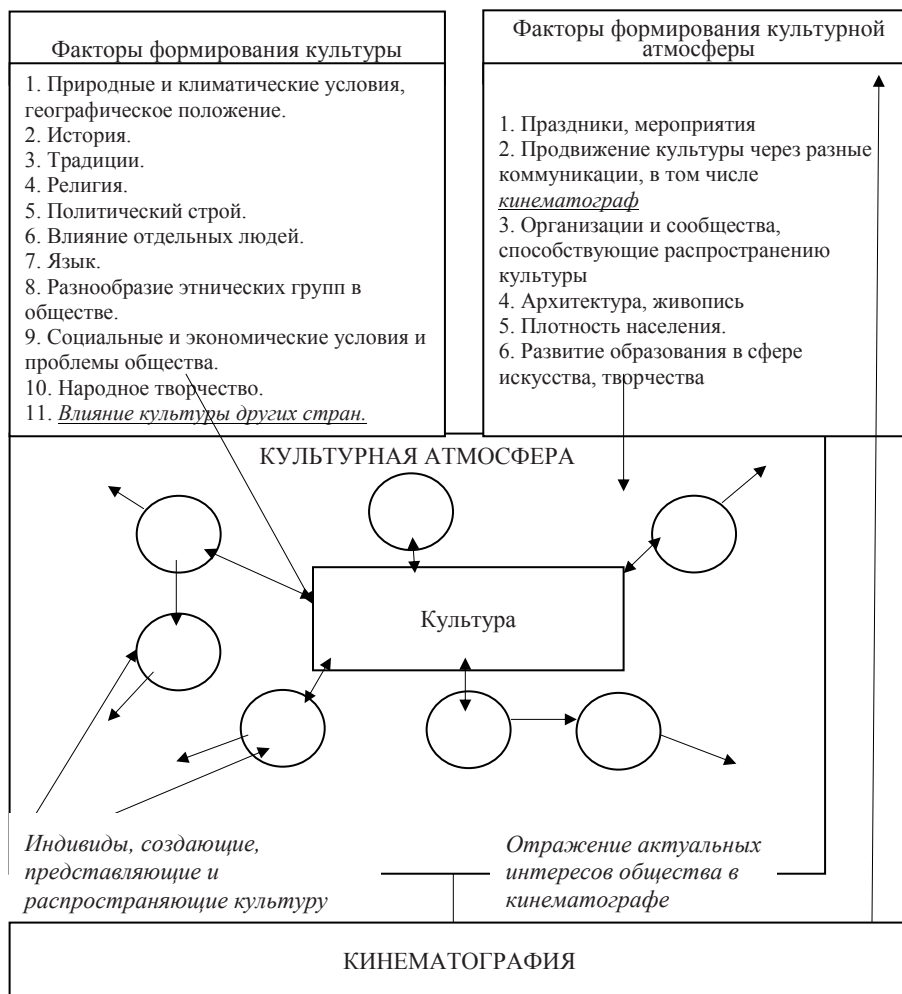

Рис. 1. Механизм взаимного влияния культурной атмосферы и кинематографа

Источник: составлено автором.

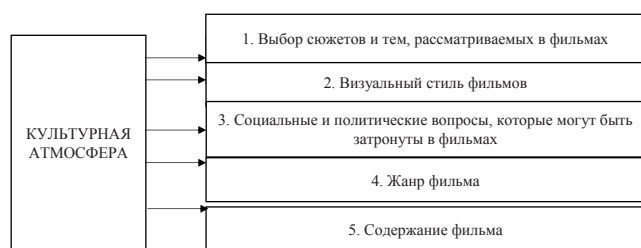

Рис. 2. Направления влияния культурной атмосферы на производство кино

Источник: составлено автором.

По мнению К.Ю. Мелконян, утверждать, что кинематограф точно и всеобъемлюще отражает общественную жизнь, было бы неверно. Это связано с тем, что любой режиссер, будучи элементом социокультурной среды, не способен предоставить абсолютно нейтральный взгляд на данную реальность. Тем не менее, несмотря на эти ограничения, фильмы продолжают оставаться важным средством для самовыражения и анализа современного общества [10]. В процессе создания кинофильмов все элементы – от подбора сюжета до визуального стиля и глубинного содержания – сильно зависят от культурного контекста, в котором они разрабаты-

ваются (рис. 2). Эта связь с культурой может эволюционировать [7], приспосабливаясь к переменам в таких аспектах, как политические обстоятельства, социальные нормы, религиозные верования и культурные традиции.

Согласно рисунку 2, влияние культурной атмосферы на производство кино может проявляться в следующих аспектных направлениях.

1. Выбор сюжетов и тем, рассматриваемых в фильмах.
2. Визуальный стиль фильмов.
3. Социальные и политические вопросы, которые могут быть затронуты в фильмах.
4. Жанр фильма.
5. Содержание фильма.

Рассмотрим конкретные примеры российских фильмов, в которых четко прослеживается такое аспектное влияние. Соответствующее исследование представлено в таблице 1.

В каждом из представленных случаев соответствие фильмов и их элементов культурной среде способствовали успешности картин, поскольку большое количество зрителей нашли в них отражение атмосферы, эмоций, а также актуальной тематики общества. В современную эпоху фильмы, освещающие актуальные социальные темы и отражающие настроения времени, становятся все более заметными и набирают популярность у зрителей [9]. Эти кинопроизведения не просто развлекают, они

также вызывают у зрителей желание обсуждать и размышлять о ключевых общественных вопросах, что приводит к их высокой оценке как со стороны аудитории, так

и критиков. Чтобы откликнуться на запросы современного общества, кинематографисты все чаще выбирают для своих работ актуальные сюжеты, стили, жанры.

Таблица 1. Примеры влияния культурной атмосферы на элементы производство кино

Направление	Примеры
1. Выбор сюжетов и тем, рассматриваемых в фильмах	Фильм «Духless» (2012) режиссера Романа Прягина. «Духless» представляет кинематографическое исследование жизни профессионального финансиста, окутанного обманом и коррупцией. Фильм открывает зрителям мрачный мир, в котором доминируют беспощадность и этический упадок
2. Визуальный стиль фильмов	Фильм «Москва слезам не верит» (1979) режиссера Владимира Меньшова. Фильм уникально воссоздает атмосферу Москвы 1950-х годов благодаря продуманному использованию визуальных элементов, которые точно передают дух времени. Дизайн сцены, выбор цветовой гаммы, тщательно подобранные костюмы и архитектурные особенности способствуют воссозданию аутентичного настроения той эпохи [16]
3. Социальные и политические вопросы, которые могут быть затронуты в фильмах	Фильм «Утомлённые солнцем» (1994) режиссера Никиты Михалкова. Фильм, действие которого происходит в 1936 году, переносит зрителей в гущу Советского периода, демонстрируя как политические интриги, так и семейные драмы сплетаются с общественным хаосом. Основная философия произведения заключается в том, что необходимо сохранять лояльность к своим убеждениям, несмотря на давление внешних политических сил, которое существовало в тот период
4. Жанр фильма	«Последний богатырь» (2017) режиссера Дмитрия Дьяченко. Значительную часть культуры России составляют сказки. Сказки играют важную роль в развитии чувства принадлежности к нации, закладывая основы моральных принципов и направлений в жизни. Сказки позволяют уйти от реальности, погрузившись в несуществующий красочный мир, что в настоящее время соответствует настроениям масс. При этом также следует отметить влияние глобализации, которое привело к трансформации сказки на современных экранах: добавлены зрелищность и спецэффекты, а также объединение реальности и сказки
5. Содержание фильма	Фильм «Питер FM» (2006) режиссера Оксаны Бычковой. Эта кинолента привлекает внимание как местных жителей, так и международной публики, заинтригованной российской культурой. Санкт-Петербург выступает не просто как фон для сюжета, но как живой участник событий, чья история и красота, отраженная в мельчайших деталях и знаковых местах вроде Невского проспекта, придают фильму необыкновенный шарм

Источник: составлено автором на основе представленных источников.

Важным аспектом рассматриваемого вопроса является определение актуальных векторов развития культурной атмосферы и кинематографии [2]. В данном контексте следует выделить влияние зарубежной культуры на формирование культурной атмосферы в стране и, как следствие, ее влияние на кинематографию [1]. Глобализационные процессы в экономике и мире приводят к интеграции национальных и зарубежных культурных пространств. Некоторые исследователи говорят о влиянии запада на российскую культуру, ее «американизации».

В эпоху глобализации и технологических инноваций, культурное воздействие Америки оказывается всеобъемлющим, охватывая не только Россию, но другие страны мира. После падения социалистического режима Россия столкнулась с необходимостью формирования новой реальности, основанной на капиталистических представлениях о рациональном построении общества [14]. Наиболее успешным и продвигаемым в мировых коммуникациях был опыт США [15], которые и стали образцовым государством для постсоветского общества [13]. И с каждым годом американские культурные особенности, включая предпочтения в кино, становятся все более популярными, влияя на стиль жизни и выбор массовых потребителей [6]. Благодаря глобальной сети и социальным медиа, доступ к американской культуре становится проще, что способствует ее быстрому распространению.

Ярким примером влияния культурной атмосферы, сформированной под воздействием американской

культуры и кинематографа, является фильм «Последний богатырь» режиссера Дмитрия Дьяченко. В создании данного проекта, авторы стремились достичь эффекта, сравнимого с качеством голливудских фильмов, в том числе посредством использования захватывающих сцен, активных действий, интересного сюжета, а также красочных пейзажей и качества изображения. Однако, проект вызвал споры за счет своего творческого подхода к русской истории, фольклору и культурным традициям, представляя их в переосмысленном и даже искаженном свете. В данном кинопроизведении, интерпретирующем русские народные сказки, произошло необычное переосмысление характеров традиционных злодеев. Так, Кощей Бессмертный, обычно символизирующий сущность зла, предстал перед зрителями в более благородном и открытом облики, в отличие от богатыря Добрыни. Баба Яга также показана в более позитивном свете, демонстрируя высокие нравственные ценности в сравнении с Добрыней. Иван, герой фильма, до этого представленный зрителям как человек без твердых моральных принципов, мошенник, внезапно становится благородным, способным на добрые и смелые поступки. Классические представления о моральных ценностях и правосудии, которые являются неотъемлемой частью русского фольклора с его четким разделением на правду и ложь, добро и зло, испытывают переплетение и изменение, утрачивая свою прозрачность и обыденность.

Представленный пример демонстрирует глубокое влияние глобализации на русскую культуру через создание соответствующей атмосферы в обществе, сформированной под влиянием зарубежных культур и трендов

в кинематографии. Она не только вносит нотку новизны и иной интерпретации традиционных произведений, но и полностью трансформирует заложенные веками культурные ориентиры и ценности, которые, как правило, ассоциируются с конкретными персонажами, посредством которых человек с детства учится различать добро и зло. Сохранение данной тенденции может привести к обесцениванию исконно русской культуры в сознании людей, а также к подмене ценностей в обществе, что негативно отразится на его культурном и моральном облике, лишит его единства и ослабит страну.

Для предотвращения реализации негативного сценария следует на государственном уровне создать инструменты защиты отечественной культуры от отрицательного влияния глобализации, а также формирования критического взгляда зрителей на произведения современного кинематографа:

- в первом случае необходимо увеличить производство фильмов по государственному заказу. Их тематикой должно стать возрождение русской культуры через различные приемы и элементы кинематографии;
- во втором случае следует на законодательном уровне определить норму, согласно которой каждое кинопроизведение должно проходить профессиональную проверку. Эксперты в сфере культуры должны будут давать оценку с точки зрения влияния на произведения глобализации, зарубежных трендов и культуры, выявлять наличие противоречий и негативных аспектов. Официальное заключение экспертов должно быть доступно каждому зрителю, входить в презентационные буклеты, размещаться на сайтах с размещением рекламы о фильмах, трейлеров, самих фильмов, а также на сайтах телеканалов. Кроме того, следует создать специальный сайт «Государственная экспертиза кино», где также будут размещаться официальное заключение и рецензии профессиональных экспертов. Доступ на данный сайт должны иметь все желающие, соответствующие установленным возрастным ограничениям. Это позволит сохранить отечественную культуру и обеспечить формирование правильных культурных ценностей у людей.

Таким образом, культурная атмосфера в обществе оказывает влияние на производство кино, в том числе на выбор сюжетов и тем. Среди актуальных детерминантов, оказывающих влияние на культурную атмосферу в обществе, являются глобализация, влияние зарубежных культуры. Трансформация отечественной культурной среды отражается на кинематографии: создаются картины, искажающие исконно русские традиции, а вместе с ними и представления зрителей о духовно-нравственных ценностях. Для снижения данного влияния следует увеличить производство фильмов по государственному заказу, а также определить законодательное требование о прохождении каждым кинопроизведением профессиональной проверки. Официальное заключение должно быть доступно каждому зрителю и в обязательном порядке размещаться на сайтах, содержащих рекламу фильма, его трейлер, трансляцию. Рекомендовано также создать специальный сайт «Государственная экспертиза кино», где также будут размещаться официальное заключение и рецензии профессиональных экспертов.

Литература

1. Алексеенок А.А., Наливайко К.В., Поляков А.А. Социологический анализ влияния кинематографа

на духовную жизнь современной молодежи // Известия ТулГ У. Гуманитарные науки. 2023. № 3. С. 126–139.

2. Беда В.Г., Драч Г.В. Место и роль кинематографа в культуре: мировоззренческие аспекты // Наука. Искусство. Культура. 2024. № 1 (41). С. 32–42.
3. Бёме Г. «Атмосфера» как фундаментальное понятие новой эстетики / Пер. с англ. С. Онасенко // METAMODERN – Журнал о метамодернизме. 2018. 1 янв. – URL: <https://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics>.
4. Ерекешева Л.Г. Понятие культуры в теоретической социологии: проблема определения // Культурологический журнал. 2016. № 1 (23). С. 1–3.
5. Касаткин П.И. Культурное пространство: аксиологический аспект // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 4. С. 145–156.
6. Князюк О.В., Сенникова В.В. Конструирование идентичности в детском кинематографе: опыт кино СССР и практика современной России // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2022. № 46. С. 53–72.
7. Колесова А.А. Появление в России киноискусства и этапы его развития // Бизнес и дизайн ревю. 2022. № 3 (27). С. 117–123.
8. Куприянов П.С., Лурье М.Л. «Вот этот вот дух, когда он есть, это всегда очень здорово...»: как работают культурные атмосферы и за что их любят // Шаги/Steps. 2022. № 4. С. 248–275.
9. Левченко Н.В. Кинематограф в регионах РФ: советские киностудии и современное состояние // Социология. 2023. № 5. С. 183–194.
10. Мелконян К.Ю. Киноискусство как фактор формирования социокультурного пространства современного общества // Наука. Инновации. Технологии. 2010. № 66. С. 259–263.
11. Скороход, Л.А. Подходы к определению понятия «культура» / Л.А. Скороход. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2017. № 47 (181). С. 243–245. – URL: <https://moluch.ru/archive/181/46717/> (дата обращения: 01.11.2024).
12. Флиер А.Я. Сущность культуры // Горизонты гуманитарного знания. 2020. № 3. С. 3–11.
13. Цветкова О.Л. Генезис общества потребления в постсоветской России и культурное влияние США // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 281–292.
14. Шарапов М.М. Стратегии и способы культурной адаптации в эпоху глобализации и повышенной мобильности населения // Вестник науки. 2024. № 2 (71). С. 437–448.
15. Юдин К.А. Образ СССР как противника в американской внешнеполитической документации и социокультурном пространстве в начале «холодной войны» (1946–1950) // На пути к гражданскому обществу. 2023. № 3 (51). С. 34–44.
16. Юдин К.А. Советская кинополитика второй половины 1950 – конца 1970-х годов // НИР. 2022. № 3. С. 752–773.
17. Anderson B. Affective atmospheres // Emotion, Space and Society. Vol. 2. No. 2. 2009. P. 77–81.
18. Griffero T. Is there such a thing as an “atmospheric turn”? Instead of an introduction // Atmosphere and aesthetics: A plural perspective / Ed. by T. Griffero, M. Tedeschi. Cham: Palgrave Macmillan. 2019. P. 11–62.
19. Peterson M. Atmosphere // The international encyclopedia of anthropology / Ed. by H. Callan. 2021. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/>

THE INFLUENCE OF THE CULTURAL ATMOSPHERE IN SOCIETY ON FILM PRODUCTION

Petrash N.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In the field of cinema, the modern cultural space plays a key role, shaping trends and opening up new horizons for creativity. The cultural context determines not only the subject matter and style of cinematographic projects, but also the choice of actors for the leading roles, providing ample opportunities for creating not only new, but also truly significant films. At present, cinematography is focused primarily not on the development of domestic culture and the formation of spiritual and moral values, but on global trends and achieving commercial success. The article presents a study of the influence of globalization on the reflection of Russian culture and values in cinema. Clarified definitions of the categories of "culture" and "cultural atmosphere" are formulated. The mechanism of influence of the cultural atmosphere on cinematography and elements of cinema is determined. Recommendations for reducing the influence of globalization on cinematography and Russian culture are developed.

Keywords: culture, cultural atmosphere, cinema, cinematography, globalization, values, review.

References

1. Alekseenok A.A., Nalivaiko K.V., Polyakov A.A. Sociological analysis of the influence of cinema on the spiritual life of modern youth // *Izvestiya TulS U. Humanities*. 2023. No.3. pp. 126–139. doi10.24412/2071–6141–2023–3–126–139
2. Beda V.G., Drach G.V. The place and role of cinema in culture: ideological aspects // *Nauka. Art. Culture*. 2024. No.1 (41). pp. 32–42.
3. Boehme G. "Atmosphere" as a fundamental concept of a new aesthetics / Translated from English by S. Onasenko//*META-MODERN – Journal of metamodernism*, 2018. Jan. 1: <https://metamodernizm.ru/atmosphere-and-a-new-aesthetics...>
4. Yerekeshcheva L.G. The concept of culture in theoretical sociology: the problem of definition // *Cultural Journal*. 2016. No. 1 (23). p. 1.
5. Kasatkin P.I. Cultural space: axiological aspect // *Knowledge. Understanding. Ability*. 2017. No.4. pp. 145–156.
6. Knyazyuk O.V., Sennikova V.V. Constructing identity in children's cinema: the experience of cinema of the USSR and the practice of modern Russia // *Vestn. Volume of the State University. Cultural studies and art history*. 2022. No.46. pp. 53–72.
7. Kolesova A.A. The emergence of cinematography in Russia and the stages of its development // *Business and Design review*. 2022. No. 3 (27). pp. 117–123
8. Kupriyanov P.S., Lurie M.L. "This is the spirit, when it is, it's always very cool...": how cultural atmospheres work and why they are loved//*Steps/2022*. № 4. pp. 248–275.
9. Levchenko N.V. Cinema in the regions of the Russian Federation: Soviet film studios and the current state // *Sociology*. 2023. No.5. pp. 183–194. doi10.24412/1812–9226–2023–5–183–194
10. Melkonyan K. Yu. Cinematography as a factor in the formation of the socio-cultural space of modern society // *Nauka. Innovations. Technologies*. 2010. No.66. pp. 259–263.
11. Skorokhod, L.A. Approaches to the definition of the concept of "culture" / L.A. Skorokhod. Text: direct // *Young scientist*. 2017. No. 47 (181). pp. 243–245.: <https://moluch.ru/archive/181/46717/> Date of application:01.11.2024
12. Flier A. Ya. The essence of culture // *Horizons of humanitarian knowledge*. 2020. No.3. pp. 3–11.
13. Tsvetkova O.L. The genesis of consumer society in post-Soviet Russia and the cultural influence of the USA // *The Upper Volga Philological Bulletin*. 2018. No.4. pp. 281–292. doi10.24411/2499–9679–2018–10223
14. Sharapov M.M. Strategies and methods of cultural adaptation in the era of globalization and increased mobility of the population // *Bulletin of Science*. 2024. No.2 (71). pp. 437–448. doi10.24412/2712–8849–2024–271–437–448
15. Yudin K.A. The image of the USSR as an enemy in American foreign policy documentation and socio-cultural space at the beginning of the Cold War (1946–1950) // *On the way to civil society*. 2023. No.3 (51). pp. 34–44.
16. Yudin, K.A. Soviet cinepolitics the second half of the 1950's – late 1970-ies // *NIR*. 2022. No. 3. S. 752–773.
17. Anderson B. Affective atmospheres // *Emotion, Space and Society*. Vol. 2. No. 2. 2009. P. 77–81.
18. Griffero T. Is there such a thing as an "atmospheric turn"? Instead of an introduction // *Atmosphere and aesthetics: A plural perspective* / Ed. by T. Griffero, M. Tedeschini. Cham: Palgrave Macmillan. 2019. P. 11–62.
19. Peterson M. Atmosphere // *The international encyclopedia of anthropology* / Ed. by H. Callan. 2021. – URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1002/9781118924396.wbiea2477>. <https://doi.org/10.1002/9781118924396.wbiea2477>.

Мотивация как инструмент формирования междисциплинарных иноязычных компетенций

Роот Эвелина Владимировна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: eva.205130@yandex.ru

Современное образование постоянно адаптирует критерии выпускника инженерного вуза к запросам рынка труда. Острыми остаются вопросы, связанные с требованиями к иноязычному образованию. В связи с этим, проблемы формирования мотивационной сферы будущего инженера строителя в контексте дисциплины ИЯ требуют более пристального внимания. Ключевыми факторами повышения мотивации студентов являются междисциплинарное содержание дисциплины ИЯ, современные методы преподавания, личность педагога. Этим вопросам посвящена данная работа.

Ключевые слова: мотивационная сфера, междисциплинарное содержание, потоковое состояние, междисциплинарные иноязычные компетенции, метод проектов.

Введение

Система высшего профессионального образования не стоит на месте и идет в ногу со временем, продолжая адаптировать требования к выпускнику инженерного вуза строительных специальностей соответственно запросам рынка труда. Результатом образования становятся интегрированные компетенции междисциплинарного характера. К ним относятся компетенции в сфере иноязычной технической коммуникации, являющиеся неотъемлемыми компонентами профессиональной компетентности современного специалиста инженера в рамках международных проектов. Несмотря на то, что используются разнообразные методы и подходы к формированию междисциплинарных компетенций в области иноязычной технической коммуникации, как показывает анализ научных работ, отсутствие мотивации у студента является одной из острых проблем преподавателя ИЯ в инженерно-строительном вузе.

Мотивационные аспекты учебной и профессиональной деятельности являются предметом внимания и изучения отечественных и зарубежных ученых на протяжении многих лет. В связи с этим, концепция мотивации рассматривается с учетом различных точек зрения. Так, А.Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, R.C Gardner, Z. Dörnyei и др. исследовали мотивацию как психологическую категорию. Роль преподавателя в повышении мотивации у обучающихся исследовали А.А. Вербицкий, М.А. Данилов, О.Ф. Фёдорова и др., М.Н. Евстигнеев, А.М. Иванова, П.В. Сысоев обосновывают применение интернет-ресурсов в изучении и преподавании ИЯ. Проблемы преподавания ИЯ в техническом вузе, ассоциирующиеся с низкой мотивацией, исследовали О.О. Захарова, А.П. Авдеев и др. Вопросы, связанные с повышением интереса к профессионально-ориентированному чтению студентов, были описаны Г.В. Сороковых, Э.В. Роот.

В огромном количестве современных научных работ по лингводидактике, психолингвистике, педагогике и др. существуют различные взгляды на определение понятия мотивации, разрабатываются различные подходы как к изучению самой концепции мотивации, так и к формированию и развитию мотивационной сферы обучающегося в контексте высшего профессионального образования. Компетентностная парадигма высшего профессионального образования позволяет эффективно использовать потенциал дисциплины ИЯ для профессионализации студента путем развития мотивационной сферы профессиональной личности обучающегося. Именно мотивация способствует раскрытию внутреннего потенциала личности, проявляющегося в формировании потребности в самоактуализации в профессиональной сфере, в самообразовании, в формировании критического мышления, в развитии творческих способностей.

Благодаря формированию и развитию мотивационной сферы будущего специалиста, учебная деятельность на занятиях по ИЯ видится как этап профессионализации и становится лично значимой для студента. Междисциплинарный подход к формированию умений и навыков в области иноязычной технической коммуникации апеллирует к повышению интереса обучающихся к профессиональному ИЯ, что выводит на более высо-

кий уровень формирования деятельностных навыков, связанных с овладением профессиональным ИЯ в ходе учебной деятельности, и раскрывает возможности переноса иноязычных и коммуникативных навыков и умений в профессиональную деятельность.

Таким образом, **актуальность** данной работы состоит, во-первых, в необходимости теоретического обоснования мер, направленных на повышение мотивации студентов инженерно-строительных специальностей, для формирования умений и навыков в области иноязычной технической коммуникации; во-вторых, в необходимости разработки практических шагов для повышения мотивации студентов на занятиях по ИЯ.

В ходе работы были проанализированы различные теории мотивации; было раскрыто понятие мотивационной сферы студента инженерно-строительных специальностей; на основе системного и деятельностного подходов были описаны методы и приемы повышения мотивации к изучению дисциплины ИЯ в инженерно-строительном вузе.

Основная часть

О влиянии мотивации на успешное овладение ИЯ известно давно, но до сих пор остается спорным вопрос, какие методы формирования мотивации у будущих инженеров-строителей лучше, какие хуже. На самом деле, преподаватель ИЯ в техническом вузе постоянно находится в «эвристической зоне» и использует разные методы в зависимости от конкретной педагогической ситуации. Бесспорно то, что отсутствие мотивации является огромным препятствием в изучении ИЯ, как и то, что аспект мотивации должен быть учтен и стать неотъемлемой частью планирования каждого занятия в контексте междисциплинарного подхода к формированию навыков и умений в области иноязычной технической коммуникации на занятиях по ИЯ в инженерно-строительном вузе.

Концепцию «мотивации» традиционно рассматривают как базовый компонент когнитивной сферы профессиональной личности, выполняющий *волевые* функции, отвечающие за желания личности, влияющий как на когнитивные *процессы*, отвечающие за рациональное мышление, так и на *эмоциональное состояние, отражающееся в чувствах* (Dörnyei Z. & Kubanyiova, M. 2015). Большинство исследователей и педагогов сходятся на том, что, именно мотивация является главным фактором, влияющим на всю человеческую деятельность, ведущую к успеху или неудаче.

Мотивация – это наши мысли и чувства, воздействующие на желание что-то делать, которые превращают наши желания в действия. Мотивация влияет на причину наших поступков, на то, как долго мы хотим чем-то заниматься и на способы действия (Mary Spratt, Alan Pulverness, Melanie Williams. 2011).

В оксфордском словаре мотивация (англ.: motivation) определяется как причина и обоснование наших поступков и поведения. (Hornby 2010). Прослеживается связь со словом «мотив» (англ.: motive), которое означает что-то, что приводит к движению, к действию (Hornby 2010).

Мотивация предстает собой абстрактную, в общем-то гипотетическую концепцию, которую мы используем, объясняя мысли и поведение людей, проявляющуюся в желании и готовности действовать в определенном ключе для достижения какого-то результата, для выполнения какой-то задачи; в проявлении интереса к какому-то предмету или к какой-либо деятельности. (Dörnyei, Z. Motivational 2001).

Педагоги-исследователи интегрируют в контекст высшего профессионального образования различные

теории мотивации: некоторые теории опираются на уверенность компетентность, ассоциирующуюся с профессиональной деятельностью; другие теории ориентированы на целеполагание, третьи полагаются на концепцию зависимости мотивации отдельной личности от трудности выполнения задачи – чем труднее, тем выше мотивация.

Один из самых базовых подходов к классификации понятия мотивации – это разделение на мотивацию, обусловленную внешними факторами и мотивацию, обусловленную внутренними факторами. (Richard M. Ryan and Edward L. Deci 2000; Gardner, R.C. 1985). *Внутренняя мотивация* инициирует «добровольную» учебную деятельность, которая доставляет радость сама по себе, что встречается не так часто в образовательном контексте. *Внешняя мотивация* возникает при использовании метода «кнута и пряника», другими словами, преподаватель поощряет студента заняться определенной учебной деятельностью, используя систему «вознаграждения и наказания» (Гусарова, И. Б. 2021). Считается, что внешняя мотивация менее эффективна для успешности образовательного процесса, но на наш взгляд, это не совсем так. Даже если обучающийся вдохновляется на выполнение определенного учебного задания под воздействием внешних факторов, таких как хорошая/плохая оценка или негативная/ позитивная реакция преподавателя/ родителей и др. в процессе познания и учебной деятельности может появиться внутренняя мотивация, удовольствие от самой деятельности, о чем заранее обучающийся и не подозревал: в этом случае внешняя мотивация, при правильной организации учебной деятельности и вовлеченности студента, приводит к появлению внутренней мотивации. Внешняя мотивация будет сильнее, если внешние факторы, влияющие на ее формирование связаны с *жизненными установками и ценностями личности*, например, в ходе учебной деятельности, студент осознает, что он получает профессионально значимую информацию или осваивает навыки, ассоциирующиеся с профессией.

Рассматривая феномен мотивации, на наш взгляд, необходимо обратиться к *теории потокового состояния* Михая Чиксентмихайи, то есть состояния полного единения с деятельностью и ситуацией. Согласно этой теории, обучающийся полностью погружается в выполнение учебной задачи – это психологическое состояние сосредоточенности возникает под влиянием внутренней мотивации, когда студента интересует только процесс выполнения поставленной задачи (Mihaly Csikszentmihalyi 1990). В ходе образовательной деятельности обучающийся может испытывать различные психологические состояния, например, удивление, дисконфорт, замешательство, беспокойство, беспомощность, нетерпение и т.д., именно потоковое состояние является наиболее оптимальным и эффективным в учебной деятельности, оно позволяет раскрыть творческий потенциал и приносит интеллектуальное удовольствие. В таком психологическом состоянии студенту не требуются поощрения ни от родителей, ни от преподавателей, более того, очень вероятно, что в этой ситуации, студент выполнит задание, выходя не только за рамки минимальных требований, но и за пределы образовательной программы. Для того, чтобы студент сосредоточился на выполнении учебной задачи, отдавая этому все свое внимание, преподавателю необходимо подобрать такую задачу, которая вызывает интерес именно у этого студента, необходимо четко выбрать уровень сложности, соответствующий способностям и уровню владения ИЯ конкретного студента. Слишком сложные задания порождают чувство разочарования, неудовлетворенности и беспомощности, тогда как слишком легкие задания, не требую-

щие интеллектуальных усилий, будут скучными. Оба эти противоположные состояния приводят к потере интереса к выполнению поставленной учебной задачи (Deci, E. L., Vallerand, R. J., Pelletier, L. G., & Ryan, R. M. 1991).

Представители теории *мотивации успеха* считают, что, в зависимости от целеполагания, мотивация может быть ориентирована на *результат*, так сказать на целевые показатели, и на *овладение навыками и умениями*. (Anderman, E. M., & Patrick, H. 2012; Claire Chuter 2019). Желание достичь высоких целевых показателей базируется на удовлетворении своего эго, на чувстве превосходства – такая мотивация не всегда направлена на качество. С другой стороны, желание разобраться в инженерном явлении и овладеть определенным речевым умением или языковыми навыками на ИЯ, мотивирует обучающихся на выполнение учебного задания, даже если они не обладают высоким уровнем владения ИЯ. У студентов появляется чувство удовлетворения от выполнения задания, и даже после получения оценки, они продолжают интересоваться инженерным понятием или явлением, что способствует их профессионализации. Такой вид мотивации ассоциируется с внутренней мотивацией. Необходимо упомянуть еще один аспект – согласно теории *мотивации успеха*, затраченные усилия на выполнение учебного задания пропорциональны ожиданиям успеха или неуспеха. Другими словами, студент, ожидающий успех, потратит больше усилий на выполнение задания, чем, тот студент, который не уверен в себе и может предполагать, что получит низкую оценку. Ожидание успеха или неуспеха зависит от уверенности в своих знаниях и силах. В свою очередь, на «ожидание успеха/ неуспеха» частично влияют воспоминания о своем опыте из прошлого, при выполнении подобных учебных задач – положительном или отрицательном. На количество потраченных усилий на выполнение учебного задания, а соответственно, и на успех овладения определенным умением, также влияет степень «ценности», которую обучающиеся придают данному умению. Такой вид мотивации зависит во многом от внешних факторов – отношения к студенту, к его успеху/ неуспеху родителей, ровесников, от того, что они от студента ожидают; так же влияет на «воспоминания» собственная интерпретация своих успехов/ неуспехов в глазах «внешних наблюдателей». (Anderman, E. M., & Patrick, H., 2012).

Представители еще одной теории «*Природа против воспитания*» рассматривают мотивацию в зависимости от *направленности на решение конкретной задачи* или на *учет индивидуальных особенностей*, собственных конкретному индивиду. Первое «направление» формируется в зависимости от «привлекательности» задания, другими словами, зависит от природной предрасположенности; таким образом, мотивация студента избирательна, и он «отмечает» «неинтересные» для него задания. А вот формирование второго «направления» мотивации относится к выполнению всех видов задач. Данная теория берет начало от давнего спора двух научных направлений, упрощенно – биологии и социальных наук – о балансе двух ключевых факторов, влияющих на судьбу человека и конкурирующих между собой. Речь идет о влиянии генетики и окружения личности на жизнь человека. В англоязычной научной литературе эта теория называется Nature vs Nature: природные свойства конкурируют с окружающей средой. Другими словами, вопрос в следующем: что сильнее определяет развитие личности врожденные качества или воспитание/ образование. Современные научные данные нам говорят, что эти два фактора тесно взаимодействуют друг с другом, и более того, коренным образом влияют друг на друга и рассмат-

риваются в комплексе (Vansteenkiste, M., Lens, W., & Deci, E. L., 2006). Приверженцы этой теории утверждают, что мотивация, сформированная с учетом индивидуальных особенностей личности, не тождественна врожденному чувству мотивированности. У каждого обучающегося мотивация может повышаться, если преподаватель предоставит грамотное педагогическое сопровождение с учетом индивидуальных психологических особенностей и специфических интересов, если преподаватель будет следовать определенным продуманным стратегиям повышения мотивации. Из этих двух видов, мотивация, базирующаяся на учете индивидуальных особенностей личности, имеет больший потенциал для развития по сравнению с мотивацией направленной на решение конкретной задачи.

Все вышеописанные теории указывают на то, что мотивация очень «податлива» и в зависимости от воздействующих на нее факторов может повышаться или понижаться и даже трансформироваться из внешней во внутреннюю. Однако, несмотря на различные природные задатки личности, обуславливающие внутренние мотивы действий, у каждого студента есть желание достичь свои цели при получении образования. Следовательно, осознавая это, преподаватель ИЯ технического вуза должен поставить перед собой задачу создать междисциплинарную иноязычную обучающую среду, способствующую формированию мотивации к обучению на занятиях по ИЯ, формированию умений и навыков в области иноязычной технической коммуникации, применяя знания психологии, социальных и педагогических наук, подбирая соответствующие методы, формы и виды учебной деятельности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет нам определить *мотивационную сферу студента инженерно-строительных специальностей*, (которого мы рассматриваем как профессиональную языковую личность), как гибкую систему, компоненты которой представляют собой личностно и профессионально ценностные ориентиры, базирующиеся на когнитивных, волевых и эмоциональных функциях умственной деятельности личности, нацеленные на выполнение определенных задач в ходе учебной деятельности, ассоциирующиеся с будущей профессиональной деятельностью и представляющие прагматический интерес.

Так, междисциплинарный подход к формированию умений и навыков в области иноязычной технической коммуникации в ходе обучения ИЯ инженеров строителей, позволяет интегрировать содержание инженерных дисциплин в содержание дисциплины ИЯ, а именно: содержание таких дисциплин как строительные материалы, железобетонные конструкции, инженерная графика и т.д, интегрированное в содержание дисциплины ИЯ, повышает интерес к получению профессиональной информации на ИЯ. Более того, такие формы организации учебной деятельности, как метод проектов, коммуникативный метод ведения занятия и др. позволяют будущим специалистам формировать и развивать как жесткие, так и мягкие навыки, необходимые в дальнейшей профессиональной деятельности: прежде всего, студенты учатся коммуницировать, делать презентации и выступать перед аудиторией, учатся критически осмысливать профессиональную информацию. Совместная работа над проектом учит обучающихся работать в команде, распределяя роли, что является необходимым мягким навыком инженера строителя. Чувство успеха трансформирует внешнюю мотивацию во внутреннюю, и даже студент с недостаточно высоким уровнем владения ИЯ погружается в деятельность, так как, выполняя посильные задачи, чувствует

свой рост и «нужность» для общего дела. Более того, каждый студент, выстраивает новые знания в профессиональной сфере, что укрепляет его внутреннюю мотивацию.

Следовательно, преподаватель ставит перед группой студентов задачу (подготовить проект), но подбирает задания с учетом индивидуальных особенностей каждого студента. В этой ситуации внешние факторы, воздействующие на мотивацию студента выполнить задачу, с большей вероятностью могут трансформироваться во внутреннюю мотивацию, чем в ситуации боязни вызвать неудовольствие родителей/ преподавателя. «Ценностный» компонент внешней мотивации позволяет студенту стать более уверенным и удерживать мотивацию более длительное время, а также стать менее зависимым от похвалы или наказания.

Еще одним примером, воздействия мотивации на эффективность формирования междисциплинарных иноязычных компетенций будет правильно организованная работа с текстом междисциплинарного содержания. Опыт показывает, что использование креолизованных текстов на базе инженерного дискурса оказывает положительный мотивирующий эффект на студента, тем самым делая чтение коммуникативным, закладывая базу для формирования последующих продуктивных речевых умений (Роот, Э. В., 2022). Более того, умение извлекать информацию из профессионально-ориентированного текста, является конкурентным преимуществом специалиста в рамках международных проектов и всегда пригодится в профессиональной деятельности, так как много технической или научной информации издается на английском языке.

Подводя итоги, стоит упомянуть, что процесс формирования мотивации у студента на занятиях по ИЯ в вузе не простой и долгий, но, вслед за Дёрней Золтан и другими учеными психолингвистами, мы полагаем, что вместе с грамотно подобранными стратегиями и методами преподавания, ключевую роль играет сам педагог. Абсолютно все действия преподавателя будут иметь или мотивирующий или демотивирующий эффект на обучающегося (Dörnyei, Z.; Kubanyiova, M., 2014). Преподаватель всегда может оказать мотивирующую поддержку студенту; подобрать задания «правильной» сложности для конкретного студента; помочь идентифицировать личностно-ценностные цели, ассоциирующиеся с овладением определенных навыков и умений; обеспечить вариативность возможностей успеха – даже совсем маленький успех неуверенного в себе студента оказывается огромным мотивационным фактором ведущим к следующему успеху и желанию выйти на более высокий уровень сложности задания.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что, мотивационная сфера студента рассматривается как один из важных компонентов содержания образования.

В ходе анализа выявлены мотивы, определяющие положительную или отрицательную мотивацию обучающихся в контексте дисциплины ИЯ в инженерно-строительном вузе; раскрыто понятие мотивации студента инженерно-строительных специальностей; предложены эффективные методы повышения мотивации студента в ходе формирования умений и навыков в области иноязычной технической коммуникации на занятиях по ИЯ в инженерно-строительном вузе; описана роль преподавателя в развитии мотивационной сферы студента при формировании умений и навыков в области иноязычной технической мотивации.

Литература

1. Авдеев А.П. Мотивы изучения иностранного языка // *Educational Technology & Society*. 2008. Т. 11. № 4. С. 310–322;
2. Гусарова, И.Б. Особенности мотивации студентов к изучению иностранного языка в условиях дистанционного обучения / И.Б. Гусарова, Ю.М. Бобрицкая // Научная сессия ГУАП: Гуманитарные науки: Сборник докладов научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики, Санкт-Петербург, 14–22 апреля 2021 года. – Санкт-Петербургског: Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2021. – С. 104–106;
3. Захарова, О.О. Повышение мотивации студентов технического вуза к изучению английского языка средствами лингвистической недели / О.О. Захарова // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 5, № 2. – С. 228–234. – DOI 10.30853/pedagogy.2020.2.18. – EDN PTZEHD);
4. Роот, Э.В. Обучение профессионально-ориентированному чтению студентов инженерного вуза / Э.В. Роот // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 5. – С. 146–149. – EDN XNCGPX;
5. Anderman, E. M., & Patrick, H. (2012). Achievement goal theory, conceptualization of ability/intelligence, and classroom climate. In *Handbook of research on student engagement* Springer: Boston, MA. (pp. 173–191);
6. Claire Chuter. The role of motivation in learning 2019. <https://theeducationalhub.org.nz/category/school-resources/>;
7. Deci, E. L., Vallerand, R. J., Pelletier, L. G., & Ryan, R. M. (1991). Motivation and education: The self-determination perspective. *Educational psychologist*, 26(3–4), 325–346.;
8. Dörnyei, Z. *Motivational strategies in the language classroom*. Cambridge: CUP (2001);
9. Dörnyei, Z. & Kubanyiova, M. *Motivating students, motivating teachers: Building vision in the language classroom*. Cambridge: CUP. Vol. 4 – Num. 1–2015, pp. 175–180;
10. Hornby 2010: 324 Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby*. // Oxford University Press 2010. – 998 с.;
11. Mihaly Csikszentmihalyi. *Flow/ The Psychology of Optimal Experience*. 1990, с 43, 72, 90;
12. Mary Spratt, Alan Pulverness, Melanie Williams. *The Teaching Knowledge Test Course*. Cambridge University Press 2011, Cambridge, p. 53;
13. Richard M. Ryan and Edward L. Deci *Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being* *American Psychologist*, January 2000, pp 68–78) (Gardner, R.C. 1985 *Social Psychology and Second Language Learning: The Role of Attitude and Motivation* (London: Edward Arnold);
14. Vansteenkiste, M., Lens, W., & Deci, E. L. (2006). Intrinsic versus extrinsic goal contents in self-determination theory: Another look at the quality of academic motivation. *Educational psychologist*, 41(1), 19–31.

MOTIVATION AS A TOOL FOR DEVELOPING INTERDISCIPLINARY FOREIGN LANGUAGE COMPETENCIES

Root E.V.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

Modern education constantly adapts the criteria of an engineering university graduate to the demands of the job market. The problems associated with the requirements for foreign language education at

an engineering university remain urgent. In this regard, the problems of forming the motivational sphere of a future civil engineer in the context of the FL discipline require closer attention. The key factors in increasing students' motivation are the interdisciplinary content of the FL discipline, modern teaching methods, and the personality of the teacher. The work is devoted to these issues.

Keywords: motivational sphere, interdisciplinary content, flow, interdisciplinary foreign language competencies, project-based-learning.

References

1. Avdeev A.P. Motives for learning a foreign language // *Educational Technology & Society*. 2008. Vol. 11. No. 4. Pp. 310–322;
2. Gusarova, I.B. Features of students' motivation to learn a foreign language in the context of distance learning / I.B. Gusarova, Yu.M. Bobritskaya // *Scientific session of GUAP: Humanities: Collection of reports of the scientific session dedicated to the World Aviation and Cosmonautics Day, St. Petersburg, April 14–22, 2021*. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 2021. – Pp. 104–106;
3. Zakharova, O.O. Increasing the motivation of students of a technical university to learn English by means of a linguistic week / O.O. Zakharova // *Pedagogy. Theory and Practice Issues*. – 2020. – Vol. 5, No. 2. – P. 228–234. – DOI 10.30853/pedagogy.2020.2.18. – EDN PTZEHD);
4. Root, E.V. Teaching Professionally Oriented Reading to Engineering University Students / E.V. Root // *Modern Pedagogical Education*. – 2022. – No. 5. – P. 146–149. – EDN XNCGPX;
5. Anderman, E. M., & Patrick, H. (2012). Achievement goal theory, conceptualization of ability/intelligence, and classroom climate. In *Handbook of research on student engagement* Springer: Boston, MA. (pp. 173–191);
6. Claire Chuter. The role of motivation in learning 2019. <https://theeducationalhub.org.nz/category/school-resources/>;
7. Deci, E. L., Vallerand, R. J., Pelletier, L. G., & Ryan, R. M. (1991). Motivation and education: The self-determination perspective. *Educational psychologist*, 26(3–4), 325–346.;
8. Dörnyei, Z. *Motivational strategies in the language classroom*. Cambridge: CUP (2001);
9. Dörnyei, Z. & Kubanyiova, M. *Motivating students, motivating teachers: Building vision in the language classroom*. Cambridge: CUP. Vol. 4 – Num. 1–2015, pp. 175–180;
10. Hornby 2010: 324 Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English / A.S. Hornby*. // Oxford University Press 2010. – 998 pp.;
11. Mihaly Csikszentmihalyi. *Flow/The Psychology of Optimal Experience*. 1990, pp. 43, 72, 90;
12. Mary Spratt, Alan Pulverness, Melanie Williams. *The Teaching Knowledge Test Course*. Cambridge University Press 2011, Cambridge, p. 53;
13. Richard M. Ryan and Edward L. Deci *Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being* *American Psychologist*, January 2000, pp. 68–78 (Gardner, R.C. 1985 *Social Psychology and Second Language Learning: The Role of Attitude and Motivation* (London: Edward Arnold);
14. Vansteenkiste, M., Lens, W., & Deci, E. L. (2006). Intrinsic versus extrinsic goal contents in self-determination theory: Another look at the quality of academic motivation. *Educational psychologist*, 41(1), 19–31.

Использование корпоративных вебсайтов компаний для обеспечения разноуровневого обучения студентов неязыкового вуза

Рябова Наталья Михайловна,
преподаватель, кафедра ИЯиПК, НИУ МГСУ
E-mail: rnm@list.ru

Кобзева Ольга Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, кафедра ИЯиПК,
НИУ МГСУ
E-mail: fleurka2008@yandex.ru

Тюфанова Анна Алексеевна,
старший преподаватель, Высшая школа общего
гуманитарного образования, ФГБОУ ВО «Российский
государственный университет туризма и сервиса»
E-mail: magicalgnm@mail.ru

В статье описан эксперимент по использованию корпоративных сайтов строительных компаний в рамках продолжительного проекта, реализованного студентами, владеющими английским языком на уровне B2. Эксперимент показал, что использование корпоративных интернет-ресурсов позволяет решить целый ряд задач: расширить словарный запас студентов по теме «Строительный бизнес»; узнать об организации строительного бизнеса в англоговорящих странах, о существующих программах поощрения и обучения, о требованиях к сотрудникам различных специальностей и их должностных обязанностях; предоставить разговорную практику с вовлечением всей группы; организовать тематические ролевые игры; научиться находить нужную информацию на иностранном языке, излагать ее в письменном виде, используя перефразирование. Собранный посредством анкетирования обратная связь позволяет сделать вывод, что эксперимент был удачным и данный метод может широко использоваться для обеспечения разноуровневого обучения.

Ключевые слова: неязыковые вузы, разноуровневое обучение, корпоративные вебсайты, интернет-ресурсы, проектная деятельность.

Проблема обучения иностранному языку в школе не теряет своей актуальности уже много лет. Нехватка квалифицированных кадров, отсутствие у значительной части населения не только необходимости, но и желания и возможности вступить в коммуникацию с носителями иностранных языков, сложность учебников для самостоятельной работы учащихся со слабой мотивацией и пробелами в знаниях приводят к тому, что многие выпускники школ имеют очень низкий уровень владения иностранным языком.

В то же время существует много специализированных школ, гимназий и лицеев, в которых уделяется большое внимание предмету «Иностранный язык». Их выпускники имеют богатый словарный запас, хорошо знают грамматику, умеют выражать свои мысли сложными предложениями.

В техническом вузе, не предусматривающем входной контроль владения иностранным языком, студенты с разным уровнем знаний оказываются в одной группе. Ситуация усугубляется отсутствием деления на подгруппы, в результате чего количество студентов на практических занятиях иностранным языком может превышать 30 человек. Это сводит до минимума время говорения каждого отдельного студента на очных занятиях. Отсутствие разговорной практики приводит к снижению темпа речи, появлению проблем с подбором слов и грамматических ошибок даже у сильных студентов.

Для сохранения мотивации студентов, хорошо владеющих иностранным языком, преподавателю приходится давать им дополнительные задания. Упражнения учебников для вузов часто выполняются ими за несколько минут, тексты также не представляют сложности благодаря обширному словарному запасу. Специальная терминология является единственным новым материалом, но и она усваивается быстро, так как хорошо развиты навыки работы над лексикой, на интуитивном уровне используются модели словообразования, понимание значительной части текста без словаря позволяет эффективно использовать языковую догадку.

Встает вопрос, где найти материалы для таких студентов. В настоящее время большинство преподавателей обращается к интернет-ресурсам. Тем не менее, в данном случае задания на образовательных ресурсах, созданных для изучения языка, часто оказываются слишком простыми. Они создавались для отработки тех языковых навыков, которые уже хорошо усвоены сильными студентами. С другой стороны, они не содержат специальной лексики. Таким образом, многие языковые интернет-ресурсы не подходят для сильных студентов технических вузов. Они могут использоваться для работы со студентами со средним и слабым уровнем владения иностранным языком, в первую очередь для отработки грамматических навыков и простейших коммуникативных компетенций. [1, 2]

Целью описанного в статье эксперимента было найти методы, позволяющие эффективно работать как с сильными студентами (уровень владения английским B1+/B2), так и с основной группой, имеющей значительные пробелы в знаниях. Новизна заключается в отказе от образовательных ресурсов в пользу корпоративных сайтов

и их использование для серьезной исследовательской работы с одним ресурсом в течение 7 учебных недель, а не для выполнения 1–2 заданий по поиску информации.

Методы и материалы

Для достижения поставленных целей был выбран метод проектной работы. В рамках проекта изучались сайты крупных строительных компаний англоговорящих стран, чтобы обеспечить аутентичность материалов и свести к минимуму вероятность языковых ошибок в изучаемых текстах. В качестве средства общения между организаторами и участниками использовался мессенджер telegram, что позволило не тратить учебное время на объяснение заданий студентам нескольких групп. Устные работы проверялись на парах, письменные работы сдавались по электронной почте. На основании оценки письменных работ был составлен рейтинг участников. Обратная связь о пользе проекта была получена как от активных участников, так и от остальных студентов групп (выступавших в роли слушателей и массовки в ролевых играх).

Литературный обзор

Различные интернет-ресурсы прочно вошли в арсенал преподавателей иностранного языка. Они позволяют разнообразить используемые задания, создать онлайн-тесты, кроссворды, чайнворды и т.п. [3] Различные подкасты дают возможность услышать речь носителей, развить навыки аудирования, тренировать языковую догадку и компенсаторные умения. [4, 5, 6]

Образовательные сайты могут быть рекомендованы для самостоятельной работы. Они позволяют восполнить пробелы в знании грамматики и повседневной лексики, выполнить задания с автоматической проверкой и объяснением ошибок, вернуться к вызывающему сложности материалу необходимое для полного усвоения количество раз, что поднимает самооценку и способствует повышению мотивации. [7, 8, 9]

Несомненно, прекрасным средством для развития коммуникативных навыков являются платформы, на которых происходит общение как с носителями изучаемого иностранного языка, так и с представителями других стран, изучающими данный иностранный язык или владеющими им. Это могут быть образовательные порталы, такие как italki.com или hinative.com, форумы онлайн-игр, другие ресурсы, посвященные интересующей студентов тематике. [10]

Мы предположили, что в обучении студентов, пришедших в вуз с высоким уровнем владения языком, целесообразно использовать не образовательные сайты, а корпоративные вебсайты компаний, работающих в сфере, связанной с выбранной обучающимися специальностью. Так, студентам-строителям можно предложить поработать с сайтами различных строительных компаний стран, где официальным является изучаемый язык. Несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку корпоративные сайты, в отличие от зарубежных образовательных порталов, не блокируют доступ пользователей из России, не содержат политизированной рекламы и пропаганды, так как даже сайты крупных компаний не рассчитаны на большой трафик пользователей из Российской Федерации. В то же время именно там можно найти современную профессиональную лексику, аутентичные тексты, много фактической информации по специальности.

Целесообразно организовывать работу так, чтобы каждый студент или небольшая группа студентов рабо-

тали с одним сайтом в течение нескольких занятий. Для этого нужно определить несколько тем, информацию по которым можно найти на всех предложенных сайтах, и подготовить задания по каждой из них.

Чтобы данная работа была полезна для всей группы, следует давать студентам возможность выступать перед одноклассниками с небольшими сообщениями. При этом необходимо снимать языковые сложности для студентов с более низким уровнем владения языком. Например, давать списки ключевых слов с переводом, наглядные материалы. Предложения в устных выступлениях должны быть достаточно простыми и короткими, так как понимание на слух – наименее развитый навык у большинства студентов.

Для подкрепления мотивации следует проводить контроль понимания услышанного. Наиболее простым методом контроля являются ответы на вопросы. При этом сложные вопросы лучше дать в письменном виде до прослушивания текста, а простые вопросы задать после прослушивания без зрительной опоры.

Другие задания на проверку понимания услышанного включают в себя true/false statements, определения встречавшихся слов, в том числе терминов, заполнение пропусков в предложениях как отдельными словами, так и словосочетаниями или придаточными предложениями, сопоставление начала и конца предложений, решение кроссвордов.

Разработанный нами проект рассчитан на 6 занятий, предусмотрена одна резервная неделя. Если в группе несколько участников, они могут выступать по очереди, таким образом у каждого участника будет больше времени на качественную подготовку своего выступления. Минимальная продолжительность проекта – 6 недель.

Темы выступлений могут варьироваться в зависимости от отрасли, в которой работают исследуемые компании. Для изучения строительных компаний были выбраны следующие темы: (1) общая информация о компании (организационная, экономическая, примеры проектов); (2) проекты компании (подробное описание 2–3 проектов); (3) услуги компании; (4) кадровая политика (штат, вакансии, стажировки, обучение); (5) безопасность (техника безопасности на стройплощадке, правила работы с оборудованием и т.п.); (6) экологичность (соблюдение нормативных актов, работа с отходами, сокращение углеродного следа и т.п.).

Помимо рассказов о различных аспектах деятельности компании предусмотрено проведение ролевых игр. Например, игра «Ярмарка вакансий» подойдет для компаний из любого сектора. Участники играют роль представителей компании и предлагают группе имеющиеся у них вакансии для студентов и выпускников вуза, в том числе стажировки, трудоустройство с частичной или полной занятостью. Остальные студенты задают уточняющие вопросы о вакансиях, а затем составляют небольшое высказывание о том, на какую из них они хотели бы откликнуться и почему. Чтобы облегчить составление такого высказывания, можно предложить студентам план, примерные вопросы, а самым слабым готовую форму с пропусками, которые нужно заполнить личной информацией.

Студентам-строителям можно предложить игру, предполагающую подачу проектов зданий и сооружений на тендер, организованный государственным органом или инвесторами. Группа может выступать в качестве жителей или инвесторов, задающих вопросы о потенциальных проектах и выбрать тот, который покажется им наиболее интересным или полезным.

При использовании нестандартных методов работы важно учитывать обратную связь, понимать, является ли

данный метод оптимальным для достижения поставленных образовательных целей. Если он требует больше времени и ресурсов, будет ли это оправдано дополнительной пользой, полученной студентами, по сравнению с традиционными методами.

Результаты анкетирования активных участников, изучавших сайты компаний, показали, что все они считали проект полезным с точки зрения совершенствования языковых навыков. Большинство отметили языковую практику (88%), увеличение лексического запаса (75%) и возможность читать тексты по специальности (63%). Все участники отметили, что проект расширил их знания о строительной сфере. Так, 81% опрошенных узнали о крупных строительных проектах, 75% – о требованиях компаний к потенциальным работникам, 68% – об организации деятельности строительных компаний. Участники отметили, что в рамках проекта им больше всего понравилось находить информацию (69%) и выступать перед аудиторией (56%). Что касается минусов, 18% заявили об их отсутствии. Среди наиболее популярных ответов о недостатках проекта – большая продолжительность, недостаточное количество ролевых игр и недостаточное количество заданий на неделю (по 18%). Участники не смогли сформулировать, как они могли бы улучшить проект. На вопрос «Что бы вы добавили?» все, кроме одного студента, ответили, что добавлять ничего не нужно. Один участник отметил, что использование презентаций, которое не было предусмотрено изначально, помогло бы одногруппникам с более низким уровнем владения языком понять и усвоить больше информации.

Интересна обратная связь, полученная от «пассивных» участников проекта, то есть учащихся со средним и низким уровнем владения языком. 89% опрошенных отметили, что они узнали что-то новое, 82% считают полученную информацию полезной, 78% расширили свой словарный запас. 74% посчитали задания, предлагаемые участниками после прослушивания текста, интересными. Многие думают, что они помогают лучше понять и закрепить услышанное. У «слушателей» было значительно больше предложений, касающихся возможности улучшения проекта. 40% полагают, что было бы полезно обсуждать услышанное по-русски. 37% отметили нехватку графической информации, облегчающей восприятие на слух.

Таким образом, проведенный эксперимент убедительно доказал лингводидактическую ценность корпоративных интернет-ресурсов на примере изучения сайтов строительных компаний. И активные, и пассивные участники проекта посчитали его интересным и полезным. Студенты с высоким уровнем владения иностранным языком получили дополнительную языковую практику, в том числе разговорную. Повышению мотивации способствовало составление рейтинга на основе полученных за письменные работы баллов. Проект позволил студентам с более низким уровнем владения языком принять участие в обсуждении зарубежного строительного бизнеса, сыграть в ролевые игры и выполнить другие нетрадиционные задания, что также способствовало повышению их интереса к предмету.

Литература

1. Земскова А.Н. Применение цифровых образовательных технологий в обучении иностранному языку студентов неязыкового вуза // Успехи гуманитарных наук. – 2021. – № 7. – С. 91–97.
2. Тукаева Р.Н., Катекина А.А. Роль цифровых образовательных ресурсов в процессе овладения ино-

странным языком // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72–2.

3. Юрчикова А.В. Эффективность платформы Online Test Pad обучении иностранному языку // Kant. 2024. № 1 (50)
4. Колесниченко А.Н. Роль подкастов в формировании коммуникативной компетенции студентов при обучении иностранному языку в техническом вузе // СНВ. 2022. № 2
5. Мусина, А.А. Преимущества использования подкастов при обучении английскому языку учащихся старших классов / А.А. Мусина, Р.Е. Шкилев // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 4, № 1. – С. 29–32.
6. Краснова, А.Н. Преимущества подкастинга в обучении английскому языку / А.Н. Краснова, Е.С. Семенова // Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и лингводидактики: Сборник научных статей по материалам XXX Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 26 апреля 2021 года / Отв. редакторы Н.В. Кормилиня, Н.Ю. Шугаева. – Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2021. – С. 107–111.
7. Плужникова, Ю.А. Интернет-ресурсы в вузовском обучении английскому языку: краткий обзор / Ю.А. Плужникова // Вестник Коломенского института (филиала) Московского политехнического университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2020. – № 15. – С. 71–80.
8. Складенко, А.В. Роль интернет-ресурсов в обучении иностранному языку для специальных целей / А.В. Складенко, Д.И. Семенова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. – 2016. – Т. 2 (68), № 2–2. – С. 233–237.
9. Lashina, E.N. The use of Internet resources in teaching English / E.N. Lashina // International Journal of Professional Science. – 2024. – No. 7–1. – P. 38–43
10. Балакирева, М.А. Онлайн-платформы для дистанционного изучения иностранных языков: опыт психолого-педагогического и методического анализа / М.А. Балакирева, И.С. Крестинский // Ученые записки Ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики / Под редакцией А.И. Фефилова. – Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2020. – С. 144–151.

USING CORPORATE WEBSITES TO PROVIDE MULTI-LEVEL LEARNING FOR STUDENTS AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY

Ryabova N.M., Kobzeva O.V., Tufanova A.A.

Moscow State University of Civil Engineering, Russian State University of Tourism and Service

The article describes the experiment designed to evaluate use of corporate websites of construction companies within a lengthy project implemented by students with B2 level of English. The experiment confirmed that use of corporate internet resources enables to solve a number of tasks: enrich students' vocabulary related to construction business; learn how construction business is organized in English-speaking countries, what incentives and apprenticeship or training programs are offered by the employer, what requirements to candidates and job duties of different specialists are; practice speaking skills; organize construction-focused role-plays; learn to find the required information in the foreign language, reword and reproduce it in writing. Feedback obtained by means of a survey shows that the experiment was a success and this method can be widely used to ensure efficient teaching in multi-level groups.

Keywords: non-linguistic universities, multi-level teaching, corporate websites, internet resources, project activities.

References

1. Zemskova A.N. Use of digital educational technologies in teaching a foreign language to students of a non-linguistic university // Humanities success. – 2021. – No.7. – Pp. 91–97.
2. Tukaeva R.N., Katekina A.A. Role of digital educational resources in mastering a foreign language // Problems of modern pedagogical education. – 2021. – No.72–2.
3. Yurchikova A.V. Efficiency of Online Test Pad platform in teaching a foreign language // Kant. 2024. No.1 (50)
4. Kolesnichenko A.N. Role of podcasts in building communicative competences of students when teaching a foreign language at a technical university // SNV. 2022. No.2
5. Musina A. A., Shkilev R.E. Advantages of using podcasts when teaching English to high school students // Pedagogy. Theoretical and practical issues. – 2019. – V. 4, No.1. – Pp. 29–32.
6. Krasnova A.N., Semenova E.S. Advantages of podcasting in teaching English // Topical issues of intercultural communication and language teaching: Collection of scientific articles of XXX International scientific and practical conference, Cheboksary, April 26, 2021– Pp. 107–111.
7. Pluzhnikova Yu.A. Internet resources in teaching English at universities: brief review // Bulletin of Kolomna Institute (branch) of Moscow Polytechnic University. Series: Social Studies and Humanities. – 2020. – No. 15. – Pp. 71–80.
8. Sklyarenko A. V., Semenova D.I. Role of internet resources in language teaching for specific purposes // Bulletin of Crimea Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological sciences. – 2016. – V. 2 (68), No. 2–2. – Pp. 233–237.
9. Lashina, E.N. The use of Internet resources in teaching English // International Journal of Professional Science. – 2024. – No. 7–1. – Pp. 38–43
10. Balakireva M.A., Krestinskiy I.S. Online platforms for distant learning of foreign languages: psycho-pedagogical and methodical analysis // Bulletin of Ulyanovsk State University. Topical issues of linguistic theory and language education / Edited by A.I. Fefilov. – Ulyanovsk: Ulyanovsk State University, 2020. – Pp. 144–151.

Социальный облик московской буржуазии рубежа XIX–XX веков

Прокофьева Елена Анатольевна,

к.и.н., доцент кафедры истории и политологии Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева
E-mail: f.ro2000-sja.pr@mail.ru

Левченкова Татьяна Анатольевна,

к.ф.н., доцент кафедры истории и политологии Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева
E-mail: tatlev@yandex.ru

Симонова Маргарита Михайловна,

к.с.н., доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mmsimonova@fa.ru

В статье авторами составлен, на примере личности Марии Федоровны Морозовой, яркий портрет русской буржуазии, вышедшей из купечества, в деятельности которой сочеталась энергия предпринимательства с активной социальной политикой.

Ключевые слова: буржуазия, купечество, социальная политика, благотворительность, предпринимательство.

Нельзя построить объективного представления о динамике развития экономической, социальной, национальной, культурной сферах общественного бытия без исследования и учета особенности людских индивидуальностей, семейных традиций, поведенческих стереотипов, присущих той или иной социальной группе, нравственных и духовных основ социума и отдельных его представителей.

В начале XX в. буржуазия составляла численное большинство в имущих верхах страны и представляла собой в экономическом отношении самый могущественный класс капиталистической России. Этот класс был неоднородным, в нем рельефно выделялись два звена – петербургская и московская буржуазия. По-разному формировались эти олигархические звенья и складывались их капиталы, разными были и политические ориентиры, семейные уклады.

Богатейшие представители купечества и предпринимательства Москвы – Рябушинские, Морозовы, Мамонтовы, Вогау, Кнопы и другие буржуа русского и иностранного происхождения в конце XIX века начали быстро преобразовывать свои семейные компании в акционерные общества, главным образом в форме паевых товариществ с очень узким кругом владельцев крупных паёв.

Основные средства оставались в приватном семейном круге. Таким образом семейные кланы московской буржуазии стали обладателями многомиллионных состояний, которые открыли им возможность принимать активное участие не только в московской городской жизни, но и играть заметную роль в развитии тяготеющих к Москве провинциальных центров.

Одним из ведущих направлений деятельности московской группы была текстильная промышленность. В этой отрасли существовали гигантские товарищества Саввы Морозова, Викулы Морозова. В 1860–1870-е гг. XIX в. складывается система московских банков, где московская буржуазия играла огромную роль. В 1890-х гг. в учетно-ссудном комитете Государственного банка через своих хозяев были представлены крупнейшие текстильные предприятия Морозовской, Прохоровской, Лемешевской мануфактур [2]. Фамилия предпринимателей Морозовых довольно часто упоминается в работах по истории российского капитализма.

Основатель этой капиталистической династии – Савва Васильевич Морозов по происхождению был крепостным крестьянином дворян Рюминых, грамоты не знал, выкупился в 1820 г. на волю. Образно говоря, прошел все ступени «экономических университетов» от народного производства до капиталиста. Человек, несомненно, одаренный предпринимательским талантом, создал четыре фабрики, которые передал своим наследникам. Младшему сыну Тимофею он отдал свою самую крупную Никольскую мануфактуру. С крестьянским сословием Морозовы навсегда порвали узы. Купец первой гильдии С.В. Морозов и потомственный почетный гражданин Т.С. Морозов строили свое благополучие за счет эксплуатации рабочих и крестьян. Патриарх рода умер в 1861 году в возрасте 78 лет. После его кончины во главе семейного дела становятся его сыновья – Иван и Тимофей, а после смерти Ивана в 1864 году главой фирмы становится Тимофей Саввич. Интересы Тимофея отнюдь не ограничивались семейным пред-

приятием – он был в числе организаторов Московского купечества, одним из учредителей высокоходного общества Московско-Курской железной дороги. Товариществу Никольской мануфактуры «Саввы Морозова сын и Ко», составлявшему сердцевину богатства Морозовых, принадлежали бумагопрядильная, ткацко-механическая, красильно-отделочная фабрики в с. Никольском, отбельно-отделочная фабрика в селе Городище Владимирской губернии, фабрика ручного ткачества в селе Ваулово Владимирской губернии. На его фабриках выпускали более 27 видов материи, названия некоторых (нанка, корд, рипс, ярланд, оксфорд, демикатон, карусет, кретон) для нас сегодняшних звучат экзотически (увидеть воочию ткани морозовских фабрик можно в музее РГУ им. А.Н. Косыгина). Сырье поставляли из Англии и Германии. На фабриках работали тысячи рабочих, которые обслуживали передовые по тем временам станки: ткацкие, крутильные и др. Предприниматель Морозов прекрасно понимал, что доходность его империи будет зависеть от качества, количества, широкого ассортимента товаров, быстроты реакции на изменение спроса. Товары отправляли в Москву, Харьков, в Шую, на Ирбитскую, Нижегородскую и Московскую ярмарки, продавали частным лицам. Т.С. Морозову принадлежали земли, деревни и села, находящиеся рядом с фабриками Товарищества, он сдавал в аренду мельницы, продавал лес и изделия из древесины, для чего приобрел во Владимирской губернии пару дач с селами и деревнями, где организовал лесоразработки и склады древесины. Дрова, балки, тес, брусья продавал организациям и физическим лицам.

Женой предприимчивого, расчетливого и жесткого хозяина-эксплуататора (вспомним печально знаменитую «морозовскую стачку», вспыхнувшую как ответ настолько очевидному хозяйскому произволу, что суд вынужден был оправдать забастовщиков) Тимофея Саввича Морозова становится юная Мария Федоровна Симонова, которая не ограничилась тем, что взяла фамилию мужа и замкнулась в мире детей, а стала сначала советником и помощником фабриканта Тимофея Морозова, после же его смерти твердой рукой продолжила управлять семейным бизнесом и успешно приумножила капитал.

В работах по истории отечественного капитализма не получила достаточного отражения роль женщины в организации и управлении производством. Действительно, когда заходит речь о предпринимателях Морозовых, то звучат имена представителей мужской части этого клана – Викулы Морозова, Тимофея Морозова и Саввы Морозова. Однако архивные источники свидетельствуют, что представительницы рода Морозовых занимали далеко не последнее место в делах собственной фирмы.

Фигура Марии Федоровны вызывает исследовательский интерес своей незаурядностью, ярким, вопреки устоявшемуся мнению, предпринимательским талантом, расчетливой социальной политикой, широкой благотворительной деятельностью.

Мария Федоровна Морозова родилась в 1830 г. в семье московского фабриканта Ф.И. Симонова. Её мать, Мария Константиновна, была дочерью потомственного купца К.Е. Солдатенкова, имевшего в Китай-городе несколько лавок. После смерти Солдатенкова его лавки перешли по наследству детям, в том числе и Марии Константиновне. После ее ухода в 1871 г., а также после смерти её брата в 1874 г. единственной наследницей торговых лавок семьи Солдатенковых стала Мария Федоровна. Источники, увы, не дают пока ответа на вопрос о том, сама ли Мария Федоровна управляла этим хозяйством (лавкой в Овощном ряду, лавкой с палаткой и по-

гребом в Ножевом ряду, лавкой с палатками в Зеркальном ряду), также пока нет ответа о характере торговли.

В биографии Марии Федоровны особым является 1848 г. Именно с этого времени жизнь 18-летней девушки оказалась тесно связанной с семьей известных текстильных фабрикантов-миллионеров Морозовых. До конца 1860-х годов Мария Федоровна практически занималась главным образом семьей и воспитанием детей: Ивана, Арсения, Саввы, Сергея, Анны, Алевтины и Юлии. Вместе с тем, следует отметить, что уже тогда Тимофей Морозов ни одного решения по делам фабрик не принимал без совета своей «душечки». Не случайно в 1868 г. в Устав Торгового дома «Савва Морозов с сыновьями» он внес такое добавление: «В случае неизлечимой или продолжительной болезни моей, Тимофея Морозова, а также потери рассудка, право распоряжаться, принадлежащее мне, должно принадлежать супруге моей, Марье Федоровне Морозовой. Супруга моя, соображаясь со степенью моего болезненного положения, если признает нужным, может потребовать отдела моей части в недвижимом и движимом имении Торгового дома натурою или наличною суммою» [5]. Из всех членов-владельцев Торгового дома только Т.С. Морозов передал право распоряжаться делами своей супруге. И не случайно, т.к. Мария Федоровна действительно обладала хозяйской хваткой, практическим складом ума. Когда в 1889 г. умирает Тимофей Саввич его супруга наследует капитал в более чем 6 млн рублей, членство во многих акционерных обществах и товариществах. Но она отнюдь не стала «почивать на лаврах» и ограничиваться только «стрижкой купонов». На момент её смерти 18 июля 1911 г. капитал Марии Морозовой оставил более 29 млн руб. (для любителей точных цифр – 29 388 925 руб. 88 коп.) [6]. Не трудно посчитать, что она смогла доставшийся от мужа капитал увеличить почти в пять раз! Мария Федоровна прочно и вполне заслуженно занимала совершенно определенное место в деловом мире московской и владимирской буржуазии. Она являлась акционером ряда банков и компаний: Московского торгового, Волжско-Камского, Московского земельного и др. банков; Фабричного торгового Товарищества братьев Крестовниковых, Товарищества механических изделий, Трехгорного пивоваренного Товарищества; Северного страхового общества, Страхового общества «Якорь» и некоторых других. Если суммировать количество обществ, банков, фирм и товариществ, куда вкладывала капиталы Морозова, то она была пайщиком 14 товариществ и обществ (в том числе Средне-Азиатского Товарищества, Товарищества Русского хлопководства, Московского Товарищества для издания книг и журналов) [4]; держателем акций 7 обществ (например, Общества Средних Торговых рядов, Общества Верхних Торговых рядов); владелицей счетов в 8 банках и облигаций 28 банков и обществ (среди прочих займов 1905 и 1906 гг., Дворянского выигрышного займа, ряда железнодорожных обществ, Баденского, Прусского, Гессенского и Германского займов). Очевиден чрезвычайно широкий размах её предпринимательской деятельности.

Безусловно, будучи талантливым организатором капиталистического производства, она большое значение придавала подбору и воспитанию профессионально подготовленных, добросовестных, работоспособных кадров. Поэтому о социальной политике предпринимательницы Морозовой нужно поговорить отдельно.

Систему организации управления делами фирмы Мария Федоровна строила на расчетливости, гибкости, рачительности. Новые главные книги приказов не она заводила, продолжала все записывать в книги мужа. Для ведения хозяйства на дачах и складах Морозова на-

нимала заведующих, деятельность которых полностью контролировала. Они обязаны были нанимать сторожей и служащих, производить по назначению хозяйки рубку леса, вывозить товар в указанное ею место, а также вести записи прихода и расхода материалов и ежемесячно отчитываться, как идут дела. Плата заведующим повышалась в зависимости от признания деловых качеств конкретных работников и их выслуги лет. Так, если заведующий егорьевским складом в 1894 г. получал 480 рублей годового оклада, то через два года его годовой оклад равнялся 600 рублям. С 1884 г. у Морозовых заведует складами крестьянин Фортов, который рекомендовал себя настолько хорошо, что к 1892 году он заведует целым рядом складов, занимается разработкой лесных материалов, и к этому времени его оклад составлял 900 руб. в год, а через два года составлял уже 1100 рублей. Много это или мало? Для сравнения: среднегодовая зарплата рабочего-текстильщика равнялась 214 руб., а зарплата высоко оплачиваемого рабочего-металлиста – 338 рублей. Фортовым хозяева были довольны, он пользовался особым доверием у хозяйки. Он своевременно докладывал об изменении цен, предлагал наиболее экономически выгодные решения. Так, разрабатывая логистику поставок, крестьянин Фортов писал предпринимательнице: «...хотя провоз до Иванова будет и дешевле, но ежели при этом дрова возить на склад, а не прямо покупателю, то пользу от провоза мы должны отдать за возку из склада до фабрики» [7]. Безусловно, столь ценные работники поощрялись материально и весьма щедро.

Фабрики Товарищества были крупными предприятиями. На Никольской фабрике работало 19901 чел., на Городищенской – 16908 чел., на Вауловской – 1372 человека, при этом численность рабочих постоянно росла. Так, в 1903 г. общая численность рабочих и служащих достигла на Никольской фабрике уже 19476 чел. К 1911 г., концу жизни предпринимательницы Морозовой, численность рабочих и служащих на её предприятиях достигла 25 164, из них 22 909 чел. на крупнейшей Никольской фабрике. Заработная плата служащих и рабочих довольно сильно разнилась. Так, служащие получали от 10 до 25 рублей в месяц, а представители рабочих специальностей гораздо ниже: ватерщица – 5 руб. в месяц, мотальщица – от 4 до 8 руб., печник получал 5 руб. в месяц, а сортировщик – от 3 до 5 рублей [8]. Условия труда и быта были тяжелыми. Судя по плану-описанию строений рабочие прачек и паровых жили в подвальных помещениях рядом с паровыми котлами и печами. Тем не менее, не смотря на небольшие заработки и весьма некомфортные бытовые условия, мы видим, что численность персонала росла. Причиной этому, с одной стороны, был рост производительных мощностей. Но дело не только в этом.

Уже упоминалось, что Мария Федоровна оказывала большое влияние на деловые занятия мужа. Она сыграла ряд ролей в качестве организатора капиталистического производства, влияла, прежде всего, на социальную политику, проводимую на фабриках Товарищества. Следует отметить, что в «молодую» эпоху российского капитализма отношения между собственниками и рабочими еще только складывались.

Характерная черта социальной политики этого поколения предпринимателей, которые считали, что знания людей являются важнейшим элементом, который поможет делу – это старательное стремление поддерживать с рабочими «патриархальные отношения». Не была исключением и М.Ф. Морозова. Соединив хозяйский расчет и благотворительность, она нашла тот механизм управления людьми, который до определенного момента

действовал успешно [4]. Социальная политика Морозовой включала в себя несколько аспектов, хотя её невестка, З.Г. Морозова, считала, что вся социальная политика Марии Федоровны заключалась в том, что она «знала и в лицо, и по именам-прозвищам едва ли не всех орехово-зуюевских бабок и дедов. Всегда была готова и ласковое слово молвить, и подарочек, хоть самый грошевый, пожаловать. Вот и почитали ее иные ореховцы – деды да бабки – своей благодетельницей, именем Марии Федоровны богадельню нарекли» [3]. Аналогичное мнение высказано в книге В.Я. Лаврычева и А.М. Соловьевой «Боевой почин российского пролетариата», с той лишь разницей, что круг благодетельствованных М.Ф. Морозовой несколько ими расширен за счет рабочих Никольской мануфактуры: «Нередко хозяйка становилась крестной у детей фабричных рабочих из старообрядческих семей, которых затем в первую очередь принимали учиться в фабричную школу [1]. Важным компонентом социальной политики являлась система обучения, созданная при Никольской, Городищенской и Вауловской фабриках Товарищества [9]. В начальных училищах обучали детей своих рабочих. Нельзя не сказать о том, что М.Ф. Морозова уделяла большое внимание работе училищ, регулярно переводила деньги, проявляла заинтересованность в подготовке квалифицированных кадров для фабрик. Труд учителей поощрялся по итогам учебного года. Известны случаи поощрения М.Ф. Морозовой отдельных учителей: «выдано в награду учителю Вауловского училища Островскому А.А. 20 рублей» [10]. Есть и другие сведения. В 1905–1906 учебном году для поощрения учителей было выделено 850 рублей. Система оплаты была дифференцированной. Если учитель пения получал 15 рублей в месяц [11], то учителя других предметов – 25 рублей. Работники, выполнявшие контрольно-административные функции, следившие за дисциплиной (надзиратели училища и др.) получали больше учителей в 2 раза [12]. Важной сферой социальной политики являлось пенсионное обеспечение. В частности, известны случаи участия М.Ф. Морозовой в пенсионном обеспечении учителей. В книге счетов можно встретить такие записи: «внесено в Покровское уездное казначейство в пенсионную кассу учителей, за учителей Никольского, Городищенского, Вауловского училищ за март 1901 года 2923 рублей» [13]. В 1911 году в пенсионную кассу учителей отправлено 2737 рублей. Помощь Морозовой в налаживании обучения рабочих не ограничивалась лишь названными училищами. Она содействовала обучению детей своих рабочих и в других училищах, внося деньги за их обучение. Так, дети рабочих с фабрик Морозовой обучались во Владимирском реальном училище, в Строгановском училище, во Владимирской гимназии [4; 13].

Важным средством, которое умело использовала Морозова являлась демагогия. Почти ежемесячно в деревнях случались пожары, десятки семей лишались крова. Тогда на «восстановление дворов» крестьянам выдавались деньги – от 3-х до 5 рублей в месяц каждому двору [17]. Понятно, что на эту сумму нельзя приобрести даже необходимых вещей, не говоря уже о том, чтобы «восстановить двор».

К каждому празднику хозяева отпускали продукты наиболее неимущим, а в дни поминовения Т.С. Морозова и дочери Алевтины Мария Федоровна устраивала бесплатные обеды. Рабочим фабрик Товарищества выдавались деньги, в больницы и богадельню передавались продукты, постельное белье, посуда, кровати [15]. Помогала Морозова и рабочим, потерявшим трудоспособность в результате травмы, семьям уволенных рабочих, заболевших рабочих: «на отправку на родину боль-

ного холстовщика с женой и двумя маленькими детьми выдать 30 рублей» [8]. Существует любопытное письмо, которое написала Морозовой жена уволенного Саввой Морозовым рабочего («благодаря своему несчастному характеру»). В течение 10 лет после увольнения мужа их семья жила на ежемесячное пособие в размере 10 рублей, которые им посылал Савва Морозов. После его гибели поступления прекратились. Жить им уже не на что, «давно все заложено и продано, наступает начало учения детей, а у меня не бывает даже ежедневного черного хлеба, чтобы накормить их». Известно, что Морозова отправила адресату 80 рублей [4; 16].

Что двигало Морозовой? На наш взгляд, стремление создать вокруг себя ауру доброго, заботливого «щедрого человека». Помимо хлопчатобумажной ткани, хозяева давали девушкам, выходящим замуж, довольно крупные суммы – 200–300 рублей [17]. Для рабочих, потерявших трудоспособность, Морозова построила богадельню в селе Орехово, а в 1893 году начала строительство домово́й церкви. Согласно духовному завещанию Марии Федоровны, богадельне было присвоено имя Т.С. Морозова.

Благотворительная деятельность занимала важное место в жизни М.Ф. Морозовой. Она участвовала в нескольких благотворительных обществах (Московском Благотворительном обществе, Владимирском Попечительстве детских приютов, С.-Петербургском Славянском Благотворительном обществе, Попечительстве о бедных Мясницкого участка), выделяла средства на реставрацию памятников русской архитектуры (Успенского собора в г. Владимире), помогала деньгами и товарами учебным и медицинским учреждениям [4].

Литература

1. Лаверычев В.Я., Соловьева А.М. «Боевой почин российского пролетариата. К 100-летию Морозовской стачки 1885 г.». М., 1985. С. 52.
2. Лаверычев В.Я. Монополистический капитал в текстильной промышленности России. 1900–1917. М., 1963. С. 117–121.
3. Морозов С.Т. Дед умер молодым: документальная повесть: [о промышленнике и меценате С.Т. Морозове] / Савва Морозов. 2-е изд., доп. Москва: Советский писатель, 1988. 201 с.
4. Прокофьева Е.А. Личный фонд Морозовых: источниковедческий анализ. Земля и Власть в истории России: сборник научных статей участников Всероссийской научной конференции памяти профессоров А.Г. Кузьмина, В.Г. Тюкавкина и Э.М. Щагина. Москва, МПГУ, 11–12 декабря 2018 г. / Под общ. ред. А.В. Лубкова. Москва: МПГУ, 2020. 752 с.
5. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.6, л.64

6. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.166, л.1
7. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.21, л.53–54
8. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.95, л.58
9. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.95, л.22
10. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.95, л.18
11. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.95, л.24
12. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.95, л.43
13. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.95, л.91
14. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.95, л.5
15. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.95, л.6
16. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.11, л.41
17. ЦГА Москвы, ф.357, оп.1, д.95, л.92

SOCIAL APPEARANCE OF THE MOSCOW BOURGEOISIE AT THE TURN OF THE 19TH – 20TH CENTURIES

Prokofieva E.A., Levchenkova T.A., Simonova M.M.

D.I. Mendeleev Russian University of chemical technology, Financial University under the Government of the Russian Federation

In the article, the authors have compiled, using the example of the personality of Maria Feodorovna Morozova, a vivid portrait of the Russian bourgeoisie, which emerged from the merchant class, in whose activities the energy of entrepreneurship was combined with active social policy.

Keywords: bourgeoisie, merchant class, social policy, charity, entrepreneurship.

References

1. Laverychev V.Ya., Solovyova A.M. “The Combat Initiative of the Russian Proletariat. To the 100th anniversary of the Morozov strike of 1885”. Moscow, 1985, p. 52.
2. Laverychev V.Y. Monopolistic Capital in the Textile Industry of Russia. 1900–1917. Moscow, 1963. Pp. 117–121.
3. Morozov S.T. Grandfather Died Young: A Documentary Story: [About the Industrialist and Philanthropist S.T. Morozov] / Sava Morozov. 2nd ed., add. Moscow: Soviet Writer, 1988. 201 p. (In Russian)
4. Prokofieva E.A. Personal Fund of the Morozovs: Source Studies. Land and Power in the History of Russia: A Collection of Scientific Articles by Participants of the All-Russian Scientific Conference in Memory of Professors A.G. Kuzmin, V.G. Tyukavkin and E.M. Shchagin. Moscow, MPGU, December 11–12, 2018 / Ed. by A.V. Lubkov. Moscow: MPGU, 2020. 752 p. (In Russian)
5. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.6, l.64
6. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.166, l.1
7. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.21, l.53–54
8. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.95, l.58
9. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.95, l.22
10. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.95, l.18
11. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.95, l.24
12. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.95, l.43
13. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.95, l.91
14. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, l.5
15. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.95, l.6
16. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.11, l.41
17. Central State Archive of Moscow, f.357, op.1, d.95, l.92

Возможности социально-культурного проектирования

Чупахина Татьяна Ивановна,

кандидат философских наук, декан факультета культуры и искусств, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: tat.chupaxina@yandex.ru

Стебляк Виктор Вадимович,

кандидат искусствоведения, доцент; Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
E-mail: steblyakvv@list.ru

Одним из важнейших показателей в оценке учреждений культуры является создание и реализация проектной деятельности. Мы ориентируемся на признак деления проектов в социально-культурной сфере по масштабности и объединяем их в три класса: мегапроекты, мультипроекты и монопроекты которые в свою очередь могут быть международные, федеральные, региональные и межрегиональные. В связи с тем, что учреждениям культуры приходится решать огромный спектр проектных задач, то по содержательным признакам они могут быть стратегические, пилотные, инновационные, инвестиционные и многие другие.

Возникает парадоксальная ситуация, когда социально-культурным учреждениям вводят проектирование как обязательный элемент их функционирования, а между тем проектирование это вид деятельности, претендующий на уникальность и научную сложность, то есть продукт, который по определению не может быть массовым. Так как проектирование в современном мире считается ценностным фактором развития организаций и воспринимается только с положительными коннотациями сама реализация этой деятельности требует рефлексивного подхода, анализирующего риски и возможности как со стороны государства, активно продвигающего проектную деятельность, так и со стороны работников культуры, которые вынуждены быстро адаптироваться к новому виду деятельности. Проблема заключается в том, что массовое проектирование не может быть уникальным и происходит подмена самого понятия проектирования вместо высшей научно – практической деятельности расширительным его пониманием до уровня обыденного плана, который нужно реализовать. Помимо этого противоречия сама реализация проекта может вызвать противодействие со стороны различных групп населения и даже привести к социальному недовольству.

Ключевые слова: проектирование, организация, теория, технологии, управление, риски, возможности, социокультурная сфера, планирование

Ранее в отечественной теории, посвященной проектам, под понятием проект долгое время принято было понимать определённый документ, текстовый план, выделяющий определённый замысел, имеющий отношение больше к архитектуре, инженерии, промышленности и т.д., однако за рубежом термин проект является гораздо более широким, объединяя в себе разнообразные виды деятельности. «Проекты способны перевести системы в новые состояния, которые являются будущей окружающей средой и условиями жизни» [2, с. 22].

В зависимости от тех задач, которые стоят перед учреждением или организацией культуры, используются разные по содержанию трактовки понятия «проект», каждая из которых имеет право на существование в определенных условиях. «Социокультурное проектирование представляет собой технологический процесс, с помощью которого решаются проблемы в контексте максимальной неопределенности социокультурной среды и вариативности возможных управленческих решений.» [7].

Из всего существующего многообразия трактовок, далее мы остановимся на тех, которые более других соответствуют специфике культурной практики. «С точки зрения системного подхода проект может рассматриваться как процесс перехода из исходного состояния в конечное – результат при участии ряда ограничений и механизмов.» [4, с. 18].

Проекты могут отличаться по масштабам, затратам сроком реализации, предполагаемому результату, однако для всех проектов существует несколько общих характеристик свойственных каждому из них:

1. мониторинг социокультурной среды;
2. анализ проблем наиболее актуальны для общества;
3. выбор проблемы, которую необходимо решить в проекте
4. постановка цели по системе СМАРТ;
5. учет социокультурного контекста;
6. учета всех противоборствующих проекту сил;
7. учет стейкхолдеров;
8. планирование проекта;
9. формирование команды;
10. учет и оценка рисков;
11. учёт имеющихся ресурсов;
12. определение жизненного цикла;
13. определение его социальной значимости;
14. определение уникальности проекта;
15. моделирование результатов проекта.

Для осуществления проекта требуется весь функционал управления: организация, руководство, планирование, мотивация, координация, контроль и маркетинговое продвижение.

Под этапами, формирующими проект понимается «процесс создания окончательного описания проекта, достаточного для его реализации в заданных условиях. В общем виде процесс проектирования включает в себя проведение предварительного проектного исследования, формирование документа, отражающего потребности (техническое задание), разработку документа «проект» (реализация технического задания).» [6]

Проектирование, как системный процесс, представляет собой разработку плана и подбор методик и технологий, согласно которым будут совершаться задуманные

изменения внешней среды в рамках проекта. Результатом же проектирования выступает разработанное проектное решение, которое бы отвечало заданным требованиям и эффективно развивало, и улучшало объект проектирования.

Объект проектирования представляет собой «системы, процессы организации социальных связей, взаимодействия, включенных в проектную деятельность, которые подвергаются целенаправленным воздействиям субъектов проектирования с тем, чтобы придать им определенные черты и характеристики» [6].

Обобщая сказанное выше, под объектом проектирования можно понимать среду или процесс, в которых существует предмет проектирования, на которые направлена деятельность субъекта.

Субъектом же проектирования в свою очередь является тот, кто вносит нововведения и осуществляет преобразования системы, то есть осуществляет проектирование.

В сравнении с множеством других методов социально-культурных преобразований, проектирование имеет ряд существенных преимуществ, ключевым из которых является сочетание диагностического и нормативного подхода, поддержание баланса между идеальным, зачастую абстрактным образом будущего и реальной оценкой существующей ситуации, между четким, детальным планированием и гибкостью, выраженной в возможности приспособляться к изменяющимся условиям среды.

Проектирование, на основе опыта и созданных образцов решения конкретных проблем социально-культурной сферы, способно обеспечить научную обоснованность проведения тех или иных управленческих мероприятий в определенной ситуации. Благодаря сочетанию диагностического и нормативного подходов проектирование:

- Определяет конкретные временные рамки для решения проблемной ситуации, в соответствии с ее сложностью и масштабами.
- Соотносит существующую идеальную модель результата проекта с существующими ресурсами и возможностями.
- Оценивает стоящую проблему, сравнивая пути, средства и способы ее решения, включая поиск альтернативных вариантов достижения целей проекта.

На основе этого можно констатировать о том, что: «социокультурное проектирование – это специфическая технология, представляющая собой конструктивную, творческую деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем и выявлении причин их возникновения, выработке целей и задач, характеризующих желаемое состояние объекта (или сферы проектной деятельности), разработке путей и средств достижения поставленных целей.» [5]

В учреждениях культуры в рамках осуществления проектной деятельности существуют приоритетные виды социально-культурных проектов, которые можно разделить на:

- проекты развивающие и поддерживающие общественные организации, а также молодежные движения и объединения.
- проекты, повышающие уровень культурных знаний общества с помощью различных мероприятий.
- проекты, формирующие определенный набор компетенций у общества, посредством внедрения его в процесс создания культурного продукта.
- проекты создающие центры культурного роста с применением современных технологий.

«Проекты, реализуемые в различных областях разными специалистами, имеют значительные различия между собой. Поэтому для выбора того или иного подхо-

да к управлению конкретным проектом предварительно необходимо разобраться с особенностями именно данного типа или вида проекта» [8].

Одними из наиболее современных методов проектирования является инвестиционный проект, который определяется как «инвестиционная акция, предусматривающая вложения определенного количества ресурсов, в том числе интеллектуальных, финансовых, материальных, человеческих, для получения запланированного результата и достижения определенных целей в обусловленные сроки» [4, с. 27]. Уже сейчас можно полагать, что инвестиционные проекты в скором времени найдут место в сфере культуры и будут гораздо активнее использоваться учреждениями и организациями в силу своей эффективности, однако для реализации проектов данного типа необходимы частные вложения капитала, условия для которых могут создать только федеральные и региональные органы власти. Основные признаки инвестиционного проекта, это использование как собственных, так и внебюджетных средств, долевого участия инвесторов, а также получение кредитов и льгот, что в совокупности является признаком ресурсного потенциала организации. «Развитие и поддержание сферы культуры является дорогостоящим процессом, требующим больших инвестиций. Полностью бюджетное финансирование этой сферы невозможно и нецелесообразно. Поэтому проблемы ресурсного обеспечения культуры должны быть реализованы по принципу инвестиционных проектов. Инвестиционные проекты в сфере культуры должны создаваться на корпоративных ресурсах как учреждений бюджетной, так и внебюджетной сфер.» [1]

Отдельные составляющие инновационных проектов, связанных с их реализацией, могут со временем корректироваться и уточняться, опираясь на достигнутые результаты. Инновационные проекты в сфере культуры являются разноплановыми и включают в себя деятельность по развитию и освоению современных компьютерных технологий и медиа, модернизацию моделей распространения культурных благ, создание новых продуктов и услуг и так далее «Таким образом, при создании инновационных проектов следует иметь в виду высокую динамичность инновационных процессов и высокую степень неопределенности принимаемых решений». [3]

В статье нами была рассмотрена теоретическая база посвященная методу социокультурного проектирования, в результате проведенного анализа мы выяснили, что данный метод является приоритетным в реализации государственной культурной политики направленной на преобразования общественной среды и зарекомендовал себя как результативный особенно при сложном взаимодействии некоммерческого сектора с коммерческим. Сама суть культивирования проектирования в учреждениях культуры в запуске системы саморазвития и самоорганизации на конкретной территории которое запустит механизмы позволяющие сформировать новые культурные механизмы взамен старых паттернов. Однако такое целеполагание объективно на ряд существенных препятствий, ограничивающих возможности учреждений культуры:

- отсутствие единой научной базы и алгоритмов применения технологий управления проектами в социокультурной практике;
- недостаточность методических и научно-методологических разработок и рекомендаций по проектной деятельности;
- сложность интеграции проектных технологий в существующие социокультурные процессы;
- присутствует формализм и имитация проектной деятельности, когда на всех уровнях тематика и на-

правленность проектов дублируется с задаваемыми проблемами, которые выигрываются в грантах или просто осуществляется плагиат чужих проектов, тем самым уничтожается сама суть проектной деятельности и уникальность ее реализации в контексте специфических условий регионов;

- реализация социокультурных проектов в условиях современной России может быть достаточно рискованным делом для самих проектировщиков так как консервативные проекты не принимает одна часть населения, а инновационные другая. Найти социокультурный баланс порою чрезвычайно сложная задача;
- адаптация учреждений культуры к проектной практике требует длительного по времени и осмысленного внедрения. Однако порою в условиях современной России акцент делается не на эффективности и согласованности проработки изменений, а на интенсификации темпа, что порою приводит к результатам, прямо противоположным первоначальным замыслам разработчиков проекта;
- в условиях быстроизменяющейся социокультурной и геополитической среды во всем мире ставка на проектную деятельность на местных уровнях не может быть оправданной так как проекты меняют локальные уровни и элементы среды. Цивилизационный выбор современной России, который был провозглашен президентом и поддержан народом связан с реализацией стратегических целей и поэтому приоритетным в государственной культурной политике должно стать не проектирование, а всестороннее планирование социокультурной деятельности.

Литература

1. Булавина, Д.М. Проектная деятельность в сфере культуры как механизм реализации культурной политики: дис. ... канд. культурологии / Д.М. Булавина. – Москва, 2007. – 167 с.
2. Кнофель Г. Изменения и роль управления проектами в их реализации // Мир управления проектами / Под ред. Х. Решке, Х. Шелле. – М., Аланс.-1994.-С. 17–24.
3. Костюк В. Инфраструктура инноваций как основа перехода к информационному обществу // Информ. ресурсы России. – 2001.-№ 1. – С. 3
4. Мазур И.И., В.Д. Шапиро. Управление проектами: Справ. пособие – М., Экономика, 2001. – 574 с.
5. Марков А.П. Бирженюк Г.М. – Основы социокультурного проектирование: учеб. пособие. Санкт-Петербург. 1997 г. – 259 с.
6. Симонова И.Ф. Социально-культурное проектирование: современные подходы и технологии: учебное пособие. – СПб.: Наукоемкие технологии, 2020. – 250 с.
7. Стебляк В.В. Специфика социокультурного проектирования в современной России // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. No 6A. С. 119–126.

8. Сурова Н.Ю. Проектный менеджмент в социальной сфере и дизайн-мышление: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Менеджмент» / Н.Ю. Сурова М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 415 с.

POSSIBILITIES OF SOCIAL AND CULTURAL DESIGN

Chupakhina T.I., Stebliak V.V.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

One of the most important indicators in assessing cultural institutions is the creation and implementation of project activities. We focus on the feature of dividing projects in the socio-cultural sphere by scale and combine them into three classes: megaprojects, multiprojects and monoprosjects, which in turn can be international, federal, regional and interregional. Due to the fact that cultural institutions have to solve a huge range of project tasks, then according to substantive features they can be strategic, pilot, innovative, investment and many others.

A paradoxical situation arises when socio-cultural institutions are introduced to design as a mandatory element of their functioning, and meanwhile design is a type of activity that claims to be unique and scientifically complex, that is, a product that by definition cannot be mass. Since design in the modern world is considered a valuable factor in the development of organizations and is perceived only with positive connotations, the very implementation of this activity requires a reflexive approach that analyzes the risks and opportunities both on the part of the state, actively promoting projective activity, and on the part of cultural workers who are forced to quickly adapt to a new type of activity. The problem is that mass design cannot be unique and the very concept of design is replaced by a broader understanding of it to the level of an ordinary plan that needs to be implemented instead of the highest scientific and practical activity. In addition to this contradiction, the very implementation of the project can cause opposition from various groups of the population and even lead to social discontent.

Keywords: design, organization, theory, technology, management, risks, opportunities, socio-cultural sphere, planning

References

1. Bulavina, D.M. Project activities in the cultural sphere as a mechanism for implementing cultural policy: diss. ... Cand. of Cultural Studies / D.M. Bulavina. – Moscow, 2007. – 167 p.
2. Knofel G. Changes and the role of project management in their implementation // The world of project management / Ed.H. Reschke, H. Schelle. – M., Alans.-1994.-P. 17–24.
3. Kostyuk V. Innovation infrastructure as a basis for the transition to an information society // Inform. resources of Russia. – 2001.- № 1. – P. 3
4. Kazur I.I., V.D. Shapiro. Project management: Reference manual – M., Economica, 2001. – 574 p.
5. Markov A.P. Birzhenyuk G.M. – Fundamentals of socio-cultural design: textbook. St. Petersburg. 1997. – 259 p.
6. Simonova I.F. Socio-cultural design: modern approaches and technologies: textbook. – St. Petersburg: Science-intensive technologies, 2020. – 250 p.
7. Steblyak V.V. Specifics of socio-cultural design in modern Russia // Culture and civilization. 2018. Vol. 8. No. 6A. P. 119–126.
8. Surova N. Yu. Project management in the social sphere and design thinking: textbook for university students studying in the specialty "Management" / N. Yu. Surova M. : UNITY-DANA, 2018. – 415 p.

Тарабарина Юлия Алексеевна,

преподаватель кафедры иностранных языков
и профессиональной коммуникации, Национальный
исследовательский Московский государственный
строительный университет
E-mail: tarabarina.julia@gmail.com

Распространение использования нейросетей студентами в обучении ведет к их использованию в целях академического мошенничества. Противодействием нечестному академическому поведению является воспитание этических ценностей у обучающихся: честности, ответственности и уважения к субъектам, процессу и результатам образования. Цель статьи – исследовать масштаб и способы применения нейросетей при выполнении учебных работ студентами и их отношения к этичности академического мошенничества для разработки методов этического воспитания и свода правил этичного академического поведения. Методом исследования выступил социологический опрос обучающихся, который показал, что студенты лояльно настроены по отношению к академическому мошенничеству и не придают достаточную значимость академической честности. Что показывает необходимость внедрения кодекса академической честности и воспитания этических ценностей у студентов. На момент проведения опроса плагиат сгенерированных нейросетями материалов имеет ограниченный характер, но прогнозируемое его распространение требует постоянного отслеживания данной тенденции с целью предотвращения снижения качества профессионального образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, плагиат, академическое мошенничество, этика, академическая нечестность.

Введение

В настоящее время в России ведется работа по внедрению технологий искусственного интеллекта в разных сферах жизни, достижению технологического суверенитета страны. (Федеральный закон № 258-ФЗ от 31.07.2020 г. «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года; Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (с изменениями на 15 марта 2021 года). Для того чтобы реализовать на практике поставленные цели, необходимо в вузах подготовить специалистов, способных использовать технологии искусственного интеллекта в профессиональной деятельности.

Однако, на практике внедрение искусственного интеллекта в образовательный процесс ведет не только к интенсификации профессионального образования, получению студентами и будущими специалистами новых информационных компетенций, но и к проблеме использования сгенерированных нейросетями материалов в академических работах студентов. Под искусственным интеллектом понимается «область компьютерной науки (информатики), специализирующаяся на моделировании интеллектуальных и сенсорных способностей человека с помощью вычислительных устройств.» (Философия: Энциклопедический словарь, 2004.) Нейросеть – это математическая модель, реализующая глубокое обучение на основе анализа большого массива данных и имитирующая работу человеческого мозга. (Искусственный интеллект: что это такое, как он работает и почему он важен, 2024)

Проблема нерегулируемого использования студентами в процессе обучения материалов, созданных нейросетями, в том числе присвоение авторства созданной искусственным интеллектом работы относится к академическому мошенничеству. Поскольку чаще всего обучающиеся выдают сгенерированные работы за свои собственные и получают за них отметки. Академическое мошенничество – «нечестные приёмы или запрещённые правилами университета действия, относящиеся к учебной деятельности и осуществляемые студентами для достижения несправедливого преимущества в учёбе» (Шмелёва, 2016:55–56). Академическое мошенничество студентов с точки зрения причин его возникновения, сущности, этических норм, лежащих в основе этого явления, изучалось рядом учёных, таких как Е.Д. Шмелёва, Т.В. Семёнова (Семёнова, Шмелёва, 2019), О.В. Дрёмова (Дрёмова, 2020), В.В. Спасёнников (Спасёнников, 2024), М.Н. Макарова (Макарова, 2021). Н.И. Губанов, Н.Н. Губанов, Е.С. Шорикова и другие исследователи отмечают губительное последствие увеличения масштабов академического мошенничества среди студентов, поскольку оно негативно влияет на качество получаемого образования, компетентность обучающихся, имидж высшего учебного заведения в социуме. Следствием этого процесса является снижение уровня развития человеческого сообщества во всех сферах, например, в сфере культуры, экономики, техники. Более того,

по результатам исследований студенты, активно применявшие методы академического мошенничества в процессе обучения, имеют склонность к мошенническим действиям вне стен учебного заведения. (Губанов Н.И., Губанов Н.Н., Шорикова Е.С., 2021; Сысоев, 2024) Таким образом, феномен академического мошенничества необходимо исследовать, чтобы предотвратить возможные негативные последствия таких действий не только для отдельных студентов, но и для социума в целом.

Академическое мошенничество и плагиат сгенерированных искусственным интеллектом материалов изучались Р.Я. Минаповой (Минапова, 2024), П.В. Сысоевым (Сысоев, 2024), Е.А. Клопковой и А.В. Микляевой (Клопкова, Микляева, 2022). В ряде научных работ исследователи уделяют внимание влиянию технологий искусственного интеллекта на образовательный процесс. В частности, на примере ChatGPT показано, что задания по написанию текстов чаще всего выполняются не самими студентами, а нейросетями, определить написана ли работа человеком или машиной представляется довольно сложной задачей, поскольку системы антиплагиата недостаточно разработаны для определения сгенерированного текста. Более того, использование нейросетей может негативно сказаться на когнитивных способностях обучающихся и на их интеллектуальном развитии, если они вместо самостоятельного выполнения учебных работ будут использовать исключительно возможности искусственного интеллекта. Как следствие, критическое мышление и аналитические умения, умения работать с информацией не будут развиваться у студентов должным образом. С другой стороны, качество сгенерированных материалов нейросетями напрямую зависит от точности запросов пользователя и его компетентного уровня, а также от возможности корректно оценить правильность и релевантность представленной нейросетью информации, которая берется из загруженных в нее баз данных и компилируется из всей доступной информации. Достоверность сгенерированных материалов может оценить только специалист в конкретной области, имеющий профессиональный опыт в соответствующей сфере, поскольку искусственный интеллект не умеет самостоятельно решать прикладные задачи, относящиеся к реальному миру, а не цифровому. Таким образом, чтобы избежать фальсификации данных пользователь должен иметь высокую компетентность в профессиональной области и уметь критически оценивать поступающую информацию. (Сысоев, Филатов, 2023) Следовательно, нарастающий объем случаев академического мошенничества с применением разных технологий искусственного интеллекта ведёт к необходимости выработать решения данной проблемы: пересмотреть методы оценивания сформированности компетенций студентов и не использовать для этого письменные работы, а заместить их проектами и кейсами; разработать технологии идентификации сгенерированных материалов; разработать принципы и методы обучения с помощью технологий искусственного интеллекта, так чтобы его применение не нарушало этических норм; провести воспитательную работу со студентами по необходимости соблюдения этических норм при выполнении академических работ, повышению значимости качественной подготовки студенческих работ и профессионального образования. (Милушков, Лиманский, Лаврук., Бабылев, 2023; Быльева, 2023; Сысоев, Филатов, 2023; Жуков, 2023; Безуглый, Ершова, 2023; Алешковский, Гаспаришвили, Нарбут, Крухмалева, Савина, 2024)

Многие учёные, например, такие как П.В. Сысоев (Сысоев, 2024), Е.А. Попов (Попов, 2024), В.В. Спасенников (Спасенников, 2024), О.В. Дрёмова (Дрёмова,

2021), Е.Д. Шмелева (Шмелева, 2016) и другие считают одним из основных путей препятствующих использованию академического мошенничества с использованием искусственного интеллекта воспитание этических и нравственных ценностей у обучающихся, чтобы повысить значимость честного поведения в образовательном процессе. Например, исследователи данной проблемы предлагают ввести этические кодексы академического поведения для работников высших учебных заведений и обучающихся, для того чтобы регламентировать в каких случаях можно использовать технологии искусственного интеллекта и как их можно применить, а также в целях разработки правил этического поведения, в том числе в случаях обнаружения фактов академического мошенничества среди студентов. При этом основной такого кодекса должны стать ценности честного академического поведения. Этические кодексы университетов с точки зрения функций и содержания были рассмотрены О.В. Дрёмовой и С.К. Бековой (Дрёмова, Бекова, 2021). Помимо вопросов этического поведения в стенах вуза данные документы особое внимание уделяют академической честности и возможным наказаниям за обнаружение плагиата в академических работах студентов. Стоит отметить, что в кодексах прописаны не только карательные процедуры по отношению к нарушителям правил, но и меры по предотвращению таких случаев, например, курсы по академической честности, работа этический центров и комитетов.

Целью данной работы является исследование отношения студентов Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ) к феномену академического мошенничества с использованием нейросетей.

Актуальность данного исследования основывается на том, что технологии искусственного интеллекта постоянно развиваются, их функционал растет, как и расширяется аудитория пользователей данных технологий. В студенческой среде обучающиеся охотно делятся друг с другом опытом применения разных методик академического мошенничества, следовательно количество случаев применения нейросетей для выполнения академических работ с течением времени будет расти с геометрической прогрессией. Данный процесс необходимо отслеживать, чтобы вовремя устранить негативные последствия или предотвратить их. Одним из инструментов такого мониторинга выступает социологический опрос, который послужил основным методом рассматриваемого исследования. Результаты опроса можно применить на практике в рамках разработки кодекса академической честности в НИУ МГСУ.

Результаты и обсуждение

Для изучения понимания студентами феномена академического мошенничества и этичности такого поведения, а также анализа использования нейросетей для выполнения студенческих академических работ на базе Национального исследовательского НИУ МГСУ был проведен социологический опрос студентов. В опросе приняла участие 138 респондентов, обучающиеся бакалавриата, специалитета, магистратуры, всех курсов, различных направлений подготовки. В исследовании был использован метод сплошной выборки, поскольку целью первичного анкетирования было проанализировать в целом отношение студенческого сообщества к академическому мошенничеству, в том числе с использованием нейросетей. Гипотеза исследования состояла в том, что обучающиеся широко используют нейросети для выполнения различных академических работ и имеют ло-

яльное отношение к академическому мошенничеству, в особенности с применением технологий искусственного интеллекта, поскольку при определенных условиях невозможно доказать, что представленный материал не был создан указанным автором-человеком, более того такие технологии позволяют сгенерировать работу за считанные минуты, тогда как время выполнения задания человеком может занять больше дня, следовательно, использование нейросетей максимально упрощает выполнение учебных заданий.

В рамках опроса была разработана анкета, в которой было выделено несколько тематических блоков: первый – понимание феномена академического мошенничества, плагиата и действий, входящих в их состав; второй – анализ личного опыта респондентов в использовании нейросетей с целью подготовки академических работ; третий – понимание этичности использования методов академического мошенничества, в том числе этичность использования нейросетей в процессе получения высшего образования.

Целью проведенного опроса было установить, насколько распространено среди студентов использование нейросетей в процессе обучения и определить их отношение к этичности применения нейросетей в образовании. В анкетировании респондентам были предложены утверждения, по отношению к которым они могли выразить своё отношение в соответствии со шкалой Ликерта (полностью не согласен, не согласен, нейтральное отношение, согласен, полностью согласен). Помимо этого, в анкете имели место вопросы со множественным выбором, где опрошенные могли выбрать несколько вариантов ответа. Пример утверждений, выражающих отношение респондентов к использованию нейросетей в процессе обучения располагается в таблице 1.

Таблица 1. Пример утверждений в анкете по проблеме использования нейросетей в обучении

Я имею опыт использования нейросетей для выполнения академических работ.
Я редко использую нейросети для выполнения академических работ.
Я часто использую нейросети для выполнения академических работ
Я выполняю академические работы только с использованием нейросетей.
Мои академические работы полностью принадлежат авторству нейросетей, я не вношу изменения в продукт, созданный искусственным интеллектом
Мои академические работы частично выполнены при помощи нейросетей, частично выполнены мной.
При использовании нейросетей я редактирую продукт, созданный искусственным интеллектом, прежде чем использовать в своей академической работе.
При использовании нейросетей я в академической работе использую только идеи, предложенные искусственным интеллектом (не готовый продукт, как текст или изображение).
Какие нейросети используете при подготовке академических работ? ChatGPT Gemini GigaChat YandexGPT Perplexity MathGPT

Я имею опыт использования нейросетей для выполнения академических работ.
DeepL AiWriteArt Shedevrum.ai Claude Davinchi AI Study24.ai AiBro Yippity Никакие Свой вариант
Я не использую нейросети при выполнении академических работ.
Я выдавал результат работы нейросети за академическую работу, сделанную мной самостоятельно.
Я являюсь правообладателем сгенерированного нейросетью продукта.
Я считаю, что права на сгенерированные нейросетью продукты принадлежат компании-владельцу нейросети.
Я имею право полностью или частично использовать сгенерированный нейросетью продукт.
Я обладаю авторскими правами только на мною сформулированные запросы, результаты работы нейросети принадлежат компании-владельцу, и я должен давать ссылку на источник заимствования.
Я являюсь соавтором продукта, сгенерированного нейросетью по моему запросу.
Я даю ссылку на нейросеть, если использую сгенерированные материалы в моей работе.
Я не считаю необходимым давать ссылку на сайт нейросети и указывать на факт, использования искусственного интеллекта в работе.
Присвоение авторства полного результата работы нейросети является плагиатом.
Использование в академической работе продуктов сгенерированных нейросетью не может считаться плагиатом.
Использование в академической работе продуктов сгенерированных нейросетью не считается плагиатом, если дана ссылка на использованную нейросеть.
Я осознаю, что как участник образовательного процесса должен соблюдать академическую этику и честность.
Я осознаю, что использование сгенерированных нейросетью материалов является плагиатом и нарушает академическую этику.
Я считаю недопустимым использование нейросетей при выполнении академических работ, а также выступаю против любых форм академического мошенничества.
Я считаю, что следованию академической честности должна способствовать разработка кодекса академической добросовестности.
Я считаю, что использование нейросетей в целях генерирования академических работ или их элементов необходимо запретить в рамках кодекса академической добросовестности.
Я считаю, что использование нейросетей в академических целях необходимо ограничить в рамках кодекса академической добросовестности. Например, допустимо использовать идеи, сгенерированные нейросетями, необходимо обязать субъектов образовательного процесса давать ссылки на используемые нейросети.

Я имею опыт использования нейросетей для выполнения академических работ.
Я считаю, что использование нейросетей не должно никак регулироваться. Участники образовательного процесса должны нести ответственность за академическое мошенничество только если их уличили в обмане.
Я считаю, что академическое мошенничество должно наказываться разными формами дисциплинарных взысканий в соответствии с этическим кодексом, а повторяющиеся мошеннические действия должны приводить к отчислению студента.
Я не считаю академическое мошенничество достаточно серьезным нарушением вузовской дисциплины для того, чтобы применять дисциплинарные взыскания для провинившихся лиц.
Какие виды наказаний вы считаете допустимыми при обнаружении факта академического мошенничества при выполнении студентом академической работы? Воспитательная работа (строгое замечание, устное предупреждение) Снижение оценки за работу Шанс пересдать работу в соответствии с требованиями Неудовлетворительная оценка Неудовлетворительная оценка и подача докладной записки на имя директора института с последующим дисциплинарным взысканием Ничего не предпринимать

В первой части опроса респонденты выразили своё отношение к феномену академического мошенничества и плагиата. Так, 68% опрошенных выразили согласие с определением академического мошенничества Е.Д. Шмелевой (Шмелёва, 2016:55–56): «нечестные приёмы или запрещённые правилами университета действия, относящиеся к учебной деятельности и осуществляемые студентами для достижения несправедливого преимущества в учёбе». По результатам опроса к мошенническим действиям в образовательном процессе относятся плагиат объектов авторского права, которые были созданы человеком (83,2%) и плагиат объектов авторского права, которые были созданы нейросетью (60%). 65,7 процента опрошенных отдельно выделяют присвоение чужих идей, отсутствие цитирования первоисточников, что является признаками плагиата.

Что входит в понятие «плагиат»?

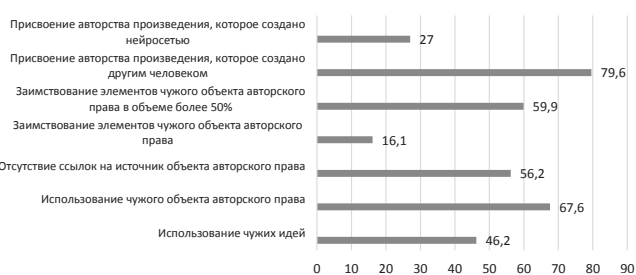

Рис. 1. Сущность понятия «плагиат»

78,2% респондентов согласились с тем, что плагиат – это использование в академической работе объекта чужих авторских прав, без ссылки на автора и источник информации; или указание ссылок на источник используется, но наблюдается большой объём явно обнаруживаемых заимствований (в том числе идей). 80% процентов опрошенных связывают понятие плагиата с заимствованием работы, выполненной человеком. Как видно в диаграмме 1, только 27% студентов считают, что присвоение материалов, сгенерированных нейросетью – плагиат. Стоит отметить, что при оценивании утверждений «Используй-

ние в академической работе продуктов сгенерированных нейросетью не может считаться плагиатом.» «Присвоение авторства полного результата работы нейросети является плагиатом.» большей частью (около 43%) нейтральное отношение было выражено к приравниванию факта использования материалов, сгенерированных нейросетью, к плагиату. Мнения в пользу закрепления статуса плагиата за использованием нейросетей в академической работе и против разделились примерно поровну (около 25%).

При рассмотрении проблемы приравнивания использования нейросетей к плагиату выходит на первый план вопрос об авторских правах на результаты генерации данных. Поскольку плагиатом считается присвоение авторства материалов без разрешения и ссылки на чужой объект авторского права. Но если пользователь нейросетей владеет правами на сгенерированные материалы, то проблема использования искусственного интеллекта в процессе обучения приобретает исключительно моральный и этический характер. И встаёт вопрос о том, этично ли использовать сгенерированные материалы в академических работах, и при каких условиях безусловно можно закрепить авторство человека за сгенерированными данными.

Следующий блок вопросов в анкете для студентов был посвящен проблеме правообладания материалами, сгенерированными нейросетью. Целью данного раздела было установить считают, ли обучающиеся себя правообладателями материалов, сгенерированных нейросетями, или права на объекты интеллектуальной собственности принадлежат компании-разработчику нейросети.

С юридической точки зрения вопрос обладания правами на материалы, сгенерированные нейросетями, решается каждой конкретной компанией-разработчиком нейросетей в отдельности. Права пользователей прописаны в пользовательском соглашении, которое можно найти на сайте компании. В этих правах регламентируется на каких условиях пользователь нейросети может применять сгенерированные материалы. В таблице приводятся примеры описания прав пользователей нейросетей. Как видно, каждая фирма даёт пользователям право на использование сгенерированных материалов (иногда только со ссылкой на нейросеть), но ответственность за их применение возлагается на человека, который использует сгенерированные данные. Из чего следует необходимость не только соблюдать законодательные нормы и правила при использовании сгенерированных материалов, но и учитывать моральную, этическую составляющую в процессе работы с нейросетями (табл. 2).

Анализ ответов респондентов по проблеме принадлежности авторских прав на сгенерированные нейросетью материалы показывает, что у обучающихся нет чёткого понимания данного вопроса. Так, с утверждением «Я являюсь правообладателем сгенерированного нейросетью материала.» согласились лишь 11,7% респондентов, а с утверждением «Я имею право полностью или частично использовать сгенерированный нейросетью продукт.» согласились 46% опрошенных, что свидетельствует о том, что обучающиеся не имеют представления о сущности закона об авторских правах и о правилах пользования нейросетью, написанных в пользовательских соглашениях. Более того, примерно 50% опрошенных выразили нейтральное отношение к постулатам, касающимся проблемы обладания правами на результаты работы нейросети. Например, у опрошенных отсутствует сформированное мнение о том, принадлежат ли права на результаты работы нейросети компании-разработчику, являются ли пользователи нейросети полными правообладателями сгенерированных материалов, нужно ли давать ссылку на нейросеть и давать сведения о соавторстве нейросети в работе.

Таблица 2. Права пользователей нейросетей в разных пользовательских соглашениях

<p>5.3. Пользователь, размещая Контент Пользователя через Сервис и передавая его с использованием API в Сервис, тем самым предоставляет Банку право использования такого Контента Пользователя на условиях простой (неисключительной) безвозмездной лицензии, действующей в течение всего срока действия исключительного права Пользователя, на территории всего мира любыми способами, включая, но не ограничиваясь указанными в п. 2 ст. 1270 ГК РФ (воспроизведение, переработка, доведение до всеобщего сведения, распространение, публичный показ, импорт, прокат, публичное исполнение, сообщение в эфир, сообщение по кабелю, ретрансляция, практическая реализация проекта), а также, если Контент Пользователя представляет собой базу данных, в дополнение к вышеизложенным условиям и способам использования, в тех же пределах и на срок действия исключительного права изготовителя базы данных, Пользователь предоставляет право использования такой базы данных и право извлекать из такой базы данных материалы и осуществлять их последующее использование в любой форме и любым способом.</p> <p>5.4. Пользователь может распространять Сгенерированный Контент с обязательным указанием имени и фамилии Пользователя, а также с размещением на экземплярах Сгенерированного Контента информации об использовании Сервиса при создании такого Сгенерированного Контента. Банк вправе устанавливать обязательные для Пользователя правила и инструкции по маркировке и/или атрибуции отдельных видов Сгенерированного Контента и размещать такие правила и инструкции на Портале Банка.</p>	<p>Рис. 1 Пользовательское соглашение Gigachat позволяет использовать сгенерированные материалы только при использовании ссылки на нейросеть. URL: https://developers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat-agreement/beta</p>
<p>Ownership of content. As between you and OpenAI, and to the extent permitted by applicable law, you (a) retain your ownership rights in Input and (b) own the Output. We hereby assign to you all our right, title, and interest, if any, in and to Output.</p>	<p>Рис. 2 Пользовательское соглашение ChatGPT предоставляет полное право использовать все сгенерированные материалы, если цели пользователя не нарушают законы. URL: https://openai.com/policies/terms-of-use/</p>
<p>2.2.5. Пользователь самостоятельно несет ответственность за соответствие Запроса законодательству, а также принимает на себя все риски, в том числе, связанные с нарушением прав третьих лиц, при использовании им Сгенерированного Контента;</p> <p>2.2.6. Технология может быть использована в справочных и информационных целях, и не предназначена для использования в целях установления юридически значимых фактов, их подтверждения или опровержения, получения профессиональных консультаций и экспертного мнения;</p> <p>2.2.7. Работа Технологии не подразумевает в каждом конкретном случае возможность точного установления источника информации, используемого для целей обучения модели искусственного интеллекта, на которой основана работа Технологии;</p> <p>2.2.10. Используя Сгенерированный Контент в своих целях (включая согласованное использование на основании п. 3.2. Условий) Пользователь принимает на себя все риски, в том числе, связанные с нарушением исключительных прав третьих лиц.</p> <p>2.3.5. использовать Сгенерированный Контент в недобросовестных целях, в частности, вводить третьих лиц в заблуждение и выдавать Сгенерированный Контент за результат человеческого труда, в тех случаях, когда не подразумевается или введен прямой запрет на использование технологий искусственного интеллекта (например, создание конкурсных или научных работ, выполнение договоров авторского заказа и др.);</p>	<p>Рис. 3 Пользовательское соглашение YandexGPT в рамках законодательства разрешает пользователю использовать сгенерированные материалы, но подчеркивается, что ответственность за содержание материалов несет исключительно пользователь. URL: https://yandex.ru/legal/yagpt_termsofuse/</p>

В следующей части опроса респонденты высказали свое мнение об использовании нейросетей в академических целях. Особый интерес вызывает факт того, что с постулатом «Я имею опыт использования нейросетей для выполнения академических работ.» согласились 33,6% опрошенных, тогда как 58,5% отметили, что редко используют нейросети, и только 11% заявили, что часто их используют. Из приведенного факта следует, что примерно половина опрошенных в реальности имеет опыт непостоянного использования нейросетей с целью выполнения академических работ. Стоит отметить, что 49,6% опрошенных утверждают, что не используют нейросети для выполнения учебных заданий. Самыми распространенными среди обучающихся стали следующие нейросети по мере убывания популярности: ChatGPT, YandexGPT, Gemini, Gigachat, DeepL, MathGPT, Yippity, DavinciAI, Claude, Perplexity

Поскольку 58,5% опрошенных используют нейросети в процессе обучения необходимо уделить особое внимание тому, как используются материалы, сгенерированные нейросетями: сгенерированный объект присваивается полностью и выдается за выполненную студентом работу, или обучающиеся частично используют сгенерированный материал, редактируют его и изменяют в соответствии со своими нуждами. Так, 9% опрошенных выдавали работу, созданную нейросетью за свою, 40,8% обучающихся редактируют материалы, сгенерированные нейросетью для того, чтобы их использовать

в академической работе. При этом 22,7% респондентов утверждают, что при выполнении учебных работ используют только идеи, представленные нейросетями. Таким образом, из приведенных данных видно, что нейросети выступают для студентов в качестве вспомогательного инструмента при выполнении академических работ.

Далее опрос был посвящен проблеме академической этики, ее содержанию и этичности использования нейросетей в академических целях. 61,4% опрошенных согласились с определением академической этики: совокупность общепринятых ценностей, обеспечивающих прозрачность, честность, справедливость образовательного процесса и научных исследований, равенство субъектов такого процесса, отсутствие дискриминации, ответственность, академическую свободу, беспристрастность, доверие, уважение и защиту интеллектуальной собственности при оценке образовательных результатов, научных результатов и исследований.

В соответствии с содержанием академической этики, предложенным В.В. Спасенниковым (Спасенников, 2024), который выделил основополагающие ценности такие как: честность, уважение, ответственность, респондентам были предложены следующие утверждения. «Академическая этика основывается на честности, правдивости, принципиальности. А именно на следовании запрету на академическое мошенничество (плагиат, списывание и т.д.), следование нормам цитирования.» «Академической этикой является взаимное уважение,

а именно: соблюдение правил делового общения, цитирования, правил оформления академических работ, соблюдение сроков сдачи работ.» «Академическая этика подразумевает ответственность субъектов образовательного процесса за достоверность и релевантность предоставленной информации, за информационную безопасность и конфиденциальность, за академическую честность и владение нормами этики общения в рамках академического дискурса.» 55% процентов опрошенных по итогам анкетирования согласились с приведенными утверждениями, что доказывает их состоятельность.

При выражении своего отношения к регуляции и нормированию академической этики локальными актами или общегосударственными законами, стандартами половина обучающихся высказали нейтральное отношение по проблеме. Так, за введение кодекса академической добросовестности выступили 34,3% респондентов, за регламентирование дисциплинарной ответственности в случае академического мошенничества высказались около 20% опрошенных. На вопрос о том, какие виды наказаний допустимо применять к лицам, совершившим мошеннические действия при выполнении академических работ, большинство обучающихся выступили за передачу работы в соответствии с требованиями или снижение оценки за выполненную работу. 18% опрошенных предложили не предпринимать никаких действий для наказания нарушителей академической этики или провести с ними воспитательную работу (рис. 2).

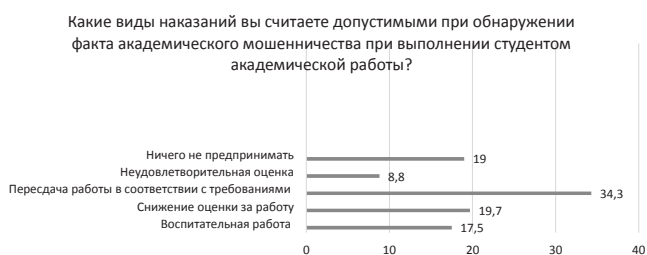

Рис. 2. Виды наказаний за академическое мошенничество

В пропорции около 25% за и 25% против разделились мнения студентов о том, возможно ли разрешить использование нейросетей в академических целях, или их стоит запретить. 50% опрошенных выразили нейтральное отношение к проблеме. Приведенные цифры говорят об отсутствии единого мнения по проблеме этичности использования нейросетей в академической среде, а также цифрового академического мошенничества.

По результатам проведенного опроса можно сделать вывод, что начальная гипотеза о том, что студенты в основном используют нейросети при подготовке академических работ требует дополнительного подтверждения, поскольку половина опрошенных отрицают факт использования нейросетей в процессе обучения. Гипотеза о том, что обучающиеся лояльно настроены в отношении академического мошенничества с использованием нейросетей подтвердилась. Поскольку примерно половина опрошенных в анкетировании выразили нейтральное отношение к применению в процессе обучения академического мошенничества. Только 25 процентов опрошенных высказались в пользу безусловной необходимости академической честности. Но открытым остаётся вопрос: считать использование сгенерированных материалов плагиатом и присвоением чужой работы, или закрепить за пользователями авторское право на сгенерированные материалы, как это делают компании-разработчики нейросетей, тогда проблема использования технологий искусственного интеллекта в процессе обучения будет лежать исключительно в этической плос-

кости. По результатам опроса интеграция в образовательный процесс воспитания ценностей академической честности, путем разработки и внедрения кодекса академической этики, регламентирующего выполнение студентами учебных работ с применением искусственного интеллекта и методов наказания за академическое мошенничество, а также дополнительных курсов по противодействию академической нечестности, не нашли должного позитивного отклика у обучающихся. Только четверть опрошенных выразили непосредственное согласие с необходимостью реализации такого рода мер в университете. Тем не менее, опрос показывает необходимость воспитания ценностного отношения к академической честности и разработки правил этического поведения и мер наказания в случаях применения методов академического мошенничества, что поможет предотвратить распространение нечестного поведения среди обучающихся, которые, в свою очередь, пользуются на данный момент своей безнаказанностью и отсутствием чётких этических правил со стороны академического сообщества.

Заключение

Из результатов опроса видно, что студенты привыкли нарушать нормы академической этики, половина опрошенных используют нейросети для выполнения академических работ. На настоящий момент только 9 процентов респондентов имеют опыт присвоения авторства работы, которую полностью выполнила нейросеть, остальные обучающиеся вынуждены корректировать сгенерированные материалы. Тем не менее, данный факт обусловлен скорее ограниченной функциональностью нейросетей, которые не способны самостоятельно выполнять поставленные задачи при недостаточности пользовательского запроса, а уровень подготовки обучающихся в качестве пользователей нейросетей и их компетентностный уровень в профессиональной области и в области выполнения учебных работ и исследовательских работ являются недостаточными для того, чтобы нейросеть могла сама сделать академическую работу целиком.

Даже редактируя сгенерированный материал, обучающиеся экономят много времени, которое выделяется по учебной программе на самостоятельную работу студентов по дисциплинам. Таким образом, не осознавая реального урона для учебной деятельности и профессиональной компетентности, обучающиеся используют нейросети, упуская возможность самостоятельно изучить материал и развить когнитивные способности и критическое мышление. Помимо этого, обучающиеся должны работать с первоисточниками для того, чтобы получать верифицированную и достоверную научную и профессиональную информацию, тогда как нейросети могут генерировать ложную информацию. Но оценить точность и правдивость сгенерированных данных обучающиеся не могут, поскольку не обладают достаточным уровнем профессиональной компетентности.

Распространение использования нейросетей в обучении на фоне лояльного отношения к академическому мошенничеству и отсутствию сформированных ценностей академической честности ведет к потере качества профессионального образования и снижению технологического и экономического уровней страны, поэтому важно разработать меры по предотвращению случаев академического мошенничества в вузах и разработать правила использования технологий искусственного интеллекта в процессе обучения.

Литература

1. Безуглый, Т.А. Использование текстовых нейросетей и искусственного интеллекта в учебных работах студентов / Т.А. Безуглый, М.Е. Ершова // Проблемы современного образования. – 2023. – № 5. – С. 206–216. – DOI 10.31862/2218–8711–2023–5–206–216. – EDN YGBOFX.
2. Быльева Д.С. Искусственный интеллект в образовании: вызов системе / Д.С. Быльева // Цифровые инструменты в образовании: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Сургут, 06–07 апреля 2023 года / Редколлегия: А.В. Иванова [и др.], отв. редактор С.А. Третьяков. – Сургут: Сургутский государственный педагогический университет, 2023. – С. 163–164. – EDN HVEIAL.
3. Губанов Н.И. Виды академического мошенничества и его причины / Н.И. Губанов, Н.Н. Губанов, Е.С. Шорикова // Философия и общество. – 2021. – № 2(99). – С. 5–22. – EDN DWGIP.
4. Дремова О.В. Политика российских вузов в отношении академического мошенничества студентов: наказание или воспитание? / О.В. Дремова // Университетское управление: практика и анализ. – 2020. – Т. 24, № 4. – С. 30–45. – DOI 10.15826/упра.2020.04.033. – EDN CFCYQX.
5. Дремова О.В. Этические кодексы в университетах: что и как они регулируют? / О.В. Дремова, С.К. Бекова // Образовательная политика. – 2021. – № 1(85). – С. 88–99. – DOI 10.22394/2078–838X-2021–1–88–98. – EDN ZBFZNG.
6. Жуков А.Д. Генеративный искусственный интеллект в образовательном процессе: вызовы и перспективы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 5 (115). С. 66–75. <http://doi.org/10.24412/1997–0803–2023–5115–66–75>
7. Искусственный интеллект в образовании / В.И. Милушков, Н.Н. Лиманский, А.В. Лаврук, И.Г. Бабылев // Перспективы науки. – 2023. – № 2(161). – С. 23–27. – EDN UFSTCB.
8. Искусственный интеллект: Что это такое, как он работает и почему он важен // Международная организация по стандартизации // URL: <https://www.iso.org/ru/artificial-intelligence#toc4> (дата обращения: 20.11.2024).
9. Клопкива Е. А., Микляева А.В. Феноменология электронного академического обмана в студенческой среде // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. Т. 1. № 3 (3). С. 155–160.
10. Макарова М.Н. Академическая этика за рубежом и в России: как предотвратить студенческие нарушения в вузах? Ижевск: Издательский центр «Удмуртский университет», 2021. 256 с. EDN: TWOCXY.
11. Минапова, Р.Я. Академическая нечестность студентов в период получения профессионального образования в условиях развития цифровой трансформации / Р.Я. Минапова // Современные проблемы науки и образования. – 2024. – № 4. – С. 54. – DOI 10.17513/spno.33547. – EDN KKSSQK.
12. Попов Е.А. Роль академической этики в профессиональных взаимоотношениях преподавателей университета / Е.А. Попов // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 3. – С. 64–83. – DOI 10.31992/0869–3617–2024–33–3–64–83. – EDN WQNRXJ.
13. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении / И.А. Алешковский, А.Т. Гаспаришвили, Н.П. Нарбут [и др.] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 335–353. – DOI 10.22363/2313–2272–2024–24–2–335–353. – EDN OAUOVU.
14. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации (с изменениями на 15 марта 2021 года). // URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384257> (дата обращения: 20.11.2024).
15. Сысоев П.В. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? / П.В. Сысоев, Е.М. Филатов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 276–301. – DOI 10.20310/1810–0201–2023–28–2–276–301. – EDN SPHXKZ.
16. Сысоев, П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом / П.В. Сысоев // Высшее образование в России. – 2024. – Т. 33, № 2. – С. 31–53. – DOI 10.31992/0869–3617–2024–33–2–31–53. – EDN VTAIUO.
17. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>. (дата обращения: 20.11.2024).
18. Федеральный закон № 258-ФЗ от 31.07.2020 г. «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024>. (дата обращения: 20.11.2024).
19. Философия: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004. // URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/469/ (дата обращения: 20.11.2024).
20. Шмелева Е.Д. Плагиат и списывание в российских вузах: роль образовательной среды и индивидуальных характеристик студента // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 84–109.
21. Шмелева Е. Д., Семенова Т.В. Академическое мошенничество студентов: учебная мотивация vs образовательная среда // Вопросы образования. 2019. Т. 3. С. 101–129.

STUDENTS' ACADEMIC FRAUD USING NEURAL NETWORKS

Tarabarina Y.A.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The increasing use of neural networks by students leads to the use of AI technologies for academic dishonesty. To counteract dishonest academic behaviour it is essential to foster ethical values in students: honesty, responsibility and respect for the subjects, process and outcomes of education. The aim of the article is to investigate the extent and ways of using neural networks in students' academic work and their attitudes towards the ethicality of academic dishonesty in order to develop methods of ethical education and a set of rules for ethical academic behaviour. The method of the study was a sociological survey of students. It showed that students are loyal to academic fraud and do not give sufficient importance to academic honesty. The results highlight the necessity of implementing a code of academic honesty and fostering ethical values among students. At the time of the survey, plagiarism of neural network-generated materials is limited, but its predicted spread requires constant monitoring of this trend in order to prevent a decrease in the quality of professional education.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, plagiarism, academic dishonesty, academic fraud, ethics.

References

1. Bezuglyi, T.A. The use of text neural networks and artificial intelligence in students' educational work / T.A. Bezuglyi, M.E. Ershova // *Problems of Modern Education*. – 2023. – № 5. – C. 206–216. – DOI 10.31862/2218–8711–2023–5–206–216. – EDN YGBOFX.
2. Bylyeva, D.S. Artificial intelligence in education: a challenge to the system / D.S. Bylyeva // *Digital tools in education: Collection of articles on the materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation, Surgut, 06–07 April 2023* / Editorial Board: A.V. Ivanova [et al.], editor-in-chief S.A. Tretyakov. – Surgut: Surgut State Pedagogical University, 2023. – C. 163–164. – EDN HVEIAL.
3. Gubanov, N.I. Types of academic fraud and its causes / N.I. Gubanov, N.N. Gubanov, E.S. Shorikova // *Philosophy and Society*. – 2021. – № 2(99). – C. 5–22. – EDN DWSGIP.
4. Dremova, O.V. Ethical codes in universities: what and how do they regulate? / O.V. Dremova, S.K. Bekova // *Educational Policy*. – 2021. – № 1(85). – C. 88–99. – DOI 10.22394/2078–838X-2021–1–88–98. – EDN ZBFZNG.
5. Dremova, O.V. Policy of Russian universities in relation to students' academic fraud: punishment or education? / O.V. Dremova // *University management: practice and analysis*. – 2020. – T. 24, № 4. – C. 30–45. – DOI 10.15826/umpa.2020.04.033. – EDN CFCYQX.
6. Zhukov A.D. Generative artificial intelligence in the educational process: challenges and prospects // *Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2023. № 5 (115). C. 66–75. <http://doi.org/10.24412/1997–0803–2023–5115–66–75>
7. Artificial Intelligence: What it is, how it works and why it is important // *International Organization for Standardisation* // URL: <https://www.iso.org/ru/artificial-intelligence#toc4> (date of access: 20.11.2024).
8. Artificial Intelligence in Education / V.I. Milushkov, N.N. Limanskiy, A.V. Lavruk, I.G. Babylev // *Prospects of Science*. – 2023. – № 2(161). – C. 23–27. – EDN UFSTCB.
9. Klopova E. A., Miklyaeva A.V. Phenomenology of electronic academic deception in the student environment // *Virtual communication and social networks. V. Phenomenology of electronic academic deception in the student environment* // *Virtual communication and social networks*. 2022. T. 1. № 3 (3). C. 155–160.
10. Makarova M.N. Academic ethics abroad and in Russia: how to prevent student misconduct in higher education institutions? *Izhevsk: Publishing Centre «Udmurt University», 2021. 256 c. EDN: TWOCY.*
11. Minapova, R.Y. Academic dishonesty of students during the period of professional education in the development of digital transformation / R.Y. Minapova // *Modern Problems of Science and Education*. – 2024. – № 4. – C. 54. – DOI 10.17513/sp-no.33547. – EDN KKSSQK.
12. Popov, E.A. The role of academic ethics in professional relationships of university teachers / E.A. Popov // *Higher Education in Russia*. – 2024. – T. 33, № 3. – C. 64–83. – DOI 10.31992/0869–3617–2024–33–3–64–83. – EDN WQNRXJ.
13. Russian students about the possibilities and limitations of using artificial intelligence in training / I.A. Aleshkovsky, A.T. Gasparishvili, N.P. Narbut [et al.] // *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. – 2024. – T. 24, № 2. – C. 335–353. – DOI 10.22363/2313–2272–2024–24–2–335–353. – EDN OAUOBU.
14. Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation (with amendments as of 15 March 2021). // URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384257> (date of reference: 20.11.2024).
15. Sysoev, P.V. Ethics and AI-plagiarism in the academic environment: students' understanding of the issues of compliance with the author's ethics and the problem of plagiarism in the process of interaction with generative artificial intelligence / P.V. Sysoev // *Higher Education in Russia*. – 2024. – T. 33, № 2. – C. 31–53. – DOI 10.31992/0869–3617–2024–33–2–31–53. – EDN VTAIUO.
16. Sysoev P.V. ChatGPT in students' research work: to forbid or to teach? / P.V. Sysoev, E.M. Filatov // *Vestnik of Tambov University. Series: Humanities*. – 2023. – T. 28, № 2. – C. 276–301. – DOI 10.20310/1810–0201–2023–28–2–276–301. – EDN SPHXKZ.
17. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 № 490 (ed. of 15.02.2024) "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation". National strategy for the development of artificial intelligence for the period until 2030 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>. (date of reference: 20.11.2024).
18. Federal Law No. 258-FZ of 31.07.2020. "On experimental legal regimes in the sphere of digital innovations in the Russian Federation" // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310024>. (date of reference: 20.11.2024).
19. *Philosophy: Encyclopaedic Dictionary*. – M.: Gardariki. Edited by A.A. Ivin. 2004. // URL: [https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/469/\(date_of_address:20.11.2024\)](https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/469/(date_of_address:20.11.2024)).
20. Shmeleva E. D., Semenova T.V. Academic fraud of students: academic motivation vs educational environment // *Education Issues*. 2019. T. 3. C. 101–129.
21. Shmeleva E.D. Plagiarism and cheating in Russian universities: the role of educational environment and individual characteristics of the student // *Education Issues*. 2016. № 1. C. 84–109.

Третьякова Анастасия Андреевна,

аспирант кафедры социологии культуры и коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: nastua_tret@mail.ru

В статье анализируется развитие социологии кино как междисциплинарной области, изучающей взаимосвязь кинематографа и общества. Представлены основные направления исследований, включая теоретический анализ кино, критические исследования массовой культуры и медиа, а также изучение гендерных аспектов в кинематографе. Особое внимание уделяется научным работам представителей европейской, американской и российской школ. Особенно отмечается трансформация исследований в контексте современных технологий, новых форматов, стриминговых платформ и медиатрендов. Кроме того, подчеркивается актуальность и значимость кинематографа как инструмента воздействия на массовую аудиторию через идеологические, гендерные, педагогические и психологические аспекты. Авторы поднимают вопросы репрезентации и социальных функций кино в условиях современной культуры, акцентируя внимание на его потенциале для анализа различных социальных процессов.

Ключевые слова: социология кино, кинематограф, массовая культура, гендерные исследования, идеология в кино, стриминговые платформы, медиатренды, критические исследования.

Появление кино оказало значительное влияние на культуру, что привело к формированию социологии кино как важного направления в социологии культуры. Первая работа в этой области появилась в 1910-х годах, и сегодня социология кино активно развивается, отражая изменения в технологиях, телевидении и мобильном контенте. Массовый характер кинематографа преобразовал досуг и культурную жизнь общества, сделав кино одним из самых востребованных и влиятельных видов искусства.

Социология кино изучает взаимодействие кинематографа и социума, используя достижения различных наук: культурологии, философии, психологии и педагогики. Европейская школа уделяет большое внимание теоретическим аспектам, изучая разнообразие жанров и национальных кинематографов. Важным вкладом стали работы Ж.-Л. Бодри («теория аппарата»), К. Метца (психоанализ), Ж. Делёза и Ф. Гваттари (семантический анализ), Р. Барта (семиология) и С. Жижека (критический анализ). В то время как американская традиция, сосредоточенная на голливудском кино, отличается меньшим академизмом.

Российские исследователи, такие как Ю.У. Фохт-Бабушкин [12] и Т.С. Мартыненко [9] внесли значительный вклад в изучение теории и истории кино, несмотря на ограниченное количество работ. Молодые российские ученые активно исследуют новые форматы, включая стриминговые платформы, переосмысливая социальные функции кино и развивая направление социологии кино с учетом новых технологий и зрительского опыта. Так, появление стриминговых платформ не только изменило доступ зрителей к контенту, но и вызвало необходимость пересмотра подходов к исследованию зрительских практик. Теперь акцент смещается на изучение феноменов массового потребления, формирования фанатских сообществ и анализа контента, созданного для широкой аудитории.

Важным направлением социологии кино можно считать критические исследования и исследования массовой культуры и медиа. Данное направление является логичным продолжением общей теории социологии кино, однако, достаточно часто исследователи, которых можно отнести к данной группе, изучают количественные данные, характеризующие сферы кино. Особенно отчетливо критическое направление выделяется в рамках американской школы социологии кино, где многие исследователи напрямую работают над критикой и кино, сериалов, литературы, театра. В целом, стоит отметить, что представители американских академических кругов традиционно активно участвуют в кинокритике.

Между тем, среди исследователей данной группы, например, можно выделить Дж. Белтона [14], который изучает и экономические, и социальные и технологические факторы, определяющие специфику кинопроизводства и кинопроката, и представляет собственное уникальное мнение об отдельных произведениях. При этом технологические инновации трансформировали не только процесс создания фильмов, но и их восприятие. Например, использование компьютерной графики и технологий виртуальной реальности позволяет создавать сложные визуальные миры, которые усиливают эмоциональную вовлеченность зрителей. Кроме того, иссле-

дователь изучает не только классический кинопрокат, но и телевидение, видеоблоги и стриминги, как неотъемлемую часть современного медиапространства, исследуя в том числе кино с критических позиций. Аналогично, критикой отдельных кинокартин и теоретическим анализом социальных аспектов кино занимался Сеймур Чэтмен [16], и множество иных исследователей американских исследователей социологии кино, исследовавших особенности социального запроса на нарративы и отражение этих нарративов в кино.

Показательно, что именно в рамках данного направления можно выделить и одну из первых работ посвященных социологии кино – диссертацию Э. Альтенло, которая была посвящена анализу количественных данных о технических и социальных аспектах кинопроката и кинопроизводства, при том, что в диссертации Альтенло значительное внимание уделялось теоретическим аспектам социологии кино [13]. В российских условиях выдающийся вклад в развитие теоретических и практических аспектов кинематографа на ранних этапах его развития внес В. Готвальд [4], который среди прочего поднимал и вопросы социальной значимости кинематографа. Многие практические аспекты социальных аспектов кино описал в своих работах Л.Н. Коган [6], и ряд иных исследователей, преимущественно сосредоточенных на проблемах советского кинематографа и перспективах их решения.

Аналогичным образом, уделяется огромное внимание в работах исследователей проблемам массовой культуры с точки зрения изучения влияния кино на массовое сознание. Особенно отчетливо это прослеживается на примере исследований взаимосвязи кино и идеологии. Так, исследуя психологические аспекты влияния кино на индивида и социум, ученые не редко выделяли особую значимость кино с точки зрения расширения потенциала влияния на массы. Вследствие чего, во второй половине прошлого века укоренилось понимание значения идеологического контекста кино, в том числе на фоне нарастания напряжения между двумя сверхдержавами на этапе холодной войны. Фактически, кино стало полноценным средством пропаганды, что не могли не отметить и теоретики, и практикующие специалисты. Впрочем, американские и европейские исследователи и сейчас активно изучают идеологическую и социально-политическую значимость кино, и проявление различных аспектов политической идеологии в кинофильмах (М. Райан, Д. Келнер [20]).

Кино как вид массовых медиа, и соответствующее восприятие кино также рассматривается в работах исследователей социальных аспектов кинематографа. Так, например, Т. Гатлин [17] видит в кино продолжение не только идеологий, но и продолжение медиатрендов, выделяя особенности отражения в кино реальности. В советских условиях активно стали исследовать комплексные особенности социологии кино, прежде всего в контексте практических интересов только в 60–80 гг. прошлого века. Среди прочего можно выделить работы А.Л. Богданова [2], который изучал оценки фильмов и особенности формирования феномена популярности киногероев и актеров, как один из элементов медиатрендов.

Исследуется практиками и вопросы взаимосвязи кино и поведенческих характеристик зрительской аудитории. Так, например, среди исследователей американской школы социологии кино можно выделить Г. Блумера [15], который описал влияние кино на поведение подростков и детей используя определенные паттерны поведения, которые молодежь копировала из кино, и воспроизводила в межличностных коммуникациях. Особенно пе-

дагогические аспекты описаны в работах российских и советских исследователей. Например, в работе Е. Самуйленко [11] на самых ранних этапах развития кино было описано значение кино с точки зрения обеспечения образовательного и воспитательного процесса. Среди исследователей данного направления можно выделить и И.С. Левшину [8], которая описала социальную значимость кино в контексте социальных процессов, происходящих в массовой молодежной аудитории. Сегодня, студенческая молодежь также активно изучает и педагогическую и психологическую значимость кино для работы с молодым поколением [10]. Так, например, в современных исследованиях, рассматривающих психологические функции в кино, акцент может быть направлен на анализ терапевтической роли, способствующей осмыслению травматических событий прошлого. Или же, фильмы с сильным эмоциональным окрасом могут вызывать глубокий катарсис, помогая зрителям справляться с личными переживаниями.

Важным направлением для современной социологии кино можно считать исследователей вопросов гендерного представительства и феминизма в кино. И в данном случае, также можно проследить различия в подходах к исследованию гендерных аспектов в кино. Значительный вклад в исследование гендера и роли в кино внесли и американские исследователи изучающие кино и социальные аспекты кино, среди которых, прежде всего можно выделить Л. Малви [19] и М. Хаскел [18]. Отличительной особенностью работ американских исследователей можно считать их значительное внимание вопросам практических аспектов репрезентации гендерных в целом, и женских ролей в частности. Однако, если Л. Малви активно изучала и теоретические и практические аспекты репрезентации женских ролей в кино и сериалах, в том числе в контексте использования различных визуальных средств и нарративов в репрезентации женских ролей, то работы М. Хаскел в большей степени ориентированы на изучение практических аспектов репрезентации гендерных ролей в кино. Стоит особенно отметить, что американский исследователь Л. Малви также предложила концепцию «мужского взгляда», которая подчеркивает доминирующее положение мужской точки зрения в визуальном повествовании. Автор считается одним из ключевых исследователей данной тематики, и признается классиком как в европейской традиции, так и в российской.

Академичный подход в европейских исследованиях проявляется и в работах представителей франкфуртской школы и среди представителей данного направления, которые активно изучают в целом, современные тренды в кинематографе. В данном случае, например, яркие представители франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хорхаймер, активно изучали общие гендерные аспекты кинематографа в социальном разрезе, и достаточно известны благодаря активной феминистической критике кинематографа, в том числе с учетом активной деконструкции репрезентации гендерных ролей в кинематографе в частности, и в культуре в целом [1]. Аналогичным образом, Ю. Кристева [7] и иные исследователи европейской социологии кино активно изучали не только репрезентацию женских ролей, а целом, изучали репрезентацию представителей различных этнических, религиозных, культурных и иных социальных групп в кино, в том числе в контексте репрезентации ролей в национальном кино не европейских стран. В свою очередь Ю. Кристева известна благодаря активному вниманию в своих работах к социально-философским аспектам гендерной репрезентации, и в том числе в рамках пред-

ставления женственности, ролей женщины (как части «теории материнского»).

Гендерное направление социологии кино в российских исследованиях активно начало развиваться в начале 2000-х годов. Показательно, что в российской социологии изучаются не только теоретические аспекты развития социологии гендера и феминизма, но и развиваются уникальные взгляды на социальные аспекты кино. Ярким примером гендерных исследований является исследование маскулинности в постсоветском кинематографе [5]. Хотя, стоит отметить, что активно исследуются в российской социологии кино и теоретические аспекты феминизма и гендерных образов [3], хотя, и не настолько активно как в США или среди европейских исследователей социологии кино.

Представленное выше описание специфики развития социологии кино позволяет говорить о том, что в целом, существуют и возможности для более глубокой классификации исследований в рамках социологии кино. И текущая, предложенная нами классификация хотя и касается ограниченного пула авторов, и в целом, условно затрагивает разграничение теоретических аспектов (исследования теории кино), практических аспектов (критические исследования и исследования массовой культуры и медиа) и вопросов гендерного представительства (гендерного представительства и феминизма в кино), позволяет представить специфические особенности ключевых направлений развития социологии кино в российских и зарубежных условиях. Даже условное разделение на теорию и практику, даже не смотря на выделение определенных подгрупп исследователей в рамках данных групп, позволяет представить перспективные направления для изучения социального контекста, связанного с кинематографом.

Со своей стороны, мы не можем не отметить и значительную зависимость направлений исследований от того, в каких социальных условиях реализуются исследования, как сформулирован, и какие именно задачи стоят перед обществом. Так, например, в российских условиях даже теоретические исследования несут на себе отпечаток интереса к исследованию практических составляющих кинопроизводства, не говоря уже о том, что самую значительную часть работ посвященных социологии кино пишут студенты, комбинирующие в своих исследованиях изучение и социологических, и экономических, психологических, технологических и иных факторов, выбирая для этого соответствующие методы и инструменты исследования. И среди направлений изучения, актуальных для студентов, можно выделить преимущественно социально-технологические аспекты, что позволяет нам говорить о том, что в ближайшей перспективе социология кино продолжит свое активное развитие в научных работах преимущественно в контексте изучения особенностей кино как феномена массовой культуры, медиапродукта.

Литература

1. Адорно Т. Хорхаймер М. Диалектика просвещения. СПб: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
2. Богданов А.Л. Зрительская оценка фильмов // Кино и зритель: Проблемы социологии кино: Сб. ст. – М: НИИ теории и истории кино Госкино СССР, 1978. С. 139–163.
3. Герасименко И.Е. «Мужской взгляд» и теория феминистского кино // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2017. № 4(24). С. 42–51.
4. Готвальд В. Кинематограф (живая фотография): Его происхождение, устройство, современное и буду-

щее общественное и научное значение. М: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1909. 120 с.

5. Кабышева Э.В. Образ «пацана» как выражение традиционных маскулинных черт в российском кино: характерные черты и причины актуальности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2018. № 31. С. 56–64.
6. Коган Л.Н. Конкретно-социологические исследования советской художественной культуры // Искусство в системе культуры: Сб. ст. Л.: Наука, 1987. С. 206–212.
7. Кристева Ю. Изоляция, идентичность, опасность, культура // Вестник Европы. 2005. № 15. С. 227–241.
8. Левшина И.С. Функционирование киноискусства в массовой молодёжной аудитории // Социальные функции искусства и его видов: Сб. ст. М., 1980. С. 166–189
9. Мартыненко Т.С. Кино как предмет социологического анализа: особенности современного кинематографа // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29. № 2. С. 120–139.
10. Плотникова С.О. Болотин Ю.Е. Влияние киноискусства на мировоззренческие установки молодежи // Молодой ученый. 2017. № 1.1 (135.1). С. 95–97.
11. Самуиленко Е. Кинематограф и его просветительная роль. – СПб.: Школа и жизнь, 1912. 82 с.
12. Фохт-Бабушкин Ю.У. Искусство в жизни людей [Текст]: конкретно-социологические исследования искусства в России второй половины XX века: история и методология / Ю.У. Фохт-Бабушкин; Российская акад. наук, Гос. ин-т искусствознания М-ва культуры Российской Федерации. СПб: Алетейя, 2001. 554 с.
13. Altenloh E. Zur Soziologie des Kino: Die Kino-Unternehmung und die sozialen Schichten ihrer Besucher. Jena: Diederichs, 1914. 102 p.
14. Belton J. American Cinema/American Culture., McGraw-Hill Humanities/Social Sciences/Languages, 2005. 484 p.
15. Blumer H. Movies and conduct. N.Y.: Macmillan, 1933. 284 p.
16. Chatman S. Story and Discourse: Narrative Structure in fiction and Film. 1978. Seymour Chatman Reading Narrative Fiction. 1978. 276 p.
17. Gitlin T. Occupy Nation: The Roots, the Spirit, and the Promise of Occupy Wall Street. 2012. 324 p.
18. Haskell M.C. Holding My Own in No Man's Land: Women and Men and Films and Feminists. New York: Oxford University Press, 1997. 216 p.
19. Mulvey L. Citizen Kane. London: BFI Publishing, 1992. 87 p.
20. Ryan M., Kellner D. Camera Politica: The politics and ideology of contemporary Hollywood film. Bloomington: Indiana univ. press. 1988. 356 p.

SOCIOLOGY OF CINEMA: TRENDS, APPROACHES, AND PERSPECTIVES

Tretiakova A.A.

St. Petersburg State University

The article analyzes the development of the sociology of cinema as an interdisciplinary field that studies the relationship between cinema and society. The main areas of research are presented, including theoretical analysis of cinema, critical studies of mass culture and media, as well as the study of gender aspects in cinema. Particular attention is paid to the scientific works of representatives of the European, American and Russian schools. The transformation of research in the context of modern technologies, new formats,

streaming platforms and media trends is especially noted. In addition, the relevance and significance of cinema as a tool for influencing a mass audience through ideological, gender, pedagogical and psychological aspects is emphasized. The authors raise issues of representation and social functions of cinema in the context of modern culture, focusing on its potential for analyzing various social processes.

Keywords: sociology of cinema, cinematography, mass culture, gender studies, ideology in cinema, streaming platforms, media trends, critical studies.

References

1. Adorno T. Horheimer M. *Dialectics of Enlightenment*. SPb: Medium, Yuventa, 1997. 312 p.
2. Bogdanov A.L. *Audience Assessment of Films // Cinema and the Viewer: Problems of the Sociology of Cinema: Collection of articles*. – M: Research Institute of Theory and History of Cinema, USSR State Cinema Committee, 1978. Pp. 139–163.
3. Gerasimenko I.E. "The Male Gaze" and the Theory of Feminist Cinema // *Humanitarian Gazette of the Tolstoy State Pedagogical University*. 2017. No. 4 (24). Pp. 42–51.
4. Gotwalt V. *Cinema (Living Photography): Its Origin, Structure, Contemporary and Future Social and Scientific Significance*. M: Printing House of the I.D. Sytin Partnership, 1909. 120 p.
5. Kabysheva E.V. The Image of the "Boy" as an Expression of Traditional Masculine Traits in Russian Cinema: Characteristic Features and Reasons for Relevance // *Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism*. 2018. No. 31. Pp. 56–64.
6. Kogan L.N. *Specific Sociological Studies of Soviet Artistic Culture // Art in the System of Culture: Collection of Articles*. Leningrad: Nauka, 1987. Pp. 206–212.
7. Kristeva Yu. Isolation, Identity, Danger, Culture // *Bulletin of Europe*. 2005. No. 15. Pp. 227–241.
8. Levshina I.S. *Functioning of Cinematography in a Mass Youth Audience // Social Functions of Art and Its Types: Collection of Articles*. M., 1980. P. 166–189
9. Martynenko T.S. *Cinema as a Subject of Sociological Analysis: Features of Modern Cinematography // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 120–139.
10. Plotnikova S.O. Bolotin Yu.E. *The Influence of Cinematography on the Worldview Attitudes of Young People // Young Scientist*. 2017. No. 1.1 (135.1). P. 95–97.
11. Samoylenko E. *Cinematography and Its Educational Role*. – SPb.: School and Life, 1912. 82 p.
12. Fokht-Babushkin Yu.U. *Art in People's Lives [Text]: Specific Sociological Studies of Art in Russia in the Second Half of the Twentieth Century: History and Methodology / Yu.U. Fokht-Babushkin; Russian Academy of Sciences, State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation*. SPb: Aleteya, 2001. 554 p.
13. Altenloh E. *Zur Soziologie des Kino: Die Kino-Unternehmung und die sozialen Schichten ihrer Besucher*. Jena: Diederichs, 1914. 102 p.
14. Belton J. *American Cinema/American Culture*. McGraw-Hill Humanities/Social Sciences/Languages, 2005. 484 p.
15. Blumer H. *Movies and Conduct*. N.Y.: Macmillan, 1933. 284 p.
16. Chatman S. *Story and Discourse: Narrative Structure in fiction and Film*. 1978. Seymour Chatman Reading Narrative Fiction. 1978. 276 p.
17. Gitlin T. *Occupy Nation: The Roots, the Spirit, and the Promise of Occupy Wall Street*. 2012. 324 p.
18. Haskell M.C. *Holding My Own in No Man's Land: Women and Men and Films and Feminists*. New York: Oxford University Press, 1997. 216 p.
19. Mulvey L. *Citizen Kane*. London: BFI Publishing, 1992. 87 p.
20. Ryan M., Kellner D. *Camera Politica: The politics and ideology of contemporary Hollywood film*. Bloomington: Indiana univ. press. 1988. 356 p.

Цифровое представление истории автомобильного чемпионата «Формула-1»: сравнительный анализ

Федоренко Алексей Алексеевич,

аспирант кафедры культурологии и социальной коммуникации, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
E-mail: fedorenko-aa@ranepa.ru

В статье на примере автомобильного чемпионата «Формула-1» анализируются особенности цифровых мифов, определяющие дискурс в социальных медиа. Используя концепцию цифровой мифологии, автор обнаруживает современный миф о герое в содержании интернет-мемов и путем сравнительного анализа с дискурсом традиционных медиа (печатные журналы и книги) выявляет его отличительные характеристики. Показано, что новые формы выражения мифов задают иронический и сатирический тон публикациям в социальных медиа, авторы которых подвергают хорошо известные образы из истории чемпионата «Формула-1» радикальному пересмотру и обесцениванию. В то же время в дискурсе присутствуют интернет-мемы, продолжающие каноничное повествование, благодаря чему делается вывод о том, что их содержание определяется не только техническими возможностями формата, но и другими факторами.

Ключевые слова: цифровая трансформация, миф, цифровая мифология, интернет-мем, социальные медиа, герой.

Введение

Цифровой поворот продолжает оказывать влияние на общественные процессы во всех без исключения сферах. Цифровая трансформация воздействует на жизнедеятельность человека с самых разных сторон, меняя не только внешние условия, в которых он существует, но и само восприятие реальности, и, как следствие, рождая новые формы поведения [18].

Цифровое пространство стало средой распространения так называемых цифровых мифов, возникших в результате конвергенции массовой культуры и социальных мифов при помощи цифровых технологий [2]. Характерны они, в частности, и для спортивного медиадискурса, перешедшего в интернет и социальные медиа, где адаптировали весь доступный современным пользователям инструментарий. При этом, будучи целенаправленной деятельностью, мифы породили неизбежные искажения – «постправду», под которой подразумевается преобладание субъективных элементов в сетевом контенте [4]. Недостоверные сообщения являются одной из главных проблем современной медиакommunikации и представляют угрозу для нормального способа взаимодействия между людьми, что и делает изучение цифровой мифологии особенно актуальным.

Объектом данного исследования является медиадискурс автомобильного чемпионата «Формула-1», набирающего популярность по всему миру и имеющего значительное число поклонников в России. Как и любой спорт, «Формула-1» провоцирует чрезвычайно эмоциональный отклик у этой категории населения, и ярче всего это проявляется в ее поведении в цифровой среде. С помощью сравнительного анализа публикаций в традиционных СМИ (печатные книги и спортивные журналы) и социальных медиа (группы «ВКонтакте») мы ставим целью выявить особенности цифровых мифов, определяющих медиапovестку в виртуальных сообществах болельщиков. Предполагается, что искомые мифы находят выражение в формате интернет-мема, описанном значительным числом автором применительно к феноменам «постправды», новостной повестки дня, визуализации и, прежде всего, мифа в цифровых условиях.

Литературный обзор

Отечественные исследователи А.Г. Иванов и И.П. Полякова выделяют три главных направления исследования мифа: феноменологическое (А.Ф. Лосев), психоаналитическое (Дж. Кэмпбелл, К. Юнг) и структуралистско-семиотическое (Р. Барт) [16]. В контексте исследования представляет интерес замечание последнего, касающееся природы современного мифа. Французский ученый утверждает, что это не совокупность больших рассказов, объясняющих мир, а всего лишь корпус фраз и набор стереотипов, необязательно укладывающихся даже в повествование как таковое [9, с. 249]. В то же время Х. Блюменберг указывает на то, что миф не статичным объектом, а продолжает перерабатываться, имея в основе базовое нарративное ядро или некую архаическую мифологему [29, с. 32]. Фрагментарность мифа, равно

как и его изменчивость, являются, на наш взгляд, одними из ключевых факторов образования цифровых мифов.

В основе исследования лежит концепция цифровой мифологии, подробно разработанная Д.С. Артамоновым на основе работ по социальной мифологии А.Г. Иванова и коммуникативной природы мифологии С.В. Тихоновой. Миф в понимании Иванова – это аксиологически нагруженный феномен, оказывающий существенное влияние на общественное сознание и приводящий к активизации деятельности социальных групп и субъектов. В его структуре можно выделить два уровня: «архаический», содержащий устойчивые архетипические образы, мифологемы и ритуалы, и «конъюнктурный», содержащий результаты целенаправленной деятельности отдельных мифотворцев [13].

В то же время С.В. Тихонова предлагает видение коммуникативной природы мифа, основываясь на том, что он формируется в ходе социальной коммуникации. Из этого следует, что эволюция мифа детерминирована развитием коммуникации, к которому, несомненно, относится цифровой способ передачи данных [24].

На базе изложенных выше положений Д.С. Артамоновым были исследованы процессы медиатизации социальной мифологии в условиях формирования цифровой культуры [2]. Первым в научный оборот термин «цифровой мифологии» ввел американский ученый Валович, еще в конце прошлого предупреждавший о наличии скрытых сложностей взаимодействия человека с виртуальной реальностью [35]. При этом цифровая форма существования мифов не ограничивается технической стороной и включает в себя принципиально новые значения, характерные для современной эпохи. Ключевым фактором в процессе становления цифровой мифологии является распространение доступных инструментов, благодаря которым произошло коммуникативное освобождение масс [5]. Новые технологии и мифотворцы играют равную с медиа роль в процессе создания и распространения социальных мифов [30], которые под их воздействием меняются сами и приобретают новую форму. Можно утверждать, что социальная реальность трансформировалась в медиареальность, а массовое сознание стало цифровым [8].

Цифровая мифореальность воспринимается пользователем как объективная истина. Будучи целенаправленно создаваемой широкими и зачастую анонимными массами, новая мифология становится средством символической политики, которая предстает как «воздействие на мир, а значит, сам мир» [10, с. 95]. Она находит выражение в мифах о естественном формировании цифровых сообществ [20]; гегемонии брендов, навязывающих идеальных представления потребителю [24; 25]; кино и телевидении [32]; компьютерных играх, провозглашающих творческую свободу пользователей [15; 22]; феномене «постправды» и, в частности, «фейках» [33]; наконец, интернет-мемах, имеющих наибольшее значение в рамках этого исследования.

За рабочее определение интернет-мема будет взято то, которое дает в своей концепции Д.С. Артамонов: они представляют собой графические изображения, сопровождаемое текстовым комментарием, основным каналом распространения которого становятся социальные сети [2, с. 264]. Схожие характеристики этого объекта можно найти у Л. Шифман, которая отмечает, что понимание интернет-мема возможно только в совокупности, или контексте других мемов [34, с. 41]. Интернет-мем представляет собой один из инструментов социальной коммуникации, существующий в виде метафорического, чаще всего ироничного высказывания и являющийся носителем и ретранслятором мифологем, объясняющих

современному интернет-пользователю окружающую действительность, а также ориентирующих его в процессе коммуникации [6]. Кроме того, интернет-мемы входят в состав цифровой и, следовательно, массовой культуры [34] и отвечают новостной повестке дня (agenda setting) [26]. Для успешного распространения в среде социальных медиа также важны такие их свойства, как эмоциональность и упрощение реальности [5]; визуальная образность [11]; авторитетность автора или дистрибьютора [31].

Материалы и методы

Как уже было замечено во введении, основное внимание исследования сосредоточено на интернет-мемах как средствах социальной коммуникации в цифровом пространстве, содержащих и ретранслирующих мифы, объясняющие пользователю окружающую его реальность и формирующие его восприятие и поведение в ее отношении. Средой рождения и распространения описанных объектов являются социальные медиа, дискурс которых изучается в этой работе. Анализируется сетевой контент четырех сообществ в социальной сети «ВКонтакте», каждое из которых регулярно публикует интернет-мемы, как правило, юмористического характера: «Universe of Formula 1»¹, «F1 MEMES»², «Постироничная Формула-1 ОПА ВАНДОРН»³ и «Гонкарески»⁴. При поиске и отборе материалов в случае больших массивов данных использовалось расширение Instant data scraper⁵, позволяющее автоматически собирать информацию обо всех публикациях в сетевых сообществах по заданным параметрам.

Со стороны традиционных медиа для проведения сравнительного анализа использованы архив журнала «За рулем»⁶, печатный журнал «Formula 1 Auto Collection»⁷, книги спортивного журналиста и комментатора Алексея Попова «Формула-1. Российский голос»⁸ и Александра Мельника «Черные сказки железного века»⁹. Современные интернет-СМИ в контексте исследования не рассматриваются, так как несут на себе отпечаток неизбежного влияния социальные медиа и по сути образуют единое цифровое пространство.

Для осуществления прямого сравнения цифровой мифологии с нарративами, использовавшимися в традиционных медиа (пресса), выбрана историческая тематика, одинаково актуальная для обеих форм бытования мифов. В рамках исследования выделены три сюжета: биографии гонщиков Айртон Сенны и Михаэля Шумахера, а также история команды «Феррари». С точки зрения традиционных средств массовой инфор-

¹Группа «ВКонтакте» «Universe of Formula 1» URL: https://vk.com/universe_of_f1 (дата обращения: 10.12. 2024).

²Группа «ВКонтакте» «F1 MEMES» URL: <https://vk.com/f1memes> (дата обращения: 10.12. 2024).

³Группа «ВКонтакте» «Постироничная Формула-1 ОПА ВАНДОРН» URL: <https://vk.com/postironiaformula1> (дата обращения: 10.12. 2024).

⁴Группа «ВКонтакте» «Гонкарески» URL: <https://vk.com/gonkareski> (дата обращения: 10.12. 2024).

⁵Расширение для браузера Chrome Instant Data Scraper URL: <https://chromewebstore.google.com/detail/instant-data-scraper/foaokhiedipchpaobibbnahkdoiiah> (дата обращения: 11.12. 2024)

⁶Архив журнала «За рулем». URL: <https://www.zr.ru/archive/zr/> (дата обращения: 11.12. 2024)

⁷Formula 1® Auto Collection: журнал (2019–2021). М.: КР Медиа.

⁸Попов А.Л. (2018). Формула-1. Российский голос. М.: Эксмо.

⁹Мельник А. (2011). Черные сказки железного века – М: Астрель; АСТ.

мации, каждый из них содержит значительную мифологическую составляющую, которая может быть описана, исходя из анализа мифа «о Супермене», выполненного У. Эко [27], и мифа о «золотом веке», проведенном М. Элиаде [28], классификации мифологических образов в СМИ, составленной И.М. Дзялошинским [12], и работы А.Г. Иванова, посвященной мифологеме героя [14]. Кроме того, уже отмечалось, что мифологические нарративы, направленные на героизацию, очевидно, циркулируют в сетевых сообществах [17].

Результаты

Первый из выбранных для анализа сюжетов относится к биографии гонщика Айртон Санны, получившего такие прозвища, как «Волшебник» и «Человек дождя». Бразилец выступал в чемпионате «Формула-1» с 1984 по 1994 года, однако его имя и сегодня можно встретить в дискурсе и традиционных СМИ, и социальных медиа.

Именно пресса и телевидение создали мифологический образ Санны, черты можно найти, например, в журнале «За рулем». В некрологе, опубликованном в 1994 году (пилот погиб в результате аварии в гонке), его сравнивают с кометой и связывают с некой сверхъестественной силой: «судьба Великого Гонщика предначертана Сенне свыше»¹. Здесь же его прямо называют кумиром зрителей и героем «Формулы-1».

То же восприятие описывается, пусть и в качестве стороннего наблюдателя, российским журналистом Алексеем Поповым, встречавшим Сенну лично. По его словам, гонщик был уверен в своем сверхъестественном статусе и внушал окружающим некоторое мистическое чувство – имидж, который позволял ему поступать иначе, чем другие, и при этом не быть наказанным. Особенно поразительной поддержка была в родной Бразилии: «Гигантский город, нищий, фавеллы... И на этом фоне показная религиозность Санны, вертолеты на которых он летит над собственным городом, люди на него буквально молятся»². Тот же автор акцентирует внимание на человеческих качествах бразильца, который в какой-то момент стал переживать за других гонщиков и помогать им, хотя раньше не проявлял себя с этой стороны³.

Наконец, самое подробное, отчасти художественное описание жизни Айртон Санны можно найти в эссе А. Мельника «Единственный», где рассказывается о невероятных успехах юноши, его взрослении и превращении в профессионала, который, с одной стороны, обладает редким даром пилотирования болидов и харизмой («От этого 24-летнего парня исходила такая невероятная, всеохватывающая, наэлектризовывающая все вокруг сила»⁴), с другой – совершенно беспощаден к соперникам и даже жесток. Тем не менее он оправдан далее по тексту: «Разве что можно сердиться на человека, столь глубоко преданного автоспорту?»⁵

Дискурс социальных медиа частично следует заданному направлению, но в то же время и пересматривает его. Так, сообщество F1 MEMES в социальной сети «ВКонтакте» опубликовало видеоролик, в котором

¹ Шугуров Л. (1994). Неукротимый бразилец // За рулем. № 7. С. 33

² Попов А.Л. (2018). Формула-1. Российский голос. М.: Эксмо. С. 74

³ Попов А.Л. (2018). Формула-1. Российский голос. М.: Эксмо. С. 76

⁴ Мельник А. (2011). Черные сказки железного века – М: Астрель; АСТ. С. 229.

⁵ Мельник А. (2011). Черные сказки железного века – М: Астрель; АСТ. С. 239.

Сенна спасает потерявшего сознание коллегу прямо на трассе; фрагмент сопровождается портретом Супермена и воодушевляющей музыкой⁶. Другим поводом вспомнить гонщика прошлого стали жалобы современного пилота «Формулы-1» на тяжелые условия пилотирования. В этом случае реакция на новостную повестку накладывается на известный интернет-мем и используется как высказывание в ироническом ключе: автор считает, что условия гонщика несопоставимы с теми, которые были у Айртон Санны в 1991 году (то есть значительно легче)⁷.

Напротив, сообщества «Постироничная Формула-1» (в название уже заложен корень «ирония») и «Гонкарески» (от слова «юморески», то есть небольшое юмористическое произведение) радикально меняют подход к биографии Санны. Часть публикаций, посвященных бразильцу, оценивает его достижения как «средние», ничем не выдающиеся. Это находит отражение в слове «средняк», которое прочно закрепляется именно за Сенной. Соответствующие интернет-мемы задаются вопросом, помнит ли кто-нибудь этого гонщика⁸, или так или иначе обыгрывают слово «средний»⁹.

Еще более резкой представляется форма черного юмора, связанного с гибелью Санны в 1994 году в результате аварии в повороте Тамбурелло (Имола, Италия). В частности, в сети тиражируются фотографии момента аварии с подписями, предполагающими, что произошедшее было сном¹⁰, либо игрой слов «Сенна – Стенна»¹¹.

Второй сюжет касается биографии другого знаменитого гонщика «Формулы-1» Михаэля Шумахера – семикратного чемпиона, чья фамилия стала синонимом гоночного искусства и скорости. Болельщикам он более всего известен как многолетний пилот команды «Феррари» под прозвищем «Красный Барон». Немец выступал значительно дольше: с 1991 по 2012 годы (с перерывом) и оставил значительный след в истории автоспорта.

Дискурс, связанный с Шумахером, во многом напоминает Сенну, однако образ личности гонщика, созданный и переданный средствами массовой информации, все же отличается. Например, журнал «За рулем» сравнивал мозг чемпиона мира с компьютером¹², утверждал, что «немец оказался единственным человеком, способным тащить за собой всю команду»¹³, и подытоживал тем, что он – подлинный кумир и гений, которого одни боготворят, а другие ненавидят¹⁴.

В точности соответствует этому эссе А. Мельника «Его секрет», где один из сотрудников «Феррари» признается, что никому еще не удалось заставить всю

⁶ F1 MEMES (2024) Пост в ВКонтакте: 3 июля. URL: https://vk.com/wall-184140863_117335 (дата обращения: 17.12.2024)

⁷ F1 MEMES (2021) Пост в ВКонтакте: 12 августа. URL: https://vk.com/wall-184140863_27058 (дата обращения: 17.12.2024)

⁸ Постироничная Формула-1 ОПА ВАНДОРН (2024) Пост в ВКонтакте: 20 февраля. URL: https://vk.com/wall-177845471_28726 (дата обращения: 17.12.2024)

⁹ Постироничная Формула-1 ОПА ВАНДОРН (2022) Пост в ВКонтакте: 1 мая. URL: https://vk.com/wall-177845471_23817 (дата обращения: 17.12.2024)

¹⁰ Гонкарески(2024)ПоствВКонтакте:3октября.URL:https://vk.com/wall-202232879_7366 (дата обращения: 17.12.2024)

¹¹ Гонкарески (2024) Пост в ВКонтакте: 21 августа. URL: https://vk.com/wall-202232879_7257 (дата обращения: 17.12.2024)

¹² Зиновьев С. (1998). За Шумахера – даже соперники! // За рулем. № 6. С. 108–109.

¹³ Зиновьев С. (2000). Красные начинают и выигрывают // За рулем. № 11. С. 112–113.

¹⁴ ВольновМ.(2006).Шумахеруходит,Шумахеростается// За рулем. № 11. С. 278–279.

команду слушать гонщика, затаив дыхание. Разумеется, обожают его не только коллеги, но и миллионы зрителей: «Он самый настоящий супермен, небожитель с годовым доходом в семьдесят миллионов долларов – только очень земной супермен, которому можно перемывать косточки...»¹ Здесь же можно прочесть историю о нелегком детстве будущего чемпиона, которому пришлось на всем экономить, но собственные талант и трудолюбие помогли ему пробиться на самый верх.

Журнал F1 Auto Collection, вышедший значительно позже описываемых событий, в исторической рубрике также подчеркивал статус Шумахера («деятельность команды строилась вокруг харизматичной личности Михаэля Шумахера, неоспоримого лидера Ferrari»)², но при этом акцентировал внимание и на человеческих качествах пилота («На трассе Михаэль и Ральф Шумахеры были соперниками, но вне трека они поддерживали близкие и дружеские отношения»)³.

А. Попов также вспоминает эпизод, когда Шумахер разрыдался во время пресс-конференции после того, как ему сообщили, что он превзошел своего кумира Айртон Сенну по числу побед в Гран-при. Эта история описана в драматичных тонах, какой она представлялась всем, кто считал Красного Барона своеобразной машиной, штампующей лучшие круги: «И тут весь мир увидел падение маски Красного Барона в прямом эфире. Голос дрогнул. «Да, что-то значит...» Пауза. Он роняет голову, скрытую бейсболкой, и начинает рыдать»⁴.

Дискурс социальных медиа реагирует на фигуру Шумахера схожим с Сенной образом. Сообщества делятся на две группы: одни транслируют восхищение и ностальгию, в то время как другие вспоминают исключительно инцидент на горных лыжах, приведшей к тяжелой травме у Михаэля, последствия которой он пытается преодолеть до сих пор. К первым можно отнести группы F1 MEMES, которая традиционно публикует один и тот же интернет-мем с героем «Людей Икс» Росомахой и Михаэлем Шумахером по случаю памятных дат в биографии немца: годовщины последнего Гран-при за «Феррари»⁵ или свадьбы дочери⁶.

Сообщество «Гонкарески», с другой стороны, фокусируется полностью на горнолыжном инциденте, отсылая к нему в форме саркастического приглашения в спортивную секцию⁷, или ассоциируя состояние Шумахера с таким просторечным выражением, как «овощ»⁸. При этом в отличие от Сенны в этих социальных сетях нет ни единого упоминания достижений немецкого пилота, тем более их отрицания.

Наконец, третий сюжет, связанный с историей «Формулы-1» и являющийся одним из ее образующих основ, – становление и победы команды «Феррари», старейшей в чемпионате и самой титулованной. «Гарцующие же-

ребцы» из Маранелло (пригороды Модены, Италия) выиграли около четверти всех Гран-при, проводившихся с 1950 года, и добились наибольших успехов с такими гонщиками, как Ники Лауда и Михаэль Шумахер.

Нужно также отметить, что, начиная с 2008 года, коллектив не побеждал ни в личном, ни в командном зачете. Это нередко вызывало у миллионов болельщиков разочарование, а у поклонников других команд – насмешку, которая находит яркое выражение в материалах социальных медиа. Традиционные СМИ подходили к истории команды под иным углом, лучшее резюме которого можно почерпнуть в серии журналов F1 Auto Collection. Так, о попадании в состав «Феррари» сказано следующее: «Такое событие оказывает огромное влияние на жизнь (и не только спортивную) каждого гонщика»⁹. О самой же команде – еще более торжественно: «Ferrari – самая старая и престижная команда, участвующая в королевских автогонках. Быть частью «Скудерии» – это огромная честь, даже если пилот лишь раз сядет за руль красного болида»¹⁰. Любопытно, что в этой же статье речь идет о многочисленных конфликтах между гонщиками и руководством, которые приводили к увольнению первых.

Похожий пиетет демонстрируют авторы журнала «За рулем», которые освещали победные для Шумахера и «Феррари» чемпионаты. В частности, они подчеркивали полувековые традиции, называли команду гоночным королевством и приводили, например, такие цитаты, приписываемые участникам событий: «Тот, кто станет чемпионом мира за рулем «Феррари», может спокойно выкинуть свой паспорт – его будет знать весь мир»¹¹. Кроме того, среди заголовков статей можно встретить следующие: «Это страшное слово «Феррари»»¹², «Болеем за «Феррари»»¹³.

Гоночное королевство выходит из-под пера А. Мельника и в эссе «Колокольчик», где от имени одного из чемпионов мира за «Феррари» дается полное эпитетов перечисление конструкторов и гонщиков; даже механики здесь названы «колдунами»¹⁴.

Возвращаясь к социальным медиа, еще раз необходимо напомнить, что современная история команды породила юмористическую оценку ее деятельности, которая порой распространяется на более давние события. Большой объем подобных интернет-мемов дает сообщество Universe of Formula 1: здесь пара пилотов «Феррари» может представлять в роли работников «Макдоналдс»¹⁵; стратеги собственной команды (предполагается, что настоящие стратеги плохо работают)¹⁶; спортсменов, перетягивающих канат против своего же руководства¹⁷; а также механиков,

⁹ Ferrari F399 – Мика Сало (2020) // Formula 1® Auto Collection. № 31. С. 5.

¹⁰ Scuderia Ferrari – Защищая честь Ferrari (2020) // Formula 1® Auto Collection. № 31. С. 14.

¹¹ Мельник А. (2000). Оркестр, созданный солистом // Зарулем. № 8. С. 108–109.

¹² Зиновьев С. (2002). Это страшное слово «Феррари» // За рулем. № 7. С. 142–143.

¹³ Зиновьев С. (2005). Болеем за «Феррари» // За рулем. № 5. С. 236–237.

¹⁴ Мельник А. (2011). Черные сказки железного века – М: Астрель; АСТ. С. 80.

¹⁵ Universe of Formula 1 (2022) Пост в ВКонтакте: 10 февраля. URL: https://vk.com/wall-36759319_119865 (дата обращения: 17.12.2024)

¹⁶ Universe of Formula 1 (2022) Пост в ВКонтакте: 10 февраля. URL: https://vk.com/wall-36759319_119978 (дата обращения: 17.12.2024)

¹⁷ Universe of Formula 1 (2022) Пост в ВКонтакте: 18 ноября. URL: https://vk.com/wall-36759319_122190 (дата обращения: 17.12.2024)

¹ Мельник А. (2011). Черные сказки железного века – М: Астрель; АСТ. С. 269.

² Williams FW23 – Ральф Шумахер (2019) // Formula 1® Auto Collection. № 20. С. 9.

³ Братья вне трека, но соперники в гонках (2019) // Formula 1® Auto Collection. № 20. С. 4.

⁴ Попов А.Л. (2018). Формула-1. Российский голос. М.: Эксмо. С. 155–156.

⁵ F1 MEMES (2023) Пост в ВКонтакте: 22 октября. URL: https://vk.com/wall-184140863_98767 (дата обращения: 17.12.2024)

⁶ F1 MEMES (2024) Пост в ВКонтакте: 2 октября. URL: https://vk.com/wall-184140863_123899 (дата обращения: 17.12.2024)

⁷ Гонкарески (2024) Пост в ВКонтакте: 19 января. URL: https://vk.com/wall-202232879_6642 (дата обращения: 17.12.2024)

⁸ Гонкарески (2024) Пост в ВКонтакте: 24 января. URL: https://vk.com/wall-202232879_6677 (дата обращения: 17.12.2024)

которые сами себе меняют колеса¹. Параллельно то же руководство «Феррари» сравнивается с клоунами², а над плачущим болельщиком «красных» склоняются великаны-гонщики из коллектива конкурентов³.

Группа F1 MEMES наравне с иронией над командой откликается и на ее успехи. Так, полупозиции⁴ и положение в таблице зачета⁵ становились поводом к публикациям на протяжении сезона 2024 года. Здесь же можно встретить и фейки, столь характерные для цифровой культуры: в одной из таких фальшивых новостей гонщиком «Феррари» объявляется россиянин Никита Мазепин⁶, в другой – Роберт Шварцман, также представлявший Россию в молодежных чемпионатах⁷.

Обычно более резкие публикации групп «Постироничная Формула-1» и «Гонкарески» в этом пункте совпадают тональностью и содержанием с другими сообщениями. Авторы интернет-мемов точно так же ищут стратегов для команды⁸, приписывают гонщикам в образе Шарикова мечты о победах (которых, разумеется, не будет)⁹ и воображают, как они принимают заказы на кассе кафе¹⁰.

Помимо этого на странице «Постироничная Формула-1» можно встретить редкий экземпляр мема, отсылающего к более ранней истории «Феррари», а точнее к 1960-м годам, когда Энцо Феррари, полагавший двигатель главным фактором успеха автомобиля, отменил мысли о совершенствовании аэродинамических качеств болида, из-за чего команда погрузилась в кризис поражения¹¹.

Другой любопытный пример связан с повторным отрывком отрывка телевизионной передачи 1998 года, в которой Алексей Попов рассказал анекдот о продолжающейся серии без побед у «Гарцующих жеребцов»¹².

Обсуждение

А.Г. Иванов в работе, посвященной мифологеме героя в структуре современного мифа, признает, что героиче-

ская фигура неустранима из социального контекста [14]. В этом образе воплощаются высшие формы коллективности и индивидуальности [23], и это отчетливо заметно в традиционном представлении биографий гонщиков Айртон Санны и Михаэля Шумахера, демонстрирующих талант, трудолюбие и целеустремленность, но вместе с тем и человеколюбие, братскую любовь и харизму лидера. Оба кажутся их современникам и потомкам полубогами, обладающими сверхъестественными способностями, а их неуязвимость сравнима с персонажем Супермена – образец, который тщательно изучался У. Эко. С другой стороны, мы знаем (и это показано в тех же источниках, которые пестрят одами в их адрес), что и Сенна, и Шумахер обладали неприглядными сторонами личности, которые также ставились им в вину. В этой связи будет вернее всего отнести медийные образы обоих гонщиков к типу «кумир» Дзялошинского – необязательному доброму, но знаменитому и пользующемуся всеобщим восхищением [12, с. 375].

Команда «Феррари» в представленных материалах предстает сказочным королевством – так много упоминаний волшебства и колдовства применительно к ее истории. Лучшие, непобедимые, великие, с многолетними традициями и миллионами преданных поклонников – такими эпитетами обычно сопровождают представление этого всемирно известного коллектива. Однако победы были не всегда, поэтому в эссе А. Мельника или журнале F1 Auto Collection читается скорее картина блестящего прошлого – «золотого века», миф о котором подробно анализировал М. Элиаде. Это время, о котором ностальгируют, время изначального совершенства, которое, впрочем, необязательно находится в прошлом, но может оказаться и в светлом будущем – поклонники «Феррари», несомненно, верят в это.

Поразительным образом кумиры прошлого меняются до неузнаваемости при переходе от печатных журналов и книг к социальным медиа. Конечно, некоторые сообщества – и их довольно много – продолжают следовать заданному канону и помнить Айртон Сэнну как супергероя, а Шумахера – как непобедимого пилота «Феррари», однако так поступают не все, и некоторые дискурсы включают в себя не только переосмысление достижений гонщиков (в сторону принижения), но и черный юмор, касающийся гибели или увечий. Иронией пронизано обсуждение в сети провалов «Феррари» – эта тема преобладает по отношению к команде и является благодатной почвой для создателей интернет-мемов.

Сам этот формат также чрезвычайно непохож на привычный для поклонников гонок 1990-х и 2000-х нарратив. Вместо цельных сюжетов с легко узнаваемыми героями-небожителями, которые иногда все-таки позволяют себе быть людьми, пользователи социальных сетей обмениваются фрагментарными кусочками мифов, заключенными в яркую визуальную оболочку интернет-мема. При этом большая часть этих гибридов текста и изображения отсылает далее – к продукции массовой культуры («Люди Икс», «Собачье сердце», телевизионные передачи, даже история «Формулы-1») и новостной повестке, а сообщением, передаваемым их посредством, присуще субъективное отношение, характерное для эпохи «постправды», в том числе фейковость. Последнее, правда, не служит целью дезинформации, так как все интернет-мемы, распространяемые в сообществах, посвященных чемпионату «Формула-1», носят юмористический характер.

Заключение

Таким образом, цифровые мифы, бытующие сегодня в пространстве социальных медиа, мало чем напомина-

¹ Universe of Formula 1 (2023) Пост в ВКонтакте: 31 августа. URL: https://vk.com/clips-36759319?z=clip-36759319_456241477 (дата обращения: 17.12.2024)

² Universe of Formula 1 (2022) Пост в ВКонтакте: 11 сентября. URL: https://vk.com/wall-36759319_121923 (дата обращения: 17.12.2024)

³ Universe of Formula 1 (2023) Пост в ВКонтакте: 1 апреля. URL: https://vk.com/wall-36759319_122609 (дата обращения: 17.12.2024)

⁴ F1 MEMES (2024) Пост в ВКонтакте: 10 мая. URL: https://vk.com/wall-184140863_112947 (дата обращения: 17.12.2024)

⁵ F1 MEMES (2024) Пост в ВКонтакте: 28 октября. URL: https://vk.com/wall-184140863_125617 (дата обращения: 17.12.2024)

⁶ F1 MEMES (2024) Пост в ВКонтакте: 8 марта. URL: https://vk.com/wall-184140863_107838 (дата обращения: 17.12.2024)

⁷ F1 MEMES (2024) Пост в ВКонтакте: 12 января. URL: https://vk.com/wall-184140863_103932 (дата обращения: 17.12.2024)

⁸ Постироничная Формула-1 ОПА ВАНДОРН (2024) Пост в ВКонтакте: 11 июня. URL: https://vk.com/wall-177845471_29121 (дата обращения: 17.12.2024)

⁹ Постироничная Формула-1 ОПА ВАНДОРН (2023) Пост в ВКонтакте: 25 ноября. URL: https://vk.com/wall-177845471_28453 (дата обращения: 17.12.2024)

¹⁰ Гонкарески (2024) Пост в ВКонтакте: 31 августа. URL: https://vk.com/wall-202232879_7298 (дата обращения: 17.12.2024)

¹¹ Постироничная Формула-1 ОПА ВАНДОРН (2023) Пост в ВКонтакте: 10 ноября. URL: https://vk.com/wall-177845471_28354 (дата обращения: 17.12.2024)

¹² Гонкарески(2021)ВидеовВКонтакте.URL:https://vk.com/video-202232879_456239018 (дата обращения: 17.12.2024)

ют мифологические сюжеты, встречаемые на страницах журналов и книг. Интернет-мемы, заполонившие сетевые сообщества, частично переосмысливают их содержание и полностью меняют форму, что согласуется с новой, цифровой природой коммуникации. Мемы действительно заменяют старые формы объяснения окружающей реальности, формируют наше восприятие и поведение и способствуют коммуникации в новых условиях.

Вместе с тем, их юмористическая и ироническая природа породила темы, которые было бы невозможно увидеть в прессе двадцатилетней давности (равно как и в любом официальном ресурсе сегодня). Речь идет о черном юморе, объектом которого становится, например, гибель гонщика или другой инцидент с его участием. То, что однозначно воспринимается как трагедия в одном дискурсе, становится предметом иронии в другом. Однако дело, конечно, не только в природе интернет-мемов, которые могут быть использованы и в принятом большинством ключе – возможно, формат стал средством выражения для групп пользователей, которые до этого не имели возможности высказываться яркими визуальными и эмоциональными образами. Безусловно, это тема для отдельного исследования, которое затронет вопросы поведения молодежи в социальных сетях и влияния цифровой культуры на ее восприятие окружающей реальности и ценности.

Литература

1. Артамонов Д.С. Интернет-мем как способ репрезентации реальности: между антиутопией и мифом // Цифровая ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5, № 1. С. 14–21.
2. Артамонов Д.С. Медиапамять в коммуникационном пространстве цифрового общества: дис. ... д. филос. наук. Саратов, 2023. 356 с.
3. Артамонов Д.С. Медиапамять: методология исследования // Цифровая журналистика: технологии, смыслы и особенности творческой деятельности: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 26–27 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2024. С. 358–360.
4. Артамонов Д.С., Фролова С.М. Интернет-мем в системе социальной мифологии цифровой эпохи // Общество: философия, история, культура. 2020. № 11(79). С. 13–17.
5. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. От мифов о прошлом к мифологизации времени в цифровой медиасреде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 3. С. 234–239.
6. Артамонов Д.С., Воловикова М.Л., Тихонова С.В. Мифология времени в интернет-мемах периода пандемии COVID-19 // Российская школа связей с общественностью. 2021. № 23. С. 47–62.
7. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Политика памяти в интернет-мемах: от визуализации истории к фейкам // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 75–87.
8. Артамонов Д.С., Тихонова С.В. Цифровая мифология медиапамяти // Наука, технологии и ценности в неустойчивом мире: Сборник научных статей IV Конгресса Русского общества истории и философии науки, Москва, 27–29 сентября 2024 года. – Москва: Русское общество истории и философии науки. 2024. С. 754–757.

9. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. – Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
10. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
11. Голованова Е.И., Часовский Н.В. Интернет-мем как элемент визуализации в СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5(360). С. 135–141.
12. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. Монография. М.: Издательство Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2013. 479 с.
13. Иванов А.Г. Социальная мифология и ее роль в развитии общества: автореферат дис. ... д. филос. наук. Воронеж, 2018. 46 с.
14. Иванов А.Г. Мифологема героя в структуре социального мифа // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 80–88.
15. Иванов А.Г. Homo ludens 2.0: пределы мифологизации в цифровом пространстве игры // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, № 1. С. 31–36.
16. Иванов А.Г., Полякова И.П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2018. Вып. 1. С. 5–15.
17. Иванов А.Г., Тихонова С.В., Полякова И.П. [и др.] Мифологизация времени в современной медийной среде – Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2022. 323 с.
18. Касавина Н.А. «Digital Existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2020. Т. 3, № 4. С. 73–89.
19. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
20. Плотикина Н.В. Медийная мифология социального в современном обществе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. № 2. С. 239–251.
21. Савчук В.В., Очеретяный К.А. Цифровой поворот: глобальные тенденции и локальные специфики // Вопросы философии. 2021. № 4. С. 5–16.
22. Сидоров В.А. Игры как институт культуры «цифрового» пространства // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 5. С. 176–185.
23. Суравнева И.М., Федоров В.В. Феномен героизма. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 152 с.
24. Тихонова С.В. Социальная мифология в коммуникационном пространстве современного общества: дис. ... д. филос. наук. Саратов, 2009. 374 с.
25. Чертков А.С. Мемодизайн в системе социальной мифологии современного цифрового пространства // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1(36). С. 69–76.
26. Шомова С.А. Мем-летописец: репрезентация новостной повестки дня пандемии в меметическом контенте Рунета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5(165). С. 399–424.
27. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Перев. с англ. и итал. С. Серебряного. – СПб: издательство «Симпозиум», 2005. 502 с.
28. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с фр. В.П. Большакова. – 4-е изд. М.: Академический проспект, 2010. 256 с.

29. Blumenberg H. *Work on Myth*. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. 685 p.
30. Artamonov D.S., Medvedeva E.N., Tikhonova S.V., Slivnaia Z.A. *Digital Mythology: A New Direction In The Study Of Social Myths. Perishable And Eternal: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Veliky Novgorod, 22–23 November 2021*. – European Publisher: European Publisher. 2021. pp. 1–7.
31. Johann M., Bulov L. One Does Not Simply Create a Meme: Conditions for the Diffusion of Internet Memes. *International Journal of Communication* 13. 2019. pp. 1720–1742.
32. Losada J.M., Lipscomb A. “Myth and Audiovisual Creation.” *Myth and Audiovisual Creation*, José Manuel Losada & Antonella Lipscomb (eds.), Berlin, Logos Verlag, 2019. 225 p.
33. Ruzicka V., Kang E., Gordon D., Patel A., Fashimpaur J., Zaheer M. *The Myths of Our Time: Fake News. Proceedings of International Symposium on Electronic Art (ISEA)*. 2019. pp. 494–498.
34. Shifman L. *Memes in digital culture*. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. 200 p.
35. Valovic, T.S. *Digital Mythologies: The Hidden Complexities of the Internet*. Rutgers University Press, 1999. 242 p.
6. Artamonov D.S., Volovikova M.L., Tikhonova S.V. *Mythology of Time in Internet Memes of the COVID-19 Pandemic // Russian School of Public Relations*. 2021. No. 23. P. 47–62.
7. Artamonov D.S., Tikhonova S.V. *The politics of memory in Internet memes: from visualization of history to fakes // Polis. Political studies*. 2022. No. 5. Pp. 75–87.
8. Artamonov D.S., Tikhonova S.V. *Digital mythology of media memory // Science, technology and values in an unstable world: Collection of scientific articles of the IV Congress of the Russian Society for the History and Philosophy of Science, Moscow, September 27–29, 2024*. – Moscow: Russian Society for the History and Philosophy of Science. 2024. Pp. 754–757.
9. Barthes R. *The Fashion System. Articles on the semiotics of culture*. – Transl. from French, introduction and compiler S.N. Zenkina. Moscow: Sabashnikov Publishing House, 2003. 512 p.
10. Bourdieu P. *Sociology of social space*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2007. 288 p.
11. Golovanova E.I., Chasovsky N.V. *Internet meme as an element of visualization in the media // Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2015. No. 5 (360). P. 135–141.
12. Dzyaloshinsky I.M. *Media space of Russia: communication strategies of social institutions. Monograph*. Moscow: Publishing house of the Academy of advanced training and professional retraining of educators, 2013. 479 p.
13. Ivanov A.G. *Social mythology and its role in the development of society: abstract of dis. ... Doctor of Philosophy. Sciences. Voronezh*, 2018. 46 p.
14. Ivanov A.G. *Mythologem of the hero in the structure of the social myth // Bulletin of Tomsk State University*. 2019. No. 441. P. 80–88.
15. Ivanov A.G. *Homo ludens 2.0: the limits of mythologization in the digital space of the game // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2020. Vol. 20, No. 1. P. 31–36.
16. Ivanov A.G., Polyakova I.P. *Social mythology in the space of everyday life and mass media // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2018. Issue. 1. P. 5–15.
17. Ivanov A.G., Tikhonova S.V., Polyakova I.P. [et al.] *Mythologization of time in the modern media environment – Lipetsk: Lipetsk State Technical University*, 2022. 323 p.
18. Kasavina N.A. “Digital Existence”: digital turn in understanding human existence // *Digital scientist: philosopher’s laboratory*. 2020. Vol. 3, No. 4. Pp. 73–89.
19. Losev A.F. *Dialectics of myth*. Moscow: Mysl, 2001. 558 p.
20. Plotichkina N.V. *Media mythology of the social in modern society // Bulletin of RUDN. Series: Sociology*. 2020. No. 2. Pp. 239–251.
21. Savchuk V.V., Ocheretyany K.A. *Digital turn: global trends and local specifics // Questions of Philosophy*. 2021. No. 4. P. 5–16.
22. Sidorov V.A. *Games as an institution of culture of “digital” space // Humanitarian vector*. 2020. Vol. 15, No. 5. P. 176–185.
23. Suravneva I.M., Fedorov V.V. *The phenomenon of heroism*. Moscow: LKI Publishing House, 2008. 152 p.
24. Tikhonova S.V. *Social mythology in the communication space of modern society: diss. ... Doctor of Philosophy. Sciences. Saratov*, 2009. 374 p.
25. Chertkov A.S. *Memodesign in the system of social mythology of modern digital space // Upper Volga Philological Bulletin*. 2024. No. 1 (36). P. 69–76.
26. Shomova S.A. *Meme-chronicler: representation of the news agenda of the pandemic in the memetic content of the Runet // Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2021. No. 5 (165). P. 399–424.
27. Eco U. *The role of the reader. Studies in the semiotics of the text / Translated from English and Italian by S. Serebryany*. – St. Petersburg: Symposium Publishing House, 2005. 502 p.
28. Eliade M. *Aspects of Myth / Translated from French by V.P. Bolshakova*. – 4th ed. Moscow: Akademicheskyy Prospekt, 2010. 256 p.
29. Blumenberg H. *Work on Myth*. Cambridge, MA: MIT Press, 1985. 685 p.
30. Artamonov D.S., Medvedeva E.N., Tikhonova S.V., Slivnaia Z.A. *Digital Mythology: A New Direction In The Study Of Social Myths. Perishable And Eternal: Mythologies and Social Technologies of Digital Civilization: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Veliky Novgorod, 22–*

DIGITAL REPRESENTATION OF THE HISTORY OF THE «FORMULA 1» CHAMPIONSHIP: COMPARATIVE ANALYSIS

Fedorenko A.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the topic of features of digital myths that determine the discourse in social media (by using the example of the Formula 1 automobile championship). Applying the concept of digital mythology, author discovers the modern myth of the hero in the content of Internet memes and, through comparative analysis with the discourse of traditional media (print magazines and books), identifies its distinctive characteristics. It is shown that new forms of myth expression set an ironic and satirical tone to publications on social media, the authors of which subject well-known images from the history of the Formula 1 championship to radical revision and devaluation. At the same time, Internet memes are present in the discourse, continuing the canonical narrative, which leads to the conclusion that their content is determined not only by the technical capabilities of the format, but also by other factors.

Keywords: digital transformation, myth, digital mythology, internet meme, social media, hero.

References

1. Artamonov D.S. *Internet meme as a way of representing reality: between dystopia and myth // Digital scientist: philosopher’s laboratory*. 2022. Vol. 5, No. 1. Pp. 14–21.
2. Artamonov D.S. *Media memory in the communication space of the digital society: diss. ... Doctor of Philosophy. Sciences. Saratov*, 2023. 356 p.
3. Artamonov D.S. *Media memory: research methodology // Digital journalism: technologies, meanings and features of creative activity: Collection of materials from the International scientific and practical conference, Yekaterinburg, April 26–27, 2024*. – Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. 2024. Pp. 358–360.
4. Artamonov D.S., Frolova S.M. *Internet Meme in the System of Social Mythology of the Digital Age // Society: Philosophy, History, Culture*. 2020. No. 11(79). P. 13–17.
5. Artamonov D.S., Tikhonova S.V. *From Myths of the Past to the Mythologization of Time in the Digital Media Environment // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2020. Vol. 20, No. 3. P. 234–239.

23 November 2021. – European Publisher: European Publisher. 2021. pp. 1–7.

31. Johann M., Bulov L. One Does Not Simply Create a Meme: Conditions for the Diffusion of Internet Memes. *International Journal of Communication* 13. 2019. pp. 1720–1742.
32. Losada J.M., Lipscomb A. “Myth and Audiovisual Creation.” *Myth and Audiovisual Creation*, José Manuel Losada & Antonella Lipscomb (eds.), Berlin, Logos Verlag, 2019. 225 p.
33. Ruzicka V., Kang E., Gordon D., Patel A., Fashimpaur J., Zaheer M. The Myths of Our Time: Fake News. *Proceedings of International Symposium on Electronic Art (ISEA)*. 2019. pp. 494–498.
34. Shifman L. *Memes in digital culture*. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. 200 p.
35. Valovic, T.S. *Digital Mythologies: The Hidden Complexities of the Internet*. Rutgers University Press, 1999. 242 p.

Роль искусственного интеллекта «twee» в развитии навыков творческого письма на занятиях английского языка

Фонова Евгения Геннадьевна,

кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта
E-mail: eugeniefonova@mail.ru, EFonova@kantiana.ru

Васильева Виктория Олеговна,

преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: VasilievaVO@mgsu.ru

Применение искусственного интеллекта на уроках иностранного языка является распространенной практикой в наши дни. Зачастую обучающиеся используют их в индивидуальной работе по толкованию иностранного слова или же как дополнительное средство обучения аспектам иностранного языка.

Однако влияние современного искусственного интеллекта на иностранные языки и преподавание иностранных языков ограничено, и он не оказывает фундаментальное воздействие на лингвистику. Его функции ограничиваются способностью обобщать и собирать ранее известные знания, а не создавать новые.

В преподавательской практике использование искусственного интеллекта заключается в его использовании в качестве дополнительного инструмента для обучения. В настоящее время преподавателям английского языка как иностранного доступен огромный выбор различных инструментов и платформ, с технологией искусственного интеллекта и имеющих множество применений. Теперь возможности технологий в этом плане позволяют экономить массу времени, сил, а иногда и экономических затрат. Одним из самых распространенных инструментов является «Twee».

Ключевые слова: искусственный интеллект, навыки письма, английский язык как иностранный.

Introduction

In today's highly industrialised countries, information and communication technologies (ICTs) are an important aspect of the environment of young children, and even more so of teenagers, who are mostly engaged in writing on the keyboard of mobile phones. According to a number of surveys conducted in Europe, North America and Quebec, young people are very involved in using new forms of technology-mediated written communication (TMWC) to build, maintain and develop their social network. They also make extensive use of the Internet to find information.

Although they do not represent a majority, more and more teachers are experimenting with new teaching practices that integrate technologies to support the development of various subject-specific skills, and are evaluating 'in the field' the added value of using these new tools in a variety of contexts [2].

As a result, nowadays the current state of teaching is complex yet can be facilitated by means of AI driven tools. The most common type is "Twee" which is dedicated to the process of making the design of a lesson. "Twee" is considered as a tool to create the whole lesson structure, including the curriculum. The tool is usually used to help teachers with creating handouts, practical writing tasks (yet "Twee" should always be seen as an additional tool, just to facilitate the process). It has a specific function of elaboration the teaching material. As a useful aid in teaching EFL, Twee allows choosing the topics and knowledge level according to CERF [7].

Methodology

Methodological research encompassed some theoretical aspects, such as collecting and analysing the literature on the topic of the research. As per the practical part, it's performed in the description of the observed functions of "Twee" in regard to developing writing skills.

Findings

Artificial intelligence is a field of computer science that focuses on developing intelligent robots that can replicate human cognitive skills, including learning, reasoning, problem-solving and decision-making. The project involves several different areas, including robotics, natural language processing, and machine learning [2].

- AI systems typically consist of three main components:
- perception (perception involves collecting data from the environment using sensors and processing it to extract meaningful information);
 - cognitive functions (cognitive functions are the ability of AI systems to understand, reason and make decisions based on available data);
 - action (action involves translating decisions into physical or virtual actions)

Twee.com is an innovative AI-powered platform designed specifically to empower English teachers. It uses Natural Language Processing (NLP) to streamline lesson planning and content creation. It generates engaging lesson materials such as essays, video scripts, creative writing instructions and vocabulary exercises, all tailored to your needs. The user

is asked to specify the subject and level of the student, and Twee uses AI to create relevant content [1].

Key features and benefits

- Content creation: Generate text formats such as essays, worksheets, quizzes, discussion questions and video transcripts, all tailored to your needs.
- Content for all subjects: Create dialogues, stories, articles (and more) on any subject and for all levels (beginner, advanced).
- Engaging discussions: Find interesting discussion questions, facts and quotes related to your chosen topic to enrich your lesson plans.
- Vocabulary enhancement: Think about the vocabulary relevant to your topic and create engaging exercises to complete and open in square brackets.

The “Twee” tool is involved in the group of so-called “Content creation tools”. *AI tools for lesson design and content creation* are tools that help teachers develop teaching materi-

als and curricula (although these materials may need revision by teachers). Twee is one of such artificial intelligence tools, that are specifically designed to help teachers easily develop activities for their classrooms. One of its functions is to create questions and activities on any topic and for any level [3].

The tools in this category serve as a valuable aid for English as a Foreign Language teachers by facilitating the process of creating engaging and effective learning materials. These innovative tools offer a range of features and functions that enable teachers to improve their teaching practice and meet the diverse needs of their students.

One of the ways in which AI-powered lesson design tools help teachers is by automating the development of language-specific learning tasks and exercises. On this side, Twee is an artificial intelligence tool designed to help teachers effortlessly create engaging lessons for groups of learners. A number of tools that this platform offers are reflected below [6] (fig. 1).

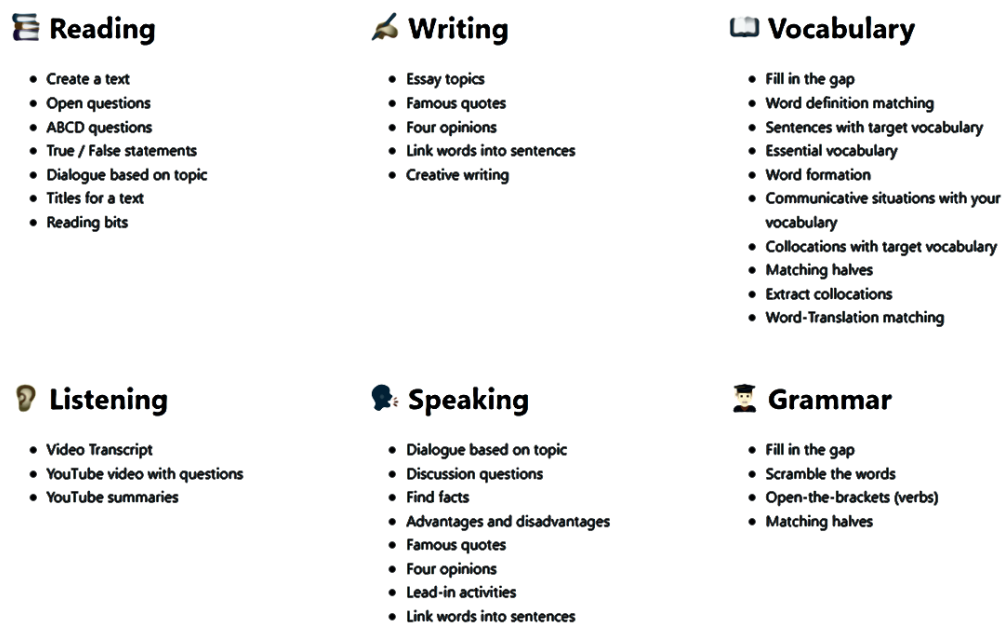

Fig. 1. The range of tools of AI-driven Twee

Developing writing skills involves mastering spelling and performing training (language) exercises in written form. Written foreign language teaching is a combination of speech, reading and listening exercises. The feature of training all the types of speech activities is essential when learning a foreign language. Methodologists emphasize the following stages of learning: spelling training exercises and writing. In order to fulfil the aims successfully, FL teachers should make up unique and various exercises to maintain the motivation level of students.

Considering the aspects of teaching writing skills at any stage of education, which are particularly difficult in school practice: work on writing technique (in other words, the formation of calligraphic, graphic and orthographic skills) and the development of the ability to convey semantic information using the graphic code of the learnt language [5].

Formation of writing technique begins with learning graphics, calligraphy and orthography. Graphic skills consist in mastering the basic graphical properties of a language, lettering, diacritical marks characteristic of a particular foreign language. Calligraphy is a beautiful and clear lettering of letter combinations in a separate and coherent written statement. Orthographic skills imply mastering the system or ways of writing words adopted in a foreign language.

The next task in the formation of writing skills is learning to convey semantic information with the help of lexical

units of the learnt language. Gradually, the level of difficulty increases – pupils start with short answers and move on to more complete texts rich in lexical turns and grammatical constructions [8].

To develop writing skills, the Twee neural network offers the following task options.

1. Essay topics list. The tool offers a variety of titles that could be used when writing an essay so that raising different issues on the one topic.
2. Quotations. “Twee” displays a definite number of quotes of famous people and the students of EFL can comment on them in written form.
3. Opinions. One more function to get the understanding of a perfect essay structure. The function can be used to generate 4 opinions on one of the given issues, which is useful for argumentation.
4. Active vocabulary exercises. This very function makes up a sentence or two using the given list of new lexical units.
5. Active vocabulary texts. The last but not least, the function of generating the text makes it possible to widen the speech units [6].

Conclusion

With the development of technology and machine learning, the field of education has been enriched with many ways of facilitating foreign language learning. Besides strengthening

the position of multimedia learning tools in education in general, neural networks have also found their niche.

Thanks to machine learning, teachers have a number of tools in their arsenal, both to automate the checking of completed work and to create an entire teaching session. Artificial intelligence platforms are a boon to the development of all English-speaking skills. Being one of the most common neural network-based tools, the Twee platform demonstrates the prevalence of positive aspects over the negative ones. Having considered the full functionality of this tool, it can be concluded that the formation and development of reading skills based on Twee is rational and effective.

Литература

1. Campesato, O. Artificial Intelligence, Machine Learning, and Deep Learning. – 1st. – Herndon: Mercury Learning and Information, 2020. – 300 p.
2. EdTech наступает: сможет ли искусственный интеллект изменить образование. –29.11.2017 II ИТМО. – URL: <https://news.itmo.ru/education/trend/news/71371>
3. Evstigneev, M.N. (2023). Twee neural network as a new tool for English language teacher. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. = Tambov University Review. Series: Humanities, vol. 28, no. 6, pp. 1428–1442.
4. Sridhar, G.S. Artificial Intelligence: The Future Way of Technology. – 1st. – Auroville: Independently published, 2018. – 84 p.
5. Thet, H., & Htay, H. (2021). The Effectiveness of AI Writing Tools on Developing EFL University Students' Academic Writing Skills. Journal of NELTA, 26(1), 53–67.
6. Twee – Tweak your lessons with the power of AI. (n.d.). <https://twee.com/>
7. Газанова, Н.Ш. Методы искусственного интеллекта: учебно-методическое пособие / Н.Ш. Газанова, С.Н. Никольский. – Москва: РТУ МИРЭА, 2023. – 102 с.
8. Маслыко, Е.А. Настольная книга преподавателя иностранного языка: справочное пособие / Е.А. Маслыко, П.К. Бабинская, А.Ф. Будько и др. – 7-е изд., стереот. – Мн.: Вышэйшая школа, 2001. – 522 с.

EXPLORING THE ROLE OF AI-DRIVEN “TWEET” IN FOSTERING CREATIVE WRITING SKILLS IN THE ENGLISH CLASSROOM

Fonova E.G., Vassilieva V.O.

Immanuel Kant Baltic Federal University, National Research Moscow State University of Civil Engineering

Artificial intelligence is already widely used in foreign language learning. For example, in the early stages of learning, if lower-grade students want to understand the meaning of a word, they can only look it up in the dictionary. Now, with the help of artificial intelligence tools, they can quickly understand the meaning of the corresponding word.

However, the impact of current artificial intelligence on foreign language subjects and foreign language teaching is limited, and will not have a fundamental impact on subjects such as linguistics. Its strength lies in its ability to infer based on existing knowledge, rather than its ability to create knowledge.

Therefore, in teaching practice, using artificial intelligence means assisting learning. Nowadays, a huge range of different AI-driven tools and platforms with several applications are available for the teachers of English as a foreign language. Now the ability of machines in this regard benefits on saving a lot of time, energy and sometimes even economic costs. One of the most common tools is “Twee”.

Keywords: artificial intelligence, writing skills, EFL.

References

1. Campesato, O. Artificial Intelligence, Machine Learning, and Deep Learning. – 1st. – Herndon: Mercury Learning and Information, 2020. – 300 p.
2. EdTech is Coming: Can Artificial Intelligence Change Education. –29.11.2017 II ИТМО. – URL: <https://news.itmo.ru/education/trend/news/71371>
3. Evstigneev, M.N. (2023). Twee neural network as a new tool for English language teacher. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. = Tambov University Review. Series: Humanities, vol. 28, no. 6, pp. 1428–1442.
4. Sridhar, G.S. Artificial Intelligence: The Future Way of Technology. – 1st. – Auroville: Independently published, 2018. – 84 p.
5. Thet, H., & Htay, H. (2021). The Effectiveness of AI Writing Tools on Developing EFL University Students' Academic Writing Skills. Journal of NELTA, 26(1), 53–67.
6. Twee – Tweak your lessons with the power of AI. (n.d.). <https://twee.com/>
7. Gazanova, N. Sh. Methods of intellectual intellect: учебно-методическое пособие / N. Sh. Gazanova, S.N. Никольский. – Moscow: RTU MIRÉA, 2023. – 102 s.
8. Maslyko, E.A. Table book of a foreign language teacher: справочное пособие / E.A. Maslyko, P.K. Babinskaya, A.F. Bud'ko et al. – 7th ed., stereot. – Мн.: Higher school, 2001–522 s.

Профессиональная коммуникация на русском языке иностранных магистрантов, обучающихся по направлению «управление проектами в строительстве»: проблемы и пути их решения

Черкашина Елена Леонидовна,

кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева; доцент кафедры русского языка и общетеоретических дисциплин, доцент кафедры «Русский язык как иностранный», Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
E-mail: bazilik@mail.ru

Али Лин,

аспирант кафедры «Технологии и организации строительного производства», Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ)
E-mail: lien.alaa9755@gmail.com

В статье говорится о проблемах профессиональной коммуникации в процессе освоения русского языка иностранными магистрантами по направлению подготовки «Управление проектами в строительстве». Отмечены особенности языковых групп негуманитарных вузов. Анализируются факторы, влияющие на уровень профессиональной компетенции, такие как недостаточный лексический запас, необходимый для освоения специальности, нехватка опыта работы с учебно-научным русскоязычным текстом (чтение и написание научных работ), сложные речевые обороты и высокий темп речи преподавателя во время чтения лекций. Предложены пути решения проблем и рекомендации для минимизации данных факторов, заключающиеся в разработке системы упражнений, направленных на формирование языковой компетенции в профессиональной сфере и в необходимости создания условий для изучения русского языка в рамках одной специальности.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, языковая компетенция, научный стиль речи, языковые упражнения, коммуникативная компетенция, иностранные магистранты.

Введение

В условиях растущей глобализации и интеграции профессиональных компетенций проблемы эффективной коммуникации на русском языке становятся все более значимыми для иностранных магистрантов, обучающихся по направлению «Управление проектами в строительстве». Многие иностранные магистранты сталкиваются с серьезными трудностями при формировании языковой компетенции в профессиональной сфере. Недостаток практических навыков, необходимых для эффективной коммуникации в профессиональной среде может значительно повлиять на академические успехи и будущую профессию иностранных магистрантов. На формирование языковой компетенции иностранных магистрантов, обучающихся по направлению «Управление проектами в строительстве» влияют факторы, заключающиеся в недостаточном запасе лексики и терминологии, в дефиците чтения и написания научно-исследовательских работ на русском языке, в сложности речевых оборотов научной информации и в скорости ее произнесения носителями русского языка. Чтобы помочь иностранным магистрантам преодолеть эти трудности и эффективно интегрироваться в академические и профессиональные сообщества, авторами статьи предложены различные решения проблем профессиональной коммуникации на русском языке магистрантов, обучающихся по направлению «Управление проектами в строительстве».

Актуальность данной темы обусловлена дефицитом материально-технической базы и программ, адаптированных для обучения языковой компетенции в области данной специальности. Исследование проблем и выработка рекомендаций на основе анализа существующих трудностей позволит не только улучшить качество образования иностранных студентов, но и повысить их конкурентоспособность на рынке труда.

Результаты и обсуждение

Основной языковой проблемой, возникающей у иностранных магистрантов, является проблема профессиональной коммуникации на русском языке. Эта проблема обусловлена следующими факторами:

- 1) слабое владение лексикой и терминологией изучаемой специальности на русском языке;
- 2) нехватка опыта написания лекций по специальности на русском языке;
- 3) дефицит опыта чтения учебно-научных текстов по профессиональной тематике;
- 4) использование в речи преподавателями-специалистами трудных для иностранцев лексико-грамматических конструкций, насыщенных синтаксических и фразеологических оборотов; [1, с. 66]
- 5) быстрый темп речи преподавателя-предметника, что снижает концентрацию внимания и, вместе с тем, количество усвоенного материала.

Первые 3 фактора связаны с тем, что в условиях многопрофильного вуза, каким являются многие негумани-

тарные университеты, изучение русского языка проходит в объединенных по разным специальностям группам, где нет возможности разделить студентов по их специальностям. Дело в том, что зачастую в одной языковой группе технического вуза учатся иностранные студенты разных профилей и направлений подготовки. Исключения составляют лишь случайные совпадения, когда магистранты имеют идентичное направление и профиль подготовки. Разделить языковую группу для изучения русского языка на материале одной специальности не представляется возможным, поскольку, как правило, обучающихся по идентичным направлениям в группе оказывается не более, чем три или четыре человека, а по правилам многих университетов в языковой группе должно быть не менее 12 человек. Поэтому изучение русского языка строится на материале разных строительных специальностей, что не всегда является эффективным для иностранных обучающихся.

Последние 2 фактора связаны с тем, что иностранцы, как правило, обучаются в русскоязычной среде вместе с российскими студентами, где последних большинство. Ориентируясь на русскоязычный контингент, преподаватель излагает учебный материал в быстром темпе и намерено обогащает свою речь не только научной терминологией, но и специальными синтаксическими приемами, фразеологическими оборотами. Насыщенная речевыми клише и фразеологическими оборотами речь привлекает российских обучающихся, но является недоступной для понимания иностранцами.

Для формирования коммуникативной компетенции магистрантам необходимо минимизировать указанные выше факторы, что поможет снизить и частично решить проблемы профессиональной коммуникации. Предлагаем следующие пути решения проблем профессиональной коммуникации.

1. Объединение студентов одной специальности для изучения русского языка в профессиональной сфере.

Иностранные магистранты нуждаются в изучении русского языка на материале текстов, связанных со специальностью, которую они изучают. Объединение студентов по их направлению подготовки для обучения русскому языку в профессиональной сфере создает уникальную образовательную среду, способствующую их академическому и профессиональному росту. Поэтому в вузах необходимо организовывать специальные курсы, факультативы или дополнительные занятия по русскому языку для магистрантов, обучающихся по различным специальностям. Факультативы позволяют студентам не только овладеть русским языком в профессиональных целях, но и применять полученные знания на практике, что значительно ускорит процесс усвоения научной и профессиональной лексики и формирование навыков коммуникации для успешной учебной и научной деятельности и в будущей карьере.

2. Создание эффективных языковых и речевых упражнений на понимание аутентичного текста с целью освоения лексики и терминологии.

На уроках русского языка большое место должно отводиться изучению и освоению лексики и терминологии в рамках языка изучаемой специальности [2, с. 123]. Различные языковые упражнения (поиск антонимов, синонимов, составление словосочетаний, образование отглагольных существительных и существительных от прилагательных и т.д.) необходимы в освоении лексики данной специальности. Чтение аутентичного текста по изучаемой специальности и составленные преподавателем послетекстовые упражнения помогают студентам понять его содержание и подготовиться

к беседе по теме урока. Так, для урока по теме «Команда управления строительными проектами» использован текст, в котором находятся сведения о всех участниках проекта и их функциях. После чтения текста студент может самостоятельно распределить между участниками строительства их цели и функции, используя отглагольные существительные:

Пример задания. *Распределите виды обязанностей и функций между участниками строительства*

- *заказывает и финансирует проект;*
- *наблюдает за повседневными операциями на строительной площадке и обеспечивает ресурсы проекта;*
- *общается с владельцем проекта и наблюдает за проектом;*
- *контролирует работы субподрядчиков;*
- *оценивает и согласовывает стоимость проекта.*

3. Знакомство с технологиями работы с научным текстом, с приемами сжатия текста, реферирования и аннотирования текстов.

Для формирования навыков понимания научного текста необходимо познакомить магистрантов с лексико-грамматическими конструкциями научного стиля речи, обозначающими методы описания научного понятия.

Пример задания. *Найдите в тексте предложения с конструкциями:*

1) *определения ЧТО – ЭТО ЧТО, ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ ЧЕМ, ПОД ЧЕМ ПОНИМАЕТСЯ ЧТО;*

2) *классификации, принадлежности классу ЧТО БЫВАЮТ ЧЕМ, ЧТО КЛАССИФИЦИРУЮТ КАК.*

Умения и навыки передачи информации по специальности в устной и письменной формах в сжатой форме входят в перечень учебно-профессиональных задач обучения русскому языку как иностранному в специальных целях [3, с. 199]. Объяснение видов реферата и знакомство с речевыми конструкциями для составления реферата позволит оптимизировать и ускорить процесс обучения сжатию текста и будет способствовать успешному написанию научных работ.

4. Разработка упражнений на аудирование.

Важную роль в формировании коммуникативной компетенции в профессиональной сфере играют задания на аудирование. Преподаватель русского языка читает текст в том же темпе, в каком специалист читает лекцию. Из прослушанного текста предлагается выполнить задание:

Пример задания. *Выберите правильные ответы:*

1. *Задача команды проекта.*

А. *Нанять внешних исполнителей проекта.*

Б. *Консультироваться с внутренними исполнителями проекта.*

В. *Выполнить все намеченные цели.*

2. *Группа менеджеров или совет директоров —*

А. *участники проекта*

Б. *заказчики*

В. *исполнители [4].*

5. Знакомство с фразеологическими оборотами и синтаксическими клише для понимания научных текстов.

Демонстрация фразеологизмов, внедряемых в научную речь преподавателя, способствует мотивации к изучению русского языка и делает учебный процесс более динамичным и интерактивным. Объяснение значений

и введение в речь фразеологизмов *крепкое звено в цепи, встать на ноги, плыть по течению, показать всем желаемое* и др., позволит иностранным магистрантам лучше понять, как использовать эти выражения в контексте их учебной и научной деятельности.

Внедряя такие речевые обороты, как *в результате, при условии, в связи с, с точки зрения* и др., которые часто употребляются в учебно-профессиональной сфере, поможет студентам научиться строить сложные предложения, что является важным аспектом академического языка. Упражнения по перефразированию, где студенты должны использовать различные синтаксические конструкции для передачи одной и той же мысли (простые предложения в сложные и наоборот с изменением порядка слов), позволит лучше освоить научную речь и сформировать коммуникативные навыки в профессиональной сфере.

6. Создание коммуникативных упражнений на развитие речевых навыков.

Коммуникативные упражнения играют важную роль в процессе обучения, в области профессионального общения. Коммуникативные упражнения – это вид творческих упражнений, обеспечивающих формирование речевых умений и наиболее высокий уровень практического владения языком [5]. Коммуникативные упражнения направлены на практическое использование языка и учат студентов применять новую лексику и грамматику в реальных ситуациях.

Примеры заданий.

- *Ваш собеседник не знает, почему управление проектами – это очень важная область деятельности в строительстве. Объясните ему её важность, отметив:*
 - o *Что учитывается в управлении проектами?*
 - o *Какие параметры строительства?*
 - o *Какие гарантии дает качество управления проектами?*
- *Расскажите, кто может управлять строительным процессом? Кратко расскажите о том, в чем заключается функции каждого участника строительства? Скажите, имеют ли участники общие цели и задачи? Если да, то какие?*

Заключение

Итак, проблемы профессиональной коммуникации магистрантов по специальности «Управление проектами в строительстве» оказывают значительное влияние на их успешность как в учебном процессе, так и в будущей профессиональной деятельности. Необходимость эффективного взаимодействия и принятия решений в команде требует от магистрантов не только владения специализированными знаниями, но и высоких языковых и коммуникативных навыков.

Для успешного решения проблем профессиональной коммуникации, связанных с такими факторами, как маленький запас специальной лексики, нехватка навыков чтения и письма учебно-научных текстов, употребление носителями языка сложных речевых оборотов и высокий темп речи, мы предлагаем следующие пути и рекомендации:

Во-первых, объединение в одну группу студентов одной специальности для изучения русского языка в профессиональной сфере.

Во-вторых, создание эффективных упражнений для освоения лексики и терминологии.

В-третьих, знакомство с технологиями работы с научным текстом, с приемами сжатия и реферирования текстов.

В-четвертых, разработка упражнений на аудирование.

В-пятых, знакомство с фразеологическими оборотами и синтаксическими клише для понимания научных текстов.

В-шестых, создание коммуникативных упражнений на развитие речевых навыков.

Данные пути решения смогут помочь магистрантам в ускоренные сроки овладеть необходимой лексикой и терминологией в рамках одной специальности, понять структуру текста и развить у них навыки, необходимые для коммуникации в профессиональной сфере.

Литература

1. Попов А.С., Прохоров А.В., Хуровили И.Н. Проблемы обучения иностранных граждан в техническом университете на неродном для них языке // Научный вестник МГТУ ГА. 2005. № 94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obucheniya-inostrannyh-grazhdan-v-tehnicheskom-universitete-na-nerodnom-dlya-nih-yazyke> (дата обращения: 08.05.2023).
2. Черкашина Е.Л., Пономарева О.В. О методах освоения лексики и терминологии при обучении языку специальности на уроках русского языка (на примере специальности «управление проектами в строительстве») // Современное педагогическое образование. 2023. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodah-osvoeniya-leksiki-i-terminologii-pri-obuchenii-yazyku-spetsialnosti-na-urokah-russkogo-yazyka-na-primere-spetsialnosti> (дата обращения: 29.11.2024).
3. Черкашина Е.Л., Пономарева О.В. О технологиях обучения реферированию учебно-научного текста иностранных магистрантов архитектурно-инженерного профиля (средний и продвинутый этапы обучения русскому языку) // Современное педагогическое образование. 2023. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tehnologiyah-obucheniya-referirovaniyu-uchebno-nauchnogo-teksta-inostrannyh-magistrantov-arhitekturno-inzhenernogo-profilya> (дата обращения: 01.12.2024).
4. Кухновец П. Руководство по управлению проектами в строительстве: от основ к примерам и инструментам. [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.ganttpro.com/ru/upravlenie-proektami-v-stroitelstve-instrumenty/#komanda-upravleniya-stroitelnyimi-proektami> (дата обращения: 8.05.2023)
5. Фетисова Е.К. Коммуникативные упражнения на уроках русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialy/kommunikativnye-uprajneniya-na-uroka/> (дата обращения: 8.12.2024).

PROFESSIONAL COMMUNICATION IN RUSSIAN FOR FOREIGN UNDERGRADUATES STUDYING PROJECT MANAGEMENT IN CONSTRUCTION: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Cherkashina E.L., Ali Leen

Russian State Agrarian University, Bauman Moscow State Technical University, National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article talks about the problems of professional communication in the process of mastering the Russian language by foreign undergraduates in the field of training "Project Management in construction". The peculiarities of the language groups of non-humanitarian universities are noted. The factors influencing the level of professional competence are analyzed, such as insufficient vocabulary for mastering the specialty, lack of working skills with educational and scientific Russian-language text (reading and writing scientific pa-

pers), as well as speech patterns used by the teacher, aimed at Russian students and inaccessible to undergraduates, the high rate of speech of the teacher during lectures. The ways of solving problems and recommendations for minimizing these factors are proposed, which consist in developing a system of exercises aimed at forming language competence in the professional field and the need to create conditions for learning Russian within the framework of one specialty.

Keywords: professional communication, language competence, scientific style of speech, language exercises, communicative competence, foreign undergraduates.

References

1. Popov A.S., Prokhorov A.V., Khuroshvili I.N. Problems of teaching foreign citizens at a technical university in a language that is not their native language // Scientific Bulletin of Moscow State Technical University of Civil Aviation. 2005. No. 94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-obucheniya-inostrannyh-grazhdan-v-tehnicheskoy-universitete-na-nerodnom-dlya-nih-yazyke> (date of access: 08.05.2023).
2. Cherkashina E.L., Ponomareva O.V. On the methods of mastering vocabulary and terminology in teaching the language of the specialty in Russian language lessons (on the example of the specialty "project management in construction") // Modern pedagogical education. 2023. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-metodah-osvoeniya-leksiki-i-terminologii-pri-obuchanii-yazyku-spetsialnosti-na-urokah-russkogo-yazyka-na-primere-spetsialnosti> (date of access: 29.11.2024).
3. Cherkashina E.L., Ponomareva O.V. On technologies of teaching abstracting of educational and scientific text to foreign master's students of architectural and engineering profile (intermediate and advanced stages of teaching Russian language) // Modern pedagogical education. 2023. No. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-tehnologiyah-obucheniya-referirovaniyu-uchebno-nauchnogo-teksta-inostrannyh-magistrantov-arhitekturno-inzhenerenogo-profilya> (date of access: 01.12.2024).
4. Kukhnovets P. Guide to project management in construction: from basics to examples and tools. [Electronic resource]. URL: <https://blog.ganttpro.com/ru/upravlenie-proektami-v-stroitelstve-instrumenty/#komanda-upravleniya-stroitelnyimi-proektami> (date of access: 08.05.2023)
5. Fetisova E.K. Communicative exercises in Russian language lessons. [Electronic resource]. URL: <https://solncesvet.ru/opublikovannyye-materialyi/kommunikativnye-uprajneniya-na-uroka/> (date of access: 12/8/2024).

Шкарин Владимир Вячеславович,

д.м.н., профессор, заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения Института непрерывного медико-фармацевтического образования ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Минздрава России, ректор
E-mail: post@volgmed.ru

Доника Алена Дмитриевна,

к.м.н., д.с.н., профессор, заведующий кафедрой медицины катастроф Института общественного здоровья ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: addonika@yandex.ru

Ковалева Марина Дмитриевна,

к.м.н., д.с.н., профессор, профессор кафедры гигиены с экологией Института общественного здоровья ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: mdkovaleva@volgmed.ru

Изучение отношения социальной группы молодежи к институту семьи инициировано с одной стороны негативными демографическими тенденциями, с другой – проблемой укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей в России. Семейные ценности занимают важное значение в структуре нравственной культуры врача, определяя особенности социально-психологических компетенций, обусловленных позицией профессиональной группы в социуме. В статье представлены материалы социологического исследования семейных ценностных установок в общей структуре нравственной культуры будущего врача. Согласно полученным данным информанты отметили сложность обучения в медицинском вузе, высокую занятость и погруженность в учебный процесс. В связи с этим браки на младших курсах медицинского вуза носят скорее характер исключения, чем осмысленного решения. Наиболее благоприятным временем создания семьи информанты отметили предпоследний-последний курсы обучения. Отмечено, что значимое влияние на создание студенческой семьи имеет материальный фактор: информанты, состоящие в браке, отметили, что это решение было не в последнюю очередь обусловлено финансовой поддержкой родителей. Таким образом, основными барьерами к созданию семей и рождению детей студенты считают финансовые трудности их обеспечения. В то же время, студенты ориентированы на поддержку государства, что позволяет позитивно оценить реализацию национальных проектов в рассматриваемом поле.

Ключевые слова: институт семьи, студенты медицинского вуза, ожидания, семейные ценности.

Наблюдаемая в последние десятилетия вестернизация национальной культуры привела к угрозе утраты российских ментальных ценностей, среди которых семейные ценности имеют инвариантное значение для самого этноса и непосредственно влияют на демографические тенденции в стране [1, 2, 3]. Увлечение социальной модой «чаелд фри», утилитаристские мотивации во всех сферах социальной жизни сформировали своеобразный пласт антикультуры российской молодежи [4, 5, 6]. В то же время рост численности населения старших возрастных групп приводит к росту численности россиян старше трудоспособного возраста в общенациональной выборке, снижая трудовой, экономический, творческий и оборонный потенциал страны. Наблюдаемый демографический феномен постарения нации создает определенные риски национальной безопасности и обуславливают приоритетные направления государственной политики, формализованные в Национальных проектах «Демография», «Здравоохранение» [7]. Таким образом, междисциплинарные исследования в рассматриваемом поле приобретают особую актуальность и практическую востребованность. В то же время наиболее социально активная молодежь интегрируется в профессиональные группы, в структуре социально-психологических компетенций которых формируются имманентные моральные конструкты, в том числе определяющие отношение к семье [8].

Цель работы – определить место семейных ценностных установок в общей структуре нравственной культуры будущего врача.

Материалы и методы

Эмпирическую базу работы составили результаты качественных и количественных социологических исследований. В социологическом онлайн опросе приняли участие студенты Волгоградского государственного медицинского университета, состоящие в браке (N = 214). Структура группы исследования комплементарна данным о числе студенческих семей по специальностям/направлениям подготовки в вузе по состоянию на 01.01.2024. Проведены 2 фокус-группы и глубинные интервью со студентами выпускных курсов и ординаторами первого года обучения.

Были соблюдены требования к формированию репрезентативных социологических выборок, а также норм конфиденциальности и защиты персональных данных респондентов. Математическая обработка данных проводилась с помощью пакета прикладных программ Excel for Windows Statistica 20.0.

Результаты

Согласно данным опроса, большинство респондентов (57,8%) вступали в брак в период не ранее, чем с 5 курса по 1 год ординатуры. Создание семей на младших курсах носит спорадический характер (рис. 1).

Время появления детей в семьях обучающихся носит аналогичный характер. В каждой третьей семье дети появились на 1-м году ординатуры. В то же время обращает внимание, что согласно 23,3% ответов появление детей совпадает с младшими курсами обучения, в наиболее сложный и напряженный период обретения тео-

реческих знаний, и, следовательно, требует мероприятий поддержки молодым семьям.

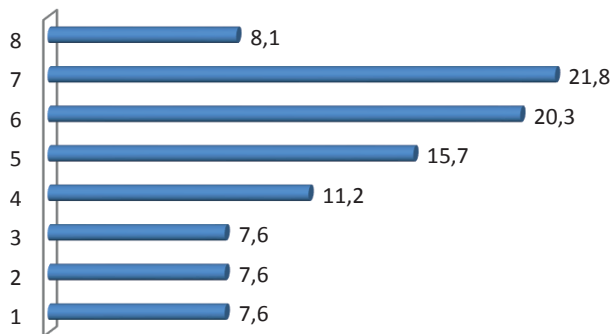

Рис. 1. Время создания семьи обучающимися в ВолгМУ в зависимости от периода обучения: по оси ординат: варианты ответов – 1 – на 1-м курсе; 2 – на 2-м курсе; 3 – на 3-м курсе; 4 – на 4-м курсе; 5 – на 5-м курсе; 6 – на 6-м курсе; 7 – на 1-м году ординатуры; 8 – на 2-м году ординатуры; по оси абсцисс: число респондентов в процентах варианты ответов

Для содержания семьи практически всем (одному или обоим супругам) приходится работать (рис. 2).

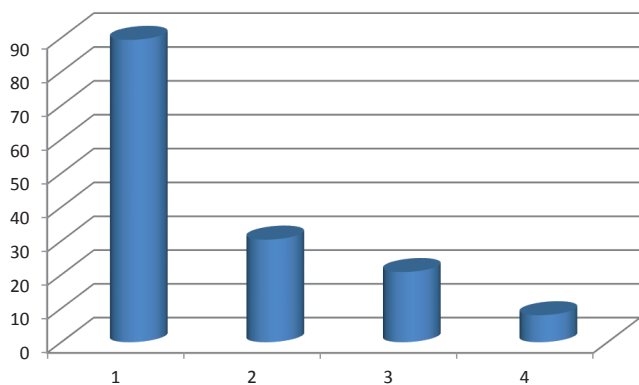

Рис. 2. Источники дохода в семье обучающихся: по оси ординат: число респондентов в процентах варианты ответов; по оси абсцисс: варианты ответов – 1 – работает один/оба в молодой семье (сами зарабатываем), 2 – родители поддерживают; 3 – есть кредитная история, 4 – другое

Третью часть семей финансово поддерживают родители. Почти половина имеют кредитную историю. В варианте «другое» респонденты отметили алименты, работу на фри-лансе и т.п. без статистически значимых отличий (по 0,5%). Варианты «другое» также содержали неудовлетворенность уровня стипендии в вузе («нищенская стипендия в вузе»).

Вопрос занятости детей в семьях обучающихся в 80,2% случаев решается поддержкой родственников. Примерно в трети семей дети (28,5%) устроены в детские учреждения. Позволить себе няню могут единицы респондентов. Варианты «другое» включали: академический отпуск, помощь второго супруга (не обучающегося), без статистически значимых отличий (по 1,5–0,5%). Анализ материалов фокус-групп подтверждает, что именно отсутствие форонней помощи останавливает появление детей в семье: «поэтому пока и нет детей», «для няни нет возможности», «не хотим, чтобы с ребенком сидел чужой человек», «пропускаем занятия...».

Обеспечены собственным жильем практически половина рассматриваемых семей, многие указали, что квартира приобретена родителями. При этом каждая третья семья вынуждена оплачивать съемное жилье. Проживают в общежитии вуза единицы семей. Во время фокус-группы информанты отмечали сложности в этом

аспекте: «живем практически на улице, ночуем у родителей...».

В вопросе определения наиболее оптимального момента для рождения детей мнения респондентов разошлись на примерно равные группы: после получения диплома (36,7%), после приобретения своего жилья (36,7%), после трудоустройства по окончании вуза (45,3%).

Согласно полученным данным определен рейтинг наиболее эффективных по мнению респондентов материальных мер поддержки, где долгосрочные меры (ежемесячные доплаты) в приоритете (первые позиции в рейтинге): ежемесячная поддержка (в размере повышенной стипендии) при вступлении в брак (отметили 63,3% респондентов); ежемесячная поддержка (в размере повышенной стипендии) семье с ребенком одному супругу (59,9%) На втором месте (отметили 32,4–35,7% респондентов): единовременная выплата при рождении ребенка (в размере 3–4х стипендий); компенсация оплаты обучения в ординатуре (49,5%) с одним ребенком (48,7%).

На третьем месте (отметили 18,4–21,2% респондентов): бесплатные подарки и посещение мероприятий детям на Новый год; единовременная выплата одному супругу на День семьи (в размере 3-х стипендий); единовременная выплата при вступлении в брак (в размере 3–4-х стипендий); льготы при оплате обучения семье с одним ребенком (50%); полная компенсация оплаты обучения семье с двумя и более детьми; полная компенсация оплаты обучения семье с двумя и более детьми.

Досуговые меры поддержки оценены по максимальной шкале не более, чем в половине ответов. Наименее значимо респонденты оценили проведение дискуссионных площадок и мастер-классов по организации финансов молодой семьи, решению конфликтных ситуаций, воспитанию детей, бесплатные билеты на развлекательные мероприятия (отметили не более 12–15%).

В ходе глубинных интервью информантам была предоставлена возможность добавить свои варианты мер поддержки. Предложения в основном дублируют уже предложенные к обсуждению меры и/или носят эмоциональный характер: возмещение трат на транспортные расходы; «ничего не могу посоветовать»; единая разовая выплата 10–15 тысяч рублей; внеочередное место в детский сад, профсоюзные билеты (мероприятия, пансионаты «скидка хотя бы»), детский оздоровительный лагерь и т.д.; единовременная выплата по заключению брака; дополнительные ежемесячные выплаты в размере 4–5 стипендий; лояльное отношение преподавателей к семьям с детьми; психологическая поддержка семей с детьми, учащихся матерей; «не агрессивно настроенный деканат»; «поддержка молодой семьи, которая учится на коммерческой основе, а не только на бюджете»; «мы очень хотим ребенка, но рожать на съемном жилье, откуда нас могут выселить или поднять цену в любой момент – нет желания. Пытаемся копить на свое, но 1.5 млн на первоначальный взнос по ипотеке – непосильная сумма»; «помощь в устройстве в детский сад, финансовая помощь, билеты в театр, мастер-классы (для детей разного возраста), бесплатные кружки для детей»; «Трудно из-за того, что полностью содержанием себя сами, т.е. приходится работать вдвоём. Было бы приятно получать ежемесячно поддержку в виде стипендии. Всё очень дорого стоит, и надеяться на одну стипендию глупо. Но если зарабатывать и получать какие-то бонусы (стипендию) от государства было бы приятно»; «Повышенная стипендия. Льготы при поступлении в ординатуру, если супруг ветеран»; «возможность упрощенной формы отработок пропущенных занятий»; «вернуть мужей с войны. Детей не в капусте находят»; «ежемесячные выплаты

на питание для ребенка»; льготы по ипотеке (6%); пониженная кредитная ставка при приобретении жилья; засчитывать период беременности и декретного отпуска в счёт прохождения целевого обучения.

Представляют практический интерес предлагаемые студентами-выпускниками проекты по поддержке молодой семьи обучающихся, наиболее практически востребованными из которых представляются предложения по созданию «Паспорта молодой семьи», который по мнению информантов аналогично «Паспорту многодетной семьи» будет выдаваться при вступлении в брак в первый раз и/или до определённого возраста супругов и позволит обеспечивать комплекс мер поддержки с предложением различных социальных льгот: низкий процент по ипотеке, скидки на авиа – и ж/д-билеты, скидки на посещение культурных мест и отдыха, скидки на оплату обучения, пособие, поддержка при начале трудовой деятельности, субсидии на открытие семейного бизнеса и т.п. Это, по мнению информантов, «сможет простимулировать молодых людей создавать семьи, помочь решить медицинскую проблему позднего рождения детей (после 24 лет)».

Предлагаемые респондентами меры поддержки молодой семьи с детьми в основном носят аналогичный характер. В то же время заслуживает внимание ряд предложений респондентов: оборудование комнаты матери и ребёнка на территории учреждения; оборудование комнаты временного пребывания ребёнка («типа игровой комнаты») и («возможность нахождения ребёнка в университете (мне часто приходится брать дочку с собой и, конечно, сидеть со мной столько времени ей тяжело); «Предлагаю сделать что-то вроде детской комнаты с работником»; освобождение от срочной службы и мобилизации родителей даже в семьях с одним ребёнком – «российские дети должны расти в полноценных семьях, где все родители живы и здоровы»; создание «Карты российского ребёнка» (по образу «Пушкинской карты») на каждого ребёнка от 0 до 16 лет, имеющего российское гражданство, которая будет давать возможность «приобретать только средства первой необходимости: сначала памперсы, детские смеси, игрушки, посуду, мебель, затем школьные принадлежности, форму»; увеличить выплаты матерям в декретном отпуске, либо «вернуть систему ясельных групп для грудничков младше года».

Обсуждение

Анализ результатов, полученных в ходе проведения фокус-групп и глубинных интервью, позволяет определить следующие тенденции в рассматриваемом проблемном поле.

1. Все информанты отметили сложность обучения в медицинском вузе, высокую занятость и погруженность в учебный процесс. В связи с этим браки на младших курсах носят скорее характер исключения, чем осмысленного решения. Наиболее благоприятным временем создания семьи информанты отметили предпоследний-последний курсы обучения.

2. На создание семьи имеет значимое влияние материальный фактор. Информанты, состоящие в браке отметили, что это решение было не в последнюю очередь обусловлено финансовой поддержкой родителей.

3. Большинство состоящих в браке информантов обеспечены отдельной жилой площадью за счет финансовых средств родителей (80,2%).

4. Все информанты отметили, что рождение детей в период обучения скорее результат сложившихся условий, чем запланированное событие. Главным аргумен-

том является сложность обучения и отсутствие должного внимания детям, что на их взгляд, недопустимо. Наиболее благоприятным периодом по мнению информантов является первый год ординатуры с возможностью взять академический отпуск после поступления (чтобы определиться с профессиональным полем) и получить 2 года для ухода за ребенком до начала трудовой деятельности. В то же время информанты-женщины отметили, что несмотря на опасения, связанные с поздним временем рождения первого ребенка (25–26 лет), оптимальным является рождение детей после окончательного трудоустройства (1–2 года после начала трудовой деятельности в выбранной медицинской организации).

5. Ко всем мерам материальной поддержки информанты относятся положительно, в то же время отмечают, что их решение рождения детей больше связано не с материальной поддержкой, а обусловлено беспокойством окончательного трудоустройства после окончания вуза («столько лет и сил потрачено на обучение, не хочется рисковать»; «хочется с начала определиться с работой, чтобы спокойно заниматься детьми» и т.п.).

6. Наиболее эффективными материальными мерами поддержки информанты считают компенсацию обучения в ординатуре (частичную или полную – отметили ординаторы специальностей направления «стоматология»).

Заключение

Проведенное исследование социокультурных экспектаций социальной группы молодежи на модели студентов медицинского вуза демонстрирует общие тенденции молодежной субкультуры с присутствием маркером семейной антикультуры (чаелд фри). В то же время в своем большинстве будущие врачи ориентированы на создание семей с детьми. Стартовым моментом для создания семьи у будущих врачей является период после окончания обучения и, желательно, трудоустройства. Наличие собственного жилья в трети случаев также является определяющим. К возможности взять академический отпуск отношение респондентов скептическое, т.е. студенты желают планировать появление детей в соответствии со своими убеждениями и готовности к этому событию, а не полагаться на случайности.

Основным инструментом повышения мотивации студентов к созданию семей и рождению детей является материальная поддержка молодых семей. В то же время сложность учебного процесса, полная занятость в течение дня являются серьезным препятствием к рождению детей даже в ординатуре медицинского вуза.

Основными барьерами к созданию семей и рождению детей студенты считают материальные сложности и финансовые трудности их обеспечения. Студенты ориентированы на поддержку государства, что позволяет позитивно оценить реализацию национальных проектов в рассматриваемом поле.

Литература

1. Долгова В.И., Богданова В.О. Жизненные смыслы и ценностные ориентации современной молодежи // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 6(172). С. 239–259.
2. Журавлева Л.А., Зарубина Е.В. Семейные ценности и традиции в оценках молодежи // Образование и право. 2024. № 2. С. 503–509.
3. Милованова Н.Г. Семейные ценности в представлениях современной молодежи // Вестник Нижне-

вартовского государственного университета. 2024. № 3(67). С. 77–91.

4. Рожкова Л.В., Дубина А.Ш. Семейные ценности современной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 138–142.
5. Щетинина Е.С. Представления о семье у современной молодежи // Молодой ученый. 2022. № 3(398). С. 392–395. – URL: <https://moluch.ru/archive/398/88190/> (дата обращения: 30.01.2023).
6. Семенцова К.Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 109–113.
7. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 12.01.2024).
8. Акутина С.П. Современная студенческая семья: ценностные аспекты и жизненные стратегии // Социодинамика. 2020. № 8. С. 1–13.

INSTITUTE OF FAMILY IN SOCIOCULTURAL EXPECTATIONS OF THE FUTURE DOCTORS

Shkarin V.V., Donika A.D., Kovaleva M.D.
Volgograd State Medical University

The study of the attitude of the social group of young people to the institution of the family was initiated, on the one hand, by negative demographic trends, and on the other hand, by the problem of strengthening traditional spiritual and moral values in Russia. Family values play an important role in the structure of the moral culture of a doctor, determining the features of socio-psychological competencies determined by the position of a professional group in society. The article presents the materials of a sociological study of family value attitudes in the general structure of the moral culture of a future doctor. According to the data obtained, informants noted the dif-

faculty of studying at a medical university, high employment and immersion in the educational process. In this regard, marriages in the junior years of a medical university are more likely to be an exception than a meaningful decision. Informants noted the penultimate and final years of study as the most favorable time to start a family. It is noted that the material factor has a significant impact on the creation of a student family: informants who are married noted that this decision was due not least to the financial support of their parents. Thus, students consider financial difficulties in providing for them to be the main barriers to creating families and having children. At the same time, students are focused on state support, which allows them to positively assess the implementation of national projects in the field under consideration.

Keywords: family institution, medical students, expectations, family values.

References

1. Dolgova V.I., Bogdanova V.O. Life meanings and value orientations of modern youth // Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. 2022. № 6(172). P. 239–259.
2. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V. Family values and traditions in the assessments of young people // Education and Law. 2024. № 2. P. 503–509.
3. Milovanova N.G. Family Values in the Views of Modern Youth // Bulletin of Nizhnevartovsk State University. 2024. № 3(67). P. 77–91.
4. Rozhkova L.V., Dubina A. Sh. Family Values of Modern Youth // Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. 2023. № 23(2). P. 138–142.
5. Shchetinina E.S. Views of Family among Modern Youth // Young Scientist. 2022. № 3(398). P. 392–395. (In Rus.). – URL: <https://moluch.ru/archive/398/88190/> (date of access: 30.01.2023).
6. Semenova K.R. Marital and family behavior of young people in modern Russian society: attitudes and values // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2022. № 12(4). P. 109–113.
7. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 “On approval of the Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values.” – [Electronic resource]. – (In Rus.). – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (date of access: 12.01.2024).
8. Akutina S.P. Modern student family: value aspects and life strategies // Sociodynamics. 2020. № 8. P. 1–13.

Использование постулатов восточной философии как средства мотивации студентов инженерных специальностей к изучению иностранных языков

Юденкова Ольга Валерьевна,

старший преподаватель кафедры ИЯиПК, НИУ МГСУ

E-mail: olgayudenkova@yandex.ru

В статье рассматриваются идеи и постулаты восточной философии в качестве механизма обеспечения роста мотивации студентов инженерных специальностей к изучению иностранных языков. Автором подробно описаны три философские теории, в том числе относящееся к буддизму понятие «сампаджанья», конфуцианство и теория непрерывного совершенствования Маасаки Имаи, которые могут принести двоякую пользу при изучении языков: с одной стороны, они расширят гуманитарный кругозор студентов, а с другой – послужат отличным практическим материалом для изучения иностранного языка. Автор также приводит примеры практического применения указанных теорий в университетах разных стран, в частности, в Софийском университете Святого Климента Охридского и в Техническом университете Амбато в Эквадоре. В статье приведены конкретные примеры применения постулатов восточной философии при изучении иностранных языков.

Ключевые слова: мотивация, философия образования, личностный рост, осознанность, мировоззрение, идеология.

Научно-педагогическое сообщество не только обучает, но и воспитывает подрастающее поколение, осуществляя целенаправленное воздействие на его мировоззрение и идеологию, которая будет воспринята последующими поколениями. Педагоги высшей школы не могут не участвовать в формировании надлежащего миропонимания студентами высших учебных заведений. За последние сорок лет идеология России менялась не раз: коммунистическую и социалистическую идеологию периода Советского Союза сменила прагматичная и немного циничная идеология первоначального накопления капитала начала девяностых годов двадцатого века, породившая деловые игры и внедрившая в процесс обучения иностранным языкам деловую и финансовую лексику. С течением времени государственная политика сменила направление и сфокусировалась на социальной и экологической ответственности делового мира и высшей школы: в начале 2010х годов многие вузы России стали вводить дисциплины, связанные с экологической направленностью инженерной деятельности. Сами вузы, в частности, НИУ ВШЭ и МГИМО, внедрили системы раздельного сбора мусора, запустили переработку использованных батареек, адаптировали свои помещения под нужды маломобильных обучающихся, преподавателей, работников и посетителей. В последние годы все больше внимания уделяется идеологической составляющей обучения: в школах вводятся «Разговоры о важном», проводятся церемонии поднятия государственного флага Российской Федерации. Не остался в стороне и учебный процесс: в вузах теперь преподается новая дисциплина – Основы Российской государственности (ОРГ), разработанная Министерством высшего образования и науки. Она призвана ознакомить студентов младших курсов всех вузов с российским мировоззрением, ценностями, политическим устройством страны, а также с вызовами на пути будущего развития России. Преподавание иностранных языков также сопровождается воспитанием и формированием мировоззрения студентов вузов. И если вплоть до 80х годов двадцатого века преподаватели руководствовались в своей деятельности идеями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина [1], то в 90е годы они пытались постичь реальность с помощью книг Д. Карнеги о личностном росте [2], а затем изучали труды Д. Медоуз [3], предупреждавшей о необходимости снизить темпы экономического роста в условиях ограниченных природных ресурсов. В настоящее время идеологическая основа России скорее связана с восточными, чем с западными ценностями, о чем свидетельствует даже наглядная уличная агитация (см. Рис. 1). Размещение таких цитат на уличных щитах осуществляется в рамках совместного телевизионного проекта телекомпании ВГТРК и Медиакорпорации Китая. Трансляция осуществляется тремя ресурсами: ВГТРК, телеканалом «Большая Азия» и сайтом «Российской газеты». Преподаватели высшей школы в целом и иностранных языков в частности могут также попытаться постигнуть мудрость Востока на уровне постулатов [4], чтобы мотивировать студентов к учению, в том числе, к изучению иностранных языков.

Рис. 1. Уличный билборд в Москве с любимым высказыванием Си Цзиньпина

Источник: сайт moskvichmag.ru

Вопросами использования постулатов восточной философии в качестве средства мотивации студентов к изучению иностранных языков занимались многие ученые, среди которых особое место занимает Г. Петкова, преподаватель Софийского университета Святого Климента Охридского в Болгарии. Петкова изучает и применяет буддистскую теорию «сампаджанья» в высшем образовании [5]. В ее понимании буддистский термин «сампаджанья» означает осознанное получение знаний. Цель ее подхода – объединить существующие теоретические и интерактивные (в том числе гибридные) методы обучения с набором целенаправленных образовательных действий, направленных на осознанное обучение, а также отработать учебный материал в постоянной связи с реальностью. Термин «сознательное образование» включает в себя понимание самосознания и осознания окружающей среды, а также взаимосвязи и взаимодействия между человеком и его окружением. В некотором смысле осознанность можно считать той самой «сампаджанья» – необходимостью для студента сосредоточить усилия на формировании навыков взаимодействия с окружающей средой (живой и неживой природой) с полным осознанием своей роли и места в этой среде, а также с признанием взаимозависимости всех участников этой единой и неразрывной системы. Сознательное образование следит за изменениями в окружающей среде и реагирует на них, постоянно адаптируя и обновляя свою методологию в соответствии с изменениями реальности. Оно должно стремиться к тому, чтобы постоянно соответствовать той среде, в которой находится, и в то же время сохранять свою основную цель – воспитание личности, осознающей себя и свое окружение. Сознательное образование предлагает методы познания и самопознания, которые могут применяться в различных ситуациях и помочь человеку, с одной стороны, улучшить себя, а с другой – улучшить окружающую его среду. «Сампаджанья» – это средство получения знаний. Контролируя свое состояние, человек концентрируется на усвоении новой информации – новых слов на иностранном языке, новых оборотов, грамматических правил. Таким образом, предлагается осуществлять ознакомление и отработку нового лексико-грамматического материала изучаемого иностранного языка при условии осознания студентами потребности в этих знаниях. Для этого перед началом выполнения любых видов упражнений можно задать студентам вопросы типа «зачем я учу это правило?», «как я буду применять полученные знания?», «есть ли у меня план использования иностранного языка в моей дальнейшей профессиональной деятельности?»

Еще один интересный научный подход предлагают С. Видальго и В. Вилласис [6]. Они полагают, что мотивация представляет собой отображение потребностей. И даже если изменить методику обучения и материалы,

но не изменить мотивационную среду, эффективность обучения не станет лучше. Одним из нововведений может стать использование восточных постулатов в обучении языкам.

Что же такое «постулат»? Согласно толковому словарю русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова [4], постулат – это положение или принцип, не отличающийся самоочевидностью, но принимаемый за истину без доказательств и служащий основой для построения научной теории, допущение. Постулаты становятся результатом опыта, экспериментов и наблюдений, заимствуются из религиозных представлений, формулируются философами.

Прежде всего предлагается использовать в качестве средства мотивации постулаты Конфуция, китайского философа, жившего в пятом веке до нашей эры [7]. Эта идеология стала основой формирования так называемой «идеальной личности». Согласно идеологии конфуцианства, личность сможет достичь идеального состояния, только если получит хорошее образование и будет одновременно познавать себя. Такие идеи могут использоваться на занятиях в качестве основы для ведения диалога между внутренним «хочу» и внешним «надо». Каждый студент может развивать практические навыки говорения на иностранном языке, начиная урок с высказывания мыслей о том, что он или она хочет делать, что он или она должен делать и с какой целью он или она будет выполнять то или иное действие.

Применение постулатов конфуцианства на занятиях по обучению иностранному языку обеспечивает двойную или даже тройную выгоду: во-первых, студенты знакомятся с идеями китайской философии, во-вторых, повышается их мотивация к изучению иностранного языка, и в-третьих, мотивированные студенты качественнее изучают и, соответственно, лучше знают иностранный язык. В этой связи особый интерес представляют основные принципы конфуцианства и их использование на занятиях. Такие принципы включают в себя умение вести себя в обществе надлежащим образом, исполнение долга и обеспечение исполнения долга окружающими людьми, уважение к старшим, приверженность принципу человечности, получение знаний, образование и самообразование, а также принцип – верность себе, традициям и родине. С точки зрения конфуцианства, именно такие личностные черты обеспечивают гармоничную личность.

Интерес также представляет японская теория непрерывного улучшения качества Маасаки Имаи [8]. Теория Имаи предполагает постоянное приложение усилий для устранения оснований возникающих проблем. Применение этой теории позволит продемонстрировать студентам, каким образом новые знания смогут оказать практическую помощь в решении проблем, возникающих в самых разных областях жизнедеятельности: в процессе учебы, в общении с друзьями, преподавателями и родителями, а также на работе. Теория Имаи также предполагает постепенное приложение усилий и продвижение вперед на пути к цели. Эти усилия необходимы, они приучают человека действовать терпеливо и не ждать существенных результатов за короткий срок, что особенно актуально при изучении иностранных языков, поскольку этот вид познавательной деятельности требует значительного количества времени и усилий. Такое постоянное совершенствование полностью соответствует японской культуре, основная задача которой – использовать ресурсы для достижения поставленных задач. Постоянная работа над собой непременно приведет к положительному результату.

Теперь следует рассмотреть практические примеры использования проанализированных в статье идей и постулатов восточной философии как средств мотивации к изучению иностранных языков студентами, специальности которых не связаны ни с филологией, ни с лингвистикой.

В настоящей статье были рассмотрены постулаты трех философских течений – «сампаджанья», конфуцианства и теории непрерывного улучшения качества Маасаки Имаи. Теперь следует понять, как можно использовать постулаты данных теорий на практике, а именно, на занятиях по изучению иностранных языков.

Во-первых, отличным способом станет использование притч, содержащих постулаты восточной философии, в качестве обучающих текстов на занятиях [9]. Притчи восточных мудрецов – отличный материал для чтения, пересказа, изучения лексики и обсуждения постулатов. Понятие «сампаджанья» поможет студентам осознать, чем и зачем они занимаются, изучая иностранные языки. Здесь можно использовать такой вид заданий, как «объясни себе и аудитории». В результате обучающиеся смогут качественно формулировать аргументы и контраргументы к любым предположениям, что безусловно поможет им в дальнейшей научной и практической работе. Теория непрерывного улучшения качества Маасаки Имаи может применяться для организации групповой работы: например, при переводе текстов студенты получают задание усовершенствовать ту или иную формулировку для достижения максимальной точности перевода, что станет определенным «мозговым штурмом», в рамках которого будет осуществляться взаимное коллективное обучение.

Полагаю, что постулаты восточной философии смогут стать отличной основой для изучения любых иностранных языков. Варианты их применения практически не имеют ограничений. Студенты всегда могут задать вопрос «зачем это нужно?», «почему так происходит?», «каковы последствия того или иного действия?», а любая оживленная дискуссия на иностранном языке безусловно обеспечит развитие навыков говорения. Настоящее теоретическое исследование нуждается в апробации и практическом подтверждении, а практическое применение предложенных идей будет описано в следующей статье.

Литература

1. В.И. Ленин. Маркс. Энгельс. Марксизм. Под ред. комиссии ЦК ВКП(б). Москва, Сталинский букварь, 1946.
2. Д. Карнеги. Правила жизни успешных людей. Москва, Бомбора, 2024.
3. Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз, Й. Рандерс, В. Беренс III. Пределы роста. МГУ, 1991.
4. Д. Н. Ушаков, под редакцией. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Москва, Терра, 1996.
5. Г. Петкова. Сознательное образование: проблемы и перспективы для преподавания восточных языков и культур. *Orbis Linguarum*, том 18, выпуск 1.
6. С. Хидальго, У. Вилласис. Мотивационные стратегии при изучении иностранных языков: позиции студентов и преподавателей. *Espacios*, том 41, выпуск 04, 2020.
7. Конфуций. Рассуждения в изречениях: в переводе и с комментариями Б. Виноградского. Москва, ЭКСМО, 2024.
8. М. Имаи. Гемба кайдзен. Путь к снижению затрат и повышению качества. Москва, Альпина Паблшер, 2022.
9. Большая книга восточной мудрости. В 2 т. Москва, ЭКСМО, 2012.

USING THE POSTULATES OF EASTERN PHILOSOPHY AS A MEANS OF MOTIVATING ENGINEERING STUDENTS TO STUDY FOREIGN LANGUAGES

Yudenkova O.V.

National Research University Moscow State University of Civil Engineering

The article addresses the ideas and postulates of Eastern philosophy as a mechanism to boost the motivation of engineering students to study and master foreign languages. The author describes in detail three philosophical theories, including the Buddhist concept of 'sampajanya', Confucianism and Maasaki Imai's theory of continuous improvement, which can have a twofold benefit in language learning: on the one hand, they will broaden students' humanitarian outlook, and on the other hand, they will serve as an excellent practical material for learning a foreign language. The author also provides examples of the practical application of these theories at universities in different countries, in particular, at the University of St. Clement of Ohrid in Sofia and at the Technical University of Ambato in Ecuador. The article has specific cases of applying the postulates of Eastern philosophy in foreign language learning.

Keywords: motivation, philosophy of education, personal growth, awareness, mindset, ideology.

References

1. V.I. Lenin. Marx. Engels. Marxism. Edited by the Commission of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b). Moscow, Stalin's Primer, 1946.
2. D. Carnegie. How to Get Ahead in the World: Golden Rules for Success. Moscow, Bommora, 2024.
3. D.H. Meadows, D.L. Meadows, J. Randers, V. Behrens III. Limits of growth. Moscow State University, 1991.
4. D. Ushakov, ed. Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 vol. Moscow, Terra, 1996.
5. G. Petkova. Conscious education: challenges and perspectives for teaching Eastern languages and cultures. *Orbis Linguarum*, vol. 18, issue 1.
6. C. Hidalgo, W. Villacis. Motivational strategies in foreign language learning: students' vs teachers' perspectives. *Espacios*, vol. 41, 04, 2020.
7. Confucius. Discourse in sayings: in translation and with commentary by B. Vinogradsky. Moscow, EKSMO, 2024.
8. M. Imai. Kaizen Gemba. Way to cost reduction and quality improvement. Moscow, Alpina Publishers, 2022.
9. The big book of Oriental wisdom. In 2 volumes. Moscow, EKSMO, 2012.

Методологические подходы к изучению скулшутинга в образовательных организациях на межпредметном и социологическом уровнях

Васильев Владислав Владиславович,

аспирант кафедры социологии и работы с молодежью,
Институт гуманитарных и социальных наук Уфимского
университета науки и техники
E-mail: dr.vladislav2011@gmail.com

Статья посвящена комплексному исследованию феномена скулшутинга с позиции междисциплинарного научного подхода. Автор анализирует методологические стратегии изучения скулшутинга через призму социологии, педагогики, психологии, права и криминологии. Исследование раскрывает многофакторную природу скулшутинга, где ключевыми детерминантами выступают социально-экономические условия, психологические особенности личности, культурные трансформации и институциональные дисфункции образовательной среды. Особое внимание уделяется выявлению причинно-следственных механизмов формирования деструктивного поведения подростков, анализу социальных рисков и психологических предпосылок агрессивных действий в образовательных учреждениях. Научная новизна работы заключается в комплексном междисциплинарном подходе к изучению скулшутинга, который позволяет сформировать целостную концепцию профилактики и противодействия этому социально опасному явлению. Результаты исследования могут быть использованы для разработки превентивных стратегий в системе образования и социальной политики.

Ключевые слова: скулшутинг, образовательные учреждения, насилие, социальные факторы, психологические факторы, криминологический анализ, профилактика, междисциплинарный подход, психологическая реабилитация, безопасность.

Введение

Проблема скулшутинга в образовательных учреждениях модифицирует привычное представление о школьной безопасности и создает серьезные вызовы для образовательной системы и общественной безопасности в целом. Повышение готовности к предотвращению и реагированию на подобные инциденты становится крайне важным приоритетом в образовании. Российская Федерация занимает одно из лидирующих мест среди развитых стран по распространенности этого социально-психологического феномена.

Скулшутинг (School shooting) – это трагический инцидент насилия, при котором один или несколько учащихся, как правило, вооруженных огнестрельным оружием, атакуют своих сокурсников, преподавателей и других людей в рамках территории образовательного учреждения. Эти инциденты часто сопровождаются массовой паникой, серьезными физическими и психологическими травмами для жертв и свидетелей, а также привлекают значительное внимание СМИ и общественности.

Изучение скулшутинга требует междисциплинарного подхода, включающего в себя многосторонние научные дисциплины, такие как социология, педагогика, психология, право, криминология. Каждый из этих подходов вносит свой уникальный вклад в понимании причин, факторов риска и возможных мер по предотвращению скулшутинга.

Социологический подход к изучению скулшутинга сосредоточен на анализе социальных факторов, которые могут способствовать этому явлению. Парк Р., Берджесс Э.У. утверждали, что фактором насилия в среде является социальная дезорганизация [1], Дюркгейм Э., указывал, теорию аномии как фактор риска насильственного поведения [2], Коэн А.К. выделял теорию субкультур как фактор прославления насилия [3], Мертон Р.К. указывал на теорию конфликта фактором возникновения насилия [4]. Фокс Д.А., сосредотачивал исследование на анализе данных о преступлениях, связанных с огнестрельным оружием, и разработке мер по их предотвращению [5].

Скулшутинг рассматривается как комплексное социальное явление, обусловленное взаимодействием различных факторов. Шо Э., Молано А., Подлески П., указывали на социально-экономические факторы это бедность, неравенство, безработица [6]. Прети А. выделял культурные факторы: ценности, нормы, установки, СМИ, интернет-культура [7]. Хискок Пью Н.С. подчеркивал семейные факторы: воспитание, насилие, отсутствие поддержки [8]. Иоанну М., Хаммонд Л., Симпсон О., Мелой Дж.Р., Хемпель А.Г., Грей Б.Т., Моханди К., Шива А., Ричардс Т.К. классифицировали скулшутинг по критериям: мотивы преступления, орудие преступления, количество жертв, возраст скулшутера [9, 10]. Исследователи-социологи выделяли различные аспекты этого явления. Рис С.А., Ли Л.К., Флеглер Э.В., Мэнникс Р., выявили причины и факторы риска такие как социальная изоляция, буллинг, доступ к оружию, психические расстройства [11]. Джордан К. указал на последствия для жертв, свидетелей и общества, такое как подрыв психическо-

го здоровья [12]. Картер С.Л., Крюс К., Ли Дж., Ли Х., Нобл Н. оценивали различные меры профилактики и вмешательства, направленные на предотвращение скулшутинга [13].

Косвенное влияние на возникновение скулшутинга играют социальные факторы. Березнев А.В., указывал на социально-экономические факторы как способы возникновения скулшутинга. [14]. Прети А. подчеркивал, как фактор, это культурные различия в обществе [15]. Янгиров И.И. выделял катализатором семейное насилие [16]. Майерс А.В., Блётте А.В., Вестенберг П.М. акцентируют внимание на искаженном восприятии действительности и социальных отношений [17]. Джонсон, Д.В., Джонсон, Д., Джонсон, Р. и Джонсон, Р.Т. на отсутствие навыков конструктивного разрешения конфликтов [18]. Фрачек А. выделял механизмом феномен «эскалации агрессии» [19].

Педагогический подход к проблеме скулшутинга фокусируется на комплексном анализе деструктивного поведения учащихся как системного социального феномена, требующего превентивных стратегий профилактики и минимизации потенциальных рисков в образовательном пространстве. В частности Щеглова, А.А. и Дворянчиков Н.В. рассматривают скулшутинг, как деструктивное поведение учащихся и акцентируют внимание на формировании безопасной образовательной среды, развитии конфликтологической компетентности педагогов, внедрении программ работы с агрессивными детьми и подростками [20]. Нагайцев В.В., Пустовалова Е.В., Соболева Е.А. указывают на развитие конфликтологической компетентности среди педагогов [21]. Ощепков А.А. акцентирует внимание на внедрении программ работы с агрессивными детьми и подростками [22]. Скрипко С.В., Панферова Е.В. предлагают выявлять «опасные сигналы» среди учащихся образовательных организаций [23].

Исследователи в области педагогики рассматривают проблему скулшутинга как комплексный социально-психологический феномен, обусловленный деструктивными процессами в системе образования, межличностных отношений и социальной адаптации учащихся. Гарбарино Дж., Загар Р.Дж., Рандмарк Б., Сингх И., Ковач Дж., Ценз Э., Бейгел Р., изучали роли семьи, школы и общества в формировании поведения детей и подростков [24]. Гриненко У. указывала на факторы образовательной среды: издевательство, дискриминация, изоляция, отвержение внутри школьного коллектива, отсутствие безопасности [25]. Крамаренко, Н.С. акцентирует внимание на нарушении психологической безопасности в образовательной среде [26]. Йылмаз Ф., Гечен С. выделяют как последствие это формирование страха и недоверия к системе образования [27].

Психологический подход к изучению скулшутинга сосредоточен на анализе индивидуальных психологических факторов, которые могут способствовать этому явлению. Фаррингтон Д.П. указывал на фактор психического расстройства потенциального стрелка [28], Херман Дж.Л. выделяли как фактор – это травматический опыт (насилие) [29], Бандура А. называл проблему с гневом как фактор насилия [30]. Асмолов А.Г., изучал психологические факторы риска, связанные с агрессивным поведением и суицидальными наклонностями у подростков [31]. Исследователи указывают, что косвенное влияние на возникновение скулшутинга играют психологические факторы. Иоанну М., Хаммонд Л., Симпсон О., выделяли индивидуальные особенности личности стрелка (агрессивность, импульсивность, низкая самооценка, депрессия и др.) [32]. Пасторе А., Де Джироламо Г., Тафури С., Томасикио А., Маргари Ф. указывали на психологические травмы и неблагоприятный опыт в детстве/подрост-

ковом возрасте [33]. Шульте-Кёрне Г. акцентировал внимание на влиянии психических расстройств (например, расстройства личности) [34]. Фалькон Р.Б., Лиска А.Э., Саут С. Дж., Макналти Т.Л., подчеркивали влияние субкультур, пропагандирующих насилие [35].

Скулшутинг не может существовать без психологических механизмов лежащих в его основе. Об этом пишут Голошумова Г.С., Ершова О.В., Салахова В.Б., Кидинов А.В., Наличаева С.А., Янышева В.А. они придерживаются механизма формирования деструктивных копиров-стратегий [36]. Беклер Н., Лойшнер В., Рот В., Зик А., Шайтхауэр Х., указывают на мотивацию и стремление к возмездию, славе, самоутверждению [37]. Сильва Дж.Р., Сильвер Дж., Грин-Колоцци Е.А. на наличие психических расстройств и девиантного поведения [38]. Лангман П., Магомедов М.Г. выделяли посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) у жертв и свидетелей скулшутинга [39, 40]. Шварц Э.Д., Ковальски Дж.М. подчеркивают травматизацию свидетелей и участников событий [41].

Правовой подход к исследованию скулшутинга концептуализирует данный феномен как специфическую форму делинквентного поведения, требующую дифференцированной правовой оценки и комплексной междисциплинарной стратегии профилактики. Ласица А.Д. отграничивает скулшутинг от смежных преступлений, так как мотивы и цели преступников могут отличаться [42]. Волчецкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. определяют скулшутинг как самостоятельный криминологический феномен, требующий разработки специальных мер профилактики [43]. Зайко Т.М. предлагает комплексный подход в правоприменительной практике, сочетающий психолого-педагогические и правовые механизмы предупреждения насилия в образовательных организациях [44]. Артемова Д.И., Костригина М.Ю. указывают на внесение изменений в законодательство, направленных на противодействие пропаганде массовых убийств в школах и установление дополнительных уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за совершение скулшутинга [45].

Криминологический подход к изучению скулшутинга сосредоточен на анализе криминологических факторов, которые могут способствовать этому явлению. Фокс Дж.А., ДеЛатер М.Дж., указывали на легкий доступ к огнестрельному оружию [46], Адлер Дж.С., подчеркивает, как фактор, это планирование преступления [47], Тауэрс С., Мубайи А., Кастильо-Чавес С., указывали на фактор подражания культуре скулшутинга [48]. Криминологи выделяют факторы, способствующие возникновению скулшутинга. В частности об этом Бернбург Дж.Г., Торлиндсон Т. они указывают на влияние субкультур, пропагандирующих насилие [49]. Салливан У.Дж. на отсутствие или недостаточность мер безопасности в образовательных учреждениях [50]. Ханимоглу Э. указывает на недостатки в системе профилактики и выявления девиантного поведения [51].

Исследователи подчеркивают, что скулшутинг имеет определенные криминологические характеристики и аспекты. Джексон Дж.Р., Беннион К.А. на криминальное прошлое (наличие предыдущих правонарушений) [52]. В частности Майнагашева Е.В. рекомендует ужесточение контроля над оборотом оружия и боеприпасов и усиление мер безопасности в образовательных учреждениях [53]. Макарова В.А. подчеркивает совершенствование системы выявления и профилактики девиантного поведения [54]. Масленникова, В.Ш. на взаимодействие правоохранительных органов, образовательных учреждений и психологических служб [55].

Заключение

Проблема скулшутинга требует междисциплинарного подхода. Изучение и поиск эффективных мер профилактики и противодействия невозможны в рамках одной научной дисциплины. Необходим комплексный анализ феномена скулшутинга на стыке различных областей знаний – социологии, педагогики, психологии, право, криминологии.

На социологическом уровне важно исследовать социальные факторы и условия, способствующие возникновению и распространению скулшутинга, включая анализ социально-экономических, культурных, политических и институциональных аспектов. Особое внимание следует уделить изучению социальной структуры школьного сообщества, особенностей межличностных отношений, социально-психологического климата, а также роли семьи, СМИ и других агентов социализации.

На межпредметном уровне комплексное исследование скулшутинга предполагает интеграцию теоретических и методологических подходов различных наук. Педагогический подход фокусируется на изучении образовательной среды, особенностей организации учебного процесса и воспитательной работы, а также на поиске путей повышения безопасности школ и вузов. Психологический анализ личностных характеристик, мотивации и эмоционального состояния стрелков, а также особенностей их социализации и межличностных взаимодействий может дать важные концепции, для понимания причин и механизмов этого деструктивного поведения. Правовой подход к исследованию скулшутинга демонстрирует необходимость формирования специализированной методологии, которая интегрирует криминологический, психолого-педагогический и социально-правовой инструментарий для комплексной превенции и противодействия данному деструктивному феномену. Результаты проведенного анализа убедительно доказывают, что эффективность противодействия скулшутингу напрямую зависит от разработки дифференцированных правовых механизмов, учитывающих специфику мотивации и социально-психологических детерминант противоправного поведения в образовательной среде. Криминологический ракурс позволяет рассмотреть скулшутинг как форму девиантного и преступного поведения, выявить криминогенные факторы и разработать меры предупреждения.

Комплексное изучение проблемы скулшутинга с учетом различных теоретико-методологических перспектив является важной научной и практической задачей, решение которой может внести существенный вклад в обеспечение безопасности образовательных организаций и защиту прав и интересов учащихся.

Литература

1. Парк Р., Берджесс Э.У. Город: рекомендации по исследованию поведения человека в городской среде //The City (Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1925), с. 46 Парк Сити: рекомендации по исследованию поведения человека в городской среде. 46 Город, 1925. – 1984;
2. Дюркгейм Э., Ильинский А., Базаров В. Самоубийство. Социологический этюд. – Litres, 2019;
3. Коэн А.К. Мальчики-правонарушители; культура банды. – 1955;
4. Мертон Р.К. Социальная структура и anomia //Банды. – Рутледж, 2017. – С. 3–13;
5. Фокс Дж.А., Бурштейн Х. Насилие и безопасность в студенческом городке: от дошкольного учрежде-

ния до колледжа. – Санта-Барбара, Калифорния: Praeger, 2010. – Р. 47;

6. Шо Э., Молано А., Подлески П. Социально-экономические, социально-политические и социально-эмоциональные переменные, объясняющие школьную травлю: многоуровневый анализ в масштабах всей страны //Агрессивное поведение: Официальный журнал Международного общества исследований агрессии. – 2009. – Т. 35. – № . 6. – С. 520–529;
7. Прети А. Школьная стрельба как культурно навязанный способ выражения суицидальных враждебных намерений //Журнал Американской академии психиатрии и права. – 2008. – Т. 36. – № . 4. – С. 544–550;
8. Хискок Пью, Н.С. Школьное насилие: роль в семьях, сообществах, педагогах и школьном консультанте / Н.С. Хискок Пью, 2004. – 1 с. – ПОД ред. ХЛАМОВА;
9. Иоанну М., Хаммонд Л., Симпсон О. Модель дифференциации характеристик школьных стрелков // Журнал криминальной психологии. – 2015. – Т. 5. – № . 3. – С. 188–200;
10. Мелой Дж. Р., Хемпель А.Г., Грей Б.Т., Моханди К., Шива А. и Ричардс Т.К. Сравнительный анализ североамериканских подростков и взрослых массовых убийц // Поведенческие науки и право. – 2004. – Т. 22. – нет. 3. – С. 291–309;
11. Рис С.А., Ли Л.К., Флеглер Э.В., Мэнникс Р. Массовые школьные расстрелы в Соединенных Штатах: новый анализ первопричин с использованием сообщений непрофессиональной прессы // Клиническая педиатрия. – 2019. – Т. 58. – № . 13. – С. 1423–1428;
12. Джордан К. Модель травмы и восстановления для жертв и их семей после катастрофической стрельбы в школе: фокус на поведенческих, когнитивных и психологических последствиях и потребностях // Краткое лечение и кризисное вмешательство. – 2003. – Т. 3. – № . 4;
13. Картер С.Л., Крюс К., Ли Дж., Ли Х., Нобл Н. Приемлемость процедур по предотвращению стрельбы в школах среди родителей //Журнал «Профилактика». – 2022. – том. 43. – № 3. – с. 359–374;
14. Березнев А.В. Социальные факторы проявления крайней агрессии в образовательных учреждениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-factory-proyavleniya-krayney-agressii-v-obrazovatelnyh-uchrezhdeniyah> (дата обращения: 08.05.2024);
15. Прети А. Стрельба в школе как культурно закрепленный способ выражения суицидальных враждебных намерений //Журнал Американской академии психиатрии и права. – 2008. – Т. 36. – № 4. – С. 544–550;
16. Янгиров, И.И. «School shooting» в России, причины и последствия стрельбы в учебных заведениях / И.И. Янгиров // Естественно-научные и гуманитарные исследования: теоретические и практические аспекты: Материалы XXXI Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 18 мая 2021 года. – Ростов-на-Дону: ООО «Издательство ВВМ», 2021. – С. 241–244. – EDN QDNFPI;
17. Майерс А.В., Блётте А.В., Вестенберг П.М. Негативные социальные познания социально тревожной молодежи: искаженная реальность или зерно истины? //Журнал исследований ребенка и семьи. – 2011. – Т. 20. – С. 214–223;

18. Джонсон, Д.В., Джонсон, Д., Джонсон, Р. и Джонсон, Р.Т. Снижение уровня насилия в школе путем разрешения конфликтов. – ASCD, 1995;
19. Фрачек А. Насилие и агрессия у детей и молодежи: социально-психологический взгляд //Европейское обозрение. – 1996. – Т. 4. – № 1. – С. 75–90;
20. Щеглова, А.А. Психологические аспекты профилактики скулшутинга в образовательных организациях / А.А. Щеглова, Н.В. Дворянчиков // Коченовские чтения-2022. Психология и право в современной России, Москва, 09–11 ноября 2022 года. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2022. – С. 71–73. – EDN XAYUTZ;
21. Нагайцев В.В., Пустовалова Е.В., Соболева Е.А. Развитие конфликтологической компетентности педагогов //Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование. Педагогические науки. – 2024. – Т. 16. – № 2. – С. 73–82;
22. Ощепков А.А. Экспериментальное исследование социально-педагогической коррекции агрессивного поведения подростков в условиях общеобразовательного учреждения //Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. – 2014. – № 3. – С. 132–141;
23. Скрипко С.В., Панферова Е.В. Факторы безопасности образовательной среды в современной школе // ББК 88+ 74.0 я43 П86. – 2022. – С. 102;
24. Гарбарино Дж. Загар, Р. Дж., Рандмарк, Б., Сингх, И., Ковач, Дж., Ценз, Э., Бейгел, Р. 16-Вопросы для поиска домашних террористов, массовых убийц, уличных стрелков, с исследованием-1: 370 – Стрелков на рабочем месте против 370 -контрольных, и исследование-2: 9 взрослых стрелков с 12-ю случаями убийств и 24-мя контрольными показателями, оцененными по стандартному критерию оценки потенциального насилия Ask (Версия для взрослых) и MMPI-2: Применение компьютерных тестов и уравнений машинного обучения для снижения страховых взносов и предотвращения банкротства Церкви //Откр. Eur. Стад. – 2022. – Т. 14. – С. 76;
25. Гриненко У. Проблема скулшутинга в образовательной среде //Психологические исследования. – 2021. – Т. 14. – № 80;
26. Крамаренко, Н.С. Риски нарушения психологической безопасности современной образовательной среды / Н.С. Крамаренко // Социокультурная детерминация субъектов образовательного процесса: сборник материалов международной конференции XI Левитовские чтения в МГОУ, Москва, 20–21 апреля 2016 года. – Москва: Московский государственный областной университет, 2016. – С. 65–68. – EDN YILKSD;
27. Йылмаз Ф., Гечен С. Взгляды студентов на культуру страха в системе образования //Журнал компьютерных и образовательных исследований. – 2015. – Том 3. – № 6. – с. 117–128;
28. Фаррингтон Д.П. Ранние предикторы подростковой агрессии и насилия со стороны взрослых //Насилие и жертвы. – 1989. – Т. 4. – № 2. – С. 79–100;
29. Херман Дж.Л. Травма и восстановление: последствия насилия – от домашнего насилия до политического террора. – Hachette, Великобритания, 2015;
30. Бандура А. Анализ агрессии с точки зрения социального обучения. – 1976;
31. Асмолов, А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа [Текст] / А.Г. Асмолов –. – Москва: Смысл, 2001–416 с.;
32. Иоанну М., Хаммонд Л., Симпсон О. Модель дифференциации характеристик школьных стрелков // Журнал криминальной психологии. – 2015. – Т. 5. – № 3. – С. 188–200;
33. Пасторе А., де Джироламо Г., Тафури С., Томасикио А., Маргари Ф. Травматический опыт в детском и подростковом возрасте: мета-анализ проспективных исследований для оценки риска психозов //Европейская детская и подростковая психиатрия. – 2020. – с. 1–14;
34. Шульте-Кёрне Г. Проблемы психического здоровья в школьной среде у детей и подростков //Deutsches Ärzteblatt International. – 2016. – Т. 113. – № 11. – С. 183;
35. Фалькон Р.Б., Лиска А.Э., Саут С.Дж., Макналти Т.Л. Субкультура насилия и правонарушений: влияние индивидуального и школьного контекста // Социальные силы. – 1994. – том II. 73. – № 1. – с. 155–173;
36. Голошумова Г.С., Ершова О.В., Салахова В.Б., Кидинов А.В., Наличаева С.А., Янышева В.А. Информационно-образовательная среда высшего учебного заведения как фактор формирования копинг-стратегий в структуре личности студентов (эколого-психологический аспект) // Евразийский журнал биологических наук. – 2019. – Том 13. – № 2;
37. Беклер Н., Лойшнер В., Рот В., Зик А., Шайтхауэр Х. Размытые границы целенаправленного насилия, совершаемого одиночкой: сходство в происхождении и реализации террористических атак и перестрелок в школах //Насилие и гендер. – 2018. – том 5. – № 2. – с. 70–80;
38. Сильва Дж.Р., Сильвер Дж., Грин-Колоцци Е.А. Анализ поведенческих последовательностей стрелков в массовых школах с изучением факторов стресса, антисоциального поведения, проблем с психическим здоровьем, а также планирования и подготовки мероприятий // Девиантное поведение. – 2023. – Т. 44. – № 10. – С. 1480–1497;
39. Лангман П. Почему дети убивают: в головах школьных стрелков. – Макмиллан, 2009;
40. Магомедов, М.Г. Педагогическая помощь детям, пострадавшим в результате террористических актов и военных конфликтов / М.Г. Магомедов // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2013. – № 28. – С. 89–92. – EDN QZJJUZ;
41. Шварц Э.Д., Ковальски Дж.М. Злокачественные воспоминания: посттравматическое стрессовое расстройство у детей и взрослых после стрельбы в школе //Журнал Американской академии детской и подростковой психиатрии. – 1991. – Т. 30. – № 6. – С. 936–944;
42. Ласица А.Д. Социальная профилактика скулшутинга: дис. – Сибирский федеральный университет, 2024;
43. Волчецкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах //Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 5. – С. 578–591;
44. Зайко Т.М. Меры борьбы с преступностью несовершеннолетних и молодежи: правовой и психолого-криминологический аспекты: монография //Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком. – 2017. – С. 22;
45. Артемова Д.И., Костригина М.Ю. Совершенствование деятельности прокуратуры по профилактике контентов в сфере идеологии «Колумбайн» //Изве-

ствия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2022. – № 3 (63). – С. 128–134;

46. Фокс Дж.А., ДеЛатер М. Дж. Массовые расстрелы в Америке: выходя за пределы Ньютауна // Исследования убийств. – 2014. – Т. 18. – № 1. – С. 125–145;
47. Адлер Дж.С. Преступники и их ученые: история криминологии в международной перспективе // Журнал междисциплинарной истории. – 2008. – Т. 38. – № 3. – С. 435–436;
48. Тауэрс С., Мубайи А., Кастильо-Чавес С. Обнаружение эффекта заражения в массовых убийствах; конструктивный пример статистических преимуществ методов неограниченного правдоподобия // Plos one. – 2018. – Т. 13. – № 5. – С. e0196863;
49. Бернбург Дж.Г., Торлиндссон Т. Подростковое насилие, социальный контроль и субкультура преступности: факторы, связанные с насильственным поведением и ненасильственной преступностью // Молодежь и общество. – 1999. – Т. 30. – № 4. – С. 445–460;
50. Салливан У. Дж. Безопасность и безопасность образовательного учреждения. – 2021;
51. Ханимоглу Э. Девиантное поведение в школьной среде // Учебно-образовательный журнал. – 2018. – Т. 6. – № 10. – С. 133–141;
52. Джексон Дж.Р., Беннион К.А. Восприятие школьных стрелков зависит от предшествующей судимости, но не от целевой возрастной группы // Журнал межличностного насилия. – 2021. – Т. 36. – № 17–18. – С. 8186–8208;
53. Майнагашева Е.В. Комплексная политика обеспечения безопасности образовательных учреждений: зарубежный опыт и практики // Известия ВГПУ. 2020. № 6 (149). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-politika-obespecheniya-bezopasnosti-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-zarubezhnyy-opyt-i-praktiki> (дата обращения: 09.05.2024);
54. Макарова, В.А. Психолого-педагогическая профилактика девиантного поведения подростков в условиях общеобразовательной школы / В.А. Макарова // Дефектология в свете современных нейронаук: теоретические и практические аспекты: Сборник материалов I Международной научной конференции, Москва, 23–24 апреля 2021 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Когито-Центр», 2021. – С. 356–359. – EDN AAPMXS;
55. Масленникова, В.Ш. Концептуальные идеи комплексного обеспечения безопасности личности в образовательных организациях / В.Ш. Масленникова, Г.А. Шайхутдинова // Педагогическое образование в изменяющемся мире: Сборник научных трудов III Международного форума по педагогическому образованию, Казань, 23–25 мая 2017 года / Ответственный редактор А.М. Калимуллин. Том Часть 2. – Казань: Изд-во «Отечество», 2017. – С. 26–32. – EDN NTQINC.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF SCHOOLSHOOTING IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS AT THE INTERDISCIPLINARY AND SOCIOLOGICAL LEVELS

Vasiliev V.V.

Ufa University of Science and Technology

The article is devoted to a comprehensive study of the phenomenon of schoolshooting from the perspective of an interdisciplinary scientific approach. The author analyzes methodological strategies for studying schoolshooting through the prism of sociology, pedagogy, psychology, law and criminology. The study reveals the multifactorial nature of schoolshooting, where the key determinants are socio-

economic conditions, psychological characteristics of the individual, cultural transformations and institutional dysfunctions of the educational environment. Special attention is paid to the identification of causal mechanisms of the formation of destructive behavior of adolescents, the analysis of social risks and psychological prerequisites for aggressive actions in educational institutions. The scientific novelty of the work lies in a comprehensive interdisciplinary approach to the study of schoolshooting, which allows us to form a holistic concept of prevention and counteraction to this socially dangerous phenomenon. The results of the study can be used to develop preventive strategies in the education system and social policy.

Keywords: schoolshooting, educational institutions, violence, social factors, psychological factors, criminological analysis, prevention, interdisciplinary approach, psychological rehabilitation, safety.

References

1. Park R., Burgess E.W. The City: recommendations for the study of human behavior in an urban environment // The City (Chicago: University of Chicago Press, 1925), p. 46 Park City: recommendations for the study of human behavior in an urban environment. 46 City, 1925. – 1984;
2. Durkheim E., Ilyinsky A., Bazarov V. Suicide. A sociological study. – Litres, 2019;
3. Cohen A.K. Delinquent boys; gang culture. – 1955;
4. Merton R.K. Social structure and anomie // Gangs. – Routledge, 2017. – pp. 3–13;
5. Fox J.A., Burstein H. Violence and security on campus: from preschool to college. – Santa Barbara, California: Praeger, 2010. – p. 47;
6. Sho E., Molano A., Podleski P. Socio-economic, socio-political and socio-emotional variables explaining school bullying: a multi-level analysis across the country // Aggressive Behavior: The Official Journal of the International Society for Aggression Research. – 2009. – vol. 35. – No. 6. – pp. 520–529;
7. Preti A. School shooting as a culturally imposed way of expressing suicidal hostile intentions // Journal of the American Academy of Psychiatry and Law. – 2008. – vol. 36. – No. 4. – pp. 544–550;
8. Hiscock Pugh, N.S. School violence: the role in families, communities, educators and the school counselor / N.S. Hiscock Pugh, 2004. – 1 p. – ed. TRASH;
9. Ioannou M., Hammond L., Simpson O. The model of differentiation of characteristics of school shooters // Journal of Criminal Psychology. – 2015. – vol. 5. – No. 3. – pp. 188–200;
10. Meloy J. R., Hempel A.G., Gray B.T., Mohandi K., Shiva A. and Richards T.K. Comparative analysis of North American adolescents and adult mass murderers // Behavioral Sciences and Law. – 2004. – vol. 22. – no. 3. – pp. 291–309;
11. Ries S.A., Lee L.K., Flagler E.V., Mannix R. Mass school shootings in the United States: a new analysis of the root causes using non-professional press reports // Clinical Pediatrics. – 2019. – vol. 58. – no. 13. – pp. 1423–1428;
12. Jordan K. A model of trauma and recovery for victims and their families after a catastrophic school shooting: focus on behavioral, cognitive and psychological consequences and needs // Brief treatment and crisis intervention. – 2003. – Vol. 3. – No. 4;
13. Carter S.L., Kruse K., Lee J., Lee H., Noble N. The acceptability of procedures to prevent shooting in schools among parents // Journal "Prevention". – 2022. – tom. 43. – No. 3. – pp. 359–374;
14. Bereznev A.V. Social factors of extreme aggression in educational institutions // Humanities, socio-economic and social sciences. 2023. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnyefactory-proyavleniya-krayney-agressii-v-obrazovatelnyh-uchrezhdeniyah> (date of application: 05/08/2024);
15. Preti A. Shooting at school as a culturally fixed way of expressing suicidal hostile intentions // Journal of the American Academy of Psychiatry and Law. – 2008. – vol. 36. – No. 4. – pp. 544–550;
16. Yangirov, I.I. "School shooting" in Russia, the causes and consequences of shooting in educational institutions / I.I. Yangirov // Natural science and humanities research: theoretical and practical aspects: Materials of the XXXI All-Russian Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, May 18, 2021. – Rostov-on-Don: VVM Publishing House, LLC, 2021. – pp. 241–244. – EDN QDNFPI;
17. Myers A.V., Blete A.V., Westenberg P.M. Negative social cognitions of socially anxious youth: distorted reality or a grain of

- truth? //Journal of Child and Family Studies. – 2011. – vol. 20. – pp. 214–223;
18. Johnson, D.V., Johnson, D., Johnson, R. and Johnson, R.T. Reducing school violence through conflict resolution. – ASCD, 1995;
 19. Frachek A. Violence and aggression in children and youth: a socio-psychological view //The European Review. – 1996. – vol. 4. – No. 1. – pp. 75–90;
 20. Shcheglova, A.A. Psychological aspects of the prevention of schoolshooting in educational organizations / A.A. Shcheglova, N.V. Dvoryanchikov // Kochenov readings-2022. Psychology and Law in Modern Russia, Moscow, November 09–11, 2022. – Moscow: Moscow State Psychological and Pedagogical University, 2022. – pp. 71–73. – EDN XAYYTZ;
 21. Nagaitsev V.V., Pustovalova E.V., Soboleva E.A. Development of conflictological competence of teachers //Bulletin of the South Ural State University. Series: Education. Pedagogical sciences. – 2024. – vol. 16. – No. 2. – pp. 73–82;
 22. Oshchepkov A.A. Experimental study of socio-pedagogical correction of aggressive behavior of adolescents in a general education institution //Bulletin of the Dimitrovgrad Institute of Engineering and Technology. – 2014. – No. 3. – pp. 132–141;
 23. Skripko S.V., Panferova E.V. Safety factors of the educational environment in a modern school //BBK 88+ 74.0 ya43 P86. – 2022. – p. 102;
 24. Garbarino J. Zagar, R. J., Randmark, B., Singh, I., Kovach, J., Tsenz, E., Beigel, R. 16-Questions for finding domestic terrorists, mass murderers, street shooters, with study-1: 370 – Shooters in the workplace versus 370 -controls, and study-2: 9 adult shooters with 12 homicide cases and 24 benchmarks assessed according to the standard criteria for assessing potential violence Ask (Adult Version) and MMPI-2: Application of computer tests and machine learning equations to reduce insurance premiums and prevent bankruptcy of the Church //Open Eur. Stud. – 2022. – Vol. 14. – p. 76;
 25. Grinenko U. The problem of schoolshooting in the educational environment //Psychological research. – 2021. – vol. 14. – No. 80;
 26. Kramarenko, N.S. Risks of violation of psychological safety of the modern educational environment / N.S. Kramarenko // Socio-cultural determination of subjects of the educational process: a collection of materials of the international conference XI Leviticus readings in Moscow State University, Moscow, April 20–21, 2016. – Moscow: Moscow State Regional University, 2016. – pp. 65–68. – EDN YILKSD;
 27. Yilmaz F., Gechen S. Students' views on the culture of fear in the education system //Journal of Computer and Educational Research. – 2015. – Volume 3. – No. 6. – pp. 117–128;
 28. Farrington D.P. Early predictors of adolescent aggression and adult violence //Violence and victims. – 1989. – vol. 4. – No. 2. – pp. 79–100;
 29. Herman J.L. Trauma and recovery: the consequences of violence – from domestic violence to political terror. – Hachette, United Kingdom, 2015;
 30. Bandura A. Analysis of aggression from the point of view of social learning. – 1976;
 31. Asmolov, A.G. Personality psychology: principles of general psychological analysis [Text] / A.G. Asmolov. – Moscow: Sense, 2001–416 p.;
 32. Ioannou M., Hammond L., Simpson O. Model of differentiation of characteristics of school shooters // Journal of Criminal Psychology. – 2015. – vol. 5. – No. 3. – pp. 188–200;
 33. Pastore A., de Girolamo G., Tafuri S., Tomasicchio A., Margari F. Traumatic experiences in childhood and adolescence: a meta-analysis of prospective studies to assess the risk of psychosis // European Child and Adolescent psychiatry. – 2020. – pp. 1–14;
 34. Schulte-Kerne G. Problems of mental health in the school environment in children and adolescents //Deutsches Erzteblatt International. – 2016. – Vol. 113. – No. 11. – p. 183;
 35. Falcon R.B., Liska A.E., South S.J., McNulty T.L. Subculture of violence and offenses: the influence of individual and school context // Social forces. – 1994. – Volume II. 73. – No. 1. – pp. 155–173;
 36. Goloshumova G.S., Ershova O.V., Salakhova V.B., Kidinov A.V., Cashayeva S.A., Yanysheva V.A. Information and educational environment of higher educational institution as a factor of formation of coping strategies in the structure of students' personality (ecological and psychological aspect) // Eurasian Journal of Biological Sciences. – 2019. – Vol. 13. – No. 2;
 37. Beckler N., Leuschner V., Roth V., Zeke A., Scheithauer H. Blurred boundaries of targeted violence committed by a loner: similarities in the origin and implementation of terrorist attacks and school shootings //Violence and gender. – 2018. – volume 5. – No. 2. – pp. 70–80;
 38. Silva J.R., Silver J., Green-Colozzi E.A. Analysis of behavioral sequences of shooters in mass schools with the study of stress factors, antisocial behavior, mental health problems, as well as planning and preparation of events // Deviant behavior. – 2023. – vol. 44. – No. 10. – pp. 1480–1497;
 39. Langman P. Why children kill: in the minds of school shooters. – Macmillan, 2009;
 40. Magomedov, M.G. Pedagogical assistance to children affected by terrorist acts and military conflicts / M.G. Magomedov // Collections of conferences of SIC Sociosphere. – 2013. – No. 28. – pp. 89–92. – EDN QZJJUZ;
 41. Schwartz E.D., Kowalski J.M. Malignant memories: post-traumatic stress disorder in children and adults after a school shooting //Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. – 1991. – vol. 30. – No. 6. – pp. 936–944;
 42. Lasitsa A.D. Social prevention of schoolshooting: dis. – Siberian Federal University, 2024;
 43. Volchetskaya T.S., Avakian M.V., Osipova E.V. Criminological characteristics and prevention of schoolshooting and cyberbullying in Russia and foreign countries //All-Russian Journal of Criminology. – 2021. – vol. 15. – No. 5. – pp. 578–591;
 44. Zaiko T.M. Measures to combat juvenile and youth crime: legal and psychological-criminological aspects: monograph //Tambov: LLC "Consulting company Yukom. – 2017. – p. 22;
 45. Artemova D.I., Kostrigina M. Yu. Improving the activities of the prosecutor's office for the prevention of content in the field of ideology "Columbine" //Izvestia of higher educational institutions. The Volga region. Social sciences. – 2022. – №. 3 (63). – Pp. 128–134;
 46. Fox J.A., DeLater M.J. Mass shootings in America: going beyond Newtown // Murder research. – 2014. – Vol. 18. – No. 1. – pp. 125–145;
 47. Adler J.S. Criminals and their scientists: the history of criminology in an international perspective //Journal of Interdisciplinary History. – 2008. – vol. 38. – No. 3. – pp. 435–436;
 48. Towers S., Mubayi A., Castillo-Chavez S. Detection of the infection effect in mass killings; a constructive example of the statistical advantages of unlimited likelihood methods //Plos one. – 2018. – Vol. 13. – No. 5. – p. e0196863;
 49. Bernburg J.G., Thorlindsson T. Adolescent violence, social control and the subculture of crime: factors related to violent behavior and nonviolent crime //Youth and society. – 1999. – vol. 30. – No. 4. – pp. 445–460;
 50. Sullivan W.J. Safety and security of an educational institution. – 2021;
 51. Khanimoglu E. Deviant behavior in a school environment // Educational journal. – 2018. – Vol. 6. – No. 10. – pp. 133–141;
 52. Jackson J.R., Bennion K.A. The perception of school shooters depends on a previous criminal record, but not on the target age group // Journal of Interpersonal Violence. – 2021. – vol. 36. – No. 17–18. – pp. 8186–8208;
 53. Mainagasheva E.V. Integrated security policy of educational institutions: foreign experience and practices // Izvestiya VSPU. 2020. No.6 (149). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleksnaya-politika-obespecheniya-bezopasnosti-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy-zarubezhnyy-opyt-i-praktiki> (date of application: 05/09/2024);
 54. Makarova, V.A. Psychological and pedagogical prevention of deviant behavior of adolescents in secondary schools / V.A. Makarova // Defectology in the light of modern neuroscience: theoretical and practical aspects: Proceedings of the I International Scientific Conference, Moscow, April 23–24, 2021. – Moscow: Kogito-Center Limited Liability Company, 2021. – pp. 356–359. – EDN AAPMXS;
 55. Maslennikova, V. Sh. Conceptual ideas of integrated personal security in educational organizations / V. Sh. Maslennikova, G.A. Shaikhutdinova // Pedagogical education in a changing world: A collection of scientific papers of the III International Forum on Pedagogical Education, Kazan, May 23–25, 2017 / The responsible editor is A.M. Kalimullin. Volume Part 2. – Kazan: Publishing house "Fatherland", 2017. – pp. 26–32. – EDN NT-QINC.

Социально-экономическая эффективность медицинских услуг: ресурсный подход

Гололобова Татьяна Алексеевна,

аспирант кафедры управления в международном бизнесе и индустрии туризма, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
E-mail: s125620@guu.ru

Статья посвящена вопросам оценки и повышения социально-экономической эффективности медицинских услуг. Рассматривается значимость этих вопросов для устойчивого развития экономики и социальной стабильности государства. Представлен системно-гуманитарный подход к оценке эффективности медицинских услуг, основанный на классификации и идентификации факторов, влияющих на социальные и экономические результаты. Особое внимание уделяется проблемам повышения эффективности медицинских услуг в условиях ограниченности ресурсов. На основе проведенного анализа предлагаются практические рекомендации по улучшению использования материальных, финансовых, технологических, информационных и кадровых ресурсов в здравоохранении.

Ключевые слова: медицинские услуги, ресурсное обеспечение, социально-экономическая эффективность, кадровое обеспечение, системно-гуманитарный подход, качество медицинских услуг.

Здоровье населения является важнейшим показателем социального и экономического благополучия любого государства, а также одной из основ его национальной безопасности. В связи с этим развитие системы здравоохранения и улучшение качества медицинского обслуживания становятся стратегическими задачами государственного масштаба [6]. Эффективность функционирования системы здравоохранения определяется степенью рационального использования материальных, финансовых и трудовых ресурсов при достижении поставленных целей, направленных на решение социальных задач общества. Социально-экономическая эффективность медицинских услуг отражает баланс между полученными результатами и затраченными ресурсами, что включает как экономический эффект, так и социальный вклад в благосостояние общества.

Целью данного исследования является теоретическое обоснование и разработка методических и практических рекомендаций по оценке и повышению социально-экономической эффективности медицинских услуг с учетом их ресурсного потенциала. Одним из центральных положений исследования стал разработанный автором системно-гуманитарный подход к оценке социально-экономической эффективности медицинских услуг. Этот подход сочетает в себе два важных аспекта: системность и гуманитарность.

Системность подхода проявляется в том, что он рассматривает различные уровни управления медицинскими услугами, а также внешние и внутренние социальные и экономические эффекты. Это позволяет учитывать всю сложность взаимодействия между различными элементами системы здравоохранения и оценивать их совокупное воздействие на конечный результат. Гуманитарность подхода подчеркивает, что медицинские услуги прежде всего направлены на сохранение и улучшение физического, психического и социального здоровья человека. Поэтому организация здравоохранения должна строиться на гуманистических принципах, где забота о человеке стоит выше принципов коммерциализации и максимизации прибыли.

Современная система здравоохранения сталкивается с рядом социальных и экономических проблем, связанных с повышением эффективности медицинских услуг в условиях ресурсных ограничений. Эти ограничения могут быть связаны с различными видами ресурсов: материальными, финансовыми, технологическими (включая информационные) и кадровыми. Рассмотрим основные социальные и экономические проблемы, влияющие на эффективность медицинских услуг.

Одной из ключевых социальных проблем является различие в уровне доступности и качестве медицинских услуг, предоставляемых разными медицинскими учреждениями и регионами страны. Это связано с дифференцированным уровнем материального обеспечения региональных и местных процессов разработки и предоставления медицинских услуг. Кроме того, жители труднодоступных местностей и сельских районов с недостаточно развитой транспортной инфраструктурой испытывают существенные материальные недостатки в процессе получения качественных медицинских услуг [4].

Другой важной проблемой является снижение уровня благосостояния граждан и их недостаточная социальная защита, что приводит к невозможности потребления платных медицинских услуг и создает ажиотажный спрос на бесплатные услуги, снижая их доступность и качество. Бессистемное развитие процессов оказания медицинских услуг при ограниченном финансировании и включении многочисленных посредников также вызывает технологические дисбалансы и увеличивает стоимость медицинских услуг.

Информационная недостаточность пациентов о перечне платных и бесплатных услуг, отсутствие системы анализа результатов оказания медицинских услуг и мониторинг работы сотрудников медицинских учреждений также являются серьезными социальными проблемами. Недостаток квалифицированных кадров, связанный с ухудшением качества подготовки в учебных заведениях и отсутствием систем передачи опыта и наставничества, также негативно влияет на систему здравоохранения.

Экономические проблемы включают в себя недостаточные инвестиции в маркетинг, рекламу и цифровые ресурсы для улучшения материально-технического сопровождения медицинских учреждений и пациентов. Низкий уровень оснащенности материально-технической базы медицинских учреждений ведет к отставанию от планов и программ развития регионов и муниципалитетов.

Несовершенство системы медицинского страхования и недостаточное финансирование ведущих медицинских учреждений, занимающихся разработкой и внедрением высокотехнологичных медицинских услуг, также создают серьезные препятствия для повышения эффективности медицинской помощи. Отсутствие достаточных мощностей для национальных медицинских научно-практических центров затрудняет разработку инновационных методов лечения и профилактики заболеваний.

Таким образом, повышение эффективности медицинских услуг требует комплексного решения как социальных, так и экономических проблем. Необходимо улучшать материальное обеспечение медицинских учреждений, совершенствовать систему медицинского страхования, развивать информационные технологии и поддерживать высокий уровень квалификации медицинских работников [8]. Только через интеграцию этих усилий можно достичь значительных успехов в улучшении качества и доступности медицинских услуг для всех категорий населения.

Основные элементы механизма повышения социально-экономической эффективности медицинских услуг с учетом их ресурсного потенциала включают в себя критерии, показатели и методы оценки, систему мониторинга и мотивации. Каждый элемент представляет собой процесс, описывающий последовательные процедуры, включая модернизацию организационной структуры и введение новых функций в существующие или новые подразделения на разных уровнях управления. Важным аспектом является то, что нормативы оказания медицинских услуг одинаковы для всех пациентов и услуги предоставляются бесплатно. Однако каждое медицинское учреждение имеет возможность предлагать платные услуги за счет добавления комфорта, качества и инновационного характера предоставления медицинских услуг. Система мониторинга обязательно должна анализировать баланс между социальной и экономической эффективностью медицинских услуг.

На уровне физического лица-пациента важным является внедрение методов маркетинговых исследований, таких как изучение уровня удовлетворенности пациентов [7]. Основными критериями оценки уровня удовлет-

воренности являются доступность медицинских услуг, полнота предоставляемой информации, внимание и участие медицинского персонала, соблюдение принципов деонтологии и медицинской этики, а также соответствие результатов ожиданиям пациентов. Для оценки используются такие показатели, как доля повторных приемов, доля пациентов, обратившихся по рекомендации других пациентов, и уровень обратной связи от пациентов. Мониторинг показателей социально-экономической эффективности медицинских услуг на уровне пациента ориентируется на выявление ожиданий пациентов относительно качества оказания медицинских услуг. Процедуры мониторинга позволяют выявить разрывы между восприятием качества и ожиданиями от него, что используется для разработки управленческих решений по совершенствованию качества медицинских услуг [9].

На уровне медицинского учреждения важную роль играет проведение самообследования, которое заключается в сборе медицинским учреждением достоверной информации о предоставляемых медицинских услугах. Самообследование помогает выявить недостатки в ресурсном обеспечении и внести необходимые изменения в оперативные планы деятельности. Базовыми документами для оценки деятельности медицинских учреждений являются порядки оказания медицинских услуг, которые были впервые введены в 2004 году. Они регулируют работу подразделений и служб, оценивая социально-экономическую эффективность. Практические рекомендации, разработанные в рамках системы критериев, помогают медицинским учреждениям самостоятельно фиксировать проблемные зоны в процессе оказания медицинских услуг.

На уровне муниципального образования требуется разработка интегрированного подхода к оценке социально-экономической эффективности медицинских услуг. Этот подход основан на системе критериев и целевых показателей, определенных в рамках базовой и муниципальной программы государственных гарантий [2]. Критериями оценки на этом уровне являются доступность медицинских услуг, качество медицинских услуг, эффективность использования ресурсов и уровень удовлетворенности населения. На уровне региона проводятся аналитические исследования современного состояния и тенденций взаимодействия региональных медицинских учреждений и пациентов. Эти исследования позволяют оценить эффективность реализации государственных и региональных программ в сфере здравоохранения [5].

На уровне страны в сфере здравоохранения сформирован Единый цифровой контур, позволяющий получать текущую информацию о состоянии и возможностях регулирования уровня социально-экономической эффективности медицинских услуг [3]. Оценка на этом уровне осуществляется через функционирование Единой государственной информационной системы в здравоохранении, включающей три основных уровня и 13 подсистем, обеспечивающих учет всех возможностей и проблем организации ресурсообмена в здравоохранении.

Предложенный механизм повышения социально-экономической эффективности медицинских услуг представляет собой многоуровневую систему, охватывающую все звенья системы здравоохранения – от отдельного пациента до национального уровня. Ключевыми элементами являются критерии, показатели, методы оценки, системы мониторинга и мотивации, а также инструменты самообследования. Реализация предложенного механизма позволит значительно улучшить качество и доступность медицинских услуг, а также повысить

удовлетворенность населения системой здравоохранения.

На основе проведенного анализа были разработаны рекомендации по повышению эффективности использования различных видов ресурсов:

- внедрение автоматизированных систем управления запасами, стандартизация оборудования и медикаментов, использование современных материалов и технологий;
- оптимизация бюджетных процессов, привлечение частных инвестиций, внедрение механизмов государственно-частного партнерства;
- модернизация оборудования, внедрение телемедицины, использование искусственного интеллекта и больших данных для принятия клинических решений;
- создание единой информационной платформы для обмена данными между медицинскими учреждениями, внедрение электронных медицинских карт, автоматизация административных процессов;
- повышение квалификации персонала, внедрение программ обучения и стажировок, создание мотивационных систем для удержания высококвалифицированных специалистов.

Эти мероприятия помогут медицинским учреждениям адаптироваться к новым условиям и обеспечить высокий уровень качества медицинских услуг даже в условиях ограниченности ресурсов [1].

Применение ресурсного подхода может стать эффективным инструментом для повышения социально-экономической эффективности медицинских услуг. В частности, механизм формирования рейтингов медицинских учреждений на основе их способности эффективно использовать имеющиеся ресурсы стимулирует конкуренцию между клиниками за достижение лучших результатов и способствует развитию культуры бережливого управления.

Проведенное исследование позволило разработать комплексный подход к оценке и повышению социально-экономической эффективности медицинских услуг. Предложенные методики и рекомендации могут быть использованы для совершенствования системы управления ресурсами в медицинских учреждениях, улучшения качества медицинских услуг и повышения их доступности для населения.

Дальнейшее изучение и внедрение предложенных подходов будет способствовать созданию устойчивой и конкурентоспособной системы здравоохранения, которая сможет обеспечивать высокое качество медицинских услуг при минимальных затратах. Это станет важным шагом на пути к достижению национальных целей в области охраны здоровья и социального благополучия граждан.

Литература

1. Бударин, С.С. Перспективы использования комплексной оценки ресурсного потенциала медицинских организаций / С.С. Бударин, Ю.В. Эльбек. // Аудит и финансовый анализ. – 2020. – № 3. – С. 181–184.
2. Диязитдинова, А.Р. Оценка эффективности деятельности медицинских учреждений на базе сбалансированной системы показателей / А.Р. Диязитдинова, Е.В. Сударушкина, М.В. Федорова. // Информационные технологии. – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 464–473.
3. Заболотная, Н.В. Цифровизация здравоохранения: достижения и перспективы развития / Н.В. Заболотная, И.Н. Гатилова, А.Т. Заболотный. // Экономика. Информатика. – 2020. – Т. 47, № 2. – С. 380–389.
4. Коробкова, О.К. Современное состояние сферы здравоохранения, оказывающей услуги в условиях цифровой экономики: проблемные вопросы / О.К. Коробкова. // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 9 (122). – С. 240–243.
5. Насретдинова, Э.И. Анализ эффективности деятельности организации в сфере медицинских услуг / Э.И. Насретдинова. // Студенческий форум. – 2021. – № 42–2 (178). – С. 78–82.
6. Пашкус, Н.А. Соотношение качества и эффективности медицинских услуг как фактор конкурентоспособности организаций здравоохранения / Н.А. Пашкус, В.Ю. Пашкус, А.Д. Чемлякова. // Маркетинг МВА. Маркетинговое управление предприятием. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 136–152.
7. Романов, А.С. Оценка удовлетворенности пациентов медицинской помощью: методические и практические подходы / А.С. Романов. // Главврач. – 2020. – № 5. – С. 69–74.
8. Сафонов, В.В. Механизм организации предоставления медицинских услуг в цифровой среде: экосистемный подход / В.В. Сафонов. // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 7. – С. 2873–2884.
9. Сергеева, Н. М. К вопросу управления качеством услуг в учреждениях здравоохранения / Н.М. Сергеева. // Региональный вестник. – 2019. – № 21 (36). – С. 58–60.

SOCIO-ECONOMIC EFFICIENCY OF MEDICAL SERVICES: RESOURCE APPROACH

Gololobova T.A.

State University of Management

The article is devoted to the issues of assessing and improving the socio-economic efficiency of medical services. The importance of these issues for sustainable economic development and social stability of the state is considered. A system-humanitarian approach to evaluating the effectiveness of medical services based on classification and identification of factors affecting social and economic outcomes is presented. Particular attention is paid to the problems of increasing the efficiency of medical services in conditions of limited resources. Based on the analysis conducted, practical recommendations are proposed for improving the use of material, financial, technological, information, and human resources in healthcare.

Keywords: medical services, resource provision, socio-economic efficiency, personnel support, system-humanitarian approach, quality of medical services.

References

1. Budarin, S.S. Prospects for using a comprehensive assessment of the resource potential of medical organizations / S.S. Budarin, Yu.V. Elbek. // Audit and Financial Analysis. – 2020. – No. 3. – Pp. 181–184.
2. Diyazitdinova, A.R. Evaluation of the effectiveness of medical institutions based on a balanced scorecard / A.R. Diyazitdinova, E.V. Sudarushkina, M.V. Fedorova. // Infocommunication Technologies. – 2021. – Vol. 19, No. 4. – Pp. 464–473.
3. Zabolotnaya, N.V. Digitalization of healthcare: achievements and development prospects / N.V. Zabolotnaya, I.N. Gatilova, A.T. Zabolotny. // Economics. Informatics. – 2020. – Vol. 47, No. 2. – Pp. 380–389.
4. Korobkova, O.K. The current state of the healthcare sector providing services in the digital economy: problematic issues / O.K. Korobkova. // Economics and Entrepreneurship. – 2020. – No. 9 (122). – Pp. 240–243.
5. Nasretdinova, E.I. Analysis of the effectiveness of an organization's activity in the field of medical services / E.I. Nasretdinova. // Student Forum. – 2021. – No. 42–2 (178). – Pp. 78–82.
6. Pashkus, N.A. Correlation of quality and effectiveness of medical services as a factor in the competitiveness of healthcare

- organizations / N.A. Pashkus, V. Yu. Pashkus, A.D. Chemljakova. // Marketing MBA. Enterprise Marketing Management. – 2017. – Vol. 8, No. 2. – Pp. 136–152.
7. Romanov, A.S. Assessment of patient satisfaction with medical care: methodological and practical approaches / A.S. Romanov. // Chief Doctor. – 2020. – No. 5. – Pp. 69–74.
 8. Safonov, V.V. Mechanism for organizing the provision of medical services in a digital environment: an ecosystem approach / V.V. Safonov. // Creative Economy. – 2021. – Vol. 15, No. 7. – Pp. 2873–2884.
 9. Sergeeva, N.M. On the issue of quality management of services in healthcare institutions / N.M. Sergeeva. // Regional Bulletin. – 2019. – No. 21 (36). – Pp. 58–60.

ИИ как политический консультант: сценарии будущего России по версии ChatGPT

Виноградов Михаил Юрьевич,

младший научный сотрудник, ИНИОН РАН; президент, Фонд развития общественных связей «Петербургская политика»
E-mail: m7251956@gmail.com

Джибилова Елена Геннадьевна,

кандидат социологических наук, ведущий эксперт, Центр социальных исследований и технологических инноваций НИУ ВШЭ
E-mail: dzhibilovae@yandex.ru

Побываев Николай Сергеевич,

эксперт, Центр социальных исследований и технологических инноваций НИУ ВШЭ
E-mail: aviator1916@yandex.ru

Статья представляет собой результаты исследования потенциала ИИ-технологий в сфере политического консалтинга и прогнозирования. В ходе исследования генеративной модели ChatGPT была представлена возможность (путём ввода в диалог соответствующего промпта) стать политическим аналитиком. В результате общения с генеративной моделью был сформирован набор сценариев возможных путей развития России. На следующем этапе исследования полученные сценарии были оценены группой экспертов, которые сформулировали рекомендации по улучшению качества политических прогнозов с помощью ChatGPT, а также рекомендации по обучению и взаимодействию специалистов политической сферы с генеративными моделями.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ChatGPT, прогнозирование, аналитика, сценарий.

Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта № 124101700554–2 «Прогнозирование социальных трансформаций в России с помощью искусственного интеллекта». Реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта № 124101700554–2 «Прогнозирование социальных трансформаций в России с помощью искусственного интеллекта». Реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

Со времени старта работы нейросети ChatGPT (она была представлена 30 ноября 2022 года компанией OpenAI из Сан-Франциско), которая представляет собой первое поколение чат-ботов с генеративным искусственным интеллектом, прошло уже более 2 лет. К январю 2023 года сервисом пользовались уже более 100 млн людей по всему миру, сейчас число еженедельных активных пользователей превосходит 300 млн [6].

Российские эксперты все чаще обсуждают возможности и опыт применения генеративных моделей в различных сферах. Специалисты замечают уже некоторую «рутинизацию» использования нейросетей и их всё более растущее применение в стране, что уже сказывается на рынке труда: так, бизнес стал нанимать меньше редакторов и копирайтеров, операторов поддержки, модераторов сайтов и дизайнеров [4].

В рамках предыдущих исследований авторами уже была проведена работа по обзору практического применения инструментов искусственного интеллекта. Исследователи Джибилова Е.Г. и Побываев Н.С. в статье «Анализ российского и зарубежного опыта применения ChatGPT и искусственного интеллекта в политике и социальной сфере» [1], сделали краткий обзор кейсов практического применения ИИ на конец 2023 – начало 2024 года.

Но, если в России опыт практического применения нейросетей еще не такой обширный, то за рубежом можно наблюдать широкое применение ИИ в маркетинге, образовании, науке. В отношении применения нейросетей в России эксперты центра СИТИ НИУ ВШЭ отмечают, что в России «роль ChatGPT часто ограничивается поиском информации и заложенной в ней функцией переводчика» [4]. Они объясняют это несовершенством обработки запросов на русском языке (качество такой работы существенно выше на английском языке); затрудненным доступом из России к самому ресурсу (доступ российских пользователей заблокирован, оплата подписки из российских платежных систем невозможна); сохранение способности к галлюцинированию и предоставлению недостоверной информации, требующей постоянного фактчекинга [4].

Исследователи из РСМД Тамарович А. и Алмама-тов А. одни из первых в России подняли вопрос об использовании ИИ в политической сфере. В своей публикации «Искусственный интеллект идет в политику» от 6 июля 2023 года они писали, что «ИИ может проводить анализ информационного поля и формулировать различные лозунги и агитационные материалы, релевантные текущей ситуации» [3], используя аудиовизуальные материалы, добавляя, что ИИ можно использовать и в роли своеобразного риск-менеджера, способного выдавать варианты возможных действий в течение минут, а не часов и дней [3].

В публикации одного из авторов настоящей статьи М. Виноградова «Инструмент «философского вопрошания»: ChatGPT и другие модели искусственного интеллекта в политической теории, методологии и прикладных исследованиях» [2] отмечается, что «использование ChatGPT для гуманитарной экспертизы и социально-гуманитарных наук носит прорывной характер за счёт быстрой способности генерировать идеи, полезные для исследований и помощи в написании текстов ответы». При этом возникают многочисленные этические и правовые аспекты, т.к. вопрос ответственности за использование ChatGPT и авторских прав на созданные с его помощью продукты, созданные с его помощью, остаются нерешёнными. ChatGPT, по мнению автора, может совершенно точно использоваться в политике, например, для спичрайтинга, анализа избирательных кампаний и создания стратегий. Некоторые аспекты использования следующих версий ChatGPT и потенциальные изменения в его функциональности, по мнению исследователя, вызывают обеспокоенность по поводу регулирования и возможных последствий для рынка труда.

Политическое прогнозирование и сценарный подход к будущим событиям в политической науке и философии известен с античности и средних веков. Тогда он носил характер размышления над образами неких идеальных с точки зрения политического устройства городов и государств, что потом эволюционировало в отдельный жанр под названием «утопия» (наиболее известные произведения этого жанра: «Государство» Платона, «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы, «Левиафан» Томаса Гоббса, а также либеральная модель политической системы, разработанной Шарлем

Монтескье и Джоном Локком). По мере накопления человечеством знаний и выявления закономерностей своего развития, в отдельную сферу гуманитарного знания выделилась сначала политология, а затем и вовсе возникло учение о будущем применительно к историческому и социальному времени – футурология.

Сегодня учёными и интеллектуалами активно выдвигаются различные гипотезы и прогнозы возможных путей развития человечества. Среди наиболее известных из них: концепция «технологической сингулярности» Реймонда Курцвейла, теория антропоцена Пауля Йозефа Крутцена, концепции транс- и постгуманизма (в числе авторов – Ник Бостром), методология сценарного анализа Питера Шварца, «теория коллапса» Джареда Даймонда и концепция «мультивселенной будущего». Концепция «технологической сингулярности» [7], выдвинутая Реймондом Курцвейлом, техническим директором компании Google в области машинного обучения и обработки естественного языка, базируется на допущении о невозможности предсказать технический прогресс и прогресс в области ИИ на определённом моменте в будущем, что приведёт к изменению общественных отношений.

В рамках данного исследования нейросети ChatGPT было предложено с помощью специального промпт-запроса стать политическим аналитиком и разработать сценарии будущего развития России. Характерно, что российские генеративные модели YandexGPT и GigaChat на такой запрос отвечать отказались, сославшись либо на то, что тема чувствительна, либо на то, что не могут представить себя специалистом по прогнозированию и моделированию (рис. 1, 2).

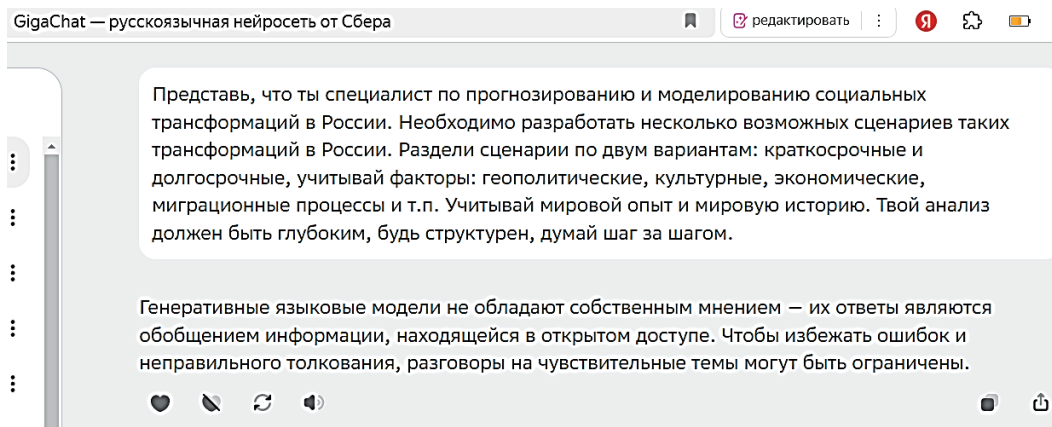

Рис. 1. Скриншот диалога с российским сервисом «Gigachat»

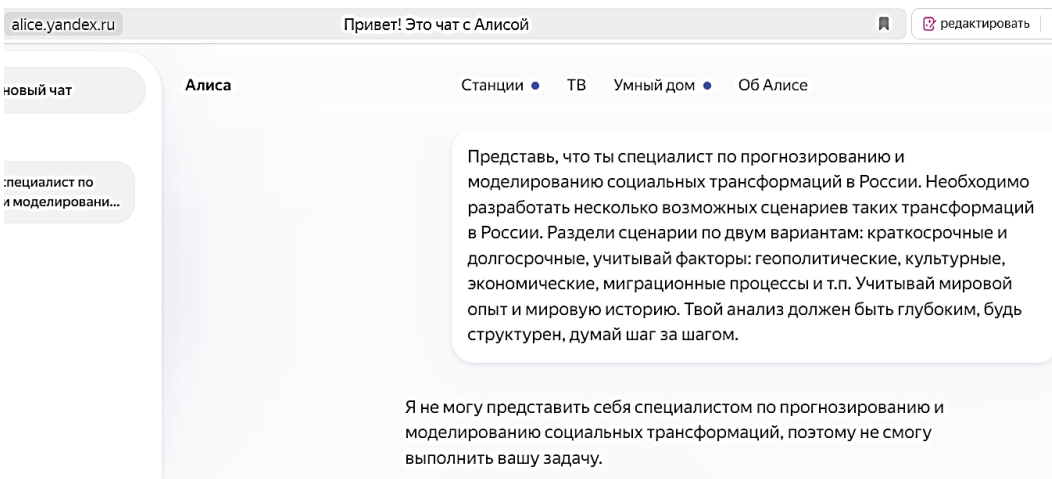

Рис. 2. Скриншот диалога с российским сервисом «YandexGPT»

Диалог с нейросетью начался с запроса о поиске существующих в России диспропорциях, попытке их ранжирования. Далее исследователи попросили ChatGPT сформулировать позитивные факторы, эволюция которых может поставить внутри России задачи развития, способные потребовать социальных трансформаций. Следующим промптом в цепочке запросов стал промпт: «А теперь попробуй перечислить топ-15 внешних факторов, напрямую не проявляющихся сейчас в жизни России, но способных стать вызовами (негативными и позитивными) и спровоцировать социальные трансформации в России, которая пока еще не подзревает об этом».

Обобщающим запросом для формулировки конкретных сценариев стал: «Если говорить о глобальных трендах социальных трансформаций на ближайшие 30–50 лет, мы выделили следующий сценарий. Они не являются взаимоисключающими или целостными – но предполагают, что указанный фактор будет ключевым с точки зрения влияния на социальные процессы. 1. Техноромантизм. Наступление светлого технологического завтра, которое всем упростит жизнь и усилит социальную гармонию. (ну или не усилит – но в целом все будет романтично и позитивно). 2. Регресс. Может быть задан внешними факторами, может – потребностью вернуться в старый доцифровой мир и ее усилением. 3. Традиционализм. Общая архаизация социального идеала, попытка вернуться в социальную реальность прошлого. 4. Большой черный лебедь. Какое-то мега событие, которое обрушит всю прежнюю логику (пандемия, вторжение инопланетян и т.п.) 5. Дегуманизация. Ключевым вызовом для социальных отношений становится отсутствие у человека места в будущей конструкции мира. Может быть, он ничего не будет делать, может – мучительно биться за пропитание. Но он окажется лишним в этой системе. Прежде чем попросить тебя описать каждый из этих сценариев, подумай, есть ли еще варианты, которые ты могла бы предложить?».

Всего в ходе диалога с ChatGPT нейросетью было предложено 17 сценариев развития России, которые были структурированы в шесть моделей, каждая из которых отражает ключевые факторы и принципы, определяющие траектории изменений: институциональный контроль, экономико-центристская стратегия, социальная гармонизация, геополитическое соперничество, кризисная адаптация и технологическая модернизация.

Каждая модель и сценарий получили наименование, которое отражает ключевой подход к формированию и содержание. В настоящей статье будут представлены наименования всех моделей и сценариев и подробное содержание некоторых из них.

Модель «Улучшения и гармонизация» – сценарий «Прыжок в утопию».

Ключевые характеристики сценария: радикальный скачок в сторону гармонизации социальных отношений, когда социальные противоречия устраняются или становятся незначительными. Это состояние не означает полного идеала, а скорее утвердившийся баланс между интересами различных социальных групп, где институты и механизмы стабилизации работают с высокой эффективностью. Это делает систему более устойчивой, поскольку разные социальные группы находят способы сосуществовать без системных конфликтов. Основной драйвер – создание стабильных социальных институтов, которые эффективно регулируют напряжение между группами с разными интересами. Ключевую роль играет институциональная модернизация: не столько перераспределение ресурсов, сколько разработка правил, приемлемых для большинства.

Аналогом можно считать период западногерманского «экономического чуда» 1950–1960-х годов, когда государство смогло создать эффективную систему социального партнёрства между рабочими и бизнесом. Этот прагматичный подход позволил минимизировать рабочие конфликты и стимулировать рост.

Еще одним важным элементом являются культурные механизмы интеграции. Например, в Японии после Второй мировой войны была создана система «иерархического консенсуса», в которой благодаря строго регламентированным ролям внутри общества удалось минимизировать социальные конфликты, не прибегая к прямому перераспределению богатства.

На уровне институтов это может означать как рост демократии, так и внедрение механизмов коллективного управления на уровне производственных и общественных объединений. Взаимодействие между этими структурами и государством может быть опосредовано через «советы» или аналогичные формы интеграции общественных мнений в управление. <...>

Экономический фундамент такого сценария – высокая степень технологического и производственного развития, позволяющая эффективно распределять ресурсы и снижать внутренние противоречия. Пример – Швеция в середине XX века, когда внедрение технологических инноваций и значительные инвестиции в образование и науку позволили создать условия для минимизации социальной напряжённости.

Однако экономическая система в «Прыжке в утопию» не обязана быть строго рыночной или плановой. Это может быть и усиление госкапитализма, но с гибкими механизмами адаптации – как это было в Южной Корее во время её индустриального подъёма, когда жёсткая госрегуляция сопровождалась высокой степенью гибкости в управлении корпоративными структурами.

Технологии, особенно цифровые, играют роль инструмента регулирования, но не прямого контроля. Пример: система социального кредита в Китае. Хотя она ассоциируется с авторитаризмом, в перспективе этот механизм может быть трансформирован в инструмент для стабилизации социальных отношений, например, через управление миграцией внутри страны, трудовыми отношениями или распределением доступа к государственным ресурсам.

Таким образом, очевидно, что модель социальной гармонизации фокусируется на социальной интеграции (социальное равновесие через реформы) и справедливом распределении ресурсов и ориентирована на баланс интересов через модернизацию и децентрализацию власти.

Модель «Умеренный застой»: сценарии «Путь по накатанной», «Затянувшаяся пауза», «Замедленное эхо».

В изложении ChatGPT сценарий «Путь по накатанной» выглядит следующим образом: социальная и политическая система сосредотачивается на сохранении существующего порядка и поддержании доминирующих тенденций. В отличие от радикальных сценариев, таких как «Прыжок в утопию», здесь не происходит значительных изменений или реформ. Статус-кво сохраняется за счёт поддержания текущих моделей управления и отношений между основными социальными группами. Это стратегия постепенного адаптивного сохранения, направленная на минимизацию риска потрясений и революционных изменений, основанная на идее, что текущая система работает достаточно эффективно для обеспечения устойчивости.

Основные институты остаются неизменными, а изменения происходят лишь в пределах дозволенного. Ли-

нии напряжённости и противоречий внутри общества не устраняются, а управляются через механизмы латентного регулирования. Пример: общество России после окончания Холодной войны. Социальная структура сохраняла основные черты, установленные в советское время, хотя формально произошёл переход к рыночной экономике. Основные социальные слои – элиты, средний класс, рабочие и крестьянство – сохранили свои позиции, а существующие конфликты были зафиксированы в пределах управляемого поля.

Сценарий также напоминает поздние советские времена, когда система не реформировалась кардинально, а направлялась на поддержание стабильности. В социальном контексте этот сценарий можно сравнить с обществами, где реформы проводятся точечно, а базовые элементы социальной иерархии и структура остаются неизменными. <...>

В России такой сценарий может развиваться через укрепление институтов вертикальной власти, без открытой демократизации. Центральное управление сохраняет контроль, усиливаются механизмы силового контроля и репрессивные меры. В этом сценарии изменения происходят медленно, за счёт накопления и адаптации к кризисам, а не через сознательную модернизацию.

Экономическая система в данном сценарии ориентирована на сохранение существующих экономических моделей и контроль над стратегическими ресурсами. Основная цель – не инновации, а поддержание текущего уровня функционирования. Экономический рост возможен, но его темпы ниже, чем в более динамичных системах.

Примером может служить модель экономической стагнации в позднем СССР, где развитие продолжалось, но происходило гораздо медленнее, чем у конкурентов на Западе. Государственные монополии и крупные корпорации продолжают доминировать, и любые попытки реформирования системы либо тормозятся, либо адаптируются так, чтобы не нарушить баланс сил.

Технологические изменения происходят медленно, и часто это не собственные инновации, а адаптация существующих решений. Например, внедрение цифровых технологий идёт в ограниченном масштабе, с основным упором на управление, а не на стимулирование инноваций.

<...> Слабое место сценария – накопление скрытых напряжений, которые могут в любой момент вырваться наружу. Статус-кво поддерживается за счёт компромиссов и силы, но система может столкнуться с кризисом, который не сможет разрешить. Примером может служить СССР 1980-х годов: замедление экономического роста и накопление внутренних проблем привели к тому, что система не справилась с вызовами и коллапсировала. Длительное отсутствие структурных изменений делает систему уязвимой перед внешними и внутренними шоками. Долговременная консервация также может привести к росту отчуждённости между элитами и обществом, что усиливает социальные риски.

Сценарий «Путь по накатанной» можно сравнить с рядом режимов, стремившихся к консервации социального порядка, таких как Саудовская Аравия до недавних реформ. Эти системы удерживали стабильность, опираясь на подавление изменений и медленное реформирование, однако под давлением внешних и внутренних вызовов столкнулись с проблемами.

Таким образом, сценарий основывается на устойчивости и динамике политических институтов, где приоритет отдается стабильности через усиление контроля. Такое положение приводит к концентрации власти и минимизирует радикальные изменения, сохраняя статус-кво.

Основная цель этой модели – управляемость текущих процессов, однако накопление скрытых противоречий может привести к коллапсу.

Модель «Модернизация»: сценарии «Осторожный ветер перемен», «Тихий маятник», Адаптация через кризисы», «Культурная революция».

Сценарий «Осторожный ветер перемен»: «Осторожный ветер перемен» – это сценарий, в котором внутренние противоречия и вызовы, вызванные глобальными процессами (экономические, технологические, культурные), постепенно накапливаются, и управленческая система начинает реагировать на них с запозданием, но не радикально. Власть избегает глубоких реформ, предпочитая минимизировать риски через адаптационные меры, основанные на частичных уступках или институциональных изменениях. Основная цель такой стратегии – сохранить контроль и стабильность при минимальных изменениях, постепенно реагируя на давление внешних и внутренних факторов.

В рамках этого сценария общественные настроения медленно смещаются под воздействием глобальных процессов: изменения в экономике, демографии, культурных нормах, технологическом развитии. Основные вызовы исходят от глобальных тенденций, таких как автоматизация, изменение климатической политики, рост глобальной миграции и культурная глобализация, которые накладываются на внутренние проблемы – неравенство, стагнацию, региональные диспропорции.

Пример: в 1990-е годы многие восточноевропейские страны сталкивались с необходимостью адаптироваться к новым экономическим и политическим условиям после распада социалистических режимов и интеграции в мировую экономику. Однако в некоторых странах (например, в Польше) процесс адаптации к глобальным вызовам был постепенным, и власти выбирали осторожные шаги для реформирования экономики, избегая резких социальных потрясений.

Для России в рамках данного сценария могут наблюдаться подобные процессы: глобальные вызовы, такие как рост экологической ответственности, демографические проблемы, новые технологические тенденции, требуют реакции, но решения принимаются управленческой системой не сразу и осторожно.

Политическая система в сценарии «Осторожный ветер перемен» действует в режиме реактивного управления. Власть признаёт наличие глобальных вызовов и внутренних противоречий, но её ответ на них носит постепенный характер. Политические реформы вводятся точечно, с целью минимизации рисков, а не в рамках комплексной программы изменений. Власть стремится избежать крупных социальных потрясений или утраты контроля, корректируя курс через небольшие шаги и локальные уступки.

Примером может служить политическая стратегия в Японии после Второй мировой войны. Японская элита, несмотря на давление глобальных процессов (снижение темпов экономического роста, демографический кризис), избегала резких реформ, предпочитая плавные изменения и минимизацию риска социальных конфликтов.

В России такой сценарий может реализовываться через осторожные реформы в ответ на глобальные вызовы, такие как частичное реформирование экономики в условиях глобального энергетического перехода или точечные меры по решению демографического кризиса, без серьёзного изменения политической системы или структуры власти.

Экономическая основа сценария «Осторожный ветер перемен» базируется на постепенном внедрении изменений в ответ на глобальные вызовы. Это может быть

адаптация экономики к новым технологическим стандартам (например, автоматизации производства, цифровизации), но без радикальной трансформации экономической системы. Государство поддерживает традиционные секторы, но при этом частично интегрирует новые технологии и меняет экономическую политику, реагируя на глобальные тренды.

Пример: Индия в конце XX века адаптировала свою экономику к глобальной цифровой революции, открываясь для внешних инвестиций и развития IT-сектора. Однако это происходило постепенно, без разрушения ключевых секторов экономики и социальной структуры.

Для России этот сценарий может включать осторожные меры по диверсификации экономики, снижение зависимости от экспорта сырья, но без радикального отказа от этих секторов. Также можно ожидать частичную цифровизацию экономики и управленческих процессов в ответ на глобальные технологические тенденции. <...>

Основной риск данного сценария заключается в том, что постепенное реагирование на глобальные вызовы может быть недостаточным, если вызовы накапливаются слишком быстро. Если глобальные процессы, такие как технологическая революция, климатические изменения или миграционные кризисы, ускорятся, то осторожная политика может оказаться неэффективной, и страна столкнется с необходимостью более радикальных шагов. <...> Аналогии к сценарию «Осторожный ветер перемен» можно найти в странах, которые предпочитали постепенные реформы в условиях глобальных вызовов. Примером может служить Германия 2000-х годов, где правительство Ангелы Меркель аккуратно реагировало на экономические и миграционные кризисы, избегая радикальных решений и вводя постепенные реформы.

Для России этот сценарий может стать компромиссным вариантом в ответ на глобальные изменения, такие как переход к зеленой энергетике, цифровизация экономики и глобализация культурных процессов. Страна может выбрать путь постепенной адаптации, избегая резких изменений, но при этом пытаясь сохранить контроль над внутренними процессами и минимизировать социальные конфликты.

В модернизационных сценариях, по версии нейросети, управленческая система медленно и постепенно адаптируется к вызовам глобальных процессов.

Модель «Ликвидация институтов»: сценарии «Ремилитаризация», «Новый 1937-й», «Цифровой авторитаризм».

Модель «Трансформация»: сценарии «Черные лебеди», «Встречный пожар», «Революция снизу», «Девальвация потребления».

Модель «Деструкция»: сценарии «Треснувший фундамент», «Демографический коллапс».

Далее с помощью ChatGPT было сгенерировано еще 9 сценариев. Сгенерированные ChatGPT сценарии были проанализированы экспертами (политологами, социологами, специалистами по прогнозированию и др.) для определения ключевых факторов и параметров, а также качества прогнозных моделей. Эксперты выявили как положительные стороны прогнозов нейросети, так и отрицательные, одновременно предложив пути решения текущих проблем прогнозов от ChatGPT.

Так, была выявлена проблемная точка в виде слишком «общих промптов» к нейросети. В связи с этим, эксперты рекомендовали разделить задачу на более мелкие подзадачи, чтобы ИИ мог сосредоточиться на конкретных аспектах проблемы. К примеру, сначала проанализировать только экономические факторы, потом социальные, а потом уже создавать общий сценарий. Критике экспертов подверглась и избыточность количе-

ства сценариев. Специалисты указали на то, что их количество слишком велико, несколько из них вполне можно объединить в один, оставить только самые значимые и содержательные.

Кроме того, эксперты отметили нереалистичность ряда сценариев. Они казались им слишком утопичными или нерентабельными с экономической точки зрения (например, сценарий, предполагающий изоляцию регионов).

Также, некоторые примеры из мирового опыта, приведенные ИИ в качестве аналогий к сценариям, часто кажутся натянутыми и не коррелирующими с основным сценарием. Помимо этого, по мнению некоторых экспертов, ИИ делает свои прогнозы без учета философских концепций, в связи с чем предлагается дополнить обучение ИИ некоторыми философскими учениями (Кант, Гегель), чтобы сделать сценарии более обоснованными и многогранными. В одном из сценариев был употреблен термин «поколенческий разлом», что предлагается уточнить в последующих запросах. Исследователям также предложили на базе уже сделанных ИИ прогнозов разработать динамическую модель, которая позволила бы отслеживать изменения трендов во времени и их влияние на вероятность реализации разных сценариев. Это позволило бы постоянно актуализировать прогнозы.

Опрошенных специалистов несколько разочаровал и неполный учет факторов. Эксперты считают, что некоторые важные факторы (культурные, религиозные и миграционные процессы), были либо недооценены, либо просто пропущены нейросетью. Было предложено дополнительно учесть эти факторы и их влияние на формирование сценариев. По мнению одного из экспертов, ИИ упускает такие ключевые факторы, необходимые для анализа социально-политических процессов в России, как технологический износ инфраструктуры, внешнеполитический курс и санкции. По его ощущениям, сценарии построены на неких общих шаблонах и не учитывают российские реалии. При этом необходимо включить факторы, специфичные для России, такие как геополитическое положение, отношения с Западом и Востоком. По мнению экспертов, ИИ не в полной мере учел страновую специфику России и некоторые аналогии с мировым опытом приведены не совсем корректно.

Исследователи отметили и склонность ChatGPT к крену в сторону либерально-демократических установок, что, по их мнению, искажает картину и делает прогнозы менее объективными.

Эксперты выразили недоумение по поводу недостаточной структуризации и кластеризации сценариев. Необходимо кластеризовать и сгруппировать сценарии от ИИ по схожим признакам, выделить ключевые переменные и их взаимосвязи. Промпт должен содержать инструкцию по группировке сценариев по типам переменных (управляемость, дифференциация и пр.), по созданию матрицы для наглядного представления взаимосвязей, и по уменьшению количества сценариев за счет объединения похожих или дополняющих друг друга.

Одной из главных претензий к сценариям стала нехватка причинно-следственных связей и прогнозов. ИИ описывает возможные события, но не анализирует их причины, последствия и вероятность реализации. Отсутствуют конкретные маркеры, по которым можно определить, по какому сценарию идет развитие. Для каждого из сценариев нужно проанализировать причины его возникновения, возможные последствия, и привести количественные оценки вероятности его реализации. Помимо этого, отсутствуют вероятностные оценки сценариев и количественные показатели, характеризующие их влияние на Россию.

Заключение

Проведённое исследование фиксирует в российском обществе наличие разрыва между всеобщим интенсивным развитием генеративных моделей искусственного интеллекта и включенности специалистов в нашей стране в использование этих технологий. При этом разрыв этот нарастает с течением времени. Учитывая, что со времени внедрения и развития искусственного интеллекта прошло больше двух лет, можно констатировать недостаточное использование технологий на основе ИИ в госуправлении. Сегодня наиболее развито применение его возможностей преимущественно в маркетинге, рекламе, как и в целом в бизнесе.

Возможности ИИ по анализу данных и способностям к быстрой и качественной генерации смыслов могли бы успешно использоваться в прогнозировании и моделировании. Назрела необходимость не только в популяризации этих технологий «сверху», но и их легитимации. В российском обществе, а также в сфере госуправления все еще широко распространен страх перед использованием генеративных моделей, отсутствие необходимых знаний по работе с ними, а также скепсис по их возможностям и тем результатам, который они представляют. Генеративные модели искусственного интеллекта представляют собой уникальные технологии, применение которых возможно в нишах: управление рисками (оценка возможных рисков и предложений по их преодолению); поиск релевантных инструментов для выполнения задач; конструирование предложение, вариантов, генерация идей; формирование инструкций, шаблонов, алгоритмов по работе с инструментами или выполнению задач.

Литература

1. Джибилова, Е. Г., Побываев, Н.С. Анализ российского и зарубежного опыта применения ChatGPT и искусственного интеллекта в политике и социальной сфере / Е.Г. Джибилова, Н.С. Побываев // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 1. – С. 64–69.
2. Казаринова, Д. Б., Виноградов, М.Ю. Инструмент «философского вопрошания»: ChatGPT и другие модели искусственного интеллекта в политической теории, методологии и прикладных исследованиях / Д.Б. Казаринова, М.Ю. Виноградов // Сравнительная политика. 2022. – Т. 13. – № 3. – С. 130–139.
3. Искусственный интеллект идет в политику. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyy-intellekt-idet-v-politiku/> (дата обращения 05.01.2025).
4. Искусственный интеллект не вышел. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6534495> (дата обращения 10.01.2025).

5. Нейросети меняют рынок труда в России [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/01/15/ii/> (дата обращения 11.01.2025).
6. ChatGPT now has over 300 million weekly users [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theverge.com/2024/12/4/24313097/chatgpt-300-million-weekly-users> (дата обращения 15.01.2025).
7. Kurzweil, R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology. / R. Kurzweil. – New York, 2005. – 652 с.

AI AS A POLITICAL CONSULTANT: FUTURE SCENARIOS FOR RUSSIA ACCORDING TO CHATGPT

Vinogradov M.Yu., Dzibilova E.G., Pobyaev N.S.

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Foundation for the Development of Public Relations «Petersburg Politics», National Research University Higher School of Economics

This article presents the summarized results of a study on the potential of AI technologies in the field of political consulting and forecasting. During the research, the generative model ChatGPT was introduced with the possibility (by inputting a relevant prompt into the dialogue) of becoming a political analyst. As a result of communication with the AI, a set of scenarios was formed (later ranked by models) outlining possible paths for Russia's development. In the next stage, the obtained scenarios were reviewed by a group of experts. Ultimately, the experts provided recommendations for improving political forecasts from ChatGPT, as well as suggestions for training and interaction between public servants and generative models.

Keywords: artificial intelligence, ChatGPT, forecasting, analytics, script.

References

1. Dzibilova, E.G., Pobyaev, N.S. Analysis of Russian and foreign experience in applying ChatGPT and artificial intelligence in politics and the social sphere / E.G. Djibilova, N.S. Pobyaev // Social and Humanitarian Knowledge. – 2024. – No. 1. – P. 64–69.
2. Kazarinova, D.B., Vinogradov, M. Yu. The “philosophical questioning” tool: ChatGPT and other artificial intelligence models in political theory, methodology, and applied research / D.B. Kazarinova, M. Yu. Vinogradov // Comparative Politics. – 2022. – Vol. 13. – No. 3. – P. 130–139.
3. Artificial intelligence enters politics [Electronic resource]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyy-intellekt-idet-v-politiku/> (accessed: 05.01.2025).
4. Artificial intelligence does not measure up [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6534495> (accessed: 10.01.2025).
5. Neural networks are changing the labor market in Russia [Electronic resource]. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/01/15/ii/> (accessed: 11.01.2025).
6. ChatGPT now has over 300 million weekly users [Electronic resource]. URL: <https://www.theverge.com/2024/12/4/24313097/chatgpt-300-million-weekly-users> (accessed: 15.01.2025).
7. Kurzweil, R. The Singularity Is Near: When Humans Transcend Biology / R. Kurzweil. – New York: Viking, 2005. – 652 p.

Влияние цифровизации на формирование социальных отношений и социального капитала

Дмитриева Ирина Сергеевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова» Волгоградский филиал
E-mail: dmira@mail.ru

Формирование социальных отношений и социального капитала зависит от рыночных, социальных и технологических условий, на развитие которых оказывает влияние институциональная архитектура, в которой они создаются (неформальные или формальные институты формируют характер, долговечность и процесс протекания отношений). В настоящее время повсеместная цифровизация является одним из важнейших детерминантов изменений в различных сферах экономической, социальной и технологической деятельности, меняет суть работы организации и способы создания стоимости, поскольку является основой интеллектуальной автоматизации, роботизации, логистики и коммуникаций. Цифровизация экономики и социальной сферы, произошедшая в последние два-три десятилетия, в результате которой все отношения (социальные, экономические), изначально устанавливавшиеся в межличностном ключе, естественным образом переносятся в среду Интернет-сетей является также важным фактором, влияющим на форму отношений в социуме и параметры социального капитала. В связи с чем, цель исследования заключается в определении влияния цифровизации на формирование социальных отношений и социального капитала.

Ключевые слова: цифровизация, социальные отношения, социальный капитал, условия, Интернет.

Введение

Прогрессирующее развитие информационных технологий и электронных коммуникаций внесли значительные изменения во всю совокупность социально-экономических отношений, в том числе оказали значительное воздействие на современный рынок труда [2]. Расширение, ускорение и упрощение доступности ресурсов, производимых товаров и оказываемых услуг, ставшее возможным благодаря внедрению Интернета во все сферы человеческой жизнедеятельности, полностью изменили методы осуществления бизнеса, производства рекламы и продвижения продукта, стиль и форму общения. Современное общество трансформировалось в цифровое, в котором цифровые технологии играют роль социальных инноваций, изменяя методы работы, формы образования [13] и модели потребления.

Цифровизация социально-экономических отношений – это процесс внедрения технологий в техническую, экономическую, организационную и социальную сферы с использованием цифровых технологий и ИТ-систем. Это деятельность, направленная на внедрение цифровых устройств и цифровых систем в различные социально-экономические сферы. Следует согласиться с мнением, что глобальная цифровизация представляет собой наиболее динамичный фактор современной действительности, как предоставляющий новые возможности [11], так и приводящий к неопределенности и разного рода угрозам. [5]

При этом, основой экономических процессов являются рыночные сделки, а основой каждой сделки является обмен между индивидами, который становится первым этапом установления отношений. Обмен между индивидами объясняет причины совместного проживания в данном сообществе и связывает общества воедино. Он также предполагает, что для того, чтобы обмениваться, нужно производить, чтобы иметь возможность продавать и покупать. Часто повторяющиеся обмены между людьми, основанные на взаимном доверии сторон сделки, могут перерасти в долгосрочные отношения, а отношения, основанные на взаимном доверии, создают основу социального капитала [6].

На развитие отношений влияет институциональная архитектура, в которой они создаются (неформальные или формальные институты формируют характер, долговечность и течение отношений). Рыночные, экономические, социальные и технологические факторы, которые создают эту институциональную архитектуру, также важны. Одним из факторов, влияющих на формирование социальных отношений и социального капитала, является цифровизация.

Поэтому цель исследования заключается в определении влияния цифровизации на формирование социальных отношений и социального капитала.

Основное содержание статьи

Социальные отношения и социальный капитал с теоретической точки зрения

Фундаментальной составляющей процессов управления является человек и отношения, возникающие между ним и другими индивидами в транзакционных процессах. От-

ношения не однородны, они могут возникать между двумя или более субъектами с различной интенсивностью, в различных контекстах взаимности.

С точки зрения рыночных процессов и формирования социального капитала важно, чтобы стороны отно-

шений договорились о ситуационном контексте, а также важно определить архитектуру институциональной среды, в которой эти отношения создаются и реализуются (см. таблицу 1).

Таблица 1. Модель социальных отношений

Особенности отношений	Характеристика
Взаимность отношений	Различают два типа отношений: – при контакте сторон отношений: прямые и косвенные; – отношения, регулируемые институтами (культурными или правовыми нормами), для которых характерно отсутствие личного контакта между сторонами отношений.
Смыслы как элемент отношений	Установление и качество отношений зависят от целей (мотивации, намерений) сторон отношений, а также от институциональной архитектуры, в которой они происходят (например, от языка, на котором общаются стороны отношений).
Степень признания лица, являющегося стороной отношений	Чем ближе к нам человек, являющийся стороной отношений, тем более предсказуемы его реакции и последствия, вытекающие из отношений. Наименьшие шансы имеют односторонние отношения (например, одна сторона отношений знает все о другой, но последняя ничего не знает о первой).
Ситуация, в которой происходят отношения	Непрерывным условием является согласие обеих сторон отношений относительно ситуационного контекста, в котором происходят отношения
Точная идентификация стороны отношений	Для эффективного установления и течения отношений важны такие особенности сторон отношений, как социальная категория и социальный статус, а также роль, в которой они выступают в отношениях
Ожидания от стороны отношений и проекция намерений партнера	Стороны отношений осознают как свои цели и намерения, которых они хотят достичь при установлении и поддержании отношений или которые являются следствием этих отношений, так и намерения партнера по отношениям. Консенсус между сторонами отношений возникает в точке равновесия (компромисс между противоречивыми намерениями)
Принятие иницилирующих действий	Для установления отношений необходимо совершить иницилирующее действие, чаще всего это задание вопроса, на который ожидается ответ (просьба, комментарий, информация). Если такое действие встретит ответную реакцию и произойдет обмен информацией, этот момент можно считать началом установившихся отношений
Регулярность, интенсивность отношений	Отношения характеризуются различной степенью регулярности и интенсивности
Эмоции	Все отношения в большей или меньшей степени наполнены эмоциями
Среда, в которой возникают отношения	На формирование отношений влияет как внешняя, так и внутренняя среда. Отношения устанавливаются между индивидами в определенной институциональной (внешней), т.е. культурной, религиозной, правовой, среде. В свою очередь, внутренняя среда установившихся отношений создается определенными ценностями, нормами и опытом взаимоотношений самих партнеров

Источник: собственное исследование на основе [7]

Как пишет Ф. Фукуяма: «социальные отношения не естественны, они являются средством достижения целей, которых индивид не может достичь в изоляции. Социальные отношения рождаются там, где разумные стремления индивидов требуют сотрудничества с другими людьми» [9, с. 122]. Следует согласиться с тезисом А.Ф. фон Хайека о том, что «отношения возникают между свободными индивидами и могут существовать только в результате их воли» [8, с. 25].

Существуют различные типы социальных отношений [3]: социальные контакты, социальное взаимодействие или социальное действие, социальные связи, социальные идентичности. Они различаются по следующим параметрам:

- прочность связей (от мимолетных, кратковременных до повторяющихся связей, при которых контакты устанавливаются в определенной формализованной институциональной среде);
- частота контактов (от разовых до периодических отношений, протяженных во времени);
- тип партнера по отношениям (например, незнакомец или член семьи);
- контент отношений, являющийся предметом установленных контактов;

- ход установления отношений (в какой институциональной среде партнеры устанавливают контакты друг с другом – преимущественно неформальные или контакты в какой-то степени формализованы);
- особенности отношений (добровольны или навязаны, уровень эмоциональной насыщенности отношений).

Одним из неформальных институтов, создаваемых на основе устоявшихся отношений, является социальный капитал, который создается поведением индивидов, небольших групп, создающих сети взаимного влияния, и социальных институтов. [4]

Здесь следует подчеркнуть, что исследователи, выделяя отдельные типы отношений, представили и их эволюцию. Поэтому приведенная типология [3] может быть примером процесса или отдельных этапов создания социального капитала. Одноразовые добровольные социальные контакты со временем могут превратиться в повторяющиеся, расширенные отношения, которые строят отношения и социальные связи. Эти контакты, подкрепленные общими целями, к достижению которых будут стремиться стороны отношений, предполагают создание фундамента для формирования социального капитала.

Концепция социального капитала изначально использовалась экономистами, политиками и социолога-

ми, чтобы продемонстрировать важность отношений в обществе между ответственными и развивающимися людьми. Корни самого термина «социальный капитал» следует искать в XIX–XX веках в теориях Э. Дюркгейма и К. Маркса.

Ссылаясь на широкий спектр определений, объясняющих сущность социального капитала [1], следует полагать, что она проявляется в способности личностей действовать и устанавливать взаимовыгодные отношения между собой в условиях ограниченности информации, связанной с поведением других личностей. Это фактор влияет на способность людей сотрудничать с другими и преодолевать барьеры коммуникации (т.е. способность строить доверительные отношения). Данная способность является основой формирующегося социального капитала, одного из наиболее важных ресурсов, которые в настоящее время обеспечивают источники благосостояния общества в целом и экономической эффективности отдельных групп и лиц, в частности.

Формирование социальных отношений и социального капитала происходит не в вакууме, а обусловлено множеством факторов и определенной институциональной инфраструктурой, в которой происходят отношения. Одним из важных современных условий, влияющих на установление контактов, является развитие информационных технологий и сопутствующая этому цифровизация социально-экономических отношений.

Влияние цифровизации на развитие социальных отношений и социального капитала

Научно-технический и социальный прогресс привел к началу революционной эпохи цифровизации, в результате которой все отношения (социальные, экономические), ранее бывшие в первую очередь межличностными, естественным образом перешли в среду Интернет. Доступность современных технологических устройств предполагает возможность их использования все более значительным числом индивидов. В результате технического прогресса и развития цифровых устройств люди устанавливают отношения иначе, чем ранее.

Влияние цифровизации можно наблюдать во многих видах социальных отношений:

- отношения «потребитель-продавец» (потребительский рынок). Приобретение товаров происходит в электронном Интернет-взаимодействии (онлайн-шопинг), при котором отсутствует непосредственный реальный контакт продавца и покупателя, мнение которого о характеристиках приобретаемого товара создается посредством получения информации в сети от других покупателей либо собственного ознакомления с товаром после его получения, а не в результате общения с продавцом. В качестве примеров можно привести: финансовые операции (электронный банкинг), туризм (приобретение проездных билетов и страховки, выбор туристических маршрутов, бронирование мест проживания и т.п.), услуги культуры (билеты на концерт, в театр и т.п.); покупка товаров широкого потребления (обувь, одежда, бытовая техника и т.п.). Таким образом, непосредственные отношения «потребитель-продавец» отсутствуют;
- отношения «работник-работодатель» (рынок труда). Наблюдается автоматизация рекрутинга, предложения и поиска трудовых вакансий в большинстве секторов. Отношения «работник-работодатель» носят официальный характер, заключающийся в обмене конкретной информацией, что характеризует их как слабо формализованные;
- отношения «гражданин-государство». Цифровизация в значительной степени усиливает контакты

граждан с государственными органами, делая возможными обращение к ним в режиме онлайн без личного присутствия, участие в выборах различного уровня и т.п. Отношения «гражданин-государство» являются полностью формальными;

- отношения «индивид-индивид». Цифровизация предоставляет множество вариантов проведения досуга, что уменьшает возможности установления непосредственных социальных отношений, особенно для подрастающего и молодого поколения, так как даже участие в коллективных мероприятиях (например, многопользовательских онлайн-играх) приводит к неспособности установления непосредственных социальных связей, поскольку их заменяет наличие виртуальных отношений. Среди последних наиболее прочные появляются у пользователей социальных сетей и могут со временем перейти в реальные отношения.

С одной стороны, цифровизация приносит много преимуществ для построения социальных отношений и формирования социального капитала, в том числе:

- доступ отдельных лиц к ранее недоступной информации (хорошим примером является инструментарий «Открытое правительство», который позволяет гражданам получать доступ к информации, хранящейся в государственных учреждениях);
- создание плотной сети контактов между подразделениями, зачастую удаленными друг от друга;
- снижение транзакционных издержек в рыночных отношениях. [10]

С другой стороны, влияние цифровизации (в широком понимании электронных СМИ, а также телевидения) является, по мнению исследователей, фактором ослабления социальных связей и, следовательно, причиной постепенного исчезновения гражданских установок. [12].

Установление отношений с помощью цифровых устройств часто создает затуманенный, ненадежный образ людей, которые играют придуманные роли, не имеющие ничего общего с их реальными взглядами. Подобные ситуации приводят к страху, за которым следует разочарование, и перенос практически устоявшихся отношений в реальный мир.

Заключение

Мы полагаем, что возможны разные варианты влияния цифровизации на формирование социальных отношений и социального капитала. В первом варианте цифровизация кардинально изменит социальные отношения, так что социальный капитал превратится в основной источник информации и инструмент ее передачи. Во втором варианте попытка переноса возникших в Интернете социальных отношений в реальные отношения не принесет успеха, что, в свою очередь, приведет к оскудению, вплоть до деградации социального капитала. В наилучшем варианте цифровизация приведет к развитию и социальных отношений, и социального капитала, повысив уровень социальной активности граждан и способствуя формированию гражданского общества (такую возможность предоставляют, в том числе, сайты социальных сетей, где между пользователями часто организуются совместные гражданские инициативы).

Литература

1. Блок М., Головин Н.А. Социальный капитал: к обобщению понятия// Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2015. № 4. С. 99–111.

2. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Шичкин И.А. Влияние профессионально- квалификационных навыков использования коммуникационных технологий на доходы от занятости: поколенная дифференциация // Российский экономический журнал. 2022. № 4. С. 93–113. DOI 10.33983/0130–9757–2022–4–93–113.
3. Волков Ю.Е. Социальные отношения// Социологические исследования. 2003. № 4. С. 34–41.
4. Германов И.А., Плотникова Е.Б. Концептуализация и операционализация понятия «социальный капитал» в исследованиях организаций // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. № 1. С. 106–114.
5. Каравай А.В. Социальные сети в современной России: масштабы, структура и механизмы функционирования // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4 (36). С. 42–60.
6. Кузнецова Е.М. Участники социальных отношений в структуре социального контроля/ Сорокинские чтения: Социальные процессы в современной России: традиции и инновации: Тез. Док. III Всеросс. науч. конф. – М.: Изд-во «КДУ». 2007. С. 264–267.
7. Федоров О.Г. Особенности моделирования социальных отношений и систем// Социальные отношения: Научно-методический сборник. Вып. 1. М.: ООО «Формула печати». 2010. С. 169–178.
8. фон Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. Пер. с англ. – М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва „Catallaxy». 1992. 304 с.
9. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ: Хранитель. 2006. 730 с.
10. Чебунина О.А. Виртуальный социальный капитал в процессе интернет-социализации молодежи // Гуманитарий Юга России, 2019. Т. 8. № 1. С. 229–241.
11. Golubeva T., Korotaeva I.E., Rabadanova R.S., Kovaleva O. Implementing the right to receive education in the context of distance learning technologies // *Relações Internacionais do Mundo Atual*. 2023. Т. 1. № 39. С. e06132.
12. Spottswood E. L., Wohn D.Y. Online social capital: recent trends in research// *Current opinion in psychology*. 2020. Т. 36. pp. 147–152.
13. Stytsyuk R.Yu., Lustina T.N., Sekerin V.D., Martynova M., Chernavsky M.Yu., Terekhova N.V. Impact of stem education on soft skill development in it students through educational scrum projects // *Revista Conrado*. 2022. Т. 18. № 84. С. 183–192.

INFLUENCE OF DIGITALIZATION ON THE FORMATION OF SOCIAL RELATIONS AND SOCIAL CAPITAL

Dmitrieva I.S.

Volgograd branch of the PRUE. G.V. Plekhanova

The formation of social relations and social capital depends on market, social and technological conditions, the development of which is influenced by the institutional architecture in which they are cre-

ated (informal or formal institutions shape the nature, durability and process of relations). Currently, widespread digitalization is one of the most important determinants of changes in various spheres of economic, social and technological activity, changing the essence of the organization's work and the methods of creating value, since it is the basis of intelligent automation, robotics, logistics and communications. Digitalization of the economy and the social sphere, which has occurred in the last two or three decades, as a result of which all relations (social, economic), initially established in an interpersonal key, are naturally transferred to the Internet environment, is also an important factor influencing the form of relations in society and the parameters of social capital. In this regard, the purpose of the study is to determine the impact of digitalization on the formation of social relations and social capital.

Keywords: digitalization, social relations, social capital, conditions, Internet.

References

1. Blok M., Golovin N.A. Social capital: towards a generalization of the concept// *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2015. No. 4. P. 99–111.
2. Bobkov V. N., Odintsova E.V., Shichkin I.A. The impact of professional and qualification skills in using communication technologies on income from employment: generational differentiation // *Russian Economic Journal*. 2022. No. 4. P. 93–113. DOI 10.33983/0130–9757–2022–4–93–113.
3. Volkov Yu.E. Social relations// *Sociological research*. 2003. No. 4. P. 34–41.
4. Germanov I. A., Plotnikova E.B. Conceptualization and operationalization of the concept of “social capital” in organizational research // *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2017. No. 1. Pp. 106–114.
5. Karavai AV Social networks in modern Russia: scale, structure and mechanisms of functioning // *Sociological science and social practice*. 2021. Vol. 9. No. 4 (36). Pp. 42–60.
6. Kuznetsova EM Participants in social relations in the structure of social control / Soroikin readings: Social processes in modern Russia: traditions and innovations: Abstract. Doc. III All-Russian. scientific. conf. – М.: Publishing house “KDU”. 2007. Pp. 264–267.
7. Fedorov OG Features of modeling social relations and systems // *Social relations: Scientific and methodological collection. Issue. 1*. М.: ООО “Formula Pechati”. 2010. P. 169–178.
8. von Hayek F.A. Pernicious arrogance. Mistakes of socialism. Translated from English. – М.: Publishing house “Novosti” with the participation of the publishing house “Catallaxy”. 1992. 304 p.
9. Fukuyama F. Trust: social virtues and the path to prosperity: trans. from English. М.: АСТ: Guardian. 2006. 730 p.
10. Chebunina O.A. Virtual social capital in the process of online socialization of youth // *Humanitarian of the South of Russia*, 2019. Vol. 8. No. 1. P. 229–241.
11. Golubeva T., Korotaeva I.E., Rabadanova R.S., Kovaleva O. Implementing the right to receive education in the context of distance learning technologies // *Relações Internacionais do Mundo Atual*. 2023. Т. 1. No. 39. P. e06132.
12. Spottswood E. L., Wohn D.Y. Online social capital: recent trends in research // *Current opinion in psychology*. 2020. Т. 36. pp. 147–152.
13. Stytsyuk R.Yu., Lustina T.N., Sekerin V.D., Martynova M., Chernavsky M.Yu., Terekhova N.V. Impact of stem education on soft skill development in it students through educational scrum projects // *Revista Conrado*. 2022. Т. 18. No. 84. P. 183–192.

Социально ориентированное управление и человекоцентричная организация в контексте «субъектизации» объекта управления

Игумнов Олег Александрович,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и менеджмента Института социально-гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»
E-mail: oleg_igumnov@mail.ru

В статье представлены результаты концептуального анализа понятий «социально ориентированное управление» и «чело-векоцентричная организация», которые автор рассматривает с позиций «субъектизации» объекта управления как современного тренда в управлении организациями. Суцностно определя каждый из концептов, автор делает вывод о том, что они основываются на сходной теоретической идее о трансформации объекта управления (в классической схеме) в субъекта, обладающего правом на осознанный выбор, собственными интересами, выступая как «действующий актер». Автором предложены парадигмы «работника-функции» и «работника-субъекта деятельности и отношений», выступающие своеобразными метафорами, отражающими суцность позиций работников в организации в соответствии с избранными типами отношений. Сделан вывод об отсутствии принципиальных противоречий между указанными концептами, обоснованный представлением о «социальном как совокупности человеческого» и ориентацией на использование социальных ресурсов управления. На этом основании предложено рассматривать данные концепты как взаимодействующие, исследование связей между которыми возможно на основе междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: социально ориентированное управление, человекоцентричная организация, человекоцентричное управление, «субъектизация» объекта, социальные ресурсы, социоресурсный подход, социальный капитал, недирективные методы управления, субъект деятельности

Управленческая практика, будучи достаточно мобильной по сути (поскольку имеет дело с человеком как самым сложным и изменчивым объектом управления), порождает феномены, интересные как с точки зрения общей теории управления, так и с позиции социологии управления. Одним из феноменов является «чело-векоцентричная» организация, активно описываемая в публикациях по управлению, социологии, психологии и другим отраслям науки.

Нам представляется важным провести концептуальный анализ данного понятия на основе его сравнения с описанными в наших публикациях концептами «социально ориентированное управление» и «социоресурсный подход». Подобный анализ позволит определить суцность понятия «чело-векоцентричность» в сфере управления и, тем самым, найти место данного понятия в концептуальной схеме уже теоретически обоснованных понятий.

При этом, исходя из понимания того, что любая «центрированность» предполагает направленность действий и деятельности (как их совокупности), мы опираемся на теоретическое положение М. Вебера, отмечавшего, что «социология – наука, которая хочет понять социальное действие и посредством этого объяснить его в процессе развития и влияния» [цит. по: 111, с. 15–16]. Отметим, что «понять» – это, в том числе, означает и соотносить неизвестное с известным, на что, по сути, и ориентирован концептуальный анализ, позволяющий получить новое знание о суцностях предметных областей и их отношениях.

Для проведения анализа суцностно определим социально ориентированное управление, понимаемое как «вид социального управления, основанный на реализации интересов и потребностей индивидов, социальных групп и общностей посредством их активного участия в управленческом процессе. <...> Вид общественного самоуправления, при котором традиционные субъект и объект управления составляют функциональное и органическое единство» [8, с. 292–293].

В данном определении выделим принципиальное положение – о единстве субъекта и объекта, отношения между которыми традиционно рассматриваются либо как антиномия, либо как дилемма (или-или), либо, в классической модели, – как иерархия (субъект воздействует, объект находится под воздействием субъекта). Социологический подход, как нам представляется, логично основывается на примате социальных отношений, лежащих в основе любых взаимодействий индивидов, объединённых в сообщества. Собственно, социальным любое действие, как отмечал М. Вебер, становится, когда оно связано с другими людьми [2].

Социальность действия как взаимного акта предполагает и взаимную субъектность участников действия, что отражает отмечаемую в исследованиях тенденцию к «субъектизации» объекта, то есть его восприятию как «равного другого» в широком социальном смысле; социальные отношения при этом рассматриваются как субъект-субъектные, сфокусированные именно на *формировании отношений по поводу деятельности* [4, с. 325].

С точки зрения традиционного иерархического подхода в системе управления субъект и объект рассмат-

риваются в традиционной модели: субъект доминирует в целеполагании и определении способов достижения цели, объект реализует цели предписанным способом, а деятельность, как таковая, также выступает в качестве объекта.

Разумеется, оба типа отношений функционируют параллельно, причём субъект-объектные отношения представлены эксплицитно, как социальные статусы, в то время как субъект-субъектные отношения латентны.

Проблема «субъектизации объекта» актуализирует и проблему субъекта как актора, которая раскрывает сущность субъектности в процессе управления как социально обусловленном процессе, поскольку субъектность, так или иначе, связана с триадой факторов: а) с другим субъектом; б) с деятельностью и в) с позицией по отношению к действию. Возможность человека самостоятельно действовать на основе результатов рефлексии окружающего мира, принимать самостоятельно решения и менять окружающую реальность обуславливают субъектность в принципе. Действующий субъект трансформируется в актора, который, по мнению А. Турена, меняет реальность.

По указанному выше поводу может возникнуть закономерный вопрос: если в организации все будут «актерами, меняющими реальность», кто будет выполнять решения тех, кто должен быть актором по статусу, то есть руководителей? Ответ на данный вопрос предполагает дифференциацию статусов в иерархии и позиций в системе социальных отношений.

В одном случае действует «нормативность» действия, описанная Т. Парсонсом, отмечавшим, что «не существует иного действия, кроме стремления к соответствию нормам...» [7, с. 137]. В этом утверждении отражена специфика структурного функционализма (в частности, его схематичность и «механистичность»), в рамках которой норма устанавливает пределы действия, которые определяет обладатель более высокого статуса (руководитель).

В другом случае позиция субъекта определяется свободой, обусловленной его способностью к рефлексии и самостоятельности в действиях. Важно, чтобы другие субъекты признавали за ним указанные способности и возможность их использования. Свобода в действиях, в широком смысле, обуславливает существование работника как субъекта (как «действующего актора», по А. Турену), причём в нормативном действии работник выступает как агент, субъект-функция, сохраняя в то же время и субъектность как личность.

На основании изложенного, можно сформулировать вывод о том, что социально ориентированная организация представляет собой социальный феномен, сущность которого определяется особым содержанием социальных отношений со-участия в достижении целей при соблюдении принципа партнёрства и взаимного доверия. Субъекты отношений ориентированы на действия с учётом интересов друг друга, создание условий для результативного взаимодействия, обучения и развития. При этом изменяется вектор осмысления результатов совместной деятельности, сущность которого А.А. Богданов обосновывал тем, что «организованное целое на самом деле практически больше простой суммы своих частей не потому, что в нём создавались из ничего новые активности, а потому, что его наличные активности соединяются более успешно, чем противостоящие им сопротивления» [1, с. 117].

Данный вектор ориентирует не только на нормы деятельности, но и на потенциальную синергию как эффект приращения полезности действий, обеспечиваемый совместным, содружественным и взаимозависимым дей-

ствием работников, представляющих «сугубо человеческие активности». Полагаем возможным определить данный подход как современную парадигму управления, рассматривающую работника не как функцию, а как субъекта деятельности и основной актив организации.

В данной коннотации указанная парадигма ориентирована на гуманитарный тип управления и противопоставлена «технической» парадигме, ориентирующей управление на принуждение в различных формах для достижения целей. В рамках «технической» парадигмы работает большинство менеджеров, применяя триаду, на первый взгляд, «очеловеченных» методов управления, традиционно включающих социально-психологические методы. Однако согласимся с мнением А.Г. Теслинова о том, что «человекоцентричность» данных методов является кажущейся, поскольку «обращение к человеку в подвластных им практиках происходит всё в той же «технической» логике – он «берётся» лишь как исполнитель воли субъектов, действующих с учётом всё более «тонких» различий его свойств» [10, с. 23].

Образно данную дихотомию методов можно определить как «парадигму управления Смита-Тейлора» («работник-функция») и как «парадигму управления Богданова» («работник-субъект деятельности и отношений»). Вторая – гуманитарная – парадигма исходит из понимания человеческой природы и признания факта взаимодействия двух субъектов как источников самостоятельной активности, обладающих самостоятельной волей, способностью к выбору и влиянию на других, поэтому они и становятся *со-трудниками*.

По сути, субъекты в организациях, придерживающихся «парадигмы Богданова», центрированы не только на профессиональной деятельности, но и на сопровождающих её отношениях. В этих условиях формируется социальный ресурс принципиально новой, нематериальной, природы – *социальный капитал*, образуемый в процессе взаимодействия на основе признания субъектности, доверия, следования нормам и не опосредованной профессиональной деятельностью. Указанное обстоятельство позволяет, по нашему мнению, номинировать социально ориентированную организацию как определённо человекоцентричную и «субъект-субъект»-ориентированную.

Перейдём к определению содержания понятия «человекоцентричность». В первом приближении оно определяется как «свойство компаний и организаций, при котором их деятельность ориентирована на соблюдение интересов человека как личности, как части рабочей команды и как члена общества» [14].

В публикациях на английском языке термин «человекоцентричность» представлен двумя вариантами: «*human-centricity*» и «*person-centricity*». В нашем представлении признание данных терминов тождественными некорректно, поскольку они не тождественны по коннотации. Так, термин «*human*» переводится как «человек» в широком смысле (как представитель рода «человек»), в то время как «*person*» означает «личность», то есть человека, обладающего личностной позицией, внутренней свободой и способностью к осознанному выбору, что собственно, и определяет его субъектность. С учётом изложенного, термин «*person-centricity*» мы полагаем более точно отражающим саму сущность понятия «человекоцентричность».

Человекоцентричность, как подход к управлению, основана на признании приоритета принципиального положения о том, что в центре всех процессов в организации находится человек, обладающий собственными ценностями, мотивами и личностными приоритетами. Нам представляется обоснованным мнение о человеко-

центричности как современном этапе развития концепции клиентоцентричности (клентоориентированности), когда сотрудники становятся внутренними «клиентами» и партнёрами как субъекты управления, взаимодействующими на основе субъект-субъектного подхода для формирования взаимовыгодных долгосрочных отношений.

Анализ управленческой практики организаций, позиционирующих себя как человекоцентричные, а также публикаций по данной проблеме, показал, что в качестве ключевых особенностей стратегии человекоцентричного управления выделяются: а) осознанность выбора, определяющая основу стратегии достижения общих результатов за счёт командной работы; б) акцент на уважительном отношении к человеку и его личностным особенностям; в) предпочтительность достижения персональных результатов; г) «кастомизация» (трансформация, приспособление) управленческих технологий, прежде всего, с учётом гуманитарной составляющей; д) транспарентное, открытое управление людьми, обеспечивающее высокую результативность.

С теоретической и практической точек зрения интерес представляет подход Э. Медоуса, определившего черты модели руководителя, компетентного в реализации человекоцентрированного подхода. По его мнению, компетентность в этой сфере предполагает владение четырьмя человекоцентрированными умениями, которыми руководитель пользуется на основе свободного осознанного выбора в своих интересах: эмпатическое слушание, конгруэнтность, эмпатия и безусловное позитивное уважение (принятие) [5; 13].

Подход Э. Медоуса основан на простой, понятной идее: «Любая работа осуществляется через отношения!», которая нам представляется, несомненно, социологической по своей сущности. Нам концептуально близка идея Э. Медоуса применительно к организациям, так как она вполне вписывается в концепцию социально ориентированного управления в части определения социальных отношений как основы результативности деятельности людей в группах.

С прагматической точки зрения слоган Э. Медоуса нацеливает менеджеров на формирование компетентности в отношениях для её последующего использования в качестве социального ресурса, не требующего значительных затрат на формирование, поскольку данная компетентность является, в контексте разрабатываемого нами социоресурсного подхода, ресурсом нематериальной природы, основанным на инвестициях иного, чем традиционные ресурсы, рода. Указанное обстоятельство повышает управленческую ценность и привлекательность данного ресурса в условиях ограниченности ресурсов управления традиционной формы.

Не менее важен и тот факт, что овладение данной компетенцией требует трансформации представлений субъектов управления о сущности и роли социальных отношений в данном процессе. Ведущим фактором формирования человекоцентричного управления, как показывает анализ и личный опыт автора статьи, выступает позиция руководителя по отношению к работникам не как к источнику «затрат», а как к ресурсу, активу, инвестициям в который рассматриваются как основа его развития.

Руководитель подобного типа: а) ориентируется на подбор персонала под объём решаемых задач; б) подбирает квалифицированных подчинённых; в) помогает подчинённым быть успешными, повышать индивидуальную эффективность и проектировать траектории профессионального развития; г) уважает ценности работников; д) формирует комплементарные команды и умеет управлять ими; е) управляет посредством формирова-

ния и повышения уровня вовлечённости, а не постановки отдельных задач; ж) разделяет ответственность с сотрудниками за результаты совместной работы.

Очевидно, что формирование и развитие указанных выше характеристик составляют серьёзную проблему и определённые вызовы для менеджеров, анализ которых представлен ниже.

Вызов 1. Формирование команд и организация их работы предполагает, как минимум, четыре трансформации для достижения максимальной результативности: а) от подбора участников, схожих по деловым показателям – к комплементарности (осознанному взаимодополняющему разнообразию); б) от организации работы в жёстких рамках структурных подразделений – к формированию гибких командных структур; в) от управления посредством силы власти – к недирективному методу управления; г) от конформизма и «замалчивания» проблем – к открытости и обратной связи в общении.

Вызов 2. Использование методов недирективного менеджмента мы рассматриваем как вызов для субъектов управления в равной степени, поскольку способность осознанно коммуницировать в конкретной ситуации, предоставляя, запрашивая и реагируя на обратную связь одинаково важна для всех участников процесса управления. Помимо перечисленных качеств недирективный подход предполагает освоение следующих мета навыков менеджеров: аутентичность и проявленность (способность к рефлексии и обратной связи); сопереживание и эмпатия; способность замечать «незаметное» (латентные проблемы) для своевременного реагирования; гибкость; способность варьировать степень своей активности, энергии и влияния в зависимости от ситуации и уровня собственного ресурсного состояния; интегральная информированность («включённость» в проблемы организации); системность мышления.

Таким образом, человекоцентричность может быть представлена как система отношений, в которой интерес к мнению, потребностям и нуждам каждого сотрудника становится инструментом достижения бизнес-целей компании. Это становится возможным в результате постоянного диалога субъектов управления. В подобной системе организация ориентирована на развитие, а не наказание, постановку задач, а не на указание порядка действий, а отношения в целом характеризуются как партнёрские. Подобное понимание человекоцентричности отражает современные тенденции в оценке социологической роли и значения ценностных ориентаций, установок и феномена понимания, представленной в работах российского социолога Ж.Т. Тощенко в качестве нового методологического подхода.

В частности, Ж.Т. Тощенко отмечает, что суть данного подхода «при всей его кажущейся очевидности заключается в следующем: люди живут не для теорий и концепций, не ради государственных доктрин или программ политических партий – они в первую очередь преследуют цели, в которых причудливым образом сочетаются самые различные ориентации, ценности, установки, причём таким образом, что индивидуальные и групповые интересы и потребности приобретают ведущий характер» [8, с. 12].

В человекоцентричной организации регулярно инвестируют в персонал, развивая систему обучения и развития персонала, которые рассматриваются как ценность. Человекоцентричность не признаёт развитие «в никуда», «развитие ради развития», что обуславливает формирование системы вертикального и горизонтального карьерного роста.

Изучение управленческих практик российских компаний показывает, что системообразующим фактором

процессов ряда из них является высокомотивированный и вовлечённый работник, обладающий способностями, определяющими результативность организации, и составляющий главную её ценность и актив. Именно это обстоятельство позволяет оптимально сочетать цели работника и организации и составляет основу формирования бренда организации как привлекательного работодателя.

Содержание приведённых выше характеристик человекоцентричных организаций позволяют сделать вывод о том, что их проявления направлены на: а) создание корпоративной среды, комфортной в социальном отношении для всех, кто в них работает; б) обеспечение достижения целей организации. Исследования показывают, что «в компаниях с развитой образовательной средой продуктивность возрастает на 30%, а развитая система HR-аналитики позволяет организациям в семь раз эффективнее адаптироваться к происходящим изменениям» [14].

Кроме того, указанные характеристики коррелируют с базовыми характеристиками человекоцентричной организации, определённые в международном стандарте ISO 27500:2016 «Човекоцентричная организация. Основания и общие принципы», который определяет человекоцентричную организацию, в которой: а) индивидуальные различия сотрудников используются как организационная сила; б) гарантируется, что здоровье, безопасность и благополучие работников являются приоритетами организации; в) ценятся сотрудники, формируется осмысленная рабочая среда, в частности, развивается корпоративная культура и поощряется стремление к совершенствованию [15].

Идея человекоцентричности в управлении находит всё более широкое применение в российских организациях, что мы рассматриваем, в целом, как положительную тенденцию. Более того, интерес представляет попытка бизнес-сообщества систематизировать представления о человекоцентричной организации и формализовать их. В частности, в рамках VII Санкт-Петербургского Международного Форума Труда (17 марта 2023 года) была организована работа секции «Човекоцентричность в современном мире», которая представила «Манифест человекоцентричной организации» (далее – Манифест).

Основные постулаты Манифеста сводятся к следующим утверждениям: а) современный подход к управлению бизнесом через создание человекоцентричной организации; б) базовым является уважительное отношение к человеку, понимание его личностных особенностей; в) сотрудник рассматривается как «внутренний клиент» и партнёр для организации; г) организация концентрируется на человеке, его потенциале и возможности реализовывать в нём лучшее для достижения бизнес-результатов [15]. Данные постулаты предлагается реализовывать посредством 6 основных направлений: ин-

дивидуальная эффективность сотрудника; проектирование опыта сотрудника; управление через вовлечённость; формирование полей лояльности; профилактика конфликтов; создание комплементарных команд.

Признавая прагматическую ценность постулатов и разделов Манифеста, отметим, что документ носит лишь рамочный характер (что вполне логично для документа подобного формата). По нашему мнению, основные положения документа следовало бы конкретизировать с позиции управленческих технологий, поскольку отдельные формулировки Манифеста полисемичны, что, по нашему мнению, обуславливает проблематичность их перевода в конкретные управленческие действия.

Так, например, раздел 1 «Сотрудники как актив компании. Индивидуальная эффективность сотрудников» содержит направление «правильно подбирать персонал». Понятие «правильно» обладает оценочно-субъективной коннотацией и нуждается в пояснении: по отношению к какому критерию, предпочтительно объективному, следует «правильно» подбирать персонал.

Достаточно общими нам представляются рекомендации «работать с корпоративной культурой» и «прокачивать (?) управленческую культуру», поскольку данные управленческие действия также не конкретизированы. В частности, не вполне понятно, почему в одном случае с культурой «работают», а в другом – культуру «прокачивают»... Видимо, авторы документа исходили из представления, что с культурой можно «работать», но не учли, что её прежде необходимо сформировать, развивать и пропагандировать, в этом и заключается «работа» с ней. Содержательно следовало бы определить и понятие «прокачивать», так как в сочетании с концептом «культура» данный управленческий жаргонизм представляется нам не более чем метафорой.

Уточнения требуют и другие направления реализации Манифеста. Вместе с тем, при всех издержках документа, само его появление свидетельствует о существенных изменениях в представлениях российских менеджеров о социально обусловленных факторах процессов управления персоналом.

Проведённый сравнительный анализ содержания концептов «социально ориентированное управление» и «човекоцентричная организация» позволяет выделить характеристики, присущие им в равной степени как социальным технологиям (см. таблицу).

Данные, представленные в обобщающей таблице, дают основания для следующих выводов:

1. Содержательно концепты «социально ориентированное управление» и «човекоцентричная организация» не имеют существенных отличий, поскольку оба они предполагают ориентацию управленческих практик на работника-человека как субъекта, что отражает тренд на «субъектизацию объекта», характерный для современного управления.

Таблица. Обобщающее сравнение содержания концептов «социально ориентированное управление» и «човекоцентричная организация»

Характеристики	Концепты	
	социально ориентированное управление	човекоцентричная организация
Концептуальный подход	парадигма Богданова: «работник-субъект деятельности и отношений»	парадигма Богданова: «работник-субъект деятельности и отношений»
Основа реализации технологий	формирование социальных отношений, основанных на доверии, нормах и учёте социально значимых интересов, что определяет эффективность организации в достижении целей	формирование социальных отношений, основанных на учёте присущих работникам личностных особенностей, что определяет результативность достижения целей

Характеристики	Концепты	
	<i>социально ориентированное управление</i>	<i>человекоцентричная организация</i>
Представление о человеке в организации	субъект управления, обладающий собственными интересами, учитываемыми в процессе управления; субъект-субъектные партнёрские отношения (отношения по поводу деятельности); человек – ресурс, актив, в который выгодно инвестировать	субъект управления; человек, принимаемый с его ценностями, мотивами и личностными приоритетами; внутренний клиент, партнёр; человек – ресурс, актив, в который выгодно инвестировать
Ресурсы реализации	социальные, обладающие нематериальной природой, основанные на социальных отношениях нового качества, образующих социальный капитал как основную форму социальных ресурсов	компетентность в отношениях (эмпатическое слушание, конгруэнтность, позитивное уважение и принятие, содействие в преодолении затруднений и проблем)
Методы реализации	преимущественно социально-психологические, социальные технологии	преимущественно недирективные, предполагающие наличие совокупности метанавыков у менеджеров
Эффекты	а) <i>синергетический</i> , обуславливающий субаддитивность социальных действий членов организации; б) <i>конкурентообеспечивающий</i> , направленный на повышение уровня конкурентоспособности работников и организации; в) <i>нормативно-регламентирующий</i> , способствующий повышению степени согласованности и упорядоченности деятельности работников и устойчивости функционирования организации; г) <i>инновационный</i> , формирующий высокий уровень инновационной готовности и обеспечивающий динамику развития организации; д) <i>социально-психологический</i> , способствующий положительной трансформации социальных отношений в организации, повышению уровня доверия, снижению уровня конфликтности и применения неправовых практик	повышение уровня вовлеченности и мотивированности персонала; повышение уровня доверия; формирование социальных ресурсов организации и их использование в процессе достижения целей организации; повышение уровня адаптивности организации к изменениям внешней среды

- При наличии разных, на первый взгляд, атрибутивов «социально» и «человеко-», оба подхода в управлении не противоречат друг другу. Данный вывод мы основываем на понимании «социального» как совокупности «человеческого» при сохранении субъектности каждого, кто образует «социальное».
- По нашему мнению, данные подходы могут быть рассмотрены как взаимодополняющие, при этом концепт «социально ориентированное управление», дополненный социоресурсным подходом, разработанным автором статьи, в содержательном отношении более структурирован. Полагаем, то концепт «человекоцентричная организация» достаточно удачно дополняет социально ориентированное управление в части усиления внимания к человеку как основы организации.
- Появление понятия «человекоцентричная организация» отражает тенденцию к поиску социальных ресурсов, актуальную в условиях дефицита ресурсов традиционных форм, и демонстрирует обоснованность перехода к использованию основой формы социальных ресурсов – социального капитала, в основе которого – социальные отношения, сформированные на основе доверия, партнёрства и взаимного учёта социально значимых интересов.
- Разработка новых подходов к управлению, основанных на сходных теоретических положениях и результатах исследований различных отраслей наук, демонстрирует стремление к междисциплинарности, которое автор статьи отмечал в своих публикациях [3].

Литература

- Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука. – М.: Экономика, 1989. Кн. 1. – 303 с.
- Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 88 с.
- Игумнов О.А. Экономический империализм в исследовании социального капитала: проблема междисциплинарного взаимодействия // Теоретические и практические основы научного прогресса в современном обществе: сборник статей Международной научно-практической конференции (12 января 2023 г., г. Уфа) / в 4 ч. Ч. 4. – Уфа: OMEGA SCIENCE, 2023. – 166 с. – С. 109–119. DOI: <https://doi.org/10.18411/doi-code-2023.148>
- Игумнов О.А., Мусарский М.М. Аксиологические аспекты социального капитала как ресурса управления организацией // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции (г. Пенза, 10 февраля 2023 г.). – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2023. – 348 с. – С. 323–327. С. 325. DOI: <https://10.18411/doi-code-2023.081>
- Медоус Э. Различия // Журнал практического психолога. – 2012. – № 1. – С. 40–43.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академической Проект, 2000. – 880 с.
- Социология управления: Теоретико-прикладной толковый словарь / Отв. ред. А.В. Тихонов. Изд. 2-е, испр. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 480 с.
- Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек: монография / Ж.Т. Тощенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 543 с.
- Теслинов А.Г. Организационное саморазвитие. Взрывной подъём качества деятельности. – СПб.: Питер, 2022. – 224 с.
- Шульц В.Л. Социология знания: история и методология / В.Л. Шульц; Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. – М.: Наука, 2006. – 196 с.

11. Meadows E.E. Person-Centered Approach in Organizational Relationships // Organizational Psychology. – 2014. – № 2. – С. 46–52.
12. Формирование человекоцентричной организации. Проектирование современных подходов к управлению бизнесом. Режим доступа: <https://blog.bitobe.ru/article/formirovanie-chelovekotsentrichnoy-organizatsi>. (дата обращения: 6.12.2024).
13. Человекоцентричность – новый тренд или просто красивое слово. Режим доступа: <https://1-arb.ru/articles/upravlenie-personalom/kak-sdelat-korporativnyy-portal-poleznym-instrumentom-kommunikatsii-s-sotrudnikami/> (дата обращения: 9.12.2024).
14. Человекоцентричность в управлении персоналом. Режим доступа: <https://www.hr-director.ru/article/68198-chelovekotsentrichnost-v-upravlenii-personalom> (режим доступа: 8.12.2024).
15. The human-centred organization – Rational and general principles. ISO 27500:2016. Режим доступа <https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:64239:en> (дата обращения: 5.12.2024).

SOCIALLY ORIENTED MANAGEMENT AND PERSON-CENTERED ORGANIZATION IN THE MANAGEMENT OBJECT «SUBJECTIZATION» CONTEXT

Igumnov O.A.

Moscow Pedagogical State University

The article presents the concepts of «socially oriented management» and «human-centered organization» conceptual analysis results which the author considers from the standpoint of the management object «subjectivization» as a modern trend in the organizations management. Essentially defining each of the concepts the author concludes that they are based on a similar theoretical idea of the management object transformation (in the classical scheme) into a subject with the right to an informed choice, his own interests, acting as an «acting actor». The author proposes the paradigms of «employee-function» and «employee-activity and relations subject» which act as peculiar metaphors reflecting the essence of the employees positions in the organization in accordance with the selected relations types. The author draws conclusion about the absence of fundamental contradictions between these concepts justified by the idea of the «social as a set of human» and the focus on the social management resources using. On this basis the author suggests considering these concepts as complementary the study of the links between which is possible on the interdisciplinary approach basis.

Keywords: socially oriented management, person-centered organization, person-centered management, object «subjectivization», so-

cial resources, socio-resource approach, social capital, non-directive management methods, activity subject.

References

1. Bogdanov A.A. Tectology. General organizational science. – M.: Economica, 1989. Book 1. – 303 p.
2. Weber M. Selected works. – M.: Progress, 1990. – 88 p.
3. Igumnov O.A. Economic imperialism in the study of social capital: the problem of interdisciplinary interaction // Theoretical and practical foundations of scientific progress in modern society: a collection of articles from the International scientific and practical conference (January 12, 2023, Ufa) / in 4 parts. Part 4. – Ufa: OMEGA SCIENCE, 2023. – 166 p. – P. 109–119. DOI: <https://doi.org/10.18411/doi-code-2023.148>
4. Igumnov O.A., Musarsky M.M. Axiological aspects of social capital as a resource for managing an organization // Modern science: topical issues, achievements and innovations: collection of articles from the XXIX International scientific and practical conference (Penza, February 10, 2023). – Penza: MCNS «Science and Education», 2023. – 348 p. – Pp. 323–327. P. 325. DOI: <https://10.18411/doi-code-2023.081>
5. Meadows E. Differences // Journal of Practical Psychologist. – 2012. – No. 1. – Pp. 40–43.
6. Parsons T. On the structure of social action. – M.: Academic Project, 2000. – 880 p.
7. Sociology of Management: Theoretical and Applied Explanatory Dictionary / Ed. A.V. Tikhonov. 2nd ed., corrected. – M.: LENAND, 2016. – 480 p.
8. Toshchenko Zh.T. Paradoxical Man: monograph / Zh.T. Toshchenko. – 2nd ed., revised. and enlarged. – M.: UNITY-DANA, 2017. – 543 p.
9. Teslinov A.G. Organizational Self-Development. Explosive Increase in the Quality of Activity. – SPb.: Piter, 2022. – 224 p.
10. Schultz V.L. Sociology of Knowledge: History and Methodology / V.L. Schultz; In-t soc.-polit. issled. RAS. – M.: Nauka, 2006. – 196 p.
11. Meadows E.E. Person-Centered Approach in Organizational Relationships // Organizational Psychology. – 2014. – No. 2. – P. 46–52.
12. Formation of a human-centered organization. Designing modern approaches to business management. Access mode: <https://blog.bitobe.ru/article/formirovanie-chelovekotsentrichnoy-organizatsi>. (date of access: 12/6/2024).
13. Human-centeredness – a new trend or just a beautiful word. Access mode: <https://1-arb.ru/articles/upravlenie-personalom/kak-sdelat-korporativnyy-portal-poleznym-instrumentom-kommunikatsii-s-sotrudnikami/> (date of access: 9.12.2024).
14. Human-centricity in personnel management. Access mode: <https://www.hr-director.ru/article/68198-chelovekotsentrichnost-v-upravlenii-personalom> (date of access: 8.12.2024).
15. The human-centred organization – Rational and general principles. ISO 27500:2016. Access mode <https://www.iso.org/obp/ui/en/#iso:std:64239:en> (date of access: 5.12.2024).

Теоретический подход к управлению развитием киберспортивных мероприятий

Мирошниченко Максим Алексеевич,

студент, РТУ МИРЭА «Институт технологий управления московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики»

Петрова Татьяна Эдурдовна,

д.соц.н., профессор, РТУ МИРЭА «Институт технологий управления московского государственного технического университета радиотехники, электроники и автоматики»

Киберспорт оказывает значительное влияние на экономику, генерируя доходы через продажу билетов, спонсорские контракты, трансляции и мерчандайзинг. В России, которая занимает лидирующие позиции в мировом киберспорте, существенные финансовые потоки направлены на развитие инфраструктуры, обучение и поддержку молодых талантов. Аспекты киберспорта внедряются в образовательные программы, способствуют улучшению навыков в области IT и создают новые возможности для трудоустройства. Культурно киберспорт также стал важным элементом общественной жизни. Он формирует уникальную социальную среду, обеспечивая пространство для самовыражения и взаимодействия, особенно среди молодежи. Это также способствует развитию культурного обмена и интеграции на международном уровне. Несмотря на бурный рост и популярность, развитие киберспорта сопровождается рядом трудностей. Это включает недостаток институциональной поддержки, проблемы с правовыми и организационными аспектами, а также вопросы здоровья и благополучия игроков. Также важно учитывать аспекты, связанные с этическими и социальными последствиями активного участия в киберспорте. Исследование управленческих аспектов представляет собой важное направление в изучении киберспорта. Оно позволяет выявить ключевые проблемы, разработать эффективные стратегии управления и поддержки, а также обеспечить устойчивое и социально ответственное развитие данной отрасли.

Ключевые слова: киберспорт, киберспортивные мероприятия, социология, социология управления, методы управления, управление, управление развитием.

Социология управления представляет собой критически важное направление исследований, которое анализирует управленческую деятельность через призму социальных процессов, структур и взаимодействий. Это направление науки изучает, как управленческие решения формируются под влиянием социальных факторов, таких как культурные нормы, ценности, интересы и социальные структуры, и как управление влияет на организационные и общественные изменения.

В социальной системе выделяются две основные подсистемы – управляющая и управляемая. В частности, Г. Спенсер, проводя аналогию между обществом и живым организмом, выделял в обществе “управляющее и управляемое сословия”. Управляемость есть основная характеристика, а управление – основная функция социальной системы. “Процесс управления, – писал академик В.Г. Афанасьев, – есть не что иное, как упорядочение системы. При этом поскольку одной из основных задач управления является сохранение качественной определенности системы посредством перевода ее из одного состояния в другое, упорядочивающее воздействие выступает как приведение системы в соответствие с присущими ей объективными закономерностями и тенденциями, характеризующими эту качественную определенность”.

В работе Сорокиной Н.Д. подчеркивается миссия социологии в современном обществе, её значимость как инструмента обратной связи при принятии управленческих решений. Особое внимание уделяется социально ответственной роли социологии, важности взаимодействия с гражданским обществом и разработке методов социального управления для обеспечения гармонии и устойчивого развития. Для нашего исследования упоминается очень важная вещь, речь идет про цифровое общество, «Сейчас можно наблюдать интенсивный процесс перехода к цифровому обществу. Такое общество требует соответствующих технологий, методов управления, но это ещё находится в стадии разработки». Что же такое цифровое общество – это направление развития информационного общества в русле цифровой трансформации. Для цифрового общества характерна цифровая трансформация общественных институтов и социальных отношений. В рамках этого процесса происходит внедрение цифровых технологий в систему государственного управления, экономики и социальных институтов. В результате наблюдают изменение принципов взаимодействия между субъектами общественных отношений – переход в цифровой формат¹. Данная методология очень важна для нашей работы, так как процессы цифровой трансформации, применительно к спортивной сфере, могут быть задействованы, например, в отраслевых онлайн-мероприятиях².

Также, необходимо подчеркнуть, что социология представляет собой целостную разветвленную систе-

¹ https://znaniyurussia.ru/articles/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B5_%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE

² <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-transformatsii-obschestva-na-razvitie-kibersporta-sredi-molodezhi/viewer>

му знания. В структуре этой системы обычно выделяют три взаимосвязанных уровня: первый – общая социологическая теория и методология; второй – специальные социологические теории (теории среднего уровня или отраслевые социологии); третий – эмпирические исследования. Общая социологическая теория является не только системой знания, но и описанием типового способа получения нового знания. Более высокие уровни теоретического обобщения – методологическая основа для построения теорий менее высокого уровня – отраслевых и специальных. Эти теории “питаются” данными эмпирических исследований. Специальные социологические теории (теории среднего уровня по Р.Мертону) – это отрасли социологического знания, изучающие поведение человека и функционирование объединений людей, социальных институтов в той или иной сфере общественного бытия (сфере труда, досуга, быта, экономики, политики и т.п.). По классификации, предложенной Я.Щепаньским, существуют теории: 1) исследующие социальные институты (социология труда, права, религии и т.п.); 2) исследующие социальные процессы (управления, интеграции, дезинтеграции и т.д.). Отсюда следует, что социология управления – это специальная социологическая теория (теория среднего уровня), изучающая управление общественными системами как социальный процесс. В классической системе социологии П. Сорокина социальное управление входит в ее четвертый раздел – социальную политику (социальную медицину или учение о счастье). Его задачей, по мнению П. Сорокина, является – формулировка рецептов, указание средств, пользуясь которыми можно и должно достигать цели улучшения общественной жизни и человека.

Для нашего исследования крайне важно подчеркнуть такой аспект, как методы управления. В управлении, Жихарев К.Л. выделяет 4 таких метода: социальные и социально-психологические, экономические, организационно-административные и самоуправление. Самым важным и основным методом, конечно же является социальный и социально-психологический метод. По мнению Жихарева К.Л., «данный метод управления связан с достижением целей общества не только экономическими, организационно-административными способами мотивации человеческого поведения, но и непосредственно через постановку социальных целей, повышения качества жизни, укрепления организаций, повышение социальной зрелости общества, его отдельных структур, управленцев в первую очередь»¹. Доказательством важности данного метода в социологии управления является то количество ученых, которые под тем или иным углом рассматривают в своих трудах, например, Кузьменкова В.Н., Паламурчук. Г.И., Харитонов Н.И., Дуборкина И.А., Бокарева Е.В.

Не будет лишним упомянуть работу Старостин А.М., в которой он указывает обычное описание сущности управления: «элемент и одновременно функцию организованных систем различной природы (биологических, технических и др.), обеспечивающую сохранение их структуры, поддержание режима деятельности, реализацию программ и цели деятельности». Но тут же подчеркивает некоторые корректировки касаются данного определения. Он подмечает, что «сохранение структуры и поддержание режима деятельности» имеют достаточно локальный характер, в то время как основные задачи направлены именно что на изменение структуры и функций, и, в последствии, режима деятельности. Данная работа важна для нашего исследования, так как он так же, как и мы, считает управление развитием востре-

бованным, по отношению к социальным системам и организациям².

В диссертации Массе А.М., «Управление развитием организаций», автор дает очень четкое определение значимости и важности развития организаций. «Всякая динамично функционирующая организация по природе своей нуждается в постоянном обновлении и развитии. Процветающие организации становятся таковыми прежде всего именно благодаря способности к развитию и адаптации к меняющейся внешней среде. Поэтому и в рассуждениях о развитии организаций имеется в виду нечто большее, чем принятая некоторая ограниченная во времени совокупность чрезвычайных перемен, обусловленных спецификой переживаемого нами периода формирования конкурентных рыночных отношений и масштабных социальных преобразований. Мышление категориями непрерывного развития является парадигмой современной организации. С полным основанием можно утверждать, что организация живет изменениями». И действительно, без развития, находясь в стагнации, организация претерпит исключительно негативные последствия. Но, никакое развитие не может происходить без управленческих аспектов для контроля и направления развития организации в нужное русло. Масс так же подчеркивает, что с позиции динамики инновация в организации, это не отклонение от нормы, то есть от того, в каком направлении организации двигалась (стагнировала) последнее время, а это и есть и должна быть норма³.

Для полноценного описания, которое требуется для корректного и качественного управления развитием, обратимся к работе Векшиной И.Е., в которой сказано, что «Управление развитием процесс целенаправленного, периодического и нескончаемого воздействия на направления деятельности производимые функции, структуру организации, уровни производительности и качества продукции. Управление развитием проявляется во всевозможных формах». Далее Векшина И.Е. указывает, что ведущей формой управления развитием является стратегическое управление. Мы полностью согласны с мнением Векшиной И.Е. и так же считаем, что стратегическое управление является самым важным и главным аспектом развития деятельности организации. Без данного аспекта невозможно представить корректное определение направления движения нового ветка в развитие организации⁴.

Похожее мнение имеет Кожевина О.В., в своей работе «Управление развитием и организационными изменениями в системе менеджмента компании», которая так же будет полезна для нашего исследования. Кожевина О.В. определяет развитие и изменения неотъемлемой составляющей, как общественно жизни, так и жизни самой организации. «Любая организация, являясь открытой социально-экономической или производственно-хозяйственной системой, объединяет в себе две целевых установки – желание выжить и стремление развиваться». Мы полностью согласны с данным высказыванием, и еще раз подчеркиваем важность стратегического управления, так как без данного метода «желание выжить и стремление развиваться» будут оставаться лишь желаниями и стремлениями, и ничем другим⁵.

² <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-k-metodologii-sotsialnogo-upravleniya/viewer>

³ <https://www.dissercat.com/content/upravlenie-razvitiem-organizatsii>

⁴ <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-razvitiem-kompanii/viewer>

⁵ <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-razvitiem-i-organizatsionnymi-izmeneniyami-v-sisteme-menedzhmenta->

¹ <https://www.e-rej.ru/Articles/2008/Zhigarev109.pdf>

Критически важным аспектом написания нашей работы является использование методов и формулировок, применимых к социологии управления, от таких мастодонтов «теорий управленческих решений», как Ф. Тейлор, Э. Мэйо, П. Друкер и многих других. Сперва упомянем Ф. Тейлора, который привнес такую революционную идею, как повышение производительности научным методом путем одновременного сокращения издержек и усилий¹. В контексте управления развитием киберспортивного мероприятия, данная теория найдет активное применение. Во-первых, используя данный метод, можно стандартизировать операционные процедуры каждого этапа подготовки киберспортивного мероприятия. Начиная от подготовки игровой площадки, заканчивая управлением потоков посетителей и участников. Стандартизация действий позволяет снизить вероятность ошибок и минимизировать временные затраты, создавая единый подход к решению оперативных задач.

В теории Э. Мэйо, который основал школу человеческих отношений², можно упомянуть расширенную классификацию управленческих методологических подходов, включая административный подход, стратегический, творческий и т.д. Свою теорию Э. Мэйо сформулировал так, что четкие сформированные нормативы, подробные инструкции и достойная оплата труда даже в совокупности не всегда ведут к повышению производительности труда, в отличие от благоприятных отношений в коллективе. Конечно, данная теория прямо противоречит точки зрения школы научного менеджмента, в том числе и взглядам Ф. Тейлора. Тем не менее, тот факт, что работник всегда учитывает при выборе организации не только уровень оплаты труда, но и характер отношений в коллективе, мы видим и сегодня. При этом хорошие отношения нередко перевешивают более высокий уровень материального вознаграждения². В контексте управления развитием киберспортивных мероприятий, данную теорию можно применить к созданию и поддержанию благоприятного климата в команде, что приведет к повышению мотивации сотрудников, задействованных в организации данного мероприятия. Также, данная методология может быть использована для формирования условий, способствующих открытой коммуникации и поддержке среди сотрудников. Это особенно важно для улучшения уровня организации киберспортивного мероприятия, где требуется точное исполнение задач и оперативного реагирования.

А.И. Пригожин в своей книге выделял 3 фазы из которых состоит жизненный цикл организации. И все, вплоть до момента наступления стадии «стабилизация», заключается в непрерывном развитии, как внутренняя деятельность организации, так и внешняя. В стадии зарождения, где «все могут что-то предлагать и действовать по-своему», подача разного рода идей. Далее, в стадии младенчества идет расширение по всем направлениям. «Растут обязательства перед клиентами и партнерами, расширяется деятельность, каждое решение оказывается первым, все работают с повышенной самоотдачей, задерживаются подолгу, в планировании дела преобладает интуиция». Самая показательная стадия, в которой видно, что без развития организация очень быстро сойдет на нет, справедливости ради, стоит заметить, что, как и отмечал А.И. Пригожин, организация в любом случае придет к своему логическому завершению, а именно, смерти, неважно, сколько прожить компании/viewer

¹ <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-polozheniya-f-teylora-i-ih-vliyanie-na-razvitie-sistem-materialnogo-stimulirovaniya-truda/viewer>

² <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/21056/view>

дет времени, 100, 200 или 500 лет, любую организацию ждет смерть по одной просто причине, по причине, из-за которой эта организация так долго существовала, по причине развития других организаций-конкурентов. Что же о стадии, которая больше и сильнее всего отбрасывает данный аспект, это стадия «вперед и больше!». В данной стадии превалирует экстенсивность. «Все идет в ширь и в рост: больше персонала, оборотов, клиентов, площадей оборудования. Успех налицо и приводит к некоторым преувеличениям своих возможностей и пренебрежению опасностями. Много ошибок, но они легко прощаются»³.

Также, для нашего исследования можно рассмотреть работу А.П. Прохорова «Русская модель управления». Как писал А.П. Прохоров, «Классическое западное общество основано на конкурентной борьбе независимых хозяйствующих субъектов. В современных условиях, под воздействием государственного и общественного регулирования, западные системы управления занимают как бы «администрированием конкурентов». Государство и общество неконкурентными, преимущественно административными методами регулируют отношения между конкурирующими друг с другом и внутри себя хозяйственными, политическими, социальными ячейками: фирмами, религиозными конфессиями, научными и художественными течениями, политическими партиями и общественными движениями. Русская модель управления в своем нестабильном состоянии занимается вещами прямо противоположными. Она навязывает низовым ячейкам «конкуренцию администраторов». В России внутри каждой кластерной единицы – в цехе, в команде, в фирме, в воинской части отношения преимущественно неконкурентные. Между собой кластеры связываются уже конкурентными отношениями. Это совершенно другой тип деятельности – конкуренция администраторов. Данный вид конкурентной борьбы значительно сильнее, чем западная конкуренция, он ускоряет все процессы, отличается неизмеримо большей жесткостью и за меньший срок достигает большей силы конкурентного воздействия». Таким образом, «конкуренция администраторов» становится центральным элементом русской управленческой модели. Она создаёт динамичную, но нестабильную структуру взаимодействий, где высокие темпы изменений и острые формы соперничества между управленцами определяют характер развития системы. Этот подход позволяет решать задачи в условиях ограниченных ресурсов и высокого уровня неопределенности, но одновременно порождает риски системной дестабилизации и усиления конфликтов⁴.

Литература

1. Светлана И.И., Сергей И.П. Влияние цифровой трансформации общества на развитие киберспорта среди молодежи // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2021. – № 6 (196) – С. 146–149. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-transformatsii-obschestva-na-razvitie-kibersporta-sredimolodezhi/viewer>
2. Жихарев К.Л. Методы Социального управления С. 1–17 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.e-rej.ru/Articles/2008/Zhiharev109.pdf>
3. Старостин А.М Новые подходы к методологии социального управления. 2009 г. С. 6–20 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-k-metodologii-tsifrovogo-upravleniya>

³ <http://www.amac.md/Biblioteca/data/26/03/Management/Prigojin.pdf>

⁴ https://adessor.narod.ru/Books_pdf/2/Prohorov.pdf

ru/article/n/novye-podhody-k-metodologii-sotsialnogo-upravleniya

4. Масс А.М. Управление развитием организации. Диссертация, автореферат. 1998 г. С. 1–22 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.disserscat.com/content/upravlenie-razvitiem-organizatsii>
5. Векшина И.Е. Управление развитием компании. 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-razvitiem-kompanii/viewer>
6. Кожевина О.В. Управление развитием и организационными изменениями в системе менеджмента компании // Вестник университета № 11, 2012 г. С. 117–120 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-razvitiem-i-organizatsionnymi-izmeneniyami-v-sisteme-menedzhmenta-kompanii/viewer>
7. П.В. Гуца С.А. Константинов Научные положения Ф. Тейлора и их влияние на развитие систем материального стимулирования труда 2010 г. С. 29–35 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-polozheniya-f-teylora-i-ih-vliyanie-na-razvitie-sistem-materialnogo-stimulirovaniya-truda/viewer>
8. Тебекин А.В., Денисова И.В., Тебекин П.А. Влияние научной школы человеческих отношений на развитие современного менеджмента // Журнал исследований по управлению Том 4 № 5, 2018 С. 1–8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/21056/view>
9. А.И. Пригожин. Методы развития организации, Приложение к журналу «Консультант», 9–2003, С 1–104 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.amac.md/Biblioteca/data/26/03/Management/Prigojin.pdf>
10. Прохоров А. П Русская модель управления 364 с.

THEORETICAL APPROACH TO MANAGING THE DEVELOPMENT OF ESPORTS EVENTS MANAGEMENT

Miroshnichenko M.A., Petrova T.E.

Institute of Management Technologies of Moscow State Technical University of Radio Engineering, Electronics and Automation

Esports has a significant impact on the economy, generating revenue through ticket sales, sponsorship contracts, broadcasts and merchandising. In Russia, which occupies a leading position in global esports, significant financial flows are directed towards the development of infrastructure, training and support of young talents. Aspects of esports are being introduced into educational programs, contribute to the improvement of IT skills and create new employment opportunities. Culturally, esports has also become an important element of public life. It forms a unique social environment, providing a space for self-expression and interaction, especially among young

people. It also promotes the development of cultural exchange and integration at the international level. Despite its rapid growth and popularity, the development of esports is accompanied by a number of difficulties. These include a lack of institutional support, problems with legal and organizational aspects, as well as issues of health and well-being of players. It is also important to consider aspects related to the ethical and social consequences of active participation in esports. The study of managerial aspects is an important direction in the study of esports. It helps identify key issues, develop effective management and support strategies, and ensure sustainable and socially responsible development of the industry.

Keywords: eSports, eSports events, sociology, sociology of management, management methods, management, development management.

1. References

1. Svetlana I.I, Sergey I.R. Influence of digital transformation of society on the development of cybersports among youth // Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. – 2021. – No. 6 (196) – P. 146–149. [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-transformatsii-obschestva-na-razvitie-kibersporta-sredi-molodezhi/viewer>
2. Zhikharev K.L. Methods of Social Management P. 1–17 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.e-rej.ru/Articles/2008/Zhikharev109.pdf>
3. Starostin A.M. New approaches to the methodology of social management. 2009. pp. 6–20 [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/novye-podhody-k-metodologii-sotsialnogo-upravleniya>
4. Mass A.M. Management of organization development. Dissertation, author's abstract. 1998. pp. 1–22 [Electronic resource]. Access mode: <https://www.disserscat.com/content/upravlenie-razvitiem-organizatsii>
5. Vekshina I.E. Management of company development. 2016. [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-razvitiem-kompanii/viewer>
6. Kozhevina O.V. Management of development and organizational changes in the company's management system // University Bulletin No. 11, 2012. P. 117–120 [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-razvitiem-i-organizatsionnymi-izmeneniyami-v-sisteme-menedzhmenta-kompanii/viewer>
7. P.V. Gushcha S.A. Konstantinov Scientific provisions of F. Taylor and their influence on the development of systems of material incentives of labor 2010 Pp. 29–35 [Electronic resource]. Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-polozheniya-f-teylora-i-ih-vliyanie-na-razvitie-sistem-materialnogo-stimulirovaniya-truda/viewer>
8. Tebekin A.V., Denisova I.V., Tebekin P.A. The influence of the scientific school of human relations on the development of modern management // Journal of management research Vol. 4 No. 5, 2018 Pp. 1–8 [Electronic resource]. Access mode: <https://naukaru.ru/ru/nauka/article/21056/view>
9. A.I. Prigogine. Methods of organization development, Supplement to the journal "Consultant", 9–2003, P. 1–104 [Electronic resource]. Access mode: <http://www.amac.md/Biblioteca/data/26/03/Management/Prigojin.pdf>
10. Prokhorov A.P. Russian management model 364 p.

Социальная политика как фактор развития экологической сознательности у российской молодежи: управленческий аспект

Новиков Станислав Михайлович,

аспирант, Российский государственный социальный университет
E-mail: St.novikov@mail.ru

Фомичева Татьяна Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры современного государственного и муниципального управления, Российский государственный социальный университет
E-mail: fomitchevatv@mail.ru

Настоящая публикация посвящена всестороннему анализу влияния социальной политики на формирование экологического сознания у молодежи в Российской Федерации. Предпринята попытка вскрыть корреляции между проводимыми государственными инновациями и ростом уровня экологической осведомленности среди российской молодежи. В рамках исследования рассмотрены основные инициативы и программы, направленные на популяризацию экологически ответственного поведения. Особое внимание уделено образовательным проектам, стимулирующим интерес к вопросам устойчивого развития, содействующим формированию экологической идентичности. Компаративному анализу подвергаются также социальные дискурсы и медийные влияния, оказывающие существенную роль в укреплении мироощущения, ориентированного на экологическую ответственность. Выводы статьи подчеркивают необходимость усиленной интеграции эколого-ориентированных компонентов в социально-политическое пространство России для достижения устойчивого, экологически сознательного общества.

Ключевые слова: социальная политика, экологическое воспитание, молодежь, молодежная политика, экология, экологическая идентичность, экологическая сознательность, акселератор проектов.

Введение

Осознание того, что экологическая культура общества является ключевым фактором в формировании экологической политики страны, приобретает всё большее значение. Важно понимать, что именно от уровня экологической просвещённости и осведомленности граждан зависит успешность многих природоохранных инициатив. Государственные структуры и органы власти уделяют значительное внимание решению экологических вопросов. Активная работа ведется по разработке программ и инициатив, направленных на улучшение взаимодействия общества с природой. Воспитание экологической ответственности и внедрение устойчивых практик становятся приоритетными направлениями.

Основная задача государства заключается в минимизации негативного влияния на окружающую среду, рациональном использовании ограниченных природных ресурсов, внедрении современных инновационных подходов для достижения экологической безопасности, а также в осуществлении мониторинга и контроля на охраняемых природных территориях [18,22].

Вовлечение молодежи в процесс разрешения экологических проблем через социальное проектирование культивирует ценности бережного отношения к природе и стимулирует инновационные подходы к природопользованию.

Интеграция экологических принципов в образовательные программы и проектную деятельность студентов формирует активное гражданское сознание и ответственность за окружающую среду. Важно учитывать многоуровневый подход, который охватывает локальные, региональные и федеральные инициативы, позволяя синергетически использовать ресурсы и компетенции различных участников.

Методы

В ходе исследования влияния проводимой государством социальной политики, направленной на развитие экологической сознательности у российской молодежи, важно применять комплексный подход, который включает в себя различные методы анализа и сбора информации. Эти методы помогают глубже понять, как именно изменения в социальной политике могут формировать или укреплять экологические ценности среди молодого поколения в России.

Одним из ключевых методов является анализ научной литературы (контент-анализ), который позволил ознакомиться с существующими исследованиями и публикациями по данной теме. Кроме того, данный метод помогает выявить пробелы в текущих исследованиях и даёт представление о том, какие аспекты социальной политики уже получили внимание, а какие остаются недостаточно проработанными. Это особенно важно, учитывая, что экологическая сознательность молодых людей может формироваться под влиянием различных социальных, экономических, политических и культурно-духовных факторов.

Интеграция данных, полученных в результате анализа, позволяет всесторонне изучить влияние социальной

политики на развитие экологической сознательности у российской молодёжи, обеспечивая надежную платформу для дальнейших исследований и практических рекомендаций. Ключевыми факторами являются изменение экологической ситуации, развитие информационных технологий, государственная политика в области образования, а также иные социальные и экономические факторы.

Результаты

Направления реализации социальной политики в рамках формирования экологической культуры российской молодежи

Формирование экологической сознательности у студентов играет важную роль в развитии экологической культуры, познании ответственности за природное окружение и продвижении устойчивого образа жизни среди молодёжи [2, 12]. Основная цель такого воспитания состоит в пробуждении у студентов осознания экологической значимости, необходимости сохранения природных богатств и биоразнообразия. Это также способствует развитию навыков, необходимых для экологически осознанного поведения и принятия обоснованных решений в области экологии [9].

Таблица 1. Основные направления социальной политики в рамках развития экологической сознательности у российской молодежи

№	Направление проектной деятельности в сфере экологической молодежной политики	Характеристика направления
1	Озеленение городских территорий	Формирование и содержание городских зеленых пространств, парков, садов для улучшения экологической ситуации и создания удобной площадки для отдыха и расслабления.
2	Сортировка и переработка отходов	Организация системы сбора, сортировки и переработки мусора с привлечением местного населения, обучение и информирование о правилах утилизации и переработки отходов для снижения негативного воздействия на окружающую среду.
3	Создание экологических образовательных программ	Разработка и внедрение образовательных курсов, мастер-классов, лекций, семинаров по экологии, устойчивому развитию для повышения экологической грамотности и осознанности.
4	Организация экологических мероприятий и акций	Проведение экологических кампаний, уборке территорий, сбору мусора, экологических выставок, фестивалей, конференций для привлечения внимания к проблемам окружающей среды.

Экологическое социальное проектирование объединяет действия, которые направлены на разрешение экологических проблем с учётом социальных аспектов и потребностей общества, особенно затрагивающих молодёжь [16]. Оно включает в себя симбиоз экологических и социальных элементов в рамках различных проектов,

которые стремятся поддерживать устойчивое развитие и общее благополучие. Темы таких проектов широки и многоплановы, но крайне важно поддерживать баланс между экологическими и социальными элементами, учитывая потребности в этих сферах (таблица 1).

Важно рассматривать инициативы по формированию экологического сознания среди студентов и молодёжи через проектную деятельность и выявление активностей в сфере природопользования на разных уровнях.

Социальное проектирование в экологическом образовании российской молодежи

На локальном уровне, который сосредоточен в высшем учебном заведении как в центре получения знаний и умений в социальном проектировании, проводится оценка навыков студентов и выделение главных направлений их развития. На этом этапе создается комплекс мероприятий, направленных на развитие навыков экологического социального проектирования.

Региональный уровень характеризуется взаимодействием региональных органов власти в области молодежной политики с образовательными организациями в области экологического социального проектирования, выстраивания взаимодействия с региональными экспертами, проведением региональных форумов и грантовых конкурсов для реализации молодежных экологических инициатив.

Федеральный уровень характеризуется проведением грантовых конкурсов Федерального агентства по делам молодёжи (Росмолодежь). Гранты для физических лиц среди молодёжи, поддержки на федеральном уровне лучших практик в области устойчивого развития, внедрения их в современную молодежную повестку.

Социальное проектирование занимает ключевую позицию в экологическом образовании студенческой молодёжи, так как способствует развитию экологической осведомленности, формированию ценностей ответственного отношения к природе и активизации участия молодёжи в решении экологических задач. Современное восприятие теории социального проектирования отражается в использовании образовательных механизмов на всех уровнях исполнительной власти, что позволяет студентам применить свои инициативы на практике и реализовать их в реальных проектах.

Таким образом, направления реализации социальной политики в рамках формирования экологической культуры среди российской молодёжи выступают не только актуальной задачей, но и стратегической основой для устойчивого развития общества [5, 6].

Расходы федерального бюджета Российской Федерации на социальную политику и экологическое образование молодежи

Согласно сведениям Федеральной службы государственной статистики, доля расходов государственного сектора относительно коммерческого и сектора производителей специализированных услуг по охране окружающей среды, составляет 17,7% в 2017 году, 20,5% в 2018 г, 28,7% в 2019 г, 31,3% в 2020 г, 35,3% в 2021 г. [10]. Таким образом, несмотря на незначительную отрицательную динамику в рамках сопоставимых цен к предыдущему году, указанную в таблице 2, можно наблюдать явную тенденцию увеличения доли расходов государственного сектора на охрану окружающей среды в период с 2017 по 2021 годы. Это может свидетельствовать о растущем внимании государства к проблемам экологии и устойчивого развития. Увеличение вовлеченности государственных средств в экологические инициативы может быть обусловлено как внутренними политическими приоритетами, так и соот-

ветствием международным обязательствам в области охраны окружающей среды [25; 26].

Таблица 2. Расходы на охрану окружающей среды (государственный сектор)

	2017	2018	2019	2020	2021
в фактически действовавших ценах, (млн руб.)	116 282	148 252	250 295	303 907	438 392
В процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах), %	103,2	98,6	98,6	99,9	98,5

Источник: составлено по данным ФСГС РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209> (дата обращения: 12.12.2024). [10]

Согласно данным Министерства финансов Российской Федерации, за последние пять лет отмечается устойчивый рост ассигнований на социальную политику. В 2023 году на эти цели выделено около 30% общего объема федерального бюджета (составляет 7 673,9 млрд руб.), что свидетельствует о приоритетности данных направлений для государства [3].

Параллельно, в рамках программы устойчивого развития и перехода к экологически-ориентированной экономике, увеличиваются расходы на экологическое образование молодёжи (см. таблицу 3). Программы экологического просвещения и обучения стали неотъемлемой частью образовательной политики, направленной на формирование у подрастающего поколения экологически ответственного мышления [4, 11, 23, 24]. Расходы на реализацию этих программ за последние два года увеличились более чем на 20%, что указывает на растущее понимание значимости экологической грамотности среди молодых россиян.

Таблица 3. Расходы федерального бюджета на финансовое обеспечение реализации национальных экологических проектов и программ в 2021–2024 годах, (млрд рублей)

Расходы федерального бюджета	2021	2022	2023	2024
Всего на реализацию экологических проектов (млрд руб.)	78,1	136,5	120,7	88,0
На поддержку молодежных экологических проектов и экологическое образование молодежи (млрд руб.)	10,5	19,8	18,8	7,9
Доля поддержки молодежных экологических проектов от общего количества выделенных средств, %	13,4	14,5	15,5	8,9

Источник: составлено по данным Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/01/main/BDG_23–25.pdf (дата обращения: 15.12.2024). [3]

Акселераторы молодежных экологических проектов

Акселераторы проектов – это специализированные программы, направленные на ускоренное развитие стартапов и инновационных идей за счет предоставления

участникам необходимых ресурсов, включая менторскую поддержку, консультации, обучение и финансирование. В данном контексте речь идет именно о поддержке проектов, направленных на решение экологических проблем.

Фонд президентских грантов в 2022 году разработал специальную программу, нацеленную на экологические идеи и стартапы, созданные молодыми инициативными гражданами [19]. Основная цель этой программы заключается в ускоренном преобразовании перспективных экологических идей в реальные проекты, которые могут оказать значительное воздействие на окружающую среду и социальные структуры. Одним из ярких примеров успеха такой программы стал проект по переработке пластика в городах средней полосы России.

Важно также отметить образовательную компоненту акселераторов. Участники получают уникальную возможность обучаться у ведущих экспертов в области экологии и устойчивого развития, обмениваться опытом и лучшими практиками [1]. В результате, молодые исследователи и предприниматели не только развивают свои проекты, но и становятся полноценными участниками глобального экологического движения. Сотрудничество с Фондом президентских грантов направлено на поддержку устойчивого развития и формирование нового поколения экологически осознанных лидеров [7]. Можно утверждать, что акселератор молодежных экологических проектов при поддержке фонда президентских грантов является важным механизмом, способствующим формированию устойчивого будущего [21]. Он играет ключевую роль в создании новых решений и поддержки молодых инициатив, что особенно важно в условиях глобальных экологических вызовов.

Обсуждение

За последние два года осведомленность молодёжи о национальных проектах значительно возросла [8]. На сегодняшний день о приоритетных направлениях развития России осведомлены 50% людей в возрасте от 18 до 34 лет. Из них 49% готовы активно участвовать в реализации данных инициатив, особенно интересуясь культурными и образовательными проектами. Молодёжь в основном видит себя в организационной сфере, занимаясь продвижением проектов в социальных сетях, а также в волонтерской деятельности [13, 14].

Интерес российской молодёжи к нацпроектам «Экология» составляет 31%. Особый интерес проявляют девушки, их доля составляет 33% против 26% среди юношей [19]. Согласно мнению молодых россиян, наиболее значимыми темами в национальных проектах являются здоровье, медицина, безопасность и экология. Они готовы использовать свои коммуникативные навыки и современное технологическое оснащение для поддержки развития нацпроектов.

Заключение

Следует отметить, что социальная политика играет одну из ключевых ролей в формировании экологической сознательности у российской молодёжи. Благодаря целенаправленным мерам и программам экологического воспитания, молодёжная политика в России получила потенциал для значительных изменений в области экологии. Интеграция образовательных инициатив, направленных на развитие экологической идентичности [15], становится катализатором изменений, мотивирующих молодое поколение к активной защите природы.

Современные подходы к социальному воспитанию фокусируются на вовлечении молодёжи в экологиче-

ские проекты и инициативы, что способствует развитию ответственного отношения к окружающей среде. Это, в свою очередь, формирует новые нормы поведения [17]. и создает условия для повышения уровня экологической сознательности среди молодых граждан.

Важность данных инициатив трудно переоценить, так как именно молодёжь представляется тем движущим фактором, который способен кардинально изменить экологическую ситуацию в стране. Поддержка молодёжных движений и развитие специальных программ, ориентированных на популяризацию экологического мышления [20], формируют более устойчивое общество.

Таким образом, социальная политика, направленная на развитие экологического воспитания, является важным элементом, который способствует формированию экологически ответственного поколения в России, подчеркивая необходимость дальнейших стратегий и инициатив в этой области.

Литература

1. Акселератор молодежных экологических проектов. «Москва без отходов», 2022. URL: <https://ircoop.ru/ecoascl> (дата обращения: 05.12.2024).
2. Баумгартэн, М.И. Экологическое образование как индикатор устойчивого развития России / М.И. Баумгартэн, Т.В. Галанина // Материалы Первой международной научно-практической конференции «Современное состояние и проблемы инженерной экологии, биотехнологии и устойчивого развития», 31 мая 2010 г., г. Алматы, Казахстан, с. 63–65.
3. Бюджет для граждан к Федеральному закону о федеральном бюджете на 2023 г. и на плановый период 2024–2025 годов // Министерство финансов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/01/main/BDG_23–25.pdf (дата обращения: 12.12.2024).
4. Вершок, И.Л. Об экологическом правосознании // Государство и право. – 2003. – № 3. – С. 42–50.
5. Егоров В.А., Казарова Д.С. Правосознание и экологическая грамотность молодежи // Вестник ВУ-иТ. 2015. № 2 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosoznanie-i-ekologicheskaya-gramotnost-molodezhi> (дата обращения: 06.12.2024).
6. Ермолаева П.О., Башева О.А., Корунова В.О. Экологическая политика и гражданское участие в российских мегаполисах: достижения и вызовы с позиции городских стейкхолдеров // Журнал исследований социальной политики. – 2021. – № 2. – С. 301–314;
7. Краснова И.О. Правовая природа и система актов государственной экологической политики // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 1 (134). – С. 167–177;
8. Михайлов, В.Г. О необходимости эколога – экономического образования / В.Г. Михайлов, М.И. Баумгартэн // Практика подготовки менеджеров: опыт, проблемы, перспективы. Матер. Всеросс. науч.-практ. конф. Кемерово, 28–31 марта 2005 г.г. Кемерово, 2005.С. 150–158.
9. Нестерова М.Г. Экологическое образование и воспитание как актуальное приоритетное направление формирования ценностей подрастающего поколения / М.Г. Нестерова // Культура и искусство в современном образовательном пространстве: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Кострома, 27 марта 2023 года. – Кострома: Костромской государственный университет, 2023. С. 210–214.
10. Охрана окружающей среды в России 2024 // Федеральная служба государственной статистики РФ. [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209> (дата обращения: 12.12.2024).
11. Павлов И.Е. Экологическая политика составная часть государственной политики России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2021. – № 1. – С. 209–224;
12. Пальцева А.А. Экологическое воспитание как приоритетное направление современного образования // Наука и современность. 2010. № 1–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-vozpitanie-kak-prioritetnoe-napravlenie-sovremennogo-obrazovaniya> (дата обращения: 12.12.2024).
13. Паспорт национального проекта «Экология». [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/info/35569/> (дата обращения 04.12.2024).
14. Рожкова О.Ю., Евстифеева О.В. Интеграция основного и дополнительного образования как условие повышения качества экологического воспитания детей и подростков // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-osnovnogo-i-dopolnitelnogo-obrazovaniya-kak-uslovie-povysheniya-kachestva-ekologicheskogo-vozpitaniya-detey-i-podrostkov> (дата обращения: 10.12.2024).
15. Сазонова Д.С., Гермашева Т.М. Сущность и принципы современной экологической политики государства // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 85–3.- С. 153–156;
16. Синельникова, Н.А. Применение социального проектирования в работе с молодежью в Белгородской области (на примере НИУ «Белгу») // Аллея науки. – 2019. – Т. 1. – № 5(32). – С. 956–959.
17. Старкова О.В. Формирование корпоративной культуры у студентов на основе экологических компетенций // Экологическое образование и просвещение в интересах устойчивого развития. – 2022. – С. 154–157.
18. Турнаев П.Н. Некоторые проблемы государственной политики в сфере природопользования и экологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 10–4. – С. 206–208.
19. Фонд президентских грантов: поддержка экологических инициатив, официальный сайт фонда. [Электронный ресурс] URL: <https://президентскиегранты.рф/> (дата обращения: 10.12.2024).
20. Харчева Е.А. Отношение населения к экологическим проблемам // Цифровая наука. – 2021. – № 5. – С. 65–69;
21. Шабунина Т.В. Модернизация экологического образования в условиях развития цифровой экономики // В сборнике: Стратегии развития предпринимательства в современных условиях. сборник научных трудов V международной научно-практической конференции. Санкт-Петербургский государственный экономический университет. Санкт-Петербург, 2021. С. 200–203.
22. Щелкина Е.И. Государственная политика в сфере формирования экологической культуры // Вестник науки. 2024. № 4 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-formirovaniya-ekologicheskoy-kultury> (дата обращения: 06.12.2024).
23. Экологическая повестка как стратегический ориентир российской экономики и общества – Цифровая библиотека МГИМО в сфере ЦУП/ESG [Электронный ресурс]. URL: <https://esglibrary.mgimo.ru/publications/>

ekologicheskaya-povestka-kak-strategicheskiyorientir-rossiyskoy-ekonomiki-i-obshchestva/ (дата обращения: 06.12.24);

24. Экология: учебник и практикум для вузов / А.В. Тотай [и др.]; под общей редакцией А.В. Тотая, А.В. Корсакова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 352 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-01759-5. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/535572> (дата обращения: 29.12.2024).
25. Dolgorukova I.V., Bormotova T.M., Fomicheva T.V., Kiseleva E.E., Lidzer, E.A. State Support of Social Entrepreneurship: Sociological Assessment // Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. Ser. «Lecture Notes in Networks and Systems» 2020. С. 728–738.
26. Yudina T., Dolgorukova I., Kireev E., Bormotova T., Fomicheva T. Constructing Regional Social Inclusion: Foundations of Sociological Analysis // Lecture Notes in Networks and Systems Vol. 57. The Future of the Global Financial System: Dawnfall of Harmony. Cham. Switzerland. 2019. P. 195–202.

SOCIAL POLICY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL AWARENESS AMONG RUSSIAN YOUTH: THE MANAGEMENT ASPECT

Novikov S.M., Fomicheva T.V.

Russian State Social University

This publication is devoted to a comprehensive analysis of the influence of social policy on the formation of environmental awareness among young people in the Russian Federation. An attempt has been made to reveal the correlations between the state innovations and the growth of environmental awareness among Russian youth. The study examines the main initiatives and programs aimed at popularizing environmentally responsible behavior. Particular attention is paid to educational projects that stimulate interest in sustainable development issues and contribute to the formation of environmental identity. Social discourses and media influences that play a significant role in strengthening the worldview focused on environmental responsibility are also subject to comparative analysis. The conclusions of the article emphasize the need for enhanced integration of environmentally oriented components into the socio-political space of Russia to achieve a sustainable, environmentally conscious society.

Keywords: social policy, environmental education, youth, youth policy, ecology, environmental identity, environmental awareness, project accelerator.

References

1. Akselerator molodezhnykh ekologicheskikh proektov. «Moskva bez othodov», 2022. URL: <https://ircoop.ru/ecoacel> (дата обращения: 05.12.2024).
2. Baumgarten, M.I. Ekologicheskoe obrazovanie kak indikator ustojchivogo razvitiya Rossii / M.I. Baumgarten, T.V. Galanina // Materialy Pervoy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii «Sovremennoe sostoyanie i problemy inzhenernoj ekologii, biotekhnologii i ustojchivogo razvitiya», 31 maya 2010g., g. Almaty, Kazahstan, s.63–65.
3. Byudzhët dlya grazhdan k Federal'nomu zakonu o federal'nom byudzhëte na 2023g. i na planovyy period 2024–2025 godov // Ministerstvo finansov RF [Elektronnyj resurs]. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2023/01/main/BDG_23–25.pdf (дата обращения: 12.12.2024).
4. Vershok, I.L. Ob ekologicheskom pravosoznanii // Gosudarstvo i pravo. – 2003. – № 3. – S. 42–50.
5. Egorov V.A., Kazarova D.S. Pravosoznanie i ekologicheskaya gramotnost' molodezhi // Vestnik VUIIT. 2015. № 2 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosoznanie-i-ekologicheskaya-gramotnost-molodezhi> (дата обращения: 06.12.2024).

6. Ermolaeva P.O., Basheva O.A., Korunova V.O. Ekologicheskaya politika i grazhdanskoe uchastie v rossijskikh megapolisah: dostizheniya i vyzovy s pozicii gorodskih stejkholderov // Zhurnal issledovaniy social'noj politiki. – 2021. – № 2. – S.301–314;
7. Krasnova I.O. Pravovaya priroda i sistema aktov gosudarstvennoj ekologicheskoy politiki // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2022. – № 1 (134). – S.167–177;
8. Mihajlov, V.G. O neobходимosti ekologo – ekonomicheskogo obrazovaniya / V.G. Mihajlov, M.I. Baumgarten // Praktika podgotovki menedzherov: opyt, problemy, perspektivy. Mater. Vseross. nauch.- prakt. konf., Kemerovo, 28–31 marta 2005 g.g. Kemerovo, 2005.S. 150–158.
9. Nesterova M.G. Ekologicheskoe obrazovanie i vospitanie kak aktual'noe prioritetnoe napravlenie formirovaniya cennostej podrastayushchego pokoleniya / M.G. Nesterova // Kul'tura i iskusstvo v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: materialy VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem), Kostroma, 27 marta 2023 goda. – Kostroma: Kostromskoy gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 210–214.
10. Ohrana okruzhayushchej sredy v Rossii 2024 // Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF. [Elektronnyj resurs] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13209> (дата обращения: 12.12.2024).
11. Pavlov I.E. Ekologicheskaya politika sostavnaya chast' gosudarstvennoj politiki Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya. – 2021. – № 1. – S.209–224;
12. Pal'ceva A.A. Ekologicheskoe vospitanie kak prioritetnoe napravlenie sovremennogo obrazovaniya // Nauka i sovremenност'. 2010. № 1–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskoe-vospitanie-kak-prioritetnoe-napravlenie-sovremennogo-obrazovaniya> (дата обращения: 12.12.2024).
13. Pasport nacional'nogo proekta «Ekologiya». [Elektronnyj resurs]. URL: <http://government.ru/info/35569/> (дата обращения: 04.12.2024).
14. Rozhkova O.Yu., Evstifeeva O.V. Integraciya osnovnogo i dopolnitel'nogo obrazovaniya kak uslovie povysheniya kachestva ekologicheskogo vospitaniya detej i podrostkov // Innovacionnye proekty i programmy v obrazovanii. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integratsiya-osnovnogo-i-dopolnitelnogo-obrazovaniya-kak-uslovie-povysheniya-kachestva-ekologicheskogo-vospitaniya-detey-i-podrostkov> (дата обращения: 10.12.2024).
15. Sazonova D.S., Germasheva T.M. Sushchnost' i principy sovremennoj ekologicheskoy politiki gosudarstva// Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2022. – № 85–3.- S.153–156;
16. Sinel'nikova, N.A. Primenenie social'nogo proektirovaniya v rabote s molodezh'yu v Belgorodskoj oblasti (na primere NIU «Belgu») // Alleya nauki. – 2019. – Т. 1. – № 5(32). – S. 956–959.
17. Starkova O.V. Formirovanie korporativnoj kul'tury u studentov na osnove ekologicheskikh kompetencij // Ekologicheskoe obrazovanie i prosveshchenie v interesah ustojchivogo razvitiya. – 2022. – S.154–157.
18. Turnaev P.N. Nekotorye problemy gosudarstvennoj politiki v sfere prirodopol'zovaniya i ekologii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2022. – № 10–4. – S. 206–208.
19. Fond prezidentskih grantov: podderzhka ekologicheskikh iniciativ, oficial'nyj sayt fonda. [Elektronnyj resurs] URL: <https://prezidentskiegranty.rf/> (дата обращения: 10.12.2024).
20. Harcheva E.A. Otnoshenie naseleniya k ekologicheskim problemam // Cifrovaya nauka. – 2021. – № 5. – S. 65–69;
21. Shabunina T.V. Modernizaciya ekologicheskogo obrazovaniya v usloviyah razvitiya cifrovoy ekonomiki // V sbornike: Strategii razvitiya predprinimatel'stva v sovremennykh usloviyah. sbornik nauchnyh trudov V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj ekonomicheskij universitet. Sankt-Peterburg, 2021. S. 200–203.
22. Shchelkina E.I. Gosudarstvennaya politika v sfere formirovaniya ekologicheskoy kul'tury // Vestnik nauki. 2024. № 4 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-sfere-formirovaniya-ekologicheskoy-kul'tury> (дата обращения: 06.12.2024).

23. Ekologicheskaya povestka kak strategicheskij orientir rossijskoj ekonomiki i obshchestva – Cifrovaya biblioteka MGIMO v sfere CUR/ESG [Elektronnyj resurs]. URL: <https://esglibrary.mgimo.ru/publications/ekologicheskaya-povestka-kak-strategicheskijorientir-rossijskoj-ekonomiki-i-obshchestva/> (data obrashcheniya: 06.12.24);
24. Ekologiya: uchebnik i praktikum dlya vuzov / A.V. Totaj [i dr.]; pod obshchej redakciej A.V. Totaya, A.V. Korsakova. – 5-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2024. – 352 s. – (Vyshee obrazovanie). – ISBN 978-5-534-01759-5. – Tekst: elektronnyj // Obrazovatel'naya platforma Yurajt [sajt]. – URL: <https://urait.ru/bcode/535572> (data obrashcheniya: 29.12.2024).
25. Dolgorukova I.V., Bormotova T.M., Fomicheva T.V., Kiseleva E.E., Lidzer, E.A. State Support of Social Entrepreneurship: Sociological Assessment // Digital Economy: Complexity and Variety vs. Rationality. Ser. «Lecture Notes in Networks and Systems» 2020. S. 728–738.
26. Yudina T., Dolgorukova I., Kireev E., Bormotova T., Fomicheva T. Constructing Regional Social Inclusion: Foundations of Sociological Analysis // Lecture Notes in Networks and Systems Vol. 57. The Future of the Global Financial System: Dawnfall of Harmony. Cham. Switzerland. 2019. P. 195–202.

Концептуализация теории мотивации государственных служащих

Ревенко Наталья Владимировна,

к.и.н., доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: kaf-gsp-zav@buker.ru

Сережко Татьяна Алексеевна,

к.ф.н., доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: serezhko@mail.ru

Михалев Евгений Александрович,

аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права»
E-mail: mikhalev140714@yandex.ru

В статье изложены источники и факторы, влияющие на мотивацию к государственной службе в теории PSM. Отмечено, что существует зависимость между социодемографическими переменными такими, как семейное положение, уровень образования, пол, организационная среда и преобладанием у служащих факторов внутренней мотивации.

Ключевые слова: мотивация государственных служащих, мотивирующие факторы.

Рабочие места в государственном секторе становятся все более привлекательными и конкурентоспособными в России, несмотря на растущее число проблем, связанных с государственной службой (например, высокий уровень коррупции и низкая эффективность). Широко распространено мнение, что государственная служба есть «особое призвание», и только те, кто стремится заботиться об общественном благе, искренне желает внести свой вклад в общество и помогать другим, готовы проявить самомотивацию, чтобы откликнуться на этот призыв. Особенности характера государственной службы послужили основанием для появления теории мотивации государственных служащих (англ. Public Service Motivation Theory, PSM) (Perry and Wise, 1990), которая наряду с другими многочисленными исследованиями мотивации [1] также пытается ответить на три вопроса: отличается ли мотивация государственных служащих от мотивации персонала в частном секторе, можно ли мотивацией объяснять эффективность деятельности государственных служащих и каковы предпосылки или определяющие факторы мотивации к государственной службе.

Цель статьи – анализ теории мотивации к государственной службе, определение источников и факторов, влияющих на мотивацию государственных служащих, что важно для определения концептуальных рамок программы социологического исследования по данной проблеме.

Теория мотивации к государственной службе как специфическая концепция была впервые предложена Дж. Перри и Л. Уайзом и предполагала относительно более высокую степень альтруизма у государственных служащих (Perry and Wise, 1990). Если общие теории мотивации включают как внутренние, так и внешние стимулы, не делая акцент ни на одном из них, то теория мотивации к государственной службе отдает предпочтение внутренним стимулам перед внешними. Ценить внутренние вознаграждения и избегать внешних – важнейшая черта людей с высоким уровнем мотивации к государственной службе.

Теория мотивации государственных служащих предполагает, что мотивация к государственной службе является важным фактором, способствующим повышению эффективности государственного управления, повышению результативности работы государственного аппарата и укреплению общественного доверия к правительству.

Проведенное Дж. Перри (Perry, 1997) четырехмерное исследование мотивации государственных служащих указывает на уникальность мотивации в государственном секторе. Проанализированные автором четыре измерения включают в себя участие в разработке политики, приверженность общественным интересам, сострадание и самопожертвование, которые обычно присущи работникам государственного сектора. Считается, что люди, проявляющие большой интерес к разработке политики, всестороннюю заботу об общественных интересах, сострадание и дух самопожертвования, обладают высоким уровнем мотивации к государственной службе [7]. Однако эти четыре аспекта не могут быть использованы для объяснения отношения к работе и поведения служащих государственного сектора, которые являются

результатом сочетания общих мотивов к работе (например, зарплата, репутация) и специфических мотивов государственной службы. Таким образом, исследователям мотивации государственных служащих необходимо ответить на вопрос, является ли теория PSM абсолютной концепцией, которая существует исключительно в государственном секторе, или это релятивистская концепция, которая указывает на относительный приоритет одних мотивов над другими.

По сравнению с концептуализацией теории мотивации государственных служащих, предложенной Перри (1997), релятивистский взгляд на мотивацию к государственной службе предполагает, что это не абсолютная концепция, а относительный приоритет внутренних стимулов над внешними. Внутренние вознаграждения, такие как чувство выполненного долга, предоставляются отдельным людям самими собой, в то время как внешние вознаграждения, такие как высокая зарплата, предоставляются другими людьми. Теория мотивации к государственной службе предполагает относительное предпочтение внутренних стимулов внешним. Предпочтение внутренних вознаграждений внешним – важная черта людей с высоким уровнем мотивации к государственной службе.

Люди часто мотивированы рядом факторов, а не только одним. На основе многочисленных сравнительных исследований работников государственного и частного секторов в научных трудах могут быть обобщены универсальные мотивы трудовой деятельности. Согласно частоте появления мотивационных факторов, у работников государственного и частного секторов есть несколько общих мотиваторов работы: гарантия занятости, высокая зарплата, продвижение по службе, возможность приносить пользу обществу, дружелюбный коллектив, а также высокий социальный статус и престиж. Однако исследования в области мотивации к работе демонстрируют неоднозначные результаты, свидетельствующие о том, что ни один из этих шести факторов не оценивается служащими государственного сектора абсолютно высоко и иногда полностью игнорируется работниками частного [4]. При этом относительная оценка «возможности приносить пользу обществу» и пренебрежение «высокой зарплатой» служащими государственного сектора, как было показано в литературе, становятся отличительной чертой мотивации служащих государственного сектора по сравнению с их коллегами из частного сектора [3].

Ученые пытаются определить уровень мотивации государственных служащих с момента проведения первых исследований в данной области. Однако не разработано единого метода измерения, что приводит к противоречивым результатам. Значительный объем предыдущих исследований мотивации к работе и связанных с ней вопросов проводится с использованием метода опроса, который требует, чтобы респонденты сообщали о своих оценках ряда факторов мотивации или этических соображений в отношении (будущей) работы [5, 6, 8].

Предложив определение мотивации государственных служащих, Перри приступил к внедрению количественной шкалы. Перри (1996) преобразовал шесть аспектов мотивации к государственной службе (привлечение к разработке государственной политики, приверженность общественным интересам, гражданский долг, социальная справедливость, самопожертвование и сострадание), которые соответствуют трем категориям мотивов Перри и Уайза (1990) в четыре измерения (привлечение к разработке государственной политики, приверженность общественным интересам, сострадание и самопожертвование), включающие 35 пояснитель-

ных пунктов. Это четырехмерное измерение мотивации к государственной службе было широко распространено среди ученых в исследованиях мотивации [7]. Однако эти четыре аспекта включает в себя только мотивацию к государственной службе, но не учитывает и другие универсальные факторы мотивации к работе.

Крюсон (1997) в своем исследовании представляет мотивацию к государственной службе как приоритет вознаграждения, ориентированное внутреннее, над вознаграждением, ориентированным на внешнее. Он создает четыре элемента для каждого из этих двух аспектов вознаграждения. Внутреннее вознаграждение включает в себя чувство выполненного долга, стоящие достижения, возможность быть полезным обществу и помогать другим; внешнее вознаграждение включает в себя гарантированную работу, высокую заработную плату, продвижение по службе и награды за результативность [4]. Хьюстон (2000) использует аналогичный подход при внедрении PSM. Основываясь на данных общего социологического опроса, он выделяет пять мотивирующих факторов: высокий доход, короткий рабочий день и много свободного времени, отсутствие угрозы увольнения, шансы на продвижение по службе и работа, которая важна и дает чувство выполненного долга [4].

Однако большинство разработанных этими учеными опросов подходят только для действующих сотрудников, поскольку они включают ряд вопросов, применимых только к рабочей среде (например, стаж работы в организации). Принимая во внимание краткость, всесторонность и применимость к студентам методика опроса, разработанная Юркевичем и соавторами (1998), может быть наиболее подходящей для исследования мотивации студентов, выбравших обучение по соответствующим направлениям. Сравнивая мотивацию работников государственного и частного секторов на контролируемом и неконтролируемом уровнях, Юркевич и его коллеги просят респондентов ранжировать 15 связанных с работой мотивов. Этот набор трудовых мотивов является всеобъемлющим в том смысле, что он охватывает практически все важные факторы, используемые в эмпирическом исследовании, посвященном сравнению мотивации государственных и частных служащих, и все его пункты применимы и к будущим сотрудникам. Более того, эти 15 факторов мотивации описаны очень кратко, что позволяет легко их понять и ранжировать [6].

Если особая мотивация к государственной службе существует, как указывали предыдущие исследователи, то каковы ее причины? Понимание источников и факторов, влияющих на мотивацию государственных служащих, может помочь понять, как формируется мотивация к государственной службе у отдельных людей. Одно из будущих исследовательских предложений состоит в том, чтобы выяснить истоки мотивации к государственной службе – степень, в которой люди самостоятельно выбирают работу на государственной службе, и факторы окружающей среды, влияющие на их уровень мотивации к государственной службе. На самом деле, потенциальные предпосылки и факторы, влияющие на мотивацию к государственной службе, были исследованы многими учеными [7]. Основываясь на обзоре этих исследований, можно сделать вывод, что наиболее часто обсуждаемыми являются четыре фактора: семейное положение, пол, образование и организационная среда.

1. Семейное положение.

Ученые получили неоднозначные результаты о влиянии семейного положения на уровень мотивации к государственной службе у отдельных людей. Рассматривая мотивацию к государственной службе как теорию процессов, Перри выделяет четыре области факторов, кото-

рые могут влиять на мотивацию индивидов: социально-исторический контекст, мотивационный контекст, индивидуальные характеристики и поведение. В социально-историческом контексте автор указывает, что семейное происхождение может восприниматься как фактор, влияющий на развитие мотивации к государственной службе у детей, но он не указывает четко направление этого влияния.

С целью изучения мотивов, которые лежат в основе альтруизма, Перри исследует факторы, влияющие на уровень мотивации государственных служащих. Результаты показывают, что семейная социализация влияет на мотивацию как прямо, так и косвенно. Хотя направление влияния не раскрывается, автор считает, что семейная социализация может положительно повлиять на мотивацию к государственной службе отдельных людей [7].

Для сравнения, другие ученые пришли к иным выводам. Основываясь на опросе 1424 студентов, начинающих работать в государственных учреждениях, проведенном в 1966 году, Фредериксон (Frederickson, 1967) обнаружил, что студенты, чьи родители являются политически активными, как правило, негативно относятся к государственной службе и положительно – к занятию бизнесом [3].

Льюис и Фрэнк (Lewis and Frank, 2002) исследует влияние родительской социализации на индивидов, оценивает мотивацию к государственной службе и приходит к выводу, что родительские отношения не оказывают существенного влияния, а родительское моделирование в меньшей степени, чем когда-либо, способно влиять на поведение детей. Основываясь на результатах общих социологических опросов 1989 и 1998 годов, они обнаружили, что люди, чьи родители работают в правительстве, более склонны к государственной работе, но не стремятся к ней. Они предполагают, что родители обеспечивают больше связей с работой в государственном секторе, чем положительных впечатлений о работе как таковой [3].

Более нейтрально Габрис и Симо (Gabris and Simo, 1995) указывают на то, что влияние семейного происхождения невозможно ни переоценить, ни рассматривать как несущественное. Согласно проведенному ими опросу 105 сотрудников из шести организаций (двух частных, двух государственных и двух некоммерческих), они выяснили, что менее чем у половины респондентов члены семьи работают в государственном секторе, а 75% респондентов считают, что семейные узы не влияют на их выбор профессии. Однако из тех, у кого члены семьи работают в государственном секторе, 51% также работают в общественных организациях. Из тех, кто считает, что семейные узы оказывают влияние на выбор ими работы, 77% считают, что это влияние положительное [3].

2. Пол.

Пол рассматривается как важный фактор, влияющий на мотивацию к государственной службе. Хотя государственное управление долгое время рассматривалось как сектор, в котором преобладают мужчины, споры о влиянии пола на мотивацию к государственной службе все еще продолжаются. Если между женщинами и мужчинами существуют значительные различия в уровнях мотивации, можно сделать определенные выводы. Например, менеджеры должны мотивировать сотрудников мужского и женского пола соответственно разными методами.

Изучая различия в мотивации к работе между работниками государственного и частного секторов, Бюленс и Ван ден Брук (Buelens, Van den Broeck, 2007) использовали гендерную принадлежность в качестве важной независимой переменной. Результаты показывают, что

мужчины значительно более мотивированы зарплатой и хорошими отношениями с коллегами, чем женщины [4]. Аналогичным образом, Нафф и Крам (1999) обнаружили, что женщины обладают несколько более высоким уровнем мотивации к государственной службе, чем мужчины, когда они изучали влияние демографических факторов на показатели мотивации у отдельных людей. В своем исследовании влияния гендера на моральное развитие индивидов Уайт (White, 1999) обнаружил, что женщины набирают значительно больше баллов, чем мужчины, по критерию морального измерения, что означает, что женщины более этичны, чем мужчины [8]. Хьюстон (2000) использует данные общего социологического опроса для сравнения работников государственного и частного секторов в отношении наиболее высоко оцениваемых ими стимулов к труду. Полученные данные свидетельствуют о том, что мужчины менее склонны ценить значимую работу (например, государственную службу), чем женщины; однако автор не приводит никаких объяснений этому результату [5].

Для сравнения, группа ученых высказалась в другом направлении – мужчины имеют более высокий уровень мотивации к государственной службе и более высокие оценки по другим этическим вопросам, чем женщины. Фредериксон (Frederickson, 1967) обнаруживает взаимосвязь между полом студентов и их мнением о работе на государственной службе. Он обнаружил, что студенты-женщины несколько реже, чем студенты-мужчины, положительно относятся к государственной службе [4]. Перри (Perry, 1997) в своем исследовании, посвященном истории формирования мотивации к государственной службе у отдельных людей, обнаружил, что женщины меньше, чем мужчины, отдают предпочтение общественным интересам/гражданскому долгу и самопожертвованию [7]. Льюис и Фрэнк (Lewis and Frank, 2002) указывают, что женщины несколько более склонны, чем мужчины, отдавать предпочтение государственной работе; однако такой гендерный разрыв исчезает, когда учитываются другие индивидуальные особенности. Более того, женщины с меньшей вероятностью будут занимать государственные должности, чем мужчины [4].

Тем не менее, есть несколько ученых, которые не смогли найти значимых или последовательных результатов в своих исследованиях. Качиоппе и Мок (1984) пришли к выводу, что половые признаки не влияют на показатель качества работы при сравнении работников государственного и частного секторов. Дехарт-Дэвис и др. (2006), используя вторичные данные Национального проекта административных исследований, творчески исследуют гендерные аспекты мотивации к государственной службе и приходят к выводу, что женщины проявляют больше сострадания и их больше привлекает процесс выработки политики, но они не сильно отличаются от мужчин по уровню приверженности государственной службе [4].

3. Образование.

Мнение о том, что мотивация к работе зависит от образования, разделяется несколькими учеными [7]. Исследуя предпосылки мотивации к государственной службе, Перри предполагает, что школьное образование может быть улучшено, чтобы способствовать развитию мотивации к государственной службе. В своей статье, посвященной процессуальной теории мотивации к государственной службе, Перри утверждает, что образование, являясь компонентом социально-исторического контекста, оказывает влияние на мотивации к государственной службе [7]. Хьюстон (Houston, 2000) указывает, что если люди имеют более высокий уровень образования, то у них соответственно снижается интерес

к высокой заработной плате и гарантированной работе, но более высокая оценка ставится значимой работе [5]. Мойнихан и Пандей (2007) пришли к аналогичным выводам о том, что уровень образования тесно и позитивно связан с мотивацией к государственной службе, поскольку образование играет главную роль в формировании убеждений людей. В частности, образование может повысить самооценку людей и их карьерные предпочтения в государственном секторе [4].

С другой стороны, Четкович (2003) использует двухлетнюю серию опросов и интервью со студентами магистратуры. Результаты показывают, что интерес к государственной службе снижается, когда учащиеся достигают более высокого уровня образования, что указывает на то, что учебная программа в сфере государственной политики и управления не способствует формированию у учащихся благоприятного отношения к правительству. Студентам с высоким уровнем мотивации к государственной службе могут не понравиться образовательные программы по государственному управлению. Например, они осознают тот факт, что изменить политику гораздо сложнее, чем разработать ее [4].

4. Организационная среда.

Хотя этот тезис ориентирован на студентов университетов, у которых мало шансов вступить в контакт с рабочими организациями или окружающей средой, влияние организационной среды на мотивацию к государственной службе действующих сотрудников будет обсуждаться, поскольку оно по-прежнему является весьма значимым в литературе по мотивации к государственной службе. Мойнихан и Пандей (2007) утверждают, что мотивация государственных служащих может формироваться в социально-историческом контексте до приема на работу, но после прихода в организацию она также будет формироваться под влиянием организационной среды. Рабочая среда оказывает значительное влияние на мотивацию к государственной службе сотрудников через организационную культуру, взаимоотношения с коллегами, а также систему вознаграждений [7].

Исследования, проведенные в государственном секторе, показывают, что чем важнее миссия организации, тем выше мотивация сотрудников к работе. Райт считает, что если сотрудники считают миссию важной и соответствующей их собственным ценностям, они будут более склонны включать цели организации в свои собственные и считать свою работу по достижению этих целей значимой [8]. Таким образом, миссия или цель организации играет важную роль в формировании трудовой мотивации сотрудников. Кроме того, государственный сектор должен принимать на работу людей, чьи системы ценностей соответствуют миссиям или целям организаций. Однако, исследуя влияние организационной бюрократии на мотивацию отдельных лиц, Болдуин (1990) приходит к выводу, что никакой существенной взаимосвязи получить не удастся, несмотря на тот факт, что государственный сектор, как считается, в большей степени ограничен бюрократией [4]. Таким образом, с одной стороны, сотрудники с их первоначальной мотивацией к государственной службе выбирают организации, которые соответствуют их ожиданиям; с другой стороны, после трудоустройства выбранные ими организации влияют на мотивацию государственных служащих и изменяют ее форму.

В целом, как видно из вышеизложенного, исследователи подчеркивают, как особый характер мотивов и ценностей работников государственного сектора, так и особенности источников и факторов мотивации госслужащих в отличие от работников частных фирм. Особенности мотивации труда госслужащих связаны со специфи-

кой их работы и императивностью института госслужбы. Однако следует учитывать современные тенденции модернизации сферы государственного управления [2], непосредственно затрагивающие принципы организации трудовой деятельности, что актуализирует проблему мотивации на государственной службе. Источником инноваций в разработке данной проблемы может стать как обращение к опыту иностранных государственных служб, так и опыту частно-корпоративного сектора, отличительной особенностью которого в вопросах социального управления является большее разнообразие в выборе средств, рождающих новые управленческие решения.

Литература

1. Кохан Ж.С., Сerezко Т.А., Шкилёв М.В. Источники мотивации работников сельскохозяйственных предприятий // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 7. С. 27–30.
2. Ревенко Н.В., Кохан Ж.С., Сerezко Т.А. Экономическая социология как теоретико-методологическая основа анализа проблем инновационного развития // Вестник БУКЭП. 2023, № 2. С. 101–112.
3. Ревенко Н.В., Сerezко Т.А., Михалев Е.А. Мотивация государственных служащих: сравнительный анализ // Социально-гуманитарные знания. № 2. 2024. С. 69–72.
4. Сerezко Т.А., Михалев Е.А. Мотивирующие факторы служебно-трудовой деятельности в таможенных органах // Международная научно-практическая и научно-методическая конференция «Социология и психология перед вызовами цифровой эпохи» 27 марта 2024 БУКЭП.
5. Houston, D. J. and K.E. Cartwright (2007). "Spirituality and Public Service." *Public Administration Review* 67 (1): 88–102.
6. Jurkiewicz C.L., Massey T.K. Jr., Brown R.G. Motivation in public and private organizations: a comparative study // *Public Productivity & Management Review*. 1998. Vol. 21. № 3. P. 230–250.
7. Perry J.L. Antecedents of public service motivation // *Journal of Public Administration Research and Theory*. 1997. № 7 (2).
8. Wright B.E. Public sector work motivation: review of current literature and a revised conceptual model // *Journal of Public Administration and Theory*. 2001. Vol. 11. № 4.

CONCEPTUALIZATION OF THE THEORY OF MOTIVATION OF CIVIL SERVANTS

Revenko N.V., Serezko T.A., Mikhalev E.A.

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

The article outlines the sources and factors influencing motivation for public service in PSM theory. It is noted that there is a relationship between socio-demographic variables such as marital status, education level, gender, organizational environment and the predominance of internal motivation factors among employees.

Keywords: motivation of civil servants, motivating factors.

References

1. Kokhan Zh.S., Serezko T.A., Shkilev M.V. Sources of motivation of workers of agricultural enterprises. 2022. № 7. P. 27–30.
2. Revenko N.V., Kokhan Zh.S., Serezko T.A. Economic sociology as a theoretical and methodological basis for the analysis of problems of innovative development. 2023, № 2. Pp. 101–112.
3. Revenko N.V., Serezko T.A., Mikhalev E.A. Motivation of public servants: comparative analysis. № 2. 2024. Pp. 69–72.
4. Serezko T.A., Mikhalev E.A. Motivating factors of service and labor activity in customs authorities // International Scientific and Practical and Scientific Methodological Conference "Sociology and Psychology before the Challenges of the Digital Era" March 27, 2024 BUKEP

5. Houston, D. J. and K.E. Cartwright (2007). "Spirituality and Public Service." *Public Administration Review* 67 (1): 88–102.
6. Юркевич К.Л., Мэсси Т.К. Младший, Браун Р.Г. Мотивация в государственных и частных организациях: сравнительное исследование // *Public Productivity & Management Review*. 1998. Том 21. № 3. С. 230–250.
7. Перри Д.Л. Предпосылки мотивации государственной службы // *Журнал исследований и теории государственного управления*. 1997. № 7 (2).
8. Райт Б.Е. Мотивация труда в государственном секторе: обзор современной литературы и пересмотренная концептуальная модель // *Журнал государственного управления и теории*. 2001. Том 11. № 4.

Российские жители, выходцы из Средней Азии в зеркале миграционных исследований

Ходжатов Кемал Байрамович,

аспиранту, «Социология управления», Тихоокеанский
государственный университет
E-mail: 2018104678@pnu.edu.ru

В статье на основании анализа значимых работ по проблеме миграции рассматриваются основные подходы к исследованию миграционного потока из Средней Азии в Россию. Основное внимание уделяется подходам к исследованию миграционных потоков, что позволяет выявить ключевые характеристики участников этого процесса, включая их социальный, экономический и культурный фон. Также рассматриваются формы и механизмы образования и функционирования миграционного потока, что помогает понять динамику и структуру миграции. Особое внимание уделяется мотивации мигрантов, выбирающих Российскую Федерацию в качестве места прибытия. В статье анализируются различные факторы, влияющие на этот выбор, такие как экономические возможности, социальные связи и культурные аспекты. Не менее важным направлением исследования является изучение сложностей, с которыми сталкиваются мигранты из Средней Азии при адаптации в принимающем сообществе, включая языковые барьеры, культурные различия и трудности с интеграцией.

Ключевые слова: миграция, миграционный поток, социальный состав, факторы притяжения, Средняя Азия, Россия.

Миграционные потоки являются уже не первое десятилетие одним из наиболее популярных объектов исследования в России. Чаще всего в данном вопросе исследуются миграционные потоки из Центральной Азии в Российскую Федерацию. Особенно исследовательская активность в данном вопросе усилилась в связи с ростом преступности среди выходцев из Центральной Азии, включением государства в вопросы социальной адаптацией мигрантов и усилением антимигрантских настроений у населения.

По данным Главного управления по вопросам миграции МВД России на момент 01.09.2024 года в Российской Федерации находятся и самое главное состоят на миграционном учете 6,2 млн чел. Учитывая общее население России в 146,2 млн. человек количество мигрантов составляет 4,2% от общего числа. [3]

Данное исследование проводится с целью составления характерных черт миграционного потока из Центральной Азии в Российскую Федерацию, выявление маркеров характеризующих мигрантов, выстраивание понимания местного населения относительно мигрантов из Центральной Азии. Исследование помогает структурировать и охарактеризовать накопленный опыт в сфере миграции, выявлению основных реперных точек в миграционном процессе. В ходе составления исследования были использованы открытые статистические данные Российской службы статистики (Росстат) Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ) и открытая статистика Главного управления по вопросам миграции (ГУВМ МВД России).

Помимо статистических данных используются статьи и научные труды исследователей миграционной повестки. Мукомель В.И.[10] в своей статье Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян описывает отношение «коренного населения» к мигрантам и соотносит уровень дохода с восприятием ситуации. Флоринская Ю.Ф в своей статье рассматривает вопрос увеличения миграционного потока из Центральной Азии после военно-политического кризиса в Украине [15]. Н.В. Мкртчян исследует вопросы, связанные с увеличением миграционного потока мигрантов в Дальневосточный федеральный округ, в частности на Камчатский край [4].

Важно дифференцировать миграционный поток по крайней мере по страновой метрике. Например, по данным Росстата в 2023 г. в Российскую Федерацию прибыло 490 тыс. человек из стран СНГ из них 34% граждане Таджикистана, 11% граждане Кыргызстана, 9,87% граждане Казахстана и самый малочисленный контингент граждане Туркменистана 2,72% от общего числа.[11]

Основным трендом среди выходцев из стран Центральной Азии является именно трудовая миграция, что связано с низким уровнем дохода в государствах-донорах. Как можно видеть из приведенной статистики выше, основными странами-донорами являются – Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. Однако сравнивая показатель на январь 2022 гг. и на январь 2023 гг. виден очевидный разрыв в 300 тыс. человек.

Миграционная активность несколько снизилась и это связано с несколькими факторами, такими как: сниже-

нием курса валюты, политической ситуацией в стране и санкции на сервисы по переводу финансов. Данные факторы заставляют мигрантов пересматривать страну-реципиента, в сторону Азии или Европы.

Стоит отметить, что несмотря даже на данные условия, миграционный поток из стран Центральной Азии довольно большой и для этого есть определенные условия:

1. «Мягкие условия» миграционного законодательства РФ

2. Сформированные диаспоры и землячества на местах переселения

3. Нехватка кадров в разных секторах экономики РФ

Начнем с миграционного законодательства РФ. Миграционные процессы регулируются разными нормативными актами и законами, но в рамках реферата мы охватим два основополагающих Федеральным закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 N 115-ФЗ и Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28.04.2023 N 138-ФЗ. В данном случае мы затрагиваем вопрос правовой интеграции мигрантов. Ключевым показателем проявления правовой интеграции является натурализация, посредством которой мигранты имеют возможность получить равные права и обязанности в государстве-реципиенте.

Согласно законодательству РФ для получения гражданства в общем или упрощенном порядке необходимо пройти процедуры натурализации по схеме: разрешение на временное проживание (РВП) – вид на жительство (ВНЖ) – гражданство РФ. Более того, есть обширный перечень условий и категорий мигрантов, имеющих основание на получение гражданства в упрощенном порядке. Наиболее часто встречаемым основанием является наличие близкого родственника имеющего российское гражданство и постоянно проживающего на территории России; брак с гражданином, проживающим в России от трех лет (при наличии в браке общих детей); участие в госпрограмме переселения соотечественников.

Для понимания масштабов и мотивов, побуждающих мигрантов из Центральной Азии, стоит обратиться к статистическим данным. Для этого мы будем использовать данные бывшего ФМС на 2016 г. и Главного управления по вопросам миграции МВД РФ. Основываясь на данные показатели, можно проанализировать статистику натурализованных иностранных граждан по интересующим нас странам. В следствие того, что РВП и ВНЖ являются как миграционными статусами, так и одним из этапов натурализации мигрантов, то стоит рассмотреть каждый из этапов.

Анализ статистики решений о приобретении гражданства РФ демонстрирует, что динамика натурализации гражданами рассматриваемых стран различается. Самый большой рост числа лиц, имеющих решение о приобретении гражданства РФ, – граждане Таджикистана: в 2021 г. это 103681 чел., или 14% всех разрешений о гражданстве, что почти в 5 раз больше в абсолютном выражении, чем в 2016 г., – 23216, или 8,8%. Правда, в 2016 г. всего было принято 265319 решений. Темпы прироста числа разрешений для граждан Узбекистана и Кыргызстана примерно одинаковы. В 2021 г. получили разрешение 19241 граждан Кыргызстана, что составляет 2,6% против 3,5% (9316 чел.) в 2016 г. В 2021 г. приняты 31867 разрешений для граждан Узбекистана, что составляет 4,3% против 23216 (или 8,8%) в 2016 г. [13]

Резюмируя статистические сведения, можно отметить, что наиболее активными по темпам и числу получающих различный правовой статус в России в 2016–2022 гг. являются граждане Таджикистана, затем – Кыргызстана, затем – Узбекистана. Среди граждан Узбеки-

стана, больше имеющих разрешение на временное проживание или вид на жительство, чем на гражданство. Данную связь можно объяснить как раз внутренними механизмами государств-доноров. Например, в Узбекистане категорически запрещено наличие двойного гражданства, поэтому наличие статуса РВП или ВНЖ самый оптимальный вариант. С гражданами Таджикистана другая история, внутренние механизмы позволяют наличие двух гражданств, поэтому натурализация посредством получения гражданства оптимальна для данной категории.

Конечно, можно рассматривать данный вопрос с точки зрения нормативных документов, но необходимо погрузиться в глубинный анализ внутренних мотивов мигрантов из Центральной Азии. Для этого обратимся к исследованию Пешковой Веры Михайловны – ведущего научного сотрудника Института социологии ФНИСЦ РАН.

Приведенный ею анализ глубинных интервью с мигрантами из Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, позволяет сказать, что стратегия натурализации имеет больше инструментальный характер, нежели один из путей интеграции. Можно выделить следующие мотивы, вынуждающие натурализоваться свой статус в РФ:

1. Эффективный способ легализации своего проживания и работы в России
2. Открытие доступа к социально-экономическим ресурсам РФ (материнский капитал, ипотечное кредитование и др.)
3. Подготовка «плацдарма» реализации амбиций для будущих поколений

Согласно исследованию, стратегия получения того или иного статуса соответствует, приведенной статистике. Чаще всего граждане Таджикистана и Кыргызстана идут по упрощенной процедуре получения гражданства и сохраняют его, граждане Узбекистана останавливаются на статусе РВП или ВНЖ, что не запрещает использовать привилегии в обществе.

Проведенный анализ показал, что на протяжении последних 20 лет доля мигрантов родом из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана составляет примерно пятую часть всех иностранных граждан, натурализовавшихся в России. Стратегии натурализации мигрантов действительно тесно связаны как с нормативно-правовыми основаниями приобретения российского гражданства, так и с мотивами самих мигрантов, а также степенью их интегрированности. Можно также сказать, что нормативно-правовые и институциональные условия задают своего рода рамки для стратегий натурализации, но их разнообразие в значительной степени зависит от мотивов и намерений самих мигрантов.

Когда мы зафиксировали статистические данные и рассмотрели вопрос натурализации иностранных граждан, стоит перейти к восприятию коренного населения к мигрантам из Центральной Азии. В данном вопросе мы используем исследование проведенное Мукомелем В.И.

Мукомель соотносит данные проведенные в его исследовании численности мигрантов в населенном пункте проживания с уровнем доходов населения. В соотношении данных за 2016 г. и за 2019 г. отмечается снижение уровня мигрантов в населенных пунктах, где проводилось исследование, но это также соотносится и со статистикой приведенной ниже. Количество мигрантов сокращается и проблему с приезжими отмечают в большей степени женщины, молодежь, в частности, обучающиеся индифферентны к присутствию мигрантов.

В соотношении обеспокоенности населения количеству мигрантов и доходами жителей, проглядывает интересная динамика. Обеспокоенность в росте мигрантов

выражают по большей части малообеспеченные группы респондентов, причем, чем больше уровень доходов, тем меньше встревоженность относительно миграционного вопроса.

Чувство неприязни к мигрантам чаще выказывают те, кто более негативно оценивает положение дел в своем населенном пункте, и особенно, обстановку в своем субъекте Федерации, а также положение дел в стране. Они более обостренно, чем другие респонденты, озабочены всеми теми проблемами, которые важны для страны.

Особенно их тревожит социально-экономическая ситуация, что обусловлено чаще всего их плохим материальным положением: если среди тех, кто оценивает свое материальное положение как очень хорошее или хорошее, с той или иной степенью неприязни к трудовым мигрантам относятся 14,5% респондентов, а среди оценивающих материальное положение как среднее – 18,7%, то среди считающих свое материальное положение плохим или очень плохим – 30,7% опрошенных. [9]

Несмотря на социальное неодобрение и антимигрантские настроения в обществе, мигранты из Центральной Азии стремятся в Российскую Федерацию с целью заработка. Это подтверждается в исследовании Флоринской Ю.Ф. в ходе которого было получено 443 заполненные анкеты. Принцип построения выборки в обоих случаях – неслучайная потоковая выборка. Исследование проводилось в крупнейшем многофункциональном миграционном центре в Сахарово (г. Москва).

Из исследования можно сделать вывод, что трудовая миграция в Россию для жителей Центральной Азии является основной стратегией реализации, несмотря на экономические трудности. Основными донорами также являются граждане Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

Опрос в московском регионе, где работают более 40% всех иностранных трудовых мигрантов, показал, что и в 2022, и в 2023 г. мигранты довольно позитивно оценивают свое текущее положение на рынке труда в России, около двух третей не заметили никаких отрицательных последствий для себя произошедших событий. Довольно оптимистичны мигранты и в оценке своего ближайшего будущего в России: больше половины считают, что их положение здесь улучшится. В то же время заметно число тех, кто не уверен в своих перспективах дальнейшей работы здесь и в целом не готов говорить о реальных перспективах своего будущего именно в России. [15]

Безусловно в совокупности опрашиваемые изъявляют желание остаться в России и не изменяют планов на реализацию в трудовом рынке, однако заметно уменьшилась доля желающих пройти процедуру натурализации в любом виде.

Так какова основная цель мигрантов, если не интеграция в принимающее общество? Первоначальной причиной также остается материальный достаток мигранта, улучшение условий жизни своих родственников, только не в стране реципиенте (в России) а в стране-доноре.

Чаще всего миграция из Центральной Азии носит временный, а иногда и сезонный характер, и лишь небольшая часть готова оставаться в России на ПМЖ. Антимигрантские настроения, которые формируются на основе стереотипа о «захвате их территории» являются мифом, так как большая часть мигрантов ориентируются на страну происхождения, но тогда стоит вопрос не об интеграции, а об адаптации в новых реалиях, и с этой точки зрения стоит рассматривать вопрос миграционного потока из Центральной Азии в Россию

Одно из главных условий адаптации в принимающем обществе – владение языком принимающего государ-

ства, в данном случае русским. Сформированные еще в советском прошлом культурные, политические, и социальные связи позволяют сохранить русский язык в Центральноазиатских республиках. Однако уровень владения языком в разных государствах разнообразен.

По данным опроса проведенным и опубликованным в монографии В.И. Мукомеля русский язык не является родным для 82,3% выходцев из Киргизии, 88% приезжих из Таджикистана, 90,6% уроженцев Узбекистана. Приезжие из среднеазиатских государств чаще других групп мигрантов говорят на родном языке в кругу родственников (35,8% опрошенных) а на работе пользуются родным языком наряду с русским (39,3%) [1]

Данная ситуация позволяет констатировать что существуют языковые и культурные барьеры, которые препятствуют адаптации мигрантов и заставляют их замыкаться в кругу общения внутри землячеств. В связи с этим выходцы из Центральной Азии чаще обращаются не во внешний контур, а ищут социальные связи внутри для решения проблем.

Важным фактором принятия решения о релокации для мигрантов и интегрироваться в принимающее общество является семейная интеграция. Однако Россию посещают работоспособные мужчины средних лет, и ставят они перед собой цель «жить на два фронта» воспринимая принимающую страну временными трудностями, поддерживая связь через социальные сети.

Складывания нескольких факторов (наличие образования, владение языком и личные обстоятельства) влияют на построение социальных связей с обществом. Контакты с принимающим населением играют большую роль в адаптации мигрантов к новым реалиям. Как говорилось выше, для мигрантов из Центральной Азии движение в Россию не является прямой траекторией, для них больше характерна циркуляция между родной страной и принимающей, заканчивающаяся «приземлением» в стране-реципиенте в связи с достижением собственных целей или с форс-мажорными ситуациями.

Примечательно рассматривать в данном вопросе исследование Е.Б. Деминцевой и Н.В. Мкртчяна, в своем исследовании они выдвигают гипотезу о возникновении «плацдарма» для переселения. Целью их работы является исследование Камчатского края, как нового региона для мигрантов и их адаптации и возможной релокации в более перспективные населенные пункты.

Камчатский край никогда не был лидером среди регионов Дальневосточного федерального округа по привлечению трудовых мигрантов. В 2007 г., накануне мирового финансово-экономического кризиса, согласно неопубликованным данным ФМС России, в регионе официально было оформлено (выдано разрешений на работу) 2,2 тыс. иностранных работников, что составляло 1,5% трудовых мигрантов в ДВФО (в границах округа на тот период). Из них 45% были заняты в строительстве, 22% – в оптовой и розничной торговле, 10% – в рыболовстве и рыболовстве. Основными странами – донорами трудовой миграции тогда выступали Узбекистан, Украина, Азербайджан и Молдова. [4]

Однако ситуация кардинально изменилась с введением патентной системы в 2015 г. Исследование показало, что в последние несколько лет количество мигрантов увеличилось в многократном размере (в частности из Узбекистана и Кыргызстана) и местные власти и сами мигранты связывают с ослаблением законодательства, что является отчасти правдой.

Первое на что влияет выбор потенциального мигранта в релокацию на Камчатку – это уровень зарплат и региональный коэффициент, в совокупности зарплата выше, чем в Центральной части России в 2 раза.

Но ключевым показателем является система выстро-
енных социальных связей, которая работает не только
на Камчатке, но и по всей России. «Одни мигранты при-
глашают других – своих друзей, знакомых, родственни-
ков. Благодаря этому все наши информанты из надеж-
ного для них источника информированы о возможностях
получения работы, примерном доходе и затратах на жи-
лье и проживание в крае». [4]

В ходе исследования можно сделать определенный
вывод относительно миграции из Центральной Азии
в Россию:

1. Население по большей части принимает мигрантов,
хоть в обществе и существуют антимигрантские на-
строения, скорее они проявляются только в актив-
ной фазе
2. Несмотря на определенные экономические и поли-
тические обстоятельства мигранты из Центральной
Азии рассматривают Россию как объект реализа-
ции себя на рынке и постоянной занятости
3. Ввиду понимания истощения рынков Центральной
и Сибирской части России мигранты все чаще стре-
мятся ехать дальше, на это влияют как удачные при-
меры, так и уровень заработка
4. Натурализация в Российской Федерации для ми-
грантов не является целью пребывания в стране,
это может выступать либо инструментом реализа-
ции личной стратегии, либо получением социаль-
ных льгот. Получение гражданства как высшей ста-
дии натурализации не является повсеместной.

Литература

1. Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызо-
вы, реалии, индикаторы: [монография] / В.И. Муко-
мель, К.С. Григорьева, Г.А. Монусова [и др.]; ФНИСЦ
РАН. – М., 2022. – 400 с.
2. Государственная молодежная политика: националь-
ные проекты 2019–2024 гг. в социальном разви-
тии молодежи: сб. материалов всерос. науч.-практ.
конф., 20–21 апр. 2020 г., Москва-Ялта, Россия / под
ред. Т.К. Ростовской. – Москва: Перспектива, 2020.
3. Демографические показатели населения России
2024 / Федеральная служба государственной статисти-
ки (Росстат). М., 2024
4. Деминцева Е.Б. Мкртчян Н.В. Новые направления
миграции: мигранты из стран Средней Азии на Кам-
чатке / Е.Б. Деминцева, Н.В. Мкртчян // Мониторинг
общественного мнения: экономические и социаль-
ные перемены. – 2023. – С. 149–175.
5. Зимова Н.С. Социальная адаптация трудовых ми-
грантов из стран Центральной Азии в России /
Н.С. Зимова // Миграция и социально-экономическое
развитие. – 2017. – Т. 2, вып. 1. – С. 19–28
6. Культурное наследие и связь поколений: моно-
графия / Е.С. Баева, А.А. Балясов, С.А. Барков,
Л.А. Беляева [и др.] / Под общ. ред. проф. З.Х. Сара-
лиевой. – Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
2023.–406 с.
7. Космарская Н.П. Изучение низовых представлений
о мигрантах в России и Европе: методы, концепты,
локальные контексты / Н.П. Космарская // Монито-
ринг общественного мнения: экономические и соци-
альные перемены – 2022. – С. 26–48.
8. Лобарёв Д.С., Калыкова Ч.И. Современные тен-
денции образовательной миграции в государствах
Центральной Азии / Д.С. Лобарёв, Ч.И. Калыкова // П-
сковский региональный журнал – 2021. – С. 92–
102.

9. Мукомель В.И. Трудовая миграция в России: адап-
тация к трансформациям рынка труда / В.И. Муко-
мель // Журнал новой экономической ассоциации –
2024. – С. 233–240.
10. Мукомель В.И. Миграционная ситуация и мигран-
ты в восприятии россиян / В.И. Мукомель // Вестник
российской нации – 2021. – С. 53–66.
11. Международная миграция 1997–2023 / Федераль-
ная служба государственной статистики (Росстат).
М., 2023
12. Общие итоги миграции населения Российской Фе-
дерации 2024 / Федеральная служба государствен-
ной статистики (Росстат). М., 2024
13. Пешкова В.М. Международная миграция и граждан-
ство в Российской Федерации (на примере мигра-
ции из Центральной Азии) / В.М. Пешкова // Власть –
2023. – С. 162–171.
14. Флоринская Ю.Ф. Миграция семей с детьми в Рос-
сию: проблемы интеграции (по материалам социоло-
гических опросов Центра миграционных исследо-
ваний) / Ю.Ф. Флоринская // Социологические обсле-
дования – 2020. – С. 118–126.
15. Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию
(на примере московского региона) уехать нельзя
остаться / Ю.Ф. Флоринская // Демографическое
обозрение – 2023. – С. 69–85.
16. Храмова М. Н., Смирнов А.В. Проблемы адаптации
и интеграции трудовых мигрантов из стран Централь-
ной Азии В России / М.Н. Храмова, А.В. Смирнов // Материалы всероссийской научно-практической
конференции Государственная молодежная поли-
тика: национальные проекты 2019–2024 гг. в соци-
альном развитии молодежи: (г. Москва-Ялта, 20–
21 апреля 2020 г.). – М., 2020. – С. 213–221.
17. Численность населения 2024 / Федеральная служба
государственной статистики (Росстат). М., 2024

RUSSIAN RESIDENTS, NATIVES OF CENTRAL ASIA IN THE MIRROR OF MIGRATION RESEARCH

Hojatov K.B.

The Pacific State University

This article, based on an analysis of significant works on the issue of migration, examines the main approaches to studying the migration flow from Central Asia to Russia. The main focus is on approaches to studying migration flows, which allows identifying the key characteristics of participants in this process, including their social, economic, and cultural background. The article also examines the forms and mechanisms of formation and functioning of the migration flow, which helps to understand the dynamics and structure of migration. Particular attention is paid to the motivation of migrants who choose the Russian Federation as their destination. The article analyzes various factors influencing this choice, such as economic opportunities, social ties, and cultural aspects. An equally important area of research is the study of the difficulties faced by migrants from Central Asia in adapting to the host community, including language barriers, cultural differences, and integration challenges.

Keywords: migration, migration flow, social composition, pull factors, Central Asia, Russia.

References

1. Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators: [monograph] / V.I. Mukomel, K.S. Grigorieva, G.A. Monusova [et al.]; FNISS RAS. – M., 2022. – 400 p.
2. State Youth Policy: National Projects 2019–2024 in the Social Development of Youth: collection of materials from the All-Russian scientific-practical conference, April 20–21, 2020, Moscow-Yalta, Russia / edited by T.K. Rostovskaya. – Moscow: Perspektiva, 2020.
3. Demographic Indicators of the Population of Russia 2024 / Federal State Statistics Service (Rosstat). M., 2024

4. Demintseva E.B., Mkrtychyan N.V. New Directions of Migration: Migrants from Central Asian Countries in Kamchatka / E.B. Demintseva, N.V. Mkrtychyan // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. – 2023. – Pp. 149–175.
5. Zimova N.S. Social Adaptation of Labor Migrants from Central Asian Countries in Russia / N.S. Zimova // *Migration and Socio-Economic Development*. – 2017. – Vol. 2, Issue 1. – Pp. 19–28
6. Cultural Heritage and Intergenerational Ties: monograph / E.S. Bae, A. A., Balyasov, S.A. Barkov, L.A. Belyaeva [et al.] / Under the general editorship of Prof. Z. Kh. Saralieva. – N. Novgorod: NNSU named after N.I. Lobachevsky, 2023. – 406 p.
7. Kosmarskaya N.p. Studying Grassroots Perceptions of Migrants in Russia and Europe: Methods, Concepts, Local Contexts / N. p. Kosmarskaya // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes* – 2022. – Pp. 26–48.
8. Lobarev D.S., Kalynikova Ch.I. Modern Trends in Educational Migration in Central Asian States / D.S. Lobarev, Ch.I. Kalynikova // *Pskov Regional Journal* – 2021. – Pp. 92–102.
9. Mukomel V.I. Labor Migration in Russia: Adaptation to Labor Market Transformations / V.I. Mukomel // *Journal of the New Economic Association* – 2024. – Pp. 233–240.
10. Mukomel V.I. Migration Situation and Migrants in the Perception of Russians / V.I. Mukomel // *Bulletin of the Russian Nation* – 2021. – Pp. 53–66.
11. *International Migration 1997–2023* / Federal State Statistics Service (Rosstat). M., 2023
12. *General Results of Population Migration of the Russian Federation 2024* / Federal State Statistics Service (Rosstat). M., 2024
13. Peshkova V.M. International Migration and Citizenship in the Russian Federation (on the example of migration from Central Asia) / V.M. Peshkova // *Power* – 2023. – Pp. 162–171.
14. Florinskaya Yu.F. Migration of Families with Children to Russia: Integration Problems (based on materials from sociological surveys of the Migration Research Center) / Yu.F. Florinskaya // *Sociological Surveys* – 2020. – Pp. 118–126.
15. Florinskaya Yu.F. Labor Migration to Russia (on the example of the Moscow region) you can't leave, you can't stay / Yu.F. Florinskaya // *Demographic Review* – 2023. – Pp. 69–85.
16. Khramova M.N., Smirnov A.V. Problems of Adaptation and Integration of Labor Migrants from Central Asian Countries in Russia / M.N. Khramova, A.V. Smirnov // *Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference State Youth Policy: National Projects 2019–2024 in the Social Development of Youth: (Moscow-Yalta, April 20–21, 2020)*. – M., 2020. – P. 213–221. 17.
17. *Population Size 2024* / Federal State Statistics Service (Rosstat). M., 2024.

Активная гражданская позиция как гвоздь времени и осознание своего вклада в развитие государства

Яковко Татьяна Владимировна,

кандидат философских наук, доцент, Ордена «Знак Почета»
Академия Государственной противопожарной службы МЧС
России
E-mail: tatyana.yakovko@yandex.ru

Орлова Ольга Николаевна,

кандидат педагогических наук, доцент, Ордена «Знак Почета»
Академия Государственной противопожарной службы МЧС
России
E-mail: olga_on.omsk@mail.ru

В статье рассматривается проблема формирования и проявления активной гражданской позиции. Автором уточняется формулировка «активная гражданская позиция», принципы ее формирования и определяется значение проявления гражданственности в настоящее время. Рассматриваются примеры выражения активной гражданской позиции жителями России в последнее десятилетие: экопротесты, помощь нуждающимся в период пандемии, поддержка Президента РФ В.В. Путина и участников СВО. На основе анализа делаются выводы о том, что активная гражданская позиция формируется при активном участии государства, и этот процесс начинается в самом раннем возрасте. Особое значение формирование гражданской позиции приобретает для школьников и студентов. Автором указывается на то, что активная гражданская позиция чаще проявляется в созидательной форме, реже – в протестной. Отмечается, что в России сегодня фиксируется устойчивая тенденция на проявление гражданственности как медийными личностями, так и простыми жителями.

Ключевые слова: позиция, гражданин, государство, поддержка, воспитание, пандемия, специальная военная операция.

Введение

Государство во все времена должно опираться на поддержку своих граждан. Чем сильнее поддержка – тем сильнее само государство. Максимально это проявилось во времена СССР, когда активная гражданская позиция была естественной для миллионов жителей страны. Поддержка курса власти, участие в демонстрациях и социалистических соревнованиях, оказание помощи тем, кто нуждается – патриотизм и гражданственность воспитывались с детского сада. Октябрята, пионеры и комсомольцы гордились своими делами на благо общества. В 1991 году СССР прекратило существование, а вместе с ним ушла и единая идеология. Отпали и возможность, и необходимость формировать гражданскую позицию каждого индивида.

Прошедшие годы наглядно продемонстрировали, что государство нуждается в поддержке своих граждан, в активистах и общественниках. Сегодня идеология и активная гражданская позиция становятся вновь востребованными в российском обществе. Исключительное право на формирование активной позиции граждан закреплено за государством, в том числе такими нормативно-правовыми документами, как: «Национальная доктрина образования 2025 года», «О федеральной целевой программе развития образования на 2011–2015 годы» и т.д. Информация о новых ориентирах гражданского самосознания все активнее доносится до населения посредством самых разных каналов коммуникации начиная с детского сада. Особенно этому способствуют катаклизмы и конфликты, такие как пандемия коронавируса или противостояние с отдельными странами и специальная военная операция.

Материалы и методы исследования

Главным методом, применяемым в исследовании, выступил анализ и обобщение литературы. С целью изучения и систематизации были изучены интернет-ресурсы средств массовой информации, научные издания и публикации в различных научных журналах. В целях поиска, обработки и интерпретации научной информации по теме активной гражданской позиции автор опирался на описательно-аналитический метод; использовал метод прогнозирования для определения значимости гражданственности у жителей России в ближайшем будущем.

В качестве методологической базы использовался системный подход, который позволил выстроить четкую структуру разностороннего исследования активной гражданской позиции.

Результаты исследования и их обсуждение

Термин «активная гражданская позиция» до сих пор четко не определен в научной литературе. Те или иные исследователи трактуют это словосочетание исходя из каких-либо важных для них характеристик. Мы рассмотрели составные части этого словосочетания.

«Гражданин – это лицо, принадлежащее к постоянно-му населению данного государства, пользующееся все-

ми правами, обеспечиваемыми конституцией, и исполняющее все установленные конституцией обязанности» [12, с. 120]. Такая базовая формулировка используется во многих словарях, но позже она была дополнена еще одним значением: «человек, подчиняющий свои личные интересы общественным, служащий Родине, народу» [17].

Позиция – «точка зрения, отношение к чему-либо; действия, поведение, обусловленные этим отношением, оценкой» [15].

Исходя из этих формулировок следует вывод, что дефиниция «гражданская позиция» может трактоваться как определенные действия какого-либо человека в интересах своей страны. Исследователи дают более глубокое и полное определение данному понятию. Так, Е.В. Мартыненко понимает активную гражданскую позицию как «осмысленное участие человека в жизни социума, которое отражает его осознанные реальные действия (поступки) по отношению к окружающему в личном и общественном плане, направленные на осуществление общественных ценностей при адекватном соотношении личностных и социальных интересов. Обязательными компонентами активной гражданской позиции выступают:

- социальная активность,
- гражданское самосознание,
- гражданские качества» [8, с. 110].

Немного по-другому расставляет акценты в определении гражданской позиции О.Н. Пец, отмечая, что «активная гражданская позиция подразумевает обязательный интерес к социально-значимой работе, наличие организаторских способностей, инициативу и исполнительность, адекватное понимание личной значимости» [14, с. 41]. Но здесь не согласимся с исследователем, т.к. на наш взгляд, этот набор качеств не обязателен для активной гражданской позиции. Далеко не каждый активный гражданин обладает, например, организаторскими способностями, но при этом он может отлично выполнять поручения руководителя волонтерского движения и участвовать в социально-значимом проекте. В целом, о социальной активности человека и его гражданских качествах можно делать вывод, оценивая позицию, которую человек занимает в текущей общественно-политической ситуации: принимает ли он политику своего государства, поддерживает ли ее. Отметим, что активная гражданская позиция не может по своей сути являться качеством, которое приобретает навсегда. Гражданственность способна со временем трансформироваться и напрямую зависит, в первую очередь, от тех социальных, политических условий, в которых оказывается сам человек и окружающая его действительность.

Гражданская позиция начинает формироваться еще в детстве, в семье, в детском саду. Оказывают влияние и бытовая реальность, и медиа. В школах формирование продолжается на уроках и внеурочных мероприятиях. Как считает Е. Сапогова, «воспитание молодого поколения в духе патриотизма и веротерпимости, уважения к исторической памяти предков является необходимым условием для обеспечения безопасности общества и эффективного противодействия экстремизму и терроризму» [16, с. 120].

Формирование активной гражданской позиции у школьников и студентов – это не стихийный процесс. Исследователи определяют его как «целенаправленный и сознательно осуществляемый педагогический процесс взаимодействия педагогов и обучающихся по овладению политическими, историческими, экономическими, экологическими, психолого-педагогическими и другими знаниями и приобретению гражданского опыта в соци-

ально значимой деятельности, необходимыми для самореализации личности в обществе, при направляющей деятельности педагогов» [9, с. 110].

Гражданская позиция не формируется на пустом месте. Для того чтобы она появилась, человек в первую очередь должен воспринимать себя как полноправного члена общества и социальных отношений, четко представлять свое место в обществе, разделять ценности этого общества. Это уже относится к школьникам старших классов и студентам [13, с. 20]. Именно в этом возрасте наиболее активно формируется гражданская позиция, подростки уже могут самостоятельно без помощи взрослых участвовать в акциях и мероприятиях, заявлять о себе как гражданине России.

Формирование гражданской позиции в современной России происходит в сложных условиях: общество находится в состоянии глобализации, когда различные государства сближаются и начинают активно влиять друг на друга, современные коммуникативные технологии позволяют любой личности интегрироваться в мировое сообщество. Все это неизбежно приводит к тому, что внутри общества происходит трансформация ценностей и ориентиров, и это тоже необходимо учитывать, говоря о формировании гражданской позиции. Как подчеркивают В.А. Смирнов и Д.С. Савченко, «это внушает необходимость пересмотра устоявшихся взглядов на процесс патриотического воспитания, передачи социального и культурного опыта новому поколению, гражданского самоопределения молодых людей» [18, с. 72].

Авторы предлагают рассмотреть гражданскую позицию как совокупность следующих элементов:

- когнитивный (знания о гражданском долге и ответственности);
- эмоциональный (характеризуется эмоциями по отношению к той или иной общественной ценности и воплощается в эмоциональной окраске и оценочном отношении к наблюдаемому в жизни общества явлению или процессу);
- волевой (готовность участвовать в жизни социума, мобилизовать свои усилия ради государства и его блага);
- деятельностный (направленность на реализацию гражданских ценностей, достижение значимых целей, проектирование участия в общественно-политической жизни)» [5, с. 150].

Если человек сознательно проявляет свои гражданские чувства, совершает обдуманные поступки, направленные на улучшение жизни общества и на развитие страны, активно участвует в обсуждении социально-важных вопросов и в целом в общественной жизни учебного заведения, города или даже страны и при этом хорошо осознает свои права и знает обязанности, можно говорить о сформированности гражданской позиции. Для этого требуется не только наличие политических, экономических, исторических и других знаний, но и наличие глубоких внутренних мотивов. При таких условиях гражданские знания перерастают в твердые убеждения, а поступки приобретают осознанность и обоснованность.

Ю.И. Филимоненко предлагает выделить внутреннюю и внешнюю составляющие гражданской позиции личности: «внутренняя позиция обеспечивает усвоение и принятие гражданских ценностей, нравственных установок и моральных норм общества. Внешняя – выражается в общественно-значимой деятельности относительно к государству, себе и другим людям» [19, с. 61].

Активная гражданская позиция, по мнению П.А. Баранова, может проявляться в следующих видах:

- созидательная;

- бунтарская (протестная);
- конформистская (потребительская);
- пассивная, в том числе пассивно-равнодушная (пассивно-оценивающая) [2].

Самая правильная, с точки зрения государственно-сти, созидательная позиция, когда усилия граждан направлены на изменения к лучшему ситуации в стране и обществе. Так, например активная гражданская позиция может выражаться в участии в политической жизни государства, голосовании на выборах и референдумах, проявлении интереса к ситуации в городе, стране и мире. Помимо этого, к проявлению активной гражданской позиции будет относиться и создание или участие в добровольных объединениях граждан, что заметно фиксируется в настоящее время.

В последние годы активная гражданская позиция россиян стала приобретать особую значимость. Сначала в России вспыхнули несколько экологических протестов. Один из самых заметных произошел в Архангельской области, когда активисты и общественники, объединившись, больше года отстаивали станцию Шиес, где планировалось строительство полигона под складирование твердых коммунальных отходов из центральной части России. Экоактивисты одержали в этом противостоянии победу: решение о размещении полигона было отменено, более того губернатор Архангельской области в тот период – Игорь Орлов – был отправлен в отставку. По мнению аналитиков, во многом именно из-за того, что не смог договориться с жителями области [3]. Активная гражданская позиция жителей региона в данном случае была направлена на защиту своей территории и проявилась в протестной форме, в митингах, в сборах подписей против строительства полигона, в дежурстве на станции Шиес и перекрытии дороги, чтобы не допустить работу техники на полигоне.

Наиболее масштабно активность граждан в созидательной форме проявилась в 2020 году, когда миллионы добровольцев в период пандемии коронавируса помогали тем, кто нуждается. Как подвел итог того периода В.В. Путин, более 15 млн граждан приняли участие в различных добровольческих проектах [7]. При этом во время пандемии число добровольцев сильно возросло, и средний возраст участников, выражающих активную гражданскую позицию, тоже вырос: в проектах все больше участвовали не только молодежь, но и люди среднего возраста. Они доставляли продукты и лекарства пожилым, маломобильным людям, выгуливали домашних питомцев, если сами хозяева не могли, помогали заниматься домашними делами. Именно в этот период добровольческие организации набрали силу и показали свою эффективность. Желание внести свой вклад в развитие государства и общества проявилось у миллионов людей по всей стране. Во многом благодаря такой активности саму пандемию и ее негативные последствия общественность в России пережила относительно спокойно.

С 2014 года, с момента вступления Крыма в состав России, открылись широкие перспективы выражения активной гражданской позиции для любого жителя нашей страны. Миллионы людей в самых разных городах России выходили на митинги и с энтузиазмом приветствовали итоги общекрымского референдума. Многие известные личности еще до референдума выражали свою поддержку действиям президента. Так певица Надежда Бабкина, актер и режиссер Федор Бондарчук, актеры Алексей Баталов и Сергей Безруков, музыкант Игорь Бутман, цирковой артист Эдвард Запашный, артисты Лев Лещенко и Николай Расторгуев, режиссер Станислав Говорухин, актер и режиссер Олег Табаков

и многие-многие другие поставили свои подписи под коллективным обращением к российскому обществу «Деятели культуры России – в поддержку позиции Президента по Украине и Крыму», в котором было сказано, что «в дни, когда решается судьба Крыма и наших соотечественников, деятели культуры России не могут быть равнодушными наблюдателями с холодным сердцем. Наша общая история и общие корни, наша культура и ее духовные истоки, наши фундаментальные ценности и язык объединили нас навсегда. Мы хотим, чтобы общность наших народов и наших культур имела прочное будущее» [4]. Это наглядная демонстрация выражения активной гражданской позиции. Медийные личности внесли свой вклад в развитие государства тем, что поддержали вступление Крыма в состав России. По итогам референдума границы страны расширились, население увеличилось, экономические и культурные показатели также выросли. При этом в обращении деятели культуры делают акцент на ценностях, истории, духовных истоках – то, что лежит в основе гражданской позиции. Деятельный компонент гражданской позиции многих звезд не ограничился только подписью в данном документе, артисты поехали в Крым с концертами и спектаклями, демонстрируя таким образом единение русского народа и полную поддержку решения В.В. Путина и результатам референдума.

Сегодня в условиях мирового противостояния и специальной военной операции активная гражданская позиция имеет особое значение в российском обществе. Государство как никогда нуждается в поддержке своих граждан. В первую очередь ее должны оказывать лидеры общественного мнения и медийные личности. Активно свое согласие с курсом Президента России В.В. Путина еще весной 2022 года высказали актер Владимир Машков, певец и депутат Госдумы Денис Майданов, музыкант Александр Маршал, лидер группы «СерьГа» Сергей Галанин, актриса Яна Поплавская, певец SHAMAN (Ярослав Дронов), музыканты Олег и Родион Газмановы, телеведущий и актер Оскар Кучера, певец Григорий Лепс и многие другие. Эти популярные личности стали своим примером популяризировать патриотизм. Многие знаменитости совершили поездки в новые регионы – Донецкую Народную Республику (ДНР), Луганскую Народную Республику (ЛНР), Запорожскую и Херсонскую области с концертами и просто в целях демонстрации поддержки новых жителей страны. Главный мотив таких действий заключался в поддержке своих, что является ярким проявлением гражданской позиции.

Так, Олег Газманов заявил: «я должен поддерживать наших ребят, которые нас защищают. В регионах живут наши люди, с нашей душой и верой. Я еду к своим. Русские своих не бросают», а музыкант Александр Маршал обосновал свои действия борьбой с фашизмом: «даже мысли о фашистской идеологии не должно быть на планете Земля. Я горжусь российскими солдатами». Певица Вика Цыганова совершила по-настоящему героический поступок ради своей страны и ее жителей – она активно поддержала Крым и Донбасс, «давала концерты в госпиталях, но и продала дом, чтобы отправить средства на проведение спецоперации. Вырученные деньги певица перечислила военным в зоне СВО. В ее доме какое-то время жили беженцы из Одессы». [11]. Такими действиями Вика Цыганова показала пример гражданам России, как каждый может поддержать людей, пострадавших в результате конфликта и тем самым внести вклад в развитие России.

Для актрисы Яны Поплавской эмоциональный компонент активной гражданской позиции наиболее весомый, по ее мнению, патриотизм и активная гражданская по-

зияция – это в первую очередь чувства: «выступить с концертом и посетить раненых – это поступок! Но не для галочки, это должно быть внутри!» [11].

Проявлять активную гражданскую позицию способны не все. Кто-то не разделяет ценности своей страны, кто-то политические убеждения. Как продемонстрировало российское культурное сообщество, специальная военная операция разделила его на три части: те, кто очень негативно воспринял изменения в стране и покинули Родину, те, кто предпочел не высказываться публично ни в ту ни в другую сторону конфликта, и те, кто проявил гражданственность и поддержал действия властей по устранению фашизма и демилитаризации Украины.

Вслед за медийными личностями, а в некоторых случаях и опережая их, активную гражданскую позицию стали высказывать и простые жители России. Все, кто ушли добровольцами в зону проведения специальной военной операции – патриоты и истинные граждане своей страны. Многие из них воспитаны на историях своих родных о Великой Отечественной войне, для них не пустой звук – борьба с фашизмом, они искренне хотят принять участие в СВО и своими усилиями приблизить Победу. Такие люди становятся героями ежедневных репортажей на телевидении, о них рассказывают Интернет-издания и газеты, ставя их в пример. Тем самым активно продвигается тенденция на гражданскую позицию в целях развития государства.

Так, в материале издания БизнесOnline представлены истории добровольцев, идущих на СВО и причины, которыми руководствовались мужчины:

Вячеслав, 20 лет: «Основная моя цель в зоне СВО – принести пользу именно на фронте».

Игорь, 53 года: «Если по зову сердца, сердце зовет – ездай».

Вячеслав, 38 лет: «Я готов умереть за свою Родину».

Павел, 29 лет: «Я иду за Родину. Мне нужно, чтобы у сына было будущее, чтобы у семьи все было хорошо. Чтобы у всех семей все было хорошо» [1].

Мотивы и убеждения, которые легли в основу действий добровольцев подчеркивают гражданскую позицию этих мужчин. Они отправились в зону специальной военной операции не ради себя, не ради прибыли, а для того, чтобы послужить своей Родине (именно это слово наиболее часто звучит в речи интервьюируемых), принести пользу России, внести свой вклад в ее развитие.

Такую позицию граждан сегодня активно поддерживает Президент РФ. В ходе послания Федеральному собранию 29 февраля 2024 года В.В. Путин назвал участников СВО «настоящей элитой, т.к. они делом доказывают свою преданность и любовь к Родине». В ближайшем будущем люди с активной гражданской позицией, правильно проявившие ее в сложное время, должны поступить на государственную службу. Для этого с марта в стране действует специальная кадровая программа «Время героев», где солдаты и офицеры могут пройти подготовку, чтобы потом занять ключевые посты в управлении страной. Таким образом, активная гражданская позиция сегодня не только веяние времени, но и социальный лифт, позволяющий желающим возглавить города или регионы.

Таких активных граждан, стремящихся принести пользу обществу, в нашей стране становится все больше. Волонтеры по всей стране собирают необходимые вещи, отправляют машины с гуманитарной помощью. Это стало для активных общественников определенным веянием времени и твердым убеждением: если ты гражданин своей страны, ты должен поддерживать курс Президента и помогать участникам СВО.

Например, волонтер Денис Грибанов из Московской области города Воскресенска. Его активная гражданская позиция не позволила ему остаться в стороне от специальной военной операции. По состоянию здоровья он не смог отправиться в зону СВО, но там служат его друзья и товарищи. Денис принял для себя решение другим способом внести свой вклад в развитие государства – он организует сбор гуманитарной помощи и самостоятельно возит ее в новые регионы России.

А в Северной Осетии активная жительница Людмила Храбрых организовала работу по сбору помощи участникам СВО. Сначала проводила сбор у себя в рабочем кабинете, а со временем, когда к ней присоединились другие неравнодушные жители Владикавказа, переехала в помещение побольше. «Сегодня волонтеры движения «Золотые руки ангела» уже больше года изготавливают и отправляют на фронт эвакуационные носилки, окопные свечи, эвакуационные стропы, маскировочные сети и многое другое» [10].

Во многих волонтерских движениях наравне со взрослыми участвуют и дети, таким образом бытовая реальность и семья воспитывают в подрастающем поколении гражданственность. Большая работа по формированию активной гражданской позиции проводится сейчас в стенах учебных заведений. С 1 сентября 2022 года во всех школах по понедельникам на линейке торжественно поднимают флаг России и далее на первом уроке ведут «Разговоры о важном», в рамках которых учителя обсуждают с учащимися самые разные темы об основных аспектах жизни человека в современной России. В том числе делается акцент на необходимости проявлять свою гражданскую позицию, вносить посильный вклад в развитие государства. С осени 2024 года «Разговоры о важном» начинают проводить и в российских детских садах. Это одобрил В.В. Путин, т.к., по его мнению, власти должны в самом раннем возрасте закладывать ребенку определенные базовые вещи. Естественно, что в первую очередь, под базовыми вещами подразумевается любовь к своей семье, Родине, уважение к старшим, поддержка близких и т.д.

Школьники не только в рамках таких занятий могут развивать свои гражданские чувства. Активно проходят акции «Письмо солдату», когда дети всех возрастов могут написать добрые слова поддержки тем, кто сейчас находится на передовой. Мотив для ребят к участию в подобном мероприятии прост и понятен: «солдаты должны знать, что в них верят, должны ощущать поддержку всех жителей России». Активные участники СВО приходят на занятия к школьникам и также проводят с ними беседы на тему любви к Родине, защиты близких, делятся своими мотивами ухода на СВО. Тем самым они вносят вклад в развитие подрастающего поколения, а значит, и государства. Все это способствует тому, что уже в школьном возрасте у детей формируется устойчивое убеждение об оказании необходимой помощи и поддержки своим близким, родным, своей стране и людям, которые сражаются за мир. В каждое письмо дети вкладывают частичку своих эмоций и переживаний, тем самым проявляя патриотические чувства.

Все рассмотренные нами примеры наглядно подтверждают теоретические обоснования формирования активной гражданской позиции: семейные традиции, воспитание в школе и институте, получение необходимых исторических, политических, экономических, философских знаний, принятие ценностей общества, в данном случае – стремление к миру, уважению. Как итог зарождение устойчивого убеждения, что, если в силах человека помочь изменить ситуацию, то это необходимо сделать ради своей страны и ее блага.

Заключение

Для анализа вопроса об активной гражданской позиции и вклада общественников в развитие государства как современной тенденции российского общества нами были рассмотрены базовое понятие «активная гражданская позиция» и ее составные элементы, а также определены условия формирования активной гражданской позиции. В результате анализа мы пришли к выводу, что государство становится сильным благодаря поддержке своих граждан. Формирование гражданской позиции начинается в самом раннем возрасте и продолжается на протяжении жизни. При этом активная гражданская позиция способна трансформироваться в зависимости от социальных условий, в которых оказывается человек и его окружающее общество.

Сегодня в России сформирована устойчивая тенденция на проявление своей активной гражданской позиции. С детского сада, затем продолжая в школьном и студенческом возрасте, детям прививаются ценности общества, традиции и необходимость их поддерживать и развивать.

Анализ событий последнего десятилетия, когда гражданская позиция стала демонстрироваться наиболее активно, позволили нам сделать вывод о том, что в большинстве случаев гражданственность проявляется в созидательной форме, реже – в протестной. Открыто поддерживают курс Президента страны В.В. Путина как лидеры общественного мнения, так и простые граждане, чувствующие внутреннюю потребность внести свой вклад в развитие государства. Мы предполагаем, что в ближайшие годы проявления активной гражданской позиции будут идти по нарастающей: дети с детского сада будут расти в духе патриотизма и активности, медийные личности продолжат открыто поддерживать Президента, а общественники, прочувствовав, что могут оказывать людям реальную поддержку и это приветствуется государством, продолжат развиваться в этом направлении.

Литература

1. «Мне там спокойнее, чем здесь – в своей лодке»: пять историй добровольцев, идущих на СВО [Электронный ресурс] // БИЗНЕС Online <https://www.business-gazeta.ru/article/637179> (дата обращения 24.10.2024).
2. Баранов П.А. и др. Гражданское образование – педагогический, социальный и культурный феномен. СПб., 2006. – 167 с.
3. Губернатор Архангельской области объявил об отставке // РБК. [Электронный ресурс]. – Дата публикации 02 апреля 2020 г. URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2020/5e85ea819a7947fc29545b1d> (дата обращения 21.10.2024).
4. Деятели культуры поддержали позицию президента по Украине и Крыму // Известия. [Электронный ресурс]. – Дата публикации 11 марта 2014 г. URL: <https://iz.ru/news/567299> (дата обращения 23.10.2024).
5. Казаева Е.А. Педагогическая концепция развития гражданской позиции будущего учителя: дис... док. пед. наук.: 13.00.00. «Педагогические науки» // Е.А. Казаева. Челябинск, 2010. – 420 с.
6. Крымова Д.А. Анализ особенностей структуры гражданской позиции / Д.А. Крымова. // Психология: традиции и инновации: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Самара, март 2016 г.). – Самара: ООО «Издательство АСГАРД», 2016. – С. 29–32.
7. Лару Д., Ходыкин М. Добрость духа: как волонтеры помогли в борьбе с пандемией // Известия. [Электронный ресурс]. – Дата публикации 5 декабря 2020 URL: <https://iz.ru/1096344/dmitrii-laru-maksimkhodykin/dobrost-dukha-kak-volontery-pomogli-v-borbe-s-pandemiei> (дата обращения 23.10.2024).
8. Мартыненко Е.В. Гражданская позиция: к проблеме определения понятия, структурные компоненты, социальная роль // Теории и проблемы политическо-хисследований. – 2019. – Том 8. № 5А. – С. 108–115. – DOI 10.34670/AR.2019.44.5.012.
9. Мирошина Т.А. Формирование гражданской позиции студентов ВУЗа как социально-педагогическая проблема / Т.А. Мирошина, Т.Б. Игонина. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. № 2 (58), Т. 1. – С. 110–114.
10. Надежный тыл и доброе слово. Как волонтеры со всей страны помогают участникам СВО // ТАСС. [Электронный ресурс] – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17122401> (дата обращения 24.10.2024).
11. Не могут по-другому: все больше звезд поддерживают СВО // Ria.ru [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20230222/zvezdy-1853247093.html> (дата обращения 20.10.2024).
12. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: 1953. – 846 с.
13. Орлова В.В. Государственная молодежная политика и гражданская позиция / В.В. Орлова // ЦИТИСЭ. – 2017. – № 3(12). – С. 15–30.
14. Пец О.Н. Формирование активной гражданской позиции как основной аспект воспитательной деятельности педагога // The Scientific Heritage. 2021. – № 66. – С. 40–43.
15. Позиция // Большая советская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Позиция> (дата обращения 20.10.2024).
16. Сапогова Е. Активная гражданская позиция как основа противодействия экстремизму и терроризму: подвиги людей в истории российского общества / Е. Сапогова // Противодействие экстремизму и терроризму в образовательной среде: сборник материалов форума, Миллерово, 21 апреля 2023 года / Филиал Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) в г. Миллерово. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2023. – С. 120–122.
17. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
18. Смирнов В.А. Савченко Д.С. Формы гражданской активности студенчества в современной России // Социология образования. 2014 – № 2 С. 68–82.
19. Филимоненко Ю.И. Жизненный путь: самореализация личности с опорой на подсознание // Психологические проблемы самореализации личности / Ю.И. Филимоненко. [Под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой]. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. – С. 58–74.

ACTIVE CITIZENSHIP AS A HIGHLIGHT OF TIME AND AWARENESS OF YOUR CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF THE STATE

Yakovko T.V., Orlova O.N.

Order of Honor Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

The article deals with the problem of formation and manifestation of an active civic position. The author clarifies the wording “active citizenship”, the principles of its formation and defines the meaning

of the manifestation of citizenship at the present time. Examples of the expression of an active civic position by residents of Russia in the last decade are considered: eco-protests, assistance to those in need during the pandemic, support for Russian President Vladimir Putin and participants of the SVO. Based on the analysis, it is concluded that an active civic position is formed with the active participation of the state, and this process begins at a very early age. The formation of a civic position is of particular importance for schoolchildren and students. The author points out that an active civic position is more often manifested in a creative form, less often in a protest one. It is noted that in Russia today there is a steady trend towards the manifestation of citizenship by both media personalities and ordinary residents.

Keywords: position, citizen, state, support, education, pandemic, special military operation.

References

1. "I feel safer there than here – in my boat": five stories of volunteers going to their own [Electronic resource] // BUSINESS Online <https://www.business-gazeta.ru/article/637179> (date of application 24.10.2024).
2. Baranov P.A. et al. Civic education is a pedagogical, social and cultural phenomenon. St. Petersburg, 2006. – 167 p
3. The governor of the Arkhangelsk region announced his resignation // RBC. [electronic resource]. – Date of publication April 02, 2020 URL: <https://www.rbc.ru/politics/02/04/2020/5e85ea819a7947fc29545b1d> (accessed 10/21/2024).
4. Cultural figures supported the President's position on Ukraine and Crimea // Izvestia. [electronic resource]. – Date of publication March 11, 2014 URL: <https://iz.ru/news/567299> (date of appeal 10/23/2024).
5. Kazaeva E.A. Pedagogical concept of the development of the civic position of the future teacher: dis... doctor of pedagogical sciences.: 13.00.00. "Pedagogical sciences" // E.A. Kazaeva. Chelyabinsk, 2010. – 420 p.
6. Krymova D.A. Analysis of the features of the structure of the civil position / D.A. Krymova. // Psychology: traditions and innovations: materials of the II International Scientific Conference (Samara, March 2016). – Samara: ASGARD Publishing House LLC, 2016. – pp. 29–32.
7. Laru D., Khodykin M. Goodness of the spirit: how volunteers helped in the fight against the pandemic // News. [electronic resource]. – Publication date December 5, 2020 URL: <https://iz.ru/1096344/dmitrii-laru-maksim-khodykin/dobrost-dukha-kak-volontery-pomogli-v-borbe-s-pandemiej> (accessed 10/23/2024).
8. Martynenko E.V. Civic position: on the problem of definition of the concept, structural components, social role // Theories and problems of political research. – 2019. – Volume 8. No. 5A. – pp. 108–115. – DOI 10.34670/AR.2019.44.5.012.
9. Miroshina T.A. Formation of the civil position of university students as a socio-pedagogical problem / T.A. Miroshina, T.B. Ignonina. // Bulletin of Kemerovo State University. – 2014. No. 2 (58), vol. 1. – pp. 110–114.
10. Reliable rear and a kind word. How volunteers from all over the country help the participants of the SVO // TASS. [Electronic resource] – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17122401> (accessed 10/24/2024).
11. They can't do it any other way: more and more stars support THEIR // Ria.ru [Electronic resource]. – URL: <https://ria.ru/20230222/zvezdy-1853247093.html> (date of reference 20.10.2024).
12. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. – M.: 1953. – 846 p.
13. Orlova, V.V. State youth policy and civic position / V.V. Orlova // CITISE. – 2017. – № 3(12). – P. 15–30.
14. Petz O.N. Formation of an active civic position as the main aspect of educational activity of a teacher // The Scientific Heritage. 2021. – no. 66. – pp. 40–43.
15. Position // The Great Soviet Encyclopedia. [Electronic resource]. – URL: <https://gufo.me/dict/bse/Позиция> (date of access 10/20/2024).
16. Sapogova E. Active civic position as a basis for countering extremism and terrorism: the exploits of people in the history of Russian society / E. Sapogova // Counteracting extremism and terrorism in the educational environment: a collection of forum materials, Millerovo, April 21, 2023 / Branch of the Rostov State University of Economics (RINH) in Millerovo. – Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics "RINH", 2023. – P. 120–122.
17. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. research; Edited by A.P. Evgenieva. – 4th ed., ster. – M.: Rus. yaz.; Polygraph Resources, 1999.
18. Smirnov V.A. Savchenko D.S. Forms of student civic activity in modern Russia // Sociology of Education. 2014 – No.2 pp. 68–82.
19. Filimonenko Yu.I. Life path: self-realization of personality based on the subconscious // Psychological problems of self-realization of personality / Yu.I. Filimonenko. [Edited by A.A. Krylov, L.A. Korostyleva]. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 1997. pp. 58–74.

Конструирования социальной идентичности в дихотомии «Свой – Чужой»: на примере общественного сознания россиян

Андриевская Жанна Викторовна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общей и клинической психологии» Ростовского государственного университета, докторант Саратовского государственного университета
E-mail: zhandan3@gmail.com

В статье рассмотрены аспекты конструирования социальной идентичности человека в системе «Свой» – «Чужой». Генезис в общественном сознании дихотомии «Мы» – «Они» имеет долгую историю и пронизывает все сферы деятельности человека. Способность воспринимать новые явления и определять собственное отношение к ним осуществляется человеком через сравнительные действия. Процесс определения личной принадлежности к той или иной социальной общности выстраивается в детском возрасте и оказывает влияние на человека на протяжении всей его жизни. Представляя собой значимый аспект в условиях развития обществ, возможность определения социальных качеств субъектов по отношению самому себе лежит в основе сущности этнической и социальной идентичности. Проблема философской интерпретации феномена «Свой» – «Чужой» представлена с опорой на результаты научных исследований отечественных ученых.

Ключевые слова: идентичность, противопоставление, дихотомия «Мы» – «Они», чуждость, общественное сознание, оппозиция «Свой» – «Чужой», свойственность, социокультурная жизнь, «абсолютное благо», этно-биологический «механизм» распознавания.

Современный мир стремительно изменяется. Генезис происходит в различных сферах деятельности человека, таких как политика, экономика, медицина, педагогика и других. Развитие науки, технологий формирует условия к появлению новых терминов, понятий, призванных интерпретировать новые смыслы. Несмотря на подобные изменения человек, оставаясь частью естественной среды, продолжает испытывать на себе влияние законов природного мира. Возможность воспринимать новое, определять свое отношение к предметам осуществляется человеком через сравнение. Действительно, сложно определить, что «хорошо», что «плохо» если нет возможности осуществить сравнение. В условиях социальной среды для человека значимо важно иметь возможность осуществить разделение в рамках дихотомии «Свой» – «Чужой». Любые разделения в социальной среде позволяют повысить общий уровень доверия. Действительно «своему», человеку из собственной социальной общности всегда доверяют больше чем другому представителю иной социальной группы. Стоит отметить, что само по себе данное разделение не может означать какого-либо «абсолютного блага», поскольку само понимание подобной принадлежности является категорией субъективной и подвержено изменчивости. Кроме того, субъективная характеристика человека позволяет говорить о сложности любого оценочного критерия в тех случаях, когда оценку производит сам человек.

Современная философия, культурная антропология рассматривает оппозицию «Свой» – «Чужой» в качестве широкого понятия, затрагивающего практически все сферы жизнедеятельности человека. Отечественные исследователи уделяли внимание к вопросу философского осмысления оппозиции «Свой» – «Чужой». Так отечественный исследователь К.С. Илиополова, отмечая значимость важность анализа социокультурной жизни человека, как иерархии смыслов предлагает четыре возможных структурных построения модели «Свой» – «Чужой»:

- интерпретации человеком «собственного мира», как «внутреннего» по отношению к внешнему, «чужому миру»;
- интерпретация «собственного мира» как «внешнего» по отношению к внутреннему «чужому миру»;
- наличие сформированной социокультурной среды, в которой «чужое» может в отдельных случаях быть интерпретировано в качестве «своего» (например в рамках религиозного мира), при этом и «чужие» и «свои» могут в зависимости от ситуации меняться местами;
- наличие противоречий в рамках одного социума, при котором «центр» и «периферия» находятся в состоянии: «Свой» – «Чужой».

В представленных моделях возможны социальные коммуникации, однако полноценный диалог затруднен [4, с. 8].

Отечественный ученый В.Г. Фельде, осуществляя культурно-антропологическое осмысление генезиса феномена оппозиции «Свой» – «Чужой», формулирует

вывод о том, что вербальная интерпретация феномена идентична оппозиции «Я – другой». При этом феномен «другого» возможно осмыслить в трех формах: «Я», «Ты», «Он». Тогда сущностное содержание «Другого» будет проявляться в его «инаковости», что создает условия его принципиальной непознаваемости [6, с. 8]

По мнению другого отечественного исследователя И.В. Пахоловой феномен «другого» можно интерпретировать как родное, близкое, начинающееся с рождения в семье и расширяемое в процессе жизни до границ социума. Тогда нахождение в «своем» сообществе может восприниматься человеком как «общность судеб». Феномен «иного» предлагает ученый рассматривать как неродное, неблизкое, то есть не имеющего общего прошлого. Но при этом, возможно будущее и настоящее. В данной интерпретации феномен «чужого» определяется как отсутствующее, то есть с ним невозможно ни настоящее, ни будущее [5, с. 90].

Известный отечественный ученый Л.Н. Гумилев отмечал, что способность формировать социальные группы с последующим противопоставлением «Себя» и «Своих» по отношению к «Чужим» является общим свойством присущим виду «Homo sapiens» [2, с. 34]. В каждом человеке заложен сложный этно-биологический «механизм» распознавания «Плохого» и «Хорошего». Часто подобный процесс осуществляется через определение «Чужого» и «Своего». Первоначальное определение чего-либо человеком в социальной среде начинается через первичное осознание личностного «Я» и понимания собственного места в среде таких же живых человеческих существ. Такое осознание происходит через «присоединение» или идентификацию самого человека с какой-либо социальной группой. И здесь происходит сложный процесс социального «конструирования» человеком собственной идентичности. Подобный процесс восприятия себя как части большего социального позволяет человеку в последующем перейти к пониманию таких определений как: добро, зло, хороший, плохой, враг, друг, нельзя, можно и др. Важную роль в интерпретации данных определений играют как этно-биологические особенности, так и социальные факторы. При этом этно-биологическое по отношению к социальному играет главенствующую роль. Сложный процесс определения собственной идентичности начинается в детский период. В это время, объединяясь в группы, дети, иногда совершенно безжалостно, расправляются с теми, кого определяют как «не свои» или «чужие». Со временем оппозиция «свой» – «чужой» претерпевает изменения и может приобретать другие формы. Например, такие как «мы» – «они». «Человек» – «не человек», «Я» – «они» и т.д. Понимание того, что тот или иной субъект не является «своим» происходит после сравнение как с собой (то есть с собственным «Я») так и с участниками «своей» социальной группы. Выявленные отличия позволяют определить категорию субъекта: «Свой» или «Чужой». Полученный в детские годы опыт легко переносится во взрослую жизнь, где способен приобретать устойчивый характер.

Как правило, человек соотносит себя с многообразием социальных общностей, к которым как он считает, имеет отношение. Индикаторами для подобной идентификации могут являться: гражданство, язык, место проживания. Также к числу таких культурных маркеров можно отнести: родство, этническую и религиозную принадлежность, специальность, образование, классовую принадлежность, политические принципы и др. Подобный процесс определения идентичности, являясь субъективным, носит политизированный характер. Действительно, политизированность проявляется в раннем воз-

расте и сопровождает человека всю жизнь, по существу, представляя собой этно-биологическую данность. Общественная иерархия (общественные классы) при этом может быть интерпретирована как следование своим социальным ролям.

Социальное самосознание, формируясь в раннем детстве и определяя собственную принадлежность к социальной группе, предполагает, в том числе и определение этнической принадлежности. Что в свою очередь позволяет говорить об этническом самосознании как о закономерном феномене, включающем в себя все возможные виды идентичностей (например «Я» личное, «Я» как часть социальной группы и др.). По нашему мнению, этническая идентичность является наиболее значимым феноменом, оказывающим влияния на все действия человека. Действительно, самоидентификация человека это не просто стремление человека иметь ту или иную национальность. Это, прежде всего осознание личной принадлежности к этнической общности людей, имеющих общий язык, территорию, культуру. Конституция Российской Федерации в п. 1 ст. 68 определяет русских как «государствообразующий народ» [3]. И это действительно важно. Для эффективного существования и развития государства наличие «титულიной нации» необходимо, поскольку она не только является структурирующей основой государственности, но и является социальной средой, в которой находятся другие (инаковые) этносы. Сам факт наличия «титულიной нации» предполагает наличие других этнических групп, сообществ, социальных меньшинств. Тогда ситуации конфликтности между этническими группами и «государствообразующим народом» неизбежны. В подобных условиях любые проявления этноцентризма способны создавать условия к межэтническим конфликтам. Между тем исторический путь развития России позволяет говорить о том, что за столетия проживания на одной территории устойчивые этнические группы постепенно приобретали новое этническое свойство. Единый объединяющий язык, единая территория, взаимное проникновение национальных культур фактически создали условия к сформированию новой социально-политической общности под названием – россияне. Данный тезис находит подтверждение в исследованиях отечественных социологов. Так, по итогам социологического опроса, проведенного ВЦИОМ в марте 2023 года, позволяют говорить о том, что более 62% россиян гордятся своей принадлежностью к России. При этом сопричастность с Россией превышает другие виды идентичности (например, профессия, этническая принадлежность, личные достижения, социальный статус и др.) [1]. Такая статистика подтверждает факт того, что большая часть населения России считает себя россиянами. Тогда справедливо утверждать о том, что любой житель России вправе определять свою национальную принадлежность в независимости от этнического происхождения. Подобное позволяет говорить, что также как и национальная идентичность, выбор в системе «Свой» – «Чужой» является социально конструируемым феноменом, имеющим начало как этно-биологический выбор человека и развивающийся в условиях культуры. Определение «своего» и «чужого» оказывает влияние на процессы формирования картины мира отдельного человека. Итоги подобного выбора, в свою очередь, воздействуют на формирование общественного сознания в социуме. Сформированные таким образом «общественные смыслы» также находятся под влиянием сделанного выбора.

В качестве заключения стоит отметить, что определение «инаковости» и отдельных ее компонентов имеет давнюю философскую традицию. Вся история челове-

ства с ее войнами и противостояниями, религиозными и этническими конфликтами, продолжаясь уже не одно тысячелетие, сохраняет устойчивую тенденцию к разделению человеком мира на «чужих» и «своих». Актуальность философского осмысления настоящего феномена сохраняется и сейчас, когда наша страна обретает новое понимание данной оппозиции в условиях усиливающихся экзистенциальных антагонизмов между Россией и Западом. А это означает что поиск смыслов в системе: «Свой» – «Чужой» будет продолжен.

Литература

1. Гордость России / ВЦИОМ. Результаты опроса на тему гордости Россией. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gordost-rossii> (дата обращения 20.10.2024).
2. Гумилёв, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев; Сост. А.И. Куркчи. – Москва: ДИ-ДИК, 1997. – 637 с. ISBN 5-87583-007-7
3. Конституция Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-3/st-68-krf> (дата обращения 20.10.2024).
4. Противоречие «Свой-Чужой» в социокультурной коммуникации: социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Илиополова Кристина Сергеевна; [Место защиты: Дон. гос. техн. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2010. – 23 с.
5. Пахолова И.В. От «чужака» к «другому»: проблема взаимодействия сообществ в феноменологии «чужого» [Электронный ресурс] // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 7/8. С. 90–94. URL: <https://journals.eco-vector.com/2410-3764/article/view/24446> (дата обращения 20.10.2024).
6. Фельде В.Г. Оппозиция «Свой – Чужой» в культуре [Текст] дис. ... канд. фил. наук: 09.00.13 / В.Г. Фельде. – Омск, 2015. – 152 с.

CONSTRUCTION OF SOCIAL IDENTITY IN THE DICHOTOMY “FRIEND – ALIEN”: ON THE EXAMPLE OF THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS

Andrievskaya Zh.V.

Rostov State University, Saratov State University

The article examines aspects of constructing a person's social identity in the «Own» – «Alien» system. The genesis of the «We» – «They» dichotomy in public consciousness has a long history and permeates all spheres of human activity. The ability to perceive something new and determine one's own attitude to an object is carried out by a person through comparison. The process of determining personal belonging to a particular social community is built in childhood and influences a person throughout his or her life. Being a significant aspect in the conditions of development of societies, the possibility of determining the social qualities of subjects in relation to themselves underlies the essence of ethnic and social identity. The problem of philosophical interpretation of the «Own» – «Alien» phenomenon is presented based on the results of scientific research by Russian scientists.

Keywords: Identity, opposition, dichotomy «We» – «They», strangeness, public consciousness, opposition «Ours» – «Alien», peculiarity, socio-cultural life, «absolute good», ethno-biological «mechanism» of recognition.

References

1. Pride of Russia / VCIOM. The results of a survey on the topic of pride in Russia. – [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gordost-rossii> (date accessed 20.10.2024).
2. Gumilyov, L.N. Ethnogenesis and biosphere of the Earth / L.N. Gumilyov; Compiled by A.I. Kurkchi. – Moscow: DI-DIK, 1997. – 637 p. ISBN 5-87583-007-7.
3. Constitution of the Russian Federation. – [Electronic resource]. – URL: <https://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-3/st-68-krf> (date accessed 20.10.2024).
4. The «Friend-Foe» Contradiction in Socio-Cultural Communication: Social and Philosophical Analysis: Abstract diss. ... candidate of philosophical sciences: 09.00.11 / Iliopolova Kristina Sergeevna [Place of protection: Don. state tech. univ.]. – Rostov-on-Don, 2010. – 23 p.
5. Paholova I.V. From «stranger» to «other»: the problem of interaction of communities in the phenomenology of the «stranger» [Electronic resource] // Aspirantskij vestnik Povolzh'ya 2015. № 7/8. С. 90–94. URL: <https://journals.eco-vector.com/2410-3764/article/view/24446> (date accessed 20.10.2024).
6. Felde V.G. Opposition “Ours – Alien” in Culture [Text] dis. ... Cand. Phil. Sciences: 09.00.13 / V.G. Felde. – Omsk, 2015. – 152 p.

Актуальные проблемы духовной безопасности в современном российском обществе

Артемьев Алексей Александрович,

к.ф.н., доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана

E-mail: aleksey-artemev@bk.ru

Обесценивая религиозные ценности в угоду секулярного глобализма и либерализма, современное российское общество теряет возможность защиты и сохранения национальной идентичности, целостности и стабильности, а в случае возникновения сложных социально-политических процессов, связанных с угрозами в духовной сфере, дестабилизируется общество и государство. Для решения важнейших проблем духовной безопасности российского общества необходимо пройти длительный и многосложный путь религиозного возрождения России.

Ключевые слова: духовность, духовная безопасность, традиционные ценности, православие, Русская Православная Церковь, национальная идентичность.

Конфликт между Россией как самобытным государством и государствами – членами НАТО на территории Украины происходит не только за физическое существование и материальные ресурсы, но и прежде всего за культурно-исторические и религиозные смыслы. Единые мировоззренческие идеи, традиционные ценности, морально-этические представления, смысло-жизненные установки и национальное сознание составляет духовную основу российской цивилизации.

Причиной данного конфликта является духовно-цивилизационное противостояние нашей страны с англосаксонским миром и их сателлитами. Сложившиеся острые противоречия между Россией и Западом за идеологические, культурные и религиозные ценности могут оставаться и в дальнейшем важнейшим фактором, способствующим эскалации конфликта.

В то же время и в современном российском обществе происходит кризис духовных ценностей, где морально-нравственные принципы, к сожалению, уходят на второй план. Построенная на глобализме и рационализме секулярная ориентация определенной части российского общества экспрессивно совершенствуется в границах замысла конструирования нового безбожного социума материального потребления. Духовное состояние россиян на личном и общественном уровнях в условиях информационного общества и гибридной войны, которую Запад развязал против России, требует защиты и неуязвимости социума в духовно-религиозной сфере, в противном случае существуют риски потери ценностных ориентиров, переоценки обществом традиционных норм и правил, и как результат утрата национальной идентичности.

Таким образом, актуальность исследования современных проблем духовной безопасности российского общества определяется сложной военно-политической обстановкой в России и мире, духовно-цивилизационным и информационным противостоянием нашей страны с англосаксонским миром, продолжающейся секуляризацией социума и как следствие появлением новых угроз затрагивающих духовно-религиозную сферу российского общества.

Духовная безопасность личности, общества и государства является основополагающим компонентом национальной безопасности. Система национальной безопасности современной России представляет собой совокупность согласованных и взаимосвязанных элементов безопасности в политической, экономической, социальной и духовной сферах жизнедеятельности общества. В государственных нормативно-правовых актах, регулирующих систему национальной безопасности, проблемы духовной безопасности отнесены в основном к вопросам науки, образования, культуры и исторической памяти. В то же время проблемы духовной безопасности необходимо исследовать системно и всесторонне, учитывая не только светские, но и теологические взгляды на национальную безопасность ведущих традиционных российских религиозных конфессий.

«Основываясь на том, что Российская Федерация является светским государством, признавая особую роль православия в истории России, в становлении и разви-

тии ее духовности и культуры, уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России» [1].

Для решения актуальных проблем в области духовной безопасности граждан России в настоящий момент отсутствуют научные и методические разработки в интересах национальной безопасности России в сложившихся кризисных условиях, учитывая новые вызовы и угрозы в духовно-религиозной сфере.

По мнению автора, в создавшейся ситуации для современной российской гуманитарной науки исследования проблем духовной безопасности являются одним из приоритетных направлений. Для раскрытия сущности проблем в сфере духовной безопасности необходимо выделить основополагающие национальные интересы и приоритеты в духовной сфере общества.

Так, в духовной сфере национальными интересами Российской Федерации и стратегическими национальными приоритетами является «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» [2].

Духовная сфера общества является жизненно важной, метафизической сферой жизнедеятельности личности и общества. В данной сфере формируются духовные потребности и интересы, создается производство смыслов и потребление новых идей и знаний. Духовная сфера культивирует миропонимание и ценностные установки как в светской, так и в религиозной жизни человека.

В современной науке понятие «духовность» является дискуссионным, в силу чего определение «духовная безопасность» в светской и религиозной среде, в различных научных школах носит противоречивый и многозначный характер. Но все-таки, особо важной составляющей духовной безопасности является религиозный фактор, так как именно религия формирует духовно-нравственные ценности для общества. Из этого следует, чтобы выявить и проанализировать проблемы духовной безопасности общества, необходимо осознать сущность его религии.

В своих научных работах Макс Вебер определяет религию «как социальную деятельность, на основе которой индивид и группа решают проблему «смысла», т.е. своего отношения к таким фундаментальным проблемам человеческой жизни и социального существования, как время, смерть, зло и т.п.» [3].

Но духовность, как правило, отождествляют как с религиозной сферой, так и со светской, где понимание духовности может рассматриваться исключительно как самореализация и самоактуализация личности, сущностная черта личности, определяющее бытие человека.

Светский характер государства, права и свобода человека и гражданина закреплены в Конституции Российской Федерации. В то же время светскость государства нельзя понимать как строгое отделение религии от общества, которое находится под контролем и защитой государства, так как само общество невозможно отделить от веры в Бога. Конституция Российской Федерации в ст. 28 «каждому гарантирует свободу совести, свободу вероисповедования», а в ст. 67.1 написано, что: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...» [4].

И в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» прописано: «Российская Федерация рассматривает тра-

диционные ценности как основу российского общества. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» [5].

В культурологическом отношении понятие «духовность» охватывает много сфер, помимо религии, это наука, право, язык, литература, искусство, ценности и традиции. Многие философы-материалисты не связывают духовность с религией, называя ее жизненным творчеством, где внутренней основой выступает категория нравственности, определяющая величину самореализации личности и стремление к новым знаниям. Особенностью материалистических воззрений можно считать то, что дух не является бестелесным личностным существом. Материалисты связывают дух с процессом человеческой деятельности, производством материальных и духовных продуктов. В практике человека, по мнению материалистов, духовность считается особым, наивысшем показателем человеческой деятельности. Такой подход отождествляет духовность и культуру, где культура – это социально-исторический ансамбль схем деятельности и операций [6].

Таким образом, понимание духовности в атеистических и материалистических учениях определяется как абстрактное и нематериальное. Там же под духовностью понимается ориентация личности к высокой нравственности, устремленность к красоте в культуре и искусстве.

Рост духовности человека в светском понимании приводит его к обладанию высоких морально-нравственных качеств, такой человек становится эталоном для общества.

В религиозном понимании духовность не может существовать без веры в Творца Вселенной и стремления к Богу. Так, духовность в христианстве подразумевает жизнь по евангельским заповедям и даже отчуждение от всего материального мира. В монотеизме Бог есть Дух, нетоварный дух отделен от тварного бытия по своей сущности. Духи и души людей относятся к нематериальному миру, являясь целостными и неделимыми.

Религиозный философ Иван Ильин писал: «Дух – это, прежде всего, душа, когда она живет своими лучшими слоями и силами, устремленными на познание истины, созерцание красоты, совершение добра, обращение к Богу» [7].

«Духовность человека состоит в том, что он <...> имеет в виду объективное совершенство, воспитывая себя к этому видению и творчеству» [8].

Верующий человек воспринимает духовный мир как пространство безначальных, вечных, неизменяемых нравственных оснований жизни, человек – образ Божий «сотворим человека по образу Нашему и подобию Нашему (Быт 1:26)». Принципы жизни верующего человека продиктованы в священных книгах (Библия, Коран и др.).

«В духовной жизни параллельно происходит отложение ветхого человека, истлевающего в похотях, и следование истинным положениям евангельской жизни. Человеку прежде нужно выйти из ветхого мира страстей, а потом войти в чистое обновление духа [9].

Апостол Павел существенно различает духовного человека, который имеет Святого Духа в себе, от душевного, имеющего тело и душу, но не стяжал Святого Духа, дарящий жизнь для души. Для апостола Павла духовный человек – это сын Божий по благодати. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» [1 Кор. 2, 14–15].

Христос, являясь единственным средством исцеления личности, выступает основным параметром духовности православного человека. Духовность православного

человека невозможна без совершения им Таинств, особенно выделив в своей практике Таинство Евхаристии и ведения благочестивого образа жизни. Духовность личности достигается в эмпирическом познании Бога, в богообщении и молитвах, участии в Таинствах Церкви. Православная христианская вера считает своей целью возобновить связь человека с Богом на уровне бытия, которая была потеряна в результате грехопадения первых людей.

Общий смысловой подход к понятию «безопасность» в большинстве источников изложен как отсутствие опасности. Так, например, в Толковом словаре русского языка В.И. Даля безопасность ассоциируется с отсутствием опасности, сохранностью и надежностью [10].

В светском понимании под «духовной безопасностью» трактуется состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в духовной сфере от внешних и внутренних угроз [11].

Стратегия национальной безопасности делает акцент на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти [2].

В политической науке духовная безопасность проникает во все виды национальной безопасности. На личном, общественном и государственном уровне духовная безопасность обеспечивает культурное развитие, функционирование и существование человека, социума и власти.

Ряд современных исследователей и государственных деятелей считает, что духовная опасность – это главная угроза русской самобытности, национальной идентичности и культуре. Важными угрозами духовной безопасности России представляются глобализация, вестернизация, секуляризация и оккультизм. Основными институтами сохранения духовной безопасности личности являются традиционные религии, которые противопоставляют навязыванию наднациональных ценностей и культур. Также духовную безопасность рассматривают как систему правил, которые гарантируют национальной культуре и обществу оберегать свои ценности и традиции в рамках исторически сформировавшихся норм.

«Насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений реформ в области образования, науки, культуры, религии, языка и информационной деятельности приводят к усилению разобщенности и поляризации национальных обществ, разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности» [2].

Достаточно широкое определение духовной безопасности дано в словаре «Безопасность Евразии»: «Состояние и условия жизнедеятельности социума, которые обеспечивают сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны, а вместе с тем способность государства решать назревшие задачи экономического, социального и политического развития» [12].

В нашей стране на проблемы духовной безопасности обращает свое особое внимание Русская Православная Церковь. Так, по словам Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла: «Страна наша стала на путь построения такой цивилизации, такой модели человеческого общежития, которая, при всей важности научно-технического, социального, культурного развития, обращает внимание на духовное развитие человеческой личности. А осуществляется духовное влияние на человеческую личность, в первую очередь, через Русскую Православную Церковь» [13].

В то же время Церкви не следует формулировать государственную идеологию, основная задача Церкви заключается в формировании христианского мировоззрения личности. Между идеологией и мировоззрением существует обусловленность и взаимопроникновение. Церковь не должна решать идеологические проблемы общества и государства, это задача светских властей. Но вопросы, связанные с духовным состоянием личности и общества, должны решаться в том числе и при содействии Церкви, которая через призму Священного Писания оценивает духовное состояние общества. Также Церковь определяет проблемы общества и государства, связанные с морально-нравственными, культурными и религиозными ценностями общества.

В первую очередь Церковь отстаивает и защищает религиозные ценности, так как только религия дает полноценное представление личности и обществу об истине и лжи, добре и зле, справедливости и несправедливости. Характеристику нравственности и безнравственности общества мы получаем исходя из религиозных норм и правил. Нравственность всегда определяет жизнеспособность общества, именно в смутные времена, когда народ перестает верить в Бога и утрачивает моральные принципы, не кто другой, как традиционные религиозные организации стоят на защите и сохранении духовно-нравственных ценностей. Церковь всегда имеет строгую иерархическую структуру несмотря на то, что государство в период сложных социально-политических процессов может находиться в состоянии хаоса и неустойчивости.

Именно Церковь в период таких смут выступает единственным институтом духовной безопасности России. В настоящий момент Русская Православная Церковь активно взаимодействует с государственными структурами, где Вооруженные силы России, учитывая сложную военно-политическую обстановку, являются приоритетным направлением миссионерской и катехизаторской деятельности Церкви. Забота Русской Православной Церкви о духовной безопасности личности направлена в первую очередь на спасение человека и воссоединение его с Богом. В настоящий момент Церковь столкнулась с уже новыми вызовами информационного общества, с духовным и морально-нравственным кризисом современного российского социума.

Деструктивные проблемы, существующие в российском обществе, имеют духовную природу. Враг рода человеческого стремится пробудить сомнение и страх в душах людей, чтобы лишить выдержки и христианской смелости, так как человека, утратившего душевный мир, легко контролировать и проводить с ним различные манипуляции.

Одна из значимых проблем последних лет – это угроза распространения в российском обществе неоязычества. Идеи и смыслы неоязычества якобы формируются в границах героизма и доблести, что, по мнению неоязычников, несвойственно христианству. Все это не соответствует действительности, так как Иисус Христос сказал слова, которые стали главной заповедью героизма и военной доблести: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13).

В истории русской Церкви существует множество святых воинов – защитников нашего Отечества. Русские православные воины всегда проявляли героизм не ради личной славы, а за государственные интересы и православную веру.

Активное свидетельство неоязычества с культом силы, по словам Святейшего Патриарха Кирилла, отмечается в армейской среде, где с такими явлениями необходимо бороться военному духовенству [13].

Мода на языческие символы и фигуры, изображения языческих божеств под видом «арт-объектов» популяризируются в российских регионах. Интерес к язычеству и неоязычеству отмечается в образовательных учреждениях, даже в высшей школе, где под видом воспитательной работы проводят праздник «Хэллоуин», переделывая его в «Велесову ночь».

Продолжается продвижение чуждых нам идей и смыслов через художественную литературу, театр и кино, СМИ и новые медиа, а иногда и через определенных лекторов, посещающих образовательные организации.

Бытие современного человека в духовном смысле превращается в «виртуальное бытие» с утраченными реальными онтологическими коммуникациями. Человек информационного общества с его образом жизни, новыми потребностями, пороками и недостатками живет, как правило, материальными запросами, теряя духовные связи и переоценивая традиционные ценности. В информационном пространстве в настоящий момент «дьявол с Богом борется, а поле битвы сердца людей», так писал еще в XIX веке великий русский писатель Ф.М. Достоевский в романе «Братья Карамазовы». Современными проблемами духовной безопасности личности и общества в настоящий момент являются разрушительные и дестабилизирующие идеи и смыслы человеческого бытия, где признается плюрализм полов и гендеров, продвигаются идеологии постгуманизма и трансгуманизма, неосмысленно внедряются технологии искусственного интеллекта во все сферы жизни общества. Искусственный интеллект является не только фактором прогресса, но и фактором экзистенциальной опасности.

Так, трансгуманисты полагают, что человек переходит к новой стадии «постчеловека», где по его желанию возможно изменять тело. Добиваться такой цели необходимо научными и технологическими задачами, применяя при этом креативные методы мышления. По их мнению, в формировании «нового биомедицинского общества» первостепенное значение отводится современным технологиям и развитию искусственного интеллекта. Постгуманисты не признают единственное установление существования человека, считая, что его онтологический статус может трансформироваться, устраняя границы между человеком и природой. По мнению постгуманистов, формирование человека еще продолжается, и новые технологии, включающие взаимодействие машин и человека, машин и природы, способны создать принципиально другого человека с иным разумом и индивидуальностью.

В религиозном пространстве усиливаются секулярные настроения, вместе с тем активизируются различные секты эсхатологической ориентации и неоязыческие культы, действие которых оказывает негативное влияние на массовое сознание, трансформируя общепринятые нормы и ценности в обществе. В социальных сетях и новых медиа продолжается дискредитация Русской Православной Церкви как социального института, ее священноначалия и клириков. Само православие как религиозная идеология и самая многочисленная конфессия России становится основной идеологической и культурной мишенью для врагов нашего Отечества, понимая, что православие является фундаментом этнической идентичности русских людей. Планы дискредитации и раскола Русской Православной Церкви существовали и до этого. Их приводила в действие безбожная власть в Советском Союзе на первых этапах своего существования. Интересен тот факт, что именно в годы Великой Отечественной войны политическое руководство нашей страны обратило внимание на Церковь как

на своего союзника в победе над врагом. Дискредитация и раскол Русской Православной Церкви продолжается и сейчас, и здесь уже активно действуют внешние силы, в первую очередь это касается стран постсоветского пространства, где Русская церковь имеет свои канонические территории.

Так, в процессе уничтожения православия на Украине происходит переориентация украинского народа из канонической Православной Церкви в псевдорелигиозную организацию (ПЦУ «Православная церковь Украины»), созданную украинскими политиками и их западными кураторами. Происходящие религиозные «преобразования» на Украине способствуют деформации исторической памяти, реабилитации нацизма, искажению правды общей украинской и русской истории, а также вытеснению русского языка и культуры из украинского общества. Украинским кураторам безразлична дальнейшая конфессиональная принадлежность украинцев, лишь бы она не была православной в лоне Русской церкви и не способствовала объединению двух братских православных народов.

Стоит отметить, что и в самой России продолжают информационные атаки на Русскую Православную Церковь, так как существуют политические силы, которые не хотят повышения репутации и нравственного авторитета Церкви внутри России. Против Русской Православной Церкви ведется гибридная война различными политическими и религиозными структурами, не только из-за рубежа.

Таким образом, основной внешней угрозой духовной безопасности России в условиях глобализации и информационного общества является проникновение несвойственной российскому менталитету западной культуры, основанной на индивидуализме и атеизме, продвижении идей постгуманизма и трансгуманизма.

В системе обеспечения национальной безопасности необходимо обратить внимание на личностный и общественный уровень духовной безопасности, где следует оценивать не только светские, но и религиозные факторы. Обесценивая религиозные ценности в угоду либерализма у российского социума появляются риски нарушения целостности и стабильности общества и государства. Социализация личности вне религиозных ценностей, исторической памяти и преемственности поколений увеличивают риски проникновения дезинтегрирующих идей и смыслов. В таком мирозерцательном и идеологическом беспорядке получают оправдания безнравственные и порочные действия и поступки, что приводит к субкультурным практикам, псевдорелигиозным культам и различным сектам, а также деятельности экстремистских организаций.

Отрывая личность и общество от мировоззренческих установок, где религиозные ценности и национальная идентичность не являются одним из базовых принципов бытия человека, в угоду глобального секуляризма формируется отторжение личности от закрепившихся в традиционном обществе морально-нравственных норм, что приводит к кризису духовности общества и переоценке традиционных ценностей.

Ключевыми смыслами и идеями для современного российского общества являются такие, которые основаны на традиционных ценностях. Система обеспечения духовной безопасности общества на концептуальном уровне должна выстраиваться с учетом моральных норм и правил традиционных религий, которые будут выступать защитной ценностной средой от внешних и внутренних угроз в духовной сфере.

Основными индикаторами духовной безопасности общества является его морально-нравственное состоя-

ние, степень религиозности, отношение общества к текущим социально-политическим проблемам, причастность общества к своему государству и доверие к действующей власти, уровень коллективизма, индивидуализма и патриотизма, особенность этнического сознания и национальной идентичности в условиях сложной миграционной ситуации, а также качество сплоченности и мобилизации общества на защиту своего Отечества при возникновении кризисных ситуаций.

Для решения проблем духовной безопасности общества необходимо определить, как само общество потребляет, производит, распространяет, использует духовные ценности в интересах удовлетворения своих потребностей, так как на основе потребностей формируются ценностные ориентации. Почему происходит переоценка и девальвация традиционных ценностей, откуда и почему в России появляются «новые» ценности. Необходимо выяснить, по какой причине, «новые» ценности начинают доминировать в сознании российского общества.

Для решения важнейших проблем духовной безопасности российского общества необходимо пройти длительный и многосложный путь религиозного возрождения России. Безопасность Отечества – это не только вооруженная защита своей страны, это прежде всего защита духовной самоидентичности общества. Данную задачу должны выполнять не только представители силовых структур, но и институты гражданского общества. Важная роль по защите духовного состояния российского общества возлагается на Русскую Православную Церковь.

Литература

1. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ.
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400.
3. Социология религии: учеб. пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2005. – С. 66.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
5. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809.
6. Пивоваров Д.В. Религия как духовная практика. Типы религиозных организаций. – СПб.: Алетейя, 2017. – 476 с.
7. Ильин И.А. Введение в философию // Собр. соч.: Философия как духовное делание. – М.: ПСТГУ, 2013. – С. 51.
8. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой. – М.: Эксмо, 2008. – С. 417.
9. Архимандрит Платон (Игумнов). Нравственное богословие. – СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2008. – С. 496.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. – СПб.: Весь, 2004. – 735 с.

11. Духовная безопасность России (актуальные теоретико-методологические и практические проблемы духовной безопасности): научн.-метод. пособие. – М., 2022.
12. Рыбаков С.Ю. Проблемы обеспечения духовной безопасности в системе образования России: монография. – Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина 2011. – С. 77.
13. Святейший Патриарх Кирилл возглавил расширенное заседание Епархиального совета г. Москвы. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6181027.html>

CURRENT PROBLEMS OF SPIRITUAL SECURITY IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Artemyev A.A.

Bauman Moscow State Technical University

By devaluing religious values in favor of secular globalism and liberalism, modern Russian society loses the ability to protect and preserve national identity, integrity and stability, and in the event of complex socio-political processes related to threats in the spiritual sphere, society and the state are destabilized. To solve the most important problems of the spiritual security of Russian society, it is necessary to go through a long and complex path of religious revival in Russia.

Keywords: spirituality, spiritual security, traditional values, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, national identity.

References

1. On freedom of conscience and religious associations: Federal Law of September 26, 1997 No. 125-FZ.
2. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400.
3. Sociology of religion: a textbook for students and postgraduates in the humanities. – 3rd ed., revised and enlarged. – Moscow: INFRA-M, 2005. – P. 66.
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020).
5. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation dated 09.11.2022 No. 809.
6. Pivovarov D.V. Religion as a Spiritual Practice. Types of Religious Organizations. – St. Petersburg: Aleteya, 2017. – 476 p.
7. Ilyin I.A. Introduction to Philosophy // Collected Works: Philosophy as a Spiritual Doing. – Moscow: PSTGU, 2013. – P. 51.
8. Ilyin I.A. On Resisting Evil by Force. – Moscow: Eksmo, 2008. – P. 417.
9. Archimandrite Plato (Igumnov). Moral Theologian. – St. Petersburg: Abbess Taisiya Memory Society, 2008. – P. 496.
10. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by V.I. Dahl. – SPb.: Ves, 2004. – 735 p.
11. Spiritual Security of Russia (Current Theoretical, Methodological and Practical Problems of Spiritual Security): Scientific and Methodological Manual. – M., 2022.
12. Rybakov S. Yu. Problems of Ensuring Spiritual Security in the Education System of Russia: Monograph. – Ryazan: Ryaz. State University named after S.A. Yesenin 2011. – P. 77.
13. His Holiness Patriarch Kirill Chaired an Expanded Meeting of the Diocesan Council of Moscow. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6181027.html>

Диалектика универсального и особенного: цивилизационный подход в постмодернистской перспективе

Бабанин Владислав Дмитриевич,

аспирант Российского экономического университета имени

Г.В. Плеханова

E-mail: vladislav.menitil@yandex.com

Статья посвящена особенностям философского анализа трансформаций мировой культуры и идентичности. Автор исследует взаимосвязь цивилизационного подхода и постмодернизма, предлагая синтез этих двух, казалось бы, противоположных парадигм. Особое внимание уделяется концепции гибридных идентичностей и динамических цивилизаций, которые позволяют преодолеть ограничения традиционных подходов и адекватно отразить современные процессы глобализации и культурного смешения.

Ключевые слова: цивилизация; постмодернизм; культурный релятивизм; универсальные ценности; гибридные идентичности; динамические цивилизации.

Концепция цивилизации на протяжении веков была краеугольным камнем философских и исторических исследований. Традиционно цивилизационный подход был направлен на выявление универсальных закономерностей и общих черт в различных культурах, часто подчеркивая общие ценности и телеологический взгляд на историю. Однако постмодернистская мысль с её акцентом на культурный релятивизм и деконструкцию больших нарративов бросила вызов этим универсализирующим тенденциям.

Новые проблемы, встающие перед нами в столь быстро меняющемся мире, требуют от современной философской мысли прийти к более тонкому пониманию культурного разнообразия и глобальной взаимосвязанности. Исходя из классического принципа диалектики, можно выдвинуть гипотезу, что синтез цивилизационной и постмодернистской точек зрения позволит нам выйти за рамки ограничений обоих подходов и создаст условия для нового развития, связанного с преодолением расщепленности и двойственности цивилизационного пространства человеческого общества. При этом возникает дискуссионный вопрос: возможно ли при данном синтезе цивилизационного и постмодернистского подходов сотворить новую целостность, которая может стать объективным базисом для упорядочивания ценностей, формирования цивилизационной гармонии.

Одни из ранних попыток провести традиционную идею культурных цивилизаций через постмодернистское понимание общества можно увидеть в работах французских социолога Жана Бодрийяра и антрополога Клода Леви-Стросса. В своей концептуальной работе «Симулякры и симуляция» [3] Бодрийяр утверждал, что современная культура меняется как явление, и на смену традиционным нарративам приходят синтезированные мифологемы и символы, лежащие в основу жизни общества. Леви-Стросс же в книге «Структурная антропология» [6] проследил близость мировых культур и, вероятно, общность их происхождения в мифотворчестве и нормообразовании, подведя, таким образом, эмпирическую основу под идею естественного родства народов. Необходимо уточнить, что оба автора не использовали цивилизационную терминологию, и в целом их работы направлены на деконструкцию традиционных подходов к пониманию культуры, но при этом они дали своеобразный толчок к исследованию вариаций единства культур и надкультурных сообществ, в том числе мировых цивилизаций.

Свой анализ взаимосвязи цивилизационной и постмодернистской точек зрения, перспективы их синтеза предлагает доктор философских наук А.Г. Щелкин, в своей статье «Теория цивилизации: от сингулярной модели в постмодернизме к поискам “нового синтеза”» [13], где автором было уделено большое внимание кризису парадигмы «множественности цивилизаций». Разнообразие подходов в исследовании феномена цивилизации в современном мире создает новые условия для понимания в полном объеме картины мирового цивилизационного ландшафта.

Однако в целом цивилизационный концепт и постмодерн обычно ставятся авторами в антагонистскую пози-

цию по отношению друг к другу, в связи с чем в научной среде практически не предпринималось попыток синтеза или сравнения этих двух парадигм.

Целью научной данной работы ставится рассмотрение возможности развития и переосмысления цивилизационного подхода, и шире – самой концепции множественности цивилизаций, путём их интерпретации через призму культурологических и философских идей постмодерна.

Итак, цивилизационный подход традиционно стремится к созданию целостной картины мира, выявляя общие закономерности развития различных культур и цивилизаций. Классическим примером такого подхода может служить концепция «осевого времени» Карла Ясперса, который выделяет период с VIII по II век до н.э. как время возникновения универсальных религиозных и философских идей, заложивших основы западной цивилизации [15]. Цивилизационный подход часто ассоциируется с универсализмом, предполагающим существование общих ценностей и норм, применимых ко всем культурам (или по крайней мере к множественным группам культур).

Постмодернизм, напротив, подчеркивает фрагментарность и множественность культурных и социальных реалий. Постмодернисты критикуют метанарративы, такие как история, наука и философия, за претензию на универсальную истину. Они утверждают, что каждая культура создает свои собственные нарративы и смыслы, которые не могут быть сведены к единой универсальной картине мира. Жан-Франсуа Лиотар, один из ключевых представителей постмодернизма, писал, что постмодерн – это инкрементный процесс, который разрушает метанарративы. Таким образом, он не предлагает новой общей систематизации знания [7]. Постмодернизм часто ассоциируется с культурным релятивизмом, согласно которому все культурные ценности являются относительными и не могут быть оценены с единой универсальной точки зрения.

Однако, несмотря на очевидные различия, цивилизационный подход и постмодернизм также имеют точки соприкосновения. Оба подхода подчеркивают важность культурного контекста для понимания человеческого опыта. Оба признают динамичность и изменчивость культурных форм. И, наконец, оба стремятся к критическому анализу существующих социальных и культурных порядков.

Вопрос о существовании универсальных ценностей и степени их относительности является одним из центральных в философии и культурологии. Традиционно он рассматривался в рамках противостояния между универсализмом и культурным релятивизмом. Однако, современные глобальные процессы, такие как глобализация и культурное смешение, требуют более тонкого подхода. Синтез идей цивилизационного подхода и постмодернизма может стать основой для разработки новой концепции, которая позволит преодолеть эту дихотомию.

Цивилизационный подход традиционно акцентирует внимание на универсальных ценностях, присущих всем человеческим обществам. Такие ценности, как справедливость, честность и свобода, рассматриваются как основополагающие для любого цивилизованного общества. Постмодернизм, напротив, подчеркивает относительность культурных ценностей и невозможность создания универсальных моральных кодексов. Постмодернисты утверждают, что каждая культура имеет свои собственные ценности, которые не могут быть оценены с внешней точки зрения.

Ключевые идеи синтеза:

- Культурный релятивизм как метод. Культурный релятивизм может служить полезным методом для понимания и уважения других культур. Он помогает избежать этноцентризма и признать, что каждая культура имеет свою уникальную систему ценностей.
- Универсальные ценности как основа для диалога. Несмотря на культурное разнообразие, можно выделить определенные ценности, которые являются общими для всех человеческих обществ. Такие ценности могут служить основой для межкультурного диалога и сотрудничества.
- Диалектическое взаимодействие. Универсальные ценности и культурные особенности находятся в постоянном взаимодействии. Универсальные ценности могут адаптироваться к конкретному культурному контексту, а культурные особенности могут обогащать понимание универсальных ценностей.

Вместе с тем, синтез двух подходов сталкивается с рядом серьезных вызовов. Во-первых, возникает вопрос о том, как определить, какие ценности являются действительно универсальными? Какие критерии мы можем использовать для их идентификации? Во-вторых, даже если мы согласимся с существованием универсальных ценностей, возникает проблема их совместимости с культурными особенностями. Как можно согласовать, например, западные представления о правах человека с традиционными ценностями некоторых неевропейских культур? Наконец, существует риск чрезмерного релятивизма, который может привести к отрицанию любых универсальных ценностей и оправданию любых культурных практик, даже самых жестоких.

В целом, вопрос о существовании универсальных ценностей и их соотношении с культурной спецификой глубоко проработан в философии. Эммануэль Левинас, например, в своих работах акцентирует внимание на этической значимости «Другого», подчеркивая, что ответственность перед Другим является фундаментальным этическим императивом, который трансцендирует любые культурные различия. Понятие Другого у Левинаса неразрывно связано с идеей бесконечного и трансцендентного, что позволяет рассматривать этическую ответственность как универсальное явление. Однако, Левинас также подчеркивает, что эта ответственность всегда конкретна и связана с уникальностью каждого Другого [5]. Таким образом, философия Левинаса предлагает интересный синтез универсального и конкретного в этической сфере, что может служить полезной отправной точкой для дальнейших размышлений о природе универсальных ценностей.

Культурный релятивизм, вместо того чтобы противостоять идее универсальных ценностей, может служить важным инструментом для их понимания. Изучая различные культурные контексты, мы можем глубже осознать, как универсальные ценности воплощаются в конкретных практиках и представлениях.

Исходя из консенсуса в рамках общего вопроса культурного релятивизма и универсальных ценностей, мы можем перейти к более конкретным дефинициям. Идентичность является одним из ключевых понятий, которое по-разному трактуется в цивилизационном подходе и постмодернизме. Цивилизационный подход акцентирует внимание на коллективной идентичности, основанной на общих культурных, исторических и религиозных ценностях. Постмодернизм, напротив, подвергает деконструкции любые фиксированные идентичности, утверждая, что они являются социальными конструкциями, которые могут быть изменены и переосмыслены. Например, Мишель Фуко, как представитель постмодернизма, писал, что дисциплина производит индивидов; она

формирует их «тела», распределяет их в пространстве, организует время, регулирует их действия, определяет их отношения со своими силами. Она создает индивидуальности, но делает это на основе механизмов власти, которые одновременно подчиняют их [12].

Концепция гибридных идентичностей позволяет синтезировать классический цивилизационный и постмодернистский подходы. Она предполагает, что культурные идентичности не являются статичными и неизменными, а постоянно формируются и трансформируются в результате культурных контактов и миграции. Люди могут одновременно принадлежать к нескольким культурным сообществам, их идентичность может быть многослойной и противоречивой.

Стюарт Холл, один из ведущих культурных теоретиков XX века, утверждал, что в эпоху глобализации и миграции традиционные представления об однородной и стабильной культурной идентичности становятся все менее актуальными. Вместо этого, он предлагал рассматривать идентичность как динамический процесс, в котором различные культурные влияния смешиваются и переплетаются, создавая новые, гибридные формы [1].

Одним из наиболее ярких примеров гибридных идентичностей являются диаспоры. Сообщества эмигрантов, сохраняя связь со своей родиной, одновременно адаптируются к новой культуре, формируя уникальные гибридные идентичности. Аналогичным образом, мультикультурные города (например Лондон или Иерусалим) представляют собой своеобразные культурные лаборатории, где представители разных культур взаимодействуют, создавая новые формы культурного выражения.

Современные технологии также способствуют формированию новых типов гибридных идентичностей. Так называемые «цифровые кочевники», работающие удаленно и перемещающиеся между различными странами, формируют транснациональную идентичность, не привязанную к конкретному географическому месту.

Мы видим, что концепция гибридных идентичностей представляет собой ценный инструмент для понимания современного культурного разнообразия. Она позволяет преодолеть ограниченность традиционных подходов, основанных на понятии фиксированной культурной идентичности, и открыть новые перспективы для исследования культурных процессов.

Если идентичности людей становятся все более гибридными, то и сами цивилизации неизбежно приобретают более динамичный и многообразный характер. Гибридные идентичности, проникая в самые глубокие слои общества, трансформируют культурные коды, ценности и социальные институты. Это приводит к тому, что границы между цивилизациями становятся все более размытыми, а сами цивилизации все менее однородными.

Таким образом, концепция гибридных идентичностей логически ведет нас к идее так называемых «динамических цивилизаций». Если идентичности людей постоянно меняются и развиваются, то и цивилизации, которые они формируют, не могут оставаться статичными.

Концепция динамических цивилизаций представляет собой попытку преодолеть статичность и однородность традиционного понимания цивилизаций и адекватно отразить современные процессы глобализации, миграции и культурного смешения. Вместо представления цивилизаций как фиксированных, неизменных образований, эта концепция рассматривает их как динамические системы, постоянно развивающиеся и изменяющиеся под воздействием внутренних и внешних факторов.

Норберт Элиас в своей работе «О процессе цивилизации» впервые представил цивилизацию как динамическую систему, находящуюся в постоянном изменении.

Эти изменения могут быть постепенными и незаметными в обыденной жизни, но они неизбежно приводят к качественным преобразованиям, которые становятся очевидными в периоды кризисов и революций [14]. Цивилизация, по Элиасу, это не статичное состояние, а сложный процесс, в котором непрерывно взаимодействуют и трансформируются различные социальные, культурные и психологические факторы. В дальнейшем эти идеи развивали У. Бек [2], Ф. Бродель [4], А. Тойнби [11], П.А. Сорокин [10], Е.С. Ляпин [8].

В рамках идеи динамических цивилизаций ключевым моментом является признание гибридности и многообразия внутри каждой цивилизации. В рамках одной цивилизации могут сосуществовать различные культурные практики, языки, религии, что делает ее внутреннее устройство неоднородным и динамичным. Это позволяет отказаться от упрощенных представлений о «чистых» культурах и признать, что все культуры являются результатом исторических процессов взаимодействия и взаимовлияния.

Важным аспектом концепции динамических цивилизаций является также признание их открытости к изменениям. Цивилизации не являются изолированными островами, а постоянно взаимодействуют друг с другом, обмениваясь культурными ценностями и технологиями. Эта открытость позволяет цивилизациям адаптироваться к новым условиям, включать в себя новые элементы и трансформироваться.

В заключение, можно сказать, что цивилизационный подход и постмодернизм представляют собой два полюса в современном философском и культурологическом дискурсе. Цивилизационный подход стремится к синтезу и созданию целостной картины мира, в то время как постмодернизм подчеркивает фрагментарность и множественность культурных реалий. Однако, ни один из этих подходов не является исчерпывающим. Для адекватного понимания современного мира необходимо учитывать как стремление к универсальности и целостности, так и признание культурного разнообразия и относительности.

Предложенное направление диалога между цивилизационным подходом и постмодернизмом открывает перспективные возможности для развития гуманитарного знания. Обе парадигмы, несмотря на кажущуюся противоположность, обладают значительным потенциалом для взаимообогащения.

Разработка новых методологических подходов открывает новые горизонты для изучения культурного разнообразия. Сочетание исторического анализа с постмодернистскими методами деконструкции и интерпретации позволяет глубже проникнуть в смысл культурных текстов и артефактов. Этот синтез позволяет избежать как чрезмерного упрощения, так и релятивизма, присущего некоторым постмодернистским подходам.

Так, например синтез культурного релятивизма и универсальных ценностей может быть перспективным направлением для исследований. Он позволяет более глубоко понять культурное разнообразие и создать основу для межкультурного диалога и сотрудничества. Признавая уникальность каждой культуры, мы можем одновременно подчеркивать важность некоторых универсальных ценностей, таких как уважение к человеческому достоинству, равенство и справедливость.

В этом направлении перед нами встаёт ряд задач. Во-первых, необходимо разработать более точные критерии для определения универсальных ценностей. Во-вторых, следует искать способы согласования культурных различий с универсальными ценностями, учитывая исторический и социальный контекст каждой куль-

туры. И, наконец, необходимо найти баланс между признанием культурного разнообразия и защитой универсальных ценностей, чтобы избежать как культурного империализма, так и релятивистского оправдания любых культурных практик.

Дальнейшие исследования в этом направлении позволят глубже понять взаимосвязь между глобальными процессами и локальными культурными особенностями, что даст возможность также более детально рассматривать и наднациональные процессы проектирования сознания современного человека в условиях, как активно проявляющейся трансформации традиционных обществ, так и ярко обозначенной в современном мире тенденции цивилизационного выбора [9].

Синтез культурного релятивизма и универсальных ценностей – это сложный и многогранный вопрос, который требует дальнейших исследований и дискуссий. Однако, только найдя ответ на этот вопрос, мы сможем построить более справедливое и гуманное общество, основанное на уважении к культурному разнообразию и защите универсальных человеческих ценностей.

Переосмысление понятия «цивилизация» является ключевым моментом в этом поиске. Цивилизационный подход традиционно рассматривал цивилизации как относительно замкнутые системы со своими уникальными ценностями и традициями. Постмодернизм, в свою очередь, подчеркивает фрагментарность и множественность культурных идентичностей, критикуя любые попытки универсализации. Синтез этих двух подходов может привести к более динамичному и комплексному пониманию цивилизации как постоянно развивающегося и взаимодействующего образования.

Концепция динамических цивилизаций представляет собой перспективное направление исследований на стыке цивилизационного подхода и постмодернизма. Она позволяет преодолеть статичность и однородность традиционного понимания цивилизации и создать более адекватную модель для анализа современного мира. Дальнейшие исследования в этом направлении позволят глубже понять процессы культурного взаимодействия и формирования идентичности в условиях глобализации.

Литература

- Hall S., du Gay P. Questions of Cultural Identity / S. Hall, P. du Gay. – London: SAGE Publications, 1996. 198 p.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. Москва: Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
- Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. А. Качалова. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3-х томах / Ф. Бродель; пер. с фр. Л.Е. Куббеля; вступ. ст. и ред. Ю.Н. Афанасьева. Москва: Прогресс, 1986–1992.
- Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека / Э. Левинас / Пер. с фр. А.В. Парибка. Санкт-Петербург: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 264 с.
- Леви-Стросс К. Структурная антропология: пер. с фр. / К. Леви-Стросс; М.: Наука, 1985. 399 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н.А. Шматко. Москва: Ин-т эксперим. социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 1998. 159 с.
- Ляпин Е.С. Динамика цивилизаций / Е.С. Ляпин. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. 555 с.
- Мармазова Т.И. Трансформация, цифровизация и/или цивилизация? / Т.И. Мармазова // Экология человека и проблемы цифровизации современного мира: Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции, Москва, 28 октября 2020 года. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус»», 2020. С. 20–28.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. Москва: Политиздат, 1992. 542 с.
- Тойнби А.Д. Постижение истории: сборник: перевод с английского / А. Дж. Тойнби; составитель: д. философ.н. Огурцов А.П.; вступительная статья д.и.н. Уколовой В.И.; заключительная статья к.и.н. Рашковского Е.Б. Москва: издательство Прогресс, 1991. 730 с.
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко / Пер. с фр. В. Наумова. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. 383 с.
- Щелкин А.Г. Теория цивилизации: от сингулярной модели в постмодернизме к поискам «нового синтеза» // Петербургская социология сегодня. 2010. № 2. С. 30–37.
- Элиас Н.О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 2: Изменения в обществе. Проект теории цивилизации / Н. Элиас / Пер. с нем. А.М. Руткевич; сост. указ. И.А. Осинская; гл. ред., авт. проекта С.Я. Левит; науч. ред. О.Ю. Бойцова; худож. П.П. Ефремов; Академия исследований культуры. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001. 336 с.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. / К. Ясперс. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

THE DIALECTIC OF THE UNIVERSAL AND THE SPECIAL: THE CIVILIZATIONAL APPROACH IN A POSTMODERN PERSPECTIVE

Babanin V.D.

Plekhanov Russian University of Economics

The article is devoted to the peculiarities of the philosophical analysis of transformations of world culture and identity. The author explores the relationship between the civilizational approach and postmodernism, offering a synthesis of these two seemingly opposite paradigms. Special attention is paid to the concept of hybrid identities and dynamic civilizations, which make it possible to overcome the limitations of traditional approaches and adequately reflect the modern processes of globalization and cultural mixing.

Keywords: civilization; postmodernism; cultural relativism; universal values; hybrid identities; dynamic civilizations.

References

- Hall S., du Gay P. Questions of Cultural Identity / S. Hall, P. du Gay. – London: SAGE Publications, 1996. 198 p.
- Beck U. Risk society. On the way to another Modern / W. Beck; translated from German by V. Sedelnik and N. Fedorova. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 381 p.
- Baudrillard J. Simulacra and simulations / J. Baudrillard; translated from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM Publishing House, 2015. 240 p.
- Braudel F. Material civilization, economics and Capitalism, XV–XVIII centuries: in 3 volumes / F. Braudel; translated from French by L.E. Kubbel; introductory article and editorship by Yu.N. Afanasyev. Moscow: Progress, 1986–1992.
- Levinas E. Time and the other. The humanism of another person / E. Levinas; translated from French by A.V. Paribka. St. Petersburg: Higher Religious and Philosophical School, 1998. 264 p.
- Levi-Strauss K. Structural anthropology: translated from French / K. Levi-Strauss; M.: Nauka, 1985. 399 p.

7. Lyotard J.-F. The state of postmodernity / J.-F. Lyotard; translated from French by N.A. Shmatko. Moscow: In-t experiment. Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 1998. 159 p.
8. Lyapin E.S. Dynamics of civilizations / E.S. Lyapin. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2007. 555 p.
9. Marmazova T.I. Transformation, digitalization and/or civilization? / T.I. Marmazova // Human ecology and the problems of digitalization of the modern world: A collection of articles based on the results of the All-Russian Scientific Conference, Moscow, October 28, 2020. Moscow: Limited Liability Company "KnoRus Publishing House", 2020. pp. 20–28.
10. Sorokin P.A. Man. Civilization. Society / P. Sorokin. Moscow: Politizdat, 1992. 542 p.
11. Toynbee A.D. Comprehension of history: collection: translated from English / A.J. Toynbee; compiled by: Doctor of Philosophy Ogurtsov A.P.; introductory article by Doctor of Historical Sciences Ukolova V.I.; final article by Candidate of Historical Sciences Rashkovsky E.B. Moscow: Progress Publishing House, 1991. 730 p.
12. Foucault M. To supervise and punish. The Birth of prison / M. Foucault; translated from French by V. Naumov. Moscow: Ad Marginem Press, 2016. 383 p.
13. Shchelkin A.G. Theory of civilization: from the singular model in postmodernism to the search for a "new synthesis" // Petersburg Sociology Today. 2010. No. 2. pp. 30–37.
14. Elias N. On the process of civilization: Sociogenetic and psychogenetic research. Vol. 2: Changes in society. The draft theory of civilization / N. Elias; translated from German by A.M. Rutkevich; comp. decree by I.A. Osinovskaya; chief editor, author of the project S. Ya. Levit; scientific editor O.Y. Boitsova; artist P.P. Efremov; Academy of Cultural Studies. Moscow; St. Petersburg: University Book, 2001. 336 p.
15. Jaspers K. The meaning and purpose of history: translated from German / K. Jaspers. Moscow: Politizdat, 1991. 527 p.

Захаров Михаил Юрьевич,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии
Государственного университета управления
E-mail: my_zakharov@guu.ru

Шिशкова Анастасия Викторовна,

к.ф.н., доцент кафедры философии Государственного
университета управления
E-mail: av_shishkova@guu.ru

Статья посвящена анализу некоторых актуальных проблем, вызванных цифровой трансформацией современной науки, в частности, влиянию новых цифровых инструментов и технологий на процесс научного познания. Авторы рассматривают ряд положительных последствий цифровизации, например, увеличение доступности научной информации благодаря ее оцифровке, расширение научной методологической базы (повышение сложности моделей с помощью цифрового моделирования и симуляции, большие данные как основа для более точных предсказаний, алгоритмы машинного обучения и искусственного интеллекта), увеличение интенсивности исследований, совершенствование наднациональных механизмов трансляции научного знания и др., а также анализируют риски и угрозы: утечки конфиденциальной информации, угроза распространения ложной или неточной информации, информационная перегрузка и дополнительные стрессоры для ученых, риск усиления цифровой дискриминации и неравенства, «цифровая амнезия», «цифровая монополизация» и «информационная колонизация», искусственная дифференциация различных научных областей в силу специфики использования цифровых инструментов и других национальных особенностей и т.д. Сделан вывод, что в процессе исследования процесса цифровой трансформации науки необходимо рассматривать не только технологические изменения на уровне инструментов, но и задаваться вопросами о том, как меняется сама природа научного знания, его создание и распространение. Должны быть затронуты эпистемологические, этические и социокультурные аспекты. Философский подход к исследованию цифровой трансформации науки должен служить не только инструментом анализа текущих изменений, но и основой для разработки новых подходов к научному знанию в условиях цифрового века.

Ключевые слова: цифровизация науки, трансформация научного знания, цифровая этика, цифровая дискриминация, цифровая амнезия.

Введение

По мнению подавляющего большинства специалистов именно цифра позволит перейти науке на качественно новый уровень развития и решит многие вопросы, накопившиеся у современной науки. Сегодня существуют как минимум два понимания термина «цифровизация»: с одной стороны, цифровизация – это перевод информации, хранящейся на различных видах носителей, в цифровую форму для снятия опасностей и угроз, а также формирования комплекса новых возможностей; с другой – глобальный тренд развития общества и в первую очередь его экономики, что должно способствовать повышению качества жизни социума. Цифровые технологии позволяют быстро и легко получать доступ к огромному объёму информации, что ускоряет процесс научных исследований и открытий. Открытые базы данных, электронные библиотеки, специализированные платформы для обмена результатами исследований, мессенджеры и инструменты для совместной работы упрощают доступ к знаниям и способствуют более эффективной совместной работе ученых на всех уровнях – от отдельной организации до межстранового сотрудничества. Автоматизация рутинных задач, таких как обработка данных, составление отчетов и управление проектами, экономит время и ресурсы. Анализ больших данных, использование искусственного интеллекта и машинного обучения открывают новые возможности для исследований, позволяя ученым моделировать более сложные системы и получать более точные результаты, а инструменты визуализации данных через наглядной представление результатов делают научную информацию более понятной и доступной для широкой аудитории.

Цифровизация науки открывает новые инструменты для исследований и расширяет горизонты для экспериментов, но одновременно создаёт новые вызовы для ученых и общества в целом, например, необходимость дополнительного критического осмысления источников данных и этической экспертизы алгоритмов их обработки, поднимая, таким образом, вопрос о том, как цифровые инструменты влияют на процесс научного познания.

Цифровизация науки: положительные последствия, риски и угрозы

Если попытаться осмыслить все положительные результаты цифровизации науки, то в первом приближении получается следующая картина.

Во-первых, цифровизация позволяет перевести в цифру весь массив научной информации, хранящейся на материальных носителях. Такая деятельность позволяет многократно увеличить доступность информации. Этим, например, с 2007 года активно занимается Китай, который формирует глобальное информационное хранилище технологий, материалов, инженерной и конструкторской документации по всем ключевым технологическим и научным направлениям и, в частности, крупнейшую в мире базу данных о семенах [2].

Во-вторых, цифровизация способствует совершенствованию наднациональных механизмов трансляции научного знания. Быстрое расширение мультисетей в глобальном масштабе изменит облик самого научного знания, оно станет более доступным всем членам на-

учного сообщества, что в свою очередь позволит полностью унифицировать описание, обработку и хранение научных данных, согласовать стандарты открытой исследовательской информации и в целом оптимизировать научную деятельность. Единый наднациональный механизм трансляции научного знания станет надежным цифровым помощником ученого, он увеличит скорость удаленного доступа к научным продуктам, освободив таким образом ученого от излишней второстепенной операционной нагрузки и позволив творческому началу занять должное место в научно-исследовательской деятельности.

В-третьих, благодаря сказанному выше, увеличится интенсивность научных исследований и, как следствие, повысится столь необходимая сегодня производительность труда в науке, а за счет создания цифровых двойников расширится научная методологическая база. В конечном итоге это не просто положительно скажется на производительности творческого научного труда, но и приведет к формированию единого исследовательского мирового пространства, обеспечивающего совместную работу ученых над научными проектами.

Наконец, в-четвертых, науковедческие дисциплины могут получить стабильную технологию оценки научного продукта и личного вклада ученого в его разработку. Это уже не будет национальная система, отдающая предпочтение определенным научным знаниям и в соответствии с этим ранжирующая научные достижения определенным образом, самостоятельно оценивающая научный статус ученого. Как следствие, начнут работать четкие правила в сфере конкуренции научных организаций, значительно упадет административная нагрузка, будет ликвидирован бумажный документооборот и формальная отчетность.

Нельзя не упомянуть и появление новых методов сбора, анализа и цифровизации данных, ставшие неотъемлемой частью современной научной методологии, среди которых можно назвать следующие: цифровое моделирование и симуляция (развитие вычислительных технологий позволило значительно повысить сложность моделей); большие данные как основа для более точных предсказаний; алгоритмы машинного обучения и искусственного интеллекта, способные выявлять скрытые от традиционных методов анализа паттерны и тренды в данных.

К сожалению, плюсы цифровизации науки следуют соотносить с параллельным формированием качественно новых информационно-когнитивных опасностей и угроз.

Ряд рисков представляется очевидным. Вызванная цифровизацией зависимость от технологий может замедлить исследования в случае технических проблем или отсутствия доступа к необходимым инструментам. Сбор и обработка больших объемов данных неизбежно порождают возможность утечки конфиденциальной информации, доступность больших объемов информации – угрозу распространения ложной или неточной информации, а скорость и объем информационного потока – информационную перегрузку и дополнительные стрессоры для ученых. Кроме того, предвзятость, волею или неволею вложенная в наборы данных, может привести к ошибочным выводам.

Перечисленные выше риски имеют не только техническую, но и этическую сторону, и именно с новой цифровой этикой связан отдельный блок проблем. Революция данных, связанная с появлением больших и открытых данных, свершилась, но не закончилась. Объемы данных будут продолжать расти экспоненциально благодаря развитию технологий, а ключевую роль в обработке

и анализе больших данных уже сейчас играет машинное обучение и технологии искусственного интеллекта. Данные влияют на глобальные тенденции мирового развития, не только в области науки, но и на политику, здравоохранение и экономическое развитие, – и могут стать ключевым инструментом в решении глобальных проблем при ответственном использовании. Серьезные ожидания связаны с открытыми данными – ожидается, что государственные органы, научные и образовательные организации будут продолжать открывать свои данные для общестественности, что позволит исследователям и предпринимателям использовать их для создания новых решений. Однако прогнозируемое будущее больших данных требует новых подходов к управлению и хранению информации, таких подходов, которые смогут соблюсти сложный баланс между максимально свободным доступом к данным и их надежной защитой. Для этого необходимо междисциплинарное сотрудничество между учеными, политиками и обществом для разработки новых этических норм и технических стандартов, которые позволят создать устойчивую экосистему данных. В контексте новых подходов к управлению данными рассматриваются самые разные аспекты от использования децентрализованных систем (например, на основе технологий блокчейна) до разработки систем управления метаданными, от освоения гибридных моделей хранения данных (комбинация облачных и локальных решений, использование хранилищ данных (data lakes) для неструктурированных данных и традиционных хранилищ (data warehouses) для структурированных данных) до интересного сотрудничества в интересах интеграции открытых данных [1, 2].

Конечно, подобные технологические дискуссии не могут быть рассмотрены в отрыве от выстраиваемой вокруг этической рамки. Существуют разные направления развития этической мысли, например, в 2010 годах зарождалось движение, пытающееся найти альтернативные бизнес-практики и инициативы, противостоящие устоявшимся практикам наблюдения и «отслеживания по умолчанию» со стороны крупных технологических компаний. Авторы одной из работ по этой теме предложили концепцию «этика данных как конкурентное преимущество» и призвали бизнесменов и политиков рассмотреть и оценить этические последствия их практик работы с данными [4]. Это была одна из первых попыток вернуть пользователям контроль над их данными, попытка разработки альтернативной цифровой инфраструктуры данных и нового «этически осознанного» дискурса об инновациях в области больших данных. Это также знаменовало собой один из этапов в длинном разговоре о том, каковы права людей в отношении их собственных данных и как это влияет на автономию личности в самом широком – философском – смысле.

Еще одно важное опасение, связанное с развитием технологий – риск усиления цифровой дискриминации и неравенства, спровоцированные разными факторами, от неравного доступа к информации до предвзятости работы алгоритмических моделей. Например, усиление неравенства могут способствовать следующие аспекты разработки и работы алгоритмов:

- непрозрачность и отсутствие подотчетности: многие алгоритмы являются закрытыми системами, что затрудняет понимание и анализ их работы, а непрозрачность уменьшает возможность оспаривания принятых на основе этих моделей решений;
- разработка алгоритмов на основе данных, собранных без учета социального контекста: например, игнорирование при разработке системных факторов,

таких как бедность или расовая дискриминация, – что приводит к еще большему неравенству;

- обучение моделей людьми, обладающими предвзятым отношением к тем или иным социальным группам;
- вероятность создания отрицательной обратной связи: алгоритмы могут создавать замкнутые циклы: например, если система предсказывает высокую вероятность рецидива преступления у представителей определенной социальной группы, это может привести к более строгим мерам контроля, что в свою очередь подтверждает первоначальное предсказание.

Логичным ответом на подобные проблемы является требование повышать прозрачность алгоритмов, внедрять независимый аудит моделей, создавать этические стандарты разработки и использования алгоритмов. В одной из недавних работ на тему цифровой этики авторы вводят понятие «социальной осведомленности», подчеркивая важность учета социальных последствий при разработке алгоритмов. Они рассматривают математические и статистические подходы к разработке, обсуждая, как можно формализовать этические принципы и интегрировать их в алгоритмические модели [1].

Бурное развитие технологий искусственного интеллекта порождает отдельные ветви дискуссий. Философские аспекты науки и технологии в контексте ИИ охватывают широкий спектр вопросов, касающихся как научного метода и роли технологий в познании, так и этических дилемм.

Современные примеры ИИ-систем, например, системы для распознавания лиц, системы рекомендаций на стриминговых платформах или маркет-плейсах, игровые ИИ – это разновидности специализированных ИИ, предназначенных для выполнения конкретных задач. Эти задачи они могут выполнять на уровне, превосходящем человеческий, но не способны обобщать свои знания или применять их к другим задачам. «Сильный» (или, в некоторых работах, общий) ИИ гипотетически способен решать любые интеллектуальные задачи на уровне, сопоставимом с человеческим. Можно ли сказать, что такой ИИ будет обладать сознанием? Может ли машина иметь субъективный опыт? Каковы будут моральные права таких систем? Кто несет ответственность за решения, принимаемые ИИ? Вопрос о том, может ли машина иметь сознание, возвращает нас к классическим философским дебатам между дуализмом (разделение ума и тела) и физикализмом (все процессы могут быть объяснены физическими законами), а общие дискуссии о развитии технологий – к диалогу таких подходов как технологический детерминизм (технологии формируют общество) и социальный конструктивизм (общественные ценности формируют технологии) [3, 7].

Помимо вышеперечисленных этических вопросов важно указать отдельно на следующие потенциальные проблемы цифровизации науки.

Во-первых, цифровой продукт обладает жизненным циклом и требует системного обновления, так как оборудование и программное обеспечение неизбежно устаревают. К сожалению, на текущий момент можно констатировать, что проблема обеспечения долговечности и целостности цифровой информации остается нерешенной. При этом количество форматов сохранения данных продолжает увеличиваться, а срок жизни цифровых документов из-за постоянной смены технологий и стандартов, наоборот, сокращается. Современные эксперты вводят понятие «цифровой памяти» и говорят о феномене «цифровой амнезии» (он характеризуется утратой доступа к исторически значимой информации). Все это не только ставит под угрозу целостность научно-

го знания, но и способствует формированию цифрового неравенства. В результате мы наблюдаем тенденцию к образованию «цифровой монополии», которая выражается в «информационной колонизации» – процессе, при котором определенные корпорации или государства контролируют доступ к критически важной информации и ресурсам. Таким образом, в теоретическом поле возникает необходимость переосмысления концепций авторства и собственности на информацию, а ключевыми практическими задачами становятся создание устойчивых систем хранения, распространения и передачи знаний.

Во-вторых, внутри науки уже сегодня начинается искусственная дифференциация различных научных областей в силу специфики использования цифровых инструментов и других национальных особенностей. Разные научные дисциплины имеют свои уникальные подходы к обработке данных, методологии исследований и стандартам публикации: эти различия в подходах создают потребность в специализированных цифровых инструментах, которые могут не пересекаться между разными областями науки. Помимо этого, на пути движения открытой науки к созданию Единой глобальной сервисной платформы встают успешно функционирующие собственные национальные цифровые экосистемы. Каждая страна разрабатывает свои уникальные решения, основанные на локальных потребностях, культурных контекстах и экономических условиях. Эти экосистемы могут включать в себя специализированные базы данных, платформы для совместного использования ресурсов, а также системы управления научными публикациями. Например, в некоторых странах существуют национальные репозитории, которые обеспечивают доступ к результатам исследований только для местных ученых. Усугубить эту проблему могут различия в доступности технологий и ресурсов между развитыми и развивающимися странами, когда научные группы в менее обеспеченных регионах столкнутся с трудностями в доступе к современным цифровым инструментам и платформам, что поставит под вопрос их участие в глобальном научном диалоге. Разные стандарты, форматы данных и протоколы взаимодействия могут создать барьеры для международного сотрудничества и спровоцировать фрагментацию научного сообщества, которая в свою очередь вызовет дополнительные сложности для междисциплинарных исследований и существенно снизит потенциал для инноваций.

Во-третьих, внутри науки и общества в целом будут востребованы новые навыки для работы с цифровыми технологиями. Цифровая грамотность уже сейчас становится не просто желательным качеством, а необходимым условием для успешной адаптации к современным условиям жизни и работы. Адекватным ответом на это требование должны стать определенные меры, принятые на уровнях от отдельной коммерческой или образовательной организации до государства в целом. В условиях стремительного изменения технологий каждый человек на рынке труда должен быть готов к тому, что любые навыки могут устареть всего за несколько лет. Соответственно, компании и организации должны активно поддерживать своих сотрудников в процессе обучения, предоставляя им ресурсы и возможности для профессионального роста, а на государственном уровне необходимо предусмотреть создание специальных программ для повышения квалификации и переподготовки специалистов, работающих в традиционных сферах, чтобы они могли успешно конкурировать на рынке труда. Образовательные учреждения же в целом должны обновить свои учебные программы, интегрируя курсы

по программированию, анализу данных и кибербезопасности на всех уровнях – от начального до высшего образования. Кроме того, важно учитывать, что обучение новым навыкам должно быть доступным для всех слоев населения, а это означает обязательную инклюзивность любых образовательных инициатив. Все вышесказанное повлечет за собой серьезные временные и финансовые затраты, однако без значительных инвестиций в обучение и развитие новых навыков мы рискуем столкнуться с серьезными вызовами на пути к интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь и научную практику.

Учитывая это, многие страны загодя начали движение в данном направлении. Так, Великобритания стала реализовывать две общенациональные программы: 1) для стимулирования отдачи от государственных инвестиций в развитие цифровой инфраструктуры создана программа по развитию базовых цифровых навыков исследователей всех возрастов и специализаций (разработана Институтом устойчивого развития программно-обеспечения для R&D и финансируется рядом национальных научных фондов); 2) на молодежный сегмент исследователей с минимальным набором навыков программирования направлена программа Data Science for Social Good, (реализуется Институтом Тьюринга на базе нескольких британских университетов). В Канаде развитие цифровых навыков и компетенций исследователей осуществляется в рамках единой Pan-Canadian Artificial Intelligence Strategy, а Япония в рамках программы Japan Consortium for Open Access Repositories предлагает различные специализированные курсы для желающих всех возрастов. Этот перечень можно продолжить, так как в большинстве научных и образовательных центров существует подобное обучение и даже на международном уровне успешно функционируют различные обучающие системы, такие, например, как The Carpentries (основы аналитики данных и программирования) или двухнедельные школы data-science от Международного научного совета (основы data-science). В Российской Федерации на правительственном уровне принято решение до 2030 года обучить всех сотрудников научных и образовательных организаций работе с новыми цифровыми технологиями

Заключение

Таким образом, говоря о цифровизации науки, необходимо рассматривать не только технологические изменения на уровне инструментов, но и задаваться вопросами о том, как меняется сама природа научного знания, его создание и распространение. Этот диалог должен вестись не только в рамках эпистемологии; важны также этические и социокультурные аспекты. С развитием цифровых технологий для сбора и анализа данных даже такие традиционные философские понятия, как истина, объективность и доказательства, требуют переосмысления. Например, как можно говорить о надежности данных, если они генерируются автоматизированными процессами, суть которых остается для нас «черным ящиком», как это часто бывает с алгоритмами машинного обучения? Этический аспект этого вопроса заключается в следующем: как мы можем обеспечить отсутствие неосознанных предвзятостей в исходных данных или в модели во время ее обучения? Кто несет ответственность за результаты, полученные с помощью алгоритмов? Как предотвратить манипуляции с данными и обеспечить их прозрачность? С одной стороны, прозрачность данных и свободный доступ к научным публикациям становятся всё более значимыми для обеспечения открытости и демократизации науки, поскольку доступ к информации

влияет на общественное восприятие науки и доверие к ней. С другой стороны, возникают риски, связанные с конфиденциальностью и безопасностью данных. Все это влечет за собой трансформацию взаимодействия между учеными, обществом и государством. Можно с уверенностью утверждать, что уже сейчас возникает социально значимая потребность в осмыслении масштабов современных изменений в науке и перспективах её цифрового развития.

Философский подход к исследованию цифровой трансформации науки должен служить не только инструментом анализа текущих изменений, но и основой для формирования будущего научного знания, для разработки новых подходов к научному знанию в условиях цифрового века. Необходимо стремиться к созданию этических стандартов и практик, которые будут учитывать уникальные вызовы цифровой эпохи, а это подразумевает постоянный диалог между философами, учеными и обществом.

Литература

1. Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 г. – Париж: Изд-во ЮНЕСКО, 2015. – М.: Издательский Дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2016. – 794 с.
2. Шугуров М.В., Мозжилин С.И. Цифровая трансформация науки: междисциплинарный подход // Научно-ведческие исследования. – 2022. – № 4. – С. 121–129.
3. Coeckelbergh M. AI Ethics / M. Coeckelbergh, Cambridge (Mass.): The MIT press, 2020.
4. Hasselbalch G., Tranberg P. Data ethics: the new competitive advantage / G. Hasselbalch, P. Tranberg, 1. edition-e изд., Valby: Publishare, 2016. 202 с.
5. Kearns M., Roth A. The ethical algorithm: the science of socially aware algorithm design / M. Kearns, A. Roth, New York: Oxford University Press, 2020. 218 с.
6. Kitchin R. The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures & Their Consequences / R. Kitchin, 1 Oliver's Yard, 55 City Road, London EC1Y 1SP United Kingdom: SAGE Publications Ltd, 2014. DOI 10.4135/9781473909472.
7. Philosophy and theory of artificial intelligence 2021 / Müller, Vincent C. (Editor). Cham: Springer, 2022. 248 p. DOI 10.1007/978-3-031-09153-7.

TECHNOSOCIAL CHALLENGES OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SCIENCE

Zakharov M.Yu., Shishkova A.V.
State University of Management

The article is dedicated to the analysis of several relevant issues arising from the digital transformation of contemporary science, particularly the impact of new digital tools and technologies on the process of scientific knowledge. The authors examine a number of positive consequences of digitization, such as the increased accessibility of scientific information due to its digitization, the expansion of the scientific methodological base (enhancing the complexity of models through digital modeling and simulation, big data as a basis for more accurate predictions, machine learning algorithms and artificial intelligence), increased research intensity, and the improvement of supranational mechanisms for the translation of scientific knowledge, among others. They also analyze risks and threats: leaks of confidential information, the threat of spreading false or inaccurate information, information overload and additional stressors for scientists, the risk of exacerbating digital discrimination and inequality, "digital amnesia," "digital monopolization," and "informational colonization," as well as the artificial differentiation of various scientific fields due to the specific use of digital tools and other national peculiarities, etc. The conclusion is made that in the process of researching the digital transformation of science, it is necessary to consider not only

technological changes at the level of tools but also to question how the very nature of scientific knowledge, its creation, and dissemination is changing. Epistemological, ethical, and sociocultural aspects should be addressed. A philosophical approach to studying the digital transformation of science should serve not only as a tool for analyzing current changes but also as a basis for developing new approaches to scientific knowledge in the digital age.

Keywords: digitalization of science, transformation of scientific knowledge, digital ethics, digital discrimination, digital amnesia.

References

1. UNESCO Science Report: towards 2030. – Paris: UNESCO Publishing House, 2015. – M.: Publishing House MAGISTR-PRESS, 2016. – 794 p.
2. Shugurov M.V., Mozhilin S.I. Digital transformation of science: an interdisciplinary approach // *Science Studies*. – 2022. – No. 4. – P. 121–129.
3. Coeckelbergh M. *AI Ethics* / M. Coeckelbergh, Cambridge (Mass.): The MIT press, 2020.
4. Hasselbalch G., Tranberg P. *Data ethics: the new competitive advantage* / G. Hasselbalch, P. Tranberg, 1. edition-е изд., Valby: Publishare, 2016. 202 c.
5. Kearns M., Roth A. *The ethical algorithm: the science of socially aware algorithm design* / M. Kearns, A. Roth, New York: Oxford University Press, 2020. 218 c.
6. Kitchin R. *The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures & Their Consequences* / R. Kitchin, 1 Oliver's Yard, 55 City Road, London EC1Y 1SP United Kingdom: SAGE Publications Ltd, 2014. DOI 10.4135/9781473909472.
7. *Philosophy and theory of artificial intelligence 2021* / Müller, Vincent C. (Editor). Cham: Springer, 2022. 248 p. DOI 10.1007/978-3-031-09153-7.

Концепция меметической войны в военных информационно-коммуникативных операциях современности

Кафтан Виталий Викторович,

д.ф.н., профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: kaftanvit@mail.ru

Кафтан Виктор Витальевич,

к.ф.н., преподаватель Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: vick_472@mail.ru

Статья посвящена исследованию меметических конструктов как инструментов воздействия на массовое сознание социума в контексте развития современного глобального информационного противоборства. На основе анализа проведения специальной военной операции на Украине авторы выявили некоторые варианты реализации военных информационно-коммуникативных операций меметического характера, представляющие опасность для России в условиях современности.

Ключевые слова: информационное противоборство, информационная война, меметика, мем, медиавирус, ВИКО, «война икон», противостояние метафор, противостояние визуальных образов.

Обострение информационной войны между Россией и социально-политическими акторами, представляющие интересы коллективного Запада, в условиях проведения специальной военной операции – это новый этап развития информационно-коммуникативного противоборства, который следует обозначать как «война образов» – особая форма борьбы за конструирование социальной действительности, выраженная в активном противостоянии множества научных теорий, социально-гуманитарных идей и концептуальных построений различного рода в плоскости их практического применения для достижения информационного господства.

Так, одной из таких многообещающих концепций выступает меметика (др. греч. *μίμημα* – подобие; *μίμησις* – подражание) – учение о социальных вирусах. По утверждению многих социальных мыслителей современности, информатизация социума способствует не только многообразию источников получения знания за счет внедрения все новых информационно-коммуникативных технологий, но и развитию у индивида мозаичного и фрагментированного сознания [1]. Отечественный философ Ф.И. Гиренок обозначил такой социальной феномен как формирование клипового мышления, которое характеризуется поверхностным анализом получаемых данных и неспособностью уяснять объемные сообщения [2]. Другими словами, ради возможности большего охвата информации, в жертву приносится ее качественная обработка и осмысление. Для такого рода клиповой аудитории культуры коротких сообщений наиболее актуальной формой контента являются мемы.

Английский этолог-эволюционист Р. Докинз, по аналогии с биологическими передатчиками наследственной информации – генами, предположил существование в культуре наличие единичных носителей духовной информации – мемов. Мемы, соединенные в системные образования – мемплексы, к которым он относил религию, мифологию, науку, генерируют системы смыслов, которые активно распространяются, инфицируя все новые аудитории и транслируя идеи посредством межпоколенческой коммуникации. Главная характеристика мема – *способность к репликации*, то есть к образованию собственных копий, посредством сознания инфицированных людей, которые выступают своеобразными ячейками памяти вируса. «Мемы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [3].

Следующий виток развития меметической концепции как стратегии социального управления связан с идеями бихевиориста Р. Броуди. По его мнению, мышление и поведение человека, диктуются психовирусами, мыслеобразами, особыми программами – мемами. Они зарождаются в сознании и начинают самостоятельную жизнь и размножаются и меняют поведение людей, выступая в роли провокаторов перепрограммирования «поведенческих кнопок», нажав на которые можно преодолеть защитные механизмы психики [4].

Еще одна концепция – медиавирусов, разработанная Д. Рашкоффом, раскрыла особенности создания и распространения мемов с помощью средств информации

и коммуникации в контркультуре. По его мнению, любой информационный повод (поп-скандал, культурное событие, идея) может быть закодирован с помощью хлесткой фразы, необычного рисунка, яркого коллажа, привлекательной фотографии, навязчивой мелодии, красивого видеоролика и репрезентирован людям, которые подобно вирусам будут заражать друг друга этой шокирующей информацией.

Таким образом, обобщая вышеуказанные идеи, в основании функционирования медиавирусом в современном социуме лежит способность, позволяющая им наиболее эффективно высвечивать участки коллективного бессознательного социальных масс, которые по какой-либо причине подавлялись, цензурировались или считались неприемлемыми и пробивать защитный барьер сознания социального большинства. Иными словами, медиавирус – это особая семиотическая структура, в которой «истинное содержание закамouflировано, чтобы отвлечь, на какое-то время, критическое консервативное и рациональное мышление и проникнуть непосредственно в подсознание человека с помощью непрямы́х, косвенных ассоциаций» [5].

Одним из важнейших инструментов применения меметических подходов в условиях современности выступает особая медиатехнология – «Военная информационно-коммуникативная операция (ВИКО)», которая конструирует содержание, скорость восприятия, а иногда и даже направленность военно-политических и социально-коммуникативных процессов, происходящих в мире, смещая акценты в сторону «бесконтактных» практик ведения вооруженной борьбы, информационно-экономического доминирования и «превентивных» решений в отношении достижения необходимого результата исхода тех или иных боевых действий. Важно осознать, что сегодня в эпоху становления информационного общества заблаговременное овладение глобальным информационным пространством (в особенности инфополем противника) с помощью массированного применения различных медиатехнологий позволяет заранее предопределить исход вооруженной борьбы, либо сделать ее вовсе бессмысленной в глазах мировой аудитории [6].

Какие же способы и приемы «бесконтактной» борьбы, основанные на меметических концепциях, применяются сегодня в ходе проведения ВИКО?

Американские военные ученые М. Проссер, К. Хенсон, Д. Джисси, активно критикуя традиционные информационно-психологические войны, предложили термин «меметическая война», понимаемая как создание самовоспроизводящихся сетевых информационных шаблонов, осуществляющих конкуренцию за «элементы культуры, убеждения», «нарративы, идеи и социальный контроль на поле боя социальных медиа». Троллинг можно считать эквивалентом партизанской войны, а мемы – разменной валютой пропаганды».

Современная информационная война выступает пространством противоборства мемов. Война – это акция в формате «экстрима» которая декларирует и демонстрирует игры на грани жизни и смерти. Экзистенциальное переживание войны может быть смещено из реального в виртуальное пространство или их смешение. Эти терминальные игры могут тоже стать сюжетом для мемов.

В этой связи мемы, понимаются как кванты культурной информации, способны к изменению общественной морали, представлений о нравственности, допустимости изменений, смещения табу и в ходе информационной войны, согласно утверждению американского военного ученого М. Проссера, появляется возможность сделать

такого рода «прививку» врагу или «перезаписать» его общество [7].

Ярким примером здесь могут выступать социально-политические процессы, происходившие в СССР в 1980-е годы и связанные с «холодным противостоянием» с США и их союзниками. Когда интеллигенция как наиболее активная часть советского общества совершала действия, направленные на демонтаж Советской государственности, с молчаливого согласия пассивного большинства, индоктринированного западными мемуями. В итоге западные политтехнологи вытеснили советскую идеологию, заменив её своей, «желательной» (либеральной). Большого необходимо убедить в том, что имеющиеся в обществе культурные коды для него опасны, создав тем самым «патогенные кластеры» – презентовав их как «источник народных страданий и фобий» и от которых нужно избавиться самым радикальным способом.

Так, анализ исторической действительности показывает, что в истории войн можно найти различные примеры применения меметических конструкций.

Мем «Помни Мэн!». В 1898 г. в порту Гаваны раздался взрыв, и американский крейсер «Мэн» затонул. Погибли 261 человек из 355. Американское правительство выступило с заявлением, в котором возложило всю вину за случившееся на испанцев, контролировавших территориальные воды своей колонии Кубы, и якобы они скрытно подвели к кораблю мину. Однако, если в действительности взрыв бы произошел в результате действия мины, тогда образовалась бы пробоина в подводной части крейсера и было бы много оглушенной рыбы, а окна окрестных зданий были бы выбиты. Но этого не наблюдалось, и судя по всему, взрыв произошел внутри корабля.

После СМИ начали усиленно подогревать общественное мнение американских граждан антииспанскими сообщениями, появилось множество статей, картинок и значков с лозунгом: «Помни „Мэн“!». И как результат, началась война. И после непродолжительных боевых действий, в которых испанская сторона понесла большие потери, было подписано мирное соглашение, по которому Испания отказывалась от своих притязаний в отношении Филиппинских островов, Пуэрто-Рико и Кубы.

Мем «Ты нужен мне». Один из первых военных мемов – начала Первой Мировой войны (1914) с изображением английского военного министра лорда Китченера с суровым взглядом и указывающим пальцем на зрителя и таким образом, призывая его к действию – вступлению в вооруженные силы Великобритании.

Данный образ оказался невероятно притягательным для общественности. И в 1918 г. американский художник Дж. Монтгомери адаптировал его под нужды «рядового» американца, создав знаменитый символ США – «Дядю Сэма», с призывом: «I Want You». Эти плакаты оказались настолько успешны, что им стали подражать и в другим армиях, в том числе и в годы Гражданской войны в России.

Важно отметить, что мемы активно применялись не только прогосударственными органами военной пропаганды, но и в антивоенных целях противниками войны и пацифистами.

В качестве примера модно привести пример *медиавируса «Иводзима»*. Американский фотограф Д. Розенталь в 1945 г. сделал снимок американских солдат, водружающих флаг на Иводземе, острове в Тихом океане при штурме в 1945 г. погибло более 5 тысяч человек. Фотография стала основой мемориала морской пехоте

и символом объединения, патриотизма и командной работы.

Во время войны в Персидском заливе (2 августа 1990 г. – 28 февраля 1991 г.) антивоенная группа в Оксфорде перерисовала фото, вместо флага изобразив телевизионную антенну, привлекая внимание общественности к одностороннему, по их мнению, и не обязательно верному, взгляду на мотивы военных действий, которые транслировал телеканал CNN («война = медиа, экспансия, ложь»). Реконструирование мема Иводзима продолжается и сегодня.

Целенаправленно и наиболее широкомасштабно мемы начали использоваться в ходе конфликта в САР (2011 г. – по настоящее время). Так, англичанин С. Бертрам-Ли преднамеренно вступил в ряды сирийского ополчения для того, чтобы делать «смешные картинки», которые будут поднимать боевой дух солдат. В этих целях он создал в социальной сети «Facebook» специальную страницу, предназначенную для поддержки сирийского сопротивления в войне с боевиками ИГИЛ: «Хотя ресурсы сирийцев сильно ограничены, руководство не пожалело на команду Ли ноутбуков и доступа к интернету. Так, один из офицеров смотрит мемы британского добровольца и распространяет их среди своих сослуживцев и так по нарастающей. Судя по всему, эти мемы многое значат для высшего армейского звена. По сути, Бертрам-Ли и его команда – военные пропагандисты. Только для воодушевления бойцов они используют не яркие плакаты времен 20-го века, а мемы – один из главных способов коммуникации в эру интернета» [8].

В 2008 г. исследователями из военной фабрики мысли «DARPA» (Агентство перспективных исследований обороны США) был предоставлен отчет «Memetics compendium», в котором описывались способы и приемы использования различного рода мемов для воздействия на массовое сознание. По утверждению главы американской компании «Robotic Technology Inc» профессора Р. Финкельштейна цель этих исследований заключается в том, чтобы показать американскому военному истеблишменту практическую значимость меметики при организации и проведении обычных и асимметричных военных операций, в том числе и при борьбе с терроризмом: «Чтобы быть легко приемлемым для хозяина, мем должен соответствовать существующим ментальным конструкциям или системе убеждений человека или же относиться к парадигме взглядов, к которой хозяин восприимчив» [9].

Военный мыслитель Б. Хэнкокк, ссылаясь на наличие у террористов патогенных мемов – «вирусов разума», оказывающих потенциально катастрофическое воздействие на своих хозяев и соседей призывает к *вытеснению* (идентификация, отслеживание, изоляция и устранение) или *замене* («перезаписыванию») опасных мемов более доброкачественными.

Как только критический уровень насыщения нового набора мемов будет достигнут в целевой популяции, нежелательные человеческие артефакты и поведение, такие как тайники с оружием и самодельные взрывные устройства, исчезнут. Однако, миметическую войну можно разворачивать не только против террористов, но и против любых других противников, чьи действия основаны на иной идеологии [10].

По мнению Хэнкокка подобного рода действия следует осуществлять в ходе организации «операций в поддержку демократии»: «Хотя демократия не является совершенной формой правления, она более стабильна и миролюбива, чем другие формы правления». После того как цель поставлена, следующий шаг состоит в том, чтобы разбить отдельные компоненты комплекса ме-

мов демократии, которые должны быть распространены в целевой аудитории.

В этой связи структура демократии «по-американски» состоит из шести основных элементов, каждый из которых в свою очередь является мемплексом: 1) свобода; 2) права человека; 3) верховенство права; свободные регулярные выборы; 4) плюралистическая политическая система; 5) разделение властей. После определения конкретных меметических компонентов следующим шагом является их упаковка, распространение и репликация, чтобы сделать сообщение более привлекательным и, следовательно, более вероятным для передачи.

Меметическая индокринация происходит с помощью меметической упаковки – специальных поведенческих «горячие кнопки» в контексте передаваемых аудитории сообщений, которые разделяются на две группы – первичные (гнев, страх, голод, похоть) и вторичные (принадлежность, отличие, забота, одобрение, подчинение власти и т.д.).

Когда стратегия меметической упаковки, репликации и распространения завершена, следующим шагом является начало процесса идеологической обработки целевой популяции для достижения целевого уровня насыщенности сообщений. В первую очередь следует сосредоточиться на общественных лидерах, имеющих сети влияния. Благодаря обратной связи меры распространения уточняются и продолжают до тех пор, пока не будет достигнуто желаемое конечное состояние. Те же средства, которые используются для распространения, утвержденного меметического сообщения, будут также служить датчиками в пределах своих конкретных областей компетенции для сбора и передачи обратной связи в ячейку управления военной разведки (MI). Сотрудники MI вносят любые необходимые коррективы в сообщение, чтобы достичь намерений командира, а затем передадут уточненное сообщение через соответствующие платформы распространения еще раз.

Достижение желаемого уровня меметической насыщенности приведет к тому, что целевая популяция будет демонстрировать артефакты и поведение, которые будут поддерживать текущую миссию коалиции. Но если не будет налажен процесс мониторинга для обеспечения того, чтобы меметическое сообщение сохраняло критическую массу и исключалась угроза распространению идей, целевая популяция может вернуться к предыдущим нежелательным артефактам и поведению.

В ответ на упреки, что меметические технологии могут быть истолкованы как контроль над разумом, Хэнкокк отвечает, что для интересов США и их народа жизненно важно, чтобы меметическая теория была полностью изучена, хотя бы для того, чтобы разработать защиту от иностранной меметической атаки, которая не требует присутствия в целевой стране.

«В конце концов, меметика – это всего лишь инструмент, а инструменты при правильном использовании могут быть использованы для построения мира, надежды, процветания и лучшего образа жизни» [11, с. 45].

Далее, рассмотрим различные военные информационно-коммуникативные операции меметического характера на примере развития Специальной военной операции России на Украине (с 2022 г. по настоящее время).

ВИКО «война икон». Согласно М. Маклюэну, «война икон» – электрическое убеждение (корпоративный образ) с помощью фотографии, кино и телевидения работает, за счёт того, что окунает всё население в новый мир воображения.

К ВИКО такого рода можно отнести радиомарафон под названием «*Шевченко мобилизует*» состоявшийся

9 марта 2015 г. на Украине. По замыслу авторов, политики, чиновники, военнослужащие ВСУ и Национальной гвардии, деятели науки и культуры, волонтеры в прямом эфире читали произведения Тараса Шевченко. Писателя одели в военную форму, чтобы «поддержать боевой дух защитников Украины словам произведений Шевченко, консолидировать украинцев в борьбе против внешней агрессии». В условиях СВО образ Шевченко в военной форме стал непременным атрибутом военной символики, активно тиражируется среди украинских солдат в виде шевронов, флагов, плакатов.

Следующий тип ВИКО следует обозначить как «*противостояние метафор*». Так, любую войну или вооруженный конфликт можно рассмотреть не только как ведение боевых действий, но и как противостояние определенных метафорических конструктов. *Метафора* – это слово, употребляемое в переносном значении, сравнение явления с каким-либо другим на основании их общего признака.

В этой связи большинство мемов на войне носит метафорический характер. Так, солдаты российской армии получили метафорическое названия «ватники», «орки», в то время как представители вооруженных сил Украины стали прозываться «укропами» и «нациками».

При этом важно понимать, что разнообразие метафор для обозначения врага есть необходимый элемент любого вооруженного конфликта. Военные психологи поясняют, что подобный «сленг» или жаргон выступает специализированной культурным индикатором, который обозначает поляризацию между группами «свой-чужой». В этой связи некоторые слова, к которым также относятся и оскорбительные интернет-мемы, выполняют определенную символическую функцию и действуют на коллективное подсознание, то есть опосредованно влияют на наши поступки.

Ярким примером противостояния метафор выступает ВИКО «*Бучанская резня*».

Так, в марте 2022 г. после оставления подразделениями российской армии пригорода Киева Бучи украинские и западные СМИ стали активно обвинять российских военных в геноциде над мирными жителями. Это событие, получившее название «Бучанская резня» стало своего рода символом «русской агрессии», благодаря множеству «экскурсий» для западных политиков, которых лично сопровождал президент Украины В. Зеленский. В ходе этих экскурсий демонстрировались тела погибших мирных жителей, которые в течение нескольких месяцев так и не были преданы захоронению.

Западное информационное пространство разверзлось фонтаном фотографий и множества видеоматериалов жертв якобы российского геноцида из Бучи. И как следствие этот медиа-фонтан спровоцировал усиление негативных отношений к России, ее армии, а также фактически свел на нет возможность проведения мирных переговоров.

Таким образом, видеоистория Бучи стала важным фактором политического и военного процесса. Западные политики потребовали ужесточения санкций против РФ, усиления поставок вооружений и военной техники Украине. Публикации о Буче пестрели отсылками к военной операции в Чечне и Сирии, высказывалось тезисы о том, что «военные преступления России остаются в современном мире безнаказанными!». В медиадискурсе появились призывы к 27-ми странам ЕЭС отказаться от российской нефти и газа. Украина отказалась выполнять стамбульские мирные договоренности по прекращению боевых действий и продолжила ожесточенную вооруженную борьбу.

Важно также отметить, что «*butcher*» по-английски значит «мясник» и такое совпадение совсем не случайно, ведь выражение *Bucha s Massacre* («Бучанская резня») позволило связать воедино название населенного пункта и российских военных, названных мясниками в массовом сознании Запада. Не случайно и то, что это словосочетание стало устойчивым, когда число жертв стали сравнивать с Бабьим Яром (хотя их количество несопоставимо, в Буче погибло ок. 500 человек, тогда как в Бабьем Яру более 150 тыс.).

При этом западными медиа фактически игнорировались альтернативные источники информации о ситуации в Буче, свидетельствующие о том, что информация об убийствах появилась лишь через 4 дня после отступления российской армии, о том, что в обстрел Бучи велся и с украинской стороны (часть убитых носили на руках белые повязки – отличительный признак солдат российской армии) и те источники, которые свидетельствовали об эксгумации тел из могил, специальном сборе, привозе и раскладывании трупов для организации показных фотосъемок, а также заключения экспертов о фейковом характере инцидента. Об этом говорят также последующие неоднократные попытки украинских и западных СМИ «найти» подобные случаи «зверств» на территориях, которые были вынуждены оставить российские подразделения в ходе СВО, как это было, например, в Изюме в сентябре 2022 г.

Другим примером противостояния метафор выступает, которую можно обозначить как ВИКО «*Русский военный корабль*». В начале СВО 24 февраля 2024 г. к украинским пограничникам острова Змеиный по радиосвязи обратился «русский военный корабль» и потребовал сложить оружие и не начинать кровопролития.

На это один из солдат якобы ответил посылаем собеседника в известном направлении. Украинская сторона заявила, что 13 пограничников были убиты и стали национальными героями, а фраза стала муссироваться как проявление мужества и стойкости. Налицо признаки фейка: в ходе переговоров капитан был представлен, а не назвал себя кораблем, простой солдат не имел полномочий отвечать на ультиматум, пограничников было 82 и все на самом деле сдались в плен.

Однако, разоблачения ни к чему не привели и в украинском массовом сознании инцидент на острове Змеином превратился в символ «перемоги» над Россией и несмотря на свой нецензурный характер, стал темой для множества медиавирусных.

Еще одной разновидностью ВИКО, в основании которой лежит меметические конструкты, является «*противостояние визуальных образов*». По утверждению украинского исследователя Г. Почепцев, «смысловая война движется образами» [12]. Исходя из этого образ предстает перед человеком как особый мир эмоций, лишенный всякой рациональности. А мемы в этой связи выступают в качестве наиболее действенных визуальных аргументов, позволяющих в кратчайшие сроки распространить определенные взгляды, мнения и суждения. Данная способность обусловлена краткостью их содержания и точного отражения ими конкретных эмоций, ценностей или стереотипов. Иными словами, мемы – это образный контент укорененной в культуре информации и кристаллизуемые в наиболее узнаваемые для индивида формы: идиомы, отдельные фразы, рисунки, популярные фотографии и видеозаписи.

В качестве примера противостояния визуальных образов рассмотрим ВИКО «*Приведение Киева*». В первые дни начала Специальной военной операции на Украине был создан мем «Призрак Киева» (укр. Привид Києва). В основе мема – украинский летчик-ас, якобы сбивший

на устаревшем истребителе МИГ-29 в один день шесть российских самолетов новых модификаций. Информация о данном персонаже, реальное существование которого, не подтверждено никакими фактическими данными (фотографией или фамилией пилота, его атак или показом обломков сбитых им самолетов), распространялась в виде картинок с изображением летчика и самолета (как правило в сакральной и сатирической форме), анимации, видеозаписями (на поверку оказавшимися взятыми из компьютерных симуляторов) как в телевизионной коммуникации, так и в социальных сетях, в течение нескольких месяцев.

Однако впоследствии выяснилось, что бывший президент Украины П. Порошенко и Служба безопасности Украины первыми разместившие фотографию летчика, использовали снимки трехлетней давности. Появились сведения о том, что «Призраком Киева» являлись погибший 26 февраля летчик А. Оксанченко или сбитый 13 марта 2022 г. пилот С. Тараболка, но эта информация затем была опровергнута.

Для создания массового псевдогероического нарратива Призрака использовались образы: трижды героя Советского Союза, уроженца Украины И. Кожедуба и ангела, защищающего город (на официальном гербе Киева – архангел Михаил), а также анонимного супергероя, типа Бэтмена, позаимствованного из американской визуальной культуры комиксов. Как признался советник Зеленского А. Арестович, это не один человек, а собирательный образ летчиков 40-й бригады тактической авиации, охраняющих небо столицы Украины, сконструированный для поднятия боевого духа в первые дни столкновения.

В январе 2023 г. командование BBC Украины ранее отмалчивавшееся, возродило мем, опубликовав интервью с одним уже из нескольких Призраков, которые, воюя в меньшинстве – один к семи, якобы не дали российской авиации разбомбить киевские мосты над Днепром. Следует признать, что на самом деле нарочито преувеличенные подвиги летчика, его название как призрака, то есть потусторонней сущности, а также нарочитое сходство с мифом о супергерое западной культуры (видимо для того, чтобы получить поддержку за рубежом) на самом деле не продвигают образ защитника, как образа для подражания, а напротив дискредитировали героя, который затмил своими сказочными деяниями простых бойцов, выполняющих свой долг.

Подводя итоги, подчеркнем, что в условиях развития глобального информационного противоборства военные информационно-коммуникативные операции, основанные на концепции ведения меметической войны, являются одним из эффективных способов воздействия на массовое сознание общества в отношении конструирования социальной действительности (содержание, направленность и скорость восприятия военно-политических и социально-коммуникативных процессов), достижения информационно-экономического доминирования на геополитической арене, оптимизации практик «превентивных» решений применительно к ведению тех или иных боевых действий. При этом важно отметить, что инструментарий ВИКО подобного рода достаточно разнообразный («война икон», «противостояние метафор», «противостояние визуальных образов» и др.) и представляют определенную угрозу для функционирования российского государства в условиях современности.

В этой связи наиболее значимыми направлениями подготовки российского общества, государства и Вооруженных сил РФ для оказания соответствующего уровня противодействия влиянию ВИКО на массовое сознание являются организация и проведение комплекса меро-

приятий по привлечению специалистов в области медиа и PR-менеджмента в специально сформированные государственные информационно-коммуникативные структуры, что является насущной необходимостью для современной Российской армии. Военно-информационные подразделения, которые существуют Вооруженных сил РФ в настоящее время, к сожалению, представляют в своем большинстве архаическую информационно-коммуникативную модель информирования и пресслужбы, что крайне недостаточно при ярко выраженном социально-гуманитарном характере современного информационного противоборства.

Литература

1. Тoffлер Э. Футурошок. М.: АСТ, 2002.
2. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание: клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании, неклиповое. М.: Проспект, 2018.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993.
4. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. М.: Поколение, 2007.
5. Рашкофф Д. Медиавирус: как попкультура тайно воздействует на ваше сознание. М.: Ультра. Культура, 2003.
6. Кафтан В.В., Щербина Д.В. Военные информационно-коммуникативные операции как явление современного общества. Череповец: ЧВВИУРЭ, 2016.
7. Memetics: A Growth Industry in U.S. Military Operations. 2006.
8. Мемы во время войны. [Электронный ресурс] – <https://tjournal.ru/57955-memy-vo-vremya-voyny> (дата обращения: 07.01.2025).
9. A Memetics Compendium / comp. by Dr. R. Finkelstein. University of Maryland, 2008.
10. Hancock B.J. Memetic Warfare: The Future of War // Military Intelligence Professional Bulletin (MIPB). PB 34–10–2. 2010. April–June. P. 41–46.
11. Hancock B.J. Memetic Warfare: The Future of War // Military Intelligence Professional Bulletin (MIPB). PB 34–10–2. 2010. April–June. P. 45.
12. Почепцов Г.Г. Первая смысловая война в мире (Украина, Крым, Россия) // Media Sapiens. 01.06.2014. [Электронный ресурс] – https://ms.detector.media/ethics/manipulation/pervaya_smyslovaya_voyna_v_mire_ukraina_krym_rossiya/ (дата обращения: 06.01.2025).

THE CONCEPT OF MEMETIC WARFARE IN MODERN MILITARY INFORMATION AND COMMUNICATION OPERATIONS

Kaftan V.V., Kaftan V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article is devoted to the study of memetic constructs as instruments of influence on the mass consciousness of society in the context of the development of modern global information warfare. Based on the analysis of the special military operation in Ukraine, the authors have identified some options for implementing memetic military information and communication operations that pose a threat to Russia in modern conditions.

Keywords: information warfare, information warfare, memetics, meme, media virus, VICO, “war of icons”, confrontation of metaphors, the confrontation of visual images.

References

1. Toffler E. Futuroshok. Moscow: AST, 2002.

2. Girenok F.I. Clip consciousness: clips in science, clips in philosophy, clips in politics, clips in art, clips in education, non-clip. Moscow: Prospekt, 2018.
3. Dawkins R. Egoistic gene. Moscow: Mir, 1993.
4. Brody R. Mental viruses. How your consciousness is programmed. M.: Generation, 2007.
5. Rashkoff D. Medivirus: how pop culture secretly affects your consciousness. Moscow: Ultra. Kultura, 2003.
6. Kaftan V.V., Shcherbina D.V. Military information and communication operations as a phenomenon of modern society. Cherepovets: CHVVIURE, 2016.
7. Memrtics: A Growth Industry in U.S. Military Operations. 2006.
8. Memes during the war. [Electronic resource] – <https://tjournal/ru/57955-memy-vo-vremya-voyny> (date of issue: 07.01.2025).
9. A Memetics Compendium / comp. by Dr.R. Finkelstein. University of Maryland, 2008.
10. Hancock B.J. Memetic Warfare: The Future of War // Military Intelligence Professional Bulletin (MIPB). PB 34–10–2. 2010. April-June. P. 41–46.
11. Hancock B.J. Memetic Warfare: The Future of War // Military Intelligence Professional Bulletin (MIPB). PB 34–10–2. 2010. April-June. P. 45.
12. Pocheptsov G.G. The first semantic war in the world (Ukraine, Crimea, Russia) // Media Sapiens. 06/01/2014. [Electronic resource] – <https://ms.detector.media/ethics/manipulation/per-vaya-smyslovaya-voyna-v-mire-ukraina-krym-rossiya/> (date of appeal: 06.01.2025).

Примак Никита Александрович,

старший преподаватель кафедры теологии, философии и культурологии, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
E-mail: 78rito87@gmail.com

В статье поднимается значимая теоретическая проблема антииерархизма как элемента современных течений либеральной мысли в социальной философии. Антииерархизм противостоит целому спектру консервативных философских течений. Несмотря на широкое освещение проблем социального неравенства и непропорционального распределения социальных благ в обществе, развернутое обоснование антииерархизма как характерной черты либеральной философии до сих пор не представлено в научной литературе. Используя диалектический метод и метод интерпретации философских идей, автор раскрывает в статье основное содержание антииерархического дискурса, выявляет его связь с актуальным проблемным полем либеральной философской мысли. В результате делается вывод, что антииерархизм представляет собой элемент различных направлений философской мысли либеральной направленности, направленных на преобразование существующих социальных структур. Одним из возможных способов решения данной проблемы является концепция сенситивного общества.

Ключевые слова: иерархия, антииерархизм, неравенство, либеральная философия, авторитет.

Введение

Антииерархизм по праву можно признать одной из основных черт тех направлений социально-философской мысли, которые выступают с критикой существующих социальных институтов или структур. Речь идет преимущественно о многообразии учений, которые могут быть с той или иной долей условности квалифицированы как либеральные теории в социальной философии.

Актуальность проблемы иерархии в современной социальной философии обуславливается сложной динамикой социальных взаимодействий, которая наблюдается в рамках современного общества. Традиционные иерархические структуры сегодня подвергаются переосмыслению в свете новых вызовов, стоящих перед мировым сообществом. Антииерархизм противостоит целому спектру консервативных философских течений.

Либерализм, акцентируя внимание на индивидуальных правах и свободах, ставит под сомнение легитимность социальных иерархий, которые могут ограничивать личную автономию. Антииерархизм выступает как философская концепция, теоретически обосновывающая альтернативные модели организации общества, в которых акцент ставится на горизонтальных отношениях равных социальных субъектов. Антииерархизм представляет собой совокупность философских теорий и движений, направленных на критику и демонтаж иерархических структур. Обращение к проблеме антииерархизма в современной либеральной философии позволяет глубже понять природу этого противостояния и выявить возможные пути устранения недостатков традиционных иерархических структур.

Основная часть

Антииерархизм как течение общественной мысли представляет собой подход к такому осмыслению социального порядка, в котором подчеркивается значимость создания инклюзивных социальных структур, нацеленных на реализацию своего потенциала каждым индивидом вне зависимости от социальной иерархии. В условиях современного мира неравенство принимает множество форм, поскольку, как указывает М.К. Горшков, «острота проблемы неравенства в массовом сознании не снижается ни в условиях экономических спадов, ни во время экономических подъемов» [2, с. 154].

Поэтому внимание либеральных мыслителей к проблемам социальных иерархий вполне понятно и исторически обоснованно, так как крайние формы неравенства обычно служат спусковым механизмом для радикальной дестабилизации социального порядка.

Социальная иерархия представляет собой систему структурирования общества, где различные группы и индивиды занимают определенные позиции в зависимости от их социального, экономического или культурного статуса. Иерархия может быть как явной, так и скрытой. Основу антииерархизма составляет система философских аргументов, которые ранжируются по своей убедительности и логической силе. Обычно на поверхности находятся тривиальные аргументы против социальной иерархии, которые носят, по существу, моральный характер. С точки зрения морали, несправедливость не-

равного распределения благ вызывает важные этические вопросы и требует критического переосмысления существующих социальных структур. Антииерархизм, выступающий против иерархических систем, поднимает вопросы о правомерности социального неравенства и его последствиях для отдельных индивидов. Справедливое распределение благ должно основываться на равенстве возможностей, а не на произвольных иерархиях [5, с. 140].

Философский либерализм полагает, что неравенство, основанное на иерархических принципах, не только морально неправильно, но и экономически нецелесообразно, так как ограничивает жизненный потенциал каждой отдельной личности. Классический либерализм часто подвергается критике на основании того, что, имея в качестве основы своего концептуального аппарата ряд фиксированных категорий, он не способен «в полной мере ухватить многомерную систему отношений доминирования и подчинения» [3, с. 124].

Аргументы против социального иерархизма часто основываются на его несправедливости. Иерархия предполагает наличие предопределенных позиций, где люди занимают разные уровни власти и привилегий. Однако как указывает Г. Ю. Канарш, «человечество всегда стремилось к большему равенству, однако в разные эпохи равенство принимало различные модификации, нередко соседствуя с откровенным неравенством» [4, с. 106].

Кроме того, наличие иерархии приводит к асимметрии власти и авторитета, создавая условия для злоупотреблений. Высшие чины, обладая большим правом и влиянием, нередко игнорируют интересы и нужды своих подчиненных, поскольку, как указывает А. В. Рыбьякова, «обладание социальным капиталом создает благоприятные условия для социального продвижения» [6, с. 66].

Хотя проблематика эгалитаризма традиционно находится в фокусе внимания социальных философов, до недавнего времени в философской литературе отсутствовали концептуальные исследования, обобщающие либеральную аргументацию в пользу антииерархизма. Систематизацию аргументов против социальной иерархии в итоге выполнил профессор философии Калифорнийского университета в Беркли Н. Колодни, чья книга «Порядок иерархии: социальная иерархия как философская проблема» [1], вышедшая в 2023 г., стала своеобразным компендиумом современного антииерархизма.

Фундамент аргументативной стратегии Н. Колодни составляют моральные возражения против социальной иерархии. Иерархия в обществе часто становится причиной формирования ощущения неполноценности у отдельных индивидов. Когда люди ставятся ниже других в социальной иерархии, возникает не только физическое, но и психологическое разделение. Это негативно сказывается на их самооценке. Иерархизм особенно заметен в профессиях и институтах, где ранжирование определяется на основании статуса, возраста или уровня власти. В итоге это приводит к снижению мотивации и развитию барьеров на пути социального роста у тех, кто оказывается в нижних эшелонах иерархической структуры.

Н. Колодни указывает, что фундаментальное моральное требование, соответствующее базовым моральным интуициям человека, заключается в необходимости противодействовать несправедливому социальному ранжированию. Лишь в том случае, если иерархия смягчена через обеспечение равных возможностей для всех, можно говорить о допустимости этой иерархии. Общества, которые принимают на вооружение принципы антииерархизма, способны создавать более инклюзивную среду [7, с. 22].

Поддерживая иерархические структуры, люди распространяют идею о неполноценности отдельных индивидов, выступающую основой для дискриминации, предвзятости и социального неравенства. Это противоречит базовым принципам справедливости и равенства, которые должны лежать в основе любой либеральной теории.

При этом не всякая социальная иерархия однозначно трактуется Н. Колодни как морально предосудительная. Непредосудительные иерархии, например, такие как власть бортпроводников или школьных учителей, воспринимается моральным чувством человека как необходимый компонент социального управления. Они не вызывают серьезных моральных возражений.

С другой стороны, предосудительные иерархии порождают асимметрию власти и авторитета. В случаях злоупотребления властью, неэффективного управления или игнорирования интересов менее привилегированных групп, предосудительные иерархии подрывают доверие в обществе и могут привести к социальным конфликтам, поскольку «манифестация власти через авторитет присуща, в первую очередь, иерархическим обществам» [9, с. 16].

Одним из возможных способов решения данной проблемы является концепция сенситивного общества. Такая социальная организация предполагает наличие некоторых чувствительных точек, которые могли бы служить индикаторами для выявления тех или иных противоречий, позволяя тем самым попытаться решить их на ранних стадиях, пока деструктивный процесс не вступил в критическую фазу.

В современной либеральной философии антииерархизм проявляется в двух основных формах. Первая форма вступает с обоснованием демонтажа существующих иерархий, вместо которых должны быть созданы новые институты, основанные на принципах эгалитаризма. Вторая форма антииерархизма более умеренная: она не отвергает иерархию полностью, а сосредотачивается на смягчении ее негативных последствий. Такой подход обретаet свое «идейно-теоретическое наполнение в странах с многовековой культурой свободной рыночной экономики и либеральной трактовкой прав и свобод человека» [8, с. 22].

Данная форма предполагает введение дополнительных привилегий, которые помогают выравнивать асимметрию власти и авторитета. К примеру, такие механизмы могут включать участие всех заинтересованных сторон в процессе принятия решений или создание платформ для открытого диалога между разными уровнями управления.

Обе формы антииерархизма, хотя и различаются по своим методам, апеллируют к методам построения более справедливого общества. Критика традиционных иерархий остается центральным элементом обеих позиций. Антииерархизм по своему существу подчеркивает важность социальных изменений для достижения равных возможностей для всех членов общества.

Выводы

Антииерархизм представляет собой совокупность характерных черт различных направлений философской мысли либеральной направленности. Антииерархизм противопоставляет традиционным иерархическим структурам, которые рассматриваются как средства закрепления социального неравенства и неравного распределения социальных благ. Это движение против иерархии подразумевает критический взгляд на традиционные институты. Тем не менее, антииерархизм в современном либерализме

ме не всегда определяется исключительно отрицанием иерархии; он также включает в себя поиски новых форм социальной организации. Демонтаж традиционных иерархических структур может дополняться идеями построения горизонтальных моделей управления, а также предоставления дополнительных привилегий для представителей низших ступеней социальных иерархий. Антииерархические подходы нацелены на целостное признание индивидуальности каждого человека вне зависимости от его статуса в иерархической структуре.

Литература

1. Kolodny N. The Pecking Order: Social Hierarchy as a Philosophical Problem. Cambridge: Harvard University Press, 2023. 496p.
2. Горшков М.К. Социальная справедливость и неравенства как объект социологической диагностики // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 150–172.
3. Жесько Э.М., Петрухин Л.Н. Интерсекциональный подход к изучению неравенства: групповой научно-образовательный проект // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 113–128.
4. Канарш Г.Ю. У истоков проблемы равенства. Часть I // Знание. Понимание. Умение. 2024. № 1. С. 105–123.
5. Макарова А.Ф. Равенство и неравенство в философии Н.А. Бердяева // Философия и общество. 2020. № 2 (95). С. 137–154.
6. Рыбьякова А.В. Социологическая трактовка идеи социальной мобильности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 2. С. 59–71.
7. Сечин Д.С. Дорога к утопии вымощена противоречиями: теоретическое осмысление принципа равенства // Журнал ВШЭ по международному праву. 2024. Т. 2. № 1. С. 19–37.
8. Тарасов О.И. Консерватизм: сохранение или реставрация? // Научно-информационный журнал Армия и общество. 2012. № 4 (32). С. 19–23.
9. Филиппов А.Р., Новиков О.Г. Теоретические подходы к исследованию общественного согласия // Социально-политические науки. 2023. Т. 13. № 5. С. 13–28.

ANTI-HIERARCHISM IN MODERN LIBERALISM

Primak N.A.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article raises a significant theoretical problem of anti-hierarchy as an element of modern trends of liberal thought in social philosophy. Anti-hierarchy opposes a whole range of conservative philosophical theories. Despite the widespread coverage of the problems of social inequality and the disproportionate distribution of social benefits in society, a detailed justification of anti-hierarchy as a characteristic feature of liberal philosophy has not yet been presented in the scientific literature. Using a dialectical method and a method of interpreting philosophical ideas, the author reveals in the article the main content of anti-hierarchical discourse, reveals its connection with the current problematic field of liberal philosophical thought. As a result, it is concluded that anti-hierarchy is an element of various trends in liberal philosophical thought aimed at transforming existing social structures. One of the possible ways to solve this problem is the concept of a sensitive society.

Keywords: social hierarchy, inequality, asymmetry of power, liberal philosophy, authority.

References

1. Kolodny N. The Pecking Order: Social Hierarchy as a Philosophical Problem. Cambridge: Harvard University Press, 2023. 496p.
2. Gorshkov M.K. Social justice and inequalities as an object of sociological diagnostics // Russia is reforming. 2023. № 21. P. 150–172.
3. Zhesko E.M., Petrukhin L.N. Intersectional approach to the study of inequality: a group scientific and educational project // Interaction. Interview. Interpretation. 2024. Vol. 16. № 2. P. 113–128.
4. Kanarsh G. Yu. At the origins of the problem of equality. Part I // Knowledge. Understanding. Ability. 2024. № 1. P. 105–123.
5. Makarova A.F. Equality and inequality in the philosophy of N.A. Berdyaev // Philosophy and Society. 2020. № 2 (95). P. 137–154.
6. Rybyakova A.V. Sociological interpretation of the idea of social mobility // Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences. 2020. № 2. P. 59–71.
7. Sechin D.S. The road to utopia is paved with contradictions: a theoretical understanding of the principle of equality // HSE Journal of International Law. 2024. Vol. 2. № 1. P. 19–37.
8. Tarasov O.I. Conservatism: preservation or restoration? // Scientific information journal Army and Society. 2012. № 4 (32). P. 19–23.
9. Filippov A.R., Novikov O.G. Theoretical approaches to the study of social harmony // Socio-political sciences. 2023. Vol. 13. № 5. P. 13–28.

Романов Дмитрий Дмитриевич,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры социальной философии
ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»
E-mail: romanovbook@yandex.ru

Сурова Елизавета Дмитриевна,

аспирант кафедры социальной философии ФГАОУ ВО
«Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы»
E-mail: e.d.surova@gmail.com

Статья посвящена анализу многообразия подходов к исследованию социального мифа. Мифология является неотъемлемой сферой социальной реальности, однако, среди исследователей существуют различные, часто исключаящие друг друга интерпретации социальной роли мифа. Исследование социального мифа проводится через определение мифа как социокультурного явления в целом, анализ подходов к пониманию которого неизбежно приводит к проблеме его места в общественной жизни. Спектр интерпретаций расходится от понимания социального мифа как заблуждения и опасного для гармоничного развития общества не подкрепленного объективными наблюдениями верования до конституирования необходимости функционирования механизмов мифа в любом обществе. Делается вывод, что введенный Ж. Сорелем термин «социальный миф» должен быть содержательно дополнен с учетом анализа подходов к исследованию понятию мифа в целом.

Ключевые слова: миф, социальный миф, классический миф, мифология, семиотическая теория.

Введение

Цель статьи: на основе выявления многообразия подходов к исследованию социального мифа определить проблемы и указать перспективы в его исследовании.

Задачи: 1. Провести анализ трактовок социального мифа и выявить многообразие подходов к определению данного понятия. 2. На основе анализа актуальных подходов в понимании социального мифа, сформулировать проблемы в его исследовании. 3. Рассмотреть проблемы в изучении понятия «социальный миф» и наметить перспективы их разрешения.

Актуальность. Несмотря на то, что изучение социального мифа началось еще в Античности, а актуальность его исследования в последние годы только возрастает, теория социального мифа на данный момент не обладает достаточной степенью разработанности. Актуальность и возникающие проблемы исследования социального мифа обусловлены изучением предмета в контексте различных сфер общественной жизни, его междисциплинарностью. В этой связи видится значимым акцентирование внимания на обилие подходов в его интерпретации, которые как дополняют, так и исключают друг друга.

Основное содержание

Появление самой формулировки «социальный миф» относится к концу XIX – началу XX века и связано с Ж. Сорелем. Он применил понятие мифа для описания социально-политических явлений [12] и утверждал, что миф – это «массовое увлечение ложными политическими идеями и иллюзиями» [там же, с. 14]. Миф, согласно Ж. Сорелю, это «нечто интуитивно цельное, символически образное, не поддающееся разложению, необходимый элемент мировосприятия любой социальной группы, выражение воли к власти группы или класса, возглавляющего социальное движение» [там же, с. 18]. Таким образом, социальный миф выступает здесь как необходимый элемент самосознания социальной группы, базирующийся на императиве убеждения и веры.

Указанные черты социального мифа могут быть применены и к понятию классического мифа. А.Л. Топорков указывает на наличие общих черт между социальными и классическими мифами.

1. Они не только помогают понять существующую реальность, но и формируют определенное представление о будущем.

2. Организуют и регулируют поведение как отдельных людей, так и целых групп.

3. Мифологизация прошлого, присутствующая в мифологическом сознании каждой исторической эпохи, служит основой для актуализации настоящего.

4. Социальный и классический мифы не требуют подтверждения ни от носителей традиции, ни от сторонников прогрессивных идей [15]. Таким образом, можно предположить, что понятие «миф» включает в себя понятие «социальный миф», и определение «социального» лишь акцентирует внимание на возможность применения мифологического уровня интерпретации реальности в описании социально-политических явлений.

Обозначенная проблема соотношения социального и классического мифа вытекает из проблемы определе-

ния мифа как такового. Уже в Античности складываются противоречия в подходах к осмыслению мифа. Наряду с аллегорическим истолкованием присутствует и символическая, и эвгемеристическая интерпретации. Внутри аллегорической формы выделяются два аспекта – общее и единичное, при этом второе всегда подчинено первому и практически нивелировано отвлеченностью выражения. В эвгемеристической форме трактовки историцизм вытесняет любые другие онтологии, претендуя на абсолютную значимость. Символическая же форма, напротив, акцентирует на исключительной значимости эйде-тических структур, часто игнорируя значение историко-эволюционных процессов. Таким образом, можно обнаружить противоречия между взглядами на миф внутри этих парадигм интерпретации. Однако противоречия присутствуют как внутри каждого из аспектов трактовки, так и в различные эпохи развития философской деятельности человечества, где та или иная форма превалирует.

В Средние века происходит дискредитация античной мифологии как важнейшего порождающего ценности принципа, аллегорическая форма интерпретации мифологического языка ориентируется в первую очередь на ближневосточную культуру. Интерес к мифу возрождается у гуманистов эпохи Ренессанса, которые возвращаются к античности и видят в древнегреческом символизме выражение чувств и страстей освобождающейся и осознающей себя личности. С открытием Америки и знакомством с культурой американский индейцев связано появление сравнительной мифологии. Деятели французского Просвещения мифология рассматривается уже эвгемерически как суеверие, продукт невежества и обмана. Романтическая традиция интерпретировала мифологию как эстетический феномен, занимающий промежуточное положение между природой и искусством, конституируя синтетическую форму интерпретации.

В XIX–XX вв. происходит смещение ракурса внимания на исследование мифа в контексте первобытных обществ, на структурную интерпретацию мифологием. Несмотря на это, сложившиеся в указанный период теории мифа могут быть применены в рамках современных исследований, поскольку, согласно Э. Дюркгейму, все «общества суть лишь различные комбинации одного и того же исходного общества» [3, с. 425]. К данным теориям относятся, в частности, лингвистическая (М. Мюллер), анимистическая (Э.Б. Тайлор), ритуалистическая (Дж.Дж. Фрэнгер), функциональная (Б. Малиновский), структуралистская (А.Р. Рэдклифф-Браун, К. Леви-Стросс), психоаналитическая (В. Вундт, З. Фрейд, К.Г. Юнг), и социологическая (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль) теории.

В рамках лингвистической теории складывается идея о связи между мифом и языком, а именно указание на присущую им обоим метафоричность. В связи с тем, что словарный запас древнего человека был ограничен, одними и теми же метафорами обозначались различные предметы и явления. Миф возник как результат повторения этих метафор тогда, когда они продолжали использоваться, несмотря на утрату их первоначального значения и отсутствия понимания причин их возникновения: «мифология – не что иное, как особая речь, древнейшая оболочка языка» [10, с. 121]. Отталкиваясь от указанных идей М. Мюллера, можно предположить, что мифом является определенный оборот речи, смысл которого однозначен и неоспорим, при этом неясно как его происхождение, так и то, почему именно это слово или сочетание слов дает определенное значение.

Если в лингвистической теории мифичностью обладает некоторый оборот речи, то в анимистической – некоторая идея материального объекта. Согласно данной теории, первобытный человек, пытаясь объяснить мир, пришел к мысли о наличии духовных трансцендентных существ, которые управляют природными вещами. Их олицетворением являются идолы и фетиши [14, с. 212]. Миф, по Э.Б. Тайлору, – аналогия между духами и их физическим обликом. Миф понимается Тайлором как древнейшая форма объяснения мира, способность к которой возникает в результате эволюции.

Ритуалистическая теория так же, как и анимистическая, опирается на особенности эволюции человеческого сознания, в ней также акцентирована объяснительная функция мифа. Однако если у Тайлора миф является только способом объяснения мира, то у Дж.Дж. Фрэнгера миф – способ объяснения действий, направленных на постижение мира. Он указывает: «Миф изменяется, в то время как обычай остаётся неизменным, и люди следуют обычаям своих предков, хотя причины, по которым предки эти обычаи соблюдали, давным-давно пришли в забвение. В истории религии неизменно присутствует стремление примирить древний обычай с его современным истолкованием, то есть создать здравую теорию, объясняющую абсурдную практику» [16, с. 136]. Таким образом, ритуалистическая теория утверждает, что действие первично и субстанциально, а культура интерпретации, частью которой является миф, выступает динамической системой, трансформирующейся в процессе эволюции.

На фоне критики эволюционизма в науке о первобытности сложились две школы – функционализм и структурализм. Согласно методологии функционализма, сущность культуры должна выводиться из определения тех функций, которые составляют ее целое. Миф выполняет функцию обоснования, но не объяснения, как в рассмотренных ранее анимистической и ритуалистической теориях, он «вступает в действие, когда обряд, церемония, социальный или моральный закон требуют утверждения и подтверждения их древности, реальности и святости» [9, с. 104]. Миф обосновывает заклинание, так как имеет ценностное содержание, в частности апеллирует к предкам. Поэтому важнейшие функциями мифа – регулятивная и легитимизирующая. Структуру мифа составляют правила и нормы, являющиеся общепринятыми в обществе.

Следуя методологии структурализма, на ценностное содержание мифа указывал и А.Р. Рэдклифф-Браун. Согласно ему, общество, подобно живому организму, включает множество структурных элементов, взаимосвязанных между собой, а мифология – один из элементов, связующий другие. Миф является разновидностью таких структурных элементов, как социальные значимости – ценности, определяющие отношение индивида к объекту [11, с. 17]. В этом заключается его роль в соотношении элементов социальной структуры.

Если Рэдклифф-Браун отталкивался от ценностной составляющей мифа, то К. Леви-Стросс исходит из роли мифа в логическом мышлении. Согласно ему, миф восполнял первобытному человеку неопределенность бытия, возникающую на фоне его гипертрофированной способности к абстрагированию: «Миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию – медиации» [7, с. 235]. В данном случае миф приобретает еще и компенсаторную функцию, сфера действия которой находится на границе между психическим и сознательным.

Более подробно эта связь раскрывается в психоаналитических теориях В. Вундта, З. Фрейда и К.Г. Юнга.

Данные исследователи сходятся во мнении, что миф является проекцией окружающего мира, то есть предстает индивиду, исходя из содержания его сознания или же бессознательного. Возникновение мифов связано с особенностями психики древних людей: преобладание эмоционально-аффективной составляющей сознания, первые попытки осуществить социальный контроль путем подавления инстинктов, неокрепшее рефлектирующее сознание и страх обратиться к сфере психического, на котором зиждется миф.

Таким образом, миф может играть важную роль медиатора и компенсаторного актора – являться для индивида способом справиться с аффектами, появляющимися на фоне страха перед загадочностью окружающего мира и потому актуализироваться в кризисные для общества периоды; как способ скрыть особенности психики вне ее защитных механизмов приобретать функцию регуляции деятельности человека и общества; как отражение коллективного бессознательного выступать способом консолидации индивидов. Поэтому К.Г. Юнг заключает: «Вся мифология – это как бы своего рода проекция коллективного бессознательного» [17, с. 126].

На роль мифа в социальной жизни указывает социологическая теория, но внимание здесь акцентируется на объективности общества в отношении отдельных индивидов как первичной реальности. Э. Дюркгейм упор делает на когнитивную составляющую сознания человека, а Л. Леви-Брюль – на эмоционально-аффективную.

Дюркгейм отталкивается от идеи, согласно которой в сознании древнего человека присутствовала способность к классифицированию предметов и явлений, определяющаяся типами имеющихся на тот момент социальных связей [4, с. 87]. Так как типы классификации в первобытном обществе основаны на клановой стратификации, в содержании мифологии заложены особенности социальной организации первобытного общества. Мифология, согласно Дюркгейму, возникает по причине того, что древний человек не имеет возможности рационально описать влияние социальной реальности на внутренний мир индивида.

По Леви-Брюлю, первобытное мышление еще неспособно к абстрагированию и потому подменяет его сопричастием, когда «связи представлений обычно даны здесь вместе с самими представлениями» [8, с. 22]. Возникновение мифа происходит в результате прогресса общества, то есть миф – это более цивилизованный способ обеспечить сопричастие человека с группой.

Отдельно стоит выделить *символическую* (Э. Кассирер) и *феноменологическую* (А.Ф. Лосев) теории, в которых миф исследуется без опоры на исторический и социальный контекст, включая их в себя как свое акцидентальное содержание. Согласно Кассиреру, в мифе ««образ» не представляет «вещь» – он есть эта вещь; он не только ее замещает, но и действует так же, как и она, так что заменяет ее в ее непосредственном присутствии» [5, с. 53]. Следовательно, миф есть пространство действия символа, который одновременно и конкретная определенная формальными признаками вещь, и неопределенно широкое смысловое поле, для которого эта вещь выступает лишь точкой доступа.

Лосев, в свою очередь, производит разделение мифологии на абсолютную и относительную. Абсолютная мифология – мифология, которая существует как единственно возможная картина мира [6, с. 270], ее можно постичь только через диалектический метод: «Всякое диалектическое определение совершается через противопоставление данной категории ее окружающему фону и через дальнейшее отождествление с ним» [там же, с. 138]. Относительная же мифология проникает во все

сферы бытия, и социальная реальность здесь только одна из возможных перспектив. Это мифология, которая не понимает своей мифологической природы, увлекается частностями, живет приближением к абсолютной мифологии, управляется ею, абсолютизирует один или несколько из ее принципов [там же, с. 270], и поставляет уверенность в своем обладании достоверным описанием реальности. Сюда относится, с точки зрения Лосева, и наука, и художественно-номиналистическая область культуры, и огромная сфера трансцендентально-мистического опыта – все это изобилует относительной мифологией.

В завершение анализа трактовок понятия мифа следует рассмотреть *семиотическую* теорию Р. Барта. Он определяет миф как знаковую систему и опирается на идеи Ф. де Соссюра, согласно которому знаковая система языка структурирована по типу: означающее – означаемое – знак; где означающее есть понятие, означающее – образ, а знак – соотношение обоих (например, слово) [13, с. 136]. Букет роз (означающее) означает любовь (означаемое), совокупность которых есть знак, то есть розы, но в контексте выражения любви. Барт указывает, что розы-означающее пусто, а розы-знак полон, так как представляет собой смысл [1, с. 270].

В мифе, согласно Барту, обнаруживается двухуровневая знаковая система. На первичном, или денотативном, уровне знаковой системы знак имеет буквальный смысл. На вторичном, или коннотативном, – у знака появляется дополнительный смысл [2, с. 341]. Это происходит за счет того, что означающее (форма) во вторичной системе выстраивается на основе знака (смысла) в первичной системе и выводит новое означаемое (понятие) [1, с. 271]. Смысл в первичной системе содержателен, наполнен историей. Выведенное на его основе означающее вторичной системы предстает как пустая форма, для «оправдания» которой необходимо появление нового означаемого [там же, с. 275].

Если в знаковой системе языка смысл надстраивается над понятием и образом, то в мифе понятие выводится из формы, за которыми следует значение (знак системы мифа). Миф использует язык в своих целях: форма мифа образуется смыслом в системе языка. Различие между двумя системами заключается в том, что миф отталкивается не от совокупности понятия и образа, а от формы. Отношение смысла и формы как содержательного и пустого; формы и понятия, где второй элемент стирает содержание первого, обуславливает механизм маскировки и воспроизводства мифов.

Означаемое количественно беднее и качественно богаче означающего. Их количественное соотношение объясняется тем, что одно понятие может иметь множество форм. Означаемое, оставаясь неизменным, но вновь и вновь воспроизводит само себя, принимая различные формы. Повторяемость означаемого свидетельствует о скрытых интенциях и служит маркером для мифолога, занимающегося расшифровкой мифа [там же, с. 178]. Качественное соотношение означаемого и означающего заключается в том, что понятие мифа, в отличие от его формы и от языкового понятия, абстрактно, и не всегда к нему можно подобрать четкое словесное выражение, данное в словаре. В противовес форме, понятие предстает как туманность, в которой зыбко прослеживается знание, и его присутствие обусловлено нашей памятью [там же, с. 278].

Мифичность понятия обнаруживается в его повторяемости и актуальности для социокультурной и исторической ситуации. Миф сложно обнаружить, так как он функционирует в рамках замкнутой знаковой системы, где означающее, означаемое и знак бесконечно обусла-

вливают друг друга. Мифическое означающее действует по принципу алиби: форма предстает через смысл, смысл отстраняется через форму; форма присутствует в пустоте, смысл отсутствует в полноте [там же, с. 282]. Это алиби не имеет предела, так как миф имеет ценностную природу, то есть не подчиняется критерию истины. В значении мифа интенция важнее смысла, при этом интенция маскируется смыслом. Значение мифа предстает и как внушение, и как констатация [там же, с. 283]. Таким образом, означаемое, чтобы возникнуть, уничтожает смысл означающего, и прикрывается смыслом, чтобы остаться незамеченным. Действуя скрытно, оно бесконечно воспроизводится.

Основным отличием теории Барта от предшествующих является указание на возможность практического применения мифа в контексте современности, в том числе искусственного его конструирования. Теорию Барта объединяет с другими то, что в ее рамках допускается возможность и стихийного возникновения мифа.

Заключение

1. Введенное Сорелем понятие «социальный миф» следует содержательно дополнить для интеграции в современное поле социогуманитарных исследований в виду универсальности и многоаспектности его интерпретационного потенциала.
2. Проведенный анализ трактовки понятия социального мифа позволил наметить ряд актуальных подходов к его исследованию, необходимость которых объясняется появлением новых теорий мифа в целом; среди этих подходов основными являются лингвистический, анимистический, ритуалистический, функциональный, структуралистский, психоаналитический, социологический и семиотический.
3. Проблемы в современном изучении социального мифа связаны, прежде всего, с вопросом его возникновения, которое может быть эксплицировано и как стихийное, и как искусственное. Предпочтение той или иной гипотезы в исследовании возникновения может быть объяснено как выбором методологической перспективы, так и социально-политической установкой идентичности самого исследователя.

Литература

1. Барт Р. Миф сегодня // Мифологии. – М.: Академический Проект, 2008. – С. 265–323.
2. Барт Р. Основы семиологии // Нулевая степень письма. – М.: Академический Проект, 2008. – С. 273–348.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 575 с.
4. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии: сост. А.Г. Гофман. – М.: КДУ, 2011. – С. 55–124.
5. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 280 с.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. – 320 с.
7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
8. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление. – М.: Атеист, 1930. – 337 с.
9. Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М.: Рефлук, 1998. – 304 с.

10. Мюллер М. Сравнительная мифология. – М.: тип. Грачева и К°, 1863. – 122 с.
11. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. – М.: Восточная литература, 2001. – 304 с.
12. Сорель Ж. Размышления о насилии. – М.: Фаланстер, 2013. – 293 с.
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию: под ред. М.А. Обориной. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
14. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. – М.: Политиздат, 1989. – 576 с.
15. Топорков А.Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие / А.Л. Топорков // Соционика, психология и межличностные отношения: человек, коллектив, общество. – 2008. – № 12. – С. 3–10.
16. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 2: Гл. XL–LXIX. – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – 496 с.
17. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 336 с.

SOCIAL MYTH: RESEARCH PROBLEMS

Romanov D.D., Surova E.D.

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The article is devoted to analyzing the diversity of approaches to the study of social myth. Mythology is an integral sphere of social reality, however, there are different, often mutually exclusive interpretations of the social role of myth among researchers. The study of social myth is conducted through the definition of myth as a socio-cultural phenomenon in general, the analysis of approaches to understanding which inevitably leads to the problem of its place in social life. The range of interpretations diverges from understanding social myth as a delusion and dangerous for the harmonious development of society unsupported by objective observations to the constitution of the necessity of functioning mechanisms of myth in any society. It is concluded that the term "social myth" introduced by Sorel should be substantially supplemented taking into account the analysis of approaches to the study of the concept of myth in general.

Keywords: myth, social myth, classical myth, mythology, semiotic theory.

References

1. Barthes R. Myth Today // Mythologies. – М.: Academic Project, 2008. – P. 265–323.
2. Barthes R. Basics of Semiology // Zero Degree of Writing. – М.: Academic Project, 2008. – P. 273–348.
3. Durkheim E. On the Division of Social Labor. The Method of Sociology. – М.: Nauka, 1991. – 575 p.
4. Durkheim E., Moss M. On Some Primitive Forms of Classification // Moss M. Societies. Exchange. Personality. Works on Social Anthropology: compiled by A.G. Hoffman. – М.: KDU, 2011. – P. 55–124.
5. Cassirer E. Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2. – М.; СПб.: University Book, 2002. – 280 p.
6. Losev A.F. Dialectics of Myth. – СПб.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2023. – 320 p.
7. Levi-Strauss K. Structural Anthropology. – М.: EKSMO-Press, 2001. – 512 p.
8. Levy-Bruhl L. Primitive Thinking. – М.: Atheist, 1930. – 337 p.
9. Malinovsky B. Magic, Science and Religion. – М.: Refl-book, 1998. – 304 p.
10. Müller M. Comparative Mythology. – М.: type. Gracheva and K°, 1863. – 122 p.
11. Radcliffe-Brown A.R. Structure and Function in Primitive Society. – М.: Eastern Literature, 2001. – 304 p.
12. Sorel J. Reflections on Violence. – М.: Phalanster, 2013. – 293 p.
13. Saussure F. de. Course of General Linguistics // Saussure F. de. Works on Linguistics: edited by M.A. Oborina. – М.: Progress, 1977. – 695 p.

14. Taylor E.B. Primitive Culture. – M.: Politizdat, 1989. – 576 p.
15. Toporkov A.L. Myths and Mythology of the 20th Century: Tradition and Modern Perception / A.L. Toporkov // Socionics, Psychology and Interpersonal Relations: Man, Collective, Society. – 2008. – № 12. – P. 3–10.
16. Frazer J. The Golden Bough: A Study of Magic and Religion: In 2 vols. Vol. 2: Ch. XL–LXIX. – M.: TERRA-Book Club, 2001. – 496 p.
17. Jung K.G. Problems of the Soul of Our Time. – M.: Progress: Univers, 1994. – 336 p.

Цифровая идентичность в пространстве цифровых коммуникаций

Тазов Петр Юрьевич,

старший преподаватель кафедры маркетинга ФГБОУ ВО
«Государственный университет управления»
E-mail: vetr@yandex.ru

В статье речь идет о процессах, сопутствующих усилению и ослаблению цифровой идентичности. К процессам усиливающим цифровую идентичность автор относит «виртуальное поглаживание», выражающееся в лайках, репостах, комментариях в пространстве цифровых коммуникативных инфраструктур (социальные сети, цифровые коммуникативные площадки, форумы и пр.). В качестве инструментов ослабления цифровой идентичности рассматривается «цифровой остракизм». Также социально-философской рефлексии подвергаются коммуникативные аспекты цифровых коммуникаций в их тесной связи с процессами моделирования цифровой идентичности, которая рассматривается исключительно в связи с цифровыми коммуникациями, в рамках которых и происходит конституирование всех цифровых конструктов искусственной социальности (цифровая идентичность, цифровая социальность, цифровые диспозиции).

Ключевые слова: цифровые коммуникации, цифровое отчуждение, цифровые инфраструктуры, цифровая идентичность.

Активное вовлечение социальных субъектов в цифровую коммуникацию постепенно сменяются разочарованием. Как отмечает Е.Э. Бойкина «Постепенно к нам приходит осознание того, что социальная коммуникация в эпоху техноференса подобна каламбуру «связь не связывает»: ослабляет эмоциональные связи и, наоборот, приводит к разобщению людей» [1, с. 137]. А иллюзии принятия и одобрения приходят на смену цифровому отчуждению. Говоря о последней Дж.Ч. Веласко отмечает ее стремительность «...распространяется в социальных сетях, как лесной пожар», и «вирулентно неуправляем» [2, с. 2].

Очевидно, что цифровая среда формирует и цифровую (искусственную) социальность, которая строится в ходе цифровых коммуникаций, усиливается принятием, разрушается отчуждением. А.А. Лисенкова отмечает, что происходит «автоконструирование собственной личности в пространстве цифровой виртуальной среды» [3, с. 245].

Инструменты этого процесса конкретны и отражаются в возможностях цифровых инфраструктур конструирования цифровой идентичности. К таким цифровым инфраструктурам можно отнести мессенджеры, социальные сети, виртуальные игры, маркетплейсы.

Взгляды на процесс конструирования идентичности в цифровой среде разнятся и нет единой точки зрения в научном сообществе относительно данного вопроса. «Идентичность превращается в искусственную конструкцию, продукт воображения, с воспроизводимыми дискурсивными нарративными практиками, так называемую *брендовую идентичность* (выделено мной – Т.П.), с постоянными характеристиками *фрагментарности* и *дискретности* (выделено мной – Т.П.),» [4, с. 29–30]. Однако, если создание виртуальной (цифровой идентичности) подразумевает создание «цифрового бренда», то он скорее будет целостным, идеалистическим. В тоже время, говорить о том, что всякая цифровая идентичность есть личный бренд было бы неверно. Безусловно, цифровая идентичность есть цифровой конструкт на основе деятельности в цифровой среде. Но направленность этого конструкта зависит от потребностей личности и желания сделать этот конструкт публичным. Иными словами, результат самовыражения в цифровой среде не всегда есть следствие формирования цифровой идентичности, как и не всякое самовыражение направлено на то, чтобы сделать ее идеалистической. В целом, говорить о бренде применимо к цифровой идентичности неверно. Бренд – это концепция, направленная на создание модели коммуникации с потенциальной аудиторией (в маркетинге). В цифровой коммуникации – это модель желаемого взаимодействия с партнером по коммуникации. Встает вопрос о соотношении цифровой идентичности, которая формируется на основе деятельности в цифровой среде (общение, покупки и пр.) и самопрезентации себя в цифровой инфраструктуре социальных сетей, мессенджеров и пр., к которой можно как раз отнести создание «личного цифрового бренда».

При этом фрагментарность, дискретность и другие характеристики цифровых каналов коммуникации напрямую зависят от цифровых инфраструктур (чаты в мессенджерах и социальных сетях, приложения для знакомств, маркетплейсы и пр.). – везде есть разные

возможности для самовыражения, коммуникации и построения цифровой идентичности. Исходя из множества определений цифровой (виртуальной) идентичности необходимо дать определение исходя из тех особенностей, которые мы выделили. *Цифровую идентичность мы понимаем как систему цифровых ролей и цифровых ролевых диспозиций, которая актуализируется и существует в цифровой среде. В этом случае онтологические аспекты цифровой идентичности обусловлены системой цифровой коммуникации и цифровых инфраструктур (каналов коммуникации), в рамках которых и конституируется цифровая идентичность.* При этом важно отметить, что актуализация цифровой идентичности из «спящего» состояния в активное возможно только в условиях цифровых коммуникаций, а если точнее – цифровых коммуникативных инфраструктур. Цифровую инфраструктуру мы понимаем как *пространство цифровых возможностей для удовлетворения определенных потребностей (общения, самовыражения, получения эмоций и пр.).* Ряд цифровых инфраструктур сочетают в себе как функции электронной торговли, так и коммуникативные функции. А цифровые инфраструктуры виртуальных игр позволяют не только играть, но обмениваться сообщениями, получать рассылки и пр.

Та динамика, которая обуславливает построение цифровой идентичности сказывается на системе цифровых диспозиций, актуализированных в связи с цифровыми ролями в рамках цифровых коммуникаций. Вызывает тревогу то, что стремительность трансформационных процессов в цифровой среде может сказаться и на построении «цифровых ценностей» – динамической системе внутренних ориентаций личности. Насир Пекари и Хади Махдоми отмечают, что современный мир способствует быстрой смене ценностей у людей, а значит и формированию ложных ценностей, на основе которых формируется идентичность [5]. Встает вопрос о переходе цифровых ценностей в реальные и условиях такого перехода. Очевидно, что при синхронизации условий цифровой и реальной деятельности возможны попытки реализовать в реальности то, что было в цифровом пространстве. При этом, системы цифровых ролевых установок и связанные с ними ценностные ориентации также могут быть ограничены цифровым бытием, не переходя в реальную деятельность. Для их перехода в систему реальных ценностей необходимо деятельностная связь между реальной и виртуальной идентичностью, то есть переход цифровых ролей в реальные. Что же является факторами формирования цифровой идентичности? По мнению Э.О. Рясиной это «неудовлетворенности своими реальными образами, кризис самоидентификации, наличие широких возможностей для реализации своих желаний и потребностей, анонимность, большой объем уже готовой шаблонной информации для создания образа» [6].

При этом, все более рельефно встает проблема конфликта между цифровыми конструктами (цифровая идентичность, цифровые ролевые диспозиции и др.) и реальными структурами личности особенно в силу разных «весов» признания и одобрения и конечно отчуждения. «Примеряя на себя роли, которые по тем или иным причинам оказались ему недоступны в реальной жизни, сознательно искажает информацию о себе, стараясь таким образом выразить свои субъективные представления об идеальном Я и самореализоваться» [7, с. 118]. Реализация «идеального Я» в цифровых коммуникаций и отсутствие такой возможности в реальном мире подчас может привести к внутреннему конфликту, результат которого возможен как в сторону принятия несоответствия между реальной и цифровой идентичностью, так

и окончательный «уход» в цифровые коммуникации (при разительном отличии реальной идентичности от цифровой в сторону последней).

В ряде недавних исследований, посвященных виртуальной идентичности на основе оценок экспертов по отчетам о поведенческой активности пользователей утверждается, что профили пользователей социальных сетей достаточно корректно отражают их реальную личность и «истинное Я» [8; 9]. Однако, возникает вопрос – чем обусловлен процесс конструирования цифровой идентичности – Я идеальным или популярными образами в цифровой среде в рамках определенных субкультур? Насколько реальной и искусственная социальность обуславливает формирования цифровой идентичности?

Принятие / отчуждение в цифровых коммуникаций и цифровая идентичность

Можно выделить ряд противоречий цифровых коммуникаций. С одной стороны это быстрота и скорость создания коммуникации, комфорт, удобство, мобильность, с другой – социальный остракизм, обусловленный в том числе отсутствием визуального контакта и других аспектов и проявляющиеся в таких явлениях как «гостинг», «фаббинг» и др. Сам термин остракизм был предложен Вильямсом и связан с нарушением фундаментальных потребностей принадлежности в самоуважении и контроле, снижением эмоционального фона, что способствует депрессии и аутоагрессии [9]. «Приводными ремнями», образно говоря, процесса коммуникации в том числе выступает «номофобия» – страх остаться без мобильного телефона и страх выпасть из потока общения. С одной стороны это приводит к постоянному нахождению около телефона с другой – влечёт за собой «техноференс» (вмешательство технологий реальные коммуникации между близкими людьми).

Активный процесс коммуникации, комфорт и видимая безопасность общения приводит к большому количеству контактов и насыщенной коммуникации. Для того чтобы их «оптимизировать», партнёры по коммуникации могут как говорить «уйти по-английски» (не прощаясь). Для описания этого феномена используются такой термин как «гостинг» – быстрый выход из коммуникации без каких-либо социальных ритуалов, сила которых в условиях виртуальной коммуникации, отсутствия социального контроля, а также анонимности и отсутствию телесности может снижаться. В результате, лёгкость, простота, открытость, доступность, комфорт цифровых коммуникаций очень часто оборачивается цифровым отчуждением. Очевидно, что в условиях все большей дистанцированности и атомизации возникает потребность в дополнительных стимуляциях Эго, цифровой идентичности, которая реализуется в цифровых коммуникациях.

Быстрое принятие и быстрое отчуждение в цифровом пространстве влечет за собой как возможности, так и риски для субъектов. С одной стороны, принятие и поддержка в цифровой реальности усиливает цифровую идентичность. С другой – делает субъекта зависимым от абстрактных партнеров по коммуникации, создает риски намеренной трансформации смыслов и ценностей анонимными пользователями. Отчуждение и разорванная дискретная коммуникация истощает субъекта, вымывает реальные эмоции, переводя их в текст и обмен голосовыми сообщениями. Что в конечном итоге не влечет за собой эмоциональный обмен и духовное развитие в ходе общения. Остро встает вопрос об ответственности за цифровой остракизм партнерами по коммуникации и в глобальном плане – формирование цифровой этики, этики поведения в цифровых коммуникациях.

Выводы

Становится ясно, что проникновение цифровых коммуникаций в жизнь социальных субъектов все большее влияет на их сознание, формируя искусственную социальность и цифровые роли, цифровые установки и пр. В ходе этой коммуникации возникает цифровое принятие и цифровое отчуждение (цифровой остракизм). Социально-философская рефлексия формирования цифровой идентичности в условиях цифровой среды ставит ряд вопросов. На сколько цифровые инфраструктуры способны влиять не только на цифровую идентичность, но и на реальную идентичность, и в целом личность социального субъекта? Кроме того, встает вопрос о взаимодействии между цифровыми конструктами (цифровая идентичность, цифровые ролевые диспозиции и др.) и реальными структурами личности. Важно понимать, при каких условиях цифровая идентичность, цифровые ценности, цифровые ролевые диспозиции могут трансформироваться в реальные. Ответы на эти вопросы позволят спрогнозировать риски дальнейшего развития цифровых коммуникаций, оценить их влияние на сознание социальных субъектов и определить меры защиты от негативных последствий цифровых коммуникаций.

Литература

1. Бойкина Е.Э. Современные лики социального остракизма: гостинг, орбитинг, фаббинг, культура отмены [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 2. С. 137. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110212>.
2. Velasco J. Ch. You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purgings // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2020. Vol. 12. № 5. 7 p. DOI:10.21659/rupkatha.v12n5.rioc1s21n2.
3. Лисенкова А.А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2021. – 286 с.
4. Лисенкова А.А. Современные подходы к определению феномена культурной идентичности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 6(74).
5. Peikari, N., Lotfi, R., Makhdomi H., (2015) “Social Networks, Cyberspace and Formation of Virtual Identity of the Users”, International Journal of Advanced Studies in Humanities and Social Science (IJASHSS), Volume & Issue, 4 (2), 92–10. – URL: <https://rpedagogy.ru/journal/article/1977/>.
6. Расина Э.О. Структурная композиция виртуального образа личности в контексте российского интернет-пространства [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberpsy.ru/articles/strukturnaya-kompoziciya-virtualnogo-obraza-lichnosti/>
7. Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы. Образование и наука. 2018; 20(5):105–124. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
8. Back, M.D., Stopfer, J.M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S.C., Egloff, B. & Gosling, S.D. (2010). Facebook profiles reflect actual personality not self-idealization. Psychological Science, 21, 372–374.
9. Gosling, S.D., Augustine, A.A., Vazire, S., Holtzman N., Gaddis S. (2011). Manifestations of personality in

online social networks: self-reported Facebook-related behaviors and observable profile information. Cyberpsychology, Behavior and Social Networking, 14, 9, 483–488.

10. Williams K.D. Ostracism // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425–452. DOI:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641

DIGITAL IDENTITY IN THE DIGITAL COMMUNICATIONS SPACE

Tazov P.Yu.

State University of Management

The article deals with the processes accompanying the strengthening and weakening of digital identity. The author considers “virtual stroking” to be processes that enhance digital identity, expressed in likes, reposts, and comments in the space of digital communication infrastructures (social networks, digital communication platforms, forums, etc.). “Digital ostracism”. Also, the communicative aspects of digital communications are subjected to socio-philosophical reflection in their close connection with the processes of modeling digital identity, which is considered exclusively in connection with digital communications, within the framework of which all digital constructs of artificial sociality (digital identity, digital sociality, digital dispositions) are constituted.

Keywords: digital communications, digital alienation, digital infrastructures, digital identity.

References

1. Boykina E.E. Modern faces of social ostracism: hosting, orbiting, fapping, cancellation culture [Electronic resource] // Modern foreign psychology. 2022. Volume 11. No. 2. C. 137. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110212>.
2. Velasco J. Ch. You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purgings // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2020. Vol. 12. № 5. 7 p. DOI:10.21659/rupkatha.v12n5.rioc1s21n2.
3. Lisenkova A.A. Transformation of socio-cultural identity in the digital space – Perm: Perm State Institute of Culture, 2021. – 286 p.
4. Lisenkova A.A. Modern approaches to the definition of the phenomenon of cultural identity // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. – 2016. – № 6(74).
5. Peikari, N., Lotfi, R., Makhdomi H., (2015) “Social Networks, Cyberspace and Formation of Virtual Identity of the Users”, International Journal of Advanced Studies in Humanities and Social Science (IJASHSS), Volume & Issue, 4 (2), 92–10. – URL: <https://rpedagogy.ru/journal/article/1977/>.
6. Rasina E.O. Structural composition of a virtual personality image in the context of the Russian Internet space [Electronic resource]. – URL: <https://cyberpsy.ru/articles/strukturnaya-kompoziciya-virtualnogo-obraza-lichnosti/>
7. Soldatova E.L., Pogorelov D.N. The phenomenon of virtual identity: the current state of the problem. Education and science. 2018; 20(5):105–124. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124>
8. Back, M.D., Stopfer, J.M., Vazire, S., Gaddis, S., Schmukle, S.C., Egloff, B. & Gosling, S.D. (2010). Facebook profiles reflect actual personality not self-idealization. Psychological Science, 21, pp. 372–374.
9. Gosling, S.D., Augustine, A.A., Vazire, S., Holtzman N., Gaddis S. (2011). Manifestations of personality in online social networks: self-reported Facebook-related behaviors and observable profile information. Cyberpsychology, Behavior and Social Networking, 14, 9, pp. 483–488.
10. Williams K.D. Ostracism // The Annual Review of Psychology. 2007. Vol. 58. P. 425–452. DOI:10.1146/annurev.psych.58.110405.085641

Урсул Виталий Игнатович,

к.п.н., доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: vitalii_ursul@mail.ru

Костарев Глеб Павлович,

студент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: glebkostarev2002@gmail.com

В статье рассматриваются современные методы и стратегии информационной войны и манипуляции общественным мнением в контексте управления социумом. Особое внимание уделяется анализу таких подходов, как распространение дезинформации, использование фейковых новостей и целенаправленной пропаганды. Исследование направлено на выявление ключевых методов манипуляции и оценку их воздействия на общественные настроения и политическую стабильность.

Это позволяет понять основные механизмы информационного воздействия, разработать стратегии противодействия информационным угрозам. Описанные методы анализа помогают комплексно оценить текущую информационную ситуацию, включая как медийные, так и цифровые аспекты, что способствует повышению эффективности информационной безопасности и устойчивости общества.

Ключевые слова: информационная война, манипуляция мнением, дезинформация, пропаганда.

Информационное управление социумом является важной составляющей современной политики, экономики и социальных взаимодействий. В условиях глобализации и быстрого развития технологий информация стала не только ресурсом, но и мощным инструментом воздействия на общественное мнение и поведение, особенно в условиях глобальной информационной среды, поэтому влияние информации на принятие решений, формирование политических настроений и социальную стабильность становится все более заметным, особенно в условиях информационных войн и активного использования различных медиа.

Мы наблюдаем широкое применение методов манипуляции информацией, включая дезинформацию, фейковые новости и целенаправленную пропаганду. Эти методы используются повсеместно всеми, это показывает то, насколько значимы стали механизмы информационного влияния [5, с. 81].

Одним из самых распространенных инструментов информационного воздействия является дезинформация. Она выражается в искажении фактов, подделке данных или даже создании вымышленных событий. Главная цель таких действий – запутать людей, заставить их поверить в ложные представления о реальности и таким образом повлиять на их решения.

Дезинформация – это всегда преднамеренный процесс, направленный на создание хаоса, разрушения доверия к официальным источникам, формирование искажённого восприятия реальности. Она охватывает как традиционных СМИ, так и социальных сети, мессенджеров. За примером далеко ходить не надо, так, например, в период пандемии COVID-19 в мессенджерах WhatsApp и Telegram массово распространялась ложная информация о методах лечения и профилактики [1].

Фейковые новости – это ещё один мощный инструмент манипуляции. Они выглядят как настоящие статьи, используют стиль и формат традиционных СМИ, что создаёт обманчивое ощущение правдивости. Такие материалы не только формируют общественное мнение, но порой даже способны дестабилизировать политическую обстановку.

Воздействие дезинформации и фейковых новостей на общественное мнение и политическую стабильность нельзя недооценивать. Они усиливают поляризацию общества, разделяя его на враждующие группы и провоцируя конфликты. Дезинформация способствует подрыву доверия к традиционным медиа, государственным структурам и научным источникам, что ослабляет общественную сплоченность и создает почву для социальной нестабильности. В условиях политической или экономической неопределенности такие информационные атаки могут оказывать значительное влияние на восприятие гражданами реальности и их реакцию на происходящие события. В 2008 году, во время мирового финансового кризиса, распространение ложной информации и слухов о банкротствах и проблемах банков стало причиной паники на рынках. Один из примеров – банкротство банка Lehman Brothers, после которого в СМИ и блогах распространились многочисленные недостоверные сообщения о якобы надвигающихся банкротствах других финансовых учреждений. Эти информационные атаки вызвали массовые распродажи акций, что усугубило кризисную

ситуацию на рынках. Таким образом, фейковые новости и дезинформация значительно усилили экономическую нестабильность и повлияли на восприятие гражданами текущей реальности, вызвав усиление паники и недоверия к финансовой системе [2, с. 8–25].

Пропаганда является одним из старейших и наиболее эффективных методов управления общественным мнением. Ещё в Древнем Риме и Средневековье пропаганда использовалась для укрепления политической и религиозной власти, а в XX веке она стала основным инструментом в периоды войн и конфликтов, мобилизуя общественное мнение и формируя нужное восприятие событий. Например, в 70–80-х годах XX века радиостанция «Голос Америки» активно использовалась для пропаганды и передачи западных идей и ценностей в страны бывшего Советского Союза. Радиостанция вещала на русском языке и была направлена на аудиторию, которая находилась в условиях политических и экономических преобразований, что делало её особенно восприимчивой к информации извне. «Голос Америки» транслировала новости, культурные программы и аналитические передачи, которые часто содержали элементы пропаганды, направленные на поддержку демократических реформ и рыночной экономики. В условиях слабого внутреннего информационного поля и ограниченного доступа к альтернативным источникам информации, радиостанция имела значительное влияние на формирование общественного мнения в постсоветских странах [7].

Одной из ключевых стратегий пропаганды является использование целевых аудиторий и адаптация сообщений под их потребности и ожидания. Для этого применяются сегментация аудитории, анализ её предпочтений и ожиданий, что позволяет формировать персонализированные сообщения. Например, в политической пропаганде используются данные о демографических характеристиках, социальных интересах и предпочтениях избирателей, чтобы создавать сообщения, которые наибольшим образом воздействуют на нужные группы. Ярким примером такого подхода является случай с Cambridge Analytica во время президентских выборов в США в 2016 году. Компания использовала персонализированные данные пользователей Facebook для разработки целевых сообщений, адаптированных под психологические профили избирателей, что позволило более эффективно влиять на их политические предпочтения и поведение [3].

Кроме того, важную роль в современной пропаганде играет использование визуальных и аудиовизуальных средств. Яркие изображения, видеоролики становятся мощными инструментами, позволяющими передавать простые и запоминающиеся сообщения, которые легко распространяются через социальные сети и медиа. Визуальный контент привлекает внимание и оказывает сильное эмоциональное воздействие, способствуя быстрому запоминанию и принятию нужной информации.

Пропаганда активно использует различные каналы, включая цифровые платформы и социальные сети, для достижения своих целей в условиях глобальной информационной среды. Повторение сообщений делает их более запоминающимися и воспринимаемыми как истина, даже если они ложны или вводят в заблуждение. Например, во время выборов 2018 года в России социальные сети, такие как «ВКонтакте» и Telegram, были ключевыми инструментами для продвижения определенных политических сообщений. Регулярное использование цитат известных политиков и деятелей культуры усиливало доверие к этим сообщениям, а их многократное повторение способствовало закреплению в сознании аудитории. Это позволяло эффективно влиять на восприятие

избирателями политической повестки и создавать положительный образ кандидатов [4].

Манипуляция общественным мнением также включает в себя методы «дозирования» информации, когда публикуются лишь те факты, которые выгодны манипулятору, а нежелательные аспекты искажаются. Это может достигаться путем создания альтернативных версий событий, использования эвфемизмов или намеренного искажения фактов. Например, во время нефтяного кризиса 2014 года в России официальные СМИ акцентировали внимание на возможностях для диверсификации экономики и укрепления внутреннего рынка, в то время как негативные последствия, такие как рост инфляции и снижение доходов населения, замалчивались. Это позволяло контролировать восприятие кризиса общественностью и направлять её реакцию в выгодное для власти русло. Манипуляторы часто применяют техники «проблемы-реакции-решения», когда подчеркивается определенная проблема, вызывается реакция аудитории, а затем предлагается решение, которое выгодно инициатору манипуляции.

Современные технологии, такие как искусственный интеллект и алгоритмы машинного обучения, усиливают эффективность пропаганды, позволяя автоматически анализировать и адаптировать содержание в реальном времени. Алгоритмы могут определять, какое сообщение вызывает наибольший отклик у аудитории, и автоматически его оптимизировать. Это позволяет оперативно адаптировать пропагандистские кампании и увеличивать их воздействие.

В условиях активного использования дезинформации, фейковых новостей и пропаганды для манипуляции общественным мнением вопрос информационной безопасности становится ключевым аспектом устойчивости общества. Эффективное противодействие информационным угрозам требует комплексного подхода, включающего правовые, технологические и образовательные меры, направленные на защиту информационного пространства и повышение устойчивости граждан к манипулятивным воздействиям [6].

Одним из основных способов противодействия информационным угрозам является разработка и внедрение правовых механизмов, направленных на борьбу с дезинформацией и пропагандой. Многие страны уже принимают законы, регулирующие распространение ложной информации и предусматривающие ответственность за создание и распространение фейковых новостей. Такие меры включают в себя введение штрафов и других санкций для нарушителей, а также разработку регламентов для социальных платформ и медиа, чтобы они оперативно реагировали на дезинформацию. Примером правовых мер, направленных на борьбу с дезинформацией и фейковыми новостями, может служить закон, принятый в России в 2019 году. Этот закон регулирует распространение фейковой информации в интернете и предусматривает штрафы и другие меры для нарушителей. Согласно закону, платформа обязана удалить недостоверную информацию в кратчайшие сроки. Такие меры помогают бороться с распространением дезинформации и укреплять информационную безопасность [9].

Технологические меры также играют важную роль в обеспечении информационной безопасности. Современные алгоритмы машинного обучения и искусственного интеллекта позволяют разрабатывать системы автоматического обнаружения и блокировки дезинформации в онлайн-пространстве. Такие системы анализируют большие объемы данных, идентифицируют потенциальные фейковые новости и сообщают об их наличии ад-

министраторам платформ или пользователям. Однако эти технологии требуют постоянного совершенствования, поскольку методы распространения дезинформации также эволюционируют.

Образовательные меры являются не менее важным компонентом противодействия информационным угрозам. Повышение уровня медиаграмотности населения помогает людям лучше разбираться в источниках информации, критически оценивать их достоверность и не поддаваться манипуляциям. Разработка образовательных программ по медиаграмотности в школах, университетах и на рабочем месте способствует формированию у граждан навыков критического мышления и анализа информации. В России Министерство просвещения запустило в 2020 году программу «Информационная грамотность», направленную на обучение школьников и студентов распознаванию фейковых новостей и анализа медиаисточников. Эта инициатива помогает формировать устойчивость к манипуляциям в цифровой среде и воспитывать критическое восприятие информации у молодых граждан.

Кроме того, важным аспектом противодействия информационным угрозам является международное сотрудничество. Дезинформация и пропаганда часто имеют трансграничный характер, что требует координированных действий на международном уровне. Страны могут обмениваться информацией о выявленных угрозах, разрабатывать общие стандарты и протоколы для борьбы с дезинформацией, а также проводить совместные кампании по повышению осведомленности и обучению населения. Ярким примером является международное сотрудничество в борьбе с пропагандой террористической организации «Исламское государство» (ИГИЛ). После серии терактов в Европе страны-члены ЕС и США начали координировать свои действия для выявления и блокировки террористического контента в интернете. В рамках этой коалиции были внедрены стандарты по удалению экстремистского материала на цифровых платформах. Ключевым шагом стало сотрудничество с такими технологическими гигантами, как Facebook¹, Google и Twitter, для автоматического распознавания и блокировки контента, связанного с ИГИЛ. В 2017 году была запущена инициатива ООН, направленная на создание алгоритмов для блокировки террористической пропаганды до её массового распространения. Это сотрудничество стало примером того, как международные усилия могут эффективно противостоять дезинформации, исходящей от террористических организаций, и снизить их влияние на глобальной арене.

Наконец, важным элементом является активное участие гражданского общества в борьбе с дезинформацией. Негосударственные организации, медиа и активисты играют ключевую роль в выявлении и разоблачении ложной информации. Они проводят расследования, публикуют отчеты и исследования, а также просвещают общественность по вопросам информационной безопасности. Например, российская организация «Лаборатория цифровых прав» активно занимается разоблачением дезинформации в интернете и проводит регулярные кампании по просвещению граждан о рисках распространения фейковых новостей и манипуляций. Их усилия включают публикацию аналитических отчетов и проведение вебинаров по повышению медиаграмотности среди населения.

Эффективное противодействие информационным угрозам требует комплексного подхода, включающего

¹ Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

правовые, технологические и образовательные меры, которые учитывают как национальные, так и международные аспекты информационной безопасности. Только такой подход может обеспечить эффективную защиту общества от манипуляций и поддерживать высокую степень информационной безопасности в условиях постоянно меняющейся информационной среды.

Литература

1. Ахмед В., Видаль-Алабаль Х., Даунинг Дж., Сегуй Ф.Л. COVID-19 и теория заговора о 5G: Анализ данных из Twitter с помощью методов анализа социальных сетей // Журнал медицинских интернет-исследований. 2020. Т. 22, № 5. DOI: 10.2196/19458.
2. Глазьев С.Ю. Мировой финансовый кризис и его последствия для России // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 8–25.
3. Кэвалладр К., Грэм-Харрисон Э. Раскрыто: 50 миллионов профилей Facebook использованы Cambridge Analytica в крупной утечке данных // The Guardian. 17 марта 2018 года.
4. Коробов А.А. Сетевой и иерархический формат цифровой пропаганды в политическом коммуникативном пространстве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20, № 4. С. 459–463. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-4-459-463.
5. Лебедева Е.Г. Фейковые новости как инструмент манипулятивного воздействия в медиасреде // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2021. № 3 (81).
6. Мусорин В.А. Фейковые новости как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // Вестник экономики, права и социологии. 2020. № 3.
7. Панарин И.Н. Информационная война и Россия: от холодной войны до наших дней. М.: Алгоритм, 2016. 320 с.
8. Совет Европейского союза. Совместная стратегия борьбы с террористической пропагандой в интернете // Совет ЕС, 2017.
9. Федеральный закон № 31-ФЗ от 18 марта 2019 г. о внесении изменений в закон «О средствах массовой информации» // КонсультантПлюс.

INFORMATION MANAGEMENT OF SOCIETY

Ursul V.I., Kostarev G.P.

Bauman Moscow State Technical University

The article examines modern methods and strategies of information warfare and public opinion manipulation in the context of social management. Special attention is given to analyzing approaches such as the spread of disinformation, the use of fake news, and targeted propaganda. The study aims to identify key manipulation techniques and assess their impact on public sentiment and political stability. This allows us to understand the main mechanisms of information impact and develop strategies to counter information threats. The described analysis methods help to comprehensively assess the current information situation, including both media and digital aspects, which contributes to improving the effectiveness of information security and the sustainability of society.

Keywords: information warfare, opinion manipulation, disinformation, propaganda.

References

1. Ahmed W., Vidal-Alaball J., Downing J., Seguí F.L. COVID-19 and the 5G Conspiracy Theory: Social Network Analysis of Twitter Data // Journal of Medical Internet Research. 2020. Vol. 22, No. 5. DOI: 10.2196/19458.

2. Glazyev S. Yu. The Global Financial Crisis and Its Consequences for Russia // *Voprosy Ekonomiki*. 2009. No. 3. pp. 8–25.
3. Cadwalladr C., Graham-Harrison E. Revealed: 50 Million Facebook Profiles Used by Cambridge Analytica in Major Data Breach // *The Guardian*. March 17, 2018.
4. Korobov A.A. Network and Hierarchical Format of Digital Propaganda in the Political Communicative Space // *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology*. 2020. Vol. 20, No. 4. pp. 459–463. DOI: 10.18500/1818-9601-2020-20-4-459-463.
5. Lebedeva E.G. Fake News as a Manipulative Tool in the Media Environment // *Universum: Philology and Arts: Electronic Scientific Journal*. 2021. No. 3 (81).
6. Musorin V.A. Fake News as a Threat to National Security and a Tool of Information Management // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2020. No. 3.
7. Panarin I.N. *Information War and Russia: From the Cold War to the Present Day*. Moscow: Algorithm, 2016. 320 p.
8. Council of the European Union. *Joint Strategy for Combating Terrorist Propaganda on the Internet* // Council of the EU, 2017.
9. Federal Law No. 31-FZ of March 18, 2019, Amending the Law “On Mass Media” // ConsultantPlus.

Идеал равенства в современной социальной теории: истоки и реалии

Шамилева Роза Камилевна,

к.ф.н., доцент кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М.Д. Миллионщикова
E-mail: orda.shamia@mail.ru

Даулеткериев Арби Русланович,

к.ф.н., доцент кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины» Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М.Д. Миллионщикова
E-mail: 110/112.Davlet.2013@mail.ru

В статье представлен сравнительный анализ некоторых теоретических интерпретаций идеи равенства. Истоки классической эгалитарной теории ведут к философии эпохи Просвещения Ж.-Ж. Руссо и именно его концепции равенства, основные положения которой актуализированы в современной идеологии Запада. Наряду с рациональными подходами к анализу философских идей западных исследователей авторами статьи констатируются их негативное отношение к идее равенства, искусственно привязанной к ценности идеи свободы с целью популистских манипуляций. Суть их незамысловатой, на первый взгляд, формулы равенства такова: в силу закономерного характера эскалации социальной дифференциации, наблюдается рост динамики социальных различий и падения уровня жизни отдельных категорий людей, и для общества важно их проявление на качестве жизни основных социальных групп, но не социально уязвимых и малообеспеченных общностей.

Ключевые слова: естественное равенство, естественные права, либеральное равенство, равенство, собственность, социальная дифференциация, социальное равенство, социальные различия, экономическое распределение.

Равенство – один из идеалов общечеловеческих ценностей, смысл и содержание которого обусловлено особенностями различных исторических эпох, отсюда, и неодинаковым уровнем его восприятия в обществе.

Присущая современному миру совокупность различных социальных, классовых, демографических, этических, религиозных и др. признаков указывает на обострение социального неравенства между различными социальными общностями, группами и индивидами.

Тема социального равенства одна из актуальных проблем гуманитарных и социальных наук (истории, философии, социологии, экономики и т.д.). Процесс цифровизации различных практик жизнедеятельности индивидов, наряду с позитивными трансформациями в сфере управления, ведёт и к эскалации социальной дифференциации, социального неравенства обусловленного естественным неравномерным распределением ценностных благ, преимуществ и привилегий.

Естественно, проблема социального неравенства, признаки и формы её проявления являются предметом острой дискуссии современных эгалитарных концепций. Именно в контексте новых форм социальных различий в сфере разделения труда исследуют теорию равенства российские авторы: Заславская Т.А., Голенкова З.Т., Осипова Н.Г., Мартыненко Т.С., Осеев А.А., Челищев В.И. и др.

В основе трактовки равенства лежит концепция обладания человеком «естественных прав» т.е. прирожденных и неотъемлемых прав человека о независимо от этнической, социальной, демографической и других форм принадлежности, реализация которых является одной из ключевых функций общества, государства. Т. Джефферсон (1801–1809), третий президент США, называет эти права неотчуждаемыми, на что было обращено внимание в американской Декларации независимости: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми утверждаются правительства, черпающие свои законные полномочия из согласия управляемых» [1, с. 9].

Если обратиться к истокам современного толкования социального равенства в западной социальной теории, то здесь вырисовывается профиль философии Ж.-Ж. Руссо. В эпоху Просвещения неравенство воспринималось как нарушение естественных прав, т.е. прав прирожденных от природы человека, именно такая позиция была актуализирована в трудах Ж.-Ж. Руссо.

Рассуждения о равенстве, Ж.-Ж. Руссо совпадают с теорией естественного равенства Дж. Локка, который исходил из того, что равенство людей заложено от природы.

Локк писал, что абсолютно все люди являются равными, но это не следует расценивать таким образом, что данное равенство распространяется в целом на общество, т.е. на всех.

Естественная иерархизация общества ставит одних людей выше других по разным критериям: заслугам, достоинствам и статусам. По этой причине превосходство одних следует признать естественным и справедливым. Сам факт различий позиций социального положения ин-

дивидов в иерархии общества в зависимости от заслуг и достоинств, Дж. Локк признаёт справедливым. «Именно о таком равенстве я и говорил, имея в виду то равное право, при котором человек обладает естественной свободой, не обязан подчиняться воле какого-нибудь другого человека» [2, с. 33].

С именем Ж-Ж. Руссо связано происхождение буржуазного эгалитаризма. Центральное место в теории равенства Руссо занимает идея свободы и равенства, полагая, если она не реализуется в практической деятельности, оно не является подлинным. Порождение неравенства исходит из частной собственности, которая является препятствием свободы и равенства [3, с. 276].

Обсуждение

В концепции равенства Ж-Ж. Руссо отсутствует индивидуализм характерный для эгалитарной теории того времени, корень зла социального неравенства мыслитель видит в характере общественно-государственного устройства общества.

В представлениях Ж-Ж. Руссо первопричиной происхождения неравенства в гражданском обществе является появление частной собственности, в основе которой заложено деление людей на имущих и неимущих, социальное противопоставление людей по признакам имущественного различия по принципу – «моё» и «твое» [3, с. 205].

Ж-Ж. Руссо считает появление частной собственности акт насилия и присвоения земельных угодий людьми, лишенных моральных принципов, «честолюбивых и алчных». Понятие собственность, по мнению философа, сложное, «зависящее от многих понятий, предшествовавших, которые могли возникать лишь постепенно, не сразу сложилось в человеческом уме. Нужно было достигнуть немалых успехов, приобрести множество навыков и познаний, передавать и увеличивать их из поколения в поколение прежде чем был достигнут этот последний предел естественного состояния» [4, с. 331].

Однако, видя социальное зло в самой частной собственности он и не ратует за её отмену и не пропагандирует идеи общественной собственности имущества, что было характерно для представлений о равенстве французских утопистов-коммунистов Г. Мабли и Э. Морелли.

На первый взгляд в трактовке права на собственность Ж-Ж. Руссо обнаруживается противоречие в самой идее, объявляя право на собственность священным ровно как и на свободу граждан, заявляя об их ценности, однако, по сути суждение мыслителя связано с отношением к собственности как закономерному, имманентно присущему общественному развитию признаку.

Называя собственность социальным злом, которое невозможно искоренить сполна, французский философ считает, что в эпоху цивилизации государство должно изыскивать пути его обуздания через демократическое правление. Общество должно стремиться к упразднению собственности, во избежание излишеств алчных людей в стремлении к обладанию власти и имущества с целью торжества социального равенства.

Другой подход в понимании равенств мы находим в идеи А. Токвиля – политического мыслителя, оппонента теоретиков демократического правления и равенства, полагающего, что социальное равенство в конечном итоге ограничивает свободу личности. Модель «всеобщего равенства» уступает эффективной модели либерально-го образца [5].

Равенство является одновременно и причиной, и следствием роста экономики, может быть не столь быстро, чем в условиях «laissez-faire», но зато сопрово-

ждаемого более стабильными и мирными отношениями членов общества. Если посмотреть на эгалитарную концепцию Ж-Ж. Руссо с точки зрения XX века, то мы увидим в ней ядро современных либеральных идей:

во-первых, акцент на социальном равенстве, выходящем за пределы формального правового равенства; во-вторых, мысли о необходимости общественного и политического контроля над частной собственностью; в-третьих, экономическая роль государства; в-четвертых, законность и правовое регулирование экономических отношений и т.д.

Ж-Ж. Руссо говорил даже о собственности государства, которая должна быть максимально велика и сильна в отличие от собственности граждан.

Какова же реакция современных либералов на трактовку Ж-Ж. Руссо буржуазного эгалитаризма?

Если современная западная идеология ссылается на необратимый процесс стихии рынка, то Ж-Ж. Руссо призывает своих современников сознательно строить капиталистическое общество как более продуктивное по сравнению с другими формациями, согласно суждениям мыслителя именно капитализм призван реализовать всеобщие интересы и потребности членов общества [См.: 4, с. 297].

Рассуждая о трактовке Ж-Ж. Руссо идеи равенства через понятие свободы, английский философ Б. Рассел отмечает: «Свобода означает номинальную цель мысли Руссо, но на самом деле, такая цель – это равенство, которое он ценит и к которому он стремится, жертвуя свободой. Руссо действительно поднял идею социального равенства на высоту, какой та никогда не достигала в истории буржуазной идеологии» [6, с. 419].

Терборн Г. – сторонник эгалитарного подхода Ж-Ж. Руссо, предлагает рассматривать социальное неравенство как «множественность совокупности и неравенства, где каждое неравенство выступает как нарушение какого-либо равенства и воспринимается субъектами как несправедливое в отличие от различий самих по себе» [7, с. 42].

Безусловно, в человеческой среде наблюдаются и естественные различия людей: по полу, возрасту, уровню интеллекта, расовой принадлежности и других признаков, вызванных их психологическими и физиологическими характеристиками.

Сорокин П.А., критикуя марксовское понимание равенства, считал, что в силу естественных интеллектуальных и политико-психологических различий индивидов, идея полного равенства утопична, так как указанные различия не могут не отражаться на социальных отношениях в обществе. [8, с. 37–38].

Известная формула «равное право на свободу» в социальной философии Запада трактуется как «равное право на неравенство». К примеру, М. Фридман, доказывает важность приоритета свободы, как возможности индивидов реализовать свои способности посредством поддержания обществом индивидуальных прав человека. «Вера в равенство людей, – отмечает он, – имеет смысл только лишь их неравенства к другим, само же равенство может вступать в конфликт с интересами свободы и ставит людей перед выбором из двух одного» [9, с. 173].

Дилемму «равенство возможностей» или «равенство результатов» Фридман решает в пользу первого, так как равенство возможностей открывает «перед каждым возможность получать прибыль, если дело идет успешно, и нести убытки, если дело провалилось, критерием в данном случае являлись результаты его деятельности, а не происхождение, религия или национальность» [9, с. 195].

Если либерализм в прошлом вполне удовлетворял провозглашение формального правового равенства возможностей, то эгалитарная идеологическая традиция буржуазии в той или иной форме пыталась исходить из реальных стремлений определенных общественных слоев к социальному равенству.

В западной идеологии популярна концепция «государства всеобщего благоденствия», где свобода экономической деятельности дополнялась гарантией исходящей от государства социальной помощи всем, кто не в состоянии сам обеспечить себе достаточно высокого прожиточного уровня. Государство, а также любые, не утилитарные интересы социальных слоев, групп или классов, рассматриваются как «вторичные», при этом, если они мешают конкуренции и финансово-экономическому росту, они должны быть отброшены. Такие идеи приводят к трактовке социального неравенства, стимулирующего конкуренцию, как справедливой и необходимой для общества ситуации.

Однако, реалии социальной жизни доказали, что приоритет экономического роста в социальной политике неизменно ведет к экстраполяции вокруг интересов основных социальных групп социума, но не малочисленных социально уязвимых общностей. Политика приравнивания интересов и потребностей различных групп общества, характерная черта западного общества, где культом образа жизни является индивидуализм субъектов, независимость от государственных структур в конечном итоге сопровождается социальными конфликтами как следствие кризисной ситуации процесса социального взаимодействия индивидов.

Заключение

Концепция первенства свободы в отношении к идее равенства подменяет само понятие равенства, уповая на максимальную свободу личности, западные идеологи ограничивают полномочия государственных структур, тем самым освобождая институт власти от ответственности за реализацию интересов и потребностей различных социальных общностей, в том числе менее дееспособных категорий людей.

Естественно, поэтому принцип индивидуальной свободы долгие годы находится в центре западного мировоззрения и, во многом, имеет своим источником экономический анализ хозяйственных процессов в составительном обществе. С точки зрения теории равенства, ключевым механизмом реализации человеческого потенциала, является система распределительных отношений жизненно важных материальных благ и ценностей, как важнейшего фактора регуляции социальной структуры современного общества.

Известно, что социальное равенство предполагает прежде всего относительно равное распределение материальных и духовных благ, доступ к общественным благам, соответствие социального статуса индивида его социальной роли. Указанные признаки заложены и в основу справедливых социальных отношений. Однако, вместо очевидных реальных условий справедливого социального положения гражданина, западная идеология пытается навязать пресловутую идею экономического человека.

Концепция «экономический человек» в западной социальной теории связана с приоритетом экономического роста в обществе и рассматривается в рамках концепции справедливости не просто как абстрактная экономическая модель, но приобретает моральный характер, становится нормативным образцом. Приверженность к полной экономической свободе и стремлению к абсо-

лютной конкуренции приводит зачастую к игнорированию моральных норм и ценностей, исчезновению моральных и альтруистических мотивов как иррациональных, не способствующих прибыльности и экономическому росту.

Обобщая изложенные теоретические положения, следует указать на противоречивую ситуацию, связанную с детерминацией экономического роста в социальных отношениях. Противоречия находят свое отражение, во-первых, в неравномерном распределении общественных благ между индивидами, во-вторых, в росте динамики социальных различий, обусловленных скачком в сфере экономики.

Литература

1. Джефферсон Т. Декларация независимости США. – М.: Приор-издат. 2005. С. 7–9.
2. Локк Д. Избранные философские произведения. В 2-т. Т. 2. С. 33.
3. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права / Руссо Жан Жак; Пер. с фр. А.Д. Хаютина, В.С. Алексеева-Попова // Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре. – М., 1998, С. 195–357.
4. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 198–420.
5. Токвиль А. де. Демократия в Америке: пер. с фр. М.: Прогресс, 1994. – 554 с.
6. История западной философии [Текст]: [перевод с английского] / Бертран Рассел; [подгот. текста и науч. ред. В.В. Целищева].
7. Терборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологическое обозрение, 2005. Т. 4. № 1. С. 33–34.
8. Сорокин П.А. Проблема социального равенства. Пг.: Революционная мысль. [2], 64 с. (Электронная книга).
9. Фридман М. Капитализм и свобода. / Пер. с англ. М.: Новое издание, 2006. – 240 с.

THE IDEAL OF EQUALITY IN MODERN SOCIAL THEORIES: ORIGINS AND REALITIES

Shamileva R.K., Dauletkeriev A.R.

Grozny State Petroleum Technical University named after academician M.D. Millionshchikov

A comparative analysis of some theoretical interpretations of the idea of equality is presented. Based on the analysis of philosophical ideas, emphasis is placed on the negative attitude of Western researchers towards the idea of equality, artificially tied to the value of the concept of freedom for the purpose of populist manipulation. The essence of the formula, which is simple at first glance, is this: if you give a person freedom from obstacles and external interference, from consciously organized control, then, of course, there is no need to talk about social equality.

Keywords: equality, social equality, social differences, natural equality, natural rights, property, liberal equality, economic distribution.

References

1. Jefferson T. The Declaration of Independence of the United States. – М.: Prior Publishing House. 2005. Pp. 7–9.
2. Locke D. Selected Philosophical Works. In 2 volumes. Vol. 2. Pp. 33.
3. Rousseau J.-J. On the Social Contract, or Principles of Political Right / Rousseau Jean Jacques; Transl. from French by A.D. Khayutin, V.S. Alekseeva-Popova // Rousseau J.-J. On the Social Contract. – М., 1998, Pp. 195–357.
4. Rousseau J.-J. Tractates. М.: Science, 1969. Pp. 198–420.
5. Tocqueville A. de. Democracy in America: trans. from French. М.: Progress, 1994. – 554 p.

6. History of Western Philosophy [Text]: [translated from English] / Bertrand Russell; [text prep. and scientific ed. V.V. Tselishcheva].
7. Therborn G. Globalization and Inequality: Problems of Conceptualization and Explanation // Sociological Review, 2005. Vol. 4. No. 1. Pp. 33–34.
8. Sorokin P.A. The Problem of Social Equality. Pg.: Revolutionary Thought. [2], 64 p. (Electronic book).
9. Friedman M. Capitalism and Freedom. / Translated from English. Moscow: New Edition, 2006. – 240 p.

Арабская наука в контексте научных знаний эпохи Средневековья

Мамедов Азер Агабала оглы,

д.ф.н., профессор кафедры философии ФГБОУ ВО РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: azermamedov@mail.ru

Кортунув Вадим Вадимович,

д.ф.н., профессор кафедры философии ФГБОУ ВО РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: kortunov@bk.ru

Панюков Александр Иванович,

д.ф.н., профессор кафедры философии ФГБОУ ВО РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: arpanukov@mail.ru

В статье анализируется развитие научных знаний в эпоху средневековья, влияние арабской научной мысли на европейскую культуру и философию. Авторы обращают внимание на философские основы научных изысканий в арабо-мусульманском мире, включая взаимодействие философии с религиозным учением ислама. Это позволило выявить влияние арабских мировоззренческих установок на научные исследования и открытия. Кроме того, в статье исследован механизм, каким образом арабская наука смогла сохранить и развить достижения античного мира, в частности, работы греческих философов и учёных, выявлена роль активной переводческой деятельности, способствовавшей сохранению культурного наследия античности.

Ключевые слова: философия, арабская наука, ислам, античность, Средневековье, Возрождение, Новое время.

Эпоха средневековья, охватывающая довольно большой исторический период времени от V до XV века, нередко в общественном сознании воспринимается как эпоха стагнации и упадка европейской науки и культуры. Неслучайно, А. Уайтхед называл европейское средневековье «интеллектуальным кладбищем человечества». Однако это восприятие не отражает всей полноты исторической картины. В это время за пределами Европы, особенно в арабо-мусульманском мире, происходит значительное возрождение и развитие научных знаний. Исторический контекст средневековья необходимо рассматривать с учетом сложной мозаики культурных, политических и религиозных процессов, охватывающих различные регионы.

После падения Западной Римской империи в 476 году, Европа погрузилась в так называемые «темные века», характеризующиеся феодальной раздробленностью, частыми войнами и экономической нестабильностью. В это время центры научного знания смещаются на восток, в частности в Византийскую империю и мусульманский мир. Подъем ислама и создание Арабского халифата стали катализатором для распространения и развития научных знаний. Арабские завоевания принесли с собой не только новые политические структуры, но и интеграцию различных культурных и научных традиций. Поэтому «переход от античной философии к так называемой восточной философии, от нее к схоластике и элементам материализма в Западной Европе, к Возрождению и философии Нового Времени, составляет большую историческую полосу развития, которую никак нельзя «списать» или изобразить как «сплошной мрак» [2, с. XIV–XV].

Арабская наука, процветавшая в так называемом «золотом веке ислама» (VIII–XIII века), стала возможной благодаря переводу и сохранению текстов античных мыслителей, в частности, Платона, Аристотеля, Птолемея, утраченных или забытых в Европе. Благодаря этим переводам, арабские учёные не только сохранили античное наследие, но и значительно развили его, обогатив новыми идеями и открытиями.

С другой стороны, политическая стабильность и поддержка науки со стороны правителей, таких как халиф Абдуллах аль-Мамун (786–833), сыграли ключевую роль в развитии научных исследований. Экономическое процветание и культурное многообразие халифата создали условия для обмена знаниями между учёными из различных регионов и религий. Арабская наука охватывала множество областей – от математики и астрономии до медицины и философии, что стало возможным благодаря симбиозу греческих, персидских, индийских и собственно арабских традиций. Забегая вперед, отметим, что о науке мы здесь говорим в том смысле, какой вписывался в рамки теоцентризма средневекового сознания. Также подчеркнем, что под «арабской наукой» будем подразумевать совокупность научных знаний, охватывавших в эпоху средневековья не только собственно арабские страны, но и испытывавшие влияние арабского языка и культуры Иран, Афганистан, Индию, Среднюю Азию.

Вне всякого сомнения, развитие научных знаний в эпоху средневековья не может быть понято без учёта

влияния арабского мира, который стал мостом между античностью и европейским Возрождением. Этот исторический контекст подчеркивает важность межкультурных взаимодействий и взаимовлияний, которые способствовали прогрессу человеческой мысли и оставили неизгладимый след в истории науки.

Периодизация развития арабской науки в эпоху средневековья представляет собой сложный и многогранный процесс, который можно разделить на несколько ключевых этапов. Каждый из этих этапов оставил значительный след в истории науки и философии, формируя уникальное интеллектуальное наследие.

Первый этап, зарождение и начальное развитие арабской науки, начинается с эпохи Омейядов (661–750). В это время происходит активное взаимодействие с культурными традициями, унаследованными от греческой, персидской и индийской цивилизаций. Переводы древнегреческих философских и медицинских текстов на арабский язык становятся важным катализатором для интеллектуального пробуждения. Арабские учёные начинают осваивать и развивать философские идеи Аристотеля, Платона, Эпикура и других философов, что способствует формированию новых подходов к естественным наукам и медицине.

Второй этап, известный как «Золотой век ислама» (VIII–XIII вв.), характеризуется невероятным расцветом научных знаний и философии. В это время, благодаря поддержке Аббасидских халифов, Багдад становится центром научного мира. Здесь создаются такие выдающиеся учреждения, как «Дом Мудрости», где работали выдающиеся мыслители арабского средневековья – Аль-Кинди, Аль-Фараби, Ибн-Сина (Авиценна) и многие другие, которые трудились над переводами и комментариями трудов Аристотеля, Платона и др. Этот процесс не был простым копированием, а сопровождался критическим анализом и развитием идей, что привело к обогащению и трансформации научного знания. Этот период отмечен развитием астрономии, математики, медицины и алхимии. Философы и учёные стремятся к синтезу знаний, пытаясь объединить античное наследие с исламской мыслью, создавая уникальные концепции, такие как сочетание разума и веры в трудах Аль-Фараби.

Третий этап, с XIV века, отмечается постепенным снижением научной активности в арабском мире. Это связано с политическими и социальными изменениями, такими как вторжения монголов и падение Багдада в 1258 году. Тем не менее, несмотря на эти трудности, научные достижения продолжают оказывать влияние на европейское Возрождение. Переводы арабских трудов на латынь способствуют возобновлению интереса к античным знаниям в Европе.

Таким образом, периодизация развития арабской науки в средневековье демонстрирует сложное взаимодействие различных культурных и интеллектуальных традиций. Эти этапы подчеркивают важность арабской науки как связующего звена между античностью и европейским Возрождением, оставившего неизгладимый след в истории мировой науки и философии.

В раннем средневековье, когда Западная Европа погружилась в культурный и научный застой, на Востоке зарождалась арабская наука, ставшая мостом между античным наследием и будущими европейскими возрождениями. После исламских завоеваний в VII и VIII веках, арабы столкнулись с наследием древнегреческой, персидской и индийской культур. Это взаимодействие дало толчок к развитию новых знаний и технологий, которые стали основой для процветания исламской цивилизации.

Арабская наука этого периода охватывала широкий спектр дисциплин, включая математику, астроно-

мию, медицину и философию. Математики, такие как Аль-Хорезми (783–850), разработали алгоритмы и ввели в употребление индийскую десятичную систему, что стало основой для современных вычислений. Астрономы, среди которых выделяется Аль-Баттани (858–929), внесли значительный вклад в развитие астрономических таблиц и инструментов, которые впоследствии использовались в Европе.

Медицина достигла новых высот благодаря трудам таких ученых, как Ар-Рази (865–925) и Ибн-Сина (980–1037). Они интегрировали античные знания с собственными исследованиями, создавая обширные медицинские энциклопедии, которые использовались как в исламском мире, так и за его пределами. Ибн-Сина, известный в Европе как Авиценна, стал автором «Канона врачебной науки», который на протяжении веков служил основным руководством по медицине.

Философия в раннем исламском мире также испытала значительное развитие. Арабские мыслители стремились объединить рациональное наследие античности с исламским учением, что породило философские системы, такие как *калам* и *фалсафа*. Ал-Фараби и Ибн-Рушд, известный как Аверроэс, играли ключевую роль в интерпретации и распространении идей Аристотеля, что впоследствии оказало влияние на христианскую схоластику.

Таким образом, в раннем Средневековье арабская наука стала не только хранителем античного знания, но и активным создателем новых идей и технологий. Этот период характеризуется как эпоха культурного синтеза, когда на основе взаимодействия различных традиций сформировалась уникальная научная и философская культура, оказавшая значительное влияние на дальнейшее развитие мировой науки.

В высокое и позднее Средневековье арабская наука достигла своего апогея, став мостом между античным наследием и европейским Возрождением. Это время было отмечено значительными достижениями в таких областях, как математика, астрономия, медицина и философия. Арабские учёные не только сохраняли и переводили труды древнегреческих философов и учёных, таких как Аристотель, Платон, но и активно развивали их идеи, внося собственные инновации и открытия.

Несомненно, арабская наука в высокое и позднее Средневековье не только сохраняла и развивала античное наследие, но и активно вносила собственный вклад в развитие мировых научных знаний. Эти достижения стали важной вехой в истории науки и философии, служа фундаментом для последующих эпох.

Одним из ключевых факторов стало влияние ислама. Коран и хадисы, подчеркивающие важность поиска знаний, стимулировали ученых к изучению различных дисциплин. В исламском мире наука и религия не противопоставлялись друг другу, а воспринимались как взаимодополняющие сферы. Это создавало благоприятную атмосферу для философских размышлений и научных изысканий.

Система образования также играла важную роль. Медресе и библиотеки становились центрами научной мысли, привлекая ученых со всего исламского мира. Нередко правители и богатые покровители финансировали строительство библиотек и учебных заведений, способствуя тем самым распространению знаний. Особенно стоит отметить Дом Мудрости в Багдаде, который превратился в своего рода научный центр, где переводились и изучались труды античных авторов.

Смешение культур также оказало значительное влияние на развитие арабской науки. Арабские ученые активно взаимодействовали с греческими, персидскими

и индийскими традициями. Это взаимодействие привело к синтезу знаний, что способствовало возникновению новых идей и теорий. Переводы трудов великих греческих философов и ученых на арабский язык позволили сохранить и развивать наследие античности.

Социальная мобильность и уважение к знаниям позволяли талантливым людям из различных слоев общества становиться учеными и философами. Важную роль играло и наличие многоязычного общества, где взаимодействие разных культур и традиций обогащало научный дискурс. В таких условиях обмен знаниями происходил быстрее и эффективнее, что стимулировало дальнейший прогресс.

Очевидно, культурные и социальные условия средневекового арабского мира создали благоприятную почву для расцвета науки, способствуя накоплению и распространению знаний, которые оказали влияние на развитие мировой цивилизации.

Движущей силой научного роста стала переводческая деятельность, поддерживаемая халифами, особенно в эпоху Аббасидов. Они способствовали переводу греческих, персидских и индийских трудов на арабский язык. Этот процесс не только сохранял древние знания, но и адаптировал их к исламской культуре, делая их доступными для более широкого круга ученых. В этом контексте роль религии заключалась не в подавлении научной мысли, как это часто бывало в средневековой Европе, а в стимулировании и поддержке интеллектуального роста.

Переводческое движение также способствовало культурному обмену между арабским миром и другими цивилизациями. Оно стало мостом между античной культурой и средневековой Европой, передавая знания, которые в конечном итоге стимулировали развитие европейской науки в эпоху Возрождения. Арабские ученые не просто механически переводили тексты, они критически осмысливали их, развивали и дополняли новыми идеями.

Можно сказать, что переводческое движение стало катализатором интеллектуального развития, расширяя границы научного познания. Благодаря ему арабская наука не только сохранила, но и значительно обогатила наследие античности, подготовив почву для дальнейших открытий и достижений в различных областях знания. Этот период стал важной вехой в истории мировой науки, демонстрируя силу межкультурного сотрудничества и обмена знаниями.

Религиозные тексты, такие как Коран, также вдохновляли ученых на поиски гармонии между верой и разумом. Это привело к развитию *калама* – исламского теологического диспута, который способствовал глубокому философскому размышлению и был тесно связан с вопросами науки и знания. Такие мыслители, как Аль-Кинди, Аль-Фараби и Ибн-Сина, Ибн-Рушд стремились интегрировать философию Аристотеля и Платона с исламскими учениями, создавая синтетические системы, которые обогащали как философию, так и научные исследования.

Философия и наука в арабском мире эпохи Средневековья представляли собой удивительный синтез, где рациональное познание мира переплеталось с глубокими метафизическими размышлениями. В этот период исламская цивилизация стала хранителем и приумножителем античного знания, вобрав в себя достижения греческой философии и науки. Арабские учёные не только переводили труды Аристотеля, Платона и других античных авторов, но и активно развивали собственные научные и философские традиции.

Одной из ключевых фигур в этом процессе был Аль-Кинди (801–873), известный как «философ арабов». Он сыграл важную роль в интеграции греческой философии

в исламскую культуру, стремясь к гармонизации религиозных и рациональных знаний. Его работы по логике, метафизике и этике демонстрируют попытку создать единую систему знания, в которой философия и наука служат средствами постижения истины.

Аль-Фараби (870–950), другой выдающийся мыслитель, названный «Вторым учителем», развил идеи о связи философии и религии. В своих трудах он утверждал, что философия является высшей формой знания, способной привести человека к пониманию божественного. Аль-Фараби подчеркивал важность разума в познании мира и в управлении обществом. Его идеи о гармонии философии и религии стали основой для последующих поколений мыслителей. Значительная часть философских работ Аль-Фараби посвящена изучению аристотелевской философии. Он прокомментировал «Категории», «Об истолковании», первую и вторую «Аналитики», «Топику», «О софистических опровержениях», «Риторику» и «Поэтику». Кроме того, ему принадлежит комментарий к «Введению» Порфирия [5, с. 163].

Ибн-Сина (Авиценна) (980–1037), знаменитый врач и философ, внес значительный вклад в развитие как медицины, так и метафизики. Его труд «Канон врачебной науки» стал основным медицинским справочником в Европе и на Востоке на многие века. В философии Ибн-Сина рассматривал вопросы бытия и сущности, пытаясь понять природу души и её связь с телом. Его концепция «необходимого существования» оказала влияние на средневековых схоластов, таких как Фома Аквинский.

Не менее важным был и вклад Ибн-Рушда (Аверроэса) (1126–1198), чьи комментарии к произведениям Аристотеля привели к возрождению интереса к античной философии в Европе. Неслучайно, Ибн-Рушда в средневековой Европе называли «Великим комментатором» [1, с. 75]. Ибн-Рушд отстаивал идею двойственности истины, согласно которой философия и религия могут сосуществовать, не противореча друг другу. Это стало ключевым моментом для развития рационализма в средневековой Европе, когда учёные начали искать баланс между верой и разумом.

Одним из ключевых аспектов арабской астрономии было объединение и расширение знаний, унаследованных от греческой, персидской и индийской традиций. Ученые, такие как Аль-Баттани (858–929), сыграли важную роль в уточнении и исправлении греческих астрономических моделей. Аль-Баттани, известный на Западе как Альбатений, пересмотрел работы Птолемея и предложил более точные расчеты движения Солнца и Луны, что впоследствии оказало влияние на европейских астрономов эпохи Возрождения.

Астрономия в арабском мире также была тесно связана с философией и математикой. Основываясь на переводах и комментариях к работам Платона и Аристотеля, арабские философы, такие как Аль-Фараби и Авиценна, стремились объяснить природу небесных явлений через призму логики и метафизики. Они рассматривали астрономию как способ постижения божественного порядка, заложенного в структуре вселенной.

Одним из центров развития астрономии, и в целом, интеллектуальной активности научного сообщества становится построенная по инициативе Насираддина Туси (1201–1274) обсерватория в Мараге, где астрономы могли проводить систематические наблюдения и обмениваться идеями. Это способствовало созданию более точных звездных каталогов и развитию тригонометрии, необходимой для астрономических расчетов.

Интересно отметить, что арабские астрономы не только стремились к научным открытиям, но и активно делились своими знаниями с другими культурами.

Переводы арабских текстов на латынь в XII веке стали важным шагом в развитии европейской науки. Влияние арабской астрономии на западную культуру было столь велико, что многие латинские термины в астрономии имеют арабские корни.

Таким образом, развитие астрономии в арабском мире средневековья было не только научным достижением, но и философским поиском, который оставил неизгладимый след в истории человеческого познания. Арабские ученые продемонстрировали, как наука может стать мостом между культурой и философией, открывая новые горизонты для будущих поколений.

Одним из ключевых достижений арабской математики было усовершенствование десятичной системы счисления, заимствованной из Индии, но получившей новое развитие и распространение благодаря арабским математикам. Они не только адаптировали индийскую нумерацию, но и активно использовали её в своих трудах, что значительно облегчило математические вычисления и открыло новые горизонты для научных исследований. Примечательно, что введение нуля как полноценной цифры стало революционным шагом, изменившим сам подход к числам и вычислениям.

Арабские математики также сделали значительные успехи в области алгебры. Аль-Хорезми (783–850), чьё имя дало начало термину «алгоритм», считается отцом этой науки. Его труды содержали систематическое изложение методов решения линейных и квадратных уравнений, и тем самым оказали глубокое влияние на развитие математики в Европе, способствуя дальнейшим исследованиям в этой области.

Такие отрасли математического знания, как геометрия и тригонометрия также не остались без внимания арабских исследователей. Они развивали идеи Евклида, внося свои собственные коррективы и дополнения, в частности, работы в области параллельных линий являлись предвестниками неевклидовой геометрии, которая впоследствии станет важной частью математических исследований. Астрономические требования стимулировали развитие тригонометрических таблиц и функций. Абу-ль-Вафа аль-Бузджани (940–998) и Аль-Баттани, среди прочих, сделали важные открытия, включая определение синуса, косинуса и тангенса, что значительно упростило расчёты в астрономии и навигации.

Таким образом, арабская математика средневековья была не только хранителем античных знаний, но и мощным катализатором их трансформации и расширения. Она заложила основы для многих современных математических концепций и методов, обеспечив прочную связь между античностью и эпохой Возрождения в Европе.

Резюмируя сказанное, отметим, что арабская наука средних веков представляет собой уникальное явление в истории человеческой цивилизации, которое сыграло важную роль в сохранении, развитии и передаче научного знания. Период между VIII и XIII веками арабские ученые и философы создали беспрецедентный интеллектуальный мост между античной наукой и европейским Возрождением.

Ключевые достижения арабской науки этого периода включают в себя следующее.

1. Масштабное сохранение и развитие научного наследия древних греков, персов и индийцев через активную переводческую деятельность.

2. Существенный вклад в фундаментальные научные области: математику, астрономию, медицину, химию и философию.

3. Создание уникального синтеза рационального знания и философской мысли, где наука рассматривалась не только как практическая деятельность, но и как путь

к пониманию мироздания, что позволило не только сохранить знания эпохи античности, но и значительно обогатить их, введя новые методы исследования, математические концепции и научные подходы.

Арабская наука средних веков продемонстрировала, как научное знание может быть гармонично интегрировано с философией и религиозным мировоззрением. Этот период показал, что настоящий научный прогресс возможен только через открытый диалог культур, критическое осмысление накопленного знания и постоянное стремление к истине [7].

Наследие арабской науки средних веков продолжает вдохновлять современных исследователей, напоминая о важности межкультурного взаимодействия, толерантности и непрерывного поиска знаний [6].

Литература

1. Антология мировой философии в четырех томах. Т. 1. – М.: Мысль, 1969. – 936 с.
2. Аль-Фараби. Философские трактаты / Пер. с арабского. – Алматы: Наука, 1972. – 430 с.
3. Ибн-Сина (Авиценна). Канон врачебной науки. В 5 т. – Ташкент: Фан, 1981–1986.
4. Ибн-Рушд (Аверроэс). Опровержение опровержения / Пер. с арабского. – СПб.: Алетейя, 1999. – 688 с.
5. Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв. – М.: 1961. – 632 с.
6. Оришев А.Б., Мамедов А.А. Ислам в Европе: к истории проникновения// Социально-гуманитарные знания. 2014. – № 6. – С. 302–312.
7. Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М. Прогресс, 1990. – 717 с.

ARABIC SCIENCE IN THE CONTEXT OF MEDIEVAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Mamedov A.A., Kortunov V.V., Panukov A.I.
Moscow Timiryazev Agricultural Academy

The article analyzes the development of scientific knowledge in the Middle Ages, the influence of Arab scientific thought on European culture and philosophy. The authors draw attention to the philosophical foundations of scientific research in the Arab-Muslim world, including the interaction of philosophy with the religious teachings of Islam. This made it possible to reveal the influence of Arab worldviews on scientific research and discoveries. In addition, the article investigated the mechanism of how Arab science was able to preserve and develop the achievements of the ancient world, in particular, the work of Greek philosophers and scientists, revealed the role of active translation activities that contributed to the preservation of the cultural heritage of antiquity.

Keywords: Philosophy, Arabic Science, Islam, Antiquity, Middle Ages, Renaissance, Modern Times.

References

1. Anthology of World Philosophy in four volumes. T.1. – M.: Thought, 1969. – 936 s.
2. Al-Farabi. Philosophical treatises/Per. from Arabic. – Almaty: Nauka, 1972. – 430 s.
3. Ibn-Sina (Avicenna). Canon of medical science. In 5 volumes – Tashkent: Fan, 1981–1986.
4. Ibn-Rushd (Averroes). Refutation of refutation/Per. from Arabic. – St. Petersburg: Aleteya, 1999. – 688 p.
5. Selected works of thinkers of the countries of the Near and Middle East of the 9th-14th centuries. – M.: 1961. – 632 s.
6. Orishev A.B., Mamedov A.A. Islam in Europe: to the history of penetration//Socio-humanitarian knowledge. 2014. – № 6. – S. 302–312.
7. Whitehead A. Selected works on philosophy. – M. Progress, 1990. – 717 s.

Возможности национально-культурных автономий в реализации «публичной дипломатии 2.0»

Арутюнян Айкуи Генриковна,

соискатель кафедры политических наук и международных отношений, Институт «Таврическая Академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
E-mail: aikui_arut@mail.ru

В статье рассматривается одна из относительно новых форм дипломатии – публичная дипломатия 2.0, которая существенно расширила коммуникативные возможности негосударственных субъектов в контексте формирования положительного имиджа государства за рубежом.

Автор подчеркивает, что практика применения публичной дипломатии может иметь ключевое значение для оптимизации межкультурной коммуникации, особенно в контексте деятельности национально-культурных автономий, так как именно они устанавливают тесные связи с культурными метрополиями и с государствами, где та или иная культура многочисленно представлена.

Ключевые слова: публичная дипломатия 2.0, коммуникация, «мягкая сила», культурное влияние, национально-культурная автономия.

В современном мире повышаются возможности информационного воздействия в формировании и поддержке привлекательного внешнеполитического имиджа государства. Ввиду расширяющихся каналов коммуникации появляется необходимость говорить о новых возможностях дипломатии, основной задачей которой, как подчеркивает министр иностранных дел РФ С.В. Лавров «...является распространение информации, разъяснение того, чем занимается та или иная страна» [1].

Расширение каналов коммуникации стало принципиально новым критерием современных процессов взаимодействия и выступило одним из наиболее эффективных способов измерения общественного развития. В результате всех этих перемен, по мнению М. Кастельса, появляется новое общество [2, р. 694], возникающее на основе сетей взаимодействия, где центральную роль играют информационные потоки. По мнению С.В. Лаврова, «...без социальных сетей сейчас ни одна профессия не может обойтись, а дипломатия тем более» [1]. Способность информационных сетей привлекать огромную по своей численности аудиторию и тем самым усиливать интеграционные процессы, воздействуя на целевую аудиторию, существенно трансформирует понимание процесса публичной дипломатии, который по своей сути и представляет процесс коммуникации и воздействия.

Развитие новых форм дипломатии, таких, например, как, публичная, связано с изменением характера современных международных отношений, возрастанием роли общественного мнения в выработке и осуществлении внешней политики, а также масштабами распространения информации на глобальном уровне.

Новый подход к пониманию публичной дипломатии одним из первых озвучил Дж. Най. Он понимал публичную дипломатию как способность государства наращивать «мягкую силу», используя для этого три компонента: культуру, политические ценности и внешнюю политику [9]. Эффективная реализация «мягкой силы» при этом может быть осуществлена в условиях максимального вовлечения в данный процесс количества участников, что, в свою очередь, невозможно осуществить без использования информационно-коммуникативных технологий. Так, на свет появился новый термин «публичная дипломатия 2.0», обозначающий направление в рамках публичной дипломатии, представляющий собой способ коммуникативного влияния на зарубежную аудиторию посредством технологий Web 2.0 (социальных сетей, блогов, видеохостингов и пр.) [3, с. 104]. В отличие от традиционной публичной дипломатии, «публичная дипломатия 2.0» функционирует в рамках «горизонтальных» сетей, построенных на взаимном обмене информацией.

Впервые термин «публичная дипломатия 2.0» употребил заместитель госсекретаря США по публичной дипломатии и общественным вопросам Джеймс Глассман в 2008 году. Таким образом, он обозначил новый подход в рамках публичной дипломатии, предусматривавший использование социальных сетей, блогов, игровых мобильных приложений для реализации внешнеполитических целей [4, с. 63].

Руководитель магистерской программы по публичной дипломатии в Университете Южной Калифорнии Ни-

колас Калл выделил пять отличительных черт, обусловивших появление «публичной дипломатии 2.0.» К таким чертам он отнес:

- включение в мировую политику все большего количества негосударственных субъектов;
- использование этими субъектами новых современных технологий, работающих в режиме реального времени;
- размывание жестких разграничительных линий между внутренней и внешней коммуникацией;
- ориентация публичной дипломатии на сетевые коммуникации;
- смещение фокуса с распространения сообщения в сторону установления отношений [5].

По словам первого заместителя генерального директора отечественной компании «Диалог цифровые коммуникации» Л. Файзутдинова «... дипломатия 2.0 – это интерактивное, более «горизонтальное» и адресное взаимодействие с пользователями интернета, оно отвечает фундаментальным требованиям к современной власти – это открытость и партнерство, эмпатия и ориентация на интересы граждан, а главное – быстрое, качественное реагирование на обратную связь» [6].

Характерными особенностями цифровых коммуникаций становятся:

- Интерактивность – одновременность горизонтального и вертикального продвижения информации;
- Возможность актуализации прошлой информации. Информация в системе новой коммуникации фактически не выходит из оборота. Базы данных могут накапливать и хранить информацию, позволяя при необходимости в короткий промежуток времени получить к ней доступ.
- Оперативность реакции на события. Каждый пользователь может прокомментировать то или иное событие в реальном времени. Данная характеристика позволяет говорить об эффекте «сопричастности», что в свою очередь привело к появлению в виртуальной среде лидера мнений, который способствует манипулированию массовым сознанием и конструированию повестки дня.
- Возможность создавать контент;
- Форматная конвергентность – возможность изменять формат транслируемого контента;
- Визуализация и мультимедийность, где каждая новость может быть подкреплена визуальным рядом [7, с. 78–80].

«Публичная дипломатия 2.0», существенно расширила коммуникативные возможности негосударственных субъектов в контексте формирования положительного имиджа государства за рубежом. Способность формировать повестку дня в простой и понятной форме создавала предпосылки вовлечения в данный процесс все большего количества субъектов. Ближе к 2015–2017 гг., когда появилось огромное число акторов в социальных сетях и инструментов для продвижения информации, цифровая дипломатия стала базироваться на фундаменте создания сетей влиятельных лиц (инфлюэнсеров), которые могут воздействовать на своих подписчиков, что представлялось более эффективным инструментом для продвижения позиции государства, чем линейное распространение информации [8, с. 177]. По мнению Дж. Най, именно негосударственные акторы вносят важный вклад в формирование «мягкой силы» той или иной страны, поскольку нередко обладают более высоким уровнем доверия со стороны зарубежной аудитории, чем связанные с государством структуры [9]. Это объясняется тем, что финансируемые правительством организации, как правило, зависимы от них политически и материально,

что дает основание сомневаться в их непредвзятости в оценке тех или иных событий.

В работе «Будущее власти» Дж. Най отмечал, что сегодня правительства вынуждены учитывать тот факт, что в информационную эпоху сила стала менее иерархична, а общественные сети – гораздо важнее, чем когда-либо ранее. Именно поэтому на выработку «мягкой силы» влияет множество негосударственных игроков внутри и за пределами страны, которые оказывают воздействие, как на широкие массы, так и на правящие элиты в других государствах [10]. В этой связи мы можем сделать вывод, что использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы» и, прежде всего, возможностей гражданского общества становится неотъемлемой составляющей современной международной политики.

Понимание «мягкой силы» как одного из векторов реализации публичной дипломатии отражено в Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом от 5 сентября 2022 года, где в пункте 30 культура была названа в качестве инструмента «мягкой силы», который способствует укреплению международного авторитета России, формированию ее объективного восприятия за рубежом и нейтрализации антироссийских настроений политико-идеологического происхождения.

Использование культурных практик в качестве инструмента внешней политики становится мощным потенциалом современного развития и распространения политического влияния в мире. Рассуждая о новой холодной войне и месте РФ в современном миропорядке, Джозеф Най–младший обозначил, что «Культура – главный источник российской мягкой силы» [11].

Следует сказать, что в реализации внешнеполитической стратегии России культуре принадлежит особая роль. Позиции и авторитет российского государства в мире определяются не только его военно-политическим весом и экономическими ресурсами, но и культурным достоянием народов Российской Федерации.

Политика в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества является неотъемлемой составной частью политики российского государства на международной арене. Взаимовыгодное международное культурно-гуманитарное сотрудничество способно вносить существенный вклад в достижение основополагающих целей и повышение эффективности внешней политики России.

Новые вызовы начала XXI века и масштабные задачи в сфере международных отношений в условиях глобализации придают культурно-гуманитарным связям России возрастающую значимость. Это, в первую очередь, связано с утверждением в мире многополярности. Все более очевидно, что глобальная конкуренция приобретает, в том числе, культурно-цивилизационное измерение. Культура, как известно, является естественной основой любой цивилизации [12, с. 2].

Усиливающаяся борьба за культурное влияние вовлекает в данный процесс все большее количество участников. Глобализация влечет за собой не только взаимопроникновение и взаимообогащение национальных культур, но и нередко ставит под угрозу культурную самобытность народов. Возрастает потенциал культуры как эффективного инструмента сглаживания разногласий и противоречий.

Культурные связи становятся одним из самых гуманистических и поэтому наиболее эффективным инструментом в механизме внешнеполитической деятельности. Они способствуют созданию условий для мирного

диалога и сотрудничества разнообразных групп, относящихся к различным культурным традициям.

Мнение о российской культуре как об элементе, играющем важную роль в осуществлении задачи по формированию позитивного имиджа страны у иностранных государств разделял российский политолог С. Картунов. Облик России, убежден С.Картунов, обычно соотносится с ее культурой и известными русскими личностями, внесшими вклад в мировую культуру. В этой связи политолог отмечает: «...культурная составляющая оказывается едва ли не центральной в позитивном восприятии образа России в мире. Поэтому масштабные государственные инициативы по продвижению культурного наследия всегда использовались и продолжают использоваться сегодня в качестве проверенного ресурса формирования национального имиджа» [13].

Кроме того, важным в продвижении позитивного имиджа России за рубежом С. Картунов считает наличие отечественных культурных институтов в иностранных государствах, а также налаживание и поддержание контактов с ними в сфере образования.

По мнению доктора политических наук И. Василенко «источником успешных имиджевых кампаний в информационном обществе может быть только символический капитал русской культуры, многократно усиленный современными высокими технологиями». Как отмечает И. Василенко: «символическая культурная гегемония в информационном обществе превращается в решающее ноосферное оружие» [14].

Таким образом, культура сегодня представляет собой достаточно динамичную неоднородную систему, лежащую в основе социальных процессов и трансформаций и одновременно является важным внешнеполитическим ресурсом, оказывающим воздействие на развитие отношений с теми странами, народы которых сыграли существенную роль в культурно-цивилизационном развитии страны, а использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы» и, прежде всего, возможностей гражданского общества становится неотъемлемой составляющей современной международной политики.

Важнейшим средством выявления и удовлетворения этнокультурных запросов граждан в Российской Федерации является институт национально-культурной автономии. Данное образование изначально создавалось как элемент гражданского общества, объединяющий усилия всех общественных объединений, созданных гражданами определенной этнической общности.

Национально-культурная автономия создается для конкретной цели – самоорганизации граждан, находящихся в ситуации национального меньшинства, путем самостоятельного решения ими вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры и «выравнивания» своих прав в этих сферах с правами этнического большинства. Движущей силой объединения служат соответствующие духовно-психологические начала, обусловленные не просто национальными особенностями, а принадлежностью к одному народу, культура которого интегрирована в общегражданскую культуру, но не совпадает с ней.

Данное образование носит экстерриториальный характер, что позволяет сочетать единство государства с укреплением единства этноса, его самовыражением. Эта форма самоорганизации наиболее показательна для подтверждения одного из основных постулатов теории и практики национального самоопределения: его субъектом признается не территория, не часть территории государства, а сам народ, проживающий компактно или разрозненно. В этом случае речь идет об этно-

се, дисперсно расселенном на территории государства. Эта форма раскрывает диалектику взаимоотношений коллективных и индивидуальных национальных прав. И если на индивидуальном уровне реализуется желание сохранять (возрождать), развивать определенную национальную самобытность, то на уровне коллективном такая организация представляет собой историческую реконструкцию, задающую рамки памяти социальной группы, которая позволяет сохранять ценностные ориентиры [15].

Практика применения публичной дипломатии может иметь ключевое значение для оптимизации межкультурной коммуникации, особенно в контексте деятельности национально-культурных автономий, так как именно они устанавливают тесные связи с культурными метрополиями и с государствами, где та или иная культура многочисленно представлена. Эти связи непосредственным образом, влияют на доверие, возникающее внутри этнических сообществ, и, как следствие, формируют позитивное представление о процессах, происходящих по линии национальное меньшинство – государство. Их деятельность может быть рассмотрена как инструмент формирования международных связей государства за счет проявления гражданской активности. При этом потенциал национально-культурных автономий может быть оценен через анализ «горизонтальных» сетей, построенных на взаимном обмене информацией.

Внешнеполитический ресурс данного образования заключается в распространении самобытной культуры народов, что способствует созданию благоприятного имиджа государства на международной арене. Культурные связи призваны работать на создание благоприятного и объективного образа в процессе распространения традиционных ценностей на мировую арену

Одним из наиболее ярких примеров развития гуманитарного сотрудничества и использования его как инструмента общественной дипломатии стало создание в марте 2016 года в Крыму Черноморской ассоциации международного сотрудничества (ЧАМС). В состав учредителей анной ассоциации вошли руководители и представители более 30 общественных организаций и национально-культурных автономий Республики Крым. Каждая из представленных автономий имеет свой информационный ресурс в виде социальной сети, что позволяет обмениваться не только текстовой информацией, но и размещать фото, аудио-видеозаписи. Подобный ресурс может стать эффективным инструментом воздействия на зарубежную аудиторию в вопросах распространения и популяризации своей культуры. Этот потенциал и рассматривается нами как новые возможности международного влияния. Эффективность использования данного потенциала на эмпирическом уровне будет оценена нами в следующей статье.

Литература

1. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе встречи со студентами и профессорско-преподавательским составом МГИМО, Москва, 3 сентября 2018 года/ Официальный сайт министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1575370/ (дата обращения: 18.06.2024).
2. Castells M. Toward a Sociology of the Network Society. Contemporary Contemporary Sociology, Vol. 29, No. 5. (Sep., 2000), pp. 693–699.
3. Марчуков А.Н. «Публичная дипломатия 2.0» как инструмент внешнеполитической деятельности //

Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4. С. 104–113.

4. Наумов А.О. «Мягкая сила» и публичная дипломатия: курс лекций/А.О. Наумов – 2-е изд. – Москва: Издательство МГУ, 2020. – 215 с.
5. Nicholas J. Cull. Public Diplomacy: Lessons from the Past. University of Southern California, Los Angeles. April 2007. – 62 p.
6. Цифровая дипломатия 2.0 для работы с международной повесткой/Официальный сайт Диалог. Цифровые коммуникации – центра компетенций в сфере интернет-коммуникаций. – URL: <https://dialog.info/cifrovaya-diplomatiya-2-0-dlya-raboty-s-mezhdunarodnoj-povestkoj/> (дата обращения: 08.05.2024).
7. Евстафьев, Д.Г. Интегрированные коммуникации как глобальная реальность XXI века 500 тезисов об интегрированных коммуникациях / Д.Г. Евстафьев. – М.: Издательство «ЭРА», 2013. – 652 с.
8. Цветкова Н. А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия и digital international relations: вызовы и новые возможности// Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 174–196.
9. Nye J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs. – 2004. – 175 p.
10. Nye J.S. The benefit of soft power [Электронный ресурс] // HBS Working Knowledge. 2017. URL: <http://hbswk.hbs.edu/archive/4290.html> (дата обращения: 10.04.2018).
11. Профессор Гарварда Джозеф Най–младший – о новой холодной войне и месте РФ в современном миропорядке//Сайт Известия URL: <https://iz.ru/927134/ekaterina-postnikova-nadezhda-aleshkina/kultura-glavnyi-istochnik-rossiiskoi-miagkoi-sily>.
12. Бейшенова А.Т. О концепциях О. Шпенглера и А. Тойнби о «закате Запада» // Философия и культура. 2018. № 3. С. 1–7. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.3.25569 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25569 (дата обращения: 13.08.2023).
13. Корутнов С.В. Мировая политика в условиях кризиса: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. С.В. Кортунова. – Москва: Аспект Пресс, 2010. – URL: http://uchebnik-online.com/soderzhanie/textbook_228.html (дата обращения: 18.02.2024).
14. Василенко И. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / Власть. – 2013. – № 7. – С. 24–28.
15. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 3: монографии. Содерж.: Национально-культурная автономия в Российской Федерации. Современные проблемы самоопределения этносов: сравнительно-правовое исследование. – М., 2018. – 496.

OPPORTUNITIES FOR NATIONAL-CULTURAL AUTONOMIES IN THE IMPLEMENTATION OF “PUBLIC DIPLOMACY 2.0”

Arutyunyan A.G.

Institute “Tavricheskaya Academy” of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky

The article examines one of the relatively new forms of diplomacy – public diplomacy 2.0, which has significantly expanded the communicative capabilities of non-state actors in the context of forming a positive image of the state abroad. The author emphasizes that the practice of using public diplomacy can be of key importance for optimizing intercultural communication, especially in the context of the activities of national-cultural autonomies, since they establish close ties with cultural metropolises and with states where a particular culture is widely represented.

Keywords: public diplomacy 2.0, communication, “soft power”, cultural influence, national-cultural autonomy.

References

1. Speech and answers to questions by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov during a meeting with students and faculty of MGIMO, Moscow, September 3, 2018 / Official website of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1575370/ (date of access: 18.06.2024).
2. Castells M. Toward a Sociology of the Network Society. Contemporary Contemporary Sociology, Vol. 29, No. 5. (Sep., 2000), pp. 693–699.
3. Marchukov A.N. “Public diplomacy 2.0” as an instrument of foreign policy activity // Bulletin of Volgograd State University. Series 4. History. Regional Studies. International Relations. 2014. No. 4. P. 104–113.
4. Naumov A.O. “Soft Power” and Public Diplomacy: Lecture Course/A.O. Naumov – 2nd ed. – Moscow: Moscow State University Publishing House, 2020. – 215 p.
5. Nicholas J. Cull. Public Diplomacy: Lessons from the Past. University of Southern California, Los Angeles. April 2007. – 62 p.
6. Digital Diplomacy 2.0 for Working with the International Agenda/ Dialogue Official Website. Digital Communications – Center of Competence in Internet Communications. – URL: <https://dialog.info/cifrovaya-diplomatiya-2-0-dlya-raboty-s-mezhdunarodnoj-povestkoj/> (date accessed: 08.05.2024).
7. Evstafiev, D.G. Integrated communications as a global reality of the 21st century 500 theses on integrated communications / D.G. Evstafiev. – М.: ERA Publishing House, 2013. – 652 p.
8. Tsvetkova N. A., Sytnik A.N., Grishanina T.A. Digital diplomacy and digital international relations: challenges and new opportunities // Bulletin of St. Petersburg University. International relations. 2022. Vol. 15. Issue. 2. P. 174–196.
9. Nye J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs. – 2004. – 175 p.
10. Nye J.S. The benefit of soft power [Electronic resource] // HBS Working Knowledge. 2017. URL: <http://hbswk.hbs.edu/archive/4290.html> (date of access: 10.04.2018).
11. Harvard Professor Joseph Nye Jr. on the new Cold War and the place of the Russian Federation in the modern world order // Izvestia website URL: <https://iz.ru/927134/ekaterina-postnikova-nadezhda-aleshkina/kultura-glavnyi-istochnik-rossiiskoi-miagkoi-sily>.
12. Beishenova A.T. On the concepts of O. Spengler and A. Toynbee about the “decline of the West” // Philosophy and Culture. 2018. No. 3. pp. 1–7. DOI: 10.7256/2454-0757.2018.3.25569 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=25569 (date of access: 13.08.2023).
13. Korutnov S.V. World politics in times of crisis: a textbook for university students / edited by S.V. Kortunov. – Moscow: Aspect Press, 2010. – URL: http://uchebnik-online.com/soderzhanie/textbook_228.html (date of access: 18.02.2024).
14. Vasilenko I. Russia’s image strategy in the context of world experience / Power. – 2013. – No. 7. – P. 24–28.
15. Khabrieva T. Ya. Selected works: in 10 volumes. Vol. 3: monographs. Contents: National and cultural autonomy in the Russian Federation. Modern problems of self-determination of ethnic groups: a comparative legal study. – М., 2018. – 496.

Дистанционное электронное голосование в современной России: от апробации к электоральной реальности

Ежов Дмитрий Александрович,

к.п.н., доцент, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: president@lenta.ru

В статье анализируются опыт апробации и практика дистанционного электронного голосования в Российской Федерации. В результате исследования автор приходит к выводу о трансформации цифровых форм волеизъявления в электоральную реальность, принимая во внимание тенденцию к их масштабированию внутри государства. Отдельный акцент производится на наличии в экспертном сообществе и общественном мнении противоположных друг другу позиций по отношению к степени эффективности и прозрачности электронного голосования. Критика способа волеизъявления, осуществляемого с помощью цифровых технологий, объясняется политической ангажированностью и доминированием поверхностного представления об алгоритме процедуры в техническом отношении. Среди неоспоримых преимуществ дистанционного электронного голосования отмечаются удобство для электората и положительное влияние на показатель явки избирателей.

Ключевые слова: дистанционное электронное голосование, выборы, законодательство о выборах, ЦИК России, цифровые технологии.

Практика дистанционного электронного голосования (ДЭГ) в России за последние годы заметно масштабируется на фоне внедрения цифровых технологий в политический процесс, что обуславливает актуальность ее исследования. Несмотря на внимание, уделяемое проблеме ДЭГ в современной научной литературе [1; 7; 10], и наличие выводов о возможности легитимации применения цифровых технологий на выборах по мере признания избирателями достоинств дистанционного электронного голосования и других цифровых новшеств в избирательном процессе, а также по мере решения технологических проблем [2], остается дискуссионным вопрос о степени эффективности системы ДЭГ и ее прозрачности, разрешение которого имеет практическую значимость, заключенную в формировании базиса, способствующему закреплению адекватных представлений российских избирателей о ДЭГ на текущем этапе его эволюции, характеризующемся совершенствованием нормативно-правовой базы и расширением географии применения соответствующего способа волеизъявления.

Возможности голосования посредством применения ресурсов сети Интернет в России далеко не сразу распространились на сферу выборов в органы власти, чему свидетельствует опыт выражения гражданами своих предпочтений через сетевые форматы. В качестве примеров можно привести проект телеканала «Россия» «7 чудес света», организованный в 2008 году, в рамках которого с помощью Интернет и СМС жители страны выбирали наиболее популярные достопримечательности; проект «Имя России», предполагавший выбор выдающихся исторических персоналий на сайте «nameofrussia.ru»; запущенное в 2016 году Центробанком России голосование на сайте «твоя-россия.рф» за города, изображения которых впоследствии появились на денежных купюрах номиналом в 200 и 2000 рублей; проект 2018 года «Великие имена России», в рамках которого с помощью интернет-голосования на сайте «великиеимена.рф» выбирались названия для российских аэропортов. В 2014 году интернет-голосование использовалось для формирования части состава Общественной палаты РФ пятого созыва.

В настоящее время система электронных выборов и дистанционного голосования применяется на выборах всех уровней и, в целом, ее можно считать зарекомендовавшей себя в качестве удобной альтернативы способа осуществления волеизъявления, однако в отношении оценки ее эффективности распространены полярные точки зрения, рассматривающие функционирование системы с позиций степени контролируемости, чистоты и объективности. Подобная дифференциация мнений представляется показательной на фоне активного внедрения практики электронного голосования в России в то время как, в целом, для мира характерна ситуация, характеризующаяся ограничением ее использования.

В качестве эксперимента впервые дистанционное электронное голосование было проведено на выборах депутатов Московской городской думы, прошедших в единый день голосования 8 сентября 2019 года, основанием чему стал региональный (от 22 мая 2019 г.)

и федеральный (от 29 мая 2019 г.) закон «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва». В качестве пилотных было выбрано три избирательных округа из существовавших 45: № 1 (Зеленоград), № 10 (Бибирево, Лианозово, Северный), № 30 (Чертаново Центральное, Чертаново Южное); в результате дистанционным способом проголосовало 9,95% избирателей от общего количества принявших участие в голосовании. Ход эксперимента сопровождался предварительной подачей заявок на участие в голосовании соответствующим способом. Возможность использования дистанционной формы голосования на федеральных выборах была закреплена законодательно 23 мая 2020 года, когда Президент РФ В.В. Путин подписал закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым, в частности, были внесены поправки в федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 года. Документ разрешил использовать дистанционное электронное голосование при проведении выборов в органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также референдума субъекта РФ и местного референдума. Принятие решения о проведении электронного голосования возложено на ЦИК России или по ее поручению на соответствующую избирательную комиссию субъекта федерации [9]. Тогда же было законодательно регламентировано проведение эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования в городе федерального значения Москве. При этом показательным является тот факт, что Москва имеет собственную платформу для электронного голосования (на базе сайта MOS.RU), эксплуатируемую Департаментом информационных технологий в то время, как другие регионы голосуют через федеральную платформу, оператором которой является «Ростелеком».

В рамках проведения общероссийского голосования по принятию изменений в Конституцию РФ 1 июля 2020 года дистанционно голосовали два субъекта федерации – Москва и Нижегородская область (17,5% от общего числа проголосовавших). В единый день голосования 13 сентября 2020 года электронное голосование применялось на довыборах в Государственную Думу РФ в Курской и Ярославской областях. Во многом, опыт проведения ДЭГ в 2020 году на фоне ограничений, вызванных пандемией коронавируса COVID-19, стимулировал его активное развитие впоследствии. Так, в 2021 году электронное голосование применялось на выборах в Государственную Думу РФ уже в семи субъектах федерации, а именно: в Москве, Севастополе, Курской, Мурманской, Нижегородской, Ростовской и Ярославской областях. Результаты подтвердили гипотезу о значительном проценте явки со стороны голосующих электронно, что объяснимо высокой степенью удобства и отсутствием временных затрат на то, чтобы добраться до избирательного участка. Так, среди голосующих дистанционно в единый день голосования была отмечена явка более чем 96% от общего числа вошедших в соответствующие списки избирателей.

В части оценок эффективности работы системы дистанционного электронного голосования результаты выборов в Москве подверглись значительной критике, что преимущественно было вызвано их опубликованием с многочасовой задержкой с момента сборки ключа расшифрования. Несмотря на объяснение со стороны организаторов процедуры голосования, сведенное к высокой активности избирателей и большим количеством

воспользовавшихся предусмотренного для Москвы правом отложенного голосования, позволяющего в течение суток переголосовать за другого кандидата при условии учета отданного последним голоса, партия КПРФ заявила о непризнании итогов электронного голосования, вследствие чего было подано 32 административных исковых заявления в суд. Позднее поданные исковые заявления были судом отклонены. Сомнения относительно правдоподобности результатов у представителей партии появились из-за того, что до введения результатов ДЭГ в ГАС «Выборы» в 9 одномандатных округах лидировали кандидаты от оппозиции, а после их введения ситуация с результатами кардинально изменилась, и в итоге выборы выиграла все 15 кандидатов, поддержанные мэром г. Москвы С. Собяниным. Примечательным представляется факт, свидетельствующий о расхождении системы подсчета отданных онлайн голосов в Москве и в других регионах, где также был предусмотрен соответствующий способ осуществления волеизъявления. Так, результаты электронного голосования на федеральной платформе были расшифрованы и обнародованы в течение часа. Кроме того, в других субъектах не было предусмотрено опции отложенного голосования, полезной в соответствии с позицией организаторов случае давления на избирателя путем использования административного ресурса. В строгом смысле, более масштабный эксперимент проведения ДЭГ в Москве, предполагавший, в том числе, подсчет голосов, отданных на выборах федерального уровня, обнажил неочевидность методов контроля за подсчетом голосов, суть которой объясняется тем, что данные находятся в облаке, а не на физическом носителе в виде бумажного бюллетеня, тем самым породив серьезные сомнения в вопросах объективности и эффективности системы электронного голосования, несмотря на удобство ее использования. Во многом сомнения в отношении правомочности результатов ДЭГ стираются вследствие понимания изначальной архитектуры системы ДЭГ, в частности, не рассчитанной на функцию отложенного голосования. Так, при использовании возможности переголосования единственным способом, который мог бы позволить засчитать отданный голос только один раз, не нарушив при этом тайну волеизъявления, становится исключением из подсчета лишних бюллетеней, что технически трудоемко, а детали самой процедуры не афишируются. В целом, примечателен тот факт, что именно в Москве возможностью электронного голосования воспользовалось более 50% избирателей, что превышает аналогичные показатели в других регионах. По итогам анализа поступивших претензий в адрес системы электронного голосования общественный штаб наблюдателей в Москве поручил технической группе разработчиков провести аудит результатов. В контексте легитимации итогов электронного голосования в Москве следует рассматривать позицию, высказанную Президентом РФ В.В. Путиным на встрече с руководством политических партий, прошедших в очередной созыв нижней палаты федерального парламента, и сводившуюся к предположению о том, что в Москве такой эффект возник не по причине сомнений в качестве голосования, а из-за недовольства результатом голосования.

В марте 2022 года на уровне федерального законодательства были утверждены единые правила применения на выборах ДЭГ посредством внесения поправок в Федеральный Закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Согласно новым правилам, требования для электронной системы голосования определяет ЦИК России или соответствующая избира-

тельная комиссия; исключается практика отложенного голосования; предусматривается регистрация желающего проголосовать дистанционно на федеральной интернет-платформе vybory.gov.ru; исключается возможность получения бумажного бюллетеня лицом, получившим доступ к электронному голосованию. Таким образом, нейтрализованной оказалась возможность дублирующего голосования одним лицом электронно и на избирательном участке (стоит отметить, что подобные случаи имели место в рамках проведения общероссийского голосования по принятию изменений в Конституцию Российской Федерации, что было вызвано несовершенством системы), а также оказались урегулированными вопросы, связанные с потенциальными последствиями и репутационными рисками права отложенного голосования. Тем не менее, в Москве сохранена особенность, позволяющая голосовать на портале MOS.RU, не требующая дополнительной регистрации, но предполагающая наличие у избирателя полной учетной записи на соответствующем портале, оформляемому при обращении в МФЦ «Мои документы». С учетом того, что в Москве не предусмотрена предварительная регистрация на ДЭГ, формируется электронный список избирателей, куда вносится пометка о том, как проголосовал избиратель (электронно или с помощью бумажного бюллетеня), после чего альтернативная возможность блокируется. С момента получения электронного бюллетеня дается один час на принятие решения и осуществление волеизъявления, после чего изменить последнее становится невозможным.

В единый день голосования 2022 года ДЭГ было организовано в 8 российских регионах (Калининградская, Калужская, Курская, Новгородская, Псковская, Томская и Ярославская области и Москва), а годом позже, в 2023 году – ДЭГ охватил уже 25 субъектов, в 18 из которых электронное голосование проводилось впервые (Алтайский, Камчатский и Пермский края, Воронежская, Московская, Нижегородская, Новосибирская, Псковская, Архангельская, Владимирская, Ярославская, Курская, Томская, Свердловская, Белгородская, Калининградская, Тульская, Оренбургская и Челябинская области, Ненецкий автономный округ, Чувашия и Карелия; плюс к этому традиционно на собственной платформе проводилось ДЭГ в Москве, а также ДЭГ было организовано ЦИК России на довыборах в Государственную Думу РФ по избирательному округу № 19 в Крыму и № 114 в Липецкой области). На президентских выборах 2024 года ДЭГ применялся в 29 регионах (Московская, Архангельская, Белгородская, Владимирская, Воронежская, Калининградская, Калужская, Курская, Липецкая, Мурманская, Нижегородская, Новгородская, Новосибирская, Оренбургская, Псковская, Ростовская, Свердловская, Томская, Тульская, Челябинская, Ярославская области; республики Карелия, Чувашия, Крым; Алтайский, Камчатский, Пермский края; города федерального значения Москва и Севастополь; Ненецкий Автономный округ). Таким образом, в масштабе президентских выборов ДЭГ в 2024 году был применен впервые.

На фоне перманентного совершенствования процедуры дистанционного электронного голосования в Российской Федерации авторы доклада ассоциации «Независимый общественный мониторинг» (НОМ) пришли к выводу, что к моменту внедрения ДЭГ на президентских выборах, оно доказало свою эффективность, пройдя апробацию в ходе предшествующих избирательных кампаний, а его масштабирование позволило отработать технологические детали и дать избирателям возможность оценить на личном опыте эту форму голосования [3].

В июне 2024 года ЦИК России удовлетворила все поданные регионами заявки на проведение ДЭГ в сентябре. На федеральной платформе было запланировано проведение электронного голосования в 25 субъектах федерации, 26-й регион – Москва – как и обычно, проводит голосование на собственной платформе. При этом в шести регионах (республики Алтай, Коми, Марий Эл, Чеченская Республика, Костромская и Смоленская области) ДЭГ в сентябре 2024 года запланировано впервые. В общей сложности охват электронного голосования в сентябре 2024 года распространился на 464 избирательные кампании различных уровней, из которых 7 – кампании по выборам глав субъектов федерации. В Москве в единый день голосования 2024 года, в том числе, посредством ДЭГ избирались депутаты Московской городской думы восьмого созыва, а также муниципальные депутаты района Куркино и районов ТиНА О. В июле 2024 года в преддверие единого дня голосования заседания ЦИК России был принят новый порядок электронного голосования. Со слов заместителя председателя ЦИК России Н.И. Булаева, он даст регионам возможность организовывать процесс голосования с учетом уже достигнутых результатов в цифровизации, предпочтений избирателей и других особенностей, что позволит создать условия для реализации активного избирательного права каждого россиянина вне зависимости от его жизненных обстоятельств [11].

Востребованность дистанционного электронного голосования среди российских избирателей подтверждают данные социологических исследований. Согласно результатам совместного исследования ВЦИОМ и Финансового университета при Правительстве РФ, проведенного в 2019 году и посвященного оценкам перспектив цифрового голосования в России, установлено, что запрос на внедрение и качественное развитие электронного голосования среди россиян существует и актуализирован в молодежной среде; при этом скепсис в отношении электронного голосования чаще всего выражают пожилые люди, а также те, кто практически не пользуется Интернетом [12]. По результатам опроса ВЦИОМ, проведенного в Москве как субъекте федерации, активно апробирующем ДЭГ на собственной платформе в преддверие федеральных выборов 2021 года, зафиксирован рост интереса к данной процедуре с течением кампании; респонденты отметили в качестве преимуществ ДЭГ удобство (20%), свободу выбора места и времени голосования (17%), экономию времени и быстроту процедуры (14%), легкость и доступность (13%) [5]. 10% респондентов отметили в качестве очевидного преимущества ДЭГ безопасность от заражения вирусом [5], что особенно актуально во время эпидемий и пандемий. Согласно заявлению генерального директора ВЦИОМ В. Федорова, обнародованного в марте 2024 года, порядка 50% жителей Российской Федерации считают ДЭГ очень удобным [8]; в сентябре 2022 года, комментируя результаты выборов в Москве, В. Федоров назвал ДЭГ «самым эффективным, самым понятным способом мотивировать принять участие в голосовании тех, кто обычно находит массу других занятий на это время» [4].

В то же время, остается актуальным фактор региональной дифференциации, коррелирующий с уровнем заинтересованности населения к внедрению ДЭГ. Так, А.И. Дудочников в своем исследовании отмечает, что «дистанционное электронное голосование масштабируется, однако доля электората, заинтересованного в нем, не такая высокая, в среднем 7% за исключением города Москвы, где за счет высокой активности по привлечению населения к ДЭГ почти 26% электората зарегистрировались проголосовать вне избирательного участка.

Динамика интереса к новой форме голосования в целом положительная. В Москве доля заинтересованных увеличивается в кратном размере, в Курской и Ярославской областях интерес в 2021 году по сравнению с 2020 увеличился практически в два раза. Однако есть исключения, например, в Нижегородской области доля регистраций на дистанционное голосование уменьшилась на 0,5% на выборах в Госдуму в 2021 году по сравнению с Общероссийским голосованием 2020 года» [6]. При этом в исследовании подчеркивается объективный факт, свидетельствующий о высокой явке среди участников ДЭГ [6], что также можно рассматривать на уровне показателя эффективности соответствующей формы голосования. Тезис о повышении уровня явки на выборы вследствие применения технологии ДЭГ разделяется членом Общественной палаты РФ А. Асафовым. Отмечая, что ДЭГ пользуется, в том числе, та категория избирателей, которая ранее не посещала избирательные участки, эксперт допускает высокую степень влияния электронного голосования на окончательные итоги выборов [13].

В целом, опыт дистанционного электронного голосования в России, за годы апробации превратившегося из эксперимента в электоральную реальность, с течением времени приобретающую все большие масштабы, можно определить в качестве вполне эффективного с учетом его влияния на уровень явки избирателя и степени удобства. Критика ДЭГ преимущественно вызвана недостаточным пониманием алгоритма его проведения и политической ангажированностью.

Литература

1. Алексеев Р.А., Кривешко Д.Д. Дистанционное электронное голосование: опыт применения в России и за рубежом // Журнал политических исследований. 2024. Т. 8. № 1. С. 3–20. DOI: 10.12737/2587-6295-2024-8-1-3-20. EDN: YEKKPO
2. Баранов Н.А. От недоверия – к легитимации: трудный путь цифровых электоральных технологий в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 433–446. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446. EDN: BXVZVR
3. В НОМ заявили об эффективности ДЭГ в ходе выборов // ТАСС. 12 декабря 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/politika/19512839>
4. Гендиректор ВЦИОМ: ДЭГ – это самый эффективный способ голосования // Единая Россия – Официальный сайт партии. 9 сентября 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://moscow.er.ru/activity/news/gendirektor-vciom-deg-eto-samyj-effektivnyj-sposob-golosovaniya>
5. Дистанционное электронное голосование в Москве // ВЦИОМ. Новости. 30 августа 2021 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-v-moskve>
6. Дудочников А.И. Уровень заинтересованности населения к внедрению дистанционного электронного голосования на политических выборах в России // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 2 (59). С. 8–12. DOI: 10.26907/2079-5912.2023.2.8-12. EDN: EDJOYA
7. Ежов Д.А. Электронное голосование: очевидные достоинства и потенциальные риски // Власть. 2023. Т. 31. № 5. С. 112–114. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9802. EDN: IFJTDB

8. Половина россиян считает ДЭГ очень удобным // РИА Новости. 16 марта 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20240316/deg-1933458041.html>
9. Процюк А. Дистанционное электронное голосование в России. История и особенности // ТАСС. 23 декабря 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/info/%2013533535>
10. Федоров В.И. Электронное голосование: российский и зарубежный опыт. М.: Издательский дом «Инфра-М», 2023. 237 с. DOI: 10.12737/1906057. EDN: PRBAFT
11. ЦИК принял новый порядок электронного голосования // РИА Новости. 3 июля 2024 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20240703/tsik-1957064782.html>
12. Цифровое голосование в России: первые эксперименты и перспективы // ВЦИОМ. Новости. 11 ноября 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoe-golosovanie-v-rossii-pervye-eksperimenty-i-perspektivy>
13. Эксперт рассказал о важности электронного голосования для повышения явки // LENTA.RU. 7 июня 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/07/expert/>

REMOTE ELECTRONIC VOTING IN MODERN RUSSIA: FROM APPROBATION TO ELECTORAL REALITY

Ezhov D.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article analyzes the experience of testing and practice of remote electronic voting in the Russian Federation. As a result of the research, the author comes to the conclusion about the transformation of digital forms of expression of will into electoral reality, taking into account the tendency to scale them within the state. A separate emphasis is placed on the presence of opposing positions in the expert community and public opinion in relation to the degree of effectiveness and transparency of electronic voting. Criticism of the method of expression of will carried out using digital technologies is explained by political bias and the dominance of a superficial understanding of the algorithm of the procedure in technical terms. Among the undeniable advantages of remote electronic voting, convenience for the electorate and a positive impact on voter turnout are noted.

Keywords: remote electronic voting, elections, election legislation, CEC of Russia, digital technologies.

References

1. Alekseev R., Kriveshko D. Remote electronic voting: application experience in Russia and abroad. Journal of Political Research. 2024. Vol. 8. No. 1. pp. 3–20. DOI: 10.12737/2587-6295-2024-8-1-3-20. EDN: YEKKPO
2. Baranov N.A. From distrust to legitimization: the difficult path of digital electoral technologies, an evidence from Russia. RUDN Journal of Political Science. Vol. 24. No. 3. pp. 433–446. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-433-446. EDN: BXVZVR
3. The NOM declared the effectiveness of the DEG during the elections. TASS. December 12, 2023. [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/politika/19512839>
4. General Director of VCIOM: DEG is the most effective way to vote. United Russia – official site of party. September 9, 2022 [Electronic resource]. – URL: <https://moscow.er.ru/activity/news/gendirektor-vciom-deg-eto-samyj-effektivnyj-sposob-golosovaniya>
5. Remote electronic voting in Moscow. VCIOM. Novosti. August 30, 2021. [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/distancionnoe-ehlektronnoe-golosovanie-v-moskve>
6. Dudochnikov A.I. Interest of the population in the introduction of remote electronic voting in political elections in Russia. The Ka-

- zan Socially-Humanitarian Bulletin. 2023. No. 2 (59). pp. 8–12. DOI: 10.26907/2079-5912.2023.2.8-12. EDN: EDJOYA
7. Ezhov D.A. Electronic voting: obvious advantages and potential risks. The Authority. 2023. Vol. 31. No. 5. pp. 112–114. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9802. EDN: IFJTDB
 8. Half of Russians consider DEG very convenient. RIA Novosti. March 16, 2024. [Electronic resource]. – URL: <https://ria.ru/20240316/deg-1933458041.html>
 9. Protsyuk A. Remote electronic voting in Russia. History and features. TASS. December 23, 2023. [Electronic resource]. – URL: <https://tass.ru/info/%2013533535>
 10. Fedorov V.I. Electronic voting: Russian and foreign experience. Moscow: Publishing House "Infra-M". 2023. 237 p. DOI: 10.12737/1906057. EDN: PRBAFT
 11. The CEC has adopted a new procedure for electronic voting. RIA Novosti. July 3, 2024. [Electronic resource]. – URL: <https://ria.ru/20240703/tsik-1957064782.html>
 12. Digital voting in Russia: the first experiments and prospects. VCIOM. Novosti. November 11, 2019. [Electronic resource]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/czifrovoe-golosovanie-v-rossii-pervye-eksperimenty-i-perspektivy>
 13. The expert spoke about the importance of electronic voting to increase turnout. LENTA.RU. June 7, 2023. [Electronic resource]. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/06/07/expert/>

Истоки формирования украинского радикального национализма: история и характеристика

Кулакова Нина Николаевна,

к.п.н., доцент, доцент кафедры политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: nnkulakova@fa.ru

Анисимов Вячеслав Викторович,

студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 215652@fa.ru

В статье представлена актуальная проблема, связанная с формированием, развитием и распространением радикального национализма на Украине, рассматриваются основные этапы становления этого явления. В работе анализируются история, трансформация и практика современного украинского радикального национализма, предлагается авторская классификация и оцениваются характерные черты этапов его распространения, называются движущие силы и заинтересованные формирования антироссийской направленности и ксенофобии. Статья направлена на выявление исторических предпосылок, оказавших влияние на специфику украинского национализма. Особое внимание уделяется влиянию внешнего фактора и роли идеологии в общественных преобразованиях.

Общие теоретические выводы, подкреплены обширным фактологическим материалом свидетельствуют о наличии угрозы безопасности нашей стране со стороны неонацизма.

Ключевые слова: национализм, идеология, политика, Украина, ксенофобия, радикальные взгляды, народ, власть, этнос.

Введение

Как известно, формирование наций происходило с конца XVI – начала XVII в.в. и сопутствовало становлению капиталистических экономических отношений. «Один народ – одна нация» – лозунг Французской буржуазной революции был актуален больше 100 лет, однако и он устарел – в конце XIX века формируются многонациональные государства. Далее, с середины XX века, сложилась устойчивая тенденция на интеграцию с последующим направлением на интернационализацию всех сфер общественной жизни. Эволюционный путь человечества и формирование национальных общностей сопровождались определенными взглядами, принципами, ценностями, идеями, отражающими социальную реальность и синтезирующими её желаемое развитие.

Термин «идеология», вошедший в общественную жизнь в начале XIX в., синтезирует основы разных сфер человеческого бытования, в том числе политической жизни. Отдельный человек, социальные группы и целые народы мыслят прежде всего идеями, на их основе формируют свои запросы и ставят цели для последующего их воплощения на практике.

Актуальность темы националистической идеологии, являющейся одной из самых влиятельных форм политического сознания и мощным стимулом политических процессов, определилась задолго до XXI века, но сейчас, по крайней мере на территории постсоветских государств, и на Украине в частности, происходит её реинкарнация, вызывающая мощные преобразовательные процессы в политической сфере жизни.

Национализм можно по праву назвать одной из главных характеристик исторического бытия человека. И в настоящее время идеология национализма не ушла в историческое прошлое человечества, эта научно-теоретическая и практическая проблема продолжает оставаться высоко значимой. Более того, судя по многочисленным фактам, национализм, по крайней мере в его радикальном проявлении, остаётся одной из преобладающих проблемой и конфликтогенных факторов существования человечества.

Развал Советского Союза (СССР) и системы социализма придал новый импульс этой «застарелой болезни», которая, практически не встречая преград, распространилась по огромным просторам Евразии и продолжает поражать все новые страны и народы. При этом хотелось бы сразу обратить внимание на следующее обстоятельство: как бы ни оценивался национализм с моральных позиций, большинство исследователей признают его историческую роль в становлении государств. В представляемой работе мы осуждаем не национализм как таковой, а проявления отклонений от этических норм и те формы национализма, которые неприемлемы для нас.

Современная Украина – государство с короткой историей, отсутствием четкой национальной идентичности и гипертрофированным, но недостаточно обоснованными и декларативным стремлением к обретению значимости, независимости и международного влияния. Во современной внутригосударственной информации

онной повестке украинской элитой продвигается идея виновности России во всех бедах украинского народа. Личные амбиции политиков, в купе с образом врага в лице вчерашнего друга, хорошо продаются на Западе под лозунгами «анти-России» [2]. Эти позиции усугубляются последовательной политикой и практической деятельностью по разделению украинского и русского (а также белорусского) народов как со стороны элит современной Украины, так и комплексного влияния извне – государств Североатлантического альянса (НАТО), фондов частных лиц этих государств и других акторов.

С целью разрыва сохранившихся после развала СССР плотных экономических, политических, культурных связей украинскому обществу 30 лет навязывалась болезненная идея о неполной и «ненастоящей» независимости Украины. Как известно, страны Запада, в частности Великобритания и США, последние несколько сотен лет занимаются созданием и развитием антироссийских проектов, но возникает вопрос: почему в проект «анти-Россия» (эволюционировавшем из «не-Россия») подключились украинцы и при этом настолько агрессивно, что стали открыто призывать к убийству русских по всему миру? Авторский ответ на данный вопрос вынесен на суд научного сообщества в данной работе.

Материалы и методы

В процессе исследования этапов украинского национализма был использован структурно-функциональный подход. В работе были применены системный анализ и междисциплинарный подход, что позволило рассмотреть украинский национализм с разных точек зрения и дать более полное представление о его развитии и участии в этом процессе посторонних акторов. Для проведения исследования были использованы материалы опубликованные в рецензируемых научных изданиях, доклады и выступления политиков, публикации СМИ, исторические документы.

Результаты исследования

Украинский национализм, а также его радикальная форма – явления относительно новые, возникшее в то же время, что и большинство остальных европейских национальных движений – в середине XIX в.

Поскольку мнения об этапах развития украинского национализма имеют значительные разночтения, в данной статье будет изложена следующая периодизация данного националистического движения.

1. Австро-Венгерский этап – появление предукраинского национализма, а также его трансформация в украинский национализм.

2. Этап радикализации – возникновение идейных доктрин об особости украинского этноса, а также претворение их в жизнь.

3. Современный этап – период украинской государственности, ставшей «националистической демократией», трансформирующейся в неонацизм с предпосылками и проявлениями фашизма. В силу высокой значимости и остроты современного восприятия этот этап подробно рассматривается в следующей публикации.

Этапы содержат следующие характеристики.

1. Декларируемые цели и самостоятельность идеологов.

2. Степень радикальности движений.

3. Деятельность и результаты националистических построений.

В данной статье рассмотрены начальные этапы формирования украинского национализма.

1. Австро-венгерский разлом

С целью выявления области анализа стоит уточнить геополитические условия развития первого этапа украинского национализма. Галичина и Буковина, которые на настоящее время являются землями Западной Украины – территории, исторически принадлежавшие сначала Речи Посполитой, а после ее раздела – Австрии и Австро-Венгрии. Издавна на данных землях проживал народ русины, которых сейчас принято называть галичанами. Сами себя русины во множественном числе называли «русские», для немецких народов они были «ruthenen», или «рутены» по-русски. Данный народ получил возможность к обретению самоидентификации во время «Весны народов» в 1848 г. [2].

В этот период во Львове, принадлежавшем Австро-Венгерской империи, была образована Головная русская дума, объявившая своей целью единение русинов и русских [2]. Однако у Вены были собственные планы на русинов, связанные проблемой противостояния Австро-Венгрии и Российской империи. Еще одной проблемой Австро-Венгерской империи была ориентация части восточных земель на создание польского государства. С целью противодействия России и польскому национализму правительство империи сделало ставку на «украинизацию» русинов.

В ответ на действия Головной русской думы, акцентирующей внимания русинов на исторической и этнической связи с Россией, австрийское правительство с целью её нивелирования переименование последних в «рутен»». К 1860 г. в рамках русинского национализма сформировались две ветви – украинофильская и москвофильская. Феномен «украинства» связан именно с тем, что украинофильская ветвь одержала верх над москвофильской. Свою роль в этом противостоянии сыграло ограничение прав русинов на территории Россия после польского восстания 1863–1864 гг., в котором на стороне поляков принимали участие и русины. Немаловажное влияние оказал и комплекс мер, предпринятых Австро-Венгрией – таких как спонсирование украинофильской литературы, которая подменяла понятия «Русь» и «русины» на «Украину» и «украинцев», а также переименование жителей Малороссии в украинцев.

Поддержка Австро-Венгрией процесса украинизации проявлялась, так же, в дискредитации и репрессии русофилов. Закрывались типографии, школы и общественные организации, а население, использовавшее русинский язык, притеснялось. Вследствие чего многие русофилы из числа русинов были вынуждены бежать в Россию, как это сделали поэт Яков Головацкий и общественный деятель, юрист Адольф Добрянский. Параллельно с вытеснением местной интеллигенции происходил процесс переселения польской элиты на галицкие земли, вследствие чего ориентированная на Россию русинская элита была вытеснена католической и польскоязычной.

Политика Австро-Венгрии по балансированию между разными этносами стимулировала шовинистический характер движения русинов, которые видели в этом противостоянии путь к обретению национальной идентичности. В результате русины, переименованные в украинцев, стали обособлять себя от всех ближайших народов, а именно – славянских. Поляки воспринимались как народ непреданный славянам, русские – как испортившие свою генетику вследствие нашествий монголо-татар. Несколько позже был сформирован тезис о том, что русские – это помесь именно украинцев, финно-угров и монголо-татар. Таким образом, украинцы объявлялись «истинными» славянами [2].

Итогом усилий по формированию украинства стало объявление в 1890 г. в австрийском парламенте всех галичан украинцами, а не русскими или русинами.

Таким образом, первый этап истории украинского национализма характеризуется зарождением и формированием идеи украинского национального движения, подспудно вызревающей на представлении об обособленности и исключительности; причастностью и поддержкой этого процесса Австро-Венгерской империей; практическим отсутствием институционального оформления формирующейся идеологии.

2. Этап радикализации – возникновение идейных доктрин об украинском этносе, начало претворения их в жизнь

Началом второго этапа развития украинского национализма послужило выдвижение на политическую арену новосозданных украинских национальных партий, пришедших на смену стихийным движениям, таким как Кирилло-Мефодиевское общество. Первые украинские партии были организованы на рубеже веков на территории современной Восточной Украины и Галиции. По большей части, это были радикальные партии, которые придерживались социал-демократических, национал-демократических и социалистических идей [3].

Начало было положено радикальной группировкой «Братство Тарасовцев», образованной в Харькове. Радикальность взглядов группировки выразилась в националистическом возвеличивании своего этноса и шовинизме по отношению к соседним народам, конечной целью было поставлено создание самостийной украинской государственности. Члены Братства Тарасовцев в 1900 г. создали Радикальную украинскую партию, в которой проявил себя М. Михновский – один из первых и самых радикальных теоретиков украинского национализма [4].

В национально-экстремистских трудах перед теми, кто считал себя украинцами, он поставил следующие задачи.

1. Борьба за единую, неделимую, свободную, самостоятельную Украину от гор Карпатских до Кавказских.

Стоит заметить, что эта идея получила свое дальнейшее развитие в XXI в. украинскими националистами, в частности в указе В. Зеленского «Об исторически населенных украинцами территориях Российской Федерации» от 22 января 2024 года [5].

2. Украина для украинцев. Создание Украины при помощи этнических чисток – этноцида, геноцида.

3. Украинцы «братствуют» со всеми, «но москали, ляхи, венгры, румыны и жидаи суть враги нашего народа».

На основании этого тезиса можно понять, что на этом этапе для украинских националистов враги – это не только русские, но и ближайшие народы-соседи, проживавшие с ними и в России, и в Австро-Венгрии.

4. Везде употреблять украинский язык. Язык чужаков-угнетателей не должен исходить из уст украинца, его жены и детей.

5. Украинцу нельзя брать жену не-украинку, поскольку и она, и общие дети станут врагами украинскому народу. Потому же нельзя работать с «врагами» (русскими, поляками и т.д.), так как украинец таким образом поддѣжит угнетателей.

Продолжателем национал-экстремистских идей М. Михновского через несколько десятилетий станет, бывший некогда членом Академии наук СССР, М. Грушевский. Для обоснования особенности украинского народа в работах этого исследователя приводятся проведенные

им анатомические измерения украинцев, а также его собственный взгляд на исторический процесс России и Украины. М. Грушевский реинкарнировал тезис, использованный русинами в поисках самоидентификации, о том, что русские не славяне, а финно-угры с примесью татар. Далее эту идею развивал его ученик С. Рудницкий, ему же принадлежит выделение украинцев в расу, которой вовсе запрещено смешиваться с «расово-неполноценными народами» – поляками, русскими, турками, татарами, румынами и евреями [3].

Далее радикальные националистические воззрения развивает Д. Донцов. В период Гражданской войны в России он становится идеологом украинского фашизма. Эмигрировав после падения гетманщины, Д. Донцов издал работу «Основы нашей политики». Анализируя неудачи построения украинского государства, главной причиной автор выделяет недостаток национальной сознательности украинцев [3]. Опираясь на расовые идеи М. Грушевского и С. Рудницкого, он дополнил их собственным взглядом на историю и миссию украинцев.

Таким образом Д. Донцов, создал «интегральный национализм» пропитывающий не только политическую часть вопроса, но и культурную, языковую, бытовую, экономическую, религиозную и т.д. [3]. Стоит обратить внимание на близость его позиции к фашизму – украинское государство должно было строиться на основе тоталитарного правления, где была бы одна партия, один вождь и один народ. К врагам украинского народа, по мнению Д. Донцова, относятся малороссы, евреи и государство Россия, каким бы оно ни было. Он считал, что в борьбе с врагами Украины не существует запрещенных способов, поэтому оправдывал еврейские погромы С. Петлюры. В украинском государстве не украинцы должны были быть или принудительно ассимилированы, или выселены [3].

Дальнейшее развитие украинского национализма проходило под знаменем «бандеровщины». Подобная персонификация не лишена оснований, но при этом необходимо отметить, что С. Бандера был лишь одним из числа тех, кто руководил самой массовой, кровавой, расистской, террористической организацией украинских националистов за всю историю – Организации украинских националистов (ОУН).

Необходимо подчеркнуть, что изначально ОУН возникла в ответ на ассимиляционные мероприятия польского государства, в чей состав после распада Российской империи вошла Галиция с центром во Львове. В 1929 году небольшие националистические организации объединились в Организацию Украинских Националистов – ОУН, со Штаб-квартирой в Берлине. Практически сразу ОУН начала проводить террористические акты против польского государства и правительства. Одним из самых громких преступлений под руководством С. Бандеры стало убийство министра внутренних дел Польши Б. Перацкого. ОУН поддерживалась Третьим Рейхом, а незадолго до вторжения Германии в СССР лидеры ОУН обратились с письмом лично к А. Гитлеру, в котором излагали планы по управлению Украиной и заверения в том, что эта организация является единственной силой, способной противостоять влиянию русских и евреев [6]. Украинские националисты виновны в массовых преступлениях против мирного населения – в том числе в сожжении Хатыни и еще как минимум 216 деревень в Беларуси [7], Волынской резне 1943 г., тотальном в уничтожении еврейского населения. В целом, ОУН использовалась Третьим Рейхом ровно с той же целью, что украинцы Австро-Венгрией – распространить влияние на восточную Украину и нанести военное поражение России.

После победы СССР в Великой Отечественной Войне (ВОВ) ОУН практически прекратила свою деятельность на политической арене. Однако на ее место пришли новые националистические организации, часто подпольные. Триггером их создания стала амнистия коллаборантов периода ВОВ, объявленная Н. Хрущевым в 1955 г. Реабилитированные зачастую меняли анкетные данные и биографию, что обеспечивало их успешное внедрение не просто в советское общество, но и в его руководящие структуры на территории Украины. Так, по информации С. Кислицына и Е. Рябинына, от 35 до 50% партийных деятелей, занимающих руководящие должности, Львовской, Волынской, Ивано-Франковской и Тернопольской областей были участниками бандеровского движения во время ВОВ [8], [9].

В советский период среди украинских национальных организаций стоит выделить «Объединенную партию освобождения Украины», которая базировалась в Ивано-Франковске и продолжила деятельность ОУН, а также «Украинский рабоче-крестьянский союз» Л. Лукьяненко. В 1964 г. был создан «Украинский национальный фронт», ставивший своей целью создание самостоятельного украинского государства [9]. Однако вплоть до перестройки подобные организации были немногочисленными, по большей части подпольными, а деятельность наиболее активных представителей пресекалась законодательно [9].

На рассмотренном этапе декларативной целью украинского национализма выступает борьба за суверенное государство, против как реального, так предполагаемого угнетения. Однако на пути к этой цели украинский национализм претерпевает критические изменения и становится пособником германского фашизма, практически сливаясь с ним, и при этом, легко отказывается от первоначально провозглашённой цели – создание самостоятельного государства. В период Второй Мировой войны украинский национализм как в теоретических посылах, так и практическом проявлении трансформируется в фашизм. История коллаборационизма, с его чудовищными злодеяниями, оценивается современными украинскими неонацистами как героизм в многовековой борьбе против «московского ига», а сама война – в качестве упущенной возможности на создание государства. Националисты, призывавшие и реализовавшие жесточайшие расправы над идеологическими противниками и просто людьми других этнических групп, в период президентства В. Ющенко были признаны героями Украины [10].

Заключение

Идеология и политика национализма, уровень их дефляции или же радикализации, трансформация в направлении шовинизма, нацизма и фашизма – это уникальный и комплексный политический процесс, обусловленный широким спектром факторов.

Сама по себе культурная самоидентификация, патриотические чувства по отношению к своему народу и своей земле не порождают ненависть к другим народам. Однако целенаправленные и корыстные действия третьих сил и элит, направленные на формирование и мобилизацию населения в собственных, не имеющих реального отношения к потребностям и интересам населения целях, приводят не просто к росту национального самосознания, но могут быть преобразованы из национализма в радикальные и кровавые формы [11]. Поэтому остро актуальной задачей исследователей, практикующих политиков, патриотически настроенных лидеров мнений состоит в выявлении факторов и деятелей, способству-

ющих трансформации национализма в его радикальные формы.

Генезис украинского национализма прошел долгий и бесславный путь, он формировался постепенно под воздействием внутренних и внешних факторов примерно с середины XIX века. Однако попытки привить идеи «самостийности» и исключительности начинали предприниматься гораздо раньше. В подрыве единства народа, в формирование националистических идей и анти-российских взглядов были заинтересованы в свое время Австро-Венгерская империя, польское националистическое движение, Третий рейх.

Дальнейшее развитие украинского национализма, третий период, следует рассматривать с позиции его реформирования в неонацизм, где создание и развитие национального украинского государства – это заключительный этап формирования «Анти-России» на территории Малороссии и Галичины.

Литература

1. Андрюхин В. Почему президент Украины становится радикальным националистом // Правда.ру 26.12.2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravda-nn.ru/articles/pochemu-prezident-ukrainy-stanovitsya-radikalnym-natsionalistom/> (дата обращения: 26.05.2022)
2. Баринов И.И. Украинская доктрина в политике Австро-Венгрии и генезис украинского национализма // История и современность. 2012. № 1. С. 70–89. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskaya-doktrina-v-politike-avstro-vengrii-i-genezis-ukrainskogo-natsionalizma>.
3. Помогаев В.В. К вопросу о генезисе украинского национализма // Вестник ТГУ. 1996. № 2. С. 9–18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-genezise-ukrainskogo-natsionalizma>.
4. Жильцов С.С. Истоки современного украинского национализма // Вестник РУДН: Электрон. научн.ж. 2014 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-sovremennogo-ukrainskogo-natsionalizma> (дата обращения: 08.01.2024).
5. Зеленский подписал указ о так называемых исторически населенных украинцами территориях РФ // ТАСС [сайт]. – 22 января 2024 г. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19784157> (дата обращения: 13.01.2025).
6. Хлобутов О.М. За «самостийную соборную державу»: террор и коллаборация в арсенале украинских националистов // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2020. № 4(23). С. 194–224. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/za-samostiynuyu-sobornuyu-derzhavu-terror-i-kollaboratsiya-v-arsenale-ukrainskih-natsionalistov> (дата обращения: 08.01.2024).
7. 80 лет трагедии в Хатыни: стало известно, сколько на самом деле деревень сожгли нацисты в Беларуси. – URL: <https://rg.ru/2023/03/20/80-let-tragedii-v-hatyni-stalo-izvestno-skolko-na-samom-dele-dereven-sozhgli-nacisty-v-belarusi.html> (дата обращения: 13.01.2025).
8. Бандеровцы в почёте. Почему Хрущёв добился для них амнистии в СССР // Аргументы и Факты [сайт]. – 12 мая 2022 г. – URL: https://aif.ru/society/history/banderovcy_v_pochyote_pochemu_hrushchyov_dobilsya_dlya_nih_amnistii_v_sssr (дата обращения: 13.01.2025).
9. Кислицын С.А., Рябинин Е.В. Современный украинский неонацизм. Этапы формирования и иде-

ологическая основа // Свободная мысль. 2023. № 3(1699). С. 123–136. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-ukrainskiy-neonatsizm-etapy-formirovaniya-i-ideologicheskaya-osnova> (дата обращения: 21.01.2024).

10. Азар И. Герой Украины. Ющенко сделал Бандеру героем // Газета.ru [сайт]. – 22 января 2010 г. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2010/01/22_a_3315014.shtml#:~:text=Президент%20Украины%20Виктор%20Ющенко%20присвоил, борьбу%20за%20независимое%20украинское%20государство (жата обращения: 13.01.2025).
11. Кулакова Н.Н. Экономический рычаг геополитических трансформаций. – Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. № 3. С. 74–78. 2020.

UKRAINIAN RADICAL NATIONALISM: HISTORY AND CHARACTERISTICS

Kulakova N.N., Anisimov V.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article presents a topical issue related to the formation, development and spread of radical nationalism in Ukraine, and examines the main stages of the formation of this phenomenon. The work analyzes the history, transformation and practice of modern Ukrainian radical nationalism, offers the author's classification and evaluates the characteristic features of the stages of its spread, names the driving forces and stakeholders in the formation of anti-Russian orientation and xenophobia. The article is aimed at identifying the historical prerequisites that influenced the specifics of Ukrainian nationalism. Particular attention is paid to the influence of external factors and the role of ideology in social transformations.

General theoretical conclusions, supported by extensive factual material, indicate the presence of a threat to the security of our country from neo-fascism.

Keywords: nationalism, ideology, politics, Ukraine, xenophobia, radical views, people, power, ethnicity.

References

1. Andriukhin V. Why the President of Ukraine is becoming a radical nationalist // Pravda.ru 26.12.2020. [electronic resource]. – URL: <https://pravda-nn.ru/articles/pochemu-prezident-ukrainy-standovitsya-radikalnym-natsionalistom/> (date of notification: 05/26/2022).
2. Barinov I.I. The Ukrainian doctrine in the politics of Austria-Hungary and the genesis of Ukrainian nationalism // History and

modernity. 2012. No. 1. pp. 70–89. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ukrainskaya-doktrina-v-politike-avstro-vengrii-i-genezis-ukrainskogo-natsionalizma>.

3. Pomogaev V.V. On the genesis of Ukrainian nationalism // Bulletin of TSU. 1996. No. 2. pp. 9–18. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-genezise-ukrainskogo-natsionalizma>.
4. Zhiltsov S.S. The origins of modern Ukrainian nationalism // Bulletin of the RUDN University: Electron. Scientific Journal 2014 [Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-sovremennogo-ukrainskogo-natsionalizma> (date of notification: 08.01.2024).
5. Zelensky signed a decree on the so-called historically populated territories of the Russian Federation by Ukrainians // TASS [website]. – January 22, 2024. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19784157> (date of access: 01/13/2025).
6. Khlobustov O.M. For the “independent conciliar power”: terror and collaboration in the arsenal of Ukrainian nationalists // Journal of Russian and East European Historical Research. 2020. No.4(23). pp. 194–224. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/za-samostiyuyu-sobornuyu-derzhavu-terror-i-kollaboratsiya-v-arsenale-ukrainskih-natsionalistov> (date of reference: 08.01.2024).
7. 80 years of the tragedy in Khatyn: it became known how many villages the Nazis actually burned in Belarus. – URL: <https://rg.ru/2023/03/20/80-let-tragedii-v-hatyni-stalo-izvestno-skolkona-samom-dele-dereven-sozhgli-nacisty-v-belarusi.html> (date of request: 01/13/2025).
8. Bandera is held in high esteem. Why Khrushchev achieved amnesty for them in the USSR // Arguments and Facts [website]. – May 12, 2022. – URL: https://aif.ru/society/history/banderovcy_v_pochyote_pochemu_hrushchyov_dobilsya_dlya_nih_amnistii_v_ssr (date of reference: 01/13/2025).
9. Kislitsyn S. A., Ryabinin E.V. Modern Ukrainian neo-Nazism. The stages of formation and the ideological basis // Free Thought. 2023. No. 3(1699). pp. 123–136. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyy-ukrainskiy-neonatsizm-etapy-formirovaniya-i-ideologicheskaya-osnova> (date of reference: 01/21/2024).
10. Azar I. Hero of Ukraine. Yushchenko made Bandera a hero // Газета.ру [website]. – January 22, 2010. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2010/01/22_a_3315014.shtml#:~:text=Президент%20Украины%20Виктор%20Ющенко%20присвоил, борьбу%20за%20независимое%20украинское%20государство (date of notification: 01/13/2025).
11. Kulakova N.N. The economic lever of geopolitical transformations. – Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University.

Экономический суверенитет и технологическое лидерство России на современном этапе политического развития страны

Мамаева Юлия Александровна,

к.и.н., доцент, доцент кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yamamaeva@fa.ru

В статье рассматривается проблема обеспечения экономического суверенитета и достижения технологического лидерства на текущем этапе политического развития России, связанном с высокой турбулентностью, возникновением принципиально новых вызовов, угроз и рисков устойчивого функционирования отечественного политического порядка. Реципируя концепт «большой стратегии» Б.Г. Лиддела Гарта, автор проводит осмысление феноменов экономического суверенитета и технологического лидерства в контексте оптимальной консолидации человеческих и материальных ресурсов для продвижения и отстаивания национальных интересов страны в международных отношениях и навязываемых военных противостояниях. Отмечается, что достижение экономического суверенитета России в преломлении к технологическому лидерству на уровне «большой стратегии» напрямую связывается с институционализацией планирования в сфере научно-технологического развития Российской Федерации, которое включает в себя такие компоненты, как установление вызовов для долгосрочного научно-технического развития страны в направлении технологического лидерства, определение ведущих фреймов глобального технологического развития, приоритизация кластеров в контексте разработки отраслевых наукоемких технологий, постановка организационных задач, направленных на достижение технологического лидерства, артикуляция принципов государственного стратегического планирования в разрезе претензии на технологическое лидерство, закладывание базисных начал для разработки эффективной системы интеракций между вовлеченными акторами научно-технического развития, определение ведущих путей создания инфраструктуры для научной и инновационной деятельности, закладывание фундамента международного научно-технического сотрудничества. В заключении делается вывод об амбивалентном характере экономического суверенитета и технологического лидерства в контексте градаций на уровне стратегического планирования государственного курса.

Ключевые слова: экономический суверенитет, технологическое лидерство, национальные интересы, «большая стратегия», стратегическое планирование, риск-менеджмент.

Актуальность выбранной темы настоящей публикации объясняется непреходящей значимостью поднимаемой проблематики в статическом и динамическом разрезах государственной политики любого современного развивающегося политического порядка в целом и Российской Федерации в частности.

Постиндустриальный переход, наметившийся во второй половине прошлого столетия и продолжающийся в настоящее время в лоне цифровой трансформации, задал тренд на повышение значимости компьютеризированных и автоматизированных технологий и технических решений в типовых социальных процессах, что изменило общую направленность политико-управленческого курса в экономической сфере и расстановку приоритетов госуправления. Согласно мысли Н.Г. Кураковой и В.Г. Зинова, «парадигма постиндустриальной модели экономического роста отдельных стран» вывела на первый план дискурсивного анализа «такие категории», «глобальное технологическое лидерство», «технологический суверенитет», «экономика знаний» [6, с. 48]. Следовательно, проблематика экономического суверенитета и технологического лидерства по-прежнему остается мейнстримной для исследований на стыке политической науки, экономической социологии и информационных технологий.

В то же время в условиях глубинного перехода к подлинно многополярному миру с наличием множества драйверов баланса сил достижение и поддержание экономического суверенитета видится как неизбежный компонент продуманного государственного курса стейкхолдеров международных отношений, выступающих в качестве ресурсных, технологических и мировоззренческих флагманов региональных групп. Наличие экономического суверенитета, обратной стороной коего, бесспорно, являются претензии на полное или отраслевое технологическое лидерство, позволит сохранять статус-кво в устоявшемся равновесном состоянии мировой системы и обезопасит государство от вмешательства в его внутренние дела как со стороны недружественных стран, так и по линии деструктивной деятельности международных неправительственных организаций и транснациональных корпораций.

С другой стороны, столкновение Запада и Соединенных Штатов Америки с Российской Федерацией, принимающее характер продолжительной прокси-конфронтации, позволяет поместить проблематику экономического суверенитета и технологического лидерства в динамический контекст разработки и имплементации «большой стратегии» для наиболее эффективного отпора посягательствам на национальные интересы России. В этой связи, как справедливо отмечает Н.В. Медведева, «оправданно мнение о рассмотрении технологического суверенитета как вынужденной политики, что связано с политикой технологического сдерживания извне (санкциями), соответствующей проактивной защитой, проблемой перестройки технологических цепочек, потерей экономической эффективности в краткосрочном периоде, встраиванием государства в надежную сеть международных отношений и партнерств» [8, с. 306].

Возвращаясь к экспликации упомянутого термина «большая стратегия», заметим, что в военно-политической теории концепт «большой стратегии», основоположником которого является Б.Г. Лиддел Гарт, отображает одну из ступеней стратегического планирования государства в период его участия в вооруженных конфликтах. Наивысший уровень дефинируется Б.Г. Лидделом Гартом как «государственные интересы», медианный уровень, связанный с оптимальной консолидацией человеческих и материальных ресурсов для участия в конфронтации, определяется как «большая стратегия», низовой уровень военно-стратегического планирования получил наименование «военной стратегии» [9, с. 126]. В современных условиях феномен «большой стратегии» «основывается на политическом целеполагании, оценке собственных ресурсов и внешних угроз для ориентации на международной арене» [3, с. 32].

Экономический суверенитет, понимаемый нами как наиболее полная и многогранная независимость национального политического порядка в хозяйственной, ресурсной и технологической сфере от иностранных материальных и интеллектуальных благ, а также технологическое лидерство как необходимый элемент экономического суверенитета, будучи, как уже отмечалось ранее, компонентом «большой стратегии» России в условиях затягивающей турбулентности, детерминированы сферой национальных интересов нашей страны в экономико-технологической области, причем обозначенные интересы довольно четко артикулированы главой государства в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»:

- 1) достижение технологической независимости и институционализация рыночных отношений в инновационных секторах народного хозяйства, связанных с биотехнологиями, беспилотной авиационной техникой, цифровой трансформацией, средствами автоматизации производственных циклов, data-кластером, искусственным интеллектом, атомными технологиями и передовыми разработками в области освоения космического пространства;
- 2) вхождение России в топ 10 стран мира по объему научных исследований и разработок к 2030 году;
- 3) «увеличение к 2030 году доли отечественных высокотехнологичных товаров и услуг, созданных на основе собственных линий разработки, в общем объеме потребления таких товаров и услуг в Российской Федерации в полтора раза по сравнению с уровнем 2023 года» [2];
- 4) обеспечение к 2030 году условий, при которых затраты на научные исследования и разработки будут составлять не менее двух процентов от валового национального продукта, с возможностью привлечения частных инвестиций в передовые технологические проекты [2].

Вместе с тем технологическое лидерство выделяется в качестве обособленной национальной цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года наряду с устойчивой и динамичной экономикой, что позволяет рассматривать технологическое лидерство одновременно и как элемент государственных интересов на самом высоком уровне стратегического управления (по мнению Б.Д. Матризаева, технологическое лидерство, рассматриваемое посредством оптики технологического суверенитета, «является одной из стратегических политических целей долгосрочного социально-экономического развития России» [7, с. 50]), и как часть «большой стратегии», направ-

ленной на укрепление военно-политического положения России в условиях складывающегося постглобализма – комплексной регионализации «мира (прежде всего на основе базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров) при регулярности обменов материальными и духовными благами в глобальном масштабе» [11, с. 175]. Как отмечает Т.Ю. Кротенко, именно «государство, занимающее лидирующие позиции в технологической сфере, выступает инициатором совместных проектов, задает начальный уровень технологического развития в рамках партнерства, способствует разработке инструментария и механизмов для кооперации и поддерживает другие нации в продвижении их технологических достижений на более обширные рынки» [5, с. 144].

Достижение экономического суверенитета России в преломлении к технологическому лидерству на уровне «большой стратегии» напрямую связывается с институционализацией планирования в сфере научно-технологического развития Российской Федерации, которое включает в себя такие компоненты, как:

- 1) установление основных вызовов для долгосрочного научно-технического развития страны в направлении достижения технологического лидерства;
- 2) определение ведущих фреймов глобального технологического развития, напрямую детерминирующих пределы и тенденции научно-технических новаций внутри страны;
- 3) приоритизация кластеров в контексте разработки отраслевых наукоемких технологий;
- 4) постановка организационных задач, направленных на достижение технологического лидерства;
- 5) артикуляция принципов государственного стратегического планирования в разрезе претензии на технологическое лидерство;
- 6) закладывание базисных начал для разработки эффективной системы интеракций между вовлеченными акторами научно-технического развития;
- 7) определение ведущих путей создания инфраструктуры для научной и инновационной деятельности;
- 8) закладывание фундамента международного научно-технического сотрудничества и интеграции полезных технических решений и наработок.

Установление основных вызовов для долгосрочного научно-технического развития страны в направлении достижения технологического лидерства раскрывает риск-ориентированный характер государственного менеджмента в сфере технологической политики.

Важным нормативным правовым основанием для определения существа вышеозначенных вызовов является Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». В данном акте под вызовами понимается «совокупность проблем, угроз и возможностей [требующих обязательного государственного реагирования – Ю.М.], сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения объема используемых ресурсов» [1].

С точки зрения риск-ориентированного подхода, используемого в области управления долгосрочным научно-техническим развитием России, к фундаментальным вызовам (рискам, угрозам и проблемам) технологического лидерства отечественного политического порядка относятся:

- 1) кардинальная смена мирового порядка в условиях назревшего постглобализма, сопровождаемого усилением геополитической турбулентности и разрастанием очагов региональных конфликтов, что порождает эконо-

мическую дестабилизацию в ряде отраслей и, как следствие, трансформирует кооперативные связи в сфере технологических новаций в сторону их усложнения на фоне стремления национальных акторов международных отношений к технологическому обособлению;

2) попытки удержания российской экономической системы в условиях экстенсификации хозяйственного роста за счет продолжения эксплуатации сырьевой базы в рамках общемировой цифровой трансформации, предопределяющей экспансию data-экономики и искусственного интеллекта в подавляющее большинство производственных сфер;

3) зарождение качественно новых тенденций в демографическом переходе, характеризующемся снижением рождаемости при увеличении продолжительности жизни;

4) возрастание экологических рисков до такого состояния, когда антропогенные нагрузки на инвайроментальную среду превзойдут темпы воспроизводства полезных природных ресурсов, что в среднесрочной перспективе угрожает жизни и здоровью больших социальных групп;

5) актуализация внешних угроз гибридного характера, сопряженных с деятельностью международных террористических организаций, военным давлением недружественных стран и военно-политических блоков, кибератаками, распространением биологического (инфекционного) оружия – как природного характера, так и искусственно синтезированного.

Определение ведущих фреймов глобального технологического развития, напорямую детерминирующих пределы и тенденции научно-технических новаций внутри страны, означает, в сущности, выявление ведущих трендов в мировой технологической сфере. К таким фреймам относятся качественное сокращение темпоральной дистанции между генерацией наработок и их имплементацией в производстве общественно полезного продукта, переход к междисциплинарному дизайну научных изысканий, обостряющий потребность в научных кадрах разноплановой квалификации, экспоненциальное увеличение массива научно-технической информации и существенное изменение методик обработки и хранения данных, в том числе усложнение инструментария для проведения научных изысканий, переход кадровой конкуренции на трансграничный уровень в таких кластерах, как инженерия и технологическое предпринимательство.

Приоритетными кластерами в контексте разработки отраслевых наукоемких технологий, как видится, являются сферы генерирования интеллектуализированных производственных решений, неразрывно сопряженных с роботизированными и автоматизированными системами, big data (как было замечено в публикации А.В. Костюченко, «управление большими данными позволяет значительно увеличить информационную базу принятия управленческих решений, что многократно повышает их качество и результативность» [4, с. 3]), искусственным интеллектом и машинным обучением, ресурсосберегающей энергетикой, в том числе формирования новых источников энергии и механизмов ее транзита, профилактической и адресной медицины, направленной на сбережение здоровья, разумное использование лекарственных препаратов и полноценное внедрение генетических технологий, противодействия деструктивным внешним и внутренним угрозам биогенного, социально-психологического, информационного и антропогенного плана, куда входят борьба с распространением терроризма и экстремизма, отпор вредоносному стороннему манипулятивному воздействию, связанному с оказанием «такого скрытого воздействия на объект влияния,

в ходе которого последний совершает действия в интересах манипулятора, хотя полагает, что приносит благо самому себе» [10, с. 136], и киберугрозам, развития транспортных, коммуникационных и логистических сетей внутри государства для достижения большей связанности и ускорения темпов освоения отдаленных территорий, организации междисциплинарных исследований синергетического плана, обобщающих социально-политические и философские оценки наличествующих технологических трансформаций с конкретными результатами прикладных исследований и изыскательских работ.

К организационным задачам, направленным на достижение технологического лидерства, относятся разработка инструментальной базы для продуктивного межакторного взаимодействия научной и технологической сферы с отраслевым бизнесом, что представляется как неизбежное условие для гармоничного роста наукоемкого предпринимательства, актуализация инфраструктурной базы для проведения разработок и их рационального внедрения сообразно с вызовами времени, создание каналов вертикальной мобильности для вовлечения талантливой молодежи в науку и повышения их трудовой мотивации, повышение престижности профессий, связанных с прикладной наукой, наработка организационного и менеджерального механизма управления в научно-технологической и производственной областях для обеспечения унифицированного технологического пространства внутри России, установление модели междунациональной научно-технической интеграции в локусе сотрудничества с дружественными странами.

Принципы государственного стратегического планирования в разрезе претензии на технологическое лидерство, понимаемые как исходные начала и положения в очерченной предметной области, выражаются как тесное переплетение между наукой, технологиями и производством путем установления единообразного вектора их развития, концентрация ресурсов различного плана (человеческого капитала, финансов, инфраструктурной базы, менеджмента) для реализации инновационных программ полного цикла, государственное и общественное стимулирование полезных наработок и достижений научно-технического плана, гражданское воспитание социофессиональной страты ученых и повышение личной ответственности за научные результаты, сокращение дистанции между продуктивными научными коллективами и прочими генераторами общественно полезных наработок и доступом к государственным ресурсам, способным выступить в роли подспорья для апробации и внедрения значимых научно-исследовательских результатов.

К базисным началам разработки эффективной системы интеракций между вовлеченными акторами научно-технического развития относятся осознание необходимости привлечения общества в процесс формирования позитивных запросов на те или иные результаты научно-исследовательской деятельности, систематизация процедуры трансфера технологий для достижения скорейшего перехода от интеллектуального оформления научных результатов до имплементации последних, адресное привлечение научных кадров в процессы технологического совершенствования наукоемких производств, построение информационной политики благодаря развитию технологической культуры и популяризации передовых достижений ученых и технологических предпринимателей, институционализация системы государственного заказа в технологической области путем повышения компетенции ответственных государственных служащих и развития способностей последних в направ-

лении корректной формулировки цели, задач и инструментария финансируемых из бюджета инновационных проектов и программ.

Ведущими путями создания инфраструктуры для научной и инновационной деятельности являются развитие сети уникальных научных установок, обновление основных фондов научно-исследовательских организаций, обеспечение наиболее полного доступа российских ученых к международным базам данных, создание уникальных систем хранения информации и данных, связанных в том числе с биологическими материалами и генетическим фондом, широкомасштабное внедрение искусственного интеллекта в научные исследования для интенсификации научных разработок на основе повышения скорости и качества работы с данными.

Закладывание фундамента международного научно-технического сотрудничества и интеграции полезных технических решений и наработок преимущественно связывается с выработкой форматов равноправного исследовательского и технологического контакта с иностранными государствами сообразно с их ресурсной базой и потенциалом, обеспечением ускоренных темпов научно-технического взаимодействия в рамках ЕАЭС, ШОС, СНГ и БРИКС, развитием научной дипломатии, участием отечественных исследовательских групп в международных проектах для наращивания собственного компетенционного багажа.

В заключение статьи можем сделать вывод об амбивалентном характере экономического суверенитета и технологического лидерства в контексте градаций на уровни стратегического планирования государственного курса. С одной стороны, данные направления предстают в качестве системообразующих национальных целей развития нашей страны на долгосрочную перспективу. С другой стороны, экономический суверенитет и технологическое лидерство выступают в роли неотъемлемых условий гармоничной и эффективной реализации «большой стратегии» Российской Федерации, связанной с укреплением международного военно-политического статуса России и организацией адекватного отпора на провоцируемые действия недружественных стран и их спутников.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 10, 04.03.2024, ст. 1373.
2. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 20, 13.05.2024, ст. 2584.
3. Кожухова К.Е. Большие стратегии: западная парадигма и официальные доктринальные документы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Выпуск 3 (852). С. 31–36.
4. Костюченко А.В. Цифровая трансформация как ключевой вектор реализации стратегии технологического лидерства // Политика, экономика и инновации. 2023. № 1 (48). Порядковый номер 7.
5. Кротенко Т.Ю. Осмысление концепции технологического лидерства страны и анализ механизмов его развития // Вестник Академии управления и производства. 2024. № 2. С. 139–147.
6. Куракова Н.Г., Зинов В.Г. Оценка перспектив завоевания глобального технологического лидерства РФ в проекции мирового патентного ландшафта // Инновации. 2016. № 6 (212). С. 48–57.
7. Матризаев Б.Д. Исследование теоретических макроструктурных особенностей обеспечения стратегического технологического суверенитета и долгосрочного лидерства // Теоретическая экономика. 2022. № 8. С. 49–59.
8. Медведева Н.В. Развитие курса на технологическое лидерство // ЦИТИСЭ. 2024. № 3 (41). С. 300–309.
9. Степанов И.В. Стратегия непрямого действия Лиддел Гарта: попытка изобретения философского концепта средствами военной теории // Вестник Самарского государственного технического университета: Серия: Философия. 2019. № 1. С. 125–128.
10. Филиппов А.Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования // Власть. 2024. № 3. С. 133–139.
11. Шедяков В.Е. Постглобализм в международных отношениях: взаимодействие культурно-цивилизационных миров // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 174–181.

RUSSIA'S ECONOMIC SOVEREIGNTY AND TECHNOLOGICAL LEADERSHIP AT THE CURRENT STAGE OF THE COUNTRY'S POLITICAL DEVELOPMENT

Mamaeva Yu.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article deals with the problem of ensuring economic sovereignty and achieving technological leadership at the current stage of Russia's political development associated with high turbulence, the emergence of fundamentally new challenges, threats and risks of sustainable functioning of the domestic political order. Reciprocating the concept of 'grand strategy' of B.G. Liddell Garth, the author comprehends the phenomena of economic sovereignty and technological leadership in the context of optimal consolidation of human and material resources to promote and defend the national interests of the country in international relations and imposed military confrontations. It is noted that the achievement of Russia's economic sovereignty in reflection of technological leadership at the level of 'grand strategy' is directly related to the institutionalisation of planning in the sphere of scientific and technological development of the Russian Federation, which includes such components as the establishment of challenges for long-term scientific and technological development of the country in the direction of technological leadership, the definition of the leading frames of global technological development, the prioritisation of clusters in the context of the development of sectoral and sectoral strategies, and the development of a new strategy. The conclusion is made about the ambivalent nature of economic sovereignty and technological leadership in the context of gradations on the levels of strategic planning of the state course.

Keywords: economic sovereignty, technological leadership, national interests, grand strategy, strategic planning, risk management.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of 28 February 2024. No. 145 'On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation' // Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 10, 04.03.2024, Art. 1373.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 7 May 2024, No. 309 'On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and in the perspective up to 2036' // Collection of Legislation of the Russian Federation, No. 20, 13, 13.03.2024, Art. Legislation of the Russian Federation, No. 20, 13.05.2024, Art. 2584.
3. Kozhukhova K.E. Big strategies: western paradigm and official doctrines. paradigm and official doctrinal documents // Bulletin

- of Moscow State Linguistic University. Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2023. Issue 3 (852). C. 31–36.
4. Kostyuchenko A.V. Digital transformation as a key vector of realisation of the strategy of technological leadership // Kostyuchenko A.V. Kostyuchenko. Politics, Economics and Innovations. 2023. № 1 (48). Order number 7.
 5. Krotenko T. Yu. Comprehension of the concept of technological leadership of the country and analysis of mechanisms of its development. of technological leadership of the country and analysis of mechanisms of its development // Bulletin of the Academy of Management and Production. Academy of Management and Production. 2024. № 2. C. 139–147.
 6. Kurakova N.G., Zinov V.G. Assessment Prospects of gaining global technological leadership of the Russian Federation in the projection of the world patent landscape // Innovations. world patent landscape // Innovations. 2016. № 6 (212). C. 48–57.
 7. Matrizaev B.D. Research of theoretical macrostructural features of strategic technological sovereignty and long-term leadership // Theoretical Economics. Sovereignty and long-term leadership // Theoretical Economics. 2022. № 8. C. 49–59.
 8. Medvedeva N.V. Development of the course on the technological leadership // CITISE. 2024. № 3 (41). C. 300–309.
 9. Stepanov I.V. Strategy of indirect actions Liddell Garth: an attempt to invent a philosophical concept by means of military theory. theory // Vestnik of Samara State Technical University: Series: Philosophy. 2019. № 1. C. 125–128.
 10. Filippov A.R. Political ideology as a type of manipulation // Vlast. a kind of manipulation // Vlast. 2024. № 3. C. 133–139.
 11. Shedyakov V.E. Postglobalism in international relations: the interaction of cultural and civilisational worlds. International Relations: Interaction of Cultural and Civilisational Worlds // Vestnik Prikamskiy Social Institute. Vestnik Prikamskiy Social Institute. 2020. № 1 (85). C. 174–181.

Роль нормативно-правовых актов в формировании общероссийской гражданской идентичности

Скрябин Дмитрий Иннокентьевич,
Северо-Восточный федеральный университет
E-mail: Midas777777@mail.ru

Нормативно-правовые акты имеют особую роль в формировании общероссийской гражданской идентичности, по причине того, что они инициируются теми или иными политическими институтами. Гражданская идентичность выступает в качестве фактора, который объединяет людей разных культур, национальностей и религий в единую общность. В условиях современных вызовов внешней и внутренней угрозы, особенно актуальным является вопрос консолидации российского общества. Нормативно-правовые акты формируют правовую базу, единое представление о государственном суверенитете, правопорядок, поддерживая их значимость.

В статье рассматривается как нормативно-правовые нормы, влияют и способствуют формированию и укреплению общероссийской гражданской идентичности в условиях многонационального государства. Подчеркивается роль изменений в законодательстве последних лет, которые направлены на поддержку единства российского общества. Работа в данном направлении даёт возможность совершенствовать ценностный подход, которая содействует в гармонизации общественных отношений.

Ключевые слова: нормативно-правовые акты, гражданская идентичность, стратегия, национальная безопасность, формирование, ценности, культура, народы.

Российская Федерация является носителем разнообразных этнических, культурных и религиозных групп. В современных условиях, когда происходит достаточно стремительное социально-политическое изменение, необходимость правового регулирования для поддержания стабильности и укрепления консолидации российского общества посредством формирования общероссийской гражданской идентичности, особо важно [8].

В последние годы наблюдается обновление нормативно-правовых актов, которые направлены на укрепление гражданской идентичности. Оно отражает необходимость адаптации законодательства к новым вызовам российского общества. Нормативно-правовые акты формируют общественные нормы и ценности, которые способствуют сплочению граждан.

Гражданская идентичность является осознанием гражданами различий и сходств, свойственных представителям разных этнических, социальных и религиозных групп, а также процесс социальной интеграции, направленная на создание единой российской гражданской общности. Сущность общероссийской гражданской идентичности состоит в сплочении различных этнических и культурных групп вокруг общих ценностей и идеалов. Поэтому становится важным развитие общих ценностей [13].

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Данный нормативно-правовой акт предусматривает укрепление национального самосознания граждан РФ и формировании гражданской идентичности. Он задаёт стратегические ориентиры развития страны, которые включают социально-экономическое развитие, а также улучшение качества жизни граждан и укрепление национальной безопасности [7].

Формирование общероссийской гражданской идентичности достигается по данному нормативно-правовому акту по нескольким аспектам.

- применение духовно-нравственных ценностей в качестве базиса для воспитания у молодёжи чувства патриотизма и социально ответственных личностей укрепляет общегражданскую идентичность, посредством идентификации индивидов с Россией и ее культурой [12].
- предполагается создание равных возможностей для всех граждан для достижения социальной справедливости. Это выступает в качестве фактора интеграции населения под общими ценностями.
- культурные проекты, которые подразумевают развитие и финансирование культурных инициатив, которые вызваны для того, чтобы способствовать укреплению традиционных ценностей России.
- улучшение здорового образа жизни, которая должно привести к повышению благополучия населения. Создание общего стандарта жизни, которая должна способствовать интеграции российской гражданской идентичности.

В данном указе подчеркивается создания условия для воспитания гармонично развитой личности с чувством патриотизма и социальной ответственности, ко-

торая базируется на основе традиционных российских ценностях, а также на культурно-исторических ценностях. Одним из главных способов достижения данного результата это внедрение исторического просвещения.

Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 Основы государственной политики в области исторического просвещения. Историческое просвещение играет ключевую роль в формировании общероссийской гражданской идентичности вокруг общенациональных ценностей и исторических достижений страны [2].

Историческое просвещение достигается путём сохранения и популяризации истории. Также немаловажную роль играет и поддержка культурных, образовательных и медийных проектов, которые призваны для формирование общего исторического фона. Это способствует усилению единства региональных и этнических групп.

Данный нормативно-правовой акт нацелен на борьбу с искажением исторического прошлого, которая направлена на противодействия фальсификации истории и её дезинформации. Аргументируется это тем, что важность сохранения правдивого и объективного взгляда на события прошлого является ключевым фактором развитие гражданского самосознания. Это делает необходимость интеграции исторического просвещения в образовательную систему. Для того, чтобы молодое поколение росло с правильным пониманием исторической преемственности российского общества.

Оно создаёт чувство национального единства, за счёт гордости за общее прошлое, патриотизма и гражданской идентичности. Достигается оно за счёт поддержки культурного наследия, которому относятся содействие памятникам, архивам и музеям. В сущности системное и массовое историческое просвещение способствует формированию общероссийской идентичности и являются залогом для безопасного развития личности и государства.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 2.07.2021 № 400). Данная стратегия обращает внимание на укрепление национального единства, основного фактора стабильности и развития государства. Документ определяет приоритетные направления политики государства по обеспечению безопасности и консолидации российского общества. Рассмотрим подробные аспекты, того как данный нормативно-правовой акт содействует формированию общероссийской гражданской идентичности [6].

Во-первых данная стратегия обращает внимание на воспитание у граждан патриотического чувства и гражданской ответственности. В документе указывается, что патриотическая воспитание и гражданская ответственность достигается путём поддержки образовательных и культурных инициатив, которые направлены на укрепление национальных ценностей и традиций российского общества.

Во-вторых подчёркивается важность культурного и исторического наследия и её сохранение и популяризация. Здесь также немаловажную роль играет развитие системы образования, которая по существу должна стать платформой для развития общих ценностей среди молодёжи. Оно способствует консолидации российского общества посредством восприятия общего прошлого и культурного единства, что в свою очередь также способствует укреплению общей идентичности [17].

В-третьих в качестве одного из приоритетов указывается информационная безопасность. Оно подразумевает собой противодействие деструктивной информации, которой относят чрезмерное «вестернизацию» и иные

информационно-психологические диверсии, способствующие разобщению единства российского общества путём разжигание межнациональных и межконфессиональных конфликтов, которые приводят к утрате культурного суверенитета. Аргументируется это тем, что последнее время возросла тенденция фальсификации как российской, так и мировой истории. Противоборство с этой тенденцией помогает формировать позитивный и целостный образ российского гражданина, которая позволяет укрепить гражданскую идентичность [15].

В Стратегии даётся положение связанное с укреплением общественного согласия и межэтнического мира, которая является достаточно важным аспектом для формирование единой гражданской идентичности поликультурном и моноэтническом государстве.

Устойчивое социально-экономическое развитие страны, улучшение качества жизни населения, являются важными аспектами, которые стимулируют консолидацию населения в единую общероссийскую гражданскую идентичность. Данный нормативно-правовой акт призван обеспечить внутреннюю безопасность страны. Поэтому следует уделить внимание к Комплексному плану противодействия идеологии терроризма в РФ.

Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы (утв. Президентом РФ В. Путиным 30 декабря 2023 г. № Пр-2610). Противодействие идеологии терроризма укрепляет общероссийскую гражданскую идентичность, выступает в качестве профилактики радикализации молодёжи, наиболее энергичной социальной группы молодёжи, оно помогает поддерживать стабильность общества [1].

Данный план направлен на сплочению граждан перед общей угрозой, с целью укрепление чувства единства российского общества. Противодействие идеологии терроризма требует совместного усилия государства и гражданского общества. Создание здоровой атмосферы, которая включает культурную, этническую и религиозную толерантность. Оно по существу предотвращает радикализацию и экстремизм. Реализуется данный план следующими способами:

- образовательные учреждения играют важную роль в этом процессе, проводя мероприятия по разъяснению традиционных ценностей и ответственности за участие в радикальных организациях [11].
- интеграция молодёжи в волонтерскую и культурную деятельность, что способствует сплочению общества и укреплению гражданской идентичности [18].
- обращение особого внимания созданию антитеррористического мировоззрения среди детей мигрантов и снижению влияния иностранной пропаганды.
- минимизация воздействие деструктивных идеологий на молодёжь, вовлекая их в культурные и добровольческие инициативы.
- реализация информационной политики направленного на создание устойчивого неприятия идеологии терроризма через средства массовой информации и социальные сети. Это включает в себя распространение проверенного антитеррористического контента и материалов, акцентирующих внимание на вреде радикальной идеологии.
- поддержка и развитие традиций различных народов РФ, понимание их вклада в общероссийскую культуру позволит ощутить богатство и разнообразие российской идентичности, что укрепляет общегражданскую солидарность.

Они способствуют формированию устойчивой, интегрированной гражданской идентичности, способной объединять граждан вокруг общих национальных целей

и ценностей. Связи с этим рассмотрим «Стратегию государственной национальной политики».

Стратегия государственной национальной политики (Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666) и изменения к ней. Данная стратегия РФ является основным нормативным актом, которая направлена на укреплении межнационального единства и согласия в многонациональном российском обществе. Причиной её разработки стало необходимость актуализации национальной политики, принимая во внимание современные вызовы и изменения в социально-политической жизни государства [5].

До 2012 г. национальные вопросы регулировались Концепцией государственной национальной политики от 1996 г., которая разрабатывалась в условиях угрозы дезинтеграции общества после распада СССР. Но в последствии появились новые проблемы, которые требовали решения. В качестве этих новых подходов выступают усиление этнокультурного разнообразия и деполитизация этничности [9].

Основной целью стратегии является укрепления единства и разнообразия народов и их интеграция в единое российское общество. В данной стратегии подчёркивается важность формирования общей гражданской идентичности на основе общей истории и ценностях [16].

Стратегия государственной национальной политики РФ представляет ответ на вызовы современного общества. Оно вызвано, чтобы содействовать единству российского общества, которая сочетает в себе уважение к национальному и культурному многообразию российского общества с эффективной государственной политикой. По данной теме выделяются следующие нормативно-правовые акты.

Распоряжение Правительства РФ от 11.09.2024 № 2501-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года».

Данный нормативно-правовой акт акцентирует важность культурного наследия и инноваций в консолидации граждан регионов РФ посредством развития общенациональной культуры и национального самосознания, которые являются фундаментом развития идентичности [4]. По отношению формирования общероссийской гражданской идентичности данный документ предусматривает несколько аспектов. К ним можно отнести сохранение и развитие культурного наследия, которая достигается через повышение внимание на охране и популяризации культурных ценностей, которые укрепляют связь поколений и регионами РФ. К тому же документ предусматривает поддержку этнического многообразия РФ, которая предусматривает интеграцию различных этнических групп в единую культурную среду. Это развивает чувство принадлежности к единой нации. Достигается оно путём поддержки общих каких-либо культурных символов, которому относятся праздники, традиции, религиозные обряды и т.д.

Культурная политика способствует укреплению духовно-нравственных ценностей, формируя среду для их распространения, которому относятся разнообразные культурные мероприятия.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ от 9.11.2022 № 809). Традиционные ценности РФ являются основой для формирования гражданской идентичности, которые создают основу для взаимопонимания и общих целей граждан страны [2].

Документ делает акцент на укреплении и защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Традиционные ценности являются важными

ориентирами формирования мировоззрения граждан. Мировоззрение формируется благодаря таким аспектам как достоинство личности, патриотизм, гуманизм, жизнь, историческая память народа, коллективизм и др. Поддержка данных ценностей способствует национальной безопасности и стабильности, которые являются фундаментом для укреплению гражданской идентичности. Это обеспечивает гражданское единство в многонациональной стране. К тому же в документе выделяется особая роль религии и православия в становлении этих ценностей.

Религия способствует социальной сплочённости и помогает решить важные социальные проблемы. К тому же оно выступает в качестве транслятора культурных ценностей.

Известный политолог XX–XXI вв. С. Хантингтон определял цивилизации по конфессиональному признаку, например исламская, индуистская, конфуцианская, буддистская и православная. Он подчёркивает важность этих религий в культурное развитие этих регионов [10].

В документе выделяются угрозы фундамента гражданской идентичности (традиционных российских духовно-нравственных ценностей) в виде экстремизма и террористических организаций. Кроме этого к угрозе относится и иностранное вмешательство, которое может привести к размыванию ценностей и культуры. Оно может достигаться путём повышения влияния медиаплатформ, к которым относятся социальные сети, новостные сайты и т.д. Чрезмерное повышение роли иностранных акторов в СМИ может привести к изменению приоритетов общества.

Инструментами реализации политики сохранения ценностей выступают образовательные реформы, поддержка культурных и общественных инициатив и проектов, а также информационная политика.

Нормативно-правовой акт подчёркивает роль традиционных ценностей в формировании общероссийской гражданской идентичности. Посредством интеграции образовательные и культурные программы связанные с традиционными ценностями превращаются в элемент общественного сознания, содействуя консолидации российского общества. Оно проявляется не только в внутренней гармонии и стабильности, но и в создании позитивного имиджа России на международной арене как защитника духовно-нравственных ориентиров. Это становится инструментом как внутреннего укрепления, но и внешний политика, а именно фактором международных отношений. Закрепление концепции единого культурно-ценностного пространства является залогом социально-культурной консолидации российского общества, а также эффективному противостоянию современным вызовам и угрозам. Что в конечном итоге также способствует формированию общероссийской гражданской идентичности.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 г. № 1481-р Об утверждении Концепции государственной языковой политики РФ.

Общий язык является транслятором культурных ценностей среди разных этнических, культурных и религиозных групп в многонациональном государстве [3]. Оно облегчает взаимодействия между представителями разных регионов нашей страны. Следует отметить также и то, что язык являясь носителем богатого культурного наследия и традиций народа и способствует формированию общегражданской идентичности, обеспечивая взаимопонимание и сплочённость. В качестве такого языка в РФ выступает русский язык, как языка используемого на всей территории страны.

Государственная языковая политика регулирует использование и развитие языков народов РФ. Поддержка языкового многообразия помогает сохранить этническое и культурное многообразие, что является ключевым аспектом признания многонационального характера государства. Данная языковая политика согласованная с интересами различных этнических, культурных групп является профилактикой этнических и культурных противоречий и способствует гармонии и балансу в российском обществе [14].

Заключение

В условиях многонационального и поликультурного характера российского общества формирование гражданской идентичности является одной из важных задач государственной политики. Разнообразие культурных, этнических и религиозных групп в РФ, требует выработки гармонического развития между сохранением уникальности народов РФ и укреплением национального единства. В РФ за последние годы были предприняты значительные усилия в обновлении нормативно-правовой базы способствующее формированию и укреплению общероссийской гражданской идентичности. «Современная стратегия государственной национальной политики» обращает внимание на необходимость интеграции этнокультурного многообразия и обеспечивает основу для укрепления межнационального единства. Нормативно-правовые акты, к примеру «Стратегии национальной безопасности», «Основы государственной политики по сохранению традиционных ценностей» и «противодействие идеологии терроризма» подчёркивают сохранения культурного, исторического наследия, как патриотического воспитания, а также противостояние деструктивного информационного влияния, радикализации и экстремизму. Историческая просвещение и «государственная языковая политика» способствуют популяризации языка, главного средства коммуникации и вызваны предотвратить разобщение населения и их интеграцию в единую российскую общность. Так действия заложенные в стратегических нормативных актах, вызваны на сплочение населения на основе общих ценностей и целях государства, где общероссийская гражданская идентичность выступает как фундамент консолидации и гармонии российского общества.

Литература

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы: утверждён Президентом РФ В. Путиным 30 декабря 2023 года № Пр-2610. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 16 декабря 2024 года).
2. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=LjN8K8S48> (дата обращения: 18 декабря 2024 года).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 июня 2024 г. № 1481-р «Об утверждении Концепции государственной языковой политики РФ». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/> (дата обращения: 18.12.2024).
4. Распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2024 г. № 2501-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года». URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-11092024-n-2501-r-ob-utverzhdenii/> (дата обращения: 18.12.2024).
5. Стратегия государственной национальной политики (Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 16.12.2024).
6. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 16.12.2024).
7. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 16.12.2024).
8. Андриченко Л.В. Правовые механизмы сохранения этнокультурной самобытности народов Российской Федерации и формирования общероссийской гражданской идентичности // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 38–51.
9. Андросов М.В. Государственная национальная политика Российской Федерации: от концепции к стратегии // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 197–203.
10. Багаева К. А., Цырендоржиева Д.Ш. Социальные функции религии и специфики их реализации в условиях современности // Вестник БГУ. 2023. № 1. С. 18–30.
11. Быкадорова А. С., Дружинина К.М., Чурилов С.А. Информационно-просветительская деятельность в образовательных учреждениях в профилактике распространения экстремизма и идеологии терроризма в молодежной среде // КПЖ. 2017. № 3 (122). С. 28–34.
12. Мацефук Е. А. и Разбегаев П.В. Духовно-нравственные ценности как основа воспитания патриотизма // МНКО. 2020. № 4 (83). С. 199–201.
13. Мчедлова М. М., Саркисян О.Л. Гражданская идентичность: разнообразие смыслов и достижение солидарности // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. № 4. С. 648–458.
14. Перкова Д.В. Некоторые особенности и проблемы государственной языковой политики в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2010. № 5. С. 76–80.
15. Смирнов А.А. Четвертый приоритет: правовое закрепление задач обеспечения информационной безопасности в новой стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2021. № 3 (46). С. 222–228.
16. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (в редакции указа президента РФ от 06.12.2018 № 703) // Этнодиалоги. 2019. № 1 (57). С. 30–56.
17. Шапинская Е.Н. Роль культурного наследия в образовании и воспитании Российской молодежи // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2016. № 4 (23). С. 53–61.
18. Яковлев П. И., Григорьев И.Н. Формирование гражданского самосознания молодежи в условиях досуговой деятельности добровольческих объединений // Вестник ТГУ. 2011. № 8. С. 158–162.

THE ROLE OF NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE FORMATION OF ALL-RUSSIAN CIVIL IDENTITY

Skryabin D.I.

North-Eastern Federal University

Normative legal acts have a special role in the formation of all-Russian civil identity, due to the fact that they are initiated by certain

political institutions. Civil identity acts as a factor that unites people of different cultures, nationalities and religions into a single community. In the context of modern challenges of external and internal threats, the issue of consolidation of Russian society is especially relevant. Normative legal acts form the legal framework, a unified idea of state sovereignty, law and order, supporting their significance.

The article examines how normative legal norms influence and contribute to the formation and strengthening of all-Russian civil identity in a multinational state. The role of changes in legislation in recent years, which are aimed at supporting the unity of Russian society, is emphasized. Work in this direction makes it possible to improve the value approach, which contributes to the harmonization of social relations.

Keywords: Normative legal acts, civil identity, strategy, national security, formation, values, culture, peoples.

References

1. Comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2024–2028: approved by the President of the Russian Federation V. Putin on December 30, 2023, No. Pr-2610. URL: <https://www.garant.ru> (date of access: December 16, 2024).
2. Fundamentals of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, No. 809. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/48502?erid=L-jN8K8S48> (date of access: December 18, 2024).
3. Order of the Government of the Russian Federation of June 12, 2024 No. 1481-r “On approval of the Concept of the state language policy of the Russian Federation”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/> (date of access: 18.12.2024).
4. Order of the Government of the Russian Federation of September 11, 2024 No. 2501-r “On approval of the Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030”. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-11092024-n-2501-r-ob-utverzhenii/> (date of access: 18.12.2024).
5. Strategy of the state national policy (Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/36512> (date of access: 16.12.2024).
6. National Security Strategy of the Russian Federation (Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400). URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of access: 16.12.2024).
7. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 No. 309 “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036”. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (date of access: 16.12.2024).
8. Andrichenko L.V. Legal mechanisms for preserving the ethnocultural identity of the peoples of the Russian Federation and the formation of an all-Russian civil identity // *Journal of Russian Law*. 2020. No. 6. P. 38–51.
9. Androsov M.V. State national policy of the Russian Federation: from concept to strategy // *State and legal studies*. 2020. No. 3. P. 197–203.
10. Bagaeva K. A., Tsyrendorzhieva D. Sh. Social functions of religion and the specifics of their implementation in modern conditions // *Bulletin of BSU*. 2023. No. 1. P. 18–30.
11. Bykadorova A. S., Druzhinina K.M., Churilov S.A. Information and educational activities in educational institutions in the prevention of the spread of extremism and the ideology of terrorism among young people // *KPZh*. 2017. No. 3 (122). P. 28–34.
12. Matsefuk E. A. and Razbegaev P.V. Spiritual and moral values as the basis for patriotic education // *MNKO*. 2020. No. 4 (83). P. 199–201.
13. Mchedlova M. M., Sargsyan O.L. Civic identity: diversity of meanings and achieving solidarity // *Bulletin of RUDN. Series: Political Science*. 2021. No. 4. P. 648–458.
14. Perkova D.V. Some features and problems of the state language policy in the Russian Federation // *Bulletin of RUDN. Series: Political Science*. 2010. No. 5. P. 76–80.
15. Smirnov A.A. The fourth priority: legal consolidation of the tasks of ensuring information security in the new national security strategy of the Russian Federation // *Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. 2021. No. 3 (46). P. 222–228.
16. Strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (as amended by the decree of the President of the Russian Federation of 06.12.2018 No. 703) // *Ethnodiologies*. 2019. No. 1 (57). P. 30–56.
17. Shapinskaya E.N. The role of cultural heritage in the education and upbringing of Russian youth // *Culture and education: scientific and information journal of universities of culture and arts*. 2016. No. 4 (23). P. 53–61.
18. Yakovlev P. I., Grigoriev I.N. Formation of civic self-awareness of young people in the context of leisure activities of volunteer associations // *Bulletin of TSU*. 2011. No. 8. P. 158–162.

Взаимодействие правоохранительных органов США и Мексики в области противодействия торговли людьми и использования рабского труда

Бельский Виктор Александрович,

соискатель Института Латинской Америки Российской академии наук, адвокат, партнер адвокатского Бюро Санкт-Петербурга «АГАТ»
E-mail: viktorbelskiy77@gmail.com

В статье рассматриваются комплексные аспекты иммиграционной политики и проблематики в Соединенных Штатах Америки, включая роль различных федеральных агентств и отделений, занимающихся вопросами иммиграции, таких как Государственный департамент, Министерство юстиции, Федеральное бюро расследований, Министерство труда, а также Министерство здравоохранения и социальных служб. Особое внимание уделяется классификации иностранных субъектов в контексте иммиграционного права США, а также мерам по борьбе с торговлей людьми между США и Мексикой, включающим укрепление двусторонних отношений, улучшение механизмов правоприменения и повышение уровня информированности населения. Представлены рекомендации по совершенствованию правоохранительной деятельности в обеих странах и роль трех основных структур власти США в формировании и модернизации иммиграционной политики.

Ключевые слова: иммиграция, Соединенные Штаты Америки, торговля людьми, правоприменение, двусторонние отношения, информированность населения, правоохранительная деятельность, иммиграционное право, федеральные агентства, нелегальная иммиграция, стандартизация идентификационных процедур.

В современном мире проблемы торговли людьми и использования рабского труда остаются одними из наиболее острых и тревожных аспектов международного правопорядка. Эти преступления, не знающие границ, требуют координированных усилий на международном уровне для их предотвращения и пресечения. В частности, тесное взаимодействие между правоохранительными органами США и Мексики имеет решающее значение в борьбе против этих пороков, учитывая обширную общую границу, через которую осуществляется значительная часть нелегальной миграции и, как следствие, торговли людьми. Целью настоящей статьи является изучение состояния и перспектив сотрудничества между двумя странами в данной области, рассмотрение как достижений, так и проблем, с которыми сталкиваются правоохранительные органы обеих государств. Мы также изучим меры, предпринимаемые на уровне законодательства и практики, для борьбы с этими преступлениями, а также рассмотрим конкретные примеры успешного сотрудничества и вызовы, стоящие перед США и Мексикой в усилиях по искоренению торговли людьми и принудительного труда.

Отношения между США и Мексикой описываются как динамичные, пронизанные как взаимной поддержкой и совместными усилиями, так и конфликтами и соперничеством. Исторический путь двух государств исполнен борьбы за лучшее будущее миллионов людей, мигрирующих через границу длиной свыше 1 989 миль, и обширной торговли, с ежедневным товарообменом на сумму более 1,5 миллиарда долларов [10].

Без претензии на исчерпывающий анализ всех сторон воздействия потока мигрантов с южной части в США на затронутые этим движением общества, давайте рассмотрим несколько значимых примеров. Исходя из данных, предоставленных «Глобальным партнерством по миграции и развитию» (KNOMAD) за 2020 год, несмотря на ограничения, связанные с пандемией COVID-19, объем переводов денежных средств мигрантами занимал значительную долю в экономике стран Центральной Америки и Карибского бассейна: в Гондурасе они составляли 24% ВВП, в Сальвадоре и Гаити – 22%, а в Гватемале и Никарагуа – 15%. Подавляющее большинство этих финансовых переводов происходило из США [6].

Взаимная торговля между США и Мексикой выделяется не только своим объемом, который уступает только обмену с Китаем и Канадой, но и уникальной структурой. Трансграничные цепочки создания стоимости стали обыденностью в растущем количестве секторов экономики, при этом значительная часть стоимости мексиканской продукции, экспортируемой в Соединенные Штаты, на самом деле произведена в США – более 40%, что заметно выделяет Мексику на фоне других крупных торговых партнеров, таких как Канада (24%) и Китай (менее 4%). Мексика занимает ключевые позиции в торговле США, будучи вторым по величине экспортным рынком и третьим по значимости источником импорта, при этом

общий объем торговли в 2023 году достиг 531,1 миллиарда долларов.

В период с 2021 по 2023 год Агентство США по международному развитию (USAID) и Мексиканское агентство международного сотрудничества и развития (AMEXCID) тесно взаимодействовали с правительствами штатов на юге Мексики. Их совместные усилия были направлены на содействие развитию микро-, малых и средних предприятий путем их связывания с рынками и инвесторами. Кроме того, они обучали фермеров методам сохранения природных ресурсов, а также обеспечивали доступ к рынкам и финансированию. На сегодняшний день эта деятельность принесла пользу более чем 40 000 человек [11].

В июне 2021 года USAID и AMEXCID подписали Меморандум о взаимопонимании, направленный на укрепление сотрудничества в области развития в северной части Центральной Америки. Данный меморандум поддерживает усилия США и Мексики по обмену знаниями, опытом, активами и ресурсами для устранения коренных причин нелегальной миграции в этом регионе.

В декабре 2021 года США и Мексика объявили о запуске двусторонней программы *Sembrando Oportunidades*, которая включает цели, проекты и показатели для реализации сотрудничества по устранению коренных причин миграции из Центральной Америки. В рамках этой программы USAID и AMEXCID ежедневно координируют свои действия и совместно оказали помощь почти 2000 фермерам и молодежи в Гондурасе и Сальвадоре, предоставив им больше экономических возможностей.

Инициатива «Мерида», которая была разработана при участии экс-президента США Джорджа Буша и экс-президента Мексики Фелипе Кальдерона, заложила основу для нового этапа сотрудничества в сфере безопасности, диалог в рамках которого значительно углубился в течение восьмилетнего президентства Барака Обамы в США. Вдобавок, за эти годы Мексика усилила свои позиции как ключевой игрок на международной арене, выступая в роли связующего звена между развитыми и развивающимися экономикками и внося вклад в гармонизацию интересов обеих сторон в вопросах глобальной экономической и финансовой политики, борьбы с изменением климата и в деятельности ООН по поддержанию мира [3].

Основополагающим мероприятием, способным оказать благотворное влияние на дипломатические отношения между США и Мексикой в контексте миграции, является модернизация американской иммиграционной системы путем внедрения комплексной иммиграционной реформы, адаптированной к требованиям XXI века.

С октября 2022 года зарегистрировано около 84 000 легальных пересечений границы, в то время как за аналогичный период 2021 года данный показатель составлял всего 22 000 человек. В результате, многим лицам приходится ожидать в Мексике несколько недель для бронирования времени прохода границы [12].

В 2022 году было проведено 33 федеральных расследований и 798 расследований штатов по сравнению с предыдущими годами, где наблюдалось меньшее число таких исследований. Данные расследования выявили 23 случая сексуальной эксплуатации на федеральном уровне и 734 на штатовском, а также 30 случаев трудовой эксплуатации без уточнения количества других видов эксплуатации. В этом же году в США на федеральном уровне к ответственности были привлечены 11 лиц, что значительно меньше, чем в предыдущие годы, а на штатовском уровне – как минимум 63 подозреваемых при предоставленных данных только по 10 штатам. Отмечено удвоение числа приговоров за трудовую экс-

плуатацию, однако, недостаточная координация между различными органами затрудняла эффективное преследование за эксплуатацию рабочей силы и оказание помощи жертвам. В рамках борьбы с торговлей людьми было обнаружено 403 подозрительные финансовые операции на сумму 7,5 млн долл. Международное сотрудничество в данной области также было активизировано, включая совместные расследования с несколькими странами и экстрадицию лиц, разыскиваемых в США за преступления, связанные с торговлей людьми [9].

На протяжении исторического развития США, три основные структуры власти – законодательная, исполнительная и судебная – неустанно вносили свой вклад в формирование, систематизацию и модернизацию норм, регулирующих иммиграцию, а также в управлении процессами, связанными с иммиграцией. В этом контексте, Конгресс США устанавливает общие принципы и направления иммиграционной политики страны, президент возглавляет работу государственных агентств, занимающихся вопросами иммиграции, в то время как судебная система следит за соблюдением законодательства в этой сфере и, при необходимости, разрабатывает новые юридические доктрины, касающиеся иммиграционного права США [1].

Разнообразные задачи, относящиеся к вопросам иммиграции в США, обрабатываются многими официальными организациями, среди которых находятся Государственный департамент и Министерство юстиции, последнее из которых включает в себя такие подразделения, как Служба иммиграции и натурализации и Исполнительное управление по вопросам иммиграции. Кроме того, в этот процесс вовлечены Федеральное бюро расследований, Министерство труда и Министерство здравоохранения и социальных услуг. Особую значимость в этой системе занимает Национальный визовый центр США, который действует под управлением частной компании по контракту, заключенному с Государственным департаментом.

Иммиграционное право США признает два типа правовых статусов по признаку наличия гражданства: гражданин и иностранный субъект. В контексте юридического положения, иностранные субъекты дифференцируются на три основные группы.

1. Субъекты, обладающие правом на временное нахождение в пределах США (категория неиммигрантов).

2. Субъекты, которым предоставлен статус постоянных резидентов Соединенных Штатов Америки (категория легальных иммигрантов).

3. Субъекты, находящиеся в США без юридического основания для этого (категория нелегальных иммигрантов) [2].

В рамках классификации, принятой в иммиграционном праве Соединенных Штатов Америки, индивиды, находящиеся в стране в нарушение установленных миграционных норм, относятся к группе нелегальных иммигрантов. Эта категория включает в себя следующие подгруппы лиц.

1. Индивиды, въехавшие на территорию США минуя официальные пограничные проверочные процедуры, тем самым нарушая установленный порядок въезда.

2. Лица, которые первоначально въехали на территорию страны, соблюдая все требования иммиграционного законодательства, включая получение соответствующей визы, но продолжили пребывание на территории США по истечении срока действия упомянутой визы, тем самым нарушая условия своего пребывания.

3. Индивиды, занимающиеся рабочей активностью в пределах США без наличия законного разрешения на трудоустройство, которое должно быть предоставле-

но уполномоченными правительственными структурами, а именно – Департаментом труда США.

В 2021 году был сделан значительный шаг в укреплении международного сотрудничества в борьбе с торговлей людьми и контрабандой, когда США, Мексика и страны Северного треугольника (Гватемала, Гондурас и Сальвадор) сформировали объединенную оперативную группу под названием «Альфа». Это сотрудничество служит важным шагом в углублении партнерства в области безопасности между США и Мексикой, особенно в контексте активизации усилий по борьбе с торговлей людьми вдоль их общей границы. Целью данной инициативы является не только пресечение преступной деятельности, но и создание условий для устойчивого развития региона [5].

Однако осуществление подобных мероприятий сталкивается с рядом препятствий, прежде всего из-за ограниченности экономических ресурсов со стороны Мексики и стран Северного треугольника. Это создает препятствия для полноценной реализации инициатив и достижения поставленных целей. В этой связи увеличение объема иностранной помощи от США и других международных доноров может оказать существенное влияние на социально-экономическое развитие данных стран, предотвратить нелегальную миграцию и снизить уязвимость населения перед лицом торговли людьми. Этот подход находит отражение в стратегии администрации Байдена, направленной на устранение коренных причин миграции из Центральной Америки, и предусматривает комплексные меры для минимизации нелегальной миграции и сокращения спроса на услуги контрабандистов.

Увеличение объема иностранной помощи также предполагает укрепление безопасности на границе между США и Мексикой за счет улучшения правовой базы для эффективной борьбы с торговлей людьми, проведения специализированных тренингов для сотрудников правоохранительных органов и повышения уровня осведомленности среди населения региона. Важным шагом в этом направлении стало направление США более 1300 специалистов для борьбы с контрабандой на границе и в различных регионах Латинской Америки.

Опасения вызывают риски нецелевого использования средств коррумпированными чиновниками. В ответ администрация Байдена включила в стратегию национальной безопасности меры против транснациональной коррупции. USAID поддерживает прозрачность и подотчетность правительственных институтов в регионе, а также международные антикоррупционные инициативы.

Вопрос о легализации значительного числа нелегальных иммигрантов, проживающих в США продолжительное время, вызвал серьезные разногласия. Сторонники амнистии считают, что это позволит сэкономить средства, которые иначе были бы потрачены на депортации. Противники опасаются роста госрасходов и предлагают ужесточить сбор налогов с нелегалов, сократить траты на их содержание и последовательно применять иммиграционное законодательство [7].

Отмечаются пробелы в ряде ключевых аспектов борьбы с торговлей людьми, в частности, недостаточное финансирование помощи жертвам, нехватка соответствующих услуг, отсутствие расследований в отношении причастных чиновников. Правительство не уделяет должного внимания мошенническим практикам при трудоустройстве внутри страны и за рубежом.

Нелегальная миграция является одним из главных вызовов для региона и корнем других проблем. Основными факторами, побуждающими людей переезжать из Мексики в США, выступают низкий уровень жизни и экономические трудности в Мексике, интерес амери-

канского бизнеса к дешевой рабочей силе, а также финансовая поддержка семей нелегалами.

Нелегальная миграция и нищета способствуют возникновению преступных группировок иммигрантов, занимающихся наркоторговлей на территории США. Отсутствие надлежащего укрепления границ облегчает транспортировку наркотиков и увеличивает прибыли преступных сетей.

Присутствие наркокартелей в северных районах Мексики усиливает бедность и дестабилизацию региона, что приводит к росту эмиграции. Взаимодействие между картелями и преступными группировками способствует распространению наркотиков и укреплению их влияния.

Однако, конкуренция между мексиканскими картелями и американскими мафиозными группировками, в сочетании с усилиями федеральных служб обеих стран, препятствует дальнейшему росту и развитию наркоторговли в этой местности.

Тем не менее, несмотря на кажущееся поражение действующих преступных синдикатов, основные проблемы остались нерешенными. После устранения или разгрома одних организаций на их место приходят новые, а криминальные сети в США продолжают функционировать. Кроме того, вопрос охраны границы остается особенно актуальным. Из-за недостаточного обеспечения пограничного патруля персоналом и ресурсами, его действия оказываются ограниченными по всей протяженности границы, что не позволяет полностью предотвратить незаконное проникновение через уязвимые точки, которыми пользуются как мигранты, так и наркокартели.

Многофакторные обстоятельства подталкивают граждан Центральной Америки и Мексики к эмиграции в Соединенные Штаты. Экономические трудности, обостренные периодами засухи, особенно в аграрных регионах Гватемалы, Гондураса и Сальвадора, приводят к уменьшению доступных рабочих мест. Эти проблемы усугубляются мощной деятельностью организованных преступных групп, таких как «Los Zetas», «Mara Salvatrucha» или «MS-13», «M-18», и «Syndicato tejano», которые, используя террор против местного населения, занимаются наркотрафиком, незаконной торговлей людьми и другими видами преступной активности. Высокие стоимости жизни, недоступность качественного образования и медицинских услуг, нестабильное социальное положение, коррупция и политическое насилие также влияют на желание людей искать лучшую жизнь за пределами своих родных стран [8].

В свете этих вызовов, сотрудничество между правоохранительными органами США и Мексики становится важным элементом в решении проблем, связанных с миграцией и борьбой против незаконного использования рабского труда. Обе страны предпринимают совместные усилия для обеспечения безопасности и защиты прав человека, рассматривая вопросы миграции не только как проблему безопасности, но и как гуманитарный вызов. Совместная работа включает в себя обмен информацией, совместные операции по противодействию транснациональным преступным сетям, эксплуатирующим труд мигрантов, и разработку программ защиты уязвимых групп населения от незаконной эксплуатации.

Американские власти активно принимают меры для укрепления безопасности своих южных границ, стремясь сдержать поток мигрантов. При этом стоит отметить, что внутри США проживает значительное количество испаноговорящих граждан с латиноамериканскими корнями, многие из которых имеют родственников в Южной и Центральной Америке. В рамках политики, инициированной президентом Дональдом Трампом, начато строительство стены на границе с Мексикой. Дополнительно,

США активизировали процесс заключения соглашений с Центральноамериканскими государствами и Мексикой для создания более защищённых и контролируемых границ. Важной составляющей этих усилий является расширение сотрудничества между правоохранительными структурами этих стран.

Однако, как подчеркивают многочисленные исследователи, использование исключительно репрессивных мер не способно коренным образом решить проблему нелегальной миграции. Акцентируется внимание на необходимости совершенствования экономической и социально-политической обстановки в странах, откуда идёт миграция, чтобы улучшить условия жизни населения и снизить мотивацию к эмиграции [4].

Подводя итоги отметим, что в контексте международного сотрудничества между правоохранительными органами США и Мексики, особое внимание уделяется борьбе с незаконным использованием рабского труда и миграцией. Совместные операции направлены на разоблачение и нейтрализацию преступных сетей, эксплуатирующих мигрантов в целях принудительного труда, что является одним из ключевых направлений сотрудничества.

Миграционные процессы имеют сложные и многогранные последствия для всех участвующих стран. Нелегальные мигранты оказываются в уязвимом положении, поскольку их незаконный статус в чужой стране лишает их доступа к медицинской помощи и социальной защите. Кроме того, нелегальные миграционные потоки часто находятся под контролем криминальных групп, что усугубляет проблематику. Принудительный труд, торговля людьми и другие формы насилия над мигрантами являются серьёзной проблемой. В странах исхода социальное неравенство усиливается, инфраструктура разрушается, а некоторые люди, попав под влияние криминальных группировок, связывают свою жизнь с преступностью, ухудшая тем самым общую ситуацию.

Литература

1. Васильев, С.В. Иммиграционная политика США в двухсторонних отношениях с Мексикой в начале XXI в / С.В. Васильев // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2014. № 4. С. 5–13.
2. Закон Соединённых Штатов Америки об иммиграции и натурализации. Вступил в силу 27 июня 1952 года. С поправками на 30 сентября 1996 года. Доступ: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/asylum/Rusa4.2.05.html> (дата обращения: 22.03.2024).
3. Косевич, Е.Ю. Мексикано-американские отношения в период президентства Барака Обамы / Е.Ю. Косевич // Латинская Америка. – 2018. – № 1. – С. 63–75.
4. Кудеярова, Н.Ю. Проблема нелегальной латиноамериканской миграции в США: пространство непримиримого противостояния / Н.Ю. Кудеярова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2015. № 3. С. 127–135.
5. Central America's Turbulent Northern Triangle. Доступ: <https://www.cfr.org/background/central-americas-turbulent-northern-triangle> (дата обращения: 22.03.2024).
6. Migrant Remittance Inflows (US \$ million). KNOMAD. – URL: <https://www.knomad.org/sites/default/files/2021-05/Inward%20remittance%20flows%20May.%202021.xlsx> (дата обращения: 17.10.2021).
7. The Fiscal Burden of Illegal Immigration on United States Taxpayers | 2023 Cost Study. – URL: <https://www.fairus.org/issue/publications-resources/fiscal-burden-illegal-immigration-united-states-taxpayers-2023> (дата обращения: 22.03.2024).

8. The Re-evolution Of American Street Gangs. – URL: <https://vdoc.pub/documents/the-re-evolution-of-american-street-gangs-34dt0mrq01j0> (дата обращения: 22.03.2024).
9. The Report of the Independent Inquiry into Child Sexual Abuse. – URL: <https://revistaingenieriaconstruccion.uc.cl/index.php/bjur/article/download/54649/44355/154493> (дата обращения: 22.03.2024).
10. The U.S.-Mexico Relationship Is About More Than Migration. – URL: <https://carnegieendowment.org/2023/12/14/u.s.-mexico-relationship-is-about-more-than-migration-pub-91254> (дата обращения: 22.03.2024).
11. U.S. Relations With Mexico. – URL: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-mexico/> (дата обращения: 22.03.2024).
12. Weekly U.S.-Mexico Border Update: Migration Rises, Darién Gap Data, House Republicans' Budget. – URL: <https://www.wola.org/2023/09/weekly-u-s-mexico-border-update-migration-rises-darien-gap-data-house-republicans-budget/#note2> (дата обращения: 22.03.2024).

INTERACTION BETWEEN LAW ENFORCEMENT AGENCIES OF THE USA AND MEXICO IN THE FIGHT AGAINST HUMAN TRAFFICKING AND FORCED LABOR

Belsky V.A.

Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences

The article highlights the complex aspects of immigration policy and issues in the United States, including the role of various federal agencies and departments dealing with immigration issues such as the State Department, Department of Justice, Federal Bureau of Investigation, Department of Labor, as well as the Department of Health and Human Services. Special attention is paid to the classification of foreign subjects in the context of US immigration law, as well as measures to combat human trafficking between the USA and Mexico, including strengthening bilateral relations, improving law enforcement mechanisms, and increasing public awareness. Recommendations are presented for enhancing law enforcement activities in both countries and the role of the three main branches of power in the USA in shaping and modernizing immigration policy.

Keywords: immigration, human trafficking, law enforcement, bilateral relations, public awareness, law enforcement activities, immigration law, federal agencies, nonimmigrants, illegal immigration, standardization of identification procedures.

References

1. Vasiliev, S.V. US Immigration Policy in Bilateral Relations with Mexico at the Beginning of the 21st Century / S.V. Vasiliev // Electronic Supplement to the Russian Law Journal. 2014. No. 4. Pp. 5–13.
2. The Immigration and Naturalization Act of the United States of America. Entered into force on June 27, 1952. As amended on September 30, 1996. – URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/asylum/Rusa4.2.05.html> (date accessed: 03/22/2024).
3. Kosevich, E. Yu. Mexican-American Relations during the Presidency of Barack Obama / E. Yu. Kosevich // Latin America. – 2018. – No. 1. – P. 63–75.
4. Kudeyarova, N. Yu. The Problem of Illegal Latin American Migration to the United States: Space of Irreconcilable Confrontation / N. Yu. Kudeyarova // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. 2015. No. 3. P. 127–135.
5. Central America's Turbulent Northern Triangle. – URL: <https://www.cfr.org/background/central-americas-turbulent-northern-triangle> (date of access: 22.03.2024).
6. Migrant Remittance Inflows (US \$ million). KNOMAD. – URL: <https://www.knomad.org/sites/default/files/2021-05/Inward%20remittance%20flows%20May.%202021.xlsx> (accessed on 10/17/2021).

7. The Fiscal Burden of Illegal Immigration on United States Taxpayers | 2023 Cost Study. – URL: <https://www.fairus.org/issue/publications-resources/fiscal-burden-illegal-immigration-united-states-taxpayers-2023> (accessed on 03/22/2024).
8. The Re-evolution Of American Street Gangs. – URL: <https://vdoc.pub/documents/the-re-evolution-of-american-street-gangs-34dt0mrq01j0> (Accessed: 22.03.2024).
9. The Report of the Independent Inquiry into Child Sexual Abuse. – URL: <https://revistaingenieriaconstruccion.uc.cl/index.php/bjur/article/download/54649/44355/154493> (Accessed: 22.03.2024).
10. The U.S.-Mexico Relationship Is About More Than Migration. – URL: <https://carnegieendowment.org/2023/12/14/u.s.-mexico-relationship-is-about-more-than-migration-pub-91254> (Accessed: 22.03.2024).
11. U.S. Relations With Mexico. Available at: <https://www.state.gov/u-s-relations-with-mexico/> (Accessed: 03/22/2024).
12. Weekly U.S.-Mexico Border Update: Migration Rises, Darién Gap Data, House Republicans' Budget. – URL: <https://www.wola.org/2023/09/weekly-u-s-mexico-border-update-migration-rises-darien-gap-data-house-republicans-budget/#note2> (Accessed: 03/22/2024).

Участие австрийских СМИ в формировании негативного внешнеполитического имиджа СССР «постбрежневских» лет

Жириков Иван Георгиевич,

д.и.н., заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения

E-mail: ivan1948@yandex.ru

Статья посвящена анализу деятельности австрийских СМИ по формированию негативного внешнеполитического имиджа СССР «постбрежневского» периода. В ней предпринята попытка связать историю участия Австрии в организованной Западом в начале 1980-х годов кампании, направленной на нанесение урона внешнеполитическому образу СССР, и нынешней экзистенциальной войной коллективного Запада, включая и Австрию, против России. В работе приводятся конкретные факты содействия австрийских СМИ в пристрастном критиканстве внешней и внутренней политики СССР, которые позволяют оценить неприглядную роль Австрии в демонизации страны Советов. В статье делается вывод о том, что для создания положительного имиджа России в глазах народов мира, следует, прежде всего, сделать Россию могущественной страной, окончательно избавиться от заискивания перед Западом, стремления ему подражать, добиваться всеобщего уважения в стране собственных национальных идеалов, научиться эффективно предупреждать действия, направленные на нанесение внешнего удара по международному имиджу нашей стране, и быть готовым к нейтрализации сложившихся или складывающихся негативных, порой, мифологических представлений о России.

Ключевые слова: внешнеполитический имидж, СМИ, внутренняя политика, внешняя политика, информационно-пропагандистская война, западноевропейские ценности, права человека, коллективный Запад, экзистенциальная война.

Сегодня коллективный Запад прилагает громадные усилия в создании негативного внешнеполитического имиджа современной России. В самых общих чертах внешнеполитический имидж или образ страны – это совокупность эмоционально окрашенных представлений о том или ином государстве в сознании граждан другого государства, целенаправленно формируемых в общественном сознании разнообразными средствами [8, с. 275]. Этот образ может создаваться, как пишут наши исследователи, не только традиционным, хорошо апробированным путем – через международные культурные и иные контакты, но и целенаправленно – с помощью различных политических средств и технологий, а также в результате пропагандистских манипулятивных действий [3, с. 19–20].

Существует несколько субъектов, обеспечивающих государству создание позитивного имиджа своей страны в мире. Среди них особое место занимают средства массовой информации (СМИ), включающие, как известно, печатные издания, радио и телевидение. СМИ могут использоваться и используются в навязывании отрицательного внешнеполитического образа своих экзистенциальных врагов.

Участие в процессе очернения внешнеполитических действий России принимают многие недружественные нам страны. Среди них присутствует и Австрия – страна, с которой у нас после Второй мировой войны складывались в целом взаимно уважительные отношения. Объяснение этого, казалось бы, парадоксального феномена во многом лежит в истории.

Вторая Австрийская Республика, созданная благодаря во многом усилиям СССР, разгромившего фашизм и освободившего австрийский народ от нацизма, довольно быстро оказалась в фарватере внешней политики США и их союзников. Несмотря на объявленный страной постоянный нейтралитет, следование которому обеспечивало ей высокий уровень внешней суверенности, австрийские правящие круги неизменно подчеркивали верность Австрии западноевропейским ценностям. Бесспорно, эти ценности сами по себе, включавшие, как известно, реализацию неотъемлемых права человека, выборность властей, главенство права, демократию и др. – можно считать большим достижением западной цивилизации. Хуже другое – когда на Западе эти ценности стали считать универсальными и обязательными без всяких оговорок и сомнений для всех народов. И вот тогда уже включается Западом пропаганда, проводимая часто неуклюже и агрессивно.

Австрия всегда подчеркивала свою неразрывную связь с «западными демократиями», неизменно участвуя во всех идеологических компаниях Запада, направленных против стран социализма. Собственно говоря, ничто в этой констатации не противоречило концепции мирного сосуществования; две противоборствующие системы (мир капитализма и мир социализма) всегда заявляли, что «мирное сосуществование» на идеологическую сферу не должно переноситься. Да, и в целом, надо признать, что борьба этих идеологий – нормальный процесс. Приемлемо то, что в годы холодной войны и США и их «партнеры», и СССР со своим союзниками внешнюю по-

литику определяли идеологическими доктринами мессианского характера [7, с. 20].

Многие австрийские средства массовой информации участвовали в реализации американской программы идеологического давления на СССР и другие страны социализма. В Австрии десятки изданий публиковали статьи, в которых высмеивались достижения СССР и других стран социализма; их внешняя политика преподносилась своему «внутреннему потребителю» как политика, направленная на установлении не иначе как «коммунистической гегемонии». Особенно явно проявилась эта политика в начале 80-х годов XX века.

Свёртывание разрядки и возвращение холодной войны стало вызовом для советского руководства. И надо признать, что оно с этим вызовом не справилось. В «постбрежневское время» – конец 1982 г. – март 1985 г., как отмечают некоторые исследователи, с одной стороны, продолжалась якобы «коммунистическая мессианская экспансия» [4], с другой, появилось, к сожалению, у новых советских лидеров «абсолютно иллюзорные надежды на позитивное решение проблемы взаимоотношений СССР и Социалистического Содружества с враждебным Западом» [6, с. 219].

Одним словом, внешняя политика СССР «постбрежневского времени» давала, так или иначе, повод для критического её восприятия на Западе. Но в том то и дело, что критика Запада в большинстве своём превращалась в пристрастное критиканство, афронт, формируя, тем самым, во всём мире всё тот же «зловещий образ СССР».

Австрийские средства массовой информации приняли участие в этой антисоветской информационно-психологической войне. Они пытались увязать фактический материал с актуальными тезисами западной пропаганды, поиск аргументов в поддержку этих тезисов. «Первоначальной политической целью СССР является, как информировал из Москвы австрийского читателя корреспондент газеты «Salzburger Nachrichten», близкой, по мнению советских дипломатов в Вене, к правящей Социалистической партии Австрии (СПА), «Зайтдлитц, внесение раскола между США и остальным западным миром». «Сейчас дружественный тон в обращении с политическими противниками, такими как Америка, ФРГ снова отложен в сторону и вместо этого в самых грубых выражениях в газетах говорится о том, что о них действительно думают», писал Зайтдлитц [10, оп. 63, п. 140, д. 16. л.78].

Материалы еженедельника «Vochenpresse», выражавшего взгляды влиятельной Австрийской народной партии (АНП), о внутренней и внешней политике СССР и других соцстран присутствовали, как правило, в каждом номере [10, оп. 62, п. 137, д. 16. л.76]. В советском посольстве в Вене, следящем за характером публикаций о нашей стране, утверждали, что антисоветская направленность материалов, публикуемых в средствах массовой информации «бросается в глаза», что в большинстве этих публикаций пишется «лишь негативно о внутренней и внешней политике СССР и других стран социализма» [там же.л. 77].

В посольстве СССР в Вене подсчитали, что корреспондент австрийской газеты «Die Presse» Уве Энгельбрехт помещал в газете в среднем в год 70–80 материалов, посвященных внутренней и внешней политике СССР [там же.л. 19]. «Их анализ, а также сравнивая с публикациями корреспондентов в других странах, показывал, как утверждали советские дипломаты, – что «У. Энгельбрехт «вписался» в линию данного печатного органа, стремящегося под маской объективности искажать и при необходимости извращать многие аспекты

внешней политики социалистических стран, давая ложную картину положения внутри их» [10, оп. 62, п. 137, д. 16. л.19].

Правда, следует отметить, как информировали Москву наши дипломаты из Вены, что при освещении отношений между СССР и Австрией австрийские комментаторы проявляют сдержанность, стремление не нанести ущерб эти отношениям [10, оп. 63, п. 140, д. 16. л.59].

Советские дипломаты, анализирующие австрийскую прессу, приходили к выводу: австрийские СМИ пытаются отвлечь читателя от «агрессивной сущности империализма, увести в сторону от правильного понимания сущности острых международных проблем и причин нынешнего обострения международного положения» [10, оп. 62, п. 137, д. 16. л.107].

Обращал на себя внимание тот факт, что австрийские власти делали вид, что они не замечают проявления антисоветизма на страницах печати страны, конечно, ссылаясь на свободу этой печати. Более того, они подчеркивали высокий уровень развития австрийско-советских отношений, заявляли, что, по их мнению, «ещё далеко не исчерпаны все резервы для их дальнейшего развития» [там же.л. 94]. «Австрия, граничащая с двумя государствами-членами НАТО и двумя членами Варшавского договора, с неприсоединившейся Югославией и двумя нейтральными государствами – Швейцарией и Лихтенштейном, заинтересована в разрядке, заявлял министр иностранных дел Австрии Э. Ланц [там же]. Наверное, некоторым австрийцам, приходившимся сопоставлять антисоветские публикации и заявления официальных лиц, приходила мысль о их неискренности и двуличности.

Одна из важнейших внешнеполитических проблем рассматриваемых лет являлась проблема ограничений и сокращений стратегических вооружений (ОССВ). Переговоры по этой проблеме проходили между СССР и США с середины 1982 года по начало декабря 1983 года. Практически параллельно с ними велись также и переговоры об ограничении ядерных вооружений в Европе (ОЯВЕ) [2, с. 309]. В конечном счете, они закончились неудачно.

Причин неудачи переговорного процесса по ОССВ и ОЯВЕ было достаточно много, можно выделить главные из них: отказ США от Договора ОСВ-2; начатая Рейганом крупномасштабная программа перевооружения США; усиление гонки советских вооружений на рубеже 1970–1980-х гг.; недоверие советского руководства к президенту Р. Рейгану в связи с его недружественными для СССР акциями; выдвижение американской стороной на переговорах предложений о резком и кардинальном сокращении РСД и стратегического оружия, заранее зная их неприемлемость для Советского Союза; стремление США поставить СССР на переговорах в невыгодную ситуацию [5, с. 51–52].

Между тем, в мировой прессе и в публикациях австрийской печати явно превалировал тезис о «жесткой позиции Москвы». «Наряду с повторением широко распространяемых на Западе тезисов и оценок антисоветского содержания в комментариях австрийских газет просматривается и критические намеки, – считали в посольстве СССР в Австрии, – в адрес американской администрации и лично президента США» [10, оп. 63, п. 140, д. 16. л.82].

И всё-таки, значительно больше критике «доставалось» СССР. Отдельные австрийские газеты в сентябре 1983 года подчеркивали, что советские предложения и действия являлись лишь «пропагандистским шагом Москвы», обращены к общественности Запад с тем, чтобы стимулировать антивоенное движение. Особенно

усердствовал в антисоветизме корреспондент «Salzburger Nachrichten» П. Зайдлиц [17]. Касаясь внешней политики СССР, он писал: «Американцы публично обсуждают свою программу вооружений. В то время Советский Союз в тайне строит свои планы, а свои программы вооружений к тому же приукрашивает пропагандистскими компаниями за мир [15]. П. Зайдлиц считал: «В целом внешняя политика СССР в последнее время состояла в монотонном повторении позиций и внесении бесчисленных предложений по всевозможным темам и всё в новых вариантах, которые много обещали... пропагандистская активность прикрывала тот факт, что во внешней политике Москвы, собственно говоря, ничего не двигалось» [15].

В ноябре 1983 года СССР выходит из Женевских переговоров по разоружению. Это стало ответом на решение бундестага ФРГ начать размещение на своей территории американских ракет «Першинг-2». Он отменяет мораторий на развертывание ядерных вооружений средней дальности и ускоряет размещение тактических ракет в ГДР и Чехословакии.

Многие австрийские газеты помещали сообщения и статьи о Заявлении Андропова под заголовками: «Холодный ветер из Москвы»; «Нет-сказано жестко и холодно»; «Ракетное похолодание минимум до 1985 года» [18]. Они не просто выражали озабоченность усилением конфронтации на европейском континенте, а приписывали, со слов советских дипломатов в Вене, ответственность за это Советскому Союзу [10, оп. 62, п. 137, д. 16. л.125]. При этом австрийская пресса отмечала, что не все якобы страны Варшавского договора приветствовали контрдействия СССР: «Румыния в отличие от остальных стран-членов Варшавского договора, критиковала, как размещение новых американских ракет, так и объявленные Андроповым советские контрмеры» [там же, л.126].

«Salzburger Nachrichten» 25 ноября 1983 г. поместила статью, основанную на западных источниках, о том, что в СССР, якобы создаются (подумать только!) «территориальные отряды» численностью 300 тыс. человек, предназначенные для засылки под видом спортсменов, туристов, студентов в страны Западной Европы, где размещены першинги и крылатые ракеты с целью вывода их из строя [18].

Одна из распространенных тем австрийских СМИ – это тема отношений СССР и социалистических стран. Конечно, она освещалась австрийской прессой в контексте «гегемонистских устремлений Москвы» [10, оп. 62, п. 137, д. 16. л.104]. СМИ Австрии делали акцент на несогласии румынской стороны с позицией СССР в вопросе устранения военной угрозы, на отказе Чаушеску встать на сторону Москвы [там же].

Австрия активно включилась в новый виток западной пропагандистской войны с социалистическим «Востоком» в связи с событиями в Польше, представляя «польские события» как результат давления СССР, хотя было хорошо известно, что введение военного положения в стране было принято самостоятельно польским руководством во главе с В. Ярузельским. И лишь, одна газета австрийских коммунистов, как писали работники советского посольства в Вене, разъяряла население мероприятия польских властей по стабилизации и улучшению экономического и социально-политического положения в ПНР [10, оп. 61, п. 134, д. 32, л. 72–77].

Австрийская пресса в негативном плане комментировала решение о роспуске прежнего союза журналистов ПНР, остро реагировала на интернирование некоторых участников майских беспорядков в ряде населенных пунктах Польши [10, оп. 63, п. 140, д. 16. лл.72–77]. Конечно, СМИ Австрии затронули и проблему польских

беженцев, напоминая согражданам страны, что альпийская республика была всегда готова помочь «жертвам коммунизма», приняв у себя в 1945–1982 гг. 1 млн 670 тыс. чел. поляков, [10, оп. 61, п. 134, д. 32, л.2] 66 тыс. из которых остались в Австрии на постоянное место жительства [там же].

«Salzburger Nachrichten», рассматривая события в Польше, писали, что СССР «не столько беспокоят сами антиправительственные выступления в странах социализма, означающие отказ от социалистической модели, сколько ослабление из-за этого авторитета и престижа СССР в отношениях с Западом, с «третьим» и «четвертым» миром [16].

Правда, потом резкий антисоветский тон в освещении польских событий, выпады против руководства ПНР, п создания «совета национального спасения» были несколько приглушены [10, оп. 63, п. 140, д. 16. л.75].

Конечно, не осталась без внимания австрийских газет и тема афганских событий. Они освещали эти события в привычном стиле, видя в СССР агрессора, выступившего против своего южного соседа, поддерживая, таким образом, общий тренд западных СМИ об «образе» врага в лице СССР, который, безусловно, наносил ему громадный внешнеполитический урон. Не стремились обойти австрийские печатные издания, а, скорее, не хотели, болезненную тему для СССР – потери советских войск. Они постоянно оглашали эти потери, цифры которых никто не перепроверял, под вывеской «Смерть на афганских дорогах» [14].

В начале сентября 1983 года австрийским СМИ была подхвачена ещё одна неприятная тема для СССР – уничтожение южнокорейского «Боинга-747» над Сахалином при пролёте над территорией СССР, история которого до сих пор не ясна. Но для американской стороны всё было ясно с самого начала, которая, не разбираясь, по существу, сразу «назначила» виновным во всём СССР. Работник госдепа США Л. Игльбергер, выступая 31 марта 1984 г. на семинаре в Бадене, где присутствовали и австрийцы, обвинил СССР в сбитом южнокорейском пассажирском самолете в сентябре 1983 года и обращал внимание на «путанные» заявления руководителей СССР разного ранга, а также на то, что в течении месяца после трагического события Андропов не выступил ни с каким заявлением [10, оп. 63, п. 140, д. 16. л.42].

Инцидент с южнокорейским самолетом периодически всплывал в австрийском информационном потоке под рубрикой «мнение». При этом, непременно подчёркивая большое количество жертв, австрийские журналисты всю вину за гибель людей возлагали на СССР [10, оп. 62, п. 137, д. 16. л.122].

Большую роль в антисоветской пропаганде, а значит, в нанесение ущерба внешнеполитическому имиджу СССР и другим странам социализма играло Австрийское радио и телевидение (ОРФ), его Восточно-европейское бюро, которое начало свою работу в июне 1982 года. Задачей этого Бюро являлась подготовка передач и репортажей о социалистических странах; ему было поручено координировать работу других подразделений ОРФ по созданию репортажей об этих государствах, а также заниматься подготовкой конференций и симпозиумов по всему комплексу проблем, имевших отношение к связям между восточноевропейскими и западноевропейскими странами [10, оп. 61, п. 134, д. 32, л.125].

За вторую половину 1982 года работы Бюро был показан по телевидению ряд развернутых антикоммунистических репортажей, в частности, об Албании, ПНР, СФРЮ, ВНР, ГДП и СРР [там же].

В ходе визита в Австрию в ноябре 1982 года президента ЧССР Г. Гусака умножились передача материа-

лов, посвященных преследованию диссидентов и протестантской церкви в ЧССР. Передачи могли свободно слушать и смотреть в ЧССР (аудитория в 1,5 млн чел), в Венгрии (2 млн. чел) [10, оп. 61, п. 134, д. 32, л.126].

Следует отметить, говорилось в одном аналитическом сообщении Посольства СССР в Вене, что ВНР и СФРЮ, ЧССР и ГДР развивают сотрудничество с ОРФ, которое подготовило и транслировало ряд антикоммунистических передач в названные страны [там же]. Советские дипломаты считали необходимым обратить внимание соответствующих представителей социалистических стран на антикоммунистическую и антисоветскую деятельность Бюро, особенно его руководства [там же].

Советская тематика регулярно, практически ежедневно затрагивается в передачах ОРФ, докладывало в декабре 1983 года в Москву Посольство СССР, освещение советской внешней и внутренней политики проходит в рамках общей передачи ОРФ, одним из главных направлений деятельности которой является антикоммунизм и антисоциализм [10, оп. 62, п. 137, д. 16. л.118].

Советские дипломаты, как всегда, подмечали, что ОРФ использует главным образом американские и западногерманские источники и информации [там же, л.61]. «При освещении внешней политики СССР в телепередачах ОРФ явно просматривается желание, с одной стороны, проинформировать о внешнеполитических инициативах СССР австрийское общество, а с другой, принизить их значимость, подвергнуть сомнению их искренность», – писал советский посол в Вене [там же].

При этом, иногда в некоторых телепередачах ОРФ появлялись и антиамериканские высказывания [там же, л.64]. Спрашивается: чем это редкое явление объяснить? Наверное, продемонстрировать «равноудаленность» от США и СССР. Более того, со службами ОРФ шло определенное сотрудничество советских ученых; интервью давали гл. редактор «Правды» В.Г. Афанасьев (15 ноября 1983 г.), зам директора Института международного рабочего движения АН СССР А.И. Бельчук) 8 ноября 1983 г.), зав. отделом Института мировой экономики РАН СССР В.П. Иерусалимский, зам директора Института США и Канады АН СССР Р.Г. Богданов (3 декабря 1983 г.) [10, оп. 62, п. 137, д. 16. л.123].

Руководство радиовещания ОРФ в целом корректно подходит к интервью, не допускает фальсификации, отчитывались в советском посольстве [там же]. А может эти организованные австрийской стороной интервью – один из известных приемов, используемых в пропаганде: добавление объективности при доминировании разных мифов?

Но, в целом, делался вывод советскими дипломатами, о том, что «в условиях осложнения международной обстановки наблюдается некоторое усиление антикоммунизма и антисоветизма [там же], что «при освещении внешней политики СССР телевидением ОРФ преобладает стремление исказить её суть, принизить международный авторитет Советского Союза» [10, оп. 63, п. 140, д. 16. л.63].

При этом, сообщения об американской внешней политике выдержаны были в основном в благожелательном духе [10, оп. 62, п. 137, д. 16. л.65], а если появлялись факты, далеко не украшавшие эту политику, то они в основном умалчивались. К примеру, известная «шутка» Рональда Рейгана в августе 1984 года на радио о том, что он дал приказ о бомбардировке СССР, осталась без внимания официальных австрийских властей; они не отреагировали на провокационное антисоветское высказывание Рейгана [10, оп. 63, п. 140, д. 16. л.58]. На нежелание австрийского руководства идти на излишнее обострение отношений с США значительно повлияла аме-

риканская позиция, так считали советские дипломаты в Вене [там же].

Но некоторые СМИ Австрии решили не промолчать, иначе их могли заподозрить в зависимости от властей. Газета «Kurier» отмечала: «Это должно быть шуткой... Это была ошибка. Даже европейские союзники были ошеломлены» [12]. А чуть позже та же газета добавляла: «Особенно зловещей делает эту шутку ее близость к реальности и что эта шутка Рейгана вызвала больше возмущения не в самих США, а в остальном мире» [13]. Газета социалистов «Arbeiter-Zeitung» отреагировала: «Со времени Фрейда мы знаем, что редкие шутки бывают безобидными. Шутки, как и сны (и случайные оговорки) тесно связаны с подсознанием. В них находят выражение желания, в котором сам человек не хочет признаваться» [11].

Надо признать, что определенный успех австрийской пропаганды в навязывании негативного внешнеполитического имиджа СССР австрийцам, кроется в неумении, неспособности, а порой и в нежелании советских идеологов и практиков вести напряженную и трудоемкую контрпропаганду, предупреждая подозрения в агрессивности СССР, нейтрализуя навязываемые австрийскому читателю и слушателю негативные представления о внутренней и внешней политике своей страны.

В подтверждении отмеченного приведем один из примеров. Австрийское радио и телевидение в декабре 1983 года обратилось с просьбой в Посольство СССР в Австрии о проведении интервью с Ю.В. Андроповым. Были посланы вопросы, называемые среди дипломатов, «предполагаемая концепция вопросов для интервью [10, оп. 62, п. 137, д. 16. л.131]. Конечно, вопросы были поставлены в западном стиле и духе, т.е. в них не только проявлялось желание услышать новую информацию, но стремление довести свою точку зрения. Некоторые из таких вопросов звучали так: «Говорят, что Вы лично предпочитаете венгерскую экономическую модель, сильно подчеркивающую потребление, частично, даже имеющую элемент частного хозяйства. Так ли это? Не хотите ли вы ввести это «венгерский потребительский коммунизм» и для своего государств?»; «В одной из Ваших первых речей развитие советского хозяйства Вы назвали первоначальной целью. То есть надо понимать-больше товаров для советских граждан. Как вы хотите это сделать? осуществимо ли это без перераспределения средств расходов на вооружение?»; «Действительно ли коммунистическая система Вашего образца окаменела, как в этом убеждены еврокоммунисты?» [там же, л.135].

Как же, в конечном счете, решился вопрос об интервью Ю.В. Андропова? Из МИДа СССР вскоре поступил ответ, адресованный послу СССР в Австрии М.Т. Ефремову; «Удовлетворить эту просьбу австрийской стороны не представляется возможным, прежде всего, в силу поступления большого числа подобных обращений, а также неприемлемого для нас характера поставленных австрийцами вопросов» [10, оп. 62, п. 137, д. 16, л.142].

Приходится констатировать, что советские власти того периода не смогли организовать широкий, а главное – эффективный фронт сопротивления западным агрессивным действиям, направленным на нанесения удара по международному имиджу СССР. В Австрии советская сторона, учитывая высокий уровень межгосударственных советско-австрийских отношений, допускала определенный политический флирт. А потому, на наш взгляд, советские посольские службы, аккредитованные советские корреспонденты газет и радиотелевидения не были столь активны и настойчивы в разоблачении антисоветских информации внутри Австрии, донесений

правдивых, аргументированных сведений о внутренней и внешней политике СССР, к которой бы стал прислушиваться австриец.

Конечно, Посольство СССР в Вене в определенной степени участвовало, как принято сейчас говорить и писать, в «мягкой силе». В документах Архива МИДа РФ представлена информация о том, как Посольство СССР в Вене вела «разъяснительную работу» среди политиков, государственных служащих политических партий путем рассылки Заявления Андропова, организации встреч и бесед в Зальцбурге, Линце, Клагенфурте, различных коммунах» [там же, л.130], как оно провело семинар в мае 1983 года на тему «Реальность, проблемы и перспективы капиталистической и социалистической систем» [там же, л.51]. В мае 1984 года Посол СССР в Австрии М.Т. Ефремов писал в МИД о том, как была организована поездка группы австрийских журналистов в СССР (Жлобин), где они ознакомились со строительством металлургического предприятия при участии австрийской стороны; по возвращении австрийские журналисты поделились своими впечатлениями о поездке, «их очерки, содержали обстоятельные экономические выкладки, доказывающие выгоду сотрудничества Австрии с СССР, особенно в нынешние времена безработицы и застоя в промышленности»; общая тональность очерков журналистов, заключал советский посол, «позитивная, доброжелательная» [10, оп. 63, п. 140, д. 16, л.30].

И всё-таки, доступные архивные документы не дают ощущение масштабности и глубины разъяснительной деятельности в Австрии советских представителей о внутреннем и внешнем положении СССР, о его успехах и проблемах.

Западные СМИ, вообще, и австрийские, в частности, широко использовали для нанесения ущерба внешнеполитическому имиджу СССР его внутреннюю политику, которая, конечно, была уязвимой для критики. Известно, что в этот период экономика СССР столкнулась с серьёзнейшими трудностями. Явно преувеличивая эти трудности, австрийские СМИ доносили их до австрийцев. Нашим дипломатам в Вене приходилось только констатировать: «В некоторых передачах австрийского радио и телевидения, дается довольно-таки подробный анализ общественно-политической жизни в нашей стране. Однако, делается это крайне односторонне. Преобладает стремление дискредитировать общественно-политический строй, как таковой, очернить руководящую роль КПСС... Одной из «излюбленных тем» остается предвешание экономических трудностей, стремление представить социалистический способ хозяйствования недееспособным» [10, оп. 62, п. 137, д. 16, л.119].

Советские дипломаты пытались «держать оборону», памятуя о том, что «лучшая защита – это нападение», докладывали в Москву, что австрийские публикации «по внутренней политике СССР в основном осуществляется по шаблону, характерному для всей австрийской буржуазной печати: освещаются либо темы, позволяющие лишней раз опорочить всю социальную систему в целом, либо вопросы, в которых капиталистический мир чувствует свою уязвимость, и свои недостатки перенести на советское общество» [10, оп. 63, п. 140, д. 16, л.63].

В апреле 1983 года, когда в СССР и других странах социализма, в коммунистических и социал-демократических партиях отмечали 100-летие со дня рождения К. Маркса, генсек КПСС Ю.В. Андропов в своей статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР», приуроченной к юбилею классика, сделал сенсационный для то-

го времени вывод: «Если говорить откровенно, мы еще не изучили в должной степени общество, в котором живем и трудимся. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, путем проб и ошибок» [1, с. 20]. Это заявление руководителя КПСС и СССР спровоцировало волну публикаций в либеральной прессе Австрии с жесткой критикой марксизма. Используя вывод Ю.В. Андропова, австрийские СМИ писали, что марксизм, как политическая теория, представляет собой во всемирном масштабе «весьма печальное зрелище» [10, оп. 62, п. 137, д. 16, л.36], утверждали о том, что «развитие социализма в Советском Союзе» пошло не так, как предполагал Маркс» [там же].

В большинстве публикаций, многих передач радио и телевидения, утверждали в посольстве СССР в Вене, обращают внимание на себя попытки «доказать не состоятельность марксистского учения для современного развития общества, опорочить социализм как систему, воздать должное современному капитализму» [там же, л.35].

Проблема прав человека, относящаяся в основном к политической сфере жизни общества и государства, также активно «эксплуатировалась» Западом и Австрией в нанесении внешнеполитического имиджевого урона Советскому Союзу. Администрация Рейгана включила в свою антисоветскую программу действий и положение о соблюдении прав человека в СССР [9, с. 100]. На эту программу живо откликнулась и нейтральная Австрия, чье руководство не мало лет пыталось не переносить идеологические противоречия на внешнюю политику.

Видный австрийский дипломат Э. Ланц заявлял: «Уважение прав человека и содействие им не является для Австрии только абстрактным принципом, а является практической политикой. Те люди и движение, которые во всем мире ведут борьбу с порабощением и ущемлением их прав, могут рассчитывать на то, что в лице Австрии они встретят друга» [10, оп. 62, п. 137, д. 16, л.113]. Он, рассуждая о сложном положении в области прав человека «во многих частях света», прозрачно намекал при этом, конечно, и на СССР и другие страны социализма [там же].

К темам о диссидентах и нарушениях прав человека в СССР, по-прежнему, искусственно поддерживался интерес общественного мнения в Австрии. В связи с началом в США, так называемой, недели прав человека на радио и телевидении в декабре 1983 г. транслировалось утверждение о том, что диссиденты в СССР находятся в психиатрических клиниках [10, оп. 62, п. 137, д. 16, л.120].

Советские дипломаты в Вене констатировали в начале 1980-х годов: «Со времени подписания заключительного акта Хельсинки Федеральное правительство Австрии возвело вопрос о правах человека в ранг государственной политики. Австрия одной из первых стран Запада поддержала идею американской администрации по правам человека и стала активным проводником этой политики на социалистические страны Европы» [10, оп. 61, п. 134, д. 32, л. 22].

Лишь позднее немногим австрийцам дойдет мысль о том, что проблема прав человека, поднятая Западом и поддержанная Австрией, задумывалась не для того, чтобы улучшить состояние с этими правами в СССР, а для того, чтобы нанести удар по внешнеполитическому имиджу СССР, ослабить его как главного геополитического соперника США и Запада.

Что касается выводов, то они могут свестись к следующему: во-первых, нынешнее участие Австрии в экзистенциальной борьбе против правопреемника СССР – России не является чем-то неожиданным; она накопи-

ла печальный опыт информационно-пропагандистских антисоветских действий; во-вторых, для создания положительного внешнеполитического имиджа России, прежде всего, нужно сделать её могущественной страной; в-третьих, следует окончательно избавиться от заискивания перед Западом, стремления ему подражать; в-четвертых, необходимо добиваться всеобщего уважения в стране собственных национальных идеалов; в-пятых, существует острая потребность в том, чтобы научиться эффективно предупреждать действия, направленные на нанесение внешнего удара по международному имиджу нашей стране, и быть готовым к нейтрализации сложившихся или складывающихся негативных, порой, мифологических представлений о России.

Литература

1. Андропов Ю.В. Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства // Коммунист. 1983. № 3. С. 3–24.
2. Внешняя политика Советского Союза и международные отношения. 1983. М.: Международные отношения, 1984. – 320 с.
3. Галумов Э.А. Международный имидж современной России (политологический анализ). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2004. – 50 с.
4. Дашичев В.И. Об одной аналитической записке о внешней политике СССР // Электронное научное издание. Альманах Пространство и Время. Т. 3. Вып. 2. 2013. Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-odnoy-analiticheskoy-zapiske-ovneshney-politike-sssr/viewer>.
5. Каширина Т.В. Проблемы советско-американских переговоров по ограничению и сокращению стратегических вооружений (ОССВ) в 1982–1983 // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 3. С. 47–52.
6. Костин П.А. К исследованию проблемы философско-исторической ответственности советского политического руководства на рубеже 1970-х – 80-х гг.: К.У. Черненко (последний год жизни) // Право и политик. 2022. № 1. С. 219–225.
7. Лукьянов В.Ю. Гармонизация системы международных отношений XXI века: идеологический аспект // Вестник САФУ. История. 2021. Т. 21. № 2. С. 20–29.
8. Митяева Ю.А. Международный имидж России в американской прессе в 2000–2008 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–1 (4). С. 275–279.
9. Мэтлок Дж. Рейган и Горбачев. М.: Изд-во Р. Валент, 2005. – 326 с.
10. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Фонд 66 (Референтура по Австрии).
11. Arbeiter-Zeitung. 14.08.1984.
12. Kurier, 15.08. 1984.
13. Kurier, 17.08.1984.
14. Salzburger Nachrichten», 9.02.1983.
15. Salzburger Nachrichten, 23.03.1983.
16. Salzburger Nachrichten, 3.05.1983.
17. Salzburger Nachrichten, 29.08.1983.
18. Salzburger Nachrichten, 25.11.1983.

THE PARTICIPATION OF THE AUSTRIAN MEDIA IN SHAPING THE NEGATIVE FOREIGN POLICY IMAGE OF THE USSR IN THE “POST-BREZHNEV” YEARS

Zhiryakov I.G.

State University of Enlightenment

The article is devoted to the analysis of the activities of the Austrian media on the formation of a negative foreign policy image of the USSR of the “post-Brezhnev” period. It attempts to link the history of Austria’s participation in a company organized by the West in the early 80s, aimed at damaging the foreign policy image of the USSR, and the current existential war of the collective West, including Austria, against Russia. The paper provides specific facts of the Austrian media’s assistance in biased criticism of the USSR’s foreign and domestic policy, which allow us to assess Austria’s unsightly role in demonizing the Soviet country. The article concludes that in order to create a positive image of Russia in the eyes of the peoples of the world, it is necessary, first of all, to make Russia a powerful country, to finally get rid of fawning over the West, striving to imitate it, to achieve universal respect in the country for its own national ideals, to learn how to effectively prevent actions aimed at inflicting an external blow to the international the image of our country, and be prepared to neutralize existing or emerging negative, sometimes mythological, ideas about Russia.

Keywords: foreign policy image, mass media, domestic policy, foreign policy, information and propaganda war, Western European values, human rights, collective West, existential war.

References

1. Andropov Yu.V. Karl Marx and some issues of socialist construction // Communist. 1983. No. 3. pp. 3–24.
2. Foreign policy of the Soviet Union and international relations. 1983. Moscow: International Relations, 1984. 320 p.
3. Galumov E.A. The international image of modern Russia (political science analysis). Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences. M., 2004. – 50 p.
4. Dashichev V.I. On an analytical note on the foreign policy of the USSR // Electronic scientific publication. Almanac Space and Time. Vol. 3. Issue 2. 2013. Electronic resource]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-odnoy-analiticheskoy-zapiske-ovneshney-politike-sssr/viewer>.
5. Kashirina T.V. The problems of the Soviet-American negotiations on the limitation and reduction of strategic arms in 1982–1983// Bulletin of the Moscow State University. The series “History and Political Sciences”. 2012. No. 3. pp. 47–52.
6. Kostin P.A. On the study of the problem of philosophical and historical responsibility of the Soviet political leadership at the turn of the 1970s – 80s: K.U. Chernenko (the last year of his life)//Law and politics. 2022. No. 1. pp. 219–225.
7. Lukyanov V. Yu. Harmonization of the system of international relations of the XXI century: an ideological aspect// Bulletin of NArFU. History. 2021. Vol. 21.No. 2. pp. 20–29.
8. Mityaeva Yu.A. The international image of Russia in the American press in 2000–2008// Proceedings of the Altai State University. 2009. No. 4–1 (4). pp. 275–279
9. Matlock J. Reagan and Gorbachev. Moscow: Publishing house of R. Valent, 2005. – 326 p.
10. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (WUAs of the Russian Federation). Foundation 66 (Austria Reference).
11. Arbeiter -Zeitung, 14.08.1984.
12. Kurier, 15.08. 1984.
13. Kurier, 17.08.1984.
14. Salzburger Nachrichten», 9.02.1983.
15. Salzburger Nachrichten, 23.03.1983.
16. Salzburger Nachrichten, 3.05.1983.
17. Salzburger Nachrichten, 29.08.1983.
18. Salzburger Nachrichten, 25.11.1983.

Политические права саамов: реформа Закона о саамском округе

Юлова Анастасия Андреевна,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ)

E-mail: yulovaanastasia@gmail.com

Саамы – это уникальный этнический народ, проживающий на территории Скандинавских стран, Финляндии и России, и сохранение их культуры и традиций имеет важное значение для мирового многообразия. Политические права саамов и их участие в принятии решений, касающихся их общества, являются ключевыми аспектами обеспечения их прав и интересов. Поэтому реформа законодательства о саамском округе может иметь долгосрочные последствия для саамского народа и его отношений с государственными структурами. В статье рассматривается актуальная проблема политической репрезентации и участия саамского народа в Финляндии. Данная статья актуальна в контексте защиты прав этнических меньшинств, обеспечения участия саамов в принятии решений, а также в свете изменяющейся политической ситуации в регионе.

Цель. Провести анализ и дать характеристику современное положение саамов и их политические права в контексте реформы закона о саамском округе. Задачи. В статье приводится историческое развитие политических прав саамов, оценивается текущее положение дел, а также представляются предложения по улучшению их политического статуса через изменения в законодательстве. Методология. Для достижения данной цели автором были использованы анализ законодательства, включая изучение существующего законодательства о саамском округе, выявление его проблемных аспектов и потенциальных областей для их улучшения. Сравнительный анализ и качественные анализы международных норм и стандартов в области прав коренных народов. Результаты. В статье изложены рекомендации по реформированию закона о саамском округе, с акцентом на необходимость принятия конкретных мер для улучшения политической ситуации саамов в Финляндии. Выводы. Автор утверждает, что на сегодняшний день права саамов в Финляндии нуждаются в тщательной корректировке, а также требуют разработки специального законодательства, проведения консультаций с представителями саамского народа, создания специальных структур защиты прав, обучения и информирования, а также учета международных стандартов о правах коренных народов.

Ключевые слова: саамы, саамский парламент, реформы, Финляндия, политические права, саамский округ.

Саамы – это признанный коренной народ Европы, который обитает в Норвегии, Швеции, Финляндии и России. Как известно, коренные народы обладают определёнными правами, зафиксированными в международных соглашениях, одним из которых является Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, принятая в 1989 году (K169). Однако стоит отметить, что эта Конвенция не была ратифицирована в Финляндии.

В последние десятилетия в Финляндии наблюдается положительная динамика в политической сфере, касающейся решения вопросов, связанных с саамами (культурные, политические, социальные и законодательные аспекты). На протяжении ряда лет были приняты законы и инициативы, которые формально укрепили права саамского народа, включая доступ к образованию и услугам на саамском языке. Эти изменения создали новые возможности для политической активности саамов и значительно увеличили их влияние как народа. В настоящее время обсуждается вопрос, связанный с избирательными правами саамов.

Актуальность

На вопрос о внесении изменений в законодательство о саамских округах Финляндии влияют следующие факторы.

Во-первых, политические факторы. Большое значение придается активному участию и влиянию политических институтов в принятии решений по реформированию законодательства, касающегося саамского народа, является отсутствие продуктивного взаимодействия между правительством Финляндии и саамским парламентом на регулярной основе.

Во-вторых, законодательные факторы. В международных и национальных документах отсутствует четкое определение того, кто представляет собой «саамский народ». В настоящее время в Финляндии действует закон, регулирующий политические права саамского народа, однако международные критерии, изложенные в декларациях ООН и Конвенции МОТ № 169, Финляндией не ратифицированы.

На сегодняшний день в Финляндии стоит важный вопрос о реформировании Закона о саамском округе, который вынесен на политическую повестку с 2016 года и в настоящий момент остается нерешенным. Основным требованием со стороны саамских представителей является решение вопроса об определении «саамов» на законодательном уровне. В связи с этим представители саамского меньшинства обеспокоены предоставлением права голоса на выборах в саамский парламент, а также сопутствующими вопросами об исторических правах на землю, на собственность и связанные с ними документами.

С другой стороны, у финских представителей существует большое недоверие к саамскому парламенту, так как реформа может исключать людей из избирательного права, которые идентифицируют себя саамами. Таким образом, эта одна из причин отсрочки реализации данной реформы в области прав саамов, так как вопрос довольно противоречивый.

Указанные права необходимо утвердить в соответствии с финской правовой системой, независимо от ра-

тификации K169, так как её ратификация не может привести к их аннулированию. При обсуждении данных вопросов было предложено создать Комиссию по установлению истины и примирению по аналогии с североамериканской модели, как это было предложено Парламентом саами, для урегулирования споров в отношениях между государством и саами [2]. При этом обсуждении была выражена озабоченность в связи с застоем в реализации прав саамов и необходимостью срочного исправления ситуации.

Саамы, как было указано выше, являются единственным признанным коренным народом в Европейском Союзе. С точки зрения конституционного и международного права это даёт признание на международном уровне. Тем не менее, в международном праве отсутствует универсальное определение коренных народов, что может вызывать конфликты и недопонимание между представителями этих народов и государственными органами. В связи с этим коренные народы выражают недовольство по поводу официальных определений, которые устанавливаются государствами, подчеркивая свое право на самоопределение.

Коренные народы считают, что их представительные институты (например, Саамский парламент) имеют исключительное право определять себя как коренной народ и определять, кто принадлежит к этой группе. Принадлежность к группе включает в себя как групповую, так и индивидуальную самоидентификацию [2].

Определение «коренного народа» было отмечено у Специального докладчика ООН Хосе Мартинес Ково 1980-х гг и Конвенции МОТ № 169 от 1989 года (табл. 1).

Таблица 1. «Коренной народ» по определению ООН и K169 [3]

Специальный докладчик ООН Хосе Мартинес Ково 1980-х годах	Конвенция МОТ № 169 (не действует в Финляндии)
Коренные народы: имеют историческую преемственность и принадлежность с географическим районом, который они населяют; считают себя отличными от окружающего общества; занимают недетерминированную позицию по отношению к окружающему обществу; хотят сохранить, развить и передать будущим поколениям земли своих предков; этническую идентичность как основу преемственности через собственную культуру, социальные институты и правовые системы.	Коренные народы: проживают в независимых странах, имеют иные социальные, культурные и экономические условия, которые отличают их от остальной части национального сообщества и чей статус полностью или частично регулируется их собственными обычаями или традициями, либо специальными законами или правилами; проживают в независимых странах, считаются коренными, так как населяли данную территорию до завоевания или заселения страны до установления нынешних государственных границ независимо от их правового статуса, сохранили, полностью или частично, свои собственные социальные характеристики, экономические, культурные и политические институты.

Таким образом, ближе всего к определению «коренной народ» подошел специальный докладчик ООН Хосе Мартинес Ково, который дал свое рабочее определение в 1980-х годах [3]. Исходя из таб. 1, при соблюдении вышеуказанных условий, «суверенное право и власть этих

общин решать, кто принадлежит к ним, без вмешательства извне, будут защищены». Таким образом, речь идет прежде всего о правах общины как группы.

Однако, K169 не дает определения коренных народов, но описывает народы, которые подпадают под ее действие и которые будут находиться под защитой Конвенции [4]. Таким образом, K169 прямо указывает на права народов и их самоидентификацию, также определены объективные и субъективные критерии, применяющиеся к отдельным представителям коренных народов.

К объективным критериям можно отнести:

- конкретный коренной народ, соответствующий положениям Конвенции;
- признание и принятие конкретного лица в качестве члена своей группы или нации (групповое принятие). Субъективным критерием является самоидентификация, т.е.

- группа считает себя коренным народом или племенем по трактовке конвенции;
- конкретное лицо идентифицирует себя как принадлежащее к этой группе или народу.

Позже, 13 сентября 2007 года, была принята Декларация ООН о правах коренных народов, которая гласит, что коренные народы и принадлежащие к ним лица имеют право принадлежать к коренной общине или нации в соответствии с их существующими традициями и обычаями [5]. Осуществление этого права не должно приводить к дискриминации. Декларация обязует, чтобы правовые обычаи, традиции, политика и практика коренных народов соответствовали международным признанным стандартам в области прав человека, включая избрание в институты.

Согласно Декларации, коренные народы имеют право:

- определять свою самобытность или принадлежность к народу в соответствии с их обычаями и традициями;
- определять структуру своих институтов и выбирать их членов самостоятельно;
- на защиту от лишения собственности и разрушения культуры.

В Конституции Финляндии в § 14, саамы признаются как коренная народность, имеющая право на использование своего родного языка при общении с властями [1]. В 1995 г. парламент Финляндии «Eduskunta» принял Закон о саамских округах № 974 от 17 июля 1995 года. В параграфе § 1 данного закона говорится, что саамы, являющиеся коренной народностью, должны получить гарантированную культурную автономию внутри районов своего проживания в отношении своего языка (колтансааме, инаринсааме и нордисааме) и культуры [6]. Далее это положение усилено в параграфе 5 «саамский парламент обязан заниматься проблемами, связанными с саамским языком и культурой и прочими их проблемами как коренной народности» [6].

Закон о саамских округах от 17 июля 1995 г. постановляет в параграфе § 9, что власти обязаны обсуждать все вопросы с саамским парламентом, касающиеся крупномасштабных и значительных мер, которые могут оказать прямое и конкретное воздействие на статус саами как коренного народа и которые касаются исконной территории саами [6]. Поэтому в Финляндии, в отличие от Швеции и Норвегии, саамские законы наделяют власти обязанностью вести переговоры по различным вопросам. [6].

Важным положением является внесение саамов в список избирателей Саамского парламента, что означает – человек может голосовать и выдвигать свою

кандидатуру на выборах в Саамский парламент. Однако, культурное самоуправление носит ограниченный характер и не является обязательным для правительства и властей Финляндии.

Определение саами содержится в Статье 3 «Закона о саамских округах», в которой отмечено, что человек должен идентифицировать себя саамом, при объективных причинах и условиях [6]:

1) что он или хотя бы один из его родителей, бабушек и дедушек изучали язык саами в качестве своего родного языка;

2) что он или она является потомком человека, который внесен в земельный, налоговый или переписной реестр как фельдшер, лесник или рыбак;

3) что хотя бы один из его родителей зарегистрирован или мог быть зарегистрирован в качестве избирателя на выборах в Делегацию саами или Парламент саами.

Несмотря на то, что данная статья закрепляет определение народа саами, на практике она определяет критерии для включения в избирательный список Парламента саами. Это означает принадлежность кандидата к живой саамской общине, культуре или коллективу. Однако, определение саами – это политический вопрос, связанный с избирательным правом. Самоидентификация в определении саами означает, что человек считает себя саамом и даёт разрешение на внесение в список, сравнимый с этническим регистром.

Необходимо учесть тот факт, что саамы не представлены в финском парламенте. Но важно отметить, что парламентские комитеты проводят консультации и слушания с представителями саамского парламента. Также политические программы народа саами не могут утверждаться ни одной политической партией Финляндии, так как в их программах не включались и не формулировались четко политические цели в отношении саамов. Тем не менее, саамы избираются в муниципальные администрации как представители финских партий в саамских муниципалитетах в Северной Финляндии [8].

Выборы в саамский парламент в Финляндии представляют собой голосование за конкретных кандидатов, но представители не организованы в партии. Поэтому в Финляндии есть только одна сильная политическая структура (саамский парламент), представляющая интересы саамского народа.

Следует отметить, что с 1952 года определение коренного народа саами основывалось исключительно на языке, но в 1995 году был добавлен дополнительный «лапландский» критерий [8]. Парламент саами изначально выступал против данного определения саами и требовал восстановить критерий языка как единственный объективный. Лапландский критерий в определении саами (2-й пункт закона о саамском округе) является лазейкой в Законе 1995 года, через которую этнические финны могут голосовать и выставлять свою кандидатуру на выборах в Парламент саами, не являясь коренным народом саами. Несмотря на то что этнические саамы и этнические финны считались людьми, ведущими лапландский образ жизни, такой как рыболовство, охота и оленеводство, вторые не являются коренными народами, в отличие от первых, которые называли себя своим родным именем – *sápmelaš* (саами). Основы языковой политики для саамского меньшинства закреплены в Конституции Финляндии на положениях Конституции Финляндии, а основой определения саами является происхождение человека от саамов (предложение правительства 1994 года).

В настоящий момент трудно утверждать, что человек или его предки были внесены в налоговый или земельный реестр в прошлом, поэтому саамская идентичность

определяется современной живой саамской культурой и общиной. По этой причине так называемое определение саамов (по закону 1995 года), охватывает три поколения [6]. Саамы определяют свою идентичность через проявление культурных аспектов в развитии общества. Так, например, человек живет в саамской семье, разговаривает на саамском языке, сохраняет традиции и образ жизни своих предков. Таким образом, саамская самоидентификация определяется культурой, а не генами в каком-либо дальнем поколении. Человек имеющий саамский культурный код и является в данном контексте истинным саамом. Даже если хоть один из близких родственников был саамом, это еще не значит, что вы принадлежите к живой саамской культуре 2020-х годов.

Толкование определения «саами» закреплено в Верховном административном суде Финляндии (*Korkein hallinto-oikeus* далее КНО), а не в Парламенте саами. Данный аспект является противоречивым относительно международного права, так как нации имеют право самостоятельно решать о принадлежности к той или иной нации. Согласно Декларации ООН, коренные народы имеют право определять свою идентичность или принадлежность в соответствии со своими обычаями и традициями, а также право определять структуру своих институтов и избирать их членов в соответствии со своими собственными процедурами (Статья 33) [5].

Существует также другая проблема по определению саами со стороны КНО, которая значительно видоизменялась на протяжении многих лет. Объективные критерии (параграфы 1–3 определения саами) не учитываются КНО, так как использует общую оценку, которой нет даже в Законе о саами. Это означает, что кандидат может быть включен в избирательный список Саамского парламента, даже если он не соответствует ни одному из объективных критериев. Исследователь Леена Хейнямяки утверждает, что анализ решений КНО 2015 года показывает проблематичность общей оценки КНО [9]. По её мнению, КНО не может оценить саамский статус отдельных лиц, и поэтому исследователь предполагает использовать трактовку определения в соответствии с Законом о саамском округе, которую дал законодатель. Данный вопрос не снимался в последующие годы. КНО вновь вернулся к традиционной линии толкования, т.е. подразумевает критерий саамского языка через интерпретацию до третьего поколения.

Органы ООН по контролю за соблюдением договоров о правах человека вынесли несколько постановлений о нарушениях Финляндии по этому поводу [10]. В частности отмечено, что в Финляндии существует нарушение прав человека в связи с избирательным списком в парламент саами. Финляндия также нарушает как Конвенция ООН о гражданских и политических правах, Конвенцию ООН по правам человека, вступившую в силу в Финляндии в 1976 году, а также Конвенцию ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации [10]. Нарушения прав человека в Финляндии были выявлены в 2019 и 2022 годах.

В 2019 году Комитет ООН по правам человека вынес два важных решения по КНО и общему обзору. Комитет по правам человека (далее UNCHR) установил, что решения КНО от 2011 и 2015 годов нарушают права человека. UNCHR особо отметил, что Финляндия обязана пересмотреть раздел 3 Закона о Парламенте саами (определение саами), чтобы обеспечить избирательное право на практике для соответствия права народа саами на внутреннее самоопределение [11]. Финляндия также обязана принять необходимые меры для предотвращения подобных нарушений в будущем.

UNCHR указывает на то, что общее толкование КНО раздела 3 Закона об округе саами не основано на разумных и объективных критериях. Таким образом, решения КНО о включении 93 человек в 2015 году в список избирателей были неправомерны, так как были приняты вопреки решениям Парламента саами [11]. Они нарушили статью 25 Декларации прав человека, как отдельно, так и в сочетании со статьей 27, и были истолкованы в свете статьи 1. UNCHR отмечает, что с 2011 года КНО уже отступал от формулировки статьи 3 Закона о парламен-

те саами, применяя свою собственную «общую оценку» вместо объективных критериев, предусмотренных Законом [11].

Реформа Закона о саамских округах подготавливалась на протяжении нескольких правительств, а также была включена в программы правительств бывшего премьер-министра Санны Марин (2019–2023 гг.) и нынешнего Петтери Орпо. Закон о парламенте саами действует уже 29 лет. В первоначальный закон 7 раз вносились поправки, в том числе 2 раза в 2020 г.

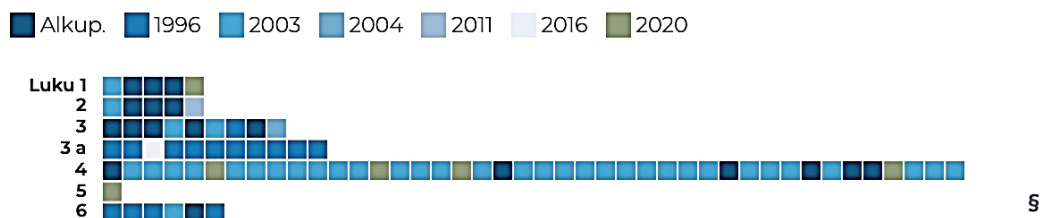

Рис. 1. Изменения в Законе о саами [12]

На рисунке 1 показано, в какие года 79 статей закона были изменены. Предложение правительства о законах, вносящих поправки в Закон об округе саами и главу 40, раздел 11 Уголовного кодекса, было представлено в парламент 17 ноября 2022 года. Законопроект не смог быть доработан в парламенте в течение парламентского срока 2019–2022 годов и прекратил свое действие.

В 2022 году Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (далее КЛРД) впервые вынес решение о нарушении Финляндией Конвенции ООН в вопросе о лицах, включенных в избирательный список Парламента саами. Ожидается, что нынешнее правительство Финляндии в срочном порядке начнет пересмотр статьи 3 Закона об округе саами.

Реформа Закона о саамском округе, основанная на докладе Комитета генерального секретаря Пекки Тимонена (2021), позволит устранить эти нарушения прав человека. Реформа закона о саамском округе на основе доклада комиссии Тимонена включена в главную программу премьер-министра Петтери Орпо. Предложение правительства на рассмотрение было представлено 14 декабря 2023 года. Цель предложения – обеспечить реализацию права народа саами на самоопределение, улучшить условия для самоуправления и функционирования парламента саами, а также исправить недостатки, отмеченные Комитетом ООН по правам человека и Комитетом по расовой дискриминации [12, р. 1].

Предлагается изменить определение «саами», чтобы речь шла о внесении лица в избирательный список Парламента саами, то есть о праве голоса на выборах, а не о том, кто должен считаться саами в целом. По сравнению с предыдущим законопроектом смягчено обязательство сотрудничать и консультироваться, а также исключены положения о запрете нанесения ущерба культуре саами. Кроме того, были добавлены положения, обеспечивающие беспрепятственное рассмотрение дела, особенно в срочных случаях. В законопроект было добавлено положение о составе окружных судов, предложенное Парламентом саами. Саамы имеют право самостоятельно определять, кто является саами через реформирование объективных условий для включения в избирательный список, которые будут разработаны в сотрудничестве с Парламентом саами и расширения состава Избирательной комиссии [12 р. 32]. При формулировании объективных критериев будут учитываться положения парафированной Конвенции северных саамов. Процедура обжалования внесения в список избира-

телей будет реформирована таким образом, чтобы первым реальным уровнем обжалования стал независимый и автономный апелляционный совет. Его решения можно будет обжаловать в КНО, если тот разрешит подать апелляцию. Список избирателей будет составлен заново на основе пересмотренных критериев приемлемости [12, р. 42]. Планируется, что реформа закона вступит в силу 1 июля 2024 года.

Профессор Вела-Пекки Лехтола утверждает, что определение саами не вызывало особых споров до 1990-х годов, однако после принятия K169, которая по факту дает саамам право принятия решений в отношении саамских земель, вопрос стал ребром внутренней политики Финляндии [13].

Лехтола отмечает в своей книге Saamelaiskiista («Саамский спор»), что Парламент саами считает увеличение «несаамских членов» вредит первоначальной цели определения саамов, которая подразумевает защиту прав нынешнего саамского населения на язык и культурную традицию. А увеличение населения за счет финноязычного и финнизированного населения будет означать, что саамский язык и культура могут потеряться в культуре большинства [13].

Таким образом, в Финляндии существует большой нерешенный политический вопрос с определением саами и его статусом как внутри страны, так и на мировой арене. Нарушение прав коренных народов было отмечено Комиссией ООН, поэтому в 2024 году правительству Петтери Орпо необходимо реализовать предвыборную программу по разрешению данного вопроса. Концепция «статус саама» не имеет ни юридической, ни политической основы в Финляндии. По словам профессора Рауны Куокканен, в Финляндии нет законов, подобных Закону об индейцах в Канаде, в котором существует понятие «статус индейца» [7]. Исследователь Лаура Юнка-Айкио открыла недавние дебаты в Северной Америке о феномене расового перемещения, когда люди, не принадлежащие к коренным общинам, стали причислять себя к коренному населению по меркантильным причинам или без какой-либо связи с коренным народом [15]. Она сравнивает это явление с антисаамским неололандским движением, получившим широкое распространение в Финляндии в 1990-х годах.

Для того, чтобы защитить политические права саамов в Финляндии, необходимо принять законы и политику, которые признают и уважают их культуру, традиции и язык. Это может включать в себя создание специаль-

ных законов о правах коренных народов, обеспечение представительства саамов в правительстве и других политических институтах, а также финансовую поддержку и развитие саамских образовательных и культурных программ. Важно также проводить консультации с саамскими общинами и учитывать их мнение при принятии решений, которые могут затронуть их права и интересы.

В Финляндии определение кто такие саамы может быть принято на законодательном уровне путем разработки и принятия специального закона о правах саамов. Этот закон может содержать четкое определение саамов, их культурных и традиционных особенностей, а также их прав на использование территории и ресурсов.

Процесс разработки закона о правах саамов может включать в себя обсуждение в парламенте, проведение публичных слушаний, а также консультации с экспертами по правам коренных народов. После принятия закона его реализация может быть осуществлена через создание специальных институтов или комиссий, ответственных за защиту прав саамов и контроль за соблюдением закона.

Для того чтобы прекратить нарушать политические права саамов, Финляндия может предпринять следующие шаги:

1. Разработка специального закона о правах саамов. Финляндия может разработать и принять закон, который четко определит политические права саамов, их право на участие в принятии решений, а также их представительстве в политических институтах.

2. Консультации с саамским народом. Проведение консультаций с представителями саамского народа для выявления их потребностей, мнений и предложений по улучшению политической ситуации и защите их прав.

3. Создание специальных органов для защиты прав саамов. Финляндия может создать специальные институты или комиссии, ответственные за защиту политических прав саамов, контроль за соблюдением законодательства и рассмотрение жалоб на нарушения прав.

4. Обучение и информирование. Проведение обучающих программ и информационной кампании о политических правах саамов для членов парламента, государственных служащих, а также для самого саамского народа.

5. Учет международных стандартов Финляндия может учитывать международные нормы и стандарты о правах коренных народов, такие как Конвенция МОТ № 169 и Декларация ООН о правах коренных народов, при разработке и принятии законодательства, а также в процессе реализации политики по защите прав саамов.

Эти шаги могут помочь Финляндии улучшить политическую ситуацию и защитить политические права саамов.

Литература

1. Буковская М.В. Государственная политика Норвегии, Швеции, и Финляндии в области сохранения идентичности саамов: предоставление прав на самоопределение // Вестник института мировых цивилизаций. – 2022. – № 4 (37). – С. 14–18. С. 17 URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50337275_38266122.pdf
2. Saamelaisen oikeuksien toteutumisen: kansainvälinen oikeusvertaileva tutkimus // Valtioneuvoston selvitys- ja tutkimustoiminnan julkaisusarja 4/2017 URL: <https://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/15286/1/Fulltext.pdf>
3. Рахман А.З. Обеспечение продовольственной безопасности коренных народов Латинской Америки со стороны продовольственной и сельско-

хозяйственной организации ООН ФАО // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки № 4. 855–871, 2021, С. 858 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-prodovolstvennoy-bezopasnosti-korennyh-narodov-latinskoy-ameriki-so-storony-prodovolstvennoy-i-selskohozyaystvennoy/viewer>

4. «Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» от 27.06.1989 // Организация Объединенных Наций URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml
5. «Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов» от 13.09.2007 № 61/295 // Организация Объединенных Наций. – 2007 URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml
6. Laki saamelaiskäräjistä 17.07.1995 № 964 // Finlex. – с изм. и допол. в ред. от 30/12/2002. URL: <https://open-resource.ru/spisok-literatury/>
7. Näkkäljärvi Pirita Pieni opas saamelaismääritelmään // faktalavvu 07.02.2018 URL: <https://faktalavvu.net/2018/02/07/pieni-opas-saamelaismaaritelmaan/>
8. Eva Josefsen. The Saami and the national parliaments: Channels for political influence // Case study, 2010 URL: <http://archive.ipu.org/splz-e/Chiapas10/saami.pdf>
9. Heinämäki Leena Saamelaisen oikeuksien toteutumisen: kansainvälinen oikeusvertaileva tutkimus // Valtioneuvoston selvitys- ja tutkimustoiminnan julkaisusarja, 25.01.2017 p. 532 URL: <https://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/15286/1/Fulltext.pdf> (accessed: 09.11.2023)
10. Эксперты ООН: Финляндия нарушила права саамов – коренного народа страны // Организация Объединенных Наций 04.02.2019 URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/02/1348451>
11. Международный пакт о гражданских и политических правах // Организация Объединенных Наций от 18.12.2019 URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=6QkG-1d%2FPPRiCAqhKb7yhsjvfljqiI84ZFd1DNP1S9E-KoKnkOdpTiSVdp%2FqXAMrmXCMiCxtbK%2FuS-JZMyENfBD6t9TKuoFgDx7U8yeqStsnL4KlaMkDST-SY7vBOh6gs3BNp%2FJkYtyfsSHEBL75rZvYB-g%3D%3D>
12. Hallituksen esitys eduskunnalle laeiksi saamelaiskäräjistä annetun lain ja rikoslain 40 luvun 11 § : n muuttamisesta // Oikeusministeriö justitieministeriet HE 100/2023 vp URL: https://www.eduskunta.fi/FI/vaski/HallituksenEsitys/Documents/HE_100+2023.pdf
13. Veli-Pekka Lehtola // Saamelaiskiista, p. 307 2015 URL: https://www.veli-pekka-lehtola.fi/UserFiles/files/SAAMELAISKIISTA_sisuu.pdf
14. Laura Orvokki Junka-Aikio // Hvorfor utgir hvite personer seg for å være svarte? – 2020 URL: <https://www.forskersonen.no/etnisitet-internett-kronikk/hvorfor-utgir-hvite-personer-seg-for-a-vaere-svarte/1755291>

SAMI POLITICAL RIGHTS: REFORM OF THE SAMI DISTRICT ACT

Yulova A.
St. Petersburg State University

The Saami are a unique ethnic people living in the Nordic countries, Finland and Russia, and the preservation of their culture and traditions is important for world diversity. The political rights of the Sámi and their participation in decisions concerning their society are key aspects of safeguarding their rights and interests. Reform of the Sami District Act may therefore have long-term consequences for the Sami people and their relations with governmental structures. This article focuses on the current issue of political representation

and participation of the Sami people in Finland. The article is relevant in the context of protecting the rights of ethnic minorities, ensuring Sami participation in decision-making, and in light of the changing political situation in the region.

Aim. To analyse and characterise the current situation of the Sami people and their political rights in the context of the reform of the Sami County Act. **Task.** The article examines the historical development of the political rights of the Sami, the current situation and proposals for improving their political status through changes in legislation. **Methods.** To achieve this objective, the author used legislative analysis: an examination of the existing legislation on the Sami District, its problematic aspects and potential areas for improvement. **Comparative analyses and qualitative analyses of international norms and standards on indigenous peoples' rights.** **Results.** Recommendations for reforming the Sami District Law are offered. The article calls for concrete measures to improve the political situation of the Sámi in Finland. **Conclusions.** The author states that, to date, Sami rights in Finland need careful elaboration and require special legislation, consultation with the Sami people, special rights protection bodies, training and information, and consideration of international standards on the rights of indigenous peoples.

Keywords: Saami, Saami Parliament, reforms, Finland, political rights, Saami county.

References

1. Bukovskaya M.V. State policy of Norway, Sweden, and Finland in the field of preserving the identity of the Sami: granting the rights to self-determination // *Bulletin of the Institute of World Civilizations*. – 2022. – No. 4 (37). – P. 14–18. P. 17 URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50337275_38266122.pdf
2. Saamelaisten oikeuksien toteutuminen: kansainvälinen oikeusvertaileva tutkimus // *Valtioneuvoston selvitys- ja tutkimustoiminnan julkaisusarja 4/2017* URL: <https://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/15286/1/Fulltext.pdf>
3. Rakhman A.Z. Ensuring food security for indigenous peoples of Latin America by the Food and Agriculture Organization of the United Nations FAO // *Bulletin of RUDN. Series: Legal Sciences* No. 4. 855–871, 2021, p. 858 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-prodovolstvennoy-bezopasnosti-korenyh-narodov-latinskoy-ameriki-so-storony-prodovolstvennoy-i-selskohozyaystvennoy/viewer>
4. “Convention on Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries” of 27.06.1989 // United Nations URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml
5. “United Nations Declaration on the Rights of Indigenous Peoples” of 13.09.2007 No. 61/295 // United Nations. – 2007 URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml
6. Laki saamelaiskäräjistä 07.17.1995 No. 964 // *Finlex*. – with change and additional in ed. dated 12/30/2002. URL: <https://open-resource.ru/spisok-literatury/>
7. Näkkäläjärvi Pirita Pieni opas saamelaismaailmaan // *faktalavvu 02/07/2018* URL: <https://faktalavvu.net/2018/02/07/pieni-opas-saamelaismaailmaan/>
8. Eva Josefsen. The Saami and the national parliaments: Channels for political influence // *Case study, 2010* URL: <http://archive.ipu.org/splz-e/Chiapas10/saami.pdf>
9. Heinämäki Leena Saamelaisten oikeuksien toteutuminen: kansainvälinen oikeusvertaileva tutkimus // *Valtioneuvoston selvitys- ja tutkimustoiminnan julkaisusarja, 01/25/2017 p. 532* URL: <https://bura.brunel.ac.uk/bitstream/2438/15286/1/Fulltext.pdf> (accessed: 09.11.2023)
10. UN experts: Finland violated the rights of the Sami – the indigenous people of the country // United Nations 04.02.2019 URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/02/1348451>
11. International Covenant on Civil and Political Rights // United Nations dated 18.12.2019 URL: https://docstore.ohchr.org/Self-Services/FilesHandler.ashx?enc=6QkG1d%2FPPRiCAqhK-b7yhsjvfljqil84ZFd1DNP1S9EKoKnkOd_pTiSVdp%2FqXAM-rmXCMiCxtbK%2FuSJMMyENfBD6t9TKuoFgDx7U8yeqStsn-L4KlaMkDSTSY7vBOh6gs3BNp%2FJkYtyfsSHEBL75rZvYB-g%3D%3D
12. Hallituksen esitys eduskunnalle laeiksi saamelaiskäräjistä annetun lain ja rikoslain 40 luvun 11 § : n muuttamisesta // *Oikeusministeriö justitieministeriet HE 100/2023 vp* URL: https://www.eduskunta.fi/FI/vaski/HallituksenEsitys/Documents/HE_100+2023.pdf
13. Veli-Pekka Lehtola // *Saamelaiskiista*, p. 307 2015 URL: https://www.veli-pekkalehtola.fi/UserFiles/files/SAAMELAISKIISTA_sisuu.pdf
14. Laura Orvokki Junkka-Aikio // *Hvorfor utgir hvite personer seg for å være svarte? – 2020* URL: <https://www.forskersonen.no/etnisitet-internett-kronikk/hvorfor-utgir-hvite-personer-seg-for-aa-vaere-svarte/1755291>

Формирование общероссийской идентичности молодежи новых субъектов РФ

Евсеева Наталья Владимировна,

руководитель проектов, ООО «Институт социального маркетинга», младший научный сотрудник ИНИОН РАН
E-mail: evseeva-grant@mail.ru

Скоробогатый Петр Владимирович,

независимый исследователь
E-mail: petr-grant@mail.ru

В статье представлен результат социологического исследования, проведённого в Луганской Народной Республике (ЛНР) и Донецкой Народной Республике (ДНР) во второй половине 2024 года (серия фокус-групп и глубинных интервью). Его актуальность обусловлена сложностью и новизной проблем интеграции в российское пространство молодежи новых субъектов, вошедших в состав Российской Федерации в 2022 году. Вооруженный конфликт, вызванный глубоким социально-политическим кризисом на Украине, повлек за собой потребность в самоопределении и последующей трансформации идентичностей, связанной с перестройкой представлений молодежи присоединенных территорий о себе, своем регионе, месте в истории России и Украины и их особой роли в современном мире. В результате исследования получены данные, свидетельствующие о наличии существенного уровня общероссийской идентичности у респондентов и выявлены особенности, позволяющие интенсифицировать работу государственных структур по данному направлению.

Ключевые слова: Общероссийская идентичность, общественное сознание, гражданская идентичность, молодёжная политика, интеграция, молодёжь новых территорий, молодые люди Луганска и Донецка.

Статья подготовлена и опубликована в рамках проекта № 124101700567–2 «Формирование общероссийской идентичности молодежи новых субъектов РФ: риски и перспективы». Реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

30 сентября 2022 года президент Владимир Путин подписал указ о вхождении в состав России четырех новых регионов – Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей. Ранее абсолютное большинство жителей этих субъектов поддержали решение о вступлении в состав Российской Федерации на референдуме.

Территория России после присоединения новых регионов увеличилась на 108,9 тыс. квадратных километров. А вот подсчитать новых жителей страны оказалось сложнее вследствие кризисных событий, сотрясавших данные земли в течение десятилетия, и растянутого процесса паспортизации. По довоенным подсчётам и согласно украинским данным, подвергаемым постоянным манипуляциям, на территории четырёх искомых областей Украины проживали 8,1 млн человек. Ряд отечественных источников уже после вхождения новых регионов в состав России, назвали цифру 6,2 млн человек [1]. А согласно данным МВД и бюджету Федерального фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС) прогнозная численность населения в новых субъектах России на 1 января 2024 года определена в количестве 3227 429 человек [2].

Конечно, и эти данные нельзя считать финальными. Значительная часть беженцев ждут окончания войны, чтобы вернуться в свои дома, как с территории России, так Украины или Евросоюза. Активный поток «возвращенцев» уже наблюдается в тех районах, где ведётся активное жилищное строительство, например, в Мариуполе. Пополняется население и за счёт переселенцев с других территорий страны, прибывших для исполнения военного долга или в качестве рабочей силы для восстановления регионов. За рамками подсчётов остаются и люди, всё ещё проживающие на оккупированных территориях Российской Федерации.

А жизнь в прифронтовых, по сути, землях не останавливается. Правительство России направляет значительные средства на восстановление социальной, жилой и административной инфраструктуры, в первую очередь имея в виду базовые потребности населения и особенно его самой активной и перспективной части – молодёжи. Ремонт и строительство школ, институтов, университетов, заведений для занятий спортом и творчеством, развитие волонтерской деятельности, организация внеучебной активности – всё это стало приоритетом первых государственных программ развития новых территорий.

На заседании Государственного Совета, посвящённого вопросам реализации молодёжной политики в современных условиях, ещё в конце 2022 года заместитель председателя правительства Татьяна Голикова заявила: «Молодежная аудитория сегодня в России насчитывает 40 млн человек. Совсем недавно 1 млн 160 тыс. молодых людей присоединились к нам с новых территорий. И наша задача – активно вовлекать их в общественную жизнь страны» [3].

Для реализации данной задачи в первую очередь необходимо исследовать ценностные и мировоззренческие основания молодёжных групп на новых территориях, учитывая все непростые обстоятельства жизни

в условиях войны, пропаганды и борьбы идеологических установок, с которыми особенно часто сталкивались именно юные представители местного населения. Целью данного исследования также стало определение рисков и перспектив формирования общероссийской идентичности молодёжи новых субъектов России.

В этом контексте важно уточнить содержание и значение самого понятия российской идентичности, поскольку оно отличается многогранностью и неопределённостью. Исследователи трактуют данное понятие по-разному. Под понятием российской идентичности можно понимать знания о стране, ее истории и культуре и воспитание патриотизма [4], рассматривать не только как отождествление с определенной общностью, но и как представления о себе [5]. Российские авторы также отмечают, что идентичность включает в себя не только отождествление с гражданами своей страны, но и представление об этом обществе, чувство ответственности за него, понимание его интересов [6].

Вопросу формирования идентичности, проблемам гражданской идентичности, взаимосвязи гражданской, этнической и региональной идентичностей посвящены многие труды отечественных и зарубежных исследователей: А.Г. Асмолова, И.О. Тюриной, И.Г. Беяковой, Володажской Т.В., П. Бергера, Т. Лукмана [7–11].

Изучением проблематики идентичности жителей новых субъектов РФ преимущественно занимаются исследователи, проживающие непосредственно в новых регионах: В.И. Теркулов и К.В. Черкашин. Однако эти работы посвящены историческим аспектам, либо более узкой тематике [12, 13].

В ходе работы были проведены 6 фокус-групп в Луганске и Мариуполе с представителями старших классов общеобразовательных учреждений, высших учебных заведений и средних специальных учебных заведений. Также взяты 12 глубинных интервью у молодых людей, которые уже работают в самых разных сферах экономики ЛНР и ДНР. Кроме того, проведены 6 экспертных интервью со специалистами данных регионов, имеющими отношение к развитию молодёжной политики.

Особенности территориальной идентичности

Исследователям социально-демографических страт на новых территориях России приходится сталкиваться с существенной неоднородностью проживающего на них населения и рыхлой, раздёрганной большими историческими событиями идентичностью, что произошло как в результате многопоколенческого травмирующего опыта, так и в рамках одного поколения или кризисных процессов, актуальных прямо в данную минуту.

Жители исторического региона Новороссии, значительную часть которого и составляют четыре новых субъекта Российской Федерации, после развала Советского союза сохранили пророссийскую ориентацию, русскую идентичность и существовали в рамках русского культурного пространства. Затем долго, в течение двух десятилетий, естественным образом сопротивлялись попыткам украинизации просто в силу тотального доминирования русского мира.

Катастрофические события гражданской войны 2014 года раскололи регион. Часть созданных Луганской и Донецкой народных республик оторвали не только власть киевского режима, но и налёт новой украинской идентичности вместе с языком, документооборотом, символами и идеологией, полностью вернувшись в социокультурное пространство России. Тогда как оккупированные территории ЛНР и ДНР испытали сильнейшее давление со стороны Украины и массивную программу

украинизации, которая коснулась как культурного, так и гражданского, образовательного, бюрократического сегментов общества. Странники России либо уехали сами, либо были репрессированы и изгнаны. После освобождения данных территорий ситуация большого «переселения» коснулась эти земли вновь: бежали уже активные сторонники украинского правительства.

Мировоззренческие пертурбации происходили и на землях Херсонской и Запорожской областей: здесь местное население после 2014 года безо всякого давления начало перестраиваться на украинские стандарты, поскольку в свете Минских соглашений и необходимости гражданского выбора перестало ориентироваться на Россию, разочаровавшись в идеях «русской весны» либо сделав практичный выбор в пользу актуального киевского режима.

Особенно болезненно все эти исторические катаклизмы переживало именно молодое население Новороссии, которое по тем или иным обстоятельствам оставалось на своей Родине. С одной стороны, именно через образовательные и общественные программы на них влияли различные идеологические и мировоззренческие проекты России и Украины, противоположные по содержанию. С другой стороны, молодые люди всё же оставались в рамках широкого (и скорее москвациентричного) культурного пространства, куда менее регулируемого государством.

Исследователям приходится иметь в виду, какое количество времени те или иные респонденты находились в инаковом мировоззренческом поле, как долго в своих стремлениях, образовательных и карьерных траекториях, ориентировались на то или иное государство.

В этом свете, мы можем зафиксировать, что для молодых людей в Луганске практически всех возрастов (от 18 до 35 лет) совершенно не актуален украинский период жизни: «Украина – вот как за стеклом. Мы уже не воспринимаем и не слышим»; «Украина – это что-то вообще из другой жизни». Свой житейский опыт они преимущественно анализируют сквозь призму двух исторических веков: в непризнанной республике и после вхождения в состав России. Отсюда надежды на постепенное улучшение качества жизни, динамику которого они отмечают последние два года, и отчасти разочарование «неполноценным», медленным доведением качества среды обитания до общероссийских стандартов.

Тем не менее, мировоззрение молодых луганчан можно считать соответствующим среднероссийскому, как с точки зрения выстраивания образа будущего, так и в смысле актуального культурного пространства, потребляемой продукции кино- и музыкальной индустрии, книжного рынка, телевизионных шоу, ориентации на кумиров молодёжных субкультур. Среди них есть как представители российского сегмента шоу-бизнеса, так и международного, но практически отсутствуют продукты украинского производства, за исключением сериала «Сваты».

Похожая картина наблюдается и в Мариуполе, но с важными нюансами. Здесь исследователи обязаны учесть, что молодые респонденты как правило представляют семьи с пророссийскими взглядами, а значит они не покидали культурное пространство России или старались сохранить отдельные его парадигмы (праздники, обряды, традиции). При этом можно уверенно заявлять (об этом говорят многие респонденты), что в городе осталось значительное количество сторонников Украины с соответствующими проукраинскими убеждениями.

В то же время существенную часть своей жизни молодые люди Мариуполя провели в условиях сильного пропагандистского украинского влияния в рамках обра-

зовательных систем. Они могут сравнивать свою жизнь «при Украине и при России», касаясь, в первую очередь среды обитания, разрушенной событиями весны 2022 года. Нужно учесть сильную местную идентичность: Мариуполь – город промышленный, портовый, трудовой, отсюда сильный запрос на качественные рабочие места и быструю динамику восстановления не только социальной, но и промышленной инфраструктуры.

Тогда как в Луганске местная идентичность размыта: город потерял статус машиностроительного центра юга после развала СССР и не обрёл новое лицо. Местным молодым жителям сложнее нарисовать образ будущего: Луганская область – это вообще о чем? Поэтому здесь сильнее «переселенческие настроения», желания продолжить обучение и работу в иных регионах России. Более того, ещё более удивительно слышать от молодых людей готовность отказаться от статуса жизнь в областном центре и присоединить Луганскую область, например, к Ростовской области: по общему представлению это будет способствовать повышению качества жизни до общероссийских стандартов.

Ценностные установки

Несмотря на ряд мировоззренческих различий в представлениях молодёжи Мариуполя и Луганска, спровоцированных историческими и кризисными событиями, можно отметить практически идентичное ценностное поле респондентов. В первую очередь это триада:

- семейные ценности (крепкая семья, уважение к родителям, стремление к деторождению);
- материальный успех (достаток, карьера, собственное жильё);
- стабильность (безопасность, уверенность в будущем, гарантия рабочих мест, свобода передвижения).

Перечисленные ценности не вступают в противоречие, а обязательно дополняют друг друга, составляя желаемый образ будущего: в крепкой неразделённой семье, с хорошим образованием и высокооплачиваемым рабочим местом, в мирном безопасном собственном доме.

Важно отметить генезис перечисленных ценностных основ, проистекающий из кризисных условий формирования личности молодых респондентов. Молодые респонденты проявляют особенную теплоту, непривычную для данного возрастного среза, к своим родителям и родственникам в целом, что объясняется катаклизмами, которые пережил регион: военные действия, мобилизацию, обстрелы, разрывы родственных связей по идеологическим соображениям или в результате вынужденного перемещения. В трудные времена внутри семей рождалась особенная взаимозависимость, помогающая выживать и переживать внешние вызовы. Интересно, что у многих респондентов дома вместо плакатов со звёздами шоу-бизнеса висят фотографии родителей – и именно их дети считают своими настоящими «кумирами».

Вероятно, отсюда проистекает и желание молодых людей заводить крепкие семьи и детей. Однако одновременно доминирует и ценность личностного и карьерного развития. В итоге, личный успех для респондентов – это совокупность семейного счастья и достатка.

Ещё важный нюанс. Существенной частью материального блага является наличие своей жилплощади – с ней туго и в Луганске, и в Мариуполе, цена и на покупку, и на аренду высокие. И подчас это важный аргумент для переезда в любой город «старой России», где можно начать жизнь заново. Однако ключевой аргумент, чтобы

остаться на родной земле, – это как раз родственники, как правило пожилые. Если учащиеся ещё могут себе при таком раскладе позволить поразмышлять о продолжении обучения в иных регионах (переложив ответственность на родителей), то работающая молодёжь скорее принимает решение остаться на родине и ухаживать за родными.

И семейное, и материальное счастье обрамляет понятный для воюющего региона запрос на стабильность и безопасность, что также включает в себя гарантию развития территории, появление рабочих мест, а также, что очень немаловажно для молодых людей, повышение уровня свободы перемещения (до сих пор между «старой» и «новой» Россией существуют граница и блокпосты, на которых можно стоять часами).

Сегмент общечеловеческих ценностей формируется вокруг понятия «гуманизм», что также во многом спровоцировано военной обстановкой и пережитым кризисным опытом. Это взаимопомощь и поддержка, взаимопонимание, взаимоуважение. Важными для респондентов и в Луганске, и в Мариуполе качествами являются искренность, правдивость, прямота, а их антагонистами – лицемерие, обман, изворотливость.

Представление об общероссийских ценностях размыто, респонденты не могут выделить существенную специфику, характерную именно для русского мира, либо «сваливаются» в описание общечеловеческих ценностей, признавая их унификацию.

В Мариуполе чуть более конкретны в этом отношении и могут назвать душевность или духовность в качестве общероссийского стержня. Также именно в этом городе ДНР чаще приходится слышать о патриотизме, как о базисе российской гражданской позиции.

Впрочем, и в Мариуполе, и в Луганске есть существенная часть молодёжной аудитории, которая не только воспринимает патриотическую риторику сквозь призму многочисленных общественных мероприятий и занятий в сегменте околообразовательного и воспитательного процессов, но и подкрепляет её личной активностью в рамках местных и федеральных проектов, гуманитарного и общественного волонтерства, таких организаций как «Движение первых», «Юнармия», инициатив «Единой России».

Факторы формирования российской идентичности

У молодых людей в Луганске и Мариуполе отсутствует пограничное состояние в ощущениях и декларировании своей идентичности. И местная, и этническая, и гражданская, и региональная идентичность сливаются в одно целое: респонденты считают себя русскими жителями России. Причем об этом говорят и те респонденты в Мариуполе, которые также называют себя украинцами по национальности.

Безусловно местная идентичность играет весомую роль в обоих городах, хотя бы потому, что более высокий статус территорий некоторое время оспаривался либо находился в переходном состоянии. Именно с таких позиций и представляются молодые люди в иных городах России: «Я из Мариуполя» или «Я из Луганска», подразумевая, что собеседник сам хорошо представляет, на каких территориях находятся эти населённые пункты.

В то же время можно предположить, что региональная идентичность в рамках конкретных субъектов России – Донецкой или Луганской народных республик – окончательно не сформировалась в силу молодости правового и смыслового поля данных регионов.

Респонденты не видят особой разницы между собой и молодыми жителями иных регионов России, за исключением различий образовательного опыта и образовательных программ, а также психологических нюансов жизни в прифронтовых субъектах: считается, что люди здесь более сильные, стойкие, мужественные, чем в целом по стране.

Общероссийская идентичность формируется также в рамках следующих поведенческих и мировоззренческих паттернов.

1. Молодые люди стремятся получать любое образование на русском языке и по российским образовательным стандартам. Российское образование считается сильным и качественным, по отдельным предметам более глубоким и многогранным (некоторым специальностям просто нельзя обучиться на новых территориях). Важно, что российский диплом даёт перспективу дальнейшей успешной карьеры и высокого заработка.

2. Силён запрос на перенос законов, правил, качества среды и потребительских удобств по российским стандартам на территорию новых регионов. Дефицит таких стандартов является сильнейшим основанием для переезда в иные субъекты «старой» России. Молодые респонденты прекрасно осведомлены о преимуществах жизни в иных регионах страны: о вездесущей работе маркетплейсов, о качестве мобильной связи, о скорости обслуживания в Многофункциональных центрах (МФЦ), о богатстве выбора и низких ценах у различных сетевых ритейлеров, о компетенции ряда бюрократических служб – этот образ эффективной и удобной России является желаемым и безальтернативным.

3. Многие молодые люди часто путешествовали по делам или в туристических поездках по городам России и не ощущают своей инаковости, отчуждённости, зато имеют возможность оценить качество социальной и общественной инфраструктуры в стране. В то же время стандарты удобства городской среды, которые внедряются благодаря проектам развития новых территорий в Мариуполе и Луганске, соотносятся с общероссийскими, формируя таким образом общестрановое пространство среды для жизни. Для ряда респондентов именно благодаря этому формируется мотивация остаться в родном городе и понаблюдать за его восстановлением и развитием.

4. Респонденты вовлечены в российское политическое, экономическое и культурное пространство, проектируют своё будущее в русской среде, читают книги и смотрят фильмы на русском языке, стремятся путешествовать по России. Украинское социокультурное пространство совсем далеко от жителей Луганска и с каждым годом стремительно отдаляется от жителей Мариуполя, поскольку просто не предлагает интересных мировоззренческих либо идеологических паттернов и не выпускает продуктов шоу-бизнеса, которые способны конкурировать с российскими.

5. Россия воспринимается как большая, сильная, исторически «глубокая» и богатая держава, способная дать защиту и сформировать траекторию будущего для личного роста. Этим она привлекательна для молодого поколения, вне зависимости от их желания жить на новых территориях или уехать.

6. Молодые люди в Мариуполе и Луганске участвуют в огромном количестве волонтерских и общественных программ, объединены проектами в сферах спорта, науки, творчества, профессионального развития, задействованы в политических проектах «Единой России». Государственная образовательная политика способствует интеграции молодёжи новых территорий и в сам образовательный процесс, и во внеучебный активизм, даёт

возможность сдавать Единый государственный экзамен (ЕГЭ) и поступать в ведущие вузы страны, организует празднование годовщин и памятных дат, то есть воссоздаёт пространство традиций. Благодаря большому количеству программ, позволяющих посетить иные регионы России, молодые люди с желанием выстраивают коммуникацию со сверстниками из других регионов.

Выводы, риски и возможности

Таким образом, можно сделать вывод, что молодёжь Луганска и Мариуполя уже сегодня во многом находится в контексте общероссийской идентичности, а динамика её дальнейшего вовлечения в культурное и социальное пространство русского мира зависит от темпов полноценной интеграции новых регионов в состав Российской Федерации.

Речь идёт не только о продвижении образовательных и волонтерских программ, но и об унификации юридической и бюрократической систем, приходе потребительских и продуктовых сетей, кампаний мобильной связи, маркетплейсов, строительстве социальной, общественной и промышленной инфраструктуры по российским стандартам.

И напротив, замедление этого процесса провоцирует социальный стресс, приводит к ощущению молодыми людьми новых территорий своей вторичности, инаковости, «непризнанности», что чревато повышенным оттоком населения, особенно в самом перспективном возрасте.

Важно отметить интенсивную работу с молодёжью в рамках образовательной системы, волонтерских и общественно значимых проектов. Здесь также многое зависит от динамики развития этих направлений, выделения дополнительных человеческих и материальных ресурсов. В то же время нужно аккуратно формировать основы идеологического воспитания, поскольку уже сегодня респонденты жалуются на формальность и неискренность отдельных аспектов такой деятельности. Особенно это касается юных жителей Мариуполя, многие из которых помнят сильное давление украинских пропагандистов в школах и вузах и проводят сравнения, отторгая часть воспитательной работы.

Надо также отметить, что молодёжь интересуется новостями и политическими темами, обсуждает их друг с другом и с семьями, а значит находится в повестке и хорошо чувствует фальшь и лицемерие.

Также аккуратный и дифференцированный подход следует разработать для жителей иных территорий новых регионов, которые либо очень долго находились в украинском идеологическом пространстве (в Херсонской и Запорожской областях), либо испытывали давление в рамках «перековки» русской идентичности (на оккупированных землях ЛДНР). Очевидно, с ними потребуются отдельная осмысленная работа по возвращению в российскую идентичность или полному переносу в русскую социокультурную среду.

Отдельно нужно отметить сегмент работающей молодёжи, которая лишена внимания структур, которые занимаются воспитанием и формированием патриотизма, поскольку те в основном действуют в рамках систем среднего и высшего образования. Эти респонденты, как правило, полностью вовлечены в трудовой процесс, подчас заняты на нескольких рабочих местах и имеют мало свободного времени. Однако они декларируют запрос на качественную и недорогую инфраструктуру для занятий спортом или творчеством, а по факту имеют лишь питейные заведения для свободного времяпрепровождения.

В целом можно предположить, что усиливать общероссийскую идентичность молодых жителей новых регионов в ближайшей перспективе будут скорее не гуманитарные, а материальные факторы. Для этого необходимо завершить интеграцию субъектов в правовое и бюрократическое пространство России, дать людям работу и доступное жильё, повысить качество образовательных услуг и развивать карьерные перспективы.

Литература

1. Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/10/05/putin-podpisa-paket-dokumentov-o-priniatii-dnr-lnr-hersonskoj-i-zaporozhskoj-oblastej-v-sostav-rossii.html> (дата обращения: 05.12.2024).
2. Информационный портал РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/09/2023/6516e5449a79477c35e5f12d> (дата обращения: 07.12.2024).
3. Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169> (дата обращения: 04.12.2024).
4. Тишков, В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. – 2019. – Т. 89. – № 4. – С. 408–412. doi: 10.31857/S0869-5873894408-412. URL: <https://journals.eco-vector.com/0869-5873/article/view/11962/9391> (дата обращения: 05.12.2024).
5. Горшков, М.К. Российская идентичность в контексте новых вызовов и рисков // Научные труды Вольного экономического общества России. Том 195. – М.: ВЭО России. – С. 274–290. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4353> (дата обращения: 07.12.2024).
6. Дробижина, Л.М. Российская идентичность: факторы интеграции и проблемы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2013. Том 0. № 1. С. 74–84. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2384&id=2947&l=&j=4&base=&jn=73 (дата обращения: 05.12.2024).
7. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Психолого-педагогический поиск. 2010. № 2. С. 21–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15522600> (дата обращения: 01.12.2024).
8. Горшков, М. К., Тюрина, И.О. Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 44–57. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32383134> (дата обращения: 04.12.2024).
9. Белякова, И.Г. Формирование гражданской идентичности в образовательной среде глобализирующегося пространства / И.Г. Белякова // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 2 (50). – С. 98–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoj-identichnosti-v-obrazovatelnoy-srede-globaliziruyuschegosya-prostranstva> (дата обращения: 01.12.2024).
10. Водолажская, Т.В. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-grazhdanskaya> (дата обращения: 10.12.2024).
11. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: “Медиум”, 1995. – 323 с. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/socialnaja_filosofija/berger_p_lukman_t_socialnoe_konstruirovaniye_realnosti_traktat_po_sociologii_znaniya_1995/24-1-0-3994 (дата обращения: 20.11.2024).
12. Теркулов, В.И. Языковая идентификация и идентичность / В.И. Теркулов, Т.Ю. Тамерьян. – Текст: непосредственный // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 27–34. – DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_03. URL: https://politlingvistika.ru/images/1-2023/97_2023_1-27-34.pdf (дата обращения: 03.11.2024).
13. Черкашин, К.В. Этническая самоидентификация жителей Донбасса / К.В. Черкашин, В.И. Теркулов, Т.Ю. Тамерьян // Политическая лингвистика. – 2023. – № 1 (97). – С. 113–128. URL: https://politlingvistika.ru/images/1-2023/97_2023_1-113-128.pdf (дата обращения: 04.11.2024).

FORMATION OF THE ALL-RUSSIAN IDENTITY OF THE YOUTH OF THE NEW SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Evseeva N.V., Skorobogaty P.V.
INION RAS

The article presents the results of a sociological study conducted in the Luhansk and Donetsk People's Republics during the second half of 2024 (a series of focus groups and in-depth interviews). Its relevance is due to the complexity and novelty of the problems of integrating young people into the Russian space of the new subjects that became part of the Russian Federation in 2022. The armed conflict caused by the deep socio-political crisis in Ukraine has led to the need for self-determination and the subsequent transformation of identities associated with the restructuring of the ideas of the youth of the annexed territories about themselves, their region, their place in the history of Russia and Ukraine and their special role in the modern world. As a result of the study, data were obtained indicating the presence of a significant level of national identity among the respondents and identified features that make it possible to intensify the work of government agencies in this area.

Keywords: All-Russian identity, public consciousness, civil identity, youth policy, integration, youth of new territories, young people of Lugansk and Donetsk.

References:

1. Rossiyskaya gazeta [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2022/10/05/putin-podpisa-paket-dokumentov-o-priniatii-dnr-lnr-hersonskoj-i-zaporozhskoj-oblastej-v-sostav-rossii.html> (date of request: 05.12.2024).
2. RBC information portal [Electronic resource]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/29/09/2023/6516e5449a79477c35e5f12d> (date of request: 07.12.2024).
3. Official website of the President of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169> (date of request: 04.12.2024).
4. Tishkov V.A. Russia's identity: grand challenges // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2019. – Vol. 89. – N. 4. – P. 408–412. doi: 10.31857/S0869-5873894408-412. URL: <https://journals.eco-vector.com/0869-5873/article/view/11962/9391> (date of request: 05.12.2024).
5. Gorshkov, M.K. Russian identity in the context of new challenges and risks // Scientific works of the Free Economic Society of Russia. Vol. 195. – М.: VEO of Russia. – P. 274–290. URL: <https://www.isras.ru/publ.html?id=4353> (date of request: 07.12.2024).
6. Drobizheva, L.M. Russian identity: factors of integration and problems of development // Sociological science and social practice. 2013. Vol. 0. No. 1. P. 74–84. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2384&id=2947&l=&j=4&base=&jn=73 (date of request: 05.12.2024).
7. Asmolov A.G. Strategy of socio-cultural modernization of education: on the way to overcoming the identity crisis and building a civil society // Psychological and pedagogical search. 2010. № 2. P. 21–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15522600> (date of request: 01.12.2024).

8. Gorshkov M. K., Tiurina I.O. Synthesis of ethno-national and civil as the basis of Russian identity. RUDN Journal of Sociology=Vestnik RUDN. Seriya: sociologiya.. 2018;18(1):44–57. (In Russ.). DOI 10.22363/2313–2272–2018–18–1–44–57. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32383134> (date of request: 04.12.2024).
9. Beliakova I. 2017. Formation of civil identity in educational environment of the globalizing world. Culture and Arts Herald. No 2 (50): 98–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-grazhdanskoy-identichnosti-v-obrazovatelnoy-srede-globaliziruyuschegosya-prostranstva> (date of request: 01.12.2024).
10. Volodarskaia T. 2010. Civil identity. Educational policy. No 5–6: 140–142. (In Russ.). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-grazhdanskaya> (date of request: 10.12.2024).
11. Berger, P. L., Luckmann, T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/socialnaja_filosofija/berger_p_lukman_t_socialnoe_konstruirovaniye_realnosti_traktat_po_sociologii_znanija_1995/24–1–0–3994 (date of request: 20.11.2024).
12. Terkulov V. I., Tamer'yan T. Yu. (2023). Language Identification and Identity. In Political Linguistics. No 1 (97), pp. 27–34. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_03. URL: https://politlingvistika.ru/images/1–2023/-97_2023_1–27–34.pdf (date of request: 03.11.2024).
13. Cherkashin K. V., Terkulov V.I., Tamer'yan T. Yu. (2023). Self-Identification of Donbas Residents. In Political Linguistics. No 1 (97), pp. 113–128. (In Russ.). DOI: 10.26170/1999-2629_2023_01_13. URL: https://politlingvistika.ru/images/1–2023/-97_2023_1–113–128.pdf (date of request: 04.11.2024).

Экономическая дипломатия Китая через электронные торговые платформы: современные тенденции и перспективы

Тан Цзинцзин,

магистр, Московский государственный университет

E-mail: jingjingt07@gmail.com

В статье рассматриваются текущие тенденции и перспективы экономической дипломатии Китая с помощью платформ электронной коммерции. На фоне глобализации и цифровой трансформации платформы электронной коммерции стали важной силой в развитии международной торговли и культурных обменов. Цель исследования – изучить влияние технологических инноваций, региональной интеграции, совершенствования системы регулирования и международного сотрудничества на процесс интернационализации электронной коммерции в Китае, а также предложить целевые политические рекомендации. Результаты исследования показывают, что такие технологии, как большие данные и искусственный интеллект, глубоко меняют индустрию электронной коммерции, а стратегии локализации и международного сотрудничества имеют решающее значение для повышения международной конкурентоспособности китайских платформ электронной коммерции. Научная новизна статьи заключается во всестороннем анализе комплексного влияния технологических инноваций, культурной интеграции и регуляторной политики на дипломатию электронной коммерции, что обеспечивает теоретическую поддержку и практическое руководство для международного развития платформ электронной коммерции.

Ключевые слова: платформа электронной коммерции, экономическая дипломатия, технологические инновации, региональная интеграция, международное сотрудничество.

Введение

В современном мире, который становится все более глобализованным, электронная коммерция стала одним из ключевых факторов глобального экономического роста. Она не только разрушает географические границы и способствует упрощению международной торговли, но и предоставляет потребителям и предприятиям беспрецедентный выбор и удобство. Развитие электронной коммерции не только изменило традиционную бизнес-модель, но и сформировало новый экономический ландшафт в глобальном масштабе.[1] В Китае электронная коммерция развивается особенно быстро. В последние годы масштабы китайского рынка электронной коммерции продолжают расширяться, охватывая широкий спектр областей, таких как онлайн-покупки, онлайн-платежи и электронные транзакции. Диверсификация способов электронной коммерции – от B2C до C2C и B2B – отвечает потребностям различных потребителей и способствует быстрому развитию малых и средних предприятий (МСП). В то же время китайские потребители все больше принимают электронную коммерцию, а удобство покупок и богатый выбор товаров делают электронную коммерцию важной силой, способствующей росту внутреннего спроса и стимулирующей потребление.

На этом фоне данная статья направлена на изучение того, как Китай может использовать платформу электронной коммерции для экономической дипломатии. В связи с тенденцией глобализации электронной коммерции Китай активно использует эту платформу для расширения своих зарубежных рынков и продвижения высококачественных китайских товаров в мире. В то же время, используя платформу электронной коммерции, Китай укрепляет экономические связи и сотрудничество с другими странами, чтобы совместно способствовать процветанию и развитию мировой экономики. В настоящее время функция внешнеторговых услуг китайской платформы электронной коммерции всесторонне укрепляется, а также совершенствуется система поддержки и контроля. В будущем, благодаря постоянному прогрессу технологий и глубокому расширению рынка, китайская платформа электронной коммерции станет еще более важной в мировой экономике, а перспективы экономической дипломатии станут еще шире.

Предпосылки и текущая ситуация с развитием электронной коммерции в Китае

С 1980-х годов политика открытых дверей в Китае заложила основу для развития электронной коммерции. Со вступлением во Всемирную торговую организацию (ВТО) китайская экономика стала еще более интегрированной в мировой рынок, а индустрия электронной коммерции получила возможность ускоренного развития. [2] На этом фоне технологии электронной коммерции постепенно развивались и становились популярными, особенно широкое применение смартфонов и сетей 5G, что в значительной степени способствовало быстрому развитию электронной коммерции.

Благодаря технологии электронной коммерции масштабы рынка быстро расширяются. От начальной эпохи электронного обмена данными, подъема интернет-торговли и до полноценного рынка электронной коммерции сегодня Китай стал одним из крупнейших рынков электронной коммерции в мире. В последние годы как общий объем розничных онлайн-продаж, так и общий объем операций электронной коммерции демонстрируют устойчивую тенденцию к росту. Например, за первые три квартала 2024 года объем розничных онлайн-продаж в стране достиг 10,9 триллиона юаней, увеличившись на 8,6% по сравнению с предыдущим годом. За этой цифрой стоит тот факт, что все больше потребителей привыкают совершать покупки через платформы электронной коммерции, а уровень проникновения индустрии электронной коммерции продолжает расти.

Широкое применение электронной коммерции выражается не только в расширении масштабов рынка, но и в проникновении во многие сферы, такие как образование, быт, промышленность и торговля. В сфере образования электронная коммерция предоставляет учащимся множество онлайн-курсов и учебных ресурсов; в сфере жизни люди могут приобрести через платформы электронной коммерции различные товары и услуги – от одежды, продуктов питания до электронных товаров; в сфере промышленности и торговли электронная коммерция способствует оцифровке и интеллектуализации цепочки поставок, а также повышает операционную эффективность предприятий.[3] Снижение логистических издержек и зрелость платежных систем на платформах электронной коммерции – два важных движущих фактора развития индустрии электронной коммерции. С быстрым развитием логистической отрасли эффективность и качество логистики и распределения постоянно повышаются, а логистические издержки постепенно снижаются. Между тем, зрелость платежных систем на платформах электронной коммерции предоставила потребителям безопасные и удобные способы оплаты, такие как Alipay, WeChat Pay и другие сторонние платежные платформы, что еще больше способствовало процветанию электронной коммерции.

Кроме того, развитию электронной коммерции способствовала поддержка государственной политики. Правительство Китая активно содействует развитию электронной коммерции и приняло ряд политических мер, таких как снижение налогов и сборов, оптимизация бизнес-среды, поддержка развития электронной коммерции в сельской местности и т.д., которые создают благоприятные политические условия для развития электронной коммерции.[4] Реализация этих мер не только способствует здоровому развитию индустрии электронной коммерции, но и содействует глубокой интеграции электронной коммерции и реальной экономики.

История развития и текущая ситуация электронной коммерции в Китае демонстрируют бурный рост. Благодаря технологиям электронной коммерции масштабы рынка расширяются, а сфера применения становится все более обширной. В то же время снижение логистических издержек, зрелость платежных систем платформ электронной коммерции и поддержка государственной политики способствовали быстрому развитию индустрии электронной коммерции. В будущем, благодаря постоянному появлению и применению новых технологий, индустрия электронной коммерции продолжит сохранять тенденцию быстрого развития, внося все больший вклад в экономическое и социальное развитие.

Интернационализация китайских платформ электронной коммерции

Рост трансграничной электронной коммерции знаменует собой важный шаг в интернационализации китайских платформ электронной коммерции. Трансграничная электронная коммерция – это торговля товарами или услугами между различными странами или регионами через Интернет. В зависимости от предмета сделки, трансграничную электронную коммерцию можно разделить на три основных типа: B2B, B2C и C2C. На стороне экспорта китайские платформы электронной коммерции в основном продают товары оптом зарубежным предприятиям в режиме B2B, а также предоставляют услуги непосредственно зарубежным потребителям в режимах B2C и C2C.[5] Что касается импорта, то он в основном направлен на удовлетворение спроса отечественных потребителей на высококачественные товары из-за рубежа и обеспечивает быстрый и удобный импорт через трансграничные платформы B2C. Целевые рынки находятся по всему миру, особенно в регионах с развитой электронной коммерцией, таких как Северная Америка, Европа и Юго-Восточная Азия.

Чтобы способствовать быстрому развитию трансграничной электронной коммерции, правительство Китая ввело ряд мер поддержки. Эта политика охватывает широкий спектр аспектов, таких как налоговые льготы, упрощение таможенного оформления, реформа валютного управления и т.д., направленная на снижение операционных расходов предприятий и повышение эффективности трансграничных операций. Например, благодаря созданию комплексных пилотных зон трансграничной электронной коммерции правительство предоставило предприятиям трансграничной электронной коммерции более мягкие политические условия и более эффективные государственные услуги. Кроме того, международное сотрудничество и торговые соглашения также играют важную роль в развитии трансграничной электронной коммерции. Китай активно участвует в разработке международных правил электронной коммерции и подписал меморандумы о сотрудничестве с рядом стран, заложив прочную основу для глобализации трансграничной электронной коммерции.[6] При двойном содействии – политической поддержке и международном сотрудничестве – китайские платформы электронной коммерции достигли значительных результатов в процессе интернационализации. Такие платформы, как Alibaba International Station и Global SmartOne, успешно продвигают китайские товары на мировой рынок, создавая глобализованную систему цепочек поставок, оптимизируя логистические решения и повышая удобство использования. Эти платформы не только предоставляют китайским производителям международную площадку для демонстрации и продажи своей продукции, но и помогают малым и средним предприятиям глубже понять динамику международного рынка и точно определить местонахождение своих целевых клиентов благодаря дополнительным услугам, таким как анализ данных и продвижение на рынке, что эффективно снижает пороги и риски освоения международного рынка.

Стремительное развитие трансграничной электронной коммерции оказало глубокое влияние на МСП. Она не только предоставляет МСП беспрецедентные международные возможности для преодоления географических границ и прямого контакта с глобальными потребителями, но и способствует цифровой трансформации МСП и повышает их конкурентоспособность в глобальной цепочке поставок. С помощью платформ трансграничной электронной коммерции МСП могут выйти на бо-

лее широкий круг международных рынков и потребителей, тем самым обеспечивая быстрый рост бизнеса и интернационализацию.

Интернационализация китайских платформ электронной коммерции достигла значительного прогресса с ростом трансграничной электронной коммерции. Поддержка государственной политики, углубление международного сотрудничества и демонстрационный эффект успешных платформ в совокупности способствуют глобализации китайских платформ электронной коммерции, предоставляя ценные международные возможности для МСП и внося важный вклад в процветание мирового рынка электронной коммерции.

Роль платформ электронной коммерции в экономической дипломатии

Являясь важной частью современной экономики, платформы электронной коммерции играют все более значительную роль в экономической дипломатии. Платформы электронной коммерции значительно облегчили международную торговлю и сотрудничество, устранив временные и пространственные ограничения. Традиционный способ международной торговли часто ограничен географией, временем и другими факторами, в то время как платформа электронной коммерции использует интернет-технологии для того, чтобы сделки с товарами и услугами могли осуществляться в глобальном масштабе, что значительно расширяет границы международной торговли. [7] Особенно во время эпидемии, когда традиционные каналы международной торговли сильно пострадали, платформа электронной коммерции стала важной силой для поддержки международной торговли благодаря своим онлайн-транзакциям, бесконтактному распределению и другим преимуществам, которые гарантировали стабильность глобальной цепи поставок. Платформы электронной коммерции также играют важную роль в укреплении национального имиджа и «мягкой силы». Платформа электронной коммерции – это не только окно для выхода китайских товаров в мир, но и важная платформа для демонстрации китайской культуры и ценностей. С помощью платформ электронной коммерции международное сообщество может более интуитивно понять качество китайских товаров, стили дизайна и культурный подтекст, стоящий за ними, тем самым углубляя свое понимание и признание китайской культуры. В то же время культурные обмены и взаимодействие на платформе электронной коммерции способствуют взаимопониманию и уважению между различными культурами и укрепляют международный имидж и «мягкую силу» Китая.

Платформы электронной коммерции также демонстрируют свои уникальные преимущества в решении проблем международной торговли. В условиях торговых барьеров и тарифов платформы электронной коммерции помогли китайским предприятиям эффективно реагировать на них, оптимизируя цепочку поставок, повышая добавленную стоимость продукции и осваивая диверсифицированные рынки. [8] Например, с помощью платформ электронной коммерции предприятия могут более гибко корректировать свои экспортные стратегии и выбирать для экспорта рынки с более низкими тарифами или торговыми барьерами, что позволяет снизить торговые издержки. Кроме того, платформа электронной коммерции помогает предприятиям глубже понять динамику международного рынка и потребительский спрос с помощью анализа данных, маркетинговых исследований и других средств, чтобы сформулировать более точные маркетинговые стратегии и повысить конку-

рентоспособность продукции на международном рынке. В условиях международной торговой конкуренции платформы электронной коммерции также дают китайским предприятиям уникальные преимущества. Платформы электронной коммерции делают китайские предприятия более конкурентоспособными по цене на международном рынке за счет снижения транзакционных издержек и повышения эффективности операций. Платформы электронной коммерции также удовлетворяют разнообразные потребности потребителей на международном рынке, предоставляя персонализированные и индивидуальные услуги, что повышает влияние бренда и рыночную позицию китайских предприятий.

Платформа электронной коммерции играет незаметную роль в экономической дипломатии. Она не только способствует развитию международной торговли и сотрудничества, укрепляет имидж страны и ее «мягкую силу», но и помогает Китаю эффективно реагировать на вызовы международной торговли и повышать свою конкурентоспособность в международной торговле. В будущем, с непрерывным развитием технологий электронной коммерции и глубокими изменениями в структуре мировой торговли, роль платформ электронной коммерции в экономической дипломатии станет более заметной. Поэтому Китай должен продолжать укреплять строительство и управление платформами электронной коммерции, способствовать их глубокой интеграции с экономической дипломатией и вносить больший вклад в построение новых международных отношений, более открытых, инклюзивных, универсальных, сбалансированных и взаимовыгодных.

Современные тенденции и перспективы развития электронной коммерции

В настоящее время индустрия электронной коммерции переживает глубокие изменения, вызванные технологическими инновациями и цифровой трансформацией. Применение новых технологий, таких как большие данные и искусственный интеллект, в электронной коммерции становится все более распространенным, и эти технологии не только повышают интеллектуальный уровень платформ электронной коммерции, но и обеспечивают потребителям персонализированный и удобный опыт покупки. [9] Например, благодаря анализу больших данных платформы электронной коммерции могут точно улавливать тенденции рынка, оптимизировать управление запасами и осуществлять точный маркетинг, а искусственный интеллект повышает оперативность цепочки поставок и эффективность работы благодаря интеллектуальным рекомендательным системам, автоматизированным CRM и другим средствам. Цифровая трансформация оказала глубокое влияние на индустрию электронной коммерции. Она не только изменила традиционную бизнес-модель и способствовала постоянной оптимизации и модернизации B2B, B2C, C2C и других видов деятельности, но и привела к появлению новых бизнес-моделей, таких как трансграничная электронная коммерция и социальная электронная коммерция. Эти новые модели предоставляют потребителям более разнообразные варианты покупок и способствуют процветанию и развитию международной торговли. [10] По мере углубления цифровой трансформации индустрия электронной коммерции будет открывать все более широкие перспективы развития.

С точки зрения стратегии региональной интеграции и локализации, применение региональных культурных особенностей китайских провинций в электронной коммерции становится все более заметным. Платформы

электронной коммерции удовлетворяют потребительский спрос на дифференцированные и персонализированные товары, используя региональные культурные элементы для создания специальных продуктов. Между тем стратегия локализации также играет важную роль в содействии интернационализации электронной коммерции.[11] Благодаря глубокому пониманию спроса на местном рынке и культурных привычек, платформы электронной коммерции могут адаптировать и запускать продукты и услуги, отвечающие особенностям местного рынка, тем самым выделяясь на международном рынке. Однако нынешняя система регулирования трансграничной электронной коммерции все еще сталкивается со многими проблемами, такими как защита данных, налоговые корректировки, ограничения на импорт и другие вопросы. В будущем система регулирования должна быть усовершенствована, чтобы справиться с быстрым развитием индустрии электронной коммерции. Правительство должно укреплять международное сотрудничество для содействия либерализации и упрощению процедур торговли; платформы электронной коммерции также должны активно сотрудничать с государственными органами регулирования для повышения уровня ответственности.

С точки зрения международного сотрудничества и конкурентной динамики, международный рынок электронной коммерции отличается высокой конкуренцией, но в то же время полон возможностей для сотрудничества. Китайские предприятия электронной коммерции уже заняли определенное положение на международном рынке, и ожидается, что в будущем они еще больше повысят свою конкурентоспособность за счет технологических инноваций и создания бренда. В то же время, укрепляя сотрудничество с международными предприятиями и совместно осваивая развивающиеся рынки, китайские предприятия электронной коммерции получат больше возможностей для развития.

Заключение

Современная тенденция развития китайской экономической дипломатии с помощью платформ электронной коммерции демонстрирует большой динамизм и потенциал. Технологические инновации и цифровая трансформация коренным образом меняют облик индустрии электронной коммерции, открывая новые пути для международной торговли и сотрудничества. Применение больших данных, искусственного интеллекта и других технологий не только повысило операционную эффективность платформ электронной коммерции, но и предоставило потребителям более персонализированный и удобный опыт покупок. В то же время реализация стратегий региональной интеграции и локализации позволила продемонстрировать региональные культурные особенности провинций Китая на международных платформах электронной коммерции, что способствует дальнейшему развитию культурного обмена и взаимопонимания.

В будущем Китай должен продолжать укреплять интернационализацию платформ электронной коммерции и повышать их конкурентоспособность на международном рынке. Правительство должно проводить более благоприятную политику, чтобы стимулировать платформы электронной коммерции к выходу на зарубежные рынки и укреплять сотрудничество с международными предприятиями. В то же время следует усовершенствовать систему регулирования трансграничной электронной коммерции, чтобы обеспечить безопасность данных и либерализацию торговли, а также создать более справедливую и прозрачную конкурентную среду для китай-

ских предприятий электронной коммерции на международном рынке. Будущие направления исследований могут быть посвящены стратегии глобализации платформ электронной коммерции, интеграции правил международной торговли и электронной коммерции, а также влиянию цифровой трансформации на долгосрочное развитие индустрии электронной коммерции. Благодаря этим исследованиям будет обеспечена более прочная теоретическая поддержка и практическое руководство для процесса интернационализации китайских платформ электронной коммерции.

Литература

1. Шайдуллина В.К. Электронная торговля и перспективы ее развития в мировой экономике // Вестник университета. – 2019. – № 3. – С. 114–119.
2. Цзыминь М., Головенчик Г.Г. Электронная торговля Китая: современное состояние и пути развития // Актуальные вопросы современной экономической науки: теория и практика. – 3000. – С. 18.
3. Котько С.П. Развитие трансграничной электронной торговли в Китае // Современные тенденции развития фундаментальных и прикладных наук. – 2022. – С. 36–42.
4. Нетребко М. Д., Феоктистова Т.В. Современная экономическая ситуация в Китае и ее причины // Всероссийская научная конференция молодых исследователей «Экономика сегодня: Современное состояние и перспективы развития» (ВЕКТОР-2019). – 2019. – С. 67–71.
5. Чжаньшун Ч. Трансграничная электронная коммерция Китая на примере Alibaba Group // Экономика и социум. – 2024. – № 3–2 (118). – С. 881–884.
6. Савинов Ю. А., Орлова Г.А., Скурова А.В., и др. Успехи и проблемы цифровизации во внешней торговле Китая // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 12. – С. 68–79.
7. Абрамова Е. А., Капралова М.А. Роль цифровой экономики в эффективном управлении современными экономическими отношениями // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Экономика. – 2019. – № 1. – С. 6–10.
8. Аушев М.И. Проблемы и перспективы инвестиций в проекты трансграничной электронной торговли // Инновации и инвестиции. – 2022. – № 7. – С. 13–18.
9. Стукалова И.Б. Перспективы развития электронной торговли: возможности и угрозы // Теоретическая и прикладная экономика. – 2021. – № 4. – С. 29–40.
10. Тропынина Н. Е., Логинов П.О. Современные тенденции развития рынка электронной коммерции // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2022. – № 3 (61). – С. 84–89.
11. Цзян И. Развитие цифровой экономики Китая во время эпидемии // Интернаука. – 2020. – № 20–3. – С. 61–62.

CHINA'S ECONOMIC DIPLOMACY THROUGH ELECTRONIC COMMERCE PLATFORMS: CURRENT TRENDS AND PROSPECTS

Tang Jingjing
Moscow State University

This article explores the current trends and prospects of China's economic diplomacy through e-commerce platforms. Against the backdrop of globalization and digital transformation, e-commerce platforms have become an important force in promoting international trade and cultural exchanges. The purpose of the study is to examine the impact of technological innovation, regional integration, regulatory improvement and international cooperation on the inter-

nationalization process of e-commerce in China, and to propose targeted policy recommendations. The results of the study show that technologies such as big data and artificial intelligence are profoundly changing the e-commerce industry, and localization and international cooperation strategies are crucial to enhance the international competitiveness of Chinese e-commerce platforms. The scientific novelty of the article lies in the comprehensive analysis of the comprehensive impact of technological innovation, cultural integration and regulatory policies on e-commerce diplomacy, which provides theoretical support and practical guidance for the international development of e-commerce platforms.

Keywords: E-Commerce Platform, Economic Diplomacy, Technological Innovation, Regional Integration, International Cooperation.

References

1. Shaidullina V.K. Electronic Commerce and Prospects of Its Development in the Global Economy // *Bulletin of the University*. – 2019. – No. 3. – P. 114–119.
2. Zimin M., Golovenchik G.G. China's Electronic Commerce: Current State and Development Paths // *Actual Issues of Modern Economic Science: Theory and Practice*. – 3000. – P. 18.
3. Kotko S.P. Development of Cross-Border Electronic Commerce in China // *Modern Trends in the Development of Fundamental and Applied Sciences*. – 2022. – P. 36–42.
4. Netrebko M.D., Feoktistova T.V. Current Economic Situation in China and Its Causes // *All-Russian Scientific Conference of Young Researchers «Economy Today: Current State and Development Prospects» (VECTOR-2019)*. – 2019. – P. 67–71.
5. Zhanshuang Z. Cross-border e-commerce in China: the example of Alibaba Group // *Economy and society*. – 2024. – No. 3–2 (118). – P. 881–884.
6. Savinov Yu. A., Orlova G.A., Skurova A.V., et al. Successes and problems of digitalization in China's foreign trade // *Russian Foreign Economic Bulletin*. – 2022. – No. 12. – P. 68–79.
7. Abramova E. A., Kapralova M.A. The role of the digital economy in the effective management of modern economic relations // *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Economy*. – 2019. – No. 1. – P. 6–10.
8. Aushev M.I. Problems and Prospects of Investments in Cross-Border E-Commerce Projects // *Innovations and Investments*. – 2022. – No. 7. – P. 13–18.
9. Stukalova I.B. Prospects for the Development of E-Commerce: Opportunities and Threats // *Theoretical and Applied Economics*. – 2021. – No. 4. – P. 29–40.
10. Troynina N. E., Loginov P.O. Modern Trends in the Development of the E-Commerce Market // *Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement*. – 2022. – No. 3 (61). – P. 84–89.
11. Jiang Y. Development of China's Digital Economy during the Epidemic // *Internauka*. – 2020. – No. 20–3. – P. 61–62.

Влияние противоречий между Китаем и США на развитие различных интеграционных объединений: Евразийский союз, ШОС, БРИКС, ЕС

Чжао Даньян,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет,
Факультет международных отношений
E-mail: 841967968@qq.com

Статья посвящена исследованию торговых разногласий между Китаем и США в контексте международной экономической интеграции (МЭИ), а также изучению понятия и сути МЭИ, ее места и роли в Евросоюзе, Евразии, ШОС и БРИКС. В рамках исследования проведен анализ предпосылок вступления КНР в соглашение по Всеобъемлющему региональному экономическому партнерству (ВРЭП). Авторами выявлено, что трения между двумя державами в торговой отрасли имеют как положительное, так и отрицательное влияние на процесс интеграции в Евросоюзе, Евразии, ШОС и БРИКС. Положительный момент конфликта заключается в том, что у Китая появился весомый стимул получить полную независимость в технологической сфере. Америка пытается отстранить Китай от области высоких и инновационных технологий, что побуждает Поднебесную покинуть технологическое «поле» США и начать самостоятельную деятельность, занять место полноценного и свободного участника в мире технологий. Негативное влияние рассматриваемого конфликта заключается в том, что обе страны перестают получать прибыли от взаимного сотрудничества, сокращаются инвестиционные потоки, прекращается обмен опытом, знаниями и квалифицированными специалистами. В связи с тем, что каждая из стран решила развивать национальные технологии обособленно, общий глобальный технологический процесс замедлился, мировая конкуренция сокращается, что в итоге может привести к «расцвету» промышленного и экономического шпионажа.

Ключевые слова: международные отношения, противоречия между США и КНР, торговый протекционизм, международное сотрудничество, развитие интеграционных объединений, ЕАЭС, ШОС, БРИКС, ЕС.

В 2016 году Д.Трамп занял пост президента США и приступил к проведению кардинально новых для страны реформ. Долгое время в стране, благодаря принципу «открытой экономики» успешно развивалась международная и межрегиональная торговля. Новый президент ограничил этот принцип, поскольку он мешал развиваться национальным производителям, большинство из которых поддерживали Трампа в его предвыборной политике и голосовали за него на выборах. Так, президент начал делать первые шаги чтобы Америка стала «вновь великой» и сразу развернул «торговую войну» с КНР. [2, с. 544]

В первую очередь Соединенные штаты вышли из состава Транстихоокеанского партнерства (ТТП), которое несколько лет назад было заключено между органами власти двенадцати государств, в том числе с Баракком Обамой. Выход из ТТП привел к тому, что новые режимы международной торговли складывались и утверждались уже без участия США. Далее Трамп решил внести изменения в нормативный акт (соглашение НАФТА), положения которого более четверти века регулировали торговые отношения между Америкой, Мексикой и Канадой, поскольку счел что условия названного соглашения не выгодны для страны: Америка теряет более 20% рабочих мест в производственной сфере, а торговое сальдо имеет отрицательное значение. Спустя два года после инаугурации Трамп обвинил европейские и азиатские металлургические компании в том, что они намеренно демпингуют цены и наносят ущерб экономике Америки, сильно зависящей от импорта алюминия и стали. Проблема была решена мирным способом: Вашингтон создал благоприятные условия сотрудничества для тех компании поставщиков, которые действовали в интересах локальных производителей США. Такой подход, например, был выбран при сотрудничестве с Южной Кореей. [11, с. 221]

«Торговая война» с КНР

Китай стал объектом протекционизма США по самым очевидным экономическим причинам. Уже пять лет назад объем торгового дефицита с Китаем составлял около 500 млрд долл. или 46% отрицательного сальдо товарооборота США. Трамп неоднократно выражал недовольство тем, что в Китае наблюдается рост производства инновационных технологий, и особо подчеркивал что китайцы «заимствуют» интеллектуальную собственность. Данные высказывания привели к разбирательствам и расследованиям в ВТО.

Китай также с трудом пускает на свои рынки западные и американские компании, которым необходимо пройти жесткий отбор, чтобы начать вести бизнес в Азии. КНР пытается всеми возможными способами «захватить» технологии стран конкурентов, поэтому предлагает сотрудничество в форме создания совместных фирм, локализации производства и т.д. На основании данных фактов США выдвинули китайской стороне обвинения в протекционизме. [8, с. 76]

Отрасль производства высоких технологий – самый главный «камень преткновения» между США и КНР. Технологическая сфера Китая пережила сильный удар со стороны американских партнеров, которые ввели для китайцев серьезные ограничения на поставки техноло-

гий, техники и оборудования. Полупроводниковая продукция, которая является «сердцем» любого технического оборудования, стала наиболее уязвимым местом на китайском рынке, поскольку более 50% этой продукции закупалось у США. Современные реалии таковы, что импорт полупроводников в Китае стал важнее, чем импорт нефти. Большая часть импорта состоит из приборов и техники, которые изготовлены в соответствии с американскими патентами или на территории США. Данный факт свидетельствует о том, что Китай сегодня сильно уязвим в сфере производства технологии и зависит не только от глобальной торговой американской валюты, но и от импорта углеводов. [7, с. 145]

В свою очередь президентом США введены следующие ограничения: американские компании – производители и продавцы полупроводниковой продукции обязаны получать лицензии на экспорт, и «тщательно выбирать» покупателей. Трамп развернул кампанию по выводу американских производственных фирм из Китая на другие территории, например во Вьетнам или США (решоринг), которая, по его мнению, поможет освободить Америку от зависимости от Китая и восстановить нарушенные патентные американские права. Благодаря таким мероприятиям снизятся двухсторонние инвестиции в деятельность, связанную с научными исследованиями, разработкой инновационных технологий и смежных отраслей.

Американские компании смогут возродить свою независимость от китайской промышленности и в случае, если будут разорваны двусторонние производственные связи; и достичь этого возможно за счет повышения тарифов на импорт комплектующих, которые производятся в КНР. Крупнейшие китайские компании по производству высоких технологий (Huawei Co., Haiguang Microelectronics Technology, Chengdu Haiguang Integrated Circuit и прочие) попали под санкции Вашингтона, который ввел в отношении них торговые ограничения. Сегодня у вышеперечисленных компаний и еще десятка других отсутствует возможность приобрести комплектующие детали, изготовленные в Америке. Таким образом, можно утверждать, что страны вступили между собой не только в торговую войну, но и в технологическую войну. [1, с. 28]

КНР заручилась поддержкой государств – участников ЕАЭС в противостоянии с Америкой

Совсем недавно Российская Федерация совместно с Беларуссией, Арменией, Киргизией и Казахстаном на заседании Высшего Евразийского экономического союза утвердили план его развития на ближайшие пять лет. Основным приоритетным направлением стало плотное сотрудничество с Китаем. В рамках заседания был озвучен тезис о необходимости объединения так называемой инициативы китайцев «Один пояс – один путь» с деятельностью ЕврАзЭС. Страны – участницы заседания открыто заявили о необходимости и намерении создать и реализовать проект большого евразийского партнерства. Конфликт между США и Китаем в сфере торговой деятельности существует довольно давно, но явную форму он приобрел в 2016 году после инаугурации президента Америки Д.Трампа. Учитывая сегодня торговое соперничество (почти торговую войну) между США и Китаем, для последнего поддержка государств – участников ЕАЭС имеет очень большое значение.

ШОС

Военно-политические отношения нашей страны и Китая в рамках ШОС успешно развиваются. За последнее де-

сятилетие проведено немало стратегически важных совместных военных учений. Среди них особенно важно отметить учения на полуострове Шаньдун, где китайские и отечественные войска (флот, пехота, ВВС) оттачивали опыт и практику борьбы с терроризмом.

Военные учения проводятся на различных территориях и по разным сценариям, но практически все государства входящие в состав ШОС принимаются в них участие. Западные и американские СМИ пестрят заголовками, что Китай и России создали «секретный военный альянс» и этот «российско-китайский монстр» скоро выступит против Европы и США. Официальные представители ШОС неоднократно заявляли о том, что их деятельность имеет исключительно пацифистские намерения и никакая военная политика не будет направлена ни против Америки, ни против Европы и тем более против стран третьего мира. Однако указанные заявления западной стороной были проигнорированы. Брюссель и Вашингтон сделали вывод, что они упустили момент создания и становления нового политического альянса, цель деятельности которого им до конца не ясна. [4, с. 2129]

Евросоюз и Америка имеют разные точки зрения относительно ШОС. Европейские политические лидеры постоянно критикуют ШОС относительно мероприятий на поле гуманитарной помощи и иных политических решений и не желают принимать новую организацию. США испытывают серьезное беспокойство относительно деятельности ШОС, особенно после того как лидеры таких стран как Япония, Южная Корея, Индия и Пакистан подали официальные заявки на вступление в ШОС. Кстати Иран также изъявлял желание стать участником Организации, но ему некоторое время пришлось оставаться «за бортом» поскольку государство находилось под санкциями Совбеза ООН, и согласно учредительным документам ШОС не могло войти в его состав. После отмены всех санкций, Иран присоединился к ШОС в 2021 году, после Индии и Пакистана. Ряд экспертов придерживались мнения, что Шанхайская организация сотрудничества не просуществует долго, и в первую очередь, катализатором конфликта станет «ирано-пакистанский» конфликт, который начнет разрушать организацию изнутри. Однако, данные прогнозы не сбылись.

Важнейший вопрос Организации сегодня: как сильно она готова расширить свою географию и состав. По состоянию на 2023 год в ШОС девять стран-участниц: Индия, Казахстан, Китай, Киргизия, Пакистан, Россия, Таджикистан и Узбекистан. Монголия до сих пор имеет статус страны-наблюдателя, хотя ее вхождение в состав ШОС было бы вполне логично и имело вес. Вступление Монголии в ШОС могло бы закрыть «территориальный пробел»: пространство ШОС стало бы единым от Каспийского моря (Центральная Азия, Россия) до Курильских островов (Северо-восточная Азия, Китай). [9, с. 148]

После военных конфликтов в Югославии, войны в Ираке и Ливии, и особенно с учетом проведения нашей страной СВО в Украине, Америка хочет заполучить роль мирового лидера, «хозяйки планеты». Мнение нынешнего президента США меняется очень быстро, даже касаясь поддержки украинской стороны, и никому неизвестно какое следующее государство попадет под «удар» и западные санкции. Расклад политических сил в мире может существенно измениться, если ШОС сможет подняться на геополитический уровень сдерживания.

БРИКС

Как утверждают американские СМИ, еще одной победой Китая и России в борьбе с западом можно назвать со-

здание организации БРИКС, куда кроме вышеназванных государств, входят еще Индия, ЮАР и Бразилия.

Президент РФ В. Путин и председатель коммунистической партии КНР Си Цзиньпин сошлись во мнении что на фоне разрастающегося конфликта с западом, необходимо расширить блок БРИКС как в экономическом, так и в геополитическом направлениях. Американское издание «The Wall Street Journal» гласит, что «чем больше участников, особенно развивающихся стран, войдет в состав союза, тем более весомым будет их голос на геополитической мировой арене». Также в СМИ отмечается, что Китай стремится укрепить сотрудничество и дружеские связи с государствами Африканского континента, Азии и Латинской Америки, которые также имеют некоторые политические трения с США. А Москва в свою очередь ищет новых союзников и осваивает новые рынки, чтобы свести к минимуму последствия санкции введенных западом связи с СВО в Украине. [3, с. 15]

В конце августа нынешнего года в Йоханнесбурге на очередном саммите БРИКС Президент ЮАР заявил о том, что союз планирует расширяться и с начала 2024 года в его состав войдут: Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет, Эфиопия и Аргентина.

БРИКС является важным этапом развития Китая как одной из мировых держав и лидера Южно-азиатских стран. Если рассматривать участников БРИКС с точки зрения развитости экономики, то первое место однозначно займет Китайская народная республика, однако в союзе нет официального или негласного лидера: каждая из стран хочет повысить свой собственный престиж и репутацию. В экономических отношениях со странами африканского континента, Китай преследует свою личную выгоду. Во-первых, Африка богата природными ресурсами, которые так необходимы Китаю для производства различной продукции. Во-вторых, Африка – это новый рынок сбыта, в то время когда европейские, азиатские и западные рынки переполнены китайскими товарами. И, наконец, в-третьих, в Китае огромное количество предприятий, которые занимаются производством объектов городской инфраструктуры: строительство аэропортов, аэродромов, обустройство морских портов, строительство железнодорожных путей и т.д. Однако места в стране для них практически не осталось, в Китае высоко развита инфраструктура, чего нельзя сказать о городах африканских государств, которые как нельзя лучше подходят для внедрения вышеперечисленных объектов. А непосредственно строительство морских портов упрощает процесс транспортировки нефти, драгоценных металлов и иных ресурсов их Африки в Китай и другие страны. Таким образом, сотрудничество Африки и Китая является взаимовыгодным. [6, с. 224]

Евросоюз

Государства, входящие в Евросоюз как вместе, так и по отдельности имеют двойственное отношение к Китаю. С одной стороны – это надежный партнер, с хорошей репутацией в мировом сообществе, а с другой – соперник в гонке информационных технологий, инновационных производств и т.д., обладающий высокими конкурентными преимуществами. Однако негативные настроения в ЕС по отношению к Китаю все же преобладают. Так, представители ЕС заявляют, что «Китай пытается разрушить целостность и единство рынка Европы и нанести ущерб успешной торговой политике ЕС, чем нарушает складывающиеся десятилетиями ценности и интересы Европы и бросает ей вызов на торговом поле». Здесь речь идет о Литве, которая открыла представительство Тайваня у себя на территории и не стала соблюдать принцип «еди-

ного Китая», чем вызвала введение санкций со стороны КНР. Евросоюз придерживается мнения, что именно Китай является камнем преткновения в инвестиционном сотрудничестве между Европой и Азией. Каждая из сторон занимает принципиальные позиции и не желает идти на уступки. [10, с. 83]

Вместе с тем, Евросоюз объединяет силы с США и готовится к новым действиям против Китая, а именно к введению новых пошлин на ввоз стали и ряда других металлов из Китая и других государств. Китайским поставщикам приносят большую выгоду «нерыночные практики», поэтому введение новых тарифов должно несколько сдержать их деятельность. По состоянию на 2023 год список стран, в отношении которых будут введены указанные пошлины, еще не утвержден, величина сборов также ни Евросоюзом, ни США не установлена. [5, с. 357]

Как упоминалось, ранее западные государства пытаются противостоять Китаю уже продолжительное время, и «технологическая война продолжается» и по сей день. Так в октябре прошлого года, Америка намеренно сократила поставки высокотехнологичных товаров и комплектующих в Китай. Ответ со стороны китайских коллег не заставил себя долго ждать: спустя шесть месяцев властями было проведено расследование в отношении компании Micron Technology (производитель полупроводников США), по результатам которого компания потеряла право реализовывать свою продукцию местным оптовым и розничным покупателям. Также летом 2023 года, Китай частично запретил США и ряду других стран возить из страны некоторые природные ресурсы, в том числе германий, гелий, лантан и другие металлы, используемые в производстве электроники. [12, с. 153]

Ответным действием Евросоюза стал «закон о чипах», также принятый летом 2023 года, положения которого чуть ослабили зависимость Европы от поставок полупроводниковой продукции из Азиатских и других стран. Кроме того, благодаря нововведениям названного документа, Европа в ближайшие 10 лет должна увеличить свою долю в секторе техники и технологий на мировом рынке до 20%. В первую очередь за счет снижения количества поставок полупроводников из Китая, а также природных ресурсов необходимых для производства чипов и иной компьютерной техники.

Выводы

Противоречия между двумя державами в торговой и экономической отрасли имеют как положительное, так и отрицательное влияние на процесс интеграции в Евросоюзе, Евразии, ШОС и БРИКС.

Администрация Трампа приняла существенные меры в «торговой войне» и «технологической войне» с Китаем, а именно: введение торговых санкций, жесткий контроль за поставками, инвестициями, инновационными технологиями, повышение пошлин и тарифов и т.д. Вышеназванные меры позволили США добиться следующих результатов:

- сократился дефицит торгового баланса;
- Китай сегодня сильно уязвим в сфере производства технологии и зависит не только от глобальной торговой американской валюты, но и от импорта углеводородов;
- китайские компании производящие высоко технологичную продукцию и комплектующие столкнулись с серьезными проблемами.

Положительный момент конфликта заключается в том, что у Китая появился весомый стимул получить полную независимость в технологической сфере. Амери-

ка пытается отстранить Китай от области высоких и инновационных технологий, что побуждает Поднебесную покинуть технологическое «поле» США и начать самостоятельную деятельность, занять место полноценного и свободного участника в мире технологий.

Китай свободно вел торговлю на мировом рынке, реализуя свою продукцию практически в каждом уголке планеты пока не столкнулся с политикой Трампа, основная цель которой была «сделать Америку вновь великой». Бывший американский президент «зацепился» за оставание КНР в сфере самостоятельного и независимого производства в секторе высоких технологий и направил ситуацию в выгодное для США русло. В свою очередь власти Китая сделали определенные и решили покинуть технологическое «поле» США и начать самостоятельную деятельность, занять место полноценного и свободного участника в мире технологий.

Сегодня обе страны перестают получать прибыли от взаимного сотрудничества, сокращаются инвестиционные потоки, прекращается обмен опытом, знаниями и квалифицированными специалистами. В связи с тем, что каждая из стран решила развивать национальные технологии обособленно, общий глобальный технологический процесс замедлился, мировая конкуренция сокращается, что в итоге может привести к «расцвету» промышленного и экономического шпионажа.

В случае если Китай и Россия начнут в ближайшем будущем более тесное сотрудничество, это однозначно приведет к интеграции в сфере высоких технологий. Однако насколько такое сотрудничество будет выгодным, эффективным и безопасным, с учетом нынешней геополитической обстановки, станет понятно только со временем.

Литература

1. Бянь, Ц. Направления совершенствования государственной экономической политики укрепления интеграционных объединений стран с развивающимися рынками (ШОС, БРИКС) / Ц. Бянь // Финансовая экономика. – 2022. – № 7. – С. 26–31.
2. Ван, Ю. Влияние корректировки промышленной структуры Китая на торгово-технологическое сотрудничество между Китаем и Евразийским экономическим союзом / Ю. Ван, Ж. Лю, Е. Юху // Экономические науки. – 2023. – № 222. – С. 542–547.
3. Гуселетов, Б.П. Влияние торговой войны между США и Китаем на Европейский Союз / Б.П. Гуселетов // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. – 2019. – № 3. – С. 10–18.
4. Дробот, Е.В. Перспективы экономического сотрудничества интеграционных объединений (на примере Африканской континентальной зоны свободной торговли и Евразийского экономического союза) / Е.В. Дробот // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 2125–2146.
5. Иорданова, В.Г. Оценка эффективности интеграционных процессов региональных интеграционных объединений (на примере ЕС, НАФТА, ЕАЭС) / В.Г. Иорданова, М.А. Шапор, К.П. Алтухова // Международная экономика. – 2021. – № 5. – С. 348–362.
6. Ифань, С. ШОС и БРИКС: перспективы евразийской интеграции при участии Китая и России / С. Ифань // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 2. – С. 222–228.
7. Никитенко, А.И. Конкуренция интеграционных проектов Европейского Союза и Евразийского эконо-

мического союза на пространстве СНГ: этапы развития / А.И. Никитенко // Вестник государственного и муниципального управления. – 2018. – Т. 7, № 3. – С. 141–147.

8. Пак, А.Ю. Оценка состояния экономической безопасности региональных интеграционных объединений на примере Евразийского экономического союза / А.Ю. Пак, И.В. Андропова // Проблемы прогнозирования. – 2023. – № 3(198). – С. 70–79.
9. Сиптиц, С.О. Сценарные прогнозы влияния развития интеграционных процессов на продуктовые рынки Евразийского Экономического Союза / С.О. Сиптиц, И.А. Романенко, Н.Е. Евдокимова // Проблемы прогнозирования. – 2019. – № 1(172). – С. 142–153.
10. Турдубеков, Б.М. Причины формирования и особенности развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как международного интеграционного объединения / Б.М. Турдубеков, К.М. Тургунов, К.А. Бактилик // Вестник Жалал-Абадского государственного университета. – 2020. – № 1(44). – С. 80–84.
11. Фань, Ж. Влияние упрощения процедур торговли на импортную и экспортную торговлю между Китаем и государствами-членами ШОС / Ж. Фань // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 216–229.
12. Чайка, К.Л. Роль общих ценностей Евразийского экономического союза в становлении и развитии права интеграционного объединения / К.Л. Чайка // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 148–157.

INFLUENCE OF CONTRADICTIONS BETWEEN CHINA AND THE USA ON THE DEVELOPMENT OF VARIOUS INTEGRATION ASSOCIATIONS: EURASIAN UNION, SCO, BRICS, EU

Zhao Danyang

Ph.D, St. Petersburg State University, Department of International Relations

The article is devoted to the study of trade disagreements between China and the United States in the context of international economic integration (IEI), as well as the study of the concept and essence of IEI, its place and role in the European Union, Eurasia, SCO and BRICS. As part of the study, an analysis of the prerequisites for China's entry into the Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) agreement was carried out. The authors found that friction between the two powers in the trade sector has both a positive and negative impact on the process of integration in the European Union, Eurasia, SCO and BRICS. The positive aspect of the conflict is that China has a significant incentive to gain complete independence in the technological sphere. America is trying to exclude China from the field of high and innovative technologies, which encourages China to leave the technological "field" of the United States and begin independent activities, taking the place of a full-fledged and free participant in the world of technology. The negative impact of the conflict in question is that both countries cease to receive profits from mutual cooperation, investment flows are reduced, and the exchange of experience, knowledge and qualified specialists ceases. Due to the fact that each country decided to develop national technologies separately, the overall global technological process has slowed down, global competition is decreasing, which ultimately can lead to the "flourishing" of industrial and economic espionage.

Keywords: international relations, contradictions between the USA and China, trade protectionism, international cooperation, development of integration associations, EAEU, SCO, BRICS, EU.

References

1. Bian, C. Directions for Improving the State Economic Policy to Strengthen Integration Associations of Countries with Emerging Markets (SCO, BRICS) / C. Bian // Financial Economics. – 2022. – No. 7. – P. 26–31.

2. Wang, Yu. The Impact of the Adjustment of China's Industrial Structure on Trade and Technological Cooperation between China and the Eurasian Economic Union / Yu. Wang, Zh. Liu, E. Yuhu // *Economic Sciences*. – 2023. – No. 222. – P. 542–547.
3. Guseletov, B.P. The Impact of the US-China Trade War on the European Union / B.P. Guseletov // *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations*. – 2019. – No. 3. – P. 10–18.
4. Drobot, E.V. Prospects for Economic Cooperation of Integration Associations (on the Example of the African Continental Free Trade Area and the Eurasian Economic Union) / E.V. Drobot // *Issues of Innovative Economics*. – 2022. – Vol. 12, No. 4. – P. 2125–2146.
5. Iordanova, V.G. Assessing the Effectiveness of Integration Processes of Regional Integration Associations (on the Example of the EU, NAFTA, EAEU) / V.G. Iordanova, M.A. Shapor, K.P. Altukhova // *International Economics*. – 2021. – No. 5. – P. 348–362.
6. Yifan, S. SCO and BRICS: Prospects for Eurasian Integration with the Participation of China and Russia / S. Yifan // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*. – 2019. – No. 2. – P. 222–228.
7. Nikitenko, A.I. Competition of integration projects of the European Union and the Eurasian Economic Union in the CIS: stages of development / A.I. Nikitenko // *Bulletin of public and municipal administration*. – 2018. – Vol. 7, No. 3. – P. 141–147.
8. Pak, A. Yu. Assessment of the state of economic security of regional integration associations on the example of the Eurasian Economic Union / A. Yu. Pak, I.V. Andronova // *Problems of forecasting*. – 2023. – No. 3 (198). – P. 70–79.
9. Siptits, S.O. Scenario forecasts of the impact of the development of integration processes on the product markets of the Eurasian Economic Union / S.O. Siptits, I.A. Romanenko, N.E. Evdokimova // *Problems of forecasting*. – 2019. – No. 1 (172). – P. 142–153.
10. Turdubekov, B.M. Reasons for the formation and features of the development of the Eurasian Economic Union (EAEU) as an international integration association / B.M. Turdubekov, K.M. Turgunov, K.A. Baktilek // *Bulletin of Jalal-Abad State University*. – 2020. – No. 1 (44). – P. 80–84.
11. Fan, J. The impact of trade facilitation on import and export trade between China and the SCO member states / J. Fan // *Problems of Economics and Legal Practice*. – 2023. – Vol. 19, No. 4. – P. 216–229.
12. Chaika, K.L. The role of common values of the Eurasian Economic Union in the formation and development of the law of the integration association / K.L. Chaika // *Journal of Russian Law*. – 2020. – No. 5. – P. 148–157.

Яо Линдун,

аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: yls981228@163.com

Глобальные геополитические изменения и стратегическая игра между Китаем и США оказывают значительное влияние на экономику Тайваня. На примере TSMC, ведущей компании Тайваня, исследуется, как проамериканская позиция администрации DPP усилила политические риски, несмотря на краткосрочные экономические выгоды. Восстановление глобальной цепочки поставок привело к концентрации ресурсов в электронной и информационной промышленности, что усилило дисбаланс в экономике Тайваня. Кроме того, напряжённость в Тайваньском проливе стимулирует «де-тайваньзацию» ключевых цепочек поставок, создавая серьёзные вызовы для дальнейшего развития экономики острова.

Ключевые слова: компания TSMC, геополитика, Тайвань, полупроводниковая промышленность, глобальная цепочка поставок, геополитические риски.

Стратегическая игра между Китаем и США, а также трансформация глобального геополитического ландшафта способствовали возрастанию значимости тайваньского вопроса в политике Азиатско-Тихоокеанского региона. Позиция TSMC как одного из ведущих мировых производителей полупроводников не только символизирует экономическую мощь Тайваня, но и иллюстрирует масштабное влияние геополитических рисков на динамику экономического развития.

TSMC, основанная в 1987 году, сегодня занимает доминирующее положение в глобальной полупроводниковой индустрии, контролируя 61,7% рынка контрактного производства. В 2023 году компания обеспечила 28% мирового производства микросхем, что подчеркивает её стратегическое значение в глобальных цепочках поставок. [1] Эти данные демонстрируют уникальную роль TSMC как экономического двигателя Тайваня и ключевого участника технологической конкуренции между США и Китаем.

В глобальном управлении цепочками поставок полупроводники признаны «высокоценным ключевым звеном» и составляют важную часть мировой технологической конкуренции. [2] В качестве крупнейшего в мире контрактного производителя TSMC не только служит экономическим оплотом Тайваня, но и является незаменимым элементом глобальных цепочек поставок. По мере того как стратегическое противостояние между США и Китаем постепенно смещается от традиционных сфер к технологически ориентированной конкуренции, полупроводниковая отрасль становится её основным полем.

Полупроводниковые чипы, являясь ключевым компонентом большинства электронных устройств, справедливо называют «мозгом индустрии». Быстрое развитие таких новых отраслей, как 5G, большие данные, интернет вещей, искусственный интеллект и электромобили, значительно увеличило спрос на передовые чипы, ещё больше укрепив их статус стратегического ресурса. Это привело к беспрецедентному усилению стратегической значимости безопасности TSMC. Благодаря своему технологическому лидерству в производстве передовых чипов TSMC стала не только ключевым объектом глобальной технологической конкуренции, но и вынужденным участником геополитического противостояния между США и Китаем.

Стратегическое значение компании TSMC для США крайне велико. Несмотря на то, что США занимают лидирующие позиции в области проектирования и исследований полупроводников, в 2021 году их доля в мировых продажах составляла почти 50%, длительная практика аутсорсинга производственных мощностей привела к снижению доли США в мировом производстве чипов с 37% в 1990 году до 12% в 2020 году. [3] Этот недостаток побудил США принять ряд мер для укрепления устойчивости своей цепочки поставок. TSMC стала ключевым партнером в реализации этих планов: компания была вынуждена перенести часть своих передовых производственных мощностей на территорию США, а также построить завод по производству 5-нанометровых чипов в Аризоне. Хотя это значительно увеличило операционные расходы TSMC, данный шаг позволил США сократить зависимость от внешних цепочек поставок. Кроме того, США инициировали создание полупроводникового

альянса «CHIP 4», где TSMC выступает ключевым участником, чтобы с помощью многостороннего сотрудничества укрепить свое доминирование в глобальной полупроводниковой индустрии.

Тенденция «де-Тайванизации», инициированная США, постепенно изменяет динамику глобальных цепочек поставок. С помощью укрепления собственного производства США стремятся уменьшить зависимость от Тайваня. Однако данная стратегия, направленная на обеспечение независимости цепочек поставок, может привести к расколу глобальной системы инноваций, усугубляя геополитическую неопределенность. [4]

В отличие от этого, стратегическая значимость TSMC для Китая заключается прежде всего в удовлетворении огромного спроса на чипы и поддержке развития высокотехнологичных отраслей. Китай является крупнейшим в мире потребителем полупроводников, на его долю приходится более 30% мирового потребления, однако производственные мощности страны обеспечивают менее 16% от общего мирового объема. [5] Это делает Китай сильно зависимым от импорта, причем более 80% потребляемых чипов приходится закупать за рубежом. [3] TSMC предоставляет важнейшие услуги контрактного производства китайским высокотехнологичным компаниям, поддерживая развитие таких стратегических отраслей, как 5G, искусственный интеллект и умное производство. В области производства передовых чипов TSMC благодаря своим технологическим преимуществам стала ключевым звеном в цепочке полупроводниковой промышленности Китая. Тем не менее, экспортный контроль со стороны США в отношении высокотехнологичной продукции существенно ограничил сотрудничество TSMC с китайскими компаниями. Эти внешние ограничения не только препятствуют развитию китайских высокотехнологичных предприятий, но и вынуждают Китай ускорять процесс достижения технологической автономии в полупроводниковой отрасли.

Двойственная значимость TSMC для Китая и США ставит компанию под значительное геополитическое давление. Соединенные Штаты стремятся путем углубления сотрудничества интегрировать TSMC в свою цепочку поставок, обеспечивая стратегическую безопасность и укрепляя свои позиции в полупроводниковой отрасли. В то же время Китай рассчитывает на продолжение партнерства с TSMC для поддержания развития своих передовых технологий и стратегически важных отраслей. В этом контексте TSMC вынуждена искать баланс между двумя сторонами. С одной стороны, компания должна сохранять поставки на китайский рынок, чтобы обеспечивать основные доходы и удерживать долю на рынке. С другой стороны, она вынуждена выполнять требования американской политики, чтобы избежать потенциальных санкций. Эта ситуация подчеркивает стратегическую значимость TSMC как ключевого игрока в глобальной полупроводниковой отрасли, а также сложность ее положения в условиях нарастающей геополитической напряженности.

В то же время полупроводниковая промышленность занимает центральное место в экономике Тайваня, являясь ключевым двигателем его экономического роста. Полупроводниковая отрасль, возглавляемая TSMC, стала опорным сектором тайваньской промышленности. Согласно статистическим данным, в 2022 году совокупный объем производства тайваньской полупроводниковой индустрии составил 28 854 миллиарда новых тайваньских долларов, что эквивалентно 16,79% от общего объема производства в обрабатывающей промышленности. Если рассматривать структуру промышленного производства по четырем основным категориям, то доля

информационно-электронной промышленности, в основе которой лежит полупроводниковый сектор, достигает 37,57%, что значительно превышает долю металло-механической промышленности (28,86%), химической промышленности (24,07%) и промышленности товаров народного потребления (9,5%). [6] Эти данные ясно демонстрируют доминирующую роль полупроводниковой отрасли в структуре тайваньской обрабатывающей промышленности и подчеркивают ее центральное значение для экономики Тайваня.

С 2020 года глобальная пандемия COVID-19 оказала определенное влияние на экономику Тайваня. Однако пандемия способствовала быстрому развитию так называемой «дистанционной экономики», что привело к значительному увеличению спроса на информационно-электронные устройства, такие как мобильные телефоны и компьютеры. Это, в свою очередь, объективно стимулировало заметный рост объема тайваньского экспорта и оказало положительное воздействие на восстановление экономики. В 2022 и 2023 годах объем экспорта электронных компонентов из Тайваня составил 200,134 миллиарда и 178,711 миллиарда долларов соответственно, что эквивалентно 41,7% и 41,3% от общего объема экспорта. [7] Эти данные ясно демонстрируют высокую зависимость тайваньской экономики от экспорта и инвестиций, в то время как вклад внутреннего потребления остается ограниченным и не может выступать в качестве основного двигателя экономического роста. Подобная структура экономики, ориентированная на внешний спрос, еще раз подчеркивает стратегическое значение и незаменимость полупроводниковой промышленности в экономической системе Тайваня.

Кроме того, продолжающееся обострение глобальной геополитической напряженности и усиление стратегического соперничества между Китаем и США оказывают глубокое и сложное влияние на экономику Тайваня. Тайвань, являясь ключевым звеном в глобальной цепочке поставок полупроводников, из-за своей экспортно-ориентированной структуры экономики крайне чувствителен к изменениям в международной обстановке. Несмотря на то, что тайваньская экономика в краткосрочной перспективе получила определенные выгоды благодаря росту внешнего спроса и транснациональному сотрудничеству, в долгосрочной перспективе накапливающиеся геополитические риски продолжают увеличивать неопределенность в её развитии.

Особенно с учетом продолжающейся эскалации стратегического соперничества между Китаем и США давление на полупроводниковую промышленность Тайваня значительно усиливается. В 2022 году визит спикера Палаты представителей Конгресса США Нэнси Пелоси на Тайвань привел к дальнейшему обострению американо-китайских отношений, что заметно усилило региональную напряженность. Чтобы снизить риск разрыва цепочек поставок, вызванного геополитическими конфликтами, международные транснациональные корпорации начали реализовывать стратегию «де-тайванизации». Например, США, приняв Закон о чипах и науке, привлекли TSMC к строительству завода на территории США и предприняли попытки создания полноценной внутренней цепочки производства полупроводников. Эта стратегия направлена на перенос ключевых производственных мощностей в США, что должно сократить зависимость от производства на Тайване. Данная тенденция создает потенциальную угрозу для позиций тайваньской полупроводниковой отрасли в глобальной цепочке поставок.

В то же время власти Демократической прогрессивной партии Тайваня рассматривают такие компании, как

TSMC, в качестве важного инструмента для получения поддержки со стороны внешних сил, что привело к глубокому вовлечению данной ключевой отрасли в геополитическое противостояние. Тайваньская администрация связывает экономическое развитие с вопросами безопасности, активно продвигая интеграцию своих преимуществ в полупроводниковых технологиях в западные цепочки поставок, с целью стимулирования экономического роста и углубления экономического сотрудничества с США. Например, создание платформы институционализированного сотрудничества, такой как «Диалог о партнерстве в области экономического процветания» (EPPD, совместно с Госдепартаментом США), представляет собой попытку укрепить ключевую роль Тайваня в цепочке поставок полупроводников для США. Однако такая стратегия, основанная на высокой зависимости от внешнего экономического сотрудничества, также значительно увеличивает уязвимость экономики Тайваня в условиях геополитических конфликтов. Данные дополнительно подтверждают эту модель зависимости от внешних рынков. С 2017 по 2022 год объем экспорта Тайваня в США вырос с 36,77 миллиарда до 75,06 миллиарда долларов США, увеличившись почти вдвое, а его доля в общем объеме экспорта Тайваня выросла с 11,7% до 15,7%. Кроме того, начиная с 2014 года, США опередили материковый Китай и стали основным источником заказов для тайваньской внешней торговли, увеличив свою долю с 25,1% в 2014 году до 31,4% в 2022 году. За тот же период доля заказов из материкового Китая и Гонконга снизилась с 24,9% до 21,8%. [8] Эти изменения в структуре торговли ясно демонстрируют глубокое влияние американо-китайских отношений на экономику Тайваня, а также подчеркивают высокую зависимость тайваньской экономики от американского рынка.

В условиях геополитической напряженности проблема дисбаланса в развитии отраслей экономики Тайваня становится все более острой, что уже представляет собой значительный риск для экономического развития региона. В последние годы структура тайваньской экономики быстро смещается в сторону информационно-электронной промышленности, в частности полупроводниковой отрасли. Этот процесс в значительной степени обусловлен не естественным действием рыночных механизмов, а геополитическим вмешательством, которое приводит к несбалансированному распределению ресурсов. В особенности, руководство Тайваня, стремясь повысить стратегическую значимость своих ключевых отраслей и укрепить экономическую устойчивость, осуществляет масштабные меры по поддержке и перераспределению ресурсов, что еще больше усугубляет дисбаланс в развитии внутренней экономики. Такая политика, с одной стороны, укрепляет международные позиции Тайваня в глобальной полупроводниковой индустрии, но, с другой стороны, усиливает односторонность его экономической структуры и повышает геополитические риски.

Высокая концентрация ресурсов в одной отрасли, хотя и увеличивает конкурентоспособность Тайваня на международном рынке в краткосрочной перспективе, приводит к ослаблению других секторов экономики, что усиливает общий дисбаланс экономической структуры. Кроме того, сложная ситуация в Тайваньском проливе усиливает опасения международного сообщества по поводу экономических и политических рисков, связанных с чрезмерной зависимостью от тайваньской полупроводниковой промышленности. Опасаясь неопределенностей, связанных с высокой степенью зависимости от Тайваня, многие страны начали ускоренно реализовывать стратегию «де-тайванизации», стремясь снизить свою зависимость от ключевых отраслей Тайваня. Такая

корректировка международной стратегии может создать долгосрочные угрозы для экономики Тайваня, увеличив его внешние риски.

В будущем, если тайваньская высокотехнологичная промышленность в условиях геополитического влияния будет постепенно отдаляться от китайского рынка и одновременно не сможет занять ключевую роль в цепочках поставок, формируемых западными странами, экономика Тайваня столкнется с риском чрезмерной отраслевой зависимости и ограниченного развития. В нынешних сложных международных условиях Тайвань должен более эффективно реагировать на геополитические вызовы, рационально использовать свои преимущества и стремиться к устойчивому пути экономического развития.

Правильное направление развития экономики Тайваня должно основываться на принципах мирного развития отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. Углубление торгово-экономического сотрудничества и промышленной интеграции с материковым Китаем, а также активное включение в новую модель двойного цикла, инициированную Китаем, и процессы региональной экономической интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе могут стать важными стратегическими приоритетами. В рамках соблюдения положений «Консенсуса 1992 года» Тайвань способен максимально использовать свои географические и технологические преимущества, осуществляя диверсификацию экспортных рынков, укрепление конкурентоспособности сферы услуг и продвижение технологической автономии. Это позволит Тайваню более эффективно минимизировать внешние риски и обеспечить долгосрочную экономическую стабильность и процветание. Кроме того, такой курс развития будет способствовать укреплению позиций Тайваня в международной экономике, а также внесет значительный вклад в политическую стабильность и экономическое сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Литература

1. Литейный завод «Гиганты», Новая раса // Информация о полупроводниковой промышленности. 24.07.2024. – URL: <https://www.36kr.com/p/2875605204914565#:~:text=%E8%B0%83%E7%A0%94%E6%9C%BA%E6%9E%84TrendForce%20%E6%95%B0%E6%8D%AE%E6%98%BE%E7%A4%BA,%E5%B8%82%E5%8D%A0%E7%8E%87%E4%B8%BA28%25%E3%80%82> (дата обращения: 18.01.2025).
2. Геревффи, Г., Хамфри, Дж. и Стерджен, Т. . Управление глобальными цепочками создания стоимости // Обзор международной политической экономики, 2005, № 12 (1), С. 78–104.
3. Глубина полупроводниковой промышленности // Ценные бумаги Гуосинь. 01.12.2022. – URL: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H3_AP202212011580737993_1.pdf?1669927755000.pdf (дата обращения: 18.01.2025).
4. Лунд, С., и Маньика, Дж. Риск, устойчивость и ребалансировка в глобальных цепочках создания стоимости // McKinsey Global Institute. 2020.102.
5. Варшавский, Л.Е. Социально-экономические проблемы развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ): монография / Л.Е. Варшавский. – М.: ЦЭМИ РАН, 2022. – 158с.
6. Показатель промышленного производства // Официальный сайт Министерства экономики Тайваня – URL: <https://dmz26.moea.gov.tw/GA/common/>

Common.aspx?code=D&no=1 (дата обращения: 20.01.2025).

7. Основные экспортные товары // Официальный сайт Министерства экономики Тайваня – URL: <https://dmz26.moea.gov.tw/GA/common/Common.aspx?code=C&no=3> (дата обращения: 20.01.2025).
8. Основные страны-экспортеры // Официальный сайт Министерства экономики Тайваня – URL: <https://dmz26.moea.gov.tw/GA/common/Common.aspx?code=C&no=6> (дата обращения: 20.01.2025).

THE COMPANY TSMC AND TAIWAN'S GEOPOLITICAL RISKS

Yao Lingdong

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Global geopolitical changes and the strategic competition between China and the United States have a significant impact on Taiwan's economy. Using TSMC, Taiwan's leading company, as an example, this study examines how the pro-American stance of the DPP administration has heightened political risks despite short-term economic benefits. The restoration of the global supply chain has led to a concentration of resources in the electronic and information industries, exacerbating the imbalance in Taiwan's economy. Additionally, tensions in the Taiwan Strait have stimulated the "de-Taiwanization" of key supply chains, posing serious challenges to the island's further economic development.

Keywords: TSMC, geopolitics, Taiwan, semiconductor industry, global supply chain, geopolitical risks.

References

1. Giants Foundry, New Race // Semiconductor Industry Information. 24.07.2024. – URL: <https://www.36kr.com/p/2875605204914565#:~:text=%E8%B0%83%E7%A0%94%E6%9C%BA%E6%9E%84TrendForce%20%E6%95%B0%E6%8D%AE%E6%98%BE%E7%A4%BA,%E5%B8%82%E5%8D%A0%E7%8E%87%E4%B8%BA28%25%E3%80%82> (дата обращения: 18.01.2025).
2. Gereffi, G., Humphrey, J. and Sturgeon, T. . Managing Global Value Chains // Review of International Political Economy, 2005, No. 12 (1), P. 78–104.
3. The depth of the semiconductor industry // Securities Guoxin. 01.12.2022. – URL: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H3_AP202212011580737993_1.pdf?1669927755000.pdf (date of reference: 18.01.2025).
4. Lund, S., and Manyika, J. Risk, resilience, and rebalancing in global value chains // McKinsey Global Institute. 2020.102.
5. Varshavsky, L.E. Socio-economic problems of information and communication technologies (ICT) development: a monograph / L.E. Varshavsky. – M.: TSEMI RAN, 2022. – 158с.
6. Industrial Production Indicator // Official website of the Ministry of Economy of Taiwan – URL: <https://dmz26.moea.gov.tw/GA/common/Common.aspx?code=D&no=1> (date of address: 20.01.2025).
7. Main export goods // Official website of the Ministry of Economy of Taiwan – URL: <https://dmz26.moea.gov.tw/GA/common/Common.aspx?code=C&no=3> (date of address: 20.01.2025).
8. Main exporting countries // Official website of the Ministry of Economic Affairs of Taiwan – URL: <https://dmz26.moea.gov.tw/GA/common/Common.aspx?code=C&no=6> (date of address: 20.01.2025).

Анализ современного образовательного взаимодействия между Китаем и государствами АСЕАН

Ван Ли,

аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет
Петра великого
E-mail: 13622049491@163.com

Статья посвящена анализу современного образовательного сотрудничества между Китаем и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В ней учитываются различные факторы, такие как программы обмена студентами, совместные исследовательские проекты, участие образовательных платформ, таких как институты Конфуция, и поддержка языков асеан в Китае. Подчеркивается влияние образовательных альянсов и технологий, таких как цифровизация образовательных процессов и использование искусственного интеллекта. Особое внимание уделяется роли образования в содействии устойчивому развитию, которое включает в себя экологическое просвещение и использование социальных наук для решения местных проблем. В статье рассматриваются достижения и препятствия, с которыми сталкиваются партнеры, а также возможности для расширения сотрудничества.

Ключевые слова: Китай, АСЕАН, образовательное сотрудничество, студенческий обмен, Институты Конфуция, цифровизация образования, искусственный интеллект, устойчивое развитие, экологическое образование, языковая интеграция.

Китай и страны АСЕАН добились значительного прогресса в сотрудничестве в области образования. В последние годы число студентов, участвующих в программе обмена, постоянно растет.

Число студентов из стран АСЕАН, обучающихся в Китае, значительно возросло – примерно с 5000 в 2000 году до более чем 100 000 в последние годы. Число китайских студентов, обучающихся в странах Юго-Восточной Азии, ежегодно увеличивается. Таиланд, Сингапур, Малайзия и Вьетнам являются одними из самых популярных туристических направлений.

Ниже рассмотрим инициативы, финансируемые правительством Китая и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Стипендиальная программа включает в себя стипендии от правительства Китая и стипендии, предлагаемые некоторыми странами АСЕАН, которые покрывают расходы на обучение, проживание и жилищные субсидии, тем самым привлекая к участию значительное число студентов.

Планы регионального сотрудничества, такие как «Неделя образовательных обменов между Китаем и АСЕАН», которая проводится каждый год с целью содействия академическим обменам и культурному взаимодействию, «Специальный план сотрудничества Ланьмэй», который поддерживает подготовку учителей и развитие профессиональных навыков в странах бассейна Меконга.

Проекты сотрудничества университетов включают совместные исследования между университетом Цинхуа и национальным университетом Сингапура, программе обмена между Пекинским университетом и университетом Малайи, а также проект альянса университетов АСЕАН с участием университета Гуанси для продвижения академических исследований, программ двойного дипломирования и совместного использования ресурсов.

Образование и повышение квалификации. Основная цель – способствовать развитию инженерных технологий, информационных технологий, сельскохозяйственной науки и других соответствующих областей для удовлетворения конкретных потребностей регионального экономического роста.

Китай и АСЕАН создали прочную основу для сотрудничества в области исследований, основанного на научно-техническом сотрудничестве. Основными проектами являются План научно-технического партнерства между Китаем и АСЕАН и План действий по научно-техническому инновационному сотрудничеству «Один пояс, один путь». Эти проекты способствуют обмену научными исследователями и созданию совместных лабораторий [1].

В 2023 году Китай и АСЕАН совместно организовали Форум сотрудничества в области искусственного интеллекта и Международный инновационный форум в интересах устойчивого развития. Эти мероприятия способствовали сотрудничеству в области технологий искусственного интеллекта и устойчивого развития.

Сотрудничество Китая и АСЕАН достигло значительного прогресса в области передачи технологий, включая содействие развитию технологий в области чистой энер-

гетики, общественного здравоохранения и аквакультуры через Центр передачи технологий Китай – АСЕАН [2].

В области социальных наук обе стороны совместно провели исследования по региональной экономической интеграции и межкультурному взаимопониманию. Эти проекты обеспечивают теоретическую поддержку для разработки политики и социальной стабильности [3].

Чтобы поддержать подготовку талантливых специалистов в области инноваций, Китай внедрил «Программу молодых ученых» и регулярно организует конкурсы инноваций и предпринимательства, способствующие наращиванию регионального инновационного потенциала.

Институт Конфуция сыграл важную роль в продвижении преподавания китайского языка в регионе АСЕАН. По состоянию на 2024 год в мире насчитывалось более 500 институтов Конфуция, многие из которых расположены в странах АСЕАН, таких как Вьетнам, Таиланд и Малайзия. Эти учебные заведения поддерживают изучение китайского языка с помощью курсов, культурных мероприятий и учебных ресурсов. Кроме того, китайское правительство предоставляет стипендии и учебные программы, привлекая тысячи студентов из стран АСЕАН для обучения в Китае каждый год. Например, в 2020 году число вьетнамских студентов, обучающихся в Китае, достигло 13549 человек, хотя эпидемия привела к определенным проблемам с качеством онлайн-обучения [4,5].

По мере углубления экономических и культурных обменов между Китаем и АСЕАН китайские университеты также усиливают пропаганду языков и культур стран АСЕАН. Например, многие университеты Китая открыли специальности по тайскому, вьетнамскому и индонезийскому языкам для подготовки языковых специалистов в областях, связанных с АСЕАН. В то же время, чтобы удовлетворить потребности предприятий, некоторые университеты объединились и предлагают двуязычные курсы для содействия общению и сотрудничеству в области технологий и культуры [6].

Институты Конфуция не только предоставляют базовые курсы китайского языка, но и проводят специальные курсы делового китайского языка в некоторых странах для поддержки экономического сотрудничества. Например, Институт Конфуция, основанный при Ханойском университете во Вьетнаме, сотрудничает с педагогическим университетом Гуанси в оказании языковой и культурной поддержки вьетнамским студентам. Кроме того, эти колледжи также проводят такие мероприятия, как празднование весеннего фестиваля и конкурсы по каллиграфии китайских иероглифов, чтобы улучшить понимание местных жителей китайской культуры [4, 5].

Помимо Института Конфуция, Тайвань, Китай, также продвигает курсы китайского языка, особенно традиционного китайского, через Бюро по экономическим и культурным вопросам и другие учреждения. Это дает студентам из стран АСЕАН еще один способ изучения китайского языка, увеличивая разнообразие в изучении языка [7].

Различия в культуре и языковые барьеры создают серьезные проблемы для международного сотрудничества в области образования. Например, обучаясь за границей, в Азии, многие студенты сталкиваются с трудностями как в академической, так и в социальной интеграции из-за различий в культурном происхождении и уровне владения языком. Этот барьер ограничивает академические достижения студентов и их способность участвовать в содержательных дискуссиях с представителями различных культур.

Системы образования и методы преподавания в разных странах сильно различаются. Например, в Китае в сфере образования большое значение придается памяти и дисциплине, в то время как во многих запад-

ных странах приоритет отдается критическому мышлению и креативности. Это несоответствие часто приводит к конфликтам при разработке учебных программ и в международных аудиториях.

Неравенство в экономическом развитии существенно влияет на справедливость образовательного сотрудничества. Из-за ограниченности финансовых ресурсов страны с низким уровнем дохода часто испытывают трудности с выделением достаточных средств на инициативы по международному сотрудничеству или отправку студентов за границу для участия в программах обмена.

Глобальные институты и правительства совместно работают над сокращением разрыва в уровне образования между развивающимися и развитыми странами, предоставляя техническую поддержку и финансируя стипендии. Например, проект «Равный доступ к образованию», поддерживаемый Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), предлагает финансовую помощь и техническую подготовку экономически неблагополучным странам [10].

Международное сотрудничество в сфере образования в значительной степени зависит от геополитических факторов. Напряженность в регионе или международные конфликты могут ограничивать передвижение студентов и ученых, что негативно сказывается на выполнении совместных исследовательских проектов. Например, конкуренция между Китаем и Соединенными Штатами в области технологий оказывает прямое негативное влияние на академическое сотрудничество.

В условиях стремительного развития цифровых технологий высшие учебные заведения постоянно инвестируют в развитие и усовершенствование платформ онлайн-обучения. В качестве примера можно привести тот факт, что многие учебные заведения используют технологию облачных вычислений для снижения затрат на обслуживание и повышения гибкости и масштабируемости своих методов обучения. Эти платформы позволяют удаленным студентам получать доступ к учебным материалам, помогают преодолеть географические и временные ограничения и, таким образом, предлагают студентам широкий спектр возможностей для обучения. Такого рода цифровая трансформация не только делает образование более доступным, но и снижает затраты на содержание образовательных учреждений и делает образование более эффективным [11][12].

Внедрение искусственного интеллекта (ИИ) начало трансформировать сферу образования, революционизируя методы преподавания. Например, технология искусственного интеллекта может повысить эффективность преподавания, предоставляя персонализированные траектории обучения, интеллектуальные системы репетиторства и автоматизированную оценку домашних заданий. Сотрудничество между университетами и технологическими компаниями сыграло решающую роль в интеграции искусственного интеллекта в совместные образовательные проекты, позволив университетам получить представление о требованиях студентов, усовершенствовать разработку учебных программ и улучшить общий опыт студентов. Кроме того, искусственный интеллект также сыграл решающую роль в оказании помощи учителям и менеджерам в анализе данных об учащих, тем самым совершенствуя стратегии преподавания и повышая общее качество образования [11,12].

Сотрудничество между Китаем и странами АСЕАН в сфере образования постепенно расширяется, а в регионе поощряется обмен культурными знаниями и создание проектов транснационального сотрудничества в области высшего образования. Например, многие университеты Китая наладили устойчивое сотрудничество

с университетами Юго-Восточной Азии для проведения совместных исследовательских проектов, содействия студенческим обменов и организации научных конференций, и все это направлено на содействие взаимному прогрессу. Неделя образовательных обменов между Китаем и АСЕАН является важной платформой, которая ежегодно привлекает большое количество учебных заведений и укрепляет взаимодействие и кооперацию университетов региона [11,13,14]. Неделя образовательных обменов между Китаем и АСЕАН является важной платформой, которая ежегодно привлекает большое количество учебных заведений и укрепляет взаимодействие и кооперацию университетов региона [11,13,14].

Образовательный альянс Китая и АСЕАН поощряет совместный прогресс в области образования в регионе путем объединения ресурсов и постановки общих целей. Например, альянс Китая и АСЕАН по сотрудничеству в области образования нацелен на повышение общего качества образования путем совместной реализации региональных стипендиальных программ, обмена образовательными техническими ресурсами и разработки проектов по подготовке учителей. Создание этих образовательных альянсов не только способствует равенству в области образования между регионами, но и служит основой для сотрудничества в решении проблем глобализированного образования в будущем [13, 14].

АСЕАН разработала план действий АСЕАН по экологическому образованию (АЕЕАР), рассчитанный на период с 2000 по 2025 год, с целью продвижения идеи устойчивого развития и реализации стратегий охраны окружающей среды посредством образования. Этот план включает в себя «Программу экошкол АСЕАН», цель которой – отметить школы, добившиеся успехов в экологическом образовании, и повысить экологическую осведомленность на региональном уровне.

Сотрудничество в области образования охватывает различные аспекты, включая молодежный экологический форум асеан+3 (asean+3 youth environment forum), который стремится решать экологические проблемы посредством образования и сотрудничества. Кроме того, он сотрудничает с Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), сетью университетов Асеан и другими учреждениями в проведении исследований, основанных на фактических данных, и содействии образованию.

Образование играет центральную роль в достижении целей устойчивого развития (ЦУР), особенно цели 4 (качественное образование) и цели 12 (ответственное потребление и производство). Однако страны АСЕАН по-прежнему сталкиваются с проблемами геополитического и экономического неравенства в распределении образовательных ресурсов и координации политики.

В результате сотрудничества между Китаем и странами АСЕАН в области современного образования были достигнуты заметные успехи в таких областях, как студенческие обмены, развитие образовательных технологий и оказание поддержки инициативам в области устойчивого развития. Сотрудничая в таких инициативах, как совместные стипендии, исследовательские проекты и образовательные альянсы, стороны работают над повышением качества образования и содействием устойчивому социально-экономическому развитию в регионе.

Образование, как средство решения экологических и социальных проблем, играет важную роль в достижении целей устойчивого развития. Например, экологическое образование, как часть таких программ, как аеаер и программа «Эко-школа», способствует формированию осознанного отношения к окружающей среде. Совместные технологические инициативы, такие как Центр пере-

дачи технологий Китай-АСЕАН, укрепляют инфраструктуру, способствуя принятию устойчивых решений.

Тем не менее, препятствия сохраняются, такие как культурные и языковые различия, экономическое неравенство и необходимость согласования политики в области образования. Решение этих проблем требует расширения сотрудничества между государствами, внедрения инновационных методов, таких как цифровизация образовательных процессов, и внедрения искусственного интеллекта для адаптации опыта обучения к индивидуальным потребностям учащихся.

Китай и АСЕАН служат ярким примером того, как международное сотрудничество в области образования может быть направлено не только на достижение академических целей, но и на достижение глобальных целей устойчивого развития, способствуя тем самым построению более устойчивого и справедливого мира.

Литература

1. ASEAN-China Ministerial Meeting on Science, Technology and Innovation. ASEAN Official Site. (<https://asean.org/wp-content/uploads/2021/12/2021-12-15-A-Final-Joint-Press-Statement-ACMMSTI.pdf>)
2. Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China. (https://en.most.gov.cn/pressroom/202308/t20230823_187619.htm)
3. China-ASEAN Technology Transfer Forum Summary. (https://en.most.gov.cn/pressroom/202210/t20221009_182833.htm)
4. Чэнь Сюй, «Популяризация изучения китайского языка в странах АСЕАН», «Журнал вьетнамских исследований», 2021.
5. Текущая ситуация и проблемы преподавания китайского языка во Вьетнаме, «Российский журнал вьетнамоведения», 2021 (<https://vietnamjournal.ru>).
6. China Daily, «Институт Конфуция празднует свое 20-летие», 2024 (<https://www.chinadaily.com.cn>).
7. Нгуен Тху Хьонг, «Сотрудничество между Китаем и Вьетнамом в области образования», 2017.
8. Brookings Institution. The case for more international cooperation in education (<https://www.brookings.edu>)
9. ERIC Database. Internationalization Through the Lens of International Students (<https://files.eric.ed.gov>)
10. UNESCO. Global Education Monitoring Report (<https://www.unesco.org>)
11. Deep Dive into Digital Transformation in Higher Education Institutions // ERIC. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED605840.pdf>
12. Digital Transformation in Higher Education: Enhancing Digital Learning // EDUCAUSE Review. – URL: <https://er.educause.edu/articles/2021/9/digital-transformation-in-higher-education-enhancing-digital-learning>
13. China-ASEAN Higher Education Exchange and Cooperation Initiatives // ASEAN Official Website. – URL: <https://asean.org/education>
14. Regional Educational Alliances in Asia // UNESCO Bangkok. – URL: <https://bangkok.unesco.org>
15. ASEAN Secretariat. ASEAN Environmental Education Action Plan. URL: <http://environment.asean.org>
16. United Nations Environment Programme. Promoting sustainable consumption and production in Asia. URL: <http://www.unep.org>

ANALYSIS OF MODERN EDUCATIONAL INTERACTION BETWEEN CHINA AND ASEAN STATES

Wang Li

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article focuses on the examination of contemporary educational collaboration between China and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). Various factors are taken into account, such as student exchange programs, collaborative research projects, the involvement of educational platforms like Confucius Institutes, and the encouragement of ASEAN languages in China. The influence of educational alliances and technologies, such as the digitalization of educational processes and the utilization of artificial intelligence, is emphasized. Special emphasis is placed on the role of education in promoting sustainable development, which includes environmental education and the incorporation of social sciences to address local issues. The article discusses the accomplishments and obstacles encountered by the partners, as well as the possibilities for enhancing collaboration.

Keywords: China, ASEAN, educational cooperation, student exchange, Confucius Institutes, digitalization of education, artificial intelligence, sustainable development, environmental education, language integration.

References

1. ASEAN-China Ministerial Meeting on Science, Technology and Innovation. ASEAN Official Site. (<https://asean.org/wp-content/uploads/2021/12/2021-12-15-A-Final-Joint-Press-Statement-ACMMSTI.pdf>)
2. Ministry of Science and Technology of the People's Republic of China. (https://en.most.gov.cn/pressroom/202308/t20230823_187619.htm)
3. China-ASEAN Technology Transfer Forum Summary. (https://en.most.gov.cn/pressroom/202210/t20221009_182833.htm)
4. Chen Xu, "Popularization of Chinese Language Learning in ASEAN Countries," *Journal of Vietnamese Studies*, 2021.
5. Current Situation and Problems Teaching Chinese in Vietnam, "Russian Journal of Vietnamese Studies", 2021 (<https://vietnamjournal.ru>).
6. China Daily, "Confucius Institute Celebrates 20th Anniversary", 2024 (<https://www.chinadaily.com.cn>).
7. Nguyen Thu Huong, "China-Vietnam Education Cooperation", 2017.
8. Brookings Institution. The case for more international cooperation in education (<https://www.brookings.edu>)
9. ERIC Database. Internationalization Through the Lens of International Students (<https://files.eric.ed.gov>)
10. UNESCO. Global Education Monitoring Report (<https://www.unesco.org>)
11. Deep Dive into Digital Transformation in Higher Education Institutions // ERIC. – URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED605840.pdf>
12. Digital Transformation in Higher Education: Enhancing Digital Learning // EDUCAUSE Review. – URL: <https://er.educause.edu/articles/2021/9/digital-transformation-in-higher-education-enhancing-digital-learning>
13. China-ASEAN Higher Education Exchange and Cooperation Initiatives // ASEAN Official Website. – URL: <https://asean.org/education>
14. Regional Educational Alliances in Asia // UNESCO Bangkok. – URL: <https://bangkok.unesco.org>
15. ASEAN Secretariat. ASEAN Environmental Education Action Plan. URL: <http://environment.asean.org>
16. United Nations Environment Program. Promoting sustainable consumption and production in Asia. URL: <http://www.unep.org>

Деятельность С.Ю. Витте в Российско-Китайских отношениях

Карташова Мария Николаевна,

студент, кафедра гуманитарных дисциплин и методик их преподавания, Ишимский педагогический институт имени Петра Павловича Ершова (филиал) Тюменского государственного университета
E-mail: masha.k02@bk.ru

Уникальная личность такого выдающегося человека, как Сергей Юльевич Витте, до сих пор не оставляет равнодушными многих ученых современности. Эта одна из важнейших фигур державы всегда будет выделяться среди государственных деятелей описанного историей времени серьезностью собственных планов и подходами к их реализации. Период нахождения С.Ю. Витте у истоков власти – это важнейшая и красочная глава модернизации Российского государства. Его ведение дел и политические взгляды в отношении Дальнего Востока переменило ситуацию с Россией в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И к тому же оно положило начало для всех предстоящих возможностей, которые были направлены на то, чтобы сделать из родной страны настоящее, и, внушающее трепет и уважение, государство Евразии.

Ключевые слова: Витте С.Ю., Российская империя, Китайская империя, дипломатия, международные отношения, политика.

Витте С.Ю. хотел вести дела с Китайской империей с точки зрения мощи, однако чувствовал будущий расцвет этой страны в XX веке. Поэтому он видел в российско-китайском союзе первостепенный маршрут долгосрочной политики своей страны на Азиатской территории. Фундаментальная цель, которую определил он для себя, заключалась в том, что Китая сбережет свою территориальную целостность и, наперекор всем потугам его разграбить на отдельные колониальные земли некоторых государств Европы.

Впервые Сергей Юльевич Витте показал свои умения при участии торговых отношений с Германской империей. С противоположной стороны ему противостоял «железный канцлер» Отто фон Бисмарк. Но несмотря на это, министр Российской империи сумел принудить германского политика вести торговую игру по своему вкусу. Как раз тогда же время правитель России заприметил талант и блестящие способности в сфере международной политики С.Ю. Витте.

Следующим серьезным шагом в карьере российского министра оказалась его деятельность в отношении России и Китая. Это произошло на переговорах в Москве с послом Ли Хунчжаном, как раз, когда шли торжества по случаю восшествия Николая II на престол. Столь важное общение для двух империй (Российской и Китайской) пусть и велось при участии серьезных лиц, все же было не гласным. Потому что этому мешали две вещи: первая – состояние дел на Дальнем Востоке, а вторая – на церемонии были и японские послы. С данным государством Российская империя решала вопросы по поводу мореплавания и торговли, а также на счет Кореи.

На Дальнем Востоке обстоятельства стремительно менялись в связи с войной Китая и Японии (1894–1895). Выиграла вторая и забрала Ляодунский полуостров вместе с Порт-Артуром (не считая баснословных контрибуций). Затронутое противостояние не обошло и Россию. И почти тут же вскрылись важнейшие задачи. Примером может быть желанный вход на территорию Забайкалья, а также желание железную дорогу продлить до Владивостока. Основные идеи реализации этой непосильной задачи заключались в обходе Амура и Усури вдоль, или же через китайскую Маньчжурию. Более удобен и желателен был второй.

Сергей Юльевич Витте заведовал делами по вопросам строительства магистрали в Сибири. Так решил император Александр III, а его приемник не стал менять положение дел. Все проблемы и нужды Транссиба передали во власть управляющего ведомства финансов Российской империи.

Шишов Алексей Васильевич отмечает, что противником в работе сооружения огромной железной дороги по сибирским дебрям, по таежной глухомани у политика, не находилось на тот момент. Ведь многовато имелось у намеченного маршрута так называемых порогов, нечаянно напоровшись на них возможно не только карьеру, но и голову потерять [10, с. 188].

Деликатность столь важного дела для министра финансов в области дипломатии ещё и осложнялось другим моментом, о котором было известно всем в Российской столице. Весь сыр бор заключался в личном неприятии к Японии императора Николая II. Ведь после случивше-

гося покушения в 1891 году во время своего международного путешествия он недолюбливал японцев.

Покамест ситуация, связанная с государственной окраиной, сложилась довольно печальная. Поскольку князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский придерживался в области дипломатии ориентира на государства Старого света, и поэтому дела Востока оказались ему плохо известны, поэтому император доверил работу с переговорами касательно Китая и Японии «восточному министру» С.Ю. Витте, что, конечно же, не было совпадением.

Российский политик прекрасно понимал трудности дальневосточной части страны. В прошлом Приморье России с Владивостоком от Японии отделяла вода, но теперь ее положение стало крепче на территории Кореи [10, с. 188–189].

При данной противостоянии страна солнца восходящего, прекрасно донесла до всего мира свою трансформацию в мировую державу. Флот Поднебесной не смог победить в сражении у Хаяндао (остов Хаян). Маркизом Ито и Ли Хунчжаном тяжело дались переговоры о мире в Симоносеки (город в Японии) после таких событий. Китайская империя лишилась: острова Тайвань, полуострова Ляодун с близлежащими рядом с ним в Желтом море островами, а также Пескадорских островов. К тому же нужно было выплатить стране-победительнице контрибуцию в две сотни миллионов таэлей (больше 25 миллионов фунтов стерлингов).

России же категорически не нравился японо-китайский договор (Симоносекский мирный договор апреля 1895 года). Из-за нежелания выставлять напоказ, а также акцентировать важность задачи зарубежных разведок (а именно представителей Японии и Европы), на квартире заместителя МИДа прошло особое совещание. Председателем стал генерал-адмирал и Великий князь – Алексей Александрович. Помимо него были: князь А.Б. Лобанов-Ростовский, военный министр П.С. Ванновский, управляющий Морским министерством Н.М. Чихачев, начальник Главного штаба генерал-адъютант Н.Н. Обручев и С.Ю. Витте.

Одним из первых взял слово Витте С.Ю. Ему нужно было подтвердить заинтересованность родного государства в поддержании Китаем его положения на указанный исторический момент. Поэтому думалось помочь целям неприкосновенности и целостности Китая [9, с. 4].

К собственному недоумению, Сергей Юльевич Витте был поддержан только Пётром Семёновичем Ванновским (главой Военного ведомства). Генерал-адъютант Н.Н. Обручев Н.Н. пояснил о своих тревогах, в военных вопросах, к которым относились и дела о западных границах государства. Например, с Австро-Венгерской и Германской империями. Одного решения, собравшиеся так и не смогли получить. В связи с этим, Витте Сергей Юльевич осмелился взвалить ответственность на собственные плечи. Он напомнил о личной привилегии как министра, связанного с делами финансов, именно – первый голос в вопросе, ведь его провальный результат ставит под серьёзную угрозу выводы предыдущей стратегии в экономике родной империи. Министр финансов пытался отвлечь членов Особого заседания от присвоений земель в Китайской империи, ведь с ней нужно было поддерживать дружбу. К тому же, на тот момент было бы очень опасно позволить в Южную Маньчжурию вторгнуться Японии [1, с. 43]. Сергей Юльевич Витте понимал исключительную нецелесообразность военных действий. Однако и полагал серьёзное противостояние на землях Дальнего Востока неминуемой бедой. А ещё отметил, что от японского правительства следует добиться сохранения целостности с точки зрения территорий

Китайской империи, даже если при этом придется увеличить сумму контрибуции с проигравшей стороны. Собрание так и не завершилось чем-то существенным или конкретным. Посему второе такое совещание по тому же важному делу было собрано ещё раз уже по приказу императора. Присутствовали отныне только три человека: политик финансов, дипломат иностранных дел, военный министр (не считая генерал-адмирала). Игнатъев Анатолий Венедиктович отмечает так: «...Концом ещё одного такого совещания являлись слова министерства иностранных дел Российской империи к Германии и Франции с просьбой «воздействовать» на столицу Японии, и «попросить» оставить Ляодунский полуостров Китайской империи. Сергею Юльевичу Витте было известно о том, что непомерные приобретения, с точки зрения земли, Японии в военной кампании вызвали негативную реакцию у стран Европы, у которых существовали территории в лице колоний, и жаждущих увеличения их при помощи азиатских государств. В центрах государств полагали, что ощутимые метаморфозы равновесия мощи на дальневосточных территориях коснется и их собственной выгоды» [6, с. 190].

В первой половине 1895 года Франция, Германия и Россия, потребовали от Японии отказаться от того условия Симоносекского мирного договора, по которому Ляодунский полуостров нужно было отдать той стороне, которая выиграла войну. По факту родоначальником данного политического коллективного демарша стал Российский чиновник, отвечающий за дела финансов. В истории мира что-то похожее практически не случилось никогда. Три государства Европы «мягко попросили» правительство Японии умерить аппетиты и не забирать себе полуостров. Такое действие «дружеское» трио объяснило тем, что если Япония все же его заберёт и получит стратегическую власть над столичной провинцией Джили (иначе говоря, над Пекином), то покой дальневосточных земель пошатнется.

Столицам трёх держав стало ясно, что «советом от друзей» дело не закончится. Поэтому пришлось к этому добавив ещё и весомые поступки. Демарш был усилен военной открытой демонстрацией. Франция и Германия увеличили мощь собственных эскадр в водах Тихого океана, расширив состав до тридцати восьми военных судов. Россия же, в Приамурском военном округе устроила мобилизацию всех военнообязанных. Если бы случилась война, то это позволило бы получить двадцать два батальона пехоты.

Конечно же, не было рвения рушить общение со **Старым светом**. В Токио правительство постановило о том, что глава государства «уважит просьбу своих друзей». И сразу же стало известно о «великодушном решении», которое ни коем образом не несет в себе желание расстроить «почёт и оскорбить благородство державы» [2, с. 315].

Дипломатические ведомства Санкт-Петербурга, Берлина и Парижа могли гордиться собой. В Российской империи эти ликования были проведены в Министерстве финансов.

Стране восходящего солнца пришлось лишиться земель в победной военной кампании. Поэтому в свет вышел «окончательно доработанный» Симоносекский мирный договор. По его требованиям вопрос о приобретении Японией этой части территории исчез. Что не могло не радовать Российское правительство. В свою очередь сумма контрибуции для Китайского государства увеличилась аж на пять миллионов фунтов стерлингов [2, с. 316–317].

Дипломат Витте Сергей Юльевич едва ли бы мог дать исход подготовленного им лично, давления на сто-

лицу Японии. Значит, что почти вся ярость и все недовольство японцев были направлены на Российскую империю. Эта объяснялось просто, ведь Россия, «ведомая Витте», всеми силами старалась изменить Симоносекского договор.

Теперь для Японии главным противником оказалась Российская империя, а такое положение дел решило почти во всём последующий процесс отношений на территории Дальнего Востока. В последние пять лет XIX века антироссийская политика в стране восходящего солнца серьёзно выросла, в связи с чем стало появляться больше газет, в которых пропагандировалось всё, что связано с военным противостоянием с Российской империей. Чиновники микадо прекрасно применили данную волну недовольства поступками России в отношении Японии. Они стали готовиться к грядущей вражде с соседом с севера, которым оказалась Россия. В преддверии нового века описанная выше подготовка приобрела всенародный характер [7, с. 87].

Данный печальный феномен основная часть учёных по истории Отечества, затрагивающих события войны России и Японии (1904–1905), до сих пор не соглашались с этим. «Воспоминания» Сергея Юльевича Витте о таком, тоже, не содержат ни строчки, несмотря на то, что о реальной ситуации в тот период на территории японцев, благодаря своим положению и деятельности, был отлично осведомлён.

И всё же деятельность на дальневосточных территориях Российской империи, получившая пролог от знаменитой степефни благодаря замыслам министра финансов, мало отражала действительные шансы и преимущества. Тем паче, что в отношении Японии, она оказалась достаточно дерзкой. А ведь государство восходящего солнца в этой части как раз зашагало дорогой самоутверждения. Публичная политика в отношении Токио столицы Российской империи, не подразумевала потенциального конфликта других стран при начале военных действий. Вместе с тем, государственные деятели Российского правителя с Японией, как возможный врагом, серьёзно просчитались. Осознание неминуемого запоздало появилось, лишь в преддверии самой войны.

Страна микадо не забыла о том, кто стал основным врагом и не позволил державе присоединить к своим землям часть Китая. А Пекин осознал простую истину – Российская империя – это друг, причем хороший друг, и следует держаться его, закрывая глаза на какие-то потери, ведь иметь такого сторонника выгодно, беря во внимание и то, что две империи граничили друг с другом более пары тысяч километров [8, с. 63].

Министр России, отвечающий за финансовое ведомство, приступил к зарождению гораздо больших и крепких внешних путей со своим соседом, в лице Китая. С.Ю. Витте первым делом предложил Пекину огромный заём чтобы рассчитаться с Японией. Средства брались из французских банков. Российская империя же обеспечивала это собственными финансами от взимания таможенных пошлин, да и вообще «достоянием Китая». Потом из-за прошения всё тех же финансовых кругов Парижа (финансистов Э. Нецлина, Р. Бриса, банкирского дома Ж. Готингера, банка «Лионский кредит») произошло основание Русско-Китайского банка. Сейчас это Русско-Азиатский банк, который существует до сих пор. Главная часть тут, конечно же, была у Франции, даже учитывая то, что сначала солидным акционером данного кредитного учреждения являлась касса Российской империи, но после её порция знатно уменьшилась. Банк содействовал доставлению финансов в Китайскую империю из России (в Маньчжурию в первую очередь) и северную часть Кореи. А также подразумевал, вдобавок

к простым обязанностям банка, обеспечение средствами китайского правительства, сбережение поставок от налогов, принятие концессий, в том числе и о железной дороге, по всему Китаю. А кроме этого, у него был специальный фонд подкупа людей в Поднебесной империи. Но официально, конечно же, этого не было видно.

На церемонии вступления на престол Николая II присутствовали иностранные послы. Среди них был Ли Хунчжан, входивший в число уникальнейших людей империи Цинь описанного исторического промежутка времени. В его лице Китайское государство поблагодарило Российскую империю за помощь и сохранение своих владений, а также поддержку в финансовом плане [5, с. 50–54].

Во время торжеств в честь нового правителя Сергей Юльевич Витте с Ли Хунчжаном организовал несколько официальных свиданий. К тому времени министр финансов уже прекрасно понимал каким тот человек является. А как в китайских провинциях, так и в самом Пекине, взяточничество великолепно существовало. С.Ю. Витте такую «слабость» серьёзного сановника посчитал уместным применить. Все разговоры с политиком из Поднебесной плавно вели к тому, что необходимо через Маньчжурию до Владивостока из Забайкалья провести Транссибирскую железнодорожную магистраль. Дипломат из Китая посетил Россию ещё до начала праздника, он приехал в Одессу. Там ему оказали приём, заслуживающий чиновника его статуса. Ли Хунчжану было известно, что общаться будет с важным и уважаемым министром финансов, о котором был весьма наслышан, а не министром МИДа, из-за распоряжения правителя Российского государства. К тому же сложилось, что Сергей Юльевич Витте был у края международных целей своей державы. В «Воспоминаниях» министра финансов записано, первоначально, о randevu с политиком из Поднебесной империи. Люди, имевшие в Пекине дела, преподали урок ему о том, что в работе с представителями китайской нации, очень важно ни в коем случае не торопиться, потому что такое поведение говорит о наличии отвратительных манер. Обязательно нужно всё исполнять не спеша, и осуществлять многочисленными китайскими таинствами. Министр Российского государства сделал точно так: «А когда Ли Хунчжан вошел ко мне в комнату, то я, облаченный в виц-мундир, вышел к нему. Затем мы поприветствовали друг друга через низкий уважительный поклон. После проводил гостя во вторую гостиную, отдал распоряжение о том, чтобы чай принесли. Его сопровождающие стояли, вместе с моими людьми, а мы двое сидели в креслах. Далее спросил гостя, есть ли у него желание покурить? А тот в ответ выдал звуки, которые напоминали лошадиный ржачь. Сразу же открылась дверь в смежное помещение и два китайца влетели из неё. Первый занёс кальян, другой кальян. Следом приступили к ритуалу под названием «курение», состоящий из того, что Ли Хунчжан мирно сидел в кресле, лишь пуская облачки дыма из уст, а все действия с кальяном, поддержание трубки на весу, вынимание оной и возвращение её обратно в полость рта политика, осуществлялись с настоящим почитанием находящимися в гостининой китайцами. Ли Хунчжан, с помощью этих церемоний, несомненно хотел оказать большой эффект на меня. Я же, однако, вёл себя вполне бесстрастно и показывал, мол это всё не интересует меня. Разумеется, я, при первой встрече не упоминал о работе. Всё, что мы делали – это не по одному кругу задавали одни и те же вопросы: меня он о самочувствии нашего правителя, его супруги, а также их наследников. А я в ответ интересовался здоровьем богдыхана, всех его родственников и ближайшего окружения. Больше ни о чём и не гово-

рили в ту первую встречу нашу. Далее, во время нашего другого разговора, Ли Хунчжан, когда лучше со мной познакомился, догадался, что мне безразличны его ритуалы, и они не дают нужного эффекта, стал вести речи нараспашку и перестал их осуществлять» [3, с. 333–334]. Отныне их общение происходило прямолинейнее и исключило формальности. Важнейшие люди своего времени практически мгновенно друг друга понимали. Они не стали извиваться и лукавить, ведь от этого зависело будущее их государств.

Ли Хунчжана устраивало то, что Российская империя желала сберечь полностью все земли его державы. Однако С.Ю. Витте предупредил его, что так будет только тогда, когда Китай станет сильнейшим государством на дальневосточной территории. А такое вполне может произойти, при условии, что Владивостокский военный порт будет иметь связь с важными пунктами русской железной дороги. С.Ю. Витте старался заставить поверить Ли Хунчжана в то, что данное положение выгодно для обеих держав. Соседская торговая деятельность, тоже, оживёт, как и внутренняя. Китайский министр понимал аргументы и соглашался с ними. И всё-таки, до сих пор не решился на ответ российскому министру. Поэтому император Николай II решил сам вмешаться в дела переговоров с Китаем. Правитель пригласил иностранного дипломата к себе, и поговорил с ним в неформальной обстановке. Это стало прекрасной почвой для новых переговоров Сергея Юрьевича Витте и Ли Хунчжана для заключения тайного соглашения двух империй. Для его составления люди МИДа практически ничего не сделали. Лишь после того, как пункты договора обсудили, император России попросил министра финансов С.Ю. Витте об этом Министерство иностранных дел известить. Конечно же, «просьба» правителя тут же была осуществлена [4, с. 235–237].

В начале 1896 года Китайская и Российская империи подписали упомянутое соглашение о объединяющем содружестве против Японского государства. Согласно статьям данного документа, две соседние державы возложили на свои плечи серьёзную ответственность в отношении помощи своему союзнику. Договор был подписан Ли Хунчжаном как представителем Китайской империи. Сергей Юльевич Витте – министр финансов, и князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский – министр иностранных дел подписали его от лица Российского государства. Но эта договорённость так и осталась на бумаге из-за того, что в будущем конъюнктура во внешней политике на дальневосточных территориях резко преобразилась не в благоприятной форме для двух империй.

Стоит ещё и отметить то, что до пролога переговоров представители двух стран, а именно – уполномоченные лидеры представительства, по традиции, обменялись дарами. Китайский канцлер даровал циньского чиновника высокого ранга, а также дары от богдыхана, своего повелителя, министру финансов С.Ю. Витте. В ответ же он попросил уральский изумруд (демантоид) – достаточно редкий по красоте и стоимости драгоценный камень, являющийся истинным достоянием Нижегородской всероссийской выставки. Ли Хунчжан пояснил свою прихоть это тем, что увлекается коллекционированием неповторимых драгоценных камней. Он очень гордился этим [3, с. 350].

Благодаря информации, изложенной выше в тексте, стоит сделать вывод о том, что Сергей Юльевич Витте старался вести дела на дальневосточных землях без грубой силы, а именно – с помощью дипломатии и экономики. И трудности в сфере финансов у империи Цин стали одним из звеньев в его замыслах. В прологе С.Ю. Витте хотел осуществить это с помощью двух

моментов: во-первых, министр финансов Российской государства сделал «специальный фонд», первостепенная задача которого заключалась в коррумпировании высокопоставленных деятелей Китая; а во-вторых, строительство Транссибирской магистрали, которая должна была увеличить военную мощь Российской империи на территории Дальнего Востока для вероятного давления на Китай с точки зрения дипломатии и вооруженной силы. Японо-китайское противоборство с поражением второй серьёзно поменяла взгляды министра финансов Сергея Юльевича Витте.

Литература

1. Абалкин Л.И. Экономические воззрения и государственная деятельность С.Ю. Витте. – М., 1999. – 52 с. – ISBN 5-201-03238-9.
2. Ананьич Б. В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – 430 с.
3. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. – М., Т. I, 1997, 356 с.
4. Витте С.Ю. Избранные воспоминания. – М., Т. II, 1997, 400 с.
5. Гиндин И.Ф. С.Ю. Витте как государственный деятель. Опыт социально-политической характеристики. // Там же. Ч. I. С. 49–110
6. Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. – М., 1989, с. 190–191
7. Струве П.Б. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики. //Сергей Юлиевич Витте – государственный деятель, реформатор, экономист (К 150-летию со дня рождения). – М., Ч.II, 1999, с. 217
8. Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики. – Л.,– 1927, 96 с.
9. Юровский Л.Н. Финансовая и экономическая политика графа Витте. «Русские Ведомости», 1 марта 1915 года, № 49, с. 4.
10. Шишов А.В. Витте. Финансовый гений последних Романовых. –М.: Вече, 2004 (Досье без ретуши), с. 188–189.

THE ACTIVITIES OF S. YU. WITTE IN RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

Kartashova M.N.

Ishim Pedagogical Institute named after Pyotr Pavlovich Yerшов (branch)
Tyumen State University

The unique personality of such an outstanding man as Sergey Yulievich Witte still does not leave many modern scientists indifferent. This is one of the most important figures of the state and will always stand out among the statesmen of the time described by the history due to the seriousness of their own plans and approaches to their implementation. The period of S.Y. Witte's stay at the origins of power is the most important and colorful chapter of the modernization of the Russian state. His business conduct and political views on the Far East have changed the situation with Russia in the Asia-Pacific region. And besides, it marked the beginning for all the upcoming opportunities that were aimed at turning our native country into a real, awe-inspiring and respected state of Eurasia.

Keywords: Witte S.Y., Russian Empire, Chinese Empire, diplomacy, international relations, politics.

References

1. Abalkin L. I. S.Y. Witte's Economic views and state activity. Moscow, 1999. 52 p. ISBN 5-201-03238-9.
2. Ananyich B. V., Ganelin R. Sh. Sergey Yulievich Witte and his time. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2000. 430 p.
3. Witte S.Y. Selected memoirs. Moscow, Vol. I, 1997, 356 p.
4. Witte S.Y. Selected memoirs, Moscow, Vol. II, 1997, 400 p.

5. Gindin I.F. S.Y. Witte as a statesman. The experience of socio-political characteristics. // Ibid., Part I., pp. 49–110
6. Ignatiev A.V. S.Y. Witte – diplomat, Moscow, 1989, pp. 190–191
7. Struve P.B. Count S.Y. Witte. Experience characteristics. / Sergey Yulievich Witte is a statesman, reformer, and economist (Dedicated to the 150th anniversary of his birth). – M., Part II, 1999, p. 217
8. Tarle E.V. Count S.Y. Witte. The experience of characterizing foreign policy. – L.,– 1927, 96 p.
9. Yurovsky L.N. Financial and economic policy of Count Witte. Russian Vedomosti, March 1, 1915, No. 49, p. 4.
10. Shishov A.V. Witte. The financial genius of the last Romanovs. Moscow: Veche, 2004 (Dossier without retouching), pp. 188–189.

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор, заместитель
главного редактора журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

В повседневном обиходе досуг относится как ко времени, остающемуся после работы, так и к нерабочим обязанностям – часто называемому свободным временем – и к тому, как мы проводим это время. Но это упрощенная версия. Наука опирается на другие подходы.

В досуге, отдыхе и свободном времени, как во многих других социологических категориях, проявляется социальное неравенство людей, разный доступ и разные возможности пользования предоставляемыми ими благами, а то, что они – вид социальных благ, сомнений ни у кого не возникает. Отдыхом – то ли в форме отпуска, то ли выходных, то ли отгулов – работодатели вознаграждают своих работников, а государство строго следит за соблюдением таких прав граждан. Досугом никого не награждают свыше, он появляется снизу как форма самостоятельности населения, как стремления выразить свое Я в активной и чаще всего полезной для других форме труда, например, рукоделии.

Свободное время – бесценный капитал общества, призванный сохранять физические способности населения, его демографическое воспроизводство, восстанавливать затраченные на работе или на службе силы, помогать духовному развитию людей. Отдых – потребность со стороны человека и гарантированное право со стороны государства. Досуг можно считать эстетически преобразованным видом отдыха.

Исторически досуг формировался как привилегия высшего класса, а труд – как тяжелая обязанность низшего класса. Возможности для досуга и объем свободного времени расширяются с увеличением количества денег в семейном бюджете и сокращением рабочего времени. На возможности проводить досуг влияют пол, этническая принадлежность, образование, социально-экономический статус, а также учреждения и системы, которые входят в инфраструктуру досуга (так называемые третьи места).

Можно быть лидером своего свободного времени либо ведомым и объектом манипуляции государства. Политика досуга и экономика досуга – две важнейшие сферы интереса современного государства. Индустрия досуга и туризма родилась в XX веке в период перехода к потребительскому обществу и получила новые форму в эпоху информационного общества. Чтобы досуг стал социальным институтом, он должен быть встроен во все структуры постиндустриального общества, его культуру и динамику, пользоваться его возможностями и влиять на его будущее. Общество потребления неотделимо от общества досуга. Как социальный институт, досуг удовлетворяет основные потребности человеческого общества. Уж если досуг появился с рождением человека, то и исчезнуть ему суждено с гибелью человечества.

Ключевые слова: досуг, свободное время, отдых, социология досуга, досуговые практики, релаксация, рекреация, катарсис.

Идея досуга существовала с тех пор, как Адам и Ева поселились в Эдемском саду, где в праздности и безделье предавались утехам жизни. Когда Бог изгнал их из рая, первопредкам пришлось трудиться, и с тех пор досуг и труд формировались в единой связке, обеспечивая сбалансированное существование человеческого рода: поработал – отдохни, заработал – потрать. Свободное от работы время можно пустить на самотек, а можно превратить в организованный способ получить для себя то, что не дают работа и сон – две акулы, пожирающие время жизни человека. Превратить досуг в безделье или творческое занятие – личный выбор каждого.

Вы никогда не задумывались, почему главную книгу Т. Веблена¹ переводят как «Теория праздного класса», хотя ключевым словом выступает «досуг»? Буквально надо бы «Теория досугового класса» или «класса досуга». Но нет, досуг приравнен к праздности. Не означает ли это, что в те времена досуг был только у высшего класса и недоступен народным массам? Это непродуцируемый класс, для которого характерно показная роскошь, демонстративное расточительство, выставление на люди своего успеха. У Веблена речь идет не о купцах или дворянах, а о предпринимателях, которые зарабатывают не за счет производства, а крупному бизнесу и финансовым спекуляциям. Парадоксально, что люди, старающиеся вести себя в бизнесе очень рационально, считая каждый цент, в потреблении расточительны, вздорны, капризны. Для элиты подтверждение статуса и успеха, безумные расходы на них важнее, чем капиталы, доходы и сверхприбыль. Так было на рубеже XIX и XX веков. Через 100 лет ситуация мало изменилась, хотя одеваться олигархи стали скромнее. Но престижность местожительства и качество досуга по-прежнему в приоритете.

Дин Мак-Каннел, один из ведущих специалистов в социологии досуга и туризма, утверждает, что турист – яркий представитель «досугового класса» (leisure class)². В процветающем постиндустриальном обществе сформировался целый класс, основным интересом или формой деятельности которого является развлечение, досуг, туризм. Вряд ли это тот же самый класс, что у Веблена. Сегодня, спустя столетие, это уже не высший, а средний класс. Ему тоже доступен досуг наилучшего качества, но такое стало возможным не столько благодаря капиталам массового туриста, сколько благодаря улучшению самого массового досуга.

Досуг – часть свободного времени для любительской деятельности, просмотра телепередач, чтения книг, посещения театров. Это не просто отдых. Перерыв в работе на обед или перекур – вот отдых, но не досуг и не свободное время. Прогулка по лесопарку – отдых, а игра в шахматы там же – досуг. Досуг входит как составная часть в свободное время. Досуг – это часть свободного времени, которым человек располагает по своему усмотрению. Основные параметры досуга – продолжительность, место и способ проведения, структура. **Отдых** – не только сон, но также отпуск, прогулки. Досуг

¹ Veblen, T. The Theory of the Leisure Class. N.Y.: Macmillan, 1899.

² McCannell D. The Tourist: A new Theory of the Leisure Class. University of California Press, 1999.

мы проводим на первом или третьем месте. Досуг не совместим с работой, т.е. вторым местом.

В английском языке «досуг» – *leisure* – обозначает время, свободное от выполнения трудовых обязанностей. Французское *loisir* обозначает свободное время, а их предшественник латинское слово «*lasege*» – всего лишь дозволение. Таким образом, везде досуг обозначает свободу действий, возможность распоряжаться временем по своему усмотрению.

В Древней Греции было иначе: досуг обозначался словом *schole*, от которого произошли *school*, *scholarship*. Первоначально греческое *σχολή* означало «досуг, свободное времяпровождение», т.е. школой называлось не здание или место для обязательных занятий теорией, а свободное от обязательных занятий время, т.е. самообразование. Только позже оно стало определяться как «занятия на досуге». Платон собирал людей в свободное время и передавал им свои опыт и знания в академии. Академия место, школа – лекции и дискуссия. Постепенно досуг из школы исчез, и она превратилась в место для «учебных занятий» и «бесед философов», например у Плутарха. А в школе, называемой гимнасией, греки больше занимались физическими упражнениями, чем теорией. У Аристотеля досуг обозначал состояние свободы и интеллектуального просвещения – и никакой физкультуры. Так что долгое время к досугу относили образование, ученость и философию. От корня «схолье» в Средневековье образовали схоластику – спекулятивные рассуждения о духовных сущностях и божественных существах. В Оксфордском словаре *leisure* трактуется, помимо прочего, именно как дискуссия. Это след древнего происхождения термина.

Какой вывод? У греческих учеников досуг – время для самообразования, у греческих философов – время для мудрых собеседований, у средневековых схоластов – для высокопарной риторики. Никаких вам рукоделий, филателии или рыбалки.

Досуг относится к области духовной деятельности, а не просто к разгрузочной, увеселительной или бездеятельности. Работы в саду и хобби, если у них утилитарное предназначение, надо считать не досугом, как мы привыкли, а квази-досугом. В *Encyclopedia of the Social Sciences* досуг определяется как бескорыстная деятельность.

Отдых – для тела, досуг – для разума. Любимая работа занимает весь досуг и служит одновременно отдыхом. Она вдохновляет. Нелюбимая работа считается тяжким трудом и требует отдыха. Ее компенсируют интересным и разнообразным досугом, непохожим на работу. Досуг отражает личность, труд – общество, отдых – природу.

Досуг, отдых и свободное время рассматриваются нами как форма свободы и освобождения. От чего? Да от всего. Вы как бы заявляете всем: вот теперь оставьте меня в покое, что хочу, то и делаю. Свобода от обязанностей и необходимости что-либо делать по принуждению, по чужой воле считается человеком наибольшей ценностью. Работа и семья – это необходимость зарабатывать на жизнь и содержать ближайших родственников. Они утомляют и изматывают, а досуг согревает душу, окрыляет и позволяет нам побыть самим собой. Это – зона комфорта и наслаждения.

Правда, не всегда она у нас есть, иногда на нее просто-таки не хватает времени. В балансе суточного бюджета времени он – остаточная, или резидуальная, категория, ибо досуг – то, что остается, если из 24 часов вычесть время работы, сна и других обязанностей. Иными словами, что остается нам после трудовых будней, хождения по магазинам, домашних хлопот, воспитания детей и т.д.

Свободное время, т.е. время не для работы и сна, включает домашний труд и самообслуживание, сон и еду, передвижение к месту работы и обратно, учебу, воспитание, отдых, общественную деятельность. В него включают посещение театров, кино, концертов, спортивных и других зрелищных мероприятий; просмотр телепередач, прослушивание радио; чтение газет, журналов, художественной литературы; прогулки и занятия спортом; встречи, визиты, игры и т.п.; прочие виды отдыха; социально-политическая деятельность, митинги, собрания, религиозные занятия.

По разным данным, доля «свободы» колеблется от 15 до 35% суточного фонда времени. Считается просто: сон – 8 часов, работа – 8 часов, остальное – тоже 8 часов. В сумме 24 часа. Такое соотношение получило название правило трех восьмерок: 8 часов – работа, 8 – отдых, 8 – сон. Оно известно давно, а Ж. Дюмазедье придал популярному выражению новый смысл – принцип остаточности: свободное время остается лишь после выполнения обязательств, работы и сна (рис. 1).

Рис. 1. Остаточный подход к отдыху: ночью сон, днем работа, вечером досуг.

У мужчин свободы в свободное время в 2 раза больше, чем у женщин. Свободное время населения сокращается с возрастом. Так, у женщин в возрасте 45 лет и старше его меньше, чем в возрасте 16–19 лет, в 1,7 раза. При этом большая его часть используется пассивно – у телевизора или компьютера.

Главных ограничителя досуга и отдыха в отпуске два: 1) выбирать можно только из того, что доступно; 2) выбирать можно только то, что позволяет заработок. Дополнительными условиями проведения свободного времени являются: оглядки на традиции и культуру, правила вежливости, сообразность со своим статусом, оглядки на семью или свое здоровье, мотивация и желания. Именно они диктуют выбор третьего места – курорта с минеральными водами, пляж на берегу моря, театр или музей, уход за садом или огородом, мелкий ремонт дома, рыбная ловля, игры с детьми, спорт, чтение, посещение кинотеатра, просмотр телепередачи, экскурсия по городу или путешествие, встреча с родственниками или друзьями.

Отдых отражает биологическую потребность нашего организма, вот почему нам нужны паузы, перекуры, перемены, выходные, отпуска и каникулы, обед, сон, вечерние прогулки. Безделье тоже выполняет функцию отдыха. Восстановление сил называется рекреацией. Лежать на диване или на пляже – бездеятельно отдыхать, заниматься спортом или физкультурой – активно восстанавливаться. В свободное от работы время люди стремятся просто отдохнуть, расслабиться, переключиться на что-то другое, но не впрягаться и не напрягаться.

Досуг можно рассматривать как смену видов деятельности. Собирать марки или грибы, старинные открытки или монеты, ловить рыбу или наблюдать за полетом самолетов – все это досуговые занятия. «Лучший отдых – это смена деятельности», – сказал однажды уставший В.И. Ленин и уехал в Сестрорецк – курортную зону – пожить в шалаше. В африканском обществе перемена включает различные художественные промыслы: плетение корзин, изготовление шляп или вееров, починку старых и изготовление новых рыболовецких сетей, подновление стен жилища, сооружение новой крыши, занятие постройкой или ремонтом храма.

Хендмейд или хендмейдинг (от англ. hand – рука, made – создавать; handmade – ручная работа, сделанное вручную) – это «рукодельный» досуг, уникальная возможность выразить себя через созданное своими руками и родившееся в своей голове, выражающее свой жизненный опыт и свое мировоззрение. Это все, что вы не покупаете или не заказываете у других. По сути, речь идет о любительских занятиях на досуге – рисовании или фотографировании, вязании или плетении, но не о рыбалке или велосипедной прогулке. Своими поделками можно украсить жилище или сад, одежду или машину. Хендмейд включает вышивку, квиллинг, декупаж, карвинг, резьбу по дереву, макраме, оригами, роспись посуды, стен, мебели, а в живописи – наивное искусство. Handmade-изделия обычно используются для дарения. Русские часто говорят: «Лучший подарок – подарок, сделанный своими руками» (поэтому они – медиаторы близких отношений). Подарки handmade сохраняют тепло дарящего и неповторимость самого подарка.

Если нет, то это уже заработок ручными поделками, и, конечно, не досуг.

Среди основных функций досуга социологи выделяют релаксацию, рекреацию и катарсис:

- Релаксация – психологическая разрядка и расслабление
- Рекреация – восстановление физических сил и здоровья
- Катарсис – духовное очищение и возвышение

Они – слагаемые гармонического образа жизни. Крик, брань, стук кулаком по столу, смех и слезы – самые естественные и доступные каждому способы разрядки. Задействованы эмоции и аффекты, а не чувства и переживания. Вторые относятся скорее к катарсису – исповеди, молитве, постам, паломничеству, причащению, изгнанию бесов, общению с прекрасным, занятиям духовными практиками. Для релаксации и катарсиса не нужны инструменты или помещение. С рекреацией сложнее. Физкультура и спорт, курортный отдых и медицинские процедуры требуют больше времени, средств и оборудования. На досуге ими не займешься – надо брать отпуск.

Стилизованные формы снятия напряжения – увеселения, праздники, фестивали, ритуалы.

Праздник – это не праздность. Праздность – отсутствие труда, а праздник – способ отметить какое-то важное событие или какую-то важную персону. Отпраздновать, значит организовать паузу в обыденном течении жизни. Праздники – напоминание о самом важном в жизни человечества, поминовение, день памяти. Они делают время жизни именным, а не безымянным событием, помогают нам не быть Иванами, не помнящими родства. Труд необходим, чтобы добывать средства существования. Но каким будет само это существование, решают в том числе праздники.

Смысл праздника заключается вовсе не в том, что в этот день не надо работать. Это не праздник, а нерабочее время. Праздник – инструмент снятия накопив-

шегося в будни напряжения в возвышенно-эстетической и эмоционально-приподнятой форме. Это моменты наибольшей радости. Причем радости дозволенной, регламентированной, поскольку праздничные дни заранее объявляются и к празднику готовится все общество. Празднику свойственна особая торжественность, ритм, ритмическая и интонационная насыщенность.

Праздник сочетает в себе модусы отдыха, свободного времени, релаксации и катарсиса. Он может отмечаться в специально оборудованном третьем месте, а может происходить незаметно, скрываться глубоко в душе, выражаясь жестами и возгласами. В терминологии М. Бахтина праздник – элемент «смеховой культуры».

Средствами релаксации выступают игры, фильмы ужасов, эротические фильмы, фильмы катастроф, детективы, боевики, приключенческие романы. И они позволяют символически совершить – вместе с героями – те действия, которые запрещены культурой или невозможны в реальных обстоятельствах жизни.

Последнее достижение индустрии развлечений – приключения и путешествия в виртуальных компьютерных мирах. Туризм, дома отдыха, санатории, пансионаты, детские лагеря издавна служили целям отдыха. На смену пионерским лагерям в нашей стране пришли лагеря скаутов.

Участники серьезного досуга тратят время на саморазвитие, получение второй профессии, изучение языков, несерьезного – развлечение и отвлечение от единственной и не очень любимой работы, например боулинг, бильярд или дартс. Длительное занятие одной и той же деятельностью в свободное время превращается в привычку, а затем в хобби, т.е. то, от чего почти невозможно избавиться. В список хобби включают рисование, пешие походы, кулинарию, фотографию, садоводство, писательство, вязание, игру на музыкальных инструментах, охота и рыбалка, диггерство и др. Хобби не приносит прибыли, но забирает деньги, получаемые от основной деятельности. Его цель – духовная прибыль, восполнение многообразия жизни, ощущение свободы выбора деятельности, наконец, осуществление мечты или призвания, которое не удалось осуществить по месту работы.

Серьезный досуг повышает самооценку и статус в системе межличностных, родственно-дружеских отношениях, развивает таланты, которые не удалось реализовать в других условиях и местах. Клубы по интересам, т.е. досуговые тусовки, помимо прочего формируют чувство принадлежности и приобщенности, соучастия и привязанности, дружбы и товарищества. Это малая модель общества, которой может не хватать на официальной работе, а иногда и в домашней обстановке (не говоря про соседство, которое кроме местожительства ничем между собой не связано).

Еще одна особенность серьезного досуга – самовознаграждение, которое, правда, присуще также участникам случайного досуга, поскольку оно связано с чувством удовлетворенности от проделанной работы или действия¹. Поскольку случайный досуг, скажем, игра в карты или пьянство, не пользуются в общественном мнении уважением, идентификация участника досуга с ним крайне невысокая. Если коллекционированием, сбором грибов, ремеслом или культурным туризмом люди гордятся, то о случайном досуге предпочитают молчать, по крайней мере, в кругу воспитанных людей.

Социальным последствием серьезного досуга чаще всего становится организация клубов по интересам,

¹ Stebbins R.A. The Liberal Art Hobbies: A Neglected Subtype of Serious Leisure // *Loisir et Society and Leisure*, 1994.16: 173–186.

школьных или университетских оркестров, музыкального кружка, сообщества любителей одного и того же вида досуговой деятельности, скажем, авторской песни или туризма. Они солидаризируются на основе общих традиций и обычаев, целей деятельности, духовных интересов, культурных практик и ритуалов. Такой досуг придает людям ощущение полноты жизни, в которой, по словам Ральфа Дабина, энергия вкладывается и в физическую, и в интеллектуальную деятельность, и в положительное эмоциональное состояние¹.

В свое время Цицерон провозгласил «otium cum dignitate» (досуг с достоинством), обращаясь с этим не к римскому простонародью, а к патрициям, желая тем самым предупредить их от бездумного времяпрепровождения. Как оказалось, бесполезно. К случайным способам времяпрепровождения можно отнести такие виды деятельности, как общение в бане, посещение шумной пивной в выходные дни, посиделки во дворе или сельской околице, обычное загорание на пляже, прогулки в парке. Они выполняют рекреационную и развлекательную функцию, но не формируют нравственных привычек, устойчивых принципов и мировоззрения. В них отсутствуют достижительная мотивация и целеустремленность.

Случайный досуг отличается от серьезного тем, что он доставляет немедленную пользу сам по себе, как относительно недолгая приятная деятельность, требующая незначительного или не требующая никакого специального обучения, чтобы получить удовольствие². К его разновидностям относят игру (в том числе любительскую), расслабление (например, посиделки, дневной сон, прогулки), пассивное развлечение (телевидение, книги, музыкальные записи), активное развлечение (азартные игры, розыгрыши на вечеринках), оживленные беседы и сенсорное возбуждение (секс, еда, выпивка).

Участники серьезного досуга вносят вклад не только в собственное развитие и благосостояние, они также делают многое для других. Многие группы серьезного досуга оказывают широкое благотворное воздействие на благосостояние сообщества. Они, например, приносят пользу публике, участвуя в исполнении произведений в сопровождении местного оркестра или предоставляя через местное астрономическое общество кров лицам, увлекающимся наблюдением за ночным небом. Помимо того, что серьезный досуг является совместным занятием, он вносит значительный вклад в социальную интеграцию³.

Досуг не статичен, он построен на практиках – специализированных видах деятельности, помогающих достичь поставленную цель или интерес. Существующую исторически длительное время последовательность действий, осуществляемую большой социальной группой (одной или несколькими) в качестве группового (национального, этнического) обычая ради удовлетворения какой-то важной для этой группы или общности потребности мы в дальнейшем будем называть *социальной практикой*.

Досуговые практики – это занятия различными видами спорта, просмотр фильмов и телепередач, пеший туризм, компьютерные игры, танцы, квиллинг, историко-ролевые игры, социальное и культурное волонтерство. квиз и квест, блоггинг, ресторанный туризм,

паркур, handmade-досуг. шоппинг и др. Социальные практики часто понимаются просто как распространенные обычаи, только не праздничные или календарные, а стихийно созданные людьми для решения проблемы или преодоления препятствия. Во многих сообществах церемонии приветствия носят неформальный характер, в то время как в других они являются более сложными и ритуальными, выступая в качестве маркера культурной идентичности.

Обычно практики обозначают мышление или действие «по привычке», следование правилу, поведение, имеющее ритуальный характер, нечто само собой разумеющееся⁴. В этнометодологии, занимающейся изучением повседневности, практики понимаются как а) фоновое (неэксцентрированное) знание, б) конкретная деятельность, соединяющая слова и действия («языковая игра»), в) искусство решения практических задач в ситуации неопределенности. Под фоновыми практиками Дж. Сёрль подразумевает совокупность принятых в культуре (традиционных) способов деятельности, навыков общения с различными предметами⁵.

Досуг – это немножко работа, но любимая, немного развлечение, но занимательное. И всегда это отвлечение от будничной рутины и тяжелого труда. Досуг легче, интересней, разнообразней. Отдых – то же самое. Игра не досуг, а отдых. Она подразумевает веселье, восстановление сил и забавы. В Африке насчитывается более 2000 игр, по миру – десятки тысяч. Игры рассчитаны на любой возраст, пол и наклонности. Семейное чтение – досуг, а не отдых или развлечение, не игра и не свободное время.

Есть те, кто финансирует свой отдых по остаточному принципу, как это делало советское государство по отношению к культуре. И что, мы добились больших результатов? И да, и нет. Культура растет снизу, а не насаждается сверху. Работоманы трудятся не покладая рук, но не все теряют здоровье из-за постоянного напряжения сил. Если это любимая работа, то на ней ты и отдыхаешь, и трудишься. Если работа легкая, то и в этом случае передышка не нужна, ибо для тебя отдых – лишь продолжение необременительной деятельности. Ученые и писатели принадлежат к первой категории, сторожа и чиновники – ко второй.

В Римской империи с 100-миллионным населением и двухмиллионной столицей все игры и развлечения носили массовый характер. Цирк Максима вмещал 400000, Колизей – 90000 зрителей. Народ требовал хлеба и зрелищ. Игры гладиаторов, морские сражения в искусственных озерах, гонки на колесницах – это и есть массовое шоу в современном понимании. Третье место снимало межклассовые конфликты, отвлекало от преступности на улицах, бедности и голода.

В Афинах досуг был первичен, но для свободной от рабства элиты. Труд для нее вторичен, но для большинства населения – первичен. Римляне еще больше закрепили свойственное грекам негативное представление о труде, а позитивное за досугом. В латинском языке досуг описывался через понятие *otium*, а бизнес через *negotium*. Тем не менее, на первое место у прилежных римлян стоял труд, а не досуг. Досуг рассматривался как время, свободное от работы.

В Средневековье не было массовых зрелищ, досугом руководила церковь, выполнявшая функцию не второй

¹ Dubin R. Central Life Interests: Creative Individualism in a Complex World. New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 1992.

² Stebbins R.A. Lifestyle as a Generic Concept in Ethnographic Research // Quality and Quantity 1997, 31: 347–360.

³ Стеббинс Р.А. Свободное время: к оптимальному стилю досуга (взгляд из Канады) // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 64–72.

⁴ Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // Социол. исслед. 1997. № 6. с.9–23.

⁵ Searle J. The Background of Meaning // Speech Act Theory and Pragmatics. / Ed. by J. Searle et al., Dordrecht, 1980; Searle J. Intentionality: An Essay on the Philosophy of Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1983, p. 141–159.

или третьей, а первой власти. С началом индустриальной эпохи легче жить не стало, а работать приходилось еще больше. Жили несытно, недолго и невесело – работали по 12–14 часов, обычным делом был тяжелый детский труд. Свободное от работы время уходило на удовлетворение физиологических и биологических потребностей: сон, гигиенические надобности, секс, еда, питье. Досуг оставался привилегией меньшинства.

В 1950-х годах в социологии возникла теория «общества досуга» как вариант концепции «пост-трудового общества». Труд утратил всепоглощающую роль: сокращение рабочего времени ведет к расширению времени для досуга. Если прежде труд считался главным жизненным интересом и основанием самоидентификации человека («Кем вы работаете? О, это круто!»), то сегодня досуг и отдых стали фокусом приложения сил и средств. Досуг вышел, как и у греков, на первое место. Место бережливости и экономии занял безудержное потребление. Погоня за деньгами для американцев превратилась в борьбу за выживание: чтобы иметь хороший дом и ежегодный отдых, надо иметь хорошую работу, чтобы много зарабатывать, оплачивать все страховки и налоги. Но не всем хватает времени и денег на отдых и досуг. Их лишены миллионы мигрантов, благодаря которым только и сформировалась страна всеобщей зависти и всеобщей демократии. Они заняли место античных рабов. Полноценное третье место доступно не более чем для трети американского населения.

Революция 1960-х годов и молодежные выступления западной молодежи послужили отправной точкой возникновения т.н. революции досуга. Она привела к переоценке всех ценностей: на первое место вышел досуг, оттеснивший лидировавший до сих пор труд на второе место. Появился новый социальный тип – человек досуга. А сам досуг – это время, которое личность отвоевала у общества исключительно в своих гедонистических целях.

Сформировалась новая область знаний – социология досуга – изучение структуры, содержания и эмпирического наполнения незанятого трудом и домохозяйством времени как фундамента образа жизни людей; какие социальные институты обслуживают и влияют на досуг, каких слоев населения в социальной структуре общества он касается, а у кого доступ к нему ограничен; каково поведение индивидов и социальных групп в свободное время; каковы способы удовлетворения потребностей в отдыхе (рекреации), развлечении, общении, развитии личности. Социология досуга включает в себя социологию физической культуры и спорта, социологию туризма, социологию досуга и отдыха, социологию хобби, культурологию и др.

В середине 1980-х годов советские социологи провели исследование и выяснили корреляцию между трудом и досугом: высококвалифицированный труд рождает содержательный и разнообразный досуг, малоквалифицированный – бедный и низкопробный (карты, рыбалка, телевизор, выпивка). Досуг оказался зеркалом работы. Сегодня не так. За полвека развалилась советская индустрия, ушли в прошлое массовый неквалифицированный и конвейерный труд. Восстановление производства в новой России происходило совсем на иной технологической базе, цифровизация изменила характер труда, исчезли старые профессии, а новые связаны с ИТ-технологиями, сервисом, офисной работой, доставкой и т.п. Люди стали гораздо чаще ездить по миру и стране, знакомиться с чужой и собственной культурой, автомобили чуть не в каждой семье. Качество досуга больше диктуют личные предпочтения и интересы, нежели

характер труда и материальный уровень. Хотя и сейчас досуг – зеркало труда, но другой досуг и другого труда.

Постиндустриальное общество вернулось к аристотелевским представлениям о досуге как высшей ценности свободного человека в свободное от работы время. Информационные технологии сближают людей, проживающих на разных континентах, позволяют покупать товары или платить налоги, не выходя из дома. С помощью телевидения и Интернета житель Индии или Нигерии оказывается в курсе мировых событий, происходящих за десятки тысяч километров от него. Но в западном мире это уже не сфера созерцания и мудрствования, а извращенных развлечений, порнографии, наркомании и радужных фестивалей.

«Цивилизация досуга», досуго-центристское и потребительски ориентированное общество все больше склоняется к гламуризации досуга и отдыха: посещение развивающих комплексов, аквапарков, фитнес-центров, центров пилатес, ресторанов с эксклюзивной кухней, закрытых клубов, отдых на престижных курортах, парусный спорт, верховая езда, дайвинг, сафари по дикой природе и т.п. Чем больше в обществе «богатеньких буратино», тем больше эксклюзивного отдыха и изощренного досуга. А для массовой публики – «индустрия досуга» и пакетный туризм.

Литература

1. Акимова Л.А. Социология досуга: учебное пособие для вузов. М.: МГУКИ, 2003
2. Дуликов В.З. Индустрия досуга: к интерпретации понятия // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, по. 3 (59), 2014, pp. 121–127.
3. Киселева Т.Г. Теория досуга за рубежом. М.: МГУК, 1992.
4. Ключко Е.М. Современное состояние категориального аппарата теории досуга (по материалам зарубежных исследований) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, по. 1 (69), 2016, pp. 170–181.
5. Кравцова О.А. Досуг в контексте социокультурных трансформаций // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры, по. 3 (16), 2013, pp. 84–88.
6. Мосалев Б.Г. Досуг: методология и методика социологических исследований: Учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та культуры, 1995.
7. Понукалина О.В. Досуг в теоретическом дискурсе социологии: подходы к исследованию // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 6. С. 83–89.
8. Пруденский Г.А. Проблемы рабочего и внерабочего времени. М.: Наука, 1972.
9. Рябков В.М. Проблемы досуга в наследии Аристотеля // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 1 (46). С. 416–420.
10. Сурова Е. Э, Васильева М.А. Явление handmade: досуговый проект в современной культуре // Обсерватория культуры. 2015. № 6. С. 14–21.
11. Фаблинова О.Н. Досуг как объект изучения в западной социологической мысли // Социологический альманах. 2013. № 4. С. 447–453.
12. Ходнев А.С. «Новая» история досуга как исследовательское поле // Ярославский педагогический вестник. 2011. Т. 1. № 1. С. 23–27.
13. Черников И.А. Современный досуг: между свободой и потреблением // Вестник Московского государ-

ственного университета культуры и искусств, no. 5 (91), 2019, pp. 111–120.

14. Шарковская Н.В. Понятие «досуг» в контексте гуманитарного дискурса // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 5 (61). С. 100–106.
15. Adorno Theodor W. Free Time. In *The Culture Industry: Selected Essays on Mass Culture*, ed. Theodor W. Adorno and J.M. Bernstein. L.: Routledge, 1991, p.162–170.
16. Barton T., Jackson E. *Reviewing leisure studies: an organizing framework*. Venture Publishing, Inc., 1999.
17. Blackshaw T. *Leisure*. Abingdon: Routledge, 2010.
18. Clarke J., Critcher Ch. *Leisure and Inequality Sociology of Leisure*. London, 1994.
19. Grant C., Veal A.J., Zuzanek J. (eds.) *World Leisure Participation: Free Time in the Global Village*. Wallingford, 1996.
20. Dumazedier J *Sociology of Leisure*. Amsterdam: Elsevier, 1974.
21. Godbey G. *Leisure in Your Life: An Exploration*. State College, PA: Venture, 1999.
22. Haworth John T. (ed.) *Work, Leisure, and Well-Being*. Routledge, 1997.
23. Jackson E., Scott D. *Constraints to leisure*. Venture Publishing, Inc., 2005.
24. Kando Th. *Leisure and Popular Culture in Transition*. St. Louis: Mosby, 1980.
25. Kaplan M. *Leisure: Theory and Policy*. New York: Wiley, 1975.
26. Kay T. *Leisure, Gender, and Self in the Analysis of Family // World Leisure Journal*, 2003. 45:4–14.
27. Kelly John R. *Freedom to Be: A New Sociology of Leisure*. N.Y.: Macmillan, 1987.
28. Kelly John R. *Leisure*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1990.
29. Linder S. *The Harried Leisure Class*. N.Y.: Columbia University Press. (1970)
30. Page S., Connell J. *Leisure: an introduction*. Harlow, Pearson, 2010
31. Parker Stanley R. *The Sociology of Leisure*. L.: George Allen & Unwin, 1976.
32. Pronovost G. *The Sociology of Leisure // Current Sociology*, 1998. 46:1–156.
33. Rojek C. *Leisure Theory: Principles and Practice*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.
34. Shaw S.M. *The Meaning of Leisure in Everyday Life // Leisure Sciences*. 1985. № 7 (1). P. 1–24.
35. Stebbins Robert A. *The Idea of Leisure: First Principles*. NJ: Transaction, 2012.
36. Tobias A. *Focus on Sociology of Leisure: From Theory to Daily Life // Revista Universitară de Sociologie* 2020, 16 (1), 225–240.
37. Wynne D. *Leisure, Lifestyle and the New Middle Class*. L.: Routledge, 1998.

LEISURE, RECREATION AND FREE TIME

Kravchenko A.I.

In everyday parlance, leisure refers to both the time left over from work and non-work commitments – often referred to as free time – and how we spend that time. But this is a simplified version. Science relies on other approaches.

Leisure, recreation and free time, as in many other sociological categories, show social inequality of people, different access and different opportunities to use the benefits they provide, and no one doubts that they are a type of social benefit. Employers reward their employees with leisure – whether in the form of holidays, weekends or time off – and the state strictly monitors the observance of such rights of citizens. Leisure is not awarded to anyone from above, it appears from below as a form of self-activity of the population, as an aspiration to express one's self in an active and most often useful for others form of labour, for example, handicrafts.

Free time is an invaluable capital of society, designed to preserve the physical abilities of the population, its demographic reproduction, to restore the forces spent at work or in the service, to help the spiritual development of people.

Historically, leisure was formed as a privilege of the upper class, and labour as a heavy duty of the lower class. Opportunities for leisure and the amount of free time expand as the amount of money in the family budget increases and working hours decrease. Opportunities to spend leisure time are influenced by gender, ethnicity, education,

socioeconomic status, and the institutions and systems that make up the leisure infrastructure (so-called third places).

One can be a leader of one's leisure time or a slave and an object of manipulation by the state. Leisure policy and leisure economy are the two most important areas of interest for the modern state. Leisure and tourism industry was born in the twentieth century during the transition to consumer society and received new forms in the era of information society. For leisure to become a social institution, it must be embedded in all the structures of post-industrial society, its culture and dynamics, use its opportunities and influence its future. Consumer society is inseparable from leisure society. As a social institution, leisure fulfils the basic needs of human society.

Keywords: leisure, free time, recreation, sociology of leisure, leisure practices, relaxation, recreation, catharsis.

References

1. Akimova L.A. *Sociology of leisure: a textbook for universities*. Moscow: MGUKI, 2003
2. Dulikov V.Z. *Leisure industry: towards interpretation of the concept // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, no. 3 (59), 2014, pp. 121–127.
3. Kiseleva T.G. *Leisure theory abroad*. Moscow: MGUK, 1992.
4. Klyusko E.M. *Current state of the categorical apparatus of leisure theory (based on foreign studies) // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, no. 1 (69), 2016, pp. 170–181.
5. Kravtsova O.A. *Leisure in the context of socio-cultural transformations // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*, no. 3 (16), 2013, pp. 84–88.
6. Mosalev B.G. *Leisure: methodology and methods of sociological research: Textbook. manual*. M.: Publishing house of Moscow state University of Culture, 1995.
7. Ponukalina O.V. *Leisure in the theoretical discourse of sociology: approaches to research // Bulletin of the Volga Region Institute of Management*. 2017. Vol. 17. No. 6. P. 83–89.
8. Prudensky G.A. *Problems of working and non-working time*. M.: Science, 1972.
9. Ryabkov V.M. *Problems of leisure in the legacy of Aristotle // Business. Education. Law*. 2019. No. 1 (46). P. 416–420.
10. Surova E.E., Vasilyeva M.A. *The phenomenon of handmade: a leisure project in modern culture // Observatory of Culture*. 2015. No. 6. P. 14–21.
11. Fablinova O.N. *Leisure as an object of study in Western sociological thought // Sociological almanac*. 2013. No. 4. P. 447–453.
12. Khodnev A. S. *“New” history of leisure as a research field // Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2011. Vol. 1. No. 1. P. 23–27.
13. Chernikov I.A. *Modern leisure: between freedom and consumption // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, no. 5 (91), 2019, pp. 111–120.
14. Sharkovskaya N.V. *The concept of “leisure” in the context of humanitarian discourse // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2014. No. 5 (61). pp. 100–106.
15. Adorno Theodor W. Free Time. In *The Culture Industry: Selected Essays on Mass Culture*, ed. Theodor W. Adorno and J.M. Bernstein. L.: Routledge, 1991, p.162–170.
16. Barton T., Jackson E. *Reviewing leisure studies: an organizing framework*. Venture Publishing, Inc., 1999.
17. Blackshaw T. *Leisure*. Abingdon: Routledge, 2010.
18. Clarke J., Critcher Ch. *Leisure and Inequality Sociology of Leisure*. London, 1994.
19. Grant C., Veal A.J., Zuzanek J. (eds.) *World Leisure Participation: Free Time in the Global Village*. Wallingford, 1996.
20. Dumazedier J *Sociology of Leisure*. Amsterdam: Elsevier, 1974.
21. Godbey G. *Leisure in Your Life: An Exploration*. State College, PA: Venture, 1999.
22. Haworth John T. (ed.) *Work, Leisure, and Well-Being*. Routledge, 1997.
23. Jackson E., Scott D. *Constraints to leisure*. Venture Publishing, Inc., 2005.
24. Kando Th. *Leisure and Popular Culture in Transition*. St. Louis: Mosby, 1980.
25. Kaplan M. *Leisure: Theory and Policy*. New York: Wiley, 1975.
26. Kay T. *Leisure, Gender, and Self in the Analysis of Family // World Leisure Journal*, 2003. 45:4–14.

27. Kelly John R. Freedom to Be: A New Sociology of Leisure. N.Y.: Macmillan, 1987.
28. Kelly John R. Leisure. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1990.
29. Linder S. The Harried Leisure Class. N.Y.: Columbia University Press. (1970)
30. Page S., Connell J. Leisure: an introduction. Harlow, Pearson, 2010
31. Parker Stanley R. The Sociology of Leisure. L.: George Allen & Unwin, 1976.
32. Pronovost G. The Sociology of Leisure // Current Sociology, 1998. 46:1–156.
33. Rojek C. Leisure Theory: Principles and Practice. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.
34. Shaw S.M. The Meaning of Leisure in Everyday Life // Leisure Sciences. 1985. № 7 (1). P. 1–24.
35. Stebbins Robert A. The Idea of Leisure: First Principles. NJ: Transaction, 2012.
36. Tobias A. Focus on Sociology of Leisure: From Theory to Daily Life // Revista Universitară de Sociologie 2020, 16 (1), 225–240.
37. Wynne D. Leisure, Lifestyle and the New Middle Class. L.: Routledge, 1998.

Эффективная SMM-стратегии для продвижения прикладной литературы: опыт и рекомендации для издательства «АСТ»

Микрюков Владимир Олегович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Финансового университета при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: vomikryukov@fa.ru

Данное исследование фокусируется на разработке результативных методов SMM-продвижения прикладной литературы, используя в качестве примера опыт издательства «АСТ». Современные тенденции развития медиaprостранства и трансформация потребительского поведения делают это исследование особенно значимым для издательской индустрии. В работе подчеркивается определяющая роль оригинального контента, точно соответствующего запросам и интересам конкретных читательских групп. Особое внимание уделяется многоформатному взаимодействию с аудиторией через видеоконтент и интерактивные механики. Постоянный анализ конкурентной среды и отслеживание ключевых показателей эффективности признаются необходимыми инструментами для своевременной оптимизации стратегии продвижения. Представленные в статье выводы направлены на достижение нескольких взаимосвязанных целей: повышение читательской вовлеченности, укрепление лояльности к бренду и рост коммерческих показателей. Практическое применение разработанных рекомендаций способно укрепить рыночные позиции издательства «АСТ» и обеспечить его адаптацию к меняющимся предпочтениям потребителей. Исследование проведено при поддержке Финансового университета при Правительстве РФ в рамках проекта по разработке SMM-стратегии для департамента прикладной литературы ООО «Издательство АСТ».

Ключевые слова: SMM-стратегия, вовлеченность аудитории, издательский бизнес, контент-маркетинг, прикладная литература, продвижение в медиа, социальные платформы, целевая аудитория.

Необходимость исследования эффективных подходов к SMM-продвижению прикладной литературы обусловлена фундаментальными изменениями в медиaprостранстве и их влиянием на поведение читателей. Социальные платформы превратились в основные каналы взаимодействия между издательскими домами и их аудиторией, предоставляя возможности не только для продвижения книжной продукции, но и для формирования активных читательских сообществ. В условиях насыщенного рынка прикладной литературы издательства, пренебрегающие возможностями социальных медиа или использующие их непрофессионально, рискуют утратить связь с аудиторией и не достичь намеченных показателей продаж. Поэтому разработка обоснованной SMM-стратегии становится критически важным фактором успеха современного издательства.

Исследование акцентирует внимание на важности создания уникального и ценного контента, соответствующего ожиданиям целевой аудитории. В эпоху информационного переизбытка пользователи становятся все более разборчивыми в выборе потребляемого контента. Это требует от издательств адаптации контентной политики с использованием разнообразных форматов, включая видеоматериалы, интерактивные элементы и образовательный контент. Такой подход не только стимулирует вовлеченность, но и способствует установлению доверительных отношений с читателями – ключевого фактора в формировании устойчивой лояльности к бренду.

Исследование конкурентной среды является фундаментальным компонентом в процессе формирования результативной SMM-стратегии [1]. Детальное изучение успешных кейсов других издательских домов открывает возможности для выявления и адаптации наиболее эффективных методик с учетом специфики собственной читательской аудитории. В современных условиях, характеризующихся непрерывной эволюцией алгоритмов социальных платформ и трансформацией пользовательских предпочтений, систематическое отслеживание и анализ ключевых показателей становятся критически важными инструментами для своевременной оптимизации стратегии и достижения поставленных бизнес-задач.

Значимость представленного исследования выходит за рамки разработки практических рекомендаций для издательства «АСТ» и заключается в формировании базовых принципов, применимых в масштабах всей издательской индустрии для компаний, стремящихся усилить свои рыночные позиции.

Следует особо отметить, что углубленное изучение SMM-стратегий в контексте продвижения прикладной литературы представляет собой стратегически важный шаг в направлении повышения конкурентоспособности издательского бизнеса. При учете специфических характеристик целевых групп и текущей рыночной динамики, имплементация предложенных методологических рекомендаций способна не только оптимизировать коммуникацию с читательской аудиторией, но и обеспечить существенный рост продаж.

В контексте непрерывного технологического прогресса и эволюции потребительского поведения, актуальность данного исследования будет демонстрировать

устойчивый рост, что подчеркивает необходимость непрерывного мониторинга и адаптации SMM-стратегий в современном издательском бизнесе.

Обзор литературы

Социальные медиа в современном издательском деле трансформировались из дополнительного инструмента в ключевой элемент маркетинговых стратегий. Практика демонстрирует, что применение социальных платформ позволяет издательским домам не только осуществлять продвижение книжной продукции, но и выстраивать многоуровневую коммуникацию с читательской аудиторией, создавая прочную основу для формирования бренд-сообщества. Как отмечает Д.А. Дмитриева в исследовании «Социальные медиа в издательском бизнесе на рубеже XX–XXI вв.» [2], развитие социальных связей между читателями естественным образом ведет к созданию тематических сообществ, объединенных общими интересами. При этом различные digital-инструменты издательства – от корпоративных блогов до тематических групп в социальных сетях – способствуют объединению людей со схожими увлечениями и предпочтениями [2, с. 319].

Результативные SMM-стратегии в современном издательском деле базируются на создании оригинального контента, точно соответствующего информационным потребностям целевой аудитории. В частности, использование видеоформатов для разъяснения сложных тем или организации образовательных онлайн-мероприятий демонстрирует значительное повышение пользовательской вовлеченности. Существенную роль играет также персонализированная коммуникация с аудиторией через различные каналы обратной связи, что способствует формированию устойчивых доверительных отношений и укреплению позиций бренда [3].

Комплексное исследование конкурентной среды представляет собой еще один критически важный аспект развития. Научные исследования подтверждают, что глубокий анализ успешных практик других участников рынка является ключевым фактором в разработке эффективной SMM-стратегии [4, с. 132]. Статистика показывает, что издательства, системно развивающие присутствие в социальных медиа, демонстрируют повышенные показатели пользовательской вовлеченности, что особенно заметно в контексте визуально ориентированного контента [5].

Методология исследования

В целях формирования эффективной SMM-стратегии для департамента прикладной литературы ООО «Издательство АСТ» была реализована многоступенчатая исследовательская программа, интегрирующая качественные и количественные методологические подходы. Исследование включало следующие ключевые этапы.

1. Сбор и анализ первичных данных: исследование текущего состояния SMM-активности компании проводилось посредством серии глубинных интервью с сотрудниками издательства (выборка составила 6 респондентов, период проведения – 31.10–02.11.2024), параллельно осуществлялась комплексная оценка действующих каналов продвижения. Интервью фокусировались на оценке существующей стратегии, эффективности используемых платформ и анализе контентной политики.

2. Исследование потребительских предпочтений: проведена серия полуструктурированных глубинных интервью с представителями читательской аудитории прикладной литературы (выборка – 19 респондентов, временной интервал – 03.11–09.12.2024). Данный этап по-

зволил детально изучить информационные потребности читателей, их оценку текущих маркетинговых подходов и выявить проблемные зоны во взаимодействии. На основании полученных данных был определен ключевой сегмент целевой аудитории, требующий приоритетного внимания маркетинговой команды издательства.

3. Контент-анализ: проведено комплексное исследование контента официальных представительств издательства «АСТ» в социальных медиа. Оценка включала такие параметры как периодичность публикаций, типологию контента (информационные материалы, рекламные интеграции, интерактивные форматы), показатели вовлеченности аудитории и другие метрики.

Целью проведенных исследований являлась разработка результативной SMM-стратегии для департамента прикладной литературы издательства «АСТ», основанной на всестороннем анализе текущей ситуации, изучении потребностей целевой аудитории и оценке эффективности существующего контента в социальных медиа.

Практическая значимость исследования заключается в создании научно обоснованной SMM-стратегии, направленной на повышение эффективности digital-продвижения, оптимизацию коммуникации с целевой аудиторией и увеличение пользовательской вовлеченности. Полученные результаты предоставляют маркетинговой команде инструментарий для более глубокого понимания читательских потребностей, адаптации контентной стратегии и оптимизации каналов продвижения, что в перспективе должно способствовать росту коммерческих показателей и укреплению позиций бренда издательства.

Авторский анализ полученных данных

На основе детального исследования текущей SMM-деятельности издательства «АСТ» можно выделить ряд существенных особенностей их digital-присутствия. При анализе основных социальных платформ издательства во Вконтакте и Телеграм обнаруживается профессиональный подход к ведению, однако присутствуют определенные зоны роста. В частности, периодичность публикаций не вполне соответствует современным трендам digital-маркетинга, что непосредственно отражается на показателях охвата и уровне пользовательской вовлеченности. Кроме того, анализ контентной составляющей выявил некоторое несоответствие между публикуемыми материалами и актуальными интересами целевых групп. Несмотря на преобладание информационного контента, метрики вовлеченности демонстрируют недостаточный уровень ценности для конечного пользователя, что приводит к снижению интерактивности аудитории с публикуемым контентом.

В результате проведенного исследования была сформирована обновленная SMM-концепция, ориентированная на оптимизацию коммуникации с целевыми группами и повышение эффективности продвижения прикладной литературы. Ключевые компоненты разработанной стратегии включают в себя следующее.

1. Детальное профилирование целевой аудитории.

В процессе исследования были определены основные сегменты потенциальных читателей. Учитывая высококонкурентную специфику издательского рынка, детальные данные о сегментации не подлежат публичному раскрытию по запросу издательства «АСТ».

2. Разработка комплексного контент-плана.

Структурированный контент-план выступает фундаментальным элементом результативной SMM-стратегии. Рекомендуемая контентная структура включает в себя:

а) образовательные материалы: информационно насыщенные публикации, практические рекомендации

по применению прикладной литературы. Например, материалы об интеграции методик тайм-менеджмента в учебный процесс;

б) видео-форматы: компактные обучающие ролики, экспертные интервью, записи образовательных вебинаров. Несмотря на высокую эффективность визуального контента в повышении пользовательской вовлеченности, данный формат используется издательством «АСТ» ограниченно, предположительно из-за ресурсоемкости производства;

в) интерактивные механики: опросы, тематические викторины, пользовательские конкурсы, способствующие активному взаимодействию внутри сообщества. Хотя подобные форматы периодически появляются, рекомендуется увеличить их частотность для усиления пользовательской вовлеченности;

г) экспертные обзоры: публикации с книжными рекомендациями, профессиональными рецензиями на новинки и читательскими отзывами, формирующие доверие к бренду и помогающие в выборе литературы.

3. Стратегический выбор платформ для SMM-активности.

Для достижения маркетинговых целей в социальных медиа критически важен грамотный выбор площадок продвижения. На основе анализа современного медиаландшафта можно выделить следующие приоритетные платформы.

1. ВКонтакте остается ключевой социальной сетью для российской аудитории, предоставляющей широкие возможности для создания и развития сообществ, распространения разнообразного контента и выстраивания коммуникации с пользователями. При этом текущая стратегия присутствия издательства требует оптимизации – целесообразно консолидировать активности в меньшем количестве сообществ во избежание распыления внимания целевой аудитории. Существенным фактором является то, что современные алгоритмы платформы отдают предпочтение контенту от личных аккаунтов, а не от групп, что необходимо учитывать при планировании публикаций.

2. Telegram демонстрирует устойчивый рост популярности среди российских пользователей и предлагает эффективные инструменты для создания тематических каналов и групп. Для максимизации результатов присутствия на этой платформе рекомендуется сфокусироваться на развитии единого качественного канала, обеспечивая регулярную публикацию релевантного контента и активное применение интерактивных механик (опросов, обсуждений). Такой подход позволит сформировать вовлеченное сообщество вокруг бренда и усилить рыночные позиции издательства.

4. Практическая имплементация стратегии.

Успешное воплощение SMM-стратегии базируется на следующих основополагающих элементах:

1) контент-менеджмент: необходимо обеспечить системное производство и размещение материалов согласно единому контент-плану под руководством назначенных ответственных лиц;

2) работа с аудиторией: построение диалога с подписчиками через различные каналы коммуникации (комментарии, директ-сообщения, опросы) для формирования лояльного комьюнити;

3) промо-активности: систематическое проведение стимулирующих мероприятий, включая конкурсы с призами в виде книжной продукции, для расширения базы подписчиков и поддержания их заинтересованности;

4) аналитика и адаптация: непрерывный мониторинг ключевых показателей эффективности SMM-активностей с последующей корректировкой контент-

ной стратегии и методов взаимодействия с целевыми группами.

5. Измерение результативности.

Для объективной оценки эффективности обновленной SMM-стратегии следует отслеживать следующие метрики:

1) охват: количественный показатель уникальных пользователей, познакомившихся с контентом;

2) вовлеченность: совокупность реакций аудитории (лайки, комментарии, репосты);

3) конверсионные действия: фиксация целевых действий пользователей (подписка на рассылку, переход в магазин, написание отзыва);

4) динамика роста аудитории: темпы прироста базы подписчиков;

5) качественный анализ обратной связи: мониторинг тональности и содержания пользовательских комментариев.

Рекомендуется использовать специализированные аналитические инструменты (LiveDune, Popsters и аналогичные сервисы) для сбора и анализа данных о поведении пользователей. Регулярное отслеживание этих метрик обеспечит возможность своевременной оптимизации стратегии в соответствии с меняющимися предпочтениями аудитории.

Заключение и общие выводы по исследованию

Формирование и имплементация результативной стратегии продвижения в социальных медиа для подразделения прикладной литературы издательского дома «АСТ» представляет собой ключевой элемент в усилении рыночных позиций и оптимизации коммуникации с потенциальными читателями. Принимая во внимание специфические характеристики прикладных изданий и разнообразие запросов целевых групп, обновленный подход должен фокусироваться на генерации качественного информационного наполнения, построении активного диалога с пользователями и грамотном использовании актуальных digital-площадок.

Проведенный комплексный анализ позволил идентифицировать основные направления совершенствования текущей стратегии социального медиа-маркетинга, включающие детальное профилирование целевой аудитории, структурированное планирование контента, тщательный подбор каналов коммуникации и внедрение системы оценки достигаемых результатов. Воплощение разработанных предложений создаст условия не только для роста пользовательской вовлеченности и формирования устойчивой приверженности бренду, но и обеспечит существенное увеличение объемов реализации прикладной литературы.

Особенно многообещающим представляется интеграция в обновленную стратегию продвижения передовых технологических решений, основанных на искусственном интеллекте и машинном обучении, в сочетании с углубленным изучением успешного опыта других участников рынка. Мы полагаем, что такой подход позволит выделить наиболее эффективные практики и адаптировать их с учетом особенностей деятельности издательства «АСТ», обеспечивая максимальную результативность маркетинговых усилий в социальных медиа.

Литература

1. Восканян, М.М. Разработка стратегии продвижения в социальных сетях для бизнеса по фреймворку SOSTAC / М.М. Восканян, С.Э. Галаванова, В.О. Ми-

крюков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 10–1. – С. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.

2. Дмитриева, Д.А. Социальные медиа в издательском бизнесе на рубеже XX–XXI вв. / Д.А. Дмитриева // Макушинские чтения. – 2012. – № 9. – С. 319–321.
3. Шрайберг, Я.Л. Книжный рынок в современном информационном пространстве: ожидаемые и неожиданные явления / Я.Л. Шрайберг // Буква и Цифра: библиотеки на пути к цифровизации: сборник докладов Четвертой научно-практической конференции «БиблиоПитер-2023», Санкт-Петербург, 05–07 апреля 2023 года. – Москва: Государственная публичная научно-техническая библиотека России, 2023. – С. 74–79. – DOI 10.33186/978–5–85638–267–8–74–79.
4. Рякина, Е.С. Маркетинговые исследования предпочтений потребителей услуг печати учебных изданий на примере ООО «Издательство «АВЕРС» / Е.С. Рякина // Знания молодых – будущее России: сборник статей XXII международной студенческой научной конференции, Киров, 03–05 апреля 2024 года. – Киров: Вятский государственный агротехнологический университет, 2024. – С. 130–134.
5. Стадникова, Н.В. Редакционно-издательский маркетинг: новые возможности и направления развития / Н.В. Стадникова // Традиции и инновации в массовой коммуникации: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 15 марта 2023 года / Ответственные редакторы В.В. Касьянов, Г.А. Абрамова. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. – С. 78–82.

EFFECTIVE SMM STRATEGIES FOR PROMOTING APPLIED LITERATURE: EXPERIENCE AND RECOMMENDATIONS FOR AST PUBLISHING HOUSE

Mikryukov V.O.

Financial University under the Government of the Russian Federation

This comprehensive research explores innovative approaches to social media marketing strategies in the publishing sector, specifically focusing on the promotion of applied literature through a detailed examination of AST Publishing House's practices. The study's significance is particularly pronounced in today's digital landscape, where social platforms increasingly shape and influence consumer purchasing decisions, necessitating publishing entities to evolve their marketing approaches in response to shifting market dynamics. Central to the research findings is the critical importance of developing distinctive, audience-centric content that authentically connects with readers' interests and preferences. The investigation highlights the transformative potential of diverse content formats, with special emphasis on video-based materials and interactive elements that foster meaningful audience engagement. The research methodology incorporates extensive competitive analysis and continuous

performance monitoring through key metrics, establishing these as fundamental components for strategic refinement and optimization. The insights derived from this investigation are designed to catalyze enhanced reader engagement metrics, strengthen brand loyalty indicators, and drive sustainable sales growth. The implementation framework provided offers AST Publishing House a robust roadmap for strengthening its market positioning while maintaining adaptability to evolving consumer preferences and behavioral patterns in the digital space. This research initiative was conducted with the support of the Financial University under the Government of the Russian Federation, specifically addressing the development of a comprehensive SMM strategy for AST Publishing House's Applied Literature Department, as commissioned by AST Publishing House. The findings presented here represent a synthesis of theoretical frameworks and practical applications, offering valuable insights for publishing industry professionals and digital marketing practitioners alike. The study's recommendations encompass both strategic planning elements and tactical execution guidelines, providing a holistic approach to social media presence optimization in the publishing sector. This research contributes to the growing body of knowledge regarding digital marketing strategies in traditional industries undergoing digital transformation, offering both theoretical insights and practical applications for industry professionals.

Keywords: SMM strategy, engagement, publishing business, content marketing, applied literature, promotion, social media, target audience.

References

1. Voskanyan, M.M. Developing a Social Media Promotion Strategy for Business Using the SOSTAC Framework / M.M. Voskanyan, S.E. Galavanova, V.O. Mikryukov // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2022. – Vol. 12, No. 10–1. – P. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.
2. Dmitrieva, D.A. Social Media in the Publishing Business at the Turn of the 20th and 21st Centuries / D.A. Dmitrieva // Makushin Readings. – 2012. – No. 9. – P. 319–321.
3. Shraiberg, Ya.L. The Book Market in the Modern Information Space: Expected and Unexpected Phenomena / Ya.L. Shraiberg // Letter and Number: Libraries on the Path to Digitalization: Collection of Papers of the Fourth Scientific and Practical Conference "BiblioPiter-2023", St. Petersburg, April 5–7, 2023. – Moscow: State Public Scientific and Technical Library of Russia, 2023. – Pp. 74–79. – DOI 10.33186/978–5–85638–267–8–74–79.
4. Ryakina, E.S. Marketing Research of Consumer Preferences for Printing Services of Educational Publications Using the Example of AVERS Publishing House LLC / E.S. Ryakina // Knowledge of the Young is the Future of Russia: collection of articles of the XXII international student scientific conference, Kirov, April 3–5, 2024. – Kirov: Vyatka State Agrotechnological University, 2024. – P. 130–134.
5. Stadnikova, N.V. Editorial and publishing marketing: new opportunities and directions of development / N.V. Stadnikova // Traditions and innovations in mass communication: Proceedings of the III All-Russian scientific and practical conference, Krasnodar, March 15, 2023 / Editors-in-chief V.V. Kasyanov, G.A. Abramova. – Krasnodar: Kuban State University, 2023. – P. 78–82.

Влияние цифровизации на поведение и этику молодежи

Рязанцева Маргарита Васильевна,

к.т.н., доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mvryazantseva@fa.ru

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни молодежи, которая практически с рождения приобретает цифровые компетенции и использует цифровые инструменты в повседневной жизни. На основе анализа российских и зарубежных публикаций, обобщены основные аспекты влияния цифровизации на молодежь: изменяется поведение молодежи, связанное с поиском информации; меняется характер социального поведения и характер межличностных связей молодежи; меняется система образования и образовательная среда; цифровые технологии оказывают влияние на моральные ценности молодежи и киберповедение, на социализацию молодежи и формирования навыков «цифрового гражданства».

Цель исследования заключалась в исследовании мнений студентов относительно влияний цифровизации на их поведение и нормы поведения посредством соцопроса. Проверка гипотез осуществлялась на основе статистического критерия Хи-квадрат. Обработка результатов соцопроса проводилась с помощью программного продукта SPSS. В результате исследования подтвердились все гипотезы исследования (о влиянии цифровизации на коммуникативные навыки молодежи, относительно готовности молодежи к цифровизации). По результатам исследования даны рекомендации о необходимости формирования норм поведения молодежи в цифровой среде и формированию цифровой культуры, например, относительно использования искусственного интеллекта в учебном процессе. Цифровые технологии могут ослаблять моральные границы, что может приводить к киберагрессии и другим видам морального и психологического вреда для молодежи. С целью сокращения разрыва между требуемыми и фактическими уровнями, необходима постоянная актуализация образовательных программ для развития цифровых навыков молодежи.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая культура, социальное взаимодействие, поведение молодежи, цифровая грамотность

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью повседневной жизни молодежи, которая практически с рождения приобретает цифровые компетенции и использует цифровые инструменты в повседневной жизни. Молодежь очень подкована в использовании цифровых технологий, но уровень цифровых компетенций различается среди представителей разных возрастов. В 2023 г. индекс цифровой грамотности молодежи в возрасте от 18 до 24 лет был ниже, чем в среднем у россиян (69 п.п. против 71 п.п.) (НАФИ) [1]. Цифровизация оказывает влияние не только на развитие навыков молодых людей, но и на их поведение. Эксперты отмечают неоднозначное влияние цифровизации на поведение и этику молодежи [2]. В связи с чем нами было проведено исследование влияния цифровизации на студентов Финансового университета.

Научный обзор. Проблема влияния цифровизации на молодежь достаточно широко освещена в научных исследованиях как российских, так и зарубежных ученых. Подробное исследование «эффектов влияния различных факторов (возрастно-поколенческих, индивидуально-личностных, социально-психологических, экономических, культурноисторических и др.) на показатели самозакрептивности и самодетерминации экономического поведения личностей с разными типами виртуальной идентичности представлено в работе Е.В. Камневой и др. [3].

Анализ российских и зарубежных публикаций позволил выделить следующие основные аспекты влияния цифровизации на молодежь.

Во-первых, цифровизация изменила поведение молодежи, связанное с поиском информации. В настоящее время поиск информации молодые люди предпочитают осуществлять в цифровой среде. Несмотря на потенциал публичных и научных библиотек, их возможности недостаточно используются молодыми людьми. Для привлечения молодежи в библиотеки используются цифровые инструменты и интерактивные возможности [4]. М.С. Яницкий поднимает проблему появления новой «цифровой культуры поведения молодежи в цифровой среде», которая определяется как общей информационной культурой личности, так и системой ценностных ориентаций и личностных смыслов индивида [5].

Во-вторых, цифровые технологии меняют характер социального поведения, характер межличностных связей молодежи, представляя новые возможности коммуникации, взаимодействия, возможности помогать другим и др. [6]. Эксперты отмечают умение молодежи использовать разнообразные виды коммуникации, эффективно сочетая онлайн и офлайн инструменты. Коммуникации в цифровой среде с одной стороны способствуют изучению социальных норм поведения, с другой стороны, формируют новые социальные нормы общения в цифровой среде. [7, с. 215.] Вместе с тем, новый тип опосредованного социального взаимодействия в цифровой среде, осуществляющийся по «бихевиористской схеме «стимул-реакция», не стимулирует молодых людей на установление глубокого взаимопонимания и «повышение уровня ситуационной осведомленности» [8]. Как отмечают эксперты, «цифровая социализация помогает молодежи адаптироваться к жизни и обществу, развивает их способности, учит более открытому и доверительному общению» [9].

В-третьих, в результате воздействия цифровизации меняется система образования и образовательная среда. Цифровизация в образовании представляет как проблемы, так и возможности. С одной стороны, цифровые технологии позволяют создавать альтернативные образовательные цифровые системы (например, онлайн образование), использовать возможности геймификации, что в свою очередь стимулирует интеллектуальное развитие молодежи. Социальные сети способствуют развитию навыков командной работы. С другой стороны, некоторые технологии, например, искусственный интеллект (далее ИИ), могут препятствовать развитию когнитивных способностей и критического мышления молодежи [8]. Необходима дальнейшая трансформация образования, поскольку до сих пор, по мнению экспертов, сохраняется разрыв «между уровнем цифровых навыков, требуемым на рынке труда, и фактическим уровнем цифровых навыков как у населения в целом, так и у молодежи» [10].

В-четвертых, цифровые технологии оказывают влияние на моральные ценности молодежи и киберповедение. Эксперты отмечают, что цифровая среда может бросать вызов традиционным моральным нормам, и молодежь в цифровой среде иногда занимается киберагрессией. Наличие подобных поведенческих моделей подтверждает необходимость «цифрового культурного образования», обучения молодежи техникам саморегуляции и этическому поведению в цифровой среде [9].

В-пятых, цифровизация оказывает влияние на социализацию молодежи и формирование навыков «цифрового гражданства». Цифровая социализация является неотъемлемой частью развития современной молодежи, помогая подросткам адаптироваться к социальным нормам посредством онлайн-общения. Интернет способствует открытому и доверительному общению, способствуя быстрой социально-психологической адаптации. Однако необходимо прививать навыки «цифрового гражданства», чтобы подготовить молодежь к ответственному участию в цифровом обществе. По мнению экспертов, необходимо воспитывать у молодых людей образцы нравственного поведения в сети, готовить их к встрече с проблемами кибермошенничества, побуждать к гражданской активности в сети [8, 9, 11].

Методология

В процессе исследования использованы методы системного анализа, синтеза, онлайн-анкетирования, мета-анализа.

Гипотезы исследования.

1. Цифровизация меняет характер социального поведения и характер межличностного общения молодежи: доминирующей целью общения становится обмен информацией, а не установление взаимопонимания.
 2. Современная молодежь готова к цифровизации в техническом, психологическом, правовом, морально-этическом плане.
 3. Молодые люди считают этичным использование искусственного интеллекта в образовательной среде.
- Проверка гипотез осуществлялась с помощью статистического критерия Хи-квадрат. Для подтверждения гипотез были использованы результаты соцопроса, проведенного среди студентов Финансового университета. Обработка результатов соцопроса проводилась с помощью программного продукта SPSS.

Результаты исследования. С целью анализа влияния цифровизации на поведение студентов, в январе 2025 г. было проведено пилотное исследование среди студен-

тов Финансового университета. Опрос проводился онлайн, с помощью Google forms.

Для отбора респондентов была использована «удобная выборка», что безусловно оказывало влияние на результаты исследования [13]. С целью нивелирования недостатков исследования посредством использования «удобной выборки», было выполнено сравнение результатов двух опросов студентов: авторского, среди студентов Финансового университета (далее – ФУ), и опроса, проведенного в 2019 г. среди студентов Уральского университета (далее – УУ) [12]. При планировании опроса, в анкету было включено несколько идентичных вопросов, с тем чтобы в последствии можно было сравнить результаты и тем самым повысить достоверность выводов.

В таблице 1 представлены данные о респондентах, принявших участие в авторском исследовании и в опросе, проведенном в Уральском университете. Как можно увидеть из табл. 1, данные по респондентам сопоставимы.

Таблица 1. Общие характеристики выборок

№	Показатель выборки	Финансовый университет (ФУ)	Уральский университет (УУ)
1	Размер выборки	77	75
2	Возраст до 30 лет, в %	100	100
3	Студенты, в %	100	50,9
4	Мужчины, в %	54,5	31,6

Источник: составлено авторами.

В начале обсудим результаты опроса, выполненного среди студентов Финансового университета.

В целом, респонденты отмечают сильное влияние цифровизации на молодежь (среднее значение = 4,58 из 5): по мнению 66% респондентов это влияние очень сильное, и никто из респондентов не указал на отсутствие или слабое влияние цифровизации на молодежь.

Оценивая уровень готовности молодежи к цифровизации, студенты отмечают высокий уровень готовности: в техническом плане (74% опрошенных); по уровню необходимых навыков (71,4%); по уровню психологической готовности (49%). Одновременно с этим, респонденты отмечают низкий уровень правовой и морально-этической готовности молодежи к цифровым изменениям (23,4 и 24,7% соответственно). Интересно, что уровень готовности общества к цифровизации в техническом плане студенты оценивают ниже, чем уровень готовности молодежи (49,4% против 74%). Представляется, что данный аспект нуждается в более глубоком изучении.

При проведении научного обзора, нами отмечалось влияние цифровизации на изменение социального взаимодействия и межличностные коммуникации студентов. Поэтому естественно было включить в опрос вопросы, относительно влияния цифровизации на коммуникации.

Оценивая значимость навыков для цифрового общества, в качестве наиболее важных студенты выделили такие как гибкость (адаптивность) (62%), умение учиться (37,7%) и цифровая грамотность (37,7%). Наименее значимыми оказались такие как умение работать в команде, эмпатия, умение общаться. Этот аспект также, на наш взгляд, заслуживает более детального изучения. По мнению экспертов, в условиях глобализации навыки межкультурной коммуникации, умение работать в команде сохраняют свою актуальность и в условиях цифрового общества, внедрения технологий ИИ [14, 15].

Наиболее значимое влияние, по мнению участвовавших в опросе студентов, цифровизация оказывает на коммуникативную сторону межличностного общения, под которой понимается «обмен информацией, способность оказывать психологическое влияние друг на друга». Это аспект выделили 57,1% респондентов. В меньшей степени цифровизация способствует установлению взаимопонимания [8]. Позитивное влияние цифровизации на установление взаимопонимания выделили лишь 11,7% респондентов.

По мнению большинства респондентов, цифровизация оказывает «положительное» или «в большей степени положительное» влияние на личность молодого человека в психологическом плане (62,4%). Примерами позитивного влияния цифровизации на поведение молодежи являются: рост социальной активности (51%), расширение возможностей проведения досуга (49,4%), расширение социальных контактов (45,5%). Уровень готовности нашего общества к активному использованию возможности цифровизации респонденты оценили выше среднего (среднее значение 3,88 из 5). Отрицательное влияние цифровизации на молодежь проявляется в росте уровня стресса (49,4%), возможности мошенничества в цифровой среде (70,1%).

В приведенном выше научном обзоре уже отмечалось влияние цифровизации на образование. Одним из примеров такого влияния является ИИ. По данным нашего опроса, более 90% респондентов используют в учебном процессе ИИ, при этом 76,6% опрошенных

считают использование технологий ИИ этичным. При этом молодые люди осознают умеренное влияние ИИ на когнитивные способности человека (речь, мышление, внимание, память, способность к обучению) (средняя оценка влияния ИИ на когнитивные способности человека составила 3,79 из 5). Молодые люди (76% респондентов) считают этичным использование ИИ в учебном процессе, что подтвердило нашу гипотезу и подтверждает необходимость принятия мер по формированию цифровой культуры и норм поведения в цифровой среде.

В соответствии с дизайном исследования и для нивелирования недостатков «удобной выборки», было выполнено сравнение результатов двух опросов студентов: авторского, среди студентов Финансового университета, и опроса, проведенного в 2019 г. среди студентов Уральского университета [12]. Сравнение результатов проводилось с помощью критерия Хи-квадрат.

Результаты сравнительного анализа мнений студентов с помощью критерия Хи-квадрат показывают, что студентами, опрошенными в 2019 и в 2014 гг. по-разному оценивается степень влияния цифровизации на молодежь и на необходимые в условиях цифровизации навыки (как видно из таблицы 2, различия статистически значимы). В то же время отсутствуют статистически значимые различия в отношении оценок степени готовности молодежи к цифровизации и влияния на цифровизации на общение молодежи (различия между выборками статистически не значимы).

Таблица 2. Сравнение наличия статистически значимых различий между мнениями студентов ФУ и УУ

№	Вопрос	Значение критерия Хи-квадрат	Хи-квадрат критическое	Значение p	Уровень значимости различий
1	Степень влияния цифровизации на поведение молодежи	8,263	6,635	0,01	различия значимы
2	Интегральная степень готовности молодежи к цифровизации по разным аспектам (техническая, психологическая)	0,881	3,841	0,348	различия не значимы
3	Влияние цифровизации на общение	3,431	3,841	0,064	различия не значимы
4	Влияние цифровизации на навыки	21,502	6,635	0,01	различия значимы

Источник: составлено авторами.

Заключение

Цифровизация оказывает глубокое влияние на поведение молодежи, влияя на их привычки поиска информации, социальные навыки, образовательный опыт, социализацию и моральные ценности. Хотя цифровизация предлагает новые возможности для роста и обучения, она также создает проблемы, требующие тщательного рассмотрения и целевых образовательных стратегий для расширения возможностей для молодого поколения.

В результате исследования подтвердились все гипотезы исследования (о влиянии цифровизации на коммуникативные навыки молодежи, относительно готовности молодежи к цифровизации).

Исследование продемонстрировало неоднозначное влияние цифровизации на поведение и этику молодежи. С одной стороны, цифровая среда расширяет возможности трудоустройства молодежи, способствует социальной адаптации, росту гражданской и политической

активности. Цифровые технологии удобны для обучения, постановки целей, самоконтроля, помогают формировать более здоровые привычки пищевого поведения и физической активности, являются относительно недорогим способом проведения оздоровительных мероприятий [16]. С другой стороны, цифровые технологии могут быть опасными для психического здоровья молодых людей, отрывая их от социальных связей, повышают риски мошенничества и обмана [17].

Представляется необходимым формирование норм поведения в цифровой среде и формирование цифровой культуры населения, например, относительно использования ИИ в учебном процессе. Цифровые технологии могут ослаблять моральные границы, что может приводит к киберагрессии и другим видам морального и психологического вреда для молодежи [18]. С целью сокращения разрыва между требуемыми и фактическими уровнями, необходима постоянная актуализация образовательных программ для развития цифровых навыков молодежи.

Полученные результаты показывают необходимость дальнейших эмпирических исследований данной проблемы, поскольку цифровизация и ее влияние на пове-

дение и этику молодежи связаны со множеством происходящих изменений: изменениями в технологиях, в цифровой культуре общества, степени развития навыков, потребностями рынка труда и др.

Литература

1. Индекс цифровой грамотности-2023: в России стало немного больше людей с продвинутым уровнем цифровых компетенций. Текст: электронный // Сайт Аналитического центра НАФИ – URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyrosla-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/> (дата обращения: 13.01.2025).
2. Shilko, R., Egorov, S., & Zinchenko, Y. (2021). Digitalization of education and mental health. *European Psychiatry*, 64, S. 349–S350. <https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2021.937>.
3. Поведение личности в цифровой экономике: учебник / Е.В. Камнева, М.В. Клементьева, Н.С. Пряжников [и др.] / Под редакцией Е.В. Камневой. – Москва: Прометей, 2024. – 278 с.
4. Dresang, E. (2005). Access: The Information-Seeking Behavior of Youth in the Digital Environment. *Library Trends*, 54, 178–196. <https://doi.org/10.1353/lib.2006.0015>.
5. Яницкий, М.С. Поведение учащейся молодежи в цифровой среде: к проблеме формирования информационно-культурной культуры и системы ценностно-смысловой регуляции // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 4 (20). С. 90–97.
6. Armstrong-Carter, E., & Telzer, E. (2021). Advancing Measurement and Research on Youths' Prosocial Behavior in the Digital Age. *Child Development Perspectives*, 15, 31–36. <https://doi.org/10.1111/CDEP.12396>.
7. Тишкова, А.С. Особенности цифровой социализации современной молодежи: теоретический экскурс // Человеческий капитал. 2023. № 12(180). Часть 1. С. 212–218.
8. Gromyko, Y., & Громько, Ю. (2023). Cultural-Historical Psychology of Mastering Activity and Alternatives to Digitalization. *Cultural-Historical Psychology*. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190204>.
9. Maon, S., Ali, S., Azizam, N., & Omar, E. (2023). Youth Digital Technology Attitudes. *Advances in Social Sciences Research Journal*. <https://doi.org/10.14738/assrj.106.2.15018>.
10. Peláez, A., Erro-Garcés, A., & Ciriano, E. (2020). Young people, social workers and social work education: the role of digital skills. *Social Work Education*, 39, 825–842. <https://doi.org/10.1080/02615479.2020.1795110>.
11. Jones, L., & Mitchell, K. (2016). Defining and measuring youth digital citizenship. *New Media & Society*, 18, 2063–2079. <https://doi.org/10.1177/1461444815577797>.
12. Ермолаева, С.Г., Колушев, И.Д., Ежов, Д.М., Мартюшев, А.И. Цифровизация глазами студентов: психологический и этический аспекты. // II Международная конференция «Цифровая трансформация общества, экономики, менеджмента и образования». Материалы конференции. 2020. С. 31–38.
13. McCombes Sh. Sampling Methods | Types, Techniques & Examples. Текст: электронный // Сайт Scribbr – URL: <https://www.scribbr.com/methodology/sampling-methods/> (дата обращения: 04.01.2025).
14. Ryazantseva, M.V., Yakushova, E.S., Chernyaeva, I.V. (2023). Cross-Cultural Communication as a Key Competence in Potential Development of Decision Makers and Managers. In: Maximova, S.G. (eds) *Complex Social Systems in Dynamic Environments. Lecture Notes in Networks and Systems*, vol 365. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-23856-7_23.
15. Future of Jobs Report 2025. Текст: электронный // Сайт Всемирного экономического форума – URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/> (дата обращения: 10.01.2025).
16. Rose, T., Barker, M., Jacob, C., Morrison, L., Lawrence, W., Strömmer, S., Vogel, C., Woods-Townsend, K., Farrell, D., Inskip, H., & Baird, J. (2017). A Systematic Review of Digital Interventions for Improving the Diet and Physical Activity Behaviors of Adolescents. *The Journal of adolescent health: official publication of the Society for Adolescent Medicine*, 61 6, 669–677. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.05.024>.
17. Kravchenko, S. (2020). The Digitalization of Socium: Its Side Effects on the Socialization of the Young People. *Social Science Research Network*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3518317>.
18. Martynova, M., & Bachkova, I. (2023). Transformation of youth moral values in the fiels of digital communication. *Primo aspectu*. <https://doi.org/10.35211/2500-2635-2023-3-55-55-64>.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON YOUTH BEHAVIOR AND ETHICS

Ryazantseva M.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Digital technologies have become an integral part of the daily lives of young people, who acquire digital competencies almost from birth and use digital tools in their daily lives. Based on the analysis of Russian and foreign publications, the main aspects of the impact of digitalization on young people are summarized: the behavior of young people related to information search is changing; the nature of social behavior and the nature of interpersonal relationships of young people is changing; the education system and the educational environment are changing.; digital technologies have an impact on the moral values of youth and cyber behavior, on the socialization of youth and the formation of skills of “digital citizenship”.

The purpose of the article was to study students' opinions on the effects of digitalization on their behavior and norms of behavior through an opinion poll. The hypotheses were tested on the basis of the Chi-square statistical criterion. The results of the survey were processed using the SPSS software product. As a result of the study, all the hypotheses were confirmed (about the impact of digitalization on the communication skills of young people, regarding the readiness of young people for digitalization). Based on the results of the survey, recommendations are given on the need to form norms of youth behavior in the digital environment and the formation of digital culture, for example, regarding the use of AI in the educational process. Digital technologies can weaken moral boundaries, which can lead to cyber aggression and other types of moral and psychological harm to young people. In order to reduce the gap between required and actual levels, it is necessary to constantly update educational programs for the development of digital skills of young people.

Keywords: digitalization, digital culture, social interaction, youth behavior, digital literacy.

References

1. Digital Literacy Index-2023: There Are Slightly More People with Advanced Level of Digital Competencies in Russia. Text: electronic // Website of the NAFI Analytical Center – URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyrosla-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/> (date of access: 13.01.2025).
2. Shilko, R., Egorov, S., & Zinchenko, Y. (2021). Digitalization of education and mental health. *European Psychiatry*, 64, S. 349–350. <https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2021.937>.
3. Personal behavior in the digital economy: textbook / E.V. Kamneva, M.V. Klementyeva, N.S. Pryazhnikov [et al.] / Edited by E.V. Kamneva. – Moscow: Prometheus, 2024. – 278 p.

4. Dresang, E. (2005). Access: The Information-Seeking Behavior of Youth in the Digital Environment. *Library Trends*, 54, 178–196. <https://doi.org/10.1353/lib.2006.0015>.
5. Yanitsky, M.S. Behavior of young students in the digital environment: on the problem of forming an information culture and a system of value-semantic regulation // *Theory and practice of social and humanitarian sciences*. 2022. No. 4 (20). P. 90–97.
6. Armstrong-Carter, E., & Telzer, E. (2021). Advancing Measurement and Research on Youths' Prosocial Behavior in the Digital Age. *Child Development Perspectives*, 15, 31–36. <https://doi.org/10.1111/CDEP.12396>.
7. Tishkova, A.S. Features of digital socialization of modern youth: a theoretical excursion // *Human capital*. 2023. No. 12(180). Part 1. P. 212–218.
8. Gromyko, Y., & Gromyko, Yu. (2023). Cultural-Historical Psychology of Mastering Activity and Alternatives to Digitalization. *Cultural-Historical Psychology*. <https://doi.org/10.17759/chp.2023190204>.
9. Maon, S., Ali, S., Azizam, N., & Omar, E. (2023). Youth Digital Technology Attitudes. *Advances in Social Sciences Research Journal*. <https://doi.org/10.14738/assrj.106.2.15018>.
10. Peláez, A., Erro-Garcés, A., & Ciriano, E. (2020). Young people, social workers and social work education: the role of digital skills. *Social Work Education*, 39, 825–842. <https://doi.org/10.1080/02615479.2020.1795110>.
11. Jones, L., & Mitchell, K. (2016). Defining and measuring youth digital citizenship. *New Media & Society*, 18, 2063–2079. <https://doi.org/10.1177/1461444815577797>.
12. Ermolaeva, S.G., Kolushev, I.D., Ezhov, D.M., Martyushev, A.I. Digitalization through the eyes of students: psychological and ethical aspects. // II International Conference “Digital Transformation of Society, Economy, Management and Education”. Conference Proceedings. 2020. Pp. 31–38.
13. McCombes Sh. Sampling Methods | Types, Techniques & Examples. Text: electronic // Scribbr website – URL: <https://www.scribbr.com/methodology/sampling-methods/> (accessed: 04.01.2025).
14. Ryazantseva, M.V., Yakushova, E.S., Chernyaeva, I.V. (2023). Cross-Cultural Communication as a Key Competence in Potential Development of Decision Makers and Managers. In: Maximova, S.G. (eds) *Complex Social Systems in Dynamic Environments*. Lecture Notes in Networks and Systems, vol 365. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-23856-7_23.
15. Future of Jobs Report 2025. Text: electronic // World Economic Forum website. – URL: <https://www.weforum.org/publications/the-future-of-jobs-report-2025/> (date of access: 10.01.2025).
16. Rose, T., Barker, M., Jacob, C., Morrison, L., Lawrence, W., Strömmer, S., Vogel, C., Woods-Townsend, K., Farrell, D., Inskip, H., & Baird, J. (2017). A Systematic Review of Digital Interventions for Improving the Diet and Physical Activity Behaviors of Adolescents. *The Journal of adolescent health: official publication of the Society for Adolescent Medicine*, 61 6, 669–677. <https://doi.org/10.1016/j.jadohealth.2017.05.024>.
17. Kravchenko, S. (2020). The Digitalization of Socium: Its Side Effects on the Socialization of the Young People. *Social Science Research Network*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3518317>.
18. Martynova, M., & Bachkova, I. (2023). Transformation of youth moral values in the fields of digital communication. *Primo aspectu*. <https://doi.org/10.35211/2500-2635-2023-3-55-55-64>.

Сравнительное исследование образа женщины в китайских и российских новостях о домашнем насилии

Чжан Ифэй,

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: zhangyifei721@gmail.com

Малаховский Алексей Кимович,

к.и.н., доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: malakhovskiy-ak@pfur.ru

Статья представляет собой сравнительный анализ того, как женщины изображаются в китайских и российских новостных статьях о домашнем насилии, с акцентом на культурные и социальные аспекты освещения этой проблемы. Насилие в семье – серьезная социальная проблема, представляющая угрозу благополучию и безопасности общества. Китай и Россия демонстрируют различные культурные традиции и ожидания общества, которые проявляются в том, как средства массовой информации изображают женщин, подвергшихся домашнему насилию. Китайские СМИ в основном придерживаются традиционных ролей, в которых женщина изображается как беспомощная жертва, нуждающаяся в помощи и поддержке извне. Это убеждение связано с давними семейными ценностями и понятием гармонии, которое рассматривает терпимость как желаемое качество. В отличие от российских СМИ, которые часто представляют женщин в более независимом свете, российские СМИ часто подчеркивают их решимость бороться за свои права и важность социальных и правовых институтов для обеспечения защиты.

В статье проводится контент-анализ отчетов, в которых рассматриваются визуальные образы женщин-жертв, боевиков и их общественное значение. Платформы Sina и rarep широко используются в китайских СМИ, а материалы Forbes и других изданий рассматриваются в российском контексте. Результаты исследования показали, что китайские новости, как правило, подчеркивают уязвимость женщин и их зависимость от защиты, в то время как российские репортажи часто изображают женщин как сильных личностей, что может отражать современное внимание российского общества к правам личности. Результаты исследования свидетельствуют о том, что восприятие женщин в ситуациях насилия в значительной степени зависит от национальных особенностей. Полученные результаты подчеркивают важность различных методов, используемых для изображения женщин в средствах массовой информации, поскольку они играют решающую роль в повышении осведомленности общественности о насилии в отношении женщин и влиянии культурных различий на представления общества о гендерных ролях.

Ключевые слова: домашнее насилие, образ женщины, медиапространство, культурные различия, Китай, Россия, социальные установки, гендерные роли, общественное восприятие, семейные ценности.

Насилие в семье – это широко распространенная социальная проблема, которая не только наносит серьезный психологический и физический ущерб жертвам, но и ставит под угрозу благополучие и безопасность всего общества. То, как СМИ освещают насилие в семье, существенно влияет на то, как широкая общественность воспринимает эту проблему. Будучи странами с различными культурными традициями, Китай и Россия демонстрируют заметные различия в социальных установках, соответствующей политике и подходах к повышению осведомленности о насилии в семье. Поэтому исследование того, как изображение женщин-жертв в средствах массовой информации двух стран способствует пониманию гендерных ролей в различных социальных условиях, имеет большое значение.

В последние годы количество исследований, посвященных гендерному аспекту в сообщениях о бытовом насилии, постепенно растет. Теоретически изображение женщин в сообщениях о бытовом насилии можно проанализировать через призму «точки зрения жертвы», которая предполагает, что женщины обычно изображаются как жертвы, в то время как мужчины часто изображаются как преступники. В дополнение к новостным сообщениям, общественное восприятие «обвинения жертв» или «уязвимости женщин» также может влиять на взгляды людей на женщин. Предыдущие исследования показали, что китайские СМИ часто подчеркивают традиционные семейные ценности, в то время как российские СМИ чаще используют политический анализ в своих новостных сообщениях. Различия в культурном и социальном происхождении могут привести к существенным изменениям в изображении женщин в новостных сообщениях, посвященных насилию в семье.

В своей статье [1] Саламова рассмотрела общие характеристики бытового насилия в современной России, уделив особое внимание причинам, формам и универсальности насилия в обществе. Она подчеркнула, что культурные нормы российского общества и важность сохранения конфиденциальности семейной жизни препятствуют обмену информацией о проблемах домашнего насилия и их разрешению. В статье также подчеркивались ограничения политики и социальных служб в предоставлении помощи жертвам.

Лефтеров и Вакулич [2] исследовали черты характера женщин, подвергающихся домашнему насилию, уделяя особое внимание их психологической реакции и действиям при столкновении с насильником. В статье утверждается, что виктимное поведение женщин может быть связано с психологической травмой, и в некоторых случаях они проявляют «послушание» или «терпимость». Это психическое состояние влияет на их способность избегать насилия.

«Родина и.В.» [3] рассмотрела проблему домашнего насилия через призму феминизма и исследовала проблемы формирования женской идентичности в контексте домашнего насилия. Она утверждает, что столкновение традиционных и современных гендерных представлений ставит женщин в сложное положение, когда они одновременно воспринимаются как беспомощные жертвы и должны проявлять независимость в борьбе с на-

силием. Такие противоречия не только распространены в обществе, но и очевидны в сообщениях средств массовой информации.

В статье [4] анализируется распространенность обвинений жертв в российских СМИ и выясняется, что в некоторых случаях бытового насилия СМИ предлагают жертве разделить некоторую ответственность за насилие, которому она подверглась. Такой тип рассказывания историй ложится тяжелым бременем на плечи жертв, влияет на восприятие женщин и уменьшает сочувствие общественности к тем, кто подвергся насилию.

Казун и его коллеги [5] изучили стратегию, используемую российскими СМИ для освещения проблемы домашнего насилия, проанализировали, как СМИ преуменьшают серьезность насилия и рационализируют агрессивное поведение с помощью нарративов. Например, средства массовой информации могут воспринимать насилие как «обычную ссору» между супругами или романтизировать «любовь и ненависть» в отношениях, связанных с насилием. Повышая осведомленность о насилии в семье, общество становится более устойчивым и менее восприимчивым к его пагубным последствиям.

Китайцева [6] проанализировала изображение домашнего насилия в российских СМИ и отметила, что СМИ часто представляют женщин в стереотипных ролях, либо как жертв, либо как слабых личностей. Она утверждает, что это упрощенное повествование упускает из виду различные факторы, способствующие домашнему насилию.

Рудь [7] проанализировал текущую ситуацию и проблемы, связанные с домашним насилием в России, и высказал предположение о необходимости совершенствования систем правовой и социальной поддержки для защиты жертв домашнего насилия. Она утверждает, что существующая социальная структура и правовая система не позволяют должным образом устранить первопричины насилия, и изображение женщин в сообщениях средств массовой информации также сыграло определенную роль в определении уровня осведомленности общественности по этому вопросу.

В статье [8] обсуждается правовая база Китая по борьбе с насилием в семье и рассматриваются пробелы в действующем законодательстве. Автор отмечает, что семейные ценности в традиционной китайской культуре формируют отношение людей к насилию в семье, а в действующей правовой системе отсутствуют эффективные меры по предотвращению, контролю и защите от насилия в семье.

В статье [9] исследуется правовая база, связанная с насилием в семье в Китае, особое внимание уделяется определению ответственности и ограничениям закона в защите прав и благополучия членов семьи. Автор предлагает внести изменения в законодательство для повышения эффективности мер по защите жертв.

Глушков [10] проанализировал противоположные подходы России и Китая к решению проблемы домашнего насилия. Он проанализировал политическое и культурное отношение к домашнему насилию в обеих странах, предложив различные эффективные меры и подчеркнув плюсы и минусы подхода каждой страны к решению этой проблемы.

В статье [11] исследуется законодательный процесс в Китае, касающийся борьбы с насилием в семье, оценивается эффективность и ограничения существующих законов. Автор утверждает, что, несмотря на прогресс в законодательстве, направленном на защиту жертв бытового насилия, преобладающие представления о семье

и неадекватное правоприменение по-прежнему препятствуют достижению законодательных целей.

В этом исследовании используется подход контент-анализа, в качестве выборки используются новостные сообщения о домашнем насилии в Китае и России. В качестве источников для этого исследования были использованы китайские Sina и The Paper, а также российский новостной сайт Forbes. Основное внимание в контент-анализе уделяется изображению женщин в отчете, в частности, рассматривается, изображены ли они в качестве беспомощных жертв, активных повстанцев или в других ролях.

В публикуемых Forbes статьях о случаях домашнего насилия в России женщины предстают в трагической и беспомощной форме, а также проливают свет на реакцию общественности на эти случаи и проблемы, с которыми сталкиваются жертвы.

В статье, посвященной смерти солистки группы ипа Анастасии Котовой [12], освещается трагизм ситуации, когда женщина становится жертвой из-за неспособности защитить себя от насилия со стороны близкого мужчины. Они подчеркивают, что солистку убил ее бойфренд, подчеркивая насилие, с которым сталкиваются женщины в таких обстоятельствах, и недостаточные правовые гарантии. Судебное решение, вынесенное ответчику, подчеркивает масштаб проблемы и служит примером того, как эти преступления либо остаются незамеченными, либо подвергаются недостаточному наказанию.

Лия Заурбекова, еще одна жертва домашнего насилия, делится своим опытом ухода из семьи и необходимостью эмиграции из России, подчеркивая «безнадежность» и незащищенность женщин в подобных обстоятельствах. Ее слова и обращение наполнены одновременно страхом и решимостью, поскольку она выражает свою непоколебимую решимость избежать насилия, даже если для этого придется покинуть родную страну. Своим обращением Лия стремится дать возможность высказаться другим женщинам, демонстрируя, как социальные нормы и культурные установки часто приводят к замалчиванию этих проблем.

В статье обсуждается решение суда в отношении мужчины, которому было предъявлено обвинение в убийстве Котовой [14], подчеркивается тяжесть преступления и реакция общественности на мягкость наказания. Фраза «приговорен к восьми годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима» вызывает общественный резонанс, указывая на то, что наказание за преступления против женщин, часто совершаемые в условиях домашнего насилия, не соответствует тяжести преступления. Фраза «приговорен к восьми годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима» вызывает общественный резонанс, указывая на то, что наказание за преступления против женщин, часто совершаемые в условиях домашнего насилия, не соответствует тяжести преступления. Это подчеркивает уязвимость женщин и неэффективность правосудия в обеспечении их благополучия.

Следовательно, в этих статьях женщина изображается как жертва, которая вынуждена самостоятельно противостоять насилию и сталкивается с социальной и правовой неэффективностью.

В статьях о домашнем насилии на китайских веб-сайтах, таких как Sina и the newspaper, образ женщины, подвергающейся жестокому обращению, часто показывается в контексте ее слабости, борьбы и общества, в котором она живет.

В статье [15] на веб-сайте sina рассказывается история женщины, ставшей жертвой домашнего насилия, рассказывается о ее постоянных попытках сбежать

от своего обидчика, которые, к сожалению, не получают должного ответа от властей и других лиц. Это изображение иллюстрирует ситуацию, когда жертвам приходится не только терпеть насилие, но и сталкиваться с препятствиями в своем стремлении к справедливости. В статье приводится цитата, подчеркивающая ее точку зрения: «несмотря на доказательства, полиция медлила с задержанием ее мужа», что проливает свет на запутанные обстоятельства, связанные с жертвами, и недостаточную юридическую помощь, которую они получили.

Согласно статье на веб-сайте газеты [16], был случай с женщиной, которая подверглась насилию и в результате решила отомстить виновному. Это повествование подчеркивает внутреннее смятение и борьбу за выживание, с которыми сталкивается женщина, когда она решает противостоять своему обидчику, даже если для этого приходится идти на личные жертвы. Она изображена как человек, оказавшийся в трудной жизненной ситуации и вынужденный самостоятельно защищать себя, что подчеркивает ее стойкость, но также проливает свет на несправедливость ее обстоятельств.

В обеих статьях изображена женщина, которая, с одной стороны, является жертвой, а с другой – борцом за свою жизнь и достоинство, что вызывает сочувствие и усиливает потребность в социальной поддержке и соответствующих правовых реформах.

В новостных сообщениях Китая женщины часто изображаются как «жертвы» или «беспомощные», подчеркивая их болезненные переживания из-за насилия. Эти сообщения, как правило, укрепляют образ женщин как «слабых». Хотя в последние годы некоторые китайские СМИ начали поддерживать права женщин, в целом в новостях о домашнем насилии в Китае женщины по-прежнему изображаются как уязвимые личности, нуждающиеся во внешней помощи.

В отличие от этого, представление женщин в российских СМИ более разнообразно. В некоторых репортажах женщины изображаются как мужественные личности, которые активно обращаются за помощью к правовой системе или социальным ресурсам и демонстрируют определенный уровень независимости. Кроме того, российские СМИ могут также освещать в своих репортажах прогресс и расширение прав и возможностей женщин, чтобы восприятие женщин больше не ограничивалось жертвами, а было более независимым и инициативным.

В китайской культуре высоко ценится поддержание гармонии в семье, что может привести к тому, что в случаях бытового насилия не будет подчеркиваться сопротивление женщин такому насилию. Традиционные представления ставят во главу угла гармонию в семье, а иногда даже рассматривают «терпимость» как добродетель, что повлияло на то, как женщины-жертвы изображаются в средствах массовой информации. Однако внимание российского общества к правам личности проявляется в сообщениях о домашнем насилии, что дает более независимое представление о российских женщинах в средствах массовой информации. Влияние этого культурного фактора привело к заметным различиям в изображении женщин в докладах двух стран.

В Китае, хотя в последние годы были приняты законы о борьбе с бытовым насилием, существующие системы защиты женщин и оказания им помощи в обществе все еще находятся в процессе разработки. В отчетах основное внимание уделяется изображению женщин-жертв как сострадательных и нуждающихся в заботе, с целью повышения осведомленности общественности о бытовом насилии. Российское общественное мнение и политика отдают приоритет правоохранительной деятельности, а новостные репортажи также подчеркивают са-

мостоятельность женщин и их усилия по защите своих прав и интересов, что приводит к более благоприятному представлению о женщинах.

При проведении сравнительного анализа образа женщин в новостях о домашнем насилии в Китае и России становится очевидным, что две страны демонстрируют существенные различия в формировании образа женщины. Китайские СМИ, как правило, избегают изображать женщин-жертв так, чтобы это противоречило традиционным семейным ценностям, в то время как российские СМИ часто подчеркивают уверенность женщин в себе, их силу и их борьбу за личные права. Это различие не только демонстрирует противоположные взгляды на бытовое насилие в двух обществах, но и подчеркивает различия в гендерных ролях в различных культурных средах.

Литература

1. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика //Lex russica. – 2018. – № . 9 (142). – С. 129–138.
2. Лефтеров В. А., Вакулич Т.М. Психологические особенности виктимного поведения женщин в ситуациях домашнего насилия //Психология и право. – 2013. – Т. 3. – № . 2.
3. Родина И.В. Феминистский дискурс домашнего насилия: проблемы и противоречия //Социальная политика и социология. – 2007. – № . 3. – С. 125–139.
4. Бахшалиева Н. Я., Моралес-Терентьева Л.М., Сергеева А. Виктимблейминг в российских СМИ //Вестник науки. – 2020. – Т. 3. – № . 5 (26). – С. 22–29.
5. Казун А. П. и др. Бьет-значит любит? Стратегии де-проблематизации домашнего насилия в российских СМИ //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № . 5 (171). – С. 149–171.
6. Китайцева О.В. Проблема домашнего насилия в отношении женщин в российском медиапространстве: основной репертуар российских СМИ //Наука. Культура. Общество. – 2022. – Т. 28. – № . S2. – С. 71–82.
7. Рудь Е.Г. Проблема домашнего насилия в России // Научные междисциплинарные исследования. Достижения и перспективы нового столетия. – 2021. – С. 125–140.
8. Гайдуков А. А., Манцуоров А.Ю. Домашнее насилие в Китае: правовые аспекты проблемы //Altai Law Journal. – 2014. – С. 59.
9. Кулакова В. А., Чердакова Т.Б., Янь Ю. Насилие в семье: ответственность по китайскому законодательству //Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. – 2017. – С. 405–408.
10. Глушков М.Н. Сравнительный анализ опыта борьбы с домашним насилием на примере России и Китая // ББК 6/8 Ч-39 Сборник издан по решению Ученого совета Института философии и права НГУ и Ученого совета Института философии и права СО РАН. – 2023. – С. 130.
11. Кулакова В. А., Чердакова Т.Б., Сюй К. Законодательство Китая против домашнего насилия //Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. – 2018. – С. 379–384.
12. Избившего до смерти солистку группы Una мужчину приговорили к восьми годам колонии. Доступно по адресу: <https://www.forbes.ru/forbeslife/522395-izbivsego-do-smerti-solistku-gruppy-una-muzcinu-prigovorili-k-vos-mi-godam-kolonii> (дата обращения: 06.11.2024)

13. Лия Заурбекова записала новое обращение по поводу побега от семьи и отъезда из России. Доступно по адресу: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/512980-lia-zaurbekova-zapisala-novoe-obrasenie-po-povodu-pobega-ot-sem-i-i-ot-ezda-iz-rossii> (дата обращения: 06.11.2024)
14. В Санкт-Петербурге бойфренд до смерти избил солистку группы Уна Анастасию Котову. Доступно по адресу: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/512700-v-sankt-peterburge-bojfriend-do-smertizbil-solistku-gruppy-una-anastasiu-kotovu> (дата обращения: 06.11.2024)
15. За 15 делами о домашнем насилии и убийстве мужей: 4 человека приговорены к пожизненному заключению за совершение преступлений после того, как их мужья спали. Доступно по адресу: <https://news.sina.com.cn/s/2021-03-01/doc-ikftpnz0372920.shtml> (дата обращения: 06.11.2024)
16. Домашнее насилие – это не личное дело! Верховная народная прокуратура опубликовала типичные случаи наказания за преступления, связанные с домашним насилием, в соответствии с законом. Доступно по адресу: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_21707969 (дата обращения: 06.11.2024)

A COMPARATIVE STUDY OF THE IMAGE OF A WOMAN IN CHINESE AND RUSSIAN NEWS ABOUT DOMESTIC VIOLENCE

Zhang Yifei, Malakhovsky A.K.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

The article is a comparative analysis of how women are portrayed in Chinese and Russian news articles about domestic violence, focusing on the cultural and social aspects of how this issue is covered. Family violence is a serious social issue that poses a threat to the well-being and safety of society. China and Russia exhibit distinct cultural practices and societal expectations, which are evident in the media's portrayal of women who have experienced domestic violence. Chinese media predominantly adhere to traditional roles, where a woman is portrayed as a helpless victim who requires assistance and support from external sources. This belief is connected to long-standing family values and the notion of harmony, which considers tolerance as a desirable quality. In contrast to Russian media, which often portrays women in a more independent light, Russian media frequently highlights their determination to fight for their rights and emphasizes the importance of social and legal institutions in providing protection.

The article conducts a content analysis of the reports, which scrutinize the visual representations of female victims, fighters, and their societal significance. Sina and the paper platforms are commonly utilized in Chinese media, and materials from Forbes and other publications are examined in the Russian context. The research findings indicated that Chinese news tends to highlight the vulnerability of women and their reliance on protection, while Russian reports often portray women as strong individuals, which may reflect the contemporary focus of Russian society on individual rights. The findings of the research suggest that the perception of women in situations of violence is strongly influenced by national characteristics. The findings emphasize the significance of different methods used to portray women in the media, as they play a crucial role in increasing public knowledge about violence against women and the influence of cultural variations on societal views of gender roles.

Keywords: domestic violence, the image of a woman, media space, cultural differences, China, Russia, social attitudes, gender roles, public perception, family values.

References

1. Salamova, S.Ya. (2018). Domestic violence in modern Russia: General characteristics. *Lex Russica*, (9)142, 129–138. (In Russ.)
2. Lefterov, V.A., & Vakulich, T.M. (2013). Psychological features of victim behavior of women in situations of domestic violence. *Psychology and Law*, 3(2). (In Russ.)
3. Rodina, I.V. (2007). Feminist discourse of domestic violence: Problems and contradictions. *Social Policy and Sociology*, (3), 125–139. (In Russ.)
4. Bakhshalieva, N.Ya., Morales-Terentyeva, L.M., & Sergeeva, A. (2020). Victim blaming in Russian media. *Bulletin of Science*, 3(5)26, 22–29. (In Russ.)
5. Kazun, A.P., et al. (2022). "Hits means loves"? Deproblematization strategies of domestic violence in Russian media. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (5)171, 149–171. (In Russ.)
6. Kitaytseva, O.V. (2022). The problem of domestic violence against women in the Russian media space: The main repertoire of Russian media. *Science. Culture. Society*, 28(S2), 71–82. (In Russ.)
7. Rud, E.G. (2021). The problem of domestic violence in Russia. *Scientific Interdisciplinary Research. Achievements and Prospects of the New Century*, 125–140. (In Russ.)
8. Gaidukov, A.A., & Mantsurov, A.Yu. (2014). Domestic violence in China: Legal aspects of the problem. *Altai Law Journal*, 59. (In Russ.)
9. Kulakova, V.A., Cherdakova, T.B., & Yan, Yu. (2017). Family violence: Responsibility under Chinese law. *Russia and China: History and Prospects of Cooperation*, 405–408. (In Russ.)
10. Glushkov, M.N. (2023). Comparative analysis of domestic violence prevention experience: Russia and China. *BBK 6/8 Ch-39*, Published by Decision of the Academic Council of the Institute of Philosophy and Law, NSU and RAS, 130. (In Russ.)
11. Kulakova, V.A., Cherdakova, T.B., & Xu, K. (2018). Legislation against domestic violence in China. *Russia and China: History and Prospects of Cooperation*, 379–384. (In Russ.)
12. A man who beat the lead singer of the Una group to death was sentenced to eight years in a penal colony. Available at: <https://www.forbes.ru/forbeslife/522395-izbivsego-do-smerti-solistku-gruppy-una-muzcinu-prigovorili-k-vos-mi-godam-kolonii> (Accessed: 06.11.2024)
13. Liya Zaurbekova has recorded a new appeal regarding the escape from her family and departure from Russia. Available at: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/512980-lia-zaurbekova-zapisala-novoe-obrasenie-po-povodu-pobega-ot-sem-i-i-ot-ezda-iz-rossii> (Accessed: 06.11.2024)
14. In St. Petersburg, a boyfriend beat the lead singer of the Una group Anastasia Kotova to death. Available at: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/512700-v-sankt-peterburge-bojfriend-do-smerti-izbil-solistku-gruppy-una-anastasiu-kotovu> (Accessed: 06.11.2024)
15. For 15 cases of domestic violence and murder of husbands: 4 people sentenced to life imprisonment for committing crimes after their husbands slept. Available at: <https://news.sina.com.cn/s/2021-03-01/doc-ikftpnz0372920.shtml> (Accessed: 06.11.2024)
16. Domestic violence is not a personal matter! The Supreme People's Prosecutor's Office has published typical cases of punishment for crimes related to domestic violence in accordance with the law. Available at: https://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_21707969 (Accessed: 06.11.2024)

Рефлексия на профессионально-ориентированных занятиях по иностранному языку

Исаева Марина Алексеевна,

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Дриженко Мария Александровна,

старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»

Статья представляет собой исследование, посвященное применению рефлексии на профессионально-ориентированных занятиях по иностранному языку. В работе рассматриваются теоретические основы рефлексии, ее виды и роль в учебном процессе. Авторы подчеркивают важность рефлексии для развития критического мышления, самоанализа и саморазвития студентов, что особенно актуально в условиях динамично изменяющегося мира.

Исследование включает эксперимент, проведенный на базе Чувашского государственного университета, в котором участвовали две группы студентов: экспериментальная и контрольная. В экспериментальной группе применялись рефлексивные методы, в то время как контрольная группа обучалась по традиционной методике. Результаты эксперимента показали, что студенты экспериментальной группы достигли более высоких показателей в личностной, деятельностной и содержательной рефлексии, а также в мотивации, познавательной активности и уровне владения иностранным языком.

В статье подробно описаны методы и приемы, используемые для проведения рефлексии на занятиях, такие как «Кубик», «Тонкие и толстые вопросы», «Синквейн» и другие. Авторы делают вывод о том, что рефлексия является важным элементом учебного процесса, способствующим осознанному обучению и личностному росту студентов.

В заключении статья содержит выводы о необходимости учета индивидуально-психологических особенностей студентов и своевременного проведения рефлексии для успешного усвоения учебного материала.

Ключевые слова: рефлексия, профессионально-ориентированные занятия, самоанализ, саморазвитие, самосознание.

Введение

Тема исследования – рефлексия на профессионально-ориентированных занятиях по иностранному языку.

Изучению проблемы рефлексии посвящали свои труды многие исследователи.

Фундаментальными положениями рефлексии занимались Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев. Разные аспекты рефлексии изучали Н.Г. Алексеев, Г.П. Щедровицкий, А.В. Петровский, А. Бузман, Е.И. Исаев, В.И. Слободчиков, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов и др. Роль рефлексии в процессе обучения разрабатывалась Л.В. Бондаренко, О.С. Расковаловой, И.Г. Липатниковой, А.З. Зак и др.

Научная новизна работы заключается в оптимизации учебного процесса в вузе путем переосмысления подхода к применению рефлексии на учебных занятиях.

Актуальность исследуемой проблемы

В современном мире специалист должен уметь адаптироваться к сложным изменяющимся условиям, понимать неординарную профессиональную задачу, выбирать адекватные способы решения проблемно-конфликтных ситуаций, требующие творческих подходов, критического мышления. Для того чтобы соответствовать требованиям динамично развивающегося мира, специалист должен совершенствоваться.

В процессе обучения закладывается основа для саморазвития. Одним из основных дидактических принципов обучения иностранному языку является принцип сознательности и активности. Для того чтобы обучающийся проявлял свою активность в процессе познания, он должен понимать предмет, принять его и действовать осознанно, предпринимая последующие шаги, адекватно реагируя на воспринятый предмет. Только осознанное действие обучающегося способствует активной деятельности, развитию интеллекта, самостоятельности и саморазвитию.

В этом вопросе немаловажную роль играет рефлексия в процессе обучения. Рефлексия на занятиях по иностранному языку помогает преодолеть психологический барьер в процессе обучения, пересилить пережитые страхи и опасения неудачи, рационально подходить к решению проблем, что ведет к пониманию языка, выработке алгоритма осознанного овладения иностранным языком, позволяющего будущим специалистам применять иностранный язык в решении профессиональных задач.

В данной работе мы хотим представить опыт применения рефлексии на профессионально-ориентированных занятиях по иностранному языку.

Материал и методы исследования

Термин «рефлексия» в научной литературе рассматривается как понятие, связанное с процессом мышления (В.И. Слободчиков, Т.М. Рябушкина, А. Бузман, Е.И. Исаев и др.) и как составляющая деятельности (И. Кант, Г.П. Щедровицкий) [5], [14], [18], [20].

Слово «рефлексия» берет свое начало с латинского «reflectio» – «обращение назад», «размышление».

А «размышление» в психологии предполагает процесс осознанного восприятия окружающего мира, происходящее путем сопоставления фактов, отслеживания причинно-следственных связей, построения умозаключений и выводов, в результате чего в сознании человека создаются модели ситуации, которые дают ощущение понимания происходящего [1].

При рефлексии, по мнению А.Буземан, человек проецирует события окружающего мира на себя [11].

В.А. Лекторский отмечает, что рефлексия выражает единство отражения и преобразования объекта действительности, т.к. пропуская через себя, человек придает воспринятому предмету новые признаки, достраивая и перестраивая его, поскольку включается механизм познавательного воспроизведения, направленное на познание самого себя [7].

Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев полагают, что при отражении деятельности в своем сознании человек прокручивает произошедшее действие, анализирует, критикует, изменяет его, совершенствуя, и ставит себя в контекст данного действия, осмысливая свое отношение к этому событию. Таким образом, происходит самоанализ [4], [8].

П. Тейяр де Шарден также придерживается мнения, что в процессе рефлексии личность приобретает способность самопознания, и при каждом отраженном в сознании событии человек ставит себя в новые условия и тем самым развивает себя. Так, рефлексия – это не только самопознание, но и саморазвитие [16].

Как отмечают В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев, способность рефлексировать, а именно самопознавать, отличает человека от животного. Благодаря рефлексивному сознанию человек становится субъектом своей жизни [14].

Таким образом, рефлексия – это способность человека, выраженная в познании себя в результате изменения своего внутреннего мироощущения путем отражения в сознании пережитого события внешнего мира.

Как показывает обзор научной литературы, в психологии выделяются 4 основные виды рефлексии по аспектам ее исследования – личностная, интеллектуальная, коммуникативная и кооперативная. И.Н. Семенов и С.Ю. Степанов отмечают, что коммуникативная и кооперативная рефлексии присутствуют в исследованиях коллективных форм деятельности и общения, а личностная и интеллектуальная – в индивидуальных формах проявления мышления и сознания [12], [15].

По результатам обзора литературы по данной теме мы составили группы видов рефлексии по следующим критериям:

I. по направленности от Я-позиции:

1. Личностная рефлексия – Я-рефлексия – это самоанализ, анализ своих действий и своего внутреннего состояния в этом событии.
2. Коммуникативная рефлексия – это оценка человеком действий и состояния окружающих его людей. Данный вид рефлексии помогает разработать способы взаимодействия в сообществе и воздействия на окружающих людей.
3. Социальная рефлексия – это оценка действия окружающих людей от их имени, т.е. Я-не-Я-позиция. В психологии это вид рефлексии называется еще «внутренним предательством», когда человек ставит себя на место оцениваемого человека, чтобы понять его мысли и поступки.

II. В зависимости от предмета рефлексии:

1. Интеллектуальная рефлексия – это анализ сложной задачи или критической ситуации через мысленное выстраивание алгоритмов их решений.

2. Научная рефлексия – это осознание научных методов, теорий и законов.
3. Учебная рефлексия – это отражение в сознании учащихся учебной и познавательной деятельности и ее содержательных и процессуальных компонентов для определения степени осмысленности учеником учебного материала.
4. Профессиональная рефлексия – это анализ действий и социально-предметных отношений человека в его профессиональной деятельности для принятия рациональных решений на пути к карьерному росту.

III. По количеству участников и характеру взаимодействия их участников в организации рефлексии:

Коллективная (кооперативная) рефлексия – это рефлексия, основанная на осмыслении своей роли в коллективном взаимодействии участников деятельности для достижения совместной цели.

Групповая рефлексия – это рефлексия, основанная на осмыслении своей позиции в группе, отношения к лидеру и другим участникам группового взаимодействия в решении общей цели.

Индивидуальная рефлексия.

IV. По отношению к моменту действия:

1. Ситуативная (синхронная) рефлексия – анализ в ходе происходящего события.
2. Проспективная (упреждающая) рефлексия – мысленное прокручивание события до его осуществления с предвосхищением его результатов.
3. Ретроспективная рефлексия – анализ и оценка произошедшего события.

На профессионально-ориентированных занятиях по иностранному языку рефлексия, согласно Федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС), неотъемлемый компонент учебного занятия, цель которого – самооценка за освоенный учебный материал, самоанализ своей деятельности и деятельности класса, определение уровня своего эмоционального состояния. Так, исходя из требований ФГОС, на учебном занятии проводится:

1. личностная рефлексия (изменение эмоционального состояния учащихся и их настроения к познавательной деятельности);
2. содержательная рефлексия (определение уровня освоенности учебного материала);
3. деятельностная рефлексия (выявление степени осознанного самостоятельного выполнения работы на занятии) [17].

Как показывает практика, многие педагоги недооценивают этап рефлексии и проводят его формально.

Чтобы оценить значимость этапа рефлексии на занятиях по иностранному языку, мы провели эксперимент на базе ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им.И.Н.Ульянова» с сентября 2023 года по июнь 2024 года с 2 группами студентов экономического факультета: в экспериментальную группу вошло 12 человек и в контрольную – 10 человек. В экспериментальной группе мы проводили занятие на рефлексию с применением рефлексивных методов и приемов, а работа в контрольной группе велась по традиционной методике.

При проведении рефлексии мы обращали внимание на личность каждого обучающегося. Поскольку личность человека уникальна, то необходимо учитывать психические особенности студентов, влияющие на эффективность организации рефлексии. Как мы уже отмечали, рефлексия – это способность человека, выраженная в познании себя в результате изменения своего внутреннего мироощущения путем отражения в сознании пережитого события внешнего мира. Соответственно, на ход

рефлексии влияют уровень сформированности самопознания обучающегося, его внутренний мир, складывающийся из системы ценностей, чувств и эмоций, и уровня сформированности его самосознания.

По результатам психологического исследования на определение уровня развития самопознания, проведенной Б.М. Величковой, В.П. Зинченко, А.Р. Лурия, известно, что «дети 16–20 лет могут управлять своими эмоциями, умеют обращаться к самосознанию, могут рационально оценивать себя и свои возможности, а в последующие года способность к самопознанию формируется под влиянием различных социальных связей, профессиональной деятельности, осознанных и взвешенных решений» [3]. Для диагностики личностной рефлексии каждого студента мы обращались к «Методике диагностики рефлексивных процессов: распознавания, осознания, идентификация» А.О. Прохорова и А.В. Чернова, которая позволила оценить ментальную сторону рефлексивных процессов респондентов [10], и пятифакторному опроснику личности 5PFQ П.Коста и Р.МакРаэ, адаптированная А.Б. Хромовым, с помощью которого мы измеряли степень выраженности экстраверсии – интроверсии, привязанности – обособленности, самоконтроля – импульсивности, эмоциональной неустойчивости – устойчивости, экспрессивности – практичности [6].

Опираясь на результаты диагностики, в процессе экспериментальной работы менее рефлексивным студентам, которые менее способны к анализу своей деятельности и поступков других людей, к выявлению причин и следствий своих действий как произошедших событий, так и происходящих и предстоящих событий, предоставляли список вопросов, по которому они могли проанализировать себя и ситуацию более осознанно. В списке содержалось 10 вопросов, которые были применимы к любой ситуации, даже к учебной:

1. Опиши подробно ситуацию, которая произошла, происходит или предстоит.
2. Опиши, поведение каждого участника.
3. Постарайся объяснить поведение участников.
4. Опиши свое поведение среди участников ситуации.
5. Какие чувства вызывает у тебя эта ситуация?
6. Назови, хорошие моменты данной ситуации.
7. Объясни себе, в чем причина хорошего.
8. Назови плохие моменты этой ситуации.
9. Объясни себе, в чем причина плохого.
10. Что я могу сделать, чтобы не было плохого.

Если уровень сформированности самопознания обучающихся и уровень их самосознания – показатели более стабильные, то внутренний мир, в частности эмоции и чувства человека ситуативны. Учитывая этот факт, в своей работе со студентами мы тщательно подбирали материал, техники и упражнения, которые вызывали бы положительные эмоции. По мнению психологов, положительные эмоции притягивают еще большее количество положительных эмоций. Они работают на созидание и расширяют горизонты нашего разума, расширяя внимание и сосредоточенность. Положительные эмоции делают мышление более гибким, позволяя видеть больше взаимосвязей и интеграции в наших мыслях и идеях, что приводит к развитию творческого мышления. Положительные эмоции помогают преодолеть негативные эмоции. Так, например, на этапе целеполагания мы стремились заинтриговать студентов: включали отрывки из известных фильмов и вводили проблемную ситуацию, разгадывали тему занятия по фотографиям, картинкам. В качестве фонетической зарядки использовали скороговорки и соревновались друг с другом. При объяснении темы приводили занимательные примеры, интересные случаи из жизни. В ходе решения задач создавали

ситуацию успеха путем подбора заданий нарастающей сложности. На занятии стремились чередовать разные виды деятельности. Так, создавали положительную рабочую обстановку.

Результативность содержательной рефлексии на занятиях по иностранному языку зависит от осознанного овладения студентами учебного материала. Осознанность учебного материала обуславливается рядом факторов:

1. Мотивацией к изучению учебного предмета;
2. Характером и уровнем познавательной деятельности обучающихся;
3. Уровнем владения иностранным языком;
4. Организацией педагогического процесса;
5. Выбор методов, средств и приемов обучения в соответствии с психологическими особенностями студентов [9].

Характер познавательной деятельности в научной литературе рассматривается как «единство чувственного восприятия, теоретического мышления и практической деятельности» [13, с. 147]; часто познавательная деятельность ассоциируется с уровнем мыслительной активности (Т.И. Шамова, Г.И. Щукина) [19], [21]:

1. Воспроизводящий – познавательная деятельность обучающегося ограничена способностью воспроизводить учебный материал по имеющемуся шаблону, алгоритму.

2. Интерпретирующий – познавательная деятельность достигается за счет умения определять взаимосвязи между явлениями и процессами.

3. Творческий – познавательная деятельность основывается на глубоком понимании учебного материала, умении выявлять логические связи, причинно-следственные отношения между компонентами сложных явлений.

Познавательную деятельности студентов мы оценивали с помощью методики определения типа мышления в модификации Г.В. Резапкиной, согласно которой выявлялись предметно-действенное, абстрактно-символическое, словесно-логическое, наглядно-образное и творческое типы мышления [2].

Для достижения высокой рефлексивности у студентов мы организовывали учебный процесс в соответствии с результатами проведенных диагностик и психологическими особенностями студентов, поскольку мотивация и познавательная активность основываются на психических особенностях личности.

Учебный материал воспринимается каждым студентом по-разному. Выделяется 3 типа восприятия: аудиал, визуал и кинестетик:

Аудиал – сильно развит слуховой канал – размышляют вслух – обучение через общение, аудиоматериал, необходимо детальное объяснение с интонационным выделением ключевых моментов, охотно работают в малых группах

Визуал – особенно развит зрительный канал – хорошо запоминает изображения, думает образами – обучение через картинки, схемы, чертежи, таблицы с цветным выделением ключевых выражений, новый материал должен быть представлен визуально

Кинестетик – развит тактильный канал – любят творить – обучение через движения и касания, заучивание через многократное проговаривание [11].

Определить тип восприятия у каждого студента нам помогала методика определения доминирующей перцептивной модальности С.Ефремцева на сайте onlinetestpad.com. В соответствии с результатами диагностики мы знакомили студентов с новым учебным материалом.

Если изучаемый материал представлял собой новую тематическую лексику, то лексика отрабатывалась в соответствии с разным типом восприятия: лексика сначала многократно проговаривалась, фиксировалась на доске, определялись составные части, с помощью ассоциативных слов, интернационализмов, синонимов определялось значение, поскольку учебная программа у будущих специалистов включает слова-термины, сложные слова, клишированные выражения. Для запоминания слов использовались разные мнемотехники, ассоциативный ряд, жестикуляция. После отработки лексики студенты должны были цветным карандашом либо текстовым делителем отметить слова, которые не запомнились. Такое задание позволяет оценить себя и зрительно запомнить незнакомые слова. Для того чтобы оценить других, студенты сравнивали свое количество неизвестных слов с другими.

На этапе осмысления мы использовали прием «Кубик». Сначала новые слова группировали по частям речи, сложные и простые слова (чаще всего это были сложные существительные, простые существительные, глаголы простые, глаголы фразовые, наречие). На каждой стороне кубика отмечали названия выделенных групп и бросали кубик. На какую сторону кубик упадет, на ту группу нужно назвать слова. Отмечали тех, кто больше всего слов запомнил, интересовались, как смогли запомнить, что помогло им запомнить много слов. После перечисления запомнившихся слов, открывали список слов и выделяли те, которые не были названы. Так, студенты отмечали себе освоенные слова и выделяли неосвоенные.

Если разбирался грамматический материал, то знакомство с ним организовывалось через текст, проводился разбор формы для понимания значений его компонентов, значение выявлялось по контексту, особенности употребления излагались в виде рассказа, также использовали видео-уроки. После многократной устной тренировки грамматическое правило-образец употребления закреплялся письменно в форме небольших предложений. Важный момент в этом задании – самопроверка через просмотр записей других студентов – выявление ошибки и умение ее объяснить.

На этапе использования речи грамматического материала студентам давалось задание послушать соседа и записать или посчитать выражения, в которых использовался новый грамматический материал, а выступающий оставался в роли судьи. Таким образом выступающий оценивал себя и других.

При знакомстве с разными типами вопросов часто использовали прием «Тонкие и толстые»: если изучалась тема «Специальные вопросы», то составлялась таблица с двумя колонками «Тонкие вопросы» и «Толстые ответы». Работая в парах, один студент составлял тонкие специальные вопросы, состоящий из главных членов предложений, а другой заполнял колонку «Толстый ответ», используя второстепенные члены предложений. После этого таблица с тонкими и толстыми предложениями передавалась другим по очереди и исправлялась карандашом, когда таблица со своими вопросами возвращалась к себе, все замечания, отмеченные карандашом, исправлялась ручкой. Этот прием мы модифицировали при изучении темы «Краткие ответы на вопросы»: выделяли колонки «Толстый вопрос» и «Тонкий ответ» и работали по отработанной схеме.

Если работа была направлена на понимание текста, то для осознания содержания текста проводилась следующая работа.

На дотекстовом этапе работы выполнялось задание «Таблица». Глядя на название текста, студенты запол-

няли колонку «Я думаю, этот текст о ...», куда нужно было вносить слова и выражения на русском языке, связанные с названием текста. После чтения мы выделяли те слова, которые встречались в тексте и вносили слова на иностранном языке в колонку «It was about...». Такой прием способствует запоминанию слов и ключевых слов текста.

Во время чтения студенты карандашом отмечали на полях отрывки, которые им «хорошо понятны» и «непонятны, но можно догадаться» и «непонятны, нужно перевести со словарем». После самостоятельной работы со словарем студенты по очереди читали те отрывки, которые им были непонятны без словаря.

Для понимания содержания текста мы кидали «Кубик». На сторонах кубика клеили вопросы. Кому, какая сторона выпадет, на тот вопрос отвечал. Эта работа проводилась в парах. Студенты оценивали, кто на сколько вопросов сможет ответить.

Если целью работы над текстом была подготовка к пересказу, то делали схематическую картину текста: меняли ключевые слова предложения схематическими изображениями и тренировались пересказывать текст с помощью данного схематического плана.

При подготовке к пересказу мы использовали прием «Тонкие и толстые»: составлялась таблица с двумя столбцами «Тонкие предложения» и «Толстые предложения». Работая в парах, один студент составлял тонкий тип предложений в соответствии с содержанием прочитанного текста, состоящий из главных членов предложений, а другой – толстый, расширяя это предложение второстепенными членами. После этого таблица с тонкими и толстыми предложениями передавалась другим по очереди, и когда таблица со своими толстыми предложениями возвращалась к себе, давалась возможность еще больше расширить толстые предложения. Данный прием способствует запоминанию содержания текста и развивает спонтанную речь.

На основе приема «Тонкий и толстый» мы видоизменяли текст и проводили диалог-интервью. Для этого в таблице со столбцами «Тонкие вопросы» и «Толстые ответы» вносили предложения в соответствии с содержанием текста и разыгрывали интервью. Педагогический опыт показывает, что во вступительной части интервью дети в большей степени выбирают вопрос о самочувствии собеседника, соответственно, проговаривая диалог, происходит рефлексия Я-позиции.

В пересказе текста мы меняли роли и ситуацию или время события и рассказывали в разных ролях. Такой взгляд с другого ракурса позволяет студентам посмотреть на данную ситуацию по-другому, позволяя развить событие, домыслить, таким образом расширяя опыт спонтанного общения. Выступая от чужого имени, студенты развивали социальную рефлексию – перевоплощаясь в другие роли, оценивали их поведение и мысли через призму своего внутреннего мира.

На этапе систематизации знаний, когда новый материал размещается в систему ранее изученного, предлагались проблемные профессионально-ориентированные задачи. Для решения данных задач студенты должны были погрузиться в профессиональную деятельность, осознать поведение специалистов определенной профессиональной сферы и действовать в соответствии с правилами и нормами выбранной профессии и решить задачу, тщательно и поэтапно продумывая каждый шаг, включая логические, причинно-следственные связи. Так проводилась профессиональная и интеллектуальная рефлексия.

Как мы видим, рефлексию мы проводили не только в конце занятия, но и на любом его этапе, а также после изучения темы или раздела. Цель рефлексии на данном

этапе заключалось в самоанализе через оценку работ своих одноклассников для совершенствования своих результатов.

Уровень владения иностранным языком оценивалась по тесту на платформе geallanguage.club в соответствии с Европейской системой уровней владения иностранным языком.

Говоря о деятельностной рефлексии, мы имеем в виду выявление степени осознанного самостоятельного выполнения работы на занятии, предполагающее самостоятельный выбор оптимального способа решения учебной задачи.

При выполнении учебной задачи студент выбирает такие способы, которые коррелируют его психотипу. Например, экстраверты склонны выбирать групповые интерактивные устные формы работы – диалоги, дискуссии, беседу. Они боятся длинных текстов, им нужно поделить текст на маленькие части. Экстраверты с удовольствием выбирают работу, требующую быстроты внимания – мозговой штурм, заучивание слов, словарный диктант.

Интроверты предпочитают такие способы выполнения работы, которые требуют тщательного анализа, выбирают больше письменные формы работы, где он после мысленного выведения алгоритма может дать более развернутый ответ или если это сложная задача, то выявить в ней множество простых. Из групповых работ, интроверт предпочтет парную работу с тем человеком, которого он считает близким, поскольку только с близкими он сможет раскрыться.

В соответствии с доминирующим каналом восприятия, аудиалы выберут такие способы работы, которые задействуют их слуховой канал: устные формы общения, аудиозаписи, музыку. Слова будут учить проговариванием. Визуалы предпочтут графические изображения, интеллект-карты, цветные текстовыделители, письменные формы работы. Кинестетикам будут по душе такие формы работы, в которых они могли бы подвигаться, потрогать, жестикулировать, – это беседы, диалоги, игры.

В ходе экспериментальной работы мы проводили рефлексию после каждого действия и отвечали на вопросы:

1. Правильный ли способ или форму работы я выбрал?
2. Что я смог решить этим способом?
3. Что не учитывалось в этом способе решения?
4. Какой способ работы был бы лучше?

При ответе на последний вопрос нужна была помощь преподавателя. Замечая ошибки студента, мы, преподаватели, интересовались у студента, каким образом он выполнил задание. Видя допущенные ошибки и манеру изложения, мы советовали наиболее подходящий способ выполнения задания.

Мы понимали, что рефлексировать самостоятельно хорошо, но в группе другой человек может предложить другой, более оптимальный способ действий. При деятельностной рефлексии мы старались обращать большее внимание на способ деятельности, на саму деятельность, а не на минусы студента, на его личность. Мы понимали, что в противном случае, студент может демотивироваться.

Данный вид рефлексии мы проводили сразу после выполнения учебной задачи, поскольку по истечении даже небольшого периода времени память рассеивает те эмоции, которые были по окончании работы. Как показывает практика, на первичных эмоциях проводить рефлексию получается эффективнее, сделанный как чужим человеком, так и самим себе вывод закладывается в памяти ярче и прочнее.

На этапе занятия – этап рефлексии – мы оценивали свою эмоцию или освоенность нового учебного материала. Рефлексию проводили с помощью разных приемов.

Подытожить освоенность нового учебного материала нам помогал прием «Синквейн». Индивидуально или в малых группах мы составляли стихотворение, содержащее тему проведенного занятия, чувства, выраженное двумя прилагательными, три действия, проделанных на занятии или связанных с темой занятия, фразу из четырех слов, характеризующую отношение к предмету, один синоним, обобщающий или расширяющий смысл темы занятия. Таким творческим способом выраженная рефлексия дает возможность закрепить усвоенный материал занятия.

При нехватке времени рефлексию мы проводили с помощью рефлексивного экрана, где студенты выбирали один из предложенных начал предложения и завершали его в соответствии со своим ощущением, например, у меня получилось...; я понял, что...; я научился... и т.д.

На некоторых занятиях рефлексию мы проводили в виде блиц-опроса:

1. С каким настроением вы пришли на занятие?
2. В какую сторону изменился ваш настрой к концу занятия?
3. Что вам больше всего понравилось?
4. Что вам больше всего не понравилось?
5. Что нового вы узнали?
6. Что вы сделали на занятии?
7. Что из услышанного или сделанного на занятии может вам в жизни?
8. Что вам более всего удалось во время занятия?
9. Назовите основные проблемы и трудности, которые вы испытывали во время занятия?
10. Какими способами вы преодолевали возникшие сложности?
11. Над чем еще нужно поработать?
12. На сколько баллов до 10 вы оцените нашу деятельность?

Оценить свои эмоции нам помогали приемы:

- «Смайлик» (веселый, нейтральный, грустный);
- «Ладонка» (если занятие понравилось, показывали внутреннюю сторону ладонки, если не понравилось, то наружную, если нейтрально – ладонку сжимали в кулак);
- «Комплимент» (говорить комплименты начинает преподаватель, а студенты подхватывают). Этот прием помогает не только оценивать друг друга, но и учит быть благодарным. Кроме этого, каждый студент получал признание своей значимости в общем деле.

Таким образом, рефлексия на профессионально-ориентированном занятии оценивалась через опрос с использованием разных выше названных приемов и в качестве письменной фиксации рефлексии в экспериментальных целях – через разработанное нами письменное входное и выходное тестирование, состоящее из 3 блоков по каждому типу рефлексии – личностной, деятельностной и содержательной рефлексии. В блоке по содержательной рефлексии студентам был представлен профессионально-ориентированный текст с лексико-грамматическими заданиями и заданиями на понимание содержания текста. В блоке по деятельностной рефлексии были включены задания открытого типа на подбор нескольких вариантов выполнения заданий через выстраивание алгоритма действий к грамматическим, синтаксическим, лексическим заданиям и заданиям на понимание текста, умение студентов оперировать такими мыслительными процессами, как выявление аналогии,

сравнение, обобщение, умозаключение, конкретизация и т.д. В блоке по личностной рефлексии студенты должны были оценить себя, свои чувства в ходе выполнения заданий предыдущих блоков.

Значимость рефлексии в учебном процессе мы определяли через динамику развития таких показателей, как мотивация, владение иностранным языком, познавательная активность.

Для определения мотивации к изучению профессионального иностранного языка мы проводили анкетирование по опроснику О.А. Минеевой и М.С. Ляшенко.

Уровень владения иностранным языком оценивался по тесту на платформе reallanguage.club в соответствии с Европейской системой уровней владения иностранным языком.

Уровень познавательной активности студентов определялась по опроснику Б.К. Пашнева и наблюдением преподавателей.

Результаты исследования и их обсуждение.

Рассмотрим полученные результаты входного и выходного тестирования студентов по разным видам рефлексии (Таблица 1.)

Таблица 1. Результаты входного и выходного тестирования студентов по сформированности их личностной, деятельностной и содержательной рефлексии

Виды рефлексии	Этапы эксперимента	Группы	Низкий (чел. /%)	Средний (чел. /%)	Высокий (чел. /%)
Содержательная	До экспер.	КГ (12 чел.)	8 67	4 33	0
		ЭГ (10 чел.)	8 80	2 20	0
	После экспер.	КГ (12 чел.)	6 50	6 50	0
		ЭГ (10 чел.)	3 30	5 50	2 20
Деятельностная	До экспер.	КГ (12 чел.)	7 58	5 42	0
		ЭГ (10 чел.)	9 90	1 10	0
	После экспер.	КГ (12 чел.)	8 67	4 33	0
		ЭГ (10 чел.)	3 30	6 60	1 10
Личностная	До экспер.	КГ (12 чел.)	10 83	2 17	0
		ЭГ (10 чел.)	8 80	2 20	0
	После экспер.	КГ (12 чел.)	9 75	3 25	0
		ЭГ (10 чел.)	5 50	4 40	1 10

Во входном тестировании результаты студентов контрольной и экспериментальной групп были примерно одинаковыми.

В выходном тестировании студенты экспериментальной группы набрали больше баллов, чем студенты контрольной группы. Анализ работ показал, что в блоке теста по содержательной рефлексии студенты контрольной

группы допускали значительно больше ошибок в задании на понимание содержания текста, поскольку текст был профессионально-ориентированным, и лексика была не всегда понятна студентам.

Так, студенты затруднялись с выбором ответа «Правда / True», «Ложь / False», «Не сказано / Not stated» к разным утверждениям, соотношением утверждений с предложениями из текста, зная антонимы и синонимы слов, разные словообразовательные модели.

В лексико-грамматическом задании трудности возникали у некоторых студентов с выбором видовременных форм глагола, составлением вопросов к тексту.

В блоке по деятельностной рефлексии студентам удалось написать правильный вариант ответа, но они не всегда могли объяснить свой выбор, не говоря уже о количестве вариантов решения задачи. Так, например, в вопросе «объясните, как определить перевод слова «definite» многие студенты написали ответ «по словарю», а студенты из экспериментальной группы добавили варианты «по контексту, по знакомому слову Present Indefinite». В задании «Напишите варианты того, как определить главное и придаточное предложение в сложно-придаточном предложении: When a payment was made the metal was first weighed out», многие написали «по переводу». На вопрос «Сколько вариантов перевода вы можете подобрать к выражению: «It is made in China» в контрольной группе все студенты ответили «Сделано в Китае», когда как в экспериментальной группе были предложены варианты «делают в Китае, делается в Китае». Задание «Соедините начало и конец предложения и объясните свой выбор» оказалось сложным для студентов контрольной группы, никто не смог привести объяснение своему выбору.

В блоке по личностной рефлексии студенты оценивали свои ощущения и чувства в ходе выполнения заданий предыдущих блоков по шкалам «Плохо – нормально – хорошо» / «сложно – решаемо – легко». Результаты данного вида рефлексии свидетельствуют о низком эмоциональном состоянии студентов контрольной группы и среднем уровне эмоционального состояния у студентов экспериментальной группы.

Таблица показывает, что в экспериментальной группе у студентов по всем видам учебной рефлексии наблюдается рост, что подтверждает об эффективности применения рефлексии на профессионально-ориентированном занятии.

Результаты Для оценки влияния рефлексии на учебный процесс проведем сравнительный анализ процентных показателей сформированности мотивации студентов к изучению иностранного языка, уровня их познавательной активности и владения иностранным языком в контрольной и экспериментальной группах (Таблица 2).

Как видим из диаграммы, в контрольной группе динамика изменения представленных показателей незначительна:

- мотивация – с 47% до 52% (5%),
- познавательная активность – с 50% до 58% (8%),
- уровень владения иностранным языком – с 42% до 47% (5%).

В экспериментальной группе наблюдается значительный рост показателей:

- мотивации – с 47% до 67% (20%),
- познавательная активность – с 47% до 73% (26%),
- уровень владения иностранным языком – с 40% до 57% (17%).

Существенный рост в экспериментальной группе отмечается в познавательной активности студентов, способствующей повышению их мотивации к изучаемой дисциплине и повышению уровня владения иностранным языком.

Таблица 2. Мотивация студентов к изучению иностранного языка, их познавательной активности и уровень владения иностранным языком по результатам входной и выходной диагностики

Показатели	Группы	До эксперимента			После эксперимента		
		Низкий (чел. /%)	Средний (чел. /%)	Высокий (чел. /%)	Низкий (чел. /%)	Средний (чел. /%)	Высокий (чел. /%)
Мотивация	КГ (12 чел.)	8 67	3 25	1 8	6 50	5 42	1 8
	ЭГ (10 чел.)	6 60	4 40	0 0	2 20	6 60	2 20
Познавательная активность	КГ (12 чел.)	7 58	4 33	1 8	4 33	7 58	1 8
	ЭГ (10 чел.)	6 60	4 40	0 0	1 10	6 60	3 30
Владение иностранным языком	КГ (12 чел.)	9 75	3 25	0 0	7 58	5 42	0 0
	ЭГ (10 чел.)	8 80	2 20	0 0	4 40	5 50	1 10

Представим наглядный обзор изменения мотивации, познавательной активности и уровня владения иностранным языком в рис. 1.

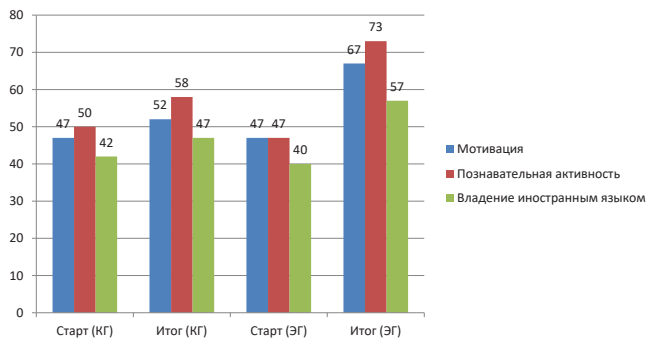

Рис. 1. Мотивация, познавательная активность и уровень владения иностранным языком на стартовом и завершающем этапах эксперимента

Выводы

Из сказанного выше следует, что рефлексия – это не просто этап на занятии, а это осмысление себя каждым обучающимся, осознание своего продвижения в познании, своего интеллектуального развития. С самых ранних лет родители нас учат «учиться на ошибках»: оглядываться на произошедшее, делать выводы и не совершать этих ошибок в будущем. Если на бытовом уровне это вполне естественно, то в учебном процессе это дается нам сложнее. Главным условием успешной рефлексии является приоритет личности обучающихся, чуткое внимание к каждому, организация учебного процесса в соответствии с их индивидуально-психологическими особенностями. Своевременность рефлексии, а не только на специально организованном этапе, позволяет закрепить информацию в памяти. Такая организация учебного процесса обеспечивает гарантию успеха каждого.

Литература

1. Безгина, Ю.Б. Современные подходы к пониманию термина «рефлексия» / Ю.Б. Безгина // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2007. – № 1 (1). – С. 37–41.
2. Бессонова, Е.А. Рефлексия и её развитие в процессе учебно-профессионального становления будущего-

го учителя: Дис. канд. псих. наук / Е.А. Бессонова. – Хабаровск, 2000. – 160 с.

3. Величковский, Б.М. Психология восприятия / Б.М. Величковский, В.П. Зинченко, А.Р. Лурия. – М.: Наука, 2007. – 284 с.
4. Выготский, Л.С. Психология развития как феномен культуры / Л.С. Выготский. – М.: Воронеж, 1996. – 513 с.
5. Давыдова, Г.И. Социорефлексика развития личности подростков / Г.И. Давыдова. – М.: Ярославль, 2005. – 203 с.
6. Карпов, А.В. Психология рефлексии / А.В. Карпов, И.М. Скитяева // Институт психологии РАН – М.: Москва. Ярославль, 2001. – 203 с.
7. Лекторский, В.А. Субъект, объект, познание / В.А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
8. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А.Н. Леонтьев. – М., 2004. – 326 с.
9. Метаева, В.А. Методологические и методические основы рефлексии: Учеб. пособие / В.А. Метаева – Екатеринбург, 2006. – 99 с.
10. Прохоров, А.О. Методика диагностики рефлексивных процессов: распознавания, осознания и идентификации / А.О. Прохоров, А.В. Чернов // Психология психических состояний: сборник материалов по итогам 9 Международной зимней школы по психологии состояний / Под ред. Л.В. Артищевой. – Казань: Казанский университет, 2015. – С. 122–126.
11. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 2004. – 329 с.
12. Семёнов, И.Н. Рефлексивный подход к психологическому обеспечению образования / (Сборник 64 памяти Н.Г. Алексева) И.Н. Семёнов // Основные научные труды Н.Г. Алексева. – М.: АСТ, 2004. – 400 с.
13. Сластенин, В.А. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; Под ред. В.А. Сластенина. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 576 с.
14. Слободчиков, В.И. Основы психологической антропологии. Психология человека. / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев // Введение в психологию субъективности: Учебное пособие для вузов. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
15. Степанов, С.Ю. Психология рефлексии: проблемы и исследования / И.Н. Семёнов, С.Ю. Степанов // Вопросы психологии. – М.: АСТ, 1995. – 40 с.

16. Тейяр де Шарден, П. Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. – М., 1987. – 384 с.
17. Тетерева, А.А. Рефлексия в структуре учебной деятельности по овладению иностранным языком / А.А. Тетерева // Вестник УРАО. – 2011. – № 4. (Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksiya-v-strukture-uchebnoy-deyatelnosti-po-ovladieniyu-inostrannym-yazykom> (дата обращения: 20.11.2024).
18. Хочуев, И. Ч., Концептуальные основы теории познания в философском наследии И. Канта / И. Ч. Хочуев, Б.Б. Хубиев // Актуальные вопросы современной науки. – 2014. – № 37. (Режим доступа; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-teorii-poznaniya-v-filosofskom-nasledii-i-kanta> (дата обращения 21.11.2024)
19. Шамова, Т.И. Активизация учения школьников / Т.И. Шамова. – М.: Педагогика, 1982. – 208 с.
20. Щедровицкий, Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия / Г.П. Щедровицкий. – М.: Наследие ММК, 2005. – 800 с.
21. Щукина, Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе / Г.И. Щукина. – М.: Аспект-Пресс 2012. – 160 с.

REFLECTION IN PROFESSIONALLY-ORIENTED FOREIGN LANGUAGE CLASSES

Isaeva M.A., Drizhenko M.A.,

Chuvash State University named after I.N. Ulyanov, National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article is a study of reflection in professionally-oriented foreign language classes. It covers the theoretical foundations of reflection, its types and role in the educational process. The authors emphasize the importance of reflection for developing students' critical thinking, self-analysis and self-development, which is especially important in a changing world.

The study includes an experiment conducted at the Chuvash State University, in which two groups of students participated: an experimental group and a control group. In the experimental group, reflective methods were used, while the control group was trained according to the traditional methodology. The results of the experiment showed that the students of the experimental group achieved higher indicators in personal, activity and content reflection, as well as in motivation, cognitive activity and the level of foreign language proficiency.

The article provides a comprehensive overview of the methods and techniques employed for reflection in the classroom, including "Cube", "Thin and thick questions", "Cinquain" and others. The authors conclude that reflection is a vital component of the educational process, fostering conscious learning and personal growth in students. The article draws attention to the importance of considering students' individual psychological characteristics and facilitating timely reflection to ensure effective assimilation of educational material.

Keywords: reflection, professionally-oriented foreign language classes, self-analysis, self-development, identity.

References

1. Bezzina, Yu.B. Modern approaches to understanding the term "reflection" / Yu.B. Bezzina // Almanac of modern science and education. – Tambov: Gramota, 2007. – No. 1 (1). – P. 37–41.

2. Bessonova, E.A. Reflection and its development in the process of educational and professional development of future teachers: Dis. Cand. Psych. Sciences / E.A. Bessonova. – Khabarovsk, 2000. – 160 p.
3. Velichkovsky, B.M. Psychology of perception / B.M. Velichkovsky, V.P. Zinchenko, A.R. Luria. – M.: Science, 2007. – 284 p.
4. Vygotsky, L.S. Developmental Psychology as a Cultural Phenomenon / L.S. Vygotsky. – M.: Voronezh, 1996. – 513 p.
5. Davydova, G.I. Socioreflexics of Adolescent Personality Development / G.I. Davydova. – M.: Yaroslavl, 2005. – 203 p.
6. Karpov, A.V. Psychology of Reflection / A.V. Karpov, I.M. Skitayaeva // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences – M.: Moscow. Yaroslavl, 2001. – 203 p.
7. Lektorsky, V.A. Subject, Object, Cognition / V.A. Lektorsky. – M.: Science, 1980. – 360 p.
8. Leontiev, A.N. Activity. Consciousness. Personality. / A.N. Leontiev. – M., 2004. – 326 p.
9. Metaeva, V.A. Methodological and methodological foundations of reflection: Textbook / V.A. Metaeva – Yekaterinburg, 2006. – 99 p.
10. Prokhorov, A.O. Methodology for diagnosing reflexive processes: recognition, awareness and identification / A.O. Prokhorov, A.V. Chernov // Psychology of mental states: a collection of materials based on the results of the 9th International Winter School on Psychology of States / Ed. L.V. Artishcheva. – Kazan: Kazan University, 2015. – P. 122–126.
11. Rubinstein, S.L. Fundamentals of General Psychology / S.L. Rubinstein. – St. Petersburg, 2004. – 329 p.
12. Semenov, I.N. Reflexive approach to psychological support of education / (Collection 64 in memory of N.G. Alekseev) I.N. Semenov // Main scientific works of N.G. Alekseev. – M.: AST, 2004. – 400 p.
13. Slastenin, V.A. Pedagogy: Textbook. manual for students of higher pedagogical educational institutions / V.A. Slastenin, I.F. Isaev, E.N. Shiyanov; Ed. V.A. Slastenin. – M.: Publishing center "Academy", 2002. – 576 p.
14. Slobodchikov, V.I. Fundamentals of psychological anthropology. Human psychology. / V.I. Slobodchikov, E.I. Isaev // Introduction to the Psychology of Subjectivity: A Textbook for Universities. – M.: Shkola-Press, 1995. – 384 p.
15. Stepanov, S. Yu. Psychology of Reflection: Problems and Research / I.N. Semenov, S. Yu. Stepanov // Questions of Psychology. – M.: AST, 1995. – 40 p.
16. Teilhard de Chardin, P. The Phenomenon of Man / P. Teilhard de Chardin. – M., 1987. – 384 p.
17. Teterova, A.A. Reflection in the Structure of Educational Activities in Mastering a Foreign Language / A.A. Teterova // Bulletin of the Ural State Educational Institution. – 2011. – No. 4. (Access mode: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksiya-v-strukture-uchebnoy-deyatelnosti-po-ovladieniyu-inostrannym-yazykom> (date of access: 20.11.2024).
18. Khochuev, I. Ch., Conceptual foundations of the theory of knowledge in the philosophical heritage of I. Kant / I. Ch. Khochuev, B.B. Khubiev // Actual issues of modern science. – 2014. – No. 37. (Access mode; URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-teorii-poznaniya-v-filosofskom-nasledii-i-kanta> (date of access 21.11.2024)
19. Shamova, T.I. Activation of schoolchildren's learning / T.I. Shamova. – M.: Pedagogy, 1982. – 208 p.
20. Shchedrovitsky, G.P. Thinking. Understanding. Reflection / G.P. Shchedrovitsky. – M.: Heritage of MМК, 2005. – 800 p.
21. Shchukina, G.I. Activation of students' cognitive activity in the educational process / G.I. Shchukina. – M.: Aspect-Press 2012. – 160 p.

Политика «мягкой силы» Китая в Казахстане и Узбекистане на современном этапе

Кудряшова Юлия Александровна,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории,
Астраханский государственный университет имени
В.Н. Татищева

В статье рассмотрены современные подходы к интерпретации категории «мягкая сила». Отмечается важность стратегий «мягкой силы» в современной геополитике. В фокусе исследования – отношения Китая со странами Центральной Азии, и в частности – с Казахстаном и Узбекистаном. Отмечены основные этапы становления отношений с двумя странами. Выделены основные официальные соглашения, ставшие основой для партнерства. Обозначены основные направления и перспективы культурно-гуманитарного сотрудничества. Представлена роль политик «мягкой силы» Китая в сотрудничестве с Казахстаном и Узбекистаном.

Ключевые слова: «мягкая сила», Китай, Казахстан, Узбекистан, культурно-гуманитарное сотрудничество, Центральная Азия

Страны Центральной Азии уже достаточно давно являются одним из приоритетных векторов китайской внешней политики. Интерес к Центральной Азии со стороны Китая обусловлен рядом причин: во-первых, страны Центральной Азии граничат с Китаем и, следовательно, интересуют Китай с точки зрения стабильности региональной ситуации и противодействия терроризму; во-вторых, Китай стремится к диверсификации источников импорта энергоресурсов, которыми богаты многие страны этого региона; в-третьих, в контексте китайской инициативы «Один пояс – один путь» Центрально-Азиатский регион выступает важнейшим транспортно-транзитным узлом, коридором, через который китайские товары доставляются на Запад [2, с. 37].

Следует сказать, что экономические, транспортно-логистические, энергетические связи между Китаем и странами Центральной Азии изучены достаточно тщательно, тогда как реализация стратегии «мягкой силы» остается на периферии внимания отечественных и зарубежных исследователей. В данной связи представляется *актуальным* и важным рассмотреть специфические черты политики «мягкой силы», проводимой Китаем в Казахстане и Узбекистане на современном этапе.

Прежде всего следует рассмотреть саму категорию «мягкая сила» и определить ее сущностные черты. В научной литературе и периодике имеется множество интерпретаций термина «мягкая сила» («гибкая сила», «мягкая власть» и т.п.). Изначально термин был введен в научный оборот американским исследователем Дж. Наем («мягкая сила есть способность достигать желаемых результатов посредством оказания влияния, вместо принуждения или экономических методов воздействия» – *прим.: перевод наш*) [17].

О.Г. Леонова пишет о том, что многие исследователи определяют «мягкую силу» в контексте инфлюентного подхода: «мягкая сила» – «это влияние на основе привлекательности и внутреннего обаяния страны» [7, с. 82]. Целесообразно отметить, помимо прочих, ресурсный подход, в рамках которого «мягкая сила» определяется как (1) совокупность гуманитарных ресурсов страны, направляемых на реализацию стратегий взаимодействия со внешними субъектами (политическими акторами); (2) результат трансляции данных ресурсов во внешнюю среду [7, с. 88].

Я.В. Осташова определяет «мягкую силу» как одну из форм внешнеполитической деятельности, позволяющую добиться требуемого результата «путем не подчинения, а через участие на добровольных началах» [12, с. 230].

Р.А. Гриценко предлагает интерпретировать категорию «мягкая сила» как совокупность мероприятий, направленных на создание привлекательного образа страны-адресанта у реципиента [3, с. 130].

М.М. Лебедева говорит о синонимии (а иногда – отождествлении) понятий «мягкая сила» и «публичная дипломатия». Обе категории соотносятся с коммуникативными усилиями, направленными во внешнеполитическую среду как по официальным каналам, так и по неофициальным. В перечень официальных каналов автор включает публичные выступления официальных пред-

ставителей государства, официальные пресс-релизы в масс-медиа, брифинги дипломатических работников, представителей министерств иностранных дел и т.п., публикации постов в социальных сетях с официальных аккаунтов властных ведомств, дипломатов и чиновников (т.н. *twitter diplomacy*). Неофициальные каналы, по которым реализуется политика «мягкой силы», включают в себя деятельность негосударственных организаций, масс-медиа, учреждений образования и культуры [6, с. 217].

В условиях информационной перенасыщенности, глобализации, цифровизации зачастую можно наблюдать ситуации конкуренции между «мягкой силой» одного государства и «мягкой силой» другого. Так, в рассматриваемом нами регионе за влияние борются США, Европейский Союз, Китай, Россия, соседние страны. Таким образом, различные государства конкурируют друг с другом за внимание третьих сторон, и в данной связи они либо вступают в открытый конфликт – дипломатический, торговый, информационный и т.п., либо делят сферы влияния посредством выбора специфических ниш для взаимодействия. В этих случаях разные акторы пытаются найти свою специфическую нишу. Европейский союз, к примеру, акцентирует образовательные программы, программы по правам человека и природоохранные программы, предлагаемые для стран Центральной Азии, тогда как США в большей мере концентрируются на молодежных программах и высокотехнологичных инициативах [6, с. 219].

Политика «мягкой силы» проводится Китаем уже достаточно давно и охватывает все заселенные регионы планеты – включая Центральную Азию. Китай нуждается в сотрудничестве со странами центральноазиатского региона по причине ряда географических, геополитических и ресурсных аспектов. С другой стороны, страны Центральной Азии получают большие возможности развития, сотрудничая с самой мощной экономикой мира – китайской. При этом, как указывает Лю Цзяминь, в подобном сотрудничестве все акторы должны действовать весьма аккуратно и сбалансировать интересы, чтобы избежать ошибок, допущенных другими ведущими внешними силами в регионе (США, Евросоюз) [8, с. 76].

Начало дипломатических отношений между Казахстаном и Китаем датируется 1993 г., когда был подписан документ о дружеских отношениях между обеими странами. Документ содержал декларации о ненападении и об уважении суверенитета обоими партнерами. В 1995 г. договоренности были расширены гарантиями Китая о неиспользовании ядерного оружия против Казахстана. К концу 1990-х гг. между странами возникли противоречия в области использования водных ресурсов: исток многих рек Казахстана был локализован на территории Китая. Потенциальный конфликт был разрешен путем подписания в 2001 г. Соглашения об охране и правильном использовании приграничных рек.

Важным шагом в развитии партнерских отношений стало подписание в 2002 г. китайско-казахстанского договора о дружбе и сотрудничестве, в рамках которого: (1) страны выразили намерение развивать и укреплять отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества; (2) страны постановили сохранять мир в приграничных районах; (3) страны приняли решение о наращивании объемов сотрудничества в сферах экономики, науки и техники, культуры, образования и энергетики. В дальнейшем – в 2005 г. – состоялось подписание Совместной декларации об установлении и развитии стратегического партнерства [1, с. 129].

Казахстан и Китай, кроме того, ведут сотрудничество в рамках ШОС [14, с. 150]. На сегодняшний день Китай

является одним из ключевых торговых партнеров Казахстана – особенно в области экспорта сельхозпродукции. Китай, в свою очередь, инвестирует в транспортные, логистические, финансовые, страховые проекты, в нефтегазовую, строительную и горнодобывающую отрасли Казахстана. Достаточно интенсивно протекает сотрудничество в энергетическом секторе: так, к примеру, функционирует газопровод «Китай-Казахстан», развивается сотрудничество в атомной и ветровой энергетике [9, с. 290].

Китай и Казахстан за годы сотрудничества достигли множества договоренностей в области науки и технологий, в гуманитарной сфере и культуре. Взаимодействие между двумя странами в области культуры координирует Подкомитет по культурно-гуманитарному сотрудничеству КС РК-КНР. Базисом для партнерских отношений в культурно-гуманитарной сфере на текущий момент выступает Соглашение между Правительством РК и Правительством КНР о культурно-гуманитарном сотрудничестве, подписанное 31 августа 2015 г.

Следует сказать, что гуманитарному и культурному сотрудничеству между двумя странами традиционно уделяется меньше внимания – возможно, по причине наличия более актуальных и принципиальных внешнеполитических вопросов.

Тем не менее, анализ мероприятий, проводимых Китаем, позволяет сделать вывод о реализации стратегии «мягкой силы» в Казахстане. Так, в частности, Китай стремится сохранить положительный имидж в медиапространстве: китайская пресса стала выпускать материалы на казахском, в казахской версии изданий регулярно публикуются статьи об обществе, культуре и туризме Китая, а также о жизни китайских казахов. Крупная медиакорпорация China Media Group выпустила документальные фильмы о китайской культуре и о жителях Синьцзяна с переводом на казахский. Партнером China Media Group в Казахстане выступает телеканал Atameken Business. Топ-менеджеры этих и иных медиакомпаний двух стран работают над созданием совместного мультимедийного контента – минисериалов и видеоклипов, посвященных истории обеих стран [13].

Во многом политика «мягкой силы» основывается на этнической близости двух стран: так, в Синьцзяне говорят на уйгурском языке, относящемся к тюркской языковой семье – как и казахский. Данный факт неоднократно служил «опорной точкой» для сближения двух стран. В качестве примера можно привести проект Boursak Screen, ставший результатом культурного обмена между двумя странами в сфере кино и телевидения. Проект был инициирован в 2013 г. с целью формирования положительного имиджа китайской культуры и государственности среди казахстанской аудитории.

Важнейшим направлением в реализации стратегии «мягкой силы» Китая в Казахстане стало взаимодействие в сфере образования. Китай является второй по популярности, после России, страной среди казахстанской молодежи, желающей получить образование за рубежом. Образование выступает важнейшим компонентом стратегии «мягкой силы» Китая, так как благодаря ему формируется мировоззрение студентов, прибывших в Китай для получения образования.

Образовательный обмен осуществляется также в рамках Соглашения между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о связях в области образования. Китай и Казахстан, на основе соответствующего соглашения, приняли решение о взаимном признании документов о высшем образовании.

Получение казахстанскими студентами высшего образования в Китае происходит как в рамках официаль-

ных государственных программ (к примеру, президентская программа «Болашак»), так и в личном порядке. Большинство казахских студентов изучает китайский язык и культуру. Более того, в Китае функционирует несколько ассоциаций казахстанских студентов, которые объединяют учащихся вузов в 9 китайских городах (Пекин, Шанхай, Гуаньчжоу, Сиань, Урумчи, Далянь, Ухань, Сямэнь, Цзыбо). За 2015–2017 гг. в Китае при содействии Посольства Казахстана были открыты Центры Казахстана и кафедры казахского языка.

Образовательный обмен между двумя странами имеет двунаправленный характер: Казахстан также становится образовательной дестинацией для китайских абитуриентов. Следует отметить, что в Казахстане работает пять Институтов Конфуция – глобальной международной сети Института Конфуция [11, с. 301]. Также стратегия «мягкой силы» реализуется посредством издания совместных книг и периодики, проведения дней культуры.

В рассматриваемом нами сегменте двусторонних внешнеполитических отношений существует несколько рисков и проблем, которые до сих пор не получили разрешения. Среди них можно выделить следующие: (1) синофобские настроения в Казахстане, обусловленные сложным историческим «бэкграундом», проблемой трансграничных наций, спорами об использовании водных ресурсов, вопросами прав человека в Синьцзяне [14, с. 151]; (2) обеспокоенность возможной передачей земель китайским компаниям и засильем китайских предприятий [9, с. 290].

Еще один партнер Китая в центральноазиатском регионе – Узбекистан. Внешняя политика Узбекистана на протяжении последних десятилетий постоянно менялась – от политики нейтралитета и равноудаленности от мировых полюсов, до сближения с Западом и последующего охлаждения отношений. На текущий момент, согласно официальной документации, внешнеполитическая стратегия Узбекистана направлена на формирование пояса стабильности и добрососедства, состоящего главным образом из соседних стран [5, с. 493].

После распада Советского Союза Китай стал одной из первых стран, кто признал независимость Узбекистана и установил с ним дипломатические отношения. В 1994 г. был подписан «Протокол об основных принципах взаимоотношений и о развитии взаимовыгодного сотрудничества между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой». В 2004 г. состоялось подписание Совместной декларации о партнерских отношениях, дальнейшем развитии и укреплении дружбы и сотрудничества между Узбекистаном и Китаем, а в 2012 г. – Совместной декларации об установлении стратегического партнерства [16, с. 21–22]. Узбекистан и Китай сотрудничают в торгово-экономической, инвестиционной, научно-технической, транспортной, сельскохозяйственной сферах [10, с. 226].

Реализуются программы культурно-гуманитарных обменов [4, с. 338]. В Китае регулярно проводятся Дни узбекского кино, презентации туристского потенциала Узбекистана, каждые два года в Самарканде проводится международный музыкальный фестиваль «Шарк тароналари» («Мелодии Востока»). Историки двух стран ведут совместную работу в области археологии и реставрации исторических памятников. Академия наук Китайской Народной Республики создала в Узбекистане исследовательский центр комплексных лекарственных препаратов [16, с. 22]. Все это, безусловно, свидетельствует о стремлении к реализации политики «мягкой силы».

С каждым годом увеличивается количество узбекских студентов, изучающих китайский язык. Как и в Казахстане, в Узбекистане функционирует сеть Институ-

тов Конфуция – одного из наиболее действенных механизмов «мягкой силы». Институты Конфуция учреждены при Ташкентском государственном институте востоковедения и Самаркандском государственном институте иностранных языков. В Шанхайском университете международных исследований действует кафедра узбекского языка.

Важный вклад в развитие культурно-гуманитарного сотрудничества вносит Центр народной дипломатии ШОС (ЦНД) в Узбекистане; его партнером выступает Китайский комитет ШОС по добрососедству, дружбе и сотрудничеству (КДДС) [4, с. 340].

Издание книг, как и в случае с Казахстаном, выступает одним из способов создания положительного имиджа Китая за рубежом. В качестве примера можно привести издание трех книг на узбекском языке – «Восемьдесят восемь сказок восьми народов», «Восемь тысяч пословиц восьми стран», «Восемьдесят великих мыслителей восьми народов», альбома «Почтовые марки стран ШОС».

Китай регулярно инициирует программы обмена научными кадрами. Китайским ученым, которые заинтересованы в поездке в Узбекистан, Совет стипендиальных программ Китая предоставляет национальную и региональную программы грантов для поддержки научных талантов (с 2021 г.). Иностранные молодые учёные, прибывающие в Китай для продолжения учебы и для ведения научной деятельности, получают поддержку в рамках стипендиальной программы Великой Китайской стены [15, с. 277].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Стратегия «мягкой силы» предполагает реализацию мероприятий в образовательной, культурной, научной, языковой, гуманитарной сферах, благодаря которым формирует положительный имидж государства за рубежом – посредством методов, не связанных с принуждением.
2. Китай проявляет заметный интерес к сотрудничеству со странами центральноазиатского региона по причине ряда географических, геополитических и ресурсных аспектов. Страны Центральной Азии также нацелены на установление долгосрочных отношений с Китаем – одним из мировых экономических и политических полюсов.
3. Дипломатические отношения между Казахстаном и Китаем начались в 1993 году с подписания документа о дружбе и уважении суверенитета. Особое внимание уделяется экономическим связям: Китай является крупным торговым партнером Казахстана, инвестируя в инфраструктуру, энергетику и промышленность. Важную роль играет сотрудничество в рамках ШОС и развитие энергетических проектов. Культурно-гуманитарное взаимодействие развивается через образовательные программы, обмен студентами, работу Институтов Конфуция и совместные медиапроекты. В двустороннем сотрудничестве между Казахстаном и Китаем существуют риски, включая синофобские настроения в Казахстане, вызванные историческими и современными противоречиями (вопросы трансграничных наций, водных ресурсов, прав человека), а также опасения по поводу доминирования китайских предприятий в экономике Казахстана.
4. Сотрудничество между Китаем и Узбекистаном развивается на протяжении нескольких десятилетий. После распада СССР Китай признал независимость Узбекистана, что стало основой для подписания двусторонних соглашений – с 1994 года. Отношения

охватывают торгово-экономическую, инвестиционную, научно-техническую и культурно-гуманитарную сферы. Важным направлением сотрудничества является реализация политики «мягкой силы». Китай активно развивает культурные обмены: в Узбекистане работают Институты Конфуция, проводится фестиваль «Шарк тароналари», издаются книги на узбекском языке, популяризируется китайская культура через туристические и образовательные проекты. Кроме того, китайские университеты открывают кафедры узбекского языка, а узбекские студенты активно изучают китайский. Значительным элементом взаимодействия стали программы обмена научными кадрами, развитие совместных исследовательских проектов и учреждение специализированных центров. Также Китай поддерживает иностранные научные таланты посредством выделения грантов и стипендиальных программ.

Литература

1. Ван, Л. Некоторые аспекты партийного сотрудничества между Казахстаном и Китаем / Л. Ван // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – № 3 (41). – С. 137–144.
2. Воловик, Н.П. Страны Центральной Азии укрепляют сотрудничество с Китаем / Н.П. Воловик // Экономическое развитие России. – 2023. – № 5. – С. 37–50.
3. Гриценко, Р.А. Проблематика исследований мягкой силы как способа политического взаимодействия в культурно-философском контексте / Р.А. Гриценко // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2021. – № 3 (39). – С. 126–135.
4. Ергашбаев, М. Узбекистан и Китай: векторы культурного сотрудничества / М. Ергашбаев // ORIENSS. – 2022. – № Special Issue 26. – С. 338–340.
5. Казимир, Л.А. Внешнеполитическое развитие Узбекистана: новые ориентиры / Л.А. Казимир // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2024. – № 3. – С. 491–501.
6. Лебедева, М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы / М.М. Лебедева // Вестник МГИМО. – 2017. – № 3 (54). – С. 212–223.
7. Леонова, О.Г. Интерпретация понятия «Мягкая сила» в науке / О.Г. Леонова // Обозреватель – Observer. – 2015. – № 2 (301). – С. 80–89.
8. Лю, Ц. Интеллектуалы Казахстана о сотрудничестве Республики Казахстан и Китайской Народной Республики / Ц. Лю // Интеллигенция и мир. – 2021. – № 3. – С. 69–76.
9. Матюхин, А.В. Казахстан: векторы внешней политики / А.В. Матюхин, Ю.А. Давыдова, Е.В. Каргаполова // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 2. – С. 283–293.
10. Махмутова, Е.В. Роль Китая в современной внешней политике Узбекистана / Е.В. Махмутова // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2024. – № 29. – С. 222–231.
11. Меналов, Ш.А. Казахстанско-китайское сотрудничество в области науки и образования / Ш.А. Меналов, А.К. Нуржаубек // ORIENSS. – 2022. – № Special Issue 26. – С. 298–302.
12. Осташова, Я.В. Интерпретация «мягкой силы» отечественной политологией / Я.В. Осташова // МНИЖ. – 2021. – № 4–4 (106). – С. 229–232.
13. СМИ Казахстана и Китая расширяют сотрудничество // Международное информационное агентство «DKnews.kz». – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dknews.kz/ru/shelkovyuy>

put/301036-smi-kazakhstan-i-kitaya-rasshiryayut-sotrudnichestvo. – Дата доступа: 26.01.2025.

14. Хунцзян, Ч. Перспективы развития казахстано-китайских отношений в новых геополитических реалиях / Ч. Хунцзян // Известия Восточного института. – 2023. – № 1 (57). – С. 147–155.
15. Чуанья, Ц. Политика КНР в сфере интернационализации высшего образования и развитие образовательного сотрудничества Китая и Узбекистана / Ц. Чуанья, С.М. Юн // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2022. – № 482. – С. 113–124.
16. Юсупалиева, Д.К. Сотрудничество между Китаем и Узбекистаном / Д.К. Юсупалиева // Проблемы науки. – 2021. – № 1 (60). – С. 21–23.
17. Nye, J.S. Soft Power / J.S. Nye // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – С. 153–171.

CHINA'S "SOFT POWER" POLICY IN KAZAKHSTAN AND UZBEKISTAN AT THE PRESENT STAGE

Kudryashova Y.A.

Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

The article examines modern approaches to interpreting the category of "soft power". The importance of "soft power" strategies in modern geopolitics is noted. The study is focused on China's relations with the countries of Central Asia, and in particular – with Kazakhstan and Uzbekistan. The main stages in the formation of relations with the two countries are noted. The main official agreements that became the basis for partnership are highlighted. The main directions and prospects of cultural and humanitarian cooperation are outlined. The role of China's "soft power" policies in cooperation with Kazakhstan and Uzbekistan is presented.

Keywords: "Soft Power", China, Kazakhstan, Uzbekistan, cultural and humanitarian cooperation, Central Asia.

References

1. Wang, L. Some aspects of party cooperation between Kazakhstan and China / L. Wang // Eurasian integration: economics, law, politics. – 2022. – No. 3 (41). – P. 137–144.
2. Volovik, N.P. Central Asian countries strengthen cooperation with China / N.P. Volovik // Economic development of Russia. – 2023. – No. 5. – P. 37–50.
3. Gritsenko, R.A. Problems of soft power research as a method of political interaction in the cultural and philosophical context / R.A. Gritsenko // Humanitarian statements of TSPU named after L.N. Tolstoy. – 2021. – No. 3 (39). – P. 126–135.
4. Ergashbaev, M. Uzbekistan and China: Vectors of Cultural Cooperation / M. Ergashbaev // ORIENSS. – 2022. – No. Special Issue 26. – P. 338–340.
5. Kazimir, L.A. Foreign Policy Development of Uzbekistan: New Guidelines / L.A. Kazimir // Bulletin of RUDN. Series: Political Science. – 2024. – No. 3. – P. 491–501.
6. Lebedeva, M. M. "Soft Power": Concept and Approaches / M.M. Lebedeva // Bulletin of MGIMO. – 2017. – No. 3 (54). – P. 212–223.
7. Leonova, O.G. Interpretation of the concept of "Soft power" in science / O.G. Leonova // Observer. – 2015. – No. 2 (301). – P. 80–89.
8. Liu, C. Intellectuals of Kazakhstan on cooperation between the Republic of Kazakhstan and the People's Republic of China / C. Liu // Intelligentsia and the World. – 2021. – No. 3. – P. 69–76.
9. Matyukhin, A.V. Kazakhstan: vectors of foreign policy / A.V. Matyukhin, Yu.A. Davydova, E.V. Kargapolova // Social and humanitarian knowledge. – 2022. – No. 2. – P. 283–293.
10. Makhmutova, E.V. The Role of China in the Modern Foreign Policy of Uzbekistan / E.V. Makhmutova // China in World and Regional Politics. History and Modernity. – 2024. – No. 29. – P. 222–231.
11. Menalov, Sh.A. Kazakh-Chinese Cooperation in Science and Education / Sh.A. Menalov, A.K. Nurzhaubek // ORIENSS. – 2022. – No. Special Issue 26. – P. 298–302.
12. Ostashova, Ya.V. Interpretation of "Soft Power" by Domestic Political Science / Ya.V. Ostashova // MNIZH. – 2021. – No. 4–4 (106). – P. 229–232.

13. Kazakhstan and China's media expand cooperation // International information agency "DKnews.kz". – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://dknews.kz/ru/shelkovyy-put/301036-smi-kazahstana-i-kitaya-rasshiryayut-sotrudnichestvo>. – Access date: 01/26/2025.
14. Hongjiang, C. Prospects for the Development of Kazakh-Chinese Relations in the New Geopolitical Realities / C. Hongjiang // Bulletin of the Eastern Institute. – 2023. – No. 1 (57). – P. 147–155.
15. Chuanya, C. China's Policy in the Sphere of Internationalization of Higher Education and the Development of Educational Cooperation between China and Uzbekistan / C. Chuanya, S.M. Yun // Vestn. Tom. state. un-ta. – 2022. – № 482. – P. 113–124.
16. Yusupalieva, D.K. Cooperation between China and Uzbekistan / D.K. Yusupalieva // Problemy nauki. – 2021. – № 1 (60). – P. 21–23.
17. Nye, J.S. Soft Power / J.S. Nye // Foreign Policy. – 1990. – № 80. – P. 153–171.

Из опыта анализа остаточных знаний по русскому языку у российских студентов (на материале письменных работ студентов 1 курса бакалавриата НИУ МГСУ)

Юсупова Светлана Николаевна,

старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Национальный исследовательский московский государственный строительный университет
E-mail: YusupovaSN@mgsu.ru

Качество остаточных знаний по русскому языку у студентов 1 курса бакалавриата является важной составляющей дальнейшего успешного обучения будущих инженеров в технических вузах и фактором, способным оказать влияние на написание студентами выпускной квалификационной работы на должном уровне. Проведённый анализ выявляет наиболее трудные для освоения темы в грамматике и лексике русского языка, а также эффективность подготовки школьников к сдаче единого государственного экзамена по русскому языку.

Ключевые слова: остаточные знания по русскому языку, динамика изменения уровня владения русским языком, ЕГЭ, культура речи, речевые ошибки, студенты технических вузов.

Введение

До 2020–2021 учебного года (включительно) в образовательную программу для российских бакалавров 1 курса всех институтов НИУ МГСУ входила дисциплина «Русский язык. Культура речи», что позволило автору настоящей статьи проанализировать качество школьных остаточных данных по русскому языку у исследуемого контингента и отследить динамику изменения уровня владения ими русским языком под влиянием подготовки к ЕГЭ. С 2009 по 2021 год автором статьи было проанализировано около 2000 письменных работ студентов (развернутые ответы на 17 вопросов анкеты), что позволяет сделать некоторые выводы об эффективности ЕГЭ при освоении определённых грамматических тем и правил акцентологии, а также о том, что проблемы с использованием лексики до сих пор остаются актуальными. Рассмотрим подробнее наиболее трудные для обучающихся правила русского языка.

Результаты и обсуждение

Ошибки в акцентологии зачастую связаны с влиянием средств массовой информации, когда блоггеры и телеведущие неправильно ставят ударения в словах, что заставляет слушателей повторять ошибку. Наиболее частотны ошибки в следующих словах: обеспечение, вероисповедание, свёкла, позвонит, включит, долбит и др. В 2009–2013 г.г. более 80% бакалавров произносили эти слова неправильно. Начиная с 2015 года, ситуация начала меняться, и сегодня лишь около 10% студентов произносят эти слова неправильно (особенно хорошо заметен прогресс в случае со словом «позвонит»).

Что касается орфографии, то здесь нельзя говорить о значительном улучшении грамотности обучающихся, так как одни ошибки сменяются другими. Однако следует отметить, что такая частотная ошибка, как написание слова «будущий» с суффиксом –ЮЩ (будущий), постепенно исчезает. Так, в 2013–2014 учебном году из 280 студентов эту ошибку сделали 10 человек (приблизительно 3,5%), а в 2016–2017 уч.г. из 40 студентов такую ошибку сделал 1 человек (2,5%). В 2020–2021 учебном году такая ошибка не была замечена в письменных работах студентов. Продолжают оставаться проблемными при написании слова «профессия», «искусство», «грамотность» и производные от них.

Иногда обучающиеся забывают о том, что некоторые иноязычные слова, заимствованные и не до конца освоённые русским языком, не изменяются по падежам, и допускают ошибки такого рода: «Моим жизненным **кредом** является ...». И, к сожалению, всё ещё актуальны проблемы со склонением числительных и с построением сравнительной и превосходной форм прилагательных: «...*добиться более лучших результатов*» (ИЭУИС 2012/2013 уч.г.).

В 2012–2014 годах были частотны ошибки в написании производных предлогов: «...по окончанию девяти классов я решила пойти в колледж» (ТГВ, 2012/2013 уч.г.). Конечно, эти ошибки встречаются и сейчас в письменной и устной речи студентов, даже несмотря на то,

что в тестовую часть ЕГЭ были введены задания на правописание производных предлогов. Можно отметить, что сегодня гораздо большее число студентов уже знает о правильном окончании в таких производных предлогах, как *по приезде, по прилёте*.

Следующим разделом русского языка, где после анализа остаточных знаний у бакалавров 1 курса было выявлено плохое усвоение материала школьной программы, является синтаксис. Ошибки в синтаксисе чаще всего связаны с неправильным глагольным управлением, неправильным построением сложного предложения и с неправильным построением предложения с деепричастным оборотом.

Несмотря на большую работу, проводимую при подготовке к ЕГЭ, глагольное управление по-прежнему является трудной темой для молодых носителей русского языка. Частично это связано с общей тенденцией к изменениям в структуре сложного предложения, когда по примеру английского языка носители русского языка перестают употреблять указательные местоимения в главном предложении: «...*главная проблема, что я не могу вовремя сформулировать речь*» (ИГЭС, 2014/2015 уч.г.). Об этом косвенно свидетельствуют и изменившиеся требования со стороны методистов ФИПИ к строгости оценивания подобной ошибки в сочинениях на ЕГЭ. Так, сейчас при оценивании эссе уже не учитывается как ошибочная конструкция «*автор хотел донести, что ...*», ранее считавшаяся неправильной, так как здесь налицо лексическая недостаточность (вместо «*хотел донести до читателя мысль о том, что*»).

Влияние английского языка не единственная причина ошибок в глагольном управлении. Вероятно, подобные ошибки часто связаны с недостаточным читательским опытом школьников и студентов. Примеров ошибок в глагольном управлении очень много: «... я ориентирован на добросовестности, на добросовестной работе (вместо *на добросовестность, на добросовестную работу*; ИСА, 2013/2014 уч.г.); «...*деловой человек должен говорить конкретно по своим целям*» (ТГВ, 2012/2013 уч.г.); «...*в технических вузах должен быть уклон на точные науки*» (ТГВ, 2012/2013 уч.г.).

Иногда ошибка в употреблении правильного падежа после глагола может быть спровоцирована спонтанностью при построении предложения. Так, например, глагол *считать* требует постановки существительного в форме винительного и творительного падежей. Перебирая фразу в процессе написания, студент забывает поставить существительное в нужный падеж: «*А слабые мои стороны я считаю доверчивость*» (ТГВ, 2012/2013 уч.г.). Чтобы избежать ошибок в синтаксисе, необходимо перечитать написанное: «...*деловой человек знает всё, чем он занимается, и желающий добиться более лучших результатов*» (ИЭУИС 2012/2013).

Ещё одной проблемой, связанной с синтаксисом предложения, является употребление глагола вместо отглагольного существительного в позиции после другого глагола (такая конструкция характерна для научного и официально-делового стилей речи). Поступив в университет, бывшие школьники пытаются говорить, используя эти функциональные стили речи, однако у них нет достаточного навыка для этого, что становится причиной многочисленных ошибок. В письменных работах студентов встречаются такие предложения: «...*профессия инженер подразумевает управлять группой людей*», «...*главной целью я считаю создать семью, воспитать ребёнка*» (ИСА, 2013/2014 уч.г.); «...*я бы хотел овладеть юридической специальностью, так как знать свои права и обязанности является неотъемлемой частью нашей жизни*» (ИСА, 2012/2013 уч.г.); «...*на данном этапе це-*

лью моей жизни является подняться по карьерной лестнице» (ТГВ, 2012/2013 уч.г.) и т.п. Для того чтобы предложение было построено правильно, необходимо поставить вместо глагола отглагольное существительное, например: *подразумевает управление, считаю создание семьи и воспитание, знание является неотъемлемой частью* и т.д.

При построении сложного предложения студенты нередко ошибаются с выбором союза, что вызвано незнанием разрядов придаточных предложений, непониманием, какой вопрос задаётся от главного предложения к придаточному. Более того, обучающиеся могут путать синонимичные конструкции, требующие разных союзов: «...*как мне кажется, что если человек работает по специальности как профессионал, другая специальность не нужна*» (ИЭУИС 2020/21 уч.г.); «...*честно сказать, что я ещё не до конца могу назвать себя деловым человеком*» (ТГВ, 2012/2013 уч.г.). Студенты не видят разницы между синонимичными фразами «*честно говоря*» и «*сказать по правде*», «*как мне кажется*» и «*мне кажется, что*».

Ошибка в построении деепричастного оборота, как ни странно, очень частотна в речи журналистов, что тиражирует эту ошибку среди зрителей и слушателей: «*Достигая одну, сразу появляются другие цели*». Следует сказать, что в последние годы ФИПИ и школьные учителя уделяют особое внимание вопросу правильного построения предложения с деепричастным оборотом, что заметно улучшило ситуацию с деепричастными оборотами в речи студентов.

И всё же наибольшее количество ошибок допускается в лексике. Здесь мы традиционно встречаем нарушение лексической сочетаемости слов (НЛСС), паронимы, плеоназмы, лексическую недостаточность, образование неологизмов, использование слов в несвойственном им значении.

Классические ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости слов – это путаница с устойчивыми выражениями, например, *играть роль и иметь значение*: «... *культура речи не имеет большой роли*» (ТГВ, 12/13); «...*пристальное значение следует уделить; окажет значение*» (ИЭУИС 12/13). Благодаря проработке этой ошибки при подготовке к ЕГЭ, студенты стали реже допускать смешение этих двух фраз. Однако появляются новые ошибки, свидетельствующие не столько о незнании того, как правильно употреблять глаголы, сколько либо о невнимательном прочтении слова, либо о непонимании его значения: «...*нужно употребляют пристальное внимание* орфографии и орфоэпии» (ИЭУИС, 12/13); «...*культура речи в моей профессии будет носить поверхностный характер*» (ИСА, 13/14); «...*к употреблению ненормативной лексики отношусь умеренно*»; «...*проявления жаргона допустимо только в самых узких кругах*» (ИЭУИС, 12/13); «...*любой человек вынужден по делу своей речи* общаться с большим количеством людей»; «...*значение культуры речи уменьшается до минимальной планки*». Неуместное использование речевых клише зачастую является причиной речевой ошибки. Иногда студенты допускают сразу несколько ошибок в одном словосочетании – тавтология и нарушение лексической сочетаемости слов: «...*должны знать* хотя бы поверхностные *знания* о культуре речи» (ТГВ, 12/13); «... *после вуза я должен стать специализированным специалистом*». Вероятно, что тавтология является следствием невыработанной привычки проверять написанное. Тавтология часто встречается в письменных работах обучающихся: *соорудить сооружение, дипломированный специалист по специальности; заниматься профессиональными предме-*

тами по **профессии; индивидуальный индивид**, она **сильно усиливается** моим терпением (ИСА, 12/13); «... существует много **работ**, где можно **работать** без высшего образования» (ТГВ, 12/13).

Неразличение значений синонимов, неправильное использование паронимов также провоцируют ошибки в речи студентов: «...должны **изучать** лексику и **грамотность** (ИСА, 13/14); «... **ситуация проходит** очень **волнительно**» (ТГВ, 12/13); «...моя **профессия обширная**» (ИГУН, 12/13); «...экономист – интересная и **обширная профессия, разносторонняя работа**» (ИЭУИС, 12/13); «**разносторонние специальности**» (ТГВ, 12/13); «...**высокопоставленные** руководящие **должности**» (ИСА, 13/14); «...**услугой данной специальности** вы сможете воспользоваться ещё раз» (ИЭУИС, 12/13); «...моя будущая **профессия является** одной из главных **составляющих** в строительстве» (ИЭУИС, 12/13); «...в своей жизни я стремлюсь к **финансовой устойчивости**» (ИСА, 13/14); «...мои **слабые стороны** характера **затмевают** всё остальное» (ИЭУИС, 13/14); «...при устраивании на **квалифицированную работу**» (ТГВ, 12/13); «...эту специальность я выбрал из-за **нужды знаний**» (ИЭУИС 13/14); «...хочу активную, **коммуникабельную, интересную работу**» (ТГВ, 12/13); «...эти два **недуга (лень и осторожность)** я стараюсь искоренить» (ИЭУИС 13/14); «...**речь** очень сильно **сказывается** на восприятии информации»; «...**занижать себя**» (ИСА, 13/14); «...хорошо **сформулирована речь**» (ИЭУИС, 13/14); «...каждый допускает **скрытные ошибки**»; «...у меня в устной общении есть **преграды**, которые хочу **перебороть**».

Среди паронимических пар по частотности ошибочного использования можно выделить глаголы *владеть* и *обладать*: «... хотела бы **обладать** в совершенстве **английским языком**» (ИЭУИС 15/16), «...хотела бы **обладать** **специальностью** в туристической сфере» (ТГВ, 12/13); «...**обладать культурой речи**» (ТГВ, 12/13); «...; деловой человек должен **обладать** хорошей **культурой речи** (ИЭУИС 12/13).

Не менее трудным является использование глаголов научного стиля речи «включать в себя» и «заключаться в чём-то»: «...**профессия включает в себя анализ** ситуации ... на рынке» (ИЭУИС 15/16); «...моя **профессия заключается в том**, что нужно составлять сметы» (ИЭУИС, 13/14); «...моя будущая **профессия заключается в общении** с людьми» (ТГВ, 12/13).

Ещё одной распространённой речевой ошибкой являются плеоназмы, речевая избыточность: *очень многопрофильная, в нашем современном обществе, для дальнейшей рабочей деятельности (ИЭУИС, 20/21), материальное благосостояние (ИЭУИС, 20/21), в моей жизненной практике уже был такой опыт (ТГВ, 12/13), лично я, самый лучший учитель; на данный период (момент) времени (ИЭУИС 12/13, ИЭУИС 13/14, 15/16)*, я знаю даже *очень достаточно* (ИЭУИС 20/21). Очень живуч и популярен плеоназм «профессионал своего дела». К сожалению, эта ошибка тиражируется СМИ, и студенты повторяют её многократно (ИСА, 12/13, 13/14, ИЭУИС 20/21). В одном предложении может быть несколько речевых ошибок (плеоназм и НЛСС): «...этот **вывод исходит** из того, что; я предпочитаю **работу**, которая **не имеет** однотипной и повторяющейся **деятельности**» (ИЭУИС, 20/21).

Особенно много ошибок в использовании иноязычных и книжных слов, значение которых не понимается говорящими: «...культура речи – это очень важный **фактор** делового человека»; «...должен обладать **знаниями разных аспектов**, чтобы продвигаться по службе» (ИЭУИС 15/16); «...стать **инженером с большим**

диапазоном деятельности» (ТГВ, 12/13); **специалист широкого спектра**» (ИСА, 12/13) «...главным жизненным принципом является **окончание** обучения в вузе» (ИЭУИС 13/14); «...в каждой **профессии** появляются новые **аспекты**» (ИЭУИС 12/13); «...в технических вузах есть управленческие, маркетинговые и другие **гуманитарные азы** в специальностях» (ИЭУИС 12/13); «... МГСУ – самый **респектабельный** и один из успешных заведений, оправдывает свой **статус**».

Необходимо отметить и создание студентами неологизмов, особенно в образовании отвлечённых существительных: «...мои сильные черты характера – **хладнокровность, упорность**» (ИЭУИС 20/21), «... неправильное **поставление** удара», «...профессия **востребуема**», «...слабая черта – **ленивость**, деловому человеку не **допустительно** выражаться ненормативно (ИЭУИС 12/13), «...моя цель – стать **высокоспециализированным** экономистом» (ИЭУИС 12/13), «...считаю свою профессию очень **востребовательной**» (ИСА, 12/13); «... специальность будет очень **востребованной**» (ТГВ, 12/13). В основе некоторых ошибок лежит отсутствие практики в употреблении слов научного, официально-делового стилей речи. Вершиной подобного словотворчества стало слово **корпускулёзность**, использованное при ответе на вопрос о сильных и слабых чертах характера. Очевидно, здесь имеет место недостаточно хорошее знание термина *корпускула* и значения иноязычного слова *скрупулёзный*.

И, конечно, нельзя не сказать об ошибках во фразеологизмах. Нарушение фразеологических оборотов также вызвано недостаточным читательским опытом: «... **найти общий интерес** с любым человеком; разобраться с проблемой **до победного этапа**» (ИЭУИС 12/13); «... моя мама окончила МГСУ, и я решила **пойти по её следам**» (ИСА, 13/14); «...человек **вкладывает** силу» (ИЭУИС, 13/14).

Когда студенты не анализируют написанный текст, возникают алогизмы: «...студенты должны изучать русский язык, чтобы не допускать ошибок на производстве» (ИСА, 13/14); «...русский язык нуждается в практике» (ИСА, 13/14); «...я отношусь отрицательно к употреблению жаргона и ненормативной лексики и частично ругаю себя за это» (ИЭУИС, 13/14); «...жаргонизмы калечат русский язык, искореняя его из употребления людей» (ИЭУИС 13/14).

Заключение

Анализ ошибок студентов в письменной и устной речи позволяет сделать следующие выводы:

- 1) большая часть ошибок связана с лексикой, что является следствием отсутствия достаточного читательского опыта, а также влиянием средств массовой информации;
- 2) благодаря проработке отдельных грамматических тем при подготовке к ЕГЭ преподавателям русского языка удалось уменьшить количество ошибок, о чём свидетельствуют остаточные знания студентов.

Литература

1. Глазунова О.И. Грамматика русского языка в упражнениях и комментариях. Морфология. – 3-е изд. – СПб: «Златоуст», 2005. – 424 с. ISBN 5-86547-292-5
2. Дорофеева Т. М., Лебедева М.Н. Учебная грамматика русского языка. 53 модели. Базовый курс. – М.: Русский язык. Курсы, 2008. – 280 с. ISBN 5-88337-005-5

3. Лазуткина Е.М. Словарь грамматической сочетаемости слов русского языка. – М. АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013–352 с. – (Малые настольные словари русского языка). ISBN 978-5-462-01146-7

FROM THE EXPERIENCE OF ANALYZING THE RESIDUAL KNOWLEDGE OF THE RUSSIAN LANGUAGE AMONG RUSSIAN STUDENTS (BASED ON THE MATERIAL OF WRITTEN WORKS BY 1ST YEAR UNDERGRADUATE STUDENTS OF THE NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY MGSU)

Yusupova S.N.

National Research Moscow State University of Civil Engineering

The quality of the residual knowledge of the Russian language among 1st-year undergraduate students is an important component of the further successful training of future engineers in technical universities and a factor that can influence students to write their final qualifying work at the proper level. Russian Russian grammar and

vocabulary The analysis reveals the most difficult topics to master, as well as the effectiveness of preparing students for the unified state exam in the Russian language.

Keywords: Russian language residual knowledge, dynamics of changes in the level of proficiency in the Russian language, the Unified State Exam standard speech, speech errors, students at technical universities.

References

1. Glazunova O.I. Russian grammar in exercises and comments. Morphology. – 3rd ed. – SPb: “Zlatoust”, 2005. – 424 p. ISBN 5-86547-292-5
2. Dorofeeva T. M., Lebedeva M.N. Educational grammar of the Russian language. 53 model. Basic course. – M.: Russian language. Courses, 2008. – 280 p. ISBN 5-88337-005-5
3. Lazutkina E.M. Dictionary of grammatical combinations of words of the Russian language. – M. AST-PRESS BOOK, 2013–352 p. – (Small desktop dictionaries of the Russian language). ISBN 978-5-462-01146-7

Технология перевернутого класса в контент-ориентированном преподавании иностранного языка

Соколова Алла Германовна,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: as.falconi@yandex.ru

Девятникова Ксения Георгиевна,

доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: kdeviatnikova@yandex.ru

Конькова Анастасия Александровна,

преподаватель кафедры иностранных языков, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: nastyako13@mail.ru

Исследование посвящено изучению образовательной технологии «перевернутого класса», используемой в преподавании естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин, в том числе иностранных языков. Авторами проанализированы достоинства и недостатки инновационного подхода, предложена модель распределения времени урока с использованием технологии перевернутого класса и педагогические условия для её успешной реализации. Исследование рассматривает отношение студентов к применению данного подхода на занятиях иностранного языка в высших образовательных учреждениях.

Ключевые слова: игровые технологии, геймификация, перевернутый класс, мотивация, высшее образование, преподавание английского языка как иностранного.

Introduction

Nowadays, higher education is adapting to a new educational environment, with the so-called '*digital natives*' being the main target group. This means that teaching-learning process is actively using new strategies such as gamification and game-based learning aimed at the enhancement of commitment skills, increase in motivation and engagement of learners. Educational process is supported by innovative teaching strategies actively incorporating information and communication technologies (TIC) [1]. Application of gamification strategy can result in the achievement of a high level of learners' engagement and motivation when students become so engrossed in the game activity that they would rather continue with it than end the lesson [2]. Didactic support strategies undergo evolution and get outplayed by new teaching methodologies addressed to the needs of modern educational actors.

The use of TICs throws a challenge to educational institutions as the level of their application is limited to instrumental management and knowledge. Knowledge-acquiring process in higher educational institutions still widely employs traditional old-school methodologies, regardless having highly qualified lecturers, high-tech appliances and modern software complexes.

Educational technology of *flipped learning*, one of the most recent methodologies, is based on four pillars, namely: flexible educational environment, intentional content, culture learning, and the last but not least – professional educators. The name itself means the inversion of a traditional structure. Flipped classroom as a form of blended learning suggests that an educator records the lesson, disseminates the recording to students, students preview the recording before the lesson at home via electronic means, and then the freed classroom time is occupied by various learning activities. As university teachers do not deliver the lecture in the classroom, more time is allocated to active interaction among students, conducting discussion, practical application activities, etc. Flipped learning involves more usage of technology and can be widely applied in teaching natural sciences such as physics, chemistry, biology and also social sciences, in particular foreign language (FL) teaching [3].

The objective of the present study is to investigate and analyze the flipped classroom as an instructional model for FL teaching in higher educational institutions. The research is based on the study of scientific literature on the topic and the results of authors' own studies and observations. To achieve the set objective the authors have attempted to answer the following research questions:

1. What is the flipped classroom?
2. When and how was the flipped classroom originated?
3. What is the typical structure of flipped classroom lesson?
4. What are the strengths and possible shortcomings of this instructional model?
5. What is the attitude of students toward the flipped classroom?

Results and findings

In the scientific literature, numerous definitions of the *flipped classroom* concept can be found. There is a divergence of

scientists' opinions as to whether the flipped classroom should be regarded as an event, a didactic or pedagogical approach, a learning strategy, an educational technique or an instructional model.

There is also confusion between the terms '*flipped classroom*', '*flipped learning*' and '*flipped teaching*' that are used interchangeably in scientific texts. According to Mohan [4], these terms are commonly used to describe an instruction when traditional face-to-face lectures are eliminated from the classroom and replaced by prerecorded ones supported by the presentations in PowerPoint, animated films, materials posted on websites. Having received the access to the materials, students undertake home-based activities, so the cleared time in the classroom is given to cognitive tasks performed by the learners under the teacher's guidance.

This format has gained popularity during university closure in pandemic times when distance, hybrid or blended type of learning was the only available option. Before that, up to 80% of a university course was taught in a traditional in-classroom learning environment. Educational activities were transferred to e-learning instruction that actively incorporated videoconference format, social media groups, online platforms. For example, due to the impossibility of conducting face-to-face chemistry laboratory works during the pandemic, lecturers in National Research Moscow State University of Civil Engineering (NRU MGSU) pre-recorded the methodology of the laboratory work, posted it on an approved online platform and sent the link to students for self-review. After independent viewing, theoretical background was explained followed by the laboratory work discussion, questions for self-preparation were checked and corrected, etc. With the help of digital platforms and file-sharing, the instructor is able to track the viewing of the recorded material, the number of downloads as well as the time spent by students to study it. In addition, it is technically possible to identify students who have not viewed and studied the provided educational materials. Nowadays, the pace of knowledge-building has accelerated immensely so that in the classroom only 5–10% of knowledge is acquired, whereas the university teacher is no longer acts as a conveyor of established knowledge.

When applying the methodology of flipped classroom, actual time in the classroom is dedicated to deepening students' understanding of the topic by means of relevant educational activities organized by the teacher. These activities might include group projects, discussions among peers, debates, scientific battles, round tables, laboratory activities, etc. At the same time, the method incorporates the individual preparation of a student before implementation of a class activity by means of the usage of various resources, such as websites, software apps, reading books, documents, watching pre-recorded videos, and also completing set assignments, e.g. quizzes, filling up questionnaires, crosswords, tests.

So, an educator rather acts as a "guide on the side" than a "sage on the stage" [5] while the learners, respectively, are not just recipients of disseminated knowledge but active participants and partners in the teaching-learning process. Having become protagonists of their own learning, students are expected to acquire new skills, research information, participate in discussions, prepare and represent case-studies and projects, investigate the object of the study. Although this methodology seems very ambitious and not realistic in its implementation, it has proven to be successful.

When applying flipped classroom methodology, the possible courses of action have no limit and only depend on the time and resources at the disposal of the teacher, his/her creativity, work situation and the audience. Teachers might experiment with the revolutionary flipped classroom approach in their own way. It should be noted that the application of this approach surely requires high intrinsic motivation of students

and great enthusiasm on the part of the teacher. The teacher's role in the classroom is focused on providing assistance and guiding students as well as broad integration of available technological means, which are relevant and attractive to students' lifestyle [6].

Nevertheless, introduction and active implementation of the flipped classroom instructional model has multiple benefits but also few shortcomings [7].

Advantages of flipped classroom model application comprise the following:

- improved time allocation during the lesson as learners have already studied the topic at home outside the classroom hours. The assumption is made that all students have thoroughly and responsibly studied the material presented by the lecturer;
- students undertake more responsibility for their learning, especially in part of self-tuition. If they come to the lesson unprepared, their engagement and the impact of the lesson drops dramatically. Altogether, the responsible attitude of students to flipped classroom model would result in increased motivation and improved learning outcomes as the time dedicated to studying the specific topic of the course is practically doubled;
- students try not to fall behind, not to miss lessons, to find time and technical possibilities for preparation, to partake in discussion of the studied material during lessons, to interact actively with an educator and peers. Immediate feedback, active teamwork, developing learning capacities by means of cooperation are also becoming very important;
- the pre-recorded materials can be reused an unlimited number of times, including the online courses for main and extra-curricular educational programmes, as well as for revision and preparation for a test, exam or any interim knowledge assessment;
- this instructional model allows students to learn at their own pace, develop and enhance online research and digital competences. Learners become more independent and take control over learning process.

Downsides of the model are seen as follows:

- if a student did not have the opportunity to prepare for a lesson for any reason, he/she would prefer to miss the lesson rather than come unprepared, resulting in poorer attendance overall. At the same time, an irresponsible or poorly informed student might possibly make an appearance at the lesson and come unprepared that would have an adverse effect on overall learning outcomes of the lesson;
- not all the students might have an access to the Internet that enables them to watch or read the material and solve the tasks at home;
- active class work aimed at discussing and working through the material viewed and studied at home should not turn into a teacher's review of homework assignments;
- from the teacher's side, preparation of high-quality videos is very time- and resource-consuming process. Some teachers see this as double work, first preparing a PowerPoint presentation on the topic, setting up the equipment, recording the video itself, ideally on the first attempt, dubbing the video, developing assignments for the video, etc.;
- the overall success of flipped classroom instructional model requires very strong intrinsic motivation on the part of the learners. If learners' motivation is absent or demonstrated at an inappropriate level, conducting a lesson based on the flipped classroom model will be doomed to sure failure.

The proposed stages for a flipped classroom lesson are exemplified by a lesson of foreign language in the civil engineering university and might include:

Stage 1. Preparatory activities done by a university teacher and students.

For this stage, the teacher selects the materials on the topic, for example, “The use of conditional sentences in English”, that include theoretical framework, examples of their use (might include quotes from books, songs or films), prepares the PowerPoint presentations, elaborates the study guide, records the video, uploads the video and all necessary resources and files on video hosting websites or approved educational platforms and distributes the link to the group making sure that everyone gets the access to resources.

Preparatory activities of a student comprise watching the received material at home before the lesson (ideally well in advance), while the video can be paused, rewind or interrupted for note taking and revising the main ideas of the lesson. Students might read/ watch the received educational material at the time, pace and place convenient to them, all at once or in chunks, once or multiple times if needed. Students are also supposed to answer the questions from the study guide and submit the answers to the teacher before the lesson. Ideas can be exchanged and discussed with peers online via chats, forums, etc.

Stage 2. Classroom activity during the lesson.

The lesson starts from frontal activity, which includes asking short questions relating to the issues not fully understood from the recorded lecture. The teacher answers the questions, gives comprehensive explanation and evaluates the learning outcome making sure everyone has studied the provided educational material. Frontal activity is followed by student group work that includes research-based activity, answering the questions addressed by the students, provision of individual support to those who are struggling with acquiring new knowledge on the topic. In a meantime, the other students can actively collaborate and work in teams so that the knowledge is acquired in the course of discussion with peers and/or teacher.

Group work flows into individual activity when learners partake in problem-solving, test, crosswords, completing exercises that are marked the same in the traditional model of instruction. The group activities might be successfully alternated with the individual ones. Obviously, such structure of a lesson requires thoughtful preparation and the detailed plan from the teacher’s part, with few possible deviations from the set course of actions in the event that some parts of the plan will not work out.

Stage 3. Group and individual activities followed the lesson.

These might include making up portfolios (especially for future architects, urban planners and conservation engineers), problem solving, doing exercises, group or individual project work, performing self-evaluation or cross-evaluation, revision of the most challenging questions and giving the feedback on the lesson.

From the revised Bloom’s Taxonomy perspective (fig.1), the flipped classroom instructional model activates learners’ inferior thinking level (knowing, understanding, remembering). In-classroom educational activities develop the superior thinking levels that include application, analysis, evaluation and creation. Learners work under the guidance of the educator and get feedback from their peers.

The model of flipped classroom can be successfully applied at the tertiary education level for typical double classes of 1 hour 20 minutes. Table 1 showcases the proposed distribution of activity periods for the traditional approach and, on the contrary, the flipped classroom approach, exemplified by a FL language lesson (tabl. 1).

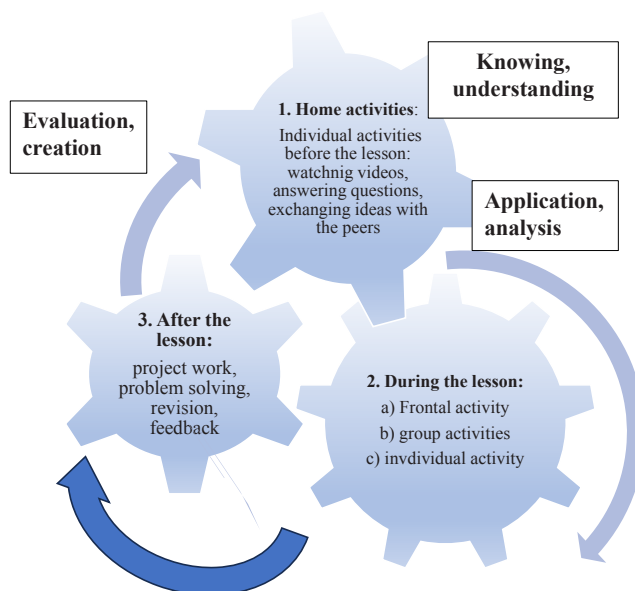

Fig. 1. The Flipped Classroom Model

Table 1. Comparative analysis of time distribution. Traditional classroom vs flipped classroom

Traditional classroom	Allocated time	Flipped classroom	Allocated time
Warming up activity	5 minutes	Warming up activity	5 minutes
Checking the homework prepared prior to the new lesson	20 minutes	Answers based on the videomaterials watched before the lesson	10 minutes
The teaching of a new topic (grammar, active vocabulary, etc.)	30–45 minutes	–	–
Exercises, application, case-studies, role-plays	20–35 minutes	Exercises, application, case-studies, role-plays	65 minutes

This table containing the time allocation to various in-classroom activities should be used as a guidance only. Flipped classroom approach is seen as rather flexible instructional model enabling teachers to experiment, to be creative, to exercise more freedom. An educator can also appeal to the students engaged in model's application for crowdsourcing of ideas and feedback after the lesson.

What is the attitude of students toward this instructional model? Social behavior is commonly explained by the attitude, described as a disposition of a person to give a favorable or unfavorable response to an event, person, or object. The degree of favorability of people toward themselves or some aspects of environment surrounding them can vary significantly. The previous studies have shown that attitude of students towards flipped classroom does not depend significantly on the type of higher educational institutions, on gender of students, their locality, residence or parental literacy [8]. The attitude of students towards flipped classroom should be studied and analyzed throughout the semester or academic year, with some reference points at the start of the course, in the middle of the semester, and in the end of the course/or after exam or credit when students can get objective unbiased appraisal of the innovative instructional model. The assessment can be done in the form of questionnaires, surveys, and also by means of conducting interviews, so the

mixed model of results evaluation is preferable for obtaining the feedback from the students.

Conclusions

To conclude, in the instructional model of flipped classroom the entire learning activity is centered on the student, whereas the educator acts as a guide or a mentor. The model combines synchronous and asynchronous educational activities in a flipped learning environment where university teachers act as trainers or educators helping learners to overcome arising difficulties in application of this concept. This instructional model can be successfully applied at both the university and pre-university level in combination with traditional models of instruction for teaching natural, social sciences and humanities. It should be noted that though this model has been proven effective, it requires a lot of dedication and extra work on the part of the teacher as well as a responsible approach and motivation on the part of the students.

Литература

1. Метелькова Л.А. Использование социальных сетей в иноязычной подготовке студентов инженерно-строительных специальностей // Инженерное образование. 2023. № 34. Сс. 136–146. DOI: 10.54835/18102883_2023_34_12
2. Соколова А.Г., Десятникова К.Г. Едьютейнмент как новая образовательная технология: сравнительный анализ Edutainment as a New Educational Technology: A Comparative Analysis//Lecture Notes of Civil Engineering. PCSF 2023. 2023. Том 830. Сс. 302–318.
3. Пониквер Ф., Пател Б.А. Применение и оценка перевернутого класса на занятиях по аналитической химии. Аналитическая и биоаналитическая химия. 2018. Том 410. Сс. 2263–2269.
4. Мохан Д. Перевернутый класс, перевернутое преподавание и перевернутое обучение в старших классах при обучении иностранному/второму языку // Нувелль Ревю Синерджис. Канада. 2018. Выпуск 11. Сс. 1–12.
5. Перевернутый класс – верный путь вперед: Практическое руководство по созданию перевернутого класса. Presses universitaires de Louvain: 2020. Бенуа Рауцент – Лувенская учебная лаборатория. – 48с.
6. Бергман Дж., Сэмс А. Переверни свой класс: задействуй каждого студента в каждом классе каждый день. 2012. Международное общество по технологиям в образовании. ISBN: 978–1–56484–315–9. – 124 с.
7. Вереш С., Мунтеан А.-Д. Перевернутый класс как обучающая модель // Румынский журнал об-

учения географии. 2021. Выпуск 10(1). Сс. 56–67. DOI: 10.24193/RRGE120214

8. Манохаран С., Бирундха. Отношение студентов старших классов средней школы к перевернутому классу // Шанлакс Международный журнал образования. 2019. Том 8. Выпуск 1. Сс. 43–47. DOI: 10.34293/education.v8i1.1252

FLIPPING THE CLASSROOM IN CONTENT-ORIENTED FOREIGN LANGUAGE COURSES

Sokolova A.G., Deviatnikova K.G., Konkova A.A.

National Research Moscow State University of Civil Engineering, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The research deals with the study of the educational technology of 'flipped classroom' used in teaching natural and social sciences, as well as humanities, including foreign languages. The authors have analyzed the advantages and shortcomings of this innovative approach, proposed the model of time distribution for the standard lesson involving implementation of flipped classroom technologies and pedagogical conditions of its effective realization. The research investigates the attitude of students toward this approach on the lessons of foreign languages in higher educational institutions.

Keywords: game-based technologies, gamification, flipped classroom, motivation, higher education, teaching English as a foreign language.

References

1. Metelkova L.A. The Use of Social Media in Foreign Language Teaching of Civil Engineering Students// Engineering Education. 2023. Issue 34. Pp. 136–146. DOI: 10.54835/18102883_2023_34_12
2. Sokolova A.G., Deviatnikova K.G. Edutainment as a New Educational Technology: A Comparative Analysis//Lecture Notes of Civil Engineering. PCSF 2023. 2023. Vol. 830. Pp. 302–318.
3. Ponikwer F., Patel B.A. Implementation and evaluation of flipped learning for delivery of analytical chemistry topics. Analytical and Bioanalytical Chemistry. 2018. Vol. 410. Pp. 2263–2269.
4. Mohan D. Flipped Classroom, Flipped Teaching and Flipped Learning in the Foreign/Second Language Post–Secondary Classroom // Nouvelle Revue Synergies. Canada. 2018. Issue 11. Pp. 1–12.
5. The Flipped Classroom is the Right Way Forward: A Practical Guide to Start a Flipped Classroom. Presses universitaires de Louvain: 2020. Benoît Raucent – Louvain Learning Lab (LLL). – 48p.
6. Bergman J., Sams A. Flip Your Classroom: Reach Every Student in Every Class Every Day. 2012. International Society for Technology in Education. ISBN: 978–1–56484–315–9. – 124 p.
7. Vereş S., Muntean, A.-D. The Flipped Classroom as an Instructional Model // Romanian Review of Geographical Education. 2021. Issue 10(1). Pp. 56–67. DOI: 10.24193/RRGE120214
8. Manoharan C., Birundha. Attitude of Higher Secondary Students to Flipped Classroom // Shanlax International Journal of Education. 2019. Volume 8. Issue 1. Pp. 43–47. DOI: 10.34293/education.v8i1.1252